

„Властелин Колец“ Джона Толкина повествует о Великой войне за Кольцо, о войне, длившейся не одну тысячу лет. Овладевший Кольцом получает власть над всем живым и мертвым, но при этом должен служить Злу!

Юному хоббиту Фродо выпадает участь уничтожить Кольцо. Он отправляется через Мордор к огненной Горе Судьбы, в которой кольцо было отлито — только там, в адском пекле, оно может быть уничтожено.

Фродо и его друзьям (в числе которых эльфы, гномы и люди) противостоит Саурон, желающий получить назад свое драгоценное Кольцо и обрести власть над миром.

От переводчика: перевод трилогии был сделан мной в 1982–83 году сразу же после выхода в 1981 г. „Хранителей“. Поскольку переводов второй и третьей части тогда не существовало, я начала именно с них, взяв за основу поразивший меня перевод Кистяковского и Муравьева. И только гораздо позже внесла небольшие изменения в первую часть, чтобы просто приблизить ее к тексту. Поскольку персональных компьютеров в то время в стране не было, очень долго мой перевод существовал лишь в единственном экземпляре, напечатанном на машинке. Спустя четверть века текст почти стерся, поэтому я перенесла его в 2009–11 году в электронный вид, попутно слегка подправив.

- [Джон Р. Р. Толкиен](#)
 -
 -
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [1. Немного о хоббитах](#)
 - [2. К вопросу о табаке](#)
 - [3. Устройство Хоббитании](#)
 - [4. О том, как было найдено Кольцо](#)
 - [КНИГА I](#)
 - [Хранители. Летопись первая из эпопеи «Властелин Колец»](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
 - [КНИГА II](#)
 - [Хранители. Летопись первая из эпопеи «Властелин Колец»](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)

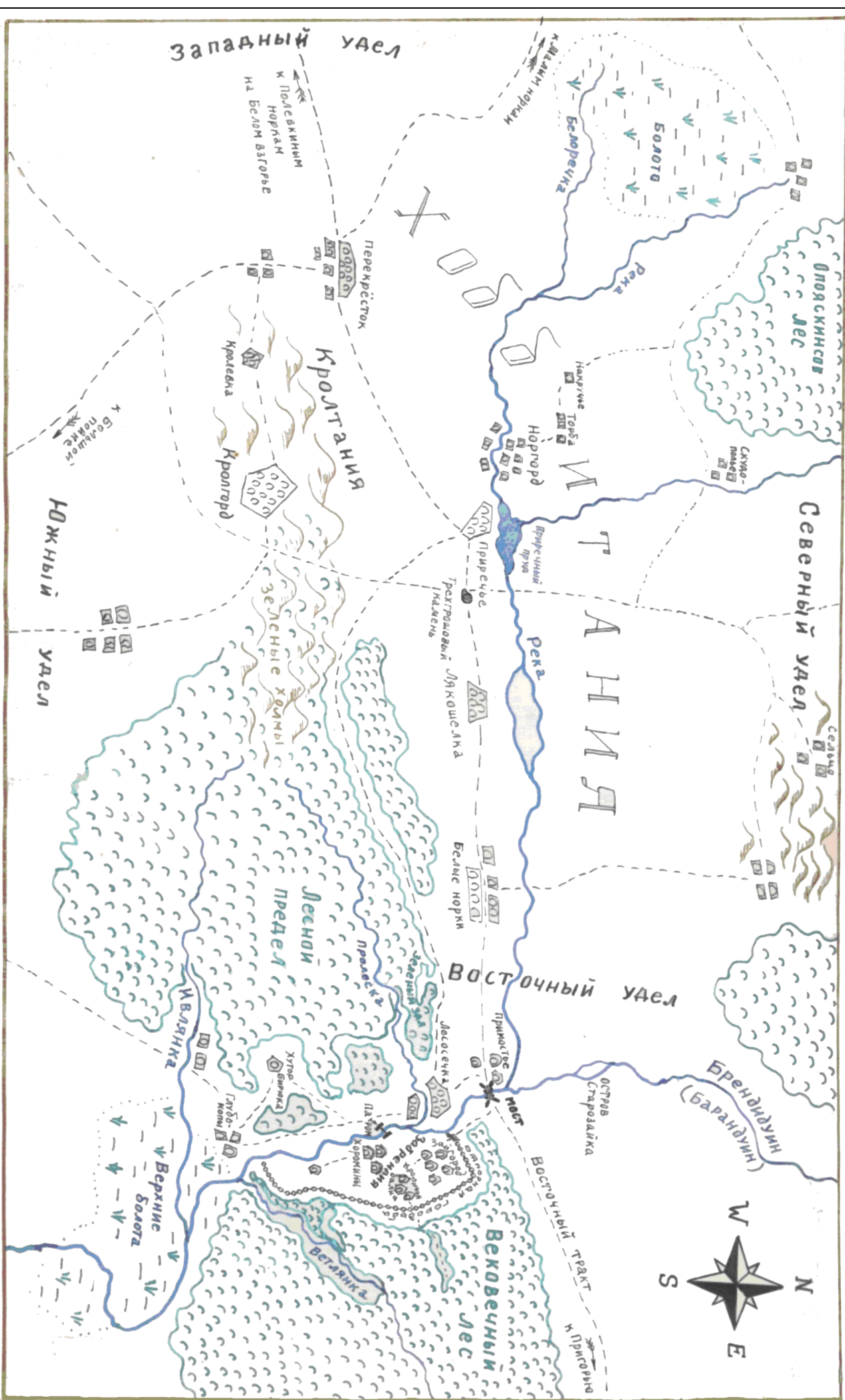
- [Глава IV](#)
- [Глава V](#)
- [Глава VI](#)
- [Глава VII](#)
- [Глава VIII](#)
- [Глава IX](#)
- [Глава X](#)
- [КНИГА III](#)
 - [Две крепости. Летопись вторая из эпопеи «Властелин Колец»](#)
 -
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
- [КНИГА IV](#)
 - [Две крепости. Летопись вторая из эпопеи «Властелин Колец»](#)
 -
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
- [КНИГА V](#)
 - [Возвращение короля. Летопись третья из эпопеи «Властелин Колец»](#)
 -
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)

- [КНИГА VI](#)
 - [Возвращение короля. Летопись третья из эпопеи «Властелин Колец»](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
-

Джон Р. Р. Толкиен

Властелин Колец

*Три кольца — владыкам эльфов под небесами,
Семь — царям гномов в дворцах под горами,
Девять — для смертных людей, обреченных тленью,
Одно — Властелину Мордора
На чёрном троне под тенью.
Кольцо — чтоб найти их, Кольцо — чтоб свести их
И силой Всевластия вместе сковать их
В ночи Мордора под тенью.*

ПРОЛОГ

1. Немного о хоббитах

Речь в этой книге идёт большей частью о хоббитах, и любознательный читатель найдёт на её страницах многое об их характере и кое-что об истории. Дальнейшую информацию можно обнаружить в выдержках из Красной Книги Западного Края, которые уже опубликованы под названием "Хоббит". В этой повести пересказаны начальные главы Красной Книги, написанные лично Бильбо, первым повсеместно прославившимся хоббитом. Главы эти носят подзаголовок "Туда и обратно", потому что повествуют о странствии Бильбо на Восток и возвращении домой, — том самом приключении, по милости которого все хоббиты угодили в самую лавину великих событий этой эпохи, неузнаваемо изменивших весь облик прежнего мира.

Но, наверное, многим хотелось бы сразу познакомиться поближе с этим занимательным народцем, поскольку не у всех же есть под рукой книга "Хоббит". Для таких читателей и сделана небольшая подборка самых важных моментов, сохранённых преданиями хоббитов, и, на всякий случай, коротко рассказано про поход Бильбо. Подзабыли, наверное, да и в книге "Хоббит" кое-что не так.

Хоббиты — неприметный, но очень древний народец; раньше их было куда больше, чем нынче: они любят тишину, покой и добрую, тучную пашню. Их идеал — уютная, хорошо обустроенная сельская местность, а сейчас в мире стало что-то очень шумно и тесно. Умелые и сноровистые, хоббиты, однако, терпеть не могли — да не могут и поныне — устройств, сложнее кузнечных мехов, водяной мельницы и прялки. Исстари сторонились они людей — на их языке "большого народа", — а теперь попросту и на глаза им не показываются. Слух у них завидный, глаз острый; они, правда, толстоваты и не любят спешки, но в случае чего проворства и ловкости им не занимать. Хоббиты привыкли исчезать мгновенно и бесшумно при первом появлении незваной "громадины", да так наловчились, что людям это стало казаться волшебством. А хоббиты ни о каком волшебстве и понятия не имели: отроду мастера прятаться, они чуть что — скрывались из глаз, на удивление своим большим и неуклюжим соседям.

Они ведь маленькие, в полчеловека ростом, меньше даже гномов: пониже и не такие крепкие да кряжистые. Сейчас-то и метровый хоббит — редкость, а раньше, говорят, они все были выше. Красная Книга повествует, что Брандобрас Крол по прозвищу Бычий Рык, сын Ломискалы Второго, имел рост полтора метра и мог даже скакать на лошади. Превзошли его, согласно всем летописям Хоббитании (или попросту Ширы), лишь две выдающиеся личности; впрочем, как раз об этих диковинных вещах и пойдёт у нас речь.

В дни мира и благоденствия хоббиты жили, как жилось, — а жилось весело. Одевались пестро, все больше в жёлтое и зелёное, башмаков не носили: твердые их ступни обрастали густой курчавящейся шёрсткой, обычно каштановой, как волосы на голове. Так что сапожное ремесло было у них не в почёте, зато процветали другие ремесла, и длинные искусные пальцы хоббитов мастерили очень полезные, а главное — превосходные вещи. Лица их красотой не отличались, скорее, добродушием — щекастые, ясноглазые, румяные, рот чуть не до ушей, всегда готовый смеяться, есть и пить. Смеялись они от души, пили и ели всласть, шутки были незатейливые, еда по шесть раз в день (если получится). Радушные хоббиты очень любили принимать гостей и получать подарки — и сами в долгу не оставались.

Совершенно ясно, что хоббиты — наши прямые сородичи, не в пример ближе эльфов или гномов. Издревле говорили они на человеческом наречии, по-своему перекроенном, и во многом сходились с людьми. Но что у нас с ними за родство — теперь уже не выяснить. Хоббиты — порождение незапамятных Древних Дней (эпохи Эльдер). Одни эльфы хранят ещё письменные

предания тех канувших в прошлое времён, да и то лишь о себе — про людей там мало, а про хоббитов и вовсе не упоминается. Так, никем не замеченные, хоббиты жили себе и жили в Средиземье долгие века, и среди бесчисленного числа самых странных существ этот народец казался самым незначительным. Но при жизни Бильбо и наследника его Фродо они вдруг, сами того не желая, стали всем важны и всем известны, и о них заговорили на Советах Мудрецов и Властителей.

Третья Эпоха Средиземья давно миновала, и мир сейчас уж совсем не тот, но хоббиты живут там же, где жили тогда: на северо-западе Старого Света, к востоку от Моря. А откуда они взялись и где жили изначально — этого никто не знал уже и во времена Бильбо. Стремление к учёности (за исключением того, что касается родственных связей) явно не относится к преобладающей страсти хоббитов. Однако в старейших родах всегда находились какие-нибудь чудаки, которые занимались изучением хоббитских летописей и даже собирали среди эльфов, гномов и людей сведения о былых временах да дальних странах. Летописи хоббитов начинаются с заселения Хоббитании (Шира), и даже самые старые их были восходят к дням странствий, не ранее того. Тем не менее, и по этим преданиям, и по некоторым словечкам и обычаям понятно, что хоббиты, подобно многим другим народам, пришли когда-то с Востока. В их древнейших сказаниях можно обнаружить намёки на те времена, когда обитали они на высоких террасах Андуина, между Великими Чащобами и Мглистыми Горами. Нельзя установить точно, почему именно решились они на тяжёлый и опасный переход через горы в Эриадор. Сами хоббиты объясняют это тем, что слишком уж много людей развелось, да и на лес упала Тень, так что тот омрачился и был прозван Лихолесьем.

Еще до перехода через горы хоббиты разделились на три слегка отличавшихся племени: Зайценоги, Голованы и Светлокожи. Зайценоги были посмуглее, пониже и пожиже прочих, безбороды, с небольшими проворными ногами и ловкими изящными руками; селиться предпочитали по нагорьям да в склонах холмов. Голованы были покоренастее, более крепко сбиты, с длинными руками и ногами, а жить любили по низинам и на берегах рек. Светлокожи отличались самой светлой кожей и волосами, были выше и стройнее прочих, любили деревья и лесистые местности.

В древности Зайценоги много общались с гномами и обитали в пригорьях. Они первыми стронулись на запад, прокатились по Эриадору и добрались до самой Заверти^[1], тогда как другие все ещё медлили в Глухоманье. Эта разновидность хоббитов самая типичная и многочисленная. В большинстве своём они склонны к осёдлости и дольше всех сохранили древний обычай жить в пещерах и норах.

Голованы, более доверчивые к людям, долго прозябали на берегах Великой реки Андуин. К западу они двинулись после Зайценогов, спустились вдоль Буйной к югу и надолго поселились между Тарбадом и границами Сирых равнин, пока, наконец, снова не отправились на север.

Светлокожи — это северная ветвь хоббитов, самая малочисленная. Они водили более тесную дружбу с эльфами, чем все прочие, были искуснее в рассказах и песнях, чем в ремёслах, и издревле земледелию предпочитали охоту. Через горы перевалили они севернее Раздола и спустились по реке Туманной в Эриадор. Быстро смешавшись с другими племенами, которые пришли туда раньше, они остались более предприимчивыми и дерзновенными и часто становились вождями или верховными танами Зайценогов и Голованов. Даже во времена Бильбо сильная кровь Светлокожей сказывалась ещё в самых знатных родах, таких как Кролы и Забрэндийские таны.

В западных землях Эриадора между Мглистым Хребтом и Лунными Горами хоббитам встретились и эльфы, и люди. В ту пору жили ещё здесь дунедайны, царственные потомки тех,

кто приплыл по морю с Заокраинного Запада; но их становилось всё меньше, и Северное Королевство постепенно обращалось в руины. Пришельцев-хоббитов не обижали, места хватало, и они быстро обжились на новых землях. Большинство их древнейших поселений исчезло, и ко временам Бильбо сама память о них угасла, но одно из них, наиболее значительное, сохранилось до сих пор, хотя сильно уменьшилось в размерах: это Бри (Пригорье) и окружающий его Четвудский лес^[2] (Старолесье), что лежит примерно в сорока милях к востоку от Ши́ра.

В те же далёкие времена они, должно быть, освоили и письменность — на манер дунедайнов, которые когда-то, давным-давно, переняли её у эльфов. Скоро они перезабыли прежние наречия и стали говорить на всеобщем языке, распространившемся повсюду — от Арнора до Гондора и вдоль всех морских побережий от Дивногорья до Лунных Гор. Впрочем, кое-какие свои древние слова хоббиты все же сохранили: названия месяцев, дней недели и, разумеется, — имена собственные.

Начиная с этого времени, легенды хоббитов впервые становятся историей с хронологией. Ибо в 1601 году Третьей Эпохи братья Марко и Бланко из Светлокожей покинули Бри и, добившись разрешения короля в Форносте (согласно летописям Гондора, это был Аргелеб II, двадцатый король северной линии, которая оборвалась с гибелью Арведуня триста лет спустя), пересекли в сопровождении многих хоббитов мутное русло Барандуина. Перейдя по каменному мосту, который был построен в дни расцвета Северного Королевства, они поселились в краю между рекой и Дальним Взгорьем с тем условием, что признают власть короля, будут содержать в порядке Большой Арочный Мост и прочие мосты и дороги и способствовать продвижению королевских гонцов.

С момента перехода Брендидуина (так хоббиты перекроили название реки) и начинается хронология Хоббитании (таким образом, года Третьей Эпохи по счёту эльфов и дунедайнов можно высчитать, добавив 1600 к датам по счёту Ши́ра). Западные хоббиты сразу же полюбили свою новую страну, прочно обосновались в ней и вскоре опять исчезли из летописей людей и эльфов. Пока на севере оставались Короли, они номинально считались их подданными, но фактически подчинялись своим собственным танам и в события за границей не вступали. Правда сами хоббиты утверждают, что в последней битве Короля с королём-чародеем Ангмара у Форноста участвовали их лучники, но в летописях людей об этом не упоминается. В той войне Северное Королевство пало, хоббиты остались сами по себе и, чтобы сохранить авторитет погибших королей, выбрали из своих представителей Тана. С тех пор, около тысячи лет после Чёрной чумы (37 г. по счёту Ши́ра), жили они почти в полном мире и покое, всё умножаясь и процветая, вплоть до катастрофы, которую принесли с собой Долгая Зима и последовавший за ней голод. Тогда погибли многие тысячи хоббитов, но ко времени нашей повести те Голодные Времена (1158-60) давно остались позади, и хоббиты полностью восполнили все свои потери. Край был благодатен и изобилен и, хотя до прихода хоббитов пребывал в запустении, когда-то был любовно возделан, так что Король имел там много ферм, пашен, виноградников и лесов.

С востока на запад, от Дальнего Взгорья до Брендидуинского Моста земли их простирались на сорок лиг, и на пятьдесят от северных болот до южных пределов. Всё это и стало называться графством Хоббитанией (или попросту Широ́м) под властью Тана. В этом уютном закутке хоббиты жили и хозяйничали по-своему, ведя самый упорядоченный образ жизни и обращая всё меньше и меньше внимания на внешний мир с его тёмными делами, пока наконец не уверили себя, что покой и довольство — обыденная судьба всех разумных обитателей Средиземья. Они забыли или предали забвению то немногое, что знали о Стражах и об их ратных трудах, благодаря которым Хоббитания и наслаждалась миром так долго. Фактически, хоббиты состояли под их защитой, но перестали вспоминать об этом.

Чего в хоббитах не было, так это воинственности, и между собой они не враждовали никогда. В свое время им, конечно, пришлось, как водится в нашем мире, постоять за себя, но при Бильбо это уже было незапамятное прошлое. Последнюю битву, случившуюся до начала этой повести и единственную вообще битву в пределах Хоббитании, никто из живых хоббитов не помнил: это была Битва на Зелёных Полях, 1147 г. по счёту Ши́ра, в которой Брандобрас Бычий Рык наголову разбил вторгшихся орков. Климат и тот смягчился, так что даже зимние нашествия волков с севера стали бабушкиными сказками. В Хоббитании, конечно, оставались кое-какие запасы оружия, но в большинстве своём оно использовалось как стенное украшение или было свалено в музей в Михелевых Норках. Их ещё называли Брахолкой, потому что туда сносилось всё, что хоббиты не могли непосредственно использовать, но с чем было жалко расставаться.

Однако сытая и спокойная жизнь почему-то вовсе не изнежила этот народ. Припугнуть, а тем более пришибить хоббита было совсем непросто; может статься, они потому так и любили блага земные, что умели спокойно обходиться без них, переносили беды, лишения, напасти и непогоду куда твёрже, чем можно было подумать, глядя на их упитанные животики и круглые физиономии. Непривычные к драке, не признававшие охоты, они вовсе не терялись перед опасностью и не совсем отвыкли от оружия. Зоркий глаз и меткая рука делали их хорошими лучниками, да и не только лучниками. Если уж хоббит нагибался за камнем, то всякий залезший куда не следует зверь знал, что надо удирать без оглядки.

По преданию, когда-то все хоббиты рыли себе норы; они и сейчас считают, что под землёй уютнее всего, но со временем им пришлось привыкать и к иным жилищам. По правде сказать, в дни Бильбо в Ши́ре по старинке жили только самые бедные и самые богатые хоббиты. Бедняки ютились в грубых землянках, сущих норах, без окон или с одним окошком; а те, кто позажиточнее, из уважения к древнему обычаю строили себе подземные хоромы. Не всякое место годилось для этих просторных, ветвистых туннелей (смиалсов, как они называли их), и в низинах хоббиты начали строить наземные дома. Даже в холмистых областях и старых поселках, таких как Хоббитон и Кролгорд, и в столице Хоббитании Михелевых Норках на Белом Взгорье, возникли деревянные, кирпичные и каменные строения. Особенно их облюбовали мельники, кузнецы, ткачи и прочий ремесленный люд, поскольку у хоббитов, даже когда они жили только в норах, давно вошло в обычай строить сараи и мастерские.

Говорят, что первыми строить фермы и амбары начали жители низин у Брендидуина. Хоббиты этого Восточного удела были долговязы, медлительны и в ненастную погоду носили башмаки на манер гномьих. В жилах их текла в основном кровь Голованов, на что ясно указывали бороды (заросшие подбородки для Зайценогов и Светлокожей — вещь невозможная). И действительно, население низин, а позднее и Забрэндии на восточном берегу реки, пришло в Ши́р гораздо позже, с юга; среди них и поныне сохранились своеобразные имена и словечки, каких не сыщешь нигде по всей Хоббитании.

Весьма возможно, что искусству строить, как и много чему еще, хоббиты научились у дунедайнов. Однако многое было почерпнуто прямо от эльфов, наставников первых людей. Ведь Высшие эльфы пока не оставили Средиземье и в те времена ещё жили в Серебристой Гавани к западу, да и в других местах не столь уж далеких от Хоббитании. За западными болотами высились тогда три эльфийские башни, построенные в незапамятные времена. На многие мили разносился их блеск в лунные ночи. Самая дальняя и высокая стояла отдельно от прочих на зеленом холме. Хоббиты Западного удела утверждали, что с её вершины можно увидеть море, но вряд ли хоть один хоббит когда-либо поднимался туда. Собственно говоря, очень немногие из них когда-либо видели море или садились на корабль, и ещё меньше таких вернулось, чтобы рассказать об этом. Большинство хоббитов весьма неодобрительно относится даже к рекам и

небольшим лодкам, а плавать вообще мало кто умеет. Время шло, и хоббиты всё меньше и меньше общались с эльфами, начали их бояться, а к тем, кто все-таки водился с Дивным Народом, принялись относиться с подозрением. Слово "море" стало внушать ужас, как символ смерти, так что, в конце концов, хоббиты и смотреть перестали в сторону западных холмов.

Впрочем, повелось ли искусство строительства от эльфов или от людей, хоббиты использовали его на свой лад. Башни их явно не вдохновляли. Дома хоббитов были длинными, широкими и уютными. Сперва их строили в подражание смиалсам, крыши крыли сухой травой или соломой, а стены делали несколько выпуклыми. Правда постройки такого типа относятся к самому началу Ши́ра, с тех пор хоббитская архитектура весьма сильно изменилась благодаря планам, воспринятым от гномов, и собственным нововведениям. Главной её отличительной особенностью является пристрастие к круглым окнам и дверям.

Дома и норы в Хоббитании часто весьма велики и заселены огромными семьями (Бильбо и Фродо Торбинсы, оставаясь холостяками, были в этом отношении, как и во многих других — взять хотя бы их дружбу с эльфами — редким исключением). Временами, как у Кролов в Больших Смиалсах или Брендизайков в Брендихолле, в родовых многокоридорных особняках мирно (конечно, относительно мирно) уживалось несколько поколений. Хоббиты вообще до крайности привержены своему роду и весьма тщательно высчитывают степень родства, рисуя длинные фамильные деревья с бесчисленными ветвями. Когда имеешь дело с хоббитами, весьма важно знать, кто кому родственник и в какой степени. В этой книге невозможно поведать о родословной даже самых важных членов самых знатных семей: генеалогическое дерево в конце Красной Книги Западного Края само по себе представляет небольшую книгу, которую все, кроме самих хоббитов, находят необыкновенно скучной. Хоббиты просто-таки наслаждаются подобными сведениями, если они точны, — им нравятся книги о вещах уже известных и понятных, как дважды-два — четыре, причем без всяких противоречий.

2. К вопросу о табаке

Необходимо упомянуть ещё об одном древнем и удивительном обычае хоббитов: вдыхать или затягиваться через деревянные и глиняные трубки дымом от горящих листьев травы, которую они называют "трубочное зелье" или попросту "лист" (возможно, разновидность никоцианы). Происхождение этого забавного обычая ("искусства" по определению самих хоббитов) окутано тайной. Всё, что можно было обнаружить на сей счет в древних преданиях, старательно собрано Мериардоком Брендизайком (впоследствии — таном Забрендии) и обобщено во введении к составленному им "Табаководству в Хоббитании". Поскольку и он сам, и табак Южного удела играют немаловажную роль в грядущей истории, этим заметкам стоит уделить внимание.

"Искусство табакокурения, — пишет Мериардок, — мы совершенно определенно можем считать нашим собственным изобретением. Когда хоббиты впервые начали курить, точно неизвестно: все легенды и фамильные предания считают курение само собой разумеющейся вещью. Население Хоббитании издревле курило разные травы, похуже и получше, но общепризнанно, что Тобольд Звонкорог с Длинной Поймы, что в Южном уделе, впервые вырастил в своем саду настоящий табак. Было это в дни Ломискалы Второго, примерно в году 1070 по счёту Ши́ра. Лучшие сорта и поныне происходят оттуда, особенно известные под названиями "Лист Длинной Поймы", "Старый Тоби" и "Южная звезда".

Каким образом старому Тоби досталось растение, он не поведал до самой своей смерти. Он понимал в травах, хотя и не путешествовал. Говорят, что в юности он часто навещался в Пригорье, но дальше от Хоббитании совершенно точно не забирался. Весьма вероятно, что Тоби познакомился с этим растением именно в Бри, во всяком случае, табак и поныне неплохо растёт там на южных склонах. Жители Пригорья утверждают, что это именно они начали первыми курить трубочное зелье. Безусловно, они всегда утверждают, что вообще всё на свете стали делать раньше хоббитанских хоббитов, которых называют "колонистами". Однако в данном случае, по-моему, их претензии обоснованы. И уж совершенно точно, что именно с Пригорья началось не так уж давно распространение искусства курить настоящий табак среди гномов и прочих народов: следопытов, магов и странников, которые постоянно проходят древним Перепутьем. Таким образом, источник и центр этого искусства находятся в Бри, в старом трактире "Гарцующий пони", который с незапамятных времен содержит семейство Буттербуров.

В то же время, наблюдения, сделанные мной лично в моих путешествиях к югу, убедили меня, что сам по себе табак не принадлежит нашей части света, а был занесен на север с дельты Андуина, куда, как я полагаю, попал из-за моря благодаря людям Заокраинного Запада. Он обильно произрастает в Гондоре, где гораздо кустистее и выше, чем на севере, на котором, вдобавок, никогда не встречается в диком виде, а цветёт только в тёплых, защищенных местах, вроде Длинной Поймы. Гондорцы называют его "ароматница" и ценят лишь за благоухание цветов. Из Гондора он, вероятнее всего, и был занесен по Зелёному (он же Неторный) Тракту в далеком прошлом, во времена Элендила. Но даже дунедайны Гондора признают, что хоббиты первые набили им трубки. До нас до этого не додумались даже маги. Правда один мой знакомый маг давно овладел этим искусством и достиг в нём, как и во всём прочем, чем занимался, высочайших вершин".

3. Устройство Хоббитании

Во времена, о которых идет речь, Хоббитания делилась на четыре удела: Северный, Южный, Восточный и Западный, а уделы — на округа, именовавшиеся в честь самых древних и почтенных местных родов, хотя потомки этих родов обитали порою совсем в другой части Ши́ра. Почти все Брендизайки по-прежнему жили в Забрендии, но с Торбинсами и Булкинсами, например, дело обстояло иначе. К четырем уделам с востока примыкала Забрендия (Восточная марка), а с запада — Западная марка, добавленная к Ши́ру в 1462 г.

"Правительства" как такового в Хоббитании не было. Все спокойно занимались своими делами, причем основная часть времени уходила на выращивание и поедание продовольствия. Во всех прочих делах хоббиты были, как правило, не скарены, однако расчётливы и медлительны, так что имения, фермы, мастерские и небольшие лавочки не менялись на протяжении поколений.

Конечно, они оставались верны древним традициям, связанным с Королями Форноста, или, как его называли близ границ северного удела, Норбери, хотя королей там не было уже примерно тысячу лет и руины давно скрыла трава. Однако хоббиты и поныне с презрением говорят о дикарях и лиходеях (таких, как тролли), что те понятия не имеют о королевской власти. С королями древности хоббиты связывают все свои действующие законы, в особенности закон о свободе воли, включающий три так называемых Правила.

Самым знатнейшим считалось семейство Кролов, потому что на протяжении столетий (со времен Старозайков) им принадлежала должность Тана. Титул этот носил каждый глава дома Кролов. Тан считался главным военачальником и верховным судьёй, но, поскольку случаев реально воспользоваться этими знаниями долго не представлялось, танство постепенно превратилось просто в номинальное звание. Тем не менее, род Кролов по-прежнему пользовался большим уважением, так как они были многочисленны и весьма состоятельны. В каждом поколении его появлялись незаурядные личности, склонные ко всяким странностям и даже к приключениям. Впрочем, последнее качество скорее прощалось (богатым и знатным), чем одобрялось. Однако главу семейства по-прежнему было принято именовать Господином Кролом, а к его имени при необходимости добавлялась цифра, например, Ломискал Второй.

На деле же единственным официальным лицом в Хоббитании был Староста Михелевых Норок (Староста Хоббитании), который избирался каждые семь лет на Свободной Ярмарке на Белом Взгорье, проходившей в дни летнего солнцестояния (дни лита). Основной обязанностью его было председательствовать на банкетах по случаю частых хоббитанских праздников, но Главный Почтальон и Первый Шериф состояли под его началом, так что Староста возглавлял одновременно и Почтовую Службу, и Охрану. Это были единственные служащие в Хоббитании, причем почтальоны — особенно многочисленны и загружены работой: хоть и не все хоббиты были грамотны, да уж зато те, что были, постоянно писали всем своим друзьям и знакомым, до которых нельзя было добраться за вечернюю прогулку.

Шерифами хоббиты называли своих полицейских (по крайней мере, ничего более похожего на полицию у них не было). Они, конечно, не имели формы (подобные вещи были совершенно неизвестны), а выделялись только перьями на шляпах. Практически они выполняли обязанности полевых сторожей и занимались не столько населением, сколько бродячими животными. Во всей Хоббитании их насчитывалось двенадцать — по трое в каждом уделе. Для внутренних нужд этого вполне хватало. При необходимости набирали дополнительных добровольцев для "охраны границ", которые должны были присматривать, чтобы чужаки как из хоббитов, так и из большого народа, вели себя добропорядочно.

В те времена, когда начинается наш рассказ, число таких "пограничников" резко возросло, поскольку отовсюду приходили известия и слухи о невиданных зверях и непонятных чужеземцах, которые рыскали возле границ, частенько нарушая их: это был первый признак, что жизнь идет не совсем так, как надо, как было всегда, — ведь об ином, давно забытом, смутно напоминали только самые старинные сказания. Мало кто обратил внимание на этот знак, даже сам Бильбо понятия не имел, что это предвещает. Шестьдесят лет минуло с тех пор, как он пустился в свое памятное путешествие: он был стар даже по счёту хоббитов, хотя у них, в общем, было принято доживать до ста лет; но богатства, привезенные им, судя по всему, не истощились. Много или мало осталось у него сокровищ — этого он никому не открывал, даже любимому племяннику Фродо. И он по-прежнему хранил в тайне кольцо, которое нашёл.

4. О том, как было найдено Кольцо

Как рассказано в книге "Хоббит", однажды к Бильбо явился великий маг Гэндальф Серый, а с ним тринадцать гномов: царь-изгнанник Торин Дубошит и двенадцать его сотоварищей. Апрельским утром 1341 года от заселения Хоббитании Бильбо, сам себе на удивление, вдруг отправился далеко на восток, возвращать гномам несметные сокровища их королей, скопленные за много столетий в Эреборе, Подгорном царстве близ Дола. Им сопутствовал успех: дракон, который стерёг клад, был убит. Однако, несмотря на то, что для полного успеха предприятия понадобилась победа в Битве Пяти Воинств, в которой погиб Торин и совершено много ратных подвигов, долгая летопись Третьей Эпохи упомянула бы об этом в одной, от силы в двух строках, если бы не одно будто бы случайное происшествие на дороге. В Мглистых Горах, по пути к Глухومانью на путников напали орки; Бильбо отстал от своих и потерялся в чёрном лабиринте оркских туннелей, выкопанных глубоко под горой. Пробираясь впотьмах ползком и ощупью, он нашарил на полу какое-то кольцо и недолго думая положил его к себе в карман, просто как случайную находку.

В тщетных поисках выхода он забрёл к самым корням горы, к холодному озеру, посреди которого на каменном островке в кромешной тьме жил Горлум, мерзкое существо с белёсыми мерцающими глазами. Он плавал на плоскодонке, загребая широкими плоскими ступнями, ловил слепую рыбу длинными когтистыми пальцами и пожирал её сырьём. Он ел всякую живность, даже орков, если удавалось поймать и задушить какого-нибудь без особой возни. У него было тайное сокровище, доставшееся ему давным-давно, когда он ещё жил наверху, на белом свете: волшебное золотое кольцо. Если его надеть, становишься невидимкой. Только его он и любил, называл "прелестью" и разговаривал с ним, даже когда не брал с собою. Обычно не брал: он хранил его в укромном месте на островке и надевал, только если шёл охотиться на орков в горных туннелях.

Будь кольцо при нём, он бы, наверное, сразу кинулся на Бильбо, но кольца при нём не было, а хоббит держал в руке эльфийский кинжал, служивший ему мечом. И чтобы оттянуть время, Горлум предложил Бильбо сыграть в загадки: если тот какую-нибудь не отгадает, то Горлум убьёт его и съест, а если не отгадает Горлум, то он выполнит просьбу Бильбо и покажет ему дорогу наружу.

Бильбо согласился: смертельный риск был всё же лучше безнадежных блужданий, — и они загадали друг другу немало загадок. Наконец Бильбо выиграл, хотя выручила его не смекалка, а опять-таки случайность: он запнулся, подбирая загадку потруднее, зачем-то полез рукой в карман, нащупал подобранное и забытое кольцо и растерянно вскрикнул: "Что там у меня в кармане?" И Горлум не отгадал — с трёх попыток.

Существуют разногласия насчет того, можно ли считать этот вопрос загадкой, отвечающей строгим правилам игры. Но все согласны, что раз уж Горлум взялся отвечать, то обязан был соблюсти уговор. Этого от него и потребовал Бильбо, несколько опасаясь, что скользкая тварь как-нибудь его обманет, хотя такие уговоры издревле считаются священными у всех, кроме самых отпетых злодеев. Но за века одиночества и тьмы душа Горлума стала совсем чёрной, и предательство было ему нипочем. Он пронырнул тёмной водой на свой островок неподалеку от берега, оставив Бильбо в недоумении. Там, думал Горлум, лежит его кольцо. Он был голоден и зол, и ему ли с его "прелестью" бояться какого-то оружия?

Но кольца на островке не было: потерялось, пропало. От истошного визга Горлума у Бильбо мурашки поползли по спине, хотя он сначала не понимал, в чём дело. Зато Горлум пусть поздно, но понял. "Что там у него в карманишке?" — злобно завопил он. С бешеным зелёным

огнем в глазах он поспешил назад — убить хоббита, отобрать "прелесть". Бильбо спохватился в последний миг, опрометью бросился от воды — и снова его спасла случайность. Удирая, он сунул руку в карман, и кольцо оказалось у него на пальце. Горлум промчался мимо: он торопился к выходу, чтоб устеречь "вора". Бильбо осторожно крался за ним; из ругани и жалобного бормотания Горлума, обращенного к "прелести", хоббит, наконец, разобрался во всём, и сквозь мрак безнадёжности забрезжил свет надежды. С волшебным кольцом он мог ускользнуть и от орков, и от Горлума.

Наконец они остановились у незаметного лаза — потайного прохода к нижним воротам копей на восточном склоне. Здесь Горлум залег в засаде, приняхиваясь и прислушиваясь, и Бильбо хотел было его заколоть — но верх взяла жалость. И хотя кольцо он себе оставил — без него надеяться было не на что — однако же, не поддался соблазну убить захваченную врасплох злосчастную тварь. В конце концов, собравшись с духом, он перескочил через Горлума и побежал вниз по проходу, а за ним неслись отчаянные и яростные вопли: "Вор! Вор! Ворюга! Навеки ненавистный Торбинс!"

Любопытно, что своим спутникам Бильбо сперва рассказал всё это немного иначе: будто бы Горлум обещал ему "подарочек", если он победит в игре; но, отправившись на свой островок за проигранным сокровищем — волшебным кольцом, когда-то подаренным ему на день рождения, обнаружил, что оно исчезло. Бильбо догадался, что это самое кольцо он и нашёл; а раз он выиграл, то имеет на него полное право. Но выбраться-то ему всё равно было надо, и поэтому, умолчав о кольце, он заставил Горлума показать ему дорогу взамен обещанного "подарочка". Так он и записал в своих воспоминаниях и своей рукою не изменил в них ни слова, даже после Совета у Элронда. Должно быть, в таком виде рассказ его вошёл и в подлинник Красной Книги, а также в некоторые списки и выдержки из неё. В других списках, однако, приводится подлинная история (наряду с выдуманной): она явно составлена по примечаниям Фродо или Сэммиума — оба знали, как было на самом деле, но, видимо, исправлять рукопись старого хоббита не захотели.

Гэндальф же сразу не поверил рассказу Бильбо и очень заинтересовался кольцом. Он донимал Бильбо расспросами и постепенно вытянул из него правду, хотя они при этом чуть не поссорились; но, видно, маг полагал, что дело того стоит. К тому же, хоть он и не сказал этого Бильбо, его смутило и насторожило, что хоббит вдруг принялся выдумывать: это было на него совсем не похоже. Да и про "подарочек" сам бы он не выдумал. Позже Бильбо признался, что это его надоумило подслушанное бормотание Горлума: тот всё время называл кольцо своим "подарочком на день рождения". И это тоже показалось Гэндальфу странным и подозрительным; но вся правда оставалась скрытой от него еще многие годы. Что это была за правда, узнаете из нашей повести.

Нет нужды расписывать дальнейшие приключения Бильбо. Невидимкою проскользнул он мимо стражи орков у ворот и догнал спутников, а потом с помощью кольца не раз выручал своих друзей-гномов, но хранил его в тайне, сколько было возможно. Дома он тоже кольцом не хвастался, и знали о нём лишь Гэндальф да Фродо, а больше никто во всей Хоббитании — так, по крайней мере, думал Бильбо. И одному Фродо он показывал начатые главы рассказа о путешествии "Туда и обратно".

Свой меч, названный Разителем, Бильбо повесил над камином; чудесная кольчуга — дар гномов из драконова сокровища — была отправлена в музей (Брахолку в Михелевых Норках). Однако он хранил в ящике комода в Торбе выдавший виды дорожный плащ с капюшоном, а кольцо было всегда при нём — в кармане, на цепочке.

Бильбо вернулся домой на пятьдесят втором году жизни, 22 июня 1342 года по счёту Ши́ра,

и в Хоббитании всё спокойно шло обычным чередом, пока Бильбо Торбинс не собрался праздновать свое стоодиннадцатилетие (год 1401). Тут и начало нашей повести.

Глава I

Долгожданное угощение

Когда Бильбо Торбинс, владелец Торбы-на-Круче, объявил, что хочет пышно отпраздновать свое наступающее стоодиннадцатилетие, весь Хоббитон^[3] загудел и взволновался.

Бильбо слыл по всему Ширу невероятным богачом и отчаянным сумасбродом вот уже шестьдесят лет — с тех пор, как вдруг исчез, а потом внезапно возвратился. Богатства, которые он привёз из своих странствий, успели превратиться в местную легенду, и только самые мудрые старики сомневались в том, что вся Круча изрыта подземными ходами, а ходы забиты сокровищами. Мало того, к деньгам ещё и здоровье, да какое! Сколько воды утекло, а мистер Торбинс и в девяносто лет казался пятидесятилетним. Когда ему стукнуло девяносто девять, стали говорить, что он "хорошо сохранился", хотя правильнее было бы сказать "ничуть не изменился". Многие качали головами: это уж было чересчур, даже и несправедливо, насколько везёт некоторым, — и старость, как видно, их обходит, и деньгам, по слухам, переводу нет.

— Не к добру это, — говорили они. — Ох, не к добру, и быть беде!

Но беды покамест не было, а рука мистера Торбинса не скудела, так что ему, в общем, охотно прощали его богатство и чудачества. С роднёй он был в ладах (кроме, разумеется, Лякошель-Торбинсов), и многие хоббиты победнее да попроще любили его и уважали. Но сам он близко ни с кем не сходил, пока не подросли внучатые племянники.

Старшим из них и любимцем Бильбо был молодой Фродо Торбинс. В девяносто девять лет Бильбо сделал его своим наследником, и Лякошель-Торбинсы опять остались с носом. Бильбо и Фродо родились в один и тот же день, 22 сентября. "Перебирайся-ка, сынок, жить ко мне, — сказал однажды Бильбо, — а то с днём рождения у нас сухая морока". И Фродо переехал. Тогда он был ещё в ранних летах — так хоббиты называют буйный и опрометчивый возраст между двадцатью двумя и тридцатью тремя годами.

С тех пор Торбинсы весело и радушно отпраздновали одиннадцать общих дней рождения: но на двенадцатый раз, судя по всему, готовилось что-то невиданное и неслыханное. Бильбо исполнилось сто и одиннадцать лет — три единицы — по-своему круглое и вполне почётное число (даже легендарный Старый Крол прожил только до ста тридцати), а Фродо — тридцать три, — две тройки, — тоже случай особый: на тридцать четвёртом году жизни хоббит считался совершеннолетним.

Языки в Хоббитоне и Приречье мололи без устали, и слух о надвигающемся событии пошел гулять по всему Ширу. Приключения и чудачества мистера Бильбо опять стали главной темой сплетен, и старики внезапно обнаружили, что спрос на их воспоминания резко возрос.

Никто не пользовался большим вниманием, чем старый Хэм Скромби (обычно его звали просто Старик). Он обосновался в небольшой харчевне "Укрomный уголок", что у Приречного тракта, и рассказы его считались весьма достоверными, потому что Хэм уже лет сорок был садовником в Торбе, а до этого помогал там же старому Хэллу. Теперь он и сам состарился и изрядно закаленел суставами, так что большую часть работы выполнял его младший сын, Сэм Скромби. Оба они жили в № 3 Исторбинки и были на короткой ноге с Бильбо и Фродо.

— Я всегда говорил, что мистер Бильбо — весьма вежливый и почтенный хоббит, — вещал Старик.

Что правда, то правда: Бильбо неуклонно обращался к нему "мистер Хэмфаст" и неизменно советовался по поводу всего, что растёт. В вопросе "корешков", особенно картофеля, Старик был (в том числе и по собственному мнению) признанным знатоком во всей округе.

— А как насчёт этого самого Фродо, который живёт вместе с ним? — спросил старый Ноакс из Приречья. — Говорят, что он больше чем наполовину Брендизайк, хотя и зовётся Торбинсом. Это чтоб Торбинсы из Хоббитона, да таскались жениться аж в Забрендию! Народ-то там, слышно, сплошь чудаковатый...

— Ещё бы им не быть чудаковатыми! — вмешался Додди Двоелап (ближайший сосед Старика). — Живут себе на дурном берегу Брендидуина, прямо супротив Вековечного Леса. Вот уж где неладно-то, если хоть половина того, что про него болтают — правда.

— Верно, Дод, — согласился Старик. — Не то, чтоб Брендизайки жили в самом Вековечном Лесу, но уж правда, что они, видать, все со странностями. Болтаются себе в лодках по этой громадной реке, как ненормальные... А я говорю: неудивительно, что от этого сплошные беды! Но как там ни было, а мистер Фродо — уж такой приятный молодой хоббит, что и желать больше нечего. Очень уж любит мистера Бильбо, даже больше, чем кажется. Да и отец-то его был ведь Торбинс. А уж Дрого Торбинс был самым почтенным хоббитом, так что и сказать-то о нем было бы нечего, кабы он не потонул.

— Потонул?! — воскликнуло несколько голосов сразу.

Присутствовавшие, конечно, и раньше кое-что об этом слышали, но хоббиты очень любят семейные предания и готовы выслушивать их бесконечно.

— Ну да, так говорят, — продолжил Старик. — Понимаете, мистер Дрого женился на бедняжке мисс Примула Брендизайк, а она была двоюродной сестрой с материнской стороны нашему мистеру Бильбо как внучка Старого Крола от его младшей дочери. А мистер Дрого — троюродный брат мистера Бильбо. Так что выходит, мистер Фродо ему стразу и троюродный, и четвероюродный племянник. Ну вот, а мистер Дрого после женитьбы частенько гащивал в Брендихолле у своего тестя, старого мистера Горбадока, благо тот уж больно хорошо угощать умел. А возвращался-то он оттуда на лодке по Брендидуину, вот однажды и потонул вместе с женой, а малыш Фродо остался совсем один. Так-то вот.

— Я слыхал, что они поплыли лунной ночью после ужина, — вставил старый Ноакс, — вот лодка просто-напросто и не выдержала веса Дрого.

— А вот я слыхал, что она его толкнула, а он стащил её за собой, — вмешался мельник Пескунс.

— А ты, Пескунс, не верь всему, что болтают, — буркнул Старик, который не особенно жаловал мельника. — И сплетня-то вздорная, и повода-то к ней никакого нет. Лодки сами по себе достаточно ненадежны, даже если сидеть смирно, зная не зная о грядущей беде. Что бы там ни было, а мистер Фродо остался сиротой и, как говорится, на мели среди этих чудаковатых Брендизайков, и воспитывался в Брендихолле. Настоящий кроличий садок, по общему мнению. Старый господин Горбадок вечно был окружён сотней родственничков. И мистер Бильбо поступил великодушно и по-родственному, забрав паренька обратно, чтобы жил среди приличного народа.

А уж что за щелчок был этим Лякошель-Торбинсам! Они-то мечтали завладеть Торбой еще в ту пору, когда мистер Бильбо ушел и все думали, что он сгинул. А он-то взял да вернулся и указал им на дверь, и живёт себе и живёт, и даже на счастье-то и на день старше не стал выглядеть. А тут вдруг взял — и назначил наследника, и бумаги все оформил. Надо надеяться, что теперь Лякошель-Торбинсам не видать Торбы, как своих ушей.

— Поговаривают, что там припрятана уйма денег, — сказал хоббит, приехавший в западный удел по делам из Михелевых Норок. — Я слыхал, что вся вершина вашей Кручи

изрыта коридорами, забитыми сундуками с золотом, серебром и драгоценными камнями.

— Стало быть, тебе наговорили лишку, — ответил Старик. — Понятия не имею ни о каких драгоценных камнях. Мистер Бильбо щедр и, похоже, не испытывает недостатка в деньгах; а вот о том, чтобы рыли туннели, я не слыхал. А знаю я мистера Бильбо лет шестьдесят, с тех пор, как он вернулся. Я-то тогда был мальчишкой и только-только поступил в подмастерья к старому Холману, кузену моего деда. Он и возьми меня с собой присматривать, чтоб сад не вытоптали, когда началась распродажа. А мистер Бильбо вернулся на Кручу в самый её разгар с пони и несколькими большими мешками да парой сундуков. Они, конечно, и были, небось, в основном набиты сокровищами, которые он набрал в чужих краях, где, говорят, горы золота... да только чтоб забить туннели этого не хватило бы. Мой Сэм знает об этом получше. Он ведь днюет и ночует в Торбе, просто помешался на старых преданиях, — и всё-всё слышал, что рассказывал мистер Бильбо. Мистер Бильбо его и читать выучил, — заметьте себе, не имея в виду ничего дурного, и я надеюсь, что ничего другого из этого и не выйдет.

Я ж ему всё время твержу: "Эльфы и драконы! Знай, парень, свои кочаны да картошку! И не лезь ты в дела тех, кому не чета, а то, пожалуй, заваришь кашу, которой вовек не расхлебашь!" И другим я сказал бы то же самое, — добавил Старик, покосившись на захожего хоббита и мельника.

Но убедить своих слушателей ему не удалось: слишком уж прочно укоренилась в умах юного поколения легенда о несметных сокровищах Бильбо.

— Хм! Похоже, что у него была полная возможность добавить кое-что к тому, что он привез сначала, — возразил мельник, выражая всеобщее мнение. — Он частенько исчезал из дома. Да ещё чужаки всякие, что к нему заходят: гномы, которые там появлялись по ночам, и этот старый странствующий колдун Гэндальф, и прочие там еще. Можешь говорить всё, что тебе угодно, Старик, а в Торбе — неладно, а народ так ещё чуднее.

— Ну, болтай-болтай о том, в чём разбираешься не больше, чем в плаванье, — взорвался Старик, которого мельник окончательно вывел из себя. — Если уж это вам странно, так мы тут, пожалуй, и с кое-чем почуднее управиться сможем. Есть у нас некоторые, которые пожалеют для приятеля кружку пива, даже если живут в норе с позолоченными стенами. А вот в Торбе-то поступают, как полагается! Сэм говорит, что пригласят всех, причём и подарки будут, подарки для всех и каждого, заметьте себе. Вот в этом самом месяце.

Этим самым месяцем был сентябрь, на удивление ясный. Через день-другой после разговора в харчевне разнесся слух (вероятно, запущенный всезнайкой Сэмом), что готовится фейерверк. Фейерверк! Чего уж больше! Такого в Хоббитании уже лет сто не видывали, с тех самых пор, как умер Старый Крол.

Время шло, и назначенный день приближался. Однажды вечером в Хоббитон въехал чудной фургон с диковинными ящиками и тяжело вскарабкался по Круче к Торбе. Потрясённые хоббиты высовывались из освещённых дверей и вглядывались в темень. Лошадьми правили длиннородые гномы в надвинутых капюшонах и пели непонятные песни. Некоторые из них так и остались в Торбе. Под конец второй недели сентября со стороны Брендидуинского моста показалась середь бела дня повозка, а в повозке старик. На нем была высокая островерхая синяя шляпа, серый плащ почти до пят и серебристый шарф. Его длинная белая борода казалась ухоженной и величавой, а лохматые брови клоками торчали из-под шляпы. Хоббитята бежали за ним по всему поселку до самой Кручи и на неё. Повозка была гружена ракетами, это они сразу уразумели. У дверей Бильбо старик стал сгружать большие связки ракет, разных и невероятных,

с красными метками "Г" и с и теми же по-эльфийски .

Это, конечно, была метка Гэндальфа, а старик на повозке был сам маг Гэндальф, известный в Хоббитании искусник по части устройства разноцветных огней и пускания весёлых дымов. Куда опасней и труднее были его настоящие дела, но хоббиты об этом ничего не знали, для них он был чудесной прибавкой к Угощению. Поэтому и бежали за ним хоббитята. "'Г" — это грандиозно!" — кричали они, а старик улыбался. Его знали в лицо, хотя навещал он Хоббитон не часто и мельком, а гремучих фейерверков его не видывала не только ребятня, но даже уже и самые древние старики: давненько он их тут не устраивал.

Когда старик с помощью Бильбо и гномов разгрузился, Бильбо роздал маленьким зевакам несколько монет — но не перепало им, к великому их огорчению, ни хлопушки, ни шутихи.

— Бегите домой! — сказал Гэндальф. — Хватит на всех — в своё время. — И скрылся вслед за Бильбо, а дверь заперли.

Хоббитята еще немножко подождали и разбродились с чётким ощущением, что день праздника не придет никогда.

А Гэндальф и Бильбо сидели в небольшой комнатке у открытого окна, глядя на запад, на цветущий сад. День клонился к вечеру, свет был чистый и яркий. Тёмно-алые львиные зевы, оранжевые настурции и золотые подсолнухи подступали к круглым окошкам.

— Хороший у тебя сад! — сказал Гэндальф.

— Да, — согласился Бильбо. — Прекрасный сад и чудесное место — Хоббитания, только вот устал я, пора на отдых.

— Значит, как сказал, так и сделаешь?

— Конечно. Я уже много месяцев назад всё решил и от своего слова не отступлюсь.

— Ну, тогда и разговаривать больше не о чем. Решил, так решил. Сделай всё, именно всё, как задумал, — тебе же будет лучше, а может, и не только тебе.

— Хорошо бы. Но уж в четверг-то я посмеюсь: есть у меня в запасе одна шуточка.

— Как бы над тобой самим не посмеялись, — покачал головой Гэндальф.

— Там посмотрим, — сказал Бильбо.

Назавтра на Кручу стала подниматься повозка за повозкой. Кое-кто ворчал, что вот, мол, "одни чужаки руки греют, а местные-то без дела сидят", но вскоре из Торбы посыпались заказы на разные яства, пития и роскошества: на всё, чем торговали в Хоббитоне, Приречье и вообще по-соседству. Народ заволновался: до праздника считанные дни, а где же почтальон с приглашениями?

Приглашения не замедлили, так что почту в Хоббитоне парализовало, в Приречье вообще завалило и в помощь почтальонам пришлось набирать доброхотов. Они нескончаемой вереницей тянулись на Кручу, неся сотни вежливых вариантов одного и того же ответа: "Спасибо, непременно приду".

Ворота Торбы украсила табличка: "ВХОДИТЬ ТОЛЬКО ПО ДЕЛУ НАСЧЁТ УГОЩЕНИЯ". Но, даже измыслив дело насчёт Угощения, войти было почти невозможно. Занятый по горло Бильбо сочинял приглашения, подкалывал ответы и устраивал кое-какие свои дела, с Угощением никак не связанные. После прибытия Гэндальфа он на глаза никому не показывался.

Однажды утром хоббиты проснулись и увидели, что просторный луг к югу от главного входа в Торбу, покрыт кольями и веревками для навесов и шатров. В ограде со стороны дороги, прорубили специальный вход и соорудили большие белые ворота, к которым вели широкие ступеньки. Все три семейства Исторбинки, примыкавшей к лугу, которым теперь ужасно завидовали, были до крайности заинтригованы. Старик Скромби даже перестал делать вид, что работает в саду.

Стали подниматься шатры. Самый большой из них оказался так велик, что в нём поместилось росшее на поле громадное дерево, которое теперь гордо высилось во главе основного стола. Все его ветки украсили фонариками. Но самой обещающей (с точки зрения хоббитов) была огромная кухня под открытым небом, которую соорудили в северном углу поля. На помощь гномам и прочим новоприбывшим чужеземцам, обосновавшимся в Торбе, пришла целая толпа поваров из всех трактиров и харчевен на много миль окрест. Общее возбуждение достигло предела.

Между тем небо затянуло. Погода испортилась в среду, накануне Угощения. Встревожились все до единого. Но вот настал четверг, двадцать второе сентября. Засияло солнце, тучи разошлись, флаги заплескались, и пошла потеха.

Бильбо Торбинс обещал всего-навсего Угощение, а на самом деле устроил великолепное празднество. Ближайшие соседи были приглашены от первого до последнего. А если кого случайно и забыли позвать, то они всё равно пришли, так что это было неважно. Многие были приглашены из других уделов Хоббитании, а некоторые даже из-за границы. Бильбо лично встречал званых (и незваных) гостей у Белых ворот. Он раздавал подарки всем и каждому, а кто хотел получить ещё один, выбирался задним ходом и снова подходил к воротам. Хоббиты всегда дарят другим подарки на свой день рождения — подарки обычно не слишком дорогие и не всем, как в этот раз, но обычай хороший. В Хоббитоне и Приречье что ни день, то чьё-нибудь рождение, а значит, в этих краях всякий может рассчитывать хотя бы на один подарок в неделю. Им не надоедает.

А тут и подарки были просто удивительные. Хоббиты помоложе так поразились, что чуть не позабыли угощаться. Им достались совершенно невиданные игрушки, все очень красивые, а некоторые явно волшебные. Многие, действительно, были заказаны заранее, за год, и привезли их из Дола и Подгорного царства: гномы постарались.

Когда всех встретили, приветили и провели в ворота, начались песни, пляски, музыка, игры — а еды и питья хоть отбавляй. Угощение было тройное: полдник, чай и обед (или, пожалуй, ужин). К полднику и чаю народ сходил в шатры, а всё остальное время пили и ели что, кому и где хочется, с одиннадцати до половины седьмого, пока не начался фейерверк.

Фейерверком заправлял Гэндальф: он не только привёз ракеты, он их сам придумал и смастерил, чтобы разукрасить небо огненными картинами. Он же наготовил множество хлопушек, шутих, бенгальских огней, золотой россыпи, факельных искромётов, гномьих сверкающих свечей, эльфийских молний и гоблинского громобоя. Получались они у него превосходно и с годами всё лучше.

Огненные птицы реяли в небе, оглушая выси звонким пением. На тёмных стволах вспыхивала ярко-зеленая весенняя листва, и с сияющих ветвей на головы изумлённым хоббитам сыпались огненные цветы, сыпались и гасли перед самым их носом, оставляя в воздухе нежный аромат. Рои сверкающих мотыльков вспархивали на деревья, взвивались в небо цветные огни — и оборачивались орлами, парусниками, лебедиными стаями. Багровые тучи извергали на землю жёлтый ливень. Потом грянул боевой клич, лес серебряных копий взметнулся к небу и обрушился в реку со змеиным шипом. Коронный номер в честь Бильбо Гэндальф приберёт под конец: он, видно, задумал насмерть удивить хоббитов, и своего добился. Все огни потухли; в небо поднялся исполинский дымный столб. Он склубился в дальнюю гору, вершина её разгорелась и полыхнула ало-зелёным пламенем. Из пламени вылетел красно-золотой дракон, до ужаса настоящий, только поменьше: глаза его горели яростью, пасть изрыгала огонь; с бешеным рёвом описал он три свистящих круга, снижаясь на толпу. Все пригнулись, многие попадали ничком. Дракон пронёсся над головами хоббитов, перекувырнулся в воздухе и с оглушительным грохотом взорвался над Приречьем.

— Пожалуйте к столу! — послышался голос Бильбо.

Общий ужас и смятение как рукой сняло; хоббиты повскакивали на ноги. Всех ожидало дивное пиршество; для родни были накрыты особые столы в большом шатре с деревом. Там собралось сто сорок четыре приглашённых (это число у хоббитов называется "гурт", но народ на гурты считать не принято) — гости из всех семейств, с которыми Бильбо и Фродо состояли хоть в каком-нибудь родстве, и несколько избранных друзей дома, вроде Гэндальфа. В число приглашённых вошло много юных хоббитов, которых родители охотно отпустили. Хоббиты вообще спокойно разрешают детям засиживаться допоздна, особенно если есть шанс пообедать на дармовщинку. Для того чтобы вырастить молодого хоббита, необходима масса продовольствия.

Во множестве были там Торбинсы и Булкинсы, Кролы и Брендизайки; не обойдены Ройлы (родня бабушки Бильбо), Ейлы (дедова родня); представлены Глубокопы, Бобберы, Толстобрюхлы, Барсукинсы, Дороднинги, Дудстоны и Шерстолапсы. Иные угодили в родственники Бильбо нежданно-негаданно: кое-кто из них и в Хоббитоне-то никогда не бывал, поскольку жил в глухих уголках Шира. Не были позабыты и Лякошель-Торбинсы: Отто с женою Лобелией. Они терпеть не могли Бильбо и презирали Фродо, но приглашение было написано золотыми чернилами на мраморной бумаге, и они не устояли. К тому же кузен их Бильбо с давних пор славился своей кухней.

Сто сорок четыре избранника рассчитывали угоститься на славу: они только побаивались послеобеденной речи хозяина (а без неё нельзя). Того и жди, понесёт он какую-нибудь околесицу под названием "стихи" или, хлебнув стакан-другой, пустится в рассказни о своем дурацком и непонятном путешествии. И их ожидания не были обмануты: ели сытно, много, вкусно, разнообразно и долго. Чего не съели, забрали с собой. Потом несколько недель продуктов в окрестностях почти никто не покупал, но торговцы не были в убытке: все равно Бильбо начисто опустошил их погреба, запасы и склады — за деньги, конечно.

Наконец челюсти задвигались медленнее, и настало время для Речи. Гости, как говорится у хоббитов, "подкушали" и были настроены благодушно. В бокалах — любимое питьё, на тарелках — любимое лакомство... Так пусть себе говорит, что хочет, послушаем и похлопаем.

— Любезные мои сородичи, — начал Бильбо, поднявшись.

— Тише! Тише! Тише! — закричали гости; хоровой призыв к тишине звучал всё громче и никак не мог стихнуть.

Бильбо вылез из-за стола, подошёл к увешанному фонариками дереву и взгромоздился на стул. Разноцветные блики пробегали по его сияющему лицу, золотые пуговицы сверкали на расшитом шёлковом жилете. Он был виден всем в полный рост: одну руку не вынимал из кармана, а другой помахивал над головой.

— Любезные мои Торбинсы и Булкинсы, — начал он опять, — дорогие Кролы и Брендизайки, Ройлы, Ейлы, Глубокопы и Дудстоны, а также Бобберы, Толстобрюхлы, Дороднинги, Барсукинсы и Шерстолапсы!

— И ШерстоЛАПЫ! — заорал пожилой хоббит из-за угла. Он, конечно, был шерстолап, и недаром: лапы у него были шерстистые, здоровенные и возлежали на столе.

— И Шерстолапсы, — повторил Бильбо. — Милые мои Лякошель-Торбинсы, я рад и вас приветствовать в Торбе-на-Круче. Нынче мне исполнилось стоодиннадцать лет: три, можно сказать, единицы!

— Ура! Ура! Ура! Многие лета! — закричали гости и радостно забарабанили по столам. Бильбо был выше всяких похвал. То самое, что нужно: коротко и ясно.

— Надеюсь, что всем вам так же весело, как и мне.

Оглушительные хлопки. Крики: "Да!" и "Нет!". Трубы и горны, дудки, флейты и прочие

духовые инструменты; звон и гул. Молодые хоббиты взорвали сотни музыкальных хлопушек со странным клеймом "ДОЛ": им было непонятно, что это значит, но все единодушно решили, что хлопушки прекрасные. А в хлопушках оказались маленькие инструменты, звонкие и чудно сделанные. В углу шатра юные Кролы и Брендизайки, решив, что дядя Бильбо кончил говорить (вроде всё уже сказал), устроили оркестр и начали танцевать. Юный Эверард Крол и молоденькая Мелилот Брендизайк взобрались на стол и стали с колокольцами в руках отплясывать "Брызгу-дрызгу" — очень милый, но несколько буйный танец.

Однако Бильбо потребовал внимания. Он выхватил горн у какого-то хоббитёнка и трижды в него протрубил. Шум улегся.

— Я вас надолго не задержу! — прокричал Бильбо.

Отовсюду захлопали.

— Я созвал вас нынче с особой целью. — Сказано это было так, что все насторожились. — Вернее, не с одной, а с тремя целями! (Наступила почти что тишина, и некоторые Кролы даже приготовились слушать.) — Во-первых, чтобы сказать вам, что я счастлив всех вас видеть и что с такими прекрасными и превосходными хоббитами, как вы, прожить сто одиннадцать лет легче лёгкого!

Оглушительный взрыв одобрения.

— Добрую половину из вас я знаю вдвое хуже, чем следует, а худую половину люблю вдвое меньше, чем надо бы.

Сказано было сильно, но не очень понятно. Плеснули редкие хлопки и все призадумались: так ли уж лестно это слышать?

— Во-вторых, чтобы вы порадовались моему дню рождения.

Прежний одобрительный гул.

— Нет, не моему: НАШЕМУ. Ибо в этот день, как вы знаете, родился не только я, но и мой племянник, мой наследник Фродо. Нынче он достиг совершеннолетия и вступает во владение имуществом.

Кое-кто из старших снисходительно похлопал. "Фродо! Фродо! Старина Фродо!" — выкрикивала молодежь. Лякошель-Торбинсы насупились и стали гадать, как это Фродо "вступает во владение".

— Вдвоём нам исполняется сто сорок четыре года: ровно столько, сколько вас тут собралось, — один, извините за выражение, гурт.

Гости безмолвствовали. Это что еще за новости? Многие, а особенно Лякошель-Торбинсы, оскорбились, сообразив, что их пригласили сюда только для ровного счета. "Скажет тоже: один гурт. Фу, как грубо".

— К тому же сегодня, если позволите припомнить былое, годовщина моего прибытия верхом на бочке в Эсгарот на Долгом Озере. Хотя я тогда про свой день рождения не сразу и вспомнил. Мне был всего-то пятьдесят один год, а что такое в молодости год-другой! Правда, пиршество учинили изрядное: только я, помнится, был сильно простужен и едва выговаривал: "Пребдого бдагодаред". Теперь я пользуюсь случаем выговорить это как следует: премного благодарен вам всем за то, что вы удосужились прибыть на мое скромное празднество!

Упорное молчание. Все боялись, что он сейчас разразится песней или какими-нибудь стихами, и всем заранее было тоскливо. Что бы ему на этом кончить? А они бы выпили за его здоровье. Но Бильбо не стал ни петь, ни читать стихи. Он медленно перевёл дыхание.

— В-третьих и в-последних, — сказал он, — я хочу сделать одно ОБЪЯВЛЕНИЕ. — Это слово он вдруг произнес так громко, что все, кому это было ещё под силу, распрямились. — С прискорбием объявляю вам, что, хотя, как я сказал, прожить сто одиннадцать лет среди вас легче лёгкого, однако же, пора и честь знать. Я отбываю. Причём немедленно. ПРОЩАЙТЕ!

Он ступил со стула и исчез. Вспыхнул ослепительный огонь, и все гости зажмурились. Открыв глаза, они увидели, что Бильбо нигде нет. Сто сорок четыре ошарашенных хоббита так и замерли. Одо Шертолапс со стуком уронил ноги со стола. Потом наступила мёртвая тишина: гости приходили в себя. И вдруг Торбинсы, Булкинсы, Кролы, Брендизайки, Ройлы, Ейлы, Глубокопы, Бобберы, Толстобрюхлы, Барсукинсы, Дороднинги, Дудстоны и Шерстолапсы заговорили все разом.

Они соглашались друг с другом, что это безобразно и неучтиво, и что надо всё это поскорее заесть и запить. "Я всегда говорил, что он тронутый", — слышалось отовсюду. Даже проказливые Кролы за малым исключением не одобрили Бильбо. Тогда, правда, почти никто ещё не понимал, что же произошло: бранили вздорную выходку.

Только старый и мудрый Рори Брендизайк хитро прищурился. Ни преклонные годы, ни преизобильные блюда не притупили его рассудка, и он сказал своей невестке Эсмиральде:

— Нет, милочка, это всё не просто так. Торбинс-то, оболтус, небось, опять сбежал. Неймётся старому балбесу. Ну и что? Еда-то на столе осталась.

И он крикнул Фродо снова обнести вином.

А Фродо был единственный, кто не вымолвил ни слова. Он молча сидел возле опустевшего стула Бильбо, не обращая внимания на выкрики и вопросы. Он, конечно, оценил проделку, хотя знал о ней заранее, и едва удержался от смеха при дружном возмущении гостей. Но ему было как-то горько: он вдруг понял, что не на шутку любит старого хоббита. Гости ели и пили, обсуждали и осуждали дурачества Бильбо Торбинса. прежние и нынешние, — разгневались и ушли одни Лякошель-Торбинсы. Фродо совершенно расхотелось участвовать в празднике; он велел подать ещё вина, встал, молча осушил бокал за здоровье Бильбо и тишком выбрался из шатра.

Бильбо говорил речь, трогая золотое кольцо в кармане: то самое, которое он столько лет хранил в тайне. Шагнув со стула, он надел кольцо — и с тех пор в Хоббитании его не видел ни один хоббит.

С улыбкой послушав, как галдят ошеломлённые гости в шатре и вовсю веселятся не удостоенные особого приглашения хоббиты, он ушёл в дом, снял праздничный наряд, сложил шёлковый жилет, аккуратно завернул его в бумагу и припрятал в ящик. Потом быстро натянул какое-то старьё, застегнул старый кожаный пояс и повесил на него короткий меч в чёрных потёртых ножнах. Вытащил из пропахшего нафталином комода старый плащ с капюшоном. Плащ хранился как драгоценность, хотя был весь в пятнах и совсем выцветший — а некогда, вероятно, тёмно-зелёный. Одежда была ему великовата. Он зашёл в свой кабинет и достал из потайного ящика обернутый в тряпье загадочный свёрток, переплетённый в кожу манускрипт и какой-то толстый конверт. Книгу и свёрток он втиснул в здоровенный заплечный мешок, который стоял посреди комнаты, почти доверху набитый. В конверт сунул золотое кольцо на цепочке, запечатал его, адресовал Фродо и положил на каминную доску. Но потом вдруг схватил и запихнул в карман. Тут дверь распахнулась, и быстрым шагом вошёл Гэндальф.

— Привет! — сказал Бильбо. — А я как раз думал, почему это тебя не видно.

— Рад, что тебя теперь видно, — отвечал маг, усаживаясь в кресло. — Ибо хочу перекинуться с тобой на прощанье парой слов. Надо понимать, по-твоему всё прошло блестяще: точно так, как было задумано?

— А как же, — подтвердил Бильбо. — Вспышка только лишняя — даже я удивился, а прочие и подавно. Твоя, конечно, работа?

— Моя, конечно. Все эти годы ты мудро прятал кольцо, вот я и счёл необходимым дать

твоим гостям какое-нибудь другое объяснение твоего внезапного исчезновения.

— И испортил мне шутку, неугомонный хлопотун, — рассмеялся Бильбо. — Но тебе, разумеется, как всегда виднее.

— Виднее... когда я уверен. Но вот насчёт всей этой затеи особой уверенности у меня нет. Осталось последнее. Ты успешно растревожил или разобидел родню, и девять или девяносто девять дней о тебе будет болтать весь Шир. И что дальше?

— Пусть болтает. Мне нужен отдых, долгий отдых, я же тебе говорил. Бессрочный отдых: едва ли я сюда когда-нибудь вернусь. Да и незачем, всё устроено... Я стар, Гэндальф. С виду-то нет, а в глубине души — так начинаю ощущать, что да. Нечего сказать: "хорошо сохранился"! — Он фыркнул. — Ты понимаешь, я чувствую себя тонким-претонким, как масло на хлебе у скупердяя. Скверно это. Надо как-то переиначивать жизнь.

Гэндальф не сводил с него пристального, озабоченного взгляда.

— Да, в самом деле скверно, — задумчиво сказал он. — Ты, пожалуй, всё правильно придумал.

— Это уж чего там, дело решённое. Я хочу снова горы повидать, понимаешь, Гэндальф — горы; хочу найти место, где можно вправду отдохнуть. В тишине и покое, без всяких настёрных родственников, без гостей, чтобы в звонок не трезвонили. Может, найду местечко, где сумею дописать мою книгу. Я придумал для неё чудесный конец: "...и с тех пор жил мирно и счастливо до конца своих дней".

Гэндальф рассмеялся.

— Конец неплохой. Только читать-то её некому, как ни кончай.

— Когда-нибудь прочтут. Фродо вон уже читал, хоть и без конца. Ты, кстати, приглядишь за Фродо?

— В оба глаза, хоть мне и не до того.

— Он бы, конечно, пошёл со мной по первому зову. Даже и просился, незадолго до Угощения. Но пока что у него это всё на словах. Мне-то перед смертью надо снова глушь да горы повидать, а он сердцем здесь, в Хоббитании: ему бы лужайки, перелески, ручейки. Уютно, спокойно. Я ему, разумеется, всё оставил, кроме разных безделок, — надеюсь, он будет счастлив, когда пообвыкнется. Пора ему самому хозяином стать.

— Всё оставил? — спросил Гэндальф. — И кольцо тоже? У тебя ведь так было решено, помнишь?

— К-конечно всё... а кольцо... — Бильбо вдруг запнулся.

— Где оно?

— В конверте, если хочешь знать, — потерял терпение Бильбо. — Там, на камине. Нет, не там... у меня в кармане! — Он замялся, потом пробормотал. — Странное дело! Хотя, почему бы и нет? Чего ради оставлять его здесь?

Гэндальф очень пристально взглянул на Бильбо, и глаза его чуть блеснули.

— По-моему, Бильбо, надо его оставить, — тихо сказал он. — А ты что, не хочешь?

— Сам не знаю. Теперь мне вот как-то не хочется с ним расставаться. Да и зачем? А ты-то чего ко мне пристал? — вдруг спросил он ломким, чуть ли не визгливым голосом, раздражённо и подозрительно. — Ведь вот ни до чего другого, что мне досталось, тебе и дела нет, а к кольцу почему-то сходу прицепился и принялся пытаться да допытываться.

— Да, — подтвердил Гэндальф, — но мне было необходимо допытаться. Мне нужна была правда. Это важно. Волшебные кольца — они, знаешь ли, волшебные, встречаются редко и весьма любопытны. Можешь считать, что твое кольцо вызвало и продолжает вызывать у меня профессиональный интерес. Если уж ты собрался путешествовать, то мне упускать его из виду никак нельзя. А владел ты им, кстати, не чересчур ли долго? Поверь мне, Бильбо, больше оно

тебе не понадобится... или я полностью заблуждаюсь.

Бильбо покраснел и метнул гневный взгляд на Гэндальфа. Добродушное лицо его вдруг ожесточилось.

— Почему тебе знать? — выкрикнул он. — Какое тебе вообще дело до того, что я делаю со своим добром? Моё — оно моё и есть. Моё, понятно? Я его нашёл: оно само пришло ко мне в руки.

— Конечно, конечно, — сказал Гэндальф. — Только зачем так волноваться?

— С тобой разволнуешься, — отозвался Бильбо. — Говорят тебе: оно моё. Моя... моя прелесть! Да, вот именно, — моя прелесть!

Гэндальф по-прежнему смотрел серьёзно и пристально, только в глазах его огоньком зажглось тревожное изумление.

— Было уже, — заметил он. — Называли его так. Правда, не ты.

— Тогда не я, а теперь я. Ну и что? Подумаешь, Горлум называл! Было оно его, а теперь моё. Моё, и навсегда!

Гэндальф поднялся, голос его стал суровым.

— Поостерегись, Бильбо, — сказал он. — Оно слишком завладело тобой. Каждое твоё слово только подтверждает это. Оставь кольцо! А сам ступай, куда хочешь, — и освободишься.

— Разрешил, спасибо. Я сам себе хозяин! — упрямо выкрикнул Бильбо.

— Ну, ну, дорогой мой хоббит! — проговорил Гэндальф. — Мы же с тобой давние друзья, и лучше бы ты доверял мне по-прежнему. Успокойся! Сделай, как обещал: отдай его!

— Скажи уж лучше, что тебе самому захотелось получить его! — заорал Бильбо. — Не получишь! Я тебе мою прелесть не отдам, понял? — Он схватился за рукоять маленького меча.

Глаза Гэндальфа сверкнули.

— Я ведь тоже могу рассердиться, — предупредил он. — Осторожнее, а то увидишь Гэндальфа Серого в гневе!

Он шагнул к хоббиту, неожиданно высокий и грозный, и тень его заполнила комнатку.

Бильбо попятился; он часто дышал и не мог вынуть руку из кармана. Так они стояли друг против друга, и воздух тихо звенел. Гэндальф взглядом пригвоздил хоббита к стене; кулаки Бильбо медленно разжались, и он задрожал.

— Что это ты, Гэндальф, в самом деле, — проговорил он. — Словно и не ты вовсе. А в чём дело-то? Оно же ведь моё? Я ведь его нашёл, и Горлум убил бы меня, если бы не оно. Я не вор, мало ли что он кричал мне вслед.

— Я тебя вором и не называл, — отозвался Гэндальф. — Да и я не грабитель — не отнимаю у тебя твою "прелесть", а пытаюсь помочь тебе. Лучше бы ты мне доверял, как прежде.

Он отвернулся, тень его съежилась, и Гэндальф снова сделался старым и усталым, сутулым и озабоченным.

Бильбо провёл по глазам ладонью.

— Прости, пожалуйста, — сказал он. — Что-то на меня накатило. Знаешь, избавиться от тревог — тоже было бы своего рода облегчением. Последнее время это кольцо буквально из головы нейдёт. Временами такое ощущение, что словно смотрит на меня кто. И всё-то мне хотелось, знаешь, надеть его, чтобы исчезнуть, и всё-то я его трогал да вытаскивал. Пробовал в ящик запирать — но не было мне почему-то покоя, когда кольцо не в кармане. И вот теперь сам не знаю, что с ним делать.

— Зато я знаю, что с ним делать, — объявил Гэндальф. — Пока что знаю. Иди и оставь кольцо здесь. Откажись от него. Отдай его Фродо, а я за ним пригляжу.

Бильбо замер в нерешительности, потом вздохнул.

— Ладно, — выговорил он. — Отдам.

Потом пожал плечами и виновато улыбнулся.

— По правде сказать, зачем и празднество было устроено: чтоб раздать побольше подарков, а заодно уж... Казалось, так будет легче. Зря казалось, но жаль будет, если все мои приготовления пойдут насмарку. Это вконец испортит шутку.

— Да, иначе вся твоя затея лишится единственного смысла, который в ней имелся, — подтвердил Гэндальф.

— Ну что ж, — сказал Бильбо. — Пусть оно останется Фродо в придачу к остальному. — Он глубоко вздохнул. — Пора мне, пойду, а то как бы кому на глаза не попасться. Со всеми я распрощался, и мне просто неважно делать это ещё раз. — Он подхватил мешок и шагнул к двери.

— Кольцо-то осталось у тебя в кармане, — напомнил маг.

— Осталось, да! — горько выкрикнул Бильбо. — А с ним и завещание, и прочие бумаги. Возьми их, сам распорядись. Так будет надёжнее всего.

— Нет, мне кольцо не отдавай, — сказал Гэндальф. — Положи его на камин. Фродо сейчас явится. Я подожду.

Бильбо вынул конверт из кармана и чуть не положил его возле часов, но рука его дрогнула, и конверт упал на пол. Гэндальф мигом нагнулся за ним, поднял и положил на место. Хоббита снова передернуло от гнева. Но вдруг лицо его просветлело и озарилось улыбкой.

— Ну вот и всё, — облегчённо сказал он. — А теперь в путь!

Они вышли в прихожую, Бильбо взял свою любимую трость — и призывно свистнул. Из разных дверей появились три гнома.

— Всё готово? — спросил Бильбо. — Упаковано, надписано?

— Готово! — был ответ.

— Так пошли же! — И он шагнул к двери.

Ночь была ясная, на чёрном небе сияли звёзды. Бильбо глянул ввысь и вздохнул полной грудью.

— Неужели? Неужели снова в путь, и с гномами? Ох, сколько лет мечтал я об этом! Прощай! — сказал он своему дому, склонив голову перед его дверьми. — Прощай, Гэндальф!

— Не прощай, Бильбо, а до свидания! Поосторожней только! Ты хоббит бывалый, а пожалуй что и мудрый...

— Поосторожней! Ещё чего! Нет уж, обо мне теперь не беспокойся. Я счастлив, как давно не был, а этим уже многое сказано. Но пора, дорога ждёт меня.

Он вздохнул, а затем тихонько, словно бы себе самому, пропел в темноту:

Дорога вдаль и вдаль ведёт
С порога, где начало ей,
И в дальний путь она зовёт.
Пока могу, пойду по ней!
Я поспешу своей тропой
Туда, где встреча всех дорог.
А дальше путь ведет иной,
Но мой ли? Я не дам зарок.

Бильбо немного помолчал, а потом без единого слова повернулся спиной к огням и голосам на лугу и пошёл — а за ним три гнома — сначала в сад и оттуда вниз покатой тропой. Перепрыгнув в конце спуска через живую изгородь там, где пониже, они ушли в луга,

растворившись в ночи, как исчезает прошелестевший травой ветерок.

Гэндальф постоял и поглядел ему вслед, в темноту.

— До свидания, Бильбо, дорогой мой хоббит! — тихо сказал он и вернулся в дом.

Фродо не замедлил явиться и увидел, что Гэндальф сидит в полутьме, о чём-то глубоко задумавшись.

— Ушёл? — спросил Фродо.

— Да, ушёл, — отвечал Гэндальф. — Сумел уйти.

— А хорошо бы... то есть я всё-таки надеялся целый вечер, что это просто шутка, — сказал Фродо. — Хотя в душе знал, что он и правда уйдёт. Он всегда шутил всерьёз. Вот ведь — опоздал его проводить...

— Да нет, он так, наверное, и хотел уйти — без дальних проводов, — сказал Гэндальф. — Не огорчайся. Теперь с ним всё будет в порядке. Он тебе оставил конверт — вон там.

Фродо взял конверт с камина, поглядел на него, но раскрывать не стал.

— Там должно быть завещание и прочие бумаги в этом роде, — сказал маг. — Ты теперь хозяин Торбы. Да, и ещё, полагаю, ты найдёшь там золотое кольцо.

— Как, и кольцо? — воскликнул Фродо. — Он и его мне оставил? С чего бы это? Впрочем, пригодится.

— Может, пригодится, а может, и нет, — сказал Гэндальф. — Я бы на твоём месте им не пользовался. Но береги его и не болтай о нём! А я пошёл спать.

Огорчённый хозяин Торбы Фродо чувствовал себя обязанным проводить гостей. К тому времени молва о странном событии разнеслась по всему лугу, но Фродо повторял только, что "утром, без сомнения, всё прояснится". Около полуночи за почтенными гостями прибыли экипажи. Один за другим они отбывали, забитые до отказа потолстевшими, но весьма неудовлетворёнными хоббитами. Затем, как было условленно, пришли садовники и вывезли на тачках тех, кого по недосмотру оставили.

Ночь медленно прошла. Встало солнце. Хоббиты встали гораздо позже. Утро продолжалось. Пришли нанятые помощники и начали сворачивать шатры, собирать столы и стулья, ложки и ножи, бутылки и тарелки, и фонарики, и букеты в корзинках, и крошки, и обёртки, забытые сумки и перчатки, и носовые платки, и остатки еды (последних весьма мало). Затем появился ещё народ: уже без приглашения, — Торбинсы и Булкинсы, Бобберы и Кролы, и прочие гости, которые жили или остановились поблизости. К полудню в Торбе собралась целая толпа, хоть и незваная, но тем не менее ожидаемая.

Фродо, улыбаясь, ждал на крыльце, но выглядел при этом усталым и озабоченным. Он приветствовал всех приходящих, однако говорил немногим больше, чем прежде. На все расспросы он отвечал очень просто: "Мистер Бильбо Торбинс ушёл. Насколько мне известно — навсегда". Некоторых визитёров Фродо приглашал зайти внутрь, поскольку Бильбо оставил им "весточки".

Внутри гостиной были свалены большой кучей пакетики и свёртки и разные небольшие вещицы. На каждом были приколоты записочки, типа:

"АДЕЛАРДУ КРОЛУ от Бильбо в ЛИЧНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ" — на зонтике.

(Аделард умудрился прихватить ещё изрядно всего и без подписи.)

"ДОРЕ ТОРБИНС с любовью от Бильбо в память ДОЛГОЙ переписки" — на большой корзине для бумаг.

Дора была сестрой Дрого и самой старой из живых родственниц Бильбо и Фродо. Ей было девяносто девять, и за столетия она исписала не одну стопу бумаги.

"МИЛКО ГЛУБОКОПУ от Б.Т., надеюсь, пригодится" — на золотой ручке и чернильнице. Милко никогда не отвечал на письма.

"АНЖЕЛИКЕ от дяди Бильбо" — на круглом выпуклом зеркале.

Анжелика была младшей из Торбинсов и слишком уж увлекалась рассматриванием своего личика.

"Дар для коллекции ХЬЮГО ТОЛСТОБРЮХЛА" — на ящике для книг (пустом).

Хьюго любил брать книги займы, но почти никогда не возвращал.

"ЛОБЕЛИИ ЛЯКОШЕЛЬ-ТОРБИНС в качестве ПОДАРКА" — на коробочке с серебряными ложками.

Бильбо подозревал, что, когда он возвратился из своего первого путешествия, большая часть его ложек осталась у неё в руках. Лобелия это прекрасно знала. Появившись на следующий день после Угощения, она мгновенно поняла намёк, но ложки всё-таки взяла.

Здесь приведена лишь небольшая выдержка из списка подарков. Нора Бильбо за его долгую жизнь была просто забита разными вещичками. Такова уж судьба всех хоббитских нор: виной тому в основном обычай раздавать на день рождения много подарков. Не то чтобы, разумеется, все подарки были непременно новые: всей округе циркулировали одна-две вещицы, которыми за давностью забыли как пользоваться, — но Бильбо обычно раздавал новые подарки и хранил те, что получил. Теперь старая нора немного поочистилась.

Каждый из подарков был снабжён табличкой, написанной Бильбо собственноручно, иногда с намёками и шутками. Но конечно, большинство вещей было отдано туда, где в них нуждались. Хоббиты победнее, особенно из Исторбинки, просто обогатились. Старик Скрамби получил два мешка картофеля, новую лопату, шерстяной жилет и бутылку смазки для скрипучих петель. Старый Рори Брендизайк — в знак своего широкого гостеприимства — добрую дюжину бутылок "Старого Виноградника": крепкого красного вина из Южного удела доброй выдержки, закупоренных ещё отцом Бильбо. После первой же бутылки Рори совершенно простил Бильбо и объявил его отличным парнем.

Фродо тоже не был обделён. И, конечно, основные ценности, книги, картины и мебель (последняя даже в избытке) остались в его владении. Однако о деньгах или драгоценностях не было ни слуху, ни духу: не было роздано ни пенни и ни стеклянной бусинки.

Вечер потонул в хлопотах. С быстротой пожара распространился слух, будто всё имущество Бильбо пойдёт в распродажу или, того пуще, на дармовщину — приходи и бери. Охочие хоббиты валили толпами, а спроваживать их приходилось по одному. Таблички оторвались и перемешались, вспыхнули ссоры. Кто-то возился в гостинной, пытаясь прихватить побольше, кто-то стремился удрать с вещичками, предназначенными другим, или с тем, что плохо лежит. Дорога к воротам была забита тележками и тачками.

В разгар суматохи явились Лякошель-Торбинсы. Фродо как раз пошёл передохнуть и оставил за себя своего приятеля, Мерри Брендизайка. Когда Отто громогласно потребовал "этого племянничка Бильбо", Мерри поклонился и развёл руками.

— Ему нездоровится, — сказал он. — Он отдыхает.

— Проще говоря, племянничек прячется, — уточнила Лобелия. — Ну, а мы пришли его повидать и непременно повидаем. Пойди-ка доложи ему об этом!

Мерри отправился докладывать, и Лякошели долго проторчали в прихожей, так что у них было время разыскать предназначенные им ложки, что отнюдь не улучшило их настроения. Наконец Лякошелей впустили в кабинет. Фродо сидел за столом, заваленным кипой бумаг. Вид у него был нездоровый — и уж во всяком случае, не слишком приветливый; он поднялся из-за

стола, поигрывая чем-то в кармане, — но разговаривал вполне учтиво.

А Лякошели вели себя весьма напористо. Сначала они стали предлагать за разные ценные вещи без этикеток бросовые цены. Фродо отвечал, что подарки подарками, а вообще-то здесь ничего не продаётся; они поджали губы и сказали, что им это крайне подозрительно.

— Мне одно ясно, — добавил Отто, — что уж кто-кто, а ты-то себе неплохо руки нагрел. Требую немедленно показать завещание!

Если бы не "племянничек", усадьба досталась бы Отто. Он прочёл завещание, перечёл его — и фыркнул. Увы, всё в нем было ясно и правильно, и положенные семь свидетелей аккуратно расписались красными чернилами.

— Опять мы остались в дураках! — сказал Отто жене. — Шестьдесят лет прождали — и опять! Что он тебе, серебряные ложки преподнёс? Вздор!

Он щёлкнул пальцами под носом у Фродо и затопал прочь. Но избавиться так просто от Лобелии не удалось. Чуть погодя Фродо опасливо выглянул из кабинета — и увидел, что она тщательно обшаривает все уголки и выстукивает полы. Он твёрдой рукой выпроводил её, попутно избавив от небольших, но ценных приобретений, случайно завалившихся ей в зонтик. Она, видно, готовилась изречь на прощание что-то убийственное — и, обернувшись на крыльце, прошипела:

— Ты ещё об этом пожалеешь, молокосос! Ты-то чего остался? Тебе здесь не место: какой из тебя Торбинс? Ты... ты самый настоящий Брендизайк!

— Слыхал, Мерри? Вот как меня оскорбляют, — сказал Фродо, запирая за нею дверь.

— Ничего себе оскорбляют, — отозвался Мерри Брендизайк. — Тебе комплимент сделали, а ты говоришь — оскорбляют. Ну какой из тебя Брендизайк?

Они прошлись по дому и выгнали трех юнцов-хоббитов (двух Булкинсов и одного Боббера), которые выстукивали стены в одном из погребов. С резвым Санчо Шерстолапсом (внуком старого Одо Шерстолапса) у Фродо вышла настоящая потасовка: тот выстучал гулкое эхо под полом в большой кладовой и копал, не покладая рук. Рассказы о сокровищах Бильбо будили алчное любопытство и праздные надежды: известно ведь, что тёмным, а то и злодейским путём добытое золото принадлежит любому хвату, лишь бы ему не помешали вовремя ухватить.

Одолев Санчо и выпихнув его за дверь, Фродо рухнул на стул в прихожей.

— Закрывай лавочку, Мерри, — сказал он. — Запри дверь и не пускай больше никого, пусть хоть с тараном придут.

Он уселся за поздний чай, и едва уселся, как в дверь тихо постучали.

"Опять Лобелия, — подумал он. — Придумала что-нибудь действительно гнусное и вернулась сообщить. Подождёт". Он прихлебнул из чашки, не обращая внимания на новый, куда более громкий стук. Вдруг в окне показалась голова мага.

— Если ты меня сейчас же непустишь, Фродо, я тебе так в дверь стукну, что она всю твою нору насквозь пролетит и с обратной стороны Кручи выскочит! — крикнул он.

— Это ты, Гэндальф? Прости, пожалуйста! — спохватился Фродо, кидаясь к дверям. — Заходи, заходи! Я думал, что это Лобелия.

— Тогда ладно, прощаю. Не волнуйся, я видел, как она ехала в коляске к Приречью, такая кислая, что от её вида парное молоко свернуться может.

— А я уж и жаловаться не буду. Честно говоря, я чуть не надел кольцо Бильбо: так и хотелось исчезнуть.

— Не надел, и молодец! — сказал Гэндальф, усаживаясь. — Поосторожнее с кольцом, Фродо. В общем-то, из-за него я и вернулся: сказать кое-что напоследок.

— А в чём дело?

— Что ты про него знаешь?

— Только то, что Бильбо рассказывал, всю историю — как он его нашёл и как оно ему пригодились, в его путешествии, то есть.

— И какую же историю он тебе рассказывал? — поинтересовался маг.

— Нет, не ту, которую гномам и которая записана в его книге, — ответил Фродо. — Он рассказал мне всё по правде — почти сразу, как я сюда переехал. Раз ты у него дознался, то чтоб и я знал. "Пусть у нас всё будет начистоту, Фродо, — сказал он. — Только ты уж помалкивай. Теперь оно всё равно моё".

— Ещё того интереснее, — заметил Гэндальф. — Ну, и как тебе это нравится?

— Ты насчёт выдумки про "подарочек"? Да, бестолковая и нелепая выдумка. А главное, очень уж непохоже на Бильбо: я, помню, здорово удивился.

— Я тоже. Но владельцы такого рода сокровищ рано или поздно становятся на себя непохожими... если пользуются ими. Вот и ты будь поосмотрительнее. Это кольцо не для того сделано, чтоб ты исчезал, когда тебе удобно, у него могут быть и другие свойства.

— Что-то непонятно, — сказал Фродо.

— Да и мне не совсем понятно, — признался маг. — Кольцо это заинтересовало меня по-настоящему только вчера вечером. Ты не волнуйся, я разберусь. И послушай моего совета, надевай его как можно реже, а лучше вообще не трогай. И главное, не давай никакого повода к толкам и пересудам. Повторяю тебе: береги его и не болтай о нём!

— Вот ещё загадки! А что в нём опасного?

— Я ещё не уверен и говорить не буду. Но когда я вернусь, наверное, кое-что услышишь. Пока прощай, я тотчас уйду. — Он поднялся.

— Как тотчас? — вскрикнул Фродо. — А я-то думал, ты хоть неделю у нас поживёшь, я так надеялся на твою помощь...

— Я и собирался, да вот не пришлось. Меня, вероятно, долго не будет, но в конце-то концов я непременно явлюсь тебя проведать. Будь готов принять меня в любое время: я приду тайком. На глаза хоббитам я больше показываться не хочу, я уж вижу, что меня в Хоббитании невзлюбили. Говорят, от меня одна морoka да безобразие. Кто, как не я, сбил с толку Бильбо, — а может, даже и сжил его со свету. Мы с тобой, оказывается, в заговоре и сейчас делим его богатства.

— Говорят! — воскликнул Фродо. — Говорят, конечно, Отто с Лобелией. Фу, какая мерзость! Я бы с радостью отдал им и Торбу, и всё на свете, лишь бы вернуть Бильбо или уйти вместе с ним. Я очень люблю Хоббитанию, но, честное слово, зря за ним не увязался. Когда-то я его снова увижу — да и увижу ли?

— Я тоже не знаю когда, — сказал Гэндальф. — И ещё многого не знаю. Будь осторожней! И жди меня — особенно в самое неподходящее время. А пока прощай!

Фродо проводил его до крыльца. Гэндальф помахал рукой и пошёл поразительно быстро, но Фродо показалось, что старого мага пригибает к земле какая-то тяжёлая ноша. Вечерело, и его серый плащ вмиг растворился в сумерках. Они расстались надолго.

Глава II

Тень прошлого

Ни за девять, ни за девяносто девять дней разговоры не умолкли. Второе исчезновение Бильбо Торбинса обсуждали не только в Хоббитоне, но и по всему Ширу: обсуждали год с лишним, а вспоминали и того дольше. Хоббитятам рассказывали эту историю по вечерам у камелька, и постепенно Сумасшедший Торбинс, исчезавший с треском и блеском, а

появлявшийся с грудой сокровищ, стал любимым сказочным хоббитом и остался в сказках, когда всякая память о подлинных событиях померкла.

Но поначалу в округе говорили, что Бильбо и всегда-то был не в себе, а теперь и вовсе свихнулся, дело его пропащее. Наверняка свалился в какой-нибудь пруд или в реку — тут ему и был печальный, но заслуженный конец. А виноват во всём — кто же, как не Гэндальф!

"Оставил бы этот дурацкий маг хоть Фродо в покое — из него, глядишь, и вышел бы толковый хоббит", — говорил кто поумнее, качая головой. И судя по всему, маг таки оставил Фродо в покое, но хоббитской толковости в нем не прибывало. Фродо тоже был какой-то странный, вроде Бильбо. Траура он соблюдать не стал и на следующий год задал праздник по случаю стодвенадцатилетия Бильбо: полновесная, говорил он, дата. Но что это был за праздник, всего двадцать приглашённых. Правда, ели до отвала и пили до упаду, как говорится у хоббитов.

Словом, кое-кто очень удивлялся, но Фродо взял обычай праздновать день рождения Бильбо, соблюдал его год за годом, и все привыкли. Он сказал, что Бильбо, по его разумению, жив-живёхонек. А когда его спрашивали, где же он, Фродо пожимал плечами.

Жил он особняком, как и Бильбо, только друзей у него было много, особенно среди молодёжи: почти сплошь из потомков Старого Крола, которые ещё ребятишками, как Фолко Булкинс и Фредегар Боббер, постоянно крутились в Торбе около дяди Бильбо. А вполне своими чувствовали себя здесь Перегрин Крол (для друзей просто Пин) и Мерри Брендизайк (полное имя его было Мериардок, но об этом очень редко вспоминали). Фродо гулял с ними по всей Хоббитании, но чаще бродил один; к удивлению всех разумных хоббитов его иногда встречали далеко от дома, блуждающего по лесам и холмам под звёздами. Мерри и Пин подозревали, что он, по примеру дяди Бильбо, спозналсся с эльфами.

Время шло, и все стали замечать, что Фродо тоже неплохо "сохраняется": у него по-прежнему был вид крепкого и ловкого хоббита едва за тридцать. "Кому везёт, тому и счастье", — говорили о нём; но когда ему подкатило к пятидесяти, народ насторожился.

Сам Фродо, оправившись от первого огорчения, обнаружил, что быть мистером Торбинсом, хозяином Торбы-на-Круче, очень даже приятно. Десяток лет он просто радовался жизни и в будущее не заглядывал — хотя постепенно всё больше жалел, что не ушёл с Бильбо. И порою, особенно осенней порой, ему грезились дикие, неизведанные края, виделись горы, в которых он никогда не бывал, и моря, о которых только слышал. Он начал сам себе повторять: "А когда-нибудь возьму да уйду за Реку". И тут же внутренний голос говорил ему: "Когда-нибудь потом".

Между тем приближалось его пятидесятилетие — а пятьдесят лет казались Фродо весьма знаменательной (и даже зловещей) датой. Ведь в этом самом возрасте на Бильбо неожиданно свалилось приключение. Фродо забеспокоился, любимые тропы ему надоели. Он разглядывал местные карты, гадая, что же лежит за их пределами, потому что карты, сделанные в Шире, пестрели по краям белыми пятнами. Он всё чаще и всё дольше гулял один, а Мерри и друзья с тревогой следили за ним. А кто следил, тот видел, как он заводит долгие беседы с чужаками, которых в Хоббитании стало видимо-невидимо.

Ходили слухи о каких-то диковинных делах за границей; Гэндальф не появлялся уже несколько лет, и даже вестей о себе не слал, так что Фродо подбирал каждую малую весточку. Через Хоббитанию торопливо двигались отряды эльфов — раньше-то хоббиты знали про них только понаслышке, — а теперь эльфы шли и шли по вечерам лесною окраиной, проходили и не возвращались. Но они покидали Средиземье, и его тревоги стали им безразличны. Шли, однако, и гномы — тоже во множестве. Древний путь с Востока на Запад вел по Брендидуинскому Мосту через Хоббитанию в Серую Гавань; гномы же издавна хаживали этим трактом в копи на

Голубые Горы. От них-то хоббиты и узнавали, что делается в чужих краях; правда, хозяева были нелюбопытны, а прохожие неразговорчивы. Но теперь Фродо попадались всё чаще другие, дальние гномы. Они спешили на запад и, озираясь, полушёпотом говорили про Врага и про страну Мордор.

Это слово было известно только по самым старинным сказаниям: оно затемняло их зловещей тенью. А теперь похоже было, что победа Светлых Сил в Лихолесье привела лишь к усилению древних твердынь Мордора. Чёрный замок, оказывается, был опять отстроен, и от него расползлся по Средиземью холодный мрак и обессиливающий ужас. Далеко на востоке и на юге гремели войны. В горах множились орки. И тролли стали не те, что прежде — не тупоумные, а хитрые и опасно вооружённые. Заходила речь и о чудищах пострашнее — но тут уж говорили обиняками.

Простой народ, конечно, знал об этом маловато. Однако даже самые тугоухие домоседы и те кое-что прослышали; а кому случилось побывать на границе, те и повидали. Разговор в "Зелёном драконе" одним весенним вечером ясно показал, что слухи достигли даже уютного сердца Хоббитании, хотя большинство хоббитов смеялись над ними.

Сэм Скрэмби сидел в уголке у камина напротив Теда Пескунса, мельникова сына. Вокруг собрались завсегдатаи кабачка.

— Чудные нынче ходят слухи, — заметил Сэм.

— А ты уши развесь, — посоветовал Тед, — ещё и не то услышишь. Поди вон к моей бабке — она тебе нараскажет!

— Что ж, — заметил Сэм, — и бабкины сказки иной раз не мешает послушать. Она ведь их не сама придумала. Взять хоть тех же драконов.

— Возьми их себе, — сказал Тед, — мне не надо. Я про них карапузом голоштаным наслушался, а как штаны надел, так и думать забыл. У нас в Приречье только один дракон, да и тот зелёный. Верно я говорю? — обратился он к слушателям, и те дружно зааплодировали.

— Это ты меня уел, — засмеялся с прочими и Сэм. — А вот как насчёт древесных великанов? Говорят, за северными болотами видели недавно одного — выше всякого дерева!

— Кто это говорит?

— Ну, хотя бы мой кузен Хэл. Он работает у господина Булкинса в Захолмье и часто ходит в Северный удел на охоту. Он и увидел.

— Этот увидит, только нам не покажет. А уж чего он там видит — ему, конечно, виднее, раз другим-то ничего не видеть.

— Да нет, настоящий великан — огромный, как ильм, а уж шагает... Семь ярдов, словно дюйм, за один шаг отмахивает!

— Держу пари, что там и дюйма-то не было. Подумаешь, ильм увидал! Тоже мне диво.

— Да шагал же, говорят тебе; а ильмы на северных болотах не растут.

— Выходит, Хэлу и видеть нечего было, — отрезал Тед.

Кругом одобрительно засмеялись. Теда не проведёшь.

— Язык-то у тебя хорошо подвешен, — сказал Сэм, — только не один наш Хэлфаст всякого-разного навидался. По всей Хоббитании говорят, что такого ещё не было: идут и идут через Шир — мимо идут, заметь, — с востока невиданные чужаки, целыми толпами, не считая тех, кого на границах завернули. И слышал я, что эльфы стронулись на запад, к гаваням за Белыми Башнями. — Сэм как-то неопределённо махнул рукой: ни он, и никто из хоббитов не знал, какое и где это там море за их западной окраиной. Были только старые предания про Серую Гавань, откуда отплывают и не возвращаются эльфийские корабли. — Плывут они, плывут и плывут, уплывают на Запад, а нас оставляют, — проговорил Сэм чуть ли не на распев,

печально и торжественно покачав головой.

Тед фыркнул.

— Старые байки на новый лад. Да мне-то или тебе какое до них дело? И пусть себе плывут! Только бьюсь об заклад, ни ты, да и вообще никто в Хоббитании не этого не видал. Может, и не плывут, кто их разберёт?

— Ну, не знаю, — задумчиво сказал Сэм. Он однажды вроде бы видел эльфа в лесу и всё надеялся, что когда-нибудь увидит ещё. Из легенд, слышанных в детстве, ему больше всего запомнились обрывочные рассказы про эльфов. — Даже и в наших краях есть такие, кто знаком с Дивным Народом и узнает новости от них, — сказал он. — Вот хоть мой хозяин, господин Торбинс. Он сказал мне, что они уплывают, а ему-то об эльфах кое-что известно. А уж старый Бильбо, тот про них всё на свете знал. Я, когда пареньком был, часто с ним беседовал.

— Оба сдвинутые, — сказал Тед. — Старик Бильбо, тот совсем, а теперь вот и Фродо, тоже сдвинулся. От него, что ль, ты слухов набираешься? Гляди, сам не свихнись. Ладно, ребята, кто куда, а я домой. Бывайте здоровы! — он выхлебнул кружку и шумно распрощался.

Сэм ещё посидел, но больше ни с кем не разговаривал. Ему было о чём поразмыслить. И работы в саду наутро непочатый край, лишь бы ведро. Трава так и растёт. Работа, конечно, работой, но на уме у Сэма была не только она. Чуть погодя он вздохнул, поднялся и вышел.

Апрельское небо расчищалось после проливного дождя. Солнце село, и вечер, отступая, тихо тускнел. Ранние звёзды зажглись над головой Сэма, а он брёл вверх по склону, задумчиво и чуть слышно насвистывая.

Между тем объявился Гэндальф, всегда неожиданный гость. После Угощения его не было года три. Потом он мимоходом наведлся, внимательно поглядел на Фродо, сказал ему пару пустяков — и даже ночевать не остался. А то вдруг зачастил: являлся, как смеркнется, но к рассвету словно бы его и не было. Где и зачем пропадает, не объяснил: а интересовался только здоровьем Фродо да всякой чепухой.

И вдруг даже этим перестал интересоваться; девять с лишним лет Фродо его не видел и ничего о нём не слышал: должно быть, решил он, Гэндальфу просто больше дела нет до хоббитов, и маг уже не вернётся. Но этим вечером, когда Сэм шёл домой и меркли сумерки, раздался знакомый стук в окно кабинета.

Фродо от всей души обрадовался старинному приятелю. Они стояли и разглядывали друг друга.

— Ну, всё в порядке? — спросил Гэндальф. — А ты не изменился, Фродо.

— Да и ты, — сказал Фродо, а про себя подумал, что маг постарел и сгорбился. Хоббит пристал к нему с расспросами, и они засиделись далеко за полночь.

Позавтракали они поздно, и маг уселся с Фродо перед раскрытым окном. В камине полыхал огонь, хотя и солнце пригревало, и с юга тянул тёплый ветерок. Отовсюду веяло свежестью, весенняя зелень разливалась в полях и проклёвывалась на ветках.

Гэндальф припоминал, какая была весна почти восемьдесят лет назад, когда Бильбо умчался за приключениями без носового платка. С тех пор волосы Гэндальфа ещё побелели, борода и брови отросли, лицо новыми морщинами изрезали заботы, но глаза блестели по-прежнему, и дымные колечки он пускал с прежним искусством и удовольствием.

Сейчас маг молча курил, поскольку Фродо сидел, глубоко задумавшись. Даже в ярком утреннем свете он ощущал темную тень принесённых Гэндальфом вестей. Наконец хоббит прервал молчание.

— Ты, было, начал мне что-то говорить про моё кольцо, Гэндальф, — напомнил он. —

Начал, да не кончил, отложил на утро. Может, сейчас продолжишь? Ты говоришь, кольцо опасное, гораздо опаснее, чем я полагаю. А чем?

— Много чем, — отвечал маг. — Оно гораздо могущественнее, чем я осмеливался сперва думать, настолько могущественно, что сломит любого смертного, которому попадёт в руки. Сломит и овладеет им.

В давние времена в Эрегионе было сделано довольно много эльфийских колец, как вы их называете — волшебных. Разной, конечно, силы: помощнее и послабее. Младшие кольца были, так сказать, только пробой сил, показателями возрастающего мастерства, безделками для кузнецов-эльфов... Однако, сдаётся мне, всё же не безопасны для смертных. А вот Великие Кольца, Кольца Власти, — они действительно опасны.

Надо тебе сказать, Фродо, что смертные, которым доверено владеть Великими Кольцами, не умирают, но и не живут по-настоящему: они просто тянут лямку жизни — без веселья, без радости, пока каждая минута не станет для них тягостной. И если смертный часто надевает такое Кольцо, чтоб стать невидимкой, то он тает или, как говорят Мудрые, развоплощается, превращается в невидимку навсегда и блуждает в сумерках, зримый только глазу Властелина Колец. Да, раньше или позже — позже, если он сильный и начинает с благих намерений, но ни силе, ни стремлению к добру не устоять, — ему суждено превратиться в прислужника тёмных сил, над которыми царит Чёрный Властелин.

— Ужас какой! — сказал Фродо.

И они надолго замолчали. Только садовые ножницы Сэма Скромби щёлкали за окном.

— И давно ты это знаешь? — спросил наконец Фродо. — А Бильбо знал?

— Бильбо знал ровно столько, сколько тебе сказал, — отвечал Гэндальф. — Иначе он не оставил бы тебе такое опасное наследство. Даже и на меня бы не понадеялся. Он думал, что кольцо очень красивое и всегда может пригодиться; а если с ним самим что-то не так, то кольцо тут не при чём. Он говорил, что кольцо у него из головы не идёт и всё время его тревожит; но дело-то, думал он, не в кольце. Хотя и понял: за ним надо приглядывать, оно бывает меньше и больше, тяжелее и легче, а может вдруг соскользнуть с пальца, хотя только что сидело очень плотно.

— Да, это он мне написал, — сказал Фродо. — И оно у меня всегда на цепочке.

— Весьма разумно, — заметил Гэндальф. — А свою долгую жизнь Бильбо с кольцом не связывал. Он думал, что у него просто судьба долгожителя, и очень этим гордился. А жил в тревоге и безотчётном страхе. "Я стал тонкий и какой-то прозрачный", — пожаловался он мне однажды. Ещё немного — и кольцо взяло бы своё.

— Да ты мне скажи, ты это давно знаешь? — снова спросил Фродо.

— Знаю? — переспросил Гэндальф. — Я, Фродо, знаю много такого, что ведомо лишь Мудрым. Но если ты спрашиваешь про это кольцо, то я, можно сказать, до сих пор ещё не знаю. Осталась последняя проба. Но догадка моя верна, тут я уверен...

А когда меня впервые осенило? — Гэндальф задумался. — Погоди-ка... да, в тот самый год, когда Совет Светлых Сил очистил Лихолесье — как раз перед Битвой Пяти Воинств. Правильно, когда Бильбо нашёл кольцо. Мне вдруг стало тревожно, но я не знал почему. Меня удивляло, как же это Горлум завладел одним из Великих Колец; а что одним из Великих, это было ясно. Да и Бильбо вдруг начал врать про "выигрыш"... Потом-то, когда я добился от него правды, я понял — тут, впрочем, и понимать было нечего, — что он просто хотел доказать своё неоспоримое право на Кольцо: Горлум, дескать, получил его в "подарочек на день рождения", а Бильбо выиграл "в честной игре". Ложь ко лжи, — да ещё такая похожая, — конечно, я забеспокоился. Видно, кольцо заставляет врать и подсказывает враньё. Тут я впервые понял, что

дело совсем нешуточное, и сказал Бильбо, что подобными кольцами лучше не пользоваться, но он не послушался и даже рассердился на меня. Что было делать? Я не мог отобрать у него кольцо, не причинив большего вреда, да и по какому праву? Оставалось лишь следить и ждать. Пожалуй, надо было посоветоваться с Саруманом Белым, но что-то меня постоянно удерживало.

— Кто это? — спросил Фродо. — В жизни о нём не слышал.

— Откуда же тебе, — улыбнулся Гэндальф. — Ему до хоббитов дела нет — или не было. Он великий мудрец, первый среди магов, глава Совета. Много сокровенного открыто ему, но он возгордился своим знанием и вознёсся над всеми. С давних пор углубился он в тайны младших и великих эльфийских колец, проницая сумрак забвения и отыскивая утраченный секрет их изготовления; и когда речь о них зашла на Совете, слова его развеяли мою тревогу. Я отринул подозрения — но не расстался с ними. И по-прежнему следил и выжидал.

С Бильбо всё было вроде бы в порядке. Шли годы. Шли и шли, словно бы не задевая его. Бильбо не старел. И подозренье вновь овладело мною. Но я сказал себе: "Он наследовал долгую жизнь с материнской стороны. Не такие уж древние его годы. Подождём!"

Я ждал и бездействовал до прощального вечера Бильбо. Тогда он заговорил и повёл себя так, что во мне ожили все тревоги, убаюканные Саруманом. Я понял, что тут зияет мрачная тайна. И потратил долгие годы, разгадывая её.

— Но ведь ничего страшного не случилось? — испуганно спросил Фродо. — Со временем-то он придёт в себя? Успокоится?

— Ему сразу стало легче, как только он избавился от кольца, — отвечал Гэндальф. — Однако над Кольцами властвует лишь одна Сила, и есть лишь Один, которому всё известно про Кольца и про то, чем они грозят своим владельцам, даже временным. Правда, насколько мне известно, нет в мире Силы, которая знала бы всё про хоббитов. Из Мудрецов изучал их пока один я, и сколько изучал, столько изумлялся. То они мягче масла, то вдруг жёстче старых древесных корней. По-моему, некоторые из них даже могут противиться Кольцам гораздо дольше, чем способен поверить Совет Мудрых. Так что, пожалуй, за Бильбо ты не волнуйся.

Он, конечно, владел кольцом много лет и много раз надевал его, потому пройдёт немало времени, прежде чем оно перестанет влиять на него, если, к примеру, опять попадётся ему на глаза. А так он проживёт без него в мире и покое очень долго, таким, каким был, когда расстался с ним. Расстался же он с ним по собственной воле, вот что самое главное. Нет, за Бильбо я спокоен — с тех пор, как он ушёл, оставив кольцо. Теперь я отвечаю за тебя.

С тех пор, как ушёл Бильбо, я очень беспокоюсь и за тебя, и за всех вас, — милых, бестолковых, незащитных хоббитов. Это будет большая потеря для мира, если мрак поглотит Шир, если все ваши потешные олухи — Бобберы, Дудстоны, Булкинсы, Толстобрюхлы и прочие, не говоря уж о чудесных чудаках Торбинсах, попадут в рабство к Чёрному Властелину.

Фродо поёжился.

— С чего бы это? — спросил он. — Зачем ему такие рабы?

— По правде говоря, — ответил Гэндальф. — полагаю, что доныне хоббиты ему и на ум не приходили, — доныне, заметь! Скажи за это спасибо своей судьбе. Но отныне Хоббитания в опасности. Вы ему не нужны — у него масса более полезных слуг, но теперь он вас не забудет. А хоббиты в качестве несчастных рабов ему приятнее, чем хоббиты весёлые и свободные. Ибо существуют такие вещи, как злоба и месть.

— Мсть? — удивился Фродо. — А за что же мстить? Ну, хоть убей, не понимаю, причём тут Бильбо, я и наше кольцо.

— При всём, — сказал Гэндальф. — Ты ещё не понимаешь настоящей опасности, но сейчас поймёшь. Я и сам толком её не понимал, когда был здесь прошлый раз, однако пришло время всё рассказать. Дай-ка мне на минутку кольцо.

Фродо вынул кольцо из брючного кармана и, сняв его с цепочки, прикреплённой к поясу, нехотя подал магу. Кольцо оттягивало руку, словно оно — или сам Фродо, или оба вместе — почему-то не хотели, чтобы его коснулся Гэндальф.

Маг осторожно принял кольцо. Оно было из чистого червонного золота.

— Ты видишь на нём какие-нибудь знаки? — спросил Гэндальф.

— Никаких, — ответил Фродо, — на нём нет ни царапины, его словно никто никогда не носил.

— Так смотри!

И к удивлению, если не к ужасу Фродо, маг вдруг швырнул кольцо в огонь. Фродо вскрикнул и схватил щипцы, но Гэндальф удержал его.

— Подожди! — повелительно сказал он, метнув на Фродо суровый взгляд из-под лохматых бровей.

Кольцо не плавилось. Вскоре Гэндальф поднялся, закрыл ставни и задёрнул шторы. Тихая комната помрачнела, и только щёлканье ножниц Сэма, теперь уже ближе к окнам, всё ещё доносилось из сада. Маг пристально смотрел в огонь; потом нагнулся, ухватил Кольцо щипцами, ловко вынул его из угольев и сразу же взял в руку. Фродо ахнул.

— Оно холодное, — объявил Гэндалф. — Возьми!

Ладонь Фродо дрогнула под неожиданной тяжестью.

— Возьми пальцами! — приказал Гэндальф. — И посмотри!

Фродо взял и увидел тонкую, тончайшую резьбу изнутри и снаружи Кольца. Оно было словно испещрено легким огнём, ярким, но каким-то туманным, проступавшим из глубины.

၃ နက္ခတ္တရာဇ်ဇာ. နက္ခတ္တရာဇ်ဇာ
နက္ခတ္တရာဇ်ဇာ. နက္ခတ္တရာဇ်ဇာ

— Мне непонятны эти огненные буквы, — сказал Фродо дрожащим голосом.

— Тебе непонятны, — откликнулся Гэндальф, — зато мне понятны. Старинные руны эльфов, а язык мордорский. Я не хочу, чтобы он звучал здесь. На всеобщий язык надпись можно перевести так:

"Кольцо — чтоб найти их, Кольцо — чтоб свести их

И силой Всевластия вместе сковать их"

Это две строки из памятного одним эльфам стихотворного заклинания:

Три кольца — владыкам эльфов под небесами,
 Семь — царям гномов в дворцах под горами,
 Девять — для смертных людей, обреченных тленью,
 Одно — Властелину Мордора
 На чёрном троне под тенью.
 Кольцо — чтоб найти их, Кольцо — чтоб свести их
 И силой Всевластия вместе сковать их

В ночи Мордора под тенью.

Гэндальф помолчал, затем глубоко вздохнул и проговорил:

— Твоё Кольцо — Кольцо Всевластия, которому покорны остальные девятнадцать. Кольцо, утраченное много лет назад в ущерб власти Врага. Оно нужно ему больше всего на свете — и он не должен его получить!

Фродо сидел молча и неподвижно, сжавшись от страха, словно его окутала холодом и тьмою чёрная туча с Востока.

— Так это — Вражье Кольцо? — пролепетал он. — Да как же, да зачем же оно ко мне попало?

— А! — сказал Гэндальф. — Это очень долгая история. Началась она в те Чёрные Лета, память о которых хранят лишь знатоки преданий. Если рассказывать сначала, мы с тобою до осени тут просидим...

Вчера я говорил тебе о Сауроне Великом, Чёрном Властелине. Твоих ушей достигли верные слухи: он воспрянул, покинул свои владения в Лихолесье и перебрался в Мордор, в Чёрную крепость, свою древнюю твердыню. Слово "Мордор" тебе знакомо: оно то и дело чернеет даже в хоббитских летописях, источая страх и мрак. Да, снова и снова — разгром, затишье, но потом Тьма меняет обличье и опять разрастается.

— Хоть бы при мне-то этого не было, — сказал Фродо.

— И мне хотелось бы того же, — отозвался Гэндальф. — Как и всем, кому выпало жить в подобные времена. Все-то всегда говорили: хоть бы не при нас. Но выбирать нам не дано. Всё, что мы можем, это решить, как быть с отпущенным нам временем. А над нашим временем, Фродо, собирается большая гроза. Враг быстро набирает силы. Его замыслы зреют, пусть даже пока они далеки от созревания. И нам придётся туго. Нам обязательно пришлось бы очень туго, не возникни этот опасный шанс.

Враг силён, но чтобы сломить всякий отпор, сокрушить последние оплоты и затопить Средиземье Тьмою, ему недостает одного — Кольца Всевластия.

Три прекраснейшие Кольца владыки эльфов укрыли от него: рука его их не коснулась и не осквернила. Семь Колец было у царей гномов: три он добыл, остальные истребили драконы. Девять он роздал смертным людям, величавым и гордым, чтобы поработить их. Давным-давно покорились они Одному и превратились в призраков Кольца, стали тенями его великой Тени, его самыми ужасными слугами. Давным-давно, очень давно не видывали на земле Девятерых. Но кто знает? Мрак опять разрастается; возможно, появятся и они, исчадия мрака... А впрочем, не будем говорить о них даже сейчас, в милой Хоббитании, ярким утром.

Да, нынче так: Девять Колец у его подручных, и те из Семи, которые уцелели, хранятся в Мордоре. Три покамест укрыты, но что ему до них! Ему нужно Кольцо Всевластия: он выковал его, это его Кольцо, в него вложена часть его древней силы — и немало её ушло, чтобы спаять Кольца в чёрную цепь. Если это Кольцо найдётся, он опять сможет повелевать всеми остальными, и даже Три эльфийские будут ему подвластны: всё, сделанное с их помощью, падёт, и сила его станет необоримой.

В этом-то и состоит наш опасный шанс, Фродо. Саурон думал, что Кольца Всевластия больше нет, что эльфы его уничтожили, как и следовало сделать. А теперь он знает, что оно цело, что оно нашлось, и сам ищет его, ищет, преклонив свою мысль сюда, на поиск. Такова его великая надежда и великий страх.

— Да почему, почему же его не расплавили?! — возопил Фродо. — И как это Враг лишился

его, если он такой могучий, а оно ему так дорого? — Он сжимал Кольцо в руке, словно к нему уже тянулись чёрные пальцы.

— Оно было отнято у него в давние годы, — сказал Гэндальф. — Велика была сила эльфов, и люди тогда ещё были заодно с ними. Да, люди Запада поддерживали их. Не худо бы нам припомнить эту главу древней истории: тогда было и горе, и мрак надвигался, но против них воздвиглась великая доблесть, и тогдашние подвиги не пропали даром. Однажды я, быть может, расскажу тебе эту повесть, или ты услышишь её полностью от того, кто знает её лучше меня.

А пока, чтоб ты понял, как Кольцо очутилось у тебя, я передам её вкратце... Властелин эльфов Гил-галад и Элендил с Заокраинного Запада ниспровергли мощь Саурона, но и сами пали в борьбе. Сын Элендила, Исилдур, сорвал Кольцо с руки Саурона и оставил его у себя. И Саурон развоплотился и блуждал бесформенным духом долгие годы, пока тень его не оформилась снова в Лихолесье.

Но Кольцо исчезло. Оно упало в Великую Реку, Андуин, и так было утрачено. Ибо Исилдур, двигаясь к северу вдоль восточного берега реки, попал близ Ирисной низины в засаду, устроенную горными орками, и почти все его люди были перебиты. Сам он бросился в воду, но, пока плыл, Кольцо соскользнуло с его пальца. Тут орки увидели его и расстреляли из луков.

Гэндальф примолк.

— И там, в тёмных омутах в центре Ирисной низины, — продолжил он, — Кольцо и лежало, позабытое даже преданиями, и именно потому так мало известно о нём теперь, и даже Совет Мудрых не смог открыть большего. Однако я, кажется, всё-таки докопался до продолжения этой истории.

Много лет спустя, но всё же в глубокой древности, в Глухоманье, на берегу Великой Реки, Андуина, жил искусный и тихий народец. Думаю, их род был сродни голованам, предкам отцов брендидуинских хоббитов, ибо они любили Реку и часто плавали в ней, а ещё плели маленькие лодочки из тростника. Была среди них одна почтенная семья, большая и зажиточная; а главенствовала в ней суровая и приверженная древним обычаям бабушка, настоящий матриарх. Самый ловкий и пытливый из этой семьи звался Смеагорлом. Всё ему надо было знать: он нырял в омуты, подкапывался под зелёные холмы, добирался до корней деревьев, но не поднимал глаз к вершинам гор, древесным кронам и цветам, раскрытым в небеса: взгляд его был прикован к земле.

Был у него приятель по имени Деагорл, такой же остроглазый, но не такой сильный и шустрый. Однажды они отправились на лодке вниз, к Ирисной низине, и заплыли в заросли лиловых ирисов да пышных камышей. Смеагорл выпрыгнул из лодки и пошёл рыскать по берегу, а Деагорл удил, оставшись в лодке. Вдруг клюнула большая рыба и рывком стащила его за собою под воду на самое дно. Заметив в иле что-то блестящее, он выпустил леску, задержал дыхание и черпнул горстью.

Вынырнул он с водорослями в волосах и пригоршней ила в руке, отдышался и поплыл к берегу. С берега окунул руку в воду, обмыл грязь — и смотри пожалуйста! — на ладони у него осталось прекрасное золотое кольцо: оно дивно сверкало на солнце, и Деагорл пялился на него во все глаза. Сзади неслышно подошёл Смеагорл.

— Отдай-ка его нам, миленький Деагорл, — сказал Смеагорл, заглядывая через плечо приятеля.

— Это почему же? — удивился Деагорл.

— А потому что у нас, миленький, сегодня день рождения, и мы хотим его в подарочек, — отвечал Смеагорл.

— Ишь какой, — сказал Деагорл. — Был тебе уже от меня сегодня подарочек, небось не

пожалуешься. А это я для себя нашёл.

— Да как же, миленький, да что ты, да неужели же? — проворковал Смеагорл, вцепился Деагорлу в горло и задушил его: кольцо было такое чудное и яркое. Затем он надел его на палец.

Никто не узнал, что случилось с Деагорлом, — он принял смерть далеко от дома, и тело его было хитро запрятано. А Смеагорл вернулся один и обнаружил, что никто из родных не может видеть его, пока у него на пальце кольцо. Ему очень понравилось исчезать: мало ли что можно было эдак натворить, и он много чего натворил. Он стал подслушивать, подглядывать и пакостничать. Кольцо наделило его мелким всевластием: тем, какое было ему по мерке. Неудивительно, что родня чуралась его (когда он был видим), близкие отшатнулись. Его пинали, а он кусал обидчиков за ноги. Он привык и наловчился воровать, он ходил и бормотал себе под нос, а в горле у него клокотало: горлум, горлум, горлум... За это его и прозвали: Горлум. Всем он был гадок, и все его гнали; а бабушка и вовсе, желая мира, исключила его из членов семьи и запретила возвращаться в нору.

Так и бродил он в одиночестве, жалуясь на жестокость мира и постепенно поднимаясь вверх по течению Великой Реки, пока не наткнулся на текущий с гор поток и не свернул к нему. Невидимыми пальцами ловил он в глубоких заводях речную рыбу и ел её живьём. Однажды было очень жарко, он склонился над омутом, ему жгло затылок, а вода нестерпимо блестела. Ему было странно это: он совсем позабыл, что на свете есть солнце. А когда вспомнил, поднял кулак и погрозил ему.

Потом он глаза опустил и увидел далёкие вершины Мглистых Гор, давших начало потоку. И вдруг подумал: "Ах, как прохладно и темно под этими скалами! Солнце не будет на меня там глазеть. Горы тоже пускают корни, и у корней этих погребены тайны, неведомые с начала времён, которые буду знать только я".

Ночной порою он поднялся в горы, нашёл пещеру, из которой сочился тёмный поток, и червём заполз в каменную глубь, надолго исчезнув с лица земли. И Кольцо вместе с Горлумом поглотила первозданная тьма, так что даже тот, кто его выковал, когда стал вновь набирать силу, не смог ничего узнать о нём.

— Подожди, ты сказал Горлум? — вскричал Фродо. — Как Горлум? Это что, та самая тварь, на которую наткнулся Бильбо? Как всё это мерзко!

— По мне, это не мерзко, а горько, — возразил маг, — ведь такое могло бы случиться и с другими, даже кое с кем из знакомых мне хоббитов.

— Ни за что не поверю, что Горлум, пусть и издали, сродни хоббитам, — отрезал Фродо. — Быть этого не может!

— Однако это чистая правда, — заметил Гэндальф. — О чём другом, а о происхождении хоббитов я знаю побольше, чем вы сами. Даже из рассказа Бильбо родство вполне очевидно. О многом они с Горлумом одинаково думали и многое одинаково помнили. А понимали друг друга чуть ли не с полуслова, куда лучше, чем хоббит поймёт, скажем, гнома, орка или даже эльфа. Загадки-то у них были, помнишь, прямо-таки общие.

— Это верно, — согласился Фродо. — Хотя не одни хоббиты загадывают загадки, и все они, в общем, похожи. Зато хоббиты никогда не жульничают, а Горлум только и норовил. Он ведь затеял игру, чтобы улучшить миг и застать Бильбо врасплох. Очень для него выходила приятная игра: выиграет — будет кого съесть, а проиграет — беда невелика.

— Боюсь, что так оно и было, — сказал Гэндальф. — Но было, полагаю, и кое-что другое, чего ты пока не уловил. Горлум — существо не совсем пропащее. Он оказался крепче, чем могли бы предположить мудрые, — совсем как хоббит. В душе у него остался заветный уголок, в который проникал свет, как солнце сквозь щёлку: свет из прошлого. И должно быть, ему было

приятно снова услышать добрый голос, напоминавший о ветре и деревьях, о залитой солнцем траве и о многом, многом забытом.

Но, конечно же, это смогло вызвать лишь новый приступ злобы худшей части его души, и другого исхода нет, если только не удастся побороть эту часть. Если только возможно исцеление. — Гэндальф вздохнул. — Увы! Для него надежды мало. Но все же есть. Есть, хоть он и владел Кольцом очень долго, так долго, что и сам не упомнит, с каких пор. Правда, он уже давно перестал то и дело надевать его — зачем, в крошечной-то тьме? Во всяком случае, он не "истаял". Он тощий, как щепка, жилистый и выносливый. Но душа его, разумеется, изъедена Кольцом, и попытка утраты оказалась почти невыносима.

А все "глубокие тайны гор" обернулись бездонной ночью; открывать было нечего, жить незачем — только исподтишка добывая пищу, припоминай старые обиды да придумывай новые. Жалкая у него была жизнь. Он ненавидел тьму, а свет — ещё больше; он ненавидел всё, а больше всего — Кольцо.

— Как это? — удивился Фродо. — Кольцо же его "прелесть", он только о нём и думал? А если он его ненавидел, то почему же не выбросил или не оставил где-нибудь?

— Ты уже много услышал, Фродо, пора бы тебе и понять, — сказал Гэндальф. — Он ненавидел и любил Кольцо, как любил и ненавидел себя. А избавиться от него не мог. На то у него не было воли.

Кольцо Всевластия, Фродо, само себе сторож. Это оно может предательски соскользнуть с пальца, а владелец никогда его не бросит. Разве что подумает, едва ли не шутя, отдать его кому-нибудь на хранение, да и то поначалу, пока оно ещё не вцепилось во владельца. Насколько мне известно, один только Бильбо решился его отдать — и отдал. Да и то не без моей помощи. Но даже Бильбо не оставил бы Кольцо на произвол судьбы, не бросил бы его. Нет, Фродо, решал дело не Горлум, а само Кольцо. И решило.

— Решило сменить Горлума на Бильбо, что ли? — спросил Фродо. — Уж вернее было бы попасться к какому-нибудь орку.

— Плохая тема для шуток, — сказал Гэндальф. — И не тебе над этим смеяться. Это-то вот и есть самое странное за всю историю Кольца, что Бильбо оказался тут как тут и нечаянно нашёл его в потёмках...

Зло не правит миром безраздельно, Фродо. Кольцо пыталось вернуться к своему Властелину. Недаром предало оно Исилдура, соскользнув с его пальца, и недаром, когда подвернулся случай, его выловил бедняга Деагорл, а потом был умерщвлён. И не зря им завладел Горлум. Горлума оно понемногу источило — но дальше-то что? Он мелкий и жалкий: и пока оно было при нём, он оставался в своём озерце. И вот когда подлинный его властелин набрал силу и тянулся за ним своей чёрной думой из Лихолесья, оно бросило Горлума. Однако подобрал его не орк, не тролль, не человек, а Бильбо из Хоббитании!

Думаю, что это случилось наперекор воле Врага. Видно, так уж было суждено, чтобы Кольцо нашёл не кто-нибудь, а именно Бильбо. Стало быть, и тебе суждено было его унаследовать. Мне в этом видится проблеск надежды.

— А мне не видится, — возразил Фродо. — Хотя не уверен, что понял тебя. Скажи лучше, как ты всё это выяснил — про Кольцо и про Горлума? Ты действительно знаешь, а не строишь догадки?

Гэндальф поглядел на Фродо, и глаза его блеснули.

— Я многое знал и многое выяснил, — ответил он. — Но тебе, знаешь ли, я не собираюсь докладывать обо всех моих поисках. История про Элендила, Исилдура и Кольцо Всевластия известна всем Мудрым. И твоё Кольцо — именно это, судя по одной только огненной надписи, не говоря уж о других признаках...

— А это ты когда открыл? — перебил его Фродо.

— На твоих глазах в твоей гостиной, — жестко отвечал маг. — Но я заранее знал, что мне это откроется. Я много путешествовал и долго искал — а это последняя проба. Последнее доказательство, и теперь всё ясно. Нелегко было разобраться, причём тут Горлум и как он затесался в древнюю кровавую историю. Может, мне и надо было начинать догадки с Горлума, но теперь я догадок не строю. Я просто знаю, как было. Я его видел.

— Ты видел Горлума? — изумлённо воскликнул Фродо.

— Да, видел. Без него не разберёшься, это понятней понятного. Я долго пытался добраться до него, и наконец мне это удалось.

— Что ж с ним случилось потом, после Бильбо? Это ты знаешь?

— Довольно смутно. То, что я рассказал тебе, рассказано со слов Горлума: хотя он-то, конечно, не так рассказывал. Горлум — превеликий лгун, и каждое его слово приходится обчищать. К примеру, Кольцо у него так и оставалось "подарочком на день рожденья" — будто бы от бабушки: у неё, мол, много было подобных безделушек. Дурацкая выдумка. Конечно, бабушка Смеагорла была женщина властная и хозяйственная, но чтобы в её хозяйстве водились эльфийские кольца — это вряд ли, и уж тем более вряд ли она стала бы дарить их внукам на дни рожденья. Однако враньё враньем, а зерно истины в нём скрыто.

Горлум никак не мог забыть, что он убил Деагорла, и всеми силами защищался от собственной памяти: грыз в темноте кости, повторяя своей "прелести" одну и ту же, одну и ту же ложь, пока сам в неё не уверовал. Ведь правда же, тогда был его день рожденья и Деагорл должен был подарить ему Кольцо. Оно затем и подвернулось — ему в подарок. Это самый настоящий подарок на день рожденья — и так далее в том же роде.

Я терпел его бессвязную болтовню сколько мог, но любой ценой надо было добиться правды, и пришлось мне обойтись с ним круто. Я пригрозил ему огнём, и он наконец рассказал всё, как было, — понемногу, огрызаясь, истекая слюнями и слезами. Его, видите ли, обидели, унизили и вдобавок ограбили. Я у него выпытал и про загадки, и про бегство Бильбо, но вот дальше — тут он словно онемел и только выхныкивал иногда мрачные намёки. Видно, какой-то ужас сковывал его язык, и я ничего не мог поделать. Он плаксиво бубнил, что своего никому не уступит и кое-кто узнает ещё, как его пинать, обманывать и грабить. Теперь у Горлума есть хорошие, такие чудесненькие друзья — и они очень даже покажут, кому надо, где орки зимуют. Они ему помогут, и Торбинс-ворюга ещё поплатится. Он ещё поплатится и наплачется, твердил Горлум на разные лады. Бильбо он ненавидит люто и клянет страшно. Но хуже другое: он знает, кто такой Бильбо и откуда явился.

— Да кто же ему сказал? — взволновался Фродо.

— Ну, если на то пошло, так Бильбо сам ему сдуру представился, а уж потом нетрудно было выяснить, откуда он явился, — если, конечно, выползти наружу. И Горлум выполз, ох, выполз. По Кольцу он тосковал нестерпимо — тоска эта превозмогла страх перед орками и даже его страх перед светом. Протосковал он год, а то и два. Видишь ли, Кольцо хоть и тянуло его к себе, но уже не истачивало, как прежде, и он понемногу начал оживать. Старость давила его, ужасно давила, но вечная опасность пропала; к тому же он был смертельно голоден.

Любой свет — что лунный, что солнечный — был ему нестерпим и ненавистен, это уж, наверно, так с ним и будет до конца дней; но хитрости и ловкости ему не занимать. Он сообразил, что укрыться можно и от солнечного, и от лунного света, можно быстро и бесшумно пробираться тёмной ночью, когда мрак пронизают только его белёсые глаза: и ловить всяких мелких беспечных зверушек. Его освежило ветром, он отъелся, а потому стал сильнее и смелее. До Лихолесья было недалеко; дотуда он, в свой час, и добрался.

— И там ты его нашёл? — спросил Фродо.

— Я его там видел, — отвечал Гэндальф, — но перед этим он проделал долгий путь вслед за Бильбо. А потом... толком-то я, пожалуй, так и не знаю, что было потом. Выяснить хоть что-то достоверное стоило великих трудов: он нёс какую-то околесицу, захлёбывался руганью и угрозами. "Что было у него в карманиш-шке?" — бормотал он. — "Он не сказал, нет, преле-с-сть. Гад, гад, гадёныш. Нечестный вопрос, нечестный. Он смошенничал, он, а не я, он правила нарушил. Надо было сразу его удавить, да, моя прелес-с-сть? Ничего, прелес-с-сть, ещё удавим".

И так без конца. Ты вот уже морщишься, а я это терпел изо дня в день, с утра до вечера. Ну, не совсем зря: по его обмолвкам я всё же понял, что он дошлёпал до Эсгарота и даже до улиц Дола, подсматривал и подслушивал. Большие новости гулко отдаются в Глухоманье, а очень многие слышали о Бильбо и знали, откуда он пришёл. Да на обратном пути, после победы в Битве Пяти Воинств, и мы не таились. Горлум на ухо востёр — он живо услышал и понял, что ему было надо.

— Почему же он тогда не выследил Бильбо до конца? — спросил Фродо. — Или он побывал у нас в Хоббитании?

— Да вот, — сказал Гэндальф, — в том-то и дело, что не побывал. Пошёл-то он к вам. Дошёл до Великой Реки и вдруг свернул. Дальней дороги он бы вряд ли испугался, не такой. Нет, что-то сбило его с пути. И мои друзья, которые выследили его для меня, того же мнения.

Первыми его свежий след без труда подняли лесные эльфы. Он вёл через Лихолесье и обратно: правда, поймать самого Горлума им не удалось. А лес был полон жуткой памяти о нём, перепугались все зверушки и птицы. Лесорубы говорили, что явилось новое чудище: призрак-кровопийца. Он взбирается по деревьям к гнёздам, заползает в норы и ворует детёнышей, проскальзывает в окна к колыбелям.

От западной окраины Лихолесья след повернул назад, потом, петляя, повёл на юг, вывел за пределы владений лесных эльфов и затерялся. Тут-то я и сделал большую ошибку. Да, Фродо, ошибку, и не первую; боюсь, только, что самую опасную. Я оставил его в покое — пусть идёт, куда хочет. У меня была куча срочных дел, и я по-прежнему верил в мудрость Сарумана.

С тех пор прошло много лет. Я заплатил за свой просчёт чёрными, трудными днями. Когда я понял, что мне позарез нужен Горлум — а это было после ухода Бильбо, — след его давно потерялся. И поиски мои были бы тщетны, но меня выручил друг по имени Арагорн, лучший следопыт и охотник нынешних времён. Вместе с ним мы прочесали всё Глухоманье без особой надежды и понапрасну. И когда, отчаявшись, я решил бросить поиски и занялся другим, Горлум вдруг нашёлся. Мой друг едва ли не чудом вернулся из смертельно опасного путешествия и приволок это жалкое создание с собой.

Чем Горлум занимался всё это время, так и осталось тайною. Он обливался слезами, называл нас скверными и жестокими, а в горле у него klokотало: "горрлум, горрлум". Даже под угрозой огня он только хныкал, ёжил, заламывал свои длинные руки и лизал пальцы, словно обожжённые, будто они напоминали ему о какой-то давней жестокой пытке. Но боюсь, что сомнений нет: он медленно, потихоньку, шаг за шагом, миля за милей прокрался на юг — и попал в Мордор.

Комнату затопила тяжёлая тишина, и Фродо услышал, как колотится его сердце. Снаружи всё тоже будто замерло — даже ножницы Сэма перестали щёлкать.

— Да, в Мордор, — повторил Гэндальф. — Оно и понятно, там приют всякой злобе и зависти: туда стягивает лиходеев Чёрный Властелин. А ведь Кольцо Врага исковеркало душу Горлума, и он внял неотступному зову. К тому же все шептались о том, что Мордор снова окутан мраком и что там клубится душная, беспощадная ненависть к Западу. Там, только там, были его настоящие друзья: они-то и помогут ему отомстить, думал Горлум.

Несчастный дурак! Да, он пробрался в Мордор и узнал много — чересчур даже много. Он долго бродил у границ этой страшной страны — тут и попался и был притянут к общеобязательному допросу чужаков. Скорее всего, дело было именно так. Арагорн изловил Горлума после того, как он пробыл там очень, очень долго и возвращался назад. То ли его послали, то ли он сам надумал какую-нибудь пакость. Впрочем, это неважно: главный вред от него уже позади.

Да, но вред невосполнимый! Ибо Враг выпытал у него, что Кольцо Всевластия нашлось. Он знает, где пал Исилдур, знает, где Горлumu досталось Кольцо. Знает, что это Великое Кольцо: оно дарует нескончаемую жизнь. Знает, что это не одно из Трёх эльфийских: эльфы их сохранили, и в них нет мерзости, они чисты. Знает, что это не одно из Семи гномьих или Девяти мертвецких: с ними всё ясно. Враг понял, что Кольцо — то самое. И вдобавок услышал про хоббитов и Шир.

Может статься, он сейчас его и отыскивает — если уже не нашёл. И знай, Фродо, что ваше родовое имя, долго пребывавшее в неизвестности, тоже всплыло заодно с прочим.

— Но ведь это ужасно! — вскричал Фродо. — Ужасней ужасного! Даже твои жуткие намеки и неясные остережения так меня не пугали. Гэндальф, о Гэндальф. надёжный мой друг, что же мне делать? Теперь вот мне по-настоящему страшно. Скажи, Гэндальф, что мне делать? Какая всё-таки жалость, что Бильбо не заколол этого мерзавца, когда был такой удобный случай!

— Жалость, говоришь? Да ведь именно жалость удержала его руку. Жалость и милосердие: без крайней нужды убивать нельзя. И за это, друг мой Фродо, была ему немалая награда. Недаром он не стал приспешником зла, недаром спасся; а всё потому, что начал с жалости!

— Прости, не о том речь, — сказал Фродо. — Страх обуял меня, но Горлума всё равно жалеть глупо.

— Не видел ты его, — сказал Гэндальф.

— Не видел и не хочу, — отрезал Фродо. — А тебя просто не понимаю. Неужели же ты, эльфы и кто там ещё, — неужели вы пощадили Горлума после всех его чёрных дел? Да он хуже всякого орка и такой же враг. Он заслужил смерть.

— Заслужить-то заслужил, спору нет. И он, и многие другие, имя им — легион; а посчитай-ка таких, кому надо бы жить да жить, — но они мертвы. Их ты можешь воскресить — чтоб уж всем было по заслугам? А нет — так не торопись никого осуждать на смерть. Ибо даже мудрейшим не дано провидеть всё... Мало, очень мало надежды на исправление Горлума, но кто поручится, что её вовсе нет? Судьба его едина с судьбою Кольца, и чует моё сердце, что он ещё — к добру ли, к худу ли — зачем-то понадобится. В час развязки жалость Бильбо может оказаться залогом спасения многих — твоего, кстати, тоже. Да, мы его пощадили: он старый и жалкий — таких не казнят. Он остался в заточении у лесных эльфов — но они обходятся с ним со всем милосердием, которое могут найти в своих мудрых сердцах.

— Всё равно, — сказал Фродо, — пусть даже и не надо было убивать Горлума. Но зачем Бильбо оставил себе Кольцо? Лучше бы он вообще не находил его, и чтобы оно мне не досталось! Почему ты позволил мне оставить его у себя? Почему не заставил выкинуть или уничтожить?

— Позволил? Заставил? — сердито откликнулся маг. — Ты что, пропускал мои слова мимо ушей? Думай всё-таки, прежде чем говорить. Выкинуть его можно только по безрассудству. Подобные Кольца умеют заставить себя найти, и в недобрых руках способны принести великое зло. А самое скверное, что оно может попасть в руки Врага, да и непременно попадёт: он тянет его к себе могучим, тяжким усилием.

Да, милый Фродо, ты в большой опасности, оттого-то мне и беспокойно. Но ставки нынче

такие, что опаснее всего — не рисковать. Однако помни, что, когда я отлучался, Шир был под неусыпным надзором и охраной. Раз ты ни разу не надевал Кольцо, стало быть, оно не сможет склонить тебя ко злу, да и отпечатка не оставит, по крайней мере, надолго. Пока что — нет. А девять лет назад, при нашем последнем свидании, я ещё ничего толком не знал.

— Хорошо, нельзя выкинуть, так можно уничтожить: ты же сам сказал, что это давным-давно надо было сделать! — в отчаянии воскликнул Фродо. — Предупредил бы меня, написал бы, — и я бы с ним давно разделался.

— Да? А как? Ты пробовал?

— Нет, не пробовал. Но его же, наверно, как-то можно сплющить или расплавить?

— А ты попробуй! — сказал Гэндальф. — Возьми да попробуй!

Фродо опять достал Кольцо из кармана и поглядел на него. Оно было чистое и гладкое, без всяких видимых надписей. Ярко лучилось золото, и Фродо подумал: какой у него густой и чудный отлив, как оно на диво скруглено. Изумительное и поистине драгоценное Кольцо. Он вынул его, чтобы швырнуть в огонь, но вдруг понял, что сделать этого не может, что себя не переломишь. Он нерешительно взвешивал Кольцо на ладони, старательно вспоминая зловещую повесть Гэндальфа; наконец собрал все силы — и обнаружил, что поспешно запихивает Кольцо в карман.

Гэндальф невесело рассмеялся.

— Вот видишь? Уже и ты, Фродо, не можешь с ним расстаться, бережешь его от вреда. Не мог я "заставить" тебя — разве грубой силой, а этого твой рассудок не выдержал бы. И никакой силой Кольцо не сломать. Бей его сколько хочешь шестипудовым кузнечным молотом — на нём и следа не останется. Да что там ты — я и то ничего с ним сделать не смогу.

В огне твоего камина и обычное-то золото не расплавится. А Кольцо, ты видел, в этом огне только посвежело, даже не нагрелось. И во всей Хоббитании нет такого кузнеца, который мог бы хоть чуть-чуть его сплющить. Ему нипочём даже горнила и молоты гномов. Было поверье, что Великие Кольца плавятся в драконовом огне, но нет сейчас на земле, да и не было никогда такого дракона, в котором древний огонь горел бы с нужною силой. Даже сам Анкалагон Чёрный не смог бы причинить вреда Одному Кольцу, Кольцу Власти, которое выковал сам Саурон!

Есть только один способ: добраться до Роковых Щелей в недрах Ородруина, огненной горы, и бросить Кольцо в пылающую расселину, — если ты по-настоящему захочешь, чтобы оно расплавилось и стало навсегда недоступно Врагу.

— Да нет, я, конечно, очень хочу, чтобы оно... чтобы стало недоступно! — заторопился Фродо. — Только пусть это не я, пусть кто-нибудь другой, разве такие подвиги мне по силам? Зачем оно мне вообще досталось? При чём тут я? И почему именно я?

— Вопрос на вопросе, — сказал Гэндальф, — а какие тебе нужны ответы? Что ты не за доблесть избран? Нет, не за доблесть. Ни силы в тебе нет, ни мудрости. Однако же избран ты, а значит, придётся тебе быть, насколько сумеешь, сильным, мудрым и доблестным.

— Но у меня так мало и того, и другого, не говоря уж о третьем! Ты, Гэндальф, — ты и сильный, и мудрый. Возьми у меня Кольцо, оно — тебе.

— Нет! — крикнул Гэндальф, вскакивая на ноги. — Будь у меня такое страшное могущество, я стал бы всевластным рабом Кольца.

Глаза его сверкнули, лицо изнутри озарилось тёмным огнём.

— Нет, не искушай меня! Ужасен Чёрный Властелин — а ведь я могу стать ещё ужаснее. Кольцо знает путь к моему сердцу, знает, что меня мучает жалость ко всем слабым и беззащитным, а с его помощью — о, как бы надёжно я их защитил: чтобы превратить потом в

своих рабов. Не искушай меня, не навязывай мне его! Я не смею взять его, не сумею стать просто хранителем; это выше моих сил: слишком оно мне нужно! Великие опасности ждут меня...

Он подошёл к окну, поднял шторы и отдернул занавески. В комнату снова хлынуло солнце. Мимо окошка, посвистывая, прошёл Сэм.

— Как видишь, — сказал маг, обернувшись к Фродо, — решать придётся тебе. Но я тебя не оставлю. — И он положил руку на плечо Фродо. — Я помогу тебе снести это бремя, пока это бремя твоё. Только не надо медлить. Враг не мешкает.

Настало молчание. Гэндальф снова сел в кресло и попыхивал трубкой: должно быть, задумался. И глаза прикрыл, но из-под век зорко следил за Фродо. А Фродо неотрывно глядел на тёмно-алые уголья в камине, только их и видел, и чудилось ему, что он заглядывает в глубокий огненный колодец. Он думал о легендарных багровых расщелинах древней и страшной Горы.

— Так! — сказал наконец Гэндальф. — Ну, и о чём ты размышляешь? Что решил?

— Ничего, — глухо откликнулся Фродо. Но огненная тьма вдруг выпустила его. Он снова сидел в светлой комнате, изумляясь яркому окну и солнечному саду. — А впрочем, решил. Насколько я тебя понял, придётся мне, наверно, оставить пока Кольцо у себя и сберечь его, что бы там оно со мной ни сотворило.

— Что бы оно ни сотворило, нескоро, очень нескоро сумеет Кольцо повернуть тебя ко злу, если ты берешься хранить его с такой целью, — сказал Гэндальф.

— Надеюсь, — сказал Фродо. — Только хорошо бы ты всё-таки нашёл какого-нибудь хранителя понадежней. А пока что, если ты прав, то я опасен, опасен для всех кто живёт рядом со мной. Вряд ли мне, стало быть, удастся сберечь Кольцо и уберечь друзей, если я останусь дома. Придётся мне бросить Торбу, покинуть Шир и вообще уйти, куда глаза глядят. — Он вздохнул. — Хорошо бы всё-таки спасти Хоббитанию, — правда, я иной раз клял хоббитов за глупость последними словами, призывая на них землетрясение и драконов: но нет уж, лучше не надо. Пока у меня за спиной спокойный и уютный Шир, мне как-то легче: я знаю, что есть, куда вернуться, даже если не суждено.

Я, конечно, и раньше думал, не уйти ли мне, только представлял себе какой-то пикник: приключения, как у Бильбо или даже интереснее — разные ведь бывают, и все хорошо кончаются. А тут — изгнание, путь из страха в страх, и смерть попятам. Да и путешествовать мне, видно, придётся одному, раз мне выпала такая доля — спасти Шир. Только я же маленький, для всех чужой и — как бы это сказать? — без тени надежды. А Враг такой сильный и страшный.

Он не признался Гэндальфу, что пока говорил, в сердце его вспыхнуло желание пойти вслед за Бильбо — пойти и, быть может, даже встретиться с ним. Желание было такое сильное, что страх отступил: он, пожалуй, так бы и кинулся бежать без шляпы вниз по дороге, как когда-то, таким же утром, давным-давно, Бильбо.

— Дорогой Фродо! — воскликнул Гэндальф. — Верно сказал я: изумительные существа хоббиты. Кажется, и месяца хватит, чтобы их изучить, а они и через сто лет тебя несказанно удивят. Вот уж чего не ожидал — даже и от тебя! Бильбо-то не ошибся с наследником, хотя не понимал, как это важно. Да, похоже, что ты как нельзя более прав. По нынешним временам Кольцу не место в Хоббитании: тебе для твоей, да и не только твоей, безопасности придётся уйти и на время забыть, что ты — Торбинс. Опасное это имя за пределами Ши́ра. Дай-ка я придумаю тебе другое... Назовись ты, пожалуй, Накручинсом.

А одному тебе идти всё-таки не стоит. Кому там из своих приятелей ты вполне доверяешь, кто согласится поддержать тебя, кто готов пойти навстречу неведомым опасностям?.. Только

будь поосторожнее в выборе. И болтай поменьше, даже с ближайшими друзьями! У Врага повсюду шпионы, он всё слышит.

Маг вдруг осёкся и прислушался. В комнате и в саду стояла звонкая тишина. Гэндальф подкрался к окну, вспрыгнул на подоконник, протянул длинную руку — и в окне, жалобно пискнув, появилась кудрявая голова Сэма Скромби, вытянутая за ухо.

— Так, так, клянусь бородой! — сказал Гэндальф. — Сэм Скромби, он самый. Под окном, значит?

— Да что вы, сударь, что вы, господин Гэндальф! — горячо возразил Сэм. — Под каким окном! Я тут просто полот и подстригал траву: видите? — он показал в своё оправдание садовые ножницы.

— Вижу, — мрачно отозвался Гэндальф. — А вот щёлкать твои ножницы давно что-то перестали. Подслушивал?

— Подсушивал, сударь? Да нет, зачем же, и так всё подсохло.

— Ты дурака-то не валяй! Что слышал и зачем подслушивал? — Глаза Гэндальфа сверкнули и брови оцетинились.

— Мистер Фродо, сэр! — в ужасе выкрикнул Сэм. — Не позволяйте ему, сэр, а то он меня во что-нибудь раз — и превратит. Доказывай потом моему старику, что это я. Я же ничего худого не хотел, честное слово, сэр!

— Ни во что он тебя не превратит, — сказал, еле сдерживая смех, изумлённый и озадаченный Фродо. — Он знает, как и я, что ты подслушивал без худого умысла. Ты бояться-то не бойся, а спрошено — отвечай!

— Да что ж, сэр, — втянув голову в плечи, признался Сэм. — Я порядком слышал, хотя понял-то не всё: и про Врага, и про Кольца, и про господина Бильбо — ну там, драконы, Огненная Гора — и, конечно, про эльфов. Ведь даже не собирался подслушивать — а слышал: сами знаете, как нечаянно бывает. Меня ведь хлебом не корми, а дай послушать про эльфов, мало ли что там Тед говорит. Эльфы, сэр! Хоть бы одним глазком их повидать. Вот вы, сэр, пойдёте — ну и мне бы эльфов показали, а?

Гэндальф друг рассмеялся.

— Ну-ка, давай сюда! — крикнул он и, подхватив двумя руками ошарашенного Сэма, втащил его, с ножницами и лопатой в руках, в комнату и поставил на пол.

— Эльфов, говоришь, тебе показать? — спросил он, всматриваясь в Сэма и невольно улыбаясь. — Ты, стало быть, расслышал, что хозяин твой уходит?

— Расслышал, а как же. Тут-то я и поперхнулся: а это уж небось вы расслышали. Да я нечаянно — ведь такое огорчение!

— Ничего не поделаешь, Сэм, — грустно сказал Фродо. Он вдруг понял, что прощание с Хоббитанией будет очень трудное и что прощается он не только с Торбой. — Надо мне идти. А ты, — и он сурово посмотрел на Сэма, — если ты и правда за меня тревожишься, то уж держи язык за зубами, ладно? Проболтаешься хоть о чём-нибудь, что ненароком подслушал, — и Гэндальф, чего доброго, превратит тебя в пятнистую жабу, а с ужами, знаешь ли, шутки плохи.

Сэм задрожал и бухнулся на колени.

— Встань, Сэм! — велел Гэндальф. — Я придумал кое-что пострашнее: ни о чём ты не проболтаешься и впредь будешь знать, как подслушивать. Ты пойдёшь с Фродо!

— Я? С хозяином? — воскликнул Сэм, подскочив, как собака, которую позвали гулять. — И увижу эльфов и ещё много всякого? Ур-ра! — крикнул он и вдруг расплакался.

— Выйти надо втихомолку и как можно скорее, — постоянно напоминал Гэндальф.

С первого разговора прошло уже две или три недели, а Фродо в путь пока не собрался.

— Знаю, знаю, — говорил Фродо. — Только это ведь нелегко — поскорее да ещё втихомолку. Если я просто исчезну, как Бильбо, молва раскатится по всей Хоббитании.

— Нет уж, ты, как Бильбо, не уходи! — сказал Гэндальф. — Этого ещё нам не хватало! Скорее — да; но не вдруг. Если сумеешь придумать, как ускользнуть из Ши́ра без лишнего шума, это стоит небольшой задержки. Только не тяни чересчур долго.

— Может, осенью, после нашего общего дня рождения? — предложил Фродо. — К тому времени я как раз всё устрою.

По правде говоря, когда дошло до дела, у него начисто пропала всякая охота к путешествиям. Торба вдруг стала донельзя уютной, и Фродо вовсю наслаждался последним своим летом в Хоббитании. А осенью, думал он, у нас поскучнеет, и сердце по-всегдашнему запросится в чужие края. Про себя он уже твердо решил дожидаться пятидесятилетия и стодвадцативосьмилетия Бильбо. Будет годовщина — тут-то и в путь, по примеру Бильбо. Без этого примера он бы и шагу не сделал, в жизни бы с духом не собрался. О Кольце и к какому концу оно приведёт Фродо старался не думать и с Гэндальфом не откровенничал. Может, маг и сам обо всём догадывался, но, по своему обыкновению, помалкивал.

Гэндальф поглядел на него и усмехнулся.

— Ладно, — сказал он, — пусть так, лишь бы не позже. Что-то мне очень тревожно. Только ты смотри, никому ни слова о том, куда путь держишь! И чтобы Сэм твой тоже молчал, как убитый, а то он у меня и правда жабой запрыгает.

— Куда я путь держу, — сказал Фродо, — этого я и сам пока не знаю, так что тут мудрено проболтаться.

— Не глупи! — насупился Гэндальф. — Я же не говорю, что ты собрался новый адрес на почте оставить! Но ты покидаешь Хоббитанию, и никто не должен этого знать, пока ты не будешь уже далеко. Куда-нибудь ты да направишься: на север, на юг, на запад или на восток — вот направление-то и следует сохранить в тайне.

— Мне так грустно оставлять Торбу и со всем прощаться, что я даже не подумал, куда отправлюсь, — сказал Фродо. — А куда, в самом-то деле? С какой целью? В чём мой долг? Бильбо — тот ушёл за сокровищем, ушёл и вернулся, а мне, значит, нужно вернуть сокровище, а самому сгинуть — так, что ли?

— Так, да не так, — отозвался Гэндальф. — Тут и я тебе не указчик. Может, ты дойдёшь до Ородруина, а может, это вовсе не твоё дело — как знать? Я знаю другое: пока что ты к такому пути не готов.

— Ещё бы! — воскликнул Фродо. — Ну, а сейчас-то мой путь куда?

— Навстречу опасности, — ответил маг. — Но пока не очертя голову и не напрямик, а по самому краешку. Иди-ка ты, пожалуй, в Раздол. Это не слишком опасный путь, хотя на дорогах нынче не спокойно, а осенью будет ещё хуже.

— В Раздол? — переспросил Фродо. — Хорошо, пойду на восток, к Раздолу. Сэм тоже со мной пойдёт, повидает эльфов, то-то ему радость!

Он обронил это как бы между прочим; но ему не шутя захотелось увидеть дом Элронда Полуэльфа и вдохнуть воздух той глубокой долины, где Дивный народ всё ещё жил мирно и счастливо.

Как-то летним вечером в "Укромном Уголке" и "Зелёном Драконе" обсуждали нечто потрясающее — что там великаны и прочая нечисть на границах! Оказывается, Фродо продает,

если уже не продал, Торбу — и кому? Лякошель-Торбинсам!

— Ну, за хорошие деньги, — говорили одни.

— За свою цену, — возражали другие, — будьте покойны. Лобелия гроша ломаного не даст. (Отто уже успел умереть, дожив до ста двух лет и не дождавшись свершения своих чаяний.)

О цене очень спорили; но больше о том, с чего бы это Фродо вздумал продавать свою прекрасную нору. Некоторые намекали — на это намекал и сам господин Торбинс, — что денежки у него на исходе: он собирается уехать из Хоббитона и спокойно жить на доходы с продажи в Забрении среди родственников со стороны Брендизайков.

— Лишь бы подальше от Лякошелей, — добавлял кое-кто. Но все так привыкли к рассказам о несметных богатствах Торбинсов из Торбы, что отвыкать было невмочь, гораздо труднее, чем поверить в любую другую разумную или не очень версию, и большинство подозревало некий тёмный, но пока ещё нераскрытый замысел Гэндальфа. Того хоть было не видеть и не слышать, но было отлично известно, что маг "прячется в Торбе". Положим, не слишком понятно, зачем ему нужно, чтобы Фродо переехал, но факт оставался фактом: Фродо Торбинс возвращается в Забрению.

— Да, осенью переезжаю, — подтверждал Фродо. — Мерри Брендизайк подыскивает там для меня чистенькую норку, а может, и уютный домик.

Мерри в самом деле подыскал и купил премиленький домик в Кроличьей Балке, чуть подальше Зайгорда. Всем, кроме Сэма, Фродо говорил, что туда он и задумал перебраться. Путь на восток подсказал ему эту мысль: Забрения как раз на восточных границах Ширы, Фродо жил там в детстве, так почему бы ему туда не вернуться.

Гэндальф пробыл в Хоббитании больше двух месяцев. Потом, однажды вечером к концу июня, как раз, когда планы Фродо устоялись, он вдруг объявил, что наутро уходит.

— Надеюсь, ненадолго, — сказал он. — Пособираю новости на юге. Я у вас и то засиделся.

Сказано это было невзначай, но Фродо показалось, что маг сильно озабочен.

— Что-нибудь случилось? — спросил он.

— Да пока ничего; но до меня дошли тревожные и не слишком понятные вести — надо разобраться. Если решу, что тебе надо выходить немедленно, — тут же вернусь или, на худой конец, подам весточку. А пока поступай, как решено, только берегись, а пуще всего береги Кольцо. И непреложный тебе совет: не надевай его!

На рассвете он ушёл.

— Я могу вернуться в любой день, — сказал маг. — Самое позднее — перед прощальным угощением. Похоже, что пригожусь тебе в пути.

Сначала Фродо опасливо прикидывал, какие такие вести мог получить Гэндальф, но потом успокоился: уж очень хорошая была погода. Лето пышное, осень плодоносная — Хоббитания давно такого не видывала. Ветви ломались от яблок, соты истекали мёдом, и пшеница вздымала тугие колосья.

Лишь когда вплотную подошла осень, Фродо встревожился не на шутку. Середина сентября, а Гэндальф как в воду канул. На носу день рождения и переезд, а от него ни слуху, ни духу. Между тем начались хлопоты. Приезжали и помогали упаковываться друзья Фродо: Фредегар Боббер, Фолко Булкинс и, уж конечно, Перегрин Крол с Мерри Брендизайком. Их общими стараниями в Торбе все было вверх дном.

20 сентября от жилища Фродо в Забрению по дороге к Брендидуинскому Мосту отъехали два фургона, гружёные нераспроданной мебелью и утварью. На следующий день всерьёз обеспокоенный Фродо всё время выглядывал Гэндальфа, но безрезультатно. Утро

пятидесятилетия выдалось ясное и яркое, такое же, как в памятный день Угощения. Гэндальфа не было. Под вечер Фродо накрыл на пятерых праздничный стол, пытаясь разогнать своё уныние. Вот и с друзьями тоже скоро надо будет расставаться. Интересно, сказать-то им как?

Молодые хоббиты — Мерри Брендизайк, Фредегар Боббер, Фолко Булкинс, Перегрин Крол — веселились шумно и беспечно. И ужин скоро потёк радостно, несмотря на отсутствие Гэндальфа. Столовая была пуста, если не считать стола и стульев, но еда хорошая, вино тоже: его-то Фродо Лякошель-Торбинсам не продал.

— Что бы там ни случилось с остатками моего брахла, уж это не пропадёт! — сказал он, осушив стакан. В нём были последние капли "Старого Виноградника".

Прогорлавив уйму песен, припомнив всякую быль и небыль, друзья выпили за здоровье Бильбо, потом за обоих новорожденных вместе, как было заведено на днях рождения Фродо. Затем вышли подышать свежим воздухом, поглядели на звёзды — и отправились спать. Угощение кончилось, а Гэндальф так и не явился.

На другое утро они быстро, в десять рук, нагрузили последнюю повозку. С нею отправились Мерри и Толстик (так у них звался Фредегар Боббер).

— Кому-то надо печку для вас, лодырей, растопить в новом доме, — сказал Мерри. — Ладно, авось послезавтра свидимся — ежели вы по дороге не заснёте.

Фолко пообедал и ушёл, остался один Пин. Фродо был сам не свой: он всё ещё ждал Гэндальфа и решил задержаться до сумерек. А там, если уж он очень понадобится магу, пусть сам идёт в Кроличью Балку, глядишь, ещё и первый доберётся: потому что Фродо решил пойти к Зайгородной переправе пешком и окольным путём, чтобы напоследок хоть поглядеть на Хоббитанию.

— Заодно и жир сгоню, — сказал он себе, глядя в пыльное зеркало на стене в полупустой прихожей. Он давно уже сидел сиднем и несколько расплылся.

Чуть за полдень к раздражению Фродо явились Лякошель-Торбинсы: Лобелия со своим белобрысым отпрыском Лотто. "Насилу дождались!" — сказала она, переступив порог. Это было невежливо и неверно: до двенадцати ночи хозяином Торбы оставался Фродо. Но что взять с Лобелии — ведь она ждала на семьдесят семь лет дольше, чем собиралась: ей уже перевалило за сто. И пришла она не просто так, а присмотреть, чтобы Брендизайки и прочие по ошибке не прихватили бы с собой чего чужого, и ещё за ключами. Спровадить её было непросто: она принесла с собой опись проданного имущества и желала проверить, всё ли на месте. Проверила раз, потом другой, получила запасные ключи и заручилась обещанием, что третьи ключи ей будут оставлены у Скромби в Исторбинке. Она хмыкнула и поджала губы — мол, знаем мы этих Скромби, утром половины вещей не досчитаешься, — но наконец, ушла. Фродо даже чаю ей не предложил.

Чай он сел пить с Пином и Сэмом Скромби на кухне. Было официально оговорено, что Сэм отправится в Забрендию "прислуживать мистеру Фродо и ухаживать за садом": договор был подписан Стариком, хотя его совершенно не утешало, что в результате соседкой его станет Лобелия.

— Последнее чаепитие в Торбе! — сказал Фродо и решительно отодвинул стул.

Посуду они за собой назло Лобелии не вымыли. Сэм с Пином быстро увязали три мешка и вынесли их на крыльцо. Пин пошёл прогуляться по саду, а Сэм куда-то исчез.

Солнце село, и Торба казалась угрюмой, опустелой, разорённой. Фродо побродил по знакомым комнатам — закатный свет тускнел, из углов выползали тёмные тени. Скоро совсем смерклось. Он прошёл к дальней садовой калитке, а затем даже спустился чуть-чуть по дороге:

вдруг всё-таки появится Гэндальф?

В чистом небе разгорались звёзды.

— Хорошая будет ночь, — сказал Фродо вслух. — Вот и отлично, идти одно удовольствие. Засиделись, честное слово. Пойду, а Гэндальф пусть уж догоняет.

Он повернул к дому и остановился, услышав голоса где-то рядом — явно в Исторбинке, сразу за углом крайнего дома. Старый Скрамби и ещё кто-то: голос незнакомый, а мерзкий до тошноты. О чём спрашивает чужак не разобрать, слышны только ответы старика Скрамби — осторожные и опасливые, чуть ли не испуганные.

— Нет, мистер Торбинс уехал. Нынче утром, и мой Сэм с ним; всё уже вывезли. Да вот так и вывезли — что не продали, то вывезли... А зачем и почему — не моё это дело... да и не ваше. Известно куда — в Кроличью Балку, а может, и дальше. Это все знают. Да вон — прямая дорога. Нет, сам не бывал, на кой мне. Там, в Забрении, народ чудной. Не, передать ничего не возьмусь. Спокойной ночи!

Мягко сошли шаги с Кручи, и Фродо удивился, почему он так рад, что сошли, а не взошли. "Видно, я насмерть устал от расспросов и всякого любопытства, — подумал он. — Ужас какой у нас любопытный народ!"

Он хотел было узнать у папаши Скрамби, кто это к нему приставал, но вдруг раздумал и быстро зашагал к Торбе.

Пин сидел на крылечке на своем мешке. Сэма не было. Фродо заглянул в чёрную дверь.

— Сэм! — позвал он. — Где ты там? Пора!

— Иду, сэр! — откликнулся тот и выскочил откуда-то из глубины, отирая губы. Он попрощался в погребке с пивным бочонком.

— Ну, всё взяли? — спросил Фродо.

— Всё, сэр. Я вот только слегка задержусь ещё, и порядок.

Фродо захлопнул круглую дверь и отдал Сэму ключ.

— Беги давай к себе, — сказал он. — А оттуда напрямик — встретимся у просёлочных ворот за лугом. Деревней не пойдём: подсматривают, подслушивают. Ну, живо!

Сэм умчался во тьму.

— Вот и выходим наконец! — сказал Фродо Пину.

Они вскинули мешки на спину, взяли палки и пошли вдоль западной стороны Торбы.

— Прощайте! — вымолвил Фродо, взглянув на чёрные слепые окна. Он помахал рукой, повернулся и (точно так же, как Бильбо, только он об этом не знал) поспешил вслед за Пином по садовой дорожке. Перепрыгнув в конце спуска через живую изгородь там, где пониже, они ушли в луга и растворились в ночи, прошелестев высокой травой.

Возле условленных ворот у западного подножья Кручи, выводящих на узкую дорожку, они остановились, подтянули мешочные ляжки — и вскоре заслышали топоток и пыхтение Сэма. Свой до отказа набитый мешок он вздел на самые плечи, а на голову нахлобучил какой-то мятый фетр — якобы шапку. В темноте он был сущий гном.

— Что потяжелее — это вы, конечно, мне, — сказал Фродо. — Бедные улитки и бедные все, кто носит свой дом и свой скарб на спине!

— У меня мешок совсем лёгкий, сэр. Можно сколько угодно ещё, — объявил Сэм добрым и лживым голосом.

— Нет уж, Сэм, — сказал Пин. — Как-нибудь снесёт, сам накладывал — себе и нам вровень. Он тут у нас малость ожирел: пройдёт, авось его мешок вместе с ним и полегчает.

— Смилуйтесь над старым, немощным хоббитом! — со смехом взмолился Фродо. — К Забрении меня будет качать, как лёгкую тростиночку на ветру. Однако шутки в сторону. Ты,

Сэм, наверняка взвалил на себя сверх всякой меры, вот сделаем стоянку — разберёмся и переложим.

И он взялся за свой посох.

— Что ж, всем нам нравится гулять в темноте, — сказал он, — так что перед сном оставим-ка позади милую-другую.

Сперва хоббиты направились по дорожке в западном направлении, но вскоре свернули влево к полям. Они семенили гуськом вдоль живых изгородей, мимо межевых рощиц, и ночь кутала их тьмой. Плащи у них были тёмные, шли они невидимками, будто все трое надели волшебные кольца. Когда трое хоббитов идут тишком да молчком — за ними нелегко уследить. Даже осторожные полевые зверушки едва замечали бесшумных путников.

Немного погодя они перешли Реку западнее Хоббитона по узким деревянным мосткам. Русло здесь было просто извилистой чёрной полоской, обсаженной по бокам склонившимися ольхами. Ещё пара миль к югу, и троица вышла к большому тракту до Брендидуинского Моста, быстро пересекла его и очутилась в Кролтании. Тут они свернули на юго-восток к Зелёным Холмам. Поднявшись по первому склону, хоббиты оглянулись и увидели, как в оставшейся далеко позади ласковой речной долине мерцают огоньки Хоббитона. Вскоре эти огоньки растворились в сумерках, оставшись на берегу светло-серого Приреченского пруда. Когда сквозь деревья в последний раз просквозил свет крайней фермы, Фродо обернулся и снова помахал рукою.

— Интересно, доведётся ли мне когда-нибудь снова увидеть эту долину, — негромко проговорил он.

Остановились они только часа через три. Ночь была ясной, свежей и звёздной, но по склонам холмов от речушек и болотец взбирались, как трубочный дым, струи тумана. Над их головами покачивались в лёгком ветерке редколистные берёзки: чёрная сетка на фоне бледного неба. Путники скудно (для хоббитов) поужинали, а затем двинулись снова. Вскоре они вышли на серевшую в темноте узкую дорожку, что вела к Лесосечке, Стоку и Зайгородной переправе. Дорожка эта взбиралась на Зелёные Холмы поотдаль от основного тракта через Приречье и вилась по их краю в направлении Лесного Предела — глухого уголка в Восточном уделе.

Немного погодя дорога нырнула, и хоббиты углубились в ночной сумрак шелестящих сухой листвой деревьев. Было очень темно. Сначала, уйдя далеко от чужих ушей, они разговаривали и тихонько напевали, потом шли молча, и Пин начал отставать. В конце концов, когда начался подъём на крутой склон, он остановился и зевнул.

— Я ужасно хочу спать, — сказал он. — Скоро свалюсь на дорогу. Вы что, на ходу спите? Дело-то к полуночи!

— А я думал, тебе нравится гулять в потёмках, — отозвался Фродо. — Однако спешить пока нечего. Мерри ждёт нас только к послезавтраму, так что в запасе ещё два дня. Остановимся в первом же уютном местечке.

— Ветер с запада, — сказал Сэм. — Если мы выйдем на другую сторону этого холма, то найдём удобное и достаточно хорошо защищённое место, сэр. Если я правильно помню, почти что у верхушки начинается сухой ельник.

Сэм прекрасно знал окрестности на двадцать миль от Хоббитона, но этим его географические познания и ограничивались.

Возле самой вершины холма они действительно набрали на ельник, свернули с тропинки в смолистую темень, наломали сухого лапника, насобирали шишек и разожгли костёр. Весёлое пламя заплясало у корней столетней ели, хоббиты пригрелись и начали клевать носами. Каждый по-своему устроился между корнями, укутался плащом и одеялом и тут же крепко уснул. Дозорного не оставили: даже Фродо ничего не опасался — они ведь были ещё в самом сердце

Хоббитании! Костёр стал грудой пепла, и кой-какие звери явились поглазеть на спящих. Лис, который случайно пробежал мимо, замер и принялся:

— Хоббиты! — сказал он сам себе. — Вот тебе на! Дела, кругом, слышно, чудные, но чтоб хоббит спал в лесу под деревом — да не один, а целых три! Не-ет, тут что-то кроется.

Он, конечно, был прав, но так навсегда и остался в недоумении.

Утро пришло тусклое и туманное. Фродо проснулся первым и обнаружил, что шея у него затекла, а спину чуть не пробуравил древесный корень.

— Ничего себе прогулочка для удовольствия! Ну чего я, спрашивается, потащился пешком? — подумал он. — Да ещё продал этим Лякошель-Торбинсам все мои прекрасные пуховые перины! Вот бы им еловый корень под бок! В самый раз было бы!

Он потянулся и крикнул:

— Эй, хоббиты, подъем! Прекрасное утро!

— Это чем же оно такое прекрасное? — спросил Пин, выглянув одним глазком из-под краешка одеяла. — Сэм! Чтоб завтрак был готов к половине десятого! А воду для умывания ты подогрел?

Сэм ошарашенно вскочил.

— Нет, сэр, забыл, сэр!

Фродо вытряхнул Пина из одеяла, а затем отправился прогуляться к краю леса. В деревьях плотно лежал туман, из которого на востоке вставало красное солнце. Тронутые золотистым багрянцем осенние кроны словно плыли без корней в сумрачном море. Немного ниже и левее дорога ныряла в узкую ложину между холмами и терялась из виду.

Когда Фродо вернулся, Сэм с Пином уже развели костёр.

— А вода? — крикнул Пин. — Где вода?

— Что я её, в карманах принесу? — отозвался Фродо.

— Мы думали, что ты отправился на её поиски, — сказал Пин, извлекая из мешков еду и миски. — Сходил бы хоть сейчас-то.

— Тебе тоже не вредно прогуляться, — заметил Фродо. — Да прихвати все бутылки для воды.

У подножья холма текла речушка. Там, где вода переливалась через серый камень, образовался небольшой водопадик. Из него они и наполнили бутылки и маленький походный котелок. Вода была холодна, как лёд, и хоббиты пофыркивали и поеживались, моя лицо и руки.

Неспешно позавтракав и упаковав мешки, они часам к десяти тронулись в путь. Стояла ясная теплынь. Путники спустились с холма, перешли речушку и выбрались на дорогу. А дорога ползла на холмы и снова ныряла вниз; скоро они запарились, мешки с плащами, одеялами, водой, едой и прочими припасами всё туже оттягивали плечи.

День обещал быть жарким и трудным. Спустя несколько миль дорога начала петлять, обернулась крутым серпентином, взметнулась на вершину холма, а оттуда приготовилась в последний раз сорваться вниз. Перед хоббитами простёрлось редколесье, сливавшееся вдалеке в бурую стену деревьев. Они глядели на Лесной Предел, в направлении Брендидуина. Дорога тянулась к горизонту, как бечева.

— Дорога идёт вперёд и вперёд без остановки, — проговорил Пин. — Но я-то не могу без отдыха. Самое время пообедать.

Он уселся на придорожную насыпь и посмотрел на восток, в дымку, за которой лежала река и кончалась Хоббитания, где он прожил всю свою жизнь. Сэм стоял рядом с ним. Его круглые глаза были широко распахнуты: этих мест он никогда не видел.

— А эльфы в таких лесах живут? — спросил он.

— Чего не слышал, того не слышал, — ответил Пин.

Фродо молчал. Он тоже пристально смотрел на восток вдоль тракта, словно бы никогда прежде его не видел. Внезапно он медленно, будто самому себе, произнёс:

Дорога вдаль и вдаль ведёт
С порога, где начало ей,
И в новый путь она зовёт.
Пока могу, пойду по ней.
Я поспешу своей тропой туда,
Где встреча всех дорог.
А дальше путь ведёт иной,
Но мой ли? Я не дам зарок.

— Это что, отрывок из старых стихов Бильбо? Или это твоё подражание? — спросил Пин. — Звучит не слишком-то ободряюще.

— Не знаю, — задумчиво сказал Фродо. — Мне казалось, что я сам сейчас сочинял, но я мог и слышать эти строки давным-давно. Да, стих действительно очень напоминает Бильбо в те последние годы перед его уходом. Он часто повторял мне, что есть только одна Дорога, похожая на большую реку: истоки её у каждого порога и все тропы вливаются в неё. "Опасное это занятие, Фродо, выходить из своих дверей, — повторял он. — Ты попадаешь на Дорогу, и если не сможешь придержать ноги, то ещё неизвестно, куда тебя заведёт. Ты понимаешь, ведь это та самая тропа, которая идёт через Лихолесье, и чуть зазеваешься — глядь, ты уже у Одинокой Горы, а то и ещё где подальше и похуже, как знать?" Он всегда говорил это на дорожке, отходящей от дверей Торбы, особенно когда возвращался после длительной прогулки.

— Ну уж нет, в течение ближайшего часа никакая Дорога никуда меня не заведёт, — сказал Пин, развязывая свой мешок.

Остальные последовали его примеру, свалив кладь на обочину и усевшись ногами к дороге. Отдохнув, они как следует пообедали, а потом ещё хорошенько отдохнули.

Когда хоббиты спустились с холма, солнце тоже начало движение вниз и земля была залита полуденным светом. Покамест они не встретили ни одной живой души. В Лесной Предел ездили нечасто, да и дорога плохо годилась для повозок. Три путника трусили по ней ещё час или два. Они были на равнине, и дорога после многочисленных поворотов пошла, наконец, прямо по травяным полям с редкими высокими деревьями к лесной чаще. Вдруг Сэм остановился и прислушался.

— Нас вроде догоняет лошадь, не то пони, — сказал он.

Только что был поворот, а за поворотом не видно.

— Может, Гэндальф? — предположил Фродо, но тотчас почувствовал, что нет, не Гэндальф, и ему вдруг захотелось укрыться от этого всадника, кем бы он ни был.

— Чепуха, конечно, — сказал он, как бы извиняясь, — а все-таки не надо, чтоб нас видели на дороге, ну их всех. А если это Гэндальф, — с усмешкой прибавил он, — то мы ему устроим небольшой сюрприз, чтоб впредь не опаздывал. Ну-ка, прячемся!

Сэм и Пин, отбежав налево, залегли в ложбинке неподалёку от обочины. Фродо секунду помедлил: любопытство или какое-то другое чувство мешало ему спрятаться. Стук копыт приблизился. Он едва успел юркнуть в густую траву за большим деревом у дороги и осторожно выглянул поверх толстого корня.

Из-за поворота показался чёрный конь: не хоббитским пони чета; а на нём — высокий всадник, ссутуленный в седле. Из-под широкого чёрного плаща виднелись только стремяна да сапоги с длинными шпорами. Лицо его скрывал капюшон.

Конь поравнялся с деревом, за которым лежал Фродо, и замер. Недвижим был и всадник: он словно прислушивался. Сиплое сопение донеслось до Фродо, и голова всадника повернулась направо, потом налево. Казалось, он ловил нюхом какой-то чуть слышный запах.

Внезапный и безрассудный ужас охватил Фродо: его видно, его сейчас найдут... и неожиданно ему вспомнилось Кольцо. Он не смел вздохнуть, боялся пошевелиться; но Кольцо вдруг стало его единственной надеждой, и рука сама поползла к карману. Только надеть, надеть его, и всё в порядке, и он в безопасности. Гэндальф не велел... да ладно! Бильбо надевал же Кольцо, и ничего. "Я ведь у себя в Хоббитании", — подумал он, и рука его коснулась цепочки. В этот миг всадник выпрямился и тронул поводья. Конь неуверенно переступил, шагнул вперёд и пошёл быстрой рысью.

Фродо подполз к обочине и глядел всаднику вслед, пока тот не исчез в сумеречной дали. Ему показалось, что, прежде чем исчезнуть из виду, чёрный конь внезапно свернул направо, в придорожную рощу.

— Что-то это странновато, чтоб не сказать страшновато, — пробормотал Фродо, направляясь к своим спутникам.

Пин и Сэм лежали в траве пластом и ничего не видели; он рассказал им про непонятного всадника.

— Не знаю уж почему, но я был уверен, что он меня ищет или вынюхивает. И как-то мне очень не хотелось ему попасться. Странно все это: в Хоббитании никогда таких не бывало.

— Но что от нас понадобилось кому-то из большого народа? — спросил Пин. — И что он вообще забыл в этих краях?

— Люди вокруг имеются, — ответил Фродо. — Поговаривают, что в Южном уделе от них беспокойно. Но ни о чём подобном я никогда не слышал. Интересно, откуда он?

— Прошу прощения, — вмешался вдруг Сэм. — Я знаю, откуда он. Из Хоббитона этот чёрный всадник, ежели он только здесь один-единственный. И знаю даже, куда он путь держит.

— То есть как? — сурово спросил Фродо, метнув на Сэма изумлённый взгляд. — Знаешь, и не сказал?

— Да я только сейчас вспомнил, сэр, прошу вашего прощения. Оно ведь как было: я давеча к моему старику с ключами, а он мне и говорит: "Вот те раз, — говорит, — а я-то, дурак, думал, что ты уехал с мистером Фродо нынче поутру. Тут, понимаешь, пристававший один: куда, говорит, делся мистер Торбинс из Торбы-на-Круче? А куда ему деться, уехал и всё тут. Я и послал его в Кроличью Балку, но он мне, понимаешь ли, здорово не понравился. Уехал, говорю, уехал мистер Торбинс и обратно не будет, так он на меня, представляешь, зашипел, ровно змей". "А он из каких был-то?" — это я у отца спрашиваю. "Да кто его знает, — говорит, — только уж точно не хоббит. Высокий такой и чёрный, наклонился надо мной и сопит. Небось дальний, из Большого народа. Выговор такой шепелявый". Особо-то мне было некогда отца расспрашивать, вы же меня ждали; ну, а потом позабыл вам сказать. Да и старик мой подслеповат, а этот когда подъехал, уже стемнело. Надеюсь, отец никакого вреда не наделал, да и я тоже.

— Да старик-то, что с него взять? — отозвался Фродо. — Я и сам слышал, как он говорил с чужаком, который про меня расспрашивал; даже собрался было пойти узнать у него, в чём дело. Жаль, не пошёл, и досадно, что ты мне раньше не сказал. Нам бы надо поосторожнее.

— А может, это вовсе и не тот всадник, — вмешался Пин. — Вышли мы тайком, шли без шума, не мог он нас выследить.

— А сопел да вынюхивал, как и тот, — сказал Сэм. — И тоже весь чёрный.

— Зря мы Гэндальфа не дождались, — пробормотал Фродо. — А может и не зря, трудно сказать.

— Так ты про всадника-то про этого что-нибудь знаешь? Или просто догадки строишь? — спросил у Фродо Пин, расслышавший его бормотание.

— Ничего я толком не знаю, а гадать боюсь, — задумчиво ответил Фродо.

— Ну, твоё дело, милый родственничек! Пожалуйста, держи про себя свои секреты, только дальше-то как будем? Я бы непрочь передохнуть-поужинать, но лучше возьмём-ка ноги в руки. А то мне что-то не по себе от ваших рассказов про нюхающих всадников.

— Да, нам лучше не задерживаться, — сказал Фродо. — И давайте не по дороге, а то вдруг этот всадник вернётся, или другой объявится. Прибавим шагу: до Забрэндии ещё идти и идти.

По траве тянулись длинные тонкие тени деревьев. Хоббиты придерживались каменистой россыпи слева от дороги, чтобы двигаться как можно незаметнее. Это было нелегко, потому что трава была плотной и кочковатой, почва неровной, а деревья стояли всё плотнее да плотнее.

Позади них багровое солнце клонилось к холмам, и вечерние сумерки начались прежде, чем путники миновали наконец длинный прямой отрезок дороги. С этого места основной путь уводил влево, к Йольским низинам и Стоку, но вправо отходила дорожка, которая, петляя, вела через древнюю дубовую рощу к Лесному Пределу. "Вот сюда мы и свернём", — сказал Фродо.

Недалеко от развилки хоббиты набрали на громадный рухнувший ствол. Дерево всё ещё жило, хотя его поломанная крона широко раскинулась по земле: на некоторых сучьях ещё сохранилась листва. Ствол был дуплистый, из-за чего, очевидно, и свалился когда-то с громким треском. Хоббиты забрались внутрь и устроились на подстилке из старой листвы и трухи. Они отдохнули, слегка перекусили, тихонько переговариваясь и время от времени прислушиваясь.

Когда они снова вернулись на дорогу, наступили сумерки. В сучьях пел западный ветер. Листва шелестела. Вскоре дорога начала постепенно, но неуклонно теряться во тьме. На тёмном востоке появились первые звёзды. Чтобы приободриться, хоббиты маршировали в ряд и в ногу. Постепенно, когда звёзды высыпали гуще и ярче, чувство тревоги оставило их, и они перестали напряжённо прислушиваться, не загремят ли копыта. Путники начали даже, как принято у хоббитов, когда они долго гуляют и особенно когда приближаются ночной порой к дому, тихонько напевать. В таких случаях обычно поются застольные песни или колыбельные, но сейчас друзья затянули песню странствий (конечно, не без упоминания об ужине и кроватях). Слова сочинил Бильбо Торбинс на старый, как горы, мотив и обучил этой песне Фродо ещё в те времена, когда они гуляли по тропинкам речной долины и говорили о его приключениях.

За каждым углом ждать могут пока
Огромное дерево или скала.
Пусть будет в камине огонь пылать,
Пускай под крышей готова кровать,
Но надо, но надо нам их повидать,
Пока не устали ноги шагать.
Цветы и деревья, листва и трава
Пусть мимо плывут, пусть мимо плывут!
Живые ручьи в зелёных холмах
Пусть рядом бегут, пусть рядом бегут!
За каждым углом ждать могут пока
Неведомый путь, потайные врата.
Сегодня, быть может, свернули мы вбок,

Но завтра, наверно, настанет наш срок
Пойти укромной тропой, что ведёт
От лунных краев до солнца ворот.
Боярышник, сливы, орехи и соты
Оставьте другим! Оставьте другим!
Песочек и скалы, ложбины и воды,
Махните вы им! Махните вы им!
Покиньте свой дом и взгляните кругом,
Любою тропинкой ступайте потом,
Пока не заблещут ночью порой
Лучистые звёздочки над головой.
Тогда повернитесь вы к дому лицом
И живо в постель отправляйтесь потом.
Туманы и сумрак, тучи и мгла
Не будут пугать! Не будут пугать!
Уютен свет лампы, и кухня тепла,
А там и в кровать! А там и в кровать!

Песня кончилась.

— Немедля в кровать! Немедля в кровать! — заорал Пин.

— Тише! — шикнул Фродо. — Как будто снова стук копыт.

Все трое замерли, вслушиваясь, словно тени. По дороге чётко разносился неторопливый цокот, пока ещё сзади, но все ближе — с подветренной стороны. Они тишком перебежали дорогу и юркнули поглубже в густую тень угрюмых дубов.

— Далеко заходить не будем, — сказал Фродо. — Нас не видно, а я хочу поглядеть: неужели ещё один?

— Ладно, — согласился Пин. — Только не забудь про его нос!

Цокот приближался. Прятаться как следует им было уже некогда, и Сэм с Пином схоронились за огромным пнём, а Фродо подполз на пару ярдов поближе к дороге. Светло-серой полосой прорезала она лесной сумрак. Наверху вызвездило, но луны не было.

Копыта стихли. Фродо увидел, как что-то чёрное промелькнуло на освещённом пространстве между деревьями и остановилось — две тени, словно кто-то вёл лошадь, слились с темнотой. Потом чёрная тень возникла там, где они сошли с тропинки, в том самом месте. Она заколыхалась, и Фродо расслышал тихое внимательное сопение, а потом тень словно бы осела и поползла к нему.

Фродо опять захотелось надеть Кольцо. На этот раз желание было столь сильным, что его рука оказалась в кармане прежде, чем он успел это сообразить. Но вдруг раздалась звонкая песня и зазвучал лёгкий смех. Чистые голоса, словно весёлые колокольчики, всколыхнули прохладный ночной воздух. Чёрная тень поднялась, попятилась и, слившись с тенью лошади, утонула в сумраке по ту сторону дороги. Фродо перевёл дыхание.

— Эльфы! — воскликнул Сэм хрипло, как спросонья. — Эльфы, сэр!

Он бы так и кинулся на голоса, но Фродо с Пином удержали его.

— Да, эльфы, — сказал Фродо. — Это ведь Лесной Предел. Эльфы в Шире не живут, но почти каждый год проходят через него весной и осенью из своих земель за Башнями. Вот уж кстати-то! Вы же ничего не видели, а Чёрный Всадник спешил и уже полз прямо к нам, когда началась песня. Она его спугнула.

— Ну, а к эльфам-то идём или не идём? — заторопил Сэм. Про всадника он уже и думать забыл.

— Слышишь? Они сами сюда идут, — сказал Фродо. — Надо только подождать.

Пение приближалось. Один ясный голос пел звонче всех остальных. Слова были дивные, древние, только Фродо понял их, да и то с трудом. Но вслушиваться было и не надо: напев подсказывал слова. Фродо разобрал их так:

Зарница всенощной зари
За дальними морями,
Надеждой вечною гори
Над нашими горами!
О Элберет! Гилтониэль!
Надежды свет далёкий!
От наших сумрачных земель
Поклон тебе глубокий!
Ты злую мглу превозмогла
На чёрном небосклоне
И звёзды ясные зажгла
В своей ночной короне.
Гилтониэль! О Элберет!
Сиянье в синем храме!
Мы помним твой предвечный свет
За дальними морями!
И кончилась песня.

— Это же Высшие эльфы. Песня-то про Элберет! — изумился Фродо. — Мало кто из этого прекраснейшего народа забредает к нам в Хоббитанию; немного их теперь осталось в Средиземье, к востоку от Великого Моря. Очень странно!

Хоббиты сидели в тени у тропки и ждали. Скоро появились эльфы. Звёздным светом мерцали их глаза, в тихом сиянии струились волосы, серебристая тропа возникала у них под ногами. Прошли они молча, и только последний эльф обернулся, посмотрел на хоббитов и рассмеялся.

— Неужели Фродо? — звонко воскликнул он. — Поздновато! Заблудились, что ли?

Он позвал остальных, и эльфы обступили сидящих.

— Чудеса, да и только! — сказали они. — Трое хоббитов ночью в лесу! Такого не бывало со времён Бильбо! Что случилось?

— Ничего не случилось, о Дивный народ, — сказал Фродо, — просто нам с вами оказалось по пути. Я люблю гулять при звёздах и был бы рад составить вам компанию.

— Вот уж без вас обойдёмся, нудный народ хоббиты! — рассмеялись они. — Откуда вы знаете, что нам по пути — ведь путь наш вам неизвестен!

— А откуда вы знаете, кто я такой? — спросил в ответ Фродо.

— Тут и знать нечего, — отвечали они. — Мы много раз видели тебя с Бильбо. Это ты нас не видел.

— Кто вы и кто ваш предводитель? — спросил Фродо.

— Я, Гилдор, — отвечал эльф, который первым заметил хоббитов. — Гилдор Инглорион из дома Финрода. Мы Изгнанники, большая часть нашего рода давным-давно отплыла и мы тоже

лишь немного помедлим здесь, прежде чем уйти за Великое Море. Но некоторые из нас пока ещё мирно живут в Раздole. Впрочем, расскажи-ка лучше про себя, Фродо. С тобой ведь что-то неладно? Ты испуган?

— О Мудрый народ, — вмешался Пин. — Скажите нам, кто такие Чёрные Всадники?

— Чёрные Всадники? — тихо откликнулись они. — А что вам до Чёрных Всадников?

— Ехали за нами двое... или один, быть может, — сказал Пин. — Вот как раз отстал, когда вы явились.

Эльфы ответили не сразу; они посоветовались на своём языке, потом Гилдор обернулся к хоббитам.

— Мы пока подождём об этом говорить, — сказал он. — А вам действительно лучше будет пойти с нами. У нас это не в обычае, но пусть так, идите. С нами и переночуете.

— О Дивный народ! Я и надеяться не смел! — сказал Пин, а Сэм, тот просто онемел от радости.

— Спасибо тебе, Гилдор Инглорион, — сказал Фродо и поклонился. — Элен сейла луменн оментииелво, звезда воссияла над часом нашей встречи, — прибавил он на древнеэльфийском языке.

— Осторожнее, друзья! — смеясь, предостерег своих Гилдор. — Вслух не секретничайте! С нами знаток древнего наречия! Бильбо владел им весьма хорошо. Привет тебе, Друг Эльфов! — сказал он, поклонившись Фродо. — Мы рады, что нам по пути. Пойдём, но иди в середине, чтобы не отстать и не заблудиться: впереди долгая дорога.

— Долгая? А вы куда? — спросил Фродо.

— В самую глубь Лесного Предела. Идти далеко, но там отдохнёшь, и завтрашний путь твой станет короче.

Шли они молча и мелькали, как тени, ибо эльфы ходят ещё бесшумнее хоббитов. Пин стал было задрёмывать и спотыкаться, но рядом шёл эльф, держал его под руку и не давал упасть. А Сэм шагал рядом с Фродо, как во сне, — страшноватом, но восхитительном.

Лес по обе стороны тропинки густел и густел: смыкающиеся деревья были моложе, а стволы у них — толще; потом тропа углубилась в лощину, справа и слева нависли заросли орешника. Наконец эльфы свернули в самую чащу, где справа вдруг словно чудом открылась узкая зелёная просека; теснее и теснее смыкались высокие стены деревьев — но вдруг расступились, и впереди простёрся ровный луг, матово-серый в ночном свете. С трёх сторон окружал его лес, а с востока он обрывался крутым склоном, и могучие древесные кроны вздымались к ногам откуда-то снизу. В долине близ склона мерцало несколько огоньков (это была деревенька Лесосечка), плоские туманные дали меркли в звёздном свете.

Эльфы уселись на траве и завели между собой негромкий разговор, хоббитов они словно бы перестали замечать. А те дремали, укутавшись в плащи и одеяла. Ночь надвинулась: деревенские огоньки в долине погасли. Пин крепко уснул, улёгшись щекой на кочку.

Высоко на востоке зажглась Звёздная Сеть, Реммират; пронизывая туман, разгорелся, как пламенный рубин, Боргил. Потом вдруг, словно по волшебству, небо разъяснилось, а из-за окраины мира блеснул Небесный Меченосец Менельвагор в сверкающем поясе. Эльфы встретили его звонкой песней, и где-то неподалёку вспыхнуло ярко-алое пламя костра.

— Что же вы? — позвали хоббитов эльфы. — Идёмте! Настал час беседы и веселья.

Пин сел, протёр глаза и зябко поежился.

— Добро пожаловать, друзья! Костёр горит, и ужин ждёт, — сказал эльф, склонившись к сонному Пину.

С южной стороны зелёный луг уходил в лес и становился лесным чертогом, крышей

которому служили ветви деревьев. Мощные стволы выстроились колоннадой. Посредине чертога полыхал костёр, а на древесных колоннах ровно горели серебристо-золотым светом факелы. Эльфы сидели вокруг огня на траве или на круглых чурбачках. Верней, одни сидели, другие раздавали кубки и разливали вино, а третьи разносили яства.

— Угощение скудно, — извинились они перед хоббитами, — мы ведь не у себя дома, это походная стоянка. Вот будете у нас, тогда примем по-настоящему.

— Да я даже в день рожденья вкуснее не угощал, — сказал Фродо.

Пин потом не слишком помнил, что он пил и ел: он больше глядел на ясные лица эльфов и слушал их голоса, разные и по-разному дивные; и казалось ему, что он видит чудесный сон. Он только помнил, что давали хлеб: белый и такой вкусный, будто бы ты изнемогал от голода, а тебе протянули пышный ломоть; потом он выпил кубок чего-то чистого, как из родника, и золотистого, словно летний вечер.

А Сэм и словами не мог описать, что там было, и вообще никак не мог изобразить, хотя помнил эту радость до конца дней своих. Он, конечно, сказал одному эльфу: "Ну, сударь, будь у меня в саду такие яблоки, вот тогда я был бы садовник! Правда, чего там яблоки, вот пели вы, так это да!"

Фродо пил, ел и разговаривал, не без труда подбирая слова. Он еле-еле понимал по-эльфийски и вслушивался изо всех сил. Ему было приятно, что он мог хотя бы поблагодарить тех, кто ему прислуживал, на их родном языке. А они улыбались и радовались: "Ай да хоббит!"

Потом Пин уснул, и его осторожно уложили на мягкое травяное ложе между корнями деревьев. Сэм встряхивал головой и не желал покидать хозяина. Пин уже видел седьмой сон, а Сэм всё сидел у ног Фродо: крепился, крепился — и наконец уснул. Зато Фродо ещё долго не спал: у него был разговор с Гилдором.

О былом и нынешнем говорили они, и Фродо долго расспрашивал его про последние события за пределами Хоббитании. Вести в основном были печальные, зловещие: тьма сгущалась, люди воевали, а эльфы уходили. Наконец Фродо задал вопрос, который волновал его больше всего:

— Скажи, Гилдор, ты с тех пор видел Бильбо?

— Видел, — улыбнулся Гилдор. — Дважды. На этом самом месте он с нами прощался. А другой раз — далеко отсюда.

Больше он о Бильбо ничего не сказал, и Фродо замолк.

— Поговорим о тебе, Фродо, — предложил Гилдор. — Кое-что я про тебя уже знаю: и по лицу догадался, и вопросы твои не даром. Ты покидаешь Шир в тяжком сомнении: за своё ли дело взялся, удастся ли тебе его завершить и вернёшься ли ты когда-нибудь? Так?

— Так, — подтвердил Фродо. — Только я думал, что про мои дела знает один Гэндальф, да вот ещё Сэм.

Он поглядел на Сэма — тот мирно посапывал.

— От эльфов тайны к Врагу не просачиваются, — сказал Гилдор.

— К Врагу? — удивился Фродо. — Значит, ты знаешь, почему я ухожу из Хоббитании?

— Я знаю, что Враг гонится за тобою попятам, — отвечал Гилдор, — а почему — этого не знаю. Но помни, Фродо: опасность впереди и позади, опасность отовсюду.

— Ты про Всадников? Я так и подумал, что они от Врага. Но кто они такие?

— Тебе Гэндальф ничего про них не говорил?

— Про них — нет, ничего.

— Тогда и не надо — ведь страх обессиливает. По-моему, ты вышел в последний час, если уже не опоздал. Не медли и не оглядывайся, ибо Шир больше тебе не защита.

— Твои намёки и недомолвки пугают больше, чем разговор напрямик, — воскликнул Фродо. — Я знал, что впереди опасности, но думал, что хотя бы нашу Хоббитанию мы минуем без всяких злоключений. Неужели же хоббиту нельзя спокойно дойти от Приречья до Брендибуина?

— Хоббитания не ваша, — возразил Гилдор. — Жили в ней до вас, будут жить и после, когда хоббиты станут сказкой; вы же не сами по себе живёте; а если и отгородились от мира, то мир-то не отгораживался от вас.

— Да знаю я, только ведь всегда у нас было мирно, спокойно и уютно. А теперь-то что делать? Я решил потихоньку оставить Хоббитанию и пробираться в Раздол. И вот высладили прежде даже, чем я дошёл до Забрении. Как быть?

— Иди, куда собирался. Мужества у тебя, по-моему, хватит. А за более чётким советом обратись к Гэндальфу. Я ведь не знаю причин твоего бегства, поэтому не могу сказать, каким средствами твои преследователи будут атаковать тебя. Это наверняка ведомо Гэндальфу. Ты ведь с ним увидишься прежде, чем оставишь Шир?

— Надеюсь. Это, кстати, тоже тревожит меня. Я ждал его до последней минуты: он должен был прийти в Хоббитон самое позднее два дня назад — и не пришёл. Как ты думаешь, что могло случиться? Может, подождать его?

Гилдор помрачнел и задумался.

— Дурные вести, — проговорил он наконец. — Гэндальф никогда не запаздывает. Есть, однако же, присловье: в дела мудрецов носа не суй — голову потеряешь. Сам решай, ждать тебе или идти.

— Есть и другое присловье, — заметил Фродо. — "У эльфов совета спрашивать — только зря время терять: вечно надвое говорят".

— Вот как? — рассмеялся Гилдор. — Эльфы осторожны в советах, ибо совет, даже данный мудрецом мудрецу, — опасный дар, и любой путь может обернуться бедою. А как бы ты хотел? Сам мне всего не сказал, но надеешься, что мне виднее? Ладно, раз уж тебе так нужен совет, рискну дружбы ради. Иди, не медли. Если же Гэндальф до твоего ухода не объявится, обязательно подыщи себе спутника — один не ходи. Присмотрись к друзьям и выбери самого надёжного. Да не забудь поблагодарить меня за совет — я даю его неохотно. У эльфов свои заботы и свои печали, совсем иные, чем у хоббитов и у прочих. Редко скрещиваются наши пути случайно или в силу обстоятельств; возможно, что на сей раз мы встретились не случайно, но цель мне неясна, потому боюсь сказать лишнее.

— Я тебе глубоко благодарен, — отозвался Фродо, — но про Чёрных Всадников ты мне всё-таки зря не объяснил. Если я приму твой совет, то могу долго ещё не увидеть Гэндальфа, и мне нужно точно знать, какая опасность преследует меня.

— Разве не достаточно знать, что это слуги Врага? — сказал Гилдор. — Беги от них! Ни слова с ними! Они — смерть! Не выпрашивай меня! Но сердце говорит мне, что прежде, чем всё кончится, ты, Фродо, сын Дрого, будешь знать больше об этих ужасных созданиях, чем Гилдор Инглорион. Да хранит тебя Элберет!

— А храбрость откуда я возьму? — спросил Фродо. — Вот её-то мне в основном и не хватает.

— Ну, храбрость непонятно откуда и берётся, — заметил Гилдор. — Надейся, хватит тебе храбрости! А пока спи! Утром нас уже не будет, но гонцов мы вышлем. Отряды Скитальцев узнают про тебя — без охраны и помощи не останешься. Я назвал тебя Другом Эльфов: пусть же звёзды освещают твой путь до конца! Редко доводилось нам принимать столь приятных гостей и радостно слышать слова древнего наречия из чужих уст.

Не успел Гилдор договорить, как Фродо вдруг почувствовал, что засыпает.

— Я и правда, пожалуй, посплю, — пробормотал он.

Эльф отвёл его к травяному ложу рядом с Пином; он вытянулся и тут же уснул, как убитый.

Глава IV

Напрямик по грибы

Фродо пробудился на диво свеж и бодр. Он лежал под густой сенью склонённых почти до земли тяжёлых ветвей; на постели из душистой травы и папоротников было мягко и уютно. Солнце просвечивало сквозь трепетную, ещё зелёную листву. Он потянулся и проворно выпрыгнул из своего живого шалаша.

Сэм сидел на траве у лесной опушки. Пин разглядывал небо и прикидывал погоду. Эльфы ушли.

— Фрукты, питьё и хлеб они нам оставили, — сказал Пин. — Давай, завтракай. Хлеб ещё совсем свежий. Я бы и без тебя всё слопал, да Сэм прямо изо рта рвёт.

Фродо уселся возле Сэма и принялся за еду.

— Ну, и какие планы на сегодня? — поинтересовался Пин.

— Как можно скорее дойти до Забрэндии, — отвечал Фродо, уписывая за обе щёки.

— А Всадники сегодня покажутся, как по-твоему? — весело спросил Пин к неудовольствию Фродо.

Под утренним солнцем его не слишком пугала даже перспектива повстречать не одного всадника, а целый отряд.

— Возможно, — сухо сказал Фродо. — Хорошо бы до реки добраться, чтоб они не заметили.

— Ну, а Гилдор тебе про них что-нибудь объяснил?

— Так, кое-что, намёками да загадками, — уклонился Фродо.

— Ты спросил, почему они нюхают?

— Мы в подробности не входили, — сказал Фродо с набитым ртом.

— А надо было. По-моему, это самое главное.

— Коли так, то Гилдор тебе слова бы лишнего не сказал, — отрезал Фродо. — И вообще, оставь ты меня в покое! Я, может, не хочу болтать за едой! Я, может, подумать хочу!

— Это за едой-то? — удивился Пин. — Много надумаешь! — Он встал и пошёл поразмяться.

А Фродо и вправду думал: что утро яркое, даже чересчур яркое, в самый раз для погони. И о словах Гилдора. Но его невесёлые думы разогнал звонкий голос Пина. Он бежал по опушке и весело пел.

"Нет, я не могу! — решил про себя Фродо. — Одно дело — позвать их с собой на прогулку через Хоббитанию — устанут и проголодаются, тем приятнее будет поесть и поспать. А на чужбину, голодать и мучиться — нет, не возьму я их, даже если и захотят. Мне оставлено, я и в ответе. Даже Сэма, и того не стоит".

Он посмотрел на Сэма Скромби и встретил его взгляд.

— Ты что, Сэм? — спросил он. — Что смотришь? Я ведь уйду из Хоббитании, уйду сразу, как смогу. Теперь, пожалуй, в Балке и дня не задержусь.

— Ну что ж, сэр!

— А ты со мной, что ли?

— Конечно.

— Опасное это дело, Сэм. Очень опасное. Вернуться живым почти и надежды нет.

— Тогда уж и я с вами не вернусь, сэр, чего там, — сказал Сэм. — Они мне: "Ты смотри,

его не бросай!" А я им и говорю: как же, сейчас брошу, дождитесь. Да я с ним хоть на луну отправлюсь, и пусть только эти, как их, Чёрные Всадники, встанут поперёк: будут иметь дело со Скрамби, не обрадуются. А они в смех.

— Да кто они, ты о ком говоришь?

— Эльфы, сэр. Ночью был разговор. Они-то, похоже, знают, что вы уходите. Ну, я спорить и не стал. Ох, сэр, что за народ! Ну и ну! Дивный народ!

— Да, народ дивный, — согласился Фродо. — Ну, вот ты на них теперь поглядел — понравились они тебе?

— Да как сказать, сэр, — задумчиво отвечал Сэм. — Выше они моих "нравится" — "не нравится", одно слово. Выходит, совершенно неважно, что там я себе о них думаю. Но они совсем не такие, как я ожидал. Древние — а при том юные, весёлые — и вроде бы печальные, — поди-ка разберись.

Фродо изумлённо поглядел на Сэма, будто и в нём ждал странных перемен. Говорил не тот Сэм Скрамби, которого он знал, — а с виду тот самый, только что лицо необычайно задумчивое.

— Так зачем же тебе уходить из Хоббитании, раз ты их повидал? — спросил Фродо.

— Да понимаете, сэр, с этой ночи я какой-то другой. Вроде как предугадываю, что ли. Знаю — путь долгий, ведёт в темноту... а назад нельзя. Эльфы, драконы, горы — это всё, конечно, здорово... да мне-то не за этим надо с вами идти. Тут штука-то в чём? Мне ведь, прежде чем всё кончится, обязательно что-то сделать надо, и это впереди ждёт, и не здесь, не в Хоббитании... если вы понимаете, про что я толкую.

— Нет, не понимаю, Сэм. Но Гэндальф, кажется, выбрал мне хорошего спутника. Ладно, пойдём вместе.

Фродо молча покончил с завтраком. Потом встал, огляделся и позвал Пина. Тот прибежал немедленно.

— Пора выходить, — объявил Фродо. — Заспались мы, а путь неблизкий.

— Это ты заспался, — сказал Пин. — Я-то давно проснулся; мы только и ждали, пока ты кончишь есть да размышлять.

— Вот и кончил. Нам надо как можно скорей к Зайгородному парому. Только делать крюк и возвращаться к дороге, с которой мы вчера сошли, я не собираюсь. Срежем напрямик.

— Напрямик — это лететь надо, — отозвался Пин. — Пешком пути нет.

— Найдём, — сказал Фродо, — проберёмся. Паром к востоку от Лесного Предела, а дорога забирает влево — вон там, видите? Она обходит Мариши с севера и упирается в Брендидуинский тракт за Стоком. Петля в несколько миль. Так что если пойдём прямо, то срежем на четверть.

— Дольше едешь — дальше будешь, — возразил Пин. — Местность трудная: болота, бездорожье, — Мариши, одно слово. Я же здесь бывал. А если ты насчёт Чёрных Всадников, то с ними разницы нет — что на дороге, что в лесу или в поле.

— В лесу и в поле легче спрятаться, — заметил Фродо. — Ждут нас на дороге, а в стороне, глядишь, и разыскивать не будут.

— Ладно! — согласился Пин. — Пойдём прыгать по кочкам: ты впереди, мы за тобой. Но это жестоко! Я рассчитывал очутиться до заката у "Золотого Шестка" в Стоке. Лучшее пиво в Восточном уделе. Было, во всяком случае. Давно я его не пробовал.

— Тогда и спорить не о чем, — решил Фродо. — Дольше едешь — дальше будешь, но в кабаке и вовсе застрянешь. Ишь ты, нацелился на "Золотой Шесток". Нет, нам бы успеть до заката к парому. А ты что думаешь, Сэм?

— Я-то что, я как вы скажете, — вздохнул Сэм, вопреки собственным дурным предчувствиям и глубокому сожалению о лучшем пиве Восточного удела.

— Стало быть, договорились, пошли в болото и колючки, — заключил Пин.

Жарко было почти как вчера; но набегающие с запада облака грозили дождем. Хоббиты спустились по крутому травянистому склону и нырнули в заросли с расчетом обойти Лесосечку слева, срезать наискосок лесом, который жался к восточному склону холмов, и выйти на открытое место, а уж оттуда — напрямик к парому через поля, где не было никаких преград, кроме нескольких канав и изгородей. Фродо прикинул, что по прямой это будет миль восемнадцать.

Вблизи заросли оказались куда гуще, чем виделись издалека. Никакой тропы не было, путники шли наобум, продвигаться быстро не получалось. Пробравшись к речке, они увидели глинистые обрывы, с которых свисали колючие плети ежевики. Река преграждала путь: чтобы перейти через неё, надо было измызгаться, исцарапаться и вымокнуть. Хоббиты остановились, прикидывая, как быть.

— Для начала неплохо! — мрачно заметил Пин.

Сэм поглядел назад — в просвет между деревьями ещё виден был зелёный гребень лесного холма, откуда они спустились.

— Смотрите! — шепнул он, схватив Фродо за локоть. Путники обернулись и увидели на фоне неба чёрного коня, а рядом — чёрную ссутуленную фигуру.

Назад пути не было. Фродо первым съехал вниз по глине, к густым прибрежным кустам.

— Вот так! — сказал он Пину. Что ты, что я — оба мы правы. Напрямик, может, и не ближе; но хороши бы мы были, если бы пошли по дороге. У тебя лисьи уши, Сэм, крадётся кто-нибудь за нами?

Они замерли и затаили дыхание: погони было не слышно.

— Такой спуск лошадь не одолеет, — объявил Сэм. — Но этот, видать, знает, что мы тут спустились. Пойдёмте-ка лучше отсюда поскорее.

Идти оказалось совсем непросто: попробуй-ка с мешками продраться через кустарник и ежевику. Оставшийся позади хребет прикрывал их от ветра, воздух был душен и неподвижен. Когда хоббиты выбрались наконец на более открытое место, то вспотели, устали и страшно исцарапались, а вдобавок ещё и не были уверены, в каком направлении идти дальше. Они достигли низины: берега реки выположились, русло расширилось и запетляло, — вода бежала к Маришам и Брендидуину.

— Да это же ручей, по которому Сток назван! — понял Пин. — Если мы хотим двигаться по плану, то лучше перейти тут и взять вправо.

Мелководьем они перешли речку и оказались почти на виду — их прикрывали только заросли осоки да редкие деревья. Однако затем они снова подошли к полосе леса: в основном высокие дубы, кое-где ильмы и ясени. Земля ровная, подлеска почти нет, но деревья стояли слишком тесно, чтобы хоббиты могли видеть далеко вперед. Ветер взметнул сухую листву и затих, а потом хлынул дождь. Путники торопливо побрели дальше то по траве, то по глубокой лесной подстилке, а по листве барабанила и стекала тонкими струйками вода.

Примерно через полчаса Пин сказал:

— Мы, пожалуй, слишком вправо забрали и идём теперь вдоль леса. Полоска-то не слишком широка — точно не больше мили, а местами и меньше. Давно должны были выйти в поле.

— Нет уж, не будем плутать, — сказал Фродо, — а то совсем заплутаемся. Пошли прямо. Да и боюсь я выходить на открытое место.

Они прошли, наверное, ещё пару миль. Сквозь рваные тучи проглянуло солнце, и дождь

стал реже. Было за полдень, а голод не тётка. Они устроились под развесистым ильмом; пожелтевшая листва его ещё не осыпалась, и у корней было совсем сухо. Эльфы наполнили их фляги давешним бледно-золотистым напитком, свежим, чистым, медвяным. Вскоре они уже смеялись над моросившим дождём, а заодно и над Чёрными Всадниками. Идти-то оставалось всего ничего.

Фродо привалился спиной к стволу и закрыл глаза. Сэм с Пином, устроившиеся рядом, в полголоса завели:

А ну — развею тишину,
Спою, как пели в старину,
Пусть ветер воет на луну
И меркнет небосвод.
Пусть ветер воет, ливень льёт,
Я всё равно пойду вперёд.
А чтоб укрыться от невзгод,
Во флягу загляну.

— А ну! Во флягу загляну! — чуть громче пропели они — и осеклись.

Фродо вскочил на ноги. С ветром донёсся протяжный вой, цепенящий, злобный и унылый. Он перекачивался из дола в дол, наливаясь холодной, хищной яростью, и, как тупой бурав, сверлил уши. Они слушали, словно бы оледенев; а вою, не успел он прерваться, ответило дальнейшее завывание, такое же яростное и жуткое. Потом настала мёртвая тишина. Лишь ветер шуршал в листьях.

— Станный какой крик, правда? — сказал Пин деланно-бодрым, но слегка дрожащим голосом. — Птица, наверно; правда, не слышал я у нас в Хоббитании таких птиц.

— Не зверь и не птица, — возразил Фродо. — Один позвал, другой ответил — и даже слова были в этом кличе, хоть я и не разобрал их. Только перекликивались точно не хоббиты.

Обсуждать не стали. На уме у всех были Чёрные всадники, а про них лучше помалкивать. Идти — опасно, оставаться — ещё опаснее, но ведь рано или поздно всё равно придётся пробираться через поля к парому, — и тогда лучше поскорее, чтоб засветло. Они вскинули мешки на плечи и припустили.

Вскоре лес резко оборвался; дальше раскинулись луга. Видно, они и правда слишком забрали к югу: за равниной маячила невысокая Косая Гора по ту сторону Брендидуина, но сейчас она была слева. Крадучись, хоббиты выбрались из-под деревьев и затрусили лугом.

Поначалу без лесного прикрытия было страшновато. Далеко позади возвышалось лесистое всхолмье, где они завтракали. Фродо оглядывался: не виден ли там — крохотной чёрной точкой на фоне неба — недвижный Всадник. Всадника не было. Солнце прожгло облака и опускалось за дальние холмы, яркими закатными вспышками озаряя равнину. Страх отпустил; но тоскливая неуверенность росла. Однако земля была уже не дикая: покосы, пажити. Потом потянулись изгороди с воротами, возделанные поля, дренажные канавы. Всё было знакомо, надёжно и мирно: обыкновенный уголок Ши́ра. Путники, что ни шаг, успокаивались. Да и река была всё ближе и ближе, а Чёрные Всадники остались где-то позади — лесными призраками.

Краем большого, заботливо ухоженного брюквенного поля они подошли к крепким воротам. За ними между низкими, плотными живыми изгородями пролежала прямая колея, ведущая к приусадебной рощице. Пин остановился.

— Знаю я эти поля и ворота! — сказал он. — Это же хутор Бирюка! Вон там, за деревьями!

— Из огня да в полымя! — всполошился Фродо с таким видом, будто ненароком оказался у драконьего логова.

Сэм и Пин изумлённо уставились на него.

— А чем тебе не по душе старый Бирюк? — удивился Пин. — Всем Брендизайкам он добрый друг. Бродяг не любит, псы у него злющие — ну так ведь и места здесь такие, чуть ли не граница. Тут, знаешь, не зевай.

— Это всё верно, — сказал Фродо и смущённо рассмеялся. — Да вот боюсь я Бирюка с его собаками — по старой памяти боюсь. Мальчишкой я к нему, бывало, лазил за грибами — и частенько попадался. А в последний раз он отлупил меня как следует, взял за шиворот и показал собакам. "Видите этого злыдня? — говорит. — Как он к нам снова пожалует, ешьте его с потрохами, я разрешаю. А пока — ну-ка проводите". И они шли за мной до самого парома, представляете? У меня душа в пятках трепыхалась, хотя собаки знали, что делали: шли за мной, рычали, но не трогали, раз не велено.

Пин захохотал.

— Ну вот и разберётесь, — сказал он. — Ты же тут вроде жить собрался. Бирюк — мужик что надо, если к нему за грибами не лазить. Пойдём-ка по дороге, чтобы видно было, что мы не какие-нибудь бродяги. А встретим его, слово за мной. С Мерри они приятели, да и я, было время, частенько вместе с ним сюда заглядывал.

Путники шли гуськом вдоль колеи; вскоре среди деревьев показались тростниковые крыши усадьбы и приусадебных строений. Бирюки, Мокролапы из Стока и большинство обитателей Маришей жили в домах. Вот и здесь за высокой крепкой оградой с широкими дубовыми воротами стоял прочный, ладный кирпичный дом.

Из-за ворот раздался звонкий, дружный лай, потом окрик:

— Клык! Волк! Хват! Ко мне!

Фродо и Сэм замерли, а Пин сделал ещё несколько шагов. Ворота приоткрылись, и три громадных пса кинулись к путникам с буйным лаем. На Пина они внимания не обратили. Двое бросились к Сэму, прижали его к забору и обнюхивали, рыча при любом его движении. Третий, огромный и по виду самый свирепый, стал перед Фродо, следя за ним с глухим ворчанием.

Из ворот вышел толстый, коренастый и краснолицый хоббит.

— Здравствуйте! Привет! А позвольте узнать, кто вы такие и чего вам тут надо? — спросил он.

— Добрый вечер, мистер Бирюк! — поздоровался Пин.

Тот пригляделся.

— Ба, да это никак мастер Пин — мистер Перегрин Крол, я хотел сказать! — Бирюк широко ухмыльнулся. — Давненько я вас не видел. Ну, вам повезло, что мы старые знакомые. Я как раз собирался спустить собак. Бродят тут всякие, а сегодня особенно. Ох, близковато к реке, — сказал он, покачав головой. — А этот и вообще невесть откуда пожаловал, чудо-юдо какое-то. Другой раз нипочём его не пропущу. Костью лягу.

— Это вы о ком? — спросил Пин.

— Да он вам недавно навстречу поехал. Как же вы разминулись? — удивился Бирюк. — Я же говорю — чудо-юдо, и вопросы чудные... Да вы бы зашли в дом, поговорим толком. Я как раз пива наварил.

Ему, видно, хотелось порассказать о пришельце не спеша и подробно.

— А собаки? — спросил Фродо тревожно.

— Собаки вас не тронут, коли я им не велю, — рассмеялся хозяин. — Эй, Клык! Хват! К ноге! — позвал он. — К ноге, Волк!

К облегчению Фродо и Сэма собаки отошли.

— Это мистер Фродо Торбинс, — представил Пин. — Вы его, наверно, не помните, но он, было время, жил в Хороминах.

При имени "Торбинс" Бирюк изумлённо и пристально поглядел на Фродо. Тот подумал было, что припомнились ворованные грибы и что на него сейчас спустят собак. Но хозяин взял его под руку.

— Ну и дела, — сказал он. — Это же надо, а? Об хоббите речь, а хоббит навстречь! Заходите, заходите! Есть разговор.

Все расселись в кухоньке у широкого камина. Хозяйка принесла пиво в корчаге и разлила по четырём кружкам. Пиво было — вкуснее некуда, так что Пин даже застыдился своих слов про "Золотой шесток". Сэм прихлёбывал осторожно: мало ли чего наварят в здешних местах. И хозяина его здесь обидели — давно, правда, а всё-таки.

Поговорили о погоде, об урожае (вообще-то не хуже обычного); потом Бирюк грохнул кружкой по столу и оглядел гостей.

— Ну, мистер Перегрин, — спросил он, — откуда идёте, куда путь держите? Ежели ко мне, то чуть-чуть стороной не обошли.

— К вам, да не совсем, — отвечал Пин. — Правду сказать, коли уж вы всё равно догадались, так мы к вам невзначай угодили. Заблудились в лесу по пути к парому.

— Торопились, так лучше бы дорогой, — заметил хозяин. — Хотя не в этом дело. Вы, мистер Перегрин, ладно уж, гуляйте у меня туда-сюда невозбранно; и вы тоже, мистер Торбинс... Хотя насчет грибов-то вы как? Всё так же? — он захохотал. — Да, вот видите, помню, помню мальчонку Фродо Торбинса. Ох, и разбойник же был! Фамилию-то вашу я, правда, подзабыл — да мне напомнили. Сегодняшний-то, он, думаете, о чём выпрашивал?

Они ждали, сдерживая нетерпение.

— Да-а, — неторопливо и с удовольствием сказал Бирюк, — подъехал на вороном к воротам — не заперты были — и в двери суется. Чёрный, весь в чёрном, лица не видать, словно боится, что узнаю. Я думаю: "Ишь ты какой! Чего припёрся-то к нам в Хоббитанию?" Граница рядом, разные шастают; таких, правда, отродясь не видывал. Выхожу к нему, "ну, — говорю, — здрасьте, в чём дело? Это вы не туда заехали, давайте-ка обратно на дорогу".

Что-то он мне не понравился; тоже и Хват — выбежал, понюхал, хвост поджал и скулит. А тот, чёрный, сидит не шелохнется. "Я издалека, — говорит, глухо, будто без голоса, и кажет на запад, через мою, стало быть, землю. — Торбинс здесь?" А сам шипит, сопит и клонится на меня. Клонится, а лица-то из-под капюшона и не видно, меня аж дрожь пробрала. Ну, дрожь дрожью, а чего он прётся, куда не просят?

"Давай, давай отсюда! — говорю. — Какие тебе здесь Торбинсы? Не туда заехал! Торбинсы, они в Хоббитоне живут, заворачивай обратно, только не по моей земле, — говорю, — а дорогой".

"Торбинса там нет, — шепчет, а шёпот у него с присвистом. — Торбинс сюда поехал. Он здесь, близко. Он мне нужен. Скажешь, когда появится, — золота привезу".

"Вези, вези, — говорю, — только не мне. Убирайся-ка подобру-поздорову, а то через минуту собак спущу".

Он зашипел, вроде как в насмешку, и на меня конём. Я еле успел отскочить, кликнул собак — а он дал шпоры, выбрался на дорогу, и поминай как звали. Ну, как вам это нравится?

Фродо глядел в огонь и думал: как же теперь до парома-то?

— Не знаю, что вам и сказать, — пробормотал он наконец.

— Не знаешь — послушай, что тебе скажут, — посоветовал Бирюк. — Эх, мистер Фродо, мистер Фродо, и чего вас понесло в Хоббитон? Чудной там народ! (Сэм заёрзал и сурово

поглядел на Бирюка.) Вот и всегда-то вы так — нет бы сначала рассудить да посоветоваться. Услышал я, помню, что вы отбились от прямой родни, от Брендизайков, и пристали к троюродному дяде — ну, говорю, добра не жди. Старый мистер Бильбо кашу заварил, а расхлёбывать вам. Он богатства-то, поди, не трудами праведными в дальних краях заработал. А теперь и нашлись такие тамошние, которым очень стало интересно: чьи это драгоценности зарыты у него в Хоббитоне?

Фродо смолчал: сварливый Бирюк попал в самую точку.

— Такт-то вот, мистер Фродо, — продолжал тот. — Хорошо хоть, у вас ума хватило вернуться в родные края. Послушайте-ка доброго совета: вернулись — и живите себе тихо-мирно, с чужаками не якшайтесь. У вас и здесь друзей хватит, верно говорю. А коли тот чёрный снова заявится, я уж с ним разберусь — хотите, скажу, что вы навсегда уехали из Шира, а то и вовсе померли. Да они и не за вами, небось, охотятся, а за мистером Бильбо — незачем вам было фамилию-то менять!

— Пожалуй, что и так, — согласился Фродо, не отрывая глаз от огня.

Бирюк задумчиво глянул на него.

— Вы, я вижу, своей головой жить хотите, — заметил он. — И то сказать: пора уж. Да и про этого чёрного вы, поди, больше моего знаете. Ясно, как день, что не случайно вы с ним прибыли в один вечер. Вряд ли я вас очень-то удивил. Про ваши секреты выпрашивать не стану, но на душе у вас, видать, беспокойно. Думаете, как бы по-тихому добраться до парома, так?

— Думаю, — признался Фродо. — Только думать тут нечего, надо идти, и будь что будет. Спасибо вам за доброту вашу! Я ведь вас и ваших собак, не поверите, тридцать лет побаивался. Сдуру, конечно: был бы у меня надёжный друг. Эх, жалко мне от вас уходить. Ну, может ещё наведаюсь, тогда и посидим.

— Милости просим, — сказал Бирюк. — А пока вот чего. Время к закату, нам пора ужинать, мы ведь ложимся и встаём вместе с солнцем. Может, поужинаете у нас?

— Большое спасибо, — отозвался Фродо. — Только боюсь, медлить нам нельзя. Уж и так еле-еле к ночи доберёмся до переправы.

— Та-та-та, ух, спешка, слова сказать не дадут. А я о чём: поужинаем, у меня есть крытая повозка, вот я вас и довезу. Оно и быстрее будет, и надёжнее, а то мало ли что.

Это меняло дело, и Фродо согласился — к великому облегчению своих спутников. Солнце почти скрылось за холмами, сумерки густели. Явились двое сыновей и три дочери Бирюка; громадный стол накрыли мгновенно, еды хватило бы на добрую дюжину гостей. Принесли свечи, разожгли камин; появилась ещё пара хоббитов, работавших на хуторе. Пива было сколько угодно; главное блюдо, тушёные грибы с ветчиной, подобрали дочиста. Собаки лежали у огня и обгладывали кости.

После ужина Бирюк и его сыновья ушли с фонарями готовить повозку. Когда гости вышли, на дворе было совсем темно. Они уложили мешки и пристроились сами. Бирюк хлопнул вожжами по бокам двух откормленных пони. Жена его стояла в освещённых дверях.

— Ты сам-то поосторожней! — крикнула она. — С чужими не задирайся, довезёшь — и прямо домой!

— Ладно, — сказал он, и повозка выехала за ворота.

Ночь была тихая, совсем безветренная, но прохладная. Ехали медленно, без фонаря; до плотины — по дороге, а там — насыпью. У перепутья Бирюк слез, поглядел туда-сюда — темнота непроглядная и ни звука. Речной туман клубился над запрудой и расползался по полям.

— Ишь, темень, — буркнул Бирюк. — Ну, обратно-то я фонарь зажгу, а сейчас так. Если что — услышим загодя.

До парома было миль пять. Хоббиты сидели, плотно укутавшись в плащи. Слышен был только скрип колёс да перестук копыт. Фродо казалось, что повозка не едет, а еле ползёт. Пин клевал носом; Сэм насторожённо глядел в туман.

Наконец справа смутно забелелось два высоких столба — поворот к парому. Бирюк натянул вожжи; повозка со скрипом остановилась. Только они собрались вылезать, как внезапно услышали тот самый звук, который боялись услышать — клацанье копыт. Оно приближалось от реки.

Бирюк соскочил с передка, обхватил лошадиные шеи, чтобы пони не фыркали, и устоял в туманный мрак. Крап-крап, крап-крап — хрупали копыта, и звук гулко отдавался в тихом вечернем воздухе.

— Вы уж лучше спрячьтесь, мистер Фродо, — торопливо посоветовал хозяину Сэм. — Лягте на дно повозки и накройтесь там одеялами, а мы уж этого Всадника как-нибудь спровадим. — Он выпрыгнул из повозки и встал рядом с Бирюком. Всадники так всадники — только пусть сначала его затопчут.

Крап-крап, крап-крап. Сейчас наедет.

— Эй, там! — хрипло крикнул Бирюк.

Клацанье копыт стихло. За несколько шагов проступили очертания всадника в плаще.

— Ну-ка, стоп! — приказал Бирюк. Он швырнул вожжи Сэму и шагнул вперёд. — Стой, где стоишь! Чего тебе надо, куда едешь?

— Я за мистером Торбинсом. Вам такой не попадался? — глухо спросил чей-то голос, очень знакомый... Ну, конечно же — Мерри Брендизайк. Из-под плаща показался фонарь и осветил изумлённое лицо Бирюка.

— Мистер Мерри! — воскликнул он.

— Он самый. А вы думали, кто? — спросил Мерри, появляясь из тумана и встряхивая поводьями.

Страх сразу пропал: перед ними был всего-навсего хоббит верхом на пони, по уши укутанный в шарф.

Фродо выпрыгнул к нему из повозки.

— Нашлись, пропащие! — весело сказал Мерри. — А я уж думал, вы где-нибудь застряли, к ужину не поспеете. Да тут ещё туман поднялся. Ну, я и поехал к Стоку осматривать канавы, а то ведь свалитесь — кто вас вызволит? И вот бывает же — разминулись. А вы-то где их нашли, мистер Бирюк? В своём утином пруду?

— Да они просто шли не путём, — объяснил тот. — Я чуть было на них собак не спустил; погодите, сами вам расскажут. А теперь, значит, извините, мистер Мерри, мистер Фродо и прочие, мне домой надо. Жена ведь, сами понимаете, а ночь-то вон какая тёмная.

Он подал повозку назад и развернул её.

— Всем, стало быть, доброй ночи, — сказал он. — Надо же, денёк выдался, рассказать — не поверят. Ладно, всё хорошо, что хорошо кончается, — вам-то ещё, конечно, добираться... да и мне тоже; ну, поглядим.

Он зажёл фонари, встал, а потом вдруг достал огромную корзину из-под сиденья.

— Чуть не забыл, — добавил он. — Тут вот от жены кое-что, может, пригодится — с особым приветом мистеру Торбинсу!

Они проводили глазами тусклые фонари, быстро канувшие в глухую ночь. Неожиданно Фродо рассмеялся: он учуял из плотно закрытой корзины сытный запах жареных грибов.

— Что ж, поторопимся и мы, — сказал Мерри. — Я уж вижу, вам шутить некогда, на месте поговорим.

И хоббиты припустились вниз прямой дорогой — ровной, накатанной, обложенной большими белыми камнями. Сотня-другая шагов, и они вышли к реке на широкую пристань, возле которой покачивался грузный бревенчатый паром. Причальные сваи светлели под двумя высокими фонарями. С полей на берег наползала через живые изгороди белёсая мгла; но вода впереди была чёрная. Только в камышах — молочные завитки тумана. За рекой туман редел.

Мерри провёл пони по паромным мосткам; следом сошли остальные путники. Он неторопливо оттолкнулся длинным шестом, и между паромом и пристанью поплыли мощные, медленные струи Брендидуина. Восточный берег был крут; от причала мерцающей цепочкой фонарей отходила извилистая дорожка; на Косой Горе перемигивались в тумане красные и жёлтые огоньки. Это светились окна Хоромин-у-Брендидуина, старинной усадьбы Брендизайков.

Давным-давно Лопотур Старозайк, глава рода Старозайков, древнейшего, пожалуй, не только в Восточном уделе, но и во всей Хоббитании, перебрался через реку — природную восточную границу страны. Он построил (и выкопал) Хоромины, изменил своё имя на Брендизайка и стал хозяином маленького независимого края. Его семья росла и росла, пока со временем Хоромины не заняли все склоны горы, приобрели трое больших ворот, массу боковых дверей и с сотню окошек. Тогда Брендизайки и их многочисленные слуги изрыли, а затем и застроили всё вокруг. Так возникла Забрения, густозаселённая полоска земель между рекой и Вековечным лесом, что-то вроде хоббитанской колонии. Главное здешнее селение, сгрудившееся на всхолмье за Хороминами, именовалось Зайгордом.

Обитатели другого берега реки поддерживали с забрендийцами дружеские отношения, а авторитет Господина Хоромин (так прозывали главу рода Брендизайков) признавался на всех фермах между Стоком и Камышами. Но основная масса жителей Старой Хоббитании рассматривала забрендийцев почти как чужаков, хотя в действительности они практически ничем не отличались от хоббитов четырёх уделов, за исключением лишь одного: они пользовались лодками, а некоторые даже умели плавать.

С востока Забрении никакого заслона поначалу не было; но потом Брендизайки насадили высокую живую изгородь и назвали её Отпорной Городьбою. Посадили её много поколений назад, и с тех пор стена ушла ввысь и разрослась вширь, поскольку за ней непрерывно ухаживали. Дугою выгибалась она от Брендидуинского моста до самого устья Ветлянки — добрые миль двадцать, если не больше. Защищать-то она защищала, но, к сожалению, не очень. Лес так и норовил подобраться к Городьбе, и в Забрении запирали на ночь входные двери, что в остальной Хоббитании было не принято.

Паром тихо подплывал к чужому берегу. Переправа была в новинку только Сэму, и ему казалось, что речные струи отделяют его от былой жизни, оставшейся в тумане: впереди зияла чёрная неизвестность. Он почесал в затылке и на мгновение пожалел, что мистеру Фродо не дали спокойно остаться в Торбе.

Хоббиты прыгнули с парома. Мерри зачаливал, а Пин уже вёл пони по дорожке. Сэм в последний раз оглянулся на Хоббитанию и сиплым шёпотом вымолвил:

— Гляньте-ка, мистер Фродо! Кажется мне, что ли?

На дальней пристани в тусклом свете фонарей кто-то появился — кто-то или что-то,

чёрный живой мешок, колыхавшийся у причала. Сперва он ползал и словно бы обнюхивал пристань, а потом попятился и скрылся в темноте за фонарями.

— Это что ещё за новости в Шире? — вытаращил глаза Мерри.

— Это за нами попятам, — сказал Фродо. — И больше пока не спрашивай! Скорее!

Они взбежали вверх по дорожке, оглянулись на туманный берег и ничего не увидели.

— Спасибо, хоть лодок больше нет на западном берегу! — сказал Фродо. — А верхом можно переправиться?

— До Брендидуинского Моста двадцать миль — разве что вплавь, — сказал Мерри. — Только я в жизни не слыхал, чтобы лошадь могла переплыть Брендидуин. А кто — верхом-то?

— Потом скажу. Когда дверь закрём.

— Потом так потом. Вы с Пином дорогу знаете: я тогда на пони к Толстику — вас небось ещё ужином корми.

— Мы вообще-то поужинали у Бирюка, — сказал Фродо, — но можем и ещё раз.

— Вот обжоры! Давай корзину! — потребовал Мерри и скрылся в темноте.

До Кроличьей Балки было не так уж близко. Они оставили по левую руку Косую Горю с Хороминами и вышли на главный тракт Забрэндии — от Брендидуинского Моста на юг. Полмили к Мосту, и они свернули вправо; ещё две мили просёлком — и подошли к узким воротам в частой ограде. Дома в темноте видно не было. Он стоял в стороне от дороги посреди широкой лужайки, окружённой полоской низкорослых деревьев, росших за внешней оградой. Фродо выбрал его именно потому, что дом располагался в глухом уголке на отшибе. Построили его Брендизайки довольно давно для гостей или тех, кто хотел на время отдохнуть от толкучки в Хороминах. Это было добротное старомодное сельское жилище, старательно подражавшее хоббитским норам: длинное, низкое, одноэтажное, с дерновой крышей, круглыми окошками и большой круглой дверью.

От ворот шли в темноте по мягкой зелёной тропке: ни луча не пробивалось из-за ставен. Фродо постучался; Отворил Толстик Боббер, и домашний свет озарил крыльцо. Они проскользнули внутрь, задвинули все засовы и оказались в просторной прихожей с дверями по обеим сторонам. Перед ними был коридор вглубь дома. Из коридора появился Мерри.

— Ну, что скажете? — спросил он. — Мы хоть и на скорую руку, но постарались, чтобы всё было, как дома. А ведь приехали-то вчера вечером — такой был шурум-бурум!

Фродо огляделся. И правда, как дома. Его любимые вещи — любимые вещи Бильбо, если на то пошло, — все нашли свои места, словно в Торбе. Приятно, уютно, спокойно — и ему мучительно захотелось остаться здесь, чтобы здесь и кончить свои дни. Друзья для него так старались, а он... Фродо снова испуганно подумал: как же им объяснить, что я скоро уйду, очень скоро, сейчас — нет, завтра. И объяснения не отложишь.

— Замечательно! — воскликнул он, сглотнув трудный комок. — Точно никуда и не уезжал.

Они скинули мешки и повесили плащи. Мерри повел их по коридору и отворил дверь в дальнем конце. Оттуда сверкнул огонь и пахнуло паром.

— Неужели баня? — восхитился Пин. — Ай да Мерри!

— Чья очередь? — спросил Фродо. — Сначала кто старше или кто быстрее? Вы так и так второй, мастер Перегрин.

— А ну-ка, прекратите! — одёрнул их Мерри. — Ишь, надумали — начинать новое житьё со свары! Чтоб вы знали, так там три ванны и котёл кипятку. Кстати, — может, пригодятся, — полотенца, мыло и прочее. Ну-ка, раз-два-три!

Мерри с Толстиком вернулись в кухню на другом конце коридора и занялись

окончательными приготовлениями к позднему ужину. Из бани вперемешку с плеском и барахтаньем доносились обрывки песен наперебой. Внезапно голос Пина перекрыл все прочие; он затянул любимую песенку Бильбо:

Эй, пропоём про банный пар;
Гонит усталость дивный дар!
Кто не славит вслух кипяток,
Разумом тот от гуся не далёк!
Мило поёт дождевая капель,
Звонко в скалах лопочет ручей,
Но ни дождь, ни журчащий поток
Не заменят нам кипяток!
Да, глоток холодной воды
Сладок в пору летней жары.
Но коли выпить, так лучше пивка,
И чтобы пар согревал нам бока!
Да, фонтана седая струя
Плещет прекрасно, на солнце блестя.
Но звука приятней не сыщешь нигде,
Чем шлёпанье ног по горячей воде!

Раздался устрашающий плеск и вопль Фродо: "Стой! погоди!" Похоже было, что большая часть воды из ванны Пина взметнулась ввысь в подражание фонтану.

Мерри подошёл к дверям.

— Эй, там! — позвал он. — Как насчёт поужинать и пивка?

Фродо вышел, вытирая волосы.

— Там так сыро, что я лучше dokonчу на кухне, — сказал он.

Мерри сунул нос в дверь. На полу можно было плавать.

— Ничего себе! — воскликнул он. — Это вы, голубчик Перегрин, натворили? Все вытрете — а не поспеете к ужину, значит, такая ваша судьба.

Ужинали на кухне за столом возле большого камина.

— Ну, грибов-то вы уже наелись? — спросил Толстик без особой надежды.

— Наелись и ещё поедим! — крикнул Пин.

— Грибы мои! — объявил Фродо. — Их изготвила лучшая хозяйка на свете — госпожа Бирючиха! Уберите лапы, я вам сам положу.

Хоббиты очень любят грибы, даже больше нашего. Поэтому юный Фродо и повадился когда-то лазать к Бирюку. Но сейчас грибов было вдоволь, по-хоббитски. И кроме грибов снеди хватало, так что даже Толстик Боббер под конец облегчённо, хоть и с трудом, вздохнул. Они отодвинули стол и расположились в креслах у огня.

— Потом приберёмся, — сказал Мерри. — Давайте, рассказывайте. Ишь какие — у них приключения, а тут работай. Ну-ка, с начала до конца, а особенно про Бирюка — что он, свихнулся? В чём дело-то? Это чтобы он чего-нибудь испугался?

— Испугаешься тут, — прервал неловкое молчание Пин, поскольку Фродо не сводил глаз с огня и отвечать явно не собирался. — Ты бы тоже наверняка испугался, если бы за тобой два дня гонялись Чёрные Всадники.

— Какие такие всадники?

— Чёрные на чёрных конях, — объяснил Пин. — Фродо, видно, говорить не желает — ну, так я вам расскажу.

И он рассказал про их путешествие от самого Хоббитона. Сэм кивал головой, покашливал и поддакивал. Фродо молчал.

— Я бы наверняка подумал, что ты всё это сочиняешь, — сказал Мерри, — если бы не видел своими глазами то чёрное на пристани. И если бы не слышал голоса Бирюка. А ты что скажешь, Фродо?

— Из него всю дорогу слова было не выжать, — пожаловался Пин. — В молчанку играет, а пора бы объясниться. Бирюк вон догадался, что все беды — от сокровищ дяди Бильбо.

— Это всего лишь догадка, — поспешно сказал Фродо. — В точности ему ничего не известно.

— Как сказать, — возразил Мерри. — Старик дошлый: на уме у него куда больше, чем на языке. Он и по Вековечному лесу, говорят, побродил в своё время и вообще чего только не знает. Ты хоть скажи, Фродо, догадался-то он правильно?

— Ну... — Фродо помедлил. — Кое-что он сообразил верно. Все это связано с тогдашними приключениями Бильбо, и Всадники разыскивают, а вернее, ловят, его или меня. И раз на то пошло, скажу ещё, что дело совсем не шуточное и очень опасное. Здесь не укрытие и спрятаться мне негде. — Он оглядел окна и стены так, словно они вот-вот исчезнут. Трое молодых хоббитов молча обменялись многозначительными взглядами.

— Наконец-то! — прошептал Пин Мерри. Мерри кивнул.

— Да! — сказал Фродо и решительно выпрямился. — Пора, хватит откладывать. У меня для вас грустная новость, не знаю только, с чего начать.

— Уж так и быть, — спокойно предложил Мерри, — давай я за тебя начну.

— Ты — за меня? — воззрился на него Фродо.

— Вот-вот, а ты послушай. У тебя сейчас тяжело на сердце: трудно ведь так сразу прощаться. Ты, конечно, давно собрался уйти из Шира, да всё откладывал; но вот подкралась большая беда, и раздумывать стало недосуг. Пошёл, а в путь тебе совсем не хочется. Нам тебя очень жалко.

Фродо открыл рот, потом закрыл — и глядел так изумлённо, что они расхохотались.

— Фродо, старина! — воскликнул Пин. — Ты что, и правда думал, что всем нам заморочил голову? Куда тебе: и старался-то не очень, и мозгов-то не хватит. Ты уж с апреля в путь собираешься. Ходишь, бормочешь: "Увижу ли я снова эту долину?" — и всякое такое. Да ещё притворяешься, что деньги, мол, на исходе; а кому, подумать, Торбу продал — Лякошелям! Да ещё эти таинственные разговоры с Гэндальфом...

— Вот тебе раз, — протянул Фродо. — А я-то думал — я такой осторожный и скрытный. Что бы, интересно, сказал на это Гэндальф? Так, значит, вся Хоббитания только о моём отъезде и говорит?

— Глупости! — возразил Мерри. — Хотя и ненадолго, но пока что тайна твоя известна одним нам, заговорщикам: мы ведь тебя знаем как облупленного, пойми. Ты о чем-нибудь думаешь, а у тебя на лице всё и написано. Правду сказать, я очень к тебе приглядывался, когда Бильбо ушёл, потому что понял: и этот уйдёт, дай срок. Очень мы боялись, что ты улепетнёшь от нас потихоньку. Весну и лето мы с тебя глаз не спускали, всё взвесили и решили. Ты от нас так просто не удерёшь, не надейся!

— Ничего не поделаешь, дорогие мои друзья, — сказал Фродо. — Вам горько, мне ещё горше, но отговаривать меня не надо. Раз уж вы догадались, так лучше помогите или хотя бы не мешайте.

— Да ты не понял! — крикнул Пин. — Кто тебя держит — иди, а уж мы как-нибудь от тебя не отстанем, я и Мерри. Сэм замечательный малый, он за тобой дракону в глотку кинется, если сам себе подножки не поставит. Только ведь тебе одного спутника мало будет, путешествие-то опасное.

— Милые вы мои, хорошие хоббиты! — дрогнувшим голосом воскликнул Фродо. — Ну, разве могу я на это согласиться? Я тоже давно всё обдумал и решил. Опасное, говорите, путешествие? Гораздо хуже! Это вам не поход за сокровищами, не прогулка Туда и Обратно. Смерть со всех сторон и за каждым поворотом.

— Спасибо, объяснил, — насмешливо отозвался Мерри и вдруг отчеканил: — Потому-то мы с тобой и пойдём. Мы знаем, какое это страшное Кольцо, и вот хотим помочь тебе против Врага.

— Кольцо?! — проговорил вконец ошеломлённый Фродо.

— Да, Кольцо, — сказал Мерри. — Ну, Фродо, ты, видно, думаешь, что друзья у тебя — полные олухи. Да я про Кольцо знаю уж сколько лет, знал ещё при Бильбо, но раз ему угодно было секретничать, так и я не болтал. Бильбо я знал хуже, чем тебя: и сам-то был куда моложе нынешнего, и он куда хитрей твоего. Но была и на него проруха, — хочешь, расскажу?

— Рассказывай, — слабо отозвался Фродо.

— Попал он в проруху, как водится, из-за Лякошелей. Однажды, за год до Угощения, шёл я по дороге и завидел впереди Бильбо. Я за ним, а тут, извольте, вдали показались Лякошели, идут навстречу. Бильбо попятился, сунул руку в карман, и вдруг на тебе — исчез! Я так обалдел, что сам чуть не забыл спрятаться; потом опомнился, прыг через ограду и плюх в траву. Лякошели прошли, а на пустой дороге спокойненько возникает Бильбо и суёт в карман что-то золотое, блестящее.

Мне, конечно, стало интересно. Да что там, я прямо шпионить за ним начал. Судите, как знаете, — такой уж я был любопытный в свои восемнадцать лет. Увы, Фродо, надо ещё признаться, что я один во всём Шире — кроме тебя, конечно, — видел даже записки Бильбо.

— И записки? — вскричал Фродо. — Да что же это в самом деле! Неужели ничего нельзя сохранить в тайне?

— Почему, можно, но не от всех, — сказал Мерри. — Я, правда, одним глазком только глянул, а уж как ловчил! Записки он свои берёт словно зеницу ока. Любопытно, что с ними случилось, я бы ещё и другим глазом поглядел. У тебя они, кстати, не с собой?

— Нет. Записок в Торбе не было. Видно, Бильбо их забрал.

— Да, ну так вот, — продолжал Мерри, — я что знал, то держал про себя до нынешней весны. А когда запахло бедой, мы составили наш заговор и каждый выложил, что ему известно. Ты ведь молчун, вроде Гэндальфа — тот, правда, ещё хуже тебя. Не скрою, однако, был у нас и главный слухач-соглядатай; не скрою и, ладно уж, покажу.

— Покажи, где он? — сказал Фродо, затравленно озираясь, словно ждал, что сейчас из буфета вылезет чёрный соглядатай в чёрной маске.

— Давай, Сэм, не стесняйся! — позвал Мерри, и Сэм встал, виновато опустив руки, красный до ушей. — Вот кто наш главный добытчик сведений! И немало, я тебе скажу, он их добыл, пока его не сцапали. А с тех пор — как воды в рот набрал: честность ему, видите ли, не позволяет.

— Сэм! — только и мог воскликнуть Фродо. Он даже не знал, смеяться, сердиться или с облегчением вздохнуть: так и так он-то выходил дурак дураком.

— Я, сэр! — испуганно объявил Сэм. — С вашего позволения, сэр! Я ведь потому что из-за вас, мистер Фродо, и мистеру Гэндальфу я, право слово, не поперёк. Он зря-то ничего не скажет, а ведь он что сказал? Вы ему: один, мол, пойду, а он вам: нет, говорит, возьми с собой

тех, на кого надеешься!

— На кого уж теперь надеяться, — проворчал Фродо, и Сэм потупился с несчастным видом.

— Смотря что ты имеешь в виду, — возразил Мерри. — Можешь надеяться, что мы пойдём за тобой в огонь и в воду, что погибнем, если придётся, вместе. И тайны твои, будь уверен, сохраним не хуже тебя. А что мы тебя бросим и ты пойдёшь один — на это не надейся. Мы же твои друзья, Фродо! И в путь собрались — не сослепу. Мы знаем почти всё, что рассказал тебе Гэндальф, знаем про Кольцо. Нам очень страшно, но пойдём с тобой, а не возьмёшь — всё равно пойдём.

— И вы уж простите, сэр, — прибавил Сэм, — только эльфы-то вам что посоветовали? Гилдор сказал же: бери, кто с тобой захочет, разве не так?

— Так-то так, — сказал Фродо, глядя на ухмыляющегося Сэма. — Только глазам и ушам своим я верить теперь не буду: вижу, дескать, спит, слышу, мол, храпит. Я тебя ногой-то проверю, от хитрости ты храпишь или взаправду!.. Да и все вы, конечно, хороши! — добавил он, обернувшись к заговорщикам. — Ну, разбойники! — он невольно фыркнул и развёл руками. — Что ж, ладно, сдаюсь. Принимаю совет Гилдора. Не было бы так страшно, я бы, может, и в пляс пустился. Что уж скрывать: я до смерти боялся этого вечера, а вышла такая радость.

— Сказано — сделано. Капитану Фродо и его отряду — троекратное ура! — закричали хоббиты и заплясали вокруг вставшего Фродо.

А Мерри с Пином пляску оставили и начали песню, сочиненную, конечно, заранее, — вроде той, которую пели гномы, отправляясь в путь с Бильбо:

За дальние дали сквозь бури и гром
Простившись с камином мы молча уйдём,
В глухие чащобы уйдём до восхода,
Оставив во мраке уютный свой дом.
К Раздолу, где эльфы живут до сих пор
В лощинах, укрытых туманами гор,
Сквозь топи и вереск пройдем торопливо.
А что будет дальше, узнаем потом.
Навстречу коварным, жестоким врагам
Идти нам придётся, и страх попятам.
Под небом ночлег до исхода пути,
Иначе нельзя груз опасный спасти.
Во тьме до восхода придётся уйти,
Нельзя отложить нам начала пути.

— Неплохо спето! — заметил Фродо. — Но коли так, то дел у нас хватает, и давайте примемся за них под крышей: ведь потом крыши-то не будет.

— Крыша крышей, а песня песней, — сказал Пин. — Так ты что, и правда думаешь в путь до рассвета?

— Пока не решил, — ответил Фродо. — Я боюсь Чёрных Всадников и боюсь оставаться в доме, про который им известно, что я в нём поселился. Гилдор мне тоже задерживаться не советовал. Я бы только очень хотел повидаться с Гэндальфом. Гилдор, кстати, явно беспокоился, узнав, что Гэндальф обещал и не пришёл. Вопрос один, вопрос другой. Первый: долго ли Всадникам до Зайгорда? Второй: долго ли нам собираться? Путь — сами знаете...

— На второй вопрос ответ готов, — сказал Мерри. — Хоть через час. Я уже всё собрал. В сарае за лугом шесть пони, мешки набиты; осталось только одежды добавить, да тех продуктов, которые заранее не положишь.

— Да вы, я вижу, опытные заговорщики, — восхитился Фродо. — А как насчёт Чёрных Всадников? Может лучше всё-таки подождать денёк Гэндальфа?

— Зависит от того, что эти Всадники с тобой сделают, если найдут здесь; сам гляди, — сказал Мерри. — Они бы, пожалуй, уже до нас добрались, да застряли, наверно, у Северных ворот, где Городьба до самой реки доходит, как раз у Моста. Сторожа по ночному времени никого чужого не пустят, разве что те силой прорвутся. Там и днём-то не очень пустят, по крайней мере, не сообщив предварительно Господину Хоромин, — тем более каких-то чёрных и подозрительных. Только Забрения — не крепость, сам понимаешь, настоящей атаки долго не выдержит. Весьма возможно, что утром пропустят даже Чёрного Всадника, если он подъедет и начнет спрашивать про мистера Торбинса. Всем ведь известно, что ты вернулся жить в Кроличью Балку.

Фродо задумался.

— Вот как мы сделаем, — сказал он наконец. — Выходим завтра чуть свет. Только не по дороге: это хуже, чем ждать здесь. Через Северные ворота нельзя — сразу станет ясно, что я уехал, а это-то вот именно и надо сохранить в тайне, хотя бы несколько дней. А Мост и Восточный тракт близ границы уж точно под наблюдением, даже если чёрные и не объявятся в Забрении. Я же не знаю, сколько Всадников, может два, а может больше. Нам бы надо уйти, как под землю нырнуть.

— Это же вам путь только через Вековечный лес! — с ужасом воскликнул Толстик. — Берегитесь, лучше куда угодно, чем туда. Подумаешь, какие-то Чёрные Всадники!

— Вот ты и подумай на досуге, — посоветовал ему Мерри. — Страшно это, конечно, а всё же Фродо, наверное, прав. Там нас преследовать не будут — повезёт, так и всякая погоня нас потеряет.

— Это в Лесу-то Вековечном вам повезёт?! — взвизгнул Толстик. — Покамест никому не везло. Погоня их потеряет, как же! Сами навек потеряетесь! Туда никто не ходит.

— Ну как — никто! — сказал Мерри. — Брендизайки ходят: не каждый день, конечно, но когда понадобится. У нас свой личный лаз есть. Фродо тоже разок в лес заглядывал — давным-давно, правда. А я так даже несколько раз: в основном днём, конечно, когда деревья спят.

— Ваше дело, ваше дело! — замахал руками Фредегар. — По мне, так страшнее Вековечного леса ничего и на свете нет: а что о нём рассказывают, лучше даже не слушать. Ну, я-то что, я же с вами не иду. И теперь, честное слово, очень рад, что остаюсь: вот Гэндальф не сегодня-завтра объявится, я ему всё про вас расскажу.

Толстик любил Фродо, но бросать Хоббитанию боялся: мало ли что окажется где-то там. Его семья издавна проживала в Восточном уделе, а конкретно в Ополье, в местечке Овечий Брод. Толстик и за рекой-то был в первый раз. Впрочем, заговорщики не собирались брать его с собой: по плану ему надлежало стеречь дом и сбивать с толку любопытных — притворяться, что господин Торбинс здесь, пожалуйста, только не сейчас. На всякий случай были наготове даже старые костюмы из Торбы; Толстик их наденет, авось его и примут за Фродо. Никто не подумал, что это самая опасная роль.

— Прекрасно! — сказал Фродо, разобравшись в заговорщицких замыслах. — Как бы мы иначе оповестили Гэндальфа? Не знаю, умеют ли эти Всадники читать, но я не рискнул бы оставить письмо. Вдруг они залезут в дом и обыщут его? А раз Толстик будет на месте, значит, Гэндальф узнает, куда мы пошли, так что и думать нечего. Итак, утром первым делом уходим в

Вековечный лес!

— Отлично, — откликнулся Пин, — в лес так в лес. Я только не завидую Толстику — вот поглядит он на Чёрных Всадников.

— А я тебе не завидую, — ответил Фредегар. — Зайдёшь в Лес, обратно запросишься, да поздно будет.

— Ладно, хватит спорить, — сказал Мерри. — Нам ещё надо прибраться и кое-что упаковать. Я ведь вас затемно разбужу.

Когда Фродо наконец улёгся, он никак не мог заснуть. Ноги ныли; спасибо, хоть завтра верхом. Мало-помалу он погрузился в смутный сон, и казалось ему, что он смотрит сверху, из окна, в лесную темень, а у корней деревьев ползают, принюхиваясь, какие-то твари — и наверняка рано или поздно почуют его.

Издали донёсся шум: ветер, наверное, пробежал по листьям. Нет, понял он, это не ветер, это дальнее море, а шума волн он никогда наяву не слышал, хотя звук этот часто тревожил его сны. А потом окна не стало — простор. И никаких деревьев. Вокруг шелестел чёрный вереск, незнакомый солёный запах щекотал ноздри. Фродо поднял глаза и увидел высокую белую башню, одиноко стоящую на высоком хребте. Ему захотелось забраться туда, чтобы поглядеть на море, он стал карабкаться по склону, но вдруг небо озарилось молнией и грянул гром.

Глава VI

Вековечный лес

Фродо вскочил как встрёпанный. В комнате было темно; Мерри стоял в коридоре со свечой в руке и громко барабанил по приоткрытой двери.

— Тише! Что случилось? — заплетающимся со сна языком испуганно выговорил Фродо.

— Ещё спрашивает! — удивился Мерри. — Вставать пора, половина пятого. На дворе непроглядный туман. Вставай, вставай! Сэм уже завтрак готовит. Пин и тот на ногах. Я пошёл седлать пони и приведу того, который для поклажи. Разбуди лежебоку Толстика! Пусть хоть проводит нас.

К началу седьмого пять хоббитов были готовы в путь. Толстик всё ещё зевал. Они бесшумно выбрались из дому и зашагали по задней тропке вслед за Мерри, который вёл тяжело навьюченного пони, сначала через рощицу, потом лугами. Листья влажно лоснились, с каждой ветки капало, и холодная роса серым пологом заволакивала траву. Стояла тишь, и дальние звуки слышались совсем рядом: мычали в чьём-то дворе телята, где-то хлопнула дверь.

Пони были в сенном сарае: крепкие, один к одному, медлительные, но выносливые, под стать хоббитам. Беглецы сели поудобнее, тронули лошадок — и углубились в густой туман, который словно нехотя расступался перед ними и смыкался позади. Ехали молча, шагом, час или около того. Наконец из мглы неожиданно выступила Городьба, высокая, подёрнутая серебристой паутиной.

— Ну, и как же вы через неё? — спросил Фредегар.

— За мной! — отвечал Мерри. — Увидишь.

Он свернул налево и поехал вдоль Городьбы, которая вскоре отошла назад краем оврага. В овраг врезался пологий спуск, глубже, глубже — и становился подземным ходом с кирпичными стенами. Ход нырял под ограду и выходил в овраг на той стороне.

Толстик Боббер осадил пони.

— Прощай, Фродо! — воскликнул он. — Зря ты в Лес пошёл, гиблое это место, сегодня ж в беду, чего доброго, попадёте. А всё-таки желаю вам удачи — и сегодня, и завтра, и всегда!

— Если б у меня только и было впереди, что Вековечный лес, я был бы счастливчиком, — отозвался Фродо. — Гэндальфу передай, чтоб торопился к Восточному тракту: мы тоже из лесу туда, и уж там припустимся! Прощай! — Он спустился в овраг и исчез в туннеле. Фредегар остался наверху один.

Ход был тёмный, сырой и упирался в решетчатые ворота из густо посаженных стальных прутьев. Мерри спешил и отпер их, а когда все прошли — захлопнул. Ворота сомкнулись, и зловеще клацнул запор.

— Ну вот! — сказал Мерри. — Путь назад закрыт. Прощай, Шир, перед нами Вековечный лес.

— А про него правду рассказывают? — спросил Пин.

— Смотря что рассказывают, — отвечал Мерри. — Если ты про те страсти-мордасти, какими Толстика пугали в детстве, про гоблинов, волков и всякую нечисть, то вряд ли. Я в эти байки не верю. Но лес и правда чудной. Всё в нём какое-то насторожённое, не то, что в Хоббитании. Деревья здесь чужаков не любят и следят-следят-следят за ними во все... листья, что ли? — глаз-то у них нет. Днём это не очень страшно, пусть себе следят. Бывает, правда, иногда — одно ветку на тебя обронит, другое вдруг корень выставит, третье плющом на ходу оплетёт. Да это пустяки, а вот ночью, мне говорили... Сам-то я ночью был здесь раз или два, и то вблизи Городьбы. Мне казалось, будто деревья шепчутся, судачат на непонятном языке и сулят что-то недоброе; ветра не было, а ветки всё равно колыхались и шелестели. Говорят, деревья могут передвигаться и стеной окружать чужаков. Когда-то они даже к Городьбе подступали: появились рядом с нею, стали напирать и клониться на неё сверху. Тогда хоббиты вышли, порубили сотни деревьев и выжгли широкую полосу к востоку от Городьбы. Лес отступил, но обиды не забыл. А полоса и сейчас ещё видна — там, немного подальше в лесу.

— Деревья — и всё? — опять спросил Пин.

— Да нет, ещё водятся будто бы, по слухам, в глубине леса и с другого его краю всякие подозрительные твари, — ответил Мерри, — только мне с ними встречаться не доводилось. Но тропы то-то протаптывает. Зайдёшь в лес, а там, откуда ни возмись, тропа, но кто её знает, куда поведёт, да каждый раз по-разному. Тут раньше была одна неподалёку — хотя теперь, может, и заросла — большая тропа к Пожарной прогалине, а дальше она ведёт примерно в нужную сторону, на северо-восток. Авось разыщу.

Из нескончаемого оврага вывела вверх, в лес, еле заметная дорожка; вывела и тут же исчезла. Въезжая под деревья, они оглянулись: позади смутной полосой чернела Городьба — вот-вот скроется из виду. А впереди были только стволы и стволы, впрямь и вкривь, стройные и корявые, гладкие и шишковатые, суковатые и ветвистые, серо-зелёные, обомшелые, обросшие лишайником.

Не унывал один Мерри.

— Ты ищи, ищи свою большую тропу, — хмуро понукнул его Фродо. — Того и гляди, растеряем друг друга или все вместе заплутаемся!

Пони наудачу пробирались среди деревьев, осторожно ступая между извилистыми, переплетёнными корнями. Подлеска не было. Пологий подъём вел их в гору, и деревья нависали всё выше, темнее и гуще. Стояла глухая тишь; иногда по неподвижной листве перекатывалась и шлёпалась вниз набрякшая капля. Ветви словно замерли: ниоткуда ни шелеста — но хоббиты чувствовали, что их видят, что их рассматривают — холодно, подозрительно, враждебно. Причём всё враждебнее да враждебнее: они то и дело оборачивались и вскидывали головы, точно опасаясь внезапного нападения.

Тропа не отыскивалась, деревья заступали путь, и Пин вдруг почувствовал, что больше не

может.

— Ой-ой-ой! — жалобно закричал он во весь голос. — Я ничего худого не замышляю, пропустите меня, пожалуйста!

Все в испуге застыли, но крик не раскатился по лесу, а тут же заглох, точно придушенный. Ни эха, ни отзвука: только лес сгустился плотнее и зашелестел как будто злорадней.

— Не стал бы я на твоём месте кричать, — сказал Мерри. — Пользы ни на грош, а навредить может.

Фродо подумал, что, наверно, пути давно уже нет и что зря он повёл друзей в этот зловредный лес. Мерри искал взглядом тропу, но очень неуверенно, и Пин это заметил.

— Ну, ты прямо с ходу заблудился, — проворчал он, а Мерри в ответ облегчённо присвистнул и показал пальцем вперёд.

— Да, дела! — задумчиво проговорил он. — Деревья ведь, а на месте не стоят. Я так понимаю, вон она, Пожарная прогалина, но тропку к ней явно кто-то убрал!

Путь их светлел, деревья расступались. Хоббиты вдруг вынырнули из-под ветвей и оказались на широкой поляне. Над ними раскрылось небо, неожиданно голубое и чистое. Под пологом леса они даже не заметили, как рассвело и поднялся туман. Но солнце было ещё слишком низко, чтобы его лучи падали на поляну, хотя они уже озарили макушки деревьев. Листва по краям Прогалины была гуще и зеленее, словно отгораживала её от леса. Здесь не было ни дерева: только жёсткая трава да квёлый болиголов, купырь, всякий бурьян, жирующий на пепле, буйная крапива и чертополох. Унылое место, но после чащоб Вековечного леса оно казалось прелестным ярким садом.

Хоббиты приободрились и с надеждой поглядывали на небо, где разгорался день. На дальнем конце Прогалины среди деревьев ясно обозначилась тропа. Она уходила в лес, открытая и местами довольно широкая, хотя деревья то и дело подступали к ней, прикрывая своими тёмными сучьями. По ней они и направились. Тропа уводила вверх по пологому склону, но теперь путники ехали веселее и куда быстрее прежнего, в надежде, что Лес смиростивился и всё-таки пропустит их.

Однако не тут-то было, вскоре тайное лиходейство стало явным. Спёртый воздух напитался духотой, деревья стиснули их с обеих сторон и заслонили путь. Копыта пони утопали в грудах прелых листьев, запинаясь за скрытые корни, и в тишине звук этот глухо отдавался в ушах. Фродо попытался было запеть, чтобы приободрить друзей, но смог только негромко пробормотать:

Пусть сумрачно в глуши лесной,
Но мы надежду везём с собой:
Хоть меж стволов одна чернота,
Но не бывает чащ без конца.
Куда бы ни лежал наш путь,
Опять доведётся на солнце взглянуть.
Смотришь, а лес уже и исчез...

На слове "исчез" голос его окончательно затих. Воздух казался тяжёлым и словно заталкивал слова назад в горло. Прямо за ними на тропу с треском рухнул со старого склонившегося дерева длинный сук. А впереди стволы будто сомкнулись.

— Что-то на "исчез" совсем не похоже, — заметил Мерри. — Погоди ты петь. Вот

выберемся, тогда уж хором споём на прощание, да погромче!

Говорил он весёлым тоном, стараясь прикрыть им собственную тревогу. Остальные не ответили. Фродо грызла неуверенность и угнетала тоска; он корил себя за легкомыслие и уж совсем собрался было повернуть всех вспять (то есть неведомо куда) — как вдруг тягостный подъем кончился, деревья раздвинулись и они увидели, что тропа бежит прямо к зелёному холму, который возвышался над лесом, точно бритая макушка.

Путники поехали быстрее, надеясь хоть ненадолго подняться над пологом Леса. Тропа нырнула, а затем начала карабкаться вверх к подножию крутого склона, где и исчезла в густой траве. Лес окружал холм со всех сторон, словно вздыбленные волосы.

Хоббиты спешили и повели пони вверх по долгой спирали, пока не оказались на вершине. Наконец-то можно было по-настоящему оглядеться. Правда, дали были застланы синеватой солнечной дымкой, а в лесных лощинах лежал туман. Особенно глубокая складка приминала лес с юга, и из неё до сих пор поднималась белёсая мгла, как поток или клубы белого дыма.

— Вон там, — показал Мерри, — течёт Ветлянка, с Могильников на юго-запад, в самую глубь Леса, прорезает его и впадает в Брендидуин там, где кончается Городьба. Вот куда нам больше всего не надо: от реки-то и есть главное лесное колдовство.

Остальные посмотрели в указанном направлении, но из-за тумана над сырой, глубоко врезанной долиной почти ничего не разглядели, кроме южной окраины леса, уходившей за горизонт.

На вершине холма солнце припекало; было уже около одиннадцати. Осенняя дымка стелилась всё гуще. На западе не видать было ни Городьбы, ни долины Брендидуина. И сколько ни глядели они на север, не могли найти взглядом Великого Восточного Тракта, на который хотели попасть. Они были на островке посреди лесного моря, дали расплывались и таяли.

К юго-востоку местность круто понижалась, словно склоны холма, скрытые деревьями, отвесно падали, как берега скалистого острова-горы, поднимающегося из глубин вод. Хоббиты уселись на травянистом краешке и принялись за полдник, поглядывая на чащобы внизу. К полудню на востоке начала проглядывать зеленовато-серая линия Могильников, что лежали за Вековечным Лесом. Это их весьма приободрило: приятно, всё же, увидеть хоть что-то, кроме леса, — хотя у них и в мыслях не было двигаться в том направлении. Могильники пользовались в Хоббитании ещё более дурной славой, чем сам Лес.

Подкрепив силы и собравшись с духом, они поехали вниз. Тропа, которая привела их к холму, вновь обнаружилась с северной стороны; однако не успели они обрадоваться, как заметили, что их медленно, но верно уводит вправо. Скоро тропа быстро пошла под уклон, должно быть, к долине Ветлянки, то есть совсем уж в ненужную сторону. Посовещавшись, они решили свернуть в чащу на север, к невидимому тракту, до которого, в принципе, не так уж и далеко. К тому же к северу, то есть слева от тропы, и земля казалась посуше, и деревья стояли на поднимающемся склоне пореже: обыкновенные ёлки да сосны, не то что здесь — дубы, ясени и совсем уж какие-то загадочные, неведомые породы.

Поначалу казалось, что решили они правильно: даже и поехали опять быстрее. Хотя, когда солнце пронизывало листву, получалось, что они всё время как-то незаметно для себя сворачивают к востоку. Опять начали сходиться деревья, такие разреженные издали. Откуда ни возмись, пошли глубокие рытвины, будто гигантские колеи, заброшенные рвы или врезанные в холм давно забытые дороги, густо поросшие ежевикой. И всё почему-то поперёк пути: обойти невозможно, надо обязательно спускаться и подниматься, а с пони это было сложно и хлопотно.

На дне их каждый раз поджидал густой кустарник и частая поросль: влево и не пробуй, а справа расступается, так что приходилось какое-то время пробираться по дну, чтобы найти подъём с другой стороны. И каждый раз, когда они выбирались наверх, лес становился всё глуше и темнее: влево и в гору не пускает, так что хоббиты поневоле шли направо под гору.

Через час-другой они потеряли направление — знали только, что давно уже идут не на север. Кто-то вёл их, и они покорно брели выбранным за них курсом — к юго-востоку, в самую глубь Леса.

Солнце клонилось к западу, когда они угодили в рытвину шире и глубже прочих. Склоны оказались такими отвесными и заросшими, что выбраться не удавалось, куда ни сверни, что вперёд, что назад: не бросать же пони вместе с поклажей! Оставалось только идти по дну — вниз. Почва стала мягкой, иногда чавкала; со стенок там и сям пробивались роднички, и вскоре путники обнаружили, что идут вдоль ручья по пружинистой болотной тропе. Вскоре дно пошло снижаться ещё круче, ручей вырос и зажурчал, быстро прыгая к устью оврага. Хоббиты оказались в глубоком сумеречном рву со сводом, образованным ветвями деревьев высоко над ними.

Некоторое время они пробирались, то и дело оступаясь, вдоль ручья, и вдруг впереди, как в воротах, снова блеснул солнечный свет. Путники заторопились к выходу. Оказалось, что они спускались по глубокой расщелине в крутом, почти отвесном склоне. Перед ними была трава и камыши, дальний берег казался почти таким же крутым. В скрытой между берегами долине теплился золотой и дремотный вечер. Посреди лениво текла тёмная река, окаймлённая древними ивами, укрытая ивами, перегороженная упавшими ивами, густо усыпанная опавшей ивовой листвой. Дул тёплый ветерок, срывая множество золотых листочков, шуршали камыши, шелестела осока, перешёптывались ивовые ветви.

— Ну, теперь понятно, куда нас занесло! — сказал Мерри. — Совсем не в ту сторону. Это Ветлянка! Пойду-ка я поразведаю.

Он вышел на солнышко и затерялся в высокой траве. Потом вернулся — как из-под земли вырос — и объявил, что земля между обрывом и рекой вовсе не топкая, местами даже к воде подойти можно, а самое главное, что на этом берегу вдоль русла вьётся какая-то тропка.

— Пойдём по ней влево, — сказал он. — Тогда со временем мы непременно выйдем из Леса с восточной стороны.

— Непременно! — пробурчал Пин. — Если только она дотуда доходит, а не заведёт нас в какое-нибудь болото, где мы и завязнем. Кто и зачем её проложил, по-твоему, а? Уж во всяком случае не для нашего удобства. Этот лес кажется мне всё более и более подозрительным, и всё что в нём тоже. И я начинаю верить всему, что о нём рассказывают. И ещё: сколько, по-твоему, нам придётся идти к востоку?

— Понятия не имею, — ответил Мерри. — Я же не знаю, насколько далеко мы зашли вниз по течению Ветлянки и кто это способен ходить тут настолько часто, чтобы протоптать дорожку. Но ничего лучшего я предложить не могу.

Делать было нечего: хоббиты гуськом спустились к реке и поехали обнаруженной Мерри тропкой между высокими камышами и травой, которые временами возвышались над их головами. Однако тропа оказалась удобной. Она петляла и юлила, выбирая местечки посуше среди небольших озёр и болотцев. Временами она перебиралась через другие ручейки, сбегаящие по оврагам к Ветлянке с лесных склонов, и каждый раз здесь оказывались заботливо уложенные поперек стволы или вязанки хвороста.

Хоббитам становилось жарко. Вокруг ушей вилась густая мошка, а вечернее солнце пекло

спины. Наконец тропку перекрыла зыбкая тень, над ней протянулись огромные серые сучья с редкой листвою. Что ни шаг — душней и трудней. Земля словно источала сонливость, которая тяжелила ноги, дурманила головы и мягко опускалась из воздуха на глаза.

Фродо уронил голову на грудь, и в этот же момент Пин, шедший перед ним, упал на колени. Фродо остановился.

— Не могу больше, — услышал он голос Мерри. — Шагу больше не сделать без отдыха. Подремать бы... Под ивами прохладней, меньше мошки...

Фродо не понравилось, как это прозвучало.

— Взбодритесь! — крикнул он. — Не время спать! Сначала надо как-то выбраться из Леса.

Однако спутникам его было уже всё равно. Стоявший рядом с ними Сэм зевал и сонно хлопал глазами.

Внезапно Фродо сам почувствовал, что засыпает — в глазах у него всё поплыло и звуки как-то стихли. Неотвязное жужжание прекратилось. Был только лёгкий шёпот, мягкое журчание, дальний шелест, словно неуловимая песня — листья, что ли? Листья, конечно. Он поднял усталые глаза и увидел над собою громадную иву, древнюю и словно седую. Гигантское дерево раскинуло над ним ветви, будто распростёрло бесчисленные длиннопалые руки, его необъятный корявый ствол был иссечён широкими трещинами, тихо скрипевшими поскрипывавшими, когда шевелились ветви. Трепещущая листва на фоне яркого неба ослепила его, Фродо опрокинулся на траву и остался лежать.

Мерри с Пином еле-еле дотащились до могучего ствола и прислонились к нему. За ними были зияющие трещины, широко раскрывавшиеся навстречу им, пока дерево покачивалось и потрескивало. Вверху плавно покачивалась сплошная завеса жёлто-серой листвы. Хоббиты утомлённо закрыли глаза, и им показалось, что они почти разбирают слова, прохладные слова, лепечущие что-то про воду и сон. Мерри и Пин поддались этим чарам и крепко заснули у подножья огромной серой ивы.

Фродо лежал, изо всех сил отгоняя одолевавший его сон, ему даже удалось кое-как подняться на ноги. Его неодолимо тянуло к прохладной воде.

— Погоди-ка, Сэм, — пробормотал он. — Хорошо бы ещё ноги... окунуть...

В полудрёме он доплёлся до берега, где в русло свисал громадный изогнутый корень, будто корявый дракон, вытянувшийся, чтобы попить. Фродо вскарабкался на него, опустил ноги в холодную мутную воду и мгновенно провалился в глубокий сон, прислонившись спиной к дереву.

Сэм сел, почесал голову и широко, во весь рот, зевнул. Ему было тревожно. Вечер уже кончается, а они спят и спят. С чего бы это?

— Нет, дело тут не просто в тепле да солнышке, — пробормотал он. — Не нравится мне это громадное дерево. Не верю я ему. Ишь, распелось! Сон нагоняет. Нет, так не пойдёт!

Он с трудом встал и побрёл посмотреть, что случилось с пони. Два ушли довольно далеко по тропе, и только Сэм поймал их и отвёл к прочим, как услышал два звука: один громкий, другой потише, но очень отчётливый. Громкий всплеск, словно что-то тяжёлое свалилось в воду, и тихий щелчок, будто плотно закрылась дверь.

Он ринулся назад. Фродо был в воде у самого берега и даже не сопротивлялся длинному цепкому корню, который пригибал его. Сэм поскорей схватил хозяина за куртку и вытащил из-под корня, а потом кое-как и на сушу. Фродо очнулся и взмахнул руками; носом хлынула вода.

— Представляешь, Сэм, — проговорил он наконец, — проклятое дерево спихнуло меня в воду! Я почувствовал. Корень взял, перевернулся и прижал меня!

— Вам, должно быть, пригрезилось, мистер Фродо, — сказал Сэм. — Отошли бы хоть подальше от воды, если уж вам так спится.

— А наши-то где? — спросил Фродо. — Им-то что приснилось, интересно?

Сэм с Фродо обошли дерево, и тут Сэм понял, что за щелчок он слышал. Пин исчез. Трещина, в которой он прикорнул, сомкнулась, словно бы её и не было. И Мерри попался: его ноги торчали из другой сомкнувшейся на нём, как щипцы, трещины.

Сначала Фродо и Сэм били кулаками в ствол возле того места, где лежал Пин. Потом попробовали раздвинуть трещину и выпустить бедолагу Мерри — безуспешно.

— Так я и знал! — воскликнул Фродо. — Ну что нас понесло в этот треклятый лес! Остались бы лучше там, в Балке! — он изо всех сил пнул дерево. Еле заметная дрожь пробежала по стволу и ветвям; листья зашуршали и зашептались, словно посмеиваясь.

— Мы небось топора-то не захватили, мистер Фродо? — спросил Сэм.

— Есть у меня топорик, ветки рубить, — ответил Фродо. — Да тут разве такой нужен?!

— Погодите-ка! — вскрикнул Сэм, будто его осенило. — А если развести огонь? Вдруг поможет?

— Поможет, как же, — с сомнением отозвался Фродо. — Зажарим Пина живьём, и больше ничего.

— А всё же давайте-ка подпалим ему шкуру, авось испугается. — Сэм с ненавистью глянул на лесного гиганта. — Если он их не отпустит, я всё равно этого старикана свалю — зубами подгрызу! — Он кинулся к лошадям и живо разыскал топорик, трутницу и огниво.

Они быстро сгребли в кучку сухую траву, листья и кусочки коры и построили над ней шалашик из щепок и веточек — не с той, конечно, стороны, где были Пин и Мерри. От первой же искры взметнулся огонь, хворост затрещал, и мелкие языки пламени впились в мшистую кору. Древний исполин содрогнулся, шелестом злобы и боли ответила листва. Громко вскрикнул Мерри, изнутри донёсся сдавленный вопль Пина.

— Погасите! Погасите! — не своим голосом завопил Мерри. — А то он грозит меня надвое раскусить, да так и сделает!

— Кто грозит? Что там с тобой? — Фродо бросился к трещине.

— Погасите! Погасите скорей! — умолял Мерри.

Ветки гиганта яростно всколыхнулись. Будто вихрем растревожило все окрестные деревья, будто камень взбаламутил дремотную реку. Смертельная злоба будоражила Лес. Сэм пинком разметал маленький костёр и затоптал искры. А Фродо, вконец потеряв голову, стремглав помчался куда-то по тропе с истошным криком: "Помогите! Помогите! Помогите-и-и-те!" Он срывался на визг, но сам себя почти не слышал: поднятый ивой вихрь обрывал голос, бешеный ропот листвы глушил его. Но Фродо продолжал отчаянно вопить — от ужаса и растерянности.

А потом вдруг замолк. На его крики ответили — или ему показалось? Нет, ответили: сзади из лесной глубины. Он обернулся, прислушался — да, кто-то пел зычным голосом, беспечно и радостно, но пел невесть что:

— Гол лог, волглый лог, и над логом — горы!

Сух мох, сыр бор, волглый лог и доли!

Том Бом, весёлый Том, Том Бомбадилло-лы!

В надежде на помощь и в страхе перед новой опасностью Фродо и Сэм оба замерли. Вдруг несусветица сложилась в слова, а голос стал яснее и ближе:

Древний лес, вечный лес, прелый и патлатый —
Ветерочков переплеск да скворец крылатый!
Вот уж вечер настаёт, и уходит солнце —
Тома Золотинка ждёт, сидя у окна.
Ждёт-пождёт, а Тома нет — заждалась, наверно,
Золотинка, дочь реки, светлая царевна!
Том кувшинки ей несёт, песню распевает —
Древний лес, вечный лес, Тому подпевает:
Летний день — голубень, вешний вечер — чёрный,
Вешний ливень — чудодей, летний — тараторень!
Ну-ка, буки и дубы, расступайтесь, братцы —
Тому нынче недосуг с вами препираться!
Не шуршите, камыши, жухло и уныло —
Том торопится-спешит к Золотинке милой!

Они стояли как зачарованные. Вихрь словно выдохся. Листья обвисли на смиренных ветвях. Снова послышалась та же песня, и вдруг из камышей вынырнула затрёпанная шляпа с длинным синим пером за лентой тульи. Вместе со шляпой явился и человек, а может, и не человек вовсе. Во всяком случае, он был крупнее и тяжелее любого хоббита, а если ростом и поменьше Большого народа, зато шумел, как они. Он вовсю топал жёлтыми башмаками на толстых ногах, и продирался сквозь осоку и камыши, как корова, идущая на водопой. На нём был синий кафтан, курчавая каштановая борода спускалась до пояса, глаза — ярко-синие, а лицо — румяное, как наливное яблоко, но изрезанное смеховыми морщинками. В руке у него был большой лист-поднос, а на нём лежали горкой белые кувшинки.

— Помогите! — кинулись навстречу ему Фродо и Сэм.

— Ну! Ну! Легче там! — отозвался незнакомец, протянув руку перед собой, и они остановились, как вкопанные. — Для чего кричать-то! Вы куда несётесь так? Что стряслось тут с вами? Я — Том Бомбадил. Говорите смело. Том спешит. А вы — потише, не помните лилий!

— Мои друзья попались в иву! — еле переводя дыхание, выкрикнул Фродо.

— Мистер Мерри в щели застрял! — выпалил Сэм.

— Безобразит Старец Ива? Только и всего-то? — воскликнул Том Бомбадил, весело подпрыгнув. — Я ему спою сейчас — закую в дремоту. Листья с веток отпою — будет знать, разбойник! Зимней стужей напою — заморожу корни!

Он бережно поставил на траву поднос с кувшинками и подскочил к дереву, туда, где торчали теперь одни только ступни Мерри, остальное затянуло внутрь. Том приложил губы к трещине и тихонько пропел что-то непонятное. Мерри радостно взбрыкнул ногами. Том отпрянул, обломал низкую тяжёлую ветку и хлестнул по стволу.

— Выпускай их, Старец Ива! — приказал он. — Пей земные соки всласть, набирайся силы. А потом — засыпай. Слушай Бомбадила!

Он схватил Мерри за ноги и мигом вытащил из раздавшейся трещины.

Тут тяжело скрипя, разверзлась другая трещина, и оттуда вылетел Пин, словно ему дали пинка. Потом оба провала опять сомкнулись с громким щелчком, дрожь пробежала по дереву от корней до макушки, и всё стихло.

— Спасибо вам! — сказали хоббиты в четыре голоса.

Том расхохотался.

— Ну, а вы, малышня, — сказал он, наклонившись и заглядывая им в лица, — отдохните у

меня! На столе — хлеб и мёд, молоко и масло. Золотинка ждёт. Успеем поболтать за ужином. Том вперёд, а вы за мной — прямо по тропе лесной!

Он поднял свои кувшинки, махнул рукой, приглашая следовать за собой, и вприпрыжку умчался по тропе на восток, во весь голос распевая что-то совсем уж несуразное.

Разговаривать было некогда, удивляться тоже, и хоббиты поспешили за ним. Только спешили они слишком медленно. Вскоре Том скрылся из виду, и даже голос его слышен был всё слабей и слабей. А потом он вдруг опять зазвучал громко, будто прихлынул:

Поспешайте, малыши! Подступает вечер!
Том отправится вперёд и засветит свечи.
Вечер понадвинется, дунет тёмный ветер,
А окошки яркие вам тропу осветят.
Не пугайтесь чёрных сучьев и змеистых веток —
Поспешайте без боязни вы за мною следом!
Мы закроем двери плотно, занавесим окна —
Тёмный лес, вечный лес не залезет в дом к нам!

И всё та же тишь, а солнце почти мгновенно скрылось за деревьями. Хоббитам вдруг припомнился вечер на Брендидуине и сверкающие окна Хоромин. Впереди неровным частоколом вставали тени необъятных стволов, и огромные тёмные ветви угрожающе нависали над тропой. От реки поднялся белый туман и за клубился у корней. словно сама земля источала мглу, быстро смешивающуюся с гаснущими сумерками.

Идти было трудно, а хоббиты очень устали, ноги у них отяжелели, как свинцом налитые. Станные звуки крались за ними по кустам и камышам, а стоило им поднять глаза к бледному небу, как со всех сторон начинали кривиться мерзко-насмешливые древесные рожи. Всем четверым думалось, будто их затягивает в страшный сон, от которого не очнуться.

Вдруг по тому, что их ноги двигались всё медленнее да медленнее, они поняли, что местность начала полого подниматься. Вода замурлыкала. В темноте они уловили белое мерцание пены там, где река переливалась небольшим порогом. Внезапно деревья кончились и туманная мгла осталась позади. Они вышли из Леса, впереди заколыхалось широкое травяное поле. Река, теперь узкая и быстрая, весело прыгала навстречу им, поблёскивая под звёздами, которые уже засияли в небе.

Трава под ногами стала короткой и шелковистой, будто скошенная или подстриженная. За спиной край леса сомкнулся, словно ограда. Впереди ясно виднелась хорошо ухоженная и огороженная камнями дорожка. Она вилась на вершину травянистого холма, серого в бледной звёздной ночи, и там, на следующем холме, пока ещё выше путников, замерцали огоньки дома. Тропа спускалась, а затем опять поднималась длинным пологим склоном прямо к огонькам. Внезапно блеснул жёлтый просвет настежь открытой двери. Перед ними — вверх, и вниз, и вновь вверх — был дом Тома Бомбадила. За ним голо и серо вскручивалось плечо нагорья, а дальше к востоку темнели на фоне неба Могильники.

Они все заторопились вперёд, и хоббиты и пони. Усталость как рукой сняло, страхов как не бывало. Навстречу им грянула песня:

Эй, шагайте веселей! Ничего не бойтесь!
Приглашает малышей Золотинка в гости.
Поджидает у дверей с Бомбадилом вместе.

Заходите поскорей! Мы споём вам песню!

А потом зазвучал другой голос — и юный и древний, как сама весна, льющийся навстречу им, словно впадающие в ночь воды с озарённых ярким утром холмов, словно звонкое серебро:

Заходите поскорее! Ну, а мы споём вам
О росе, ручьях и речках, о дождях весёлых,
О степях, где сушь да вереск, о горах и долах,
О высоком летнем небе и лесных озёрах,
О капли с вешних веток, зимах и морозах,
О закатах и рассветах, о луне и звёздах,—
Песню обо всём на свете пропоём мы вместе!

Тут хоббиты оказались на пороге, озарённые золотым уютным светом.

Глава VII

У Тома Бомбадила

Четыре хоббита переступили широкий каменный порог — и замерли, помаргивая. Они оказались в низком продолговатом покое, освещённом висячими лампами; а на тёмном полированном деревянном столе ярко горели жёлтые свечи.

В кресле у дальней стены комнаты лицом к двери сидела хозяйка дома. Её длинные золотистые волосы ниспадали на плечи и мягко струились вниз; была она в зелёном, как молодые камыши, платье, расшитом серебром, словно капельками росы, а пояс золотой в виде листьев касатика с ярко-голубыми незабудками. Вокруг неё на зелёных и бурых глиняных блюдах плавали белые кувшинки, и казалось, что она восседает посреди озера.

— Входите, дорогие гости! — напевно сказала она, и хоббиты поняли, что это её голос пел им только что. Робко вступили они в покой, неловко и низко кланяясь, точно постучались, чтобы попросить напиться, в обычный дом у дороги, а им отворила дверь прекрасная эльфийская дева в цветочном уборе. Но прежде, чем гостям удалось произнести хоть слово, она легко перескочила через кувшинки и устремилась к ним навстречу, лёгкая, как речной ветерок.

— Смелее, милые друзья! — улыбнулась она, взяв Фродо за руку. — Смейтесь, веселитесь! Я — Золотинка, речная царевна.

Пропустив их мимо себя, она затворила дверь и как бы отстранила ночь за дверью лёгким движением гибких рук.

— Пусть ночь останется в Лесу! — сказала Золотинка. — Вы, верно, всё ещё боитесь густого тумана, тёмных деревьев, заводей и омутов, да неведомой твари лесной. Не бойтесь, не надо! Нынче вы под надёжным кровом Тома Бомбадила!

Хоббиты в удивлении смотрели на неё, а она обвела их взглядом, каждого по очереди, и улыбнулась.

— Прекрасная госпожа Золотинка! — произнёс наконец Фродо, чувствуя, что сердце его наполнилось неведомой радостью. Он стоял зачарованный, как когда-то стоял, внимая прекрасным голосам эльфов, но в то же время и по-иному: наслаждение было менее острым и возвышенным, но более глубоким и ближе смертному сердцу — дивным, но не странным.

— Прекрасная госпожа Золотинка! — повторил он. — Теперь я понял радость, скрытую в

твоей песне.

Дочь прекрасная реки! Чище родника!
Ветла у живой воды, летняя роса!
Шёпот ласковой листвы, пенье тростника,
Ветерок над ручейком, вечная весна!

Внезапно он запнулся и замолчал, донельзя изумлённый тем, что сказал нечто подобное. А Золотинка рассмеялась.

— Добро пожаловать! — сказала она. — Вот какие, оказывается, учтивые хоббиты живут в Хоббитании! Но я вижу, что ты — друг эльфов: об этом говорят свет в твоих глазах и звук голоса. Отрадная встреча! Рассаживайтесь и подождите хозяина. Он сейчас будет, он с вашими лошадьми — они ведь устали не меньше вас.

Хоббиты с удовольствием опустились на низкие тростниковые табуретки, а Золотинка порхала вокруг стола. Наблюдать за ней было одно удовольствие. Откуда-то из-за дома доносилось пение. Среди разных "сух мох, сыр бор, волглый лог и доли" то и дело повторялось:

Башмаки желтей желтка, куртка ярче неба,
Веселее Бомбадила парня нет и не было!

— Прекрасная госпожа! — немного погодя заговорил Фродо. — Скажи мне, если только мой вопрос не выглядит слишком глупым, кто такой Том Бомбадил?

— Это он, — ответила Золотинка, замерев на мгновение и улыбаясь.

Фродо вопросительно глядел на неё.

— Он, каким ты увидел его, — сказала она в ответ на его взгляд. — Он хозяин леса, вод и холмов.

— Значит, весь этот странный край принадлежит ему?

— Конечно, нет! — ответила она и её улыбка угасла. — Это было бы поистине тяжкое бремя, — добавила она тихо, словно самой себе. — Деревья и травы, и всё, что живёт и растёт здесь, принадлежат лишь самим себе. Том Бомбадил — Хозяин. Никто не в силах поймать старого Тома, когда он гуляет в лесу, бредёт по воде, взбирается на вершины холмов под светом и тенью. Он не боится. Том Бомбадил — Хозяин.

Дверь распахнулась, и вошёл Том Бомбадил. Он был без шляпы, его пышные курчавые волосы венчала корона из жёлто-алых листьев. Том рассмеялся, подошёл к Золотинке и взял её под руку.

— Вот она, моя хозяйка! Моя Золотинка! — сказал он хоббитам. — Вся в зелёном серебре, в пояске цветочном! Стол накрыт? Я вижу мёд, белый хлеб и масло, молоко, сыр и салат, блюда спелых ягод! Хватит этого, друзья? Примемся за ужин?

— Стол накрыт, — отозвалась Золотинка, — а вот готовы ли гости сесть за него?

Том захлопал в ладоши и весело удивился самому себе:

— Том, Том! Заспешил! Приглашает ужинать! А ребята чуть живые, им умыться нужно. Ну-ка, милые, сюда. Есть и мыло и вода — смойте грязь с рук и лица, скиньте грязные плащи, расчешите кудри!

Он отворил неприметную дверь в глубине зала, и хоббиты потянулись за ним: вниз и за угол. Они очутились в низком помещении с покатым потолком (наверное, пристройка к

северной стене дома). Стены были из светлого камня, но большей частью занавешенные зелёными циновками и жёлтыми портьерами. Пол — тоже каменный, устлан свежим зелёным тростником. Прямо на нём вдоль одной из стен лежали четыре пышные матраца; на каждом стопка белых банных полотенец. У противоположной стены стояла длинная скамья с широкими фаянсовыми тазами, а рядом — глиняные кувшины с водой, одни с холодной, другие с кипятком. Рядом с каждым ложем были приготовлены мягкие зелёные тапочки.

Вскоре умытые и свежие хоббиты уселись за стол, по двое с каждой стороны. На одном конце стола села Золотинка, на другом — хозяин. Ужин был весёлый и долгий. Еды хватало, хотя гости уплетали так, как могут только изголодавшиеся хоббиты. В бокалах у них была вода, чистая и холодная, однако действовала она, как вино, и развязывала языки. Неожиданно до гостей дошло, что они весело поют, будто это было проще и естественней, чем просто болтать.

Наконец Золотинка с Томом поднялись и проворно убрали со стола. Гостям было велено сидеть, как сидели; они послушались и, положив ноги на подставленные скамеечки, радостно отдыхали после обильной еды. В камине трещал ароматный огонь, словно от яблоневого дрова. Скоро всё было приведено в порядок, все лампы, кроме одной, погашены, из свечей остались гореть только две, по краям каминной полки. Тут к хоббитам подошла Золотинка со свечой в руке, чтобы пожелать им спокойной ночи и приятных снов.

— Доброй ночи до утра! — сказала она. — Ночных звуков и шорохов не бойтесь! Сквозь наши окна пробивается только лунный и звёздный свет, да ветер с вершин! Доброй ночи!

И она выскользнула из комнаты, словно в тихой ночи прожурчал по холодным камням ручеек.

Том некоторое время сидел молча, а хоббиты собирались с духом, чтобы задать ему хоть один из множества вопросов, которые крутились у них в голове за ужином. Сон смыкал им веки. Наконец Фродо спросил:

— Вы слышали мой крик, Хозяин, или вы просто случайно появились так вовремя?

Том шевельнулся, как человек, очнувшийся от приятной дремы.

— Как, что? — отозвался он. — Слышал я? Нет, был занят пенем. Случай к вам меня привёл, но под Старца сенью оказался не случайно, да и вас не случай под неё привёл, а ковы — он певец могучий. Все дорожки, все тропинки вниз ведут, к Ветлянке. Малышам нельзя уйти от его приманки. Я узнал о вас недавно, начал поджидать вас, вверх по речке шёл однако вовсе не встречать вас. Просто отложить нельзя Тому было дело: в тех краях заняться им время мне пришло.

Том кивнул, словно засыпая, но продолжал тихонько напевать:

Дело было у меня: милой Золотинке

Белых лилий принести на листе-корзинке.

Убережь их от зимы, чтоб цвели, не вяли

Вкруг моей царевны милой до лесных проталин.

Лето лишь к концу подходит — Том уж непременно

По Ветлянке вниз спешит; видели, наверно,

Вы лесных озёр глубоких ясную водицу?

Там весёлый хоровод лилий серебрится.

Я у тех озёр когда-то встретил Золотинку,

Молодую дочь реки, плёсов камышинку.

В тростниках царевны голос был так нежен, светел,

И на мой напев призывный песней мне ответил.

Он открыл глаза, блеснувшие яркой синевой, и взглянул на хоббитов:
Вам, ребятам, оказалось это очень кстати:
Ведь я больше не пойду, да чего бы ради?
Лишь весною мимо Старца Том пойдёт наверно,
Провожая дочь реки, светлую царевну.
Ведь весной она, танцуя, по заросшей тропке
Побежит к реке купаться на тот берег топкий.

Он опять замолк, но Фродо не удержался и задал ещё один вопрос, — тот, который волновал его больше всего.

— Расскажи нам, Хозяин, о Старце Иве. Что он такое? Я никогда прежде о нём не слышал.

— Ой, нет! — хором пискнули Мерри и Пин, резко выпрямляясь. — Не сейчас! Не на ночь глядя!

— Верно, верно! — подтвердил Том. — Нужно спать? К чему торопиться? Вам об этом слушать на ночь просто не годится! Спите мирно до утра! Ничего не бойтесь: звуков, шорохов ночных. Не страшитесь серых ив!

Том задул лампу, взял в обе руки по свечке и отвёл их в комнату.

Там были приготовлены высокие мягкие лежа и одеяла из белой шерсти. Не успев как следует улечься и укрыться, хоббиты уснули.

К середине ночи Фродо отуманил тяжёлый сон. Ему грезилось, будто встаёт молодая луна, и в её бледном свете перед ним возникает чёрная стена скал, прорезанная тёмной аркой, словно огромными воротами. Потом его словно подняли ввысь, и он увидел, что стена скал образует круг, а внутри его — равнина, посреди же равнины — каменный пик, похожий на огромную башню, но не творение рук. На вершине пика стоит человек. Поднимающаяся луна на мгновение зависла над его головой, осветив седые, развевающиеся на ветру волосы. Внизу, на тёмной равнине, перекрикивались свирепые голоса и злобно рычали волки. Луну вдруг перечеркнула крылатая тень; тот, наверху, вскинул руки, и ослепительным лучом ударило из его посоха. Могучий орёл ринулся вниз и унёс его. Голоса взвыли, волки заклацали зубами. Порыв ветра донёс яростный стук копыт — с востока, с востока, с востока. "Чёрные Всадники!" — понял Фродо и проснулся в холодном поту; быстрыми молоточками стучала у него в висках кровь. "Неужели же, — подумал он, — я наберусь храбрости покинуть эти стены?" Он лежал, затаив дыхание, но теперь всё было тихо. Наконец Фродо перевернулся на другой бок и погрузился в сон без сновидений.

Пину, спавшему рядом, снился приятный сон; но вот он изменился. Пин повернулся и застонал. Затем мгновенно проснулся, или подумал, что проснулся, и всё же продолжал слышать в темноте звук, нарушивший его сон: тип-тап, скри-и-п. Шум походил на раздражённое потрескивание ветвей на ветру, пальцы-прутья царапали стену и окно: крак, крак, крак. Неужели здесь под домом ивы? А затем Пин со страхом ощутил, что он вообще не в обычном доме, а внутри ивы, и прислушивается к ужасному сухому скрипучему голосу, который снова смеётся над ним. Он сел, почувствовал, что мягкая подушка уступает его рукам, и облегчённо лег обратно. В ушах эхом прозвучали слова: "Доброй ночи до утра! Ночных звуков и шорохов не бойтесь!". Тут он снова заснул.

Мерри в своём спокойном сне слышал шум падающей воды: вода мягко струилась вниз, а затем растекалась, растекалась неодолимо вокруг всего дома в тёмное безбрежное озеро. Оно бормотало у стен и медленно, но верно поднималось. "Я утону! — подумал Мерри. — Оно

проникнет сюда, и я утону". Он почувствовал, что лежит в мягком вязком болоте и, вскакивая, коснулся ногами твердого холодного пола. Тут Мерри вспомнил, где находится, и снова лёг. Ему показалось, что нежный голос произносит: "Сквозь наши окна пробивается только лунный и звёздный свет, да ветер с вершин". Лёгкое дыхание свежего ветерка колыхнуло занавеску. Мерри глубоко вздохнул и погрузился в сон.

Сэм, насколько мог припомнить, спал всю ночь в своё удовольствие, как бревно, если только бревно может быть довольным.

Утро разбудило сразу всех четверых. Том расхаживал по комнате, прищёлкивая, как скворец. Заслышав, что они проснулись, он хлопнул в ладоши и воскликнул: "Эй! Пой, веселись! Пойте, дорогие!" Потом раздвинул жёлтые занавеси, и свет хлынул в широкие окна с запада и с востока.

Они живо вскочили. Фродо подбежал к восточному окну и выглянул в огород, серый от росы. Он-то почти ожидал увидеть прямо под стеной траву, траву, изрытую копытами. А взор его скользнул по высоким бобам на подпорках. Далеко за ними маячила на фоне восхода серая вершина холма. Был рассвет: на востоке позади длинных облаков, похожих на клочья мокрой шерсти и окрашенных по краям алым, желтела сияющая глубина. Небо обещало дождь, но свет быстро разгорался, и на фоне тёмно-зелёной листвы вспыхнули ярко красные бобовые цветы.

Пин глянул из западного окна в туманное озеро. Лес скрывала мгла. Ему почудилось, что он смотрит вниз на покатуую облачную крышу. Там была глубокая складка, в которой туман разбивался на волны и перья, — долина Ветлянки. Слева по холму сбегал поток и исчезал в белой дымке. Вблизи был цветник, подёрнутая паутиной ровная живая изгородь, а за ней — седая от росы стриженная трава. Никаких ив он не заметил.

— С добрым утром, пареньки! — крикнул Том, широко распахивая восточное окно. В комнату хлынул свежий воздух, пахнувший дождём. — Солнца нынче нету: тучи с запада пришли, заслонили небо. Скоро должен хлынуть дождик, бойкий и речистый, — пригодится Золотинке для осенней чистки. Поднял я её до света песенкой весёлой. Лежебокам счастья нету — вспомните присловье: "Ранним птахам — сытный завтрак, остальным — вода и травка!" не проспять бы вам до завтра! Поднимайтесь, сони!

Не очень-то поверили хоббиты насчёт воды и травки, но на всякий случай мешкать не стали — и завтракали, пока не отчаялись уплести всё, что было на столе. Хозяева отсутствовали. Том хлопотал по дому: из кухни доносился звон посуды, с лестниц — дробот его башмаков, в открытые окна вдруг долетали обрывки песен. Комната глядела на запад в сторону окутанной туманом долины, окно было открыто. Густой плющ копил морось и порою ронял на землю редкие капли. Прежде чем хоббиты кончили завтракать, тучи слились в сплошную пелену и зарядил дождь. Лес совершенно исчез за отвесным дождевым пологом.

И сквозь мерный шум дождя откуда-то сверху — наверно, с ближнего холма — послышался голос Золотинки, чистый и переливчатый. Слова ускользали от слуха, но понятно было, что это песня дождя, свежая, как ливень, напоивший сухую землю, как певучая повесть реки, звенящая от горных истоков до далекого морского устья. Хоббиты очарованно слушали у окна, а Фродо в глубине души радовался дождливому дню — нежданной задержке. Надо было идти дальше, надо было спешить — но не сегодня.

Ветер дул с запада и гнал толстые кучевые облака, которые проливали дождь на лысые головы Могильников. Падающая стена воды скрыла всё вокруг дома. Фродо стоял у двери и смотрел на белую известковую дорожку, превратившуюся в молочный ручей, который пузырясто исчезал за водяною завесой. Из-за угла рысью выбежал Том; руками он словно бы

разводил над собою дождь — и точно, оказался совсем сухой, лишь башмаки снял и поставил на каминную решётку. Потом уселся в большое кресло и поманил к себе хоббитов.

— Золотинка занята годовой уборкой, — объявил он. — Плещется везде вода, всё вокруг промокло. Хоббитам нельзя идти: где-нибудь утонут. Переждите день друзья, посидите с Томом. Время непогоды осень, время для беседы, для рассказов и вопросов. Тому много ведомо! Том начнёт для вас рассказ под шуршанье мороси: речь пойдёт издалека, все вопросы — после.

И он поведал им немало дивного, то словно бы говоря сам с собой, то вдруг устремляя на них ярко-синие глаза из-под курчавых бровей. Порою его рассказ превращался в монотонный распев, а иногда Том вскакивал и пускался в неистовый пляс. Он говорил о пчёлах и свежих медвяных цветах, о травах и кряжистых, заслоняющих небо деревьях, рассказывал про тайны чащоб, про неведомых тварей лесных, про злые и добрые, дружественные и враждебные, жестокие и милосердные силы, и про секреты, укрытые ежевикой.

Они слушали — и Лес представлялся им совсем по-иному, чем прежде, а себя они видели в нём назойливыми, незванными чужаками. То и дело — напрямую или обвиняком — упоминался Старец Ива — властный, могучий, злокозненный, так что Фродо узнал о нём вполне достаточно и даже больше, чем хотелось. Слова Тома раскрыли сердца и мысли деревьев — странные и тёмные мысли, полные ненависти к тем, кто свободно ходит по земле, гложая, кусая, ломая, рубя и сжигая, — к разрушителям и узурпаторам. Вековечный лес недаром так назывался: он был последним лоскутом древнего, некогда сплошного покрова земли. Праотцы нынешних деревьев набирали в нём силу, старея, подобно горам; им ещё помнились времена их безраздельного владычества над землёю. Несчётные годы напитали их гордыней, мудростью, злобой. И не было среди них опаснее Старца Ивы с гнилой сердцевиной, но богатырской, нерастраченной мощью; он был жесток и хитёр, он повелевал ветрами и властвовал по обе стороны реки. Ненасытно всасывался он в плодородную почву, тянул из неё все соки, расплзался по земле серой паутиной корней, раскидывал в стороны узловатые серые руки — и подчинил себе Лес от Городьбы до Могильников.

Но вот Лес был позабыт, и рассказ Тома вприпрыжку помчался вдоль молодого потока, мимо бурлящих водопадов, по гальке и валунам, мимо мелких цветочков в густой траве, вверх по сырым расселинам — и докатился до нагорья. Хоббиты слышали о великих Могильниках и зелёных курганах, о холмах, увенчанных белыми коронами из зазубренных камней, и земляных пещерах в тайных глубинах между холмами. Блеяли овцы. Воздвигались высокие стены, образуя могучие крепости и мощные многобашенные твердыни; их владыки яростно враждовали друг с другом, и юное солнце багрово блистало на жаждущих крови клинках. Победы сменялись разгромами, с грохотом рушились башни, горели горделивые замки, и пламя взлетало в небеса. Золото осыпало усыпальницы мёртвых королей, смыкались каменные своды, их забрасывали землёй, а над прахом поверженных королевств вырастала густая трава. Снова блеяли над гробницами овцы — и опять пустели холмы. Из дальнего далека надвигалась тьма, и кости хрустели в могилах. Умертвия бродили по пещерам, брэнча драгоценными кольцами и вторя завываниям ветра мёртвым звоном золотых ожерелий. А каменные короны на безмолвных холмах скалились в лунном свете, как обломанные белые зубы.

Хоббитам было страшно. Даже до Хоббитании докатывались мрачные рассказы о Могильниках и умертвиях. Правда, у них такого и слушать не хотели — зачем? Все четверо разом вспомнили уютный домашний камин: вот и у Тома такой, только гораздо крепче, гораздо надёжнее. Они даже перестали слушать и робко зашевелились, поглядывая друг на друга.

Их испуганный слух отворила совсем иная повесть — о временах незапамятных и непонятных, когда мир был просторнее, и Море плескалось у западных берегов, будто совсем рядом; а Том всё брёл и брёл в прошлое, под древними звёздами звучал его напев — были тогда

эльфы, а больше никого не было. Вдруг он умолк и закивал головой, словно задремал. Хоббиты сидели, как замороженные: от слов его выдохся ветер, растаяли облака, день пропал и простёрлась глухая ночь в бледных звёздных огнях.

Миновало ли утро, настал ли вечер, прошёл ли день или много дней — этого Фродо не помнил: усталость и голод словно бы отступили перед изумлением. Огромные белые звёзды глядели в окно; стояла бестревожная тишь. Изумление вдруг сменилось смутным страхом, и Фродо проговорил:

— Кто Ты, Господин?

— Я? — переспросил Том, выпрямляясь, и глаза его засинели в полумраке. — Ведь я уже сказал! Назовитесь сами — без имен, совсем одни, без других таких же. Но вы молоды, я стар: Том из древней были. Том, земля и небеса здесь издревле были. Раньше рек, лесов и трав, прежде первых ливней был здесь Том Бомбадил — и всегда здесь был он. До смыкания морей, эльфов возвращения, прежде первых королей, прежде всех умертвий. До того, как в юный мир страх внёс Чёрный Властелин.

Словно тень прошла за окнами, хоббиты вздрогнули, обернулись — но в дверях уже стояла Золотинка, подняв яркую свечу и заслоняя её рукой от сквозняка; рука просвечивала, как перламутровая раковина.

— Кончился дождь, — сказала она, — и свежие струи бегут с холмов под звёздными лучами. Будем же смеяться и радоваться!

— Радоваться, есть и пить, — весело подхватил Том. — Повесть горло сушит. Долго слушать тяжело. Собираем ужин!

Он живо подскочил к камину за свечой, зажгёт её от пламени свечи Золотинки, протанцевал вокруг стола, мигом исчез в дверях, мигом вернулся с огромным, заставленным снедью подносом и принялся вместе с Золотинкой накрывать на стол. Хоббиты сидели, робко восхищаясь и робко посмеиваясь: так прелестна была Золотинка и так смешно прыгал Том. А всё же казалось, что у них был общий танец: друг с другом, у стола, за дверь и назад, — вскоре большущий стол был весь в свечах и яствах. Желтые и белые свечи горели на всех полках. Том поклонился гостям.

— Время ужинать, — сказала Золотинка, и хоббиты заметили, что она в нежно-серебристом платье с белым поясом. А Том был светло-синий, незабудочный, только гетры зелёные.

Ужин оказался ещё обильнее вчерашнего. Хоббиты, заслушавшись Тома, даже забыли о еде, и теперь навёрстывали своё, будто проголодали неделю. Некоторое время они не пели и не разговаривали, только уписывали за обе щёки. Но потом утолили первый голод, и голоса их зазвенели радостным смехом.

А потом Золотинка спела им немало песен, весёлых и тихих: они услышали, как струятся реки и колышутся озёра — небывало широкие и глубокие, — увидели в них отражение неба и алмазы звёзд. Потом она опять пожелала им доброй ночи и оставила их у камина. Но Том словно очнулся от дремоты — и начал расспрашивать.

Как ни странно, он знал о них и их семьях почти всё и даже знал, что делалось в Шире с той поры, о которой сами хоббиты-то почти не помнили. Это их уже не удивляло; впрочем, Том не стал таить, что самыми свежими сведениями он обязан в основном Бирюку, которого, похоже, весьма уважал.

— Ноги его на земле, руки в глине, мудрость в костях, а оба глаза — открыты, — сказал Том.

Ясно было, что Том и с эльфами водил знакомство, во всяком случае было похоже, что

Гилдор каким-то образом сообщил ему последние вести о Фродо.

Знал он так много и так хитро выпрашивал, что Фродо, сам не заметив, рассказал ему про Бильбо, про свои надежды и страхи едва ли не больше, чем самому Гэндальфу. А Том лишь кивал головою, но когда он услышал про Всадников, глаза его блеснули.

— Покажи мне вашу Прелесть! — велел он, прерывая беседу, и Фродо к собственному изумлению вдруг спокойно достал Кольцо, снял с цепочки и протянул Тому.

Оно словно бы увеличилось на его смуглой ладони. Том внезапно поднёс его к глазу и рассмеялся. Станный вид мелькнул перед хоббитами, тревожный и смешной: ярко-синий глаз в золотом ободке. Том надел Кольцо на кончик мизинца и поднёс его к свече. Поднёс и поднёс: но вдруг они ошарашено ахнули. Как же это — Том не исчез!

Том снова рассмеялся и подкинул Кольцо к потолку: оно вспыхнуло и исчезло. Фродо вскрикнул — а Том с улыбкой наклонился к нему и вручил откуда-то взявшееся Кольцо.

Фродо пристально и подозрительно осмотрел его (как человек, вручивший свои часы фокуснику). Это было то самое Кольцо, во всяком случае, по виду и по весу — Фродо оно всегда казалось странно тяжёлым. Но что-то подталкивало его проверить. Ему было чуточку обидно, что Том так беззаботно отнёсся к вещи, которую даже Гэндальф считал необыкновенно важной. Он немного подождал, пока снова не завязалась общая беседа, и когда Том рассказывал, какие хитрые бывают барсуки, потихоньку надел Кольцо на палец.

Мерри повернулся к нему, собираясь что-то сказать, вздрогнул и еле подавил испуганное восклицание. Фродо обрадовался: всё в порядке, Кольцо — то самое, недаром Мерри пялится на его стул, а его самого — не видит. Он встал и начал бесшумно пробираться к двери.

— Эй, там! — окликнул его Том, сверкнув ясными, всевидящими глазами. — Давай сюда! Ты куда собрался? Старый Том Бомбадил не слепой, как эти. Фродо! Эй! Снимай кольцо! Без него ты лучше. Не балуйся, подходи! Вам в дорогу завтра. Том расскажет, как добраться побыстрее до Тракта. Слушайте внимательно, чтобы не плутать вам!

Фродо принужденно рассмеялся, снял Кольцо и сел на своё место. Том пообещал назавтра солнечное утро, так что выходить стоит как можно раньше, поскольку здешнюю погоду даже Том не мог предсказать: она менялась чаще и прихотливей, чем наряды Золотинки. "По погоде я не мастер, — сказал он. — Никто из двуногих над ней не властен".

По его совету они решили идти к северу, западным краем Нагорья с его пологими склонами, в обход Могильников. Если повезёт, за день можно добраться до Восточного тракта. Том наказал им ничего не бояться — и никуда не соваться.

— По зелёной траве, по краю Нагорья, подальше от Волглого Лога, где злая мгла, и старые камни, и земли холодных умертвий! — Том повторил это несколько раз и посоветовал обходить курганы, если они случайно окажутся рядом с каким-нибудь из них, с западной стороны. Потом все они заучили призывную песню на будущий день — пригодится, если попадут в беду:

Песня звонкая, лети к Тому Бомбадилу,
Отыщи его в пути, где бы ни бродил он!
Догони и приведи из далёкой дали!
Помоги нам, Бомбадил, мы в беду попали!

Они спели её вместе с ним, он со смехом похлопал каждого по плечу, взял подсвечник и отвел их в спальню.

На этот раз спали они без сновидений. Но под утро Фродо послышался — то ли во сне, то ли наяву — нежный напев, словно осветивший изнутри серую завесу дождя; вот он зазвучал громче, завеса стала прозрачно-серебряной, затем раздвинулась, и перед ним открылась зелёная даль, озарённая быстро встающим солнцем.

Тут он проснулся; а Том уже ходил и свистал, будто дерево, полное птиц; и солнце уже показалось из-за холма, брызнув в открытое окно. Снаружи всё было зелёное и отливало бледным золотом.

После завтрака, за которым они снова сидели одни, хоббиты приготовились прощаться; а на сердце у них была тяжесть, хотя утро — чистое, яркое, свежее под умытым голубоватым осенним небом — манило в путь. С северо-запада дул свежий ветер. Пони только что не прыгали: бодрые, резвые. Том показался в дверях, помахал шляпой и заплясал на пороге — в объяснение, что время не ждёт.

Хоббиты поскакали по тропке, которая вилась за домом, постепенно поднимаясь к северной бровке холма, и бежала дальше в её тени. Только хоббиты спешили, чтобы провести пони по последнему крутому склону, как Фродо вдруг остановился.

— Золотинка! — воскликнул он. — Царевна в зелёном серебре! С нею-то мы не попрощались, мы её с вечера не видели!

Он так расстроился, что чуть было назад не повернул, но тут их окликнули. На бровке холма стояла Золотинка и манила их к себе. Волосы её развевал ветер и золотило солнце.

На росистой траве под её танцующими ногами вспыхивали блики, словно рябь на воде.

Хоббиты взлетели вверх по склону и, задышавшись, остановились рядом с ней, поклонились, а Золотинка взмахом руки предложила им взглянуть вокруг; и они оглядели с вершины холма утренние дали. В ясном воздухе было видно далеко — не то, что тогда с холма в Лесу, в тумане и дымке. Вот он, зеленовато поднимается из тёмной чащи на западе. В том направлении местность бугрилась лесистыми хребтами, зелёными, жёлтыми, красновато-коричневыми под солнцем, за которыми скрывалась долина Брендидуина. Но Брендидуин всё же был виден с юга, за руслом Ветлянки: он блистал вдали, как бледное стекло, делая по низине большую петлю и уходя туда, где познания хоббитов кончались. К северу за снижающимся нагорьем лежала серовато-зелёная с палевым холмистая равнина, которая терялась в бесформенной тенистой дали. На востоке, хребет за хребтом, высились в утреннем свете Могильники, исчезающие в синей дымке за горизонтом, а отдалённый белый проблеск за ними говорил, если судить по старым преданиям, о высоких дальних горах.

Хоббиты глубоко вдохнули воздух и ощутили вдруг такой подъём, что казалось, лишь несколько решительных шагов, и они окажутся где угодно. Как-то даже малодушно трястись на пони вдоль складчатого края нагорья к тракту, когда достаточно просто также весело, как Том, запрыгать вверх по уступам холмов прямо к горам.

Золотинка заговорила, и они снова повернулись к ней, позабыв про свои фантазии.

— Спешите, милые гости! — сказала она. — От своей цели не отвлекайтесь! К северу, с ветром у левой щеки, с добрым напутствием в сердце! Спешите, пока сияет солнце! — И обратилась к Фродо: — Прощай, друг эльфов, это была радостная встреча!

Но Фродо не нашёл слов для ответа. Он низко поклонился, вскочил на пони и тронул его вперёд, по пологому спуску с гребня; за ним потянулись остальные. Приветливый кров Тома Бомбадила, долина и Лес скрылись из виду. В ложбине между холмами застоялась тёплая сырость и сладко пахла густая трава. Внизу они оглянулись и снова увидели Золотинку — далёкую, маленькую, стройную — как озарённый солнцем цветок на фоне неба. Она стояла,

простирая к ним руки; её прощание эхом огласило ложбину, она помахала, повернулась и исчезла за холмом.

Тропа вилась понизу, у зелёного подножия холма, и вывела их в другую ложбину, шире и глубже, а потом запетляла вверх-вниз по склонам: холм за холмом, ложбина за ложбиной. Ни деревьев, ни ручьёв — только трава да тишь, беглый шепоток ветра и далёкие птичьи вскрики с небес. Солнце поднималось всё выше и грело всё жарче. На каждом холме ветерок будто усиливался. Дальний Лес, оставшийся на западе, парил, словно дождь поднимался назад в воздух с листвы, корней и земли. Горизонт заволокло дымкой, над которой синее небо лежало горячей тяжёлой чашей.

К полудню они въехали на холм с широкой и плоской вершиной, похожей на большое блюдо. На дне блюда — ни ветерка, а небо надвинулось и давило. Они подъехали к закраине, глянули на север и приободрились — вон, оказывается, сколько проехали! Правда, расстояния в дымке обманчивы, но всё равно понятно было, что Могильники кончаются. Впереди перед ними лежала глубокая долина, её замыкали два крутых склона. А дальше холмов не было, виднелась только смутная тёмная полоса.

— Это деревья, — объяснил Мерри. — Возле Тракта, наверное, вдоль обочины. Говорят, посажены невесть когда.

— Прекрасно! — сказал Фродо. — Если мы столько же пройдем к вечеру, Могильники останутся позади, а там уж найдём, где заночевать.

С этими словами он поглядел на восток, где холмы были выше, и увидел, что на каждом из них зелёный курган, а на некоторых вершинах торчат, как сломанные зубы из десён, стоячие камни.

Зрелище это добра не сулило, так что хоббиты поспешно спустились на дно блюда. Впрочем, и здесь оказался такой же камень. В этот час он не отбрасывал тени. Бесформенный, и в то же время значительный, он был похож на пограничный столб или указующий, вернее, предостерегающий, перст. Но хоббиты проголодались, а солнце стояло в самом зените, поэтому они сели с восточной стороны камня и прислонились к нему спинами. Камень был холоден, словно солнце было не в силах согреть его, однако сейчас это казалось приятным. Пили, ели, радовались, — какое всё было вкусное! Уж Том постарался; а рассёдланные пони бродили поблизости.

Трудный путь, сытная еда, тёплое солнце и запах травы — перележали, вытянув ноги и глядя в небо, оттого всё и случилось. Проснулись они в испуге: ведь вовсе не думали спать. Камень заглодел и отбрасывал длинную бледную тень на восток. Желтоватое солнце низко над горизонтом еле-еле просвечивало сквозь туман; а он поднимался, густой и белый, поднимался с севера, юга и востока. Тишь и стылая сырость. Пони сбились в кучу и опустили головы.

Торопливо вскочив, хоббиты бегом кинулись к западной закраине — они были на острове среди тусклой мглы. Солнце утонуло в белёсом разливе, а с востока наползала холодная серая муть. Мгла, мгла и мгла; она крышей склубилась над их головами. Мглистая зала и камень — колонной.

Они почувствовали себя, как в ловушке, но пока ещё не потеряли присутствия духа. Они ещё помнили, как видели линию Тракта, ещё не забыли, в каком направлении она лежит. А остаться здесь, у камня, переждать туман — об этом у них даже мысли не было. Они упаковались со всей скоростью, которую позволяли окоченевшие пальцы.

Вскоре хоббиты вели своих пони, одного за другим, положим северным склоном холма вниз, в туманное море. А промозглая серая мгла набухла сыростью — даже волосы их стали

мокрыми и липкими. В самом низу они остановились и надели плащи, которые мигом отсырели и отяжелели. Сели верхом. Пони пробирались медленно, кое-как нащупывая путь. Они старались ехать к похожему на ворота северному устью ложбины, которое видели утром. Лишь бы выбраться из неё — а там по прямой, там не собьёшься до самого Тракта. Дальше они и не загадывали, только надеялись, что за Могильниками туман поредет или вообще рассеется.

Продвигались очень медленно. Чтобы не разбрестись и не потеряться — тесной цепочкой. Фродо впереди, за ним Сэм, потом Пин, последним Мерри. Ложбине, казалось, конца не будет, но вдруг Фродо заметил, что с двух сторон надвинулась плотная темень. Стало быть, сейчас будет устье, северные врата Могильников. Пройти через них — и они на свободе.

— Быстрее! За мной! — крикнул он через плечо и заторопился вперёд. Но надежда тут же обернулась тревогой — всё уже смыкалась чёрная теснина, а потом вдруг перед ним возникли, как привратные колонны, два огромных стоячих камня, клонящиеся навстречу друг другу. Ничего подобного он не видел, когда утром разглядывал ложбину. Фродо с разгона прошёл между камнями — и на него словно обрушилась темнота. Пони фыркнул, вздыбился, и Фродо упал наземь, а поднявшись, обнаружил, что остался один: друзья исчезли.

— Сэм! — крикнул он. — Пин! Мерри! Сюда! Не отставайте!

В ответ ни звука. Его охватил ужас, он побежал назад через каменные ворота с отчаянным воплем: "Сэм! Сэ-эм! Пин! Мерри! Где вы?" Пони метнулся в туман и исчез. Откуда-то, кажется слева, с востока — донёсся еле слышный ответный зов: "Эй! Фродо! Эй!" Он бросился на крик — и, карабкаясь по крутому склону, опять позвал друзей, потом ещё раз и ещё. "Фродо! Эй!" — откликнулись наконец тонкие голоса сверху из мглы — и захлебнулись воплем: "Помогите! Помогите! На по-о-мощь!" Фродо изо всех сил карабкался вверх и вверх, наугад, в глухую темень.

Под ногами вдруг стало ровно, и он понял, что добрался до вершины хребта или холма. Ноги его подкашивались, он весь взмок и теперь трясся от холода. Никого — тишь и ватная мгла.

— Где вы? — жалобно крикнул он.

Ответа не было. Фродо стоял, насторожённо прислушиваясь. Внезапно он заметил, что стало очень холодно, поднялся ветер, ледяной ветер. Погода менялась. Туман расплзался рваными клочьями, темнота проредилась. Из рта валил белёсый пар. Фродо поднял глаза и увидел в разрывах туч тусклые звёзды. Ветер свистел в траве.

Тут Фродо послышался приглушённый крик, и он побежал туда, где кричали; а туманная мгла свёртывалась и таяла, обнажая звёздное небо. Фродо понял, что сейчас он стоит лицом к югу на круглой вершине холма, на который, должно быть, вскарабкался с севера. Восточный ветер пронизывал до костей. Справа на фоне звёзд темнел огромный курган.

— Ну где же вы? — крикнул он снова испуганно и сердито.

— Здесь! — глухо отозвался из-под земли цепенящий голос. — Здесь, я жду тебя!

— Нет! — выдохнул Фродо, но двинуться с места не мог. Колени его подломились, и он рухнул наземь. Тишь, никого и ничего: может, померещилось? Он с дрожью поднял глаза и увидел, что над ним склоняется тёмная фигура, пригвождая к земле ледяным взглядом, словно двумя мёртвыми лучами. Холодная стальная хватка сдавила Фродо — он вмиг окостенел с головы до ног и потерял сознание.

Когда Фродо пришёл в себя, всё забылось, кроме ужаса. Потом вдруг мелькнуло: конец,

попался, в могиле. Умертвие схватило его, околдовало, и теперь он во власти злых чар, о которых в Хоббитании даже шёпотом говорить боялись. Он не смел шелохнуться, простёртый на каменном полу, руки крестом на груди.

Но скованный смертным страхом, столь сильным, что он, казалось, был частью темноты, окружавшей его, Фродо думал почему-то совсем не о смерти, а вспоминал Бильбо и его рассказы, вспоминал, как они бродили вдвоём по солнечным тропинкам Хоббитании, толкуя про путешествия и приключения. В душе самого жирного, самого робкого хоббита всё же таится (порою очень глубоко таится) будто запасённая про чёрный день отчаянная храбрость. А Фродо был вовсе не жирный и вовсе не робкий. Хоть он и не знал этого, но Бильбо, да и Гэндальф тоже, считали его лучшим хоббитом в Шире. Он понял. Что странствие его кончилось и кончилось ужасно — именно эта мысль и придала ему мужества. Фродо напрягся для последнего рывка: он уже не был беспомощной жертвой.

Собираясь с силами, он неожиданно заметил, что темнота исподволь отступает под наплывом зеленоватого света снизу, из-под каменных плит. Свет холодной волной разливался по его лицу и телу, а стены и свод по-прежнему оставались в темноте. Фродо повернул голову и увидел, что рядом с ним простёрты Сэм, Пин и Мерри. Они лежали на спинах, облачённые в белые саваны и мёртвенно-бледные. Вокруг них громоздились груды соковищ, и омерзительно тусклое золото казалось могильным прахом. На головах их были венцы, на поясах — золотые цепи, а пальцы унизаны перстнями. У каждого сбоку лежал меч, у каждого в ногах щит. И ещё один меч — обнажённый — поперек горла у всех троих.

Зазвучало пение — медленное, невнятное, замогильное. Далёкий-далёкий, невыносимо тоскливый голос будто просачивался из-под земли. Но скорбные звуки постепенно складывались в страшные слова — жестокие, мертвящие, неотвратимые. И стонущие, жалобные. Будто ночь, изнывая тоской по утру, злобно сетовала на него; словно холод, тоскуя по теплу, проклинал его. Фродо оцепенел. Пение становилось всё отчётливее, и с ужасом в сердце он различил наконец слова заклатья.

Костенейте под землёй
До поры, когда с зарёй
Тьма кромешная взойдёт
На померкший небосвод,
Чтоб исчахли дочерна
Солнце, звёзды и луна,
Чтобы царствовал — один —
В мире Чёрный Властелин.

У изголовья его что-то скрипнуло и заскреблось. Он приподнялся на локте и увидел, что лежат они поперёк прохода, а из-за угла крадётся, перебирая пальцами, длинная рука — крадётся к Сэму, к рукояти меча у его горла.

Жуткое заклятье камнем налегло на Фродо; потом нестерпимо захотелось бежать, бежать без оглядки. Он наденет Кольцо, невидимкой ускользнёт от умертвия, выберется наружу. Он представил себе, как бежит по траве, заливаясь слезами, горько оплакивая Сэма, Пина и Мерри, но сам-то живой, спасшийся. Даже Гэндальф и тот его не осудит: что ему ещё остаётся?

Но мужество сурово подсказывало ему иное. Нет, хоббиты не бросают друзей в беде. И всё же он нашарил в кармане Кольцо, а пока колебался, рука умертвия подползала всё ближе. Внезапно решимость его окрепла, он схватил короткий меч, лежавший сбоку, встал на колени,

перегнулся через тела друзей, что было сил рубанул по запястью ползущей руки — и перерубил её. Меч сломался у самой рукояти. Раздался пронзительный вопль, и свет померк. Темноту сотрясло злобное рычание.

Фродо упал на Мерри, щекой на его холодное лицо. И неожиданно припомнил всё, что скрылось за клубами мглы: дом у холма, песни Тома. Он вспомнил ту песню-призыв, которую Том разучил с ними. Неверным, дрожащим голосом он начал: "Песня звонкая, лети к Тому Бомбадилу!" — И с этим именем голос его окреп, зазвучал словно труба в тёмном склепе:

Песня звонкая, лети к Тому Бомбадилу,
Отыщи его в пути, где бы ни бродил он!
Догони и приведи из далёкой дали!
Помоги нам, Бомбадил, мы в беду попали!

Эхо смолкло, и настала мёртвая тишь; только сердце Фродо гулко стучало. Долгая тишь, а потом, как через толстую стену, из-за холмов, издалека, всё ближе, зазвучал ответный напев:

Вот он я, Бомбадил, — видели хозяина?
Ноги лёгкие, как ветер, — обогнать нельзя его!
Башмаки желтей желтка, куртка ярче неба,
Заклинательные песни — крепче нет и не было!

Прокатился грохот разметаемых камней, и в склеп хлынул свет: настоящий, обычный дневной свет. У ног Фродо засиял в стене пролом, и в нём показалась голова Тома в шляпе с пером, а за спиной вставало багряное солнце. Свет пробежал по лицам трёх неподвижных хоббитов, смывая с них трупную зелень. Теперь казалось, что они всего лишь крепко спят.

Том пригнулся, снял шляпу и с песней вошёл в тёмный склеп:
В небе — солнце светлое, спит Обманный Камень —
Улетай, умертвие, в земли Глухоманья!
За горами мглистыми сгинь туманом гиблым,
Чтоб навек очистились древние могилы!
Спи, покуда смутами ярый мир клокочет,
Там, где даже утренний свет чернее ночи!

Надрывный крик ответил на его песню; обрушились своды в глубине могильника. Затем раздался пронзительный вой, растаявший в какой-то невообразимой дали, и воцарился покой.

— Ну-ка, вылезай скорей из могильной сырости! — велел Том. — Нам ещё твоих друзей надо к солнцу вынести.

Они вынесли Мерри, Пина, потом Сэма. Мимоходом Фродо увидел в земляной осыпи обрубленную кисть, копошившуюся, как недодавленный паук. Том вернулся в пустой склеп — оттуда донёсся гул и топот. Вышел он с ворохом оружия и драгоценностей — золотых, серебряных, медных и бронзовых, старинной чеканки, в многоцветных камнях, — взобрался на вершину могильного холма и высыпал добычу на озарённую солнцем траву.

Там он постоял молча, держа шляпу на отлёте и глядя на трёх неподвижных хоббитов лежащих рядом у подножия кургана с западной стороны. Потом, подняв правую руку,

произнёс звучно и повелительно:

Свален вниз Обманный Камень — ну-ка, просыпайтесь!
Бомбадил пришёл за вами. Живо согревайтесь!
Чёрные ворота настежь, нет руки умертвия,
Злая тьма ушла с ненастьем, с быстролётным ветром!

К несказанной радости Фродо все трое приподнялись, потянулись, протёрли глаза и вскочили на ноги. С изумлением глядели они на Фродо, на Тома, стоящего над ними на вершине кургана и казавшегося огромным, как сама жизнь, на свои белые лохмотья, венцы, золотые пояса и прочие побрякушки.

— Это ещё что, во имя всех чудес мира? — начал было Мерри, ощупав золотой венец, который сполз ему на один глаз, но сразу осёкся, помрачнел и закрыл глаза. — Да, я помню! — глухо выговорил он. — Ночью напали они с севера, воины Карн Дама, и было их не счесть. А! — он схватился за грудь. — Копьё пробило мне сердце! Но, нет! Нет! — воскликнул он, открывая глаза. — Что я несу? Это же сон. Куда ты подевался, Фродо?

— Должно быть, потерялся, — ответил Фродо, — но лучше об этом не вспоминать. Давайте подумаем о том, что делать сейчас! Пойдём дальше!

— Прямо в таком виде, сэр? — спросил Сэм. — А где моя одежда?

Он сорвал с себя венец, пояс, кольца и теперь шарил глазами по траве, словно ожидая увидеть где-то неподалёку плащ, жакет, брюки и прочие принадлежности.

— Не ищите зря одежду, всё равно не сыщите, — сказал Том, мигом прыгнув с могильного холма и с улыбкой пританцовывая вокруг хоббитов, как ни в чём не бывало. И действительно, при виде лукавых огоньков в его глазах, они забыли о пережитом страхе.

— То есть как? — удивился Пин, с весёлым недоумением глядя на пляшущего Бомбадила. — Почему не найдём?

Том только покачал головой.

— Радуйтесь лучше, что вышли на свет из безвозвратных глубин: от свирепых умертвий спасения нет в тёмных провалах могил. Живо! Снимайте могильную гниль и по траве — нагишом! Надо стряхнуть вам подземную пыль. Ну, а я на охоту пошёл!

С этими словами он умчался вприпрыжку, то и дело громко свистя и кого-то окликая. Фродо поглядел ему вслед. Том нёсся по ложбине между холмами, подбрасывая на бегу свою шляпу и снова ловя её, с громкой песней:

Хэй, хо! Где ты там? Где гуляешь, Бампкин?
Белый нос, лохматый хвост, старый Толстый Лямпкин!
Там и сям, туда-сюда, по холмам и долам.
Белоногий мой дружок на лугу весёлом!

Вскоре он скрылся из виду, но ветер, повернувший к югу, то и дело доносил его "хэй, хо!" и "Толстый Лямпкин!".

Воздух снова согрелся, стало даже жарко. Хоббиты, как им велел Том, побегали и покувыркались по траве, а затем улеглись загорать с таким наслаждением, словно перенеслись из суровой зимы в мягкое лето или поднялись после долгой болезни с прекрасным

самочувствием навстречу дню, полному надежд и обещаний.

Когда Том вернулся, они успели прогреться и проголодаться. Сначала за бровкой холма показалась его шляпа, потом сам Том, а потом послушно трусящие за ним гуськом шесть пони: пять их и еще один. Он-то, очевидно, и был старым толстым Лямпкином, поскольку выглядел крупнее, сильнее, толще и старше пони хоббитов. Мерри, которому они принадлежали, как-то не озаботился дать им клички, но они до конца жизни отзывались на новые имена, данные Томом. Том назвал каждого из них, когда все пони перевалили через бровку и выстроились перед ним шеренгой, а затем поклонился хоббитам.

— Забирайте-ка лошадок! — сказал он. — Им, бедняжкам, стало страшно, и они от вас удрали — бросили хозяев. У лошадок нос по ветру: как учуяли умертвий — мигом поминай как звали... Но ругать нельзя их! Где же это видано, лезть самим в Могильники? Может, хоббитам-то надо поучиться у лошадок? Вишь — цела у них поклажа. Молодцы лошаки!

Мерри, Сэм и Пин быстро переоделись в запасную одежду, и скоро им стало ужасно жарко, потому что пришлось нацепить кое-какие тёплые вещи, которые они взяли для зимы.

— А откуда взялся шестой, старый Толстый Лямпкин? — поинтересовался Фродо?

— Это мой, — ответил Том. — Он мой дружок. Бродит, где захочется. Но когда его покличешь, прибегает тотчас же. Пони с Лямпкином знакомы: как почуяли его, так быстрее навстречу. С ними он поговорил, успокоил, а теперь вот всех привёл к хозяевам. Тому пони очень нужен: он проводит хоббитов, а болтать ему сподручней, если ехать рядом.

Хоббиты пришли в восторг, и благодарности их не было конца, а Том рассмеялся и сказал:

— Тома Золотинка ждёт, и забот — полон рот. Он проводит хоббитов, чтоб не беспокоиться. Ведь они какой народ? С ними уймища хлопот. Только вытацишь из щели, как ломай в могилу двери! Если не дойдут до Тракта — что-то будет завтра? Нет уж, лучше проводить их — и освободиться.

Судя по солнцу, ещё и десяти не было, и хоббиты разом подумали о том, что пора бы перекусить. В последний раз им довелось поесть вчера в полдень у стоячего камня. Они уплели на завтрак всё, что было оставлено на прошлый ужин, и всё, что было у Тома с собой. Не так уж это получилось много (учитывая аппетит хоббитов и обстоятельства), однако на душе у них стало куда веселее. Пока они завтракали, Том поднялся на курган и принялся перебирать сокровища. Львиную долю их он сложил сверкающей грудой — "пусть найдёт, кто найдет, и спокойно владеет, будь то птица иль зверь, человек или эльф": так было снято могильное заклятие, чтобы сюда снова не явились умертвия. Себе он взял сапфировую брошь, бархатисто-переливчатую, словно крылья бабочки. Том долго смотрел на неё, будто что-то припомнив, потом покачал головой и промолвил:

— Та, что некогда её на плече носила, ярче дня была лицом, солнечней сапфира. Так пускай же эту брошку носит Золотинка: будет память нам о прошлом — звёздочка-живинка.

Каждому хоббиту достался кинжал — длинный, прямой, с красно-золотистым змейчатым узором по клинку. Обнажённые, они сверкали холодно и сурово; а ножны были чёрные, лёгкие и прочные, из неведомого металла, усыпанные самоцветами. То ли их сберегли чудесные ножны, то ли сохранило могильное заклятие, но ни пятна ржавчины не было на ясных, острых клинках.

— Впору хоббитам кинжалы, пригодятся как мечи, — сказал Том. — Лучше их иметь с собою тем, кто странствует в глуши, кто уходит на восток, к югу или дальше, в тёмный и опасный путь.

Затем он объяснил, что клинки эти были выкованы давным-давно людьми с Заокраинного Запада. Они были врагами Чёрного Властелина, но пали под ударами злого короля из крепости

Карн Дам, который владел северным Ангмарским краем.

— Всё что было, давно позабыли, — как бы про себя молвил Том. — Лишь одинокие странники в мире, потомки древних властителей охраняют покой беспечных народов. Но странников этих совсем немного. Мало осталось воителей.

Хоббиты не поняли, о чём он бормочет, но перед глазами их вдруг простерлись бессчётные годы, будто нескончаемая тенистая равнина, по которой шагали люди, словно редкие тени, высокие и суровые, опоясанные длинными мечами, а последний — со звездой на лбу. Потом видение померкло, и они снова очутились в залитом солнцем мире. Медлить было незачем. Быстро увязав мешки, они навьючили их на пони. Подаренное оружие болталось на поясе и путалось в ногах, вызывая невольные мысли о возможных схватках. Им, признаться, прежде и в голову не приходило, что вдруг придётся драться, да ещё мечами...

Наконец компания отправилась. Они свели пони с холма, сели верхом и быстро затрусили по долине. Оглянувшись, хоббиты увидели вершину древнего кургана, на которой жёлтым пламенем сверкало под солнцем золото. Затем они обогнули плечо нагорья, и курган скрылся из виду.

Фродо смотрел по сторонам, но не смог обнаружить и намёка на громадные камни, похожие на ворота, а вскоре они выехали из северного устья лога и помчались вскачь. Весело горланящий Том Бомбадил ехал рядом с ними или впереди на Толстом Лямпкине, здорово оживляя путь. Он пел почти не замолкая, но в основном какую-то белиберду, а может, то был странный, незнакомый хоббитам язык, древнее наречие, лившееся дивно и звучно.

Ехать пришлось куда дольше, чем они думали. Если б даже вчера они не заснули у камня, то всё равно добрались бы до Тракта только к ночи. Тёмная полоса, которую они видели, оказалась не деревьями, а кустарником по краю глубокого рва с отвесной стеной на другой его стороне — границы древнего королевства, сказал Том и нахмурился, вспоминая что-то, о чём не захотел рассказывать.

Путники спустились в ров, выбрались из него, прошли через пролом в стене, и Том повернул к северу, потому что они успели забрать западнее, чем надо. Местность была ровная, открытая, так что пони побежали скорее, однако солнце успело опуститься довольно низко, прежде чем они завидели впереди полосу высоких деревьев и поняли, что наконец-то возвращаются на Тракт после массы неожиданных приключений. Галопом проскакав последний фарлонг, компания остановилась на гребне придорожной насыпи в вечерней тени деревьев. Перед ними в сгущающихся сумерках засерела дорога. На этом участке тракт тянулся с юго-запада на северо-восток и быстро исчезал по правую руку от них в широкой лощине. Путь был изрыт и носил следы недавнего ливня: лужи, заполненные водой колеи.

Они выехали на дорогу и огляделись. Никого.

— Вот и добрались наконец! — сказал Фродо. — Моим коротким путём через Лес мы задержались дня на два — не больше. И, быть может, не зря: сбили их со следу.

Трое спутников поглядели на него, мигом припомнив свой страх перед Чёрными Всадниками. Очутившись в Лесу, они думали лишь о том, как бы побыстрее выбраться на Тракт, но теперь дорога сразу напомнила и о погоне и о том, что, скорее всего, их ждёт здесь засада. Хоббиты в тревоге оглянулись на заходящее солнце, но Тракт оставался тёмным и пустым.

— Ты думаешь, — неуверенно проговорил Пин, — что нас будут преследовать? Прямо сегодня?

— Нет, — ответил вдруг за Фродо Том Бомбадил. — И завтра вряд ли будут: где-то закружились. Впрочем, я не знаю точно — земли здесь чужие. Всадники издалика, там, где

Чёрная страна, им я не хозяин.

Но хоббитам всё равно очень хотелось, чтобы он и дальше ехал с ними. Уж ему-то наверняка известно, как управиться с Чёрными Всадниками! Ведь им скоро идти дальше, в земли совершенно незнакомые, о которых даже и слухов до Шира не доходит. И в меркнущих сумерках их так потянуло домой! Нахлынуло чувство одиночества и беспомощности. Они стояли молча и не торопились прощаться, даже когда Том уже произнёс напутствие:

— Вот совет вам на сегодня (дальше же, как сложится): в четырех верстах отсюда на холме есть Бри, селенье, что зовут ещё Пригорьем. В Бри имеется трактир Барлимана Буттербура. Дом его отыщите по "Гарцующему пони" на громадной вывеске. Заночуете в трактире, утром в путь скорее. Выше нос! Вперёд смелее, но не без оглядки! Всё в руках судьбы, друзья, и всё в руках удачи!

Они попросили его проводить их хотя бы до трактира и распить с ними прощальную чашу, но он со смехом отказался, промолвив:

Тома Золотинка ждёт, и забот — полон рот,
Здесь конец его земли, не желает он уйти.

Он подкинул шляпу, вскочил на Лямпкина и, распевая, ускакал назад.

Хоббиты поднялись на насыпь и смотрели ему вслед, пока Том не скрылся из виду.

— Жалко, что господин Бомбадил ушёл, — сказал Сэм. — Вот уж чудак, всем чудакам чудак. Сколько ни пройдем, а такого точно не встретим. Но, надо сказать, я бы рад был увидеть этого "Гарцующего пони", про которого он говорил. Хорошо бы, он оказался вроде "Зелёного дракона" у нас дома! А кто там живёт, в Пригорье-то?

— В Бри живут хоббиты, — сказал Мерри, — и Большой народ тоже. А в общем-то, почти как дома. По всем отзывам "Пони" — отличная харчевня. Брендизайки временами туда наведываются.

— Может, и отличная, — заметил Фродо, — но Хоббитания кончилась. И вы, уж пожалуйста, не будьте "вроде как дома"! А заодно запомните — все вы! — что имя Торбинс здесь звучать не должно. Спросят, так меня зовут мистер Накручинс.

Они сели на пони и молча поехали сквозь сумерки. Дорога шла то вверх, то вниз, темнота быстро сгущалась, но скоро впереди замерцали огни.

Перед ними вырос крутой холм Бри, загородивший смутно мерцавшие звёзды, а на его западном склоне гнездилось большое селение. Туда они и поспешили в надежде на жаркий огонь и дверь — отгородиться от ночи.

Глава IX

Гарцующий пони

Селенье это называлось Бри и было основным в небольшой обитаемой местности с тем же названием, похожей на остров среди пустошей. Помимо Бри, или Пригорья, как его чаще называли последнее время, по другую сторону того же холма лепилась деревенька Столбы, чуть восточнее скрывалось в глубокой долине Увражье, а на краю Старолесья располагались Лучники. Холм и деревеньки окружали на несколько миль поля и перелески.

Люди, жившие в Бри, были шатенами, невысокими и коренастыми, приветливыми и независимыми. Они не признавали над собой никакого господина, однако отличались дружелюбием и ладили с хоббитами, гномами, эльфами и прочими обитателями Средиземья

гораздо лучше, чем другие представители Большого народа. По своим собственным преданиям они были здесь коренными жителями, потомками тех первых людей, которые зашли на запад Средиземья. Немногие из них пережили смуты эпохи Эльдер, но когда Короли вернулись из-за Великого Моря, они обнаружили жителей Бри на прежнем месте; да они и поныне жили здесь, тогда как память о Королях поросла травой.

Других людей так далеко к западу не было, во всяком случае, в пределах сотни лиг от Ши́ра. Но в глуши за Бри бродили таинственные странники. Жители Бри называли их Следопытами и ничего не знали об их происхождении. Следопыты были выше и более темноволосы и, как поговаривали местные, отличались необычайно обострённым зрением и слухом, а вдобавок понимали язык птиц и зверей. Они скитались по собственной воле на юге и на востоке вплоть до Мглистых Гор, однако было их мало и показывались они редко. Появляясь в Пригорье, они приносили новости издалека и рассказывали странные, забытые предания, захватывавшие слушателей. Но дружбы жители Бри с ними не водили.

В Пригорье жило также несколько семейств хоббитов, которые, со своей стороны, провозглашали старейшим населением себя и утверждали, что обосновались здесь задолго до того, как был переи́дён Бренди́дуин и колонизирован Ши́р. Жили они в основном в Столбах, хотя кое-кто обитал и в самом Пригорье, особенно в высоких склонах косогора над домами людей. Большой народ и Малый (как они называли друг друга) поддерживали добрососедские отношения, в дела друг друга не вмешивались и справедливо относили себя к необходимым частям местного населения. Нигде в мире не было больше такого необычного (но превосходного) соседства.

Жители Бри, как большие, так и маленькие, сами особо не путешествовали и занимались в основном событиями в своих четырёх деревнях. Изредка хоббиты из Бри ездили в Забренти́ю или в Восточный удел, но, хотя их небольшая страна лежала чуть больше, чем в дне езды к востоку от Бренди́дуинского Моста, хоббиты из Ши́ра редко навещали их. От случая к случаю Бренди́зайки или предприимчивые Кролы останавливались на денёк-другой в трактире, но всё реже и реже. Хоббитанские хоббиты считали жителей Бри, как и всех, кто жил за пределами границ Ши́ра, чужаками и не испытывали к ним интереса, считая грубыми и неотёсанными. Весьма возможно, что в эти дни на запад посыпалось со всего мира гораздо больше чужаков, чем воображали в Хоббитании. Некоторые из них были, без сомнения, просто бродягами, готовыми вырыть нору в любом склоне и оставаться лишь до тех пор, пока не надоест. Но в Бри хоббиты были достойными и порядочными, и не более неотёсанными, чем большинство их дальних родственников в Ши́ре. Время, когда между Хоббитанией и Бри поддерживалась более тесная связь, пока ещё не забылось. Во всяком случае, как ни считай, а в Бренди́зайках текла кровь уроженцев Бри.

В селенье Пригорье насчитывалось несколько сот каменных домов Большого народа, гнездившихся на склоне холма окнами на запад — в основном над Тракто́м. С запада косогор полукружием обходил глубокий ров с непролазной живой изгородью с внутренней стороны. Через ров дорога шла по насыпи, а в изгороди для неё были проделаны большие ворота с северного и южного конца. На ночь ворота запирались, но рядом с ними за изгородью находились сторожки для привратников.

При тракте, там, где он забирал вправо, огибая подножие холма, стоял большой трактир. Его построили давным-давно, когда движение было куда оживлённее, потому что Пригорье стояло на старом перекрёстке путей: сразу за рвом у западной окраины селения Восточный тракт пересекала другая древняя дорога, по которой некогда сновали люди и прочий народ. В Восточном уделе сохранилось от тех дней присловье: "чудной, как сплетни в Бри", поскольку в

трактире можно было тогда услышать вести с севера, юга и востока, а хоббиты из Ши́ра объявлялись там почаше. Но северные страны давным-давно обезлюдели, так что мало кто пользовался Северным трактом; он порос травой, и пригоряне прозвали его Неторным.

Однако трактир всё ещё стоял, и хозяин его считался важной персоной. Здесь любили провести время и посплетничать местные обитатели из четырёх деревень, как большие, так и маленькие, здесь же находили приют Следопыты и прочие странники, а также те путники (в основном гномы), которые ещё ходили по Восточному тракту в горы и обратно.

Совсем стемнело, когда Фродо и его спутники, уже при звёздах, миновали Неторное перепутье и подъехали к селенью. Западные ворота были закрыты, но на крыльце сторожки за ними сидел человек. Он изумлённо вскочил и с фонарём в руках поспешил им навстречу.

— Кто такие, куда едете? — неприветливо спросил он.

— Хотим остановиться у вас в трактире, — ответил Фродо. — Едем на восток, а пока что приехали сюда.

— Хоббиты! Целых четыре хоббита! Судя по выговору, из самой Хоббитании, вот оно как, — пробормотал привратник. Ещё раз окинув путников мрачным взглядом, он неспеша растворил ворота и пропустил их.

— Редко прибывают к нам ночью гости из Хоббитании! — продолжал он вслух, когда они приостановились у сторожки. — А чего это, простите, вам понадобилось ехать на восток ещё дальше Пригорья? И как вас величать прикажете, не сочтите за любопытство?

— Мало ли как нас величают и мало ли что нам понадобилось, — отрезал Фродо, — здесь не место об этом разговаривать. — Ему не понравился чересчур любознательный привратник.

— Ваши дела, конечно, вам и вести, — не растерялся тот, — А мое дело — вопросы по ночному времени задавать.

— Мы — хоббиты из Забрэндии, которым вздумалось попутешествовать и остановиться у вас в харчевне, — сказал Мерри. — Я мистер Брендизайк. Вам достаточно? А ещё говорили, что в Бри гостям всегда рады.

— Да рады, ещё бы не рады! — заверил их привратник. — Я-то ничего такого, а вот вы погодите, вас ещё доймают расспросами! Уж подумаешь, старый Гарри поллюбопытствовал. К нам сейчас кто только не забредает. В "Пони" приедете, сами удивитесь.

Привратник пожелал им доброй ночи, они кивнули и проехали; однако Фродо заметил, что человек поднял фонарь и смотрит им вслед. Ворота лязгнули: хоть это хорошо — закрыты. Любопытно, с чего это привратник такой подозрительный, уж не спрашивали ли у него про приезжих хоббитов? Может, Гэндальф появился, пока они торчали в Лесу и Могильниках? Всё равно, как-то подозрительно этот привратник себя вёл и разговаривал.

А привратник посмотрел-посмотрел вслед хоббитам и пошёл в свою сторожку. Но едва он повернулся спиной к воротам, их перемахнул какой-то человек — и тут же растворился в уличной темноте.

Хоббиты ехали по идущей вниз улице и с удивлением разглядывали непривычно большие дома. Когда Сэм увидел трехэтажный многооконный трактир, у него даже сердце упало. Великаны выше деревьев и прочие чудища — ладно, это когда-нибудь потом, а тут кругом громадины-люди и их огромные дома — честное слово, хватит, на сегодня уж натерпелись. Ему представилось, что во дворе стоят чёрные осёдланные кони, а Чёрные Всадники выглядывают из тёмных верхних окон.

— Ведь мы же не будем ночевать здесь, правда, сударь? — воскликнул он. — Давайте лучше поспрошаем каких ни на есть хоббитов, может, приютят? Всё привычнее.

— А чем тебе плох трактир? — удивился Фродо. — Том Бомбадил советовал остановиться в нём. Думаю, внутри будет вполне уютно.

Трактир, если приглядеться, и снаружи обещал уют. Он стоял у самого тракта, два крыла его упирались в склон холма, так что окна второго этажа были сзади вровень с землёй. Широкая арка ворот вела во двор; вход в дом был слева, к нему вели несколько широких ступенек. Дверь была гостеприимно распахнута, и из неё струился свет. В воротах висела лампа, а под ней качалась большая вывеска, изображающая толстого белого пони, вставшего на дыбы. Дверь украшала гордая надпись: "Гарцующий пони. Содержит Барлиман Буттербур". Большинство окон первого этажа светились из-за плотных штор.

Пока друзья медлили в нерешительности снаружи во мраке, из трактира послышалась весёлая песенка, громко подхваченная хором. Хоббиты послушали-послушали, и спешились. Песня кончилась, донеслись смех и аплодисменты.

Они завели пони во двор и, оставив их там, поднялись по ступенькам. Фродо вошёл первым и чуть не наткнулся на лысого краснолицего толстяка в белом переднике. Он мчался наперерез из одной двери в другую с подносом, заставленным пенистыми пивными кружками.

— Можно у вас... — начал Фродо.

— Мигом, я мигом! — крикнул тот через плечо и канул в табачный дым и гул голосов.

В самом деле, не успел Фродо опомниться, как он уже снова стоял перед ним, вытирая руки о передник.

— Добрый вечер, маленький мой господин! — сказал он, низко кланяясь. — Что угодно?

— Четыре постели и стойла для пятерых пони. Вы — мистер Буттербур?

— Вот именно! — обрадовался толстяк. — А зовут Барлиман. Барлиман Буттербур, к вашим услугам. Из Хоббитании, да? — спроси он и вдруг шлёпнул себя ладонью по лбу, словно что-то припомнив. — Хоббиты! — воскликнул он. — Ах да, ведь хоббиты! Имечко позвольте?

— Мистер Крол, мистер Брендизайк, — представил спутников Фродо. — А это Сэм Скромби. Лично я — Накручинс.

— Ну что тут будешь делать! — воскликнул мистер Буттербур, щёлкнув пальцами. — Забыл — и всё тут! Ничего, вспомню, успеется. Я тут прямо с ног сбился; а про вас, значит, так. Дорогие гости из Хоббитании к нам редко жалуют — устроим, как не устроить. Правда, сегодня всё забито, как давненько уже не было, местечка свободного нет, яблоку негде упасть. То пусто, то густо, как говорят у нас в Бри. Эй, Ноб! — заорал он. — Ах ты, телепень шерстолапый! Ноб!

— Иду, хозяин! Здесь я! — Шустрый круглолицый хоббит выскочил из какой-то двери; завидев сородичей, он так и разинул рот.

— А где Боб? — крикнул трактирщик. — Ах, не знаешь?! Так найди! Ноги в руки! Некогда мне за всем следить, у меня не шесть глаз, да и ноги всего две! Скажи Бобу: во дворе пять штук пони, пусть устраивает, как знает.

Ноб усмехнулся, подмигнул и убежал.

— Да, так, значит. О чём я? — спохватился хозяин и хлопнул себя по лбу. — Как говорится, память дырявая, а заштопать некогда. И вечерочек тоже ещё выдался: ни вздохнуть, ни охнуть. Голова кругом идёт. Тут прошлой ночью странная компания с юга подвалила. Неторным трактом. А сегодня вечером гномы — с востока, ясное дело, на запад. Теперь вы. Кабы вы не хоббиты, так и делать бы нечего: нет мест, хоть режьте, а нет! Ну, а раз уж вы хоббиты, то я вам прямо скажу: есть для вас места! Ещё когда трактир строили, нарочно отвели в северном флигеле комнатку-другую — вдруг хоббиты приедут! Там, конечно, пониже, чем тут: всё, как вы любите, — окна круглые, потолки низкие. Ужин вам, — это само собой, ещё бы, это сейчас. Пойдёмте!

Он немного провёл их по коридору и распахнул дверь:

— Ай да комнатуха! Как, подойдёт? Ну, я побежал, простите, слова сказать некогда. Ношусь, как угорелый, а всё никак не похудею. Я ещё загляну попозже. Если что понадобится, звоните: Ноб всё сделает. А не объявится, телепень этакий, звоните и кричите!

Наконец он в самом деле убежал и дал им передохнуть. Хлопот у него, видно, и правда было выше крыши, но болтать он наловчился на ходу. Хоббиты осмотрелись: небольшая комнатка выглядела очень уютно. В камине ярко пылал огонь, перед камином стояли низкие кресла. Круглый стол был накрыт свежей скатертью, на столе — большой колокольчик. Звонить, однако, не пришлось. Ноб явился сам: в одной руке подсвечник, в другой — поднос, уставленный тарелками.

— Что вы будете пить, господа? — спросил он. — Желаете взглянуть на ваши спальни, пока готовится ужин?

Они умылись и едва успели осушить до половины большие пивные кружки, как снова появился Ноб с мистером Буттербуром. Стол был накрыт в мгновение ока: горячий бульон, заливное мясо, ежевичный джем, свежесдобренный хлеб, вдоволь масла и полголовы сыру. Простая сытная еда, не хуже, чем в Хоббитании. Даже Сэм перестал недоверчиво поглядывать по сторонам; он, впрочем, перестал ещё когда принесли превосходное пиво.

Хозяин покрутился вокруг стола — и с извинением откланялся.

— Вот поужинаете, захочется вам общества, — сказал он в дверях, — а может, и не захочется, может, сразу в постель, доброй ночи, спокойного сна, — но, если захочется, приходите в залу, все вам будут очень рады: как же, гости из Хоббитании, да ещё наверняка с новостями! Может, порасскажете, может, споёте: всё хорошо! Словом, — захотите — приходите, не захотите — как хотите. Будет какая надобность, звоните в колокольчик!

За три четверти часа хоббиты, не тратя времени на лишние разговоры, наелись, напились и приободрились. Фродо с Пином, а заодно уж и Сэм, решили посмотреть на залу и на местное общество. Мерри сказал, что он им не компания — залы, дескать, в трактирах везде одинаковые: дым, шум и гам.

— Посижу лучше спокойно у огонька, потом, может, выйду воздухом подышать. Только вы там языки-то не распускайте, помните, что мы — тайные беглецы, а Шир рядом; нас любая собака учует, если обнюхает!

— Ладно! — сказал Пин. — Ты сам-то не подкачай! Не потеряйся, смотри, и учти, что внутри безопаснее!

В зале собрался самый разный и самый пёстрый народ, — Фродо разглядел это, когда глаза его привыкли к тамошнему свету, чтобы не сказать полутьме. Освещение шло в основном от жарко пылающего бревна в камине, а три лампы, свисавшие с балок, тонули в табачном дыму. Барлиман Буттербур, стоя у огня, разговаривал одновременно с парой гномов и двумя людьми странного вида. На скамьях сидели вперемешку пригоряне, местные хоббиты, оживлённо болтавшие друг с другом, несколько гномов и ещё всякие, в дыму не разобрать.

При виде хоббитанских хоббитов пригоряне захлопали в ладоши и радостно загомонили. Чужаки, особенно те, что с Неторного тракта, оглядели их с головы до ног. Хозяину не терпелось представить пригорянам новоприбывших гостей, а тех — этим: так не терпелось, что хоббитов просто огорошил перечень имён. У пригорян фамилии были всё больше растительные, непривычные: Тростняк, Козолист, Верескор, Яблокс, Чертополокс, Осинник (или вызывали съедобные ассоциации, как Буттербур). Здешние хоббиты не отставали. Самое распространенное имя у них было Польшинкс. Однако имелись и обычные Норкинсы, Барсуксы, Прорытвинсы, Запескунсы и Долгоноры, наверняка не без родни в Хоббитании. Оказались и Накручинсы из Столбов: они живо смекнули, что Фродо не иначе как их новоявленный

дядюшка!

Дружелюбие здешних хоббитов мешалось с любопытством, и вскоре Фродо понял, что без объяснений не обойдёшься. Он сказал, что интересуется историей и географией (все закивали, хотя слова были диковинные), что собирается писать книгу (изумлённое молчание было ему ответом), что он и его друзья собирают сведения о хоббитах, живущих за пределами Шира, особенно о восточных хоббитах.

Все наперебой загалдели; если бы Фродо в самом деле собирался писать книгу и если бы у него была сотня ушей, он бы за несколько минут набрал материалу на десяток глав. Мало того, ему посоветовали обратиться к таким-то и таким-то, начиная "хоть бы с того же Буттербура". Потом стало ясно, что сию минуту Фродо ничего писать не будет; тогда хоббиты снова принялись выпрашивать о хоббитанских делах. Фродо не проявил особого желания общаться, и скоро оказался в одиночестве — сидел в уголочке, смотрел да слушал.

Люди и гномы обсуждали события в дальних краях и обменивались новостями — в общем-то, всем известными. На юге, там, откуда пришли люди с Неторного тракта, было беспокойно, и они искали новых мест. Пригоряне сочувствовали, но явно надеялись, что эти поиски обойдут их стороной. Один из пришельцев, косоглазый и неприятный, предсказывал в ближайшем будущем нашествие с юго-востока.

— И если им не отыщется места, они найдут его сами. Жить-то надо, и не только иным прочим!

Сказано это было нарочито громко, и местные обменялись тревожными взглядами.

Хоббиты разговаривали между собой: людские заботы их не слишком тревожили. Норы или даже домики хоббитов Большому народу ни к чему. Все сгрудились вокруг Сэма и Пина, а те разливались соловьями, особенно Пин — за каждой его фразой следовал взрыв хохота. Он уже успел рассказать, как рухнула крыша Залы в Михелевых норках. Вилли Белолопа, Старосту, самого дородного хоббита в Западном уделе, засыпало известью, и он выбрался оттуда, словно пудинг в сахарной пудре. Но кое-какие вопросы обеспокоили Фродо. Один житель Бри, который, по-видимому, несколько раз бывал в Шире, всё допытывался, где это там проживают Накручинсы, да чьи они родственники.

Вдруг Фродо заметил, что даже по местным меркам странный, суровый человек в поношенной одежде, сидя в полумраке у стены за кружкой пива, внимательно прислушивается к беззаботной болтовне хоббитов. Он курил длинную трубку необычной формы, устало вытянув под столом ноги в охотничьих сапогах отличной кожи и хорошо сидящих, но выдавших виды и обляпанных грязью. Старый, покрытый пятнами тёмно-зелёный плащ он даже не распахнул и, несмотря на жару, не снял капюшон. Капюшон затенял лицо, но было видно, как поблескивают глаза: он наблюдал за хоббитами.

— Это кто? — спросил Фродо, улучив случай перешепнуться с хозяином. — Представлен, кажется, не был?

— Этот-то? — шёпотом же отвечал хозяин, скосив глаз и не поворачивая головы. — Да как вам сказать. Непонятный народ, бродяги, — мы их для смеху Следопытами прозвали. Он и слово-то редко обронит, но вообще ему есть о чём порассказать. Пропадёт на месяц, если не на год — а потом на тебе, тут как тут, сидит пиво пьёт. Весной он частенько здесь бывал, потом пропал — и вот опять объявился. Не знаю, как его на самом деле зовут, а у нас называют Бродяжником. Носится, как жук, на своих длинных ходулях, и никогда никому не объясняет, к чему такая спешка. Но, как мы говариваем в Бри, "запад да восток — не свой уголок", имея в виду, прошу прощения, Хоббитанию и Следопытов. Странно, однако же, что вы про него спросили. — Но тут мистера Буттербура позвали — у кого-то кончилось пиво, — и последние его слова остались без объяснений.

Фродо обнаружил, что Бродяжник смотрит прямо на него, будто расслышал или догадался, что речь была о нём. Потом он кивнул и сделал знак рукой, приглашая Фродо к себе. Фродо подошёл, и Бродяжник откинул капюшон: густые чёрные волосы его уже пробила седина, на бледном суровом лице светились пронизательные серые глаза.

— Меня зовут Бродяжником, — негромко сказал он. — Я очень рад, что встретил вас, господин... Накручинс, если старина Буттербур не перепутал?

— Он не перепутал, — сухо ответил Фродо. Что-то чересчур пристально его разглядывали.

— Разумеется, нет. Так вот, господин Накручинс, — сказал Бродяжник. — Я бы на вашем месте слегка урезонил своих молодых друзей. Погреться, выпить, поболтать — это всё, конечно, прекрасно, но здесь не Шир. Тут собрался странный народ. Не моё дело, разумеется, — прибавил он, улыбнувшись уголком рта и не спуская глаз с Фродо. — Однако в Пригорье недавно побывали ещё более странные путники.

Фродо выдержал пристальный взгляд и промолчал; а взгляд обратился на Пина; к своему ужасу Фродо понял, что беспечный юный Крол, вдохновлённый успехом толстого Старосты в Михелевых Норках, выдаёт байку про Угощение. Он уже начал изображать Речь и приближался к поразительному Исчезновению.

Фродо рассердился. Конечно, большинство здешних хоббитов ничего не поймёт, просто в очередной раз посмеются над чудаками за Рекой да и всё, но есть и такие (взять того же Буттербура), кто уже кое-что слышал, кому и про исчезновение Бильбо давным-давно известно. Это им мигом напомнит фамилию Торбинс, особенно если в Пригорье о нём уже расспрашивали.

Он закусил губу, думая, что бы сделать. Пин услаждал слушателей и, видно, совсем забылся. Фродо внезапно испугался, что в таком состоянии юному Кролу и про Кольцо сболтнуть не долго, а уж тогда...

— Быстро — прервать! — шепнул ему на ухо Бродяжник.

Фродо вспрыгнул на стол и начал громкую речь. От Пина отвернулись: хоббиты, смеясь и хлопая, уставились на Фродо, полагая, что мистер Накручинс слегка перебрал.

Фродо почувствовал себя полным болваном и принялся, как это было у него в обычае, когда дело доходило до речей, копаться в кармане. Он нащупал цепочку, Кольцо — и ему вдруг до ужаса захотелось надеть его и исчезнуть. Правда, захотелось это будто по чьей-то подсказке со стороны. Он удержался от искушения и сжал Кольцо в горсти — словно затем, чтобы оно не ускользнуло и ничего не натворило. Но вдохновения ему это не прибавило. Для начала Фродо произнёс "несколько приветственных слов", как было принято в Шире.

— Все мы очень тронуты вашим тёплым приёмом, и смею надеяться, что моё краткое пребывание здесь обновит былые узы дружбы между Хоббитанией и Бри, — потом замялся и закашлялся.

Теперь на него глядели все в зале. "Песню!" — крикнул кто-то из хоббитов. "Песню! Песню! — подхватили другие. — Давайте, мистер, спойте что-нибудь новенькое или из старенького, чего мы ещё не слышали!"

Фродо на миг растерялся. Потом от отчаяния затянул забавную песню, которую очень любил Бильбо (и очень гордился ею, так как слова сочинил сам). Она была как раз про трактир, потому, наверное, и вспомнилась. Вот она — целиком, а то нынче из неё помнят только отдельные строки.

Там, где вверх идёт бугор,
Добрый постоялый двор
Пивом славен на весь свет.

Как-то ночью Лунный Дед
Заглянул на ор.
А у конюха был кот,
С пьяных глаз пиликал тот:
То мурлыкал, то пищал,
То так просто струны драл,
Потешал народ.
У трактирщика был пёс,
Шутки тот любил всерьёз:
Там, где началась потеха,
Просто умирал от смеха,
И на брюхе полз.
И корова там жила,
Гордо голову несла,
Но от музыки дурела,
Как от эля свирепела
И в присядку шла.
Украшал воскресный стол
Там серебряный прибор:
Были в нём большие ложки,
К ним под пару также плошки
Радовали взор.
Вдрызг напился Лунный Дед,
Начал кот урчать,
Ложки-плошки на столе,
Пёс с коровой во дворе
Принялись скакать.
Лунный Дед ещё хлебнул
И отправился под стул:
Хмель свой засыпает,
А меж тем светает,
Ветерок подул.
Конюх тут и говорит:
"Кот, а небо-то горит!
Кони Деда ржут с испуга,
Их упряжка держит туго,
А хозяин спит!"
Кот так громко заиграл,
Что и мёртвый бы тут встал.
Скрипка всё быстрее поёт,
Конюх пьяницу трясёт:
"Дед! Никак проспал!"
Покатили старика по холму,
Зашвырнули второпях на луну,
А коней упряжка вслед побежала,
А корова, как олень, прискакала
И запела прямо в такт: "Му-у-у!"

И ещё быстрее стала скрипка напевать,
Пёс не выдержал и начал подвывать.
Кони на голову встали,
Постояльцы повскакали
И давай плясать!
Струны лопнули со звоном под смычком.
Вверх подпрыгнула корова кувырком
И взлетела легче мошки,
А серебряные ложки
Улеглись в простые плошки!
Укатилась тут луна за бугор,
Солнце кинуло на землю свой взор:
Что такое? Время, вроде, вставать,
Ну а все идут, зевая в кровать?
Засиделся постоянный этот двор!

Хлопали громко и долго. У Фродо был неплохой голос, да и песня понравилась. "Где старина Барли? Он должен это послушать!" "Пусть Боб научит своего кота пикиать на скрипке, вот будет танец!" Потребовали ещё пива и захотели послушать песню заново. Поднялся крик: "Ещё разок! Просим!"

Фродо пришлось выпить ещё кружку и спеть песню сначала. Ему подпевали: мотив был знакомый, слова подхватывали налету. Теперь уже ликовал Фродо. Он беззаботно расхаживал по столу, а когда дошёл до "вверх подпрыгнула корова", подпрыгнул и сам, только чересчур высоко — так что угодил в поднос с пивными кружками, поскользнулся и с грохотом хлопнулся со стола. Слушатели приготовились дружно захохотать во всю глотку — да так и замерли с разинутыми ртами: певец исчез. Как сквозь пол провалился, и даже дырки не оставил!

Наконец местные хоббиты позакрывали рты и во весь голос призывали Барлимана к ответу. Вокруг Пина и Сэма мгновенно образовалась пустота; их оглядывали угрюмо и неприязненно. Из компанейских ребят они превратились в пособников приبلудного колдуна, который пожаловал в Пригорье невесть зачем. Один чернявый пригорянин щурился на них так злорадно-понимающе, что им стало и вовсе не по себе. А тот кивнул косоглазому южанину, с которым они весь вечер вполголоса переговаривались, и тихо выскользнул за дверь. Южанин последовал за ним. Следом поспешил уйти привратник Гарри.

Фродо клял себя, на чём свет стоит. Раздумывая, как бы загладить промах, он прополз под столами в тёмный угол к Бродяжнику, который сидел совершенно спокойно, будто ничего не случилось. Фродо прислонился к стене и снял кольцо. Как оно оказалось у него на пальце — это была загадка. Разве что во время песни он держал руку в кармане, а когда падал, руку выдернул и случайно подхватил его — разве что так... Уж не само ли Кольцо, подумал он, сыграло с ним эту шутку и обнаружило себя по чьему-то желанию или велению, которое ему почудилось... Те, которые сейчас вышли, были ему очень подозрительны.

— Так, — сказал Бродяжник, заметив его, но не поворачивая головы. — И зачем вам это понадобилось? Молодежь — и та не могла бы навредить больше. Да, прямо ногой в капкан. Или, стоит сказать, пальцем?

— Не понимаю, о чём вы, — раздражённо и встревожено отозвался Фродо.

— Понимаете, как нельзя лучше понимаете, — усмехнулся Бродяжник. — Только вот пусть шум уляжется. А тогда, если позволите, мистер Торбинс, я хотел бы с вами потолковать.

— О чём? — спросил Фродо, как бы не заметив, что его назвали настоящим именем.

— О делах довольно важных — и для вас, и для меня, — ответил Бродяжник, поймав взгляд Фродо. — Быть может, это пойдёт вам на пользу.

— Очень хорошо, — сказал Фродо, стараясь произнести это как можно беззаботнее. — Потом, попозже.

А у камина горячо пререкались. Мистер Буттербур, отлучавшийся на кухню, подоспел к шапочному разбору и выслушивал теперь сбивчивые и несогласные между собой рассказы о странном происшествии.

— Я сам его видел, — говорил один из очевидцев. — То есть, сам видел, как его не стало. Он просто в воздухе растворился!

— Не скажите, мистер Польшинкс! — охнул озадаченный хозяин.

— А вот и скажу! — заупрямился мистер Польшинкс. — И что скажу, на том стою.

— Нет, тут что-то не так, — сказал трактирщик, с сомнением качая головой. — Чтобы мистер Накручинс, с его комплекцией, растворился в воздухе? Тем более какой уж здесь воздух!

— Тогда где же он? — крикнули несколько голосов.

— Мне-то почём знать? Его дело; по мне, лишь бы утром не забыл заплатить. Тем более, что мистер Крол — вот он, нигде не растворился.

— Ну, а я что видел, то видел, а видел я, что его не видать стало, — отрезал Польшинкс.

— Какая-то вышла ошибка, — не сдавался Барлиман, собирая на поднос разбитую посуду.

— Конечно, ошибка! — сказал Фродо. — Никуда я не исчез. Вот он я! Я просто здесь в уголке с Бродяжником беседую.

Он шагнул вперёд, и его озарило каминное пламя; но от него отпрянули, как от призрака. Напрасно он объяснял, что просто-напросто быстро отполз под столами. Оставшихся хоббитов и людей как ветром сдуло — ни пива, ни разговоров им больше не хотелось. Один-другой одарили Фродо мрачным взглядом и вышли, переговариваясь между собой. Гномы и два-три чуждедальних человека поднялись и, распрощавшись с хозяином, отправились на ночлег, даже не покосившись на Фродо и его друзей. Вскоре в зале остался один Бродяжник, почти незаметный у стены.

Однако трактирщик не слишком огорчился: должно быть смекнул, что много ещё вечеров будет собираться тот же народ — судить да рядить о диковинном происшествии.

— Что же вы это творите, мистер Накручинс? — с весёлой укоризной спросил он. — Завсегдатаев моих распугали, посуду перебили вот со своими трюками!

— Прошу прощения, что причинил столько хлопот, — сказал Фродо. — Уверяю вас, это вышло совершенно непреднамеренно. Прискорбный случай.

— Бывает, бывает, мистер Накручинс! Однако же впредь, если вам вздумается исчезать или там колдовать, вы уж скажите загодя — и не кому-нибудь, а мне. Мы тут, знаете, не привыкли ко всяким чародейским штуковинам: сперва подготовить народ надо!

— Больше никаких штук, мистер Буттербур, это я вам твёрдо обещаю. В общем, нам давно пора спать; мы ведь тронемся в путь рано утром. Вы уж приглядите, чтобы наши пони были готовы к восьми, хорошо?

— Будет сделано! Только вот перед сном надо бы мне лично с вами поговорить, мистер Накручинс. Я тут припомнил кое-что важное — надеюсь, никакого огорчения не выйдет. Сейчас пригляжу за тем, за сем, — и к вам, с вашего позволения!

— Да, пожалуйста! — пролепетал Фродо упавшим голосом и подумал: сколько же ему ещё предстоит важных бесед перед сном, неужели все они тут заодно? Даже добродушная круглая физиономия Барлимана Буттербура показалась ему зловещей.

Фродо, Пин и Сэм направились в свою комнату. Света там не было, Мерри тоже, огонь в камине еле теплился. Только раздув уголья и подкинув несколько поленьев, они заметили, что Бродяжник от них не отстал: он, оказывается, сидит уже себе спокойно в кресле у дверей!

— Эй! — окликнул его Пин. — Кто вы такой и что вам тут надо?

— Меня зовут Бродяжником, — ответил тот, — а друг ваш обещал поговорить со мной и, надеюсь, он этого не забыл.

— Да, вы, кажется, говорили, что "это пойдет мне на пользу", — подтвердил Фродо. — Так что вы имеете сообщить?

— Несколько вещей, — отвечал Бродяжник. — Но о цене уговоримся наперёд.

— О какой еще цене? — вскинулся Фродо.

— Без паники! Я просто расскажу вам, что знаю, дам добрый совет — и буду ждать благодарности.

— И дорого она нам станет? — саркастически поинтересовался Фродо.

Он решил, что попал в лапы к вымогателю и мысленно пересчитывал захваченные с собой деньги. Маловато, да и отдавать жалко.

— По карману, — невесело усмехнулся Бродяжник, словно угадал мысли Фродо. — Просто-напросто вы берёте меня в спутники, и я иду с вами, пока мне это угодно.

— Да неужели? — отозвался Фродо, изумлённый и встревоженный больше прежнего. — Даже если бы нам нужен был ещё один спутник, я бы не дал согласия, пока не разузнал бы как следует, кто вы такой и чем занимаетесь.

— Замечательно! — воскликнул Бродяжник, усаживаясь поудобнее и скрестив ноги. — Вы, кажется, приходите в себя, и это явно к лучшему. До сих пор вы вели себя чересчур беспечно. Очень хорошо! Я расскажу, что знаю, а награду оставлю на ваше усмотрение. Думаю, вы охотно согласитесь на запрошенную цену, когда выслушаете меня.

— Тогда выкладывайте! — сказал Фродо. — Что же вам известно?

— Слишком многое, в том числе и слишком много дурного, — мрачно проронил Бродяжник. — Что же до вас... — Он поднялся, подошёл к двери, быстро распахнул её, выглянул, потом беззвучно закрыл и снова сел. — У меня чуткий слух, — продолжил он, понизив голос. — Исчезать я, правда, не умею, но доводилось мне охотиться на самую пугливую дичь, и обычно я не попадаюсь на глаза, когда хочу спрятаться. Вот и нынче вечером я сидел за кустами у Тракта западнее Бри, когда со стороны Нагорья показались четыре хоббита. Не стану повторять, что они говорили старине Бомбадилу и друг другу, но одна фраза меня заинтересовала: "Запомните — сказал один из них, — что имя Торбинс здесь звучать не должно. Спросят, так меня зовут мистер Накручинс". Это заинтересовало меня настолько, что я проводил их вплоть до "Гарцующего пони", тайком перебравшись через ворота сразу вслед за ними. Полагаю, мистер Торбинс имеет самые веские причины скрывать свою настоящую фамилию, однако я посоветовал бы ему и его друзьям быть ещё осторожнее.

— Не понимаю, кому в Бри интересна моя фамилия, — сердито ответил ему Фродо, — и до сих пор не знаю, почему она заинтересовала вас. Полагаю, мистер Бродяжник имеет весьма веские причины прятаться и подслушивать, однако я посоветовал бы ему объяснить их.

— Отличный ответ! — рассмеялся Бродяжник. — Но объяснение простое: я поджидал хоббита по имени Фродо Торбинс и стремился найти его как можно быстрее. Мне сообщили, что он покинул Шир, унося, скажем так, некую тайну, которая касается меня и моих друзей.

Только не поймите меня превратно! — воскликнул он, когда Фродо поднялся, а Сэм так даже вскочил с места с грозной миной. — Я сберегу вашу тайну лучше вас. А беречь — надо! — Он подался вперед, пристально поглядел на них и тихо проговорил. — Следите за каждой тенью! Чёрные Всадники уже побывали в Пригорье. Говорят, что в понедельник один прискакал по Неторному тракту, а к вечеру с него же появился и второй. Один — с юга, другой — с севера.

Нависло молчание. Наконец Фродо сказал Пину и Сэму:

— Следовало сразу догадаться по тому, как вел себя привратник. Да и хозяин явно что-то слышал. Зачем, спрашивается, он тащил нас в залу? Да и мы изрядно сглупили: надо было спокойно сидеть в комнате, и всё.

— Надо было, — подтвердил Бродяжник. — Я бы отсоветовал вам идти в общий зал, да трактирщик не позволил ни повидать вас, ни записку передать.

— Вы думаете, он... — начал было Фродо.

— Нет, ничего плохого о старине Барлимане я не думаю. Просто ему не слишком по вкусу всякие загадочные бродяги вроде меня.

Фродо смущённо поглядел на него.

— Надо признать, вид мой доверия не внушает, не так ли? — криво улыбнулся Бродяжник, и глаза его странно блеснули. — Но надеюсь, мы ещё познакомимся поближе. А когда познакомимся, тогда, быть может, ты мне и объяснишь, что случилось в конце песни. Поскольку эта проделка...

— Просто чистая случайность! — перебил его Фродо.

— Любопытно, — протянул Бродяжник. — Итак, случайность. Эта случайность сделала ваше положение очень опасным.

— Вряд ли опаснее, чем оно уже было, — возразил Фродо. — Я знаю, что Всадники гонятся за мной; однако сейчас, похоже, мы разминулись, и они уже уехали.

— Не рассчитывай на это! — отрывисто бросил Бродяжник. — Они вернуться. И появятся другие. Поскольку есть и другие. Я знаю, сколько их. Я знаю, кто такие эти Всадники. — Взгляд Бродяжника стал суров и холоден. Он помолчал немного, затем продолжил. — В Бри есть такие, кому нельзя доверять. Билл Осинник, например. В Пригорье у него дурная слава, и он даёт приют всяким подозрительным личностям. Ты должен был заметить его: чернявый такой, с противной ухмылочкой. Всё перешептывался с одним из пришлых южан, с ним и выскользнул после приключившейся с тобой "случайности". Не все эти южане прибыли с добрыми намерениями, что же касается Осинника, тот продаст что угодно кому угодно или просто напакостит потехи ради.

— Что же он собирается продавать и при чём тут приключившаяся со мной случайность? — спросил Фродо, по-прежнему не собираясь реагировать на намёки Бродяжника.

— Новости о вас, конечно, — ответил Бродяжник. — Рассказ о твоём выступлении кое-кого весьма заинтересует. После чего им даже твоё настоящее имя не понадобится. Не сомневаюсь, что они получают подробный отчет ещё до утра. Надеюсь, сказанного достаточно? Что же касается моей награды, то оставляю её на ваше усмотрение: хотите берите меня проводником, хотите нет. Могу добавить только, что земли между Широм и Мглистыми горами мне отлично известны, поскольку за долгие годы я исходил их вдоль и поперёк. Я старше, чем выгляжу. Опыт мой пригодится в пути. После сегодняшнего вам придётся свернуть с открытой дороги, поскольку Всадники будут следить за Трактом и днём и ночью. Возможно, вам дадут покинуть Бри и позволят ехать дальше, пока солнце не зайдёт. Но далеко вы не уедете. На вас нападут в глуши, в каком-нибудь тёмном месте, где помощи ждать неоткуда. Хотите, чтобы Всадники нашли вас? Они ужасны!

Голос Бродяжника изменился. Хоббиты с изумлением увидели, что лицо его исказилось, словно от боли, а руки стиснули поручни кресла. В комнате стало очень тихо, даже свет будто померк. Бродяжник глядел незрячими глазами, словно вспоминал что-то давнее или вслушивался в далёкие ночные звуки.

— Вот! — воскликнул он мгновение спустя и провёл рукой по лбу. — Полагаю, я знаю о ваших преследователях больше, чем вы. Вы их боитесь, но пока ещё боитесь недостаточно. Завтра вам придётся бежать, если удастся. Бродяжник сможет провести вас тропами, по которым нечасто ходят. Так берёте его в провожатые?

Повисло тяжёлое молчание. Фродо в испуге и сомнении медлил с ответом. Сэм хмурился, поглядывая на хозяина и наконец выпалил:

— С вашего позволения, мистер Фродо, я бы сказал нет! Бродяжник, он на что напирает: берегитесь, мол! — и тут я с ним согласен. Только не его ли поберечься для начала-то? Он ведь из Глуши, а там, слышно, добрые люди не живут. Кое-что он знает, это понятно, по мне так слишком много, но это ещё не повод брать его в провожатые, чтобы он завёл нас в те гиблые места, где, как сам говорил, и помощи-то ждать неоткуда.

Пин поёрзал было на стуле, но смолчал. Бродяжник, не ответив Сэму, вопросительно посмотрел на Фродо. Тот отвёл глаза.

— Нет, я так не думаю, — медленно выговорил он. — Я..., по-моему, ты не таков, каким притворяешься. Ты заговорил со мной, как пригорянин, а теперь и голос другой. Но в одном Сэм прав: не понимаю, почему ты советуешь нам соблюдать осторожность и в то же время ждёшь, что мы тебе поверим на слово? К чему эта маска? Кто ты? И что на самом деле ты про меня — про мои дела — знаешь? Как узнал?

— Вижу, урок насчет осторожности усвоен хорошо, — мрачно усмехнулся Бродяжник. — Только осторожность — это одно, а нерешительность — совсем другое. Без меня вам до Раздола не добраться, так что тебе волей-неволей придётся мне поверить. Давай, решайся. Чтобы помочь с этим, я даже готов ответить на часть твоих вопросов. Только с чего бы тебе верить моим словам, если я и так не вызываю у тебя доверия? Впрочем...

В дверь постучали, и на пороге появился господин Буттербур со свечами, а за ним виднелся Ноб с кувшинами горячей воды. Бродяжник незаметно встал и отступил в тёмный угол.

— Пришёл пожелать вам доброй ночи, — сказал хозяин, ставя подсвечники на стол. — Ноб! Воду не сюда, а в спальни! — Он захлопнул перед ним дверь. — Тут вот какое дело, — продолжил трактирщик смущённо и нерешительно. — Если из-за меня вышел какой вред, уж простите великодушно. Сами ведь знаете, одно на другое налезет, а я человек занятой. Однако сначала одно, а потом и другое память-то мне, как говорится, подхлестнуло... надеюсь, не поздно. Видите ли, мне велено было поджидать одного хоббита из Хоббитании, по имени Торбинс, кстати.

— Ну, и при чём же тут я? — спросил Фродо.

— А, ну да! — закивал трактирщик. — Вы, значит, просто примите к сведению. Мне было сказано, что придёт он под именем Накручинс, и даже даны, извините, приметы.

— Да? И какие же приметы? — опрометчиво прервал его Фродо.

— Плотненький краснощёкий крепыш, — торжественно отчеканил наизусть господин Буттербур.

Пин прыснул, Сэм нахмурился.

— "Хотя — говорит он, — это тебе, Барли, не приметы, — продолжил хозяин, покосившись на Пина. — Хоббиты, — мол, — все плотненькие, все краснощёкие. Но этот повыше прочих и волосами посветлее, чем большинство из них, подбородок раздвоенный, держится уверенно,

глаза яркие". Прошу прощения, если что не так, но это его слова, не мои.

— Его? А кто говорил-то? — взволнованно спросил Фродо.

— Ах ты, батюшки, забыл сказать: да приятель мой, Гэндальф. Вообще-то он маг, но мы с ним всегда были в дружбе. А теперь вот и не знаю, чего от него ждать: или всё пиво мне сквасит, или меня самого в чурбан превратит. У него это мигом, он на расправу-то скор. Впрочем, что сделано, то сделано, уже не разделаешь.

— Так что же вы сделали? — подстегнул его Фродо, которому надоело неторопливое развитие мыслей хозяина.

— О чём бишь я? — задумался трактирщик, щёлкнув пальцами. — Ах, ну да, старина Гэндальф. Месяца три тому влетает он на ночь глядя ко мне в комнату — даже постучать забыл — и говорит: "Утром, Барли, мы уже не увидимся, я до света уйду. У меня к тебе поручение". — "Слушаю, — говорю, — хоть десять". А он мне: "Ты сможешь с надёжной оказией отправить письмо в Хоббитанию? Сможешь передать? Самому-то мне некогда". — "Уж подыщу кого-нибудь, — отвечаю. — Завтра или послезавтра". — "На послезавтра, — говорит, — не откладывай". И даёт мне письмо. Адрес тут вполне ясный, — продолжил господин Буттербур, доставая письмо из кармана.

Он принял важный вид (ибо очень гордился своей грамотностью) и зачитал по слогам:

— "ШИР, ХОББИТОН, ТОРБА-НА-КРУЧЕ, мистеру ФРОДО ТОРБИНСУ".

— Письмо — мне — от Гэндальфа! — воскликнул Фродо.

— Ага! Так, стало быть, настоящая-то ваша фамилия — Торбинс? — спросил трактирщик.

— Вот именно, — сказал Фродо. — Давайте-ка мне лучше это письмо, а заодно объясните, почему вы не отправили его вовремя. Затем, наверно, и пришли? Долго, однако, раскачивались!

— Ваша правда, господин, — виновато признал бедняга Барлиман. — И опять же прощения просим. Что мне будет от Гэндальфа, если из-за меня какой вред вышел, прямо страшно и подумать. Только ведь я без задней мысли: схоронил его понадежнее до подходящего случая, а случая всё нет и нет: в Хоббитанию никто не идёт, своих людей послать не получается, — ну, и вылетело оно у меня за хлопотами из головы. Зато уж теперь обо всём постараюсь: я оплошал, с меня и спрос; что смогу — только скажите — сразу сделаю. Да и помимо письма у меня был какой уговор с Гэндальфом? Он мне: "Барли, тут к тебе вскоре явится один мой друг из Хоббитании, — а скорее и не один, — назовётся Накручинсом. Смотри, не забудь! Лишних вопросов ему не задавай. Понадобится помощь, — а она может понадобиться, если меня с ним не будет, — выручай. За мной не пропадёт". Вот, значит, и вы, а беда-то, похоже, рядом ходит.

— Это вы о чём? — решил уточнить Фродо.

— Да об этих чёрных, — объяснил хозяин, понизив голос. — Они ведь Торбинса спрашивали, и хоббитом буду, если подобра. В понедельник это было: собаки скулят и воют, гуси галдят — жуть, одним словом! Тут Ноб прибегает и говорит мне, что у порога какие-то два чёрных ищут хоббита по фамилии Торбинс, а у самого волосы дыбом! Ну, я им — проваливайте, мол, нет тут никаких Торбинсов, и дверью под самым носом хлопнул, только слышно, что они тот же самый вопрос до самой Стрелки задавали. Да и этот, из следопытов, Бродяжник который, он тоже всё вопросы задавал и прям таки рвался сюда: ни вам поужинать, ни отдохнуть!

— Верно говоришь, рвался! — неожиданно подал голос Бродяжник, выступая из темноты. — И зря ты, Барлиман, не пустил меня — тебе же хлопот меньше было бы!

— Ты! — мячиком подпрыгнул ошарашенный трактирщик. — Пролез-таки! Теперь-то чего тебе надо, скажи на милость?

— Теперь он здесь с моего ведома, — объявил Фродо. — Он пришёл предложить свою помощь.

— Ну, вам, как говорится, виднее, — пробурчал мистер Буттербур, окинув Бродяжника подозрительным взглядом. — Только я бы на вашем месте со следопытом, знаете, не связывался.

— А с кем прикажешь ему связываться? — поинтересовался Бродяжник. — С жирным трактирщиком, который и имя-то свое помнит лишь потому, что его целый день окликают? Они ведь не могут навечно остаться у тебя в "Пони", и домой вернуться тоже не могут. Им предстоит дальний путь. Может, сам с ними пойдёшь, от чёрных отбиваться, а?

— Я? Чтоб я из Пригорья? Да ни за какие деньги! — до смерти перепугался толстяк, будто ему и правда это предложили. — Ну, а если вам, мистер Накручинс, и в самом деле переждать у меня? Что вообще за катавасия с этими чёрными страхолюдами? Откуда они вообще взялись?

— К сожалению, я не могу объяснить всего, — ответил Фродо. — история это долгая, а я устал и очень обеспокоен. Но раз уж вы предложили помощь, то я обязан предупредить: вы будете в опасности до тех пор, пока я в вашем доме. Чёрные всадники... я не уверен, но по моему... боюсь, что они...

— Они из Мордора, Барлиман, понимаешь? Из Мордора, — вполголоса пояснил Бродяжник.

— Ох ты, спаси и сохрани! — побледнел господин Буттербур; видно, имя это было ему хорошо знакомо. — Да хуже у нас в Бри на моей памяти ничего и не слышали!

— Вот именно, — сказал Фродо. — Ну как, вы ещё согласны помочь мне?

— Да как же не помочь, обязательно помогу, — шепотливой скороговоркой заверил трактирщик. — Хотя и не знаю, что толку от меня и таких, как я, против... против... — он запнулся.

— Против Тьмы с Востока, — спокойно закончил за него Бродяжник. — Толку немного, Барлиман, но уж какой ни на есть. Ты, например, можешь приютить на сегодняшнюю ночь мистера Накручинса именно как мистера Накручинса, а когда он уйдёт, не припоминать его настоящее имя.

— Ещё бы, ещё бы, — закивал головой господин Буттербур. — Только ведь чёрные-то, они же про вас и без меня узнают. Ох, какая жалость, что мистер Торбинс сегодня вечером так к себе внимание-то привлёк, чтоб не сказать больше. Про мистера Бильбо, как он уходил-то, здесь уж слышали-переслышали. Ноб и тот, видать, понял, а ведь есть в Бри такие, которые побыстрее сообщают.

— Что ж, будем надеяться, что Всадники пока не вернутся, — сказал Фродо.

— Конечно, конечно, будем надеяться, — поддакнул Барлиман. — Тем более, призраки они там или нет, но в "Пони" им так просто не пробраться. До утра спите спокойно. Ноб про вас слова не скажет. Что до меня, то я, пока на ногах держусь, никаких чёрных даже на порог не пущу. Всем домом покараулим. А вы тем временем попробуйте как следует выспаться, если получится.

— Только на рассвете чтоб нас разбудили, — наказал Фродо. — Надо выйти в самую рань. Завтрак, будьте добры, в полседьмого.

— Будет сделано! Я сам прослежу, — пообещал трактирщик. — Доброй ночи, мистер Торбинс, то есть, простите, Накручинс! Доброй ночи — ой, вот только где же мистер Брендизайк?

— Не знаю, — мгновенно встревожившись отозвался Фродо. Про Мерри они как-то позабыли, а время было позднее. — Гуляет, наверно. Он сказал, пойдёт подышит воздухом.

— Да, за вами глаз да глаз! — со вздохом заметил господин Буттербур. — Можно подумать, вы сюда развлекаться приехали! Пойду-ка велю запереть все двери. Приятеля вашего, конечно, впустят, когда он вернётся. Или нет, лучше я за ним Ноба пошлю. Ну, доброй всем ночи!

Наконец хозяин вышел, снова с сомнением поглядев на Бродяжника и покачав головой. Шаги его в коридоре удалились и стихли.

— Ну? — спросил Бродяжник. — Письмо когда будешь читать?

Фродо внимательно рассмотрел печать — да, печать Гэндальфа, несомненно, — потом сломал её. Лист был исписан скорым и чётким почерком:

БРИ, "ГАРЦУЮЩИЙ ПОНИ",

День Середины года, год по исчислению Ши́ра 1418.

Дорогой Фродо,

Меня настигли дурные вести. Спешу, времени совсем нет; а ты выбирайся побыстрее из Торбы: к концу июля, самое позднее, чтобы в Хоббитании и духу твоего не было! Вернусь сразу, как смогу; запоздаю — нагоню. Если пойдёшь через Бри, оставь мне весточку. Трактирщику (Буттербуру) доверять можно. Надеюсь, на Тракте встретите моего друга: человек, высокий, худощавый, темноволосый, зовут Бродяжником. Он всё знает и поможет. Иди к Раздолу — там-то уж наверняка встретимся. А не появлюсь — Элронд о вас позаботится и скажет, как быть дальше.

Тороплюсь, прости —

Гэндальф.

Да, к слову: НЕ НАДЕВАЙ его, ни в коем случае не надевай! Идите днём, ночью прячьтесь!

Ещё к слову: когда встретите Бродяжника, будьте осторожны — мало ли кто может так назваться. Его настоящее имя Арагорн.

Неярок чистого золота блеск,
Ушедший скитаться — в глуши не исчез;
Мороз не тронет глубоких корней,
Старость — ничто для крепких ветвей.
Под пеплом спящий огонь — оживёт;
Вспышка света тени прорвёт,
Обломки снова станут мечём,
Лишённый короны — вновь королём.

И ещё к слову: надеюсь, Буттербур не замедлит отослать письмо. Он человек надёжный, только память у него — как забитая хламом кладовка: вечно всё теряется. Забудет — зажарю, как поросёнка.

Удачи!

Фродо прочёл письмо про себя, потом отдал его Пину и Сэму.

— Да, натворил дел старина Буттербур! — сказал он. — Его точно следовало бы зажарить. Получи я это письмо вовремя, давно бы уже в Раздоле были. Но что же такое с Гэндальфом? Он пишет, будто собирается в огонь шагнуть.

— А он уже много лет идёт сквозь огонь, — сказал Бродяжник. — Напрямик, без колебаний.

Фродо обернулся и задумчиво поглядел на него, припоминая "ещё к слову" Гэндальфа.

— Почему же ты сразу не сказал мне, что ты его друг? — спросил он. — И дело бы с концом.

— Ты думаешь? А без этого никто бы мне так и не поверил? — ответил Бродяжник. — Про письмо я не знал. Потому и был вынужден заставить вас поверить мне без доказательств, если хотел помочь вам. Да и про себя я всего рассказывать не собирался, во всяком случае, сразу. Сперва надо было разобраться с вами. Враг уже не раз ставил мне ловушки. Я разобрался — и готов был ответить на ваши вопросы. Впрочем, — добавил он со странной улыбкой, — надо признать, я надеялся, что вы почувствуете ко мне доверие и без особых объяснений. Человек, за которым постоянно идет охота, тоже может устать от всеобщей подозрительности и затосковать по обычному дружелюбному взгляду. Хотя вид мой, конечно, к дружелюбию не располагает.

— Это верно. Во всяком случае, с первого взгляда, — облегчённо рассмеялся Пин, дочитавший письмо Гэндальфа. — Однако, "суди по делам, а не по внешности", как говорят у нас в Шире. Смею заметить, что повалявшись несколько дней по кустам и канавам, мы будем выглядеть примерно так же.

— Несколько дней, недель или лет блужданий по Глухоманью было бы мало, чтобы стать похожими на Бродяжника, — возразил он. — Вы прежде умрете, если, конечно, не сделаны из материала потвёрже, чем с виду.

Пин поверил, но Сэм всё ещё не смирился и с подозрением оглядывал следопыта.

— А нам почём знать, что ты тот самый Бродяжник, про которого пишет Гэндальф? — с вызовом бросил он. — Ты ведь про него ни словечком не упомянул, пока письмо не всплыло. Может, ты вообще подменённый? Может, ты прибил настоящего и взял его одежду, чтобы нас незнамо куда заманить? На это что скажешь?

— Скажу, что храбрый ты парень, — ответил Бродяжник. — А ещё скажу тебе, Сэм Скромби, что если б я убил настоящего Бродяжника, то тебя прикончил бы без разговоров, не сходя с места. Если б я охотился за Кольцом, оно уже сейчас было бы моим!

Следопыт встал и словно вырос. В глазах его блеснул суровый и властный свет. Он распахнул плащ — и положил руку на рукоять меча, дотоле незамеченного. Хоббиты боялись шелохнуться. Сэм тарасился на Бродяжника, разинув рот.

— Но к счастью я тот самый Бродяжник, — сказал он, поглядев на них сверху вниз, и лицо его смягчила внезапная улыбка. — Я Арагорн, сын Арахорна; и за ваши жизни порукой моя жизнь или смерть.

Молчание длилось долго. Наконец заговорил Фродо.

— Я так и знал, что ты друг, ещё до письма, — сказал он. — Ну, по крайней мере, надеялся на это. Ты нынче вечером нагнал на меня страху, и не один раз, но не так, как, наверно, сделали бы это слуги Врага. Мне... Как бы объяснить? Мне сдается, что его шпион видом бы к себе располагал, а чувство вызывал отталкивающее.

— Ну да, — рассмеялся Бродяжник. — А я видом к себе не располагаю, но и неприязни не вызываю, так? Впрочем, "неярок чистого золота блеск".

— Так это про тебя стихи? — спросил Фродо. — А я-то всё не мог понять, к чему они. Но откуда ты знаешь, что Гэндальф вставил их в своё письмо — ты ведь его не читал?

— Да я и не знаю, — ответил он. — Просто я Арагорн, а стихи эти обо мне.

Следопыт извлёк меч из ножен, и они увидели, что клинок сломан почти у самой рукояти.

— Толку от него мало, правда, Сэм? — улыбаясь, спросил Бродяжник. — Но близится время, когда он будет заново откован.

Сэм промолчал.

— Ну что же, — сказал Бродяжник. — Значит, с Сэмова позволения, дело решённое: Бродяжник ваш провожатый. Завтра, кстати, нам предстоит нелёгкий путь. Даже если мы выберемся из Бри беспрепятственно, то незаметно сделать это теперь вряд ли удастся.

Постараюсь хотя бы, чтобы нас как можно скорее потеряли из виду: есть тут пара троп помимо Тракта. А стряхнём погоню — тогда на Заверть.

— На Заверть? — переспросил Сэм. — На какую ещё Заверть?

— Гора такая, к северу от Тракта, на полпути к Раздолу. Оттуда открывается хороший обзор — вот и оглядимся. Если Гэндальф будет догонять нас, он направится туда же. После Заверти станет труднее, так что придётся выбирать между предстоящими опасностями.

— Ты когда видел Гэндальфа последний раз? — спросил Фродо. — Ты знаешь, где он, что с ним?

— Нет, не знаю, — сумрачно ответил Бродяжник. — Весною мы вместе вернулись с востока. Последние годы я часто берёг границы Ши́ра, пока он был занят другим. Он редко оставлял их без охраны. Последний раз я видел его первого мая у Сарн Форда, брода в нижнем течении Брендидуина. Он сказал, что с тобой он договорился: ты отправишься в Раздол в последнюю неделю сентября. Поскольку я знал, что он с вами, то ушёл по своим делам. И напрасно: совершенно очевидно, что его ушей достигли какие-то вести, а меня в нужный момент рядом не оказалось.

С тех пор, как мы знакомы, я тревожусь впервые. Даже если сам он не мог прийти, он непременно должен был прислать хоть какое-то сообщение. Когда я вернулся, уже много дней тому назад, то услышал дурные вести: Гэндальф неизвестно где, и показались Всадники. Это рассказали мне эльфы Гилдора. От них же я затем узнал, что вы покинули дом, но неизвестно, оставили ли Забрению, чрезвычайно встревожился, однако мне ничего не оставалось, как караулить Восточный Трaкт.

— Так ты думаешь, это Чёрные Всадники... то есть, это из-за них нет Гэндальфа? — спросил Фродо.

— Если не они, то разве что сам Враг; больше задержать его никому не под силу, — сказал Бродяжник. — Но не отчаивайся! Вы у себя в Хоббитании толком не знаете, кто такой Гэндальф, — вам ведомы лишь его шутки да весёлые затеи. Правда, такой великой задачи, как сейчас, у него ещё ни разу не было.

— Ох, простите, — вдруг зевнул Пин, — но я устал до смерти. Тревоги и заботы — это уж завтра, а нынче лечь бы, а то я просто сидя усну. Где этот лопух Мерри? Если придётся напоследок разыскивать его в потёмках, это уж просто последней соломинкой будет.

При этих его словах грохнула входная дверь, по коридору прокатился быстрый топот, и в комнату ворвался Мерри, а за ним — растерянный Ноб. Мерри захлопнул дверь, прислонился к ней, задыхаясь, и выпалил:

— Я видел их, Фродо! Видел! Чёрные Всадники!

— Чёрные Всадники? — вскрикнул Фродо. — Где?

— Здесь. В деревне. Я часок посидел у огня. Вы не вернулись, я и вышел пройтись. Уже возвращался — остановился у самого круга от фонаря, на звёзды поглядел. И вдруг меня дрожью проняло: подкралась какая-то мерзкая жуть, чёрное пятно в тенях через дорогу, куда свет не достигает. Оно сразу беззвучно скользнуло в темноту. Лошади не было.

— В какую сторону скользнуло? — отрывисто спросил Бродяжник.

Мерри вздрогнул от неожиданности, приметив чужака.

— Говори! — сказал Фродо. — Это друг Гэндальфа. Потом объясню.

— Вроде бы к востоку, к Тракту, — продолжал Мерри. — Я попытался проследить. Оно, конечно, исчезло практически мгновенно, но я всё же завернул за угол и прошёл до последнего придорожного дома.

Бродяжник посмотрел на него с удивлением.

— У тебя храброе сердце, — сказал он. — Однако это было очень безрассудно.

— Не знаю, — возразил Мерри. — Ни особой храбрости, ни безрассудства от меня не потребовалось. Я шёл, будто не по своей воле: тянуло — и всё тут. Ну, в общем, иду я, и вдруг слышу голоса за изгородью. Один бормочет, другой шепчет, или шипит. Я ни слова не разобрал, а ближе не подобрался: что-то меня всего трясти начало. Тут я окончательно перепугался, развернулся и только хотел кинуться наутёк, как сзади что-то надвинулось и я... упал, наверное...

— Я его нашёл, сэр, — пояснил Ноб. — Мистер Буттербур послал меня поискать с фонарём. Я сначала спустился к Западным воротам, а потом обратно на холм, к Южным. Смотрю — возле самого дома Билла Осинника на Тракте что-то творится. Не поручусь, конечно, но похоже было, что двое склонились над чем-то и пытаются это поднять. Я их окликнул, но пока добежал дотуда — никого, только мистер Брендизайк лежит у обочины, словно уснул там. Я его тряс, а он мне бормочет — тону, мол. Совсем, прям, не в себе. Только я его растолкал, а он как вскочит — и стрелой сюда. Еле догнал.

— Боюсь, что так оно и было, — сказал Мерри. — Я, правда, не знаю, что я там нёс. Мне снилось что-то кошмарное, а что — уже не вспомнить: сон вдребезги разлетелся. Не знаю, что на меня нашло.

— Я знаю, — сказал Бродяжник. — Чёрное Дыхание. Должно быть, Всадники оставили своих коней за селеньем и тайком вернулись через Южные ворота. От Осинника они знают все последние новости; тот косоглазый южанин тоже, скорее всего, шпион. Весёлая у нас будет ночка.

— А что? — спросил Мерри. — Нападут на трактир?

— Вряд ли, — сказал Бродяжник. — Не все ещё подросли; да и не так они действуют. Им нужна глушь и темень — тогда они сильнее всего. А нападать на большой дом, где огни и куча народу — только от отчаяния, не тогда, когда нас ожидают впереди долгие лиги Эриадора. Однако сила их в страхе, и кое-кто в Бри уже попался им в когти. Этих несчастных они и пошлют жар загребать: Осинника, кое-кого из южан, а может и привратника тоже. Я видел, как они говорили с ним в понедельник у Западных ворот; когда отъехали, он был белый, как стена, и колени тряслись.

— Стало быть, кругом враги, — сказал Фродо. — Что делать?

— Оставаться здесь, по спальням не расходиться! Они наверняка проведали, куда вас поместили. Комнаты для хоббитов смотрят на север, окна почти вровень с землёю. Расположимся здесь, окно закроем ставнями, дверь заперём. Только сперва мы с Нобом принесём ваши пожитки.

Он отлучился, и Фродо наспех рассказал Мерри обо всём, что произошло за вечер. Мерри как раз дочитывал письмо Гэндальфа, когда Бродяжник и Ноб вернулись.

— Значит так, господа гости, — сказал Ноб, — я там взворошил ваши постели и положил в каждую по диванному валику. Ещё бурое такое шерстяное покрывало подвернул — очень вышло похоже на вашу голову, мистер Тор... простите, сэр, Накручинс, — прибавил он с ухмылкой.

— Точь-в-точь! — рассмеялся Пин. — В темноте поначалу не разберут. Ну, а когда разберутся?

— Посмотрим, — сказал Бродяжник. — Будем надеяться, что сумеем удержать этот форт до утра.

— Доброй вам ночи! — попрощался Ноб и отправился восвояси, караулить двери.

Они свалили заплечные мешки в кучу на полу, придвинули к запертой двери низкое кресло и затворили окно. Затворял Фродо — и глянул мельком на ясные звёзды. Над тёмным косогором

ярко сиял Серп: так хоббиты называют Большую Медведицу. Он плотно закрыл тяжёлые внутренние ставни, опустил задвижку и задёрнул шторы. Бродяжник разжёг в камине большое пламя и задул свечи.

Хоббиты завернулись в одеяла и улеглись ногами к огню, а Бродяжник уселся в кресле у дверей. Почти не разговаривали; один Мерри приставал с расспросами.

— "Вверх подпрыгнула корова!" — фыркнул он, закутываясь поплотнее в одеяло. — Ну, Фродо, ты даёшь! Эх, меня там не было! Ничего, зато местные будут поминать твоё выступление лет сто.

— Это будь уверен, — сказал Бродяжник.

Затем все примолкли, и хоббиты уснули один за другим.

Глава XI

Клинок в ночи

Пока они готовились ко сну в пригорянском трактире, над Забрэндией стояла недобрая ночь: туман вперемешку с мраком. Глухо было в Кроличьей Балке. Толстик Боббер приоткрыл дверь и осторожно высунул нос. Весь день ему было как-то страшновато, а под вечер он даже и лечь не решился. В недвижимом воздухе таилась смутная угроза. Он всмотрелся в туманную мглу: под деревьями шевелилась чёрная тень, беззвучно распахнулись и снова закрылись ворота. Толстика охватил настоящий ужас. Он отпрянул, на мгновение застыл, трясаясь с головы до ног, потом захлопнул дверь и задвинул все засовы.

Ночь становилась всё темнее. Послышался тихий перестук копыт: по тропинке между живыми изгородями скрытно вели лошадей. У ворот перестук стих, и три чёрные фигуры, как ночные тени, поползли к дому. Одна тень приблизилась к двери, две других встали по углам и застыли, будто отброшенные камнями. Ночь стала ещё глуше. Сам дом и деревья рядом с ним словно замерли в ожидании.

Но вот ветерок пробежал по листьям, и где-то далеко крикнул первый петух. Гнетущий предрассветный час подходил к концу. Пятно у двери шевельнулось. В беззвёздной и безлунной мгле холодно сверкнул обнажённый клинок. Мягкий, но тяжёлый удар сотряс дверь.

— Отворить, именем Мордора! — приказал тихий, призрачный голос.

От второго удара дверь подалась и рухнула — вместе с брусом, крюками и запорами. Чёрные пятна быстро втянулись внутрь.

И тут, где-то в ближайшей рощице, гулко запел рожок. Он прорезал ночь, словно костёр на вершине холма:

ВСТАВАЙ! БЕДА! ПОЖАР! ВРАГИ!

Толстик Боббер дома не сидел. Увидев, как чёрные тени ползут к дверям, он понял, что ему или бежать или погибать. И побежал — чёрным ходом, через сад, полями. Пробежал едва ли не милю до ближайшего дома и рухнул на пороге. "Нет, нет, нет! — всхлипывал он. — Я ни при чём! У меня его нету!" Про что он бормочет, сразу не разобрались, но в конце концов поняли: в Забрэндии враги, какое-то нашествие из Вечного леса. И грянул призыв:

БЕДА! ПОЖАР! ВРАГИ! ВСТАВАЙ!

Брендизайки трубили старинный роговой сигнал Забрэндии, не звучавший уже добрую сотню лет, с тех пор, как в Свирипу Зиму появились белые волки, которые перебрались по льду через замёрзший Брендидуин.

ВСТАВАЙ! ВСТАВАЙ!

Вдали послышался отзыв. Тревога распространялась. Чёрные пятна выскользнули из дома. На ступеньки упал продырявленный хоббитский плащ. Простучали копыта по тропинке, потом

ударил удаляющийся во мглу галоп. Со всех сторон Кроличьей Балки звучали рожки, перекликались голоса, бегали хоббиты. Но Чёрные Всадники вихрем неслись к Северным воротам. Пусть себе галдит мелкий народец! Позже Саурон с ним разберётся. А пока что их ждали другие дела — дом пуст, Кольца нет, дальше! Они стоптали стражу у ворот и навсегда исчезли из Хоббитании.

В предрассветный час Фродо внезапно очнулся от сна, словно кто-то или что-то разбудило его. И увидел: Бродяжник насторожённо прислушивается, глаза его отливают каминным огнём, по-прежнему ярким; сидел он напряжённо и неподвижно.

Потом Фродо опять уснул; но в сон его врвался гул ветра и яростный стук копыт. Гостиница содрогалась под напором вихря, налетавшего на неё со всех сторон, а где-то в дальней дали исступлённо трубил рог. Фродо открыл глаза и услышал исправный петушиный крик на дворе. Бродяжник отдернул шторы и резко распахнул ставни. Из открытого им окна потянуло холодком, комнату осветил серый свет раннего утра.

Хоббиты встали и первым делом прошли вслед за Бродяжником по коридору к своим спальням. Увидев их, они порадовались, что последовали его совету: окна выломаны и болтаются на петлях; шторы хлопают на ветру; постели перерыты, искромсанные диванные валики лежат на полу; бурое одеяло разодрано в клочья.

Бродяжник тут же сходил за хозяином. Бедняга Буттербур испуганно хлопал заспанными глазами, которые, по его уверению, он не на миг не сомкнул — и всё, мол, было тихо.

— То есть в жизни не видывал ничего подобного! — возгласил он, в ужасе воздев руки к потолку. — Чтобы гостям было опасно спать в своих постелях, чтобы портили совсем почти новые валики, — это что же дальше-то будет?!

— Ничего хорошего, — посулил Бродяжник. — Но тебя на какое-то время оставят в покое, когда ты от нас избавишься. Мы выходим немедленно. Завтрака не надо: стоя что-нибудь перекусим. На сборы хватит нескольких минут.

Барлиман побежал за "закуской", а заодно распорядиться, чтобы седлали и выводили пони. Вернулся он почти сразу в полнейшем отчаянии. Пони пропали! Ворота конюшни распахнуты настежь, а внутри пусто! Свели не только хоббитанских пони — пропали все лошади до одной.

Фродо был совершенно огорошен этими новостями. Как же они проберутся к Раздолу пешком, если их преследуют конные враги? С тем же успехом можно собраться прямо на луну, чего уж там! Бродяжник молча оглядел хоббитов, словно оценивая их силы и решимость.

— Всё равно ведь на пони от всадников не уйти, — задумчиво произнёс он, будто угадав мысли Фродо. — И теми тропами, которыми я вас поведу, пешком выйдет немногим дольше. Я ведь в любом случае без лошади. Меня гораздо больше тревожит, как быть с припасами. Отсюда до Раздола мы их не пополним, надо захватить с лихвой — может, придётся задержаться, или пойти кружным путём. На спинах-то вы много унесёте?

— Сколько понадобится, — храбро ответил Пин, хотя сердце у него ёкнуло.

— Я за двоих понесу, — хмуро вызвался Сэм.

— А чем бы делу помочь, господин Буттербур? — спросил Фродо. — Нельзя ли как-нибудь раздобыть пару пони или хотя бы одного, для поклажи? Я понимаю, нанять вряд ли, но мы, наверное, сможем их купить? — В уме он опасливо пересчитывал все их деньги.

— Сомневаюсь, — уныло сказал трактирщик. — Те два-три верховых пони, которые были в Бри, стояли у меня и пропали. А лошадей там или пони для упряжи и всяких прочих нужд, здесь тоже мало: раз-два и обчёлся, а какие есть — те не на продажу. Ну, да уж постараемся. Сейчас разыщу бездельника Боба, пусть спрашивает.

— Да, пожалуй, — как бы взвешивая, проговорил Бродяжник. — Пусть спрашивает. Один-

то пони нам всё-таки нужен. Но теперь и думать нечего выйти рано и незаметно. Искать пони — всё равно, что в походный рог трубить. На это они наверняка и рассчитывали.

— Есть одна малая кроха утешения, — сказал Мерри. — А если трезво рассудить, то и не такая уж малая, и не кроха. Раз уж эдак вышло, то давайте как следует позавтракаем. Сидя. Где там телепень Ноб?

Задержались они больше, чем на три часа. Боб явился с известием, что поблизости никаких лошадей или пони в наём или на продажу нет — вот только Билл Осинник соглашается уступить одну дряхлую животину.

— Кожа да кости, — сказал Боб. — Этому пони давно на живодёрню пора, а Осинник за него втрое запросит — учуял, скалдырник, поживу. Знаю я его.

— Осинник? — насторожился Фродо. — Может, здесь какой-нибудь подвох? Может, этот пони убежит к нему назад со всею нашей поклажей или они через него нас выследят — мало ли?

— Любопытно, — сказал Бродяжник. — Только вот не вернётся к Осиннику никакое животное, единожды от него избавившись. Скорее, господин Осинник просто решил на прощание урвать лишний клочок. Основная опасность в том, что несчастный пони, скорее всего, действительно при последнем издыхании. Впрочем, выбора у нас нет. Сколько он за него хочет?

Билл Осинник запросил двенадцать серебряных монет — в самом деле втрое против здешней цены за крепкого пони. Купленная скотинка была костлявая, замороженная, забитая, но подыхать, вроде, пока не собиралась. Господин Буттербур заплатил за неё из своего кармана и предложил Мерри ещё восемнадцать монет — возмещение за пропавших пони. Он был человек честный и довольно зажиточный; но тридцати серебряных пенни ему было жалко до слёз, тем паче, что половину пришлось выложить паршивцу и сквалыге Осиннику.

Однако он не прогадал. Позднее оказалось, что свели только одну лошадь. Других просто спугнули, и они потом отыскиались в разных уголках Пригорья. Пони Мерри Брендизайка все вместе удрали к Тому Бомбадилу, искать Толстого Лямпкина. Там они паслись и нагуливали жирок как ни в чём не бывало, но когда Том узнал, что стряслось в Бри, он отправил их обратно к мистеру Буттербуру, который нежданно-негаданно получил пятерых лошадок по весьма сходной цене. В Бри, им, конечно, было не так привольно, но всё же Боб ухаживал за ними на славу, и они как-никак избежали тяжёлого и опасного путешествия. Ну, зато и в Раздоле не побывали.

Однако, как бы там потом ни обернулось, а в данный момент денежки мистера Буттербура уплыли. Да вдобавок на него свалились и другие хлопоты. Как только слух о налёте на трактир разнёсся среди прочих постояльцев, поднялась суматоха. Южане, у которых тоже пропало несколько лошадей, кляли хозяина трактира на чём свет стоит до тех пор, пока не обнаружилось, что один из их компании тоже исчез этой ночью: никто иной, как косоглазый приятель Билла Осинника. Подозрение сразу пало на него.

— Если уж вы подцепили где-то конокрада и ввели его в мой дом, — сердито сказал Буттербур, — так пеняйте сами на себя, и нечего тут орать. Ступайте к Осиннику и спросите, где ваш распрекрасный дружок!

Но выяснилось, что его никто не знал, и никто даже не мог припомнить, когда именно он пристал к их компании.

После завтрака хоббитам пришлось заново уложить все мешки и взять дополнительные припасы в расчёте на более длительное путешествие. Выбрались они примерно к десяти часам. Бри давно уже проснулось и гудело, как растревоженный улей. Ещё бы: вчерашнее

исчезновение Фродо, появление чёрных всадников, кража лошадей и не в последнюю очередь сногшибательная новость, что к таинственным хоббитам присоединился Бродяжник-следопыт, составили рассказ, которого хватит на массу небогатых событиями лет. Большинство обитателей Бри и Столбов, а многие даже из Увражья и Лучников, толпились вдоль дороги, ожидая выезда путников. Постояльцы трактира торчали в дверях и высовывались из окон.

Бродяжник переменял план: решено было двинуться из Бри прямо по Тракту. Сворачивать сразу толку не было — за ними увязался бы длинный хвост: поглядеть, куда их несёт, и проследить, чтоб ни на чью землю не залезли.

Распрощались с Нобом и Бобом, расстались с мистером Буттербуром, осыпав его благодарностями.

— Надеюсь, до лучших времён, — сказал Фродо. — Хотел бы я погостить у вас как следует. Может, когда и удастся.

Тронулись в путь встревоженные и понурые, под недобрыми взглядами толпы. Кое-кто всё-таки пожелал им удачи, но слышны были и худые напутствия. Правда, к Бродяжнику пригоряне относились с боязливым почтением — и когда он поднимал на кого-нибудь глаза, тут же смолкали и отступали от греха подальше. Он шёл впереди рядом с Фродо; за ними — Пин и Мерри; а позади Сэм вёл пони, нагруженного изрядно, но по силам, — впрочем, глядел он уже куда веселее, видно, почуял перемену судьбы. Сэм задумчиво грыз яблоко. Яблочек у него были полны карманы: Ноб и Боб позаботились на прощание. "Идёшь с яблочком, да сидишь с трубочкой, вот оно и ладно, — сказал он. — Да разве на весь путь того и другого напасёшься?"

Хоббиты не обращали внимания на любопытных, чьи головы торчали из всех окон, дверей или выныривали из-за оград, мимо которых они проходили. Однако уже на подходе к воротам Фродо бросился в глаза последний дом, ободранный и покосившийся, который окружала непроглядная живая изгородь. В оконце мелькнула и тут же исчезла землистая косоглазая физиономия.

"Вот оно что! — подумал Фродо. — Значит, здесь он прячется, тот южанин... Что-то здорово он на гоблина смахивает".

Поверх изгороди на них уставился ражий детина с густыми чёрными бровями и тёмными насмешливыми глазами. Его большой рот кривился в нахальной ухмылке.

— Привет, долгоногий! — сказал он. — Что, почапал с утра пораньше? И дружков, наконец-то, нашёл?

Бродяжник кивнул, но не ответил.

— Вам тоже привет, мелюзга бестолковая! — сплюнув, обратился он к хоббитам. — Вы хоть знаете, с кем связались? Это же Бродяжник Оголтый, понятно? Его ещё и не так называют, говорить неохота. Ну, ночью сами поглядите, что почём! А ты, Сэмчик, смотри, не обижай моего дохлого пони! Тьфу! — он снова изрыгнул жирный плевок.

Сэм живо обернулся.

— А ты, Осинник, — сказал он, — спрячь-ка лучше свою поганую харю, а то ведь знаешь, что бывает! — Надкушенное яблоко с маху угодило Биллу в нос; он мигом исчез и разразился под прикрытием изгороди запоздалой руганью.

— Жаль хорошего яблока, — вздохнул Сэм и зашагал дальше.

Наконец деревня осталась позади. Сопровождавшие их дети и зеваки отстали и побрели назад, к Южным воротам. Несколько миль путники шли по Тракту, который сворачивал за воротами влево, к востоку, огибал подножье Пригорянского холма и уходил под уклон, к лесам. Слева от путников, на пологом юго-восточном склоне холма, виднелись дома и хоббитьи норы Столбов, с севера из лощины поднимались дымки Увражья, Лучники прятались в деревьях

позади.

Когда бурая масса Пригорянского холма откатилась назад, они увидели узкую колею, которая отходила от Тракта к северу.

— Тут-то мы и скроемся от посторонних глаз, — сказал Бродяжник.

— Только не коротким путём, — усомнился Пин. — В прошлый раз мы уже пробовали срезать путь через лес, так потом еле выбрались.

— Тогда меня с вами не было, — улыбнулся Бродяжник. — Мои дорожки, что длинные, что короткие, всегда выводят, куда надо.

Он ещё раз оглядел пустой Тркт и быстро повёл их к ближайшему перелеску.

Насколько хоббиты, не знавшие местности, смогли понять, он решил сначала идти к Лучникам, но обойти их справа, с востока, а затем прямо по бездорожью на Заверть. Таким образом, если ничего не случится, они срежут здоровенную петлю Тракта, который чуть дальше сворачивает к югу в обход Комариных Топей. Конечно при этом им самим придётся залезть в Топи, а их описание, данное Бродяжником, не вдохновляло.

Но пока, во всяком случае, идти было совсем не плохо. Просто-таки значительно лучше, чем раньше, если отвлечься от событий минувшей ночи. Ясно; солнце светит, но не жарит, а леса в долине пока ещё не сбросили яркую осеннюю листву и выглядят мирно и приятно. Бродяжник уверенно вел их по переплетающимся тропам; предоставленные самим себе хоббиты давно бы заблудились: чтобы сбить любых преследователей, он делал много петель и поворотов.

— Осинник высмотрит, конечно, где мы свернули с дороги, — пояснил хоббитам следопыт, — но сам за нами вряд ли пойдёт. Местность вокруг он знает довольно хорошо, однако прекрасно понимает, что в лесу ему со мной не тягаться. Пойти — не пойдёт, зато подсказать кое-кому — подскажет непременно. А те, кому он подскажет, наверняка неподалёку. Так пусть себе думает, что мы пошли к Лучникам.

Бродяжник ли их так вёл, или ещё почему-нибудь, но за весь день им не удалось встретить или заметить ни одной живой души: ни двуногой, кроме птиц, ни четвероногой, за исключением одной лисы и пары белок. Заночевали в лесу, а утром тихо-мирно направились напрямик на восток. На третий день после Бри Старолесье осталось позади. С тех пор, как они свернули с Тракта, местность неуклонно снижалась, пока не перешла в плоскую, труднопроходимую на вид равнину. Пригорянские уголья и все тропы остались позади, путники вплотную приблизились к Комариным Топям.

Под ногами чавкало, следы наполнялись мутной водой, то слева, то справа поблёскивали лужи; из осоки и камышей выпархивали мелкие птахи. Сначала хоббиты шли бодро и уверенно, потом стали прыгать, оскользаясь, с кочки на кочку. Через эти предательские места даже следопыты толкового пути не знали: как повезёт. На них напустилась мошкара: она гудела над головой, заползала в волосы, забиралась в рукава, в штанины — и впивалась, кусала, жалила.

— Да эдак меня просто съедят! — не выдержал Пин. — Это уж не Топи Комариные, а какой-то комариный рассадник!

— А ежели, скажем, хоббита поблизости нет, то из кого же они, гады, кровь пьют? — любопытствовал Сэм, ожесточённо хлопая себя по шее.

На редкость мерзостный выдался денёк в этой непривлекательной глуши. И ночлег был холодный, сырой, неудобный, да ещё писклявые кровопийцы глаз не давали сомкнуть. Камыш и осока кишили стрекочущей тварью: какой-то дрянною роднёю сверчка. Всю ночь уши терзало тархтенье: "Крррррочки! Крррррочки! Крррррочки!" Под утро хоббиты просто ошались.

Не многим лучше был и четвёртый день; немногим легче четвёртая ночь. Кровопросцы, как их обозвал Сэм, не стрекотали, но мошкара по-прежнему колыхалась над путниками ненасытно

звонящим облаком.

Когда Фродо ложился, донельзя усталый и почти без надежды уснуть, ему вдруг померещились какие-то зарницы на востоке: небо вспыхивало и гасло. А до рассвета оставалось ещё несколько часов.

— Что это за свет? — спросил он у Бродяжника, который поднялся и напряжённо всматривался в ночь.

— Не знаю, — ответил тот. — Слишком далеко, не понять. Похоже на молнию, бьющую с вершины холма.

Фродо снова лёг, но долго ещё видел белые вспышки и на их фоне высокую, тёмную фигуру Бродяжника, стоявшего безмолвно и неподвижно. Наконец его сморил тяжёлый сон.

На пятый день они оставили за собой топкую трясины и заросли камыша. Местность неуклонно повышалась. На востоке замаячила линия холмов. Правый, самый высокий, стоял поотдал от прочих. Его коническая макушка на вершине была словно срезана.

— Это Заверть, — сказал Бродяжник. — Древний Тракт, который остался далеко вправо от нас, огибает её с юга почти у самого подножья. Завтра к полудню доберёмся туда, если пойдём напрямик. Полагаю, так будет лучше всего.

— То есть? — спросил Фродо.

— Да вот не знаю пока, что нас там ждёт. Гора совсем рядом с Трактом.

— Мы же надеялись встретиться там с Гэндальфом, разве нет?

— Такая возможность есть, но надежды на неё мало. Если он даже пойдёт этим путём, то вовсе необязательно через Бри, а стало быть, о нас не узнает. В один и тот же час мы туда вряд ли попадём, а не попадём — непременно разминемся: ни ему нас, ни нам его долго ждать нельзя. Если Всадники не засекли нас в глуши, то обязательно сами пойдут к Заверти. Оттуда открывается хороший обзор. В этих местах водится масса зверья и птиц, которые вполне могут видеть нас с вершины даже сейчас, пока мы стоим здесь. Не всем птицам можно доверять, а тут найдутся шпионы и похуже.

Хоббиты встревожено поглядели на дальние холмы, а Сэм окинул взглядом бледное небо, словно ожидая увидеть кружащего над ними орла или коршуна с яркими, не сулящими ничего доброго глазами.

— Умеешь ты обнадёжить, Бродяжник! — покачав головой, пробормотал он.

— Так что будем делать? — спросил Фродо.

— Полагаю, — медленно, словно ещё колеблясь, проговорил Бродяжник, — полагаю, лучше всего будет пойти отсюда напрямик на восток: не сразу к Заверти, а к холмам. Есть у их подножья одна укромная тропка, которая приведёт нас к Заверти с севера. А там, чему быть, того не миновать.

Они шли весь день напролёт, пока не сгустились холодные сумерки. Под ногами, однако, стало немного суше. Позади, над Топями, сгущался туман. Круглое красное солнце, провожаемое меланхоличными криками и редким посвистом птиц, утонуло в туче на горизонте, и настала мёртвая тишина. Хоббиты с тоской припомнили, как весело сверкают в мягком закатном свете окошки Исторбинки.

Под вечер они достигли реки, которая текла с холмов и терялась в вонючих Топях, и, пока позволял свет, шли вдоль её берега. Остановились только в темноте, разбив лагерь в чахлом ольшанике. Впереди маячила на фоне тусклого неба чёрная голая гряда холмов. В эту ночь они караулили посменно — а Бродяжник, похоже, и вовсе не спал. Луна росла, так что всё было залито холодным серым светом.

Наутро вышли с первыми лучами солнца. Воздух был студёный, небо — бледно-голубое. Хоббиты чувствовали себя отдохнувшими, несмотря на полубессонную ночь. Они уже привыкли к долгим переходам и скудному рациону — в Хоббитании, во всяком случае, сочли бы, что при таких порциях недолго и ноги протянуть. А Пин объявил, что Фродо всё равно раздобыл чуть ли не вдвое.

— Очень странно, — заметил Фродо, затягивая потуже пояс, — поскольку на деле меня осталось гораздо меньше. Будем надеяться, что процесс похудания не затянется до бесконечности, а то ещё чуть-чуть — и я стану призраком.

— Не надо об этом! — неожиданно серьёзно перебил их Бродяжник.

Холмы приблизились. Они образовали волнистый хребет, вздымающийся кое-где на тысячу футов, а местами прорезаемый глубокими ущельями или седловинами, открывающими путь на восток. Вдоль гребня тянулось что-то похожее на остатки поросших травой стен и рвов, а в ущельях всё ещё высились руины каких-то каменных строений. К ночи путники добрались до западных отрогов этого хребта, где и остановились. Это было пятое октября, шестой день их путешествия из Бри.

Утром они впервые после Старолесья увидели чёткую тропу. Она уводила вправо, к югу, и очень хитро: ныряла во всякую ложбину, пряталась под кручами, виляла меж валунов или тянулась под прикрытием камней, которые скрывали путников, точно высокие надёжные стены. Казалось, её специально проложили с таким расчётом, чтобы скрыть тех, кто движется по ней, от взгляда как с вершины хребта, так и с западных равнин.

— Интересно, кто проложил эту тропу и зачем? — любопытствовал Мерри, когда они углубились в очередной каменный проход. — Что-то мне не слишком здесь нравится. С моей точки зрения, умертвиями пахнет. На Заверти есть могильники?

— Нет. Ни на Заверти, ни на одном из этих холмов нет ни одного кургана, — ответил Бродяжник. — Люди Запада здесь не жили, хотя в свои последние дни некоторое время обороняли эти холмы от зла, идущего из Ангмара. Тропа была обустроена для обслуживания укреплений вдоль стен. Но задолго до этого, в начале Северного королевства, они построили на Заверти большую сторожевую башню, Амон Сул, как они называли её. Враги сожгли и разрушили её до основания, сейчас остался только неровный каменный круг, словно венец на челе древней горы. Но некогда она была высока и прекрасна. Рассказывают, что в дни Последнего Союза на ней стоял Элендил, поджидая с Запада Гил-галада.

Хоббиты так и усталились на Бродяжника. Видно, ему были ведомы не только тайные тропы, но и старинные были.

— А кто такой Гил-галад? — спросил Мерри, но Бродяжник не ответил: он задумался о чём-то своём.

Ответил негромкий голос:
Гил-галад, светлый государь,
Последний всеэльфийский царь,
Хотел навеки превозмочь
Нависшую над миром ночь.
Сиял, как солнце, щит в ночи,
Ломались чёрные мечи,
А светлый меч меж тёмных скал
Разящей молнией сверкал.
И царь сумел развеять ночь —

Развеять, но не превозмочь,—
И закатилась навсегда
За край небес его звезда.
Все изумлённо обернулись к Сэму.

— А дальше? — спросил Мерри.

— Дальше вот не помню, — признался Сэм. — Я это от мистера Бильбо слышал, ещё мальчишкой. Он мне часто такое рассказывал: знал, что об эльфах я хоть всю жизнь готов слушать. Он меня и грамоте выучил. Мистер Бильбо, он вообще большим книжником был. Он даже стихи писал. Этот вот тоже он сочинил.

— Это не он сочинил, — сказал Бродяжник. — Это отрывок старинного лэ, которое называется "Песнь о гибели Гил-галада". Бильбо просто перевел его с древнего языка. Я не подозревал об этом.

— Там ещё много было — и всё про Мордор, — сказал Сэм. — Меня, помню, страх взял, и я не стал запоминать дальше. Почём было знать, что самому туда выпадет идти!

— В Мордор?! — воскликнул Пин. — Надеюсь, до этого не дойдёт!

— Тише! — одёрнул его Бродяжник. — Не произноси так громко это слово.

Лишь к полудню приблизились они к южному концу тропы и увидели перед собой в ясном свете бледного октябрьского солнца поросшую травой серую насыпь, которая вела, словно мост, к северному склону горы. На вершину решили подниматься немедленно, пока день ещё в разгаре. Дольше прятаться было нельзя; оставалось надеяться, что враги или шпионы не наблюдают за ними. Никакого движения на горе заметно не было. Если Гэндальф и присутствовал где-то поблизости, то ничто на это не указывало.

На западном склоне Заверти они нашли уступчатую лощину, дно которой напоминало чашу с травянистыми бортами. Сэм и Пин отправились с пони и багажом туда, остальные трое пошли наверх. Через полчаса трудного подъёма Бродяжник вышел на вершину, за ним поспевали задыхающиеся Фродо и Мерри: последний склон оказался скалистым и очень крутым.

На вершине, как и говорил Бродяжник, они увидели большой каменный круг — всё, что осталось от основания древней башни, осыпавшегося и поросшего длинным быльём. Но в центре круга была сложена пирамидка из камней. Камни закоптились, словно побывали в огне. Трава вокруг тоже выгорела до корней, а за пределами круга почернела и скукожилась, будто по вершине прошлось пламя. И ни единого следа ни одной живой души.

Встав на краю руин, они огляделись. Всё безжизненно и голо, если не считать рощиц далеко на юге, за которыми местами проблёскивала далёкая река. С этой же стороны прямо под ними тянулась с запада лента древнего Тракта: вверх и вниз, вверх и вниз, пока не терялась за тёмным хребтом на востоке. Тракт был пуст. Ещё дальше на восток, у самого горизонта высились горы: ближние отроги были голы и угрюмы, дальше — серые высокие гряды, и ещё дальше искрились в облаках белые пики.

— Вот и прибыли! — сказал Мерри. — Уж больно как-то всё это выглядит неприветливо и безрадостно! Ни воды, ни укрытия. И Гэндальфа, разумеется, нет. Впрочем, вполне понятно, что он тут не задержался, — если, конечно, вообще приходил.

— Это-то меня и интересует, — откликнулся Бродяжник, внимательно оглядываясь. — Даже если он появился в Бри через день-другой после нас, то вполне мог добраться сюда первым. При необходимости он может мчаться очень быстро.

Вдруг следопыт резко нагнулся и принялся рассматривать камень, лежащий на вершине пирамидки. Он был несколько больше других и светлее, словно не затронут огнём. Бродяжник поднял его и повертел в пальцах.

— Его не так давно трогали, — заметил он и предложил Фродо: — Ну-ка, посмотри. Что это, по-твоему?

На исподе камня Фродо заметил несколько царапин: I".III.

— Палочка, точка и еще три палочки, — сказал он.

— Палочка слева похожа на руну "Г" с тонкими веточками, — показал ему Бродяжник. — Возможно, что это знак, оставленный Гэндальфом, хотя уверенным тут быть нельзя. Царапины тонкие и определённо свежие. Однако значить они могут нечто совершенно другое, никак с нами не связанное. Следопыты тоже пишут рунами и время от времени заходят сюда.

— Ну, а если от Гэндальфа, то что они значат? — спросил Мерри.

— Я бы прочитал их как "Г 3", — ответил Бродяжник, — то есть, что Гэндальф был здесь третьего октября: три дня назад, значит. Кроме того, он торопился и был застигнут опасностью, так что написать яснее или подробнее не успел или не посмел. Если так, то нам стоит быть поосторожнее.

— Вот бы знать наверняка, что именно он оставил эти знаки, что бы они ни значили, — сказал Фродо. — Насколько спокойнее понимать, что он всё-таки рядом, впереди или позади.

— Пожалуй, — согласился Бродяжник. — Лично я уверен, что он был здесь и что здесь на него обрушилась какая-то напасть: вон как пламя прошло по камням. Помнишь, Фродо, те вспышки на востоке? Мы как раз три дня назад их видели. Думаю, его атаковали здесь, на вершине, но чем это кончилось я сказать не могу. Короче, его здесь уже нет, поэтому нам придётся пробираться к Раздолу на свой страх и риск.

— А далеко до Раздола? — спросил Мерри, усталыми глазами озирая неоглядные дали.

С вершины Заверти мир казался удручающе огромным.

— От "Заброшенной харчевни", что в дне пути от Бри на восток, в милях, по-моему, никогда не мерили, — ответил Бродяжник. — Одни говорят так, другие этак. Это странный путь, и путники рады достигнуть его конца, сколько бы времени им ни понадобилось. Я знаю, сколько отсюда ходу при сносной погоде и без помех: двенадцать дней до Бруиненского брода, где Тракт пересекает реку Буйную, текущую из Раздола. Нам же придётся идти не меньше четырнадцати, поскольку воспользоваться Трактом вряд ли удастся.

— Две недели! — сказал Фродо. — Всякое может случиться.

— Может, — подтвердил Бродяжник.

Они молча стояли у южного края вершины, и Фродо впервые, в полную силу почувствовал горький, бездомный страх. Ну что же это такое, почему нельзя было остаться в милой, весёлой, мирной Хоббитании? Он повёл взглядом по ненавистному Тракту — на запад, к дому. И увидел, что по дороге медленно ползут две чёрные точки; ещё три ползли с востока, им навстречу.

— Смотрите! — воскликнул он, указывая вниз.

Бродяжник тут же упал наземь под прикрытия каменного круга, потянув за собой Фродо. Рядом шлёпнулся Мерри.

— В чём дело? — прошептал он.

— Пока не знаю, но опасюсь худшего, — ответил ему Бродяжник.

Они подползли к окраине и глянули в просвет между камнями. Свет потускнел: после ясного утра с востока напозли тяжёлые тучи и прикрыли снижающееся солнце. Пять крохотных чёрных пятнышек — ни Фродо, ни Мерри не могли разглядеть их подробнее, но что-то подсказывало им: там, на Тракте, у подножья Заверти собрались они, Чёрные Всадники.

— Да, — сказал Бродяжник, у которого глаза были куда зорче. — Враг рядом!

Троица поспешно отползла прочь и северным склоном проскользнула к товарищам.

Сэм с Перегрином не бездельничали. Они успели обследовать небольшую лощину и прилегающие склоны. На одном из них обнаружился родник, а рядом с ним следы, оставленные один или два дня назад. В самой лощине хоббиты наткнулись на свежее кострище и прочие признаки чьей-то наспех устроенной стоянки. За валунами, скатившимися когда-то с северного склона Заверти, Сэм нашел небольшой запас аккуратно сложенного хвороста.

— Может, это всё старина Гэндальф оставил? — поделился он своими соображениями с Пинном. — Кто бы тут хворосту ни припас, он явно рассчитывал вернуться.

— Что же это я, — восторгнулся Бродяжник, узнав про их открытия. — Мне самому надо было первым делом всё здесь проверить! — и поспешил к роднику.

— Проворонил, — сказал он, вернувшись. — Сэм и Пин успели всё затоптать. На днях тут побывали следопыты. Хворост собран ими. Но есть и несколько более свежих отпечатков, которые следопытам не принадлежат. По крайней мере одна цепочка следов оставлена тяжёлыми сапогами день или два назад. По крайней мере одна. Теперь уже точнее не скажешь, но мне кажется, здесь побывало много обутых в сапоги ног... — он замолчал в тревожном раздумье.

Хоббитам явственно припомнились Чёрные Всадники в плащах и сапогах. Если Всадники эту лощину разведали, то чем скорее Бродяжник отведёт их куда-нибудь ещё, тем лучше. Сэм, с тех пор как услышал, что враги на Тракте, всего в нескольких милях, оглядывал её с огромным недоверием.

— Давайте-ка отсюда удирать, господин Бродяжник, — просительно сказал он. — И час-то поздний, и вид у этой лощинки какой-то ненадёжный. Не по себе мне что-то.

— Да, решать нужно немедленно, — отозвался Бродяжник, подняв глаза к небу, чтобы прикинуть погоду и время. — Знаешь, Сэм, — сказал он наконец, — мне это место тоже не нравится; но до ночи мы ничего лучше не същем. По крайней мере, сейчас мы не на виду, а если двинемся, то скорее будем замечены. Всё, что мы могли бы сделать, так пойти обратно на север по этой стороне хребта, где нас ждёт примерно то же самое, что и здесь. С другой стороны хребта на многие мили тянется пустошь. Чтобы спрятаться в южных зарослях, нужно пересечь Тракт, а он под наблюдением.

— Разве Всадники — зрячие? — спросил Мерри. — Ведь обычно они искали нас не столько глазами, сколько носами: вынюхивали, короче, если это слово здесь подходит. Во всяком случае, при дневном свете. А ты нас и на вершине вмиг плащмя положил, и теперь говоришь "заметят, если двинемся", — непонятно как-то получается.

— На вершине я был очень неосторожен, — ответил Бродяжник. — Я слишком стремился найти весточку от Гэндальфа, однако подниматься туда втроём нам не следовало, да и так долго торчать там тоже. Ведь Всадники могут привлекать в качестве соглядатаев разных живых существ, не говоря уж о людях, как мы могли убедиться в Бри, да и кони их видят. Сами Всадники воспринимают мир иначе, чем мы: днём, если не считать полуденного солнца, им приметны наши тени, а в темноте они различают многое из того, что скрыто от нас, — тогда-то они особенно опасны. И тёплую кровь они чувят всё время, чувят с жадной и мстительной злобой. Есть ведь и иное чутьё, помимо обоняния и зрения. Мы же чуем по холодку в груди, заставляющем сжиматься сердце, что они здесь, а они нас — гораздо острее. И ещё — он понизил голос, — их притягивает Кольцо.

— Неужто же нет никакого спасения? — затравленно озираясь, воскликнул Фродо. — Тронешься с места — увидят и поймут! Останешься на месте — учуют и найдут!

— Не надо отчаиваться, — сказал Бродяжник, положив руку ему на плечо. — Ты не один.

Для начала возьмём-ка тот хворост, специально оставленный для костра. Огонь послужит нам охраной и защитой. Саурон способен использовать огонь во зло, как и всё прочее в этом мире, но Всадники огня не любят и побаиваются тех, у кого он в руках. В этой глуши огонь — наш друг.

— Хорош друг, — пробурчал Сэм. — Вот разожжём сейчас костёр — и стало быть, мы здесь, только ещё покричать осталось, чтобы не пропустили.

Выискав на дне лощины самый укромный уголок, они развели костёр и наскоро приготовили еду. Вечерние тени сгустились; похолодало. Внезапно хоббиты поняли, что очень проголодались, потому что с завтрака во рту у них не было ни крошки. Но на ужин они решились сделать только жиденский суп. Впереди лежал необитаемый, если не считать птиц и зверей, край: край, оставленный всеми народами Средиземья. Иногда нагорьем проходили Следопыты; но их было мало и они здесь не задерживались. Других скитальцев практически не было, да и те преимущественно лиходеи. Время от времени с северных отрогов Мглистых гор забредали тролли. Путников можно было встретить только на Тракте, в основном гномов, которые спешили по своим делам и с посторонними не общались, а уж тем более не помогали им.

— Не хватит у нас припасов, — сказал Фродо. — Хоть и скудно мы ели последние дни, да и сегодняшней ужин — не пирушка, а всё-таки переели, тем более — две недели впереди, если не больше.

— Глушь прокормит, — обнадёжил его Бродяжник. — Ягоды, корешки, травы, а если понадобится, и поохотиться могу. Не зима, еда найдётся. Да только вот собирать да охотиться — занятие долгое и утомительное, а нам надо спешить. Так что затяните потуже пояса и надейтесь на будущие пиры в доме Элронда!

Тем временем совсем стемнело и стало очень холодно. Из своего уголка лощины они не видели ничего, кроме серой травы и камней, быстро теряющихся в тенях. Небо над головой опять прояснилось и медленно заполнялось мерцающими звёздами. Хоббиты жались к огню, закутавшись во все одежки и одеяла, какие только были. Бродяжник обошёл одним плащом и сидел чуть поотдал, задумчиво потягивая трубку.

Когда упала ночь и ярко засияло пламя костра, он принялся рассказывать хоббитам разные предания, чтобы заглушить их страх. Древних историй и легенд знал он множество: об эльфах и людях, злых и добрых деяниях эпохи Эльдер. Хоббиты только диву давались: сколько же ему лет и где он узнал всё это?

— Расскажи нам о Гил-галаде, — неожиданно попросил Мерри, когда Бродяжник примолк, окончив повесть об эльфийских королевствах. — Ты знаешь то старинное лэ, о котором шла речь?

— Разумеется, — ответил Бродяжник. — Да и Фродо должен знать, потому что те дела тесно связаны с нашими.

Мерри и Пин взглянули на Фродо, который не сводил глаз с огня.

— Я знаю лишь то немного, что рассказал мне Гэндальф, — медленно проговорил Фродо. — Гил-галад был последним из великих королей эльфов Средиземья. На их языке его имя означает Звёздный Свет. Он отправился с Элендилом, другом эльфов, в...

— Нет! — перебил Бродяжник. — Не стоит рассказывать эту повесть, когда под боком слуги Врага. Если мы прорвёмся к дому Элронда, вы услышите её там, полностью.

— Тогда расскажи нам что-нибудь другое из старины, — попросил Сэм, — какое-нибудь предание об эльфах до времен угасания. Я охотно послушал бы сейчас ещё про эльфов; а то эта темень кругом прямо давит.

— Я расскажу вам о Тинувиэль, — отозвался Бродяжник. — Вкратце, ибо это долгая повесть, конец которой неизвестен. И ныне нет никого, кроме Элронда, который помнил бы её так, как рассказывали в старину. Это прекрасная история, хотя и печальная, как все повести Средиземья. И всё же она ободрит ваши сердца.

Он помолчал немного, а потом не заговорил, а тихо запел:

Плотен полог листвы, и трава зелена,
Прекрасен болиголов,
Лесная поляна вся залита
Мерцанием трепетных звёзд.
Там танцевала Тинувиэль
Под звуки незримой свирели,
И звёздный свет её озарял,
В нём платье и кудри блестели.
Берен спустился с холодных вершин
К лесного потока струям,
И там, блуждая, бродил один
В печали по берегам.
Но вдруг среди высоких стеблей,
Мелькнул златотканый убор
И мгла летящих кудрей, и застыл
В немом изумлении он.
Очарованный пляской в лунных лучах,
Оленем он прянул вперёд,
Забыв про боль в усталых ногах,
Про роковой переход.
Но как лунный луч ускользнула она,
Затерялась в сплетеньи ветвей,
А он остался в немом лесу
Пробираться среди корней.
И шелестом убегающих ног
Манила его листва,
И музыка, словно из-под земли,
Чуть слышным эхом плыла.
И стал бурьяном болиголов,
И, тихо-тихо вздыхая,
Редел, редел буков пышный покров
В преддверьи зимы облетая.
Он искал её здесь, и искал её там,
Бродя по опавшей листве,
Но лишь месяц ему одиноко мерцал
В морозной небес синеве.
А она танцевала в сверкании звёзд
На далёкой вершине холма,
И иней летел у неё из-под ног,
Словно капельки серебра.
Но зима миновала, и с песней она

Вернулась, весну зовя.
И весна забурлила, снега растопила,
И грянула песнь соловья.
И вокруг неё распускались цветы,
И он поддался мечте
С песней в пляске её повести
По нетронутой мураве.
И снова бежала она стремглав,
Но он устремился за ней,
И по-эльфийски её он позвал:
Тинувиэль — Соловей.
И, будто чарами побеждена,
Прислушалась, остановилась она.
И Берен в объятья её заключил,
Видно, деве так рок сулил.
В глаза её Берен заглянул,
Потерялся в тени бровей,
А влажный взор её отражал
Трепет звёздных лучей.
И бессмертная дева Тинувиэль,
Что была всех эльфов красивей,
Закрыла его мглою тёмных кудрей,
Смертному руку вручила.
На долгий путь обрекла их судьба,
На путь меж холодных скал,
Сквозь железные залы их провела,
Сквозь леса, где рассвет не бывал.
И смерти воды меж ними легли,
Но разлуке настал конец,
И давным-давно они вместе ушли,
Но куда — не знает певец.

Бродяжник вздохнул и, помолчав, заговорил опять.

— Эта песня, — сказал он, — сложена в манере, которую эльфы называют аннтеннат, но её трудно переложить на всеобщий язык, и то, что я спел вам, не более, чем грубый отзвук. В ней говорится о встрече Берена, сына Барагира, и Лучиэнь Тинувиэль. Берен был смертным человеком, а Лучиэнь — дочерью Тингола, короля эльфов Средиземья, когда мир был молод; и она была прекраснейшей девой из всех детей этого мира. Прекрасной и лучезарной, как звёзды над туманами Севера. В те дни на Севере, в Ангбанде, жил Великий Враг, — Саурон из Мордора лишь слуга его, — и эльфы Запада вернулись в Средиземье, чтобы силой вернуть похищенные им Силмарилы; и праотцы людей помогли эльфам. Но Враг победил, и Барагир был убит, а Берен, спасаясь, перешёл Горы Ужаса и попал сквозь великие опасности в тайное королевство Тингола в лесах Нельдорета. Там узрел он Лучиэнь, поющую и танцующую на поляне у прекрасной и колдовской реки Эсгалдуин, и назвал её Тинувиэль — Соловей на древнем языке. Много горя выпало им затем, и долгой была их разлука. Тинувиэль спасла Берена из подземных темниц Саурона, и рука об руку шли они через великие опасности, и даже низвергли самого

Великого Врага и взяли из его железной короны один из трёх Силмариллов, ярчайших из всех драгоценных камней, как выкуп за Лучиэнь Тинголу, её отцу. Но в конце концов Берен был убит Волком, вышедшим из ворот Ангбанда, и умер на руках у Тинувиэль. А она избрала жребий смертного и ушла из этого мира, чтобы последовать за ним; и поётся, что они вновь встретились за Морями Разлуки и спустя немного опять вернулись живыми в зелёные леса; но давным-давно они вместе ушли за пределы этого мира. Вот так Лучиэнь Тинувиэль, единственная из всех эльфов, действительно умерла, и они утратили её навеки. Однако через неё древний род королей эльфов передался людям. Потомки её живут до сих пор, и сказано, что род её никогда не прервётся. Элронд из Раздола от этого колена. Ибо от Берена и Лучиэнь родился Диор, преемник Тингола, а от него Элвинг Белая, которая вышла замуж за Эрендилу, что с Силмарилом на лбу направил свой корабль из туманов этого мира в небесные воды. А от Эрендилу произошли Короли Нуменору — Заокраинного Запада.

Пока Бродяжник говорил, хоббиты не сводили глаз с его странно оживившегося лица, смутно освещаемого красными полыхами костра. Глаза следопыта сияли, голос был глубок и звучен. Над ним распростёрлось чёрное звёздное небо. Внезапно вершины Заверти за его спиной коснулся бледный свет: из-за холма медленно выплывала растущая луна; тень упала на их лагерь, и звёзды над вершиной померкли.

Рассказ завершился. Хоббиты зашевелились, потягиваясь.

— Смотрите! — сказал Мерри. — Луна встаёт. Поздно уже, должно быть.

Остальные подняли глаза и тут же на фоне сияющего лунного восхода увидели на макушке Заверти что-то маленькое и чёрное. Возможно, это был просто-напросто длинный камень или выступ скалы, кажущийся в лунном свете выше.

Сэм и Мерри встали и отошли от огня. Фродо с Пином молча их ждали. Бродяжник пристально вглядывался в пятна лунного света на холме. Всё выглядело спокойным и тихим, но Фродо вдруг почувствовал, что теперь, когда Бродяжник замолчал, в его сердце снова вполз ледяной страх. Он торопливо придвинулся к огню. В этот момент с края лоцинки примчался Сэм.

— Не знаю, в чём тут дело, — сказал он. — Только я внезапно перепугался. И из лоцинки ни за какие коврижки не пошёл бы. Мне почудилось, как что-то ползёт по склону.

— Ты видел кого-нибудь? — спросил Фродо, вскочив на ноги.

— Нет, сэр, никого не видал, только и оглядываться не стал, чтобы посмотреть.

— Я кое-что видел, — сказал Мерри. — Или полагаю, что видел. Там, к западу, на равнине, куда не дотягиваются тени от холмов, мне померещились в лунном свете две или три чёрные фигуры. Кажется, они направлялись сюда.

— Ближе к костру, спиной к огню! — скомандовал Бродяжник. — И возьмите палки подлиннее!

Уселись молча и настороже, вглядываясь в окружавшие их тени. Ничего: ни звука, ни движения. Фродо пошевелился. Ему мучительно захотелось нарушить немую тишь, крикнуть в голос...

— Тише! — шепнул Бродяжник.

— Что это? — в то же мгновение выдохнул Пин.

Они скорее почуяли, чем увидели, как из-за дальнего от холма края лоцины поднялась тень, или несколько теней. Пока они напряжённо всматривались, тени словно выросли. Три, нет, уже четыре зыбкие фигуры — высокие, чёрные, словно дыры в темноте, — застыли на склоне. Фродо почудился змеиный шип, дохнуло могильным холодом. Потом тени качнулись и начали медленно приближаться.

Пин и Мерри в страхе бросились ничком на траву, Сэм прижался к Фродо. А Фродо,

перепуганный не меньше остальных, трясся, как в ознобе, но внезапно охвативший его ужас отступил перед судорожным желанием надеть Кольцо. Другие мысли исчезли. Он не забыл Могильники, не забыл предостережения Гэндальфа, но противиться пришедшему откуда-то извне искушению не было ни сил, ни желания. Не надеясь на спасение, не думая, хорошо или плохо поступает, он просто чувствовал, что должен взять Кольцо и надеть его на палец. И язык отнялся. И Сэм смотрит на него, словно понимает, что хозяину грозит беда, а повернуться к нему не получается. Фродо закрыл глаза, попробовал устоять, одолеть... нет, неумоготу. Он потянул цепочку, нащупал Кольцо — и медленно надел его на указательный палец левой руки.

Тут же чёрные фигуры стали ужасающе чёткими, хотя всё остальное по-прежнему расплывалось в тусклой мгле. Он смог увидеть то, что скрывалось под их покровами. Перед Фродо возникли пятеро: двое стоят на краю лощины, трое приближаются. Белые лица, глубоко запавшие глазницы светятся острыми, беспощадными взглядами, под чёрными плащами — серые мантии, на седилах — серебряные шлемы, в костлявых руках — стальные мечи. Они впились в него ледяными глазами и рванулись вперёд. Фродо в отчаянии обнажил свой кинжал — и кинжал зарделся, словно раскалённая головня. Двое замерли. Третий, с длинными блестящими волосами, был выше всех, шлем его венчала корона. В одной руке он держал длинный меч, в другой — кинжал; кинжал и рука, держащая его, тлели бледным, мёртвенным светом. Он ринулся к Фродо.

В тот же миг Фродо бросился наземь и, сам не зная почему, громко воскликнув "О Элберет! Гилтониэль!", ударил кинжалом в ногу подступившего врага. Душераздирающий вопль всколыхнул темноту, и ледяное смертоносное жало вонзилось в плечо Фродо. Теряя сознание, он увидел, как через кружащийся туман, Бродяжника, который вырвался из мглы с двумя факелами в руках. Фродо уронил меч, последним усилием воли сорвал кольцо с пальца и намертво зажал его правой рукой.

Глава XII

Переправа

Когда Фродо пришёл в себя, он всё ещё отчаянно сжимал Кольцо. Он лежал у костра, яркого и высокого, а над ним склонились Сэм, Пин и Мерри.

— Что случилось? Где тот бледный король? — выговорил он, едва очнувшись.

Ему не ответили: у всех троих от радости перехватило дыхание, да и вопроса его они не поняли. Потом Сэм рассказал, что видел только, как подступили смутные тени. Внезапно, к его ужасу, Фродо исчез, и в тот же миг мимо него, Сэма, мелькнула чёрная тень, и его сбило с ног. Он слышал голос хозяина, доносившийся словно из дальней-предальной дали или из под земли, и его странные слова. И больше они ничего не видели, пока не наткнулись на Фродо: он замертво лежал ничком на траве, меч под ним. Бродяжник велел им уложить его у огня, а сам исчез — давно уж.

Сэм, видно, снова стал сомневаться насчёт Бродяжника, но пока они разговаривали, тот внезапно возник из ночных теней. Все вздрогнули, а Сэм выхватил меч и заслонил Фродо, но Бродяжник тут же опустился рядом с ним на колени.

— Нет, Сэм, я не Чёрный Всадник, — мягко сказал он, — и не их подручный. Я пытался узнать, куда они делись, но безуспешно. Им бы напасть заново, а они отступили. Почему — не понимаю. Однако поблизости и духу их нет.

Услышав о том, что было с Фродо, он озабоченно покачал головой и тяжело вздохнул. Потом велел Мерри с Пином вскипятить полные котелки воды и всё время промывать рану.

— Разведите огонь побольше: Фродо надо держать в тепле! — распорядился он, затем

поднялся и отошёл от костра, позвав с собой Сэма. — Теперь кое-что ясно, — сказал он в полголоса. — Врагов было всего пятеро. Почему собрались не все — не знаю; однако отпора они, видимо, не ожидали, и пока отступили. Но, боюсь, недалеко, и на следующую ночь вернутся, если нам не удастся сбежать. Торопиться им некуда: по их расчётам дело почти сделано, Кольцо далеко не уйдёт. Да, Сэм, боюсь, они считают, что хозяин твой поучил смертельную рану, которая сделает его им подвластным. Ну, мы ещё поглядим!

Сэм захлебнулся слезами.

— Не отчаивайся! — сказал Бродяжник. — И доверься мне. Твой Фродо оказался гораздо более твёрдым орешком, чем я полагал; правда, Гэндальф на это и намекал. Его не убили, и продержится он, пожалуй, дольше, чем думают те. А я сделаю всё, что в моих силах, чтобы его подлечить. Ладно, пока ухаживайте за ним как следует! Я ненадолго.

С этими словами он снова исчез во тьме.

Фродо задрёмывал и просыпался от вяжущей боли. У него постепенно онемело плечо, рука, весь бок. Друзья без устали промывали ему рану и старались согреть его. Ночь еле тянулась. Наконец лощину затопил серый предутренний свет. Со светом вернулся и Бродяжник.

— Смотрите! — воскликнул он, подняв с земли дотолё незамеченный и распоротый у подола чёрный плащ. — Удар нашего Фродо! Но боюсь, что этим урон, нанесённый им врагу, и ограничивается. Он неуязвим, а все клинки, коснувшиеся этого ужасного Короля, теряют прочность. Более опасным для него было имя Элберет... А вот это было гораздо более опасным для Фродо! — Бродяжник снова нагнулся и поднял длинный тонкий кинжал, отливавший холодным блеском. На вершине лезвия виднелась зазубрина, кончик был обломлен; и к изумлению хоббитов, кинжал на глазах истаял тонким дымом, — в руке Бродяжника осталась лишь рукоять. — Увы! — воскликнул следопыт. — Рана нанесена этим проклятым клинком! Нынче почти нет врачей, способных противостоять столь губительному оружию. Сделаю, что смогу.

Он сел на землю, положил на колени рукоять и пропел над нею медленное, непонятное хоббитам заклинание. Потом отложил рукоять в сторону, пригнулся к Фродо и проговорил ему на ухо какие-то слова, которых остальные не расслышали. Затем извлёк из поясной сумки длинные листья незнакомого растения.

— Мне пришлось далеко сходить, чтобы найти эти листья, — сказал он, — потому что на здешних голых холмах они не растут; я отыскал их в густых зарослях к югу от Тракта, по запаху. — Он растёр лист между пальцев, и разнёсся свежий, резкий аромат. — Счастье ещё, что мне вообще удалось их найти. Это целебное растение — ацелас — привезли в Средиземье Люди Запада; теперь оно встречается редко и только вблизи тех мест, где они в древности жили или стояли лагерем. На Севере о нём мало кто слышал — разве что следопыты. Оно помогает очень хорошо, но для такой раны его силы может и не хватить...

Бродяжник заварил листья и промыл терпко-душистым отваром рану в плече Фродо. Благоухание было освежающим, и все остальные почувствовали, что мысли их прояснились и страх отступил. Фродо тоже стало легче: боль приутихла и холод в боку слегка отпустил, но рука по-прежнему оставалась безжизненной и неподвижной. Он горько сожалел о совершённой глупости и всю корил себя за слабование: теперь-то он понимал, что надел Кольцо не по собственному желанию, а по велению врага. И ещё прикидывал, не останется ли он калекой на всю жизнь и как теперь быть, как им продолжить путь? Он чувствовал себя слишком слабым, чтобы стоять.

Между тем обсуждалось именно это — что делать дальше. Решено было немедленно покинуть Заверть.

— Наверно, — сказал Бродяжник, — враг уже несколько дней наблюдает за этим местом. Если Гэндальф и появлялся здесь, то его вынудили уйти, и он не вернётся. В любом случае, после сегодняшней ночи задерживаться до темноты явно не стоит. Где угодно лучше, чем здесь.

Как только окончательно рассвело, они подкрепились на скорую руку и свернули лагерь. Идти Фродо не мог, поэтому четверо остальных распределили большую часть багажа между собой и усадили его на пони. За последние дни бедная скотинка на диво оправилась: стала выглядеть поупитаннее и посильнее и принялась выказывать знаки привязанности к своим новым хозяевам, особенно к Сэму. Видно, обхождение Билла Осинника было весьма жестоким, раз путь в глуши оказался для настолько лучше её прежней жизни.

Двинулись они к югу. Разумеется, предстояло пересечь Тракт, но это позволяло быстро укрыться в зарослях. Кроме того, им было необходимо топливо: Бродяжник сказал, что Фродо нужно держать в тепле, особенно ночью, когда огонь послужит некоторой защитой им всем. В расчёты входило также немного сократить путь, срезав большую петлю Тракта: к востоку от Заверти он менял направление и делал широкий загиб к северу.

Медленно и осторожно обогнули они юго-западный склон Заверти и подобрались к Тракту. Всадников заметно не было. Но стоило им ступить на дорогу, как поодаль перекликнулись два бросивших их в дрожь голоса: один позвал, другой ответил. Они перебежали Тракт и поспешили к ближайшим кустам. Начался унылый путь по бездорожью. Равнина постепенно снижалась к югу; кустарники и чахлые деревья росли пятнами, между ними широкие голые пространства. Трава редкая, серая, грубая; листва в зарослях редела и опадала. Безрадостный край. Продвигались медленно, разговаривали мало. Фродо тоскливо оглядывал понурившихся друзей, которые брели, согнувшись под ношей. Даже Бродяжник казался усталым и угрюмым.

Уже к концу первого дня плечо заново стало наливаться ледяной болью, но Фродо терпел, стиснув зубы, и скрывал свои страдания долгие дни. В течение четырёх тяжких суток пути местность почти не менялась: только Заверть отдалилась, а дальние горы немного приблизились. После того крика у Тракта враги не объявлялись — как в бездну канули. Ночами путники сторожили по двое, с дрожью ожидая, что сероватую лунную мглу прорежут чёрные пятна; но никого не было, и слышался только сухой шелест жухлой травы. Ни разу не возникало ощущение того, что зло таится где-то рядом, как перед атакой на Заверти. Но вряд ли Всадники сбились со следа. Наверняка выжидают, готовят новую засаду.

К концу пятого дня начался медленный подъём из широкой плоской долины, в которую они спустились. Бродяжник опять повернул к северо-востоку, и на шестой день они выбрались, наконец, наверх и увидели вдаль скопление покрытых лесом холмов, у подножия которых змеился Тракт, а справа в бледном солнечном свете тускло отливала серая река. За ней в затянутой дымкой каменистой долине виднелась ещё одна.

— Придётся пока вернуться на Тракт, — сказал Бродяжник. — Нам нужно пересечь Туманную реку, по-эльфийски Митейтиль. Она стекает с Тролляго плато, севернее Раздола, и чуть южнее впадает в Буйную. Некоторые называют её после слияния Сивочем — большая река, которая впадает в море. Перебраться можно только у самых истоков на Тролльем плато или по Последнему Мосту, по которому и проходит Тракт.

— А там, дальше, что за река? — спросил Мерри.

— Это Буйная, Бруинен, текущий из Раздола, — ответил Бродяжник. — Тракт тянется от Моста к Бруиненскому броду вдоль подножия холмов многие мили. Как будем перебираться через брод, я пока даже думать не хочу. На данный момент хватит и одной реки! Нам ещё крупно повезёт, если у Последнего Моста мы не наткнёмся на засаду.

На следующий день, рано утром, путники снова спустились к придорожным насыпям. Бродяжник и Сэм отправились на разведку, но не обнаружили никаких следов — ни пеших, ни конных. Здесь, в тени холмов, было сыро. По мнению Бродяжника, дождь прошёл дня два назад и смысл все отпечатки, а с тех пор никакие лошади по Тракту не проезжали.

Путники поспешили вперёд, и мили через две перед ними на дне обрыва показался Последний Мост. Того и гляди там возникнут чёрные фигуры — но нет, мост вроде бы свободен. Бродяжник велел им спрятаться в придорожных кустах, а сам пошёл вперёд — и вскоре вернулся.

— Врагов у моста нет и не было, — сказал он. — Хотел бы я знать, куда они делись. Зато вот что я нашёл. — Он вытянул руку с бледно-зелёным камнем на ладони. — Лежал в грязи посередине моста, — пояснил он. — Это берилл, эльфийский камень. Не знаю, положен он намеренно или обронен, — но всё-таки обнадёживает. Так что через Мост рискнём, а дальше видно будет. Но по Тракту без более ясных указаний я вас не поведу.

Медлить не стали. Мост пересекли благополучно, не услышав ничего, кроме журчания воды под его тремя огромными арками. Прошли милю, а потом Бродяжник свернул налево в узкую лощину и вскоре они затерялись среди тёмных деревьев у подножия угрюмых холмов.

Хоббиты радовались, что тоскливые равнины и опасный Тракт остались позади, но и здесь места были дикие, глухие, зловещие. Холмы по бокам всё увеличивались. То там, то сям, на хребтах и вершинах, виднелись осыпавшиеся каменные стены и древние развалины башен, словно таивших в себе какую-то угрозу. Фродо, у которого оставалось время и возможность глазеть по сторонам, припомнил описания из книги Бильбо, где он упоминал об угрюмых башнях на холмах к северу от Тракта неподалёку от леса с троллями, в котором его ожидало первое серьёзное приключение. Интересно, не в этих ли они сейчас краях и не проедут ли они случаем мимо того самого места?

— Кто здесь живёт? — спросил он. — И кто выстроил эти башни? Это страна троллей?

— Нет! — ответил Бродяжник. — Тролли не строят. Здесь никто не живёт. Когда-то, много веков назад, здесь жили люди, но теперь никого из них не осталось. Легенды говорят, что они обратились ко злу, попав под тень Ангмара, но все сгинули во время войны, в которой пало Северное королевство. Только это было так давно, что их уже и горы забыли, хотя тень над этой страной ещё не рассеялась.

— Где же ты слышал эти легенды, если край пуст и людей давным-давно нет? — спросил Пин. — Если даже горы забыли, то ведь звери и птицы такого не расскажут?

— Наследники Элендила хранят память о былом, — отозвался Бродяжник. — И гораздо больше того, о чём я могу рассказать, помнят в Раздоле.

— А ты в Раздоле часто бывал? — полюбопытствовал Фродо.

— Часто, — сказал Бродяжник. — Некогда я жил там и возвращаюсь всякий раз, как выпадет случай. Мое сердце принадлежит этому месту, но не судьба мне сидеть спокойно, даже и в прекрасном доме Элронда.

Холмы начали смыкаться. Где-то у их подножия по-прежнему бежал к Бруиненскому броду Тракт, но ни его, ни реки не было видно. Путники вступили в длинную глубокую лощину: узкую, тесную, тёмную и молчаливую. Деревья свешивали с утёсов старые изогнутые корни, а выше на горных склонах смыкались в сосновый лес.

Хоббиты совершенно вымотались. Они продвигались вперёд медленно, продираясь без дороги сквозь обломки скал и завалы рухнувших деревьев. Из-за Фродо они медлили выбираться наверх, да и непросто было найти подъём из узкого дола. Два дня двигались они так, и к вечеру

второго дня погода повернула на дождь. Ветер устойчиво потянул с запада, пригнал с дальнего моря тучи и пролил их мелкой моросью на тёмные головы холмов. К ночи они промокли до костей, и безрадостной была их стоянка, потому что развести костёр не удалось. На следующий день холмы впереди ещё увеличились и стали круче, так что пришлось отклониться к северу. Бродяжник явно тревожился: минуло уже десять дней, как они покинули Заверть, и припасы неуклонно таяли. Дождь продолжался.

Следующей ночью путники остановились на каменистом уступе. Со спины их защищала скала, в которой была неглубокая пещера — практически, просто выемка. Фродо не знал отдыха. Холод и сырость сделали его рану ещё более болезненной, чем прежде. Боль и смертный холод уносили весь сон. Он метался и ворочался, со страхом вслушиваясь в таинственные ночные звуки: ветер в трещинах скал, водяная капель, скрипы и трески, стук внезапно покотившегося камня. Фродо чувствовал, что приближаются чёрные фигуры, чтобы задушить его, но сев, увидел только ссутуленную спину Бродяжника, который сидел на страже, устало сгорбившись и покуривая свою трубку. Он опять улёгся и погрузился в беспокойный сон, в котором гулял по траве своего сада в Хоббитании, но она казалась тусклой и призрачной, менее реальной, чем высокие чёрные тени, которые заглядывали через живую изгородь.

Проснувшись утром, Фродо обнаружил, что дождь прекратился. Облака пока ещё были тяжёлыми, но уже не сплошными, и в прорывах меж туч бледно голубело небо. Ветер опять переменялся. Вышли они не сразу. После неудобного и холодного завтрака Бродяжник ушёл один, велел хоббитам оставаться под защитой утёса, пока он не вернётся. Он хотел попробовать взобраться наверх и оглядеться.

Вернулся следопыт озабоченным.

— Слишком далеко зашли на север, — сказал он. — Придётся каким-то образом свернуть к югу, не то заберёмся прямо к верховьям Туманной, гораздо севернее Раздола. Это владения троллей, мало мне знакомые. Быть может, нам и удастся отыскать путь и выйти к Раздолу с севера, но на это уйдёт слишком много времени — я дороги не знаю — и провизии не хватит. Так что придётся нам, так или иначе, выходить к броду через Бруинен.

Остаток дня они карабкались по каменистым кручам. Нашли между двумя холмами проход, который вывел их в долину, тянущуюся на юго-восток, в нужном направлении; но под вечер путь снова перегородил хребет: его тёмный край на фоне неба напоминал тупые зубы. Приходилось выбирать — либо возвращаться вспять, либо лезть наверх.

Решились на подъём, но он оказался очень сложным. Фродо пришлось спешиться и брести дальше пешком. Даже и так им приходилось часто останавливаться, чтобы провести вверх пони или хотя бы для себя найти тропу с учётом того груза, что тащили. Когда путники наконец выбрались наверх, почти совсем стемнело и все полностью выбились из сил. Они вскарабкались к узкой седловине между двумя вершинами, откуда начинался другой спуск. Фродо рухнул на землю и остался лежать. Его била дрожь. Левая рука безжизненно свисала вдоль тела, мёртвая хватка ледяной боли сжимала плечо и грудь. Деревья и камни казались смутными тенями.

— Дальше идти нельзя, — сказал Мерри Бродяжнику. — Для Фродо это было уж чересчур. Очень я боюсь за него. Как думаешь, в Раздоле-то его сумеют вылечить, если мы туда доберёмся?

— Увидим, — отвечал Бродяжник. — В глуши я больше ничего сделать не могу, и в основном из-за его раны я вас так и погоняю. Но сегодня — верно, дальше нельзя.

— А что с хозяином? — тихо спросил Сэм, умоляюще глядя на Бродяжника. — Рана-то была маленькая и уже затянулась. Один белый шрамик на плече и остался.

— Фродо коснулось оружие Врага, — сказал Бродяжник. — Тут действует яд или иное зло,

справиться с которым я не в силах. Главное, Сэм, не отчаивайся!

Ночёвка на высоком хребте была холодной. Они развели небольшой костёр меж узловатых корней старой сосны, которая нависала над мелкой ямой, словно когда-то здесь добывали камень. Сидели, тесно прижавшись друг к другу. Через перевал дул холодный ветер, и они слышали, как внизу стонут и вздыхают кроны деревьев. Фродо лежал в полузабытьи, и грезилось ему, что распростёрты в вышине огромные чёрные крылья, и несутся на них Всадники, и ищут, ищут его во всех горных теснинах.

Утро занималось прекрасное и светлое. Воздух был чист, в умытом дождём небе разгоралась бледная заря. Хоббиты приободрились; они мечтали о солнце, чтобы хоть чуть-чуть согреться. Как только совсем рассвело, Бродяжник взял с собой Мерри и отправился оглядеть с вершины местность к востоку от перевала. Взошло и ярко засияло солнце, когда они вернулись с неплохими вестями. Шли они, оказывается, в более или менее нужном направлении. Если теперь спуститься с другой стороны хребта, нагорье останется слева. Впереди Бродяжник опять разглядел Бруинен и знал, что хоть и невидимый, но путь к броду лежит недалеко от реки на ближней к ним стороне.

— Придётся снова выйти на Тракт, — сказал он. — Нечего и надеяться отыскать проход через эти холмы. Какая бы опасность нас там не поджидала, Тракт — единственная наша дорога к броду.

Поев, они немедленно двинулись в путь, начав спускаться по южному склону хребта. Дорога оказалась даже легче, чем ожидали, потому что с этой стороны было не так круто. Вскоре Фродо смог снова сесть верхом. Как оказалось, бедный старый пони Билла Осинника обладал неожиданным талантом выбирать для себя тропу и причинять при этом седоку как можно меньше неудобств. Отряд снова приободрился. Даже Фродо почувствовал себя гораздо лучше в утреннем свете, однако взор его то и дело словно заволакивало мутной пеленой, так что он снова и снова проводил рукой по глазам.

Пин шёл чуть впереди всех прочих. Внезапно он повернулся и позвал их:

— Здесь тропа! — крикнул он.

Приблизившись, путники убедились, что Пин не ошибся: здесь явно просматривалась тропа, которая, петляя, выходила из нижнего леса и терялась на оставшейся позади вершине холма. Местами она почти исчезла, заросла, была завалена камнями и упавшими деревьями, но когда-то, похоже, этой дорожкой часто пользовались. Проторили её сильные руки и тяжёлая поступь. Там и сям старые деревья были сломаны или срублены, а крупные валуны расколоты или сдвинуты в сторону.

Некоторое время они шли по тропе, благо так было гораздо легче спускаться, но двигались с опаской; когда вступили в тёмный лес, беспокойство их усилилось: тропа стала яснее и шире. Внезапно, выйдя из елового пояса, она круто нырнула вниз по склону и резко свернула влево за скалистое плечо горы. Обогнув угол, путники огляделись и увидели, что тропа бежит вдоль узкого уступа под невысоким, но отвесным, словно стена, утёсом, вершина которого поросла деревьями. В этой стене была слегка приоткрытая дверь, криво висевшая на одной крупной петле.

У двери они остановились. За ней оказалась пещера, но очень тёмная, так что ничего не было видно. Бродяжник, Сэм и Мерри изо всех сил навалились на дверь и ещё немного приоткрыли её. Затем Бродяжник и Мерри вошли внутрь. Далеко, однако, заходить не стали: пол был усыпан старыми костями, и больше вблизи входа ничего не оказалось, если не считать нескольких больших пустых кувшинов да разбитых котлов.

— Вылитая пещера троллей! — сказал Пин. — Эй, вы, двое, вылезайте и давайте-ка отсюда ноги! Теперь ясно, чья это тропа, и лучше бы убраться с неё поживее.

— По-моему, не стоит, — сказал Бродяжник, выходя. — Безусловно, это пещера троллей, но давно заброшенная. Бояться, похоже, нечего. Давайте осторожно спускаться, а там посмотрим.

Тропа уводила прочь от дверей и, свернув вправо на ровную площадку, опять ныряла вниз по густо заросшему лесом склону. Пин, которому совсем не улыбалось показывать свой страх Бродяжнику, шёл впереди вместе с Мерри. Сэм и Бродяжник следовали за ними по бокам пони Фродо, потому что ширина тропы позволяла теперь двигаться по ней даже четырём-пяти хоббитам в ряд. Но далеко они не ушли: Пин, а за ним Мерри — оба в диком ужасе — примчались обратно.

— Там тролли! — выпалил Пин. — Внизу, на прогалине, совсем рядом! Мы их заметили меж стволов. Такие громадные!

— А вот сейчас вместе посмотрим! — сказал Бродяжник, поднимая с земли палку.

Фродо промолчал, Сэм тоже, но выглядел он весьма испуганным.

Солнце стояло высоко, просвечивало сквозь полуголые ветви и освещало прогалину яркими пятнами света. Хоббиты резко остановились на краю и, затаив дыхание, уставились в просвет между стволами. Там стояли тролли: три громадных тролля. Один пригнулся, а другие застыли, глаза на него.

Бродяжник беззаботно пошёл вперёд.

— Встань, старый камень! — сказал он и сломал свою палку о пригнувшегося тролля.

Ничего не случилось. Раздался изумлённый вздох хоббитов, а затем все, даже Фродо, расхохотались.

— Вот тебе и раз! — сказал Фродо, отсмеявшись. — Надо же: забыть свою фамильную историю! Это, наверно, те самые тролли, которых перехитрил Гэндальф, заставив препираться насчёт того, каким именно способом приготовить тринадцать гномов и одного хоббита.

— У меня и в мыслях не было, что мы окажемся где-то поблизости! — сказал Пин, прекрасно знавший этот рассказ. Бильбо и Фродо повторяли его довольно часто, но дело в том, что молодой Крол никогда не верил этой истории больше, чем наполовину. Он и теперь с подозрением поглядывал на каменных троллей — а ну как оживут?

— Вы забыли не только вашу фамильную историю, но и вообще всё, что когда-либо слышали о троллях, — заметил Бродяжник. — Надо же: вздумали пугать меня тем, что на поляне нас поджидают живые тролли, среди бела дня да при ясном солнышке! Посмотрели бы хоть, что за ухом одного из них торчит старое птичье гнездо. И вы полагаете, что живой тролль такое нацепит?!

Все рассмеялись. Фродо оживился: его подбодрило напоминание о первом, так удачно завершившемся приключении Бильбо. И солнце вдобавок было тёплым и ласковым, а туман перед глазами слегка рассеялся. Они немного передохнули на прогалине и пообедали прямо в тени громадных тролльих ног.

— А может кто-нибудь споёт, пока солнце высоко? — предложил Мерри, когда с едой было покончено. — Мы уже много дней не пели и ничего не рассказывали.

— С Заверти, — уточнил Фродо.

Остальные тут же посмотрели на него.

— Не волнуйтесь! — добавил он. — Мне гораздо легче. Но вот петь я сейчас вряд ли способен. Может быть, Сэм припомнит что-нибудь?

— Давай, Сэм! — сказал Мерри. — У тебя в голове явно больше того, чем ты обычно

выкладываешь.

— Чего не знаю, того не знаю, — отозвался Сэм. — Впрочем, что скажете насчёт вот такого? Конечно, это не настоящая поэзия, если вы понимаете, про что я, — просто так, чепуховинка небольшая. Но она пришла мне на ум при виде этих статуй.

Он встал, заложил, как на школьном уроке, руки за спину, и запел на старый мотив:

На каменном стуле в пещере пустой
Троль с чавканьем кости жуёт.
Грызёт их и гложет год целый, быть может,
Ведь мясо само не придёт!
Давай! Глотай!
В горной пещере один он живёт,
А мясо само не придёт.
Пришлёпал тут Том в больших башмаках,
Сказал: "Эй, плати за ту кость, что в руках!
Ведь это мосол от дядюшки Тима,
По праву его ожидает могила.
Помост! Погост!
Уж с год, как у нас не видели Тима,
Я думал, его поглотила могила!"
Тут троль говорит пареньку: "Погоди!
Я их стащил, значит, кости — мои!
Нельзя что ли вволю несчастному троллю
Дохлого дяди мосол помусолить?
Уплесть! Унести!
Можно ж бедняге старому троллю
Бесплатно с погоста кость помусолить?"

А Том: "Ты болтать-то зря прекрати!
Украл наши кости — так живо плати!
Дядин скелет — не бесплатный обед,
Так выкладывай старые кости!
Гони! Верни!
Дядин скелет — не бесплатный обед,
Так выкладывай старые кости!"

Троль ухмыльнулся и Тому в ответ:
"Я и тебя съем за пару монет,
Могу и задаром сожрать до костей:
Свежее мясо глотать веселей.
Гляди! Беги!
Наскучил мне запах старых костей,
Свежее мясо глотать веселей"

Но только собрался он Тома схватить,
Обед между пальцев утёк.
Увёртливый Том любил пошутить

И дал ему добрый пинок.
Пригнись! Берегись!
Решил по делу башмак применить
И дал ему добрый пинок.

Но мясо и кости покрепче скал
У тролля, что кости в пещере глодал.
Троллиный зад не почуял пинка,
Будто ударили в бок валуна.
Ой-ёй! Ну и вой!
От смеха схватился тролль за бока:
Чтоб пальцы спасти, мало тут башмака.

Еле до дому наш Том дохромал.
Распухла нога — аж башмак не wszedł.
А троллю забава вышла на славу,
И кости остались за ним по праву.
Пинок! Не в прок!
Урок преподнёс тролль Тому на славу,
И кости сберёг для себя по праву!

— Ну просто предупреждение для всех нас! — рассмеялся Мерри. — Хорошо, Бродяжник, что ты стукнул по нему палкой, а не рукой!

— Где ты это откопал, Сэм? — спросил Пин. — Никогда раньше таких слов не слышал.
Сэм пробормотал что-то невнятное.

— Ну, конечно, сам сочинил, — сказал Фродо. — За это путешествие я узнал о Сэме Скромби много интересного. Сначала он был заговорщиком, теперь оказался куплетистом. Кончит он не иначе, как магом, или, чего доброго, воином!

— Надеюсь, что нет, — отозвался Сэм. — Не хочу быть ни тем, ни другим.

После полудня они продолжили спуск по лесу. Похоже, что отряд повторял тот самый путь, который Гэндальф, Бильбо и гномы проделали много лет назад. Спустя несколько миль они вышли на высокий склон около Тракта. Здесь дорога, оставив далеко позади узкую долину Буйной, жалась к самому подножью холмов, петляя среди лесов и поросших вереском склонов на восток, к броду и горам. Чуть ниже по склону Бродяжник показал хоббитам камень в траве. На нем всё ещё не до конца затёртые непогодой виднелись наскоро вырезанные гномьи руны и тайные метки.

— Вот! — сказал Мерри. — Должно быть, это тот самый камень, который указывал место, где было зарыто золото троллей. Любопытно, от доли Бильбо, что-нибудь осталось, а, Фродо?

Фродо смотрел на камень, запоздало желая, чтобы Бильбо никогда не привозил домой более опасных сокровищ, чем это, с которым было бы так же легко расстаться.

— Совсем ничего, — ответил он. — Бильбо всё роздал. Он говорил мне, что никогда не чувствовал это золото своим по праву: всё-таки это разбойничьи деньги.

Безмолвный Тракт был укрыт длинными тенями раннего вечера. По-прежнему никого. Поскольку делать было больше нечего, они спустились на дорогу и заторопились вперёд. Вскоре

плечо нагорья загородило последние лучи низкого закатного солнца. С восточных гор дунул в лицо холодный ветер.

Путники уже начали присматривать место для ночёвки в стороне от Тракта, когда сзади донёсся жуткий, отчётливый и втайне давно ожидаемый стук копыт. Все разом оглянулись, но напрасно: дорога сильно петляла, так что особо не просматривалась. Бросились в сторону, вверх по поросшему вереском и черникой склону, и укрылись в небольшой куртине густого орешника. Тракт виднелся внизу, футак в тридцати, смутно-серый в сумеречном свете. Копыта стучали всё ближе, цокали дробно и чётко; послышался лёгкий, едва уловимый перезвон бубенчиков.

— Что-то не похоже на Чёрного Всадника, — сказал Фродо, напряжённо вслушиваясь.

Хоббиты обнадежено согласились — не похоже; но все же страх не отпускал: после многодневной погони всякий звук казался им недобрым и угрожающим. Однако Бродяжник подался вперёд и наклонился к земле, приложив ладонь к уху; лицо его просияло радостью.

Смерклось; тихо шелестели кусты. А бубенчики переливались всё звонче, дробный перестук приближался — и вдруг из-за поворота стремительно вылетел белый конь, блестящий в сумерках. Уздечка мерцала самоцветами, как звёздными огоньками. За всадником реял плащ; капюшон был откинут, и золотые волосы струились по ветру. Фродо показалось, что сквозь тело и одежду всадника, как через тонкую вуаль, лучится яркий белый свет.

Бродяжник выпрыгнул из орешника и с радостным окликом кинулся к Тракту; но ещё раньше, чем он вскочил и крикнул, всадник поднял взгляд к кустам, служившим им укрытием, и придержал коня. Увидев Бродяжника, он спешился и побежал к нему навстречу.

— Аи на ведуй Дунадан! Мае гованнен! — воскликнул он.

И речь незнакомца, и ясный звонкий голос его не оставляли сомнений: перед ними был эльф. Ни у кого больше в мире нет таких прекрасных голосов. Но в его оклике прозвучала тревога; и хоббиты видели, что он говорит с Бродяжником быстро и озабоченно.

Вскоре Бродяжник поманил их; хоббиты вылезли из кустов и спустились на Тракт.

— Это Глорфиндель, он живет в доме Элронда, — представил эльфа Бродяжник.

— Привет тебе и с долгожданной встречей! — обратился к Фродо высокородный эльф. — Меня выслали из Раздола, чтобы найти тебя. Мы опасались, что на пути тебя ждёт опасность.

— Значит, Гэндальф уже в Раздоле? — обрадовано воскликнул Фродо.

— Нет. Когда я уезжал, его ещё не было, — ответил Глорфиндель, — но уехал я девять дней назад. Элронда достигли тревожные вести: мои родичи по пути через ваши края за Барандуином (так эльфы называют Брендидуин) проведали и тотчас дали нам знать, что по западным землям рыщут Девятеро, а ты с великой ношей блуждаешь без провожатого, ибо Гэндальф не вернулся. Даже в Раздоле мало кому под силу противостоять Девятерым лицом к лицу; но всех, кто может, Элронд выслал к северу, югу и западу. Ведь вы, уходя от погони, могли свернуть далеко в сторону и заплутаться в глуши.

Мне выпало наблюдать за Трактом; семь суток назад я достиг Моста через Митейтиль и оставил вам знак. На мосту ждали трое прислужников Саурона; увидев меня, они отступили к западу. Потом я встретил ещё двух, но они свернули на юг. Тогда я стал искать ваш след, нашёл его два дня назад, проследовал по нему через Мост, а сегодня заметил, где вы снова спустились с холмов. Однако хватит: сейчас не время для рассказов. Раз вы здесь, придётся рискнуть и пойти прямо по Тракту. За нами пятеро; когда они обнаружат ваш след на дороге, примчатся быстрее ветра. Но это ещё не все. Где остальные четверо, я не знаю. Боюсь, что они уже засели у Брода.

Пока Глорфиндель говорил, сгустились вечерние тени, и Фродо ощутил огромную усталость. Ещё на раннем закате туман перед его глазами сгустился; теперь лица его друзей были почти не видны. Впивалась боль и рассылала холод. Он покачнулся и вцепился в плечо

Сэма.

— Моему хозяину плохо, он ранен, — сердито сказал Сэм. — Он не может идти или ехать ночью. Ему нужен отдых.

Глорфиндель подхватил падающего Фродо, принял его на руки и тревожно глянул в лицо.

Бродяжник коротко рассказал об атаке на вершине Заверти, о смертоносном кинжале. Рукоять он сберёг, а сейчас вынул и показал эльфу. Тот содрогнулся, взяв её в руки, но рассмотрел очень внимательно.

— На этой рукояти зловещие письмена, — сказал он, — хотя вашим глазам, они, быть может, и не видны. Спрячь её, Арагорн, у Элронда пригодится. Только будь осторожен и старайся не прикасаться к ней! Увы! Такую рану я не сумею залечить. Сделаю, что смогу, — но теперь ещё сильнее настаиваю на необходимости уходить как можно скорее, без всякого отдыха.

Эльф чуткими пальцами ощупал плечо Фродо, и лицо его ещё более омрачилось. А Фродо вдруг почувствовал, что цепкий холод в боку и немного смягчился, рука слегка согрелась и боль приутихла. Завеса перед глазами проредилась, словно стояло тяжёлое облако. Лица его друзей проступили в вечерних сумерках яснее, и ему прибыло сил и надежды.

— Поедешь на моём коне, — сказал Глорфиндель. — Стремена я укорочу до самого седла, а ты держись крепче. И не бойся: мой конь не уронит седока, которого я прикажу нести ему. Его шаг ровен и легок, а в случае опасности он умчит тебя прочь — чёрные вражеские скакуны ему не соперники.

— Ни в коем случае! — решительно объявил Фродо. — Не сяду я на коня, который понесёт меня к Раздолу или ещё куда-нибудь, в то время как мои друзья останутся в опасном положении где-то позади!

— Без тебя нам вряд ли что грозит, — улыбнулся Глорфиндель. — Погоня за тобой, а не за нами. Ты и твоя ноша — вот главная опасность для твоих друзей.

Возразить на это Фродо было нечего, и ему пришлось сесть на белого коня. Зато мешки навьючили на пони и поначалу пошли быстрее, но вскоре хоббитам стало очень трудно держаться наравне с неутомимой поступью эльфа. Он вел их вперёд сначала сквозь быстро темнеющий вечерний сумрак, потом сквозь ненастную ночную мглу: ни звёзд, ни луны не было. Остановился Глорфиндель только в сером утреннем свете. Пин, Мерри и Сэм ели на ногах держались; Бродяжник и тот как-то ссутулился; Фродо сидел на коне в тяжёлой дрёме.

Они отошли от Тракта на несколько ярдов, бросились в вереск и мгновенно заснули. Однако почти тут же — так им показалось — Глорфиндель, нёсший стражу, разбудил их. Солнце поднялось уже довольно высоко, ночные облака и туманы растаяли.

— Выпейте это! — сказал Глорфиндель, отлив для каждого по глотку какого-то ликёра из своей отделанной серебром кожаной фляги.

Вода и вода, чистая, как из родника, без всякого привкуса, не тёплая и не холодная; но она разливалась по телу силу и вселяла бодрость. Съеденные после неё сушёные яблоки и чёрствый хлеб (больше ничего не осталось) утолили голод гораздо лучше, чем самый обильный завтрак в Хоббитании.

Проспали они меньше пяти часов, а потом снова шли, шли и шли по бесконечной ленте древнего Тракта. Глорфиндель позволил им сделать только две короткие передышки. К вечеру они одолели около двадцати миль и дошли до места, где Тракт поворачивал вправо и уходил по дну долины прямо к Бруиненскому броду. До сих пор хоббиты никакой погони за собой не слышали, но пока они плелись сзади, Глорфиндель часто останавливался, прислушивался, и

лицо его становилось всё тревожнее. Пару раз он обращался по-эльфийски к Бродяжнику.

Но как бы ни тревожились их проводники, было ясно, что на сегодня хоббиты своё прошли. Они спотыкались и пошатывались, мечтая только об одном — дать отдохнуть усталым ногам. Боль терзала Фродо вдвое против вчерашнего, и даже днём ему виделось всё призрачно-серым, словно мир выцвел и странно опустел. Теперь уже он нетерпеливо ждал ночи как избавления от тусклой пустоты.

На следующее утро в предрассветный час хоббиты уже снова брели по дороге — невыспавшиеся, усталые, хмурые. До брода оставалось еще много миль, и они, чуть не падая, каким-то чудом поспевали за проводниками.

— Идём навстречу главной опасности, — сказал Глорфиндель. — Чует моё сердце, что погоня скачет по пятам, а у брода нас ждёт засада.

Дорога неуклонно спускалась; по обочинам всё чаще встречалась трава, и хоббиты с удовольствием шли по ней, давая небольшую передышку ступням. К вечеру с обеих сторон вдруг подступили высокие сосны, а потом путники нырнули в глубокое гулкое ущелье с отвесными влажными стенами из красного камня. Эхо сопровождало их, удваивая и утраивая звуки. Внезапно дорога вырвалась из теснины на простор: перед ними лежала плоская равнина, а за ней примерно в миле брод, ведущий к Раздолу. Противоположный берег был высок и крут; по нему змеилась вверх тропа, а сзади, заслоняя быстро выцветающее небо, громоздились плечом к плечу и пик за пиком высокие горы.

Из ущелья выкатилось оставленное ими эхо — шарканье подошв, стук копыт, и шелест, как от порыва ветра, встревожившего ветви сосен. Глорфиндель обернулся, прислушался — и стремительно рванулся к спутникам с громким криком:

— Бегите! Бегите! Враг рядом!

Белый конь прыгнул вперёд; хоббиты побежали вниз по склону, Глорфиндель и Бродяжник — за ними. Успели пробежать лишь половину дороги, как сзади раскатом гулкового эха грянули копыта. Из ущелья вынесся Чёрный Всадник и придержал коня, покачиваясь в седле. За ним последовал ещё один, и ещё один, затем ещё двое.

— Скачи вперёд! Скачи! — крикнул Глорфиндель Фродо.

Но Фродо подчинился не сразу: странное нежелание сковало его. Он натянул поводья, заставив коня перейти на шаг, и обернулся. Всадники стояли на холме грозными чёрными статуями, а всё вокруг них — лес, трава, утёсы, — таяло, словно в тумане. Вдруг Фродо почувствовал, что они безмолвно командуют ему ждать. В хоббите мгновенно проснулись страх и ненависть. Рука его оставила повод и легла на рукоять меча; обнажённый меч полыхнул багряным блеском.

— Скачи! Да скачи же! — крикнул Глорфиндель, а затем приказал коню по-эльфийски. — Норо лим, норо лим, Асфалот!

Белый конь прыгнул вперёд и быстрее ветра промчался по остатку дороги. В тот же миг рванулись с холма и чёрные кони, а Всадники издали жуткий крик, тот самый, который ужаснул хоббитов в лесу в далёкой Хоббитании. Ответный крик не замедлил, и к ужасу Фродо и его друзей слева из-за скал и деревьев вылетели ещё четыре Всадника. Двое поскакали к Фродо, двое других — наперерез, к броду. Они неслись, как показалось Фродо, со скоростью ветра, становясь, всё больше и чернее, по мере того, как их курсы неуклонно сближались.

Фродо оглянулся через плечо. Друзей уже не было видно. Преследователи немного отстали: даже их чёрные скакуны не могли тягаться с белым конём Глорфинделя. Но потом он глянул вперёд и потерял всякую надежду. Ему не успеть — те двое, ждавшие в засаде, его непременно перехватят. Видел он их теперь совершенно отчётливо: капюшоны и плащи сброшены, под

ними — белые с серым мантии. В бледных руках обнажённые мечи, на головах — шлемы, из-под которых холодно сверкают глаза, а жуткие голоса непрерывно призывают к нему.

Ужас сковал Фродо. Он с трудом удерживал в руке меч и не смел крикнуть, не мог пошевелиться. Зажмурившись, он припал к лошадиному загривку. Ветер свистел в его ушах, а серебряные бубенцы брнчали резко и странно. Его заново пронзил мёртвенный холод; но эльфийский конь рванулся в последний раз, словно у него выросли крылья, и белым сполохом промчался к реке перед самым носом у передового Всадника.

Всплеснула вода, пена закипела у ног Фродо, его обдало брызгами, потом словно приподняло, и он приоткрыл глаза. Конь взбирался по каменистой тропе. Брод остался позади.

Но погоня не отстала. Одолев крутой склон, конь Фродо остановился, повернулся к реке и неистово заржал. На том берегу у самой воды чёрной шеренгой выстроились все девять Всадников, и Фродо сковало отчаяние. Переправятся они мгновенно, как и он, а до Раздола ещё скакать и скакать — всё бесполезно, ему не уйти. И ужасающе внятен стал безмолвный приказ: ни с места. Ненависть вновь шевельнулась в хоббите, но противиться не было никаких сил.

Первый Всадник тронул коня. Тот ступил было в воду, но попятился. Неимоверным усилием Фродо распрямил спину и поднял меч.

— Уходите! — пронзительно крикнул он, срываясь на визг. — Убирайтесь в свой Мордор, и отстаньте от меня!

Всадники приостановились, но в голосе Фродо не было той власти, что у Бомбадила. Ему ответил злорадный хохот.

— Иди сюда! Иди сюда! — хором позвали они. — Ты наш, твоё место в Мордоре!

— Уходите! — прошептал он.

— Кольцо! Кольцо! — откликнулись беспощадные голоса; главный из Всадников пришпорил коня и погнал его в реку, за ним двое других.

— Именем Элберет и прекрасной Лучиэнь клянусь, — проговорил Фродо из последних сил, вздев меч, — Кольца вы не получите! И я не ваш!

Главный из Всадников, который был уже на середине брода, угрожающе поднялся в стременах и поднял руку. Фродо онемел. Язык его прилип к гортани, сердце бешено стучало. Меч переломился и выпал из дрожащей руки. Эльфийский конь всхрапнул и попятился. Первый чёрный скакун уже коснулся было копытом берега.

И в этот момент раздался оглушительный рёв и грохот. То был гул яростного потока, влекущего груды валунов. Фродо смутно увидел, как вся река поднялась и вздыбилась конницей бушующих волн. Их гребни сверкали белым пламенем, и Фродо почудились в нём белые всадники, белые кони, летящие пышные гривы. Водяная лавина обрушилась на троих Чёрных и, бешено пенясь, мигом поглотила их. Остальные шестеро в смятении попятись.

Как сквозь сон Фродо услышал дальние крики, и за Чёрными всадниками, всё ещё мелькавшими на том берегу, ему привиделась сверкающая белая фигура, а за ней мелькали низкие тени, размахивающие красными факелами, которые одни ещё пылали в серой мгле, затянувшей мир.

Чёрные кони, шалея от ужаса, ринулись в поток — его буйный, торжествующий рёв заглушил неистовые вопли Всадников, исчезнувших среди пены и валунов. Падая с коня, Фродо подумал, что ему суждено сгинуть в грохочущем разливе вместе со своими врагами. И лишился чувств.

Глава I

Нежданные встречи

Фродо проснулся, открыл глаза — и сразу понял, что лежит в кровати. Сначала он подумал, что немного заспался после длинного и очень неприятного сновидения, — ему и сейчас ещё было не по себе. Так, значит, он дома, и путешествие ему снилось? Или, может, он долго болел? Но потолок над ним выглядел непривычно и странно: высокий, плоский, с тёмными балками, богато украшенными искусной резьбой. Фродо совсем не хотелось вставать; спокойно лёжа в уютной постели, он разглядывал солнечные пятна на стенах и прислушивался к шуму водопада.

— Где я? И который сейчас час? — спросил он вслух, обращаясь к потолку.

— В доме Элронда, и сейчас утро, десять часов, — прозвучал ответ. — Утро двадцать четвёртого октября, если ты и это хочешь узнать.

— Гэндальф! — воскликнул Фродо и сел.

Так оно и было: старый маг устроился в кресле у открытого окна.

— Да, я здесь, — отозвался он. — Но самое удивительное, что ты тоже здесь — после всех нелепых глупостей, которые ты наделал по дороге.

Фродо опять улёгся. Ему было слишком покойно и уютно, чтобы спорить, да и в любом случае возражать особо не приходилось. Он уже проснулся окончательно и вспомнил всё, что было по пути: и крайне неудачную попытку "срезать напрямик" по Вековечному лесу, и "случайность" в "Гарцующем пони", и свой поистине безумный поступок, когда он надел на палец Кольцо в лощине под Завертью. Пока Фродо размышлял обо всех этих происшествиях и старательно, однако безуспешно, вспоминал, как же он попал сюда, в Раздол, Гэндальф молча попыхивал трубкой, выпуская за окно колечки дыма.

— А где Сэм? — после паузы спросил Фродо. — И все остальные? С ними ничего не случилось?

— Да, все они живы и здоровы, — ответил Гэндальф. — А Сэм дежурил у твоей постели, покуда я его не прогнал отдохнуть, примерно полчаса назад.

— Что же произошло у Брода? — осторожно поинтересовался Фродо. — Всё выглядело так туманно, да и сейчас, признаться, ясности не прибавилось.

— Ещё бы! Ведь ты уже начал развоплощаться, — ответил Гэндальф. — Эта рана в плечо едва тебя не доконала. Ещё несколько часов, и тебе никто не сумел бы помочь. А всё же ты оказался поразительно стойким, мой дорогой хоббит! В Могильнике ты держался просто молодцом. Возможно, это был самый опасный момент из всех. Жаль, что тебе не достало сил у Заверти.

— Тебе, я вижу, уже многое известно, — удивился Фродо. — Про Могильник я ещё никому не рассказывал: сначала боялся об этом вспоминать, а потом нам всем стало не до рассказов. Как же ты-то узнал?!

— Ты разговаривал во сне, Фродо, — мягко объяснил ему Гэндальф. — И я без труда разобрался в твоих мыслях и воспоминаниях. Не тревожься! Хотя я и сказал сейчас "нелепые глупости", но на самом деле считаю, что ты — и остальные — проявили себя просто прекрасно. Немалый подвиг дойти так далеко и сквозь столькие опасности, сохранив при этом Кольцо.

— Мы не добрались бы сюда без Бродяжника, — сказал Фродо. — Но где же был ты? Без тебя я не знал, на что решиться.

— Меня задержали, — ответил Гэндальф. — И это едва нас не погубило. Впрочем, тут я не

слишком уверен: возможно, что всё обернулось и к лучшему.

— Расскажи же, что случилось-то?!

— Всему своё время! Тебе сегодня нельзя много разговаривать и волноваться. Так считает Элронд.

— Зато разговоры помешают мне думать и недоумевать, что не менее утомительно, — возразил Фродо. — Я уже, как видишь, пришёл в себя и помню много непонятного. Что тебя задержало? Объясни мне хоть это!

— Очень скоро ты услышишь решительно всё, что тебя интересует, — сказал Гэндальф. — Как только ты окончательно оправишься, мы соберем Совет. А пока я скажу тебе только одно: я попал в плен.

— Ты?! — воскликнул Фродо.

— Да, я, Гэндальф Серый, — мрачно подтвердил маг. — В мире много могущественных сил, и добрых, и злых. Перед некоторыми даже мне приходится отступать. С некоторыми я ещё никогда не сталкивался. Но мой час близок. В дело вступили Владыка Моргула и его Чёрные Всадники. Приближается война!

— Выходит, ты уже знал про Всадников — ещё до того, как я с ними встретился?

— Знал, и однажды говорил тебе о них, ибо Чёрные Всадники — это призраки Кольца, девять слуг Властелина Колец. Но я не знал, что они опять появились, — иначе немедленно бежал бы с тобой. Мне стало известно про Девятерых только когда я расстался с тобой в июне. Но об этом ты тоже узнаешь чуть позже. Меня задержали далеко на юге, и пока от губельных несчастий нас избавил Арагорн.

— Да, — сказал Фродо, — без Бродяжника мы погибли бы. Однако сначала я побаивался его. А Сэм, мне кажется, так ему и не поверил — по крайней мере, пока мы не повстречали Глорфинделя.

— Слышал я и про это, — улыбнулся Гэндальф. — Ну, больше у него никаких сомнений не осталось.

— Я рад, — сказал Фродо. — Потому что мне очень нравится Бродяжник. Впрочем, "нравится" тут не очень подходящее слово: я его по-настоящему полюбил. Хотя он, конечно же, странный человек и временами казался мне просто зловещим. Но знаешь, он часто напоминал мне тебя. Я даже не представлял, что среди Большого народа встречаются такие люди, как Бродяжник. Мне казалось, что они просто большие и глуповатые: либо добрые и бестолковые, вроде Буттербура, либо тупые и злобные, наподобие Билла Осинника. Впрочем, мы в Шире про людей практически ничего не знаем, если не считать пригорян.

— Вы и пригорян плохо знаете, если ты счёл старину Барлимана бестолковым, — с мимолётной усмешкой заметил Гэндальф. — Он вполне себе на уме. Язык у него работает проворнее, чем голова, но суть-то он и через кирпичную стену разглядит, как говаривают в Бри, правда, не сразу. Однако в Средиземье осталось мало людей, подобных Арагорну, сыну Арахорна. Род Королей из-за Моря почти прекратился. Возможно, эта Война за Кольцо станет их последним деянием.

— Ты хочешь сказать, что предки Бродяжника — это и есть люди Заокраинного Запада? — не поверил своим ушам Фродо. — Я думал их давным-давно нет. Я считал его просто следопытом.

— Просто следопытом! — воскликнул в свою очередь Гэндальф. — Мой милый Фродо, следопыты и есть последние остатки на Севере великого народа людей Запада. В прошлом они не раз мне помогали, да и в будущем мне не обойтись без их помощи. Мы добрались до Раздола, но Кольцу суждено упокоиться не здесь.

— Видимо так, — согласился Фродо. — Но я-то думал: попасть бы сюда... и надеюсь,

дальше мне идти не придётся. Так хочется просто отдохнуть. Я уже целый месяц в пути и в сплошных приключениях — и этого с меня совершенно достаточно. — Фродо умолк и закрыл глаза. Но, немного помолчав, заговорил снова:

— Я тут подсчитывал, и у меня получается, что сегодня только двадцать первое октября, а не двадцать четвёртое. Потому что мы вышли к Броду двадцатого.

— Хватит, — сказал Гэндальф. — Тебе вредно утомляться. Как твоё плечо и бок?

— Не знаю, — ответил Фродо. — Вроде бы никак, что само по себе уже есть улучшение, однако... — он пошевелился, — кажется, рука слегка двигается. Да, она точно возвращается к жизни. И уже не холодная, — добавил он, дотронувшись правой рукой до левой.

— Хорошо! — сказал Гэндальф. — Ты быстро поправляешься и вскоре совсем выздоровеешь. Элронд исцелил тебя: он врачевал твою рану несколько дней, с тех пор, как тебя сюда принесли.

— Дней? — удивлённо перебил его Фродо.

— Три дня и четыре ночи, если быть точным. Эльфы принесли тебя с Брода вечером двадцатого, — последний день, который ты запомнил. Мы все ужасно тревожились, а Сэм так вообще не отходил от тебя ни ночью, ни днём — разве что бегал по поручениям. Элронд искусный и опытный целитель, но оружие Врага беспощадно и смертоносно. Честно говоря, я почти ни на что не надеялся, ибо подозревал, что в твоей ране остался обломок клинка. Но его удалось обнаружить только прошлой ночью, после чего Элронд извлёк его. Он ушёл глубоко и неотвратимо пробирался ещё глубже.

Фродо вспомнил зазубренный кинжал, исчезающий в руке Бродяжника, и содрогнулся.

— Не пугайся! — сказал Гэндальф. — Он исчез. Истаял. Но ты сумел доказать нам, что хоббиты цепко держатся за этот мир. Многие могучие воины из Большого народа, которых я знал, стали бы призраками от раны, нанесённой моргульским клинком, меньше чем в неделю, а ведь ты сопротивлялся семнадцать дней!

— А что было бы, если бы я не выдержал? — спросил Фродо. — Что эти Чёрные Всадники собирались со мной сделать?

— Они пытались пронзить твоё сердце моргульским клинком, который остаётся в ране. Если бы им это удалось, ты стал бы таким же, как они, но слабее — и вынужден был бы им подчиниться. Ты превратился бы в призрака, подвластного Чёрному Властелину, и он вечно мучил бы тебя за попытку присвоить его Кольцо; если только есть мука страшнее, чем видеть отобранное у тебя Кольцо на его пальце.

— Хорошо, что я не знал об этой ужасной опасности! — снова содрогнувшись, прошептал Фродо. — Я и без того смертельно перепугался, но если б я знал тогда, чем рискую, то даже шевельнуться бы — и то не посмел. Просто чудо, что мне удалось спастись!

— Да, тебе помогло слепое счастье... или судьба, — сказал Гэндальф. — Я уж не говорю про твою отвагу! Ибо Чёрному Всаднику не удалось всадить клинок тебе в сердце: ты был ранен только в плечо; а всё потому, что сопротивлялся до последнего. И всё же ты был на волосок от гибели, потому что, надев Кольцо, ты сам наполовину очутился в призрачном мире. Ты увидел Всадников, а они — тебя. Ты как бы сам отдался им в руки.

— Я знаю, — сказал Фродо. — Они оказались такими жуткими! Только почему мы видим их коней?

— Потому что это настоящие кони, из плоти и крови. Да и чёрные плащи тоже самые обычные — они лишь скрывают их бесплотность, когда Всадникам приходится общаться с живыми.

— Тогда почему же эти живые кони не боятся таких седоков? Ведь всех других животных охватывает страх, если к ним приближаются Чёрные Всадники. Даже конь Глорфинделя — и

тот испугался. Собаки скулят, гуси гогочут...

— Потому что их кони рождены и выращены в Мордоре, чтобы служить вассалам Чёрного Властелина. Не все его слуги — бесплотные призраки. Ему подвластны орки и тролли, варги и волколаки, а кроме того были и все ещё есть множество людей, королей и воинов, которые ходят живыми под солнцем, и всё же выполняют его волю. И число их растёт день ото дня.

— А Раздол? А эльфы? Над ними-то он не властен?

— Сейчас — нет. Но если ему удастся покорить весь мир, не устоят и эльфы. Эльфы могут бояться Чёрного Властелина, бежать от него, но никогда больше они не прислушаются к нему и не станут ему служить. А здесь, в Раздоле, до сих пор живут его главные враги: Мудрые эльфы, Владыки из рода Эльдер, пришедшие из-за Заокраинного Моря. Им не страшны призраки Кольца, потому что те, кто жил в Благословенной Земле, пребывают одновременно в обоих мирах, и способны справиться как со Зримыми, так и с Незримыми.

— Мне показалось, что я видел сверкающую белую фигуру, которая не таяла в дымке, как всё прочее. Так это был Глорфиндель, да?

— Да, ты увидел его в миг, когда он был на другой стороне. Ведь Глорфиндель принадлежит к знати Перворождённых, он — лорд из дома эльфийских принцев. Словом, в Раздоле отщутся силы, способные на время сдержать мощь Мордора, — да и в других местах такие силы есть. Даже у вас, в Шире, пусть и иного рода. Но если течение событий не изменится, все свободные земли превратятся в островки, окружённые океаном воинства, которое двинет на них Чёрный Властелин... И всё же, — маг внезапно поднялся, и его борода грозно встопорщилась, — мы должны сохранять спокойное мужество. Ты скоро совсем поправишься — если я не заговорю тебя сегодня до смерти. Здесь, в Раздоле, нам ничто не угрожает, до поры до времени. Так что не тревожься.

— Мужества у меня нет, так что сохранять мне нечего, — отозвался Фродо. — Но я сейчас и не тревожусь. И всё-таки, расскажи мне о моих друзьях и о том, чем всё кончилось у Брода, — и на сегодня с меня хватит. Меня что-то клонит ко сну, но пока ты не расскажешь, что с ними случилось, всё равно не смогу уснуть.

Гэндальф пододвинул кресло к кровати и окинул Фродо испытующим взглядом. На щёки хоббита вернулся румянец, глаза ясные и спокойные. Он улыбался и выглядел вполне здоровым, но от взгляда мага не укрылось слабое, почти неуловимое изменение: тело хоббита, и особенно его левая рука, неподвижно лежащая поверх одеяла словно бы стали чуть-чуть прозрачными.

"Впрочем, этого следовало ожидать, — подумал про себя Гэндальф. — А ведь он не прошёл даже половины пути, и что с ним случится, когда он его закончит, не сумеет предсказать и сам Элронд. Думаю, ничего дурного. Возможно, он будет как хрустальный сосуд, наполненный чистым светом, для глаз, которые способны видеть".

— Выглядишь ты прекрасно, — сказал он вслух. — Думаю, короткий рассказ тебе не повредит. Я не буду спрашивать разрешения у Элронда, но расскажу лишь вкратце — учти! — а потом тебе снова нужно будет поспать. У Брода, насколько мне удалось разобраться, произошло следующее: как только ты поскакал к реке, Чёрные Всадники ринулись за тобой. Ты стоял на пороге их мира, поэтому они ясно тебя видели и не должны были полагаться на зрение коней. И кроме того их притягивало Кольцо. Твои друзья отпрыгнули с их пути, иначе были бы просто растоптаны. Они были не в силах ни догнать Всадников, ни противостоять им. Вся надежда оставалась на белого коня, — лишь он мог спасти тебя. Без лошадей даже Глорфиндель с Арагорном не выстояли бы против всех Девятерых зараз.

Потом, когда Кольценосцы умчались, твои друзья побежали к реке. Неподалеку от Брода у самой дороги есть полускрытая низкорослыми деревьями лощина. Там они быстро развели огонь, поскольку Глорфиндель знал, что, если Всадники сунутся в реку, она разольётся буйным

потоком, а ему придётся вступить в бой со всеми, кто останется на этом берегу. Как только разбушевались волны, он ринулся вперёд, сопровождаемый Арагорном и остальными с горящими сучьями в руках. Очутившись между огнём и водой и увидев высокородного эльфа, раскрывшего себя в своём гневе, Всадники смешались, а их кони мгновенно взбесились от страха. Трёх смыло первыми же волнами прилива, остальных обезумевшие лошади тоже затащили в реку, и их подхватило водоворотом.

— Значит, Чёрным Всадникам настал конец? — спросил Фродо.

— Нет, — ответил Гэндальф. — Наверняка погибли только их кони, а без них им просто никуда. Но самих призраков Кольца так легко не уничтожить. Хотя пока их можно уже не бояться. Когда разлив окончательно схлынул, твои друзья переправились через реку и нашли тебя. Ты лежал ничком на высоком берегу, холодный и бледный, а под тобой валялся твой сломанный меч. Конь стоял рядом, охраняя тебя. Друзья боялись, что ты умер, или даже хуже. Вышедшие навстречу вам эльфы встретили их, когда они медленно несли тебя к Раздолу.

— А кто устроил Разлив? — спросил Фродо.

— Элронд, — сказал Гэндальф. — Река этой долины покорна его воле и поднимается в гневе, когда ему необходимо срочно оборонить Брод. Как только предводитель Кольценосцев коснулся воды, Элронд вызвал прилив. Ну и я добавил, так сказать, несколько штрихов. Не знаю, успел ты заметить или нет, но часть волн приняла форму белых скакунов с сияющими белыми всадниками на них, а за конницей, подгоняемые ревущими волнами, катились сметающие всё на своём пути валуны. Когда я увидел всю ярость разлива, то на мгновение испугался, что мы переусердствовали и не сможем обуздать водяное войско, но всё обошлось: вас река не тронула. Да, мощная сила скрыта в водах, стекающих со снегов Мглистых гор.

— Да, теперь я вспомнил, — воскликнул Фродо. — Я услышал страшный рёв и решил, что нам всем суждено утонуть — и мне, и Всадникам, и моим друзьям. Зато больше нам ничто не угрожает!

Гэндальф кинул на Фродо быстрый взгляд, но тот уже закрыл глаза.

— Ты прав, — сказал маг. — Пока вам больше ничто не угрожает. Скоро здесь будет праздник и пир в честь победы у Бруиненского Брода, и там вас ожидают почётные места.

— Замечательно! — отозвался Фродо. — Знаешь, меня до сих пор удивляет, что все эти великие владыки — Элронд, Глорфиндель, не говоря уж о Бродяжнике, взяли на себя труд позаботиться о нас и были со мной так любезны...

— Ну, на то у них были причины, — улыбнулся Гэндальф, — и весьма веские. Во-первых, я просил их об этом. Во-вторых, Кольцо: ведь ты его хранитель. Кроме того, ты наследник Бильбо, который нашёл это Кольцо.

— Милый Бильбо! — сонно пробормотал Фродо. — Где-то он сейчас? Вот бы рассказать ему о наших неурядицах. Они бы его наверняка позабавили... "Вверх подпрыгнула корова"! И "несчастный старый тролль"!..

С этими словами Фродо уснул.

Итак, Фродо благополучно добрался до Последней Обители к востоку от Моря. В этой Обители, как говаривал Бильбо, было приятно и есть, и спать, и рассказывать, и петь, и просто сидеть и размышлять, и заниматься всем понемножку. Те, кто попадали туда, мигом исцелялись от усталости, страха и печали.

Под вечер, когда Фродо проснулся снова, он почувствовал, что спать ему уже совершенно не хочется, а хочется есть и, пожалуй, выпить бокал вина, после чего вполне можно будет обратиться к песням и рассказам. Он откинул одеяло, соскочил на пол — и с радостью ощутил, что его левая рука действует почти так же хорошо, как раньше. На стуле у кровати лежала

чистая одежда из зелёной материи, которая пришлась ему как раз в пору. Одеваясь, он глянул на себя в зеркало и с удивлением обнаружил, что очень исхудал: он опять напоминал того юного племянника Бильбо, который с удовольствием бродил с ним по тропинкам Шира; но глаза, смотревшие на него из зеркала, были глазами зрелого хоббита.

— Да, ты кое-что повидал с тех пор, как глядел на меня из зеркала в Хоббитании, — сказал Фродо своему отражению. — Ну как, доволен, что мы опять встретились?

Он раскинул руки, сладко потянулся и начал насвистывать.

В это время кто-то постучал в дверь, и на пороге комнаты появился Сэм. Он подбежал к Фродо, бережно взял и слегка пожал его левую руку, а потом вспыхнул и смущённо отвернулся в сторону.

— Привет, Сэм! — весело сказал Фродо.

— Тёплая! — пробормотал Сэм. — Это я про вашу руку, мистер Фродо. Ведь столько долгих ночей она была у вас ледышка-ледышкой. Гип-гип-ура! — воскликнул он, снова поворачиваясь с сияющими глазами и пританцовывая. — Я рад, сэр, видеть вас снова самим собой и на ногах! Гэндальф послал меня, чтобы я у вас спросил, готовы ли вы спуститься вниз. Я было решил, что он шутит.

— Вполне готов, — сказал ему Фродо. — И мне не терпится повидать всех остальных!

— Я отведу вас к ним, сэр, — предложил Сэм. — Это ведь огромный дом, и очень необычный. Масса всяких закоулков, и никогда не знаешь, что ждёт тебя за углом. А эльфы, сэр! Куда ни пойдёшь, кругом эльфы! Одни как короли, грозные и ослепительные, так что на них даже глядеть боязно, а другие — ну чистые дети! И всюду музыка, всюду песни. Мне-то, конечно, слушать особо не хотелось, да, признаться, и некогда было, но я тут уже немного освоился.

— Я знаю, почему у тебя не было времени, — с благодарностью в голосе перебил его Фродо. — Зато уж сегодня ты всласть повеселишься и наслушаешься тоже! Идём, покажи мне здешние закоулки.

Они миновали несколько коридоров, спустились по нескольким высоким лестницам и вышли в прекрасный сад, разбитый на высоком берегу реки. Здесь, на просторной веранде у восточного торца дома Фродо увидел своих друзей. Долина внизу уже погрузилась в тени, но на склонах далёких гор ещё играло заходящее солнце. Предвечерний сумрак был прозрачным и тёплым, звучно шумел водопад, а воздух был напоён ароматов цветов, запахом трав и свежей листвы, как будто здесь, в садах Элронда, остановилось на отдых отступающее лето.

— У-р-р-р-ра! — вскакивая, закричал Пин. — Вот он — наш благородный родич! Дорогу Фродо, Властелину Кольца!

— Цыц! — резко оборвал его Гэндальф, сидевший в тени в глубине веранды. — Злу нет доступа в эту долину, но всё же не следует его сюда призывать. Властелином Колец величают не Фродо, а хозяина Чёрного замка в Мордоре, чья тень снова распростёрлась над миром! Мы укрылись в надёжной крепости. Но вокруг неё сгущается мрак.

— Вот так вот он нас беспрестанно и подбадривает, — пробурчал Пин, обращаясь к Фродо. — И считает, что меня надо постоянно одёргивать. Но в этом доме почти невозможно думать о чём-нибудь мрачном или грустном. Мне тут всё время хочется петь — только не знаю я подходящей песни.

— Да и у меня тоже песенное настроение, — радостно рассмеявшись, заметил Фродо. — Но сначала мне хотелось бы поесть и выпить!

— С этим здесь просто, — сказал ему Пин. — Тем более что тебе не изменил твой нюх: ты сумел проснуться как раз к обеду.

— Не к обеду, а к пиру! — поправил его Мерри. — Едва только Гэндальф объявил, что ты

выздоровливаешь, началась подготовка.

Не успел он договорить, как зазвонили колокольчики, созывающие гостей к праздничному столу.

Трапезный зал в доме Элронда был полон: в основном здесь собрались эльфы, но были и другие народы. Элронд, как обычно, занял роскошное кресло во главе длинного стола, стоявшего на возвышении; по одну руку от него сел Глорфиндель, по другую Гэндальф.

Фродо смотрел на них — и не мог насмотреться: ведь Элронда, героя стольких легенд, он видел впервые, а Глорфиндель и Гэндальф — даже Гэндальф, которого он вроде бы знал, — обрели рядом с ним свой истинный облик — облик достойных и могущественных лордов.

Гэндальф был ниже Элронда и Глорфинделя, но его длинные белые волосы, густая серебрящаяся борода, покрытое морщинами лицо и широкие плечи делали его похожим на короля из древней легенды; а его зоркие глаза под снежными бровями напоминали приугасшие до времени угольки, способные вспыхнуть в любое мгновение ослепительным — если не испепеляющим — пламенем.

Глорфиндель — высокий, статный, с волосами, отливающими светлым золотом, с яркими, пронзительными глазами и музыкальным голосом — казался юным, отважным и беззаботным, но чело его говорило о мудрости, а руки о силе.

По лицу Элронда возраст не угадывался: оно, вероятно, казалось бы молодым, если б на нём не отпечатался опыт бессчётных — и радостных и горестных — лет. На его густых пепельных волосах неярко мерцала серебряная корона, а в серых, словно светлые сумерки, глазах трепетали неуловимо поблёскивающие звёздные искры. Он выглядел мудрым, как древний властитель, и могучим, как зрелый, опытный воин. Да он и был воином-властителем, этот исконный Владыка Раздолов, пользующийся равным уважением среди эльфов и людей.

В середине стола напротив стены, украшенной шпалерами, в кресле под балдахином сидела прекрасная гостья, но в чертах её лица, женственных и нежных, повторялся — или, вернее, угадывался — мужественный облик хозяина дома, и вглядевшись внимательней, Фродо понял, что она не гостья, а родственница Элронда. Была ли она юной? И да и нет. Изморозь седины не серебрила её волосы, и лицо у неё было по-юношески свежим, как будто она только что умылась росой, и чистым блеском предрассветных звёзд лучились её светло-серые, как ясная северная ночь, глаза... но в них таилась зрелая мудрость, которую даёт только жизненный опыт, только опыт прожитых на земле лет. В её невысокой серебряной диадеме мягко светились круглые жемчужины, а по вороту серого, без украшений, платья тянулась чуть заметная гирлянда из листьев, вышитых тонкой серебряной нитью.

Такой предстала перед Фродо та, кого доводилось видеть немногим смертным: Арвен, дочь Элронда, в которой, как говорила молва, на землю воротилась краса Лучиэнь; а эльфы называли её Андомиэль: для них она была Вечерней Звездой. Долго жила она в Лориэне, долине за горами, вместе с роднёй по материнской линии, и лишь недавно возвратилась в дом отца, в Раздол. А её братья, Элладан и Элроил, странствовали где-то далеко; часто уходили они со следопытами Севера, потому что никогда не забывали о мучениях своей матери в логовищах орков.

Красота Андомиэль ошеломила Фродо — он с трудом верил, что живое существо может быть таким ослепительно красивым; а узнав, что ему приготовлено место за столом Элронда, он почти испугался: его смутила столь высокая честь. В особом кресле с несколькими подушками он был не ниже остальных гостей, но самому-то себе он казался крохотным и недостойным своих замечательных сотрапезников. Однако это чувство вскоре прошло. За столом царило непринуждённое веселье, а обильная и поразительно вкусная еда была под стать его аппетиту,

так что некоторое время он смотрел главным образом в тарелку.

Но, утолив первый голод, он поднял голову, отыскивая взглядом своих друзей. Они сидели у верхнего конца одного из боковых столов, совсем рядом с возвышением, где стоял главный стол, — Пин, Мерри и его верный Сэм. Фродо вспомнил, как Сэма убеждали, что здесь он не слуга, а почётный гость — он хотел прислуживать Фродо. Однако Бродяжника Фродо не увидел.

Справа от Фродо восседал гном — необычайно важный и богато одетый. Его раздвоенная седая борода ниспадала на ослепительно белый камзол, закрывая пряжку серебряного пояса. С шеи спускалась массивная серебряная цепь, украшенная бриллиантами. Заметив, что Фродо на него смотрит, гном повернулся к нему и сказал:

— Здравствуй и процветай, уважаемый хоббит! — Он встал с кресла и, поклонившись, добавил: — Глоин, к вашим услугам, — а потом отвесил ещё один поклон.

Фродо удивился, однако не растерялся. Он встал и, не обратив ни малейшего внимания на посыпавшиеся с кресла подушки, ответил:

— Фродо Торбинс, к вашим услугам и к услугам вашей семьи. — Он поклонился гному и с интересом спросил: — Скажи, пожалуйста, ты — тот самый Глоин, один из двенадцати спутников великого Торины Дубошита?

— Совершенно верно, — подтвердил гном. — Он поднял с пола упавшие подушки и помог Фродо забраться в кресло. — Тебе я подобного вопроса не задаю, поскольку мне уже сообщили, что ты родственник и наследник нашего знаменитого друга Бильбо. Позволь мне поздравить тебя с выздоровлением.

— Большое спасибо, — искренне поблагодарил Фродо.

— Я слышал, что тебе и твоим спутникам довелось пережить в пути несколько очень странных приключений, — продолжил гном. — Хотел бы я знать, что могло заставить целых четверых хоббитов отправиться в путешествие? Ничего подобного не случалось со времён Бильбо. Впрочем, может быть, я слишком назойлив? Элронд и Гэндальф дали мне понять, что они не желают об этом распространяться.

— Их мудрость не вызывает у меня сомнений, — осторожно, но вежливо ответил Фродо. Он решил, что даже в гостях у Элронда о Кольце следует говорить с осторожностью; да ему и не хотелось о нём говорить. — Должен сознаться, — добавил он, — что мне в свою очередь не терпится узнать, зачем всеми уважаемый гном пустился в долгое и опасное путешествие, покинув свои чертоги в Одинокой Горе?

— Мудрость Элронда и Гэндальфа несомненна, — тонко усмехнувшись, заметил Глоин. — Они намерены собрать Совет, и на нём, я думаю, мы многое узнаем. А пока — Глоин опять усмехнулся, — не поговорить ли нам о чём-нибудь другом?

Они понимающе поглядели друг на друга и завели разговор об их родных местах, который не иссякал до конца застолья. Вернее, говорил главным образом Глоин, потому что Хоббитанию, как считал Фродо, серьёзные происшествия обходили стороной (он твёрдо решил не упоминать о Кольце), а гному было что порассказать про последние события на севере Глухоманья. Он поведал Фродо, что владыкой земель между Мглистыми горами и Лихолесьем стал теперь Гимбеорн Старый, сын Беорна, и границы его обширных владений не смеют нарушать ни орки, ни варги.

— Я уверен, — оживлённо рассказывал Глоин, — что по старой дороге из Дола в Раздол можно путешествовать, ничего не опасаясь, только благодаря беорнингам. Эти доблестные люди не дают перекрыть Горный Перевал и Брод у Крутня. Но их пошрины высоки и они по-прежнему не жалуют гномов, — покачив головой, добавил Глоин. — Зато в них нет ни капли вероломства, а это сегодня многого стоит. Но лучше всего к нам относятся люди из Дола. Хороший народ, эти бардинги. Сейчас ими правит внук Барда Лучника, старший сын Бейна,

король Бранд. Он могуч, и его королевство теперь простирается далеко к югу и востоку от Эсгарота.

— А как поживает твой народ? — спросил его Фродо.

— У нас произошло множество событий, и плохих, и хороших, — ответил Глоин. — Но хороших, пожалуй, всё-таки больше. До сих пор нам везло, хотя тень от тучи, нависшей над Средиземьем, пала и на нас. Если хочешь, я с удовольствием расскажу тебе про нас поподробней. Но как только устанешь, сразу же оборви меня! На гнома, говорят, не найдёшь угомона, когда он растолкуется про свою кузницу.

И Глоин начал подробный рассказ о судьбе Подгорного царства гномов. Он встретил внимательного и чуткого слушателя: Фродо не прерывал его, не показывал, что устал, ни разу не попытался сменить тему, хотя уже через четверть часа перестал улавливать смысл рассказа, потерявшись среди многих странных имён и земель, о которых он и слыхом не слыхивал. Его, правда, порадовала весть о Даине — тот по-прежнему правил Подгорным царством. Ему шёл двести пятьдесят первый год, он пользовался всеобщим уважением и любовью, и был сказочно богат. Из десяти участников знаменитого похода, оставшихся в живых после Битвы Пяти армий, семеро так и оставались с ним: Двалин, Глоин, Дори, Нори, Бифур, Бофур и Бомбур. Бомбур стал таким толстым, что не может перебраться с дивана за стол — перед трапезой его поднимают шестеро молодых гномов.

— А что случилось с Балином, Ори и Оином? — спросил Фродо.

Лицо Глоина омрачилось.

— Мы не знаем, — ответил он. — В основном из-за Балина-то я и пришёл сюда просить совета у тех, кто живёт в Раздоле. Но сегодня давай поговорим о чём-нибудь более весёлом!

И Глоин пустился в описание всего, что гномы успели сделать в Доле и под Горой.

— У нас есть на редкость искусные мастера, — говорил он, — хотя в работе с металлом мы не в силах соперничать с нашими отцами, поскольку многие древние секреты утеряны. Оружие получается неплохое, однако до захвата Горы драконом кольчуги были прочнее, а мечи — острей, чем сейчас. Зато в рудном деле и строительстве мы превзошли своих предков. Посмотрел бы ты на каналы в Доле, на пруды и фонтаны! Видел бы мощёные цветными плитками дороги! А подземные залы и сводчатые переходы с каменными деревьями-колоннами, а террасы и башни на склонах Горы! Тогда бы ты смог воочию убедиться, что мы не бездельничали.

— Если смогу, я обязательно к вам наведаюсь, — пообещал Фродо. — Представляю, как изумился бы Бильбо, если бы увидел, как изменилась Драконова Пустошь!

— Ты его очень любишь, не так ли? — заметил Глоин и, посмотрев на Фродо, лукаво улыбнулся.

— Ещё бы! — воскликнул хоббит. — Да за одну встречу с ним я отдал бы все красоты и башни на свете!

Между тем пир подошёл к концу. Элронд и Арвен, встав из-за стола, направились к выходу из Трапезного зала, а за ними чинно последовали гости. Двери распахнулись, они миновали широкий коридор, ещё одни двери и вступили в следующий зал. Столов здесь не было, зато в огромном камине с резными колоннами по бокам ярко пылал огонь.

Рядом с Фродо незаметно очутился Гэндальф и пояснил:

— Это Каминный зал. Сейчас ты услышишь множество песен и преданий — если не уснёшь, конечно. Здешняя обстановка хорошо убаюкивает. В камине всегда поддерживают огонь; другого освещения практически нет. Обычно тут всегда пусто и тихо, если не считать праздничные дни, поэтому сюда приходят те, кто хочет отдохнуть и поразмышлять.

Когда Элронд занял своё обычное место, эльфы-менестрели начали петь, мелодично аккомпанируя себе на лютнях. Зал постепенно наполнялся, и Фродо с удовольствием смотрел на множество прекрасных лиц, освещённых золотистыми отсветами пламени, и любовался мягким блеском волос. Неожиданно он заметил с другой стороны камина одинокую фигурку и сочувственно подумал, что видит больного: тот сидел, прислонившись к колонне и опустив, как в глубоком сне, голову на грудь; лицо закрывал край тёмного плаща; рядом, прямо на полу, стояла чашечка для воды и лежал ломтик хлеба. "Бедный, он не смог прийти на пир, — подумал Фродо. — Но разве здесь болеют?"

Элронд встал и приблизился к камину.

— Пробудись, мой маленький друг, — сказал он с улыбкой. Потом обернулся к Фродо и добавил: — Приготовься. Наступает миг, о котором ты мечтал, Фродо. Вот друг, которого тебе так не хватало.

Тот, кто сидел у камина, поднял голову и откинул плащ.

— Бильбо! — радостно вскричал Фродо, бросаясь к нему.

— Здравствуй, малыш, — отозвался Бильбо. — Вот, наконец-то, и ты. Я знал, что ты сможешь пробраться в Раздол. Чудно, чудно! Итак, сегодняшней пир посвящён тебе, как я слышал? Надеюсь, тебе было весело?

— Почему же тебя-то на нём не было? — воскликнул Фродо. — И почему я тебя до сих пор не видел?

— Потому что ты спал, — ответил Бильбо. — А я навещал тебя каждый день и сидел с Сэмом у твоей постели. Что же до пиров, то последнее время я редко принимаю в них участие. У меня есть много дел поважнее.

— А что ты делаешь?

— Ну как же: сижу и размышляю. Это чрезвычайно важное дело. И заниматься им, как правило, лучше всего здесь. Если только тебе не кричат "пробудись!", — добавил он, покосившись на Элронда, и глаза у него были вовсе не заспанные. — "Пробудись!" Я не спал, господин Элронд. Если желаете знать, вы все слишком рано закончили пир и помешали мне, а я как раз сочинял песню, но застрял на паре строк и размышлял над ними, только теперь уж, наверное, они так у меня и не сложатся. Здесь будет столько пения, что у меня все идеи из головы повылетят. Остаётся одна надежда — на помощь Дунадана. А кстати, где он?

— Его непременно отыщут, — рассмеявшись, пообещал хоббиту Элронд. — Вы уединитесь где-нибудь в уголке, и ты завершишь свою песню, а потом, под конец праздника, мы её послушаем и оценим.

За другом Бильбо тут же отправились, хотя никто не знал, где он и почему его не было на пиру.

Тем временем Фродо и Бильбо уселись рядом, а около них тут же пристроился Сэм. Хоббиты принялись оживлённо болтать в полголоса, не обращая внимания на праздничный гомон и удивительно мелодичные песни эльфов. У Бильбо было немного новостей. Он ушёл из Хоббитании куда глаза глядят, и оказалось, что глядят они в Раздол: ему хотелось жить среди эльфов.

— Я добрался сюда без всяких приключений, — рассказывал он, — немного отдохнул и отправился в Дол навестить моих друзей гномов. Это было моё последнее путешествие. Больше уж я никуда не пойду. Старины Балина там не оказалось. Потом я вернулся в Раздол, ну и обосновался здесь. Подельваю то да сё. Книгу свою помаленьку вот дописываю, ну и, конечно, изредка сочиняю песни. Эльфы их иногда поют — наверное, чтобы доставить мне удовольствие, потому что на самом деле для Раздола они не очень-то хороши. А ещё я слушаю и размышляю. Время здесь словно бы и не движется: оно просто есть, и всё. Поразительное место, что и

говорить.

В Раздол стекаются все важные новости из-за Гор и с Юга, но я почти ничего не слышал о Хоббитании — только последние вести про Кольцо. Гэндальф бывал здесь часто, но только от него много не узнаешь: он стал даже более скрытным, чем раньше. Дунадан и тот рассказал мне больше. Подумать только, что моё колечко принесло столько тревог! Какая жалость, что Гэндальф так поздно во всём разобрался. Ведь я мог совершенно беспрепятственно принести его сюда сам много лет назад. Я подумывал даже, что стоит, пожалуй, вернуться в Торбу и забрать его, но я уже стар, да и они бы мне этого не позволили: я имею в виду Элронда с Гэндальфом. Они, похоже, уверены, что Враг повсюду меня разыскивает и, если поймает где-нибудь в глуши, то в колбасный фарш превратит.

А Гэндальф сказал: "У Кольца теперь новый хранитель, Бильбо. И если ты снова попытаешься вмешаться, это не принесёт добра ни тебе, ни другим". Странное высказывание, как раз в духе Гэндальфа. Но он обещал присмотреть за тобой, я и оставил всё, как есть. Страшно рад видеть тебя здесь живым и здоровым.

Бильбо помолчал, потом нерешительно посмотрел на Фродо.

— Оно у тебя с собой? — спросил он шёпотом. — Знаешь, после всего, что я слышал, я просто не в силах сдержать любопытства. Мне ужасно хочется ещё разок на него взглянуть.

— С собой, — помедлив, ответил Фродо. Ему — он и сам не понимал отчего — очень не хотелось вынимать Кольцо. — Оно выглядит точно так же, как раньше.

— Да, но мне бы только взглянуть разочек, — повторил Бильбо.

Одеваясь, Фродо обнаружил, что, пока он спал, кто-то повесил Кольцо на новой цепочке ему на шею. Цепочка была лёгкой, но прочной. Фродо медленно извлёк его. Бильбо протянул руку, но Фродо мгновенно отдёрнул Кольцо. К своему глубокому и горестному потрясению он внезапно обнаружил, что Бильбо куда-то исчез. Между ними словно упала пелена, сквозь которую на Фродо жадно глядела мелкая сморщенная тварь с голодным лицом и костлявыми, беспокойно шарящими руками. Ему захотелось ударить её.

Мелодичная музыка запнулась и заглохла. Бильбо глянул Фродо в лицо и провел рукой по глазам.

— Теперь я понимаю, — прошептал он. — Убери его! Прости меня: прости, что взвалил на тебя эту ношу, прости за всё. Неужели приключения никогда не кончатся? Видимо, так. Кто-то обязательно должен продолжить историю. Что ж, тут ничего не поделаешь. Интересно, есть ли смысл заканчивать начатую мной книгу? Впрочем, не хочу сейчас про это думать. Давай, перейдём к настоящим Новостям. Расскажи мне о Хоббитании!

Фродо спрятал Кольцо, и пелена исчезла, едва оставив по себе зарубку в памяти. Снова звучала вокруг музыка, пылал в камине огонь, а рядом сидел улыбающийся Бильбо и заморожено слушал рассказ Фродо и поддакивания Сэма. Любые вести из родной Хоббитании, будь то вновь посаженное дерево или проказа малолетнего сорванца доставляли ему огромное удовольствие. Увлечённые жизнью Четырёх уделов, хоббиты не обратили внимания на рослого человека в тёмно-зелёном плаще, который неслышно приблизился и долго смотрел на них с доброй улыбкой. Наконец Бильбо заметил его.

— А вот и Дунадан! — сказал он племяннику.

— Бродяжник! — удивлённо воскликнул Фродо. — У тебя, оказывается, много имён.

— Во всяком случае, такого имени мне слышать не доводилось! — вмешался Бильбо. — За что ты его так прозвал?

— Так меня называют в Бри, — рассмеялся Бродяжник. — Под этим именем меня и представили.

— А почему ты зовёшь его Дунадан?

— Так величают Арагорна эльфы, — объяснил ему Бильбо. — Мне казалось, ты достаточно знаком с их языком, чтобы перевести "дун-адан": человек Запада, нуменорец. Впрочем, сейчас не время для уроков! — Он отвернулся от Фродо и обратился Бродяжнику: — Где ты был, дружище? Почему тебя не видели на пиру? Там была леди Арвен.

— Знаю, но мне часто не хватает времени на радости, — серьёзно ответил хоббиту Арагорн. — Неожиданно вернулись Элладан с Элроилом. Мне надо было поговорить с ними немедленно — они привезли важные известия.

— Да-да, я понимаю, друг мой, — сказал Бильбо. — Но теперь, когда ты услышал их новости, у тебя найдётся немного времени? Мне не обойтись без твоей помощи. Элронд сказал, что этим вечером он хочет услышать мою новую песню, а я что-то застрял. Давай отойдём в уголок и закончим её!

— Давай, — улыбаясь, согласился Арагорн.

Фродо оказался предоставленным самому себе, потому что Сэм успел уснуть. Он чувствовал себя одиноким и заброшенным, хотя вокруг было много эльфов. Но они, не обращая на него внимания, отрешённо слушали песни менестрелей. Фродо тоже стал слушать.

Мгновенно красота мелодии и музыка вплетённых в неё, пусть и почти непонятных, слов заворожала его. Казалось, что слова обретают форму, и перед ним уже открывались видения дальних стран и блеск сокровищ, каких он и вообразить-то себе не мог; и отблески каминного пламени сгустились в золотистый туман над пенистыми морями, что вздыхали где-то у края мира, и заворожённость Фродо превращалась в сон, и вокруг него заструилась бескрайняя золотисто-серебряная река, и картины слились в неразличимый узор, и воздух затрепетал, и трепет этот пронзил его, заглушил все звуки и умчал в страну сновидений.

И долго блуждал он в дрёме, навеянной музыкой, пока она не превратилась в журчание воды, а затем неожиданно в голос, похожий на голос Бильбо, который декламировал нараспев. Сначала едва слышно, а потом яснее потекли слова:

В Арвении моряк Эрендил
Построил лебедь-ладью.
Решил направить он в Нимбертил
Лёгкую лодку свою.
Из ткани серебряной сшил паруса,
И светлой обшивка была.
А мачту сверкающий стяг украшал,
И мчалась ладья, как стрела.
Кольчугу звенящую он надел,
Древний доспех королей,
И руны на светлом щите начертал,
Что любых ударов сильней.
Из рога дракона лук сделан был,
А стрелы из эбонита
Колчан серебристый надёжно хранил;
Наличник был твёрже нефрита.
Прославленный меч он на пояс надел,
А шлем высокий венчал
Орлиный плюмаж; эльфийский берилл

На груди его ярко сверкал.
Под луной и под звёздами
странствовал он
Далеко от северных стран,
По дивным, неведомым водам блуждал
Там, где времени счёт иссякал.
И сбившись с пути,
в спешке он уплывал
От скрежета трущихся льдов,
От подземного пламени и от жары
Выжженных голых краёв.
И долго-долго в беззвёздной тьме
Скитался он без дорог,
И в Вечную Ночь ненароком заплыл,
Что свет рассеять не мог.
Среди слепой мглы
неожиданно вихрь
В гневе крыла распростёр,
От Запада прочь угнал он ладью,
Унёс к Востоку её.
Но Элвинг слетела быстро к нему,
Сверкая, словно звезда,
И пламя живое рассеяло тьму,
И отступила беда.
Дивный вручила ему Силмарил,
Одела венец на чело.
И вновь ладью повернул Эрендил,
Сжав рулевое весло. Но в Тарменеле вдруг ураган
Проснулся в ночи глухой.
Как смерть, могучий, пронёсся он,
Взвыл над морскою водой,
Вспенил во мраке седые валы,
Парус сорвал корабля,
И по морю, где смертные
прежде не шли,
На Запад помчалась ладья.
И снова сквозь Вечную Ночь понесли
Ревущие воды его,
И чёрные гривы волн устремились
На берег, размытый давно.
Но вот с перламутровых берегов,
Там, где конец всех миров,
Зазвучал томительно-нежный
напев
Под шёпот пенных валов.
И вот безмолвная встала гора
В сумерках первых лучей,

И показался вдали Элдамар,
Что лежит в конце всех морей.
И отпустила скитальца Ночь:
Он в белую гавань вошёл,
Где тени из вод морских гонит
прочь
Свет башен твоих, Тирион.
То эльфов обитель была, Илмарин,
Гора, что как чистый хрусталь,
Там воздух живил, и немеркнувший
свет
В зелёной долине сиял.
Там он от странствий своих отдохнул
И древние саги узнал,
И забытых напевов слова услышал,
И сам их на лютне играл.
И эльфами в белое был он одет,
И семь раз возвестил о нём свет,
Когда по Каласириану он шёл,
Одинокий, в неведомый дол.
Он попал
в неподвластный времени зал,
Где правит король эльдар,
Где годы бессчётны,
как капли в реке,
В глуби Илмарина, прозрачной горе.
И тайные речи держались там
Об эльфах и роде людей,
И видел он то, что здесь никогда
Не явит никакой чудодей.
Построили новый корабль для него
Из мифрила и хрусталя,
Но не парус нёс его, не весло,
А нетленные вечно крыла
Мачту украсил его Силмарил,
Который сама Элберет
Подняла со стягом, словно огонь,
И дала нерушимый завет
Бег корабля в небеса устремить
За лунный и солнечный свет.
От вечносущих Окраинных гор,
Где потоки струят серебро,
Крылья помчали его легко,
В небеса взметнув высоко.
Туда, где Норланда воды бегут,
Свой он направил маршрут,
Чтобы дом увидеть на туманной

земле,
Хоть звездою сам стал в вышине.
Над Средиземьем пронёсся он
И слышал рыдания и стон
Смертных женщин и дев
эльфийских напев,
Что к лучистой звезде обращён.
Но завет нерушимый
теперь он нёс:
Не знать покоя нигде,
Пока свет луны неугасим,
Блуждать по небесной стезе,
И с вечерних туманов
вплоть до зари
Украшать небосвод голубой,
И вечно среди звёзд
огонь свой нести,
Стать Закатной Звездой.
Такую судьбу принять он решил:
Символом Запада стал Эрендил

Пение смолкло. Фродо открыл глаза и увидел, что Бильбо сидит на стуле, окружённый слушателями, а те улыбаются и хлопают.

— Ещё раз, пожалуйста, — попросил один из эльфов.

Бильбо встал и поклонился.

— Я польщён, Линдир, — сказал он, — но повторить всё целиком будет трудновато.

— Только не тебе, — рассмеялись эльфы. — Ты никогда не устаёшь повторять собственные стихи. Однако мы и в самом деле не можем ответить на твой вопрос после одного прослушивания.

— Как! — воскликнул Бильбо. — Вы не можете сказать, какие строки принадлежат мне, а какие — Дунадану?

— Нам не так-то легко провести различие между двумя смертными, — возразил эльф.

— Чепуха, Линдир, — фыркнул Бильбо. — Если ты не можешь отличить человека от хоббита, то ты вовсе не такой знаток, каким я тебя считал. Тут сходства не больше, чем у гороха с яблоком.

— Может быть, — рассмеялся Линдир. — Без сомнения, одна овца совершенно не похожа на другую — с точки зрения овцы. Или пастуха. Но мы ведь не изучаем смертных. У нас другие заботы.

— Не хочу с тобой спорить, — отмахнулся Бильбо. — Меня что-то от стольких песен и музыки в сон потянуло. Оставляю вас гадать над ответом, коли угодно.

Он поднялся и подошёл к Фродо.

— Ну вот, с этим покончено, — тихо сказал он. — Прошло даже лучше, чем я ожидал. Меня не часто просят повторить песню ещё раз. А тебе она понравилась?

— Да, только я и пытаюсь не буду ответить на твой вопрос, — улыбнулся Фродо.

— А тебе и не надо, — сказал Бильбо. — Дело в том, что фактически она целиком моя. Если конечно не считать строки с эльфийским бериллом, на которой настоял Арагорн. Ему это

казалось очень важным, уж не знаю почему. А что касается всего остального, то он явно решил, что предмет гораздо выше моих способностей, и сказал только, что раз уж я набрался дерзости сочинять стихи об Эрендиле в доме Элронда, то он мне в этом не помощник. Полагаю, он совершенно прав.

— Не знаю, — отозвался Фродо. — Лично мне песня показалась вполне уместной, только вот объяснить не могу. Понимаешь, когда ты начал, я дремал, а песня словно бы продолжила рассказ о том, что мне грезилось. Я и голос-то твой узнал только под конец.

— Да, здесь при всём старании трудно не заснуть, — согласился Бильбо. — Пока не привыкнешь. Хотя хоббиту ни в жизнь не угнаться за эльфами в пристрастии к музыке, песням и сказаниям. Вот уж чем они никогда не пресыщаются, словно это хорошая еда. Даже больше того: за ними они и вовсе могут забыть о еде. И продолжать тут будут ещё долго... Знаешь что, давай-ка ускользнём потихоньку отсюда, чтобы нам не мешали спокойно поговорить.

— А нам можно? — спросил Фродо.

— Конечно. Это ведь просто приятное времяпрепровождение: насильно никого не держат. Приходи и уходи, когда пожелаешь, только не шуми.

Хоббиты встали и начали незаметно пробираться к выходу из зала. Сэма они решили не будить — он крепко спал с безмятежной улыбкой на лице. Несмотря на то, что Фродо был рад обществу Бильбо, порог Каминного зала он переступал с некоторым сожалением. Они были ещё в дверях, когда одинокий чистый голос затянул песню:

А Элберет Гилтониэль,
Силиврен пенна мириэль
О менель аглар эленат!
На-чаеред палан-дириэль
О галадриммин эннорат,
Фануилос, ле линнатон
Неф аэр, си нэф аэрон!

Фродо задержался на мгновение и оглянулся. Элронд неподвижно сидел в своём кресле, и отблески огня, словно солнечные блики, просвечивающие сквозь листву, золотили его спокойное лицо. Рядом с Элрондом сидела леди Арвен, а возле неё стоял Арагорн; тёмный плащ был небрежно откинут назад, под ним мерцала эльфийская кольчуга, на груди ярко сверкала звезда. Они с Арвен о чём-то беседовали, а потом Фродо показалось, что Арвен повернулась к нему, и свет её глаз пронзил ему сердце.

Он стоял, зачарованный этим взглядом, а слова песни, сливаясь с музыкой, сыпались, как драгоценные брызги.

— Это гимн Элберет, — сказал Бильбо. — Они ещё не раз споют сегодня и его, и другие песни о Благословенной Земле. Пойдём!

Он отвёл Фродо в свою маленькую комнатку. Из её окна, обращённого к югу, открывался вид на сады и глубокое ущелье реки Бруинен. Некоторое время они просто сидели, глядя в окно на яркие звёзды над лесами, которые карабкались по крутым склонам, и тихо беседовали. Они больше не обсуждали незначительные новости далёкого Шира, не говорили о тёмной тени и об опасностях, которые окружали их, а толковали о всех прекрасных вещах, которые встречали в этом мире: об эльфах, звёздах, деревьях и тихой, ласковой осени.

Наконец послышался стук в дверь.

— Прошу вашего прощения, — сказал Сэм, просунув в комнатку голову, — я просто хотел спросить, не надо ли вам чего-нибудь?

— Прошу твоего прощения, Сэм Скрамби, — откликнулся Бильбо, — но по-моему ты просто хотел напомнить, что твоему хозяину пора спать.

— Да что ж, сэр, ведь завтра, я слышал, с самого утра Совет, а он ведь и встал-то сегодня в первый раз.

— Всё правильно, Сэм, — рассмеялся Бильбо. — Беги и сообщи Гэндальфу, что он пошёл спать. Доброй ночи, Фродо! Как же приятно было тебя снова повидать! В конце концов, с кем же и побеседовать по-настоящему, как не с хоббитом. Но за последнее время я очень постарел и, боюсь, что главы о твоём путешествии ты будешь вписывать в мою книгу сам. Доброй ночи! А я, наверное, погуляю по парку и полюбуюсь на звёзды Элберет. Приятных снов!

Глава II

Совет

На другой день, проснувшись с рассветом, Фродо, превосходно отдохнувший и бодрый, решил прогуляться по террасам на высоком берегу шумного Бруинена. Когда он оделся и вышел в сад, из-за отдалённой горной гряды вставало холодное, бледное солнце, бросавшее косые лучи сквозь лёгкую серебристую дымку; на жёлтых листьях и в паутине среди кустов блестели капельки росы. Сэм молча шагал с ним рядом, вдыхая осенние запахи, и удивлённо посматривал на далёкие вершины, покрытые сверкающими снежными шапками.

На каменной скамье у поворота дорожки они увидели Бильбо и Гэндальфа, погружённых в беседу.

— Привет! С добрым утром! — поздоровался с ними Бильбо. — Ну как, Фродо, готов к большому Совету?

— Готов к чему угодно, — ответил Фродо. — Но охотнее всего я сегодня погулял бы и осмотрел долину. Меня так и манит в тот сосновый лес! — Он кивнул в сторону бора, черневшего немного к северу на вершине склона.

— Погуляешь попозже, если удастся, — сказал ему Гэндальф. — Но я бы не стал загадывать вперёд. Сегодня нам нужно многое выслушать и обсудить.

Неожиданно до них донёсся звонкий удар колокола.

— Элронд созывает участников Совета, — подымаясь со скамьи, воскликнул Гэндальф. — Пойдёмте! Вы оба приглашены: и Бильбо, и Фродо.

Маг зашагал по извилистой дорожке обратно к дому. Бильбо и Фродо поспешили следом, а за ними без всякого приглашения решительно зашагал Сэм, про которого в эту минуту попросту забыли.

Гэндальф подошёл к той самой веранде, где накануне Фродо встретился с друзьями. Подымаясь по лестнице, Фродо оглянулся. Солнце уже залило всю долину, под обрывом в пенистых берегах весело бурлила река, пели птицы, и Фродо показалось, что его заключения, так же как разговоры о грозной туче, встающей над миром, просто приснились ему, — слишком спокойным, ясным и ласковым было это осеннее утро; но лица, повернувшиеся им навстречу, когда они вошли в зал Совета, были мрачны.

Первым Фродо увидел Элронда, потом заметил Глорфинделя и Глоина; а в углу в стороне от прочих сидел Арагорн, и на нём снова был выцветший походный плащ. Остальных Фродо не знал. Элронд указал ему место возле себя, оглядел собравшихся и сказал:

— Позвольте, друзья, представить вам хоббита Фродо, сына Дрого. Немногие приходили сюда сквозь большие опасности и по более важному делу.

Потом Элронд назвал хоббиту тех, кого Фродо видел впервые. Рядом с Глоином сидел молодой гном — его сын Гимли, рядом с Глорфинделем несколько других советников Элронда, главным из которых был Эрестор, близ которого сидел Галдор, эльф из Серой Гавани, прибывший в Раздол по поручению Кирдана Корабела, а также странно одетый в зелёное и коричневое эльф Леголас, посланец своего отца Трандуила, короля эльфов Северного Лихолесья. Немного поотдаля от них сидел высокий темноволосый человек с жёстким взглядом светло-серых глаз на красивом, благородном и мужественном лице.

Он был одет для путешествия верхом; его богатая одежда и подбитый мехом плащ носили следы долгого и трудного пути. На грудь спускалось серебряное ожерелье с белым камнем, волосы обрезаны до плеч, через плечо перевязь с огромным оправленным в серебро охотничьим рогом, который лежал на коленях. Человек разглядывал Бильбо и Фродо с неожиданным удивлением.

— А это, — обратился Элронд к Гэндальфу, — Боромир, человек с Юга. Он прибыл сюда на рассвете за советом. Я пригласил его, потому что здесь он получит ответы на свои вопросы.

Не всё, что обсуждалось на Совете Элронда, надобно пересказывать в нашей истории. Много говорилось о событиях в окружающем мире, особенно на Юге и в обширных землях восточнее Гор. Об этом Фродо уже слышал довольно много, но рассказ Глоина был новостью и для него, так что когда слово предоставили гному, хоббит принялся слушать очень внимательно. Оказалось, что окружённые великими творениями своих рук гномы Одинокой Горы давно уже ощущают смутную тревогу.

— Много лет назад, — рассказывал Глоин, — нас обуяла тяга к переменам. Всё началось незаметно, исподволь. Пошли всяческие перешёптывания; заговорили, что не худо бы найти пристанище попросторней, что в мире есть места побогаче и овеванные большей славой. Вспомнили о Мории, или как мы называем её, Казад-думе, созданной великими трудами наших отцов. Многие утверждали, что настало время вернуться в наши исконные владения.

Мория! Мория!.. — вздохнул Глоин. — Чудо Северного мира! Слишком глубоко врылись мы там и пробудили безымянный ужас. Надолго опустели огромные залы, когда дети Дарина бежали. Но сейчас мы снова заговорили о ней с тайной надеждой вернуться, и всё же не без страха, ибо короли сменялись королями, но на протяжении многих поколений ни один гном не смел войти в ворота Казад-дума, кроме Трора, а Трор погиб там. Тем не менее, Балин наконец прислушался к шёпоту и решился идти. Он взял с собой Ори и Оина, а также много других отважных гномов, и, хотя Даин отпустил их с большой неохотой, отправился с ними на юг.

Это было почти тридцать лет тому назад. Вначале Балину сопутствовала удача: присланный от него гонец рассказал, что они проникли в Морию и начали восстанавливать брошенные жилища. Но с тех пор никто не слышал о Балине.

Ну вот. А потом, около года назад, к Даину прибыл ещё один гонец, но не из Мории, а из Мордора. Он явился ночью, на чёрном коне, и, вызвав Даина к вратам, сказал, что Саурон Великий желает его дружбы. Кольца он даст за неё, такие же, как давал в древности; после чего гонец начал настойчиво выпытывать про хоббитов: как они выглядят и где живут. "Ибо Саурону известно, — заявил он, — что одного из них ты некогда знал".

Даин не сразу нашёлся с ответом, и тут мерзкий голос гонца смягчился — стал почти сладким, если бы мог. "В знак будущей дружбы, — сказал он — Саурон просит найти этого вора — именно так выразился гонец — и отнять у него, добром или силой, безделушку, паршивенькое колечко, которое он когда-то украл. Кольцо ничего не стоит, но Саурон Великий

хочет увериться в твоей дружбе на деле. Найди его, и Три Кольца, которыми в древности владели ваши предки, вернутся к тебе, да и царство в Мории навеки перейдёт к вам. Найди хотя бы сведения о воре, жив ли он ещё и где находится, и тебе обеспечена щедрая награда и вечная дружба Великого Властелина. Откажись, и обстоятельства сложатся далеко не так удачно. Посмеешь ли ты отказать?"

Последние слова вырвались у него со змеиным шипом, так что все, кто стоял рядом, вздрогнули, но Даин ответил: "Я не скажу ни да, ни нет. Мне надо обдумать твои слова, ибо посулы слишком щедры". — "Думай, но не трать слишком много времени", — с явной угрозой проговорил гонец. — "А разве я не властен над своим временем?" — не теряя достоинства, спросил Даин. — "Пока ещё властен", — буркнул гонец и, не попрощавшись, скрылся во тьме.

С той ночи наших старейшин гложет мрачная тревога. Даже если бы голос гонца не был столь мерзок, мы и без того знали, что слова его обманчивы и опасны, поскольку нам ведомо, что Сила, вернувшаяся в Мордор, Сила, которая постоянно предавала нас в древности, не изменилась. Дважды возвращался гонец Саурона и дважды уезжал, не получив ответа. Он назначил нам последний, по его словам, срок — и явится за ответом в конце этого года.

Вот Даин и послал меня в Раздол предупредить Бильбо, что его разыскивает Враг, и узнать, если возможно, зачем Врагу понадобилось это кольцо, которое ничего не стоит. И ещё нам настоятельно необходим совет Элронда. Ибо Тень растёт и подползает всё ближе. Нам стало известно, что гонцы Саурона приходили и в Дол, к королю Бранду, и король испуган. Мы боимся, что он может дрогнуть. У его восточных границ уже копятся военные силы. Если гонцы не получают ответа, Враг двинет подчиняющихся ему людей и на Бранда, и на Даина.

— Ты пришёл вовремя, — сказал Элронд. — Сегодня ты услышишь всё необходимое, чтобы понять цели Врага. У вас нет иного выхода, кроме сопротивления ему, даже без надежды победить. Но вы не одиноки. Ты узнаешь, что ваши тревоги — лишь часть опасности, нависшей над западным миром. Кольцо! Что нам делать с этим Кольцом, паршивеньким колечком, безделушкой, которую захотелось получить Саурону? Именно это вы призваны решить здесь.

Я сказал призваны, — продолжал Элронд, — однако не я созвал вас сюда, гости из дальних краёв. Вы пришли сами, пришли в одно время и встретились, словно бы случайно. Но это не так. Скорее, изначально было определено, что нам, именно нам, собравшимся здесь, и никому иному, предстоит решить, как отвести опасность, нависшую над миром.

А потому будем открыто говорить о том, что до сих пор было известно лишь очень немногим. И прежде всего, чтобы опасность была ясна, будет рассказана История Кольца — с самого начала и вплоть до сегодняшнего дня. Я начну рассказ; закончат его другие.

Голос Элронда, спокойный и звучный, отчётливо слышали все приглашённые. Элронд говорил о Второй эпохе, когда были выкованы Кольца Власти, и о древнем Властелине Мордора — Сауроне. Некоторым гостям были знакомы отдельные части этой истории, но всю её не знал никто, и гости слушали, затаив дыхание, об эльфах-кузнецах Эрегиона, их дружбе с Морией, настойчивой тяге к знаниям, из-за которой они и угодили в ловушку к Саурону, поскольку в те времена его внешний облик не выдавал злой сути. Эльфы приняли его помощь и достигли замечательного мастерства, а он выведал все их секреты и предал их, и втайне выковал в Огненной горе Одно Кольцо, чтобы стать их господином. Но Келебримбор узнал об этом и спрятал сделанные им Три Кольца, и началась война, и страна была опустошена, и ворота Мории закрылись.

Затем Элронд проследил судьбу Кольца через все последующие годы, но так как история эта известна повсеместно, поскольку была внесена в летописи самим Элрондом, нет нужды её пересказывать. Ибо это долгая повесть, полная великих и ужасающих деяний, и, хотя Элронд

передавал её вкратце, солнце высоко поднялось в небе и утро кончилось прежде, чем он завершил рассказ.

О Нуменоре говорил он, его расцвете и падении, и о том, как Короли людей вернулись в Средиземье из морских бездн, принесённые на крыльях бури. Затем Элендил Высокий со своими могучими сыновьями Исилдуром и Анарионом стали великими владыками и основали Северное королевство в Арноре и Южное в Гондоре, выше устья Андуина. Но Саурон из Мордора напал на них, и они заключили Последний Союз людей и эльфов, и в Арноре были собраны объединённые дружины Гил-галада и Элендила.

Элронд помолчал немного, вздохнул и продолжил:

— Мне хорошо памятен блеск их знамён, который приводил на память славу эпохи Эльдер и войска Белерианда, столь много знатных принцев и капитанов собралось под ними. И все же не столь много и не столь прекрасных, как в дни, когда был разрушен Тангородрим, и эльфы решили, что со злом покончено навеки, но ошиблись.

— Памятен? Тебе? — произнёс Фродо, от изумления высказав свою последнюю мысль вслух. — Но мне казалось... — он запнулся, смущённый тем, что Элронд повернулся к нему. — Я думал, что Гил-галад погиб целую эпоху назад.

— Ты прав, — серьёзно ответил ему Элронд. — Но мои воспоминания восходят к эпохе Эльдер. Моим отцом был Эрендил, рождённый в Гондолине до его падения, а матерью Элвинг, дочь Диора, сына Лучиэнь из Дориата. Я — свидетель трёх эпох Западного мира, многих поражений и многих бесплодных побед.

Я был герольдом Гил-галада и шёл с его войском. Я участвовал в Битве в Дагорладе перед Чёрными Воротами Мордора, которая завершилась нашей победой, поскольку копьём Гил-галада, Аиглосу, и мечу Элендила, Нарсилу, никто не мог противостоять. Я видел последний поединок на склонах Ородруина, в котором погиб Гил-галад и пал Элендил, и Нарсил сломался под его телом; но и сам Саурон был повержен, и Исилдур отрубил палец с его руки обломком меча своего отца и взял Кольцо себе.

— Так вот что случилось с Кольцом! — вскричал Боромир. — Если на Юге и были такие предания, они давно забыты. Я слышал о Великом Кольце того, чьего имени мы не называем, но у нас полагали, что оно исчезло под руинами его первого королевства. А им завладел Исилдур! Вот это действительно новость!

— Увы, именно так, — подтвердил Элронд. — Исилдур взял его, хотя не должен был этого делать. Кольцо следовало тогда же, прямо на месте, бросить в пламя Ородруина, где оно родилось. Но не многие заметили, что сделал Исилдур. В последней, смертной схватке он один стоял рядом со своим отцом, а с Гил-галадом — лишь я и Кирдан. Но Исилдур не прислушался к нашему совету.

"Мой брат и отец погибли, и оно будет виной за них", — сказал он, и, хотели мы того или нет, сохранил его для себя. Но вскоре оно предало его, и Исилдур погиб, — поэтому на Севере это Кольцо называют Проклятием Исилдура. Однако смерть, быть может, лучшее из того, что ещё могло произойти с ним.

Обо всём этом знали только на Севере, и то лишь немногие. Ничего удивительного, Боромир, что ты слышишь об этом впервые. С Ирисной низины, где пал Исилдур, через горы после долгих блужданий вернулись всего три человека. Одним из них был Охтар, оруженосец Исилдура, который принёс обломки меча Элендила и отдал их Валандилу, наследнику Исилдура. Валандил был тогда совсем ребёнком и оставался здесь, в Раздоле. Но Нарсил сломан, его блеск померк, и до сих пор он не перекован.

Я назвал победу Последнего Союза бесплодной? Не совсем так, однако она была неполной. Саурон был низвергнут, но не уничтожен. Кольца он лишился, но оно уцелело. Чёрная Крепость

была разрушена, но фундамент её остался, поскольку создан был силой Кольца, и пока существует оно, будет стоять и он. Много эльфов, много могучих людей и их союзников пали в этой войне. Погиб Анарион, погиб Исилдур, не стало Гил-галада и Эрендила. Никогда больше не заключить людям и эльфам подобного союза, ибо людей становится всё больше, а перворождённых — всё меньше, и пути их разошлись. И неуклонно, с того самого дня, угасает раса нуменорцев, а нить их жизни становится всё короче.

На Севере после войны и резни на Ирисной низине число людей Запада резко сократилось; их город Аннуминас у Сумеречного озера опустел, и его разрушило время; наследники Валандила переселились в Форност на Северном Взгорье, но и этот город давно заброшен. Местные жители называют его Мертвяцкими Стенами и опасаются туда забредать, ибо уменьшившееся население Арнора было уничтожено врагами, а от их королей остались лишь поросшие полынью курганы.

На Юге королевство Гондор держалось долго, и было время, когда слава его росла, напоминая о мощи Нуменора, но затем и оно пришло к концу. Гондорцы строили высокие башни, неприступные крепости и большие гавани для своих многочисленных кораблей, а перед крылатой короной Королей склонялись люди, говорящие на многих языках. Столицей королевства был Осгилиат, Звёздная Цитадель, раскинувшийся на обоих берегах Андуйна. На востоке, на плече Чёрных гор, была построена Минас Итил, Крепость Восходящей Луны, а на западе, у подножия Белых гор, Минас Анор, Крепость Заходящего Солнца. Там, в королевских садах, росло Белое Дерево из семени, привезённого Исилдуrom через пучины вод, а семя того Дерева происходило из Эрессеи, а до того — с Заокраинного Запада в День до начала дней, когда мир был молод.

Но с течением быстролётных лет Средиземья угас род Менелдила, сына Анариона, и Дерево засохло, а кровь нуменорцев смешалась с кровью менее знатных людей. Потом стражей, охранявших стены Мордора, сморил сон, и тёмные силы снова прокрались в Горгорот. Спустя некоторое время они вышли оттуда, захватили Минас Итил и остались в ней, наполнив её ужасом; и она стала Минас Моргулом, Крепостью Колдовства. Тогда Минас Анор была переименована в Минас Тирит, Сторожевую Крепость, и между этими двумя крепостями началась нескончаемая война, и Осгилиат, лежавший между ними, был опустошён, и в его развалины вошли тени.

Так обстояли дела на протяжении множества поколений людей. Но правители Минас Тирита всё ещё борются, отбрасывая врага, и держат открытым путь по Великой реке от Аргоната к Морю. Здесь мой рассказ подходит к концу. После того, как в дни Исилдура Одно Кольцо бесследно исчезло, Три Кольца получили свободу. Однако сейчас они снова в опасности, ибо, на горе нам, Кольцо Всевластья нашлось. О том, как это произошло, поведают другие, поскольку моя роль в последних событиях была мала.

Едва Элронд смолк, поднялся Боромир, высокий и гордый.

— Досточтимый Элронд, — произнёс он, — разреши мне сперва дополнить твой рассказ про Гондор, ибо я пришёл воистину из Гондора, и всем, конечно же, будет полезно знать, что там происходит, — ибо, как я полагаю, немногие знают о наших деяниях и потому мало представляют опасность, которая грозит им, если мы в конце концов погибнем.

Верьте, в Гондоре кровь Нуменора не иссякла, и не окончательно забыты ещё её гордость и величие. Наша доблесть и поныне сдерживает дикарей Востока и не даёт разлиться ужасу Моргула; и только благодаря этому в странах, что лежат за нами, оплотом Запада, сохраняется мир и благополучие. Но если переправа через Андуйн будет захвачена, что тогда?

А час этот, быть может, недалёк. Безымянный Враг снова восстал. Дым опять поднимается

над Ородруином, который мы называем Горой Рока. Силы Чёрной страны растут, и нас осаждают со всех сторон. Когда Враг вернулся, людям пришлось оставить Итилию, прекрасные земли на восточном берегу Андуина, хотя мы сохранили там военные силы и укреплённые заставы. Но в этом году, в июне, нас атаковала огромная армия, вышедшая из Мордора, и буквально смела прочь. Нас превзошли не только численностью, хотя Мордор объединился с вастаками и жестокими харадримцами, — им помогала сила, с которой мы прежде не сталкивались.

Некоторые говорят, что эта сила принимает облик огромного чёрного всадника, тёмной тени под луной. Где он появляется, враги начинают сражаться, как одержимые, а наших воинов, даже храбрейших из них, сковывает ужас, так что и конные, и пешие бегут перед ним. После той битвы с восточного берега вернулись лишь жалкие остатки наших сил, разрушив за собой последний мост, который ещё сохранился среди руин Осигилиата.

Я был в отряде, удерживавшем мост, который рухнул за нашими спинами. Спасти́сь вплавь удалось лишь четверым: моему брату, мне и ещё двум воинам. Но мы пока закрепились на западном берегу Андуина и продолжаем сражаться; и те, кого мы прикрываем собой, воздают нам хвалу всякий раз, как слышат наше имя, — много хвалы, но мало помощи. И на наш зов откликнутся теперь только всадники Рохана.

В сей злой час мне пришлось отправиться с поручением к Элронду через множество опасных лиг: сто и десять дней провел я в пути совсем один. Но я пришёл не за военным союзом, ибо сказано, что сила Элронда не в оружии, а в мудрости. Я пришёл за советом и разгадкой непонятных слов, поскольку в канун той внезапной атаки моему брату приснился тяжёлый сон, а потом он снова увидел похожий сон, и один раз его видел я.

Мне снилось, что небо на востоке потемнело, там собиралась гроза, но бледное свечение на западе ещё не исчезло, и из этого свечения донёсся далёкий, но ясно различимый голос, который прокричал:

Меч, что был сломан, ступай искать;
Имладрис его обитель;
Сильней чар Моргула совет там дать
Может исконный правитель.
Час роковой должен скоро пробить,
Нельзя повернуть время.
Чтоб Исилдура Проклятье избыть
Возьмет невысоклик бремя.

Мы с братом не поняли этих слов, а обратившись к нашему отцу, Денетору, Правителю Минас Тирита, которому хорошо знакомы легенды Гондора, узнали только, что Имладрис — это древнее название, которое эльфы дали далёкой северной долине, где живёт Элронд Полуэльф, величайший из знатоков древних преданий. Тогда мой брат, видя, как отчаянно наше положение, решил, что сон этот пророческий и ему необходимо разыскать Имладрис; но поскольку дорога туда неведома и опасна, я взял это путешествие на себя. С большой неохотой отпустил меня отец, и долго пришлось мне блуждать по забытым тропам, ибо многие слышали о доме Элронда, но мало кто знает, где он.

— И здесь, в доме Элронда, ты многое поймёшь, — сказал Арагорн, вставая. Он бросил свой меч на стол перед Элрондом, и все увидели, что лезвие переломлено надвое. — Вот Меч,

что был сломан!

— Кто ты? И что связывает тебя с Минас Тиритом? — в крайнем изумлении спросил Боромир, окинув взглядом худое лицо следопыта и его выцветший плащ.

— Он Арагорн, сын Арахорна, — произнёс Элронд. — Отдалённый, но единственный и прямой наследник Исилдура из Минас Итила, сына Элендила. Он предводитель тех немногих, кто остался на севере от народа дунедаянов.

— Значит, оно принадлежит тебе, а вовсе не мне! — воскликнул потрясённый Фродо и вскочил на ноги, словно ожидал, что сейчас от него потребуют Кольцо.

— Оно не принадлежит ни мне, ни тебе, — возразил Арагорн. — Но так уж было предопределено, что именно ты на время стал его владельцем.

— Достань Кольцо, Фродо, — торжественно проговорил Гэндальф. — Время пришло. Подними его, и тогда Боромиру станет ясен смысл оставшейся части загадки.

В зале воцарилась мёртвая тишина, все лица обратились к Фродо; а он, растерянный и странно испуганный, чувствовал, что не хочет показывать Кольцо, ему даже дотронуться до него было трудно. Хоббиту захотелось очутиться как можно дальше отсюда. Кольцо в его дрожащей руке искрилось и блестело.

— Узрите Проклятие Исилдура! — произнёс Элронд.

— Невысоклик! — пробормотал Боромир, не отрывая горящих глаз от золотого кольца. — Так значит, роковой час Минас Тирита наконец пробил? Но тогда зачем нам искать сломанный меч?

— Слова были роковой час, но не роковой час Минас Тирита, — поправил Боромира Арагорн. — Но роковой час действительно близок, и время призывает нас к великим делам. Ибо Меч, что был сломан, это меч Элендила, который сломался с его гибелью, и потомки Элендила сберегли его, хотя ничего другого не сохранили, поскольку в древности арнорцам было предсказано, что он будет перекован, когда отыщется Проклятие Исилдура. Ты видишь Меч, который искал. Так хочешь ли ты, чтобы род Элендила вернулся на земли Гондора?

— Я пришёл за ответом на загадку, а не за благодеяниями, — гордо ответил Боромир, — Но на Гондор обрушились тяжкие испытания, и не нам отказываться от меча Элендила... если то, что кануло в тени прошлого, и впрямь может вернуться.

Он снова посмотрел на Арагорна, и во взгляде его ясно читалось сомнение.

Фродо почувствовал, что Бильбо злится: его явно оскорбило недоверие Боромира. Внезапно он вскочил на ноги и выпалил.

Неярок чистого золота блеск,
Ушедший скитаться — в глуши не исчез;
Мороз не тронет глубоких корней,
Старость — ничто для крепких ветвей.
Под пеплом спящий огонь — оживёт;
Вспышка света тени прорвёт,
Обломки снова станут мечём,
Лишённый короны — вновь королём.

— Может, это и не очень складно, да зато к месту — если тебе мало слов Элронда. Право же, коль уж ради них ты провел в пути сто десять дней, то лучше бы прислушаться к ним! — Фыркнув, Бильбо сел на место и шепнул Фродо: — Я сам их сочинил, уже давно, для Дунадана,

когда он впервые рассказал мне о себе. Даже жаль немного, что мои приключения уже позади, так что я не смогу пойти с ним, когда придёт его время.

Арагорн улыбнулся хоббиту и опять обратился к Боромиру:

— Я прощаю тебе твоё недоверие. Мне ли не знать, что я не похож на величественные изваяния Элендила и Исилдура, стоящие в тронном зале Денетора. Я всего лишь потомок Исилдура, не сам Исилдур. У меня за плечами долгая суровая жизнь, и те лиги, что отделяют Раздол от Гондора — лишь малая часть тех бесконечных лиг, которые насчитывает мой путь. Я пересёк множество рек и гор и прошёл по многим равнинам даже в далёких землях Рхана и Харада, где светят незнакомые и чужие нам звёзды.

Но своей родиной я считаю Север. Ибо здесь, со времён Валандила, рождались и умирали все мои предки. Мы вели нелёгкую жизнь, и нас оставалось всё меньше, однако в неразрывной череде поколений — от отца к сыну — передавался Меч... И вот что ещё я скажу тебе, Боромир, прежде чем кончить. Мы одиноки, следопыты Глухоманья; мы охотники... но охотники за любыми прислужниками Врага, которых можно встретить повсюду — не только в Мордоре.

Гондор, Боромир, был неприступной крепостью, нам же выпала другая участь. Есть много тёмных сил, против которых бессильны ваши крепкие стены и яркие мечи. Вы мало что знаете о землях вне ваших границ. Ты сказал, мир и благополучие? Не будь нас, Север не знал бы их. Безымянный страх разогнал бы жителей. Но когда тёмные силы выползают из мгlistых безлюдных ущелий, из чёрных лесных чащоб, их неизменно встречают следопыты — и обращают в бегство. Кто смел бы пуститься в путь, кто чувствовал бы себя спокойно даже в самом мирном краю или ночью за стенами своего дома, если бы дунедайны спали или если бы все сошли в могилу?

А мы не слышим даже слов благодарности. Путники подозрительно косятся на нас, а селяне награждают презрительными кличками. Один толстяк, живущий всего в дне пути от таких существ, что умер бы от страха, только услышав про них, зовет меня — не желая оскорбить! — Бродяжником. Он не знает, зачем мы странствуем, и снисходительно жалеет неприкаянных скитальцев. Но нам не нужна его благодарность. Он, подобно всем его сородичам и соседям, живёт спокойно, мирно и счастливо — вот что "скитальцы" считают наградой. Вернее, считали, пока шли годы и росла трава над руинами прошлого.

Но сейчас мир опять начинает меняться. Наступает новое время. Проклятие Исилдура нашлось. Нам предстоит великая битва. Сломанный Меч будет перекован. Я отправлюсь в Минас Тирит.

— Ты говоришь, Проклятие Исилдура нашлось, — ответил ему Боромир. — Я видел блестящее колечко в руке невысоклика; однако считается, что Исилдур погиб ещё до начала этой эпохи. Почему Мудрые уверены, что показанное колечко и есть его кольцо? Где оно было все эти годы, пока его не принёс сюда столь странный гонец?

— Ты узнаешь об этом, — сказал Элронд.

— Однако не сейчас, уважаемый хозяин? — очень обеспокоенно осведомился Бильбо. — Дело уже к полудню, и мне обязательно нужно подкрепиться.

— Я ещё не вызывал тебя, — сдерживая улыбку, сказал ему Элронд. — Однако сейчас действительно твой черёд. Прошу! Расскажи нам свою историю. Если ты не создал из неё поэму, то так уж и быть, изложи всё в прозе. Чем короче получится твой рассказ, тем скорее ты сможешь подкрепить свои силы!

— Что ж, ладно, — согласился Бильбо. — Все будет так, как ты просишь. Только сегодня я расскажу правдивую историю, а если кто-нибудь слышал её в другом варианте, — тут он покосился на Глоина, — пусть постарается не ворошить прошлое. Я всего лишь хотел тогда доказать, что вовсе не вор, которым меня называли, и что кольцо досталось мне по праву. Но за

последние годы я многое понял, так пусть и меня поймут и простят! Вот что случилось на самом деле...

Те, кому история Бильбо была внове, изумлённо слушали о его приключениях, и старый хоббит был очень рад, что может рассказать про встречу с Горлумом, припомнив решительно все подробности. Он повторил все до единой загадки. Он охотно поведал бы и о прощальном Угощении, о своем исчезновении, о том, как он покинул Хоббитанию, но Элронд поднял руку и сказал:

— Прекрасно, мой друг, пока хватит. Сейчас нам достаточно знать, что Кольцо перешло к твоему преемнику, Фродо. Давай послушаем его!

Фродо рассказал обо всех своих злоключениях с тех пор, как Кольцо попало в его руки; но гораздо менее охотно, чем Бильбо. А слушателей интересовал каждый его шаг, начиная от Хоббитона и кончая Бруиненским Бродом, каждая мелочь, которую он мог припомнить о Чёрных Всадниках. Наконец вопросы кончились, и Фродо с облегчением сел.

— Неплохо, — сказал ему Бильбо. — Получился бы отличный рассказ, если бы тебя постоянно не перебивали. Я успел сделать кое-какие пометки, но нам нужно будет как-нибудь заняться этим на пару, чтобы я как следует всё описал. У меня и без того масса необработанного материала, а из твоего путешествия выйдет несколько глав!

— Да, история получилась длинная, — согласился Фродо. — И всё же, по-моему, она выглядит неполной. Мне хотелось бы ещё многое выяснить, особенно насчет Гэндальфа.

Галдор из Серой Гавани, сидевший неподалёку от хоббитов, услышал последнее замечание Фродо.

— Ты совершенно прав! — воскликнул он и обратился к Элронду. — Возможно, Мудрые имеют веские основания полагать, что находка невысокликов и есть то самое Великое Кольцо, о котором так долго шла речь, хоть это далеко не очевидно тем, кто знает меньше. Но где доказательства? Нельзя ли их услышать? И, если позволите, ещё один вопрос. Как насчёт Сарумана? Он сведущ в том, что касается Колец, но его нет среди нас. Знает ли он о том, что мы слышали, и каков его совет?

— Твои вопросы, Галдор, — ответил Элронд, — так тесно переплетаются между собой, что их прояснит нам одна история — история, которую расскажет Гэндальф. Он завершит повесть о Кольце, ибо это почётное право принадлежит мудрецу, а Гэндальф знает больше всех нас.

— Возможно, Галдор, — начал Гэндальф, — вести, принесённые Глоином, и погоня за Фродо сами по себе служат достаточным доказательством того, что вещь, найденная невысоклыми, имеет для Врага огромную ценность. А нашли они кольцо. В таком случае, какое? Девять у назгулов. Семь захвачены или уничтожены. (При этих словах Глоин встрепенулся, но сделал над собой усилие и смолчал.) Судьба Трёх нам известна. Так за каким Кольцом гоняется Враг?

Действительно, между Рекой и Горами, между потерей и находкой Кольца, зияет многовековая пропасть. Однако этот пробел в знаниях Мудрых был наконец заполнен, хотя слишком поздно. Ибо Враг шёл за нами попятам; он был даже ближе, чем я опасался, и нам ещё очень повезло, что он обнаружил истину только нынешним летом.

Кое-кому из собравшихся известно, что много лет тому назад я рискнул войти в двери Некроманта в Дол Гулдуре и, тайно разведав, чем он занимается, понял, что наши опасения подтвердились: это был никто иной, как Саурон, наш древний Враг, вновь обретший форму и набиравший силу. И кое-кто, я думаю, ещё помнит, что Саруман тогда отговорил нас от немедленных действий, и долгое время мы только наблюдали. Но когда, сгустившись над

мрачным Дол Гулдуrom, к северу поползла зловещая туча, даже Саруман одобрил войну, и объединённая дружина Совета Светлых Сил выбила Чёрного Властелина из Лихолесья. В том же году было найдено Кольцо — странное совпадение, если это совпадение.

Но, как и предвидел Элронд, мы опоздали. Саурон тоже следил за нами и давно уже подготовился к нашему удару, управляя Мордором издали через Минас Моргул, где обитали его Девять слуг. Когда наше войско подошло к Лихолесью, он сделал вид, что разбит, но бегство его было ложным, и очень скоро он объявился в Чёрной Крепости и открыто провозгласил себя Властелином. Тогда мы в последний раз собрали Совет, поскольку узнали, что с этого момента он ещё более упорно продолжил поиски Одного Кольца. Мы боялись, что он обнаружил нечто такое, что неведомо нам. Но Саруман сумел успокоить Мудрых, повторив — как он это делал не раз — что Кольцо Всевластья никогда больше не вернётся в Средиземье.

"В худшем случае врагу известно, — сказал Саруман, — что у нас его нет и что оно всё ещё не найдено. Однако утраченное может найтись, думает он. И напрасно! Его надеждам не суждено исполниться. Разве я не изучал серьёзно этот вопрос? Кольцо упало в Андуин, и давным-давно, пока Саурон спал, Река унесла его сокровище в Море. И пусть оно лежит там, до самого Конца".

Гэндальф умолк и посмотрел через арку окна на восток, на далёкие пики Мглистых гор, у чьих могучих корней так долго таилось Кольцо Всевластия.

— Моя вина тяжела, — вздохнув, произнёс он. — Меня убаюкали слова Сарумана Мудрого; я должен был приняться за поиски истины раньше и тем уменьшить опасность, грозящую нам.

— Мы все виноваты, — сказал Элронд. — Но, быть может, только благодаря тебе завеса Тьмы ещё не сомкнулась над Средиземьем. Продолжай!

И Гэндальф продолжил:

— Началось с того, что, несмотря на все доводы, в глубине души я ощутил беспокойство. Мне очень хотелось знать, каким образом это кольцо попало к Горлumu и насколько давно. Он должен был вылезти из подземного логова, чтобы попытаться отыскать свою "прелесть", и я решил учредить за ним слежку. Он и вылез, но, ловко ускользнув от преследователей, снова исчез. А я — увy! — оставил всё как есть, ограничившись одним наблюдением и выжиданием, как мы поступали слишком часто.

Время рождало всё новые заботы, постепенно притупляя мои опасения, пока они не всколыхнулись вновь, преобразовавшись в острую и глубокую тревогу. Откуда взялось колечко хоббитов? И что, если мои страхи верны, следует с ним сделать? Вот что мне нужно было решить. Но я ни с кем об этом не говорил, ибо неосторожно оброненное слово могут услышать не только друзья. В наших бесконечных войнах с Врагом болтовня часто оборачивалась бедой, и мы научились страшиться предательства.

Это было семнадцать лет назад. Вскоре я убедился, что вокруг Ши́ра собираются всевозможные соглядатаи: Чёрному Властелину служат шпионами даже некоторые звери и птицы. Мне пришлось обратиться за помощью к дунедаянам, и они удвоили бдительность; кроме того, я откровенно поговорил с Арагорном, наследником Исилдура.

— А я, — вставил Арагорн, — посоветовал обязательно поймать Горлума, хотя время, конечно, было упущено. Поскольку мне, как потомку Исилдура, следовало сделать всё, чтобы исправить его вину, я отправился с Гэндальфом на долгие и безнадежные поиски.

Гэндальф коротко рассказал Совету, как они обшарили все земли Глухоманья вплоть до Чёрных гор на границах Мордора, — и там впервые слышали о Горлуме.

— Мы поняли, что он давно прячется где-то в тёмных холмах, но так и не смогли напасть

на его след. Наконец я совершенно отчаялся, но именно отчаяние освежило мою память, и я вдруг вспомнил о пробе, которая может сделать поиски Горлума необязательными. Кольцо Всевластия само способно сообщить о себе. Я вспомнил слова Сарумана, которые вполуха выслушал на последнем Совете:

"Девять, Семь и Три, — сказал он тогда, — отличаются друг от друга драгоценными камнями. А своё Кольцо — Кольцо Всевластия — Саурон выковал совершенно гладким, как одно из младших колец, однако на нём есть знаки, которые мудрый сможет, пожалуй, увидеть и прочитав".

Какого рода эти знаки, он не сказал. Кому же могло быть известно об их наличии? Создателю Кольца. А Саруману? Как ни глубоки его познания, они должны иметь источник. Чья рука, помимо Саурана, держала это кольцо до того, как оно было потеряно? Только рука Исилдура.

С этой мыслью я бросил поиски Горлума и, не теряя времени, отправился в Гондор. В былые дни там охотно привечали членов моего ордена, и в особенности Сарумана — он подолгу гостевал у Владык Города. Меня Правитель Денетор встретил гораздо сдержанней, чем раньше, и весьма неохотно допустил в хранилище древних рукописей и старинных книг.

"Если тебя, как ты говоришь, интересуют древние летописи Гондора — что ж, читай! — сказал он мне. — Для меня же прошлое яснее будущего, о котором мне надлежит думать. Однако ты не найдёшь в них ничего, что не было бы известно мне, знатоку преданий этого Города, — разве что ты окажешься искуснее Сарумана, который тоже долго изучал их".

Так напутствовал меня Денетор. И всё же я нашёл в хранилище манускрипты, которые мало кто способен прочесть, ибо наречия и письмена народов древности знают сейчас лишь мудрейшие из Мудрых. Да, Боромир, в Минас Тирите до сих пор хранится запись, сделанная рукой самого Исилдура, и едва ли кто-нибудь касался этого свитка с тех пор, как прервался род королей, кроме меня и Сарумана. Она сохранилась, поскольку Исилдур не покинул Гондор сразу после битвы в Мордоре, как гласят северные предания.

— Северные — возможно, — вмешался Боромир, — но в Гондоре всем известно, что Исилдур сперва вернулся в Минас Анор, чтобы поручить Южное королевство своему племяннику Менельдилу. И тогда же — в память о погибшем брате — он посадил там последний росток Белого Дерева.

— И тогда же сделал последнюю запись, — продолжил Гэндальф, — о которой в Гондоре, похоже, забыли. Эта запись касается Кольца, и вот что мне удалось прочесть:

"Отныне Кольцо Всевластия станет достоянием королей Арнора; однако сей манускрипт я оставляю в Гондоре — ибо здесь тоже живут потомки Элендила — дабы и на юге не забылись удивительные деяния нашей эпохи".

И тут же даётся описание Кольца:

"Оно было раскалённым, когда я взял его в руку, словно только что вынутое из горна, и мне казалось, что мой ожог не заживёт уже никогда. Однако рука моя исцелилась, и сейчас, когда я пишу эти строки, Кольцо остыло, и сделалось на вид меньше, и всё же не потеряло прежней привлекательности, равно как и формы, приданной ему Врагом. И потускнели магические знаки на нём, и едва виднеются. Знаки же суть буквы эльфов Эрегиона, ибо в Мордоре нет шрифта, годного для столь тонкой работы, но язык надписи мне неизвестен. Полагаю, что это язык Чёрной страны, поскольку звучит он грубо и омерзительно. Какое зло скрыто в ней, мне неизвестно, но я срисовываю её, дабы сохранилась она, ежели буквы, уже едва зримые, исчезнут совсем. Кольцу недостаёт, как представляется мне, жара руки Саурана, ибо черна она была, но обжигала, подобно огню; и так был сражён Гил-галад; и ежели накалишь Кольцо, то проступит, быть может, и надпись, однако я боюсь причинить вред ему — единственно

прекрасной вещи из всего, сделанного Сауроном. Оно дорого мне, и слишком дорого я заплатил за него".

Итак, мои предположения оправдались. Срисованная надпись действительно, как предполагал Исилдур, была на языке Мордора и слуг Башни, и значение её давно известно. Ибо в день, когда Саурон впервые надел Одно Кольцо, Келебримбор, сделавший Три, проник в его мысль и услышал, как он произносит эти слова, и так узнал о злом умысле Врага.

Я простился с Денетором и поспешил в Хоббитанию, но на пути получил известие из Лориэна, что Арагорн прошёл там, всё-таки поймав Горлума. Я решил сперва встретиться с ним. Какие смертельные опасности преодолел он, в одиночку выслеживая Горлума у границ Мордора, я и гадать боюсь. Но об этом пусть расскажет он сам.

— А зачем? — пожал плечами Арагорн. — Когда пробираешься ввиду Чёрных Ворот или путешествуешь по Моргульской долине с её лугами цветущих предсмертников, поневоле приходится преодолевать опасности. Я тоже в конце концов отчаялся разыскать Горлума и уже повернул к северу, но внезапно обнаружил то, что искал: лёгкие отпечатки босых ног на берегу мутного озера. След был свежий и целеустремленно уводил прочь от Мордора. Я шёл по нему вдоль края Гиблых Болот, и там, наконец, поймал его, Горлума, в момент, когда он вглядывался в воду вонючего омута, подобравшись к нему в глубоких сумерках. Он весь был покрыт зеленоватой тиной, и, боюсь, ему не за что меня любить: он прокусил мне руку, и я не стал с ним нежничать. Кроме отметин от клыков, ничего другого я из его уст так и не получил. Возвращение на север с пойманным Горлумом далось мне гораздо тяжелее поисков. Всю дорогу я гнал его впереди себя с петлёй на шее и кляпом во рту, пока голод и жажда не сделали его несколько более ручным, и караулил днём и ночью. Ну, всё-таки добрался наконец до Лихолесья и с радостью сдал его на попечение эльфам Трандуила, как было условлено. Надеюсь, что больше мы с ним не встретимся: ведь он, вдобавок ко всем его прелестям, ещё и воняет. Но Гэндальф, надо сказать, отличается изрядной выдержкой — они беседовали довольно долго.

— Долго и нудно, — подтвердил Гэндальф, — но не без пользы. Во-первых, рассказ Горлума о том, как он потерял Кольцо, совпала с тем, что сегодня — впервые без всяких недомолвок и преувеличений — поведал Бильбо. Но это не имеет большого значения: я и сам догадался, как было дело. Важно другое — Горлум сказал мне, что Кольцо было найдено в Великой Реке у Ирисной низины. И я узнал также, что владел он им долго. Очень долго. Много поколений этого народца. Сила кольца продлила его жизнь далеко за пределы отпущенного ему срока, но такой силой обладают лишь Великие Кольца.

Если же и этого доказательства тебе недостаточно, Галдор, то есть ещё одна проба, о которой я уже говорил. На этом самом кольце, которое вы все видели, круглом и без всяких украшений, и поныне можно прочесть письма, о которых говорил Исилдур, если найдётся достаточно воли, чтобы подержать его в огне. Я бросил Кольцо в камин, и вот что я прочёл:

Аш назг дурбатулук, аш назг гимбатул, аш назг тхракатулук
агх бурзум-иши кримпатул.

Голос мага вдруг стал зловещим. Глухо и монотонно прозвучали слова, но гулко и мощно раскатились по залу, — и словно тень закрыла стоящее в зените солнце, застыв на мгновение окна. Все содрогнулись, а эльфы зажали уши руками.

— Доныне ничей ещё голос не дерзал произносить слов на этом языке в Имладрисе, Гэндальф Серый, — проговорил Элронд, когда тень прошла и участники Совета перевели

дыхание.

— И надеюсь, больше и не дерзнёт, — ответил Гэндальф Владыке Раздола. — Но я не прошу у тебя прощения, господин Элронд, ибо, если мы не хотим, чтобы язык этот зазвучал вскоре во всех уголках Запада, следует отринуть сомнения и признать вместе с Мудрыми, что Кольцо это — то самое драгоценное сокровище Врага, наполненное всей его злобой, в которое вложена основная часть его древней силы. Из Чёрных Лет дошли до нас слова, которые слышали Кузнецы Эрегиона и поняли, что попали в сети предательства:

Кольцо — чтоб найти их, Кольцо — чтоб свести их,
И силой Всевластия вместе сковать их.

Знайте же, друзья, что в разговоре с Горлумом мне удалось выяснить ещё одну вещь. Говорил он об этом с крайней неохотой, и речь его была невнятна, однако сомнений нет: он был в Мордоре и там у него выпытали решительно всё, что ему было известно. Таким образом, Враг знает теперь, что Кольцо Всевластия нашлось, что оно долго хранилось в Шире, а поскольку его слуги гнались за ним чуть ли не до нашего порога, он вскоре будет знать — а быть может, уже сейчас, в эту самую минуту, знает, — что оно здесь.

— Так он, этот Горлум, вы говорите, мелкая тварь? — прервал затянувшееся молчание Боромир. — Мелкая тварь, но бед от него много. Что с ним случилось? К какой участи его приговорили?

— Он заключён под стражу, только и всего, — ответил Арагорн. — Ему пришлось немало претерпеть. Его, без сомнения, страшно пытали, и он испытывает чёрный ужас перед Сауроном. Однако я рад, что его охраняют бдительные эльфы Лихолесья. Его злоба велика и придаёт его хилому тельцу невероятные силы. Будь он на свободе, то доставил бы нам ещё немало неприятностей. И я нисколько не сомневаюсь, что он был отпущен из Мордора с каким-нибудь отнюдь не безвредным поручением.

— Увы, увy! — внезапно воскликнул эльф Леголас. — Меня прислали с плохим известием, но его поистине страшный смысл я понял только на сегодняшнем совете! Смеагорл, которого ныне называют Горлумом, бежал.

— Бежал? — ахнул Арагорн. — Вот уж действительно плохая новость. И боюсь, мы все вскоре горько об этом пожалеем. Как же случилось, что эльфы Трандуила оплошали?

— Виной тому не потеря бдительности, — сказал Леголас, — но, быть может, излишняя снисходительность. Кроме того, мы опасаемся, что узнику помогли, а это значит, что о наших делах известно больше, чем следовало бы. Мы не спускали с Горлума глаз ни днём, ни ночью, как просил Гэндальф, хотя это нам порядком надоело. Но Гэндальф сказал также, что это создание ещё не совсем безнадежно, так что нам не хватало духа держать его всё время в подземелье, где он быстро впал бы в свой прежний чёрный настрой.

— Ко мне вы были гораздо менее снисходительны, — сверкнув глазами, перебил его Глоин. Он вспомнил своё заточение в королевской темнице.

— Тише, тише, мой добрый Глоин, — вмешался Гэндальф. — Это было прискорбное недоразумение, давным-давно улаженное. Если мы допустим, чтобы эльфы и гномы начались считаться старыми обидами, Совет никогда не будет завершён.

Глоин встал и молча поклонился, а эльф продолжил прерванный рассказ:

— В погожие дни мы выводили узника в лес; там есть высокое дерево, стоящее далеко от прочих, на которое он любил залезать. Мы частенько позволяли ему подниматься до самой

вершины, где чувствуется свежий ветер, но у подножья дерева всегда оставляли стражников. Однажды он отказался слезать; стражникам не хотелось стаскивать его силой — он умел намертво вцепляться в ветви руками и ногами — и они засиделись под деревом до глубокой ночи.

И как раз в ту летнюю безлунную и беззвёздную ночь на нас неожиданно напали орки. Нам удалось отбить нападение только под утро — полчища орков дрались отчаянно, но они спустились с гор и не привыкли к лесам. Когда битва закончилась, мы обнаружили, что Горлум исчез, а его стражники частью перебиты, частью уведены в плен. Похоже, что этот неожиданный набег был затеян для его освобождения, и Горлumu было известно о нём заранее. Каким образом это произошло, мы не знаем, однако Горлум хитёр, а у Врага много шпионов. Создания тьмы, изгнанные в тот год, когда был убит дракон, вернулись, и их стало даже больше, так что Лихолесье снова полно опасностей, и наше королевство превратилось в остров, со всех сторон окружённый врагами.

Изловить Горлума ещё раз нам не удалось. Среди множества следов, оставленных орками, мы разыскали и след беглеца: он вел к югу, в самую глубь леса, но вскоре совсем пропал, и мы не осмелились продолжать погоню, поскольку подошли слишком близко к Дол Гулдуру. Это очень опасное место, в которое мы не заходим.

— Короче, он скрылся, — заключил Гэндальф, — и разыскивать его нам сейчас некогда. Пусть делает, что хочет. Но, быть может, ему ещё предстоит сыграть роль, о которой не подозревает ни он сам, ни Саурон.

А теперь я отвечу на другой вопрос Галдора: что известно Саруману и каков его совет? Это довольно длинная история, и знает о ней пока только Элронд; впрочем, и ему я рассказал её вкратце, а она требует подробного изложения, поскольку имеет непосредственное отношение к тому, что нам предстоит решить, и на сегодня стала последней главой в повести о Кольце, которая пока ещё далека от завершения.

Когда в конце июня я был в Хоббитании, меня охватила тревога, и я отправился к южным границам этой маленькой страны, ибо чувствовал, что опасность быстро приближается, хотя и не мог определить — какая. Здесь я узнал о войне и поражении Гондора, а когда услышал о Чёрной Тени, то содрогнулся в душе, однако смог отыскать лишь нескольких беженцев с юга. Они явно были чем-то напуганы, но причину страха скрывали. Затем я свернул к востоку, выбрался на Зелёный, он же Неторный, тракт, поехал по нему на север и неподалёку от Бри повстречался с путником, сидевшем на обочине, а рядом паслась его лошадь. Это был Радагаст Карий, который некогда жил в Коневодье близ края Лихолесья. Он член моего ордена, но я не виделся с ним уже много лет.

"Гэндальф! — обрадовано вскричал Радагаст. — Тебя-то я и разыскивал. Но я совершенно не знаю этих мест, а мне сказали только, что тебя можно встретить в каком-то захолустье с неуклюжим названием Хоббитания".

"Правильно сказали, — ответил я. — Только подбирай другие выражения, если встретишь кого-нибудь из местных. Ты уже совсем рядом с Хоббитанией. Но у тебя, вероятно, важные новости? Ты ведь никогда не любил путешествовать, и едва ли твои привычки изменились".

"Очень важные, — сказал Радагаст. — Очень важные и очень скверные. — Потом он тревожно оглянулся, словно боялся, что у кустов вдоль тракта есть уши, и прошептал — "Назгулы. Девятеро опять появились. Они тайно переправились через Реку и направились к западу, приняв облик всадников в чёрном".

Теперь я знал, какая опасность смутила моё сердце.

"Врагу что-то действительно необходимо или он преследует какую-то важную цель, это

очевидно, — продолжил Радагаст, — но я понятия не имею, что заставило его обратить внимание на эти далёкие и пустынные края".

"Что ты имеешь в виду?" — спросил я.

"Мне сказали, что всадники повсюду расспрашивают о каком-то Шире."

"Хоббитания и есть Шир" — ответил я, но сердце моё сжалось, ибо даже Мудрому тяжело противостоять девяти, если они соберутся все вместе под началом своего страшного капитана. В древности он был великим королём и чародеем, а теперь оружие его — смертельный ужас.

"Кто рассказал тебе это и кто послал ко мне?" — спросил я.

"Саруман Белый, — ответил Радагаст. — И он просил меня передать тебе, что если нужно, он поможет; но ты должен ехать к нему немедленно, иначе будет слишком поздно".

Эти слова ободрили меня. Ибо Саруман Белый — величайший из моего ордена. Радагаст, конечно, тоже могущественный маг, мастер форм и сменяющихся красок, глубокий знаток животных и трав, особенно дружный с птицами, но Саруман долго изучал искусство самого Врага, благодаря чему нам часто удавалось предвосхищать его замыслы. С помощью изобретений Сарумана мы смогли выбить Врага из Дол Гулдура. Возможно, он сумел найти оружие, способное отбросить Девятерых.

"Я поеду к Саруману", — сказал я.

"Тогда отправляйся немедленно, — посоветовал Радагаст, — ибо я потратил слишком много времени на поиски, и времени осталось совсем мало. Мне велели найти тебя до солнцеворота, а он уже наступил. Даже если ты выедешь прямо сейчас, тебе нелегко будет добраться до Сарумана раньше, чем Девятеро найдут страну, которую ищут. А мне пора поворачивать восвояси". — С этими словами он вскочил в седло и тронул поводья.

"Подожди! — сказал я. — Нам понадобится твоя помощь и помощь всех, кто готов оказать её. Оповести всех зверей и птиц, с которыми ты дружен. Попроси их нести вести обо всём, что касается Девятерых, к Саруману и Гэндальфу. Пусть шлют гонцов в Ортханк".

"Будет сделано", — сказал он и помчался прочь, словно за ним гнались Девятеро.

Я не мог тогда же последовать за Карим. Мой конь был измучен, да и я устал: мы покрыли в тот день огромное расстояние; а главное, мне хотелось собраться с мыслями. И вот, отложив решение на утро, я переночевал в Бри, а выспавшись, решил, что возвращаться в Шир некогда. Большой ошибки я никогда не совершал!

Тем не менее, я написал Фродо и поручил отослать это письмо своему приятелю трактирщику. Я выехал с рассветом и долгое время спустя добрался до жилища Сарумана. Он живёт далеко на юге, в Скальбурге, у конца Мглистых гор, недалеко от Роханского ущелья. Боромир скажет вам, что это большая открытая долина, которая лежит между Мглистыми горами и самыми северными отрогами Эред Нимраса, его родных Белых гор. А Скальбург — это круг отвесных утёсов, которые стеной окаймляют лощину, в центре которой высится каменная башня Ортханк. Выстроена она не Саруманом, а людьми Нуменора в далёкой древности. Башня высока и хранит в себе много тайн, однако выглядит не как творение человеческих рук. Попасть в неё можно только через кольцо Скальбурга, в котором есть лишь одни ворота.

Я подъехал к этим воротам, похожим на огромную арку в каменной стене, поздно вечером. Ворота хорошо охранялись, но стража была предупреждена обо мне и сообщила, что Саруман ждёт. Я въехал в арку, и ворота бесшумно сомкнулись за моей спиной. Меня вдруг кольнуло неясное опасение.

Тем не менее я подъехал к Ортханку, и Саруман, неспешно спустившись по лестнице, встретил меня и отвёл на вершину башни в свой покой. На руке у него я заметил кольцо.

"Итак, Гэндальф, ты приехал", — сказал он степенно, но мне показалось, что в его глазах

вспыхнула на мгновение холодная насмешка.

"Да, я приехал, — ответил я. — Мне нужна твоя помощь, Саруман Белый".

Услышав свой титул, Саруман разозлился.

"Ты просишь помощи, Гэндальф Серый? — с издёвкой в голосе переспросил он. — Значит, хитроумному и вездесущему магу, который вмешивается во все дела Средиземья, вне зависимости от того, касаются они его или нет, тоже иногда бывает нужна помощь?"

Я с удивлением посмотрел на него и сказал: "Если полученные мною вести не ложны, то сейчас пришли в движение силы, противостоять которым мы можем только объединившись".

"Возможно, и так, — протянул он, — однако мысль эта пришла к тебе достаточно поздно. Любопытно, сколь долго скрывал ты от меня, главы Совета, событие поистине величайшей важности? И что привело тебя из твоего тайного логова в Хоббитании?"

"Девятеро опять появились, — ответил я. — Они пересекли Реку. Так сказал мне Радагаст."

"Радагаст Карий! — расхохотался Саруман, даже не пытаясь скрыть своё пренебрежение. — Радагаст Приручитель Пташек! Радагаст Простак! Радагаст Дурак! Хорошо, что у него хватило ума сыграть отведённую ему мною роль. Он неплохо сыграл её — потому что ты здесь. Здесь ты и останешься, Гэндальф Серый, — надо же тебе отдохнуть от своих путешествий. Ибо этого хочу я, Саруман Мудрый, Саруман — Создатель Колец, Саруман Многоцветный!"

Я присмотрелся внимательней и понял, что его одеяние, казавшееся белым, на самом деле соткано из всех цветов, которые при движении мерцают и переливаются, обманывая глаз.

"Белое мне нравится больше", — сказал я.

"Белое! — насмешливо фыркнул он. — Оно нужно только для начала. Белую ткань можно покрасить, белый лист — исписать, а белый свет — разбить на цветные лучи".

"После чего он перестанет быть белым, — возразил я. — Тот, кто разбивает вещь, чтобы узнать, что она собой представляет, сворачивает с дороги мудрости".

"Довольно! — резко оборвал меня Саруман. — Прибереги свои поучения для дураков, с которыми ты привык водить дружбу. Я заполучил тебя сюда не ради этого, а для того, чтобы ты сделал окончательный выбор".

Саруман приосанился и произнёс речь — по-моему, он приготовил её заранее.

"Дни Эльдер миновали. Средняя Эпоха тоже подходит к концу. Наступает Новая Эпоха. Время эльфов прошло, близится наше время: мир людей, которым мы призваны управлять. Но мы должны обладать силой, силой, которая позволит нам руководить всем так, как нам хочется, ради блага, ведомого лишь Мудрым".

Тут он подошёл ближе и продолжил проникновенно и вкрадчиво:

"Послушай же, Гэндальф, мой старый друг и помощник! Я говорю "нам" в надежде, что ты присоединишься ко мне. На подъёме Новая Сила. Против неё бесполезны прежние методы и союзы. Бессмысленно уповать на эльфов и умирающий Нуменор. Перед нами, перед тобой лишь один выбор. Мы должны поддержать Новую Силу. Это мудрое решение, Гэндальф. В нём — единственная наша надежда. Победа Новой Силы близка, и поддержавших её ждёт великая награда. Ибо с возвышением Новой Силы будут возвышаться и её союзники; а Мудрые — такие, как мы с тобой, — постепенно научатся ею управлять и направлять. Мы сумеем дождаться нашего часа, мы скроем свои замыслы в глубине души, сожалея, быть может, о причинённом невольно зле, но одобряя высокую конечную цель — Просвещение, Закон, Порядок — всё то, чего мы тщетно пытались добиться, пока наши праздные или слабые друзья больше мешали нам, чем помогали. Нам не нужно — и мы не будем — менять наших целей. Мы изменим лишь средства, с помощью которых мы к ним стремились".

"Саруман, — сказал я, когда он умолк. — Мне уже приходилось слышать подобные речи,

но только из уст прислужников Врага, посланных Мордором дурачить доверчивых и наивных. Неужели ты вызвал меня для того, чтобы повторить их болтовню?"

Он искоса глянул на меня и, помолчав, проговорил:

"Я вижу, что тебя не прельщает этот мудрый курс. Ещё нет? Не прельщает, если может быть предложен иной, лучший путь?"

Он подошёл ещё ближе, придержал меня своей узкой кистью за рукав и прошептал:

"А почему бы и нет, Гэндальф? Почему? Кольцо Всевластья? Если мы завладеем им, то Сила перейдёт к нам. Вот истинная причина, по которой я призвал тебя. Мне служат многие глаза и уши, и я уверен — ты знаешь, где хранится Кольцо. Не так ли? А иначе зачем бы тебе Шир и почему его разыскивают Девятеро?"

При этих словах в глазах его полыхнула алчность, которую он не в силах был скрыть.

"Саруман, — отступив, сказал я ему, — тебе прекрасно известно, что у Кольца Всевластья может быть только один хозяин, поэтому не трудись говорить "к нам"! Но я не дал бы его тебе, даже ни словом не упомянул бы о нём теперь, когда я узнал твои помыслы. Ты был главой Совета, но эта маска, наконец, спала. Итак, ты предложил мне выбор — подчиниться Саурону или Саруману. Я не подчинюсь ни тому, ни другому. Что-нибудь ещё ты можешь предложить?"

Саруман глянул на меня холодно и с угрозой.

"Да, — сказал он. — Я не надеялся, что ты проявишь мудрое благоразумие, даже ради своей собственной пользы, однако я дал тебе возможность помочь мне добровольно, избежав тем самым многих бед и боли. Третье предложение: остаться покуда здесь".

"Покуда — что?" — спросил я.

"Покуда ты не откроешь мне, где хранится Кольцо. Я придумаю, как заставить тебя сделать это, — ответил он мне. — Или покуда оно не отыщется вопреки твоему малоумному упрямству и у Властелина найдётся время заняться простенькими делами. Например, решить, какой награды заслуживает наглое высокомерие Гэндальфа Серого".

"Решить-то, пожалуй, ему будет просто, — сказал я, — да легко ли выполнить?" Но Саруман только издевательски рассмеялся, ибо он знал не хуже меня, что я произношу пустые слова.

Меня отвели на самую вершину Ортханка, на площадку, с которой Саруман обычно наблюдал за звёздами. Спуститься оттуда можно только по узкой лестнице в несколько тысяч каменных ступеней. Оставшись один, я оглядел лежавшую далеко подо мной долину, некогда зелёную и прекрасную; теперь её почти сплошь покрывали ямы и кузницы. Утёсы Скальбурга с внутренней стороны зияли норами для орков и волков, поскольку Саруман собирал большое войско, соперничая в этом с Сауроном. Значит, он ему ещё не подчинился. Надо всем этим висело дымное марево, обволакивающее стены Ортханка. Я стоял на островке среди туч без всякой надежды на спасение, и дни мои были горьки. Холод пронизывал меня насквозь, и я беспрестанно расхаживал по крохотной площадке, терзаясь мыслями о Всадниках, во весь опор скачущих к Северу.

Я не сомневался, что Девятеро действительно объявились, и вовсе не из-за слов Сарумана, которые могли быть ложью, ибо по дороге к Скальбургу я слышал известия, которые подтверждали это. Мне было страшно за друзей в Хоббитании, и всё же меня не покидала надежда. Я надеялся, что Фродо, получив письмо, без промедления отправился в путь и очутился в Раздоле раньше, чем началась смертоносная погоня. Однако мои надежды, как и страхи, оказались напрасными, ибо я надеялся на толстяка из Бри и боялся коварства Саурана. Но толстяка, продающего пиво, и без меня тормозят со всех сторон, а могущество Саурана пока меньше, чем кажется со страху. Однако я, стоя в кольце Скальбурга, одинокий, пойманный в

западню, не мог и вообразить, что призрачные охотники, перед которыми всё бежит или гибнет, споткнутся в далёкой Хоббитании.

— Я видел тебя! — вдруг воскликнул Фродо. — Ты ходил взад и вперёд, и луна освещала твои волосы!

Гэндальф с удивлением посмотрел на него.

— Это всего лишь сон, — пояснил Фродо, — я было совсем забыл его, а сейчас вдруг вспомнил. Он приснился мне довольно давно. Наверное, когда я ушёл из Шира.

— Тогда, как увидишь, он запоздал, — сказал Гэндальф. — Положение было крайне тяжёлым. И те, кто меня знают, согласятся, что редко попадал я в такую беду и нелегко переношу подобные неудачи. Подумать только — я, Гэндальф Серый, угодил, как муха, в предательскую паучью сеть! Однако и в самой искусной паутине можно отыскать слабую нить.

Сначала я поддался мрачному настроению и заподозрил в предательстве Радагаста Карего, на что, без сомнения, и рассчитывал Саруман. Однако, припомнив разговор с Радагастом, понял, что Саруман обманул и его: я неминуемо ощутил бы фальшь, ибо Радагаст не умеет притворяться. Да, Радагаст был чист передо мной — именно поэтому попал я в ловушку: меня убедили его слова.

Но поэтому лопнул и замысел Сарумана: ничего не подозревавший Радагаст выполнил своё обещание. Расставшись со мной, он поехал к Лихолесью, где у него много старинных друзей — и вот орлы с Мглистых гор закружились над Средиземьем. От них не укрылись ни огромные стаи волков, ни орды орков, ни Девять Всадников, прочёсывающих западные страны; кроме того, они услышали о бегстве Горлума. И орлы отправили ко мне гонца.

Однажды лунной ночью, уже под осень, быстрейший из Великих Орлов, Гваихир Ветробой, внезапно спустился к Ортханку и увидел меня на его вершине. Я окликнул его, и он унёс меня прежде, чем Саруман опомнился. Когда из ворот Скальбурга полились в погоню за мной волки и орки, я был уже далеко.

"Куда ты можешь отнести меня?" — спросил я Гваихира.

"За многие лиги, — сказал он, — но не на край света. Я был послан сюда как гонец, а не как конь".

"Тогда мне нужен конь, — сказал я. — И не просто конь, а превосходный скакун, потому что никогда ещё не нужно мне было так спешить".

"В таком случае, я отнесу тебя в Эдорас, к герцогу Ристании — такое расстояние для меня не крюк".

О лучшем и мечтать было нечего, ибо в Рохане, герцогстве Ристания, живут ристанийцы, властелины коней, и нигде в Средиземье нет лошадей, равных тем, которых разводят на этой великой равнине между Мглистыми и Белыми горами.

"Ты считаешь, что людям Рохана можно ещё доверять?" — спросил я орла, потому что предательство Сарумана заставило меня быть подозрительным.

"Они платят Мордору дань — ежегодно отправляют туда много коней, как я слышал, — ответил орёл. — Но пока не попали под его иго. Однако, если Саруман, как ты говоришь, перешёл на сторону зла, их судьба предрешена".

Прежде, чем рассвело, он опустил меня на земли Рохана. Остальное можно рассказать вкратце... В Ристании зло уже было за работой: Саруман опутал ристанийцев сетями лжи, и герцог не поверил моим словам. Он велел мне взять лошадь и проваливать. Я так и поступил, и мой выбор изрядно его раздосадовал, потому что я взял из табунов Рохана лучшего коня, подобного которому прежде не видел.

— Тогда это, должно быть, поистине благородное животное, — вставил Арагорн и,

вздыхнув, добавил: — Мне очень горько узнать, что Саурон получает дань лучшими конями Средиземья, хотя сегодня прозвучали известия и более мрачные. Когда я последний раз был там, ристанийцы ещё никому не платили.

— Могу поклясться, что они и сейчас не платят, — вмешался Боромир. — Это ложь, распущенная Врагом. Мне ли не знать верных и доблестных мужей Рохана, наших союзников, которые издревле живут в землях, пожалованных им Гондором!

— Тень Мордора затмила немало земель, — возразил Арагорн. — Саруман уже поглощён ею. Ристания окружена. Кто знает, что ты выяснишь там, если когда-нибудь вернёшься?

— Только не это, — парировал Боромир. — Ристанийцы не станут выкупать свои жизни конями. Они любят своих лошадей почти как родичей, и не без оснований: ведь кони Ристании пришли с полей Севера, далёких от Тени, и порода их, как и род их повелителей, восходит к свободным дням древности.

— Совершенно верно, — сказал Гэндальф. — И есть среди них один конь, который был бы достоин появиться на заре мира. Лошади Девятерых и в сравнение с ним не идут; он неутомим и быстр, как порыв ветра. Ристанийцы называют его Тенегоном^[4]: днём его шкура блестит, как серебро, а ночью сливается с тенями, и его невозможно увидеть. Лёгок его шаг и стремителен бег! До меня никто на него не садился, но я укротил его и он понёс меня с такой быстротой, что, когда Фродо добрался до Могильников, я уже пересёк границу Ши́ра, хотя отправились мы в путь одновременно — он из Хоббитона, я из Рохана.

Но, пока я скакал к Ши́ру, страх во мне неуклонно нарастал. Чёрные Всадники двигались на север, и хотя расстояние между нами день ото дня сокращалось, они по-прежнему были впереди. Вскоре я узнал, что Всадники разделились: одни остались у восточной границы, рядом с Зелёным Трактом, а другие проникли в Ши́р с юга. Я направился в Хоббитон; Фродо там уже не было, но я перемолвился парой слов со стариком Скрамби. Точнее, слов-то было гораздо больше, только нужных мне мало, потому что распространялся он в основном о скупости и прочих недостатках новых хозяев Торбы.

"Я уже слишком стар, — жаловался он. — Мне вредны перемены, и в особенности перемены к худшему". Эти "перемены к худшему" и "хуже некуда" просто не сходили у него с языка.

"Худшее — плохое слово, — сказал я ему. — Но хуже некуда — ещё хуже. Будем надеяться, что ты его не увидишь". Однако из его старческой болтовни я узнал, что Фродо уехал из Хоббитона меньше недели назад и что в вечер его отъезда у дома побывал Чёрный Всадник. Терзаемый страхом, я поскакал дальше. Жители Забрэндии суетились, словно муравьи у разорённого муравейника. Подъехав к дому в Кроличьей Балке, я увидел, что дверь выбита, сам дом пуст, но на пороге валяется плащ, принадлежавший Фродо. Больше надеяться было не на что, и я поехал по следам Всадников, решив не расспрашивать окрестных жителей — и напрасно: они бы меня успокоили. Следы вели в разных направлениях, так что я растерялся, однако мне показалось, что по крайней мере один, а может, и два Всадника поскакали к Бри. Туда я и поехал, прикидывая, каких слов заслуживает тамошний трактирщик.

"Ну, Буттербур, — думал я, — если задержка вышла из-за тебя, то ты, голубчик, у меня на бутерброды пойдёшь. Весь жир из тебя повытоплю! Поджарю старого дурака на медленном огне!" Меньшего он, вероятно, и не ждал, потому что при виде меня рухнул ничком и чуть не оплавился до шкварок прямо на месте.

— Что ты с ним сделал? — перепугано вскрикнул Фродо. — Он ведь принял нас как близких друзей и помог всем, чем было в его силах.

— Не бойся, — рассмеялся Гэндальф. — Я его даже и припугнуть толком не успел, ибо, когда он перестал трястись и пролепетал, что вы были здесь прошлой ночью, а наутро ушли с

Бродяжником, меня охватила буйная радость.

"С Бродяжником?" — заорал я, не в состоянии понять, как это могло произойти.

"Да, сударь, с ним, — снова затрясся Барлиман, решив, что разгневал меня ещё больше. — Он таки пробрался к ним, как я ни мешал, вот они с ним и связались. Они вообще вели себя очень странно, пока были здесь, я бы даже сказал, своенравно".

"Милый мой дурень! Дорогой мой осёл! — закричал я, обнимая его. — Да я не слышал столь приятных известий с середины лета, почтеннейший мой Барлиман! Они стоят не меньше золотого! Коли так, да будет благословенно твоё пиво и да не найдётся равного ему семь лет! Нынешней ночью я спокойно усну — впервые уж не знаю за сколько времени".

Я заночевал в трактире у Буттербура и всё думал: куда же исчезли Всадники? — ведь в Бри видели только двоих. Однако ночью положение прояснилось. С запада прибыли ещё пятеро: они снесли ворота и промчались по селению, как ураган, — народ там до сих пор трясётся от страха и с минуты на минуту ожидает конца света. Я поднялся до рассвета и отправился за Всадниками.

Точно, конечно, не знаю, однако полагаю, что произошло следующее. Капитан назгулов оставался в укрытии южнее Бри, двое направились вперёд через деревню, а четверо вторглись в Хоббитанию. Потом, когда они упустили добычу и в Бри, и в Кроличьей Балке, им пришлось вернуться к своему предводителю с докладом и сколько-то времени дорога не охранялась, если не считать их шпионов. Капитан послал часть отряда к востоку прочёсывать местность, а сам промчался с остальными по Тракту в великой ярости.

Ну, а я вихрем поскакал к Заверти и добрался до неё ещё до заката второго дня, считая от Бри, — но Всадники были уже там. Они отступили передо мной, почувствовав приближение моего гнева и не осмелившись противостоять ему, пока солнце ещё оставалось в небе, но темнота придала им смелости: они осадили меня на вершине горы в древнем кольце Амон Сула, и мне пришлось немало потрудиться. Такого света и пламени Заверть не видела со времён былых военных маяков.

На восходе я вырвался из окружения и отступил к северу. Большого я сделать не мог. Искать тебя в глуши, Фродо, было бесполезно да и попросту глупо: ведь я привёл бы за собой всех девятиерых, — поэтому я целиком положился на Арагорна, но надеялся оттянуть хотя бы часть преследователей на себя, а тем временем добраться до Раздоло быстрее вас и выслать помощь. Четверо действительно погнались за мной, но через некоторое время повернули обратно и, надо полагать, направились к Броду. И всё же это немного помогло: на ваш лагерь напали лишь пятеро, а не все девять.

В конце концов, поднявшись вверх по Туманной и пройдя по Тролльему плато, я спустился к Раздолу с севера. Это заняло у меня почти четырнадцать дней, считая с Заверти, потому что пробираться среди скал на Тенегоне было невозможно, и я отослал его обратно к герцогу, но мы очень подружились, так что, если будет нужно, он придёт на мой зов. Однако из-за этого я появился в Раздole всего на три дня раньше, чем Кольцо. Здесь уже знали о грозившей вам опасности, и это оказалось весьма кстати.

На этом, Фродо, заканчивается мой рассказ — да простят мне Элронд и все остальные, что я столь долго занимал их внимание, — но, как мне кажется, Хранитель Кольца имел право во всех подробностях узнать, почему он не получил помощи, тем более, что помощь обещал ему я, Гэндальф, впервые нарушивший своё обещание.

Итак, теперь История Кольца изложена полностью, от его изготовления до нынешнего дня. Однако мы ни на шаг не приблизились к цели. Ибо нам надо сообща решить, что мы с ним сделаем.

Все молчали. Наконец Элронд произнёс:

— Ты принёс нам горестные вести о Сарумане, Гэндальф, ибо мы доверяли ему и ему известны все наши планы. Опасно слишком глубоко постигать умения Врага — с добрыми или злыми целями, всё равно. Подобное падение и предательство, увы, не новость — в древности это случалось не раз. Так что из всего, что мы услышали здесь, меня особенно удивил рассказ Фродо. Я знаю близко лишь одного хоббита — Бильбо, и сегодня мне стало ясно, что он не так уж сильно отличается от своих земляков, как я полагал. Видимо, с тех пор, как я в последний раз был на западе, мир сильно изменился.

Умертвий мы знаем под многими именами, а о Вековечном Лесе существует много преданий; хотя сейчас от него уцелела лишь самая северная часть. Было время, когда белка, прыгая с дерева на дерево, могла добраться из нынешнего Ши́ра до Сирых равнин к западу от Скальбурга. Мне довелось побывать в тех краях, и я встретил там много дикого и странного. Но я забыл о Бомбадиле — если это тот самый, кто бродил по лесам и холмам давным-давно, но уже тогда был древнее самой древности. Мы звали его Иарваин Бен-адар, что значит старейший, не имеющий отца. Но с тех пор другие народы дали ему иные имена; гномы величали Иарваина Форном, северные нуменорцы — Оральдом, и так далее. Он странное существо. Но, быть может, я зря не пригласил его на Совет?

— Он не пришёл бы, — сказал Гэндальф.

— А если всё же обратиться к нему и попросить о помощи? — предложил Эрестор. — Ведь, насколько я понял, он властен даже над Кольцом?

— Не совсем так, — возразил Гэндальф. — Точнее будет сказать, что над ним не властно Кольцо. Он сам себе хозяин. Но ему не под силу ни изменить Кольцо, ни освободить от его власти других. Он замкнулся в своём заповедном крае, очертив видимые лишь ему границы, и сам их теперь никогда не переступает, ожидая, быть может, перемены дней.

— Однако внутри очерченных им границ он по-прежнему полноправный хозяин? — уточнил Эрестор. — Тогда, быть может, он возьмёт Кольцо на хранение, сделав навеки безвредным?

— По собственной воле не возьмёт, — сказал Гэндальф. — А если и возьмёт — по просьбе всех свободных народов, — то отнесётся к нему, как к пустой безделушке. Через несколько дней он забудет о нём или, скорее всего, попросту выбросит. Подобные вещи его не интересуют, и он был бы очень ненадёжным хранителем, а значит, Кольцо ему доверить нельзя.

— Да и в любом случае, — заметил Глорфиндель, — отослав ему Кольцо, мы только отсрочили бы день поражения. Бомбадил далеко. Мы не сможем пробраться к нему с Кольцом, чтобы ни один шпион не заметил и не догадался об этом. Но даже если и сможем, рано или поздно Властелину Колец станет известно о том, где оно, и он двинет всю свою мощь на Бомбадила. Выстоит ли он в этом единоборстве? Сомневаюсь. Я думаю, что под конец, когда всё остальное покорится Чёрному Властелину, падёт и Бомбадил, Последним, как был Первым, и тогда опустится Ночь.

— Я не знаю Иарваина, — вмешался Галдор, — хотя, конечно же, слышал о нём; но Глорфиндель, по-моему, совершенно прав. Сила, способная одолеть нашего Врага, скрыта не в нём, разве что сама земля обладает ею. Однако мы видели, что Саурон способен терзать и разрушать даже горы. Та сила, что ещё осталась, пребывает с нами, здесь, в Имладрисе, и с Кирданом, в Гавани, и в Лориэне. Но хватит ли её, чтобы дать отпор Врагу, устоять перед последним натиском Саурона, когда всё остальное падёт?

— У меня — не хватит, — ответил Элронд, — и у остальных тоже.

— Поскольку невозможно навсегда удержать Кольцо вдали от Врага с помощью силы, —

сказал Глорфиндель, — у нас остаётся только два выхода: отослать его за Море или уничтожить.

— Но Гэндальф открыл нам, что с помощью доступных нам средств уничтожить Кольцо невозможно, — возразил Элронд. — А живущие за Морем не приняли бы его, поскольку, к добру или худу, оно принадлежит Средиземью, и именно нам, кто остаётся пока здесь, надлежит решить эту проблему.

— В таком случае, давайте бросим его в морские глубины, — предложил Глорфиндель, — чтобы ложь Сарумана обернулась правдой. Ибо теперь совершенно ясно, что он лгал на прошлом Совете. Он знал, что Кольцо не пропало навеки, однако хотел, чтобы мы думали именно так, потому что уже тогда жаждал завладеть им. Но любая ложь обычно скрывает зерно истины: канувшее в Море, исчезнет навсегда.

— Не навсегда, — сказал Гэндальф. — Морские глубины тоже населены, да и там, где была вода, может со временем воздвигнуться суша. Мы должны думать не о том, как избавиться от Кольца на год, на несколько поколений людей или на мимолётную эпоху, но о том, как окончательно избыть эту угрозу, даже если нет надежды сделать это.

— И уж тем более не найти этой надежды на путях к Морю, — добавил Галдор. — Если опасно возвращаться с Кольцом к Иарваину, то отступать к Морю ещё опасней. Сердце говорит мне, что Саурон будет ждать нас на западной дороге, как только узнает, что произошло. А узнает он скоро. Девятеро лишились своих коней, но вскоре они найдут новых скакунов, гораздо более резвых. Лишь угасающая мощь Гондора препятствует ему сейчас двинуться победным маршем вдоль побережий на Север; а когда он придёт и обложит Белые башни и Гавани, эльфам уже не будет спасения от сгущающийся над Средиземьем Тьмы.

— Но это будет ещё не скоро, — вмешался Боромир. — Гондор угасает, ты сказал, однако Гондор стоит, и даже остаток его сил не по зубам Врагу.

— Тем не менее, вашей бдительности уже недостаточно, чтобы удержать Девятерых, — возразил Галдор. — Кроме того, Враг может найти и другие пути, в обход Гондора.

— В таком случае, — заключил Эрестор, — у нас, как только что сказал Глорфиндель, есть действительно лишь два выхода: спрятать Кольцо навеки или уничтожить его. И то, и другое не в наших силах. Кто сумеет разрешить для нас эту загадку?

— Из присутствующих здесь — никто, — спокойно ответил ему Элронд. — По крайней мере, никто не сумеет предсказать, что ждёт нас на том или ином пути. Однако теперь мне совершенно ясно, какой из путей следует предпочесть. Западная дорога кажется безопасней. Именно поэтому следует остерегаться её. Враг будет следить за ней. Слишком часто эльфы отступали именно на запад. Теперь, наконец, пришла пора выбрать трудный путь, путь, неожиданный для Врага. Лишь в этом наша надежда — если у нас ещё осталась надежда. Пойти навстречу опасности — в Мордор. Кольцо должно быть предано Огню.

Снова повисла тишина. Даже в этом прекрасном доме, глядя на залитую солнцем долину, в которой звонко журчала река, Фродо ощутил, как его сердце охватывает непроглядная тьма. Боромир шевельнулся, и хоббит перевёл взгляд на него. Гондорец рассеянно играл охотничьим рогом и хмурился. Наконец он заговорил:

— Я не понимаю вас. Саруман предатель, но разве он вовсе лишён мудрости? Почему вы считаете, что Кольцо можно лишь спрятать или уничтожить? Раз уж оно попало в наши руки, почему не обратить его против хозяина? Свободным Владыкам Свободного Мира оно поможет сокрушить Врага. Мне кажется, что он больше всего боится именно этого.

Люди Гондора доблестны и никогда не покорятся ему, но нам угрожает поголовное истребление. Отважному нужна, во-первых, сила, а во-вторых, оружие. Пусть же Кольцо будет

нашим оружием, если, как вы говорите, в нём скрыта столь грозная мощь! Взять его — и вперёд, к победе!

— Увы, — возразил Элронд, — мы не можем использовать Кольцо Всевластия. Нам это теперь слишком хорошо известно. Оно принадлежит Саурону, он изготовил его сам, только для себя, и не вложил в него ничего, кроме злобы. Его сила, Боромир, слишком велика, чтобы кто-нибудь мог подчинить его себе, за исключением тех, кто сам обладает великим могуществом. Но могучим оно особенно опасно. Одна лишь тяга к нему растлевает сердца. Вспомни Сарумана! Если кто-нибудь из Мудрых одолеет Саурона с помощью Кольца, то неминуемо воссядет на его трон, и тогда появится новый Чёрный Властелин. Это ещё одна важная причина, почему Кольцо необходимо уничтожить, — ибо, покуда оно существует, опасность проникнуться жаждой всевластия угрожает даже Мудрым. Перерождение всегда начинается незаметно. Даже в Сауроне вначале не было зла. Я страшусь взять Кольцо на хранение. Я не возьму Кольца, чтобы владеть им.

— Я тоже, — сказал Гэндальф.

В глазах Боромира промелькнуло недоверие, однако он всё же склонил голову и проговорил:

— Да будет так. В таком случае, Гондору придётся уповать на то оружие, которое у нас есть. И покуда Мудрые стерегут Кольцо, мы, по крайней мере, продолжим сражаться. Быть может, Сломанный Меч сумеет сдержать напор — если, рука, что его унаследовала, унаследовала не только меч, но и силу Королей.

— Кто знает? — откликнулся Арагорн. — Настанет день, когда мы проверим это.

— Надеюсь, он настанет не слишком поздно, — мрачно нахмурившись, обронил Боромир. — Хотя я и не прошу помощи, однако она нужна нам. Нас очень поддержала бы уверенность, что остальные тоже борются с Врагом теми средствами, какими располагают.

— Будь уверен, что это так, — ответил ему Элронд. — Ибо в Средиземье много могучих сил и царств, неведомых вам, поскольку они скрыты от вас. Андуин Великий течёт мимо многих берегов, прежде чем достичь Аргоната — Ворот Гондора.

— Но было бы хорошо, — вмешался Глоин, — если б эти разрозненные силы объединились и начали действовать согласованно. Ведь есть и другие кольца, не столь опасные, которые могли бы помочь нам в этом. Семь, к несчастью, потеряны для гномов, если Балин не нашёл кольца Трора, которое было последним. Никто не слышал о нём с тех пор, как Трор погиб в Мории. Теперь, пожалуй, не стоит делать тайны из того, что среди надежд, которые питал Балин, уходя, была и эта.

— Балин не найдёт кольца в Мории, — сказал Гэндальф. — Трор отдал его своему сыну Траину, но от Траина к Торину оно не перешло. Кольцо было отнято у Траина с помощью пыток в подземельях Дол Гулдура. Я опоздал.

— Увы и ах! — воскликнул Глоин. — Когда же придёт день нашей мести? Однако, есть ещё Три. Как насчёт Трёх Колец эльфов? Говорят, что это очень могущественные Кольца. Разве перворожденные не продолжают хранить их? Хотя они тоже были изготовлены в древности Чёрным Властелином. Неужели эти Кольца бесполезны? Я вижу здесь перворожденных. Что скажут они?

Эльфы не ответили.

— Разве ты не слышал меня, гном Глоин? — после долгого молчания спросил Элронд. — Три выкованы не Сауроном; он даже никогда не прикасался к ним. Но о них запрещено говорить. Даже в этот час сомнений я могу сказать лишь следующее: они не бесполезны, но они не могут служить оружием. Их сила не в том, чтобы побеждать или покорять. Те, кто сделал их, не стремились получить силу, власть или груды сокровищ, а желали лишь знаний и способности

творить и исцелять, чтобы сохранить мир незапятнанным. И в некоторой степени эльфы Средиземья добились этого, пусть даже ценой печали. Но все труды тех, кто владеет Тремя, пойдут прахом, а сердца и мысли их будут открыты Саурону, если он снова получит Кольцо Всевластья, — тут было бы лучше, если бы Трёх никогда не существовало. Именно к этому стремится Враг.

— В таком случае, что же произойдёт, если Кольцо Всевластия будет по твоему совету уничтожено? — спросил Глоин.

— Мы точно не знаем, — грустно ответил Элронд. — Некоторые надеются, что Три Кольца, до которых Саурон никогда не дотрагивался, получают свободу и их владельцы смогут исцелить раны, оставленные Врагом. Но возможно, что, когда не станет Кольца Всевластья, Три Кольца тоже потеряют свою силу, и тогда многие прекрасные вещи постепенно исчезнут и будут забыты. Думаю, что произойдёт последнее.

— Однако эльфы готовы пойти на это, — проговорил Глорфиндель, — лишь бы могущество Саурона было сломлено, и угроза его воцарения исчезла навеки.

— Что возвращает нас к необходимости уничтожить Кольцо, — сказал Эрестор, — однако не приближает к решению этой задачи. Есть ли у нас силы, чтобы добраться до Огня, в котором оно было сделано? Я сказал бы, что это путь, внушённый отчаянием — или даже глупостью, — если бы не всем известная мудрость Элронда, которая не изменяла ему очень долго, не запрещала мне это.

— Отчаяние или глупость? — откликнулся Гэндальф. — Это не отчаяние, ибо отчаявшимися можно назвать лишь тех, кто заранее признал свое поражение. Но не нас. Признать неизбежность опасного пути, после того, как все прочие пути рассмотрены и отвергнуты, — и есть истинная мудрость, хоть глупостью кажется она тем, кто цепляется за ложную надежду. Так пусть же глупость станет нашим плащом, завесой, застилающей взор Врага! Ибо он весьма мудр и придирчиво взвешивает всё до волоска на весах своей злобы. Однако единственная мера, которую он знает, это жажда власти, стремление к ней. И лишь по ней судит он все сердца. Ему и в голову не придёт, что кто-то может отказаться от власти, что, имея Кольцо, мы захотим уничтожить его. Подобной попытки он не сможет предвидеть.

— По крайней мере, не сразу, — сказал Элронд. — Дорога в Мордор очень опасна, однако это единственный путь к победе. Но ни сила, ни мудрость не даст на ней преимуществ, и слабый может пройти по ней с тем же успехом, что и сильный. Ибо часто поступки, меняющие лик мира, совершались слабыми руками тех, кто просто выполнял свой долг, тогда как глаза сильных были обращены совсем к другому.

— Ладно, ладно, господин Элронд, — сказал вдруг Бильбо. — Можешь не продолжать! Совершенно понятно, на что ты намекаешь. Мол, раз уж олух Бильбо, начал сию злополучную историю, так пусть этот никчёмный хоббит и кончает с ней... или с собой. Мне было здесь очень уютно, да и книга хорошо продвигалась. Собственно, если тебе это интересно, я как раз подбирал заключительную фразу и уж хотел было написать "и с тех пор он жил долго и счастливо до конца своих дней". По-моему, это замечательная концовка, которая ничуть не хуже от того, что не раз уж использовалась. Только теперь её придётся поменять, потому что вряд ли получится так, как она говорит, и уж во всяком случае, прибавится несколько дополнительных глав: если я доживу до того, чтобы написать их. Ужасно досадно! Ну, что поделаться... Так когда мне надо выходить?

Боромир с изумлением уставился на Бильбо, однако смех замер у него на губах, когда он увидел, что все остальные выслушали хоббита серьёзно и уважительно. Улыбнулся лишь Глоин, припомнивший старое.

— Разумеется, мой дорогой Бильбо, — ответил хоббиту Гэндальф, — если б ты действительно начал эту историю, то все наверняка бы ждали, что ты её и закончишь. Однако теперь ты и сам прекрасно понимаешь, что никто не может претендовать на начало, и что в поистине великих деяниях каждый герой в силах сыграть лишь свою небольшую роль. Не надо смущаться! Мы все понимаем, что ты специально постарался уйти от высокого стиля, чтобы за шуткой скрыть мужественный порыв. Но это тебе не по силам, Бильбо. Ты не можешь снова забрать Кольцо. Оно уже передано. И если тебе еще не надоели мои советы, я бы сказал, что твоя роль окончена. Разумеется, не как летописца. Дописывай свою книгу, и не надо менять в ней концовку! Она вполне еще может сбыться. Но будь готов написать продолжение, когда смельчаки вернутся назад.

— Вот уж чего от тебя не слышал, так это совета пожить спокойно, — рассмеялся Бильбо. — Поскольку все твои прежние — гораздо менее приятные советы — всегда были хороши, боюсь, не оказался бы сегодняшний плох. А если серьезно, вряд ли у меня осталось достаточно сил и удачи, чтобы справиться с Кольцом. Оно-то, в отличие от меня, определенно стало сильнее. Но скажи — кого ты назвал смельчаками?

— Тех, кто отправится с Кольцом в Мордор.

— Вот именно. И кто же они? По-моему, это и только, нужно решить на сегодняшнем Совете. Я знаю, эльфов хлебом не корми, только дай им вволю поговорить, а гномы привыкли терпеть лишения и могут неделями обходиться без пищи, но я-то всего лишь пожилой хоббит, и в середине дня мне необходимо подкрепиться. Так, может быть, назовем, наконец, имена смельчаков? Или отложим это на после обеда?

Никто не ответил. Ударил полуденный колокол. Молчание не прерывалось. Фродо обвёл глазами собравшихся, но ничьё лицо не было повернуто к нему. Все сидели и смотрели в пол, словно в глубоком раздумье. Его охватил леденящий страх, словно вот-вот грянет роковой приговор, который он давно предвидел, но тщетно надеялся всё-таки не услышать. Ему страстно захотелось остаться здесь, в Раздоле, рядом с Бильбо, чтобы как следует отдохнуть в покое и мире. Он сглотнул, открыл рот и заговорил, с удивлением прислушиваясь к собственным словам, словно их произносил кто-то другой:

— Я готов отнести Кольцо. Только я не знаю дороги.

Элронд поднял глаза и внимательно посмотрел на Фродо, который даже вздрогнул — настолько пронизательным был этот взгляд.

— Если я правильно понял всё, что здесь услышал, — сказал он, — именно тебе, Фродо, предназначено сделать это, и если ты не найдёшь дороги, никто её не найдёт. Пробил час невысокликов, которые, явившись со своих мирных полей, потрясут могучие крепости и великие планы. Кто из Мудрых мог предвидеть это? Или же, если они действительно мудры, могли ли они надеяться предвидеть это заранее, пока час ещё не пробил?

Но это тяжёлое бремя. настолько тяжёлое, что никто не имеет права взваливать его на чужие плечи. Я не принуждаю тебя. Но если ты берёшь его добровольно, я скажу тебе, что ты сделал правильный выбор; и если бы собрались вместе все могучие друзья эльфов прошлого — Хадор, и Хурин, и Турин, и сам Берен, твоё место было бы среди них.

— Но вы ведь не пошлёте его одного, господин? — закричал вдруг Сэм, не в силах больше сдерживаться, и выскочил из своего укромого уголка, куда он проюркнул перед началом Совета и до сих пор тихонько сидел на полу.

— Конечно нет, — отозвался Элронд, с улыбкой повернувшись к встревоженному Сэму. — Ты обязательно будешь сопровождать его. Разве мы можем разлучить тебя с Фродо, если ты

последовал за ним даже на секретный совет, куда его пригласили, а тебя — нет?

Сэм покраснел и поспешно уселся обратно.

— Эх, мистер Фродо, — пробормотал он, покачав головой, — влезли мы со своими ложками в чужую кашу. Как-то ещё расхлёбывать будем?

Глава III

Путь на юг

Вечером того же дня хоббиты собрались у Бильбо и устроили собственное совещание. Мерри с Пином были возмущены, когда узнали, что Сэм тайком пробрался на Совет и был выбран в спутники Фродо.

— Где же справедливость? — негодовал Пин. — Вместо того чтобы вышвырнуть его из зала и заковать в цепи, Элронд берёт — и награждает этого нахала!

— Награждает! — грустно усмехнулся Фродо. — Да я и представить не могу наказания более сурового. Подумай сам, что ты говоришь: быть приговорённым к этому безнадёжному путешествию — награда?! А ведь ещё вчера я надеялся, что моё дело сделано, и теперь можно будет остаться здесь и хорошенько отдохнуть.

— Вполне понятное желание, — заметил Мерри, — и жаль, что оно не сбылось. Но мы ведь завидуем не тебе, а Сэму. Раз уж тебе придётся идти, для нас не придумаешь худшего наказания, чем остаться, даже в Раздole. Мы уже прошли с тобой долгий путь, кое-что повидали и не хотим останавливаться.

— Вот и я об этом, — вмешался Пин. — Нам, хоббитам, нужно держаться вместе, и мы не разлучимся. Меня и цепью не удержишь: я обязательно пойду с тобой. Должен же быть в отряде хоть один благоразумный спутник!

— Уж для этой роли, Перегрин Крол, ты никак не подходишь, — сказал Гэндальф, заглянув снаружи в невысокое окно. — Но вы напрасно тревожитесь. Ничего ещё не решено.

— Ничего не решено? — воскликнул Пин. — Так чем же вы все занимались? Вы просидели взаперти несколько часов!

— Говорили и слушали, — объяснил ему Бильбо. — Каждый рассказывал то, что он знает, и узнавал то, что ему не известно. Все слушали друг друга с открытыми ртами. Даже старина Гэндальф. По-моему, то, что сообщил Леголас о бегстве Горлума, застигло его врасплох, только он и вида не подал.

— Ты ошибаешься, — возразил Гэндальф. — Слушал, стало быть, невнимательно. Мне сообщил об этом Гваихир. Если хочешь знать, с открытыми, как ты говоришь, ртами сидели на Совете только вы с Фродо, а я был единственным, кто не услышал ничего нового.

— Ну, в любом случае, — сказал Бильбо, — ничего там не решили, кроме того, что выбрали беднягу Фродо да Сэма. Я так и знал, что к этому всё и придёт, раз уж меня оставили в покое. Но могу с уверенностью сказать, что Элронд отправит отряд побольше — как только разведчики возвратятся в Раздол. Они уже ушли, Гэндальф?

— Да, — ответил маг. — Некоторые уже ушли, остальные отправятся завтра. Элронд отправил эльфов к следопытам и, кажется, к народу Трандуила в Лихолесье. И Арагорн ушёл с сыновьями Элронда. Прежде чем сделать хоть шаг, надо как следует разведать окрестности на много лиг. Так что выше голову, Фродо! Ты ещё успеешь хорошенько отдохнуть здесь.

— Вот-вот, — мрачно пробурчал Сэм, — как раз до самой зимы и доотдыхаемся.

— Ну, тут уж ничего не поделаешь, — заметил Бильбо. — Между прочим, Фродо, здесь есть и твоя вина: сам захотел дожидаться моего дня рождения. А уж более странного способа отпраздновать его, пожалуй, и не выдумаешь. Уж что-то, но я бы выбрал другой день, чтобы

пустить в Торбу этих Лякошель-Торбинсов! Впрочем, что сделано, то сделано: дожидаться весны не позволяют обстоятельства, а уходить до возвращения тоже нельзя.

Когда кусается мороз, когда в ночи не видно звёзд,
Трещит ледок, вода черна, хруст листьев под ногой.
Тогда для путников беда: безрадостна в Глуши зима.

Однако, боюсь, именно с этим вам и предстоит столкнуться.

— К сожалению, так оно и будет, — сказал Гэндальф. — Мы не можем отправиться в путь, пока не узнаем, где сейчас Всадники.

— Я думал, что они все погибли в потоке, — удивился Мерри.

— Призраков Кольца так просто не уничтожишь, — ответил Гэндальф. — Они порождение силы их хозяина и погибнут только вместе с ним. Мы надеемся, что сейчас они лишились коней и подобия телесной формы, став на время менее опасными, но это необходимо проверить. А пока забудь свои страхи, Фродо. Не знаю уж, будет от меня прок или нет, но вот что я тебе шепну на ушко: кое-кто здесь правильно сказал, что тебе необходим благоразумный спутник. Так вот, я думаю, что пойду с тобой.

При этом известии Фродо охватила такая буйная радость, что довольный Гэндальф даже встал с подоконника, где было пристроился, снял шляпу, церемонно раскланялся, но при этом добавил:

— Заметь, я лишь думаю, что отправлюсь с тобой. Особо пока на это не рассчитывай. Неизвестно, что ещё скажут Элронд и твой приятель Бродяжник. Кстати, мне нужно повидаться с Элрондом. Пока. — Гэндальф надел свою шляпу и ушёл.

— Как думаешь, — спросил Фродо у Бильбо, — сколько я ещё здесь пробуду?

— Не знаю, — откровенно признался Бильбо. — В Раздоле ведь почти не замечаешь времени. Но я бы сказал, что довольно долго. Мы успеем вволю наговориться. А ты не хочешь помочь мне с Книгой? Мы закончим её и начнём твою. Скажи, тебе ещё не приходило в голову, чем твоя Книга должна завершиться?

— Приходило, — мрачно ответил Фродо. — И ничего хорошего я об этом не думаю.

— Ну что ты, мой друг! — воскликнул Бильбо. — Книги обязаны хорошо кончаться! Как тебе, к примеру, вот такая концовка — "и с тех пор они больше никогда не расставались, и жили мирно и счастливо до скончания дней".

— Если так, то это было бы просто замечательно, — согласился Фродо.

— Да! — сказал Сэм. — Только вот мне всегда было интересно, где это они жили? А?

Какое-то время хоббиты ещё продолжали вспоминать и обсуждать минувшее путешествие и гадать, какие опасности ждут их впереди, однако целительный покой Раздола вскоре развеял их тревожные мысли. Будущее, каким бы оно ни было, по-прежнему маячило где-то впереди, но перестало омрачать настоящее. Хоббиты набирались сил и надежд и радовались каждому хорошему дню, каждой трапезе и каждой песне или рассказу.

Дни незаметно уходили в прошлое, каждый рассвет был ярок и прекрасен, а каждый вечер чист и прохладен, но на смену осени подступала зима; золотистые лучи выцвели до бледного серебра, с нагих деревьев облетели последние листья, а ветер, дуящий с Мглистых гор, налился знобким холодом. Первая после осеннего равноденствия, Охотничья, Луна ярко сияла в ночном небе, гася бледные звёзды, и только на юге, почти у самой земли, продолжала сверкать одна, багровая, звезда. Когда луна пошла на убыль, она стала разгораться всё ярче и ярче и

заглядывала из-за поросшего лесом края долины в комнату Фродо словно кровавый, всевидящий глаз.

Хоббиты прожили в доме Элронда около двух месяцев. С последними клочками осени облетел ноябрь, да и декабрь близился уже к концу, когда разведчики начали возвращаться. Одни обследовали северные земли: верховья реки Туманной и Троллье плато; другие прошли к западу и разведали с помощью Арагорна и следопытов течение Сивоча вплоть до руин Тарбада, где реку пересекает Северный тракт; третьи ушли на юго-восток — одни из них перевалили горы и вступили в Лихолесье, другие взошли на перевал у истоков Ирисной реки и, спустившись к Ирисной низине, дошли по землям Глухоманья до старого дома Радагаста в Коневодье, но Радагаста там не было, и они вернулись через перевал, носивший название Тёмнореченского Каскада. Последними возвратились сыновья Элронда, Элладан и Элроил: они проделали долгий путь, спустившись по Серебрянке в заповедный край, но рассказали о своём путешествии лишь отцу.

Разведчики нигде не обнаружили ни признака Всадников или других прислужников Врага. Даже орлы Мглистых гор не сообщили ничего нового. Горлум тоже бесследно исчез, но волки по-прежнему собирались в большие стаи и рыскали по берегам Великой Реки почти у границ Лихолесья. Три утонувших чёрных коня были найдены почти сразу, неподалёку от Брода, ещё пять трупов чуть ниже — на перекатах; там же был обнаружен изодранный чёрный плащ. О самих же Чёрных Всадниках не было ни слуху, ни духу: создавалось впечатление, что их нет больше на севере.

— По крайней мере, восьмерых призраков Кольца Река спешила, — рассуждал Гэндальф. — Особой уверенности, конечно, нет, но можно надеяться, что Всадники оказались рассеяны и им пришлось вернуться бесформенными духами к своему хозяину в Мордор, поодиночке и с пустыми руками.

Если так, то понадобится некоторое время, прежде чем они снова смогут начать охоту. Разумеется, у Врага есть и другие слуги, но им придётся сначала добраться до Раздола, чтобы разыскать наши следы. А мы постараемся всеми силами усложнить им эту задачу. Однако медлить больше нельзя.

Элронд призвал хоббитов к себе.

— Время настало, — сказал он и серьёзно посмотрел на Фродо. — Если Кольцу суждено тронуться в путь, это должно произойти скоро. Но тем, кто несёт его, нельзя рассчитывать на вооружённую поддержку. Им предстоит углубиться в земли Врага, где никакая помощь с нашей стороны невозможна. Ты не раздумал стать хранителем Кольца, Фродо?

— Нет, — ответил Фродо. — Я пойду. С Сэмом.

— Даже совета я не смогу тебе дать, — немного помолчав, проговорил Элронд. — Я почти не могу предугадать твоего пути и не знаю, как ты сумеешь выполнить то, что тебе поручено. Тень уже подползла к подножию Мглистых гор и почти коснулась берегов Сивоча, а затемнённые земли скрыты от меня. Ты встретишь много врагов, и явных, и тайных, но по пути тебе могут повстречаться и друзья там, где ты будешь меньше всего рассчитывать на это. Я разошлю сообщения о тебе всем, кого знаю в этом мире, хотя неизвестно, смогут ли все гонцы пробраться через ставшие столь опасными земли и дойдут ли до цели раньше тебя.

Я дам тебе нескольких надёжных спутников, которые пойдут с тобой до тех пор, пока им позволит судьба или пока захотят идти. Их должно быть немного, ибо успех твоего похода зависит только от быстроты и скрытности. Имей я в распоряжении дружину эльфов в вооружении эпохи Эльдер — и это помогло бы мало, но только разбудило бы мощь Мордора.

Всего вас будет Девять Хранителей; так что злу в облике Девяти Всадников будут противостоять Девять Путников. Кроме твоего преданного Сэма тебя будет сопровождать Гэндальф, и быть может, в этом труднейшем походе завершатся его великие труды.

Остальных спутников тебе предоставят Свободные Народы Свободного Мира — эльфы, гномы и люди. От эльфов пойдёт Леголас, от гномов — Гимли, сын Глоина. Они согласны сопровождать тебя по крайней мере до перехода через горы и, может быть, дальше. От людей пойдёт Арагорн, сын Арахорна, ибо судьба Кольца Исилдура тесно его касается.

— Бродяжник! — радостно воскликнул Фродо.

— Он самый, — с улыбкой откликнулся Арагорн. — Приходится мне опять просить позволения присоединиться к тебе, Фродо.

— Я сам просил бы тебя от этом, — взволнованно сказал ему Фродо, — только думал, что ты уходишь в Минас Тирит с Боромиром.

— Ухожу, — спокойно подтвердил Арагорн. — И Меч, Что Был Сломан, будет перекован прежде, чем я отправлюсь воевать. Но наши с тобой пути будут идти рядом сотни лиг, поэтому Боромир тоже отправится с отрядом. Он доблестный человек.

— Итак, нужны ещё двое, — заметил Элронд. — Я подумаю. В Раздоле найдётся немало охотников...

— Но ведь тогда не останется места для нас! — в отчаянии закричал Пин. — Мы не хотим оставаться! Мы хотим пойти с Фродо!

— Вы не понимаете, — сказал Элронд, — вы просто не можете себе представить, что ждёт вас впереди.

— Да и Фродо знает не больше, чем они, — неожиданно поддержал Пина Гэндальф. — И никто из нас этого как следует не знает. Конечно, если бы наши дружные хоббиты понимали, что именно им предстоит, они не посмели бы идти, но горько проклинали бы себя за свою нерешительность. Мне кажется, Элронд, что в этом походе их верная преданность окажется важнее силы и мудрости. Даже если ты пошлешь с нами перворожденного, такого, как Глорфиндель, он не сможет ни взять приступом Чёрную Крепость, ни открыть для остальных дорогу к Огню.

— Ты прав, — неохотно согласился Элронд. — Но я предвижу, что Ширу тоже грозит опасность, и потому я хотел, чтобы эти двое предупредили своих земляков и сделали, что могут и так, как это у них принято, чтобы противостоять ей. И уж во всяком случае, самому молодому из них, Перегрину Кролу, следовало бы остаться. Моё сердце против того, чтобы отпустить его.

— Тогда, господин Элронд, прикажите запереть меня в темнице или отошлите домой, зашитым в мешок, — сказал Пин, — иначе я всё равно пойду за отрядом.

— Что же, да будет так. Ты пойдёшь, — ответил ему Элронд и тяжело вздохнул. — Значит, отряд Хранителей набран. Через семь дней вы отправитесь в путь.

Эльфы-кузнецы перековали меч Элендила и выбили на его клинке эмблему в окружении рун — семь звёзд между растущим месяцем и испускающим лучи солнцем, ибо Арагорн, сын Арахорна уходил на войну у границ Мордора. Ярko сверкал обновленный меч, багровея на солнце и отливая холодным блеском в свете луны, и края его были прочны и остры. И Арагорн дал ему новое имя, и назвал его Андрил, "Пламя Запада".

Арагорн и Гэндальф прогуливались вместе или сидели, обсуждая предстоящий путь и грядущие опасности, и изучали карты с рисунками и пояснениями и летописи прежних эпох, имевшиеся в доме Элронда. Иногда к ним присоединялся Фродо, но больше времени он проводил с Бильбо, целиком положившись на мудрость спутников.

Вечерами хоббиты собирались все вместе в Каминном зале и там, среди других легенд и

преданий, они слышали полностью лэ о Берене и Лучиэнь и о завоевании Великого Алмаза; но днём, покуда Мерри с Пином гуляли, Фродо и Сэм сидели в уютной комнатке Бильбо. Старый хоббит читал им отрывки из своей книги (которая была ещё очень далека от завершения), наброски стихов или делал заметки о путешествии Фродо.

Утром последнего дня, оставшегося перед выступлением в путь, Фродо сидел у Бильбо один; Бильбо вытащил из-под кровати деревянный сундучок, открыл крышку и принялся там копаться.

— У меня тут твой меч, — сказал он, — но он ведь сломался, ты же знаешь. Я было взял его, да вот позабыл отдать кузнецам, а теперь уже поздно. Так, может, тебе подойдёт этот, как считаешь?

Старый хоббит вытащил из сундучка небольшой меч в потёртых кожаных ножнах, обнажил его, и отполированный клинок полыхнул холодным блеском. — Это Разитель, — сказал он и без усилий глубоко вогнал меч в деревянную перекладину. — Если хочешь, бери. Думаю, мне он больше не понадобится.

Фродо с благодарностью принял меч.

— И ещё вот это, — добавил Бильбо, доставая небольшой, но явно увесистый свёрток. Он бережно разматал старую тряпицу и взял в руки небольшую кольчужную рубаху. Она была сплетена из множества мелких колец, гибкая, почти как из льна, но холодная, как лёд, и прочнее стали. Кольчуга сверкала, словно серебро в свете луны, и была украшена белыми самоцветами. К ней прилагался пояс, отделанный жемчугом и хрусталём.

— Красивая, правда? — сказал Бильбо, подняв рубашку так, чтобы она заиграла на свету. — И полезная. Эта та самая кольчуга, которую подарил мне Торин. Перед уходом я забрал её из Михелевых Норок, и упаковал вместе со всем остальным. Я взял с собой всё, что напоминало мне о моём Путешествии, за исключением Кольца. Но теперь она едва ли мне пригодится, разве что так, посмотреть иногда. И она очень лёгкая, надень — так даже и не почувствуешь.

— По-моему... то есть, мне кажется, я буду выглядеть в ней немного странно, — проговорил Фродо.

— То же самое подумалось и мне, — сказал Бильбо, — когда я увидел её впервые. Носи её под одеждой, только и всего. Давай! Никто, кроме нас, о ней не узнает. Да-да, не говори про неё никому! Но мне как-то спокойней думать, что она будет на тебе. Я надеюсь... — тут Бильбо придвинулся ближе к Фродо и шёпотом закончил: —... что её не пробьют даже кинжалы Чёрных Всадников.

— Тогда я возьму её, — решил Фродо. Бильбо помог ему надеть кольчугу, повесил на сверкающий пояс Разитель, а потом Фродо натянул сверху свои старые выцветшие штаны, рубаху и жакет.

— Ну вот, — удовлетворенно сказал Бильбо. — Ты выглядишь совсем как обычный хоббит. Только теперь ты не так прост, как кажется на первый взгляд. Удачи! — Он резко отвернулся и выглянул в окно, сделав вид, что напевает какой-то мотивчик.

— Не знаю, как мне тебя благодарить, Бильбо, и за это, и за всё, что ты для меня сделал, — проговорил глубоко тронутый Фродо.

— И не надо! — сказал старый хоббит, поворачиваясь и дружески хлопнув его по спине. — Ой! Какой-то ты теперь чересчур жёсткий! — шутливо охнул он и, помолчав, серьёзно добавил. — Знаешь, нам, хоббитам, нужно держаться друг друга, особенно Торбинсам. Прошу только: береги себя и, когда вернёшься, расскажи обо всём, что запомнишь, особенно старинные песни и предания, если тебе доведётся их услышать. А я к твоему возвращению постараюсь закончить свою книгу, и, может быть, у меня ещё хватит времени, чтобы описать и твои приключения. — Он снова повернулся к окну и тихонько запел:

Когда у камина в раздумьях сижу,
В мыслях мелькают цветы,
Бабочек пёстрых полёт на лугу,
Зелень лет, что уже ушли.
Серебро паутинок и яркий наряд
Осенних деревьев в лесах.
Бледного солнца сквозь дымку взгляд
И ветерок в волосах.
Когда у камина в раздумьях сижу,
Мысль приходит о вечной зиме.
Что станет с миром, если весну
Никогда не увидеть земле?
Ведь столько повсюду разных вещей,
Которых я не встречал.
И новый убор лесов тем веселей,
Что прежде таким не бывал.
Когда у камина в раздумьях сижу,
Я представляю людей,
Давно уж ушедших, и тех, что придут
После конца моих дней.
Но пока у камина в раздумьях сижу,
Я всё слушаю: нет ли шагов?
Быть может, вернулись друзья наяву
И за дверью — звук их голосов.

Это был хмурый холодный день конца декабря. Голые ветви деревьев гнулись под напором восточного ветра, а вдали, на северных склонах долины, заунывно шумел сосновый лес. По низкому, придавленному к земле небу торопливо ползли рваные тучи. Когда сгустились унылые тени раннего вечера, Отряд приготовился выступать. Хранители собирались уйти в сумерках, ибо Элронд посоветовал им пробираться под прикрытием ночной тьмы, пока они не окажутся далеко от Раздола.

— Опасайтесь глаз прислужников Саурона, — сказал он. — Не сомневаюсь, что вести о поражении Всадников уже достигли его, и он в ярости. Очень скоро его шпионы — двуногие, четвероногие и крылатые — наводнят северные страны. Берегитесь даже ясного неба!

Хранители взяли с собой в дорогу только лёгкое военное снаряжение — их главным оружием была скрытность. У Арагорна, привыкшего скитаться в глуши, под выцветшим буровато-зелёным плащом висел на поясе возрождённый Андрил — другого оружия он брать не стал. У Боромира был меч, напоминающий Андрил, но не такой прославленный, щит и рог на перевязи.

— Громко и чисто поёт этот рог в долинах и холмах, и пусть бегут перед ним все враги Гондора! — воскликнул он, прижал рог к губам, протрубил, и по скалам раскатилось звонкое эхо, и все в Раздоле, кто услышал этот звук, вскочили на ноги.

— А теперь опусти его, Боромир. Он не скоро понадобится тебе ещё раз, — веско сказал Боромиру Элронд. — Только страшная беда заставит тебя протрубить в него так, как сейчас, когда ты достигнешь границ своей страны.

— Может быть, — ответил Боромир. — Ноя всегда трубку в рог перед походом. И хоть пойдём мы тайком, я не тронусь в путь, как тать в ночи.

Гном Гимли единственный из Отряда Хранителей открыто облачился в короткую кольчужную рубаху, ибо гномы легко справляются с гораздо более тяжёлой ношей, а за пояс заткнул боевой топор с широким лезвием. У Леголаса был лук, колчан со стрелами и прикреплённый к поясу длинный белый кинжал; у Фродо — Разитель (про кольчугу он, как и просил Бильбо, решил не говорить своим спутникам); у остальных хоббитов — мечи из Могильника. Гэндальф взял свой посох и меч Яррист, изготовленный эльфами — сотоварищ Оркристу, что лежал ныне на груди Торина под Одинокой Горой.

Элронд снабдил всех тёплой одеждой — куртками и плащами, подбитыми мехом. Провизию, запасную одежду, одеяла и прочий скарб навьючили на пони — это была та самая несчастная животинка из Бри. Но пребывание в Раздole совершило с ней настоящее чудо: теперь пони лоснился и казался помолодевшим лет на пятнадцать. Сэм настоял, чтобы в новое путешествие взяли их верного старого помощника, сказав, что Билл (так он назвал пони) зачахнет, если не пойдёт с ними.

— Это ж до изумления умная скотинка. Поживи мы тут ещё немного подольше, и он заговорил бы, — объявил Сэм. — Да он и без слов сумел объяснить мне — не хуже, чем Перегрин Владыке Раздole, — что, если я не возьму его с собой, он всё одно побежит следом.

В самом деле, тяжело нагруженный Билл, судя по его довольному виду, с лёгким сердцем отправлялся в поход — не то, что другие спутники Фродо, которых томили тяжкие предчувствия, хотя уходили они налегке.

Все слова прощания были сказаны в Каминном зале, теперь ждали только задержавшегося в доме Гэндальфа. Тёплые отсветы каминного пламени лились из дверей, мягко светились окна. Бильбо, зябко кутаясь в плащ, молча стоял на пороге рядом с Фродо. Арагорн сидел на ступеньках, опустив голову в колени, — лишь Элронду было ведомо, что значит для него этот час. Остальные виднелись в сумерках, как тёмные тени.

Сэм стоял рядом с пони, задумчиво проводил языком по зубам, мрачно вглядывался в глухую тьму, слушал, как глубоко внизу бурлит на камнях река, и меньше всего на свете стремился в данный момент тащиться навстречу каким-либо приключениям.

— Эх, Билл, дружище, — пробормотал он, — зря ты с нами связался. Оставался бы здесь и жевал себе спокойно лучшее сено, пока не пойдёт молодая травка.

Билл махнул хвостом и ничего не ответил.

Сэм поправил на плечах вещевой мешок и принялся вспоминать, всё ли он прихватил: главное, это, конечно, кухонная утварь; потом коробочка с солью, которую он всегда носил с собой и пополнял при каждом удобном случае; табачок на дорожку (эх, маловат запасец!); кремь и огниво; шерстяные подштанники; льняные; всякие мелочи, которые Фродо позабыл, а Сэм заботливо собрал, чтобы торжественно вручить хозяину, когда тот про них вспомнит. Ну, кажется, всё.

— А верёвка-то? — неожиданно припомнил он. — Эх, растяпа, позабыл про верёвку! И ведь я вчера ещё себе говорил: "Сэм, как насчёт верёвки? Наверняка же понадобится". Наверняка. Но придётся обойтись. Потому, где её сейчас добудешь?

В этот момент из дому вышел Элронд с Гэндальфом и подозвал членов отряда к себе.

— Выслушайте моё последнее напутствие, — негромко проговорил Элронд. — Хранитель Кольца начинает Поход к Роковой Горе. Он один отвечает за судьбу Кольца, он не должен ни выбросить его, ни отдать слугам Врага, ни даже позволять кому-нибудь коснуться его, кроме

членов Отряда или Совета, да и то лишь в случае крайней нужды. Остальные идут с ним по собственной воле, чтобы помочь в пути. Вы можете остаться здесь, вернуться или, если так сложится, свернуть на свой путь. Чем дальше вы зайдёте, тем труднее будет отступить, но помните, что вы не связаны никакой клятвой идти дальше, чем захотите. Ибо вам ещё не ведома сила ваших сердец, и вы не знаете, что ждёт каждого из вас на этой дороге.

— Тот, кто отступает, когда дорога впереди мрачнеет, зовётся отступником, — заметил Гимли.

— Возможно, — согласился Элронд. — Но не следует тому, кто не видел ночи, давать обет идти во мрак.

— Тем не менее, клятва может укрепить слабого, — возразил Гимли.

— Или сломать, — сказал Элронд. — Не стоит заглядывать слишком далеко вперёд! Однако пока идите, не зная колебаний! Прощайте, и да хранит вас благодарность эльфов, людей и всех свободных народов! Пусть звёзды ярко освещают ваш путь!

— Счастливо... счастливого пути! — крикнул Бильбо, дрожа от холода. — Вряд ли ты сможешь вести дневник, Фродо, друг мой, но когда ты вернёшься, я жду от тебя самого подробного рассказа. Только не слишком задерживайся! До свидания!

Многие подданные Владыки Раздола дожидались в вечерних тенях, чтобы проводить Хранителей в дальнюю дорогу. Они негромко желали им доброго пути, но никто не смеялся, не пел песен. Проводив Отряд, они молча исчезали в вечерних сумерках.

Путники перешли мост и начали подниматься по крутой тропе, которая выводила из глубокой долины, где издавна жили эльфы. Выбравшись наверх, на поросшую вереском равнину, они окинули прощальным взглядом мерцающий весёлыми огоньками Раздол — Последнюю Обитель к востоку от Моря — и углубились в ветреную ночную тьму.

У Бруиненского Брода они оставили Тракт и круто свернули по узкой тропе на юг. Перед ними расстилалась изрытая оврагами и глубокими складками каменистая равнина, по которой им предстояло идти много миль и дней. Двигаться по ней было труднее, чем по зелёной долине Великой Реки с другой стороны Мглистых гор, но путники надеялись таким образом укрыться от враждебных глаз, наблюдающих за Глухоманьем. Шпионы Саурана редко показывались в пустынных краях к западу от горного хребта, поскольку троп здесь было мало и разбирались в них только жители Раздола.

Впереди отряда шёл Гэндальф; по правую руку от него — Арагорн, превосходно знавший эти места, так что темнота не была ему помехой; за ними гуськом шагали остальные путники, а замыкал шествие эльф Леголас, который, как и все лихолесские эльфы, ночью видел не хуже, чем днём. Сначала поход был просто утомительным, и Фродо почти ничего не запомнил — кроме ледяного восточного ветра. Этот ветер, промозглый, пронизывающий до костей, неизменно дул с Мглистых гор, так что путники, несмотря на тёплую одежду, постоянно мёрзли — и когда шли, и когда отдыхали. Днём они останавливались в какой-нибудь укромной ложбине или забивались в заросли колючих кустарников и спали урывками. Вечером, разбуженные очередным часовым, вяло съедали холодный ужин (развести костёр отваживались редко) и, когда совсем смеркалось, сонные, продрогшие, шли дальше, всё на юг и на юг.

Хоббиты не привыкли к таким путешествиям, и утрами, когда начинался рассвет, у них от усталости подкашивались ноги, но им казалось, что они не двигаются, а из ночи в ночь шагают на месте: унылая, изрезанная оврагами равнина с островками колючих зарослей не менялась на протяжении сотен лиг. Однако горы подступали всё ближе. К югу от Раздола Мглистый хребет становился выше, сворачивал к западу, и к его подножию примыкало обширное нагорье с

чёрными холмами и глубокими долинами, на дне которых бурлили ручьи. Извилистые, давно заброшенные тропы часто заводили Хранителей в тупики — то к обрыву над пенистым потоком, то к краю предательской трясины.

На четырнадцатую ночь погода изменилась. Ветер ненадолго стих, а потом устойчиво потянул с севера. Несущиеся тучи поднялись и рассеялись, прозрачный воздух стал морозней и суше, а из-за Мглистых гор выплыло по-зимнему бледное, но все же яркое солнце. Путники подошли к гряде холмов, поросших древними падубами, — казалось, их серо-зелёные стволы были сложены из тех же камней, что и сами холмы. Их тёмная листва блестела, а красные ягоды алели в свете восходящего солнца.

На юге Фродо разглядел тёмные очертания высоких гор, которые встали прямо на пути у Отряда. Слева вздымались три пика; ближайший, самый высокий из них, походил на клык; вершина его, увенчанная белым снегом, была пока в тени, но бока, на которые падали косые лучи солнца, отливали красным.

Гэндальф встал рядом с Фродо и, приложив ладонь козырьком ко лбу, глянул на далёкий хребет.

— Мы неплохо продвинулись, — сказал он. — Здесь начинаются земли, которые люди называют Остранной. Когда-то, в счастливые дни, когда эта страна называлась Эрегион, в ней жили эльфы. Для вороны наш путь составил бы сорок пять лиг, хотя по земле мы прошли, конечно, побольше. Идти теперь станет легче, да и погода смягчится, хотя это сделает нашу дорогу только опаснее.

— За один по-настоящему солнечный день я согласен на любые опасности! — откидывая капюшон и подставляя лицо солнцу, воскликнул Фродо.

— А горы-то впереди, — вмешался Пин. — Должно быть, ночью мы свернули к востоку.

— Нет, — возразил Гэндальф. — В солнечную погоду просто дальше видно. За теми тремя пиками хребет сворачивает к юго-западу. В доме Элронда много карт, но ты, надо понимать, так ни в одну из них и не заглянул?

— Да нет, заглядывал иногда, — признался Пин. — Только ничего не запомнил. Вот у Фродо память на такие вещи гораздо лучше.

— Мне не нужно никаких карт, — сказал подошедший вместе с Леголасом Гимли. Он неотрывно смотрел на далёкие горы и глубокие глаза его странно светились. — Ведь здесь в глубокой древности трудились наши отцы, образы этих гор запечатлены нами в металле, камне, балладах и преданиях. Вот они, овеванные легендами вершины — Бараз, Зирак, Шатур!

Лишь раз видел я их наяву, да и то издали, но они хорошо мне знакомы, ибо под ними находится Казад-дум, Гномье царство, которое теперь называют Чёрной Бездной, или Морией, на языке эльфов. Вон там Баразинбар, Багровый Рог, жестокий Карадрас, а за ним, правее, ещё два пика — Серебристый и Тусклый, иначе Келебдил Белый и Фануидхол Серый, которые мы называем Зиракзигил и Бундушатур.

За ними Мглистые горы разделяются на два хребта, между которыми скрыта сумрачная долина, памятная всем гномам: Азанулбизар, Тёмный Дол, который эльфы называют Нандурионом.

— В Тёмный Дол мы и направляемся, — сказал Гэндальф. — Если мы поднимемся на перевал с той стороны Карадраса, который называют Багровыми Воротами, мы спустимся по Тёмнореченскому Каскаду в глубокую долину гномов. В ней лежит озеро Зеркальное и там же берёт начало Серебрянка.

— Непроглядна вода Келед-зарама, — проговорил Гимли, — и холодны, как лёд, ключи Кибил-налы. Мое сердце трепещет при мысли, что я смогу скоро увидеть их!

— Пусть вид их доставит тебе радость, мой добрый гном! — сказал Гэндальф. — Однако, как бы тебе ни хотелось, мы не сможем остаться в этой долине. Мы должны будем пройти вдоль Серебрянки в заповедные чащобы, выйти ими к Великой Реке, а затем...

Он умолк.

— И что же затем? — спросил Мерри.

— Затем к нашей цели, в конце концов, — ушёл от ответа Гэндальф. — Не будем заглядывать далеко вперёд. Лучше порадуемся, что первый этап пути благополучно остался позади. Думаю, что сегодня мы отдохнём здесь, и ночью тоже. Воздух Остранны благотворен и целителен. Немало зла должны претерпеть земли, прежде чем они полностью забудут эльфов, которые некогда в них жили.

— Верно, — согласился с Гэндальфом Леголас. — Но эльфы этой страны относились к иной расе и были чужды нам, лесному народу. Деревья и травы больше не помнят о них. Я слышу только жалобы камней: "Они откопали нас, они ограничили нас, они уложили нас, но навеки ушли". Они ушли. Давно ушли к Гаваням.

Этим утром они развели костёр в глубокой лощине, укрытой зарослями падуба, и их завтрак-ужин прошёл гораздо веселее, чем за всё время похода. Они не торопились улечься спать, потому что им предстояла целая ночь и ещё день спокойного отдыха, — идти дальше они намеривались только следующим вечером. Один лишь Арагорн был молчалив и явно тревожился. Вскоре он отошёл от своих спутников, поднялся на вершину гряды и долго стоял там в тени дерева, посматривая то на юг, то на запад и к чему-то насторожённо прислушиваясь. Затем вернулся к краю лощины и устремил взгляд на остальных, словно бы удивляясь их весёлой беспечности.

— В чём дело, Бродяжник? — окликнул его Мерри. — Что ты там выглядываешь? Соскучился по восточному ветру?

— Пока ещё нет, — усмехнулся Арагорн, — Но кое-чего мне действительно не хватает. Я бывал в Остранне и зимой и летом. Здесь нет охотников, ибо нет жителей, поэтому всегда было много всякого зверья и в особенности птиц. Но всё живое молчит, кроме вас. Я чувствую это. Нигде ни звука на несколько миль окрест; лишь ваши голоса заставляют землю гудеть. Я не понимаю, в чём дело.

Гэндальф поднял на него глаза с внезапно вспыхнувшим интересом.

— И что тому причиной, по-твоему? — спросил он. — Разве не хватило бы появления здесь четырёх хоббитов, не говоря уж про всех остальных, чтобы распугать всю живность? Тут ведь и о людях обычно ни слуху, ни духу.

— Надеюсь, что так, — ответил Арагорн. — Но меня преследует ощущение тревоги и насторожённости, которое прежде здесь никогда не возникало.

— Значит, нам следует быть начеку, — сразу же посерьёзнев, заметил Гэндальф. — Если берёшь с собой следопыта, да не просто следопыта, а самого Арагорна, надобно верить его ощущениям. Давайте вести себя потише, ляжем отдыхать и выставим часового.

Первым стоять на часах выпало Сэму, но Арагорн присоединился к нему. Все остальные уснули. Едва разговоры путников прекратились, нависла тяжёлая, тревожная тишина — её почувствовал даже Сэм. Ясно слышалось дыхание спящих, свист хвоста пони, а когда он переступил с ноги на ногу, раздался поразительно громкий хруст. Стоило Сэму немного пошевелиться, и он слышал похрустывание собственных суставов. Его окружала мёртвая тишина, а сверху нависало ярко-синее небо, становившееся всё прозрачнее по мере того, как солнце медленно подползало к полудню. Далеко на юге появилось тёмное пятнышко, затем оно

увеличилось и потянулось к северу, словно дым, летящий по ветру.

— Что это, Бродяжник? На облако, вроде, не похоже, — шёпотом сказал Сэм Арагорну.

Следопыт не ответил: он напряжённо всматривался в небо, но вскоре Сэм и сам понял, что именно к ним приближается. Стаи птиц, которые летели необычайно быстро и низко, но при этом вились и кружились над землёй, словно что-то высматривали.

— Ложись и молчи! — прошипел Арагорн, затаскивая Сэма под ветви падуба, потому что внезапно от основной стаи отделилась большая группа птиц и полетела прямо к лощине. Птицы были похожи на ворон, только очень больших. Когда они проносились над лощиной такой плотной стаей, что за ними по земле бежала чёрная тень, одна из птиц хрипло каркнула.

Арагорн лежал неподвижно, пока стая не скрылась на северо-западе и небо снова опустело, затем вскочил и разбудил Гэндальфа.

— Между горами и Сивочем кружат полчища чёрных ворон, — сказал он, — их стаи только что пролетели над Остранной. Это кребайны из Фангорна и Сирых равнин, здесь они не водятся. Не знаю, зачем они сюда пожаловали, возможно, их спугнула война на юге, но мне кажется, что они шпионят за здешними землями. А высоко в небе парит множество ястребов. По-моему, нам надо уходить отсюда, сегодня же. Задерживаться здесь вредно: за Остранной установлена слежка.

— Но в таком случае, — отозвался Гэндальф, — Багровые Ворота тоже под наблюдением, и как нам удастся пройти через них незамеченными, ума не приложу. Впрочем, подумаем об этом тогда, когда придётся. Что до остального, то, как это ни печально, ты прав: уходить придётся сразу же, как стемнеет.

— К счастью, наш костёр почти не дымил и успел прогореть до углей, когда появились кребайны, — сказал Арагорн. — Его необходимо окончательно потушить и больше не зажигать.

— Вот ведь наказание, — жаловался Пин, проснувшись под вечер и узнав, что спокойной ночёвки у них не будет и костра тоже. — И всё из-за кучки каких-то ворон! А я так надеялся, что сегодня мы наконец поедим как следует — чего-нибудь горяченького.

— Что ж, продолжай надеяться, — посоветовал ему Гэндальф. — Быть может, впереди тебя ждёт ещё не один пир. Я вот, например, мечтаю протянуть ноги к огню и спокойно выкурить трубку табаку. Но одно я могу пообещать тебе твёрдо: по мере продвижения к югу станет теплее.

— Боюсь, не стало бы нам даже жарко, — пробурчал Сэм, обращаясь к Фродо. — Только мне сдавалось, что уж пора бы увидеть эту Огненную Гору и, так сказать, окончить Путь. Я даже сперва подумал, что вон тот Багровый Рог, или как его там, и есть та самая гора, пока Гимли не назвал нам его по-своему — Бариза... Бирази... сам Враг язык сломит! — Сэм совершенно не разбирался в географических картах, а все расстояния в этих краях казались ему такими громадными, что он уже окончательно в них запутался.

Весь день Отряд прятался в лощине. Несколько раз мимо них снова пролетали вороны, но на закате все их стаи исчезли на юге. В сумерках хранители отправились на юго-восток — туда, где в последних лучах опустившегося за горизонт солнца еще слабо тлела вершина Карадраса, Багрового Рога. В темнеющем небе одна за другой зажигались белые звёзды.

Арагорн вывел их на удобную тропу. Фродо подумалось, что это остатки какой-то древней дороги, некогда широкой и ухоженной, которая связывала Остранну с горным перевалом. Из-за гор выплыла успевшая стать полной луна, и в её бледном свете тени, отбрасываемые камнями, совсем почернели. А может быть, это были вовсе и не камни, а искусно вырубленные из них фигуры, хотя они теперь и лежали разрушенные и опрокинутые на голой чёрной земле.

Луна опустилась к горизонту, наступил холодный, знобкий час, предшествующий первым

признакам рассвета. Фродо посмотрел на небо и внезапно увидел или, скорее, почувствовал, что там пронеслась какая-то тень, на мгновение стёршая с небосвода искорки звёзд. Он вздрогнул и спросил шёпотом у Гэндальфа, который шёл как раз перед ним:

— Ты сейчас ничего не заметил в небе?

— Заметить не заметил, но почувствовал, — ответил маг. — Наверное, ничего особенного: всего лишь тонкое облачко.

— В таком случае, оно двигалось быстро, — пробормотал Арагорн. — И не по ветру.

Этой ночью больше ничего не случилось. Наступившее утро было еще ярче и чище, чем накануне, но воздух снова заглодел: ветер опять потянул с востока. Они шли ещё две ночи; дорога вилась между холмами и забирала всё выше и выше, хотя и не так быстро, как вначале, а горная гряда подступала все ближе и ближе. На третье утро перед ними вырос Карадрас — громадный пик с посеребрённой снегом вершиной и отвесными голыми тускло-красными, словно окрашенными кровью, склонами.

Небо хмурилось, бледное пятно солнца едва просвечивало сквозь тучи, ветер дул с северо-востока. Гэндальф повернулся лицом к ветру, потянул носом и оглянулся.

— Зима догоняет нас, — тихо сказал он Арагорну. — Пики на севере побелели сильнее, чем раньше; их плечи укрыты снегом. Сегодня нам предстоит начать подъём к Багровым Воротам. На узкой тропе нас могут заметить соглядатаи или поджидать какая-нибудь беда, но самым коварным и опасным врагом, весьма вероятно, окажется погода. Так какой же путь ты выбрал бы теперь, Арагорн?

Фродо услышал эти слова, понял, что Гэндальф и Арагорн продолжают какой-то давно начатый спор и начал напряжённо прислушиваться.

— Ты прекрасно знаешь, Гэндальф, что я не жду ничего хорошего от любого пути, — ответил Арагорн. — И чем дальше, тем больше ведомых и неведомых опасностей нас ждёт. Но мы должны идти вперёд, так что не стоит откладывать перехода через горы. Южнее перевалов нет вплоть до Роханского ущелья. Я не доверяю этому пути после того, что ты рассказал о Сарумане. Кто знает, кому теперь служат маршалы повелителей коней?

— Действительно, кто? — сказал Гэндальф. — Но есть ещё один путь, и не через Карадрас: та тёмная, потайная дорога, о которой мы говорили.

— И, давай, больше не будем! По крайней мере, сейчас. Прошу, не говори ничего остальным, пока не станет ясно, что другого пути для нас нет.

— Нам надо решить, куда мы пойдём, сегодня, — напомнил Арагорну Гэндальф.

— Тогда давай обдумаем всё ещё раз, пока остальные отдыхают и спят, — сказал Арагорн.

Вечером, пока остальные доканчивали завтрак, Арагорн с Гэндальфом отошли в сторону и принялись о чём-то совещаться, посматривая на Карадрас. Сейчас его склоны казались тёмными и мрачными, а вершина терялась в тяжёлой серой туче. Очень неприветливо выглядел перевал! Однако когда Арагорн и Гэндальф объявили, вернувшись, что нынешней ночью надо начать восхождение, Фродо обрадовался. Он понятия не имел, про какой тёмный потайной путь говорил Гэндальф, но сдавалось, что одно упоминание о нём ужаснуло Арагорна, так что Фродо с облегчением узнал, что его отвергли.

— Судя по тому, что мы недавно видели, — сказал Гэндальф, — весьма вероятно, что за Багровыми Воротами наблюдают, да и погода внушает мне серьёзные опасения. Может пойти снег. Нам придётся идти как можно быстрее. Даже и тогда мы поднимемся к седловине не меньше, чем за два ночных перехода. Сегодня вечером рано стемнеет, поэтому пора сворачивать лагерь: мы едва-едва успеем собраться.

— Разрешите и мне кое-что добавить, — сказал обычно молчаливый Боромир. — Я рождён под тенью Белых гор и кое-что знаю о путешествиях на большой высоте. Прежде чем мы спустимся с другой стороны, нас ждёт лютый холод, если не хуже. Стоит ли ради соблюдения тайны подвергать себя риску замёрзнуть насмерть? Пока мы здесь, где ещё встречаются деревья и кусты, нужно чтобы каждый взял с собой столько хвороста, сколько сможет снести.

— А Билл прихватит даже пару вязанок, правда, дружок? — сказал Сэм.

Пони промолчал, но посмотрел на него довольно мрачно.

— Хорошая мысль, — сказал Гэндальф. — Однако разведем костёр лишь в самом крайнем случае, когда действительно окажемся перед выбором — погибнуть или отогреться у огня.

Сначала Отряд продвигался быстро, но вскоре склон стал круче, а петлявшая по нему дорожка во многих местах почти исчезла, загромождённая скатившимися на неё камнями. Ночное небо сплошь затянули тучи, и путников накрыла непроглядная тьма. Лица обжигал ледяной ветер, усиленный скалами. К полуночи они взобрались к самому подножию огромной горы. Узкая тропа вилась теперь под отвесным утёсом слева, над которым невидимые во мраке вздымались угрюмые бока Карадраса, а справа угадывалась чёрная пустота глубокой пропасти.

Хранители с трудом одолели крутой склон, остановились на минуту на его вершине, и тут что-то мягко коснулось лица Фродо. Он поднял руку и увидел, как на его рукав опускаются тусклые белые снежинки.

Отряд пошёл дальше, но вскоре снег повалил гуще, а затем началась настоящая метель. Снег кружил, забивался в ноздри и слепил глаза так, что согнутые фигуры Арагорна и Гэндальфа, шедших всего в паре шагов перед Фродо, едва угадывались в его мутной мгле.

— Ох, не нравится мне это, — пыхтел за спиной хозяина Сэм. — Одно дело, когда проснёшься — а за окном солнышко и снег, только я люблю лежать в постели, пока он падает. Вот бы всю эту метель — да в Хоббитон! То-то там бы обрадовались.

В Шире сильных снегопадов не бывает, разве что на вересковых равнинах в Северном уделе, — и если выпадает немножко снежку, хоббиты радуются ему, как дети. Никто из ныне живущих хоббитов (кроме Бильбо) не помнит уже жестокой Долгой Зимы 1311 года, когда в Хоббитанию вторглись белые волки, перешедшие по льду замёрзший Брендидуин.

Гэндальф остановился. Толстый слой снега покрывал его плечи и капюшон плаща, а на тропе его уже было по щиколотку.

— Именно этого я и опасался, — обратился маг к следопыту. — Что ты скажешь теперь, Арагорн?

— Что и я опасался, — ответил тот. — Правда, меньше, чем всего остального. Мне случалось попадать в метели, хотя они редко бывают так далеко к югу, разве что высоко в горах. Но мы ведь ещё не высоко, а напротив, почти у самого подножья, где дороги обычно остаются открытыми всю зиму.

— Не удивлюсь, если это хитроумная затея Врага, — сказал Боромир. — У нас говорят, что он может управлять бурями в Чёрных горах, что высятся на границе Мордора. Он повелевает странными силами, и у него много союзников.

— Длинная же у него рука, — заметил Гимли, — если он способен, находясь за три сотни лиг, перебросить метель с севера, чтобы помешать нам.

— Его рука длинна, — произнёс Гэндальф.

Пока они стояли, ветер утих, а через несколько минут почти прекратился и снегопад. Тогда они снова двинулись вперёд. Однако затишье оказалось обманчивым. Не успели они одолеть и фарлонга, как шторм обрушился на них с новой яростью. Ветер засвистел, завыл, а

возобновившийся снегопад превратился в неистовый буран. Теперь даже Боромир шёл с трудом. Хоббиты, согнувшись почти пополам, плелись за спинами своих более высоких спутников, но было понятно, что если метель продолжится, дальше идти они не смогут. Фродо едва передвигал ноги. Позади него еле плёлся Пин. Даже Гимли, и тот ворчал на ходу, продираясь сквозь быстро растущие сугробы, а ведь гномы славятся своей выносливостью.

Внезапно отряд замер на месте, как будто путники сговорились остановиться, хотя никто не сказал ни слова. В окружавшей их тьме раздались жуткие звуки. Возможно это были просто завывания ветра в расщелинах скал, но среди свиста и воя угадывались резкие крики и раскаты дикого хохота. С горы посыпались камни. Они свистели над головами, с треском падали на тропу, подскакивали и валялись в чёрную пропасть; временами раздавался тяжёлый грохот и сверху низвергались огромные валуны.

— Этой ночью дальше идти нельзя, — сказал Боромир. — Пусть кто хочет назовёт это ветром; но в воздухе звучат вражеские голоса, и эти камни нацелены на нас.

— Я назову это ветром, — отозвался Арагорн. — Но это не значит, что ты не прав. В мире много злых и враждебных существ, которые не питают любви к ходящим на двух ногах, но при этом не вступают в союз с Сауроном, а преследуют собственные цели. Многие из них древнее его.

— Карадрас был прозван Жестоким и пользовался дурной славой задолго до того, как в этих краях слышали о Сауроне, — вставил Гимли.

— Неважно, кто именно нам препятствует, — сказал Гэндальф. — Важно, что препятствие сейчас неодолимо.

— Так что же нам делать? — горестно воскликнул Пин. Он стоял, привалившись к Мерри и Фродо, и его сотрясала мелкая дрожь.

— Оставаться здесь или возвращаться, — ответил Гэндальф. — Пробиваться вперёд бессмысленно и опасно. Чуть выше, если я правильно помню, тропа отходит от утёса и тянется по мелкой лощине у подножия длинного крутого склона. Там не укроешься от камней, снега или новой напасти.

— И возвращаться в буран бессмысленно, — добавил Арагорн. — Мы не прошли мимо хоть сколько-нибудь сносного укрытия, кроме этой стены, под которой сейчас стоим.

— Укрытие! — проворчал Сэм. — Если это укрытие, то стена без крыши вполне может сойти и за дом, чего уж там.

Они постарались встать как можно плотнее к стене. Утёс смотрел на юг и у основания немного выдавался вперёд, поэтому путники надеялись найти под ним защиту от северного ветра и падающих сверху камней, но крутящиеся вихри задували со всех сторон, а снег валил всё гуще и гуще.

Хранители сгрудились вместе, прижимаясь спинами к камню. Пони Билл с самым унылым видом, но терпеливо стоял перед хоббитами, немного заслоняя их от ветра, однако вокруг него уже намело сугроб под брюхо, и если б не рослые спутники хоббитов, их очень скоро завалило бы с головой.

Фродо одолевала стылая дрёма; потом он пригрелся, и завывание ветра постепенно заглохло, сменившись гулом каминного пламени, а потом у камина появился Бильбо, но в его голосе прозвучало осуждение: "Я не слишком высокого мнения о твоём дневнике. Двенадцатое января, снежный буран. Не стоило возвращаться, чтобы сообщить об этом".

"Мне так хотелось спать, Бильбо" — с трудом пробормотал Фродо, и тут вдруг понял, что его кто-то трясёт, после чего окончательно проснулся. Оказывается, Боромир вытащил его из уютной снежной норы.

— ...это смерть для невысокликков, Гэндальф, — осторожно ставя Фродо на поверхность сугроба, закончил фразу Боромир. — Нельзя просто сидеть здесь и ждать, пока снег занесёт нас всех с головой. Надо немедленно что-то предпринять!

— Дай им вот это! — сказал Гэндальф и, порывшись в своём мешке, достал из него кожаную флягу. — Пусть каждый отхлебнёт по глотку — и все остальные тоже. Это необычайно ценный живительный напиток из Имладриса, мирувор. Элронд дал мне его при расставании. Пустите флягу по кругу!

Глоток пряной, чуть терпкой жидкости не только согрел окоченевшего Фродо, но и влил в него новые силы. Остальные тоже оживились и приободрились. Однако ветер свирепствовал по-прежнему, а метель даже стала как будто сильнее.

— Не разжечь ли костёр? — неожиданно спросил Боромир. — Похоже мы уже поставлены перед выбором — погибнуть или отогреться у огня. Разумеется, если нас похоронит под снегом, мы будем надёжно укрыты от враждебных глаз, только это нам уже не поможет.

— Что ж. попробуйте, — ответил Гэндальф. — Если здесь есть соглядатаи, способные выдержать такой шторм, они могут видеть нас и без огня.

Однако, хотя Хранители по совету Боромира прихватили с собой хворост и растопку, ни эльф, ни даже гном не сумели высечь искру, которая на таком ветру зажгла бы отсыревшие сучья. Наконец, хоть и неохотно, за дело взялся сам Гэндальф. Он поднял вязанку, подержал её несколько мгновений, а затем с приказом "наур ан едраит аммен!" прикоснулся к ней концом своего посоха. Мгновенно появился язык зеленовато-голубого пламени, хворост затрещал и вспыхнул.

— Если кто-нибудь на это смотрел, то меня-то уж распознал безошибочно, — с мрачной гордостью заметил маг. — Я просигналил "Гэндальф здесь" так понятно, что никто от Раздола до устья Андуина не ошибётся.

Но Хранители уже не думали про враждебные глаза и соглядатаев. Они, как дети, радовались огню. Разгоревшийся хворост весело потрескивал, и Хранители, не обращая внимания на хлещущий вокруг них снег и лужи талой воды под ногами, со всех сторон обступили костёр, с удовольствием протянув к нему руки. Они склонялись над небольшим, пляшущим под порывами ветра пламенем, и красные блики играли на их усталых, встревоженных лицах, а позади стеною вставала чёрная ночная мгла.

Однако хворост сгорал очень быстро, а метель всё не прекращалась.

Пламя приугасло, и в тускнеющий костёр бросили последнюю вязанку.

— Ночь на исходе, — сказал Арагорн. — Скоро начнётся рассвет.

— Да в такое ненастье и рассвета не заметишь, — проворчал Гимли.

Боромир немного отступил от костра и взгляделся в темноту.

— Снегопад уже не так густ, — сказал он, — да и ветер стихает.

Фродо утомлённо смотрел на снежинки, которые падали и падали из темноты, на мгновение вспыхивая белым и тут же исчезая над умирающим пламенем, и всё никак не мог заметить, чтобы их стало меньше. Он сонно прикрыл глаза, с трудом разлепил отяжелевшие веки — и вдруг понял, что ветер действительно стих, а снежинки стали крупнее и реже. Медленно, но неуклонно светало. Наконец, снег совсем прекратился.

Серый рассвет открыл глазам измученных путников немые, в саване снегов, горы. Узкий карниз, по которому они поднялись, был весь укрыт горбатыми сугробами и ровным, глубоким снежным пологом. Тропа, протоптанная ими в начале снегопада, исчезла. Вершины терялись в тяжёлой серой туче, грозившей новой метелью.

Гимли взглянул наверх и покачал головой.

— Карадрас не простил нас, — сказал он. — Если мы осмелимся идти вперёд, он снова обрушит на нас буран. Чем скорее мы отступим и спустимся, тем лучше.

С этим все согласились, однако повернуть назад теперь было очень непросто, если вообще возможно. Всего в паре шагов от угасшего теперь костра снег был такой высоты, что хоббиты утонули бы с головой, вдобавок ветер намёл у стены огромные сугробы.

— Если Гэндальф пойдёт впереди, он расчистит для вас путь своим огненным жезлом, — сказал Леголас. Буран ничуть не встревожил эльфа, и он, один из всего Отряда, сохранил до утра хорошее настроение.

— Если эльфы могут летать над горами, пусть пригласят солнце помочь нам, — парировал Гэндальф. — Я умею только разжигать, а снег, к сожалению, не горит.

— Не сумеет умный — осилит сильный, — вмешался Боромир, — так у нас говорят. Самый сильный из нас должен отправиться на разведку. Смотрите! Хотя сейчас всё под снегом, тропа, когда мы поднимались, огибала вон ту скалу вниз. Там и началась метель. Если удастся добраться до этого места, возможно, что дальше будет легче. Тут, полагаю, не больше фарлонга.

— Тогда проторим дорогу до скалы вместе, ты и я, — сказал Арагорн.

Арагорн был самым рослым в Отряде, Боромир — немного пониже, но шире в плечах и массивнее. Он пошёл впереди, Арагорн за ним. Они продвигались медленно и с большим трудом. Местами снег доходил им до самых плеч, и Боромир врезался в него, как плуг или как очень усталый пловец.

Леголас понаблюдал немного за этим с улыбкой на губах, потом повернулся к остальным и воскликнул:

— Разведать путь должен сильнейший? А по-моему, пусть пахарь пашет, но плавать поручите выдре, а бегать по траве, листьям или снегу — эльфу!

С этими словами он проворно устремился вперёд, и Фродо заметил — как бы впервые, хотя он знал об этом и раньше, — что у эльфа не было тяжёлых башмаков, а только лёгкие эльфийские туфли; его ноги почти не оставляли на снегу следов.

— До свидания! — крикнул он Гэндальфу. — Я постараюсь отыскать вам солнце! — Леголас помчался по снегу, как по твёрдому песку, быстро обогнал барахтающихся в нём людей, помахал им, звонко рассмеялся, добежал до скалы и исчез за поворотом.

Оставшиеся, сбившись в кучку, молча следили, как Боромир с Арагорном постепенно превращаются в чёрные точки на белом покрывале снега. Наконец и они скрылись за поворотом. Время тянулось очень медленно. Закрывавшие вершины тучи спустились ниже; вниз опять поплыли редкие снежинки.

Прошло, вероятно, около часа — хоббитам показалось, что гораздо больше, — и наконец они увидели, что Леголас возвращается. Потом из-за поворота вышли Боромир с Арагорном и начали медленно подниматься в гору.

— Мне не удалось заманить сюда солнце, — подмигнув хоббитам, сказал подбежавший Леголас. — Солнечная госпожа ублажает голубоватые поля юга, и её, как я понял, ничуть не беспокоит кучка снега на холмике под названием Багровый Рог. Но зато я вернул проблеск надежды тем, кто обречён ходить на ногах. Сразу за поворотом намело преогромный сугроб, и наши воители из Племена Сильных приготовились погибать перед этой преградой. Ну, пришлось мне объяснить им, что они отчаялись перед снежной крепостью шириной не больше десяти шагов, а дальше тропу припорошило снегом ровно настолько, чтобы остудить пальцы хоббитам.

— Так я и думал, — проворчал Гимли. — Это была не простая метель. Карадрас показал свой нор. Он не жалуется гномов и эльфов и специально нагромоздил тот сугроб, чтобы

отрезать нам путь к спасению.

— К счастью, Карадрас забыл, что с вами идут люди, — перебил гнома подошедший Боромир. — И люди, скажу без хвастовства, не слабые, хотя, конечно, толку от простых селян с лопатами было бы гораздо больше. Но мы всё же пробили ход через последний снежный завал — для тех, кто не столь лёгок на ногу, как эльфы.

— Но как нам туда спуститься, к этому вашему ходу? — спросил Пин, высказав общую тревогу хоббитов.

— Не беспокойся! — ответил ему Боромир. — Я устал. Но силы у меня ещё есть; у Арагорна — тоже. Невысокликов мы отнесём, а остальные пойдут следом за нами. И начну я, почтеннейший Перегрин, с тебя.

Пин вскарабкался ему на спину.

— Держись крепче! Я не могу занимать руки, — сказал Боромир и зашагал вниз по тропе. За ним отправился Арагорн с Мерри. Пин разглядывал проход, который гондорец проложил собственным телом, и поражался его силе. Даже сейчас, с хоббитом на закорках, он продолжал расширять проход, отбрасывая снег в стороны, чтобы остальным было легче идти.

Наконец они подошли к сугробу, который, словно гигантская стена вдвое выше человеческого роста, перегородил узкое ущелье. Конёк сугроба был плотным и острым. Да и весь сугроб казался монолитом, разрубленным посередине узким проходом, который напоминал горбатый мост. За сугробом Мерри с Пином и Леголас остались дожидаться всех других путников, а люди снова ушли наверх.

Через какое-то время Боромир вернулся — с Сэмом за спиной; следом шёл Гэндальф, ведя в поводу навьюченного пони; поверх выюков примостился Гимли; а замыкал шествие Арагорн с Фродо.

Едва Арагорн миновал сугроб и спустил Фродо, как сверху с грохотом посыпались камни, взвихрившие облако снежной пыли; когда белая завеса рассеялась, Хранители увидели, что обвал окончательно заблокировал путь наверх.

— Довольно, хватит! — закричал Гимли. — Мы уже уходим! Оставь нас в покое!

Но гора, казалось, и сама успокоилась, как бы удовлетворённая тем, что пришельцы потерпели поражение и не осмелятся вернуться: сгустившиеся было тучи снова поднялись, в просветах между ними засквозило небо.

Как и говорил Леголас, слой снега под ногами становился всё тоньше, так что даже хоббитам было не слишком трудно идти. Скоро Отряд опять очутился на вершине того самого склона, где их застали первые снежинки.

Было уже позднее утро. С площадки, где стояли утомлённые Хранители, открывались широкие предгорные дали. Где-то внизу, у подножия горы, среди холмов и оврагов лежала та самая лощина, в которой они отдыхали накануне.

У Фродо отчаянно болели ноги, он продрог до костей и хотел есть, а при мысли о предстоящем долгом и мучительном спуске у него закружилась голова и перед глазами поплыли чёрные пятна. Фродо торопливо протёр глаза, но пятна не исчезли. Они кружились далеко внизу, но всё же выше предгорных холмов.

— Опять птицы, — сказал Арагорн, указывая вниз.

— Теперь уже с этим ничего не поделаешь, — глянув на птиц, отозвался Гэндальф. — Друзья они, враги или просто-напросто безобидные птахи, которым нет до нас никакого дела, нам придётся продолжать спуск. Нельзя, чтобы следующая ночь застала нас даже на коленях Карадраса!

Путники, спотыкаясь, побрели вниз; их подгонял ледяной ветер. Багровые Ворота оказались закрытыми.

Только под вечер, когда серые сумерки быстро переходили в ночь, остановились усталые путники на отдых. Таящие во мраке вершины дышали вниз холодом — дул порывистый ветер. Гэндальф опять пустил баклагу по кругу, и все Хранители сделали по глотку раздольского мирувора. После ужина они устроили совет.

— Сегодня ночью мы, разумеется, не в силах идти дальше, — объявил Гэндальф. — Атака на Багровые Ворота вымотала всех нас, так что придётся немного передохнуть.

— А куда мы пойдем потом? — спросил Фродо.

— Наша задача осталась неизменной, — ответил Гэндальф. — У нас нет иного выбора, как продолжать путь или же вернуться в Раздол.

Когда Гэндальф упомянул о возвращении, лицо Пина явственно просветлело, Мерри и Сэм тоже с надеждой посмотрели на мага. Но Арагорн и Боромир даже не пошевелились, Фродо же выглядел смущенным и встревоженным.

— Я с радостью очутился бы там, — сказал он. — Но такое возвращение было бы позорно, если только для нас действительно нет иного пути и мы уже окончательно побеждены.

— Ты совершенно прав, Фродо, — согласился с ним Гэндальф. — Вернуться — значит признать свое поражение, после чего останется дожидаться только полного разгрома. Если мы вернемся сейчас, Кольцо Всевластья неминуемо останется в Раздоле, поскольку уйти оттуда нам уже не дадут. В этом случае рано или поздно Раздол будет осажден и после короткого сопротивления разрушен. Призраки Кольца — страшные противники, но пока они лишь тень того ужаса и мощи, которыми будут обладать, когда Одно Кольцо снова окажется на руке их Властелина.

— Тогда, если есть возможность, нам нужно идти дальше, — со вздохом проговорил Фродо.

Физиономия Сэма снова омрачилась.

— Есть одна возможность, которую стоит попробовать, — сказал Гэндальф. — Я с самого начала предполагал, что нам придется пойти по этому пути. Но он не сулит ничего приятного, поэтому прежде я не упоминал о нем никому из Отряда. Арагорн был против этой дороги, по крайней мере, пока оставалась надежда одолеть перевал.

— Если она еще хуже Багровых Ворот, то это и правда не сулит ничего хорошего, — заметил Мерри. — Но все-таки расскажи нам о ней, чтобы мы сразу знали самое худшее.

— Дорога, о которой я говорю, проходит через Рудники Мории, — сказал Гэндальф.

Гном Гимли поднял голову, и глаза его вспыхнули. Остальные же, услышав предложение мага, содрогнулись: даже для хоббитов слово Мория было символом смутного страха.

— Дорога ведет к Мории, но можно ли надеяться, что она выводит оттуда? — мрачно проговорил Арагорн.

— И имя это служит дурным предзнаменованием, — добавил Боромир. — Не понимаю, зачем нам идти туда? Если нельзя перебраться через горы, можно продолжать двигаться к югу по этой стороне, пока не выйдем к Роханскому ущелью; ристанийцы — давние союзники моего народа, и на север я добирался через их земли. Или же можно перейти Скальток и спуститься Длиннобережьем в Лебению, чтобы выйти к Гондору через приморские земли.

— С тех пор, как ты отправился на север, ситуация изменилась, Боромир, — сказал Гэндальф. — Разве ты не слышал, что я говорил о Сарумане? Возможно, я еще сведу с ним счёты, прежде чем всё кончится. Но Кольцу нельзя приближаться к Скальбургу, — этого

необходимо избежать любыми средствами. Так что Роханское ущелье закрыто для тех, кто идет вместе с Хранителем.

Что же касается более длинного, обходного пути, то у нас нет на него времени. Такое путешествие займёт не меньше года, причем идти придётся по пустым, незаселенным равнинам, где нет ни приюта, ни укрытия. А это небезопасно, поскольку за ними внимательно наблюдают и Саурон, и Саруман. Когда ты пробирался на север, Боромир, то был для Врага лишь одиноким путником, не стоящим внимания: его мысли были заняты погоней за Кольцом. Но сейчас ты возвращаешься в составе Отряда Хранителей, и, пока ты с нами, тебе угрожает опасность, причем опасность эта будет увеличиваться с каждой лигой, которую мы пройдем к югу под открытым небом.

И боюсь, что наше положение стало совершенно отчаянным с тех пор, как мы рискнули открыто штурмовать перевал. Признаться, я не вижу надежды, если не удастся на время исчезнуть из виду, да так, чтобы и следов не осталось. Именно поэтому я советую не переходить через горы и не обходить их, а пройти под ними. Во всяком случае, такого Враг ожидает от нас в последнюю очередь.

— Мы не знаем, что именно он ожидает, — возразил Гэндальфу Боромир. — Он может следить за всеми дорогами, как вероятными, так и не очень. И в этом случае войти в Морию — то же самое, как добровольно залезть в ловушку. С тем же успехом можно постучаться в ворота Чёрной Крепости! Мория тоже значит Чёрная, только не Крепость, а Бездна.

— Ты не знаешь, о чем говоришь, сравнивая Морию с твердыней Саурана, — сурово ответил ему Гэндальф. — Из всех вас один только я был однажды в подземных темницах Чёрного Властелина, и то лишь в его более древней и гораздо меньшей крепости — в Дол Гулдуре. Вступившие в ворота Барат-дура не возвращаются. А я не предлагал бы вам идти в Морию, если бы не было надежды выйти оттуда. Конечно, если там встретятся орки, нам будет плоховато. Но большая часть орков Мглистых гор была истреблена или рассеяна в Битве Пяти армий. Орлы сообщают, что орки снова стекаются к Мглистому, но есть надежда, что Мория пока свободна от них.

Зато, возможно, мы встретим там гномов. Ведь сохраняется надежда, что в одном из подземных залов, созданных его предками, отыщется Балин, сын Фундина. Впрочем, как бы там ни было, другого пути, кроме как через Морию, у нас нет.

— Я пойду с тобой, Гэндальф! — воскликнул Гимли. — Что бы там ни ждало, я хочу увидеть залы Дарина — если ты можешь отыскать закрытую дверь.

— Спасибо за поддержку, Гимли! — сказал Гэндальф. — Мы вместе поищем тайную дверь. И пройдем насквозь. Гном не так легко собьётся с пути в гномьих туннелях, как эльф, человек или хоббит. Хотя мне уже приходилось бывать в Мории. Я долго искал там пропавшего Траина, сына Трора. Тогда я прошёл Морию насквозь и, как видите, выбрался из нее живым!

— Я тоже однажды вошел в Морию со стороны Темнореченского Каскада, — спокойно проговорил Арагорн. — И хотя тоже вышел оттуда живым, сохранил об этом самые чёрные воспоминания. Второй раз я туда лезть не хочу.

— Я и первый-то раз не хочу, — сказал Пин.

— Я тоже, — пробормотал Сэм.

— Разумеется, нет! — согласился Гэндальф. — Да и кто бы захотел? Вопрос стоит по-другому: кто согласен последовать за мной, если я поведу вас туда?

— Я! — с готовностью воскликнул Гимли.

— Я пойду, — угрюмо проговорил Арагорн. — Ты последовал за мной, хотя мы едва не погибли в снегу, и не произнес ни слова упрека. Теперь я последую за тобой — если тебя не остановит это, последнее, предупреждение. Я сейчас имею в виду не Кольцо, не остальных, а

тебя, Гэндальф. И я говорю тебе: если ты вступишь в ворота Мории, берегись!

— Я не пойду, — сказал Боромир, — во всяком случае, пока весь отряд не проголосует против меня. Что скажут Леголас и невысокликки? Мнение Хранителя Кольца, безусловно, тоже должно быть выслушано?

— Я против Мории, — сказал Леголас.

Хоббиты промолчали. Сэм смотрел на Фродо. После паузы тот наконец заговорил:

— Я не хочу идти. Но и совет Гэндальфа я не хочу отвергать. Давайте отложим решение до утра. Гэндальфу будет легче получить голоса в утреннем свете, чем в этом холодном мраке. Послушайте, как воет ветер!

Все замолчали. Ветер свистел меж камней и деревьев, но в свист этот посреди окружавшей их ночной черноты вплетался заунывный, с переливами вой.

Неожиданно Арагорн вскочил.

— Как воет ветер? — воскликнул он. — Он воет волчьими голосами. Варги перебрались на западную сторону гор!

— Так стоит ли теперь ждать утра? — сказал Гэндальф. — Всё, как я говорил. Охота началась! Если мы и доживём до рассвета, кто из вас захочет теперь пробираться по ночам к югу, преследуемый дикими волками?

— Как далеко отсюда до Мории? — спросил Боромир.

— Ворота находились к югу-востоку от Карадраса примерно в пятнадцати милях для вороны и около двадцати для волка, — мрачно ответил Гэндальф.

— Тогда по утру придется выйти сразу, как рассветёт... если сможем, — сказал Боромир. — Боишься дальнего орка, не уйдешь от близкого волка.

— Верно, — согласился Арагорн. — Но, с другой стороны, где волк, там и орк.

— Зря я не послушался Элронда, — шепнул Пин Сэму. — Все-таки, никуда я не поеду. Маловато во мне от Брандобраса Бычьего Рыка: от этого воя прямо кровь стынет. В жизни ещё так не боялся!

— У меня, мистер Перегрин, душа тоже в пятки ушла, — шепнул Сэм в ответ. — Но нас пока не съели, да и народ в Отряде подобрался крепкий. Один Гэндальф чего стоит! Что бы там ни ждало его впереди, бьюсь об заклад, кончит он не в волчьем желудке!

Чтобы обезопасить себя на ночь Отряд поднялся на вершину невысокого холма, у подножия которого они укрывались. Вершина была увенчана кучкой старых кривых деревьев в круге из серых валунов. Очутившись под деревьями, хранители развели небольшой костер, прекрасно понимая, что ночная тьма не помешает рыскающим вокруг варгам найти их.

Путники сидели возле костра и все, кроме двух часовых, дремали, — это был не сон, а тревожное забытие. Пони Билл трясся от страха; он взмок, словно только что пробежал миль двадцать. Вой теперь слышался со всех сторон, то ближе, то дальше, и сверкающие глаза то и дело заглядывали в чёрной ночной темноте через кромку холма. Некоторые их обладатели подходили едва ли не к самому каменному кругу. Внезапно в проходе между валунами возникла фигура огромного волка — он застыл в проёме и хрипло взвыл, словно капитан, который подал сигнал к атаке.

Гэндальф встал и, подняв свой жезл, шагнул навстречу зверю.

— Слушай, собака Саурана! — крикнул он. — Перед тобою Гэндальф! Прочь, если тебе дорога твоя вонючая шкура! Посмей только вступить в этот круг, и я освежую тебя от пасти до хвоста!

Волк зарычал и прыгнул вперёд. Мелодично прозвенела спущенная тетива, и, коротко

взвыв, он рухнул на землю: эльфийская стрела пронзила ему горло. Следящие за хранителями глаза моментально исчезли. Гэндальф и Арагорн подошли к ограде: волков на склонах холма уже не было — стая отступила. Путников окружала безмолвная тьма, нарушаемая лишь вздохами ветра.

Миновала полночь, близился рассвет; на западе, почти у самой земли, то гасла, ныряя в драные тучи, то снова бледно вспыхивала убывающая луна. Внезапно громкий многоголосый вой вырвал Фродо из зыбкого забытья: варги, беззвучно окружившие холм, со всех сторон ринулись в атаку.

— Сушняка в костер! — крикнул Гэндальф хоббитам. — Мечи наголо! Стать спиной к спине!

В неверном свете разгорающегося костра Фродо видел, как серые тени перемахивают через валуны. Арагорн сделал молниеносный выпад — и огромный зверь, злобно скуля, рухнул на землю с пронзённым горлом; холодно блеснул меч Боромира — и у второго отлетела голова; рядом с ними, крепко упершись ногами в землю, вращал своим топором Гимли; пел лук Леголаса; однако всё новые серые тени волна за волной вплескивались в ограду.

Фродо с надеждой глянул на Гэндальфа. Фигура мага, как показалось хоббиту, неожиданно выросла. В пляшущих языках пламени она походила на статую древнего короля, высеченную из серого камня и водружённую на вершине холма. Вот эта грозная тень склонилась, как туча, подняла горящий сук и шагнула навстречу волкам. Те попятились. Гэндальф швырнул горящий сук высоко в воздух, и тот внезапно полыхнул слепящей молнией, а за вспышкой громом раскатилось произнесенное магом заклинание:

— Наур ан едраит аммен! Наур дан и нгаурот!

Раздался громкий гул и треск, и дерево над его головой превратилось в неистово полыхающий факел; огонь быстро побежал по вершинам, и над холмом, ярко осветив поле битвы, распустился гигантский огненный цветок. Мечи хранителей, разбрызгивая искры, крушили ошеломлённых зверей. Последняя стрела Леголаса вспыхнула в воздухе и пронзила сердце огромного варга — вожака стаи. Остальные обратились в бегство.

Огонь медленно угасал; к рассвету лишь искры пробегали по серому пеплу, да горький дым курился над обугленными стволами, а ветер сдувал его тёмные клубы с холма. Враги были разбиты и не вернулись.

— Ну, что я говорил? — сказал Сэм Пину, устало засовывая в ножны свой меч. — Старину Гэндальфа просто так не сожрёшь. Во даёт! Этак и без волос недолго остаться!

Когда совсем рассвело, от волков и следа не осталось: на склонах холма не было даже трупов! О разыгравшейся битве напоминали только остатки стволов да валявшиеся на земле стрелы Леголаса — все целые, кроме одной, от которой остался только наконечник.

— Этого я и опасался, — заметил Гэндальф. — На нас набрели вовсе не обычные волки, искавшие себе добычи. Давайте быстро позавтракаем — и в путь!

Погода в этот день опять изменилась, словно по приказу могущественной силы, которая больше не нуждалась в буране, потому что путники отступили от перевала, а, напротив, испытывала нужду в ясном небе, когда всё, что шевелится на пустошах, видно издалека. Ветер, сменившийся ночью с северного на северо-западный, утих. Тучи исчезли далеко на юге, и над путниками засинело высокое небо, а вершины гор озарили лучи бледного зимнего солнца.

— Мы должны добраться до ворот Мории до заката, — сказал Гэндальф, — иначе, боюсь, мы вообще до них не доберёмся. Расстояние небольшое, но Арагорн редко бывал в этих местах и не знает здешних дорог, да и я был у западной стены Мории всего один раз, причём очень давно,

так что, возможно, нам придётся поплутать.

Ворота вон там, — продолжал маг, указывая жезлом на юго-восток, где склоны гор круто обрывались и терялись в тенях, лежащих у их подножия. Там смутно угадывалась линия отвесных утесов, центральный из которых, самый высокий, походил на огромную серую стену. — Когда мы спустились с перевала, я, как некоторые, безусловно, заметили, вывел вас значительно южнее исходной точки, и это оказалось весьма кстати, потому что теперь наш путь сократился на несколько миль, а нам надо спешить. Идёмте!

— Уж не знаю, на что надеяться, — мрачно заметил Боромир. — Гэндальф ли найдет то, что ищет, или, подойдя к стене, мы обнаружим, что ворот там больше нет. И то и другое не сулит добра, а самое вероятное из всего — что мы окажемся зажатыми между стеной и волками. Веди!

Гимли подгоняло пылкое нетерпение, и он шагал впереди, рядом с Гэндальфом, который вёл отряд назад, к горам. Когда-то у Ворот Мории бил родник, питающий небольшую речку Привратницу, или, как называли ее эльфы, Сираннону, и Гэндальф надеялся отыскать эту речку, чтобы выйти по древней приречной дороге — единственной дороге, которая вела из Остранны в Морию — к Воротам. Однако то ли Привратница пересохла, то ли маг взял неверное направление, но ему не удалось отыскать русло там, где он рассчитывал.

До полудня путники блуждали по каменистой равнине, иссечённой сетью извилистых трещин и усеянной россыпями бурых камней, но так и не смогли заметить блеска воды или услышать её журчание, — только бесплодная, иссохшая почва да красноватые камни. Вокруг ни души, в небе ни птицы. Путники обречённо шагали за Гэндальфом и старались не думать, что с ними будет, если ночь застигнет их посреди этой пустоши.

Неожиданно Гимли, ушедший немного вперёд, обернулся и подозвал их. Гном стоял на бугре и указывал вправо. Путники поспешили к нему и увидели у своих ног глубокое узкое русло пересохшей речки. По его дну едва сочилась тонкая струйка воды, то и дело пропадающая среди красно-бурых камней, но на ближнем к ним берегу ещё были заметны остатки некогда мощёной и огороженной стенками дороги.

— Ага, наконец-то! — воскликнул Гэндальф. — Вот она, Привратница, или, по-эльфийски, Сираннона. Раньше это была быстрая, звонкая речка; понятия не имею, что с ней стряслось, однако идёмте! Надо спешить. Мы припозднились.

Невзирая на боль в ногах, уставшие путники шли и шли по разбитой, извилистой дороге на протяжении многих миль. Полдень давно миновал, солнце начинало клониться к западу. Хранители сделали короткий привал, торопливо поели и отправились дальше. Перед ними маячили неприветливые горы, но дорога не поднималось из глубоко врезанной речной долины, поэтому они видели лишь плечи высоких хребтов и далёкие восточные пики.

Наконец отряд добрался до крутого поворота. Здесь дорога, до сих пор тянувшаяся на юг по извилистому берегу глубокого канала, резко забирала к востоку. Обогнув угол, они очутились перед невысокой — футов в тридцать — скалой с неровным, зубчатным краем, через который капал тонкий ручеёк, хотя некогда, судя по оставшейся промоине, здесь низвергался бурный водопад.

— Да, все изменилось! — сказал Гэндальф. — Но, вне всякого сомнения, место то самое. Вот и всё, что осталось от Приморийского Порога. Если я правильно помню, в скале должны быть вырублены ступеньки, а основная дорога сворачивает налево и, сделав несколько петель, поднимается вровень с Порогом и снова идёт вдоль русла Сиранноны. Сразу за этой скалой начинается неглубокая долина, которая ведёт к Морийской Стене. По ней-то и бежала раньше

Сираннона. Давайте поднимемся и посмотрим, как обстоит дело сейчас!

Они без труда отыскивали ступеньки, и Гимли тут же побежал по ним вверх; Гэндальф и Фродо последовали за ним. Добравшись до вершины скалы, они поняли, почему пересохла Сираннона: на месте долины чернело озеро. Заходящее солнце вызолотило небо за их спинами, но в матовой, неподвижной воде не отражались ни небо, ни закат. Сираннону, видимо, запрудил обвал, и она затопила долину. На противоположном конце зловещего озера вздымались отвесные утесы — их монолитные, неприступные стены хмуро серели в меркнувшем свете. Фродо не смог разглядеть в них не то что ворот, но даже маленькой трещинки.

— Вот она, Морийская Стена, — сказал Гэндальф, указывая на утесы. — Когда-то в ней была дверь, которую называли Эльфийскими Воротами, потому что к ним подводила дорога из Остранны, по которой мы пришли. Но путь напрямик отрезан. Думаю, никому из Отряда не захочется плавать в этой мрачной воде на ночь глядя. У нее нездоровый вид.

— Нужно попробовать обогнуть это озеро с севера, — сказал Гимли. — Давайте поднимемся по основному тракту и посмотрим, куда он нас приведёт. Даже если бы здесь не было озера, мы не смогли бы поднять пони по лестнице в скале.

— Мы в любом случае не сможем взять несчастное животное в Морию, — заметил Гэндальф. — Дорога под горами идет в кромешной темноте, и там иногда встречаются такие узкие, крутые переходы, через которые ему никак не протиснуться.

— Бедный Билл! — пробормотал Фродо. — Я об этом как-то не подумал. И бедный Сэм! Что-то он на это скажет?

— Мне очень жаль, — сказал Гэндальф. — Старина Билл служил нам верой и правдой, и мне тяжело бросать его на произвол судьбы. Я ведь предлагал не брать вьючное животное, особенно Билла, который так дорог Сэму, а идти налегке, ибо с самого начала подозревал, что нам придётся воспользоваться этим путем.

Меркла, догорая, вечерняя заря, и в небе уже поблескивали звезды, когда спешившие из всех сил путники преодолели последние склоны и вышли к берегу озера. В самой широкой точке его размер не превышал двух-трех фарлонгов. Как далеко оно простирается к югу, в сумерках было не разобрать, но его северный край находился всего в полумиле от них, и между водой и замыкающим долину каменистым хребтом тянулась узкая полоска земли. Хранители торопливо двинулись дальше, потому что до другого берега, куда вел их Гэндальф, оставалась ещё пара миль, а ведь им ещё предстояло найти дверь.

Добравшись до северной оконечности озера, они обнаружили, что путь им преграждает узкий залив. Вода в заливе была зелёная и затхлая, и весь он походил на слизистую руку, протянутую к скалам. Гимли отважно шагнул вперёд и обнаружил, что вода неглубока: у края она едва доходила ему до щиколоток. Вслед за гномом цепочкой двинулись и остальные путники, осторожно нащупывая дно, потому что под водорослями скрывались скользкие, предательские камни. Фродо невольно содрогнулся от омерзения, когда тёмная вонючая вода коснулась его ног.

Когда замыкавший шествие Сэм вывел на Билла на полоску земли с другой стороны залива, раздался приглушённый всплеск, как будто из воды вдруг выпрыгнула рыба и тотчас же шлёпнулась обратно. Все резко обернулись и увидели, что по озеру вкруговую расходятся волны — чёрные в сумеречном вечернем свете. Они начинались где-то далеко в озере. Потом раздалось прерывистое бульканье, и над озером снова сомкнулась тишина. Последние отблески вечерней зари скрылись за тучами; сумрак сгустился.

Гэндальф торопливо шагал вперёд; остальные поспевали за ним, как могли. Теперь они опять двигались по полоске суши между утёсом и озером; полоса была узкой — местами

шириной всего в дюжину ярдов, кроме того, её сильно загромождали обломки скал и скатившиеся вниз камни, но пройти по ней было все-таки можно. Путники старались не отходить от Морийской Стены, даже придерживались за неё руками, чтобы тёмная вода подозрительного озера была от них как можно дальше. Когда они одолели около мили, перед ними неожиданно возникли падубы. На мелководье догнивали ветви и остоны почерневших стволов, которые когда-то образовывали заросли или живую изгородь вдоль дороги через затопленную теперь долину, но у самого утёса сохранились два живых дерева. Их громадные корни тянулись от скалы к воде. Фродо никогда не видел ничего подобного и даже не подозревал, что падубы могут быть такими высокими и могучими. Издали, с Порога, они казались кустарником, выросшим под отвесной стеной, но сейчас древние деревья возвышались над головами Хранителей неподвижные, тёмные, безмолвные, с глубокими тенями у подножья, словно сторожевые столбы в конце дороги.

— Наконец-то! — обрадовано сказал Гэндальф. — Здесь кончается Эльфийский тракт из Остранны. Гномы прорубили Западные Ворота, чтобы беспрепятственно торговать с эльфами, а эльфы посадили на границе своих владений падубы, поскольку падуб был символом Остранны. В те благословенные времена народы Средиземья нередко связывала тесная дружба, даже гномы и эльфы умели не ссориться.

— Эта дружба прервалась не по вине гномов, — вставил Гимли.

— Я ни разу не слышал, что она прервалась из-за эльфов, — тут же отозвался Леголас.

— Я не раз слышал и то, и другое, и сейчас не время решать, кто прав, — прекратил начинающуюся перепалку Гэндальф. — Леголас, Гимли, надеюсь, хоть вы-то двое останетесь друзьями. Мне очень нужна ваша помощь. Мы должны найти и открыть Ворота, пока совсем не стемнело.

А вы, — сказал он, повернувшись к остальным, — приготовьтесь без промедления вступить в Морию, как только мы отыщем и отворим Ворота. Боюсь, что здесь нам придётся расстаться с нашим замечательным пони, поэтому надо его разгрузить. Тёплую одежду можно не брать: в Мории она нам не понадобится, и потом, надеюсь, тоже, когда мы пройдем горы насквозь и продолжим путешествие на юг. А пищу и, главное, бурдюки с водой, которые тащил до сих пор пони, надо распределить между всеми Хранителями.

— А что же будет со стариной Биллом? — испуганно и негодуя воскликнул Сэм. — Да я без него с места не сдвинусь! Завели беднягу невесть куда, а теперь возьмём и бросим его, да?

— Мне очень жаль, Сэм, — сказал маг, — но тебе придётся выбирать между Биллом и твоим хозяином. Когда Ворота откроются, не думаю, что тебе удастся затащить пони в беспроглядную тьму Мории.

— Со мной он последует за мистером Фродо даже в драконье логово, — возразил Сэм. — Бросить его тут на растерзание волкам, это ж чистое убийство!

— Ну, до убийства-то, надеюсь, не дойдет, — проговорил Гэндальф. Он положил руку на голову пони и негромко произнёс: — Ступай, и да хранят и направляют тебя мои слова. Ты умное животное и многому научился в Раздоле. Иди туда, где сможешь найти траву, и потихоньку возвращайся к дому Элронда или туда, куда пожелаешь... Ну вот, Сэм! Теперь у него столько же шансов спастись от волков и вернуться домой, сколько у нас.

Угрюмо стоявший рядом с пони Сэм ничего не ответил. А Билл, словно поняв, что происходит, прижался мордой к его голове, сунул нос прямо в ухо и шумно вздохнул. Сэм захлебнулся слезами, взялся за ремни и принялся развешивать пони, швыряя тюки наземь. Остальные путники сортировали поклажу, разбирая по своим мешкам то, что надо было взять с собой. Оставшееся просто свалили в кучу.

Покончив с поклажей, Хранители принялись следить за тем, что делает Гэндальф. Но он,

казалось, ничего не делал — стоял между двумя падубами и пристально смотрел в стену, как будто хотел просверлить её взглядом. Леголас прижимался к скале, словно вслушивался в камень. Гимли бродил вдоль стены, постукивая по ней обухом топора.

— Ну вот, мы готовы, — сказал Мерри. — А где же Ворота? Я что-то ничего не вижу.

— Сделанные гномами ворота и нельзя увидеть, если они закрыты, — со сдержанной гордостью ответил Гимли. — Они невидимы, и даже сами гномы не в силах найти или открыть эти двери, если их секрет позабыт.

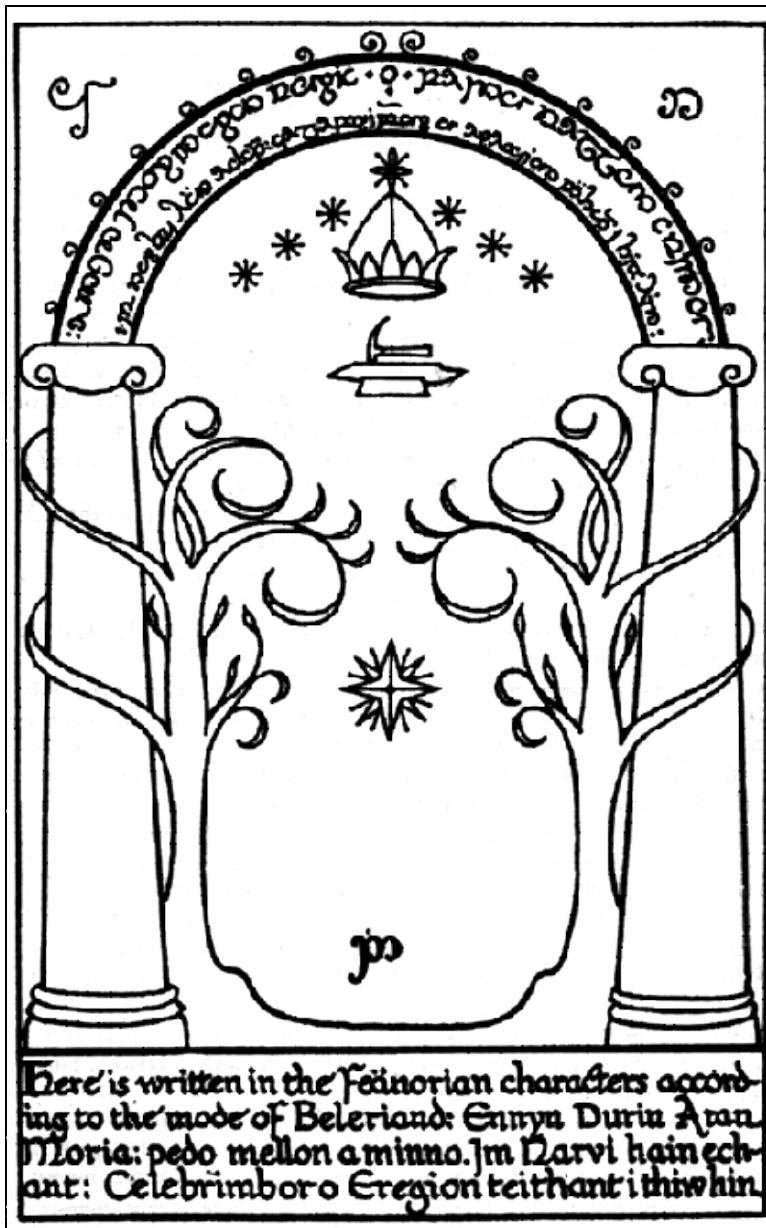
— Да, но Западные Ворота не были тайной, известной лишь гномам, — внезапно обернувшись, заметил Гэндальф. — И если в наше время их не переделали, тот, кто знает, что именно искать, может обнаружить их.

Гэндальф подошел к стене. Там, куда не достигала тень падубов, было гладкое пространство; маг провёл по нему руками, бормоча какие-то слова, потом отступил.

— Смотрите! — сказал он. — Теперь вы что-нибудь видите?

Серую поверхность скалы освещала взошедшая луна, но Хранители не заметили никаких изменений — сначала. А потом на стене, там, где её коснулся маг, медленно проступили тонкие линии, похожие на серебряные жилки в камне. Сначала они были не толще паутинки, прерывисто поблескивающей под лучами луны, но постепенно становились ярче, отчетливее, и вскоре глазам изумленных путников открылся искусно выполненный рисунок.

Вверху, так высоко, как Гэндальф мог дотянуться, аркой выгибалась надпись из прихотливо сплетённых эльфийских букв. Под надписью, хотя линии местами потускнели и стёрлись, угадывались очертания молота и наковальни, увенчанные короной с семью звёздами. Ниже шли два дерева с листьями в форме растущего месяца, а в центре двери ярко сияла звезда, окружённая ореолом расходящихся лучей.

— Эмблема Дарина! — воскликнул Гимли.

— И Дерево Высших эльфов! — сказал Леголас.

— И Звезда Дома Феанора, — добавил Гэндальф. — Они выполнены из итилдина, который отражает лишь лунный да звездный свет и просыпается при прикосновении того, кто произносит слова, давно забытые в Средиземье. Немало времени прошло с тех пор, как я слышал их, и долго пришлось мне размышлять, прежде чем удалось вызвать их в своей памяти.

— А что здесь написано? — спросил Фродо у Гэндальфа, безуспешно попытавшись разобрать надпись. — Мне казалось, что я знаю эльфийские руны, но эту надпись прочитывать не могу.

— Она на языке эльфов, живших на западе Средиземья в эпоху Эльдар, — ответил Гэндальф. — Но ничего интересного для нас не содержит. Здесь сказано: "Ворота Дарина, Владыки Мории. Скажи, друг, и входи". А ниже мелкими буквами идёт: "Я, Нарви, сделал их. Келебримбор из Остранны начертал эти знаки".

— А что подразумевают слова "скажи, друг, и входи"? — поинтересовался Мерри.

— Это достаточно ясно, — ответил Гимли. — Если ты друг, скажи ключевое слово. Ворота откроются, и ты войдёшь.

— Да, — согласился Гэндальф. — Скорее всего, эти ворота управляются словами. Некоторые двери, сделанные гномами, открываются только в определённое время или перед

определёнными посетителями, а некоторые снабжены замком, так что к ним нужен ключ, даже если известно подходящее для открытия время и слова. У этих дверей замка нет. В дни Дарина они не считались тайными. Обычно Западные ворота стояли открытыми, и привратники мирно сидели под деревьями. А если Ворота порой закрывали, то любой, кому было известно ключевое слово, мог произнести его и войти. Правильно я понял эту надпись, Гимли?

— Совершенно правильно, — подтвердил гном. — Но слово это, к несчастью, забыто, ибо род Нарви давно угас.

— Как, разве ты, Гэндальф, не знаешь ключевого слова? — ошарашено спросил Боромир.

— Нет, не знаю, — ответил Гэндальф.

Хранители с беспокойством переглянулись; лишь Арагорн, который хорошо знал Гэндальфа, остался невозмутим и не проронил ни слова.

— Тогда зачем было вести нас в это проклятое место? — воскликнул Боромир, с содроганием глянув через плечо на тёмную воду. — Ты говорил, что спускался в Морию, что прошёл её насквозь... и не знаешь, где вход?!

— Я знаю, где вход, и привел вас к нему, — бесстрастно ответил гондорцу Гэндальф, но глаза его блеснули под сдвинувшимися бровями. — Я не знаю ключевого слова — пока. Ты спрашиваешь, зачем мы сюда пришли? Отвечаю: чтобы нас не сожрали волки. Но ты задал мне ещё один вопрос. И в ответ мне придется спросить тебя: не усомнился ли ты в моих словах, Боромир? Или полностью утратил здравый смысл? — Боромир промолчал, и Гэндальф, смягчившись, добавил: — Я спускался в Морию с востока, из Темноречья, а не отсюда. Западные ворота открываются наружу; изнутри на них надо легонько нажать, и они откроются, как обычные двери; а тот, кто стоит перед ними здесь, должен произнести ключевое слово, иначе отсюда в Морию не проникнешь.

— Так что же ты собираешься делать? — спросил Пин, которого совершенно не испугали нахмуренные брови мага.

— Постучать в Ворота твоей головой, Перегрин Крол, — ответил Гэндальф. — Авось сломаются. А не поможет, попробую подобрать ключевые слова — если меня перестанут донимать дурацкими вопросами.

Было время, когда я знал все заговоры, когда-либо употреблявшиеся для этой цели, на всех наречиях эльфов, людей и орков. Да и сейчас без труда вспомню примерно с сотню. Думаю, что нескольких попыток будет достаточно, и мне не придется обращаться к Гимли за заветными заклинаниями на языке гномов, которые они хранят в тайне от всех. Ясно, что ключевые слова были эльфийскими, как и надпись на арке.

Гэндальф опять подошел к скале, легко коснулся своим посохом звезды Феанора и властно произнес:

Аннос эдхеллен, эдро хи аммен!

Феннас ноготрим, ласто бет ламмен!

Серебряные линии потухли, но стена осталась монолитной.

Маг повторил те же самые слова в других сочетаниях — и ничего не добился. Попробовал много иных заклинаний, говорил то негромко и медленно, нараспев, то громко и повелительно, тоном приказа, произносил отдельные эльфийские слова и длинные, странно звучащие фразы — отвесные утёсы оставались неподвижными, и лишь тьма всё больше скрадывала их резкие очертания. От озера подувал промозглый ветер, в небе зажигались всё новые звёзды, а Ворота по-прежнему были закрыты.

Наконец Гэндальф вплотную подступил к стене, воздев руки, гневно скомандовал:

— Эдро, эдро! — и ударил утёс своим посохом.

Потом повторил это слово — Откройся! — на всех без исключения западных языках

Средиземья, однако опять ничего не добился. Он швырнул свой посох на землю и молча сел на обломок скалы.

И тотчас же ветер донёс до напряженно прислушивающихся Хранителей волчий вой. Билл испуганно взбрыкнул, но Сэм кинулся к нему и зашептал что-то успокоительное на ухо.

— Не упусти его! — сказал Боромир. — Похоже, что он нам ещё понадобится, если, конечно, волки нас не найдут. Проклятая лужа! — Боромир нагнулся, поднял камень и изо всех сил запустил его в тёмную волю.

Камень исчез с тихим всплеском, и тут же опять что-то плюхнуло, булькнуло, и по воде поползли медленно расходящиеся круги. Только начинались они гораздо дальше, чем упал камень.

— Зачем, Боромир? — ахнул Фродо. — Мне тоже здесь не нравится, и мне страшно. Это гиблый пруд. Он страшней волков, страшней Мории, а ты его баламутишь!

— Бежать отсюда надо! — пробормотал Мерри.

— Что же Гэндальф копается? — дрожащим голосом спросил Пин.

А Гэндальф, казалось, не замечал своих спутников. Он сидел, поставив локти на колени и обхватив ладонями склонённую голову — то ли задумавшись, то ли отчаявшись. Опять послышался заунывный вой волков. Раскатившаяся по озеру круговая зыбь плеснула в берег.

Внезапно маг с хохотом вскочил, перепугав и без того напуганных путников.

— Ну конечно же! — весело воскликнул он. — Проще простого! Впрочем, любая разгаданная загадка кажется потом поразительно лёгкой!

Он поднял посох, встал перед скалой и звонким голосом произнес:

— Меллон!

Звезда вспыхнула и снова погасла. В стене, где прежде не было заметно ни щелки, на глазах изумлённых путников совершенно беззвучно обозначились створки Ворот, которые медленно, дюйм за дюймом раскрылись и замерли, прижавшись к скале. В проёме смутно угадывалась круто уводящая вверх лестница, но всё, кроме первых ступенек, тонуло в непроглядной тьме, более тёмной, чем самая черная ночь.

— Я все-таки ошибся, — сказал Гэндальф, — да и Гимли тоже, и только вопрос Мерри натолкнул меня на правильную мысль. Ключевое слово всё время было у нас прямо перед глазами! Надпись на арке следовало перевести так: "Скажи "друг" и входи". Когда я сказал по-эльфийски "друг" — "меллон", — Ворота сразу же открылись. Все просто. Слишком просто для сведущего в преданиях мудреца в наше напряжённое, исполненное подозрительности время. Блаженные дни всеобщего дружелюбия давно миновали. Однако Ворота открыты. Идёмте!

Маг шагнул вперёд и уже поставил ногу на нижнюю ступень, но тут, с неистовством лавины в горах, на путников обрушилось множество событий. Фродо кто-то ухватил за щиколотку, и он, вскрикнув, упал. Пони Билл пронзительно заржал, круто развернулся и в страхе помчался вдоль берега пруда, мгновенно растворившись в ночной тьме. Сэм бросился было за ним, но, услышав крик хозяина, ругаясь и плача побежал обратно. Остальные круто обернулись и увидели, что вода пруда яростно бурлит, словно с юга быстро плывут полчища разъярённых змей.

Одна змея — впрочем, нет, не змея, а змеистое, мокрое, фосфоресцирующее, бледно-зелёное щупальце с пальцами на конце уже выбралось на берег, схватило Фродо за ногу и теперь тащит его в воду. Сэм, стоя на коленях, изо всех сил рубит по нему своим мечом.

Пальцы разжались, и Сэм оттащил Фродо от воды, громко зовя на помощь. Из воды показалось ещё штук двадцать таких же щупалец. Тёмный пруд клокотал, в воздухе разнеслось

удушливое зловоние.

— В Ворота! Вверх по лестнице! Быстро! — ринувшись обратно, прокричал Гэндальф.

Подгоняемые им Хранители очнулись от сковавшего их всех (кроме Сэма) ужаса и поспешили вперёд — как раз вовремя. Сэм с Фродо едва успели взбежать на несколько ступенек, а Гэндальф только начал подниматься, как извивающиеся щупальца переползли узкую полоску суши, отделявшую их от Ворот, и принялись ощупывать утёс. Одно, влажно поблескивающее в свете звёзд, просунулось внутрь дверного проёма. Гэндальф повернулся, однако если он мысленно подыскивал слово, которое закрыло бы Ворота изнутри, его вмешательства не потребовалось. Множество сплетённых щупалец уже ухватились за створки Ворот и с чудовищной силой повернули их. Ворота гулко захлопнулись. Хранители остались в полной темноте; сквозь каменную толщу слабо доносился треск и глухие удары.

Сэм, цеплявшийся за руку Фродо, всхлипнул и бессильно опустил на холодную ступеньку.

— Бедный Билл, — сдавленно пробормотал он. — Кто ж это выдержит: и волки, и змеи! Змеи оказались последней каплей. У меня не было другого выбора, мистер Фродо. Я должен был идти с вами.

Они услышали, как Гэндальф спустился по ступенькам и стукнул своим посохом о Ворота. Скала дрогнула, дрожь эта отозвалась в ступеньках, но двери не открылись.

— Так, так, — сказал маг. — Вход заблокирован, так что выйти мы теперь сможем только по ту сторону гор. Судя по звукам, эти щупальца вырвали последние падубы, бросили их поперек Ворот и завалили всё камнями. Жаль: деревья были очень красивые и стояли так долго...

— Едва вступив в эту мрачную воду, я почувствовал, что в ней таится нечто ужасное, и оно недалеко, — проговорил Фродо. — Что это было? Или их было много?

— Не знаю, — ответил Гэндальф, — но все эти щупальца направляла одна воля. Что-то выползло или было выгнано из самых глубоких подземных вод. В чёрных провалах мира обитают твари, гораздо древнее и страшнее орков.

Маг не стал говорить остальным, что кем бы ни была тварь, живущая в озере, охотилась она, по-видимому, именно за Фродо.

— В чёрных провалах мира... — пробормотал Боромир себе под нос, но гулкое эхо усилило звук настолько, что его слышали все. — И именно туда мы и направляемся, вопреки моей воле. Кто поведёт нас в этой гибельной мгле?

— Я, — отозвался Гэндальф. — И Гимли: он пойдёт со мной. Следуйте за моим посохом!

Маг начал подниматься по ступенькам, подняв вверх посох, на кончике которого засветился слабый огонек. Лестница была широкой и отлично сохранившейся. Путники насчитали двести удобных ступеней и очутились перед сводчатым коридором с ровным полом, который вёл дальше, во тьму.

— Давайте передохнём немного и перекусим, — предложил Фродо. — Вряд ли в Мории найдётся столовая, а здесь, на ступеньках, можно есть сидя.

Хоббит уже успел оправиться от ужаса, который испытал, когда его схватило скользкое щупальце, и внезапно почувствовал, что ужасно проголодался.

Предложение было охотно принято, и путники устроились на ступеньках: смутные фигуры во мраке. После еды Гэндальф дал каждому ещё по глотку мирувора, тоника из Раздола.

— Боюсь, надолго его не хватит, — сказал он, — но нам всем надо прийти в себя после испуга, пережитого у Ворот. И думаю, мы осушим его до капли прежде, чем выйдем с другой

стороны! Разве что нам очень и очень повезёт. С водой тоже будьте поаккуратнее! В Мории много ручьёв и колодцев, но пить подземную воду нельзя. Вряд ли нам представится возможность пополнить бурдюки и баклаги, пока мы не спустимся в Темноречье.

— А долго нам придётся идти? — спросил Фродо.

— Не могу сказать, — ответил Гэндальф. — Зависит от многого. Думаю, нам понадобится три или четыре перехода, если всё сложится удачно, с нами ничего не произойдёт и мы не заблудимся. По прямой от Западных ворот до Восточных никак не меньше сорока миль, но, возможно, придется немало попетлять.

После короткой передышки Хранители двинулись дальше. Всем хотелось побыстрее оказаться у Восточных ворот, и они были готовы идти ещё несколько часов, невзирая на крайнюю усталость. Гэндальф, как и прежде, возглавлял шествие. Левой рукой он высоко поднимал свой посох, дававший ровно столько света, чтобы осветить перед ним пол на шаг вперёд, а в правой держал Ярристу. За магом шел Гимли; его глаза блестели в неярком свете, когда он поворачивал голову из стороны в сторону. За гномом шагал Фродо с обнажённым Разителем. Клинки Разителя и Ярристы не светились, и это немного успокаивало, ибо мечи, изготовленные эльфами в эпоху Эльдер, вспыхивали холодным светом, когда поблизости появлялись орки. Позади Фродо шел Сэм, Леголас, Мерри с Пином и Боромир, замыкал шествие, уже в полной темноте, молчаливый и мрачный Арагорн.

Коридор сделал несколько поворотов и пошёл под уклон. Это продолжалось довольно долго, но потом он опять выровнялся. Стало жарко и душно, хотя воздух не был затхлым, а иногда их лица оведало прохладой: тянуло из едва угадывавшихся проходов в стенах. Проходов было много. В бледном свете магического посоха Фродо видел арки, лестницы, какие-то другие переходы и туннели, то забирающие вверх, то круто ныряющие вниз, то просто чернеющие по бокам, и совершенно не понимал, как можно разобраться во всех этих хитросплетениях, а тем более запомнить их.

Гимли, если и помогал Гэндальфу, то главным образом непоколебимой отвагой. По крайней мере, его, в отличие от остальных, не смущала непроглядная тьма. Маг часто советовался с ним, когда выбор пути представлялся сомнительным, однако последнее слово оставалось не за гномом. Шахты Мории были столь велики и запутаны, что даже Гимли, сын Глоина, не мог представить себе ничего подобного, хоть и принадлежал к племени горных гномов. Да и Гэндальфу вряд ли могли помочь воспоминания о прежнем путешествии по Мории, однако, несмотря на мрак и бесчисленные повороты, маг твёрдо знал, куда хотел прийти, и безошибочно выбирал путь, ведущий к цели.

— Не бойтесь! — сказал Арагорн. Гэндальф, стоя у развилки коридора, дольше обычного совещался с Гимли, и столпившихся позади них Хранителей охватила тревога. — Не бойтесь! Я путешествую с ним не впервые, хоть никогда наш путь не был столь темён; а в Раздоле мне доводилось слышать о его деяниях куда более опасных и серьёзных, чем те, которые я видел собственными глазами. Если дорога есть, он никогда не потеряет её. Он повёл нас сюда вопреки нашим страхам, и он выведет нас обратно, чего бы ему это ни стоило. В умении возвратиться домой даже в самую глухую ночь он не уступит кошкам королевы Берутиэль.

Такой проводник был спасением для Отряда. У Хранителей не было ничего, что годилось бы для факелов — во время свалки у Ворот никто об этом, разумеется, не подумал, а без света они не ушли бы далеко. Во-первых, коридор постоянно разветвлялся; во-вторых, на пути им попадались ямы, ловушки и глубокие колодцы, откликавшиеся гулким эхом на звук их шагов. Пол и стены пересекали щели и трещины, то и дело прямо под ногами открывались глубокие

расселины. Через одну из них, шириной шага в три, со дна которой доносились звуки бурлящей воды, словно где-то очень глубоко под ними работало мельничное колесо, Пина едва уговорили перепрыгнуть.

— Верёвка! — бормотал Сэм. — Так и знал, что она понадобится, если её не будет!

Идти становилось всё труднее, и они продвигались удручающе медленно. Спуску, казалось, не будет конца. От усталости у них подкашивались ноги, однако отдыхать никто не хотел. Фродо опять стало не по себе. Сначала, после спасения от щупалец и глотка тоника, он как будто совсем успокоился, а теперь его снова одолевал страх. Хотя он полностью вылечился от раны, нанесенной ему Черным Всадником у Заверти, ранение не прошло для него бесследно. Он начал отчетливей воспринимать мир: ему нередко открывалось то, чего другие не замечали. И прежде всего, он видел во тьме лучше спутников, возможно, за исключением Гэндальфа. Кроме того, Фродо был Хранителем Кольца: оно висело на его груди и временами наливалось холодной тяжестью. Сейчас он с уверенностью ощущал, что зло ждет их впереди и зло крадётся следом за ними, однако ничего не говорил, только крепче сжимал рукоять своего меча и упрямо шагал дальше.

Хранители почти не разговаривали друг с другом, а если и обменивались короткими фразами, то понижали голос до глухого шёпота. Тишину нарушал лишь шорох шагов: глухой стук башмаков гнома, тяжелая поступь Боромира, легкие шаги Леголаса, тихий, едва слышный топоток хоббитов, а позади — размеренный, неторопливый звук широких твёрдых шагов Арагорна. Когда Гэндальф выбирал дорогу и путники поневоле стояли на месте, в чёрном безмолвии слышалось только журчание воды или падение тяжёлых капель. Но с некоторых пор Фродо стал улавливать — или ему это только казалось? — какой-то едва различимый звук, напоминавший осторожное шлёпанье босых подошв. Когда Хранители останавливались, шлёпанье обрывалось — однако не сразу и слышалось дольше, чем звучало бы эхо.

Отряд вступил в Морию в начале ночи. Они шли с небольшими перерывами уже несколько часов, когда Гэндальф впервые серьезно задумался. Перед ним возвышалась тёмная широкая арка, за которой открывалось сразу три коридора. Все они были попутными, ибо вели, в общем-то, на восток, но левый круто опускался, правый не менее круто поднимался, а средний тянулся вдаль горизонтально, но был очень узок.

— Решительно не помню этого места! — признался маг, неуверенно останавливаясь под аркой. Он поднял вверх посох в надежде обнаружить какую-нибудь надпись или другие указатели, которые помогли бы ему сделать выбор, но никаких знаков на стенах не было.

— Видимо, я слишком устал, чтоб решить сейчас, куда нам идти, — сказал он, покачав головой. — Да и вы, я думаю, устали не меньше, если не больше. Лучше будет провести остаток ночи здесь. Я, разумеется, о той ночи, что снаружи. Здесь всегда темно, но над горами луна уже клонится к западу и полночь давно миновала.

— Бедный Билл! — пробормотал Сэм. — Где-то он сейчас? Надеюсь, волки его ещё не съели.

Слева от арки путники заметили каменную дверь. Она была едва приоткрыта, но легко распахнулась от легкого нажима. За дверью оказалась просторная комната, вырубленная в скале.

— Назад! — рывкнул маг, когда Мерри и Пин рванулись было вперед, довольные, что наконец-то нашлось местечко поукромнее, чем голый пол бесконечного коридора. — Тихо! Мы еще не знаем, что там внутри. Я войду первый.

Гэндальф осторожно вступил в комнату, остальные гуськом потянулись за ним.

— Вот! — сказал он, осветив посохом пол в центре. Прямо у ног мага чернела круглая дыра, похожая на колодец. Рядом с ней валялась ржавая цепь, конец которой свешивался в дыру, и осколки каменной крышки.

— Кто-нибудь из вас вполне мог ухнуть вниз и, может быть, еще и сейчас гадал бы, когда ему суждено долететь до дна, — сказал Арагорн Мерри. — Если у вас есть проводник, незачем соваться вперед.

— Это помещение похоже на караульню для охраны тех трёх коридоров, — высказал свое мнение Гимли. — А дыра — это колодец, пробитый для стражников. Раньше его прикрывала каменная крышка, но сейчас она разбита, так что в темноте нам всем стоит быть поосторожнее.

Колодец словно бы притягивал Пина. Пока Хранители расстилали одеяла поближе к стенам и как можно дальше от чёрной дыры, Пин подполз к краю колодца и заглянул внутрь. Из незримых глубин веяло прохладой. Он непроизвольно нашарил мелкий камушек, разжал руку над отверстием и долго прислушивался к стуку собственного сердца, пока до его ушей донёсся отдаленный всплеск, многократно повторенный колодезным эхом.

— Что это? — воскликнул Гэндальф. Пришлось Пину во всём признаться, и тут-то ему довелось увидеть, как сверкают глаза разгневанного мага.

— Идиот! — сердито проворчал он. — Мы тут не на прогулке для развлечения юных Кролов. Когда опять соскучишься, прыгни туда сам, чтобы избавить Отряд от бестолкового неслуха. А сейчас угомонись и посиди молча.

Несколько минут всё было тихо, но вдруг из темной глубины колодца донеслось слабое постукивание: так-тук, так-тук. Потом оборвалось и, когда эхо смолкло, зазвучало опять: так-так, так-тук, тук-тук, так. Донельзя подозрительное и странное постукивание — как будто кто-то подавал сигналы; но вскоре оно стихло и больше не повторялось.

— Мы слышали молот, или я в этом ничего не смыслю, — объявил Гимли.

— Да, — согласился Гэндальф, — и мне это совсем не нравится. Возможно, что камень Пина тут ни при чём, но все же что-то явно было потревожено, и это что-то лучше было бы оставить в покое. Пожалуйста, не делайте больше ничего подобного! Будем надеяться, что нам удастся немного отдохнуть без прочих неприятностей. А тебе, Пин, в награду достается первая вахта, — ворчливо закончил он, заворачиваясь в одеяло.

Несчастный Пин в кромешной тьме сидел у двери, но постоянно оборачивался, опасаясь, что из колодца вот-вот выползет незнамо что. Ему ужасно хотелось прикрыть дырку, хотя бы одеялом, но теперь он даже шевельнуться не смел, а не то что подойти к ней, хотя Гэндальф, по видимому, крепко спал.

На самом деле Гэндальф не спал, а просто неподвижно лежал, мучительно вспоминая своё прежнее путешествие и пытаясь решить, куда им идти, поскольку неверно выбранный путь теперь мог закончиться гибелью Отряда. Через час он встал и подошёл к Пину.

— Иди в уголок, малыш, и отдохни, — ласково сказал он. — Тебе наверняка хочется спать. Я всё равно глаз не могу сомкнуть, так что заодно и покараулю.

Я знаю, почему мне так трудно думать, — усевшись у двери, пробормотал маг. — Все дело в том, что я давно не курил. Ну да, я выкурил последнюю трубку накануне штурма Багровых Ворот.

Последнее, что видел, засыпая, Пин, был маг, прятавший в ладонях трубку. Её огонек высветил на мгновение узловатые пальцы и крючковатый нос.

Утром Хранителей разбудил Гэндальф. Он так и просидел у дверей весь остаток ночи, часов шесть; зато его спутники прекрасно выспались.

— Я решил, куда мы пойдём, — сказал маг. — Мне не нравится средний коридор и не

нравится запах, идущий из левого коридора: там плохой воздух, или я вовсе не гоюсь в проводники. Я поведу вас правым коридором. Нам пора снова начать подниматься.

Они шли восемь долгих часов, не считая двух коротких привалов, но не встретили ничего опасного, ничего не больше не слышали и видели только слабый магический огонёк на верхушке посоха, который прыгал перед ними, как шарик на палочке. Выбранный ими коридор, насколько они могли судить, неуклонно поднимался длинным серпентином в толще горы, постепенно становясь шире и выше. Он нигде не разветвлялся, проходы в стенах, ведущие в другие коридоры или туннели исчезли, пол стал ровным и гладким, без ям и расселин. Было очевидно, что хранители попали на важный тракт, и шли они теперь гораздо быстрее, чем вчера.

По прямой они продвинулись, как считал Гэндальф, миль на пятнадцать, хотя на деле преодолели около двадцати миль, а то и больше. Когда дорога пошла вверх, настроение Фродо тоже постепенно стало подниматься; однако он все ещё был угнетен и временами слышал — или думал, что слышит, — приглушённое шлепанье босых подошв, которое не было эхом.

Хранители упорно двигались вперёд, пока у хоббитов не кончились силы; все уже начали подумывать о ночлеге, когда неожиданно стены и справа и слева исчезли, и путники оказались в чёрной пустоте. Они даже не заметили, как вышли из коридора. Оттуда тянуло теплом, но воздух впереди был прохладным и на диво свежим. Хранители взволнованно сгруппировались за спиной Гэндальфа.

— Я выбрал верную дорогу, — обрадовано сказал тот. — Мы наконец-то вышли к жилым помещениям и, надо полагать, уже недалеко от Восточных ворот в Темноречье. Но пока, если только я не ошибаюсь, мы гораздо выше их. Судя по воздуху, мы стоим в большом зале. Думаю, можно оглядеться при свете.

Он поднял свой посох, и окружающую черноту озарила ослепительная вспышка. Метнулись громадные тени, и на мгновение путники увидели высоко над собой сводчатый потолок, поддерживаемый могучими каменными колоннами. Они действительно стояли в огромном зале с полированными зеркально-чёрными стенами и четырьмя широкими стрельчатыми арками, за которыми угадывались четыре коридора — один позади (из которого путники вышли), один впереди, ведущий на восток, и два по бокам. Но тут свет погас.

— На большее я сейчас не рискну, — сказал Гэндальф, притушив свой посох. — В склонах гор были прорублены окна и световые колодцы, проводившие свет к верхним ярусам шахт, но снаружи сейчас ночь, так что прав ли я, выяснится только утром. Возможно, что нам не придётся вставать в темноте. Сегодня дальше идти не стоит. Давайте отдохнём, пока есть возможность восстановить силы. До сих пор нам неизменно сопутствовала удача, и большая часть пути уже пройдена, однако мы ещё не покинули Морию, а Восточные ворота — далеко внизу.

Хранители устроились на ночь в уголке у стены и лежали, тесно прижимаясь друг к другу, чтобы защититься от холодного сквозняка, тянувшего из восточного коридора. Их окружала глухая тьма, целый океан тьмы, и путники чувствовали себя заброшенными и потерянными в бесконечном лабиринте гулких залов, лестниц и пустых коридоров. Самые мрачные легенды, когда-либо достигавшие ушей хоббитов, об ужасе и чудесах Мории, оказались страшно далеки от действительности.

— Ай да гномы! — пробормотал Сэм. — Это ж надо — долбить такую Чёрную Бездну, да еще по большей части в твёрдой породе! И трудилась тут, наверно, прорва работников лет с полсотни, причём каждый вкалывал, как бобр! А зачем? Ведь не жили же они в этих мрачных дырах?

— Это не дыры, — обиделся Гимли. — Это столица великого Подгорного царства. И в древности здесь вовсе не было мрачно, ибо Мория была залита светом огней и светом славы — так говорится в наших преданиях.

Гимли встал и запел в темноте под аккомпанемент гулкового эха:

Был свет ещё не пробуждён,
Когда, стряхнув последний сон,
Великий Дарин, первый гном,
Легко шагнул за окоём
Высоких колыбельных скал,
И в лунной тьме ему предстал
Неназванною новизной
Новорождённый мир земной.
Дарил он землям имена,
И оживала тишина
В названьях рек, равнин и гор,
Болот, ущелий и озёр;
Но вот, как видят вещий сон,
Зеркальное увидел он
И, отражённый в бездне вод —
Короной звёздной — небосвод.
На царство первая заря
Венчала юного царя
У вод Зеркального. Но трон
Был в Морию перенесён,
И золочёный Тронный Зал
Огнями вечными сиял —
Ни тьма ночей, ни злая мгла
Сюда проникнуть не могла.
Искристый свет крыла простёр
Под лёгким сводом юных гор,
Чертоги светлые всегда
Звенели музыкой труда —
Не зная страхов и забот,
Трудился даринский народ.
А в копиях донных добывал
Сапфиры, лалы и металл.
Дремал в глубинах грозный Рок,
Но этого народ не знал —
Ковал оружие он впрок
И песни пел под кровлей скал.
Недвижный мрак крыла простёр
Под грузным сводом древних гор,
И в их тени давным-давно
Зеркальное черным-черно;
Но опрокинут в бездну вод —
Короной звёздной — небосвод,

Как будто ждёт он, словно встарь,
Когда проснётся первый царь.

— Здорово! — восхищенно воскликнул Сэм. — Надо мне выучить ваше сказание. Но после него здешняя темнота кажется еще чернее. А интересно, драгоценные камни тут так и лежат?

Гимли промолчал. Окончив песнь, он не захотел участвовать в разговоре.

— Драгоценные камни? — переспросил Гэндальф. — Нет. Орки не раз грабили Морию, так что в верхних залах ничего не осталось. Но никто, даже орки, с тех пор, как гномы бежали, не смел разыскивать сокровища в нижних ярусах: они затоплены... если не водой, то страхом.

— Тогда зачем же гномы захотели сюда вернуться? — спросил мага дотошный Сэм.

— За легендарным мифрилом, — ответил Гэндальф. — Богатство Мории было не в золоте и драгоценных камнях — игрушках гномов, и не в железе — их подручном материале. Всё это здесь есть, особенно железо, но им не было нужды рыть глубокие шахты, чтобы добыть их: ведь всё необходимое им гномы могли получить с помощью торговли. Однако лишь здесь, в единственном месте во всём мире, обнаружилось месторождение истинного, или морийского, серебра, которое эльфы называли мифрилом. А как называют его гномы, неведомо никому, ибо они хранят это в тайне. В те времена морийское серебро стоило раз в десять дороже золота, а сейчас оно стало поистине бесценным, поскольку орки не добывают его, и мифрила практически не осталось. Рудные жилы морийского серебра залегают на самых глубинных ярусах, уходят к Карадрасу и там ныряют в недоступные бездны. Предания гномов молчат, однако именно несказанно обогативший гномов мифрил стал причиной их гибели, ибо, охотясь за этим металлом, они жадно вгрызались в земные недра, пока не потревожили то, перед чем бежали: Проклятие Дарина. Тот мифрил, который они успели добыть, почти весь перешёл в руки орков, а орки заплатили им дань своему владыке, Саурону.

Мифрил! Мечта народов Средиземья. Ковкий, как медь, прочный, как закалённая сталь, сияющий после полировки, как зеркало, никогда не тускнеющий и удивительно лёгкий. Эльфы очень ценили мифрил; помимо прочих вещей они изготавливали из него итилдин, что отражает лишь лунный и звёздный свет. Вы видели его на воротах. Между прочим, Торин подарил Бильбо мифрильную кольчугу. Интересно, что с ней случилось? Наверно, всё еще пылится среди прочего брахла в Михелевых Норках.

— Что?! — изумлённо вскричал Гимли. — Мифрильную кольчугу?! Вот уж воистину королевский дар!

— Ты прав, — спокойно подтвердил Гэндальф. — Я ему не говорил, но кольчуга эта стоит дороже, чем весь Шир со всем, что в нём найдётся.

Фродо просунул руку под рубашку и погладил прохладные колечки кольчуги, однако сдержался и ничего не сказал своим спутникам. Слова Гэндальфа его ошеломили. Чтобы заплатить за его кольчугу не хватило бы всех богатств Хоббитании?! Знал ли об этом Бильбо? Наверняка! Да, он преподнес ему королевский дар. Но, вспомнив Бильбо и далекий Шир, Фродо припомнил то давнее время, когда он жил себе в Торбе-на-Круче и знать не знал, ведать не ведал про Морию, про мифрил, а главное — про Кольцо. Как ему хотелось повернуть время вспять!..

Вскоре путники уснули, и Фродо остался один на один с чёрной тишиной — он был часовым. Ему стало жутко. Сквозь невидимые арки из глубин Мории сквозняком просачивался страх. Руки хоббита похолодели, на лбу выступил пот. Два часа своего дежурства, которые показались ему годами, он напряжённо вслушивался в мёртвую тишину, однако решительно

ничего не слышал, даже воображаемого эха шагов.

Его вахта почти подходила к концу, когда ему вдруг почудилось, что там, где по идее должна быть западная арка, вспыхнули две точки, похожие на два светящихся глаза. Фродо вздрогнул, потряс головой — огоньки исчезли. "Позор, — укоризненно сказал он себе. — Наверно, я просто заснул на посту". Он встал, протёр глаза и больше уже не садился, пока его не сменил Леголас.

Добравшись до одеяла, он мгновенно уснул, и на него навалился всё тот же сон: ему чудился шёпот и два светящиеся глаза, которые медленно, ужасно медленно приближаются... Он в ужасе проснулся — на его лицо падал сероватый свет, а его спутники негромко переговаривались друг с другом. Высоко над восточной аркой через потолочную щель пробивался бледный луч; далёкий слабый отсвет виднелся и через северную арку. Фродо сел.

— Доброе утро! — сказал ему Гэндальф. — Ибо над миром разгорается утро. Как видите, я был прав. Мы действительно находимся в верхних ярусах с восточной стороны Мории и ещё до вечера, пожалуй, выйдем к Великим воротам и увидим воды Зеркального в долине Темноречья.

— Да, хорошо бы, — пробормотал Гимли. — Я поглядел на Морию. Она действительно велика, но ужасна своей темнотой. И нигде ни следа моих родичей. Сомневаюсь, что Балину удалось проникнуть сюда.

После завтрака Гэндальф решил немедленно двигаться дальше.

— Мы все устали, но отдыхать полезнее на свежем воздухе, — сказал он. — Полагаю, никому из нас не хочется провести в Мории ещё одну ночь.

— Разумеется, нет! — подтвердил Боромир. — Куда нам идти? По восточному коридору?

— Возможно, — ответил Гэндальф. — Но я ещё точно не знаю, где мы. Если только я не заплутал, сейчас мы должны быть выше и севернее Великих ворот, так что отыскать к ним путь может оказаться непросто. Весьма вероятно, что восточный проход ведет в нужном направлении, но, чтобы решить, куда идти, следует оглядеться. Давайте заглянем в северный коридор. Если мы сможем добраться до окна, это здорово поможет, но боюсь, что свет падает из щели, расположенной высоко вверху.

Хранители быстро свернули лагерь, и Гэндальф повел их в северный коридор. Он был широк, и вскоре выяснилось, что свет попадает в него справа из-за полуоткрытой каменной двери. За дверью обнаружилась просторная квадратная комната. Освещена она была тускло, но путники, привыкшие к полной темноте, невольно зажмурились, когда переступили порог.

Под ногами похрупывали какие-то осколки, покрытые толстым ковром чёрно-серой пыли. В восточной стене была пробита наискось узкая шахта, заканчивающаяся почти под потолком маленьким квадратиком окна, через которое синел кусочек неба. Свет падал точно на стол в центре комнаты: прямоугольный плоский камень около двух футов высотой, прикрытый белой мраморной плитой.

— Уж не могилу ли мы нашли? — пробормотал Фродо и со скверным предчувствием склонился над плитой. К нему быстро подошёл Гэндальф. На плите были высечены руны:

— Это руны Даэрона, которыми в древности писали в Мории, — посмотрев на плиту, проговорил маг. — Здесь выбито на языках гномов и людей:

БАЛИН, СЫН ФУНДИНА,
ГОСУДАРЬ МОРИИ.

— Значит, Балин погиб, — сказал Фродо с грустью. — Я боялся, что так оно и окажется. Гимли надвинул свой капюшон на глаза.

Глава V

Мост Казад-дума

Хранители Кольца молча стояли у могилы Балина. Фродо печально вспоминал многолетнюю дружбу гнома с Бильбо и его давний приезд в Хоббитанию. Отсюда, из пыльной комнаты в глубине горы, мирная жизнь тех далёких времен казалась полузабытой волшебной сказкой.

Наконец, преодолев унылое оцепенение, путники принялись отыскивать какие-нибудь следы, которые пояснили бы участь Балина или судьбу его поданных. Под окном, напротив двери в коридор, они обнаружили ещё одну дверь. Теперь, привыкнув к дневному свету, они разглядели, что хрупкие осколки, хрустевшие у них под ногами, были костями убитых воинов; а среди костей в чёрно-бурой пыли валялись боевые топоры гномов, разбитые шлемы, треснувшие щиты и кривые мечи с воронёными клинками — излюбленное оружие горных орков.

У стен в глубоких и вместительных нишах стояли взломанные деревянные сундуки, окованные железными полосами; возле одного из них, рядом с разбитой крышкой, валялась разорванная книга. Она частично обгорела, была истыкана мечами или стрелами и так заляпана чёрными и бурыми пятнами, похожими на кровь, что почти не поддавалась прочтению. Гэндальф бережно поднял книгу и осторожно положил её на мраморную плиту. Фродо и Гимли стояли рядом с ним и следили, как он перелистывает потрескивающие, ломкие страницы, плотно исписанные разными почерками рунами Мории, Дола, а иногда и эльфийской вязью. Наконец Гэндальф поднял глаза.

— Насколько я понимаю, — проговорил он, — это летопись Балинского похода. Начата она тридцать лет назад со вступления дружины Балина в Темноречье. Страницы нумеровались по годам. На верхней проставлены цифры один — три, стало быть, недостаёт по меньшей мере двух первых страниц. Слушайте!

"Мы вытеснили орков из больших ворот и кар..." Дальше страница залита кровью и обожжена, но думаю, "...караульной на яркий солнечный свет и многих...", видимо, "уничтожили. Флои сразил жожака, но был убит стрелой." Далее пятно, после которого идёт "...Флои под травой у Зеркального озера". Две следующие строчки я прочитать не сумел. Дальше говорится: "Мы устроились в Двадцать первом чертоге в Северном крыле. Здесь..." Опять непонятно, но упоминается слово "шахта". Далее "Балин установил свой трон в Мазарбуле".

— В Летописном чертоге, — перевёл Гимли. — Полагаю, эта комната и есть Летописный чертог.

— Дальше я вообще ничего не могу разобрать, — продолжил Гэндальф, — за исключением слов "золото", "топор Дарина" и какой-то "шлем". Потом "...Балин теперь государь Мории". Тут кончается первая запись. После трёх звездочек идет уже другая рука. Я разобрал "...мы нашли истинное серебро", потом слово "искусно выкованный", а потом что-то такое... а! "мифрил". Последние две строчки гласят: "Оин...", очевидно, "отправился на поиски верхних оружейных на Третьем глубинном ярусе...", потом "...на запад", пятно, "...к воротам Остранны".

Гэндальф замолчал и перевернул ещё несколько страниц.

— Здесь примерно то же самое, — сказал он. — Записи сделаны второпях, страницы сильно повреждены, так что при этом освещении я почти ничего не могу разобрать. Некоторые вообще отсутствуют, потому что следующие помечены цифрой пять — полагаю, пятый год колонизации Мории. Ну-ка, посмотрим! Нет, они тоже слишком повреждены и запятнаны, сейчас не прочесть. Попробуем сделать это при дневном свете. Хотя... подождите! Тут идёт крупный, разборчивый почерк, записано эльфийскими рунами.

Гимли придвинулся к надгробью вплотную и через руку Гэндальфа заглянул в летопись.

— Это почерк Ори, — объявил он. — Он писал бегло, чётко и часто пользовался эльфийской вязью.

— Боюсь, что этим прекрасным почерком записаны печальные вести, — сказал маг, вглядываясь в летопись. — Первое ясное слово тут "скорбь", но конец строчки утрачен, последние буквы здесь "...чера". По-видимому, "вчера". Да, так и есть: "вчера, десятого ноября в Темноречье пал Балин, государь Мории. Он отправился в одиночестве заглянуть в Зеркальное, и прятаясь за скалой орк застрелил его. Мы убили орка, но множество других...", пятно, "...с востока по Серебрянке". Остаток страницы так запятнан, что больше я ничего не могу разобрать, кроме "...закрыли ворота", потом "...смогли удерживать их долго, если бы...", потом, кажется, "чудовищный" и "потеря". Бедный Балин! Его царствование не продлилось и пяти лет. Интересно, что было потом, но нам сейчас некогда расшифровывать оставшиеся страницы. Вот последняя.

Гэндальф помолчал, вглядываясь в лист, вздохнул и продолжил:

— Это очень мрачная летопись. Слушайте! "Нам не выбратся. Не выбратся!. Они взяли Мост и Второй чертог. Там пали Фрар, Лони и Нали". Дальше четыре строчки так испорчены, что я разобрал только "...ушёл 5 дней назад". Последняя строка гласит; "Вода у Западных ворот поднялась до самой стены. Глубинный Страж утащил Оина. Нам не выбратся. Скоро всё будет кончено...", а потом "рок, рок в глубине". Интересно, что бы это значило? Потом торопливый росчерк эльфийскими рунами "они приближаются", и всё.

Маг снова замолчал и о чем-то глубоко задумался.

Хранители вдруг отчетливо осознали, что они стоят в комнате, где проходила последняя схватка. Всем стало не по себе.

— "Нам не выбраться", — пробормотал Гимли. — Нам ещё повезло, что вода немного отступила, а Страж спал на южной стороне пруда.

Гэндальф поднял голову и обвёл глазами Летописный чертог.

— Они обороняли разом обе двери, — сказал он, — но к тому моменту их уцелело совсем немного. Так закончилась попытка вернуть Морию! Героическая попытка, но безрассудная, ибо время для этого ещё не пришло. А теперь, боюсь, мы должны попрощаться с Балином, сыном Фундина. Пусть спит спокойно в чертогах своих отцов. Мы возьмем эту летопись, книгу Мазарбула, и попробуем разобрать её позднее. Лучше, если она будет у тебя, Гимли. Если сможешь, передай её Даину. Эта летопись заинтересует его, хотя, конечно, глубоко опечалит... Ладно, идёте! Утро уже на исходе.

— Куда пойдём? — спросил Боромир.

— Обратно в зал, — ответил Гэндальф. — Но мы не напрасно потратили время. Теперь я знаю, где мы находимся. Это, должно быть, как и сказал Гимли, Мазарбул, Летописный чертог, то есть, Двадцать первый чертог в Северном крыле. Следовательно, из зала нам нужно идти по восточному коридору, затем свернуть на юг и спуститься вниз. Двадцать первый чертог, по идее, располагается на Седьмом уровне, то есть, шестью лестницами выше Ворот. Идёмте! Возвращаемся в зал!

Едва Гэндальф успел произнести эти слова, как в гулких глубинах Мории глухо зарокотало — Р-Р-Р-Р-О-К — и каменный пол под ногами путников содрогнулся. Они, не сговариваясь, ринулись к двери.

Р-Р-Р-Р-О-К — волна грохочущего рокота снова прокатилась по пещерам, и потом ещё раз, и ещё, и ещё — Р-Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-Р-О-К, — как будто кто-то превратил недра необъятной Мории в громадный барабан. И, словно в ответ громоподобному рокоту, неподалеку резко протрубил рог, ему ответили другие рога и хриплые вопли, а потом Хранители услышали тяжелый топот.

— Они приближаются! — вскричал Леголас.

— Нам не выбраться, — пробормотал Гимли.

— Ловушка! — воскликнул Гэндальф. — Зачем я замешкался?! Мы попались, как некогда гномы. Но тогда с ними не было меня! Посмотрим...

Р-Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-Р-О-К — гремела Мория, и стены комнаты явственно содрогались.

— Закройте двери и попытайтесь заклинить их! — крикнул Арагорн. — И не снимайте с себя заплечных мешков, пока в силах их держать. Нам ещё может представиться шанс прорубить себе дорогу!

— Нет! — остановил Арагорна Гэндальф. — Нам незачем запираяться здесь. Оставь восточную дверь открытой! Мы отступим в эту сторону, если получится.

Снова хрипло взревел рог и раздались пронзительные вопли. Слитый топот ног быстро приближался. В ответ послышался лязг — Хранители выхватили мечи. Яррист полыхал бледным светом, и тем же светом сверкали края Разителя. Боромир навалился плечом на западную дверь.

— Подожди! Не закрывай пока! — сказал Гэндальф, шагнул к Боромиру, выпрямился во весь рост и громко выкрикнул: — Кто нарушает покой Балина, государя Мории?

Ответом ему был взрыв грубого хохота, прорезанный резкими словами команды. Р-Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-Р-О-К — гремело из глубины.

Гэндальф мгновенно очутился против узкой щели и просунул в неё свой посох.

Ослепительная вспышка озарила летописный чертог и коридор снаружи. Маг быстро выглянул и отпрянул обратно прежде, чем засвистели стрелы.

— Орки, — сказал он. — Целая толпа. И среди них черные урхи из Мордора, они крупнее орков и более свирепые, хотя пока держатся позади. Но за ними был кто-то ещё. По-моему, гигантский пещерный тролль, а может, и несколько, я не разглядел. Обратно в зал нам не пробиться.

— И вообще отсюда не выбраться, если они подойдут и к другой двери, — угрюмо добавил Боромир.

— С этой стороны пока тихо, — заметил Арагорн, который тем временем подошёл к восточной двери и напряженно прислушивался. — Коридор за дверью кончается лестницей, ведущей вниз. Так что в зал мы в любом случае не попадём. Но по-моему, отступать не зная куда, с погоней за плечами, очень опасно. Мы не сможем запереть эту дверь: ключа нет, запор сломан, да и открывается она внутрь. Сначала надо остановить врагов. Мы научим их бояться Мазарбула! — добавил он мрачно, пробуя остроту Андрилла.

Топот раздавался уже совсем близко. Боромир налёг плечом на дверь, и тяжёлая створка захлопнулась до упора. Затем он торопливо подsunул под дверь несколько сломанных мечей и забил их, как клинья, валявшейся рядом доской. Хранители отступили к противоположной стене, но уйти пока не было возможности. Дверь сотряс тяжёлый удар, и она начала со скрипом отворяться — клинки-клинья, отъезжая назад, прочертили в полу глубокие борозды. В щель протиснулась по плечо огромная рука, покрытая зеленовато-чёрной чешуей, потом плоская беспалая ступня, такая же громадная. Снаружи царила мертвая тишина.

Боромир прыгнул вперёд и со всей силы рубанул по руке мечом, но меч со звоном отскочил вверх и, едва не вывернув гондорцу кисть, отлетел под ноги оцепеневшему Фродо. На клинке осталась зазубрина.

А Фродо неожиданно для самого себя неистово крикнул: "Шир!" — рванул к двери и со всего размаха вонзил Разитель в безобразную ступню. Раздался громкий рёв, и ступня быстро отдернулась, — Фродо едва удержал Разитель. Стекая с клинка, на каменный пол шлёпнулось несколько чёрных капель. Боромир снова захлопнул дверь и вогнал в щель выскочившие клинья.

— Ай да Шир! — воскликнул Арагорн. — Хоббиты разят без пощады! У тебя превосходный клинок, Фродо, сын Дрого!

На дверь градом посыпались удары — по ней молотили не то молотами, не то несколькими таранами. Она затрещала, опять подалась, затем щель неожиданно раздалась, и в воздухе засвистели стрелы; однако дверь была открыта не полностью, и стрелы, не находя цели, ударялись о северную стену и бессильно валялись на пол. Снова протрубил рог, и в комнату начали протискиваться орки.

Хранители не успели сосчитать врагов — бой был жаркий и яростный, но короткий. Орки, не ожидавшие такого отпора, мешая друг другу, топтались на месте. Леголас уложил двоих из лука, послав стрелы точно в горло. Орку, вспрыгнувшему на могилу Балина, перерубил ноги подоспевший Гимли; десяток прикончили Арагорн с Боромиром. Орки дрогнули и с визгом выскочили обратно за дверь. Защитники практически не пострадали, только Сэм получил легкую царапину: орк целил ему в голову, но хоббит успел вовремя пригнуться и, сделав глубокий выпад, заколол своего противника мечом из Могильника. В карих, сузившихся глазах Сэма полыхал суровый бойцовский огонь, — увидь его сейчас Тед Пескунс, он удрал бы без оглядки.

— Сейчас! — крикнул Гэндальф. — Уходим, пока не вернулся тролль!

Однако Хранители не успели отступить: только было Мерри с Пином выскочили на

лестницу, как в комнату протиснулся огромный, почти в рост человека, закованный с ног до головы в чёрную кольчугу предводитель орков. Остальные сгрудились у щели за его спиной. Широкое, плоское лицо орка было смугло почти до черноты, глаза горели, как угли, из пасти свисал красный язык; в руке он держал громадное копье. Ударом столь же громадного кожаного щита он отразил меч Боромира и сбил с ног самого гондорца, с ловкостью атакующей змеи поднырнул под меч Арагорна и со страшной силой метнул копье прямо в Фродо. Удар пришёлся в правый бок; он отшвырнул хоббита назад и пригвоздил к стене. Сэм, вскрикнув, рубанул по древку, и оно сломалось. Орк выхватил чёрный ятаган, но в это мгновение тяжёлый Андрил, сверкнув, обрушился на шлем врага, и он упал с разрубленной головой. Боромир и Арагорн рванулись к двери, но остальные орки с воем бежали.

Р-Р-Р-Р-О-К — тяжело вздохнула Мория.

— Скорей! — властно скомандовал Гэндальф. — Все на лестницу! Не то будет поздно!

Арагорн подхватил упавшего Фродо и бросился к лестнице, гоня перед собой Мерри и Пина. Следом выскочили остальные Хранители. Последним выбрался на лестницу Леголас, таща за собой упирающегося Гимли: гном, вопреки опасности, застыл у могилы Балина со склонённой головой. Боромир что есть силы потянул дверь за кольцо, и она медленно, со скрипом закрылась, но, хотя парное к дверному кольцо на косяке уцелело, запереть дверь было нечем.

— Я не ранен, — выдохнул Фродо. — Могу идти. Спусти меня!

От неожиданности Арагорн чуть не выронил хоббита из рук.

— Я думал, ты мёртв! — изумленно вскричал он.

— Нет ещё! — буркнул Гэндальф. — Но нам некогда удивляться. Все прочь отсюда! Спускайтесь! Подождите меня внизу пару минут, но если я вскоре не появлюсь — уходите! Быстро уходите по коридорам, ведущим направо и вниз.

— Мы не можем оставить тебя удерживать дверь в одиночку! — возразил Арагорн.

— Делай, как сказано! — прикрикнул Гэндальф. — Мечи здесь больше не помогут. Спускайся!

На лестнице не было оконных шахт, и они спускались в полной темноте. Кое-как добравшись до конца длинного лестничного марша, Хранители оглянулись, но ничего не увидели, только далеко вверху слабо поблескивал огонёк на вершине магического посоха. Похоже, маг всё ещё охранял закрытую дверь. Фродо с трудом перевел дыхание — ему было больно вздохнуть глубоко; он обессилено прислонился к Сэму, и тот обнял его за плечи. Хранители, не шевелясь, вглядывались в темноту. Фродо показалось, что эхо, отражаясь от покатога потолка лестничного марша, доносит до них голос Гэндальфа. Что именно бормотал маг, он не разобрал. Стены дрожали, а глубинный гром так и продолжал отбивать редко и размеренно: Р-Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-Р-О-К.

Внезапно вершина лестницы озарилась ослепительно-белой вспышкой. Что-то глухо зарокотало и тяжело ухнуло. Оглушительно гроыхнуло: Р-Р-Р-Р-О-К — и всё стихло. По лестнице кубарем скатился Гэндальф и растянулся на полу посреди Отряда.

— Уф, кажется, пронесло! — сказал он, тяжело поднимаясь на ноги. — Я сделал всё, что мог, но мне повстречался равный по силам противник, который чуть меня не прикончил. Нечего тут торчать! Идёмте! Пока вам придётся обойтись без света: у меня нет сил. Давайте, шевелитесь! Гимли, где ты? Пойдешь со мной впереди. Авы все не отставайте ни на шаг!

Ничего не поняв из объяснений Гэндальфа — а спрашивать его никто не решился, —

Хранители послушно двинулись за ним. Р-Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-Р-О-К — снова загремело вдали. Громыхание казалось теперь приглушённым, однако оно доносилось не снизу, а как бы кралось вслед за беглецами. Никаких иных признаков преследования: торопливого топота, громких воплей или резких команд — путники не слышали. Гэндальф шагал, никуда не сворачивая, хотя им встречались поперечные галереи: коридор, по которому они сейчас шли, вёл в нужную ему сторону. Порой им попадались крутые лестницы, каждая ступеней в пятьдесят, а то и больше, позволявшие спуститься на очередной уровень. Сейчас это была главная опасность, потому что они не могли разглядеть очередного пролёта, пока он не открывался прямо под ногами, и маг, чтобы не свалиться вниз, нащупывал дорогу посохом, как слепой, — зажечь на нём огонёк он всё ещё не мог.

За час они одолели чуть больше мили и несколько раз спускались по лестницам. Погони все ещё не было слышно, и с каждым шагом в них крепла надежда на спасение. После седьмой, самой длинной лестницы, Гэндальф устало остановился.

— Становится жарко! — тяжело дыша, сказал он. — Мы должны были выйти наконец на Первый ярус. Он на уровне ворот. Пора сворачивать налево, к востоку. Надеюсь, теперь уже недалеко. Я очень устал. Мне нужен отдых. Иначе я просто не дотащусь до Ворот.

Гимли подставил ему плечо, и маг тяжело опустился на ступеньку.

— Что случилось там, у двери? — спросил его Гимли. — Ты встретил того, который тут грохочет?

— Не знаю, — ответил Гэндальф. — Я внезапно очутился перед чем-то таким, с чем мне ещё не доводилось сталкиваться. Мне не оставалось ничего другого, как запереть дверь заклинанием. Я знаю много запирающих наговоров, да чтобы правильно наложить их, требуется время, и дверь не становится от этого прочнее: открыть её нельзя, а выломать — можно.

За дверью раздавались голоса орков, и я ждал, что они её вот-вот выломают. Что они говорили, я не разобрал: их отвратительный язык очень труден для понимания. Я уловил только слово гхаш, что значит огонь. А потом в комнате появилось нечто — я ощутил это через дверь — нечто такое, чего испугались сами орки и тут же замолчали. Это нечто взялось за кольцо, и тут почуяло меня и мои чары.

Кто или что это было, я понять не сумел, но мне ещё никогда не приходилось так туго. Контрзаклинание было ужасным. Оно едва не сломило меня. Дверь мгновенно вышла из-под моего контроля и начала отворяться! Мне пришлось произнести Запретительное Заклятие, но дверь под напором противоборствующих сил разлетелась вдребезги. В комнате клубилось что-то тёмное, словно облако, и меня — к счастью! — отшвырнуло вниз, а стены комнаты, надо полагать, вместе с потолком, с грохотом рухнули.

Боюсь, что могила Балина засыпана навсегда. Надеюсь, что моего противника тоже завалило, хотя уверенности у меня нет. Но, по крайней мере, проход за нами блокирован наглухо. Ох, и вымотал меня этот поединок! Впрочем, мне уже лучше... Да, так что же с тобой, Фродо? Я, признаться, ушам своим не поверил, когда ты вдруг заговорил. В жизни ещё не чувствовал большего облегчения. Я ведь боялся, что в руках у Арагорна поразительно храбрый, но мёртвый хоббит.

— Со мной-то? Да ничего, — отозвался Фродо. — Я жив и, по-моему, невредим. Наверное, синяк остался, потому что больно, но это ещё не самое скверное.

— Что ж, — заметил Арагорн. — Могу только сказать, что хоббиты сделаны из столь твердого материала, что равного ему мне встречать просто не доводилось. Знай я это прежде, вёл бы себя в пригорянском трактире повежливее! Этот удар проткнул бы насквозь и дикого кабана!

— Ну, рад сообщить, что меня он проткнуть не сумел, — проговорил Фродо, потирая

грудь. — Правда, мне почудилось, что я оказался между молотом и наковальней.

Больше хоббит ничего не сказал: ему и в самом деле было трудно дышать.

— Ты прямо как Бильбо, — сказал Гэндальф. — Как я сказал ему когда-то, ты не так прост, как кажется на первый взгляд.

Фродо так и не смог решить, был ли в этом замечании мага скрытый смысл, или нет.

Путники снова шагали по коридору. Неожиданно Гимли, отлично видевший в темноте, проговорил:

— Мне кажется, я вижу впереди свет. Только это не дневной свет. Он красный. Что бы это могло быть?

— Гхаш! — пробормотал маг. — Не значило ли это, что нижние ярусы в огне? Но деваться нам некуда, надо идти дальше.

Гимли не ошибся: вскоре уже все отчетливо различали красное свечение, трепещущее на стенах. Коридор круто пошёл под уклон, и путники увидели низкую арку. Свет бил из неё. В коридоре стало очень жарко.

Гэндальф подал им знак остановиться, вошёл под арку и на мгновение замер, — на его лице играли красные всполохи.

— Нам приготовили пышную встречу, — сказал он, поспешно отступив обратно. — Но теперь я знаю, где мы находимся. Мы достигли Первого глубинного яруса, который начинается на одну лестницу ниже Ворот. Это Второй чертог Старой Мории. Ворота совсем рядом — отсюда налево. До них не более четверти мили. К восточной стороне зала, через Мост, вверх по широкой лестнице, затем по просторной галерее в Первый чертог и наружу! А сейчас посмотрите, как нам везёт!

Путники выглянули из арки. Перед ними был ещё один просторный зал, гораздо выше и длиннее, чем тот, в котором они спали. Они находились недалеко от его восточного конца, западная сторона терялась в темноте. Посредине двумя рядами тянулись колонны, похожие на могучие каменные деревья, поддерживающие своими переплетающимися ветвями теряющийся в сумраке сводчатый потолок. На их гладких чёрных стволах плясали красные блики. Справа от арки зал пересекала широкая трещина, в которой буйно полыхало пламя. Его языки жадно лизали края и обвивали основания колонн. В горячем воздухе висели узкие полосы тёмного дыма.

— Если бы мы спустились из верхних залов по основной галерее, нас перебили бы у этой трещины, — покачав головой, заметил маг. — Будем надеяться, что нам повезло и она задержит наших преследователей. Однако времени терять нельзя. Идёмте!

Но не успел Гэндальф договорить, как их ушей снова достиг грозный рокот: Р-Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-Р-О-К. Из мглы, скрывавшей западный конец зала, послышались крики и звуки рога. Р-Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-Р-О-К; от накатывавшего волнами рокота трепетали языки пламени и содрогались каменные колонны.

— А теперь последний рывок! — крикнул Гэндальф. — Если снаружи светит солнце, мы спасены! За мной!

Он выскочил из арки и помчался по гладкому полу на восток. Зал оказался длиннее, чем казалось. Хранители бежали, а позади гулко разносился топот многочисленных преследователей, потом раздался многоголосый пронзительный вопль — их заметили. Забренчала сталь. Над головой Фродо просвистела стрела. Боромир глянул назад и расхохотался:

— Ишь, рассвирепели! — прокричал он. — А вот не устраивай другим ловушек!

— Смотри вперёд! — оборвал его маг. — Мост рядом! Он опасен и узок.

Внезапно Фродо увидел перед собой чёрную пропасть. Зал упирался в бездонный провал.

До выхода можно было добраться только по узкой арке каменного моста без всяких перил длиной в пятьдесят-шестьдесят шагов — последний рубеж обороны гномов, если враг захватит Первый чертог и внешние коридоры. Пересечь его можно было лишь гуськом. Подбежав к мосту, Гэндальф остановился, и его окружили запыхавшиеся Хранители.

— Гимли — первый, — приказал маг. — Пин и Мерри следующие. Через мост и вверх по лестнице!

На отряд посыпались стрелы. Одна клюнула Фродо и, со звоном отскочив, упала на землю. Другая проткнула шляпу мага и теперь торчала из неё, как чёрное перо. Фродо оглянулся. За расселиной сгрудились, как роящиеся пчелы, чёрные фигуры орков — их было несколько сотен. Они размахивали длинными копьями и чёрными ятаганами, отсвечивающими красным в багровых бликах огня. Глубинный гром рокотал всё громче: Р-Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-Р-О-К.

Леголас повернулся, наложил стрелу на тетиву, хотя расстояние было великовато для его маленького лука, прицелился, и вдруг стрела выпала из его разжавшейся руки. Эльф испустил вопль отчаяния. У расселины появились два громадных тролля, которые бросили поперек неё длинные каменные плиты, чтобы соорудить переход. Однако ужаснули эльфа вовсе не они. Ряды орков раздались, в страхе попятились, и за ними показалась исполинская тень, в центре которой угадывалась тёмная форма, быть может, человеческая, только гораздо выше, излучавшая свирепую мощь и распространявшая вокруг себя ужас.

У края расселины тень на мгновение замерла, и пламя приникло, словно придушенное нависшей тучей. А потом чудовищный союзник орков легко перемахнул через расселину, и огненные языки с приветственным рёвом прянули навстречу, обвинили его, и в воздух поднялись клубы чёрного дыма. Черная грива человекоподобного существа, взметнувшаяся за его спиной, вспыхнула, в его правой руке блеснул клинок пламени, в левой оказалась плётка или хлыст с многочисленными хвостами.

— Ой, ой! — вопил Леголас. — Балрог! Балрог идет!

Глаза гнома остекленил ужас.

— Проклятие Дарина! — вскрикнул он и, уронив топор, закрыл лицо обеими руками.

— Балрог, — пробормотал Гэндальф. — Теперь я понимаю. — Он пошатнулся и тяжело оперся о посох. — Как неудачно! А я уже почти без сил...

Лучащаяся огнём чёрная фигура стремительно приближалась. Орки завопили и хлынули по наведенному троллями переходу. Боромир поднял рог и громко протрубил. Звук, усиленный эхом, раскатился под сводами, словно дружный клич войска. Орки дрогнули; даже Балрог на мгновение задержался. Но отзвуки эха заглохли так же внезапно, как умирает огонь свечи под порывом ветра, и враги снова двинулись вперед.

— На ту сторону! — скомандовал Гэндальф, собрав силы. — Бегите! Этот враг не по зубам никому из вас. Я должен встретить его на Мосту. Бегите!

Хранители по одному перешли мост и остановились у двери в конце зала, не в силах бросить Гэндальфа. Арагорн и Боромир, словно не слышав приказа, застыли плечом к плечу позади мага на краю пропасти.

Балрог достиг Моста. Гэндальф стоял в середине каменной арки, опираясь на посох и устало ссутулившись. В его правой руке холодно сверкал Яррист. Балрог опять замер, окружавшая его тень раздалась в стороны, как два огромных крыла. Он поднял хлыст, с треском щёлкнув всеми хвостами. Из его ноздрей вырвался огонь. Но Гэндальф не дрогнул.

— Ты не пройдёшь, — негромко проговорил он. Орки молчали; чертог затопила мертвая тишина. — Я служитель Тайного Огня, носитель пламени Анора. Ты не пройдёшь. Темный

огонь не поможет тебе, пламя Удана. Возвращайся в Тень! Ты не пройдёшь.

Балрог не ответил. Огонь в нём словно потух, но тьма сгустилась. Он медленно шагнул на мост и внезапно вырос до гигантских размеров; его черные крыла, распростершиеся от стены до стены, почти закрыли светлую фигурку мага, склонившегося, как старое горное дерево под напором бури.

Из черноты сверкнул огненный меч.

Белым светом полыхнул Яррист.

Раздался резкий звон, взметнулся столб белого пламени. Балрог подался назад, выронив свой меч, рассыпавшийся багровыми каплями. Маг покачнулся, отступил на шаг и опять застыл.

— Ты не пройдёшь, — повторил он.

В один прыжок Балрог очутился на мосту. Засвистел и оглушительно хлопнул хлыст.

— Ему не выстоять одному! — внезапно воскликнул Арагорн и побежал обратно по мосту к магу. — Элендил! Я с тобой, Гэндальф!

— Гондор! — грозно бросил свой клич Боромир и прыгнул следом.

А Гэндальф поднял посох и, громко выкрикнув что-то, резко опустил его на мост. Вверх ударила ослепительная вспышка пламени. Посох разлетелся пополам и выпал из дрожащей руки мага. Мост треснул. Разлом прошёл прямо у ног Балрога, и камень, на котором он стоял, полетел в пропасть, а уцелевшая часть зависла над нею как узкий, подрагивающий язык.

С ужасным воем Балрог прыгнул вперед, но не дотянулся: его тень провалилась вниз и исчезла, однако, уже падая, он взмахнул хлыстом, и его длинные языки обвилились вокруг колен мага, потащив к краю. Гэндальф пошатнулся, тщетно попытался ухватиться за камни и с криком — "Бегите, олухи!" — исчез в бездне.

Огни потухли, упала угольно-чёрная тьма. Парализованные ужасом путники застыли, не в силах оторвать глаз от провала. Первыми опомнились Арагорн с Боромиром. Едва они успели отступить к двери, как остатки моста с треском рухнули в пропасть. Мёртвую тишину нарушил Арагорн.

— Идёмте! — окликнул он спутников. — Теперь я поведу вас! Мы обязаны исполнить его последнюю волю. За мной!

Спотыкаясь на крутой неосвещенной лестнице, которая начиналась сразу за дверью, путники поспешно бросились за Арагорном вверх; Боромир замыкал колонну беглецов. Лестница вывела их в широкий гулкий переход. Они кинулись по нему. Фродо слышал, как всхлипывает рядом с ним Сэм, да и сам он плакал на бегу. Снизу наплывал глухой, постепенно замирающий рокот: Р-Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-О-К, Р-Р-О-К ... Р-О-К...

Хранители бежали. Впереди показался свет: крышу пронизывали длинные световые колодцы. Хранители побежали ещё быстрее. Они попали в светлый зал с высокими окнами на восточной стене, пересекли его, выскочили из громадного дверного проема с выбитой дверью, и внезапно увидели перед собой Великие Ворота: огромную, ослепительно сияющую арку.

В тенях за колоннами, обрамляющими арку, притаились охранявшие Ворота орки. Самих ворот давно не было. Капитан попробовал было заступить путь, но тут же упал, сражённый Арагорном; остальные орки в ужасе бежали. Хранители, не обращая на них внимания, выбежали из Ворот и запрыгали вниз по огромным, растрескавшимся от древности ступеням: порогу Мории.

Страшное путешествие завершилось. Вопреки всему они вновь очутились под открытым небом и почувствовали, как ветер обдувает их лица.

Отряд остановился только тогда, когда отошёл от Ворот на расстояние, превышающее выстрел из лука. Перед путниками открылась долина Темноречья. Мглистые горы заслоняли

солнце, но впереди долина приветливо золотилась, аверху синело просторное небо с лёгкими барашками белых облаков. Совсем недавно перевалило за полдень.

Хранители оглянулись назад. В прозрачной тени Мглистого хребта угрюмо зияла тёмная арка Ворот, из неё тянулись тонкие струи чёрного дыма. Больше ничего: долина пуста. Где-то глубоко-глубоко под землёй чуть слышно ворочался умирающий рокот: Р-Р-Р-О-К, Р-Р-О-К... Р-Р-О-К... Р-О-К...

И тут, не в силах преодолеть скорбь, Хранители дали волю слезам. Одни стояли и плакали молча, другие, рыдая, повалились на землю. Ещё раз чуть слышно вздохнули глубины — РОК — и в долине воцарилась тишина.

Глава VI

Лотлориэн

— Увы, но нам пора уходить, — сказал Арагорн. Он взглянул на горы, поднял Андрил и воскликнул: — Прощай, Гэндальф! Не говорил ли я: "Если вступишь в ворота Мории — берегись"? Горе, что я оказался прав! Есть ли надежда для нас без тебя? — Повернувшись к спутникам, Арагорн добавил: — Но мы и без надежды пойдём вперёд. Быть может, за нас будет кому отомстить. Препояшьтесь, друзья, и не лейте больше слез! Идём! Нам предстоит долгий путь и многое нужно ещё сделать.

Путники вытерли слезы и огляделись. На севере долина переходила в узкое тенистое ущелье между двумя высокими хребтами, над которым сверкали три белые пика: Келебдил, Фануидхол, Карадрас. По ущелью шнурком протянулся бесконечной лестницей небольших водопадов белый поток, прыгающий с уступа на уступ, и пена туманом окутывала подножия горных хребтов.

— Видите? Это Темнореченский Каскад, — показал на уступчатое ущелье Арагорн. — Именно оттуда мы спустились бы в Темноречье, если бы нам улыбнулась удача.

— Или Карадрас оказался менее жесток, — буркнул Гимли. — Вон он, проклятый, стоит себе и ухмыляется!

Гном погрозил дальней из трёх заснеженных вершин кулаком и отвернулся.

На востоке, где продолговатое плечо гор резко обрывалось, открывались подёрнутые дымкой дали. Основной хребет Мглистых гор бесконечной полосой, покуда хватало взгляда, уходил к югу. Примерно в миле, немного ниже места, где стояли Хранители, не успевшие ещё спуститься с западного борта долины, лежало узкое овальное озеро, похожее на головку копья, всаженную глубоко в недра северного ущелья. Южный край озера освещало солнце, но его спокойные, без ряби, воды были темны той глубокой синевой, каким видится ясное вечернее небо из освещённой лампой комнаты. Иссиня-лазоревого овал озера обрамляли ярко-зелёные луга.

— Это Зеркальное, глубокий Келед-зарам, — грустно проговорил Гимли. — Помните, он сказал тогда: "Пусть его вид доставит тебе радость! Однако мы не сможем остаться в этой долине"? И вот, я увидел Зеркальное, но чувствую, что нескоро вновь сумею обрадоваться чему-нибудь... потому что это мне придётся пройти мимо, а он обречён остаться здесь навсегда.

Хранители шагали по древней дороге, мощёной растрескавшимися, местами сдвинувшимися плитами; трещины в плитах и стыки между ними поросли вереском и колючим утесником, так что временами дорога сужалась до узкой тропки, но все ещё было заметно, что некогда это был основной тракт, ведущий от Ворот к низинным землям Гномьего царства. Возле дороги то справа, то слева, виднелись разрушенные каменные сооружения и поросшие травой

курганы, увенчанные тонкими берёзами или вздыхающими под ветром елями. Вскоре дорога круто свернула на восток, подведя Хранителей прямо к зелёному берегу Зеркального, там, где стояла одинокая колонна. Вершина её была разрушена.

— Это Даринский Столп! — воскликнул Гимли. — Я не могу пройти мимо, так и не взглянув на него!

— Тогда поспеши! — сказал Арагорн, оглядываясь на Ворота. — Солнце скроется рано. Возможно орки и не выйдут из пещер до глубоких сумерек, но к ночи нам надо быть уже далеко. Месяц совсем постарел, так что сегодня будет темно.

— Пойдём со мной, Фродо! — крикнул гном, спрыгивая с дороги. — Ты обязательно должен увидеть Келед-зарам.

И Гимли побежал по длинному, поросшему короткой травой склону, к озеру. Фродо побрёл за ним: несмотря на боль от раны и усталость: синяя неподвижная вода манила его. Следом за хозяином пошёл и Сэм.

Возле колонны Гимли задержался и, когда подошли хоббиты, сказал:

— Этот столп отмечает место, откуда Дарин впервые заглянул в Зеркальное.

На растрескавшейся, выветрелой колонне виднелись руны, но время заровняло надпись так, что она уже не поддавалась прочтению.

— Давайте заглянем в озеро и мы! — предложил Гимли.

Они склонились над тёмной водой. Сначала совсем ничего не было видно, потом в глубокой синеве медленно проступили отражения окружавших долину гор с возвышающимися над ними, как белые плюмажи, пиками, а выше них — небо с мерцающими блёстками звёзд, словно на дно озера просыпали горсть драгоценных камней, — хотя солнце ещё ярко светило над головами путников. Своих отражений они так и не разглядели.

— О, прекрасный и дивный Келед-зарам, — благоговеенно проговорил Гимли. — Здесь лежит Корона Дарина и ждет его пробуждения. Прощай!

Гном поклонился, отвернулся от озера и пошёл вместе с хоббитами обратно к дороге.

— Что ты там видел? — спросил Пин Сэма.

Но глубоко задумавшийся Сэм ничего не ответил.

Дорога свернула к югу и, быстро спускаясь, вывела путников из сжатой отрогами долины. Оказавшись немного ниже озера, они подошли к глубокому источнику, чистому, как хрусталь, через каменный край которого переливался поток и бежал, сверкая и бурля, по скалистому руслу с отвесными стенками.

— Это родник, дающий начало Серебрянке, — сказал Гимли. — Не пейте из него! Ключ холоден, как лед.

— Скоро он вбирает в себя воды других горных ручьёв и становится быстрой речкой, — добавил Арагорн. — Наш путь будет идти вдоль неё много миль, ибо я поведу вас дорогой, которую наметил Гэндальф. И для начала я надеюсь достигнуть вон тех лесов, где Серебрянка впадает в Великую Реку.

Хранители посмотрели в указанном направлении и увидели перед собой поток, который устремлялся вниз по долине и бежал по подгорной равнине все вперёд и дальше, пока не терялся в золотистой дымке.

— Там лежат леса Лотлориэна! — с радостным волнением подхватил Леголас. — Это самое прекрасное место из всех, где живёт мой народ. Нигде нет деревьев, подобных тем, что растут здесь, ибо осенью их листья не опадают, но становятся золотыми. И лишь весной, когда лопаются почки, опадают они, а на ветвях, одновременно с новыми листьями, распускаются золотисто-жёлтые цветы, и тогда пол лесных чертогов устлан золотом, и золотом крыты их

своды, и серебряные колонны поддерживают их, ибо стволы покрыты гладкой серебристой корой. Так поют у нас в Лихолесье. Я был бы сердечно рад оказаться под сводами этого леса весной!

— Я буду сердечно рад оказаться под ними даже зимой, — сказал Арагорн. — Но до Золотых Лесов еще идти и идти. Поспешим!

Арагорн размашисто шагнул вперед, и Сэм с Фродо начали отставать. Они ничего не ели с раннего утра. У Сэма от ссадины, оставленной ятаганом, поднялся жар и кружилась голова; а вместе с тем после жаркой Мории его прохватывала на ветру дрожь, даром что в небе сияло солнце. Фродо хрипло и часто дышал, каждый шаг давался ему всё с большим трудом.

Через полчаса, посмотрев назад и увидев, что хоббиты очень отстали, Леголас тревожно окликнул Арагорна. Тот обернулся и побежал к отставшим, позвав с собой Боромира. Остальные Хранители сразу остановились.

— Прости, Фродо! — сокрушённо воскликнул Арагорн. — Сегодня так много всего произошло и я так спешил увести вас от Мории, что совсем забыл, что ты ранен, и Сэм тоже. Ты должен был напомнить! Конечно же, мы просто обязаны были первым делом задержаться и перевязать ваши раны, даже если бы нас преследовали все орки Мории! Ну а теперь потерпите ещё немного. Впереди есть удобное для привала место, и там я сделаю всё, что смогу... Помогите, Боромир! Мы понесём их.

Вскоре путники увидели другой ручей, текущий с запада и со звонким журчанием впадавший в быструю Серебрянку. А потом они вместе с плеском переливались через обомшелый порог и ныряли в укромную ложину, которую обступили невысокие ели с опущенными лапами; её крутые склоны сплошь поросли душистым папоротником и черникой, а по ровному дну весело прыгали по блестящим гольшам воды разросшегося потока. Здесь и устроили привал. Было уже три часа пополудни, а Хранители отошли от Ворот всего на несколько миль. Солнце начинало клониться к западу.

Пока Гимли с двумя молодыми хоббитами собирали сушняк, разводили костер и кипятили воду, Арагорн осматривал раны Сэма и Фродо. Ссадина Сэма была неглубокой, но выглядела скверно, и Арагорн с беспокойством склонился над ним. Однако осмотр его явно обрадовал:

— Тебе повезло! — сказал он Сэму. — Многие расплачивались гораздо серьёзней за своего первого убитого орка. Ты был ранен чистым клинком, а орки нередко мажут свои ятаганы очень сильными ядами. Эту-то ранку я быстро залечу. — Арагорн порылся в своей сумке и достал несколько засохших листьев. — Это листья ацеласа, которые я нарвал неподалёку от Заверти, — пояснил он. — Сухие, они действуют слабее, чем свежие, но твою-то ссадину, думаю, исцелят. Положи их в кипяток, а когда он остынет, промой рану, а я потом перевяжу. Ну, теперь твоя очередь, Фродо!

— Я в порядке, — объявил хоббит, не давая Арагорну снять с него плащ. — Я просто устал и очень проголодался. Отдых и еда меня полностью вылечат.

— Нет уж! — возразил Арагорн. — Оказаться между молотом и наковальней — не шутка. Надо же посмотреть на результаты! Я до сих пор дивлюсь, что ты вообще жив остался.

Он бережно снял с Фродо жакет, рубашку... ахнул от изумления, а потом рассмеялся. Кольчуга мерцала, как Серебрянка под солнцем. Арагорн осторожно снял её, слегка встряхнул — и драгоценные камни радужно сверкнули, а шорох тонких кольчужных колец напомнил ему шум летнего дождика.

— Взгляните, друзья! — воскликнул он. — Шкурка хоббита сгодится принцу эльфов нарядиться! Если бы средиземские охотники знали, что у хоббитов такая редкостная шкурка, они бы толпами стекались в Хоббитанию.

— И стрелы искуснейших охотников Средиземья не причинили бы хоббитам ни малейшего вреда, — изумлённо разглядывая кольчугу, заметил Гимли. — Это же кольчуга из мифрила! Мифрила!!! А такой великолепной работы я, признаться, ни разу не видел — даже и не знал, что такое возможно. Не об этой ли кольчуге говорил Гэндальф? Тогда он, по-моему, её недооценил. Но она была подарена очень кстати!

— То-то я думал, — вмешался Мерри, — чем это вы с Бильбо безвылазно занимаетесь? А он, оказывается, собирал тебя в путь. Какой замечательный старикан! Надеюсь, нам ещё выпадет случай рассказать, что его подарок спас Фродо от смерти.

Там, где о кольчугу ударилось копьё, мифрильные кольца, продавив подкольчужник — рубашку из тонкой эластичной кожи — впились в тело. Вся правая сторона груди потемнела от удара, а на боку вздулся огромный синяк. Левый бок тоже пострадал, когда Фродо с силой бросило на стену. Пока остальные готовили еду, Арагорн промыл хоббиту все его синяки и кровоподтёки взваром из ацеласа. Над укрытой от леса поляной повис острый аромат, и вскоре Хранители с радостью ощутили, что их усталость быстро проходит. Фродо почувствовал, что ему стало легче дышать; однако синяки от удара копьём долго не рассасывались и болели много дней, мешая свободно двигаться. Арагорн сделал ему мягкую перевязку.

— Кольчуга поразительно лёгкая, — сказал он хоббиту. — Одень её снова, если можешь. Я рад, что у тебя оказалась такая рубашка. Не снимай её даже на ночь... разве только попадёшь туда, где временно будешь в безопасности. Но таких случаев до самого конца твоего пути выпадет немного.

Подкрепившись, Хранители затушили костёр и постарались скрыть все следы своего краткого привала. Потом они выбрались из лощины и снова зашагали по дороге. Они не успели отойти далеко, как солнце скрылось за западными хребтами, и по склонам гор поползли длинные тени. У их подножья сгустились сумерки, а ложбины затянуло поднявшимся туманом. И лишь на востоке бледный вечерний свет еще робко озарял серую равнину впереди и щёточку далекого леса. Теперь, когда Сэм и Фродо приободрились, Отряд мог двигаться довольно быстро, и путники шли ещё часа три, сделав лишь одну короткую передышку.

Долину окутала ночная тьма. В небе ясно поблёскивали звёзды, однако постаревший месяц ещё не взошёл. Фродо и Гимли, чутко прислушиваясь к ночи, шагали последними. Всё было тихо. Наконец Гимли нарушил тишину.

— Только ветер шумит, — сказал он. — Поблизости ни одного гоблина, или я глух, как пень. Может быть, орки просто хотели выгнать нас из Мории и только, а про наш поход — про Кольцо — они и знать не знают, да и знать не желают? Правда, когда они хотят отомстить за убитого капитана, то спускаются с гор и преследуют врагов многие лиги.

Фродо не ответил. Он посмотрел на Разитель — клинок не светился. Но ведь он определённо что-то слышал, или ему показалось? С тех пор, как путников накрыла ночь, он снова слышал позади быстрое шлёпанье босых подошв. Вот и сейчас слышит! Хоббит быстро обернулся, и ему почудилось, что над дорогой плывут две светящиеся точки. Но в то же мгновение эти точки скользнули в сторону и исчезли.

— Что случилось? — насторожился гном.

— Не знаю, — ответил Фродо. — Мне показалось, что я слышал шаги, а сейчас вот видел какие-то светящиеся точки, очень похожие на два горящих глаза. С тех пор, как мы вступили в Морию, мне уже не в первый раз это кажется.

Гимли остановился и приник ухом к земле.

— Я ничего не слышу, кроме ночной беседы травы и камней, — сказал он Фродо. — Пойдём! А то мы и так отстали.

В лица путников дул холодный ветер, ночные тени впереди уплотнились, и они услышали непрерывный шёпот листвы.

— Лотлориэн! — возликовал Леголас. — Это Лотлориэн! Мы вступили под своды Золотого Леса. Как жаль, что сейчас зима!

Перед путниками вздымались на фоне ночи высокие деревья, затеняющие своими раскидистыми ветвями дорогу и бегущую сбоку от неё речку. В неярком свете звёзд их стволы казались серыми, а шелестящая листва отливала рыжеватым золотом.

— Лотлориэн! — радостно подхватил Арагорн. — Как же я рад вновь слышать шёпот ветра в его ветвях! Мы сейчас всего в пяти лигах от Ворот, но можем не идти дальше. Будем надеяться, что этой ночью силы эльфов защитят нас от преследующей опасности.

— Если только эльфы ещё живут здесь, а не покинули этот тускнеющий мир, — буркнул Гимли.

— Прошло много времени с тех пор, как мой народ навещал эти леса, оставленные нами давным-давно, — сказал Леголас. — Но я слышал, что Лориэн еще не покинут, ибо в нём заключена тайная сила, отвращающая зло от здешнего края. Однако его обитатели показываются редко, и, быть может, живут ныне глубоко в чащах, далёких от северных границ.

— Да, они живут глубоко в лесу, — подтвердил Арагорн и глубоко вздохнул, словно вспомнив о чём-то. — Этой ночью нам придется рассчитывать лишь на себя. Давайте пройдем немного вперёд, а потом свернем в лес и поищем подходящее для ночлега место.

Он повернулся и зашагал было по дороге, однако Боромир, стоявший в нерешительности, не тронулся с места.

— А другого пути здесь нет? — спросил он.

— Может ли быть путь прекрасней? — удивился Арагорн.

— Да, обычный путь, даже если он ведёт через частокол мечей, — отрывисто бросил Боромир. — До сих пор этот Отряд следовал лишь неведомыми тропами, и пока ни к чему хорошему это не привело. Вопреки моей воле вошли мы в тень Мории, и потеряли того, кто нас вёл. Так теперь и тебе не терпится сгинуть? Войти в Золотой Лес нелегко, а выбраться из него невредимым — невозможно, — вот что говорят у нас в Гондоре.

— Скажи лучше не невредимым, а неизменным, — тогда, быть может, ты и окажешься прав, — ответил Арагорн. — Однако сильно же, Боромир, угасла былая мудрость Гондора, если в этом городе начали плохо отзываться о Лотлориэне! Как бы то ни было, для нас нет иного пути — если ты не хочешь возвращаться в Морию, подниматься без дороги в горы или плыть в одиночку по Великой Реке.

— Тогда веди, — сказал Боромир. — Но помни: Лес тоже опасен!

— Опасен, — согласился Арагорн. — Прекрасен, но опасен — для зла. И для тех, кто несёт зло в себе. Следуйте за мной!

Они углубились в Лес всего на милю, как вышли к другому потоку, который быстро сбегал с лесистых западных склонов предгорий. Справа от них среди теней слышался плеск его порогов. Тёмные быстрые воды текли поперек дороги и мутным водоворотиком, над которым нависали древесные корни, сливались с Серебрянкой.

— Это Нимродель! — воскликнул Леголас. — Немало песен сложено о ней в давние времена Лесными эльфами, и мы, живущие на севере, до сих пор поём их, не в силах забыть радугу над её водопадами и золотые цветы, плывущие в её пене. Сейчас темно, и Мост Нимродели разрушен. Подождите, я спущусь к воде, ибо говорят, что эта река исцеляет грусть и снимает усталость. — Эльф спустился по крутому берегу, вошёл в воду и крикнул спутникам:

— Здесь неглубоко! Спускайтесь и вы! Давайте переправимся на другой берег. Там мы сможем отдохнуть и, быть может, под говор водопада нам всем удастся спокойно уснуть, забыв о горе.

Путники гуськом спустились вслед за Леголасом и тоже вошли в реку. Фродо немного постоял у берега, не мешая воде омывать его усталые ноги. Она была холодной и удивительно чистой. Он пошёл вперед и, когда вода поднялась до колен, ощутил вдруг, что с него смыта не только дорожная пыль, но и все тяготы долгого пути.

Перейдя речку, Хранители расположились на отдых и немного подкрепились, а Леголас рассказал им несколько преданий лихолесских эльфов о Лотлориэне, о свете солнца и звёзд над полянами у берегов Великой Реки, когда мир еще не знал Тени.

Когда он умолк, в ночной тишине послышался музыкальный шум водопада, и постепенно Фродо стало казаться, что он различает в нём голос, поющий под журчание воды какую-то песню.

— Слышите голос Нимродели? — спросил Леголас. — Я спою вам песнь о деве Нимродель, которая носила то же имя, что эта река, и когда-то, очень давно, жила на её берегах. Прекрасно звучит эта песнь на нашем лесном наречии, но в Раздоле я слышал, как её пели и на всеобщем языке.

Тихим, едва слышным среди шёпота листвы над их головами голосом, он начал:

Эльфийская дева когда-то жила,
Прекрасней лучистой звезды.
Ведь звёздам днём не сиять никогда,
Не знать её белизны.
На лбу её сверкал талисман,
А кудри блистали ярче
Мерцанья лучей в Лаурендориан,
Бледного золота жарче.
Струились кудри её по плечам,
А поступь была так легка,
Как ветра полёт по цветущим лугам,
Как танец мотылька.
У перекатов реки Нимродель
Песня её звучала,
И серебристых звуков капель
В рябющую воду стекала.
Где ныне она, не знает никто...
Какая её скрыла тень?
В горах, от мест родных далеко,
Потеряла своих Нимродель.
У причала серый эльфийский корабль
Под прикрытьем холодных скал,
Поднимаясь и падая вместе с водой,
Много дней её ждал.
Но северный ветер грозно взревел
Ненастной ночью порой,
От берега серый корабль оторвал
И с отливом повлёк за собой.

Когда рассвета лучи замерцали,
Земля была далеко.
Седые валы горизонт закрывали,
Гривы взметнув высоко.
Амрот взглянул на берег, исчезший
Среди бескрайних зыбей,
И проклял неверный корабль, решивший
Нести его от Нимродель.
В древности был он эльфом державным,
Господином чащоб и лощин,
Где листва золотая пологом вечным
Украшала Лаурелин.
С кормы он в море чайкой метнулся
Быстрее, чем стрела с тетивы,
И в бурлящую пену глубоко окунулся,
И грозно взревели валы.
Как лебедь, плыл он среди зыбей,
В волосах его ветер пел,
И пена кипела вокруг мощных плечей,
А ветер навстречу летел.
Слов не знает вода морей,
Средиземья же берега
Не доносили до эльфов вестей
Об Амроте никогда.

Тут голос Леголаса задрожал.

— Я не могу петь дальше, — сказал он. — Это только небольшой отрывок, я многое забыл. Песнь очень длинная и печальная, ибо повествует, как Лотлориэн, Лориэн Цветущий, постигло горе, когда гномы разбудили в горах зло...

— Гномы не совершали никакого зла! — перебив Леголаса, воскликнул Гимли.

— Я и не сказал — совершили, — печально откликнулся эльф, — но зло пришло. И тогда многие эльфы из рода Нимродели покинули свои жилища и ушли к Морю, а она заблудилась далеко на юге, в Белых горах, и не пришла на корабль, где ждал её Амрот — её возлюбленный. Но весной, когда ветер шелестит молодой листвой, эхо её голоса и поныне звучит у водопадов, которые носят её имя. А с южным ветром от Моря доносится голос Амрота, потому что Нимродель впадает в Серебрянку, которую эльфы зовут Келебрант, а она — в Андуин Великий, а Андуин течёт к югу и вливается в залив Дивногорье, откуда отплыли эльфы Лориэна. Но ни Амрот, ни Нимродель никогда не вернулись.

Говорят, — помолчав, продолжил Леголас, — что Нимродель жила неподалёку от водопадов на ветвях дерева, ибо таков был, а может быть, и сейчас есть, обычай эльфов Лориэна. Поэтому их называют галадрим, Древесный народ. В глубине их лесов растут редкостно могучие деревья. До того, как пришла Тень, Лесной народ весь ни жил под землёй, как гномы, ни строил каменных крепостей...

— Должен признаться, — подал голос Гимли, что даже в эти грозные дни я чувствовал бы себя спокойней на дереве. — Он покосился в сторону Темноречья, а затем глянул в крышу тёмных сучьев над головой.

— Гимли прав, — сказал Арагорн. — Построить крепость мы не можем, так что попробуем, как народ галадрим, забраться на дерево. Мы и так сидели у самой дороги дольше, чем стоило.

Хранители не стали возвращаться на дорогу, а углубились в лесные тени, пройдя вдоль берега горной речки на запад, прочь от Серебрянки. Недалеко от перекатов Нимродели у группы особенно мощных деревьев, чьи нижние сучья простирались на всю ширину потока, а высота вообще не угадывалась, Леголас остановился и предложил своим спутникам:

— Подождите, я сейчас заберусь и посмотрю, не удастся ли скоротать здесь ночь. Клянусь корнями и сучьями, в лесу я как дома, хотя такие деревья вижу впервые и слышал о них разве что в песнях. Это мэллорны, те самые, что расцветают золотисто-жёлтыми цветами. Но мне еще ни разу не доводилось влезать на них. Сейчас посмотрим, какова у них крона.

— Не знаю, как ты, — отозвался Пин, — а я не умею спать на деревьях, даже таких, о которых поётся в песнях. Я ведь не птица!

— Тогда вырой нору, — предложил ему Леголас, — как принято у твоего народа. Только, если хочешь спрятаться от орков, не теряй времени и зарывайся поглубже!

Эльф подпрыгнул, ухватился за сук... но, тотчас отпустив его, соскочил на землю. Ибо сверху, из золотистой тьмы, раздался повелительный оклик:

— Даро!

— Не шевелитесь! — шепнул Хранителям Леголас, прижимаясь к стволу. — Молчите!

Вверху послышался мелодичный смех, а потом другой, негромкий, но звонкий голос произнёс несколько эльфийских фраз. Фродо почти ничего не понял, ибо язык Лесного народа к востоку от гор, на котором они общаются друг с другом, не похож на наречие Запада. Леголас взглянул вверх и ответил на том же языке.

— Кто они и что они говорят? — спросил Мерри.

— Эльфы! — мгновенно догадался Сэм. — Ты что, не слышишь, какие у них голоса?

— Да, это эльфы, — подтвердил Леголас. — По их словам, ты так громко пыхтишь, что тебя и зажмурившись можно подстрелить. — Сэм поспешно зажал себе рот ладонью. — А ещё они говорят, что бояться нечего. Они уже давно наблюдают за нами. Они услышали мой голос за Нимроделью и узнали во мне их северного сородича, поэтому позволили нам перейти реку, а потом слышали мою песню. Они просят меня подняться вместе с Фродо — похоже, кое-что знают о нём и о нашем походе. Остальных просят пока подождать внизу, у ствола, и покараулить, пока они решат, что делать дальше.

С дерева спустили верёвочную лестницу. Серебристо-серая, мерцающая в темноте, сделанная из тонкого шпагата, она, как вскоре убедились Хранители, была вместе с тем необычайно прочной. Леголас проворно взбежал по лестнице; Фродо поднимался осторожно и медленно; за хозяином взбирался преданный Сэм, стараясь дышать как можно тише. Нижние ветви мэллорна расходились от ствола в стороны и вверх, а потом, подобно гигантскому цветку, разветвлялся вкруговую сам главный ствол; среди этих ветвей была сооружена платформа из досок — или, как говорили в те дни, пол; эльфы называли ее талан — с отверстием посередине для верёвочной лестницы.

Добравшись до платформы, Фродо и Сэм увидели, что Леголас сидит с тремя лориэнскими эльфами, неожиданно вынырнувшими из теней, ибо когда они сохраняли неподвижность, серые эльфийские плащи превращали их в невидимок. Эльфы встали, и один из них открыл маленький фонарик, давший тонкий серебряный луч. Он поднял его, разглядывая лица Фродо и Сэма, затем снова прикрыл свет и произнес по-эльфийски слова приветствия. Фродо с запинкой ответил.

— Добро пожаловать, — снова заговорил эльф уже на всеобщем языке, но довольно медленно. — Мы живём ныне в самой глубине Леса и редко принимаем у себя гостей, потому почти забыли всеобщий язык. Даже наши северные сородичи, и те теперь отделены от нас. Помнят всеобщий язык только наши разведчики, которые часто покидают Лес, чтобы следить за врагами и узнавать последние новости. Я разведчик. Меня зовут Халдир. А мои братья, Рамил и Орофин, почти не знают всеобщего языка.

Эльфы, услышав свои имена, учтиво, но молча, поклонились хоббитам.

— Но мы слышали о вашем приходе, — продолжил Халдир, — ибо посланцы Элронда, возвращаясь по Темнореченскому Каскаду, прошли у границ Лориэна. Мы не слышали о... хоббитах, или невысокликах, много долгих лет и даже не знали, что кто-то из них ещё живет в Средиземье. Вы не кажетесь опасными! И, поскольку вы пришли с эльфом из нашего рода, мы готовы дружески принять вас, как просил Элронд, хотя и не в нашем обычае пропускать чужаков через наши земли. Но сегодняшнюю ночь вам придётся провести здесь. Сколько вас?

— Восемь, — ответил Леголас. — Я, четверо хоббитов и два человека, один из которых Арагорн, друг эльфов из рода нуменорцев.

— Имя Арагорна, сына Арахорна, известно в Лориэне, — подтвердил Халдир. — Ему дарована благосклонность нашей Владычицы. Это всё прекрасно. Но ты назвал мне только семерых.

— Восьмой — гном, — сказал Леголас.

— Гном! — нахмурился Халдир. — Это плохо. Мы не имеем дела с гномами с начала Тёмных дней. Им запрещён вход в нашу страну. Я не могу пропустить его.

— Но он ведь из Одинокой Горы, подданный Даина и в дружбе с Элрондом, — сказал Фродо. — И Элронд сам избрал его в члены Отряда. Он доблестен и не знает, что такое вероломство.

Халдир принялся совещаться с братьями, изредка спрашивая о чём-то Леголаса; тот отвечал им на лесном наречии, и Фродо не понял, про что они говорят. Наконец Халдир повернулся к хоббитам.

— Ладно, мы нарушим наши обычаи ради него, хоть и неохотно, — сказал он. — Если Арагорн и Леголас поручатся за гнома и будут внимательно за ним следить, мы пропустим его в Лотлориэн. Но ему придётся идти с завязанными глазами. Однако разговаривать больше некогда. Вашим нельзя оставаться на земле. Вдоль реки уже давно расставлены наши посты — с тех пор, как мы заметили огромные отряды орков, двигавшихся вдоль края гор к Мории с юга. А у лесных границ воют волки. Если вы действительно вырвались с боем из Мории, значит опасность рядом. Завтра рано утром вы пойдёте дальше. А пока хоббиты будут ночевать здесь — мы не боимся их! На соседнем дереве есть ещё один талан. Там разместятся остальные. Ты отвечаешь за них, Леголас! Если что, зови нас. И приглядывай за этим гномом!

Леголас тут же спустился вниз, чтобы передать слова Халдира. Вскоре послышалось громкое сопение, и Мерри с Пином вылезли на платформу. Обоим было явно не по себе.

— Мы захватили ваши одеяла, — немного отдышавшись, проговорил Мерри. — Остальной багаж Бродяжник припрятал в гряде листьев.

— Зря вы тащили их сюда, — сказал Халдир. — На вершине дерева зимой холодно, хотя сегодня ветер с юга, но наше угощение прогонит озноб, и кроме того найдутся запасные шкуры и плащи.

Хоббиты, конечно, не отказались и от второго (гораздо более вкусного!) ужина; а поев, завернулись не только в подбитые мехом плащи эльфов, но и в собственные одеяла, и попытались уснуть, да не тут-то было! Хоббиты не любят забираться высоко и никогда не

устраивают спален наверху, потому что в их, как правило, одноэтажных домах, попросту нет никакого "верха". А у "пола" в кроне мэллорна мало того, что не было стен, — не было даже перил по краям, только переносной плетень из прутьев, который защищал часовых от ветра. Вот и попробуй усни в такой спальне!

— Не проснуться бы на земле, — пробормотал Пин.

— Если я засну, — откликнулся Сэм, — то не проснусь, даже если грохнусь о землю. Да разве на такой высоте уснёшь? — добавил он сонно и тут же начал похрапывать.

Некоторое время Фродо лежал и смотрел, как мерцают сквозь бледную крышу дрожащей листвы звёзды. Рядом спокойно посапывал Сэм. В темноте угадывались фигуры двух эльфов, которые неподвижно сидели, обхватив руками колени, и о чём-то перешёптывались. Третий спустился с "пола", чтобы нести свою вахту на одном из нижних сучьев. Наконец, убаюканный шелестом веток над головой и ласковым журчанием Нимродели, Фродо закрыл глаза и уснул, и грезилась ему песня Леголаса.

Проснулся он поздней ночью. Остальные хоббиты крепко спали. Ни одного эльфа на талане не было. Сквозь листья тускло просвечивал рогатый месяц. Ветер стих. Где-то неподалеку слышались хриплые голоса, мерный топот и звон металла. Постепенно звуки отдалились, некоторое время ещё доносились откуда-то с юга, потом окончательно потерялись в глубине леса.

Внезапно над центральным отверстием талана показалась чья-то голова. Фродо рывком сел и увидел, что это эльф в сером капюшоне. Он смотрел на хоббитов.

— Что случилось? — шёпотом спросил Фродо.

— Ирч! — коротко шепнул в ответ эльф и забросил на платформу свёрнутую лестницу.

— Орки! — повторил Фродо. — Что они делают?

Но эльф уже исчез.

Хоббит больше ничего не слышал. Теперь даже ветер не шуршал листвой, и водопад словно замолчал. Фродо сидел, зябко закутавшись в одеяла. Он был рад, что орки не застигли их на земле, но ведь и дерево — не такая уж хорошая защита, разве что листвой укрывает. Ведь говорят, что нюх у орков, как у собак, только они, в отличие от последних, еще и лазать умеют. Хоббит вытащил из ножен Разитель — клинок светился голубоватым светом, но постепенно тускнел и вскоре окончательно померк. И все же Фродо не покидала тревога, мало этого — она росла. Он встал и, подкравшись к отверстию для лестницы, осторожно заглянул в чёрную дыру. Ему не удалось ничего разглядеть, но он был почти уверен, что слышит, как кто-то тихо шевелится у основания ствола.

Не эльф, поскольку лесной народ движется практически бесшумно. Потом до него донеслось тихое сопение и шорох, словно кто-то карабкается вверх по стволу. Фродо, затаив дыхание, пристально вглядывался во тьму.

Кто-то действительно приближался; его дыхание с тихим свистом вырывалось сквозь стиснутые зубы. А затем у самого ствола, Фродо разглядел два слабо светящиеся глаза. Они замерли на месте и, не мигая, уставились на хоббита. А потом вдруг отвернулись, вокруг ствола скользнула еле различимая тень и исчезла.

А из тьмы вдруг вынырнул лориэнец Халдир. Легко, почти не касаясь ветвей, он вскарабкался вверх и удивлённо сказал:

— К вам тут наведалься странный пришелец. Не орк. Он удрал, стоило мне только коснуться ствола. Похоже, что очень осторожный, и уж больно ловок лазать, — не будь этого, я подумал бы, что это кто-то из вас, хоббитов.

Я не решился его пристрелить, ибо он мог перед смертью вскрикнуть, а мы не можем

рисковать. Совсем рядом прошёл большой отряд орков. Они переправились через Нимродель — проклятие их поганым ногам в её чистых водах! — и двинулись вдоль неё по старой дороге. Наверное, что-то учуяли, поскольку долго рыскали у места, где вы сидели. Мы втроём не в силах противостоять сотне, поэтому отправились вперёд и, подражая вашим голосам, заманили их поглубже в лес.

Орофин поспешил к нашим за подмогой. Ни один орк не выйдет из Лориэна. А завтра, ещё до вечерней зари, у северных границ будут дежурить сильные отряды. Вас же отправим к югу сразу, как рассветёт.

На востоке забрезжил день. Лучи зимнего солнца, золотясь в листве мэллорна, напомнили хоббитам прохладную летнюю зарю в их далекой Хоббитании. В просветы между колышущимися ветвями проглядывало бледно-голубое небо. Глядя в проём между сучьями с южной стороны платформы, Фродо видел всю долину Серебрянки, похожую на тихо волнуемое свежим ветром девственно золотистое море.

Хранители быстро собрались в путь и двинулись по холодку раннего утра вслед за Халдиром и Рамилом.

— Прощай, Нимродель! — воскликнул Леголас.

— Прощай! — повторил это слова и Фродо, оглянувшись на пенистую воду среди серебристых стволов и подумав, что вряд ли ему доведётся снова увидеть столь прекрасную речку и слышать её немолчный мелодичный говор.

Они вернулись на прежнюю дорогу, что вела вдоль западного берега Серебрянки, и некоторое время шли по ней к югу. Земля была истоптана орками. Но вскоре Халдир свернул в деревья и остановился в их тени на речном берегу.

— С той стороны один из наших, — сказал он, — хотя вы его и не видите.

Эльф тихо свистнул по-птичьи, и из зарослей молодых деревьев выступил часовой в сером плаще, но с откинутым капюшоном. Под лучами утреннего солнца его волосы отливали золотом. Халдир искусно перебросил через реку свёрнутый в бухту серебристый канат. Эльф поймал его и привязал к дереву.

— Воды Келебранта в этом месте очень холодны, глубоки и быстры, — сказал Халдир. — Так далеко к северу мы стараемся не заходить в них. Но в нынешние тревожные дни опасно строить постоянные мосты. Смотрите, как мы переходим реку! — Он туго натянул канат, крепко привязал его к дереву, а потом спокойно, словно по дороге, прошёлся над речкой туда и обратно.

— Я с лёгкостью пройду по верёвке, — сказал Леголас. — Но как быть тем, кто не обладает подобным умением? Неужели им придётся переправляться вплавь?

— Нет! — ответил Халдир. — У нас есть ещё две веревки. Мы натянем их на уровне плеч и пояса над первой, и, держась за них, наши гости спокойно переправятся.

Когда этот шаткий мост был сделан, хранители перешли на восточный берег — одни медленно, с большим трудом, другие немного быстрее и свободней. У хоббитов лучшим канатоходцем оказался Пин: он уверенно шагал вперёд, держась только одной рукой, только старался не отрывать глаз от противоположного берега и не смотреть вниз. А Сэм шёл медленно, мелкими шажками, крепко ухватившись за канат обеими руками и не отрывая глаз от белёсой, бурлящей водоворотами воды, будто это горная бездна. На берегу он с облегчением вздохнул и воскликнул:

— Век живи — век учись, как говаривал обычно мой старик! Правда, он всю жизнь копается в земле и никогда не помышлял гнеститься на дереве, как птица, или ползать, ровно паук, по паутинкам. Таких фокусов даже мой дядя Энди не выкидывал!

Когда наконец все Хранители собрались на восточном берегу Серебрянки, эльфы отвязали и свернули канаты. Рамил, который остался на другом берегу, перетащил к себе последний конец, повесил бухту на плечо, прощально помахал Хранителям рукой и зашагал обратно к Нимродели на свой пост.

— Итак, друзья, — сказал Халдир, — вы вступили в Наит Лориэна, или, на вашем языке, Клин, ибо этот край подобен острию копья между руками Серебрянки и Андуина Великого. Чужакам не дозволено проникать в секреты Наита. И очень немногие получали разрешение ступить на этот берег. — Халдир помолчал и буднично закончил: — А теперь, как было решено, я завяжу глаза гному Гимли. Остальные, пока мы не приблизимся к Эгладилу близ Острия между водами, могут идти с открытыми глазами.

— Решение принято без меня, — мрачно нахмурившись, проговорил Гимли. — Я не пойду с завязанными глазами, словно нищий или пленник. Я не шпион. Мой народ никогда не вступал ни в какие сделки со слугами Врага. И мы никогда не причиняли вреда эльфам. Я не больше предатель, чем Леголас или любой из нас.

— Не сомневаюсь, — ответил Халдир, — но таков наш закон. Я не могу преступить его, а тем более изменить. Я и так зашёл слишком далеко, позволив тебе перейти через Келебрант.

Гимли расставил ноги положил руку на топор.

— Я пойду вперед с открытыми глазами, — непреклонно заявил он, — или пойду назад и попытаюсь, даже если и сгину в одиночку в глуши, вернуться в Подгорное царство, где никто не назовёт меня предателем.

— Перейдя реку, ты отрезал себе дорогу назад, — сурово сказал Халдир. — Теперь ты должен предстать перед Владыками, и только они решат, отпустить тебя или задержать. Если ты попробуешь вернуться вплавь, тебя пристрелит первый же часовой.

Гимли выхватил из-за пояса топор. Халдир и второй эльф мгновенно натянули луки.

— Чума на всех упрямых гномов! — досадливо воскликнул Леголас.

— Стоп! — вмешался Арагорн. — Отряд веду я — вы должны меня слушаться. Гимли будет несправедливо унижен, если завяжут глаза лишь ему. Мы все пойдём с завязанными глазами, даже Леголас. Так будет лучше, хотя это очень замедлит и затруднит путешествие.

Гимли внезапно расхохотался.

— Хорошо же мы будем выглядеть! — воскликнул он. — Точь-в-точь вереница слепых бродяг с Халдиром во главе вместо собаки-поводыря! Я готов разыграть из себя слепца вдвоём с Леголасом. Остальные могут остаться зрителями!

— Я эльф! — возмутился уже Леголас. — И, кстати...

— Чума на всех упрямых эльфов! — перебил его Арагорн. — Нет, поступим по справедливости. Завяжи мне глаза! — обратился он к Халдиру.

— Помни, ты ответишь мне за все сбитые пальцы и каждый синяк, если ты поведёшь нас плохо, и я буду спотыкаться или упаду, — буркнул Халдиру гном, ощупывая туго затянутую повязку.

— Тебе не придётся жаловаться, — уверенно сказал ему Халдир. — Я поведу вас аккуратно, и у нас в Лориэне превосходные тропы.

— Увы, что за глупые времена! — недовольно проговорил Леголас. — Мы все враги одного Врага, и при этом я должен идти вслепую, оказавшись в гостях у своих же сородичей, да ещё когда солнце так весело сверкает сквозь золотую листву!

— Да, это выглядит глупым, — согласился Халдир. — Поистине, ни в чём так ясно не проявляется могущество Черного Властелина, как в отчуждении друг от друга тех, кто еще противостоит ему. Но нас, лориэнцев, столько раз предавали, что мы теперь почти никому не доверяем — кроме, может быть, раздольских сородичей, — и наше поселение превратилось в

остров, со всех сторон окружённый врагами, и руки наши привыкли ныне больше к лукам, чем к арфам. Реки долго защищали нас, но теперь и они перестали быть надёжной защитой, ибо Тень проползла далеко к северу и окружила нас. Некоторые поговаривают об уходе, но похоже, что время упущено. Горы на западе всё более подвластны злу, восточные земли превращены в пустыню и кишат тварями Саурона, а недавно пронёсся слух, что и дорога к югу, через Рохан, более небезопасна, дельту же Великой Реки караулит Враг. Даже если мы и прорвёмся к берегам моря, мы не найдём там ныне ни одного укрытия. Говорят, что ещё существуют гавани Высших эльфов, но они далеко на северо-западе, за страной невысокликов, и где это, знают лишь Владыки, но не я.

— Мог бы разрешить свои сомнения, раз уж повстречался с нами, — перебил его Мерри. — К западу от Шира, в котором живём мы, хоббиты, действительно есть эльфийские гавани.

— Счастливы хоббиты, живущие неподалёку от морских берегов! — воскликнул Халдир. — Никто из моего народа не видел моря с незапамятных времен, хотя мы постоянно вспоминаем его в песнях. Пока мы идём, расскажи мне о Гаванях, — попросил он хоббита.

— Не могу, — признался Мерри. — Я никогда в них не был. Раньше-то мне не случалось путешествовать. И если б я знал, что творится в мире, то вряд ли бы решился уйти из Хоббитании.

— Даже для того, чтобы увидеть прекрасный Лотлориэн? — спросил Халдир. — Мир действительно полон опасностей, и в нём немало тёмных мест, но в нём осталось и немало прекрасного, а любовь, хоть ныне она повсеместно смешана с печалью, становится от этого лишь сильнее. — Эльф помолчал и грустно закончил. — Некоторые среди нас поют, что завеса Тьмы раздвинется, и снова вернутся мирные времена. Но я не верю, что мир вокруг нас снова станет таким, каким был прежде, а Солнце столь же ясным, как встарь. Быть может, настанет короткое просветление и мы, эльфы, сможем беспрепятственно достигнуть Моря и покинуть Средиземье навеки. Увы, покинуть Лотлориэн, который я так люблю! Как печально будет жить там, где не растут мэллорны. Но никому не известно, есть ли мэллоны там, за Великим Морем.

Слушая Халдира, Хранители гуськом брели следом за ним по тропе, второй эльф замыкал шествие. Тропа была ровной и мягкой, и вскоре путники зашагали уверенней, уже не опасаясь споткнуться или упасть. Наверно из-за того, что они шли вслепую, их слух и прочие чувства очень обострились. Фродо чувствовал запах деревьев и мнущейся под их ногами травы, слышал шорох листвы над головой, журчание реки откуда-то справа и тонкий посвист птиц в небе, а когда отряд пересекал поляны, ощущал на щеках и руках солнечный свет.

Еще над Серебрянкой ему вдруг почудилось, что он уходит из сегодняшнего мира, как будто шаткий канатный мостик уводил к минувшим Древним дням, в эпоху Эльдер. В Наите это странное ощущение усилилось. Фродо казалось, что вокруг него оживает Прошлое. В Раздоле всё напоминало о Прошлом, в Лориэне оно было живым и реальным. Здесь знали о зле, знали о печали, эльфы боялись враждебного мира снаружи и не доверяли ему, у лесных границ были волки, но на самом Лориэне не было тени: он жил так, будто зло ещё не родилось.

Хранители без отдыха шагали за Халдиром, пока заметно посвежевший ветер не принёс им весть о наступлении вечера. Они поели и, завернувшись в одеяла, спокойно уснули прямо на земле: провожатые не разрешили им снять повязки, так что на дерево они влезть не могли. Наутро они снова пустились в неспешный путь, а в полдень сделали привал, и Фродо отметил, что они снова вышли на солнце. Внезапно вокруг них зазвучало множество голосов.

Это беззвучно подошёл крупный отряд эльфов: они двигались к северным границам, чтобы отразить нападение орков, если они снова сунутся в Лориэн. Некоторые вести, принесённые воинами, Халдир кратко пересказал Хранителям. Большая часть орков, попытавшихся их

настичь, была уничтожена; остальные бежали на запад к горам, их преследуют. Эльфы видели странное существо, похожее на зверя, но вроде бы двуногое; поймать его не удалось, а стрелять в него не хотели — вдруг это просто безобидный зверёныш? — и пришелец удрал вдоль Серебрянки к югу.

— Мне передали также приказ Владык, — продолжил Халдир. — Владыки Лориэна разрешили вам всем, даже гному Гимли, идти с открытыми глазами. Похоже, что Владычице точно известно, сколько вас и кто именно входит в ваш Отряд. Вероятно, от Элронда прибыл новый гонец.

Гимли он снял повязку первому и, глубоко поклонившись, воскликнул:

— Прости! И взгляни на нас теперь глазами друга! Смотри и радуйся, ибо ты первый гном с дней Дарина, который узрел деревья Наита!

Когда дошла очередь до Фродо, он поднял глаза, и у него перехватило дыхание. Они стояли на огромном лугу. Слева возвышался большой курган, покрытый короткой травой — зелёной, как сама весна Предначальной эпохи. Курган венчала двойная диадема, образованная двумя кругами деревьев — внешним, из стройных стволов с белой корой, лишённых листьев, но прекрасных в своей прозрачной наготе, и внутренним, из огромных мэллорнов, сохранивших свой бледно-золотой наряд. И над их кронами вздымалось поистине гигантское древо с белым таланом в золотистой листве. Трава под деревьями и на склонах кургана пестрела золотыми звёздочками каких-то небольших цветов, среди которых кивали на тонких стеблях другие, зеленовато-белые цветы, сливаясь в тонкую дымку над сочной травой. А над курганом в бездонной синеве неба сияло ясное послеполуденное солнце, и деревья отбрасывали длинные тёмно-зелёные тени.

— Узрите! Перед вами Керин Амрот, — проговорил Халдир. — Здесь сердце древнего королевства, каким оно было в незапамятные времена, и курган Амрота на месте, где стоял его дом в прежние счастливые дни. Здесь, в неувядаемой траве, вечно цветут зимние цветы — жёлтые эланор и бледные нифредил. Мы отдохнём здесь немного, а вечером дойдём до города галадрим, Древесного народа.

Усталые Хранители прилегли на благоухающую траву, но Фродо ошеломлённо озирался по сторонам, не в силах лечь или даже пошевелиться. Он смотрел на канувший в Прошлое мир, освещённый навеки исчезнувшим светом, и этот поразительно древний мир, открываясь его изумлённому взгляду, как бы на его же глазах и рождался. Он видел лишь знакомые ему цвета: белый, жёлтый, зелёный и синий, — но они были такими свежими и яркими, словно явились ему здесь впервые, а он, разглядев их, дал им новые, дивные названия. Тут нельзя было летом сожалеть о весне или мечтать зимою о лете. На всём, что росло здесь, не было ни малейшего изъяна, ни признака болезни или увядания. На благословенной земле Лориэна не было пятен.

Неожиданно Фродо заметил Сэма, стоявшего рядом с ним. Он ошарашенно озирался и протирает глаза, будто не верил тому, что видит.

— Надо же, белый день, да и солнце тоже! — озадаченно проговорил он. — Я-то думал, что эльфам только луна да звёзды подходят. А тут уж совсем как в сказке, я даже и не слышал такой. Будто прямо в песне оказался, если вы понимаете, про что я толкую.

Халдир посмотрел на них и улыбнулся, словно понял не только неуклюжие слова Сэма, но и самую суть его мыслей.

— Вы почувствовали могущество Владычицы Лориэна, — сказал он. — Хотите подняться со мной на Керин Амрот?

Фродо поднимался следом за легко шагающим Халдиром, дышал, ощущал на лице ветерок, — словом, жил, — и, однако, отчётливо чувствовал, что попал в извечно неизменный

мир и что когда ему придётся отсюда уйти, всё же он, Фродо, странник из далёкой Хоббитании, так и будет идти здесь, по траве, среди эланор и нифредил, в прекрасном Лотлориэне.

Они вступили в круг белых деревьев. И тотчас же над Керин Амротом повеял ветер с юга, и в шелесте ветвей застывший на месте Фродо слышал, как в далёкой бухте накатывают волны на давно смытый ими берег, и кричат морские птицы, которых больше нет в Средиземье.

Халдир успел уйти вперёд и уже поднимался на высокую платформу. Готовясь последовать за ним, Фродо опёрся рукой о кору рядом с веревочной лестницей, — никогда ещё ему не открывалась столь полно живая жизнь, пульсирующая в дереве. Он ощущал бархатистую кожу-кору и могучую, но беззащитную древесную плоть не как лесничий, столяр или плотник, а так, словно стал побратимом мэллорна.

Когда он наконец вскарабкался на платформу, Халдир взял его за руку и, повернув к югу, серьёзно сказал:

— Прежде всего посмотри туда!

Фродо послушно поглядел на юг и увидел в отдалении не то холм, поросший могучими деревьями, не то город, застроенный зелёными башнями. Ему внезапно захотелось вспорхнуть, как птице, и перелететь к этому холму, чтобы спокойно отдохнуть в зелёном городе. Потом он глянул на восток — перед ним расстился весь Золотой Лес, сбегаящий к бледному мерцанию Андуина, Великой Реки. Фродо перевёл глаза на другой берег, и свет померк, — там был мир, который он знал. За рекой тянулась плоская, пустая, бесформенная, подёрнутая смутной пеленой равнина, которая лишь у горизонта вздымалась вдруг тёмной, наводящей уныние стеной. Солнце, золотящееся над Лотлориэном, было бессильно рассеять тень над той далёкой, тусклой высотой.

— Там находится твердыня Южного Лихолесья, — сказал Халдир. — Она окружена темными елями, которые, продираясь к свету, безжалостно душат своих же сородичей, а у земли, в душном и сыром сумраке, гниют их нижние ветви. Там, на самой вершине сурового утёса, стоит Дол Гулдур, где долго скрывался Враг. Мы боимся, что ныне он опять занят, причём семикратными по сравнению с прежними силами. Над ним часто клубится тёмное облако. С этого места ты видишь две силы, противостоящие друг другу, которые ведут сейчас непрерывное мысленное сражение, но хотя свет пронзает самое сердце тьмы, его собственные секреты остаются нераскрытыми. Пока ещё нераскрытыми. — Халдир умолк и быстро спустился вниз. Фродо с Сэмом последовали за эльфом.

У подножия кургана Фродо нашёл Арагорна, молчаливого и неподвижного, как мэллорн Амрота; в руке он держал золотистую звёздочку эланор, а глаза его светились памятью о счастье. Фродо понял, что следопыт переживает какое-то светлое мгновение, вечно длящееся в неизменности Лориэна. Ибо суровое лицо Арагорна было сейчас молодым и прекрасным, а его выцветший походный плащ казался в солнечных лучах блистающей белой мантией. Перед Фродо стоял молодой и прекрасный рыцарь. "Арвен ванимельда, намариё!" — услышал он. Арагорн пошевелился — и увидел Фродо.

— Сюда неизменно стремится моё сердце, — грустно улыбнувшись, сказал Арагорн, — и здесь же оно упокоится навеки, если только тёмный путь, предназначенный нам, тебе и мне, не выведет к свету. Пойдём со мной!

И, взяв Фродо за руку, он спустился с Керин Амрота, и в этой жизни никогда больше здесь не был.

Глава VII

Зеркало Галадриэли

Когда Халдир повёл Хранителей дальше, солнце уже опускалось за горы, и лесные тени сгущались. Тропинка нырнула в заросли, где сумрак был уже почти ночным. Ночь кралась за ними попятям, и эльфы снова открыли свои серебряные лампы.

Внезапно они снова вышли из-под полога леса и увидели над собой бледное вечернее небо в крапинках ранних звёзд. Перед ними была просторная поляна, расходящаяся полумесяцем и упирающаяся в глубокий ров, который терялся в мягких тенях, но трава по его бортам была зелена, словно её ещё освещало зашедшее солнце. Позади рва вздымалась высокая зелёная стена, окружающая покрытый лесом холм, где теснились такие громадные мэллорны, каких они в Лориэне ещё не встречали. Высоту их определить было невозможно, но они стояли в сумерках, будто живые крепостные башни. Среди вечно шелестящей листвы густых крон гигантов мерцали бесчисленные огоньки — зелёные, золотые, серебристые. Халдир повернулся к Хранителям и сказал:

— Добро пожаловать в Карас Галадон! Это город галадрим, где живут Владыки Лориэна Келеборн и Галадриэль! Но отсюда в Карас Галадон войти невозможно, поскольку на севере ворот нет. Нам придётся обойти его, чтобы попасть на южную сторону, и путь не близок — город велик.

Вдоль внешнего края рва тянулась дорога, мощённая белыми плитами. Хранители зашагали по ней на запад. Слева от них высился, как зелёная туча, город; чем глубже сгущались сумерки, тем больше огоньков зажигалось в ветвях, так что под конец весь холм заиграл и заискрился, как звёздное небо. Наконец путники добрались до белокаменного моста, перешли через него и очутились перед входом в город. Концы окружающей город стены здесь заходили друг за друга, образуя коридор, который подводил к высоким и крепким воротам, обращённым на юго-запад. Арка ворот была украшена множеством фонариков.

Халдир постучал, произнёс несколько слов, и ворота бесшумно распахнулись, но ни одного стражника Фродо не заметил. Путники прошли, и ворота снова закрылись. Они оказались всё в том же глубоком коридоре между стенами, быстро миновали его и вступили в Древесный Город. Его обитателей видно не было, не доносилось и звука шагов, но повсюду, вокруг и над головами, звучали голоса, а откуда-то издалека, с вершины холма, лилась мелодичная, как мягко стучащий по листве дождик, песня.

Хранители поднимались довольно долго по многочисленным тропам и лестницам, пока взошли на вершину холма и увидели на широкой лужайке сверкающий фонтан, подсвеченный свисающими с веток серебряными лампами. Его тугая струя поднималась и рассыпаясь брызгами, падала в серебряный бассейн. За фонтаном, с южной стороны лужайки, высилось самое могучее из всех деревьев: его гладкий, невероятно огромный ствол, покрытый матово-серебристой бархатной корой, шёл вверх и вверх, пока где-то далеко над головой не раскрывались тенистым облаком листвы первые мощные сучья. К стволу была прикреплена широкая белая лестница, у подножия которой сидели три эльфа в серых кольчугах и длинных белых плащах. Увидев путников, они встали.

— Здесь живут Келеборн и Галадриэль, — сказал Хранителям Халдир. — Согласно их воле, вы должны подняться и предстать перед ними.

Один из эльфов-стражников звонко протрубил в маленький рог, и вверху прозвучал троекратный отзыв.

— Я пойду первым, — объявил Халдир. — За мной пусть поднимутся Фродо и Леголас. Остальные следом, в любом порядке. Тем, кто не привык к таким лестницам, подъём покажется долгим, но по дороге можно передохнуть.

Неспешно поднимаясь вверх, Фродо миновал много платформ: то на одной стороне, то на другой, то прямо у ствола, так что лестница вела сквозь них. Наконец, на огромной высоте от земли, показался, словно днище большого корабля, широкий белый талан. Фродо вылез на него и увидел дом, такой просторный, что мог бы послужить дворцом любому земному владыке. Халдир вошёл первым, хоббит последовал за ним.

Глазам Фродо открылся овальный зал, посреди которого широкой колонной по-прежнему уходил вверх ствол гигантского мэллорна. Зал с серебристо-зелёными стенами и золотой крышей заливал мягкий свет. В центре зала у ствола на тронах под балдахином живых ветвей сидели рядом Келеборн и Галадриэль, окружённые многочисленной свитой эльфов. Они встали, чтобы приветствовать гостей, как поступают у эльфов даже самые великие властители, — одинаково высокие, строгие и красивые. Владыки были с ног до головы облачены в белое, на их плечи ниспадали длинные волосы: золотые у Галадриэли и серебряные у Келеборна. Возраст по лицам Владык не угадывался, и только глаза, глубокие, словно Море, но острые, как лучи Вечерней Звезды, говорили об их глубочайшей памяти и опыте древнейших мудрецов Средиземья.

Халдир подвёл хоббита к Владыкам. Галадриэль молча и пристально посмотрела ему в лицо, а Келеборн сказал на всеобщем языке:

— Добро пожаловать, Фродо из Ши́ра! Сядь рядом с нами. Мы поговорим, когда придут остальные.

По мере того, как Хранители появлялись в зале, он вежливо приветствовал их, обращаясь к каждому по имени:

— Добро пожаловать, Арагорн, сын Арахорна! С тех пор, как ты последний раз был здесь, во внешнем мире минуло тридцать и еще восемь лет, которые тяжело легли на твои плечи. Но, к добру или худу, конец близок. А пока — забудь о своих заботах: в Лориэне ты сможешь спокойно отдохнуть.

— Добро пожаловать, сын Трандуила! Увы, мы не избалованы визитами наших северных родичей.

— Добро пожаловать, Гимли, сын Глоина! Поистине немало времени прошло с тех пор, как мы видели того, кто принадлежит к народу Дарина, в Карас Галадоне. Но сегодня мы нарушили наш древний закон. Да послужит эта встреча знаком того, что, несмотря на тьму, сгущающуюся над миром, близки лучшие дни и да поможет восстановить нашу былую дружбу.

Гимли низко поклонился Владыкам.

Когда все Хранители уселись в кресла перед его троном, Келеборн обвёл их вопросительным взглядом.

— Вас восемь, — сказал он. — Однако, согласно сообщениям, избрано девять Хранителей. Но, возможно, впоследствии было принято иное решение, о котором мы не слышали. Элронд далеко, и мгла пролегла между нами, и за последний год тени выросли.

— Нет, решение не было изменено, — впервые прозвучал звонкий и мелодичный, но довольно низкий для женщины голос Галадриэли. — Гэндальф Серый вышел вместе с Отрядом, но границ этой страны он не переступал. Скажите нам, где он? Ибо мне очень хотелось снова поговорить с ним. Но я не могу увидеть его издали, если только он не идёт по чащам Лотлориэна: вокруг него серый туман, и пути его, как и мысли, скрыты от меня.

— Увы! — проговорил Арагорн. — Гэндальфа Серого поглотила тьма. Ему не удалось вырваться из Мории, и он остался в ней навеки.

При этих словах все эльфы громко вскрикнули от горя и изумления.

— Это поистине зловещая новость, — в наступившем молчании сказал Келеборн, — более

зловещая, чем всё, что звучало здесь в течение долгих лет, полных прискорбнейших деяний. — Он перевёл взгляд на Халдира и спросил по-эльфийски: — Почему мне не сообщили об этом раньше?

— Мы не говорили Халдиру о наших делах или целях, — ответил на всеобщем языке Леголас. — Сначала нам мешала усталость и близкая опасность, а потом красота и покой Лориэна приглушили на время горечь утраты, и нам не хотелось об этом вспоминать.

— Приглушил, но не вылечил, — добавил Фродо. — Ибо наша утрата невосполнима, а горе... горе никогда не забудется. Гэндальф сумел вывести нас из Мории и погиб в битве за наше спасение.

— Расскажите всё по порядку! — велел Келеборн.

И Арагорн поведал Владыке Лориэна о буране на Карадрасе, об отступлении в Морию и Глубинном Страже, о Балине и его книге, о битве в Летописном чертоге, об огненной расселине, об узком мосте через бездонную пропасть и о появлении ужасного противника.

— Это было зло Древнего мира, с подобным которому я не сталкивался прежде, — заключил Арагорн, — одновременно пламя и тьма, чудовищный и могучий враг.

— Это был Балрог Моргота, — добавил с подавленным испугом Леголас. — Самый заклятый враг эльфов, если не считать Того, кто сидит в Чёрной Крепости.

— Несомненно, я видел на мосту то, что преследует нас в самых страшных кошмарах. Я видел Проклятие Дарина, — тихо проговорил Гимли, не скрывая своего страха.

— Увы! — воскликнул Келеборн и, посмотрев на Гимли, добавил — Мы давно подозревали, что под Карадрасом спит некий ужас. Но знай я, что гномы опять растревожили это зло в Мории, я запретил бы тебе пересекать северную границу. Тебе, и всем, кто с тобою пришёл. А Гэндальфа следовало бы назвать безумцем — ибо добровольно войти в тенёта Мории мог только безумец! — но он был Мудрым, и не мне судить, обуяло ли его напоследок безумие.

— Воистину поспешным было бы такое суждение, — серьёзно сказала Галадриэль. — Ибо Гэндальф никогда не совершал напрасных, а тем более безумных поступков. Тем, кого он вёл через Морию, были неизвестны все его мысли, и уж во всяком случае, за поступки Гэндальфа можно винить лишь Гэндальфа! Не жалею о приёме, оказанном тобой гному. Если бы наш народ был в древности изгнан из Лориэна, скажи, кто из галадрим, даже Келеборн Мудрый, смог бы спокойно пройти мимо своего прежнего дома, не заглянув в него, даже если он превратился в обиталище драконов? "Непроглядно темна вода Келед-зарама, и холодны, как лёд, ключи Кибил-налы. И прекрасны в Дни Эльдер были многоколонные чертоги Казад-дума, пока царивших в них королей не скрыл камень".

Владычица с улыбкой посмотрела на гнома, и гневный, угрюмо нахмурившийся Гимли вдруг увидел в её глазах, глазах своего мнимого врага, дружеское сочувствие и участливую любовь. Он растерян, — а потом благодарно — улыбнулся, встал и, неуклюже поклонившись на манер гномов, ответил:

— Однако Золотые леса Лориэна прекрасней чертогов Мории, а сверкающие сокровища Морийского царства меркнут перед красотой Лориэнской Владычицы!

Эльфы и Хранители долго молчали. Наконец Келеборн заговорил снова:

— Пусть Гимли забудет мои резкие слова: они рождены горечью. Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы помочь вам — каждому из вас, в соответствии с его желаниями и нуждами, — но в особенности тому из невысокликов, кто взял на себя бремя.

— Цель твоего похода известна нам, — добавила Галадриэль, посмотрев на Фродо. — Но здесь мы не будем говорить об этом более открыто. Однако, не напрасным, быть может, окажется твой приход в этот край в поисках помощи, как, очевидно, намеревался поступить и

сам Гэндальф. Ибо Владыка Лориэна слышит мудрейшим среди эльфов Средиземья, и дары его превыше тех, что властны раздавать короли. Он живёт на Западе с Предначальных дней, и я вместе с ним — бессчётные годы, ибо я перешла через горы ещё до падения Нарготронда или Гондолина, и с тех пор мы вместе на протяжении веков обречённо, без надежды на победу, однако не отступая, сдерживаем Зло.

Это я собрала первый Совет Светлых Сил, и если б тогда, как я предлагала, Верховным Мудрецом Совета стал Гэндальф, жизнь, возможно, пошла бы иначе. Но даже сейчас для Средиземья ещё не всё потеряно. Я не дам тебе совета, что делать, ибо не в действии, не в планах и не в выборе пути могу оказать я помощь, а лишь знанием того, что было, что есть и отчасти того, что будет. А пока я скажу тебе, что путь твой — это путь над пропастью по лезвию ножа: дрогнешь только — и падение, а с ним и всеобщий крах, неизбежны. Надежда лишь во взаимной верности Хранителей.

С этими словами Владычица медленно обвела их пронизательным взглядом. Лишь Леголас и Арагорн смогли долго выдержать его. А вот Сэм моментально покраснел и потупился.

Наконец Галадриэль опустила глаза и улыбнулась.

— Не смущайтесь, — сказала она. — Этой ночью вы уснёте спокойно.

Хранители перевели дух и почувствовали внезапную усталость, будто их долго и дотошно расспрашивали, хотя вслух не было сказано ни слова.

— Ступайте! — произнёс Келеборн. — Вы измучены горем и тяжкой дорогой. Даже если бы Путь, предназначенный вам, и не затрагивал нас непосредственно, вы всё равно нашли бы убежище в этом Городе, чтобы залечить раны и набраться сил перед дальнейшей дорогой. Однако не будем пока говорить о том, что предстоит. Отдыхайте.

На этот раз, к радости четвёрки хоббитов, Хранителям не пришлось забираться на дерево. Эльфы разбили близ фонтана под сенью мэллорнов шатёр, приготовили для гостей удобные постели и, пожелав им спокойного сна, удалились. Оставшись одни, путники обсудили позапрошлую ночёвку на талане, вспомнили курган Амрота, поговорили о нынешних Владыках Лориэна, но ни словом не обмолвились о событиях в Мории — на это у них пока не было сил.

— Скажи, а почему ты покраснел у Владычицы? — вдруг спросил Сэма любопытный Пин. — Ты быстро опустил глаза. Любой бы подумал, что у тебя нечиста совесть. Надеюсь, её не отягощает нечто худшее, чем гнусный замысел стянуть одно из моих одеял?

— Больно нужно, — пробормотал Сэм, не расположенный шутить. — Если хочешь знать, под её взглядом я прямо голым себя почувствовал. Разве приятно? Она ж мне прямо в душу заглянула! Глядит и спрашивает: а что, мол, ты сделаешь, если дам тебе возможность удрать обратно в Хоббитанию в уютную норку, да ещё... да, ещё и с собственным садиком, вот.

— Забавно, — вмешался Мерри. — Точь-в-точь, что и мне померещилось. Только... ну... пожалуй, не буду рассказывать, что именно.

Оказалось, что каждому участнику похода, как поняли, глядя друг на друга Хранители, был предложен ясный, но безжалостный выбор между верностью и самой заветной мечтой: переложить смертельно опасную борьбу с Сауроном на чужие плечи, сверни с тёмного и страшного пути — и мечта сбудется.

— Да уж, рассказывать, пожалуй, не стоит, — пробормотал Гимли и тоже умолк.

— И всё же это чрезвычайно странно, — заметил Боромир. — Быть может, Владычица просто хотела нас испытать с неведомой нам, но благой целью. Однако зачем она нас искушала? Зачем столь искусно внушила нам веру, что может исполнить свои обещания? Излишне говорить, что я отказался её слушать. Люди Минас Тирита верны своему слову.

Однако что именно пообещала ему Владычица, Боромир не сказал.

Что касается Фродо, он тоже предпочёл отмолчаться, хотя Боромир долго приставал к нему с расспросами.

— Она долго удерживала твой взгляд, Хранитель Кольца, — заметил он.

— Да, — согласился Фродо. — Однако мысли, которые пришли мне в голову, я предпочту оставить при себе.

— Но будь начеку! — сказал Боромир. — Неизвестно, какие намерения у этой Владычицы эльфов.

— Не смей говорить дурно о Владычице Галадриэли! — сурово прервал Боромира Арагорн. — Ты не знаешь, о чём говоришь. Ни в ней, ни в этой земле нет зла, если только человек не приносит его сюда с собой. Но коли принёс — пусть остережётся! Однако сегодня я усну спокойно... впервые с тех пор, как покинул Раздол. И пусть сон мой будет глубок и позволит забыть на время о моём горе! Я устал и телом, и духом.

Арагорн бросился на ложе и мгновенно впал в продолжительное забытие.

Остальные вскоре последовали его примеру, и их сон не тревожили ни звуки, ни сновидения. Когда, проснувшись, они вышли из шатра, лужайка была залита дневным светом и весело блестела на солнце бившая в небо прозрачная струя фонтана.

Спокойно-светлые, словно капли росы, искрились над Карас Галадоном ясные дни, и вскоре Хранители потеряли им счёт; иногда на небо набегали лёгкие тучки, просеивались мелким дождём и, освежив траву и листву, уплывали прочь. Воздух был прохладен и свеж, точно ранней весной, однако повсюду ощущался глубокий покой зимы. Хранители гуляли в лесах, плотно ели и много спали, но их жизнь не казалось им скучным — видимо, они очень вымотались в пути.

Владыки больше не призывали гостей, а из других эльфов, живших в Городе, мало кто знал или хотел пользоваться всеобщим языком. Халдир, распрощавшись с Хранителями, снова отправился на северную границу — теперь там стояла сильная дружина. Леголас постоянно пропадал у сородичей, после первой ночи он даже не ночевал в шатре и только обедать приходил к Хранителям. И очень часто брал с собой Гимли, — остальные только диву давались такой перемене.

Теперь, гуляя или сидя вместе, Хранители могли говорить о Гэндальфе, припоминая с болезненной отчётливостью всё, что знали о нём. Когда они исцелились от ран и усталости, горечь утраты стала более пронзительной. В мелодичных эльфийских песнях им часто слышалось имя сгинувшего друга — лориэнцы тоже оплакивали гибель мага.

— Митрандир, Митрандир, — пели эльфы. Они, как сказал Хранителям Леголас, называли Гэндальфа Серым Странником. Но перевести песню эльф отказался, объяснив, что ему не хватит мастерства, да и горе для него ещё так близко, что вызывает слёзы, а не желание петь.

Из Хранителей Фродо первым попытался выразить свою скорбь в корявых, заплетающихся строчках. Он редко сочинял что-нибудь; даже в Раздоле хоббит предпочитал слушать, а не петь, хотя хранил в памяти много сочинённых другими песен. Но сейчас, сидя у лориэнского фонтана и слыша окружающие его голоса эльфов, он как будто смог найти форму для песни, которая показалась ему красивой. Однако когда Фродо попытался повторить её вслух Сэму, осталась только тень, обрывки, ломающиеся, как увядшая листва в горсти:

В сумерках серых из норки моей
Шаги его слышал я у дверей.
Едва лишь заря начинала мерцать,
Молча в свой путь уходил он опять.

От севера взгорий до южных гор,
Средь тёмных лесов и драконьих нор,
От степей Глухоманья до Западных стран
Путь его добровольный лежал.
Бессмертных и смертных он понимал,
Вести от птиц и зверей получал,
Хоббит иль эльф, человек или гном
Говорить с ним могли на наречьи родном.
Карающий меч, милосердья рука,
Под грузом забот согнулась спина,
Глаза как угли, голос громче трубы,
Скиталец усталый на долгом пути.
Мудрец на троне среди Мудрецов,
Вспыльчив, но вмиг рассмеяться готов,
В поношенной шляпе и старом плаще
Старик, держащий посох в руке.
На мосту Казад-дума стоял он один,
Багровая Тьма была перед ним.
Но камень жезл волшебный сломал...
Мудрец в пещерах Мории пал.

— Ой, вы почти что побили мистера Бильбо! — воскликнул Сэм.

— Боюсь, что нет, — вздохнув, ответил Фродо. — Но на лучшее я не способен.

— Что ж, мистер Фродо, если вы не против ещё одного куплета, то вам надо бы ещё упомянуть о его фейерверках, — сказал Сэм. — Ну, примерно вот так:

Ракет прекрасней не делал никто,
Рой огней разноцветных взлетал высоко,
Гром грохотал и дождь золотой
Цветами вспыхивал над головой...

— Хотя это, конечно, не подходит к теме долгого пути, — закончил Сэм.

— Нет, Сэм, — сказал Фродо. — О его фейерверках сочинишь ты. Или, быть может, Бильбо. Но... нет! Я не могу больше об этом! Я просто не в состоянии вынести мысль, что мне придётся принести к нему такую весть.

Фродо и Сэма одолевало беспокойство. Они решили прогуляться по лесу, но в спокойных, ласково прохладных сумерках обоим казалось, что исполинские мэллорны шелестят им про скорое расставание с Лориэном.

— Так что ты думаешь об эльфах теперь, Сэм — спросил Фродо. — Я уже как-то задал тебе этот вопрос... как же давно это было! Но с тех пор ты успел познакомиться с ними поближе.

— Это точно, сударь! — согласился Сэм. — Только я так сужу, что бывают эльфы и эльфы. Все они, конечно, так сказать, эльфийским духом пропитаны, а всё же разные. Вот взять хоть здешних: они ведь не бездомные скитальцы, а вроде как мы — привязаны к своим лесам больше, чем хоббиты к Хоббитании. Они ли уж переделали по себе свою землю, или она их к себе

приспособила, этого я вам сказать не могу, а только их край как раз им под стать. Здесь словно никогда ничего не происходит, да никто и не хочет, чтобы происходило, понимаете? Просто поразительное спокойствие и тишина. Если в этом и скрыто какое волшебство, то уж больно глубоко, так что, так сказать, и не докопаешься.

— Да ведь его ощущаешь здесь на каждом шагу! — возразил Фродо.

— Ощущать-то ощущаешь, а видеть не видишь, — упрямо возразил Сэм. — Не чета Гэндальфу. Тот был и правда маг. Помните, какие он нам засвечивал огни? Жаль, что Владыки нас больше не зовут. Потому что я думаю, уж Владычица-то, если б захотела, могла бы показать настоящее волшебство. Мне, мистер Фродо, ужасно хочется посмотреть на эльфийскую магию!

— А мне нет, — сказал Фродо. — Мне и так хорошо. А что до Гэндальфа, то мне не хватает не его фейерверков, а его густых бровей, его голоса и даже его вспыльчивости.

— Конечно, — согласился Сэм. — И не подумайте, что я выискиваю какие-нибудь недостатки. Просто мне хочется увидеть настоящее волшебство — как в древних сказках, хотя о таком чудесном краю я даже и в сказках не слыхал. Тут ведь живёшь — вроде ты и дома, а вроде как приехал в гости на праздник, если вы понимаете, про что я толкую. Мне ужасно не хочется уходить отсюда. Но, с другой стороны, если уж нам надо довести всё до конца, так чем быстрее мы пойдём дальше, тем лучше. Потому, как говаривает мой старик, сидя сиднем, дела не сделаешь. И сдаётся мне, что здешний народ вряд ли чем ещё может нам помочь, с волшебством там или без. Мы ещё наплачемся в пути без Гэндальфа, помяните моё слово!

— Боюсь, Сэм, что ты абсолютно прав, — со вздохом откликнулся Фродо. — И всё же я очень надеюсь, что перед уходом мы ещё раз увидим Владычицу.

Не успел он договорить, как, словно в ответ на его слова, навстречу им вышла Владычица Лориэна — высокая, стройная, спокойная и прекрасная. Она безмолвно поманила хоббитов за собой и, свернув в сторону, повела их к южному склону холма Карас Галадона. Пройдя сквозь проход в высокой зелёной живой изгороди, она очутилась в замкнутом саду. Здесь не росло деревьев, и ничто не закрывало неба. Над западными лесами сияла белым огнём взошедшая Вечерняя Звезда. Владычица спустилась по пологой лестнице в глубокую лощину, по которой бежал, журча, серебристый ручей, начало которому давал фонтан на холме. На самом дне лощины на низком постаменте в форме ветвистого дерева стояла серебряная чаша, широкая и мелкая, а рядом — кувшин, тоже серебряный.

Владычица нагнулась, взяла кувшин и наполнила чашу до краёв водой из ручья. Потом легонькодохнула на воду, подождала, пока рябь успокоится, и сказала:

— Перед вами Зеркало Галадриэли. Я привела вас сюда для того, чтобы вы могли заглянуть в него, если захотите.

В неподвижном воздухе тёмной лощины высокая и стройная фигура Галадриэли излучала, как почудилось взволнованным хоббитам, бледно-опаловое сияние.

— Зачем нам заглядывать в него и что мы увидим? — благоговеенно спросил Фродо.

— По моей воле Зеркало способно явить многое, — ответила хоббиту Владычица Лориэна, — а некоторым я могу показать то, что они желают увидеть. Но гораздо интересней, а главное, полезней, не отдавать Зеркалу никаких приказаний. Я не знаю, что вы увидите, если оно будет работать свободно, ибо оно показывает то, что было, то, что есть, и то, что может случиться в будущем. Однако какие события открываются в нём — прошлые, настоящие или грядущие, не всегда под силу понять даже мудрейшим из мудрых. Так хочешь ли ты заглянуть в него?

Фродо промолчал.

— А ты? — обратилась Владычица к Сэму. — Ибо, как я полагаю, именно такие вещи принято у вас называть волшебством; хотя я не совсем понимаю, что значит это слово, ведь им

называют и хитрости Врага. Тем не менее, если желаешь, таково волшебство Галадриэли. Разве ты не говорил, что хочешь увидеть эльфийскую магию?

— Говорил, — сказал Сэм, которого слегка поколачивало от страха и любопытства. — Если позволите, госпожа, я бы глянул одним глазком. — И, обернувшись к Фродо, со вздохом добавил — Хорошо бы хоть мимоходом посмотреть, как оно дома. Я ведь ужас сколько времени там не был! Да как бы не так. Небось увижу одни звёзды или вообще не пойми что.

— Небось, — тихо рассмеялась Галадриэль. — Но подойди и посмотри на всё, что сможешь увидеть. Только не касайся воды руками.

Сэм вскарабкался на подножие постамента и опасливо заглянул в серебряную чашу. Тёмная неподвижная вода отражала лишь звёзды.

— Сплошные звёзды, как я и думал, — начал было Сэм, и вдруг охнул от изумления.

Звёзды исчезли, будто кто-то отодвинул тёмную завесу. Зеркало сперва посерело, а потом прояснилось. Ярко светило солнце, размашисто раскачивались на ветру ветви деревьев. Однако понять, что ему привиделось, хоббит не успел, ибо свет померк, и в неясной мгле он заметил Фродо — тот лежал в глубоком сне под высоким тёмным утёсом, и лицо у него было мёртвенно-бледное. Затем видение опять изменилось, и Сэм увидел самого себя. Он брёл по тусклому коридору, взбирался по бесконечной спиральной лестнице, стараясь кого-то разыскать — но кого?.. Точно в причудливом обрывочном сне перед ним уже снова появились деревья, но теперь они были гораздо дальше, и хоббит увидел, что происходит: они вовсе не размахивали ветвями на ветру, а с треском валились наземь под ударами топора.

— Эй! — зло вскричал Сэм. — Это же Тед Пескунс! Это ж он деревья валит! Да кто ему позволил-то? Их же нельзя трогать! Это ж специально посаженные деревья, которые затеняют дорогу от Мельницы до Приречья! Эх, очутиться бы сейчас там — он бы живо полетел у меня вверх тормашками!

Но тут Сэм заметил, что Старая Мельница исчезла, на её месте быстро возводится уродливый кирпичный дом, а рядом со стройкой вздымается к небу закопчённая краснокирпичная труба. Клубы дыма, быстро сгущаясь, чёрной завесой затягивали Зеркало.

— А в Шире-то неладно, — пробормотал Сэм. — Видно, Элронд, даром собирался отправить господина Мерри домой... — Тут он вдруг громко вскрикнул, соскочил с пьедестала и, ошарашенно озираясь, сказал — Я не могу здесь больше оставаться. Мне надо домой. Они разворотили Исторбинку и выгнали на улицу моего старика. Я видел: ковыляет он, горемыка, вниз по Круче и катит в тачке всё своё брахлишко. Мне надо домой!

— Ты не можешь вернуться домой один, — спокойно напомнила Сэму Галадриэль. — Еще до того, как ты заглянул в Зеркало, ты не захотел уйти домой без своего хозяина, хотя понимал, что зло может заглянуть и в Шир. Не забывай, что Зеркало часто открывает события, для которых время ещё не настало, а может и никогда не настать — если тот, кому оно их открыло, не свернёт с выбранной им однажды дороги, чтобы предотвратить возможное будущее. Волшебное Зеркало — опасный советник.

Сэм сел на землю и опустил голову на руки.

— Зря я сюда пришёл, и не нужно мне больше никакого волшебства, — пробормотал он. Потом замолчал и после паузы глухо выговорил, будто сквозь слёзы: — Нет, я вернусь домой долгим путём вместе с господином Фродо или не вернусь вовсе. Только надеюсь, что всё же вернусь. И тогда, если всё окажется, как в Зеркале, кое-кому очень не поздоровится!

— А тебе теперь хочется заглянуть в Зеркало, Фродо? — спросила Галадриэль. — Ведь ты не хотел смотреть на эльфийскую магию, сказав, что тебе и так хорошо.

— Ты советуешь мне посмотреть? — спросил в ответ Фродо.

— Нет, — сказала она. — Я не даю советов ни в какой форме. Решай сам. Да и видения Зеркала не принимай за советы, ибо никогда неведомо, пойдёт ли на пользу то, что ты видел, будь оно дурным или хорошим. Случайные знания опасны. Но, по-моему, ты достаточно мудр и отважен, чтобы рискнуть, иначе я не привела бы тебя сюда. Поступай, как хочешь!

— Я посмотрю, — решился Фродо и, взобравшись на пьедестал, склонился над тёмной водой.

Зеркало мгновенно посветлело — взгляду хоббита открылась сумеречная равнина. Вдали, на фоне бледного неба маячили горы. По равнине тянулась, петляя, серая полоска дороги, уходящая за горизонт. По дороге двигалась крохотная фигурка, становясь по мере приближения больше и отчётливее. Внезапно Фродо понял, что она напоминает ему Гэндальфа. Он чуть было не окликнул мага, но тут же различил, что фигурка эта одета не в серое, а в белое — она слабо светилась в окружающем сумраке, и в руке у неё был белый посох. Лица Фродо не разглядел — голова была склонена. Затем белый путник ушёл по дороге налево, за пределы Зеркала, и в душу Фродо закралось сомнение: видел ли он Гэндальфа в одном из его долгих былых странствий или Сарумана?

Видение переменялось. На несколько мгновений, но очень отчётливо, Фродо увидел Бильбо, беспокойно расхаживающего по своей комнате. Стол был завален грудой исписанных листков, в окно барабанили капли дождя. Но тут поверхность Зеркала заволокло туманом, и комната исчезла.

Когда волшебное Зеркало опять прояснилось, Фродо по внезапному озарению осознал, что перед ним чередой разрозненных видений мелькают вехи великой истории, в которую его вовлекла судьба. Туман прояснился, и ему открылось штормовое море — он сразу понял, что именно штормовое, хотя до этого никогда моря не видел, — вздыбленное сизыми громадами волн. Небо почернело. На фоне кроваво-красного солнца, опускающегося в разорванные облака, возник чёрный силуэт высокого корабля с потрёпанными парусами, который ветер гнал с запада. Потом мелькнула широкая река, текущая через многолюдный город. Потом белая крепость с семью башнями. А затем снова корабль с чёрными парусами, но теперь было утро, и солнце играло на воде и ярко освещало знамя, на котором было вышито белое дерево. И всё опять потонуло в дымном зареве, как от пожара, и багровое солнце опустилось в серый туман, а потом в этом тумане промелькнул, мигающий огоньками, серебристый кораблик. Он исчез, и Фродо, вздохнув, уже приготовился слезть...

Как вдруг зеркальная чаша опять почернела — словно чёрная дыра открылась в бесконечную пустоту. И из этой бездонной пропасти медленно всплыл огромный Глаз, постепенно заполнив собой всё Зеркало. Обрамлённый багровыми ресницами пламени, глянцево блестящий кошачьей желтизной, был он, однако, напряжённо живым, а его вертикальный зрачок — скважина в ничто — постоянно пульсировал, то сужаясь, то расширяясь. Фродо окаменел от ужаса, не в силах вскрикнуть или пошевелиться.

Глаз медленно ворочался в тесной глазнице Зеркала, словно разыскивая что-то, и Фродо, скованный леденящим ужасом, отчётливо понимал, что чудовищный Глаз, обшаривая мир, силится разглядеть именно его, но, пока у него есть воля к сопротивлению, пока он сам не захочет открыться, Глаз бессилён его обнаружить. Кольцо, ставшее невероятно тяжёлым, тянуло голову вниз, словно мельничный жёрнов, вода в Зеркале вскипела, закурилась паром. Хоббит неудержимо соскальзывал в чашу.

— Не коснись воды! — мягко произнесла Галадриэль.

Видение исчезло, и Фродо обнаружил, что смотрит на холодно мерцающие в серебряной чаше звёзды. Он торопливо отпрянул и, все ещё дрожа с головы до ног, перевёл взгляд на Владычицу.

— Мне знакомо твоё последнее видение, — проговорила она, — ибо оно присутствует и в моих мыслях. Не надо пугаться! Но знай: не песни среди деревьев и даже не тонкие стрелы эльфийских луков ограждают Лотлориэн от Врага. Ибо даже сейчас, разговаривая с тобой, Фродо, мне открыты мысли Чёрного Властелина, точнее, все его мысли, касающиеся эльфов. А он вечно пытается проникнуть в мои. Но дверь пока закрыта!

Владычица вскинула белые руки, обратив их ладонями к востоку в жесте отрицания, как бы отстраняя что-то. Эрендил, Вечерняя Звезда, любимица эльфов, светила над её головой столь ярко, что фигура Владычицы отбрасывала чуть заметную тень. В звёздных лучах на её пальце блеснуло кольцо. Оно играло, как бледное полированное золото, отливающее серебром, а в центре мерцал белый камень, словно сама Вечерняя Звезда сошла отдохнуть на палец Галадриэли. Фродо благоговеенно взирал на него, ибо внезапно он понял — или так ему показалось.

— Да, — спокойно подтвердила Владычица, хотя он не произнёс ни слова. — Об этом запрещено говорить, и Элронд не мог преступить запрета. Но его невозможно укрыть от Хранителя Кольца и того, кто видел Глаз. Истинно, что одно из Трёх нашло пристанище в Лориэне на пальце Галадриэли. Это Нения, Кольцо Адаманта, и я его хранительница.

Он подозревает это, но Он ещё не знает — пока ещё нет. Понимаешь теперь, почему твой приход сюда прозвучал как поступь Рока? Ибо если ты погибнешь, мы окажемся беззащитны перед Врагом, а если добьёшься успеха — наше могущество исчезнет, и завянет Лотлориэн, и волны Времени смоят его прочь. Нам придётся уйти на Запад или, постепенно вырождаясь, превратиться в неотёсанных жителей лесистых долин и пещер, которых медленно забывают и под конец забудут навсегда.

Фродо поник головой.

— А каково твоё желание? — спросил он после долгого молчания.

— Будь что будет, — печально ответила ему Владычица. — Любовь эльфов к их стране и творениям их рук глубже морских глубин, — печаль их будет вечной и никогда не найдёт себе утolenия. Но мы готовы пожертвовать всем, лишь бы не подчиниться Саурону, ибо знаем его ныне. Ты не в ответе за судьбу Лотлориэна, — на твоих плечах лишь данный тобой же обет. Но, будь у меня выбор, я желала бы, чтоб Одно Кольцо никогда не было сделано или было потеряно навеки.

— Ты, госпожа Галадриэль, мудра, бесстрашна и справедлива, — сказал Фродо. — Я отдам тебе Кольцо Всевластия, если ты попросишь об этом. Его могущество — не по моим силам.

Неожиданно Владычица звонко рассмеялась.

— Быть может, госпожа Галадриэль мудра, — сказала она, — однако в учтивости она встретила себе пару. Когда ты предстал передо мною впервые, я позволила себе заглянуть в твоё сердце — и тебе удалось очень вежливо отомстить мне за это. Ты становишься поразительно прозорливым. Зачем скрывать, сердце моё жаждет последовать твоему предложению. Ибо на протяжении многих лет я размышляла, как поступить, если Великое Кольцо волею случая попадёт мне в руки — и вот оно принесено прямо ко мне! Сотворённое в древности зло действует многими путями вне зависимости от того, возвышается Саурон или терпит поражение. Так не будет ли благородным поступком забрать его Кольцо, отняв с помощью силы или страха у моего гостя?

И вот этот миг настал. Ты добровольно отдаёшь мне Кольцо! На место Чёрного Властелина ты хочешь посадить Властительницу! И при этом я не сделаюсь Чёрной Властительницей! Я буду грозной, как внезапная буря, прекрасной, как утро, и устрашающей, как ночь; влекущей и безжалостной, как море, ослепительной, как солнце в засуху и снег на горных вершинах; могучей и неборимой, как корни земли! Все будут любить меня и гибнуть от отчаяния!

Она подняла руку, и камень на кольце вдруг ярко вспыхнул, осветив её одну, а всё остальное погрузив во мрак. Она стояла перед Фродо неизмеримо высокая, невыносимо прекрасная, внушающая благоговейный трепет и устрашающе грозная. Хоббит невольно отшатнулся, но Галадриэль опять мелодично рассмеялась, уронила руку, камень померк, и Владычица словно бы сжалась: перед Фродо стояла стройная эльфийская дева в белых одеждах с мягким и печальным голосом.

— Я прошла испытание, — сказала она. — Я утрачу могущество, уйду за Море и останусь Галадриэлью.

Они долго молчали. Наконец Владычица произнесла:

— Пойдёмте! Завтра вы покинете Лориэн, ибо выбор сделан и течения судеб определены.

— Но сначала ответь мне, — попросил её Фродо, — на вопрос, который я не задал Гэндальфу: хотел спросить его в Раздоле, да всё не решался. Мне доверено главное из Великих Колец, почему же я не вижу других Хранителей и не знаю их тайных помыслов?

— Ты ведь не пытался увидеть и узнать, — ответила Владычица. — Лишь трижды надевал ты Кольцо на палец с тех пор, как узнал, чем обладаешь. Так не пытайся! Оно уничтожит тебя. Разве Гэндальф не говорил тебе, что это кольцо наделяет могуществом, соразмерным тому, кто им в данный момент владеет? Прежде, чем ты сумеешь воспользоваться его мощью, тебе придётся стать гораздо сильнее и научиться подчинять своей воле других. Но даже будучи просто Хранителем и тем, кто надевал его на палец и видел скрытое, ты стал удивительно прозорливым. Ты понял мои тайные мысли яснее, чем многие из тех, кто считается мудрым. Ты видел Глаз того, кто владеет Семью и Девятью. И разве ты не увидел и не узнал кольца на моём пальце? Скажи, ты заметил моё кольцо? — спросила Владычица, повернувшись к Сэму.

— Нет, госпожа, — ответил тот. — Сказать правду, так я вообще не понимаю, о чём вы тут с хозяином толкуете. Я видел звезду, сверкнувшую у тебя между пальцев. Но раз уж ты позволила мне говорить, то прошу вместе с хозяином: возьми ты у него это Вражье Кольцо! Тогда ты могла бы разом привести всё в порядок. Никто бы не посмел тогда разорять норку моего старика и выгонять его на улицу. Ты заставила бы кое-кого заплатить за свои грязные делишки!

— Да, заставила бы, — сказала Галадриэль. — С этого всегда начинается. Однако — увы! — никогда этим не ограничивается. Но довольно. Идёмте!

Глава VIII

Прощание с Лориэном

Этим вечером Хранителей снова призвали к Владыкам. После приветствий Келеборн сказал:

— Отряду Хранителей пора выступать. Перед вами снова открывается выбор. Те, кто решится продолжить поход, должны собраться с духом и завтра покинуть Лотлориэн. Те же, кто не хочет идти с Хранителем, вольны пока остаться здесь. Но уйдёте или останетесь, — вы не обретёте покоя, ибо мы подошли к роковой грани. Желающие могут подождать здесь до тех пор, пока не откроются вновь все дороги мира или пока мы не призовём их к последней защите Лориэна. Тогда они либо смогут вернуться в родные края, либо отправятся в вечную обитель павших в битве.

Воцарилось молчание.

— Они решили идти дальше, — глянув гостям в глаза, сказала Галадриэль.

— Что касается меня, — заявил Боромир, — то мой дом впереди, а не позади.

— Верно, — согласился Келеборн. — Но весь ли Отряд идёт с тобой в Минас Тирит?

— Мы ещё не решили, — ответил Владыке Арагорн. — Я не знаю, что собирался делать Гэндальф после Лориэна. По-моему, даже у него не было определённых планов на этот счёт.

— Возможно, — сказал Келеборн. — Но, когда вы покинете эту страну, вам неизбежно придётся решать, что делать с Великой Рекой. Как хорошо известно некоторым из вас, между Лориэном и Гондором пересечь Андуин, не потеряв поклажи, можно только на лодках. И разве мосты Осгилиата не разрушены и все причалы не захвачены Врагом?

По какому берегу вы пойдёте? Дорога в Минас Тирит лежит на этой, западной стороне, но для Хранителей прямой путь — по восточному, затемнённом берегу. Так какую сторону вы выбираете?

— Я бы посоветовал идти по западному берегу к Минас Тириту, — сказал Боромир. — Но Отряд веду не я.

Остальные промолчали. Арагорн явно колебался.

— Я вижу, вам ещё не ясен ваш путь, — сказал Келеборн. — И не мне его выбирать. Я помогу вам иначе. Среди вас есть те, кто умеет управляться с лодками — Леголас, чей народ привык к быстрой Лесной реке, Боромир из Гондора и следопыт Арагорн.

— И один из хоббитов! — воскликнул Мерри. — Не все из нас смотрят на лодки, как на необъезженных лошадей. Мой народ живёт у берегов Брендидуина.

— Прекрасно, — сказал Келеборн. — Я могу снабдить Отряд лориэнскими лодками. Они должны быть небольшими и лёгкими, поскольку, если вы спуститесь далеко по течению, то встретите места, где вам придётся нести их. Вас ждут пороги Сарн Гебира и, быть может, великий водопад Рэрос, где Река с рёвом низвергается с Нен Хитоэль; есть и другие опасности. Лодки на некоторое время облегчат ваш путь, однако не помогут вам выбрать направление. В конце концов вам придётся оставить Реку и свернуть на запад — или на восток.

Арагорн просто не знал, как благодарить Владыку Лориэна: он очень обрадовался лодкам, и не в последнюю очередь потому, что они позволяли на некоторое время отложить выбор пути. Остальные Хранители тоже приободрились. Какие бы опасности ни ждали их впереди, плыть навстречу им было всё-таки веселее, чем тащиться пешком, сгибаясь под ношей. Всеобщей радости не разделял лишь Сэм: он был уверен, что речные лодки гораздо хуже необъезженных лошадей, и пересматривать своё мнение у него не было никаких оснований, особенно если учесть, что им вообще довелось уже пережить за время пути.

— Мы приготовим лодки и походное снаряжение в гавани к завтрашнему полдню, — пообещал Келеборн. — Мои подданные помогут вам утром собраться. А пока доброй вам ночи и приятных снов.

— Доброй ночи, друзья! — сказала Галадриэль. — Спите спокойно! И не смущайте сегодня сердца мыслями о предстоящей дороге. Быть может, каждый из вас уже начал, не заметив этого, тот единственный путь, который предназначен ему судьбой. Доброй ночи!

Хранители вернулись в свой шатёр у фонтана — Леголас, поскольку это была последняя ночь в Лотлориэне, вместе с ними, — чтобы, несмотря на слова Галадриэли, устроить совет.

Долго и бурно обсуждали путники, что им делать и как лучше добираться с Кольцом до Роковой горы, но к окончательному решению так и не пришли. Было ясно, что большинству хотелось бы для начала зайти в Минас Тирит, чтобы хоть на время отложить ужасную необходимость встречи с Врагом. Впрочем, они без колебаний переправились бы через Реку и вошли в тени Мордора, но Фродо молчал, а Арагорн всё ещё утопал в сомнениях.

Пока Гэндальф был с ними, он намеревался уйти вместе с Боромиром, чтобы послужить своим мечом Гондору, поскольку не сомневался в том, что пророческие сны, виденные

Боромиром и его братом, призывают его, наследника Элендила, выйти на битву с Сауроном. Но Гэндальф сгинул, и ноша его легла на плечи Арагорна: он понимал, что не имеет права забыть о Кольце, если Фродо всё-таки откажется под конец идти с Боромиром. Но, с другой стороны, чем он или любой из Отряда помогут хоббиту, слепо нырнув под завесу Тьмы?

— Я иду в Минас Тирит; если придётся, то один, ибо это мой долг, — заключил Боромир и надолго замолчал, не сводя пристального взгляда с Фродо, словно пытался прочесть его мысли. Потом опустил глаза и раздумчиво, словно бы рассуждал сам с собой, продолжил: — Если вы хотите всего лишь уничтожить Кольцо, то битвы и оружие бесполезны, и люди Минас Тирита ничем не смогут помочь. Но если вы хотите сокрушить военную мощь Чёрного Властелина, то глупо соваться без войска в его владения и глупо жертвовать... — Боромир запнулся, словно вдруг понял, что говорит вслух, и закончил —...жертвовать жизнью. Это же выбор между надёжной защитой и путешествием прямо в руки смерти! Во всяком случае, таково моё мнение.

Фродо уловил во взгляде Боромира что-то новое и странное и в упор посмотрел на него. Ясно, что мысль Боромира не соответствовала его заключительным словам. Глупо жертвовать... чем? Кольцом Всевластия? Нечто подобное он уже говорил на Совете, но тогда выслушал разъяснение Элронда и согласился с ним. Фродо перевёл взгляд на Арагорна, но тот, погружённый в собственные мысли, видимо, просто не обратил внимания на слова Боромира. На этом их совещание и кончилось. Мерри с Пином давно уже спали; Сэм сонно кивал головой; в воздухе ощущался покой глубокой ночи. Фродо забрался под одеяло и уснул.

Утром, когда Хранители принялись собирать свои скудные пожитки, к их шатру пришли эльфы, знающие всеобщий язык, и принесли изрядные запасы продовольствия и одежду. Дорожные припасы были в основном в форме очень тонких лепёшек из пресного теста, снаружи золотисто-коричневых, а на изломе кремовых. Гимли взял одну лепёшку и с сомнением повертел её в пальцах.

— Галеты, — пробормотал он, отломил кусочек, положил в рот... Выражение его лица немедленно изменилось, и гном в одно мгновение сжевал всю лепёшку.

— Хватит, хватит! — со смехом закричали эльфы. — Ты и так съел достаточно, чтобы шагать день напролёт до самого вечера!

— А я думал, что это просто галеты, типа сухарника, который пекут жители Дола для путешествий в глуши, — удивлённо заметил Гимли.

— Так оно и есть, — ответили эльфы. — Но мы называем их лембас, или дорожным хлебом. Они гораздо лучше поддерживают силы, чем любая еда, изготовленная людьми, и уж во всяком случае, вкуснее сухарника.

— Кто бы спорил! — согласился гном. — Да они гораздо вкуснее даже медовых кексов беорнингов, а это говорит о многом, потому что пекарей, лучше беорнингов, пожалуй, и не найти. Но в наши дни они не очень-то охотно снабжают путников своими изделиями. Вы очень радушные хозяева!

— Тем не менее, обращайтесь с лембас поэкономнее, — посоветовали эльфы. — Ешьте их понемногу и только в крайней нужде, ибо они даны вам на чёрный день. Если их не ломать и не вынимать из листовых обёрток, в которых мы принесли их, они останутся свежими даже через месяцы пути. Одной лепёшки достаточно, чтобы сохранить силы путнику в течение целого дня тяжёлой дороги, даже если этот путник — высокий человек из Минас Тирита.

Затем эльфы развернули и вручили каждому Хранителю по плащу и капюшону, сшитому точно по их мерке из лёгкой, но тёплой шелковистой ткани. Трудно было сказать, какого она цвета: серая, как прозрачные сумерки под деревьями, при малейшем движении и смене освещения она переливалась разными оттенками: то зеленела, как густая листва, то темнела, как

травы осенних полей под ночным небом, то тускло серебрилась, как вода под звёздами. Плащи застёгивались на шее брошью в форме зелёного листа с серебряными жилками.

— А эти плащи — волшебные? — спросил Пин, восхищённо разглядывая свой.

— Мы не понимаем, что значит "волшебные", — ответил хоббиту один из эльфов. — Они красивы, да и ткань хороша, поскольку соткана в Лориэне. Во всяком случае, они совершенно точно эльфийские, если ты имел в виду именно это. Вода и воздух, земля и камни, деревья и травы Благословенного Края отдали им переливчатые краски, мягкость и красоту, прочность и вековечность, ибо всё, что окружает эльфов, оживает в изделиях их мастеров. Плащи — одежда воинов и разведчиков, но именно одежда, а не доспехи: от стрел или копий они не спасут. Зато защитят от холода и дождя, прикроют в жару от палящего солнца и скроют в походе от вражеских глаз. Вы удостоились особой милости Владычицы, ибо ткут эту ткань она сама и её девушки, и доселе ни один чужестранец не получал в подарок лориэнской одежды.

После завтрака Хранители простились с лужайкой у фонтана, с шатром и с самим фонтаном. На сердце у них было тяжело, потому что они успели привыкнуть к этому месту, как к дому, — хотя не сумели бы вспомнить, сколько дней и ночей им довелось тут прожить. Постояв у фонтана и полюбовавшись напоследок на его белопенную струю, они отвернулись и увидели Халдира, который шёл к ним по зелёной траве лужайки. Фродо очень обрадовался знакомцу.

— Я вернулся с северной границы, — сказал эльф, — потому что меня опять назначили вашим проводником. Долина Темноречья застлана парами и клубами дыма, горы тяжело содрогаются, а земные недра гудят. Если кто-нибудь из вас думал уйти домой к северу, он не смог бы этого сделать. Но сейчас ваш путь лежит на юг. Идёмте!

Зелёные тропинки Карас Галадона были пусты, но кроны деревьев звенели голосами эльфов. Путники молча спустились вслед за Халдиром по южным склонам холма, миновали украшенные фонариками главные ворота, белый мост и навеки оставили эльфийский город. Затем они свернули с мощёной дороги на тропу, петлявшую сквозь густые мэллорновые заросли, и пошли под пышными колышущимися кронами меж серебристых стволов под уклон, к юго-востоку, к берегам Великой Реки.

Путники прошли около десяти миль, и утро уже близилось к полудню, когда показалась высокая зелёная стена. Выйдя из прохода в ней, Отряд внезапно очутился на открытом пространстве. Впереди лежал луг с изумрудной травой, усеянной золотыми звёздочками эланор, которые словно лучились под солнцем. Луг узкой косой сбежал к месту встречи двух потоков: справа, с запада, мерцала на бегу Серебрянка, слева, с востока, мощно катил свои глубокие и тёмные воды Андуин. На противоположных берегах обеих рек тоже были леса, уходившие за южный горизонт, но все деревья там были тёмными и голыми. Ни один мэллорн не вздымал своих увенчанных золотом сучьев за пределами Благословенного Края.

На берегу Серебрянки, неподалёку от её устья, была низкая белокаменная пристань; у причала теснились многочисленные лодки и плоты. Некоторые из них были ярко расписаны, отливали серебром, золотом и малахитом, но большинство — просто белые или светло-серые. Для путников приготовили три небольшие серые лодочки, их-то эльфы и загрузили припасами, а среди всего прочего добавили бухты верёвок. По три в каждую лодку. Верёвки выглядели тонкими, но прочными, серыми, точно эльфийские плащи, а на ощупь шелковистыми.

— Что это? — спросил Сэм, потрогав бухту, которая ещё лежала на траве.

— Верёвка, конечно! — ответил ему эльф, стоявший в лодке. — Никогда не пускайся в путешествие без верёвки — длинной, прочной и лёгкой, как эти. Они не единожды вам пригодятся.

— А то я не знаю! — воскликнул Сэм. — Мы вот ушли из Раздола без верёвки, так я клял себя до самого Лориэна. Мне просто интересно, из чего они сделаны. Я ведь немного понимаю в верёвках: это у нас, так сказать, фамильное.

— Они сделаны из хислэйна, — сказал эльф, — но сейчас некогда наставлять тебя в искусстве их плетения. Знай мы раньше, что это занятие доставляет тебе удовольствие, мы обучили бы тебя многому. А теперь, увы! Если только ты не вернёшься сюда когда-нибудь вновь, придётся тебе обойтись готовыми. Пусть они хорошо послужат тебе!

— Всё готово! — объявил Халдир. — Можете отчаливать. Только не торопитесь выходить в Великую Реку. Сначала вам надо освоиться с лодками!

— Да-да, будьте осторожны, друзья, — поддержали Халдира другие эльфы. — Это лёгкие, своенравные лодочки, совсем непохожие на лодки, изготовленные другими народами. Они не утонут, как их ни нагружай, но при неумелом обращении могут и перевернуться. Прежде чем отплывать, поучитесь заходить в них и выходить обратно у причала!

Хранители расселись по лодкам — в одну Арагорн, Фродо и Сэм, в другую Боромир, Мерри и Пин, а в третью Леголас и Гимли; к ним погрузили большую часть багажа.

На дне лодочек лежали вёсла с лопастями в форме широкого листа. Арагорн оттолкнулся веслом от причала и пошёл для пробы вверх по реке; за ним поплыли остальные. Течение было быстрым, и лодки продвигались довольно медленно. Сэм устроился на передней банке и, вцепившись обеими руками в борта, с тоской смотрел на берег. Серебрянка ослепительно искрилась под солнцем, порой мимо лодки проплывал к Андуну чуть-чуть притонувший золотой лист. Вскоре путники миновали косу, и над ними сомкнулся полог листвы; воздух был неподвижен, но удивительно свеж и прохладен; тишину нарушала лишь доносящаяся откуда-то издалека песня жаворонка.

Река сделала крутой поворот, и вдруг навстречу Хранителям стремительно выплыл громадный лебедь с гордо изогнутой белоснежной шеей, янтарными глазами, сверкающим золотым клювом и слегка приподнятыми крыльями. Над водой поплыла мелодичная музыка, и, когда невиданная птица приблизилась, путники поняли, что это лодка, с изумительным искусством сработанная эльфами, — издали лебедь казался живым, хотя и был неестественно огромным. Два гребца в белом слаженно работали чёрными вёслами. В лодке сидел Владыка Лориэна, а за ним стояла Галадриэль, высокая и стройная, в белоснежных одеждах и венком из золотых звёздочек эланор в волосах, и пела, негромко аккомпанируя себе на арфе. Печально и мелодично разносился её голос в свежем прозрачном воздухе:

О листве я пела, листве золотой, и росла листва золотая;
О ветре я пела, и ветер слетал, тихо кроны качая.
Дальше Солнца и дальше Луны пенилось вечное Море,
У берега светлого Илмарин Древо росло Золотое.
У стен Тириона сияло оно в ночи Эльдамара ясной,
Под звёздами Эльдамара цвело, в эльфов стране прекрасной.
Здесь, под покровом листвы золотой, бессчётные годы ветвятся,
От Светозарных морей далеко слёзы эльфов струятся.
О Лориэн! Приходит Зима, день, похожий на Ночь,
И листва облетит прямо в быстрый поток, и Река унесёт её прочь.
О Лориэн! Слишком долго жила я на берегах Средиземья
И нестойкими звёздочками эланор венка украшала плетенье.
Но если спою я о корабле, какой корабль приплывёт?

Какой корабль через Море меня навеки назад унесёт?

Лодка Владык подошла к лодке Арагорна, и тот остановился. Владычица окончила песню и приветствовала Хранителей.

— Мы приплыли, чтобы пожелать вам удачи на вашем опасном и трудном пути, — сказала Галадриэль.

— Вы долго гостили у нас, — добавил Келеборн, — но так уж случилось, что мы ни разу не разделили трапезы, потому мы приглашаем вас на прощальный пир здесь, на берегу двух потоков, что унесут вас далеко от Лориэна.

Лебедь медленно подошёл к причалу. Хранители развернули свои лодки и последовали за ним. И вот, на краю Эгладила, что на всеобщем языке значит Язык, в конце узкой косы, покрытой изумрудной травой, они последний раз пообедали в Благословенном Краю, но Фродо почти не притронулся к еде. Он смотрел лишь на Владычицу эльфов, слушал её голос. Теперь Галадриэль не казалась могущественной и грозной, исполненной тайной силы. Она неожиданно представилась хоббиту (как и всем, кто сталкивается с эльфами сейчас) прекрасной, но отстранённой, живым видением того, что уже навеки унесено в прошлое безостановочным потоком Времени.

После того, как они поели, сидя на траве, Келеборн снова заговорил о предстоящем путешествии.

— Спустившись по течению, — сказал он, указав рукой на юг, — вы увидите, что лес кончился, и дальше поплывёте мимо голых берегов. Многие лиги Река течёт в каменистой долине среди вересковых пустошей вплоть до высокого скалистого острова Тиндрок, который мы называем Тол Брандиром. Об его отвесный утёс разбивается она на два рукава, срываясь затем разъярённым водопадом Рэрос в низины Ниндальф, которые на вашем языке зовутся Мокропоймьем. Там она разбивается на извилистые русла меж болотистых топей и в виде столь же многочисленных потоков принимает в себя течение Энтрицы, начало которой даёт Лес Фангорна на западе. За Энтрицей по западному берегу Великой Реки лежит Рохан, а на противоположном берегу высится тёмное взгорье Эмин Муил. Ветер всегда дует там с востока, потому что оно смотрит через Гиблые Болота и Ничейные земли на Гирит Горгор и чёрные ворота Мордора.

Боромиру и тем, кто пойдёт с ним в Минас Тирит, лучше распрощаться с Великой Рекой до Рэроса и перейти Энтрицу выше болот. Но не заходите слишком далеко вверх по течению, не рискуйте вступить в Лес Фангорна, ибо это странный край, почти неведомый ныне. Впрочем, ни Боромир, ни Арагорн, несомненно, не нуждаются в этом предостережении.

— Мы в Минас Тирите, разумеется, слышали о Фангорне, — вставил Боромир. — Но то, что я знаю, кажется мне по большей части бабушкиными сказками, наподобие тех, какие мы рассказываем детям. Всё, что лежит к северу от Рохана, так далеко от нас в эти дни, что фантазии позволено гулять там беспрепятственно. В древности Фангорн лежал у границ нашего королевства, но уже много поколений людей ни один гондорец там не был, чтобы подтвердить или опровергнуть легенды, дошедшие к нам из глубины веков.

Мне доводилось бывать в Рохане, но я никогда не пересекал его в северном направлении. Отправившись в качестве гонца, я прошёл через Ущелье у края Белых Гор, переправился через Скальток, а дальше к северу — Сивоч. Это был долгий и утомительный путь в четыре сотни лиг, который занял у меня не один месяц, потому что я потерял своего коня у Тарбада при переправе через Сивоч. После такого путешествия и того пути, что я проделал с Отрядом, не сомневаюсь,

что я найду дорогу через Рохан, и Фангорн тоже, если понадобится.

— Тогда мне не нужно ничего добавлять, — сказал Келеборн. — Но не отмахивайся от знаний, что дошли из глубин веков, ибо часто бабушки хранят в памяти такое, без чего некогда было не просто обойтись даже мудрецам.

Взяв из рук одной из своих дев чашу, Галадриэль встала, наполнила её белым мёдом, протянула Келеборну и торжественно произнесла:

— Пришло время для прощальной чары. Пей, Владыка Лориэна! И не печалься, хоть за полднем неизбежно следует ночь и наш вечер уже близок.

Затем со словами прощания она подала чашу каждому из Отряда. Но, когда они отпили, Владычица велела Хранителям снова сесть на траву. А для Владык принесли стулья.

Некоторое время Галадриэль, окружённая своими девами, молча смотрела на гостей, потом заговорила:

— Мы распили прощальную чашу, и между нами уже легла тень разлуки. Но прежде чем вы покинете Лориэн, примите прощальные подарки его Владык.

Вот дар Келеборна и Галадриэли предводителю Отряда Хранителей, — сказала она Арагорну и подала ему ножны, изготовленные для меча Элендила. По ним бежал узор золотых и серебряных цветов и листьев и вязь эльфийских рун, самоцветными вспышками образующих имя Андрил и рассказывающих историю меча.

— Клинок, извлечённый из этих ножен, — продолжила Галадриэль, — не может сломаться или затупиться даже в час поражения. Но есть ли ещё что-нибудь, что ты желал бы получить от меня на прощание? Ибо скоро завеса тьмы ляжет между нами и, быть может, мы не встретимся вновь под этим солнцем, а только на дальнем пути, что не имеет возврата.

И Арагорн ответил:

— Владычица, вам известны мои чаяния, и долго хранили вы то единственное сокровище, о котором я мечтаю. Но не в вашей власти вручить его мне, и к исполнению моего желания приведёт меня лишь мой собственный путь, путь сквозь тьму.

— Однако быть может, тебя обрадует вот этот дар, — сказала Галадриэль. — Ибо он был вверен мне, чтобы вручить тебе, когда твой путь ляжет через эту страну.

И она подняла с колен большой прозрачно-зелёный камень в форме броши, оправленной в серебро: орёл с распростёртыми крыльями. Владычица протянула брошь Арагорну, и камень вспыхнул, как солнце, просвечивающее сквозь молодую листву.

— Этот камень я дала Келебрайне, своей дочери, а та — своей, но отныне он переходит тебе, как символ надежды. Прими же в этот час имя, предначертанное тебе: Элессар, Эльфийский Камень из колена Элендила!

И Арагорн поклонился, и принял брошь, и приколот на грудь; и все вдруг заметили его поистине королевский облик: он сбросил с плеч, как почудилось Фродо, тяжёлый груз многолетних скитаний.

— Благодарю тебя за этот бесценный дар, — сказал он, — о, Владычица Лориэна, давшая жизнь Келебрайне и Арвен Андомиэль. Какую хвалу я мог бы произнести, выше этой?

В ответ Владычица молча склонила голову. Затем она обратилась к Боромиру и вручила ему золотой пояс; Мерри и Пину — маленькие серебряные пояса с пряжками в форме золотого цветка; Леголас получил лориэнский лук, более упругий и мощный, чем лихолесские, с тетивой из волос эльфов, и колчан со стрелами.

— А для тебя, мой милый садовник и любитель деревьев, — ласково сказала Владычица Сэму, — у меня приготовлен лишь скромный подарок. — Она протянула хоббиту светло-серую деревянную коробочку с единственной серебряной руной, выгравированной на крышке. — Это

руна "Г", то есть, Галадриэль, — объяснила Владычица, — а в коробочку я положила немного земли из моего сада с тем благословением, какое ещё в силах дать. Она не убережёт тебя в пути, не защитит от опасностей, но если ты сохранишь её и когда-нибудь снова увидишь свой дом, то рассыпь эту землю в своём саду — пусть даже давно разорённом и опустошённом — и он расцветёт пышнее многих самых ухоженных садов Средиземья. Тогда, быть может, тебе вспомнятся Галадриэль и далёкий Лориэн, который ты видел лишь зимой, ибо наши весна и лето давно миновали.

Сэм покраснел до кончиков ушей и, бормоча неуклюжие слова благодарности, низко поклонился Владычице эльфов.

— Осталось узнать, — сказала Галадриэль, — какой подарок в память об эльфах было бы приятно получить гному.

— Никакого, Владычица, — отозвался Гимли. — Мне довольно того, что я видел собственными глазами Владычицу Лориэна и слышал её милостивые слова.

— Слушайте вы, эльфы! — воскликнула Галадриэль, обращаясь к своей свите. — Пусть никто отныне не говорит, что гномы — угрюмые корыстолюбцы! Неужели нет ничего, что ты хотел бы получить от меня Гимли, сын Глоина? Назови это, я приказываю! Мы не отпустим тебя без подарка.

— Я ничего не прошу, Владычица, — поклонившись, ответил ей гном, ненадолго замялся, но потом набрался храбрости и закончил. — Но если мне будет дозволено попросить... нет! лишь назвать прядь твоих волос, которая столь же превосходит золото, как блеск звёзд превосходит драгоценные камни, добытые в шахте. Я не прошу о подобном даре. Но ты приказала мне назвать его.

Послышалось возбуждённое перешёптывание эльфов, а Келеборн в изумлении уставился на гнома, но Владычица улыбнулась:

— Говорят, что мастерство гномов таится в их руках, не в языках. Однако по отношению к Гимли это неверно. Ибо ещё никто не обращался ко мне с просьбой одновременно столь дерзостной и столь учтивой. Как могу я отказать, если сама велела ему говорить? Но что же ты сделал бы с этим подарком?

— Хранил бы его, как великую драгоценность, — не задумавшись, ответил Владычице гном, — в память о твоих словах в нашу первую встречу. А если я когда-нибудь вернусь домой к своей наковальне, то положу её в чистейший алмаз и сделаю фамильным наследием моего рода и залогом дружбы между Горой и Лесом до скончания дней.

И Владычица расплела одну из своих прядей, отрезала три золотых волоска и, вложив их в руку Гимли, сказала:

— Я ничего не хочу предрекать, ибо на одной чаше весов лежит тьма, а на другой лишь надежда. Но если надежда не окажется тщетной, вот что скажу я тебе, Гимли, сын Глоина: твои руки будут полны золотом, однако ты никогда не попадёшь под его власть.

— А тебя, Хранитель Кольца, — продолжила Галадриэль, обратившись к Фродо, — я одариваю последним, хоть ты и не последний в моих мыслях. Для тебя я приготовила вот это. — Она протянула хоббиту небольшой хрустальный сосуд, блеснувший в её руке белым светом. — В этом фиале, — объяснила она, — вода из моего фонтана, пронизанная лучами звезды Эрендила. Он будет сиять тем ярче, чем чернее вокруг тебя ночь. Да будет он светом для тебя там, где гаснут все другие огни. Вспомни тогда Галадриэль и её Зеркало!

Фродо принял фиал, и на тот миг, пока он сиял между ними, Владычица снова предстала перед ним в облике королевы, величавой и прекрасной, но уже не грозной. Он поклонился, но ничего не сказал: нужных слов ему в голову не пришло.

Галадриэль встала, и Хранители последовали вслед за Келеборном к причалу. На зелёных лугах Эгладила лежал золотой полдень, вода отливала серебром. Всё было готово. Путники разделились, как в первый раз, когда решили испробовать лодки; эльфы оттолкнули их шестами от берега, и покрытые рябью воды медленно понесли их прочь. Хранители сидели молча и неподвижно. На изумрудном берегу на самой оконечности косы молча стояла Владычица Лориэна, и Хранители смотрели, как она медленно уплывает от них вдаль. Ибо им казалось, что это Лориэн, как могучий златопарусный корабль, уносится от них к забытым берегам, тогда как они сами беспомощно сидят на краю серого и безжизненного мира.

За косой величественно хмурый Андуин принял прозрачные струи Серебрянки; лодки развернуло и быстро понесло к югу. Вскоре светлая фигурка Галадриэли стала маленькой и чуть заметной чёрточкой, светящейся искоркой в ладонях рек, словно окошко, горящее в лучах заходящего солнца на дальнем холме или озере, увиденное с горной вершины. Фродо почудилось, что искра вдруг вспыхнула — это Галадриэль вскинула руки в последнем прощании, — а потом попутный ветер донёс до них песню, едва различимую, и всё-таки звонкую. Но теперь Владычица пела на древнем языке заморских Эльфов, и Фродо не понял слов. Мелодия была прекрасной, но разбередившей душу хоббита. Незнакомые слова словно впечатались в его память, и, спустя много времени, он попытался хотя бы примерно перевести их (наречие было эльфийско-былинным, да и речь шла о вещах, мало известных в Средиземье):

Аи! Лауриё лантар ласси сариннен,
йени аотимё ве рамар алдарон!
йен иве линтё юлдар аваньер
ми оромарди лиссе-мируворева
Анданё пелла, Варда теллумар
ну льюни яссен тинтилар и елени
омарйо айретари-лиринен.
Си ман и юлма нин энквантува?
Ан си Тинталлё Варда ойолоссёо
ве фаньяр марьят Элентари ортанё,
ар ильё тиер ундуларвё лумбулё;
ар синданориелло каёта мормиё
и фабналиннар имбё мет, ар хисиё
унтапа Калакирьо мири ойалё.
Си ванва на, Ромелло ванва, Валимар!
Намариё! Наи хирувалиё Валимар.
На и элиё хирува. Намариё!

"О! Облетает листва, как дождь золотой, дождём под ветром слетает! И бессчётны, как крылья деревьев, годы. Годы летят, подобно глоткам ароматного светлого мёда в залах за Запада краем, где Варды свод голубеет, где голос её королевский в песне священной звёзды дрожать заставляет. Но кто же, кто наполнит мне кубок сегодня? Ибо Горящая, Варда, Звёзд Королева, ныне руки свои, облака, с Вечнобелой горы поднимает, и покрыла тень все пути, все дороги. Тьма из Чёрной страны лежит на пенных валах, что меж нами, и мглою сокрыты алмазы Калакирии навеки. О Валимар! Ты утрачен, утрачен для тех, кто с Востока, сегодня. Так прощай же! Прощай! Ты Валимар отыщешь, быть может. Может быть, именно ты отыщешь его. Так прощай же!"

Варда — имя Владычицы, которую эльфы Средиземья, страны изгнания, зовут Элберет.

Неожиданно Андуйн свернул к востоку, и высокий, поросший деревьями берег скрыл от Фродо Благословенный Край. Больше он там никогда не был.

Передышка оборвалась, как дивный сон. Путешественники плыли на юго-восток. Отражающееся в реке солнце слепило их наполненные слезами глаза. Гимли плакал, ничуть не таясь.

— Я кинул последний взгляд на самое прекрасное в мире, — печально сказал он сидевшему за ним Леголасу. — Теперь я уже ничто не назову прекрасным, кроме её дара.

С этими словами он прижал руку к груди.

— Скажи мне, Леголас, ну зачем я решился на этот поход? — вытирая слёзы, заговорил гном снова. — Ведь про главную-то опасность я, оказывается, не знал! Прав был Элронд, сказав, что никому не известно, какие испытания встретятся нам на пути. Я боялся мучений во Тьме, но этот страх меня не остановил. Но если б я знал, какая опасность таится в свете и радости, то ещё из Раздола ушёл бы домой. Потому что, поймай меня завтра же Враг, муки горше, чем сегодняшнее прощание, ему не придумать. Горе Гимли, сыну Глоина!

— Нет! — возразил Леголас. — Горе всем нам! И всем, кто бродит по миру в эти последние дни. Ибо каждый из нас обречён находить и терять, как плывущие в лодке без вёсел по течению. Но тебе ещё повезло, Гимли, сын Глоина, ибо ты добровольно согласился потерять то, что теряешь, хотя мог решить и иначе. Однако ты не покинул товарищей, и наименьшей наградой за твой выбор послужит тебе немеркнущая память о Лотлориэне, которая навсегда останется в твоём сердце чистой и незапятнанной.

— Память? — с сомнением переспросил Гимли. — Спасибо тебе за добрые слова, но память — слишком холодное утешение. Ведь память — лишь зеркало ушедшей жизни, будь даже оно чисто, как Келед-зарам. Во всяком случае, так говорит сердце гнома Гимли. Возможно, эльфы смотрят на это несколько иначе. Я слышал, что для вас воспоминания — как живая жизнь. У гномов не так, ибо для нас они не более, чем сон.

Впрочем, хватит себя травить. Разговорами горю не поможешь... и ледяной ванной, между прочим, тоже. Лодка и так перегружена, а нас вон вынесло на самую стремнину. — Гном сел поудобнее, взялся за вёсла и начал выгребать к западному берегу — туда, где виднелась лодка Арагорна.

Могучие, тёмные воды Андуйна быстро уносили Хранителей. Здесь безраздельно властвовала зима. По берегам теснились голые деревья, заслоняя от путников приречные земли. Тёплый ветер из Лориэна утих, и Андуйн окутала стылая тишина. Не было слышно даже щебета птиц. Солнце подёрнулось туманной дымкой, которая всё густела и густела, пока оно не начало просвечивать через неё, как бледная жемчужина, а потом и вовсе село за лесом, и на реку пали промозглые сумерки, сменившиеся вскоре беззвёздной ночью. Путники плыли у левого берега; голые деревья, словно серые призраки, жадно тянули узловатые корни к чёрной, глухо плещущейся воде. Мрачно, холодно. Фродо сидел и слушал тихий плеск и бормотание среди корней и прибрежного топляка речных вод, затем устало закрыл глаза, и его сморила беспокойная дрема.

Глава IX

Великая река

Разбудил его Сэм. Проснулся Фродо тепло укутанным под высоким деревом с серой корой

в укромном уголке лесной поляны на западном берегу Великой Реки, Андуина. Он проспал всю ночь напролёт: меж голых сучьев уже занималось холодное серое утро. Неподалёку Гимли разводил костерок.

Прежде чем окончательно рассвело, они уже тронулись в путь; однако грести никому не хотелось, и лодки спокойно плыли по течению. Впереди, куда бы они ни свернули, путников ждали великие опасности; они были рады, что Тиндрок и Рэрос далеко, и отнюдь не спешили до них добраться. Зато они совсем не тратили сил, и Арагорн решил, что не будет их торопить. Он лишь следил, чтобы они плыли весь день, с раннего утра до позднего вечера, ибо чувствовал, что время не терпит, и опасался, что Чёрный Властелин не сидел, сложа руки, пока они отдыхали в Лориэне.

Как бы там ни было, но в этот день о врагах не было ни слуху, ни духу, на следующий — тоже. Монотонно тянулись унылые серые часы. На третий день берега стали меняться. Леса постепенно редели, а потом и вовсе исчезли. Восточный берег взбугрился холмами, которые простирались до самого горизонта — бесформенные, бурые и совершенно безжизненные, словно по ним прошёлся огонь, не оставив после себя ни одной живой травинки, ни обугленного пенёка, ни даже скалы, чтоб отдохнуть глазу. Путники приплыли к Бурым равнинам, тянувшимся вдоль Андуина от Южного Лихолесья до Эмин Муила. Какая чума, война или иное злодеяние Врага опалило так эти земли, не знал даже Арагорн.

Пологий западный берег, тоже безлесный, закрывали густые заросли камыша — его фиолетово-чёрные метёлки шелестели на ветру печально и глухо, а маленькие лодочки с шорохом скользили вдоль колеблющихся стеблей. Когда стена камыша обрывалась, Фродо видел просторные луга, покрытые густой и высокой травой, упиравшиеся где-то далеко в освещённые закатным солнцем холмы, а совсем на горизонте — едва различимую тёмную полосу: южные отроги Мглистых гор.

В камышах слышались птичьи голоса; пару раз до ушей путников доносилось напряжённое хлопанье лебединых крыльев, а однажды над ними пронёсся большой косяк.

— Лебеди! — воскликнул Сэм. — Ну и здоровущие!

— Да, — подтвердил Арагорн, — это чёрные лебеди.

— До чего же пустынный и угрюмый край, — сказал Фродо. — Я всегда думал, что чем дальше к югу, тем теплее и веселее становится вокруг, пока в один прекрасный момент зима вообще навсегда остаётся позади.

— Но мы пока ещё не на юге, — ответил ему Арагорн. — До моря далеко, и сейчас зима. До весны — кстати, она здесь очень дружная — тепла ждать нечего. А в это время здесь даже снег может выпасть. Быть может, в заливе Дивногорья, куда впадает Андуин, сейчас тепло и весело, или было бы весело, если бы не Враг. Но мы-то пока не более чем на шестьдесят лиг южнее Ширы, точнее, его Южного удела, который остался в сотнях миль к западу. Ты видишь сейчас северные равнины Ристании, или Рохана, герцогства Повелителей лошадей. Вскоре мы достигнем устья Кристалимки, текущей от Фангорна к Великой Реке. По ней проходит северная граница Рохана, и в древности все земли между Кристалимкой и Белыми горами принадлежали рохирримцам. Это удобный, плодородный край с несравненными травами, но в наше трудное время никто не рискует селиться рядом с Великой Рекой или появляться часто на её берегах. Андуин широк, но орки посылают свои стрелы даже с того берега, а в последнее время, говорят, обнаглели настолько, что переправляются через реку и угоняют табуны и домашний скот.

Сэм с беспокойством огляделся по сторонам. Раньше, когда они плыли через лес, ему казалось, что за деревьями постоянно таится опасность; ну а теперь, на открытых просторах, в маленькой лодочке посреди реки, разделяющей враждующие стороны, он чувствовал себя совсем незащищённым.

За следующий день или два, пока они неуклонно плыли к югу, это чувство неуверенности передалось всем Хранителям. Они взялись наконец за вёсла и поспешили вперёд. Берега неслись мимо. Вскоре русло Андуина расширилось и обмелело; у восточного берега появились протяжённые, усыпанные галькой отмели; у западного берега они тоже то и дело встречались, так что грести приходилось осторожно. Холмы Бурых равнин поднялись, слившись в ровное чёрное нагорье, с которого постоянно тянул пронзительный восточный ветер. Западный берег превратился в кочковатую заболоченную низину, поросшую пучками жёсткой травы.

Во всех трёх лодках воцарилось молчание, не нарушаемое ни разговорами, ни смехом. Путники почти не общались друг с другом — каждый был погружён в собственные мысли. Фродо, зябко ёжась, вспоминал лужайки, фонтаны, ясное солнце и освежающие дождики Лотлориэна. Леголас мысленно перенёсся на север: ему представлялись лесные поляны, буки и летние звёзды над Лихолесьем. Гимли прикидывал, достойно ли золото служить временным вместилищем для дара Владычицы, пока не найдётся подходящий алмаз. Мерри с Пином в средней лодке изнывали от безделья и пытались понять, какие заботы одолевают их спутника, — Боромир грыз ногти, что-то бормотал, а иногда подгребался к лодке Арагорна и вглядывался в Фродо, и тогда Пин, сидевший на носу лицом к корме, замечал в его глазах странный блеск. Сэм думал, что лодки, по счастью, оказались не такими опасными, как ему внушали с детства, но удобства им это нисколько не прибавляет. Скрюченный и несчастный, он сидел и таращился то на воду, то на уныло-однообразные берега, — Арагорн даже вёсел ему не доверял.

Заканчивался четвёртый день их плавания. Наползали серые сумерки. Сэм, как обычно, сидел на носу, устало сгорбившись и поглядывая через склонённые головы Фродо и Арагорна на плывущие сзади лодки. Ему не терпелось выбраться на сушу, чтобы ощутить под ногами твёрдую землю. Внезапно он выпрямился, протёр глаза и уставился на большое бревно, которое медленно плыло за лодками. Потом его взгляд скользнул по берегу, и он опять дремотно притих.

В эту ночь они остановились на островке неподалёку от западного берега Реки. После ужина, уютно закутавшись в одеяло, Сэм сказал Фродо:

— Сегодня, часа этак за два до привала, мне пригрезился забавный сон. А может, и не сон. Но что забавный, так точно.

— Ну, и какой же? — отозвался Фродо, зная, что Сэм всё равно не утомонится, пока не расскажет свою историю до конца. — Признаться, с тех пор, как мы покинули Лориэн, мне не встретилось и не вспомнилось ничего такого, что заставило бы меня улыбнуться.

— Да не в том смысле забавный, мистер Фродо, а скорее чудной. А если не сон, так и вовсе подозрительное что-то. Вы лучше сами послушайте. Короче говоря, увидел я бревно, да не просто бревно, а бревно с глазами!

— Ну, бревно, это ладно, — сказал Фродо. — Брёвен в Реке много. Но насчёт глаз — это ты брось. Брёвен с глазами не бывает.

— Ан, бывает, — упёрся Сэм. — Глаза-то меня как раз, так сказать, и встряхнули. Я тоже сначала думал: бревно себе и бревно, плывёт спокойно за Гимлиной лодкой. Да ещё и сумерки тут, особо не видно. Я на него и не глядел почти. А оно вдруг принялось медленно нас нагонять. Ну, это уже было странно: мы же, вроде, тоже скользили по течению. Тогда-то я и увидел глаза: два таких бледных светящихся пятнышка на бугорке у самого комля. А потом смотрю — это и не бревно вовсе, потому как лапы у него, как у лебедя, только больше, и оно этими лапами гребёт. Ну, я выпрямился, да глаза стал тереть: думаю, если не примерещилось, так кричать пора. Потому как это не пойми что так разогналось, что вот-вот в Гимлину лодку стукнется. Но

то ли глаза заметили, как я пошевелился, то ли я проснулся, — чего не скажу, того не скажу. Правда, я, кажется, уловил краем глаза, как на берег метнулось что-то тёмное. А глаз как не бывало. Ну, я и говорю себе, мол, спи дальше, Сэм Скромби, и не дёргайся. Это тогда; а сейчас вот подумал, а вдруг это не сон? Ну, что скажете, мистер Фродо?

— Я бы сказал, что это просто бревно, сумерки и дремота, Сэм, — задумчиво проговорил Фродо, — если бы похожие глаза не появлялись раньше. Я видел их в Мории, и по дороге к Лориэну, а потом существо с такими же глазами карабкалось к нам на мэллорн. Халдир его тоже видел. А помнишь, что говорили эльфы, которые преследовали орков?

— То-то и оно, что помню, — ответил Сэм. — И ещё кое-что помню. Рассказы мистера Бильбо, например. Так что я тут прикидывал-прикидывал, да и решил, что, знаю, пожалуй, кто нас преследует. Уж не Горлум ли?

— Боюсь, что ты прав, — сказал Фродо. — Я понял это с той ночи на древе. Прятался, наверное, в Мории, там и напал на наш след. Только я надеялся, что, пока мы жили в Лориэне, он опять его потерял. Этот несчастный, должно быть, так и сидел в лесу на другом берегу Серебрянки и ждал, пока мы покажемся!

— Стало быть, так, — деловито заявил Сэм. — Надо нам поостеречься, чтобы однажды ночью не почувствовать у себя на горле его мерзкие пальцы, если только после этого вообще удастся проснуться. Так я к чему веду-то: не стоит сегодня тревожить Бродяжника и остальных. Я покараулю. Я ведь и днём могу прекрасно выспаться, потому как в лодке толку от меня не больше, чем от мешка.

— Мешка с глазами, — усмехнулся Фродо. — Ладно, карауль. Но только обещай, что разбудишь меня в середине ночи — если ничего не стрясётся раньше.

Среди ночи Фродо проснулся от того, что Сэм трясёт его за плечо.

— Жалко будить вас, сударь, — шепнул он, — да вы сами велели. Рассказать особо нечего. Вроде что-то плеснуло в реке недавно, да засопело ещё, но ночью на реке слышится много странных звуков.

Потом Сэм лёг, а Фродо сел, позёвывая и кутаясь в одеяло. Минуты тянулись медленно, как часы, но ничего не происходило. Фродо уже поддался было искушению улечься обратно, как вдруг у одной из причаленных лодок беззвучно всплыло что-то тёмное, едва различимое. Из воды высунулась длинная бледная рука и ухватила за борт; блеснули холодным светом два бледно светящихся глаза, заглянули в лодку, потом поднялись и уставились на Фродо, сидящего на островке. Глаза были от него всего в паре ярдов, и хоббит услышал, как существо со свистом втянуло в себя воздух. Он вскочил, выхватил из ножен меч... Но светящиеся глаза мгновенно погасли. Снова послышался шип, потом всплеск, вниз по течению пронеслось что-то, похожее на бревно, и исчезло в ночи. Арагорн вздрогнул во сне, перевернулся и сел.

— Что случилось? — шёпотом спросил он, вскочив и подойдя к Фродо. — Я почувствовал что-то сквозь сон. Почему ты обнажил меч?

— Горлум, — ответил Фродо. — По крайней мере, я так думаю.

— О! — удивился Арагорн. — Так ты знаешь об этом разбойнике? Он шлёпал за нами через всю Морию и до самой Нимродели. А когда мы сели в лодке, прилачился плыть за нами на бревне, гребя руками и ногами. Я пару раз пытался изловить его ночью, но он хитёр, как лиса, и скользок, как угорь. Я надеялся, что путешествие по воде его остановит, но больно уж он искусный пловец.

Придётся завтра грести побыстрее. Ты ложись, я до утра покараулю. Хотелось бы мне поймать этого негодника. Он мог бы пригодиться. А если не получится, попробуем всё-таки уплыть от него. Он очень опасен. И сам способен исподтишка убить, и врагов может на наш

след навести.

Ночь прошла, но Горлум так и не появился, даже мельком. Отныне Хранители были постоянно настороже, однако больше его не видели. Если он и продолжал следовать за Отрядом, то очень ловко и осторожно. По распоряжению Арагорна они теперь подолгу сидели на вёслах, так что берега быстро проносились мимо; но разглядывать их было уже некогда, потому что плыли они в основном ночью и в сумерках, а днём отдыхали, стараясь выбрать местечко поукромней. Так продолжалось без дальнейших происшествий ещё трое суток, вплоть до седьмого дня.

Всё это время погода оставалась холодной и пасмурной, ветер устойчиво дул с востока, но к ночи небо на западе прояснилось, серые края туч озарило слабое, зеленовато-жёлтое свечение, и в разрывах между ними то и дело проглядывал тонкий белый серп молодого месяца. Сэм смотрел на него и недоумённо хмурился.

На следующий день приречные земли опять стали быстро меняться. Берега поднялись, сделались каменистыми. Вскоре крутые обрывы, густо поросшие колючим терновником, ежевикой и всякими ползучими растениями, сжали русло с обеих сторон, за ними вставали невысокие крошащиеся утёсы из белёсого камня в промоинах, укрытых тёмным плющом. Ещё дальше вздымались настоящие хребты, увенчанные истерзанными ветром корявыми пихтами. Путники приближались к серому взгорью Эмин Муил, южной границе Глухоманья.

На скалах и в расселинах гнездились множество птиц; их стаи весь день кружили высоко в небе, чернея на фоне блёклого облачного покрова. Арагорн с сомнением посматривал на них, прикидывая, не успел ли Горлум надеть неприятностей и не разнесится ли сейчас весть об их походе по всему Глухоманью. Под вечер, когда Хранители уже сворачивали лагерь и готовились рассаживаться по лодкам, он заметил на фоне закатного неба чёрную точку. Это была громадная птица, которая неторопливо летела к югу, то и дело описывая в вышине плавные круги.

— Послушай, Леголас, — окликнул он эльфа, — как по-твоему, это не орёл?

— Орёл, — подтвердил эльф. — Охотящийся орёл. Интересно, что это предвещает? Ведь горы далеко.

— До наступления темноты отчаливать не будем, — решительно объявил Арагорн.

К восьмой ночи восточный ветер утих. Тонкий серп молодого месяца закатился ещё до того, как отгорел закат, но небо расчистилось, и, хотя над южным горизонтом громоздилась стена туч, ещё подсвеченная последними лучами скрывшегося солнца, на западе ярко сверкали звёзды.

— Пора! — сказал Арагорн. — Попробуем сделать ещё один ночной переход. Дальше я русла Реки не знаю, потому что никогда прежде не спускался здесь по воде, во всяком случае, отсюда до порогов Сарн Гебир. Но, если я не ошибся в расчётах, до них ещё много миль. Впрочем, и здесь попадаются опасные места: одиночные скалы в русле и каменистые отмели. Смотрите внимательнее и не пытайтесь быстро грести.

Сэма назначили вперёдсмотрящим, и он, лёжа на носу лодки, внимательно вглядывался в темноту. Тьма сгущалась, но звёзды светили удивительно ярко, и на поверхности Реки играли блики. Хранители почти не трогали вёсел, предпочитая просто скользить по течению; близилась полночь. Неожиданно Сэм предостерегающе крикнул. Всего в нескольких ярдах впереди послышался плеск бурлящей воды, и прямо по курсу замаячило что-то тёмное. Течение круто свернуло, увлекая лодки к восточному берегу, где русло реки было чистым. Проносясь мимо, путники увидели совсем рядом с собой белую пену, хлещущую об острую, похожую на зубья пилы, гряду скал, перегородившую Реку чуть ли не до середины. Лодки прижало друг к другу.

— Эй, Арагорн! — крикнул Боромир, когда его лодка ударилась о переднюю. — Это безумие! Ночью нам Перекатов не пройти! Да и днём тоже! Ещё ни одна лодка не уцелела в Сарн Гебуре!

— Назад! Назад! — прокричал в ответ Арагорн. — Поворачивай, если можешь!

Он можно налегал на вёсла, стараясь удержать лодку и развернуться.

— Я ошибся в расчётах, — сказал он Фродо. — Не знал, что мы продвинулись так далеко: Андуин течёт быстрее, чем я думал. Сарн Гебур уже рядом.

Путники с трудом выгребались против течения. Лодки медленно ползли вперёд, но их неуклонно отжимало к восточному берегу. Зловещий и чёрный, он всё яснее прорисовывался в ночи.

— Гребите все вместе! — прокричал Боромир. — Гребите! Или нас прижмёт к отмели!

Не успел он договорить, как Фродо почувствовал, что днище лодки царапает о камни. И тут же запели луки и в путников полетели стрелы. Большая часть просвистела у них над головой, но одна клюнула Фродо между лопатками, и он, вскрикнув, качнулся вперёд, выпустив весло. Однако стрела не смогла пробить скрытой под одеждой мифрильной кольчуги и, отскочив от неё, упала в лодку. Ещё одна стрела пробила капюшон Арагорна, третья воткнулась в планшир второй лодки рядом с рукой Мерри. Сэму казалось, что он видит стрелков — чёрные силуэты, мечущиеся взад-вперёд по пологой галечной отмели у подножья отвесного восточного берега. Они были очень близко.

— Ирч! — по-эльфийски вскричал Леголас.

— Орки! — тревожно воскликнул Гимли.

— Горлумова работа, ручаюсь, — пробормотал Сэм, обращаясь к Фродо. — И ведь место-то как ловко выбрано! Река сама тащит нас прямо им в лапы!

Хранители дружно налегли на вёсла — грёб даже Сэм, — ожидая в любой момент укуса стрелы с чёрным оперением. Стрелы то свистели над их головами, то с глухим всплеском вспарывали воду, однако попаданий больше не было. Было темно, однако не настолько, чтобы помешать отлично видящим в ночи оркам, которым вполне хватало света звёзд, чтобы выбрать себе подходящую мишень. Но возможно, что серые плащи Лориэна и серое дерево эльфийских лодок отвели глаза лучникам Мордора.

С каждым ударом вёсел лодки медленно продвигались вперёд, хотя в темноте казалось, что они просто стоят на месте, однако постепенно напор течения слабел, и тень восточного берега растворилась в ночи. Наконец, насколько они могли судить, Хранителям удалось выгребсти на середину реки. Они ещё некоторое время вели лодки против течения, стараясь подальше отойти от предательской гряды скал, потом забрали левее и что было сил устремились к западному берегу. Остановились они, чтобы отдышаться, только под прикрытием склонявшихся над водой прибрежных кустов.

Леголас отложил весло, схватил полученный в Лориэне лук, выпрыгнул на берег, вскарабкался повыше, натянул тетиву и принялся вглядываться в тьму, скрывающую противоположный берег. Оттуда доносились пронзительные вопли, но ничего не было видно.

Фродо снизу смотрел на высокого эльфа, старательно выискивавшего глазами мишень, но видел лишь силуэт его головы, увенчанной звёздами, которые густой белой россыпью сверкали в чёрном омуте неба. А с юга уже наплывала, поднимаясь с каждой минутой, тяжёлая туча, и бежавшие перед ней тёмные вестники, слизывали звёзды с небесных полей. Внезапно путников охватил страх.

— Элберет Гилтониэль! — выдохнул Леголас, посмотрев вверх.

Из черноты, залившей южный край неба, к Хранителям приближалась тёмная тень,

похожая на облако, но не облако, поскольку неслась гораздо быстрее облаков, хотя так же стирала на своём пути звёзды. Вскоре стало видно, что это огромная крылатая тварь, чёрная, как дыра в ночи. За Андуином грянули приветственные вопли. По телу Фродо пробежал озноб, сердце сжалось от леденящего холода, живо напомнившего ему о бывшей ране в плечо. Он съёжился, словно пытаясь спрятаться.

Внезапно звонко пропела тетива лориэнского лука и сорвавшаяся с неё стрела с пронзительным свистом ушла в небо. Фродо взглянул наверх: крылатая тень конвульсивно дёрнулась, издала хриплый, напоминающий карканье вопль, и свалилась где-то за Андуином, растворившись во мраке восточного берега. Небо над головой очистилось. За рекой взметнулись вопли и проклятия, но быстро стихли. Больше ночную тишину не нарушали ни крики, ни свист стрел.

Переждав немного, Арагорн повёл лодки вверх по течению. Некоторое время они буквально ощупью пробирались вдоль края берега, пока не наткнулись на небольшой мелкий залив. У воды росло несколько низких деревьев, за ними вздымался крутой скалистый берег. Хранители решили остановиться здесь и ждать рассвета, поскольку было бессмысленно пытаться двигаться дальше этой ночью. Разбивать лагерь и разводить костёр не стали, а улеглись прямо в лодках, тесно прижимаясь друг к другу.

— Будь благословен лук Галадриэли и верная рука Леголаса! — проговорил Гимли, дожевывая лепёшку лембас. — Учитывая темноту, это был просто замечательный выстрел, мой друг!

— Но кто может сказать, во что он попал? — ответил Леголас.

— Только не я, — сказал Гимли, — Признаюсь, я рад, что эта тень не подобралась к нам поближе. Что-то она мне совсем не понравилась. Слишком уж похожа на ту, что в Мории, — тут гном запнулся, а потом закончил шёпотом, — тень Балрога.

— Это был не Балрог, — возразил Фродо, которого ещё поколачивал озноб. — Это нечто гораздо более холодное. Мне кажется... — хоббит тоже запнулся и не стал продолжать.

— Что? — настойчиво поинтересовался Боромир. Он даже перегнулся через борт лодки, словно пытаясь разобрать выражение лица Фродо.

— Мне показалось... нет, не будем об этом. Что бы это ни было, его падение привело в смятение наших врагов.

— Похоже на то, — согласился Арагорн. — Однако мы не знаем, где они, сколько их и что они собираются предпринять дальше. Так что эту ночь нам спать не придётся! Сейчас мы укрыты тьмой, но кто скажет, что выяснится на рассвете? Держите оружие под рукой!

Сэм сидел, постукивая по рукояти меча, словно считая на пальцах, и смотрел на небо.

— Очень странно, — пробормотал он. — Луна-то, вроде, одна, что в Шире, что в Глухоманье, по крайности, так должно быть. Но то ли она перестала ходить, как полагается, то ли я совсем сбился со счёту. Помните, мистер Фродо? Луна старела, когда мы лежали на платформе той ночью на дереве, и жить ей было не больше недели. А прошлой ночью сравнялась ровно неделя, как мы в пути, и тут, на тебе, выскакивает новая луна — тоненькая, прямо как обрезок ногтя; словно мы и не гостили у эльфов.

Да, но я точно помню целых три ночи, которые мы провели у них, да и несколько других тоже вроде как припоминаю, но мог бы поклясться, что их никак не набирается на целый месяц! Словно в том краю и вовсе не было времени!

— Может, так оно и было, — отозвался Фродо. — Может быть, мы жили в том краю во времени, которое повсюду давно уже кончилось. И только когда Серебрянка вынесла нас в

Андуин, мы вернулись в то время, которое течёт сквозь смертные страны к Великому Морю. В Карас Галадоне я вообще не помню луны, ни молодой, ни старой, — только солнце днём да звёзды ночью.

Леголас шевельнулся в своей лодке.

— Нет, время нельзя задержать, — сказал он, — но перемены и рост не одинаковы везде и повсюду. Ибо и для эльфов мир движется, но движется одновременно и очень быстро, и очень медленно. Быстро, потому что сами они меняются мало, тогда как всё остальное летит мимо, — и это для них горе. Медленно, потому что они не считают бегущих лет, даже своих. Сменяющие друг друга времена года — лишь вечно повторяющаяся рябь на долгом, долгом потоке. Однако под солнцем все вещи должны стареть и под конец исчезать.

— Но старение это медленно в Лориэне, — проговорил Фродо. — Он защищён силой Владычицы. Богаты все часы, хоть краткими кажутся они, в Карас Галадоне, где Галадриэль владеет Эльфийским Кольцом.

— Это не должно произноситься вне Лориэна, даже в разговоре со мной! — одёрнул хоббита Арагорн. — Молчи об этом! Но так оно и есть, Сэм: в том краю ты сбился со счёта. Здесь время бежит быстро и для нас, и для эльфов. Пока мы медлили в Благословенном Краю, в мире снаружи старая луна успела умереть, и новая луна народилась и тоже угасла, а вчера снова выглянул молодой месяц. Зима подходит к концу. Время течёт к весне последней надежды.

Немо тянулись ночные часы. С противоположного берега больше не доносилось ни криков, ни возгласов. Вскоре жмущиеся друг к другу в лодках путники почувствовали, что погода меняется. Тяжёлые тучи, принесённые с юга, опустились на Андуин, словно волглое одеяло. Безветренный мрак был тёплым и влажным. Мерно и звучно шумели оставшиеся позади Перекаты. С веток капало.

Когда на востоке разгорелся рассвет, серое, процеженное сквозь тучи утро открыло глазам утомлённых путников печальный и странно смягчившийся мир — ни резких контуров, ни тёмных теней, лишь полупрозрачная белёсая мгла. Восточного берега не было видно.

— Терпеть не могу туман, — сказал Сэм. — А глядишь, и туман пригодился. Может, теперь проклятые гоблины нас не заметят?

— Может, и так, — отозвался Арагорн. — Но будет трудно отыскать тропу, если туман немного погода не поднимется. А мы должны отыскать её, если хотим пройти мимо Сарн Гебира и добраться до Эмин Муила.

— Не понимаю, зачем нам преодолевать Перекаты и вообще плыть по Реке дальше, — вмешался Боромир. — Если впереди Эмин Муил, мы можем спокойно бросить эти скорлупки, пройти немного к западу, а потом на юг, чтобы переправиться через Энтрицу и идти напрямик в Гондор.

— Можем, если мы все идём в Минас Тирит, — сказал Арагорн. — Но это ещё не решено. Кроме того, подобный маршрут гораздо сложнее, чем кажется. Плоские берега Энтрицы сплошь заболочены, и туман представляет смертельную опасность для любого, кто пробирается по ним пешком, да ещё с грузом. Я бы не бросал лодок до последнего. По крайней мере, на Реке не заблудишься.

— Да, но восточный берег в руках Врага, — возразил Боромир. — И даже если ты пройдёшь целым и невредимым Ворота Аргоната и окажешься у Тиндрока, что дальше? Нырнёшь в Водопад, чтобы приземлиться в Болотах?

— Нет! — ответил Арагорн. — Скажи лучше, что мы снесём лодки по древней дороге к подножию Рэроса и снова поплывём. Тебе не ведомо, Боромир, или ты предпочёл забыть о Северной Лестнице и троне на вершине Амон Хена, сделанных в дни великих королей? Если не

ты, то я, во всяком случае, собирался снова встать на той вершине, прежде чем выбирать дальнейший путь. Возможно оттуда мы увидим нечто такое, что поможет нам сделать это.

Боромир долго спорил с Арагорном, однако убедившись, что Фродо пойдёт за следопытом, куда бы тот ни свернул, уступил.

— В Минас Тирите не принято покидать друзей в беде, — сказал он, — а вам понадобится моя сила, коли Отряду вообще суждено добраться до Тиндрока. Я дойду с вами до этого высокого острова, но не дальше. Но потом сразу же поверну к своему дому — один, если я недостоин попутчиков.

Понизу туман слегка развеялся. Было решено, что Арагорн с Леголасом немедленно отправятся на разведку вдоль берега, а прочие останутся в лодках. Арагорн надеялся отыскать волок, по которому они могли бы пронести лодки и груз мимо порогов.

— Быть может, лодки эльфов и не утонут, — сказал он, — но это ещё не значит, что мы пройдем Сарн Гебир живыми. До сих пор это никому не удавалось. Гондорцы не прокладывали здесь дорог, ибо даже в дни расцвета их королевство не включало земель вверх по Андуйну за Эмин Муилом, но где-то на западном берегу должен быть удобный путь, если я смогу отыскать его. Он не мог окончательно исчезнуть, потому что небольшие суда ходили из Глухоманья к Оспиляту ещё несколько лет назад, пока не расплодились мордорские орки.

— За всю мою жизнь едва ли хоть одна лодка пришла с севера, а по восточному берегу рыщут орки, — возразил Боромир. — Пусть ты даже отыщешь путь, но, если вы пойдёте вперёд, опасность будет возрастать с каждой милей.

— Опасность ждёт на любой дороге, ведущей на юг, — спокойно ответил ему Арагорн. — Ждите нас сутки. Если к этому сроку мы не вернёмся, знайте, что нас постигла беда. Тогда выбирайте нового предводителя и следуйте за ним, как сумеете.

С тяжёлым сердцем смотрел Фродо, как Арагорн и Леголас карабкаются по крутому склону и скрываются в тумане. Однако его тревога оказалась напрасной. Прошло не более двух-трёх часов и утро ещё не приблизилось к полудню, как разведчики вернулись.

— Всё в порядке, — спустившись, объявил Арагорн. — Здесь действительно есть тропа, которая выводит к вполне пригодной для использования гавани. Расстояние небольшое: Перекаты начинаются всего в полумиле от нас и тянутся ещё примерно с милю. А ниже русло Реки снова становится чистым и гладким, хотя течение быстрое. Труднее всего будет поднять лодки и багаж на старый волок. Мы нашли его, но он тянется под прикрытием скалы довольно далеко отсюда: приблизительно в фарлонге от воды. Северную пристань мы так и не нашли. Если она ещё сохранилась, то мы, должно быть, проплыли мимо неё вчерашней ночью и теперь тоже можем пропустить её в тумане, даже если будем долго грести против течения. Боюсь, что придётся выбираться на дорогу отсюда.

— Это будет нелегко, — проворчал Боромир. — Было бы нелегко, будь мы даже все людьми.

— Но мы всё же попробуем, — сказал Арагорн.

— Конечно! — поддержал его Гимли. — Люди будут плестись по ухабистой дороге там, где гном легко побежит вперёд с ношей вдвое больше его веса, господин Боромир!

Задача действительно оказалась сложной, но в конце концов путники с ней справились. Сначала из лодок выгрузили всю поклажу и сложили её на берегу, потом взялись за сами лодки. Они оказались вовсе не такими уж тяжёлыми. Из какого дерева они изготовлены, Леголас не знал, но древесина была плотной и удивительно лёгкой. Даже Мерри и Пин могли спокойно нести свою лодку по ровному месту. Однако понадобилась сила двух людей, чтобы дотащить

лодки до тропы. Крутой склон представлял собой сплошную массу серых известковых глыб и ям между ними, скрытых кустами и густой травой, зарослей ежевики, промоин с отвесными стенками и вязких луж, подпитываемых водами, которые сочились с верхних террас.

Арагорн с Боромиром по очереди поднимали лодки, а остальные с грузом на плечах карабкались за ними, как могли. Наконец всё было перенесено и сложено на тропе. По ней можно было двигаться уже всем вместе почти без дальнейших препятствий, если не считать цепкого вереска да скатившихся на волок камней. Туман густой вуалью стекал с растрескавшейся скалы, у подножия которой тянулся волок, и непроглядным пологом окутывал оставшуюся слева Реку. Хранители слышали, как она клокочет и бьётся, процеживаясь через острые зубы Сарн Гебира, но не видели её. Им удалось переправить всё к южной пристани в два приёма.

Здесь тропа снова поворачивала к воде и полого спускалась к естественной бухточке, врытой в речной берег крутящимися потоками, которые, срываясь с Сарн Гебира, разбивались о низкую скалу. Эта скала выдавалась в русло, наподобие мола. За бухточкой берег снова круто поднимался и упирался в отвесный утёс. Пешего пути дальше не было.

Между тем уже начало смеркаться; путники устало опустились на землю у воды, слушая, как рычат в тумане Перекаты. Всем отчаянно хотелось спать, а настроение у них было столь же мрачным, как угасающий в тумане день.

— Ну вот, мы на месте, и здесь же нам придётся провести ещё одну ночь, — сказал Боромир. — Нам нужно выспаться. Даже если Арагорн думал пройти Ворота Аргоната ночью, мы все слишком измотаны для этого — за исключением, разумеется, нашего стойкого гнома.

Гимли не ответил: он задремал сразу, как сел.

— Давайте сейчас отдохнём, пока есть такая возможность, — согласился с гондорцем Арагорн. — Завтра нам придётся снова плыть при дневном свете. Если погода опять не переменится и не предаст нас, у нас неплохой шанс проскользнуть незамеченными мимо врагов на восточном берегу. Однако сегодня будем дежурить по двое: три часа сна и один час на посту.

За ночь никаких происшествий не случилось, лишь брызнул под утро небольшой дождичек. На рассвете Хранители отправились в путь. Пелена тумана уже слегка поредела. Путники жались к западному берегу; его низкие утёсы, проступающие сквозь тусклую мглу, поднимались всё выше: тенистые стены с подножием в быстрой реке. Часа через три тяжёлые тучи опустились ещё ниже и хлынул дождь. Чтобы лодки не затопило, их прикрыли кожаными фартуками, но плыть продолжали — почти что вслепую среди серой пелены дождя.

Однако ливень продолжался недолго. Небо постепенно светлело, потом тучи внезапно разошлись, и их лохматые обрывки уползли к северу, вверх по Реке. Туман исчез. Перед путниками открылось широкое русло, стеснённое с обеих сторон скалистыми берегами, за трещины и уступы которых цеплялись редкие кривые деревца. Канал становился всё уже, а течение всё быстрее. Теперь их несло с такой скоростью, что они при всём желании уже не смогли бы остановить или развернуть лодки. Над ними узкой полосой виднелось бледно-голубое небо, вокруг — тёмная, стиснутая скалами Река, впереди — чёрная, загораживающая солнце стена Эмин Муила, в которой не было видно ни одного прохода.

Напряжённо вглядывающийся вперёд Фродо заметил два огромных утёса, похожих на гигантские шпили или колонны. Они возвышались по сторонам потока высокие, отвесные и зловещие. Потом между ними показался узкий проход, и Река потащила лодки прямо к нему.

— Вот Аргонат, Королевские Столпы! — воскликнул Арагорн. — Вскоре мы пройдем между ними. Все лодки в линию и как можно дальше друг от друга! Держитесь на стремнине!

Огромные колонны всё надвигались. Теперь они казались Фродо гигантскими башнями,

громадными серыми фигурами, молчаливыми, но угрожающими. Потом он заметил, что это действительно фигуры, пронёсшие сквозь жару и бури бессчётных лет могучий облик, приданный им в древности с поразительным искусством и терпением их создателями. На массивных пьедесталах, погружённых в глубокие воды, стояли два высоких каменных короля, которые по-прежнему сурово смотрели полустёршимися глазами из-под насупленных, но растрескавшихся бровей на север. Их левые руки были подняты ладонью вперёд в жесте предостережения, в правой руке у каждого был топор, на голове — начавший крошиться шлем, увенчанный короной. Они по-прежнему излучали силу и величие, эти безмолвные стражи давно исчезнувшего королевства. Фродо объял благоговеющий страх, и он скорчился на дне лодки, не смея поднять на гигантов глаза, когда тень их накрыла путников. Даже Боромир склонил голову, проплывая в отчаянно пляшущей, хрупкой и лёгкой, словно листок, лодочке мимо вечных часовых Нуменора. Так они вошли в чёрную расщелину Ворот.

С обеих сторон проносились отвесные утёсы, вздымающиеся до чудовищной, неизмеримой высоты. Над ними смутно бледнела тусклая полоска неба. Чёрная вода ревела, скалы вторили ей грохочущим эхом, в уши пронзительно свистел ветер. Сжавшийся в комок Фродо слышал, как подвывает впереди Сэм: "Что за место! Что за ужасное место! Только бы выбраться из этой лодки! Я больше никогда, ни за что... к луже не подойду, не то что на реку не гляну!"

— Не бойтесь! — раздался вдруг позади него странный голос. Фродо повернулся и увидел Бродяжника, — и в то же время не Бродяжника, ибо не было больше здесь усталого следопыта. На корме гордо и прямо сидел Арагорн, сын Арахорна, и направлял лодку искусными взмахами весла. Его капюшон был откинут назад, и ветер развеивал тёмные волосы, глаза сияли: король, возвращающийся из изгнания в своё королевство.

— Не бойтесь! — сказал он. — Долго мечтал я увидеть образы Исилдура и Анариона, моих праотцев. Под их сенью Элессару, Эльфийскому Камню, сыну Арахорна их колена Вландила, сына Исилдура, наследника Элендила, нечего страшиться!

Затем свет потух в его глазах, и он пробормотал себе под нос: "Если бы с нами был Гэндальф! Я всей душой стремлюсь к Минас Анору, стенам моего города! Но теперь... куда я должен идти?"

Ущелье было длинным, тёмным и гулким; шум ветра и рёв потока, сплетаясь между собой, многократно отражались от его каменных стен. Оно слегка сворачивало к западу, так что впереди тени совсем сгущались. Но вскоре Фродо увидел перед собой тонкую полосу света. Она быстро приближалась, росла, а потом стены неожиданно расступились, и лодки выбросило из темноты на яркий простор.

Над ними раскинулось широкое, выстуженное ветрами небо; солнце стояло довольно низко. Вырвавшись из теснины, вода разлилась в длинное овальное озеро, тусклый Нен Хитоэль в рамке серых холмов с одетыми лесом крутыми склонами и лысыми макушками, холодно поблёскивающими в косых лучах. Вдали, у южной оконечности озера, поднимались три самых высоких вершины; среднюю, стоявшую несколько впереди прочих, с двух сторон обнимала своими вечно бегущими, мерцающими руками Река. И оттуда же, со стороны поднимающегося из вод острова, доносился до путников с ветром низкий, непрерывный гул, словно раскаты далёкого грома.

— Вот Тол Брандир! — сказал Арагорн, указывая на средний пик. — Слева от него Амон Ло, а справа Амон Хен, Гора Слуха и Гора Зрения. В дни великих королей на их вершинах были устроены сидения и там всегда дежурили часовые, чтобы слышать и наблюдать. Но говорят, что берегов Тол Брандира никогда не касался ни человек, ни зверь. Мы подойдём к этим вершинам ещё до темноты. Я слышу бесконечный зов Рэроса.

Хранители немного передохнули, увлекаемые к югу медленным течением, которое несло их по самой середине озера. Потом они поели и снова взялись за вёсла. Западные склоны холмов оделись вечерними тенями, низкое солнце совсем покраснело, превратившись в неяркий багровый круг; сквозь подёрнувшую небо дымку проглянули первые звёзды. В меркнувшем свете перед путниками вставали громады трёх замыкавших озеро вершин, оглушительно ревел Рэрос, но только когда на воды Реки опустилась ночь, вошли они наконец в тень холмов.

Кончился десятый день их путешествия по Великой Реке. Глухоманье осталось позади. Им предстояла завершающая стадия Похода. Утром они должны были свернуть на запад или на восток.

Глава X

Разброд

Арагорн повёл лодки по правому рукаву реки. Здесь, на западном берегу, закрытом тенью Тол Брандира, от подножия Амон Хена сбегал к воде зелёный лужок. За ним поднимались первые мягкие склоны холма, одетые лесом, и тот же лес тянулся к западу вдоль округлой кромки озера. К воде сбегал, увлажняя траву, маленький родничок.

— Тут мы и переночуем, — сказал Арагорн. — Этот луг носит название Парт Гален: издревле славился он красотой и уютом в летние дни. Будем надеяться, что и доньне ничто злое не проникло сюда.

Хранители вытащили лодки на поросший травой берег и устроились рядом с ними на ночь, как обычно, выставив часовых. Но никакие враги не показывались. Если Горлум и продолжал преследовать их, то таился где-то невидимый и неслышимый. Тем не менее, чем старше становилась ночь, тем хуже спалось Арагорну: он метался, ворочался, часто просыпался. Под утро он встал и подошёл к Фродо, который только что заступил на свою вахту.

— Почему ты не спишь? — спросил хоббит. — Это ведь не твоё дежурство.

— Сам не знаю, — ответил Арагорн. — Тень и угроза смутили мой сон. Было бы неплохо глянуть на твой меч.

— Зачем? — удивился Фродо. — Разве враги близко?

— Давай посмотрим, что покажет Разитель, — сказал Арагорн.

Фродо вынул из ножен эльфийский клинок. Его края чуть заметно светились в темноте.

— Орки! — с беспокойством пробормотал хоббит. — Не очень близко, и всё же, кажется, чересчур близко.

— Этого я и опасался, — озабоченно проговорил Арагорн. — Но, быть может, они не на этом берегу Реки. Вполне вероятно, что это слабое свечение указывает всего лишь на шпионов Мордора, бродящих по склонам Амон Ло. Мне ещё не приходилось слышать, чтобы орки появлялись на Амон Хене. Впрочем, кто знает, что может произойти в эти злые дни, когда Минас Тирит больше не охраняет переправы через Андуин. Завтра нам надо будет идти с оглядкой.

Утренняя заря напоминала зарево далёкого пожара. Космами тёмного дыма клубились на востоке тяжёлые тучи, освещённые снизу тускло алеющим солнцем; но вскоре солнце выплыло в чистое небо, позолотив острую макушку Тол Брандира. Фродо с любопытством разглядывал остров. Стеною отвесных утёсов поднимался он из поблескивающей мелкой рябью протоки; по крутым склонам его, выше опорных утёсов, карабкались деревья, а сама вершина — громадный скалистый шпиль — была совершенно бесплодной и голой. Над островом кружились птицы, но никаких следов присутствия зверей или других живых существ Фродо не заметил.

После завтрака Арагорн сказал своим спутникам:

— Пришло время сделать окончательный выбор, который мы столь долго откладывали. Сегодня мы должны решить дальнейшую судьбу нашего Отряда. Свернём мы с Боромиром на запад, чтобы драться вместе с Гондором, или на восток, навстречу Страху и Тьме, или же разойдёмся, чтобы каждый мог отныне последовать своим путём? Но, что бы мы ни решили, это должно быть сделано быстро. Задерживаться здесь нельзя. Нам известно, что враг на восточном берегу, но я опасаясь, что орки переправились уже и на этот берег.

Арагорн умолк. Но никто из Хранителей не нарушил тишины, никто не пошевелился. Тогда Арагорн заговорил снова:

— Видимо, Фродо, бремя выбора ляжет на твои плечи. Мы зовёмся Хранителями, ибо сопровождаем тебя, но за судьбу Кольца отвечаешь ты один. Тебе оно доверено Советом, и лишь ты можешь определять собственный путь. У меня нет права давать тебе советы. Я не Гэндальф и хотя заменял его, как мог, не знаю, какой план или какую надежду хранил он на этот час, если они у него, конечно, были. Но мне кажется, что и Гэндальф оставил бы выбор за тобой. Таков уж твой жребий.

— Я знаю, что нужно спешить, — медленно и далеко не сразу проговорил Фродо. — Но я не могу пока выбрать. Это тяжёлое бремя. Дай мне ещё один час, и тогда я скажу своё слово. Позволь мне побыть одному!

— Что ж, подумай в одиночестве, Фродо, сын Дрого, — согласился Арагорн, окинув хоббита добрым и сочувственным взглядом. — Час мы подождём тебя здесь. Только не уходи далеко, не дальше, чем на оклик.

Сколько-то времени Фродо сидел, понурившись. Сэм, внимательно наблюдавший за хозяином, покачал головой и пробормотал себе под нос:

— Я-то, конечно, помолчу. А только чего тут думать, когда и так всё ясно?

Словно бы в ответ на бормотание Сэма, Фродо поднялся и ушёл. Чтобы не глядеть ему в спину, Хранители отвернулись. И только Боромир, как заметил Сэм, пристально следил за хоббитом, пока его не заслонили деревья, росшие у подножия Амон Хена.

Без всякой цели бродя по лесу, Фродо незаметно для себя добрался до склонов холма и случайно вышел на остатки заброшенной дороги. Там, где подъём становился круче, в горе были высечены каменные ступени, теперь истёртые, растрескавшиеся, расколотые во многих местах корнями деревьев. Фродо машинально пошёл вверх и вскоре оказался на лужайке, окружённой с трёх сторон старыми рябинами. В центре лужайки лежал широкий плоский камень. С восточной стороны она была открыта, и поэтому вся залита утренним солнцем. Фродо задержался здесь, глядя на Реку глубоко под собой, Тол Брандир и птиц, кружащихся в воздушной пропасти, которая отделяла его от нехоженных склонов острова. В немолчном зове Рэроса рёв потока смешивался с тяжёлой пульсацией падающей воды.

Фродо сел на камень и, подперев подбородок ладонями, притих, слепо уставившись на восток. Перед его мысленным взором мелькали один за другим события, случившиеся после ухода Бильбо из Хоббитании, и он старательно припоминал всё, что когда-либо говорил ему Гэндальф. Время шло, а решение ускользало.

Внезапно ему стало не по себе: чей-то недружелюбный взгляд в спину оборвал, скомкал его раздумья. Он торопливо вскочил, оглянулся — и с невольным облегчением увидел Боромира. На лице гондорца застыла чуть напряжённая, но добрая улыбка.

— Я беспокоился за тебя, Фродо, — сказал он, выходя на лужайку. — Если Арагорн прав и орки близко, то никому из нас не следует бродить в одиночку, и особенно тебе: ведь от тебя зависит столь многое. У меня тоже тяжело на душе. Раз уж я тебя отыскал, можно мне посидеть

тут с тобой? Я был бы рад этому. Когда собираются многие, каждое слово вызывает бесконечные споры. Но двоим, быть может, удастся отыскать мудрое решение.

— Спасибо тебе, Боромир, — отозвался Фродо, — да только разговорами тут делу не поможешь. Потому что я знаю, как мне надо поступить, но боюсь. Просто боюсь.

Боромир молча стоял на краю лужайки. К ровному гулу Рэроса примешивался шёпот ветра в голых ветвях деревьев. Фродо дрожал.

Внезапно Боромир подошёл к хоббиту и сел рядом с ним на камень.

— А ты уверен, что мучаешься не впустую? — мягко спросил он. — Зачем заранее отвергать всякую помощь? Я же вижу, что тебе нужен совет. Выслушай меня, Фродо!

— В том-то и дело, что я догадываюсь, какой совет ты мне дашь, Боромир, — сказал Фродо. — Он кажется мудрым... но сердце предостерегает меня.

— Предостерегает? Против чего? — резко спросил Боромир.

— Против отсрочки, — ответил Фродо. — Против лёгкого пути. Против желания сбросить с плеч тяжёлое бремя. Против... извини, но это должно быть сказано: против слепой веры в силу и надёжность людей.

— Однако эта сила, пусть издалека, долго защищала вас в вашей маленькой стране, хоть вы и не знали об этом.

— Я нисколько не сомневаюсь в доблести гондорцев. Но мир меняется. Стены Минас Тирита крепки, но всё же они недостаточно крепки. Если они падут, что тогда?

— Мы встретим смерть, как подобает воинам. Да и есть ведь ещё надежда, что они не падут.

— Нет такой надежды, пока существует Кольцо, — отрезал Фродо.

— А! Кольцо! — подхватил Боромир, и глаза его вспыхнули. — Кольцо! Не странно ли, что нам всем доставляет столько тревог и переживаний крохотное колечко? Такой пустяк! А я ведь и видел-то его всего лишь мельком в Доме Элронда. Нельзя ли взглянуть на это колечко ещё раз?

Подняв голову, Фродо заметил странный блеск в глазах Боромира. И хотя лицо гондорца было по-прежнему дружелюбным, хоббит почувствовал холодную отчуждённость.

— Его лучше не вынимать, — коротко сказал он.

— Как хочешь, мне всё равно, — пожал плечами Боромир. — Но говорить-то о нём, надеюсь, можно? Ты, кажется, всё время думаешь только о его силе в руках Врага, то есть, когда оно будет употреблено во зло, а не на добро. Мир меняется, говоришь ты. Минас Тирит падёт, поскольку существует Кольцо. Но почему? Да, так всё и произойдёт, если оно окажется в руках Врага. Но что, если оно будет у нас?

— Разве ты не был на Совете? — ответил Фродо. — Мы не можем использовать его, и всё сделанное с его помощью служит лишь злу и обращается ко злу.

— Да не пой ты с чужого голоса! — вскричал Боромир. Он встал и принялся беспокойно ходить по лужайке. — А впрочем, может, они и правы — Гэндальф, Элронд, все эти эльфы, полуэльфы и маги — для самих себя. Быть может, они действительно плохо кончат, если Кольцо попадёт к ним. Хотя я часто спрашивал себя, мудрые они или просто робкие. Однако, каждому своё. Но нас, чистосердечных людей Минас Тирита, не совратить. Это доказано долгими годами испытаний. Нам не нужно могущество магов, но лишь сила, чтобы защитить себя, сила для справедливой борьбы. И смотри! В нашей горчайшей нужде благодаря простой случайности Кольцо Всевластия вновь выходит на свет! Это дар, говорю я, дар всем врагам Мордора. И безумно не воспользоваться им, не обратить мощь Врага против него самого! Чего не сделает в подобный час истинный воин и вождь? Чего не сделает Арагорн? А если он откажется, то почему бы не Боромир? Кольцо даст мне силу Приказа. И тогда я смету и погоню

перед собой войска Мордора, и все люди стекутся под мои знамёна!

Боромир, казалось, позабыл про Фродо. Он возбуждённо метался по лужайке, толкуя про защиту Минас Тирита и наступательные бои, про могучие союзы людей и будущие победы. Его голос гремел всё громче, а уверенность в окончательной победе над Врагом стремительно росла. И вот уже Мордор ниспровергнут, а он, Боромир, стал великим королём, могучим и милосердным, справедливым и мудрым...

Внезапно гондорец замер перед понуро сидящем на камне хоббитом.

— Так нет же, они хотят лишиться Кольца! — воскликнул он. — Именно лишиться, а не уничтожить. Последнее ещё не так неплохо, если бы была хоть какая-то надежда на это. Но её нет. Единственный предложенный нам план, — вслепую послать невысоклика в Мордор, чтобы Врагу было его там легче сцапать. Глупость!.. Надеюсь, ты сам понимаешь это, мой друг? — спросил он, неожиданно снова переключившись на Фродо. — Ты сказал, что боишься. Это поймёт и самый бесстрашный. Но ты уверен, что в тебе говорит страх, а не здравый смысл?

— Нет, я боюсь, — возразил Фродо. — Просто боюсь. Но я рад, что ты высказался так откровенно. Теперь мне гораздо понятнее, что делать.

— Значит, ты идёшь в Минас Тирит? — с горячей надеждой воскликнул Боромир. Глаза гондорца сияли.

— Ты неправильно меня понял, — возразил Фродо.

— Но ты хотя бы заглянешь туда? — продолжал настаивать Боромир. — Мой город уже близко, и оттуда до Мордора немногим дальше, чем отсюда. Мы долго пробыли в глуши, и тебе необходимо узнать последние сведения о действиях Врага, прежде чем двигаться дальше. Пойдём со мной, Фродо, — закончил Боромир, дружески положив руку ему на плечо. — Тебе нужно отдохнуть перед своей рискованной попыткой, если уж она неизбежна.

Но рука гондорца мелко дрожала, выдавая скрытое возбуждение. Фродо быстро встал и, с беспокойством оглядев Боромира, отступил — человек был вдвое выше хоббита и намного сильнее.

— Почему ты так неприязненно относишься ко мне? — спросил Боромир. — Я честный человек, не вор и не разбойник. — Да, мне нужно твоё Кольцо, теперь ты это знаешь, но клянусь честью, что я не собираюсь оставить его у себя навсегда. Дай мне хотя бы попробовать осуществить свой план! Одолжи мне Кольцо!

— Нет, нет! — воскликнул Фродо. — Совет доверил его мне!

— Враг одолеет нас лишь из-за твоей глупости! — прорычал Боромир. — Как же это меня бесит! Идиот! Упрямый дурак! Добровольно стремиться в объятия смерти, чтобы погубить всё! Если кто из смертных и может претендовать на Одно Кольцо, то это люди Нуменора, а вовсе не невысоклики! Оно досталось вам по несчастной случайности. Оно могло быть моим. Оно должно быть моим. Отдай его мне!

Фродо, не отвечая, попятился, чтобы отгородиться от громадного гондорца хотя бы камнем.

— Тише, тише, мой друг! — немного спокойнее сказал Боромир. — Почему бы тебе не избавиться от него? Освободиться от всяческих сомнений и страхов? Если хочешь, можешь возложить всю вину на меня. Скажи, что я гораздо сильнее тебя и отнял его силой. Потому что я гораздо сильнее тебя, невысоклик! — воскликнул он, неожиданно перескочив через камень и бросаясь на Фродо. Его красивое, мужественное лицо отвратительно исказилось, глаза полыхнули алчным огнём.

Увернувшись, Фродо опять спрятался за камень. Ему оставалось только одно, и хоббит, вынув дрожащей рукой Кольцо, быстро надел его на палец как раз тогда, когда Боромир снова прыгнул к нему. Ошеломлённый гондорец на мгновение замер с открытым ртом, а потом слепо заметался по лужайке, ища Фродо между камнями и деревьями.

— Жалкий шутикар! — яростно орал он. — Попадись мне только! Теперь я знаю, что у тебя на уме! Ты только и ждёшь, чтоб сбежать и предать нас всех! Будь ты проклят! Будь проклят ты и все невысоклики, прокляты на вечную тьму и смертный мрак! — в слепом неистовстве гондорец споткнулся о камень, рухнул ничком и мёртво застыл, словно его сразило собственное проклятие; а потом вдруг начал бессильно всхлипывать.

Потом медленно поднялся и провёл рукой по глазам, стирая слёзы.

— Что я тут нагородил? Что натворил?.. Фродо! Фродо! — со страхом закричал он. — Фродо, вернись! У меня помутился разум, но это уже прошло! Фродо!..

Однако Фродо был уже далеко: не слыша последних выкриков Боромира, не разбирая дороги, бежал он вверх. Жалость и ужас терзали хоббита, когда ему вспоминался озверевший гондорец с искажённым лицом и горящими глазами, в которых светилась безумная алчность.

Вскоре он выбрался на вершину Амон Хена, перевел дыхание и огляделся. Ему открылся, но как бы в тумане, широкий круг, вымощенный большими плоскими плитами и окружённый осыпавшейся местами зубчатой оградой, а в центре круга — высокое сидение на четырёх резных опорах, к которому вела многоступенчатая лестница. Фродо поднялся по лестнице и сел на древнее кресло, чувствуя себя заблудившимся ребёнком на троне горного короля.

Сначала он почти ничего не увидел, кроме тумана и теней в нём: Кольцо так и оставалось у него на пальце. Потом туман то тут, то там словно раздвинулся, и хоббиту открылись целые картины: яркие, но мелкие, как панорамы, выставленные перед ним на стол, только они были далеко. И ни звука: одни движущиеся изображения. Мир сжался и затих. Фродо сидел на Троне Зрения, на вершине Амон Хена, горы, которая носила название Глаз Нуменорцев. Он смотрел на восток и видел просторы неведомых земель, безмянные равнины и неизвестные леса. Смотрел на север, и видел под собой ленту Великой Реки и маленькие Мглистые горы, торчащие, как сломанные зубы. Смотрел на запад, и видел широкие пастбища Рохана и Ортханк, остроконечную башенку Скальбурга, похожую на чёрный гвоздь. Смотрел на юг, и Великая Река у самых его ног низвергалась падающей волной в яму Рэроса, и дрожащая радуга вставала над его пеной. И он видел могучую дельту Реки, Этир Андуйн, и мириады чаек, кружащихся, как белая пыль под солнцем, а под ними зелёное море в серебристых барашках волн.

Но куда бы он ни смотрел, повсюду он видел признаки войны. На Мглистых горах, как муравьи, копошились орки, вылезая из сотен и тысяч дыр. Под сучьями Лихолесья насмерть дрались эльфы, люди и лютые звери. Земли беорнингов были в огне, клубящееся облако висело над Морией и дымом затянуло границы Лориэна.

Вооружённые всадники мчались галопом по травам Рохана; Скальбург выбрасывал из себя стаи волков; из гаваней Харада выходили боевые корабли, а с востока тянулся бесконечный поток мечников, копейщиков, лучников на лошадях, колесниц вождей и тяжело гружёных обозов. Все силы Чёрного Властелина пришли в движение. Тогда он снова посмотрел на юг и узрел Минас Тирит — далёкий и прекрасный, белостенный, многобашенный, гордо и светло вздымающийся на плече горы; сталь блестела за зубцами его стен и башни были украшены яркими флагами. Надежда вспыхнула в его сердце. Но против Минас Тирита стояла другая крепость, более сильная и обширная, и туда, к востоку, невольно обратился его взгляд. Он скользнул по разрушенным мостам Осгилиата, по оскалу ворот Минас Моргула, по горам, ставшим обителью призраков, и остановился на Горгороте, долине ужаса в Мордоре. Тьма лежала там даже под солнцем. Сквозь клубы дыма просвечивал огонь. Это пылала и коптила Роковая Гора. Взгляд хоббита скользнул чуть дальше. И вот, стена над стеной, зубцы над зубцами, чёрный, неизмеримо мощный, как железная гора, как стальные ворота, как крепость из адаманта, перед ним предстал Барат-дур, Крепость Саурана. И вся надежда оставила хоббита.

А потом он внезапно ощутил Глаз. Глаз в Чёрной Крепости, который никогда не спит. Он знал, что Глаз тоже почувствовал его присутствие и устремился к нему с яростным вожделением. Как цепкий палец, обшаривал он Средиземье, сиюсь обнаружить его, и очень скоро прижмёт, придавит, как насекомое. Вот он уже коснулся Амон Ло, скользнул по Тол Брандиру... Фродо спрыгнул с кресла, скорчился на земле, натянул на голову серый капюшон.

Он слышал собственные восклицания: "Никогда! Никогда!" Или было это: "Иду, иду к тебе"? Он не знал. А потом, словно где-то полыхнула другая сила, в голове у него прозвенело: "Сними его! Сними его! Сними его, олух! Сними Кольцо!"

В нём противоборствовали две могучие силы. На мгновение они уравнились, и его тело мучительно скорчило. А потом Глаз и Голос исчезли, он внезапно снова почувствовал себя собой, Фродо, у него опять была свободная воля и всего миг, чтобы выбрать. Он сорвал с пальца Кольцо. Оказалось, что он стоит на коленях перед креслом на залитой солнечным светом площадке. Над головой пронеслась тёмная тень, промахнулась мимо Амон Хена, ощупью потянулась на запад и исчезла. Небо снова стало голубым и чистым; в деревьях звенели птичьи голоса.

Фродо поднялся на ноги. Он чувствовал слабость, как после болезни, но на сердце у него стало легче, а воля окончательно окрепла.

— Теперь я сделаю то, что должен, — вслух произнёс он. — Одно ясно наверняка: злая сила Кольца подействовала даже на наш Отряд, и нужно унести его прежде, чем оно наделает ещё больше вреда. Я пойду один. Некоторым я больше не могу верить, а те, кому доверяю, слишком дороги мне: бедняга Сэм, Мерри, Пин, и Бродяжник тоже, — его сердце рвётся в Минас Тирит, и он им нужен вдвойне с тех пор, как Боромир поддался злу. Я иду один. Немедленно.

Он сбежал по своим следам вниз, к той самой лужайке, где его нашёл Боромир, остановился и прислушался. Ему показалось, что из прибрежного леса доносятся крики.

— Они ищут меня, — сказал он себе. — Интересно, сколько меня не было? Наверное, несколько часов. — Фродо заколебался. — Как же быть? — пробормотал он негромко. — Я должен уйти сейчас, иначе вообще не уйду. Другого шанса у меня не будет. Ужасно не хочется бросать их вот так, без всяких объяснений. Но они поймут. Сэм поймёт. А что ещё мне остаётся?

Он медленно достал Кольцо и снова надел его на палец.

Там, где только что стоял хоббит, медленно поднималась примятая трава. А вниз по склону прошуршали шаги — лёгкие, как шелест ветерка.

Остальные Хранители долго ждали на берегу реки. Сначала они молча и бесцельно бродили по лужайке, потом уселись кружком и принялись беседовать, безуспешно пытаясь говорить о чём-нибудь постороннем: обсуждали свой длинный путь и многочисленные приключения, расспрашивали Арагорна о королевстве Гондор и его древней истории, и о том, что можно увидеть ныне из творений гондорцев здесь, на этой странной приграничной территории под названием Эмин Муил — каменных королях, креслах на Ло и Хене и огромной Лестнице рядом с Рэросом. Но мысли их снова и снова обращались к Фродо и Кольцу. Что решит Фродо? Почему он колеблется?

— Я думаю, что он взвешивает, какой путь сулит хоть какую-то надежду... при полной и очевидной безнадёжности любого. Путь к востоку для Отряда практически отрезан с тех пор, как нас выследил Горлум: тайна нашего похода, скорее всего, раскрыта. А с другой стороны, Минас Тирит ничуть не ближе к Огню и конечной цели, — задумчиво сказал Арагорн. Потом помолчал и продолжил:

— На время нам, быть может, удастся укрепиться там и мужественно обороняться, но Правитель Денетор со всеми своими людьми не сможет, не имеет ни малейшей надежды сделать то, что не под силу, по его собственному признанию, даже Элронду: ни сохранить Бремя Хранителя в секрете, ни отбиться от полной мощи Врага, когда тот придёт взять его. Окажись любой из нас на месте Фродо, какой путь выбрал бы он? Я не знаю. Вот теперь нам особенно не хватает Гэндальфа...

— Тяжела наша потеря, — молвил Леголас, — однако, нам придётся принять решение без его помощи. Давайте выберем что-нибудь сами и так поможем Фродо. Почему бы не позвать его и не проголосовать? Лично я голосовал бы за Минас Тирит.

— Я тоже, — сказал Гимли. — Конечно, нас послали только для того, чтобы помочь Хранителю в пути, и мы не обязаны идти дальше, чем захотим. Ведь никто из нас не давал клятвы и никого не посылали искать Роковую Гору. Тяжко далось мне прощание с Лориэном. Однако я зашёл с Фродо далеко и говорю теперь: я не могу отступить и сейчас, при этом окончательном выборе, не могу оставить Фродо. Лично я выбрал бы Минас Тирит, но, если он против, то я последую за ним.

— И я тоже, — подхватил Леголас. — Бросить его сейчас было бы бесчестно. Это предательство.

— Предательство, если мы все покинем его, — сказал Арагорн. — Но если он выберет путь на восток, то, по-моему, не следует всем членам Отряда идти за ним. Путь этот безнадежен и иным не станет, пойдут ли по нему восемь, трое, двое или один. Если вы предоставите мне право выбора, то я рекомендовал бы троих: Сэма, поскольку иного он просто не перенесёт, Гимли и себя. Боромир вернётся в свой город: его отец и народ нуждаются в нём, — и с ним пусть пойдут все остальные... Или, по крайней мере, Мериардок и Перегрин, — если Леголас не согласен оставить нас.

— Да ни в коем случае! — воскликнул Мерри. — Мы не можем бросить Фродо! Мы с Пинном с самого начала решили идти за ним, куда бы он ни свернул, и не переменили своего решения. Но раньше мы не понимали, что это значит. Из Шира или Раздола всё выглядело совсем иначе. Отпустить Фродо в Мордор — это жестоко! И безумно! Почему нам не остановить его?

— Мы обязаны остановить его, — согласился Пин. — И я уверен, это-то его больше всего и беспокоит. Он знает, что мы не согласимся отпустить его на восток. И ему, бедняге, совсем не хочется просить, чтобы кто-нибудь пошёл вместе с ним. Только представьте: идти в Мордор одному! — Пин содрогнулся. — Бедный, глупый старина Фродо... Он должен бы сообразить, что ему не придётся просить. Он должен понимать, что, если мы не сможем остановить его, то ни в коем случае не бросим.

— Прошу вашего прощения, — вмешался Сэм, — только, по-моему, вы совсем не понимаете моего хозяина. Он вовсе не думает о том, какой дорогой идти. Разумеется, нет! Ну что хорошего в Минас Тирите? Для него, разумеется. Прошу вашего прощения, господин Боромир, — добавил он, оборачиваясь. Только тут все заметили, что Боромир, который сначала молча сидел поотдал от кружка, куда-то делся.

— Ну, а он-то куда? — озабоченно воскликнул Сэм. — Что-то он последнее время держится странновато. Ну, впрочем, это всё его не касается. Он уходит домой, как всегда говорил, и, стало быть, так ему и положено. А что до мистера Фродо, так он знает, что он должен отыскать эти, как их, Роковые Щели, если получится. Но он боится. Ясное дело, как дошло до последнего-то, так его ужас и охватил. Вот он и мучается. Он — да и мы все, — так сказать, поднатаскались, конечно, с тех пор, как ушли из дому, раз уж он от страха не выкинул это Кольцо в Реку и не удрал, куда глаза глядят. Но ему всё-таки просто слишком страшно,

чтобы сразу взять — и пойти. А насчёт нас, в смысле, пойдём мы с ним или нет, он тоже не беспокоится. Он знает, что мы пойдём. Это-то его и тревожит. Если уж он заставит себя идти, так захочет идти один, помяните моё слово! Мы ещё наемся с ним, когда он вернётся. Потому что заставить себя, он заставит. И это так же точно, как то, что его фамилия Торбинс.

— Полагаю, Сэм, что ты высказался мудрее всех нас, — заметил Арагорн. — Так что мы будем делать, если ты окажешься прав?

— Остановим его! Ни за что не отпустим! — вскричал Пин.

— Думаешь? — сказал Арагорн. — Он Хранитель, на которого возложено Бремя. Вряд ли у нас есть право указывать ему, каким путём идти. И не думаю, что нам это удастся, даже если мы попытаемся. Здесь участвуют иные силы, гораздо более мощные.

— Ну, тогда хоть бы Фродо поскорее "заставил себя", вернулся, и будь что будет! — жалобно сказал Пин. — Ждать дольше просто ужасно! Пора бы ему уже, а?

— Да, — подтвердил Арагорн. — Час давно прошёл. Утро кончается. Мы должны позвать его.

В это мгновение из-за деревьев вышел Боромир — растерянный и угрюмый. Он приостановился, словно пересчитывая присутствующих, и молча, не поднимая глаз, сел на траву немного поотдал от них.

— Где ты был, Боромир? — спросил его Арагорн. — Ты не видел Фродо?

— И да, и нет, — чуть помедлив, ответил гондорец. — Да, я нашёл его на склоне холма и говорил с ним. Я уговаривал его пойти в Минас Тирит и не ходить на восток. Под конец я начал горячиться, и он оставил меня. Исчез. Я никогда не видел ничего подобного, разве что в сказках слышал. Наверное, он надел Кольцо. Мне не удалось его отыскать после этого. Я думал, что он вернулся к вам.

— И больше тебе нечего сказать? — мрачно нахмурившись, спросил Арагорн.

— Да, — сказал Боромир. — Пока нечего.

— Это плохо! — воскликнул, вскакивая, Сэм. — Да что же натворил этот человек, если мистеру Фродо пришлось надеть Кольцо?! Его же нельзя надевать! Из-за этого же одному Врагу известно, что может стрястись!

— Но он его, наверно, сразу и снял, — рассудительно сказал Мерри. — Как Бильбо, когда ему надо было уклониться от неприятной встречи.

— А куда он пошёл? Где он? — вскричал Пин. — Его ведь уже целую вечность нету!

— Когда ты его видел последний раз, Боромир? — спросил Арагорн.

— Полчаса, может быть, час назад, — неуверенно ответил гондорец. — Я долго искал. Я не знаю! Не знаю! — Боромир в отчаянии обхватил голову руками и умолк.

— Целый час?! — заорал Сэм. — Нужно его немедленно отыскать! Идёмте!

— Подождите! — воскликнул Арагорн. — Мы должны разбиться на пары и договориться... Эй! Стойте! Подождите!

Но тщетно. Никто его не слушал. Сэм уже мчался куда-то, сломя голову. Мерри с Пином последовали его примеру и уже почти исчезли между деревьями прибрежного леса. "Фродо! Фродо!" — кричали они, и гулкое эхо далеко разносило их звонкие голоса. Леголас и Гимли тоже понеслись прочь. Будто внезапная паника или безумие обрушилось на Отряд.

— Мы так все попропадаем! — простонал Арагорн. — Боромир! Не знаю, какую роль ты сыграл в этой беде, но сейчас помощи! Беги за двумя молодыми хоббитами и охраняй хотя бы их, если не сможете отыскать Фродо. Если найдёте его или какие-нибудь оставленные им следы, возвращайтесь сюда. Я тоже скоро вернусь.

Арагорн быстро побежал следом за Сэмом и вскоре нагнал его у лужайки среди рябин. Хоббит, спотыкаясь и задыхаясь, бежал вверх по склону, то и дело выкрикивая: "Фродо!"

— Пойдём со мной, Сэм! — сказал ему Арагорн. — Никто из нас не должен бродить здесь в одиночку. Того и гляди грянет какая-нибудь беда. Я её чувствую. Я собираюсь подняться на вершину, к креслу Амон Хена, и оглядеться. И смотри! Я угадал правильно: Фродо тоже прошёл здесь. Так что не отставай и гляди в оба!

С этими словами Арагорн поспешил вверх по тропе. Сэм старался, как мог, но при всём желании был не в силах угнаться за следопытом. Очень скоро он окончательно отстал, потерял его из виду и, тяжело отдуваясь, остановился. Потом вдруг хлопнул себя рукой по лбу.

— Эй, Сэм Скромби! Не можешь работать ногами, работай головой! — посоветовал он себе вслух. — Так, посмотрим. Боромир не солгал, это не в его обычае, но и всего он тоже не сказал. Что-то перепугало хозяина, и его сразу вдруг как стукнуло — уходить. А куда? На восток, конечно. Но не без Сэма же? То-то и оно, что даже без Сэма. Это жестоко, очень жестоко!

Сэм провёл рукой по глазам, смахивая набежавшие слёзы, но тут же одёрнул себя:

— Тихо, Скромби! Думай, если можешь! Он не мог перелететь через реку, перепрыгнуть через водопад — тоже. И припасов у него никаких нет. Стало быть, он должен вернуться к лодкам. К лодкам! Дуй к лодкам, Сэм! Мигом!

Хоббит развернулся и помчался вниз по тропе. Упал, ободрал колени, но тут же вскочил и побежал дальше. Он выскочил обратно на лужок рядом с местом, где лежали вытащенные на траву лодки. Никого. Из лесу за его спиной вроде бы слышались крики, но Сэм не обратил на них внимания. Он на мгновение застыл, открыв рот и тараща глаза, потому что одна из лодок вдруг заскользила к воде сама по себе. С громким воплем Сэм помчался по направлению к ней. Лодка плюхнулась в воду.

— Иду, мистер Фродо! Иду! — закричал Сэм и прыгнул ей вслед, пытаясь уцепиться за корму. Он промахнулся примерно на ярд, вскрикнул, плюхнулся в глубокую быструю воду и камнем пошёл на дно, пуская пузыри. Вода тут же сомкнулась над его курчавой головой.

Из пустой лодки донеслось испуганное восклицание, вёсла заработали сами по себе, лодка развернулась. Фродо успел как раз вовремя, чтобы схватить Сэма за волосы, когда он снова всплыл, беспорядочно молотя по воде руками и ногами и задыхаясь. Его круглые карие глаза застыли от ужаса.

— Ничего, Сэм, держись! — проговорил Фродо. — А теперь хватай меня за руку!

— Спасите меня, мистер Фродо! — выдохнул Сэм. — Я тону! Я не вижу руки-то!

— Вот она. Не щиплись, парень. Я тебя не выпущу. Бей по воде ногами и перестань барахтаться, а то опрокинешь лодку. Ну вот, так, теперь держись за борт и дай мне взяться за вёсла!

Несколькими ударами Фродо подвёл лодку к берегу, и Сэм смог выбраться на него, мокрый, как водяная крыса. Фродо снял Кольцо и вышел из лодки.

— Одни неприятности от тебя, репей ты несчастный! — сказал он.

— О, мистер Фродо, это жестоко! — укоризненно воскликнул дрожащий Сэм. — Это жестоко, сэр, взять вот так, и уйти, даже без меня. Если б я не поспел, что бы вы делали-то?

— Спокойно шёл бы своей дорогой.

— Спокойно! Совсем один, и без меня, чтобы помочь вам? Я бы этого не перенёс, просто не пережил бы!

— Вот дороги со мной ты точно не переживёшь, Сэм, — сказал Фродо. — И этого не перенесу уже я.

— Ну, насчёт дороги, это ещё не так наверняка, как если вы меня бросите.

— Но ведь я иду в Мордор, Сэм. В Мордор.

— Я знаю, сударь. А то куда же? И я вместе с вами.

— Послушай, Сэм, — сделал ещё одну попытку Фродо. — Не мешай мне! С минуты на минуту вернутся остальные, и, если застанут меня здесь, то начнутся бесконечные споры и объяснения, и тогда мне уже не представится шанса убраться отсюда. Да и духу не хватит. Но я должен уйти. Немедленно. Это единственный путь!

— Конечно, — согласился Сэм. — Только не в одиночку. Я тоже иду, или никто из нас никуда не пойдёт. Да я сейчас все лодки продырявлю!

На сердце у Фродо неожиданно потеплело, и он благодарно и весело рассмеялся.

— Одну-то оставь! — сказал он Сэму. — Она нам понадобится. Но ты же не можешь отправляться вот так, без пожитков, припасов и всего прочего.

— Одну минуточку, я сейчас! — радостно откликнулся Сэм. — Всё уже готово. Я же знал, что мы сегодня и отправимся.

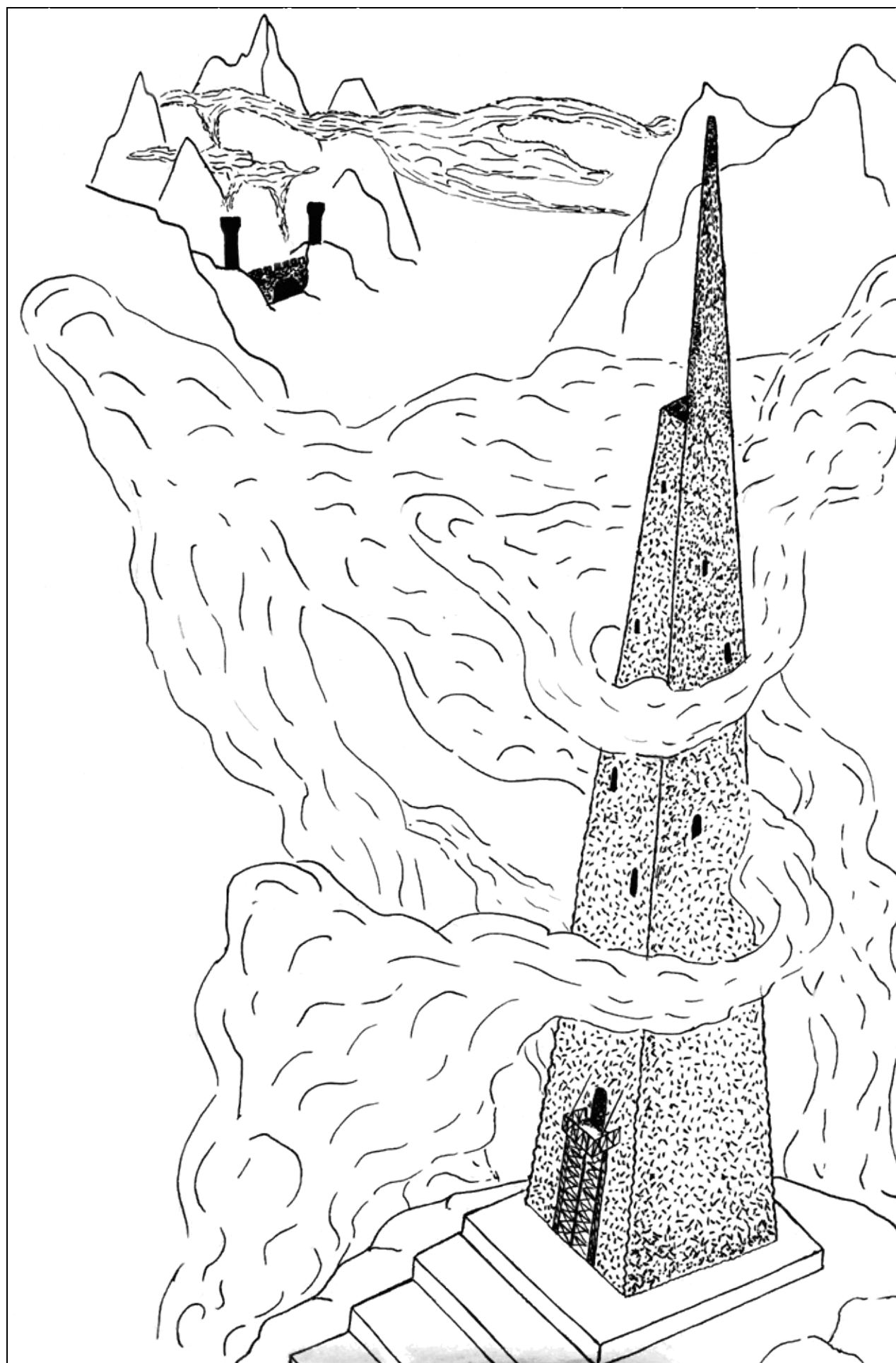
Он бросился на место стоянки, выудил свой мешок из кучи, которую Фродо навалил, освобождая лодку от вещей спутников, прихватил пару запасных одеял и дополнительных тюков с едой и побежал назад.

— Итак, весь мой прекрасный план испорчен! — сказал Фродо. — От тебя никак не отделаться. Но я рад, Сэм. Просто несказанно рад. Идём! Видно, так уж нам суждено — быть вместе до самого конца. Будем надеяться, что наши спутники сумеют отыскать безопасный путь! Бродяжник о них позаботится. Не думаю, что мы когда-нибудь увидим их снова.

— Но мы можем, мистер Фродо. Мы можем, — возразил ему Сэм.

Так Фродо и Сэм вступили на завершающую стадию своего Похода. Фродо усердно грёб прочь от берега, и Река быстро несла их сначала по западному рукаву, потом мимо хмурых утёсов Тол Брандира. Рёв великого водопада приближался. Сэм старательно помогал хозяину, но всё же медленно, очень медленно и с большим трудом удалось им пройти мимо южной оконечности острова и направить лодку к восточному берегу.

В конце концов они причалили у южных склонов Амон Ло, вытащили лодку из воды, подняли её на высокий берег и, как могли, спрятали за большим валуном. Затем вскинули на плечи вещевые мешки и стали отыскивать тропу, которая позволила бы им перебраться через серые холмы Эмин Муила и спуститься в земли под Тенью.

Арагорн спешил к вершине, внимательно вглядываясь в землю. Хоббиты ходят легко, и их следы трудно обнаружить даже Следопыту, но недалеко от вершины тропинку пересекал ручеёк, и на влажной земле он нашёл то, что искал.

"Я не ошибся, — сказал он сам себе. — Фродо взбегал на вершину холма. Интересно, что он там увидел? Но он вернулся той же дорогой и снова спустился с холма".

Арагорн колебался. Ему хотелось подняться и осмотреться и, быть может, увидеть что-нибудь, что разрешит его сомнения, но время не ждало. Внезапно он рванулся вперёд и побежал на вершину, по мощёной площадке и вверх по ступеням. Затем он сел в кресло и огляделся. Но солнце спряталось за тучи и окрестности тонули в туманной дымке. Арагорн обвёл глазами все стороны света, начиная с севера, однако не увидел ничего, кроме отдалённых холмов. Лишь очень далеко и высоко в небе парила большая птица, похожая на орла, которая широкими кругами плавно спускалась к земле.

Пока он всматривался в окрестности, его чуткие уши уловили шум, доносящийся снизу, из леса на западном берегу Реки. Арагорн замер. Послышались крики, среди которых он к своему ужасу различил пронзительные вопли орков. Затем вдруг хрипло и призывно взревел большой рог, и зов этот ударил в холмы и раскатился по ним гулким эхом, перекрыв своим гортанным криком рычание водопада.

— Рог Боромира! — воскликнул он. — Он в беде!

Арагорн спрыгнул с возвышения и помчался по тропе вниз. "Увы! Какой-то злой рок лежит на мне сегодня, и всё, что я делаю, оборачивается бедой... Где Сэм?" — думал он на бегу.

Пока он бежал, крики становились всё слабее, и всё отчаяннее звучал рог. Свирепо и резко взвыли орки, и призыв рога вдруг угас. Арагорн мчался теперь по самому низу склона, но прежде, чем он достиг подножия холма, шум стал стихать. Когда он повернул налево и побежал туда, откуда только что доносились крики, звуки всё отступали, и под конец он больше ничего не слышал. Держа наготове свой яркий меч, с криком "Элендил! Элендил!" Арагорн продирался сквозь заросли.

Примерно через милю от Парт Гален, на маленькой прогалине близ озера он нашёл Боромира. Тот сидел, прислонившись спиной к большому дереву, как будто отдыхая. Но Арагорн увидел, что он пронзён множеством стрел с чёрным оперением. В руке Боромира всё ещё был зажат меч, но клинок сломался около рукояти; его рог, расколотый надвое, лежал рядом. Вокруг валялось много убитых орков, и целая куча их возвышалась у его ног.

Арагорн опустился рядом с ним на колени. Боромир открыл глаза и попытался заговорить. Наконец раздались слова:

— Я пытался отнять у Фродо Кольцо... Я виновен. Я заплатил.

Его взгляд скользнул по сражённым врагам — не менее двадцати их лежало здесь.

— Их увели... невысокликов. Орки захватили их... Я думаю, что они живы: орки связали их...

Он замолчал и утомлённо сомкнул глаза, но спустя мгновение заговорил снова:

— Прощай, Арагорн. Иди в Минас Тирит и спаси мой народ! Я всё погубил.

— Нет! — произнёс Арагорн, взяв его за руку и целуя в лоб. — Ты победил. Немногие способны одержать такую победу. Спи с миром! Минас Тирит никогда не падёт!

Боромир улыбнулся.

— Какой дорогой они ушли? Был ли здесь Фродо? — спросил Арагорн.

Но Боромир больше ничего не сказал.

— Увы! — проговорил Арагорн. — Так умер наследник Денетора, Правителя Сторожевой Крепости! Это горький конец. Наш Отряд совсем развалился. Это я всё погубил. Напрасно Гэндальф надеялся на меня... Что же я теперь должен делать? Боромир завещал мне идти в Минас Тирит, и я всей душой стремлюсь туда же, но где Кольцо и Хранитель? Как я найду его и спасу наш Поход от краха?

Он всё ещё стоял на коленях, едва сдерживая слёзы, и продолжал сжимать руку Боромира. В таком положении его нашли Леголас и Гимли. Они появились с западного склона холма, тихо скользя, как на охоте, между деревьями. Гимли держал в руке топор, а Леголас свой длинный кинжал, его колчан был пуст. Выйдя на прогалину, они сначала застыли в изумлении, а потом горестно склонили головы при виде открывшейся им картины.

— Увы! — сказал Леголас, подходя к Арагорну. — Мы преследовали и убили в лесу много орков, но здесь мы были бы нужнее. Мы бросились сюда, когда слышали рог, но, как видим, слишком поздно. Боюсь, что ваши раны смертельны.

— Боромир мёртв, — тяжело проговорил Арагорн. — Я невредим, но меня не было здесь с ним. Он пал, защищая хоббитов, пока я был на холме.

— Хоббиты! — вскричал Гимли. — Где же они? Где Фродо?

— Я не знаю, — ответил Арагорн устало. — Перед смертью Боромир сказал мне, что орки связали их; он считал, что они живы. Я послал его вслед за Мерри и Пином, но спросить, были ли Фродо или Сэм с ним, я не успел — было уже поздно. Всё, что я сделал сегодня, обернулось бедой. Что же мы предпримем теперь?

— Прежде всего мы обязаны похоронить павшего, — сказал Леголас. — Мы не можем оставить его лежать, словно падаль, среди этих мерзких орков.

— Но мы должны спешить, — возразил Гимли. — Он не одобрил бы нашей медлительности. Мы должны преследовать орков, если есть надежда, что хоть один из наших товарищей жив и уведён в плен.

— Ведь мы не знаем, был ли Хранитель Кольца с ними или нет, — заметил Арагорн. — А вдруг мы его бросим? Быть может, сначала следует разыскать его? Тяжкий предстоит нам выбор!

— Тогда сделаем прежде всего то, что мы должны сделать, — сказал Леголас. — У нас нет ни времени, ни орудий, чтобы похоронить нашего друга, как полагается, и насыпать над ним курган. Мы могли бы закрыть его тело камнями.

— Это слишком долго и трудно, — возразил Гимли. — Здесь, у берега, и камней-то подходящих почти нет.

— Тогда мы положим его в лодку вместе с оружием и оружием побеждённых им врагов, — сказал Арагорн. — Мы проводим его до порога Рэроса и предадим Андуину. Река Гондора позаботится хотя бы о том, чтобы никакой лиходеи не оскорбил его праха.

Они быстро обыскали тела орков и собрали их клинки, расколотые шлемы и щиты в груды.

— Смотрите! — воскликнул Арагорн. — Вот и следы! — Он вытащил из груды зловещего оружия два кинжала с широкими лезвиями и золотисто-красным узором и, поискав ещё, чёрные, отделанные красными камнями ножны.

— Это не орков! — сказал он. — Их носили хоббиты. Несомненно, орки ограбили их, но не решились взять клинки, зная, что это работа западных мастеров с наговором на погибель Мордора. Значит теперь наши друзья, если они ещё живы, безоружны. Я возьму эти вещи в надежде когда-нибудь вернуть их.

— А я, — сказал Леголас, — соберу все стрелы, какие смогу найти. Мой колчан пуст.

Он перерыл всю кучу, обшарил прогалину и нашёл немало неповреждённых стрел, которые, однако, были длиннее, чем те, какими обычно пользуются орки. Леголас пристально их рассматривал.

Арагорн же, посмотрев на убитых, сказал:

— Многие, что лежат здесь, не из Мордора. Если я что-нибудь знаю об орках и их племенах, то некоторые с севера, с Мглистых гор. Но кое-каких я вижу впервые. Их вооружение совершенно не похоже на обычное оружие орков!

Среди трупов было четыре воина-гоблина громадного роста, смуглых, раскосых, с толстыми ногами и длинными руками. Они были вооружены короткими широкими мечами, а не изогнутыми ятаганами, как принято у орков, и имели при себе луки из тиса, по длине и форме похожие на луки людей. На их щитах была начертана странная эмблема: маленькая белая рука в центре чёрного поля. А на их железных шлемах спереди была выведена белым металлом руна "S".

— Я до сих пор не видел таких знаков, — сказал Арагорн. — Что вы думаете?

— "S" — это Саурон, — сказал Гимли. — Самое очевидное прочтение.

— Нет! — возразил Леголас. — Саурон не пользуется рунами эльфов.

— И никогда он не пользуется своим настоящим именем, а также не позволяет его писать или произносить, — добавил Арагорн. — И он никогда не использует белый цвет. Орки из Барат-дура носят эмблему Красного Глаза.

Он на мгновение задумался.

— Я полагаю, что "S" — это Саруман, — сказал он наконец. — В Скальбурге творится нечто недоброе, и запад больше небезопасен. Всё, как опасался Гэндальф: предатель Саруман каким-то образом узнал о нашем походе. Весьма возможно, что ему известно и о гибели Гэндальфа. Выходцы из Мории могли ускользнуть от бдительных лориэнцев, или же они могли обойти Лориэн и попасть в Скальбург другим путём. Орки передвигаются быстро. Но у Сарумана много способов узнавать новости. Помните тех птиц?

— Ладно, у нас нет времени на разгадывание загадок, — перебил его Гимли. — Давайте унесём отсюда Боромира!

— Но затем нам придётся разгадать эти загадки, если мы хотим правильно выбрать путь, — ответил Арагорн.

— Может быть, здесь нет правильного выбора, — отозвался Гимли.

Взяв топор, Гимли срубил несколько веток. Они связали их вместе тетивами луков и настелили свои плащи на раму. На этих носилках они понесли тело своего друга к берегу вместе с трофеями его последней битвы, которые решено было отправить вместе с ним. Это был короткий, но нелёгкий путь, потому что Боромир был высок и могуч.

У кромки воды Арагорн остался охранять носилки, а Леголас и Гимли поспешили назад на Парт Гален. Идти нужно было не меньше мили, поэтому вернулись они нескоро, приведя с собой две лодки.

— Странные известия! — сказал Леголас. — На берегу оказались только две лодки. Мы не обнаружили никаких следов третьей.

— Были ли там орки? — спросил Арагорн.

— Мы не заметили никаких признаков этого, — ответил Гимли. — И орки взяли бы или уничтожили все лодки, и вещи тоже.

— Я поищу следы, когда мы вернёмся, — сказал Арагорн.

Они уложили Боромира на дно лодки и подложили ему под голову свёрнутый эльфийский плащ с капюшоном. Затем расчесали его длинные тёмные волосы и распустили их по плечам, застегнули на нём золотой пояс из Лориэна. Рядом положили его шлем, а на колени — осколки рога, рукоять и клинок его меча. В ногах сложили мечи его врагов. После этого они прицепили нос его лодки к корме другой и вывели их на воду, печально гребя вдоль берега, пока не вышли в стремнину рукава реки и не миновали зелёный газон Парт Галена. Крутые бока Тол Брандира пылали в солнечном свете: был поздний полдень. Проплыв немного к югу, они увидели перед собой брызги Рэроса, закрывшие даль золотым туманом. Рёв и грохот водопада сотрясал безветренный воздух.

Скорбно отвязали они похоронную лодку, в которой спокойно и мирно лежал Боромир, скользя по глади воды. Течение подхватило её и понесло дальше, в то время как они, табаня вёслами, удерживали свою лодку на месте. Постепенно его лодка, отдаляясь, превратилась в тёмную точку среди золотого света, а затем вдруг исчезла. Рэрос грохотал по-прежнему. Река приняла Боромира, сына Денетора, и никогда больше не видели его в Минас Тирите, стоящим, как бывало, поутру на стенах Белой Крепости. Но в Гондоре потом долго говорили, что эльфийская лодка миновала водопад и пенистый водоворот и пронесла его вниз, через Осгилиат и широкую дельту Андуйна, и ночью, под звёздами вынесла в Великое Море.

Трое друзей безмолвно проводили его взглядом. Затем Арагорн заговорил.

— Они будут высматривать его со стен Белой Крепости, — промолвил он. — Но он не вернётся ни с гор, ни с моря.

Сказав это, он начал петь:

Над Ристанией, поверх болот и степей, где высокие травы растут,
Пронёсся западный ветер и налетел на редут.
"Какую весть, о стремительный дух, принёс ты мне в эту ночь?
Осветил для тебя Боромира Высокого звёздный свет иль месяца луч?"
"Я видел: сквозь семь стремительных рек с серой и грозной водой,
Сквозь глухие просторы на север тёмный его уносил конь.
Сына Денетора рог громовой ветер тех мест слышал,
А я, улетаю всё дальше к востоку, больше его не встречал".
"О, Боромир! С высокой стены глядел я на запад вдали,
Но ты не вернулся с пустых равнин, с бурой безлюдной земли".
Леголас подхватил:
С приморских гор южный ветер слетел, с песчаных дюн и скал,
Протяжно, как в узком ущелье запел, над воротами простонал.
"Какую весть, о стенающий дух, донёс ты с юга ко мне?
Жив ещё Боромир Светлый? Он медлит, и я в тоске".
"Не знаю: живым я его не встречал. Так много костей лежит
Под грозным небом средь белых скал, ими берег тёмный покрыт.
И очень многих отнёс Андуйн прямо в морской прилив.
Северный ветер ты лучше спроси. Я чую его порыв".
"О, Боромир! От крепких ворот дорога к югу ведёт,
Но ты не вернулся с морских берегов, где в скалах ветер поёт".
Арагорн снова запел:
Северный ветер коснулся ворот, створками их прогремев.
Ясно и холодно прозвучал над стеной его громкий напев.

"Какая весть, о могучий дух, волнует сейчас твою грудь?
И где теперь Боромир Смелый? Долог был его путь".
"Я слышал: донёс Амон Хен его клич. Ждала там его беда.
В бою треснул щит и сломался меч, и скрыла его вода.
Он так благороден и так величав, но в битве смертельно устал,
И Рэрос, Рэрос, Златой водопад, вечный приют ему дал".
"О, Боромир! Со стен крепостных будет направлен мой взгляд
Отныне и до исхода дней лишь на Рэрос, Златой водопад".

И кончилась песня. Затем они повернули свою лодку и повели её против течения так быстро, как могли, назад, к Парт Гален.

— Вы оставили мне восточный ветер, — сказал Гимли, — но я ничего не хочу говорить о нём.

— Так и должно быть, — ответил Арагорн. — В Минас Тирите терпят восточный ветер, но никто не спросит его о вестях. Однако Боромир идёт своим путём, а мы должны как можно быстрее выбрать наш.

Он осмотрел зелёный луг торопливо, но тщательно, часто склоняясь к самой земле.

— Здесь не было орков, — заявил он. — Помимо этого ничего нельзя сказать наверняка. Все следы здесь наши и помногу раз пересекаются. Я ничего не могу сказать о том, возвращался ли сюда кто-нибудь из хоббитов после того, как начались поиски Фродо.

Арагорн вернулся к берегу в том месте, где ручеёк, сочащийся из родника, струйкой впадал в Реку.

— Здесь есть несколько ясных отпечатков, — сказал он. — Хоббит вошёл в воду и вышел назад, но я не могу сказать, как давно это было.

— Ну, и как же ты разгадаешь эту загадку? — спросил Гимли.

Арагорн не стал отвечать сразу, а сначала вернулся к месту стоянки и осмотрел вещи.

— Двух заплечных мешков нет, — сказал он. — И один из них точно Сэма: он был заметно больше и тяжелее. Вот вам и ответ: Фродо уехал на лодке и его слуга вместе с ним. Фродо, должно быть, вернулся, когда никого из нас здесь уже не было. Я встретил Сэма, взбиравшегося на холм, и велел ему следовать за мной, но ясно, что он этого не сделал. Он угадал намерения своего хозяина и вернулся сюда до того, как Фродо уплыл. Ему не удалось так просто отделаться от Сэма!

— Но почему он оставил нас, не сказав ни слова? — спросил Гимли. — Это странный поступок!

— И геройский поступок! — сказал Арагорн. — Я думаю, Сэм был прав: Фродо не желал вести за собой ни одного друга на верную гибель в Мордор. Но он знал, что сам должен идти туда. Что-то случилось после того, как он оставил нас, что побороло его страх и сомнения.

— Может быть, орки наткнулись на него, и он бежал, — предположил Леголас.

— Он несомненно бежал, — ответил Арагорн. — Но я полагаю, что не от орков.

Что именно он думал о причине внезапного решения и бегства Фродо, Арагорн не сказал. Последние слова Боромира он сохранил втайне надолго.

— Итак, наконец кое-что прояснилось, — сказал Леголас. — Фродо больше нет на этой стороне Реки: только он мог взять лодку. И Сэм с ним: только он взял бы свой рюкзак.

— Теперь дело за нами, — сказал Гимли. — Мы должны либо взять оставшуюся лодку и последовать за Фродо, либо гнаться за орками пешком. Любой путь сулит мало надежды. Мы уже потеряли драгоценное время.

— Дайте мне подумать! — сказал Арагорн. — Быть может сейчас я сделаю правильный выбор и переборю злой рок этого несчастливого дня! — Некоторое время он стоял и молчал, но под конец сказал следующее: — Я буду преследовать орков. Я думал проводить Фродо до Мордора и остаться с ним до конца, но даже если я и найду его теперь в Глухоманье, я покину пленников на муки и смерть. Моё сердце наконец-то говорит ясно: судьба Хранителя более не в моих руках. Отряд сыграл свою роль. Мы, оставшиеся, не можем покинуть наших друзей, пока у нас ещё есть силы. Идёмте! Мы выступаем немедленно. Оставьте здесь всё, что можно! Мы не прервём погони ни днём, ни ночью!

Они подняли последнюю лодку и укрыли её между деревьев, спрятав под неё всё, что можно было оставить, кроме самого необходимого. Затем они покинули зелёную лужайку, Парт Гален. День уже угасал, когда они вернулись к той прогалине, где погиб Боромир. Здесь они разыскивали след орков: это было нетрудно.

— Никакой другой народ так не топает, — сказал Леголас. — Похоже, им доставляет удовольствие рубить и крушить всё живое, что бы ни попало на их пути.

— Но при этом они двигались очень быстро, — заметил Арагорн, — и они не устали. А позднее нам придётся искать их след среди голых камней.

— Так скорей за ними! — воскликнул Гимли. — Гномы тоже могут двигаться быстро, и они не менее выносливы, чем орки. Но погоня будет долгой: у них большое преимущество во времени.

— Да, — согласился Арагорн. — Нам всем понадобится выносливость гномов. Что ж! С надеждой или без неё мы пойдём по следам наших врагов. И горе им, если мы окажемся быстрее! Мы устроим такую погоню, которой будут дивиться все три рода — и эльфы, и гномы, и люди. Вперёд, Три Охотника!

Как олень, он прыгнул вперёд, быстро скользя между деревьями. Он вёл их, не останавливаясь, стремительно и без усталости: цель была наконец-то определена. Леса вокруг озера остались позади. Они поднялись по длинному склону, гребень которого темнел на фоне краснеющего заката неба. Сумерки сгущались, а они продолжали свой путь: серые тени на покрытой камнями земле.

Глава II

Всадники Ристании

Сумерки сгустились. Лёгкий туман поднялся между деревьями и повис над блёклыми берегами Андуина, но небо было ясным. Появились звёзды. Растущая луна встала на западе, и тени от скал почернели. Они приблизились к подножию каменистых холмов, и их шаг замедлился: по следу стало идти гораздо труднее. Нагорье Эмин Муил тянулось с севера на юг двумя длинными обрывистыми хребтами. С запада их склоны были круты и почти неприступны, восточные же склоны значительно положе и изрезаны многочисленными оврагами и узкими лощинами. Всю ночь трое друзей карабкались вверх среди скал, поднялись на гребень первого и самого высокого хребта и снова спустились во мрак глубокой извилистой долины по другой его стороне.

Здесь в тихие прохладные предрассветные часы они устроили короткий привал. Луна давно уже зашла, звёзды сияли над ними, свет утра ещё не появился над тёмными холмами позади. Арагорн на время растерялся: след орков спустился в долину и исчез.

— Куда они могли свернуть, как ты думаешь? — спросил Леголас. — На север, напрямик к Скальбургу или к Фангорну, если, как ты считаешь, именно такова их цель? Или к югу, по

направлению к Энтрице?

— Они не пойдут к реке, какую бы цель ни преследовали, — сказал Арагорн. — И, если только могущество Сарумана резко не возросло и в Рохане не стало совсем плохо, они выберут кратчайший из всех возможных путь через степи Ристании. Продолжим поиск к северу!

Глубокая долина тянулась между хребтами, как каменный жёлоб, и небольшой ручеёк струился между валунами по её дну. Справа угрюмо нависали утёсы, слева смутные и призрачные в ночи высились серые склоны. Трое друзей прошли к северу около мили. Арагорн искал след, изучая землю в расщелинах и оврагах, сбегаящих с западного хребта. Леголас шёл немного впереди. Неожиданно эльф вскрикнул, и остальные подбежали к нему.

— Мы уже догнали кое-кого из тех, за кем охотимся, — сказал он, сопровождая свои слова жестом. — Взгляните!

Остальные посмотрели в указанном направлении и увидели груды тел, которую сначала они приняли за валуны, валяющиеся у подошвы склона. Там лежало пять мёртвых орков. Они были жестоко изрублены, а двое обезглавлены. Земля была пропитана их тёмной кровью.

— Ещё одна загадка! — воскликнул Гимли. — Но чтобы разгадать её, нужен дневной свет, а мы не можем ждать так долго.

— Тем не менее, это обнадеживает, — заметил Леголас. — Враги орков, вероятнее всего, наши друзья. Населены ли эти холмы?

— Нет, — сказал Арагорн. — Ристанийцы редко заходят сюда, и до Минас Тирита слишком далеко. Может быть, здесь охотился какой-то отряд людей с неизвестной нам целью. Но вряд ли. Я так не думаю.

— А что ты думаешь? — спросил Гимли.

— Я думаю, что враги привели врага с собой, — ответил Арагорн. — Это северные орки, пришедшие издалека. Среди убитых нет гигантских орков с той странной эмблемой. Полагаю, здесь была ссора — обычная вещь для такого сброда. Может быть, они спорили, каким путём идти дальше.

— Или о пленниках, — сказал Гимли. — Остаётся надеяться, что они не встретили свой конец заодно с вот этими.

Арагорн внимательно осмотрел землю по широкому кругу, но никаких других следов сражения не нашёл. Они двинулись дальше. Небо на востоке уже стало бледнеть, звёзды погасли, постепенно светало. Ещё немного к северу, и они подошли к узкой расщелине, сквозь которую тонкий ручей, падая и разбиваясь, прорубил себе каменистую тропку вниз, в долину. Кое-где по его берегам пробивалась трава и росли кустарники.

— Наконец-то! — сказал Арагорн. — Вот след, который мы искали! После спора орки поднялись вверх по этому ручью.

Преследователи быстро повернули и последовали по новой тропе. Они прыгали с камня на камень бодро, словно освежённые ночным отдыхом. Наконец они выбрались на вершину серого хребта, и вдруг свежий ветер развеял их волосы и плащи: холодный ветер рассвета.

Обернувшись, они увидели, как озарились за Рекой дальние холмы. В небе разгорался день. Над плечами тёмной земли вставал красный край солнца, но мир на западе оставался бесформенным и сумрачным. Однако, пока они стояли и смотрели, следы ночи растаяли и краски вернулись на просыпающуюся землю: зелень разлилась по степям Ристании, белые туманы замерцали над речными долинами и далеко слева, в тридцати или более лигах, встали голубые и пурпурные Белые горы, взметнув свои пики, увенчанные сверкающими снегами, которые утро окрасило в розовый цвет.

— Гондор! Гондор! — воскликнул Арагорн. — Увижу ли я тебя снова в лучший час?! Мой путь пока не ведёт на юг к твоим прозрачным рекам:

Гондор! Гондор! О, ты, что лежишь между Горами и Морем!
Западный ветер тебя оведал, Белого Дерева блеск освещал,
Изливаясь, словно мерцающий дождь, в сад Короля бывшего.
Стены гордые Крепости Белой! Свет венца и трона златого!
Гондор! О, Гондор! Засияет ли вновь блеск, что тебя освещал?
Пролетит ли западный ветер опять между Горами и Морем?

— А теперь идёмте! — сказал он, отведя глаза от юга и устремив их на северо-запад, на путь, по которому они должны были идти.

Хребет, на котором стояли друзья, круто обрывался у них под ногами. Примерно в двадцати саженях внизу был широкий изрезанный уступ, заканчивающийся отвесным утёсом — Восточная Стена Рохана. Так кончался Эмин Муил; перед ними до самого горизонта простирались зелёные степи Ристании.

— Смотрите! — воскликнул Леголас, указывая в бледное небо над ними. — Там снова орёл! Он очень высоко. Похоже, возвращается к северу. Он летит очень быстро. Смотрите!

— Нет, даже мои глаза не различают его, дорогой мой Леголас, — сказал Арагорн. — Он, должно быть, слишком высоко. Хотел бы я знать, кем он послан и зачем, если это та самая птица, которую я видел раньше. Но смотри! Я вижу нечто более близкое и более нужное: там что-то движется по равнине!

— Много точек, — сказал Леголас. — Это большой пеший отряд, но я не могу больше ничего добавить. Я не вижу, кто они. Они впереди на много лиг, полагаю, что на двенадцать. Однако на глаз трудно оценить расстояние на равнине.

— Тем не менее, мне кажется, что теперь нам не придётся искать след и гадать, куда идти, — заметил Гимли. — Давайте отыщем спуск вниз, да побыстрее.

— Сомневаюсь, что ты сумеешь найти спуск быстрее того, каким воспользовались орки, — отозвался Арагорн.

Они продолжили преследование своих врагов в ясном свете дня. По-видимому, орки двигались с самой большой скоростью, на какую были способны. Всё снова и снова преследователи находили оставленные или выброшенные вещи: пищевые мешки, огрызки и корки чёрствого серого хлеба, порванный чёрный плащ, подкованный железом башмак, разбитый о камни. След вёл к северу по самому краю обрыва, и наконец они вышли к глубокой расщелине, пробитой в скале потоком, который шумно низвергался вниз, рассыпая брызги. По этому узкому ущелью спускалась в долину ухабистая, с крутыми ступеньками тропа. Достигнув подножия, они вдохнули странный, резкий запах трав Ристании. Зелёное море тихо колыхалось у самых ног Эмин Муила. Падающий поток исчезал в густых зарослях камыша и водяных растений, и трое друзей слышали, как он журчит в зелёном туннеле, уводящем длинными пологими склонами к топям далёкой долины Энтрицы. Казалось, что они оставили зиму за холмами позади. Здесь воздух был влажнее и теплее и наполнен слабым ароматом, будто весна уже наступила и соки вновь побежали по траве и листьям. Леголас глубоко вздохнул, словно залпом сделал большой глоток после долгой жажды в пустынном краю.

— А-а! Пахнет зеленью! — сказал он. — Это лучше, чем выпаться. Бежим!

— Лёгкие ноги понесут здесь быстро, — сказал Арагорн. — Быть может, гораздо быстрее,

чем обутых в тяжёлые башмаки орков. У нас есть шанс уменьшить их преимущество!

Они пустились бежать друг за другом, как гончие по свежему следу, и глаза их горели нетерпением. Широкая прогалина — безобразный коридор, протоптанный орками — вела почти точно на запад. Там, где они прошли, душистые травы Ристании были смяты и почернели. Внезапно Арагорн предупредительно вскрикнул и слегка обернулся.

— Стоп! — крикнул он. — Не подходите ко мне!

Он быстро побежал вправо, в сторону от основного следа, так как заметил другие следы, ведущие в том направлении. Это были частично затоптанные орками отпечатки маленьких босых ступней; сначала они шли прочь от основного следа, затем, пересекаясь со следами орка, резко поворачивали назад и, наконец, исчезали, окончательно затоптанные. В самой дальней точке Арагорн наклонился, что-то поднял в траве и бегом вернулся.

— Да, — сказал он, — дело ясное: следы хоббита. Думаю, Пина — они меньше, чем у других. И посмотрите на это! — Он поднял вещичку, блеснувшую в солнечном свете. Она была похожа на только что развернувшийся лист бука — дивная и совершенно чуждая этой безлесной равнине.

— Брошка с эльфийского плаща! — воскликнули Леголас и Гимли одновременно.

— Листья Лориэна не падают даром, — сказал Арагорн. — Её не уронили случайно: она брошена как знак для возможных преследователей. Думаю, что Пин нарочно отбежал от тропы для этого.

— Значит, по крайней мере, он был ещё жив, — заметил Гимли. — И мог пользоваться головой, и ногами тоже. Это обнадеживает. Мы больше не преследуем впустую.

— Будем надеяться, что он не слишком дорого заплатил за свою смелость, — произнёс Леголас. — Вперёд! У меня сердце кровью обливается при мысли, что этих весёлых мальчуганов гонят, как скот.

Солнце поднялось в зенит, а затем медленно покатилося вниз. Лёгкие облака пришли со стороны далёкого моря на юге и были унесены свежим ветром. Солнце садилось. Тени сзади росли и протягивались всё дальше к востоку. Но охотники продолжали бежать вперёд. Сутки миновали с тех пор, как погиб Боромир, а орки всё ещё были далеко впереди. Никто из них не попал пока в поле зрения на плоской равнине.

Когда мрак ночи сомкнулся над ними, Арагорн остановился. За весь день они сделали лишь две короткие передышки, и двенадцать лиг лежало между ними и Восточной Стеной, на которой они недавно стояли.

— Мы снова поставлены перед выбором, — сказал он. — Остановимся ли мы на ночь или пойдём вперёд до тех пор, пока сможем держаться на ногах?

— Если только наши враги тоже не остановятся, то, пока мы будем спать, они оставят нас далеко позади, — сказал Леголас.

— Наверное, даже орки должны останавливаться в походе? — проговорил Гимли.

— Орки редко путешествуют открыто при свете солнца, а эти так поступили, — возразил Леголас. — Без сомнения, они не будут отдыхать и ночью.

— Но если мы будем идти ночью, то не сможем разглядеть их след, — возразил Гимли.

— Их след прям и не сворачивает ни вправо, ни влево так далеко, насколько видят мои глаза, — ответил Леголас.

— Может быть, мне и удастся вести вас в темноте, не сбившись с прямой, — сказал Арагорн. — Но если мы заблудимся или они свернут в сторону, то, когда рассветёт, может пройти немало времени, пока след отыщется снова.

— И ещё одно, — добавил Гимли. — Только днём мы сможем заметить, не ответвляются ли от него какие-нибудь другие следы. Если одному из пленников удастся бежать или кого-то из них уведут к востоку, скажем, к Великой Реке, в Мордор, мы можем пропустить это место и никогда не узнать об этом.

— Это верно, — сказал Арагорн. — Но я хорошо разобрался в следах: преобладают орки Белой Руки и вся орда связана со Скальбургом. Их курс это подтверждает.

— Не следует слишком поспешно судить об их намерениях, — возразил Гимли. — И как насчёт побега? В темноте мы наверняка пропустили бы следы, которые привели тебя к броши.

— С тех пор орки, без сомнения, удвоили охрану, а пленники всё больше теряют силы, — вмешался Леголас. — Они не смогут бежать, если мы не поможем. Но об этом рано пока думать, сначала мы должны нагнать их.

— Но даже я, гном, привыкший путешествовать и не лишённый выносливости моего народа, не могу бежать всю дорогу до Скальбурга без отдыха, — сказал Гимли. — Моё сердце тоже обливается кровью, и я хотел бы продолжить путь как можно скорее, но сейчас я должен немного отдохнуть, чтобы бежать лучше. А если мы остановимся, то слепая ночь лучшее время для этого.

— Я сказал, что это будет трудный выбор, — произнёс Арагорн. — Ну, и на чём же мы кончим наш спор?

— Ты ведёшь нас, — ответил Гимли, — и ты самый опытный в таких вещах. Решай!

— Сердце влечёт меня идти, — сказал Леголас, — но мы должны держаться вместе. Я последую твоему совету.

— Вы вручаете выбор плохому советчику, — промолвил Арагорн. — С тех пор, как мы прошли через Аргонат, мои решения не были удачными.

Он довольно долго стоял, обратившись лицом к северо-западу, и молча вглядывался в надвигающуюся ночь.

— Мы не пойдём в темноте, — сказал он наконец. — Риск потерять след или пропустить любые ответвления от него кажется мне большим. Если бы луна давала достаточно света, мы могли бы воспользоваться им, но — увы! Она пока молодая и бледная, да и садится рано.

— И в любом случае, сегодня она за тучами, — проворчал Гимли. — Если бы Владычица дала нам светильник наподобие того, какой она подарила Фродо!

— Он гораздо нужнее там, где он есть, — сказал Арагорн. — Ведь истинная цель похода — там. А наша роль в великих делах этого времени весьма незначительна. Погоня с самого начала казалась тщетной и, быть может, её исход не зависит от того, прав ли я сейчас или ошибаюсь... Ну, я решил. Используем время наилучшим образом!

Он бросился на землю и мгновенно заснул, потому что не спал с той ночи, что прошла под тенью Тол Брандира. Прежде чем рассвело, Арагорн проснулся и встал. Гимли тихо лежал в глубокой дреме, но Леголас стоял, вглядываясь в темноту на севере, задумчивый и безмолвный, как молодое дерево в безветренную ночь.

— Они очень, очень далеко, — сказал он печально, повернувшись к Арагорну. — Я чувствую сердцем, что они не отдыхали этой ночью. Теперь лишь орёл смог бы их догнать.

— Тем не менее, мы будем преследовать их так, как сможем, — сказал Арагорн и разбудил гнома:

— Вставай! Нам нужно идти, — сказал он. — След остывает!

— Но ещё совсем темно, — отозвался Гимли. — Даже Леголас с вершины хребта не смог разглядеть их, пока не встало солнце.

— Боюсь, что они ускользнули от моего взгляда и с равнины, и с вершины, и под луной, и

под солнцем, — промолвил Леголас.

— Где бессилен взгляд, там земля донесёт до нас весть, — сказал Арагорн. — Земля должна стонать под их тяжёлой поступью.

Он растянулся плашмя, приложив ухо к дёрну, и так долго лежал неподвижно, что Гимли, поинтересовавшись, уж не упал ли он в обморок или не умер ли, заснул снова. Забрезжил рассвет, и слабый серый свет разлился вокруг них. Наконец Арагорн встал, и друзья смогли увидеть его лицо: оно было бледным и осунувшимся, а взгляд выражал беспокойство.

— Вести земли смутны и приводят в замешательство, — сказал он. — Никакого движения на много миль вокруг нас. Поступь наших врагов слаба и далека, но громко звучат копыта лошадей. Я припоминаю, что уже слышал их, когда засыпал, и этот звук нарушил мой сон: лошади, галопом скачущие на запад. Но теперь они быстро удаляются от нас к северу. Хотел бы я знать, что происходит в этих краях!

— Идёмте! — сказал Леголас.

Так начался третий день погони. Все его долгие часы они то торопливо шагали, то бежали под тучами и проблёскивающим сквозь них солнцем, словно усталость не могла потушить огонь, сжигавший их души. Заговаривали они редко, окружённые широкими пустыми пространствами. Их эльфийские плащи сливались с серовато-зелёными степями, так что увидеть охотников даже на расстоянии вытянутой руки могли бы только глаза эльфа при ярком свете полдня. В глубине души они часто благодарили Владычицу Лориэна за лембас, которые можно было есть даже на бегу и черпать в них свежие силы.

Весь день след их врагов вёл прямо на северо-запад, не сворачивая и не прерываясь. Уже на исходе дня они приблизились к пологим безлесным склонам, ведущим к горбатым холмам, которые плавно изгибались на горизонте. След орков немного отклонился к северу и стал слабее, так как грунт здесь был более твёрдым, а трава короткой. Вдали по левую сторону извивалась Энтрица: серебряная нить на зелёной подкладке. Не было заметно ничего движущегося. Арагорна часто удивляло, что он не видит следов ни животных, ни людей. Ристанийцы жили большей частью далеко на юге, у лесистых окраин Белых гор, скрытых сейчас туманом и тучами. Тем не менее, повелители коней держали прежде в Восточных Степях множество табунов и стад, и здесь часто можно было встретить пастухов. Даже зимой не сворачивались их палаточные лагеря. Но сейчас местность была пустынна, и стояла тишина, не предвещавшая мира.

В сумерках друзья снова остановились. Двадцать две лиги прошли они по долинам Рохана, и стена Эмин Муила скрылась уже в тенях на востоке. Молодой месяц блестел на туманном небе, но мало света давал он, и тускло мерцали звёзды.

— Сейчас мне особенно жалко терять время на отдых и на любую остановку, — сказал Леголас. — Орки бегут так, будто их подгоняет хлыст Саурана. Боюсь, что они успели достичь леса и тёмных холмов, и в настоящий момент уже пробираются в тени деревьев.

Гимли скрипнул зубами.

— Это горький конец наших надежд и трудов, — сказал он.

— Надежд, быть может, но не трудов, — отозвался Арагорн. — Мы не повернём назад. Но я устал. — Он обернулся и внимательно посмотрел на пройденный ими путь, откуда их нагоняла ночь с востока. — Станные дела творятся здесь. Я не доверяю тишине. Я не доверяю даже бледной луне. Звёзды слабы, а я устал так, как редко уставал раньше, устал не так, как следопыт, шедший по ясному следу. Здесь действует чья-то воля, которая подгоняет наших врагов и воздвигает перед нами невидимые барьеры: дух устал сильнее, чем тело.

— Верно! — сказал Леголас. — Я чувствую это с тех пор, как мы спустились с Эмин Муила. И воля эта не позади, а впереди нас.

Он указал рукой через равнины Рохана на запад, темнеющий под серпом луны.

— Саруман! — пробормотал Арагорн. — Но он не заставит нас отступить! Сейчас мы вынуждены остановиться... Вот и луна как раз прячется в подступившие тучи. Но когда вернётся день, мы пойдём на север между холмами и топиями.

Как и прежде, первым вскочил Леголас, если он вообще когда-либо по-настоящему спал.

— Проснитесь! Проснитесь! — воскликнул он. — Заря уже алеет. Странные вещи ожидают нас у края леса. К добру или к худу, не знаю, но нас ждут. Проснитесь!

Остальные вскочили и почти сразу же двинулись в путь. Холмы медленно приближались. Они добрались до них за час до полудня: зелёные склоны, сливающиеся в хребет, вытянутый на север. У его подножия земля была сухой и трава короткой, но между ним и рекой, петляющей в блёклых зарослях тростника и камыша, раскинулась очень широкая, не менее десяти миль в поперечнике, низменность. Точно к западу от самого южного склона виднелся громадный круг, внутри которого дёрн был сбит и вытоптан многочисленными тяжёлыми ногами. За ним снова начинался след, оставленный орками. Он сворачивал к северу, вдоль сухого подножья холмов. Арагорн задержался и тщательно изучил следы.

— Они отдыхали здесь какое-то время, — сказал он. — Но даже отходящие следы уже старые. Боюсь, что сердце не обмануло тебя, Леголас: думаю, что прошло три раза по двенадцать часов с тех пор, как орки стояли, где стоим сейчас мы. Если они сохранили свою скорость, то должны были вчера на закате достичь границ Фангорна.

— Я ничего не могу различить ни на севере, ни на западе, кроме травы, теряющейся в тумане, — буркнул Гимли. — Мы сможем увидеть этот лес, если поднимемся на холмы?

— Он довольно далеко отсюда, — ответил Арагорн. — Если я правильно помню, холмы тянутся лиг на восемь или больше к северу, а затем до истоков Энтрицы к северо-западу простирается широкая равнина, ещё лиг пятнадцать, быть может.

— Так идём! — сказал Гимли. — Мои ноги смогут нести меня ещё мили и мили. Хотелось бы только, чтобы не было так тяжело на сердце.

Солнце садилось, когда они наконец приблизились к концу линии холмов. Они шли без остановки уже много часов, и теперь двигались медленно, а плечи Гимли окончательно поникли. Гномы тверды, как камни, и в работе и в пути, но, когда надежда окончательно угасла в его сердце, эта бесконечная погоня стала сказываться на нём. Арагорн, мрачный и безмолвный, шёл следом за ним, снова и снова задерживаясь, чтобы рассмотреть какие-то отпечатки на земле. Только Леголас шагал также легко, как всегда; его ноги едва заметно приминали траву, и слабые следы исчезали, когда она вновь выпрямлялась. Но в эльфийском дорожном хлебе он находил всё, что требовалось, и мог спать, если это состояние можно назвать сном, уводя свои мысли по неведомым путям сновидений эльфов, даже когда продолжал идти с открытыми глазами при свете этого мира.

— Давайте взберёмся на этот зелёный холм! — предложил он.

Остальные утомлённо последовали за ним, карабкаясь по длинному склону, который вывел их на вершину. Холм был круглый, ровный и голый, одиноко возвышающийся севернее всех прочих. Солнце село, и вечерние тени упали, как занавес. Они были одни в сером бесформенном мире без предметов и расстояний. Лишь далеко на северо-западе сумерки были гуще, чем умирающий свет: Мглистые горы и лес у их подножия.

— Ничего мы здесь не увидим, — проворчал Гимли. — Что ж, теперь мы снова должны

остановиться и переждать ночь. Становится холодно!

— Со снегов дует северный ветер, — сказал Арагорн.

— И ещё до утра он сменится восточным, — отозвался Леголас. — Но остановимся, раз вам это необходимо. И не теряйте надежды. Завтрашний день неизвестен, и решения часто приходят с восходом солнца.

— Уже трижды вставало солнце за время нашей погони и не принесло совета, — сказал Гимли.

Ночь становилась всё холоднее. Арагорн и Гимли спали урывками и, просыпаясь, видели Леголаса, который стоял рядом с ними или прохаживался взад и вперёд, что-то тихо напевая на своём родном языке; и когда он пел, белые звёзды загорались на иссиня-чёрном небосводе. Так прошла ночь. Они проснулись вместе с рассветом, который медленно разгорался в небе, теперь чистом и безоблачном, пока наконец не вспыхнул восходом. Было зябко и ясно. Ветер дул с востока, и весь туман рассеялся; перед ними в резком свете чернела обширная пустая равнина.

Впереди на востоке виднелись открытые всем ветрам Нагорья Рохана, которые они уже много дней назад видели мельком с Великой Реки. С северо-запада подступал тёмный лес Фангорна: его тенистый край вставал примерно в десяти лигах, а дальние склоны терялись в голубой дымке. И ещё дальше мерцала, как бы завёрнутая в серый плащ, белая вершина Метедраса, крайнего пика Мглистых гор. От леса навстречу им текла Энтрица, теперь быстрая и узкая, с глубоко врезанными берегами. След орков поворачивал от холмов по направлению к реке.

Проследивая своими зоркими глазами тропу орков до реки и за рекой к лесу, Арагорн увидел на зелёной стене вдали какую-то тень — тёмное, быстро движущееся пятно. Он бросился на землю и снова внимательно прислушался. Леголас стоял рядом с ним, притеняя свои ясные глаза эльфа длинной тонкой рукой, и видел не тени, не пятна, а маленькие фигурки всадников, многих всадников, и блеск утра на остриях их копий напоминал мерцание мельчайших звёзд. Далеко за ними тонкими волнистыми нитями поднимался тёмный дым.

В пустых полях было тихо, и Гимли слышал, как ветерок шелестит в траве.

— Всадники! — воскликнул Арагорн. — К нам приближается много всадников на быстрых конях!

— Да, — подтвердил Леголас. — Их сто пять. У них жёлтые волосы и тяжёлые копья. Их вождь очень рослый.

Арагорн улыбнулся.

— Остры глаза эльфов, — промолвил он.

— Да ну! Всадники чуть дальше, чем в пяти лигах! — отмахнулся Леголас.

— Пять лиг или одна, — проговорил Гимли, — мы не можем избежать встречи с ними на этой голой равнине. Подождём их здесь или пойдём своей дорогой?

— Мы подождём, — ответил Арагорн. — Я устал, а наша охота сорвалась. Или, во всяком случае, нас опередили другие, поскольку эти всадники возвращаются по следу орков. Мы можем получить от них новости.

— Или удары копьями, — добавил Гимли.

— Я вижу три пустых седла, но не вижу хоббитов, — промолвил Леголас.

— Я не сказал, что мы услышим хорошие вести, — произнёс Арагорн. — Но к добру или к худу мы подождём их здесь.

Три друга оставили вершину холма, где они были видны как на ладони на фоне бледного неба, и неторопливо спустились по северо-западному склону. Чуть выше подножия холма они остановились и, закутавшись в свои плащи, сели тесной группкой прямо среди вялой травы.

Время тянулось медленно и нудно. Дул слабый, но пронизывающий ветер. Гимли тревожился.

— Что ты знаешь об этих всадниках, Арагорн? — спросил он. — Так ли уж нам нужно сидеть здесь, дожидаясь мгновенной смерти?

— Я жил среди них, — ответил Арагорн. — Они горды и своевольны, но прямодушны, их мысли честны, а поступки щедры. Они отважны, но не жестоки, мудры, но несведущи, не пишут книг, но поют баллады так же, как пели их люди перед Чёрными Годами. Но я не знаю ни что произошло здесь за последнее время, ни каково настроение ристанийцев сейчас, когда они оказались между предателем Саруманом и угрозой со стороны Саурона. Они давние союзники гондорцев, хотя не родня им. В минувшие годы, давным-давно, Эорл Младший привёл их с севера, и по крови они ближе к бардингам из Дола и беорнингам из Леса, среди которых и поныне много высоких светловолосых людей, подобных всадникам Ристании. Наконец, они не любят орков.

— Но Гэндальф говорил, что по слухам они платят дань Мордору, — сказал Гимли.

— Я верю в это не больше, чем верил Боромир, — отрезал Арагорн.

— Ты вскоре узнаешь правду, — сказал Леголас. — Они уже приближаются.

Наконец даже Гимли услышал далёкий топот скачущих лошадей. Всадники, возвращавшиеся по следу, повернули от реки и приблизились к холмам. Они неслись, как ветер.

Теперь над степью зазвучали ясные сильные голоса. Внезапно они подлетели с шумом, подобным грому, и передний всадник, слегка свернув, промчался у подножия холма и повёл отряд назад к югу вдоль западного края холмистой гряды. Они поскакали за ним: длинный ряд одетых в кольчуги воинов, стремительных, сверкающих, грозных и прекрасных.

Их лошади были высокого роста, сильные и изящных пропорций, с лоснящейся серой шкурой, развевающимися по ветру длинными хвостами и заплетёнными в косы гривами на гордых шеях. Люди, скакавшие на них, были под стать коням — высокие и стройные, их светлоглазые волосы выбивались из-под лёгких шлемов и длинными прядями летели за ними, лица были суровыми, с резкими чертами. В руках они держали длинные копья из ясеня, расписные щиты висели за спинами, на поясах — длинные мечи, кольчужные рубахи спускались до колен.

Они попарно проносились мимо, не замечая трёх чужаков, которые молча сидели в траве и насторожённо наблюдали за ними, хотя каждый воин поднимался на стременах и внимательно оглядывал окрестности. Отряд почти проехал, когда Арагорн внезапно поднялся и спросил громким голосом:

— Что нового на севере, всадники Ристании?

С изумительной скоростью и проворством они приостановили своих коней, повернулись и рассыпались кругом. Уже три друга оказались внутри кольца всадников, скачущих по окружности вверх по склону холма, за холмом и вниз, вокруг и вокруг них, всё сужая охват. Арагорн стоял молча, а двое других сидели неподвижно, гадая, в какую сторону повернут события.

Внезапно, без слова или крика, всадники остановились. Лес копий был направлен на чужаков, а некоторые наездники держали в руках луки, уже положив стрелы на тетиву. Один из них выехал вперёд: высокий воин, выше остальных, с его шлема, как гребень, спускался белый лошадиный хвост. Концом своего копья он почти коснулся груди Арагорна. Арагорн не шевельнулся.

— Кто вы такие и что вы делаете в этой стране? — спросил всадник на всеобщем языке. Его произношение и манера говорить напоминали речь гондорца Боромира.

— Меня называют Бродяжником, — ответил Арагорн. — Я пришёл с севера. Я отслеживаю

орков.

Всадник соскочил с коня. Передав своё копье другому, который подъехал к нему и тоже спешил, он обнажил свой меч и встал напротив Арагорна, пристально и не без удивления разглядывая его. Наконец он снова заговорил.

— Сначала я подумал, что вы сами орки, — сказал он. — Но теперь я вижу, что это не так. Вы, наверное, мало знаете об орках, если вышли на охоту за ними таким образом. Они быстры и хорошо вооружены, и их много. Если бы вы даже сумели догнать их, то мигом превратились бы из охотников в дичь. Но в тебе есть что-то странное, Бродяжник. — Всадник снова устремил свои ясные светлые глаза на следопыта. — Это имя не для такого, как ты. И одеяние твоё тоже необычно. Ты выскочил из травы? Как же вам удалось укрыться от наших взоров? Вы эльфы?

— Нет, — ответил Арагорн. — Только один из нас эльф: Леголас из Лесного Королевства в далёком Лихолесье. Но мы шли через Лориэн, и нас сопровождают дары и благосклонность Владычицы.

Всадник посмотрел на них ещё более удивлённо, но взгляд его посуровел.

— Так значит, есть Владычица в Золотом Лесу, как повествуют старые предания! — сказал он. — Говорят, что немногие избежали её сетей. Воистину непонятные дни! Но раз её благосклонность с вами, так, может быть, вы тоже ловцы в сети и чародеи? — Он внезапно устремил холодный взгляд на Леголаса и Гимли и спросил: — Почему вы молчите?

Гимли встал, крепко расставив ноги. Его рука легла на рукоять топора, тёмные глаза сверкнули.

— Назови мне своё имя, повелитель коней, и я скажу своё, и многое кроме этого, — заявил он.

— Что касается имени, — ответил всадник, глядя на гнома сверху вниз, — то чужаки должны представляться первыми. Однако меня зовут Эомир, сын Эомунда, и называют Третьим маршалом Ристании.

— Тогда Эомир, сын Эомунда, Третий маршал Ристании, позволь гному Гимли, сыну Глоина, предостеречь тебя от неразумных слов. Ты дурно говоришь о том, что много выше твоего понимания, и только недалёкий ум может оправдать тебя.

В глазах Эомира сверкнула молния, а воины Рохана сердито заворчали и сомкнулись, выставив копья.

— Я отрубил бы твою голову вместе с бородой и со всем прочим, мастер гном, будь она хоть немного повыше от земли, — бросил Эомир.

— Он здесь не один, — сказал Леголас, натянув тетиву и накладывая стрелу движением более быстрым, чем мог уследить взгляд. — Ты умрёшь прежде, чем нанесёшь удар.

Эомир поднял меч, и дело обернулось бы плохо, но Арагорн прыгнул между ними, подняв руку.

— Извини, Эомир! — воскликнул он. — Когда ты узнаешь больше, то поймёшь, почему мои товарищи рассердились. Мы не намерены вредить никому в Рохане — ни людям, ни коням. Не хочешь ли ты выслушать наш рассказ прежде, чем перейти к ударам?

— Хочу, — сказал Эомир, опуская меч. — Но странствующим по Ристании следовало бы поумерить заносчивость в эти смутные дни. Сначала скажи мне своё настоящее имя.

— Сначала скажи мне, кому вы служите, — возразил Арагорн. — Вы друзья или враги Саурона, Чёрного Властелина Мордора?

— Я служу только Владыке Рохана, герцогу Теодену, сыну Тенгеля, — ответил Эомир. — Мы не подчиняемся Властелину далёкой Чёрной Страны, но и не воюем сейчас с ним в открытую, и если вы бежите от него, вам лучше покинуть маркгерцогство. На всех наших границах сейчас беспокойно и нам угрожают, но мы стремимся только быть свободными и

жить, как жили, охраняя наше достояние и не подчиняясь никакому постороннему властителю, доброму или злему. В лучшие времена мы были гостеприимны, но теперь непрощенных чужаков ждёт быстрая и суровая встреча. Говори! Кто ты? Кому ты служишь? И кто велел тебе преследовать орков в нашей стране?

— Я не служу, — сказал Арагорн, — но слуг Саурона я преследую в любой стране, где их встречу. Мало кто среди смертных людей знает об орках больше меня, и я не преследовал бы их таким образом, будь у меня выбор. Орки, за которыми мы гнались, пленили двух моих друзей. В таких обстоятельствах человек, не имеющий лошади, идёт пешком, и он не спрашивает разрешения идти по их следу. И он не пересчитывает врага по головам, разве что мечом. Я не безоружен.

Арагорн распахнул свой плащ. Эльфийские ножны блеснули, когда он схватился за них, и выхваченное лезвие Андрилы полыхнуло, как пламя.

— Элендил! — воскликнул он. — Я Арагорн, сын Арахорна, а прозываюсь Элессар, Эльфийский Камень, Дунадан, наследник Исилдура, сына Элендила из Гондора. Вот Меч, Что Был Сломан и выкован заново! Поможешь ли ты мне или помешаешь мне? Решай быстро!

Гимли и Леголас смотрели на своего друга в изумлении: никогда до этого они не видели его ещё в таком настроении. Он словно вырос, а Эомир сжался, и на его живом лице промелькнул краткий отблеск могущества и величия каменных королей. На мгновение Леголасу почудилось, что на челе Арагорна вспыхнуло белое пламя, подобно сверкающей короне.

Эомир отступил и с благоговением посмотрел в его лицо, а затем опустил свои гордые глаза.

— Действительно странные дни, — пробормотал он. — Сказки и легенды оживают, выскакивая прямо из травы.

Затем он произнёс:

— Скажи мне, господин, что привело тебя сюда? И что значило тёмное пророчество? Уже давно Боромир, сын Денетора, отправился за ответом, и конь, которого мы дали ему, вернулся назад без седока. Что принес ты нам с севера?

— Необходимость выбора, — ответил Арагорн. — Можешь передать Теодену, сыну Тенгеля, следующее: перед ним лежит путь открытой войны, вместе с Сауроном или против него. Сегодня нельзя жить так, как прежде, и немногие сохраняют то, что имеют. Но об этих важных вещах мы поговорим позже. Если судьба позволит, я сам приду к герцогу. Но сейчас я в большой нужде и прошу помощи или, по крайней мере, известий. Ты слышал, что мы преследуем орду орков, которые увели наших друзей. Что можешь ты сказать нам?

— Что вам не нужно преследовать их дальше, — ответил Эомир. — Орки уничтожены.

— А наши друзья?

— Мы не обнаружили никого, кроме орков.

— Однако, это странно, — сказал Арагорн. — Вы осмотрели убитых? Были ли там другие тела, кроме орков? Маленькие, как дети на ваш взгляд, без обуви, одетые в серое?

— Там не было ни гномов, ни детей, — сказал Эомир. — Мы сосчитали все трупы и обыскали их, сложили штабелем и затем сожгли, как это принято у нас. Пепел ещё курится.

— Мы говорим не о гномах и не о детях, — вставил Гимли. — Наши друзья были хоббитами.

— Хоббитами? — удивился Эомир. — А кто это? Это странное имя.

— Странное имя для странного народа, — печально проговорил Гимли. — Но они были очень дороги нам. Похоже, что вы в Рохане слышали о пророчестве, смутившем Минас Тирит. Там говорилось о невысокликке. Хоббиты и есть невысоклики.

— Невысоклики! — рассмеялся всадник, стоявший рядом с Эомиром. — Невысоклики! Но

это всего лишь маленький народец из старых песен и детских сказок севера. Да где мы: в легенде или всё-таки стоим на зелёной траве среди бела дня?

— Одно другому не мешает, — заметил Арагорн. — Не мы, но наши потомки сложат легенды о нашем времени. Зелёная трава, говоришь ты? Это неисчерпаемый источник легенд, хоть ты и топчешь её при свете дня!

— Время не ждёт, — сказал всадник, не обращая внимания на Арагорна. — Мы спешим на юг, милорд. Оставьте этих сумасбродов фантазировать в одиночестве. Или давайте свяжем их и отвезём к герцогу.

— Спокойнее, Эотаин! — ответил ему Эомир на родном языке. — Оставь меня пока. Вели эореду собраться на тропе и приготовиться скакать к Переправе.

Эотаин, ворча, отошёл и передал приказ остальным. Всадники отъехали, оставив Эомира наедине с тремя друзьями.

— Всё, что ты сказал, странно, Арагорн, — заговорил он. — Но ты говоришь правду, это ясно. Народ маркгерцогства не лжёт, и потому его нелегко обмануть. Однако ты не сообщил всего. Быть может, теперь ты расскажешь более подробно о своём поручении, чтобы я решил, что делать?

— Я вышел из Имладриса, как его называют в песнях, много недель назад, — ответил Арагорн. — Со мной шёл Боромир из Минас Тирита. Я намеревался дойти до этого города вместе с сыном Денетора, чтобы помочь его народу в войне с Сауроном. Но отряд, с которым я шёл, имел другие цели. О них я не могу сейчас сказать. Нашим предводителем был Гэндальф Серый.

— Гэндальф! — воскликнул Эомир. — Гэндальф по прозвищу Серый Плащ известен в Ристании, но его имя — я хочу предостеречь тебя — уже давно не в почёте у герцога. Он много раз появлялся в нашей стране на памяти людей, спустя год или много лет, когда ему было угодно. Он вечный предвестник странных событий: носитель зла, как говорят теперь некоторые.

И впрямь, со времени его последнего появления летом дела пошли неладно. С этих пор начались наши трения с Саруманом. До этого мы считали Сарумана нашим другом, но затем появился Гэндальф и предостерёг нас, что в Скальбурге готовятся к внезапному нападению. Он сказал, что сам был пленником в Ортханке и с трудом бежал, и он просил помощи. Но Теоден не поверил ему, и Гэндальф ушёл. Не упоминай имени Гэндальфа в присутствии Теодена! Он не может судить справедливо. Ибо Гэндальф взял коня по имени Тенегон, самого лучшего в табунах герцога, жожака меарас, на которого позволено сесть только Владыке Ристании. Предком этого рода был великий конь Эорла, знавший человеческую речь. Семь ночей назад Тенегон вернулся, но гнев герцога не утих: конь теперь буен и не даётся в руки людей.

— Значит, Тенегон один нашёл дорогу с далёкого севера, — сказал Арагорн, — ибо именно там Гэндальф расстался с ним. Но увы! Гэндальф никогда более не сядет на коня. Его поглотила тьма в шахтах Мории, и он больше не вернётся.

— Дурные вести, — промолвил Эомир. — По крайней мере, для меня и для многих, но не для всех, в чём ты убедишься, если предстанешь перед герцогом.

— Эти вести более горестны, чем кто-либо может представить себе в этой стране. Тем болезненнее они отзовутся прежде ещё, чем кончится год, — сказал Арагорн. — Но когда вождь пал, оставшийся должен занять его место. Мне выпало вести отряд весь долгий путь от Мории. Мы шли через Лориэн — было бы намного лучше, если бы ты узнал истину о нём прежде, чем снова говорить об этом, — и оттуда вниз по Великой реке до Рэроса. Там был убит Боромир — теми самыми орками, которых вы уничтожили.

— Все твои известия горестны! — в ужасе вскричал Эомир. — Его смерть — великая

утрата для Минас Тирита и для всех нас. Это был достойный человек! Его все хвалили. Он редко бывал в герцогстве, ибо почти всё время сражался на восточных границах, но я видел его. Он показался мне больше похожим на стремительных сыновей Эорла, чем на серьёзных гондорцев, и человеком, которому было предначертано стать со временем великим вождём своего народа. Но мы не слышали об этом горе Гондора. Когда он погиб?

— Уже идёт четвёртый день со дня его смерти, — ответил Арагорн. — И вечером того же дня мы отправились в путь из тени Тол Брандира.

— Пешком? — воскликнул Эомир.

— Да, как ты сам видишь.

В глазах Эомира отразилось громадное удивление.

— Бродяжник — слишком невыразительное прозвище, сын Арахорна, — сказал он. — Ветроног, назвал бы я тебя. Это деяние трёх друзей достойно быть воспетым во многих замках. Сорок пять лиг отмерили вы прежде, чем истекло четыре дня! Вынослив род Элендила!

Но теперь, господин, скажи, чего ты хочешь от меня. Я должен спешно вернуться к Теодену. В присутствии моих людей я высказался осторожно. Верно, что мы сейчас не воюем в открытую с Чёрной Страной, и есть некоторые, близкие к ушам герцога, которые дают трусливые советы. Однако война приближается. Мы не откажемся от старого союза с Гондором, и пока он борется, мы будем помогать ему: так говорю я и все, кто поддерживает меня. Мне поручен Восточный Рохан — поставлен под охрану Третьего маршала — и я передвинул все наши табуны и пастухов: отвёл их за Энтрицу. Здесь нет никого, кроме стражи и быстрых разведчиков.

— Так вы не платите дани Саурону? — спросил Гимли.

— Не платим и никогда не будем платить, — сказал Эомир, сверкнув глазами. — Однако до моих ушей дошло, что эта ложь всё ещё живёт. Несколько лет назад Властелин Чёрной Страны пожелал купить у нас коней за большую цену, но мы отказали ему, поскольку он заставил бы их служить злым целям. Тогда он послал грабителей орков, и они уводили коней везде, где удавалось, выбирая преимущественно чёрных: мало осталось этой масти у нас. По этой причине наша вражда с орками обострилась.

Но сейчас больше всего нас заботит Саруман. Он потребовал от нас стать его вассалами, и из-за этого несколько месяцев назад между нами началась война. Он привлёк к себе на службу орков, наездников на волках и дурных людей и отрезал нас от Ристанийского ущелья, так что мы осаждены и с востока, и с запада.

Трудно иметь дело с таким врагом: он чародей одновременно искусный и необычайно коварный, и может принимать множество видов. Говорят, что он появляется там и тут в образе старика в плаще и капюшоне; очень похож на Гэндальфа, по словам некоторых. Его шпионы ускользают от любых сетей, а его птицы зловещими предзнаменованиями бороздят небо. Я не знаю, чем всё это кончится, и моё сердце томят дурные предчувствия: сдаётся мне, что не все его друзья живут только в Скальбурге. Но когда ты попадёшь в замок, ты сам разберёшься. Или ты не собираешься идти туда? И я напрасно надеюсь, что ты послан мне в час нужды и сомнения?

— Я приду, когда смогу, — сказал Арагорн.

— Идём сейчас! — предложил Эомир. — Наследник Элендила поистине необходим сыновьям Эорла в трудную годину. В эти минуты в Западных Степях продолжаются бои, и я боюсь, что они могут окончиться для нас поражением.

Сюда на север я пришёл без приказа, и в моё отсутствие замок охраняет лишь немногочисленная стража. Но три ночи назад разведчики предупредили меня о том, что с Восточной Стены движется орда орков, и вдобавок сообщили, что некоторые из них носят белые

знаки Сарумана. Подозревая союз между Ортханком и Чёрной Крепостью, которого я опасаясь, я повёл свой эored, мой собственный отряд, и мы настигли орков на исходе ночи два дня назад на границе Энтова леса. Мы окружили их и вчера на рассвете сразились. Я потерял пятнадцать человек и двенадцать лошадей. Орков оказалось больше, чем мы полагали. К ним присоединились другие, пришедшие с востока через Великую Реку — их след лежит немного севернее этого места, — и ещё одна группа вышла из леса. Гигантские орки, которые тоже несли белую руку Скальбурга: эта порода гораздо сильнее и свирепее прочих.

В конце концов мы одолели их. Но мы слишком долго отсутствовали. Нас ждут на юге и на западе. Так почему бы вам не пойти с нами? Как видите, есть свободные лошади. Там найдётся дело для Меча, да и топоры Гимли и луку Леголаса тоже, если они простят мои необдуманные слова, касающиеся Владычицы Леса. Я сказал лишь то, что говорят все в моей стране, и охотно узнал бы правду.

— Благодарю тебя за прямую речь, — сказал Арагорн. — Сердце влечёт меня присоединиться к тебе, но я не могу бросить друзей, пока ещё остаётся надежда.

— Надежде нет места, — возразил Эомир. — Мы не нашли твоих друзей на северной границе.

— Но мои друзья не остались и позади. Недалеко от Восточной Стены мы нашли ясное свидетельство того, что по крайней мере один из них был тогда жив. Но мы не обнаружили ни следа их на всём пространстве между Стеной и холмами, и никакой след не уводил в сторону от основной тропы, если только мой опыт не изменил мне.

— Так что же, ты полагаешь, с ними случилось?

— Я не знаю. Они могли быть убиты и сожжены вместе с орками, но ты заверил, что этого не произошло, — и я больше этого не опасаясь. Могу предположить только, что ни были уведены вглубь леса перед битвой или, может быть, до того, как вы окружили ваших врагов. Можешь ли ты поручиться, что никто не вырвался от вас таким образом?

— Я могу поручиться, что ни один орк не спасся после того, как мы увидели их, — сказал Эомир. — Перед битвой мы растянулись вдоль края леса, и после этого ни одна живая душа не прорвалась сквозь наше кольцо. Тем более, что твои друзья не орки. Не обладают ведь они искусством эльфов?

— Наши друзья были одеты так же, как и мы, — сказал Арагорн, — а вы не заметили нас при ясном дневном свете.

— Я забыл об этом, — проговорил Эомир. — Трудно быть в чём-либо уверенным среди стольких чудес. Мир становится всё более странным: эльф и гном идут вместе по нашим обычным степям, и люди говорят с Владычицей Леса и остаются в живых, и Меч, что был сломан в давние времена, прежде чем в Рохан прискакали отцы наших отцов, вновь годен для битвы... Как же человеку решить, что надлежит делать, в такое время?

— Так же, как всегда решал, — ответил Арагорн. — Добро и зло не изменились со вчерашнего дня, и они не стали одним для эльфов и гномов и другим для людей. Долг человека различать их как в Золотом Лесу, так и в собственном доме.

— Поистине так, — сказал Эомир. — Но я не сомневаюсь ни в тебе, ни в том, что охотнее всего сделал бы. Однако я не свободен в своих поступках. Против наших законов позволять чужакам расхаживать, где им угодно, по нашей земле, пока сам герцог не даст им разрешения на это, и особо строго соблюдается этот приказ в дни опасности. Я просил тебя вернуться вместе со мной добровольно, но ты не захотел. Я не желал бы начинать сражение сотни с тремя.

— Не думаю, чтобы ваши законы требовали от тебя этого, — возразил Арагорн. — Я не чужак. Я бывал в этой стране прежде, и не один раз, и скакал с войском ристанийцев, хоть и под другим именем и в ином обличье. Тебя я раньше не встречал, ибо ты молод, но я беседовал с

Эомундом, твоим отцом, и с Теоденом, сыном Тенгеля. Никогда в прежние дни ни один Владыка этой страны не принуждал человека отказываться от таких поисков, как мои. Мой долг абсолютно ясен: продолжать их. Так реши же, сын Эомунда; выбор должен быть наконец сделан. Помогите нам или, на худой конец, позвольте нам свободно уйти. Или позаботьтесь исполнить ваш закон. Если ты выберешь это, то в меньшем числе вернётесь вы в войско или к вашему герцогу.

Эомир помолчал немного, потом сказал:

— Мы оба должны спешить. Мои воины раздражены отлучкой, а ваша надежда угасает с каждым часом. Вот моё решение: вы можете идти. Более того — я дам вам лошадей. Прошу только об одном: когда ваши поиски завершатся или окажутся тщетными, возвращайтесь с лошадьми через переправу в Медусельд, замок в Эдорасе, где находится сейчас Теоден. Этим вы убедите его, что я решил верно. Я тоже там буду, и, быть может, моя жизнь будет находиться в ваших руках. Не подведи!

— Не подведу! — ответил Арагорн.

Громадное удивление всего отряда и много мрачных и полных сомнения взглядов вызвал приказ Эомира отдать свободных коней путникам, но лишь Эотаин отважился высказаться открыто:

— Это ещё неплохо для господина из рода гондорцев, на что он претендует, — сказал он. — Но слышал ли кто-нибудь, чтобы коня Герцогства отдали гному?

— Никто, — ответил Гимли. — И не беспокойтесь: никто никогда этого и не услышит. Я лучше пойду пешком, чем сяду на спину такого гигантского зверя по доброй воле или по принуждению.

— Но сейчас тебе придётся сесть на коня, иначе ты удержишь нас, — сказал Арагорн.

— Садись сзади меня, друг Гимли, — предложил Леголас. — Тогда всё будет в порядке: тебе не придётся ни брать лошадь, ни возиться с ней.

Арагорну подвели высокого тёмно-серого коня, и следопыт сел на него.

— Его имя Счастьедар, — сообщил Эомир. — Пусть он послушно несёт тебя и к лучшей участи, чем Гарульфа, его покойного хозяина!

Леголасу дали более низкого и светлого коня, но норовистого и горячего, по кличке Арод. Однако Леголас попросил снять седло и узду.

— Я в них не нуждаюсь, — сказал он и легко вскочил на коня.

К общему удивлению, Арод покорно нёс его и охотно повиновался подаваемым командам; таков был способ общения эльфов со всеми добрыми животными. Гимли помогли сесть позади эльфа, и он вцепился в своего друга, чувствуя себя не более спокойно, чем Сэм Скромби в лодке.

— Добрый путь и удачи в поисках! — крикнул Эомир. — Возвращайтесь как можно скорее, и пусть в будущем наши мечи сверкнут вместе!

— Я приду, — сказал Арагорн.

— И я тоже приду, — сказал Гимли. — Вопрос о Владычице Галадриэли всё ещё не улажен. Я научу тебя учтивым речам!

— Посмотрим, — сказал Эомир. — Произошло столько странных событий, что учиться учтивости к прекрасной даме под ласковыми ударами топора гнома не покажется великим чудом. Добрый путь!

На этом они расстались. Кони Ристании были очень резвы; когда Гимли оглянулся, отряд Эомира едва виднелся вдали. Арагорн не мог оглядываться: он следил за мелькавшей перед ним тропой, низко склонив голову к шее Счастьедара. Прежде чем они подъехали к берегу Энтрицы,

они заметили другой след, о котором говорил Эомир, идущий с востока, от Нагорий.

Арагорн спешился и изучил землю, затем снова вскочил в седло, отъехал, склонившись на бок, немного к востоку, заботясь о том, чтобы не затоптать следы, затем снова спешился и исследовал грунт, прохаживаясь взад и вперёд.

— Здесь мало что можно выяснить, — сказал он, возвратясь. — Основная орочья тропа затоптана всадниками на их обратном пути; к лесу они ехали ближе к реке. Но эти следы с востока свежие и ясные. И нет ни одного следа, ведущего назад к Андуйну. Теперь мы должны ехать медленнее, чтобы быть уверенными, что ни один след не отвлекается от основного. С этого места орки должны были заметить, что их преследуют; они могли сделать попытку увести своих пленников прежде, чем были настигнуты.

Пока они скакали вперёд, небо затянуло. С Нагорья пришли низкие серые тучи. Туманная дымка скрыла солнце. Всё ближе вырисовывались покрытые лесом склоны Фангорна, медленно темнеющие по мере того, как солнце клонилось к западу. Они не видели никаких признаков новой орочьей тропы ни справа, ни слева, но тут и там им попадались мёртвые орки, лежавшие в конце оставленных ими следов с торчащими в спине или горле стрелами с серым оперением.

Наконец, уже под вечер, они выехали на край леса и нашли на открытой поляне между первыми деревьями место большого костра. Зола была ещё тёплой и дымилась. В стороне была громадная куча шлемов и кольчуг, расколотых щитов и сломанных мечей, луков и дротиков и другого оружия. На колу в середине была надета голова громадного гоблина; на его разбитом шлеме ещё была видна белая эмблема. Чуть дальше, рядом с рекой, там, где она стремительно вырывалась из-под покрова леса, высился недавно насыпанный курган. Рыхлая земля была покрыта свежесрезанными ветвями; вокруг неё было воткнуто пятнадцать копий.

Арагон и его спутники исследовали окрестности поля битвы, но день угасал, и тусклое вечернее солнце садилось в тумане. К началу ночи они не нашли ни следа Мерри или Пина.

— Большого мы сделать не можем, — печально проговорил Гимли. — Мы встретили немало загадок с тех пор, как подошли к Тол Брандиру, но эта — сложнейшая из всех. Полагаю, что обгорелые кости хоббитов смешались с костями орков. Это будет тяжёлой вестью для Фродо, если он доживёт до того, чтобы её услышать, и для старого хоббита, который ждёт в Раздоле. Элронд был против их участия в походе.

— А Гэндальф нет, — отозвался Леголас.

— Но Гэндальф сам решил идти с нами, и он первый погиб, — ответил Гимли. — Дар предвидения изменил ему.

— Совет Гэндальфа был основан не на предвидении собственной безопасности или безопасности других, — сказал Арагорн. — Есть дела, которые лучше начать, чем отказаться от них, даже если они могут окончиться крахом. Но я не хочу уходить отсюда сейчас. Во всяком случае, мы должны дождаться здесь утреннего света.

Друзья расположились на ночлег немного в стороне от поля битвы под раскидистым деревом, похожим на каштан, которое, однако, до сих пор сохранило бурую прошлогоднюю листву, напоминающую длинные скрюченные пальцы на сухих руках; она уныло шуршала под ночным ветерком.

Гимли дрожал. У них было только по одному шерстяному одеялу на каждого.

— Давайте разведём костёр, — сказал он. — Меня больше не волнует опасность, даже если орки слетятся на него такой же тучей, как летние мотыльки на лампу.

— Если бедолаги хоббиты заблудились в лесу, костёр может привлечь их сюда, — сказал Леголас.

— И может привлечь не только орков и хоббитов, — отозвался Арагорн. — Мы вблизи горных границ предателя Сарумана. Кроме того, мы на самом краю Фангорна, а говорят, что рискованно рубить деревья в этом лесу.

— Но ристанийцы устроили здесь вчера большой костёр, — сказал Гимли. — И они рубили деревья для огня, как мы видели. Однако они благополучно провели здесь ночь после завершения своих трудов.

— Их было много, — возразил Арагорн. — И им нет дела до гнева Фангорна, поскольку они появляются здесь редко и не бродят под деревьями. Нам же, похоже, предстоит зайти в самый лес. Так будьте осторожны! Не рубите живых деревьев!

— Этого и не нужно, — заметил Гимли. — После всадников осталось довольно щепок и веток, и здесь очень много сушняка.

Он набрал топлива и принялся высекать огонь. Арагорн молча сидел, прислонясь спиной к дереву и погружившись в свои мысли, а Леголас стоял поотдаля на опушке и всматривался в глубокую тень леса, слегка подавшись вперёд, словно пытался уловить звучащие вдали голоса.

Когда гном развёл небольшой костёр, друзья придвинулись к нему и сели вместе, загородив свет своими закутанными в плащи фигурами. Леголас взглянул вверх на простирающиеся над ними ветви дерева.

— Смотрите! — сказал он. — Дерево радуется огню!

Быть может, колеблющиеся тени обманывали их взоры, но всем им померещилось, что сучья клонятся и изгибаются так, чтобы оказаться над пламенем, а верхние ветви опускаются, тогда как бурые листья распрямились и трутся друг о друга, словно замёрзшие морщинистые руки, тянущиеся к теплу.

Друзья промолчали, потому что тёмный, неведомый лес показался им неожиданно огромным затаившимся существом, полным неведомых намерений. Немного погодя Леголас заговорил снова:

— Келеборн не советовал нам заходить вглубь Фангорна, — сказал он. — Не знаешь, почему, Арагорн? Что это за сказки о лесе, которые слышал Боромир?

— Я слышал много легенд в Гондоре и других местах, — ответил Арагорн, — но до слов Келеборна я считал их только сказками, которые люди и не выдают за правду. Я хотел спросить тебя, что же из них соответствует истине. А если лесной эльф не знает, что может ответить человек?

— В своих путешествиях ты заходил дальше меня, — сказал Леголас. — Я ничего не слышал об этом на моей родине, кроме нескольких песен, рассказывающих о том, как некогда, очень давно, здесь жили онодримы, которых люди называют энтами. Ибо Фангорн стар, стар даже с точки зрения эльфов.

— Да, он стар, — подтвердил Арагорн. — Он стар, как лес у Могильников, и гораздо больше. Элронд говорил, что они сродни: последние остатки могучих лесов эпохи Эльдер, в которых бродили перворожденные, когда люди ещё спали. Но Фангорн хранит в себе собственную тайну. В чём она заключается, я не знаю.

— А я и не хочу узнать, — сказал Гимли. — Пусть обитатели Фангорна не волнуются! Я вовсе не собираюсь их тревожить.

Они кинули жребий. Первому выпало караулить Гимли. Остальные легли и почти сразу же заснули.

— Гимли! — сонно проговорил Арагорн. — Не забывай, что опасно рубить ветви или сучья с живых деревьев в Фангорне. Но не отходи далеко в поисках топлива. Лучше дай костру угаснуть! В случае чего буди меня!

Вслед за этим он погрузился в сон. Леголас уже лежал неподвижно, его тонкие руки были

сложены на груди, а глаза, как это в обычае у эльфов, открыты и отражали одновременно и текущую ночь, и глубокий сон. Гимли сидел, сгорбившись, у огня и задумчиво проводил большим пальцем по лезвию топора. Дерево шелестело. Других звуков не было.

Внезапно он поднял взгляд и обнаружил как раз за краем светового круга от костра согбенного старика, опирающегося на посох, и закутанного в серый плащ; его широкополая шляпа была надвинута до самых глаз. Гимли, изумлённо вскрикнув, вскочил с единственной мыслью, мгновенно пришедшей ему в голову, что Саруман поймал их. Арагорн и Леголас, мгновенно пробудившись, сели и вытаращили глаза. Старик не говорил и не двигался.

— Итак, отец, чем мы можем быть вам полезны? — спросил Арагорн, вскочив на ноги. — Если вам холодно, подойдите и обогрейтесь!

Он шагнул вперёд, но старик исчез. И следа от него не осталось поблизости, а они не отважились отойти далеко. Луна ушла, и ночь была очень тёмной.

Внезапно Леголас закричал:

— Лошади! Лошади!

Лошадей не было. Они сорвались с привязи и исчезли. Некоторое время друзья стояли неподвижно и молча, потрясённые этим новым ударом злого рока. Они были у границы Фангорна, и бесконечные лиги лежали между ними и воинами Рохана, их единственными друзьями в этой обширной и полной опасностей стране. Пока они стояли, им слышались далеко в ночи конское ржанье и храп. Затем всё снова стихло, кроме холодного шороха ветвей.

— Итак, они ускакали, — проговорил наконец Арагорн. — Мы не можем найти или поймать их, значит, если они не вернутся по собственной воле, нам придётся обойтись без них. Мы начали путь пешком и продолжим его так же.

— Пешком! — сердито бросил Гимли. — Ноги не смогут прокормить нас так же хорошо, как нести!

Он подбросил топлива в костёр и плюхнулся рядом с ним.

— Всего несколько часов назад ты не соглашался сесть на ристанийского коня, — рассмеялся Леголас. — А теперь тебе непременно нужно ехать верхом!

— Что-то не похоже, что мне представится такая возможность, — проворчал Гимли. — Хотите узнать, что я думаю? — начал он снова, немного спустя. — Я думаю, что это был Саруман. Кто ещё? Помните слова Эомира: он ходит в образе старика в плаще и капюшоне. Он так и сказал. Старик исчез вместе с нашими лошадьми или спугнул их, вот мы и засели тут. Это плохо для нас кончится, запомните мои слова!

— Запомнил, — сказал Арагорн. — Но запомнил также и то, что этот старик был в шляпе, а не в капюшоне. Однако я не сомневаюсь в правоте твоего предположения, и значит, мы подвергаемся здесь опасности и днём, и ночью. Но сейчас нам ничего не остаётся, как продолжить отдых, пока возможно. Теперь я буду часовым, Гимли. Мне нужнее подумать, чем выспаться.

Ночь тянулась медленно. Леголас сменил Арагорна, а Гимли — Леголаса, и его вахта кончилась, но ничего не случилось. Старик больше не показывался, и лошади не возвратились.

Глава III

Урхи

Пин видел мрачный и мучительный сон: ему казалось, что он слышит свой собственный слабый голосок, эхом отдающийся в чёрных туннелях: "Фродо, Фродо!". Но вместо Фродо сотни отвратительных оркских рож скалилось на него из мглы, сотни безобразных рук тянулись к

нему со всех сторон. Где Мерри?

Он проснулся. Холодный воздух коснулся его лица. Он лежал на спине. Настал вечер, и небо над ним быстро тускнело. Пин повернулся и убедился, что сон был немногим хуже яви. Его запястья, колени и лодыжки были стянуты верёвками. Рядом лежал Мерри с бледным до белизны лицом и лбом, обвязанным грязной тряпкой. А вокруг них стояло и сидело множество орков.

В раскалывающейся от боли голове Пина медленно всплыли обрывки воспоминаний, постепенно отделяясь от остатков сна. Конечно: они с Мерри побежали в лес. И что только на них нашло? Зачем они так понеслись, не послушав Бродяжника? Они долго бежали и кричали — он не мог вспомнить, как далеко и как долго, — и внезапно наскочили прямо на банду орков, которые стояли, прислушиваясь, но, по-видимому, не замечая Мерри и Пина, пока те не направились прямо к ним в руки. Тогда они завопили и ещё целые дюжины гоблинов выскочили из-за деревьев. Они с Мерри обнажили мечи, но орки не пожелали драться, а всё только старались схватить их, даже когда Мерри отсек несколько рук и кистей. Эх, старина Мерри!

Затем из-за деревьев выскочил Боромир. Он-то заставил их драться: многих убил, а остальные бежали. Но они не успели отойти далеко, как их снова атаковали — не меньше сотни орков, и некоторые из них очень крупные; дождём посыпались стрелы, все на Боромира. Боромир протрубил в свой громадный рог: зов гулко раскатился по лесу, и сначала орки испугались и отступили, но, не услышав в ответ ничего, кроме эха, напали яростнее, чем прежде. Пин почти ничего больше не помнил. Последнее, что он видел, это Боромир, прислонившийся к дереву и выдёргивающий стрелу; затем обрушилась тьма.

— Полагаю, что меня стукнули по голове, — сказал он сам себе. — Не удивлюсь, если Мерри досталось не меньше. Что случилось с Боромиром? Почему орки нас не убили? Где мы, и куда нас тащат?

Он не мог ответить на эти вопросы. Он замёрз, и его мутило.

"И зачем только Гэндальф уговорил Элронда отпустить нас! — подумал он. — Какой толк был от меня? Одни неприятности: лишняя забота и дополнительная обуза. А теперь я похищен, и стал дополнительной обузой для орков... Хоть бы Бродяжник или кто-нибудь пришёл и освободил нас! Но вправе ли я хотеть этого? А если это нарушает все планы?! Я должен освободиться!"

Он слегка пошевелился, но зря. Один из орков сидел рядом с хоббитами и говорил что-то другому стражнику на их отвратительном наречии.

— Отдыхай, пока можешь, мелкий недоумок! — тут же сказал он Пину на всеобщем языке, который прозвучал почти так же безобразно, как его родная речь. — Отдыхай, пока можешь! Мы вскоре найдём применение твоим ногам. Ты пожалеешь, что они у тебя вообще есть, прежде чем мы дойдём!

— Будь моя воля, так ты уже жалел бы, что не умер, — сказал другой. — Ты бы у меня запищал, жалкий крысёныш!

Он встал над Пином, приблизив свои жёлтые клыки к его лицу. В руке он держал чёрный нож с длинным зазубренным лезвием.

— Лежи смирно, или я пощекочу тебя вот этим, — прошипел он. — Не напоминай о себе, а то я забуду данный мне приказ. Проклятые скальбургцы! Углук у багронк ша пушдуг Саруман-глоб бубхош скай...

Он начал длинную гневную речь на своём языке, которая постепенно сошла на неразборчивое бормотание и завершилась рыком.

Перепуганный Пин лежал тихо, хотя боль в его запястьях и лодыжках усиливалась, а камни

под ним впивались в спину. Чтобы отвлечься от своих ощущений, он начал напряжённо прислушиваться ко всему, что мог услышать. Вокруг раздавалось много голосов, и в этих голосах орков всё время звучали ненависть и гнев. Вероятнее всего, начиналось что-то похожее на ссору, которая всё разгоралась.

К удивлению Пина, довольно многое из разговоров было понятно: большая часть орков пользовалась обычным языком. По-видимому, орда состояла из двух или трёх совершенно различных племён, которые не понимали наречий друг друга. Гневный спор касался того, что они должны предпринять дальше: какой дорогой идти и что делать с пленниками.

— Нет времени заниматься ими как следует, — сказал один. — Некогда забавляться на бегу.

— С этим ничего не поделаешь, — сказал другой, — Но почему бы не убить их быстро, прямо теперь? Они проклятая обуза, а мы спешим. Вечереет, нам пора бы двигаться дальше.

— Приказ, — низко и хрипло рыкнул третий голос. — Убейте всех, но не невысокликков; они должны быть доставлены живыми и как можно скорее. Таков мой приказ.

— Но какая надобность их доставлять? — спросил кто-то. — Почему живыми? Для забавы?

— Нет! Я слышал, что один из них имеет нечто, нечто необходимое для Войны, какую-то эльфийскую или чью-то ещё заговорённую штуку. Во всяком случае, их будут допрашивать.

— Это всё, что ты знаешь? Почему бы нам не обыскать их и не найти эту вещь? Может найдём такое, что нам самим пригодилось бы.

— Было интересное добавление, — с усмешкой проговорил голос выше предыдущего, но более злобный. — И я сообщу его: мы не должны обыскивать или калечить пленников. Таков мой приказ.

— И мой тоже, — добавил низкий голос. — Живыми, в качестве пленников, но невредимыми. Таков мой приказ.

— Но не наш! — бросил один из прежних голосов. — Мы вышли из шахт, чтобы убивать и мстить за наших. Я хочу убить их и затем вернуться на север.

— Хоти дальше! — отозвался хриплый голос. — Я Углук. Я командую. Я вернусь в Скальбург кратчайшей дорогой.

— Кто же хозяин: Саруман или Великий Глаз? — вкрадчиво спросил злобный голос. — Мы должны немедленно вернуться в Лугбурз.

— Можно, если бы мы могли перебраться через Великую Реку, — вставил другой голос. — Но нас слишком мало, чтобы рискнуть спуститься к мостам.

— Я же перебрался, — возразил злобный голос. — К северу отсюда на восточном берегу нас ждёт крылатый назгул.

— Может быть, может быть! Тогда вы улетите с нашими пленниками и получите похвалу и награду в Лугбурзе, предоставив нам пешкодралом пробираться через страну коней, как сможем. Нет, мы должны держаться вместе. Эти земли опасны: полны грязных бунтовщиков и разбойников.

— Ау, мы должны держаться вместе, — прорычал Углук. — Я не доверяю вам, мелким свиньям. Вы только в собственном свинарнике хвосты дерёте. Давно бы уже разбежались, кабы не мы. Мы боевые урхи! Мы убили могучего воина. Мы захватили пленников. Мы служим Саруману Белому, Белой Руке, Руке, что кормит нас человечиною. Мы пришли из Скальбурга и привели вас сюда, и мы уведём вас назад той дорогой, какой захотим. Я Углук. Я сказал.

— Ты сказал больше, чем достаточно, Углук, — усмехнулся злобный голос. — Интересно, что об этом подумают в Лугбурзе? Там могут решить, что плечи Углука стоит облегчить от непомерно раздувшейся головы. Там могут спросить, откуда взялись столь странные идеи. Уж не от Сарумана ли? Или он думает, что он сам себе господин со своими погаными белыми знаками? Там могут согласиться со мной, с Гриشناком, их верным посланцем, и я, Гришнак,

говорю так: Саруман дурак и глупый грязный предатель. Но Великий Глаз видит его насквозь.

Значит, свиньи? Как вам, ребята, нравится, что вонючие приспешники грязного колдунишки обзывают вас свиньями? Пари держу, что их кормят мясом орков!

В ответ раздались пронзительные вопли на языке орков и звон оружия. Пин осторожно перевернулся, пытаясь увидеть, что происходит. Его стражники ввязались в драку. В сумерках он разглядел громадного чёрного орка, возможно Углука, стоявшего лицом к лицу с Гришнаком, низким кривоногим существом, очень широкоплечим, с длинными руками, свешивающимися почти до земли. Вокруг них было много гоблинов пониже. Пин решил, что это орки с севера. Они потрясали кинжалами и ятаганами, но не решались напасть на Углука.

Угрук что-то крикнул, и к нему подбежали другие орки, почти такого же размера, как он. Затем внезапно, без предупреждения, он прыгнул вперёд и двумя быстрыми ударами ятагана снёс головы двум своим противникам. Гришнак отступил в сторону и растворился в тенях. Остальные отшатнулись, а один, пытаясь, споткнулся о Мерри, лежавшего на его пути, и с проклятием упал. Но это, похоже, спасло ему жизнь, потому что орки, следовавшие за Углуком, перепрыгнули через него и изрубили своими широкими саблями другого. Это был стражник с жёлтыми клыками. Его труп упал прямо на Пина, всё ещё сжимая длинный зазубренный кинжал.

— Спрятать оружие! — крикнул Угрук. — Хватит чепухи! Отсюда мы пойдём прямо на запад: вниз по лестнице, потом напрямик к холмам и затем вдоль реки к лесу. И идти будем днём и ночью. Ясно?

— Ну, — подумал Пин, — если только этот урод не сразу подчинит себе всю банду, у меня есть шанс.

В нём затеплилась слабая надежда. Лезвие чёрного кинжала царапнуло его по руке и скользнуло ниже, к запястьям. Пин чувствовал, как из пореза сочится кровь, но ощутил и холодящее прикосновение стали к коже.

Орки были готовы двинуться в путь, но кое-кто из северян всё ещё не соглашался, и скальбургцы убили ещё двоих, прежде чем запугали оставшихся. Везде царила суматоха, сыпались проклятия. На какое-то время Пин остался без охраны. Его ноги были связаны надёжно, но руки стянуты только в запястьях и спереди. Он мог двигаться обеими руками вместе, хотя узы были затянуты очень крепко. Пин отпихнул мёртвого орка в сторону и, едва осмеливаясь дышать, принялся водить узлом верёвки на запястьях по лезвию ножа. Нож был острый, и мёртвая рука держала его крепко. Верёвка перерезана! Пин быстро схватил её, связал снова в свободный браслет из двух колец, сунул в него руки и затих.

— Прихватите с собой пленников! — крикнул Угрук. — Да не выкидывайте фокусов с ними! Если, когда мы вернёмся, они не будут живы, кое-кто тоже сдохнет!

Какой-то орк схватил Пина, как мешок, сунул свою голову между его связанных рук, грубо потянул их вниз, так что лицо Пина упёрлось ему в шею, и потрусил с ним прочь. Другой так же обошёлся с Мерри. Крепкие, словно клешни, кисти орка, сжимали руки Пина, как железные тиски; когти впивались в мясо. Хоббит закрыл глаза и снова погрузился в кошмарное забытьё.

Внезапно его снова бросили на каменистый грунт. Была ранняя ночь, но тонкий месяц уже клонился к западу. Они находились на краю утёса, который как бы выплывал из туманной мглы. Поблизости раздавался шум водопада.

— Разведчики наконец вернулись, — сказал какой-то орк совсем рядом.

— Ну, и что видели? — прорычал голос Углука.

— Только одиночного всадника, который ускакал к западу. Теперь всё чисто.

— Теперь, это точно. Но надолго ли? Идиоты! Надо было застрелить его. Он поднимет

тревогу. Уже утром эти проклятые лошадики узнают о нас. Теперь нам придётся сваливать вдвое быстрее.

Над Пином склонилась какая-то тень. Это был Углук.

— Сядь! — велел он. — Моим парням надоело тащить тебя. Мы спускаемся, и теперь ты пойдёшь на своих двоих. И без глупостей! Не кричать, не пытаться удрать. Ты заплатишь нам за любой фокус, и плата тебе не понравится, хотя не испортит удовольствие хозяину.

Он перерезал путы на коленях и лодыжках Пина, схватил его за волосы и поставил на ноги. Пин упал, и Углук снова поднял его за волосы. Орки захохотали. Углук просунул ему между зубов фляжку и влил в горло несколько глотков жгучей жидкости. Пин почувствовал, как по его жилам пробежал огонь. Боль в ногах утихла, и он смог стоять.

— Теперь другого! — бросил Углук.

Пин увидел, как он направился к Мерри, лежавшему рядом, и пнул его. Мерри застонал. Грубо схватив хоббита, Углук привёл его в сидячее положение и сорвал повязку с его головы. Затем намазал рану какой-то тёмной мазью из маленькой деревянной коробочки. Мерри кричал и неистово дёргался.

Орки хлопали и хохотали.

— Не может выдержать такого лечения, — ржали они. — Не знает, что для него полезно! Ай! Мы повторим эту забаву позднее!

Но в настоящий момент Углук не был склонен к развлечениям. Он спешил, и потому вынужден был потворствовать невольным спутникам. Он лечил Мерри на манер орков, и его средства действовали быстро. Когда он влил напиток из своей фляги в горло хоббита, перерезал верёвки на ногах и поднял его, Мерри остался стоять. Выглядел он бледно, но мрачно и вызывающе, и гораздо более живым. Рана на голове больше не мучила его, но коричневый шрам на лбу остался до конца его дней.

— Привет, Пин! — сказал он. — И ты тоже участвуешь в этой небольшой экспедиции? Где нас ждёт постель и завтрак?

— Где, где, — рыкнул Углук. — Нигде! Придержите языки. Не разговаривать друг с другом! Обо всём будет доложено наверх, и уж Он найдёт, чем вам отплатить. Вас и уложат, и накормят, как полагается: больше, чем сможете сожрать.

Орда орков начала спуск по узкой расщелине, ведущей к скрытой туманом равнине. Мерри и Пин, разделённые дюжиной или больше орков, спускались вместе с ними. У подножья они вступили в траву, и сердца хоббитов немного приободрились.

— Теперь прямо! — крикнул Углук. — На запад и чуть к северу. Следуйте за Лугдушем!

— Но что мы будем делать с восходом? — спросили некоторые из северян.

— Продолжим бежать, — сказал Углук. — А вы что думали? Сидеть в траве и ждать, пока к пикнику присоединятся белокожие?

— Но мы не можем бежать при свете солнца.

— Вы побежите передо мной, — прорычал Углук. — Побежите! Или никогда не увидите вновь свои любимые дыры. Клянусь Белой Рукой! Что толку посылать в набег этих полуобученных горных ублюдков?! Бегом, проклятые личинки! Бегом, пока ночь!

Вся банда кинулась бежать длинными прыжками, как бегают орки. Они неслись беспорядочно, толкаясь, пихаясь и сыпля проклятиями, но очень быстро. Каждый хоббит охранялся тремя. Пин был почти в хвосте колонны. Он прикидывал, сколько ещё сможет передвигаться с такой скоростью: он не ел с самого утра. У одного из его стражников был хлыст. Но пока напиток орков всё ещё горел в нём и взбадривал, не давая угаснуть рассудку.

Снова и снова перед мысленным взором Пина возникало напряжённое лицо Бродяжника,

склонившегося к тёмной тропе и бегущего, бегущего следом. Но что сможет разобрать на ней даже следопыт, кроме запутанных следов орков? Маленькие отпечатки ног хоббитов исчезали под подбитыми железом башмаками орков, бегущих перед ними, за ними и вокруг них.

Они отошли от утёса примерно на милю, когда местность перешла в широкую низину, где земля была мягкой и влажной. Здесь лежал туман, слабо мерцавший в последних лучах тонкого месяца. Тёмные фигуры орков впереди сначала расплылись, а потом и вовсе исчезли в плотной пелене.

— Эй! Ровнее! — крикнул Углук сзади.

Внезапная мысль пришла Пину в голову, и он тут же воплотил её в действие. Он резко свернул вправо и, увернувшись от цепких лап стражника, нырнул головой прямо в туман, растянувшись среди травы.

— Стой! — взвыл Углук.

На мгновение возникла суматоха и путаница. Пин вскочил и побежал, но орки уже кинулись за ним. Один появился прямо перед ним.

"Нет надежды сбежать! — подумал Пин. — Но есть надежда, что часть моих следов сохранится на сырой земле".

Он поднёс свои связанные руки к горлу, отстегнул брошь с плаща и уронил её в тот самый миг, как его уже схватили длинные и твёрдые, как клещи, лапы.

"Наверное, здесь она и будет валяться до конца времён, — подумал он. — Не знаю, зачем я это сделал. Если другие спаслись, они, вероятнее всего, ушли вместе с Фродо".

Хлыст петлёй захлестнул его ноги, и Пин приглушённо вскрикнул.

— Довольно! — крикнул Углук, подбегая. — Ему ещё долго бежать. Заставьте их обоих бежать! Плеть пока пойдёт только как погонялка.

— Но это ещё не всё! — прорычал он, поворачиваясь к Пину. — Я не забуду. Расплата просто отложена. Бегом!

Ни Пин, ни Мерри не помнили об остальной части пути многого. Кошмарные сны и кошмарные пробуждения сливались в долгую череду страданий, а надежда всё таяла. Они бежали и бежали, стараясь удержаться наравне с орками, то и дело подхлёстываемые искусно направленными жгучими ударами. Когда они останавливались или спотыкались, их хватали и некоторое время волокли.

Тепло от питья орков исчезло. Пин снова чувствовал холод и тошноту. Внезапно он упал лицом в траву. Жёсткие руки с острыми когтями схватили и подняли его. Его снова потащили, как мешок, и тьма сомкнулась над ним, но была ли это тьма следующей ночи или смерклось только у него в глазах, он не мог сказать.

Постепенно до его сознания донеслись спорящие голоса. Похоже было, что многие орки требуют остановки. Углук кричал. Пин почувствовал, что его бросили, что он упал и лежит, и глубокое чёрное забытьё сомкнулось над ним. Но он ненадолго избавился от страданий: вскоре он опять почувствовал железную хватку безжалостных рук. Долгое время его подбрасывало и трясло, а между тем мгла медленно рассеивалась, и он снова вернулся в мир и обнаружил, что уже утро. Звучали приказы, и его грубо сбросили на траву. Здесь он и лежал некоторое время, борясь с отчаянием. Голова кружилась, но по жару в теле Пин понял, что ему дали ещё глоток. Стоящий над ним орк швырнул ему немного хлеба и кусок вяленого мяса. Пин жадно проглотил чёрствый серый хлеб, но не мясо. Он проголодался, но не настолько, чтобы съесть мясо, которое кинул ему орк; чьё это было мясо, Пин даже предположить не смел.

Он сел и огляделся. Мерри был неподалёку. Они находились на берегу узкой быстрой реки. Впереди вздымались горы; высокий пик уже освещали первые лучи солнца. На нижних склонах

темнело пятно леса.

Орки кричали и спорили; казалось, вот-вот вспыхнет новая ссора между северянами и скальбургцами. Часть показывала на юг, часть махала лапами на восток.

— Очень хорошо, — рыкнул Углук. — Тогда оставьте их мне! Не убивать, как я уже говорил; но, если вы хотите бросить всё, ради чего мы пошли, бросайте! Я приберу. Пусть всю работу делают боевые урхи, как обычно. Бойтесь белокожих, так бегите! Бегите! Вон лес, — крикнул он, показывая вперёд. — Ступайте туда! Это ваша единственная надежда! Проваливайте! И быстро, пока я не снёс ещё несколько голов, чтобы вложить в остальные немного разума.

Снова посыпались проклятия и удары, и тогда большая часть северян, около сотни, стронулась с места и помчалась, не разбирая дороги, вдоль реки по направлению к горам. Хоббиты остались со скальбургцами — угрюмой бандой примерно из сорока крупных темнокожих косоглазых орков с длинными луками и короткими мечами с широкими лезвиями. Часть северян, повыше и понаглее, тоже осталась с ними.

— А теперь разберёмся с Гриشناком, — сказал Углук.

Но даже из его собственных приспешников кое-кто продолжал обеспокоенно поглядывать на юг.

— Я знаю, — прорычал Углук. — Проклятые лошадики гонятся за нами. Но это всё из-за тебя, Снага. Тебе и остальным разведчикам следовало бы пообрубать уши. Но мы воины. Мы ещё попируем лошадиным мясом, а может, и чем лучше.

В это мгновение Пин увидел, что часть группы указывает на восток. С той стороны послышались хриплые вопли: это снова появился Гришнак, а за ним шла ещё пара дюжин длинноруких кривоногих орков. На их щитах был изображён красный глаз. Углук выступил навстречу.

— Так ты вернулся? — презрительно бросил он. — Хорошенько подумав, э-э?

— Я вернулся присмотреть, чтобы приказ был выполнен и пленники невредимы, — ответил Гришнак.

— Неужели! — прохрипел Углук. — Бесполезная трата сил. Я позабочусь, чтобы приказ был выполнен под моим руководством. А зачем ещё ты вернулся? Ты торопился. Что-нибудь оставил?

— Оставил дурня! — огрызнулся Гришнак. — Но с ним было несколько крепких парней, которых жаль было бы терять. Я знаю, ты завёл их в беду. Я пришёл помочь им.

— Великолепно! — расхохотался Углук. — Но если вы не поднабрались духу для битвы, то ты выбрал не тот путь. Ты же шёл в Лугбурз! Белокожие приближаются. А что случилось с твоим драгоценным назгулом? Под ним ещё одного жеребца подстрелили? Вот если б ты его сюда приволок, так ещё был бы толк, коли эти назгулы действительно таковы, как утверждают.

— Назгулы, назгулы! — проговорил Гришнак, дрожа и облизывая губы, словно это слово имело мерзкий, болезненный привкус. — Ты говоришь о том, что гораздо глубже досягаемости твоего грязного бреда, Углук. Назгулы! Ах-ха! Коли они таковы, как утверждают. Однажды ты пожалеешь, что сказал это. Обезьяна! — свирепо прорычал он. — Ты должен бы знать, что они — зеница Великого Глаза. Но крылатые назгулы: ещё не сейчас, не сейчас. Он ещё не позволил им показываться на этом берегу Великой Реки, пока рано. Они для Войны — и для других целей.

— Похоже, ты знаешь много, — заметил Углук. — Полагаю, больше, чем тебе полезно. И возможно, в Лугбурзе интересуются, каким это образом и почему. А грязную работу пускай делают урхи из Скальбурга, как обычно. Не стой тут, распустив слюни! Остальные свиньи уже ускакали в лес. Вали за ними! Или тебе не вернуться живым к Великой Реке. Пустая затея! А

теперь быстро! Не то я отдавлю тебе пятки.

Скальбургцы снова схватили Мерри и Пина и вскинули их на спины. Затем толпа отправилась в путь. Они бежали час за часом, останавливаясь только для того, чтобы перебросить хоббитов свежим носильщикам. То ли потому, что они были быстрее и выносливее, то ли по плану Гриشناка, но скальбургцы постепенно обгоняли орков из Мордора, и племя Гриشناка замыкало тыл. Вскоре они почти догнали северян. Лес постепенно приближался.

Пин был весь в синяках и ссадинах, его раскалывающаяся от боли голова тёрлась о грязную челюсть и волосатое ухо несущего его орка. Прямо перед ним были ссутуленные спины, и чаща толстых ног поднималась и опускалась, поднималась и опускалась без остановки, как будто они были сделаны из проволоки и рога и отбивали кошмарные секунды бесконечного времени.

К вечеру группа Углука перегнала северян. Те ослабели под лучами зимнего солнца, стоявшего над ними в бледном холодном небе: их головы повисли и языки высунулись.

— Личинки! — ржали скальбургцы. — Уже спеклись! Белокожие поймут вас и съедят. Они приближаются!

Крик Гриشناка показал, что последнее больше не шутка. Всадники, скакавшие очень быстро, уже показались, правда, всё ещё далеко позади, но они настигали орков, настигали их, подобно приливу, заливающему берег и путников, застрявших в зыбучих песках.

Скальбургцы помчались с удвоенной скоростью, изумившей Пина: жуткий, отчаянный рывок перед концом скачки. Потом он заметил, что солнце уже садится, проваливаясь за Мглистые горы, и тени протянулись по земле. Воины Мордора подняли головы и тоже поднажали. Тёмный лес был совсем близко. Они уже достигли первых деревьев. Местность начала подниматься всё более круто, но орки не останавливались. Угрук и Гришнак кричали, подгоняя их для последней попытки.

"У них всё-таки получится. Они удерут", — подумал Пин.

Он так вывернул шею, что умудрился глянуть одним глазом через плечо, и увидел, что мчавшиеся по равнине всадники с восточной стороны уже поравнялись с орками. Закат позолотил их копья и шлемы, солнечные блики играли на их светлых развевающихся волосах. Они отжимали орков к реке, не давая им рассыпаться, и гнали вдоль русла.

Пину очень хотелось понять, что это за народ. Теперь-то он жалел, что не узнал больше в Раздоле и мало смотрел на карты и прочие вещи. Но в те дни сдавалось, что планы путешествия были в гораздо более надёжных руках, и он никак не рассчитывал оказаться отрезанным от Гэндальфа, или Бродяжника, или даже Фродо. Всё, что он мог вспомнить о Ристании, заключалось в том, что конь Гэндальфа, Тенегон, родом отсюда. Это вселяло надежду.

"Но как им узнать, что мы не орки? — подумал он. — Сомневаюсь, чтобы они когда-либо слышали о хоббитах. Наверное, мне следует радоваться, что этих гнусных орков, скорее всего, уничтожат, но при всём при том не мешало бы спастись самому".

Его и Мерри вполне могли убить вместе с их носильщиками прежде, чем ристанийцы узнают о них. Некоторые всадники были лучниками, умеющими стрелять на скаку. Быстро проносясь вереницей, они выпускали стрелы по отставшим, и некоторые падали. Затем всадники поворачивали прочь, уходя от ответных выстрелов своих врагов, которые яростно отстреливались, не смея остановиться. Это повторялось неоднократно. Однажды случайная стрела упала среди скальбургцев. Один из них, прямо перед Пином, упал и больше не поднялся.

Ночь пришла, но всадники так и не начали решающей битвы. Многие орки погибли, однако их осталось добрых две сотни. В ранних сумерках орда подошла к бугру. Край леса был очень

близок, не более чем в трёх фарлонгах, но орки не могли бежать дальше: всадники окружили их. Небольшая группа послушалась команды Углука и помчалась к лесу; только трое возвратились.

— Хорошо же мы влипли, — усмехнулся Гришнак. — Прекрасное руководство! Я надеюсь, великий Угрук выведет нас отсюда так же успешно, как завёл!

— Спустите невысокликов! — распорядился Угрук, не обращая внимания на Гришнака. — Ты, Лугдуш, возьмишь ещё двоих и останешься их сторожить. Они не должны быть убиты, разве что мерзкие белокожие прорвутся сюда. Ясно? Пока я жив, они нужны мне живыми. Но они не должны кричать или освободиться. Свяжите им ноги!

Последняя часть приказа была выполнена без всякого милосердия. Но Пин обнаружил, что впервые он оказался рядом с Мерри. Орки сильно галдели, орали и гремели оружием, так что хоббиты некоторое время смогли перешептываться друг с другом.

— Вряд ли получится, — сказал Мерри. — Я уже почти при последнем издыхании. Не думаю, что уползу далеко, даже если бы я был свободен.

— Лембас! — прошептал Пин. — Лембас. У меня есть немного. А у тебя? Похоже, они не взяли ничего, кроме наших мечей.

— Да, у меня в кармане лежит пачка, — ответил Мерри. — Только они, наверное, раскрошились. Да я ведь не смогу залезть ртом в карман!

— Тебе и не надо. Я... — Но в это мгновение грубый пинок предупредил Пина, что шум прекратился и стражи начеку.

Ночь была холодная и тихая. Вокруг холма, на который загнали орков, полностью окружая его, горели небольшие сторожевые костры, золотисто-красные во мгле. Орки были вооружены длинными луками, но всадники не показывались против света, и много стрел было выпущено впустую просто на огонь, пока Угрук не остановил это. Всадников не было слышно. Среди ночи, когда луна вышла из тумана, их можно было время от времени увидеть: тёмные фигуры в непрерывном патрулировании мелькали время от времени в лунном свете.

— Они ждут солнца. Проклятье им! — проворчал один из стражников. — Почему мы не пробуем прорваться? Хотел бы я знать, о чём думает старый Угрук?

— Бьюсь об заклад, что хочешь, — прорычал Угрук, подойдя сзади. — Считаешь, что я вообще не думаю, э-э? Проклятые! Вы не лучше остального сброда: ублюдочных личинок и обезьян из Лугбурза. С ними бесполезно атаковать. Они тут же завизжат и удерут, а этих грязных лошадиников собралось более чем достаточно, чтобы прикончить нас всех на равнине.

Есть только одна вещь, на которую годны эти недоноски: они остро видят в темноте. Но белокожие обладают лучшим ночным зрением, чем большинство людей, про которых я слышал. И не забывайте про их коней: те могут разглядеть ночной ветерок, — по крайней мере, так говорят. Однако кое о чём эти щёголи и не подозревают: Маухур с отрядом находится в лесу, и они вот-вот появятся.

Слов Углука вполне хватило, чтобы удовлетворить скальбургцев, но другие орки были одновременно и подавлены и взбудоражены настолько, что отказывались подчиняться. Они выставили нескольких часовых, но большинство из них лежало на земле, отдыхая в приятной тьме, поскольку настали самые глухие часы ночи. Луна, склонившаяся к западу, вошла в густое облако, и Пин мог теперь видеть не далее, чем на фут. Свет от костров не доходил до бугра. Но всадники, между тем, не собирались просто дожидаться рассвета, позволяя своим врагам наслаждаться отдыхом. Внезапно с восточной стороны холма раздались крики: что-то произошло. По-видимому, несколько человек подъехали ближе, соскользнули с коней, подкрались к краю лагеря и убили нескольких орков, после чего снова скрылись. Угрук ринулся остановить панику.

Пин и Мерри сели. Их стражники, скальбургцы, ушли вместе с Углуком. Но если у хоббитов и мелькнула мысль о бегстве, то тут же и исчезла. Длинные волосатые руки схватили каждого из них за шею и тесно придвинули друг к другу. Они смутно различили громадную голову Гришнака и его отвратительное лицо, просунувшееся между ними. Вонючее дыхание касалось их щёк. Гришнак принялся ощупывать хоббитов своими длинными лапами. Пин вздрогнул, когда твёрдые холодные пальцы скользнули вдоль его спины.

— Ну как, крошки! — тихо шепнул Гришнак. — Наслаждаетесь приятным отдыхом? Или нет? Возможно, место несколько неудобное: мечи и хлысты с одной стороны и острые копья с другой! Малышам не следует ввязываться в предприятия, которые слишком велики для них.

Его пальцы продолжали обыск, а глаза алчно светились.

Внезапно до Пина, словно он прочитал сокровенное стремление врага, дошло: "Гришнак знает о Кольце! Он ищет его, пока Угрук занят; наверное, хочет добыть его для себя". Холодный страх сжимал сердце хоббита, но в то же время он прикидывал, что можно извлечь из желания Гришнака.

— Не думаю, что ты не найдёшь его таким способом, — прошептал он. — Его не просто найти.

— Найти его? — отозвался Гришнак. Его пальцы оставили обыск и сжали плечо Пина. — Найти что? О чём ты говоришь, малец?

На мгновение Пин замолк, затем внезапно издал в темноте горловой звук: горрлум, горрлум.

— Ни о чём, моя прелесть, — добавил он.

Хоббиты почувствовали, что пальцы Гришнака дрогнули.

— Ого! — тихо прошипел гоблин. — Так вот он о чём? Ого! Оч-чень, оч-чень опасно, мои крошки.

— Возможно, — сказал Мерри, сообразивший, что затевает Пин. — Возможно, и не только для нас. Однако ты лучше знаешь свои дела. Нужно оно тебе или нет? И что ты дал бы за него?

— Нужно ли мне? Нужно ли мне? — произнёс Гришнак, словно озадаченный, но его руки дрожали. — Что я дал бы за него? Что вы подразумеваете?

— Мы подразумеваем, — сказал Пин, с опаской подбирая слова, — что обыск ощупью в темноте не слишком надёжен. Мы могли бы избавить тебя от напрасного труда и сберечь время. Но сначала ты должен развязать нам ноги, иначе мы ничего не сделаем и ничего не скажем.

— Мои дорогие догадливые глупцы, — прошипел Гришнак. — Всё, что вы имеете, и всё, что вы знаете, из вас вытрясут в надлежащее время. Всё! И вы еще будете жалеть, что не знаете больше, чтобы удовлетворить допрашивающего, обязательно пожалеете. Причём скоро. Мы не торопимся на допросах. О нет! А зачем ещё, по-вашему, вас оставили в живых? Мои драгоценные спутники, уж, пожалуйста, поверьте мне, что вовсе не по доброте душевной, и даже не по очередному недосмотру Углука.

— Охотно верю, — сказал Мерри. — Но вам уже не дотащить спокойно вашу добычу до дому. И похоже, что по твоему-то не получится в любом случае. Какая польза великому Гришнаку, если мы попадём в Скальбург? Саруман присвоит себе всё, что сможет найти. Если ты хочешь получить что-то для себя, самое время заключить сделку.

Гришнак начал терять терпение. И особенно взбесило его, как казалось, имя Сарумана. Время шло, и паника пошла на убыль. Угрук и скальбургцы могли появиться с минуты на минуту.

— Оно у вас — у того или другого? — прорычал он.

— Горрлум, горрлум, — сказал Пин.

— Развяжи нам ноги! — сказал Мерри.

Хоббиты почувствовали, как затряслись руки орка.

— Проклятье вам, вонючие крысёныши! — прошипел он. — Развязать вам ноги? Я вытяну из вас все жилы! Считаете, я не могу обыскать вас до костей? Обыскать вас! Да я раздеру вас на мелкие дрожащие кусочки! Я не нуждаюсь в ваших ногах, чтобы утащить вас — и забрать себе всё!

Внезапно он схватил их. Сила его длинных рук и плеч была ужасающей. Сунув хоббитов себе под мышки и крепко прижав к бокам, он плотно зажал каждому рот своими громадными лапами и, низко пригибаясь, прыгнул вперёд. Затем быстро и молча подошёл к краю холма и, выбрав брешь в охране, скользнул, как зловещая тень в ночи, вниз по склону и на запад, к реке, которая вытекала из леса. В том направлении было обширное открытое пространство всего с одним костром.

Пройдя десяток ярдов, он остановился, всматриваясь и прислушиваясь, но ничего не увидел и не услышал. Затем медленно покрался вперёд, согнувшись чуть ли не вдвое, присел на корточки и снова прислушался. Потом встал, словно решившись на рывок, и в этот момент в темноте перед ним обрисовалась фигура всадника. Лошадь захрапела и встала на дыбы. Человек издал предупредительный возглас.

Гришнак бросился плашмя на землю, подмяв под себя хоббитов, затем взялся за меч. Без сомнения, он собирался убить своих пленников прежде, чем их спасут или они получат возможность бежать, но это ему не удалось. Меч слабо звякнул и чуть блеснул в свете костра слева от него. Из мрака, свистя, вырвалась стрела: была ли она пущена искусной рукой или направлялась случаем, но она пронзила его правую руку. Он выронил меч и пронзительно вскрикнул. Послышался быстрый стук копыт, и только Гришнак вскочил и побежал, как тут же был сбит с ног, и копьё прошло сквозь него. Он издал отвратительный всхлипывающий вопль и затих.

Хоббиты остались лежать плашмя на земле так, как их бросил Гришнак. На помощь товарищу быстро подскочил другой всадник. Неизвестно почему, быть может, благодаря особому зрению, лошадь поднялась и легко перескочила через них, однако её седок не увидел хоббитов, лежавших завернутыми в эльфийские плащи и в тот момент слишком оглушённых и испуганных, чтобы двигаться.

Наконец Мерри пошевелился и тихо прошептал:

— Чем дальше, тем лучше; но как нам удастся избежать копья?

Ответ пришёл незамедлительно. Крик Гришнака вспугнул орков. По пронзительным воплям и визгам, доносящимся с холма, хоббиты догадались, что их исчезновение обнаружено. Углуб, должно быть, съел ещё несколько голов. Внезапно справа, за пределами круга сторожевых костров, со стороны леса и гор донеслись ответные крики орков. По-видимому, подошёл Маухур и напал на осаждающих. Раздался топот скачущих лошадей. Всадники, не обращая внимания на стрелы орков, сомкнули тесное кольцо вокруг холма, чтобы отрезать возможность любой вылазки, а один отряд отправился разбираться с вновь прибывшими. Внезапно Мерри и Пин обнаружили, что, оставаясь на месте, они оказались вне круга: ничто больше не мешало им бежать.

— Теперь, — сказал Мерри, — если бы руки и ноги у нас были свободны, мы могли бы удрать. Но я не могу дотянуться до узлов, чтобы перегрызть их.

— Не стоит стараться, — отозвался Пин. — Я не успел тебе сказать: мне удалось освободить руки. Эти петли только для вида. Лучше съешь сначала немного лембас.

Он стряхнул верёвки с запястий и вытащил свёрток. Галеты раскрошились, но остались хорошими, по-прежнему завернутыми в листья. Каждый хоббит съел по два-три куска. Их вкус

напомнил им дорогие лица, и смех, и благотворную пищу в спокойные дни, оставшиеся так далеко. Некоторое время хоббиты задумчиво жевали, сидя в темноте и не обращая внимания на крики и звуки идущего рядом сражения. Пин первый вернулся к действительности.

— Надо удирать, — сказал он. — Минуточку!

Меч Гришнака лежал рядом, но он был слишком тяжёл и неудобен для того, чтобы воспользоваться им, так что Пин пополз вперёд и, найдя тело гоблина, вытащил из ножен длинный острый кинжал. С его помощью он быстро перерезал верёвки.

— Теперь за дело! — сказал он. — Может быть, когда мы немного согреемся, то снова сможем стоять и идти. Но в любом случае сначала лучше убираться отсюда ползком.

Они поползли. Дёрн был густым и плотным, и это облегчало дело, но двигались они медленно. Хоббиты издалека обогнули сторожевой костёр и помаленьку доползли-таки до реки, журчащей в чёрных тенях под обрывистыми берегами. Здесь они оглянулись.

Шум стих. Очевидно, Маухур и его "парни" были убиты или отброшены. Всадники снова принялись за своё безмолвное злоеущее патрулирование. Им оставалось недолго ждать. Ночь была на исходе. На востоке, который не был покрыт облаками, небо начало светлеть.

— Нам нужно укрыться, — сказал Пин, — или нас обнаружат. Вряд ли нас утешит, если всадники поймут, что мы не орки, после того, как мы будем мертвы. — Он встал и потопал ногами. — Эти верёвки стягивали меня, как проволока, но сейчас ноги достаточно разогрелись, чтобы попробовать ковылять на них. А ты как, Мерри?

Мерри поднялся.

— Да, — сказал он. — Я тоже справлюсь. Лембас здорово подбадривают! И они гораздо благотворнее, чем этот жгучий напиток орков. Интересно, что он из себя представляет? Наверное, лучше не знать. Сейчас бы глоток воды, чтобы смыть даже воспоминание о нём!

— Не здесь, берег слишком крут, — отозвался Пин. — Ну, вперёд!

Они повернули и зашагали рядом друг с другом вдоль русла реки. Позади них на востоке разгорался рассвет. На ходу хоббиты непринуждённо обменивались замечаниями, обсуждая в истинно хоббитской манере события, случившиеся с момента их пленения. Слушая их, никто не мог бы догадаться, что они жестоко страдали и находились в ужасной опасности, обреченно направляясь навстречу мукам и смерти, да и теперь, как им отлично известно, почти не имеют надежды когда-либо встретить друзей и обрести безопасность.

— Тебе не кажется, мистер Крол, — сказал Мерри, — что ты всё сделал, чтобы заполнить целую главу в книге старины Бильбо, если, конечно, мне выпадет шанс сообщить ему об этом? Здорово получилось; в особенности твоя догадка насчёт игры, которую вёл тот волосатый негодяй, и то, как ты подыграл ему. Но хотел бы я знать, заметит ли хоть кто-нибудь твой след и найдёт ли брошку? Мне было бы очень горько потерять свою, и боюсь, что твоя пропала навсегда... Мне хоть начёс на ногах делай, чтоб достать до тебя. Но кое в чём кузен Брендизайк даст тебе форы. В том смысле, чтобы определить, где он находится. Полагаю, ты-то не имеешь ни малейшего понятия, где мы сейчас. Но я проводил время в Раздоле с большей пользой. Мы идём к западу вдоль Энтрицы. Впереди самое начало или последний отрог, это с какой стороны посмотреть, Мглистых гор и Фангорн.

В этот момент они как раз дошли до тёмного края леса, стеной вставшего перед ними. Казалось, что ночь задержалась среди его могучих деревьев, отползая перед наступающим рассветом.

— Веди вперёд, мистер Брендизайк! — сказал Пин. — Или веди назад. Нас остерегали подходить в Фангорну. Но такой многознайка, вероятно, этого не забыл.

— Я-то не забыл, — ответил Мерри. — Но мне сдается, что лучше войти в лес, чем вернуться прямо в центр битвы.

Он первым шагнул под огромные ветви деревьев, старых, как сама древность. С них свешивались громадные бороды лишайников, качавшиеся под дуновениями ветерка. Хоббиты опасливо оглянулись из теней на оставшийся позади склон: маленькие хрупкие фигурки, похожие в сумеречном свете на детей эльфов, выглянувших в седой древности из лесной чащи и застывшие в удивлении перед своим первым рассветом.

Рассвет, красный, как пламя, пришёл из-за Великой Реки и Бурых равнин, покрыв серые лиги и лиги. Его приветствовало разнёсшееся окрест пение охотничьих рогов: всадники Рохана внезапно подали признаки жизни. Рог отвечал рогу.

Мерри и Пин слышали ржание боевых коней, ясное в холодном воздухе, и неожиданно зазвучавшее пение людей. Над горизонтом огненной аркой показался диск солнца. Тогда с громкими криками всадники атаковали с востока. Красный свет мерцал на кольчугах и копьях. Орки завывали и выпустили все оставшиеся у них стрелы. Хоббиты увидели, как некоторые всадники упали, но их цепь взлетела на холм, прокатилась по нему, развернулась и атаковала снова. Уцелевшая часть орды дрогнула и побежала, кто куда, преследуемая всадниками, которые убивали их одного за другим. Но одна группа орков, образовавшая чёрный клин, успешно продвигалась вперёд в направлении леса, вверх по склону, напад на часовых. Они подходили всё ближе, и казалось, что им наверняка удастся прорваться: они уже убили трёх всадников, загородивших им путь.

— Мы смотрели слишком долго! — сказал Мерри. — Это Углук! Я не хочу снова повстречаться с ним.

Хоббиты развернулись и побежали в глубину лесных теней.

Из-за этого они и не увидели последних событий: как Углук был настигнут и остановлен у самого края Фангорна. Здесь он был убит наконец, пав от руки Эомира, Третьего маршала Ристании, который спешился и сразился с ним на мечях. И зоркоглазые всадники добились в широких степях тех немногих орков, которые уцелели и всё ещё имели силы бежать.

Затем, похоронив павших соратников, насыпав над ними курган и пропев им хвалу, всадники сложили громадный костёр и развеяли пепел своих врагов. Так окончился этот набег, и никаких известий о нём никогда не достигло ни Мордора, ни Скальбурга; но дым от костра поднялся высоко в небо и был замечен многими бдительными глазами.

Глава IV

Древобород

Между тем хоббиты пробирались настолько быстро, насколько позволял тёмный и дремучий лес, вдоль русла быстрого потока к западу, вверх по горным склонам, всё глубже и глубже в Фангорн. Постепенно их страх перед орками утих, и шаг замедлился. Они ощутили удушливое головокружение, как если бы воздух вдруг стал слишком разреженным или непригодным для дыхания.

Наконец Мерри остановился.

— Так дальше не пойдёт, — сказал он, отдуваясь. — Я должен отдышаться.

— А я попить, во что бы то ни стало, — добавил Пин. — Я умираю от жажды.

Он вскарабкался на могучий древесный корень, свешивающийся в поток, и набрал в ладони немного воды. Она была чистой и холодной, и Пин сделал немало глотков. Мерри последовал его примеру. Вода освежила их и словно бы вселила надежду в их сердца; некоторое время они сидели на берегу реки, болтая в воде ноющими ногами и оглядывая деревья, которые безмолвно стояли вокруг них, постепенно, ряд за рядом, сливаясь в неверном свете в сплошную стену

везде, куда бы они ни посмотрели.

— Я надеюсь, ты ещё не заблудился? — сказал Пин, прислонясь спиной к гигантскому древесному стволу. — В конце концов, мы можем идти вдоль этой реки, Энтрицы, или как ты её там назвал, и вернуться тем путём, каким пришли.

— Сможем, если ноги понесут, — отозвался Мерри, — и если мы хорошенько отдышимся.

— Да, здесь очень мрачно и душно, — согласился Пин. — Это напоминает мне чем-то старую комнату в Большом Доме Кролов, который в Смиалсах, в Кролгорде: огромное помещение, где мебель ни разу не передвигалась и не менялась поколениями. Говорят, что Старый Крол жил в ней год за годом, старея и ветшая вместе с ней, а когда он умер, больше века назад, её так и оставили, как есть. А ведь Старый Геронтиус был моим пра-пра-прадедушкой; так что давненько это было. Но всё это пустяки по сравнению с тем, каким древним кажется этот лес. Посмотри только на все эти длиннющие свешивающиеся бороды и усы лишайников! И сдаётся мне, что большинство деревьев до сих пор покрыто сморщенной сухой листвой, которая так и не опала. Неопрятно. Не могу представить, как выглядела бы здесь весна, если она когда-нибудь заглядывает сюда; и ещё меньше, во что бы превратилась весенняя уборка.

— Но во всяком случае, солнце-то сюда наверняка время от времени заглядывает, — сказал Мерри. — Этот лес совсем не похож на Лихолесье, как его описывал Бильбо. Там всё черно и мрачно, и живут всякие порождения тьмы и мрака. Здесь же скорее сумрачно и ужасно, как бы это сказать... древесно, вот. Не представляю животных, которые жили бы здесь или хотя бы задерживались надолго.

— Ну уж, только не хоббиты, — подхватил Пин. — И пробираться через него мне тоже что-то очень не хочется. Наверняка здесь на сотни миль вокруг не найдётся ничего съедобного. А каковы наши запасы?

— Маловаты, — ответил Мерри. — Мы ведь убежали без всего, кроме запасных свёртков с лембасами, а всё остальное бросили.

Они посмотрели, что осталось от эльфийских галет: обломки, которых с трудом хватит на пять дней, и это было всё.

— И никаких пледов или шерстяных одеял, — добавил Мерри. — Сегодня ночью мы изрядно замёрзнем, куда бы ни пошли.

— И всё же, давай выберем дорогу сейчас, — предложил Пин. — Утро-то, небось, продолжается.

В этот момент чуть дальше в лесу они заметили жёлтый свет: должно быть, лесной полог внезапно пронизали солнечные лучи.

— Ого! — удивлённо воскликнул Мерри. — Наверное, пока мы здесь сидели, солнце зашло за тучку, а теперь показалось из-за неё снова, или же просто поднялось повыше и теперь проглядывает сквозь какой-то проём. Это недалеко, — пойдём и проверим!

Идти пришлось дальше, чем они думали. Местность постепенно повышалась, и повсюду стали попадаться камни. Пока они шли, окончательно рассвело, и вскоре хоббиты увидели перед собой скалистую стену: склон холма или обрывистый конец длинного корня, отходящего от далёких гор. На ней не росли деревья, и вся её поверхность была залита солнцем. Ветви деревьев у подножия стены торчали вверх, неподвижно и прямо, словно тянулись к теплу. Всё, что выглядело прежде косматым и серым, ожило: лес окрасился в яркий коричневый тон, и даже тёмно-серая кора походила на блестящую кожу. Стволы деревьев, как молодая трава, отливали нежной зеленью, создавая ощущение ранней весны или хотя бы её мимолетного видения.

В поверхности каменной стены было нечто вроде ступенек, быть может, естественных, появившихся в результате растрескивания скалы из-за выветривания, потому что они были

шероховатыми и неправильной формы. Высоко наверху, почти вровень с макушками лесных деревьев, был уступ, а над ним — утёс. На уступе не росло ничего, кроме нескольких куртинок травы у его кромки, да старого ствола дерева, на котором остались всего две склонённые ветви: больше всего он походил на грубую, корявую фигуру старика, стоявшего и щурившегося на утренний свет.

— Поднимемся наверх! — радостно сказал Мерри. — Глотнём воздуха и оглядим окрестности!

Они начали карабкаться на утёс. Если это и были ступеньки, то они предназначались для ног подлиннее, чем их. Хоббиты слишком торопились, чтобы обращать внимание на то, что, пока они лезли, все их раны и ушибы, полученные в плену, удивительным образом исцелились и их энергия возвратилась. Наконец они подобрались к краю уступа как раз у подножия старого ствола, вскочили на него и, повернувшись спиной к утёсу, перевели дух и посмотрели на восток. Они увидели, что зашли в лес всего на три или четыре мили: макушки деревьев спускались по склонам к равнине. Там, вблизи края леса, столбом поднимались клубы чёрного дыма, плывшие по направлению к ним.

— Ветер переменился, — сказал Мерри. — Он снова задул с востока. Здесь наверху холодно.

— Да, — согласился Пин. — Боюсь, это лишь слабый проблеск, и скоро всё опять посереет. Какая жалость! Этот косматый старый лес совсем по-другому выглядит в солнечных лучах. Мне почти что понравилось здесь.

— Тебе почти что понравился Лес! Это хорошо! Это необыкновенно любезно с твоей стороны, — произнёс странный голос. — Обернитесь и дайте мне взглянуть на ваши лица. Мне сдаётся, что я чувствую неприязнь к вам обоим, но не будем спешить. Обернитесь!

Две длинные руки с узловатыми пальцами легли им на плечи и повернули их, мягко, но с неодолимой силой; затем обе громадные руки подняли их в воздух.

Хоббиты обнаружили, что их рассматривает в высшей степени необыкновенное лицо, принадлежащее человекообразной, почти троллеобразной фигуре добрых четырнадцати футов высотой, очень крепкой, с высокой головой и практически без шеи. Было ли это существо одето в материал, похожий на серо-зелёную кору, или это было его шкурой, трудно сказать. Во всяком случае, руки на небольшом расстоянии от туловища были не сморщены, а покрыты тёмно-коричневой кожей. Большие ступни тоже. Но в тот момент хоббиты почти ничего не заметили, кроме глаз. Эти глубокие глаза рассматривали их медленно и торжественно, но очень пронизательно. Они были карими, но светились зелёным светом. Впоследствии Пин часто пытался описать свои первые впечатления о них: "Казалось, будто за ними был бездонный колодец, наполненный памятью веков и долгими, медленными, неизменными мыслями, но на их поверхности рябило настоящее, подобно солнцу, просвечивающему сквозь густую листву раскидистого дерева, или зыби на поверхности очень глубокого озера. Я не знаю, но казалось, что было в них нечто, что проникало в самую суть, спящее, можно бы сказать, или, точнее, ощущавшее себя между корнями и кроной, между недрами земли и небом, которое внезапно пробудилось и рассматривало тебя с тем же спокойным вниманием, какое оно уделяло в течение бессчётных лет собственным внутренним делам".

— Хрум, хум, — пробормотал голос. Низкий голос, похожий на звук большой эоловой арфы. — Действительно, очень странно! Не спешить — это мой девиз. Но если бы я увидел вас прежде, чем услышал ваши голоса — приятные, тонкие голоса; они напомнили мне о чём-то, что я не могу вспомнить, — я мог бы растоптать вас, приняв за мелких орков, и лишь затем обнаружить свою ошибку. Но вы очень странные. Клянусь корнями и сучьями, очень странные!

Пин, хотя ещё не оправился от изумления, не слишком испугался. Под взглядом этих глаз он испытывал странное беспокойство, но не страх.

— Пожалуйста, — проговорил он, — скажите, как вас зовут? И кто вы?

В древних глазах появилось странное, почти осмотнительное выражение. Глубокий колодец закрылся.

— Хрум, — ответил голос. — Ну, хорошо. Я энт, или, точнее, так меня называют. Да, энт, вот слово. Вы можете сказать, что я господин Энт, как принято говорить у вас. Одни называют меня Фангорном, другие Древобородом. Пусть будет Древобород.

— А энт? — спросил Мерри. — Что это такое? И как вы называете себя сами? Как ваше настоящее имя?

— Охо-хо! — отозвался Древобород. — Хо! Это был бы долгий рассказ! Не так быстро. И сейчас я спрашиваю. Вы в моей стране. Интересно, кто вы такие? Я не могу определить вас. Похоже, что вас нет в древних списках, которые я учил, когда был молод. Но это было очень, очень давно, и с тех пор могли появиться новые списки. Посмотрим! Посмотрим! Как это там?

Узнайте список, преданье времён:
Четыре свободных народа в нём.
Первые эльфы, древней всех племён,
За ними гномы, тёмных их дом.
Земли плоть энты, древней валунов,
После смертные люди, господа скакунов.
Хм, хм, хм.
Бобёр-строитель, олень-прыгун,
Мишка — пчёл разоритель, секач — ревун.
Псы всегда голодны, зайцы страха полны...
Хм, хм.
Орлы остроглазы, быкам же дана
Корона рогов, а змея холодна.
Лебедь белейший, ястреб быстрееший...

Хум, хм, хум, хм, как там дальше? Рум тум, рум тум, румти тум том. Это был длинный список. Но в любом случае вы, похоже, нигде в нём не упоминаетесь!

— Нас, наверное, всегда забывали включить в старые списки и старые легенды, — сказал Мерри. — Хотя мы существуем достаточно давно. Мы хоббиты.

— Почему бы не добавить новую строчку? — предложил Пин:

Невысоклик-хоббиты, жители нор.

Поместите нас среди четырёх, следом за людьми (Большим народом), и всё будет в порядке.

— Хм! Неплохо, неплохо, — проговорил Древобород. — Так и сделаем. Так вы живёте в норах, э-э? Это весьма похоже на правду и весьма уместно. Но кто называет вас хоббитами? Это слово не похоже на эльфийское. Эльфы придумали все старые слова, они создали речь.

— Никто больше не зовёт нас хоббитами. Мы сами называем себя так, — сказал Пин.

— Хум, хмм! Продолжим! Не так быстро! Вы называете сами себя хоббитами? Но вы не станете представляться так кому-либо. Вы должны открыть ваши настоящие имена, если вы этого не боитесь.

— Мы этого не боимся, — сказал Мерри. — По-настоящему я Брендизайк, Мериардок

Брендизайк, но все зовут меня просто Мерри.

— А я Крол, Перегрин Крол, но обычно меня называют Пин.

— Хм, я вижу, что вы действительно торопыги, — сказал Древобород. — Я польщён вашим доверием, но вам не следовало бы сразу вести себя так свободно. Есть энты и энты, знаете ли; или, можно сказать, есть энты и существа, похожие на энтов, но не они. Я стану называть вас Мерри и Пином, если позволите — приятные имена. Но я не сообщу вам своего имени, во всяком случае, не сейчас. — В его глазах зелёными искрами замерцало странное полу-сочувственное, полу-насмешливое выражение. — Во-первых, это заняло бы слишком много времени: моё имя растёт вместе со мной, а я прожил долго, очень долго, так что моё имя подобно истории. Истинные имена поведают вам историю вещей, к которым они относятся; имена, данные на моём языке, на древнем энтском, как вы можете сказать. Это красивый язык, но нужно очень много времени, чтобы произнести что-либо на нём, поскольку мы ничего не говорим на этом языке, если только это не стоит времени, потраченного на то, чтобы сказать и чтобы выслушать.

А теперь, — его глаза словно сузились и прояснились, а взгляд стал очень внимательным и почти пронзительным, — что происходит? Как вы во всём этом замешаны? Я могу видеть и слышать (и осязать, и чувствовать) многое с этого... этого... этого а-лалла-лалла-румба-каманда-линд-ор-бурамё. Извините меня: это часть названия, данного мной этой вещи. Я не знаю, каким словом называется она на других языках: понимаете, то, где мы находимся, где я стоял и смотрел на прекрасное утро, и думал о солнце, и травах за пределами леса, и лошадях, и облаках, и о пробуждении мира. Что происходит? Что затевает Гэндальф? И эти... бурарум, — он издал рокочущий звук, как диссонанс на большом органе, — эти орки, и молодой Саруман в Скальбурге? Я жду новостей. Но только не слишком быстро.

— Много чего происходит, — сказал Мерри. — И даже если мы поторопимся, нам пришлось бы рассказывать очень долго. А вы просите нас не спешить. Но должны ли мы вообще говорить вам что-либо прямо сейчас? Вы не сочтёте грубостью, если мы спросим, что вы собираетесь делать с нами и на чьей вы стороне? Вы знаете Гэндальфа?

— Да, я знаю его: это единственный маг, которого действительно заботят деревья, — ответил Древобород. — А вы знаете его?

— Да, — сказал Пин печально, — мы его знали. Он был нашим большим другом и нашим предводителем.

— Теперь я могу ответить на ваш другой вопрос, — сказал Древобород. — Я ничего не собираюсь делать с вами, если только вы не подразумеваете под этим "сделать для вас" без вашего позволения. Возможно, мы кое-что сделаем вместе. Я ничего не знаю о сторонах. Я иду собственным путём, но ваш путь может некоторое время идти рядом с моим. Но вы говорите о мастере Гэндальфе так, как будто он принадлежит истории, что окончилась.

— Да, — подтвердил Пин грустно. — История, кажется, продолжается, но я боюсь, что Гэндальф выбыл из неё.

— Хо, продолжим! — сказал Древобород. — Хум, хм, ах, так. — Он помолчал, смерив хоббитов долгим взглядом. — Хум, ах, тогда я не знаю, что сказать. Продолжим!

— Если вы хотите услышать больше, — произнёс Мерри, — мы расскажем вам. Но это займёт некоторое время. Может быть, вы нас спустите? Не посидеть ли нам вместе на солнышке, пока оно не ушло? Наверное, вы устали держать нас.

— Хм, устал? Нет, я не устал. Я не скоро устаю. И я не могу сесть. Я не слишком, хм, гибок. Но солнце, действительно, уходит. Оставим этот... скажите, как вы его называете?

— Холм? — предположил Пин.

— Уступ? Ступень? — предположил Мерри.

Древобород задумчиво повторил слова.

— Холм. Да, вот что. Но это слишком быстрое слово для вещи, которая стоит здесь с тех пор, как был создан мир. Неважно. Покинем его и пойдём.

— Куда пойдём? — спросил Мерри.

— Ко мне домой, точнее, в один из моих домов, — ответил Древобород.

— Это далеко?

— Не знаю. Возможно, вы назовёте это далёким. Но какое это имеет значение?

— Видите ли, мы лишились всех своих вещей, — сказал Мерри. — И у нас очень мало еды.

— О! Хм! Не тревожьтесь об этом, — отозвался Древобород. — Я дам вам напиток, который поможет вам зеленеть и расти долго, долго. А если мы решим расстаться, я могу доставить вас к границам моей страны в любом месте по вашему выбору. Идёмте!

Бережно, но крепко держа хоббитов на согнутых руках, Древобород поднял сначала одну большую ступню, потом другую, и оказался на краю уступа. Похожие на корни пальцы ног вцепились в скалу. Он осторожно и торжественно сошёл по ступенькам и спустился под полог Леса.

Затем он широкими неторопливыми шагами двинулся между деревьями всё глубже и глубже в чащу, но не слишком удаляясь от реки, вверх по течению к горным склонам. Большинство деревьев, казалось, спали или также не подозревали о нём, как и о любом другом существе, которое просто проходило мимо, но некоторые трепетали, а некоторые при его приближении поднимали свои ветви над его головой. Всё время, пока он шёл, он разговаривал сам с собой на длинном, бегущем потоке музыкальных звуков.

Хоббиты молчали. Они чувствовали себя необычайно удобно, безопасно и покойно, и у них было достаточно поводов поразмышлять и поудивляться. Наконец Пин снова рискнул заговорить:

— Извините пожалуйста, Древобород, — сказал он. — Могу я спросить вас кое о чём? Почему Келеборн предостерегал нас против вашего леса? Он говорил, что рискованно заходить в него.

— Хмм, он так сказал? — громыхнул Древобород. — А я мог бы сказать то же самое, если бы вы шли другой дорогой: не рискуйте заходить в чащу Лаурелиндоренана! Так его называли эльфы, но теперь они дали имя короче — Лотлориэн называют они его. Возможно, они правы; быть может, он увядает, а не расцветает. Когда-то это была Страна в Долине Поющего Золота, теперь это Поток Сновидений. Пусть так! Но это странное место, проникнуть в которое не так-то легко. Я поражён, что вы вышли оттуда, но ещё более поражён, что вы вошли туда: это не удавалось никому из путников уже много-много лет. Это странное место.

И это так. Тамошнее племя дожило до беды. Увы, это так, до беды. Лаурелиндоренан линделориндор малинорнелион орнемалин, — пробормотал он сам себе. — Я полагаю, они постепенно выпадают из этого мира. Ни этот край, ни что-либо ещё за пределами Золотого Леса уже не таково, каким было, когда Келеборн был молод. Однако: "Таурелиломёа-тумболиморна Тумбалетаурёа Ломёанор", — вот что они обычно говорили. Всё меняется, но есть неизменная истина.

— О чём вы? — спросил Пин. — Какая истина?

— Деревья и энты, — ответил Древобород. — Я сам не понимаю всего, что происходит, поэтому я не могу объяснить этого вам. Некоторые из нас пока ещё остаются истинными энтами, и в своём роде достаточно бодрыми, но многие растут, почти не просыпаясь, одревесневают, как вы можете выразиться. Конечно, большинство деревьев — просто деревья, но многие наполовину проснулись. Некоторые совсем проснулись, а немногие вполне, ах,

вполне становятся подобными энтам. Так ведётся издревле.

Когда это происходит с деревом, иногда оказывается, что у некоторых гнилые сердца. Ничего не происходит с их древесиной, я не это имею в виду. Ну да, я знал несколько весьма старых ив в нижнем течении Энтрицы, увы, давно исчезших: они имели огромные дупла, из-за которых полностью развалились на куски, но оставались спокойными и мило-беседующими, как молодые листья. И есть некоторые деревья в долинах под горами, звенящие, как колокольчики, и насквозь гнилые. Кажется, этот сорт размножился. Здесь всегда было немало опасных мест, да и сейчас остаётся ещё несколько очень чёрных пятен.

— Вы имеете в виду, что они напоминают Вековечный Лес далеко на севере? — спросил Мерри.

— Увы, увы, немного напоминают, но значительно хуже. Я не сомневаюсь, что далеко на севере ещё остаётся небольшая тень от Великой Мглы, и недобрая память передаётся потомству. Но в этой стране есть глубокие доли, где Мгла никогда не рассеивалась, и деревья там старше, чем я. Однако мы делаем, что можем. Мы не подпускаем чужаков и безрассудных храбрецов, и мы учим и натаскиваем, мы ходим и пропалываем.

Мы пастухи деревьев, мы древние энты. Немногие из нас дожили до нынешних дней. Овца становится похожей на пастуха, а пастух на овцу, как говорят, но медленно, и ничто не вечно в этом мире. Живая и тесная связь существует между деревьями и энтами, и они идут сквозь века вместе. Ибо энты более похожи на эльфов: они менее заняты собой, чем люди, и лучше понимают суть других вещей. Но, с другой стороны, энты больше напоминают людей: восприимчивее к изменениям, чем эльфы, и, как вы можете сказать, быстрее воспринимают внешнюю окраску. Или лучше, чем оба этих народа, ибо они более постоянны и дольше других хранят память о вещах.

Некоторые из моего рода теперь выглядят совсем как деревья, и нужно нечто великое, чтобы разбудить их, и они говорят только шёпотом. Но некоторые из моих деревьев обладают гибкими ветками, и многие могут говорить со мной. Эльфы, конечно, начали будить деревья и учить их говорить, и обучаться их древесному языку. Они всегда хотели разговаривать со всеми, древние эльфы. Но когда пришла Великая Мгла, они ушли за Море или бежали и скрылись в укромных долинах и поют песни о днях, которым никогда не прийти вновь. Никогда вновь. Увы, увы, некогда отсюда до Лунных гор всё было покрыто лесом, а это был лишь его Восточный конец.

То были светлые дни! Время, когда я мог бродить и петь все дни напролёт и ничего не слышать, кроме эха своего голоса в горных пещерах. Леса были похожи на леса Лотлориэна, но гуще, крепче и моложе. А аромат воздуха! Я стоял неделями и просто дышал.

Древобород замолк, продолжая широко шагать. Его гигантские ноги двигались почти бесшумно. Затем он снова начал гудеть, и гудение это перешло в бормочущее пение. Постепенно хоббиты поняли, что он напевает для них:

В ивовых рощах Тазариона я бродил весной.

Ах! Аромат и прелесть весны в Нан-тазарион!

Здесь хорошо, я сказал.

Летом пришёл я в ильмовый лес к тебе, Оссирианд.

Ах! Лунный свет и плеск быстрых вод твоих семи рек, Оссир!

Здесь лучше всего, я решил.

К букам Нельдорета я пришёл ясным осенним днём.

Ах! Вид золотой и багровой листвы, осень на Таур-на-Нельдор!

Чего бы ещё я желал?

К соснам на скалах Дортониона я поднялся зимой.
Ах! Белый покров и ветвей чернота зимой на Ород-наТон!
Мой голос свободно взлетал в небеса,
Но скрыла те земли забвенья волна.
И брожу я теперь по Амбарона, по Тауреморна, по Амболомё,
В своём краю, по земле Фангорн,
Где корни глубоки,
А годы бессчётней опавшей листвы
В Тауреморналомё.

Он допел и шагал дальше молча, и во всём лесу не было слышно ни звука.

День убывал, и сумерки сквозили в просветах между деревьями. Наконец хоббиты различили темнеющий перед ними крутой склон: они подошли к подножию гор, к зелёной подошве высокого Метедраса. По склону, бойко прыгая со ступеньки на ступеньку, сбегал молодой ручеёк Энтрицы, бравший своё начало в горных родниках. Справа от речки был длинный склон, покрытый травой, серой в сумеречном свете. Здесь не росли деревья и было видно открытое небо; в озёрах меж облачных берегов мерцали звёзды.

Древобород, почти не замедляя шага, поднялся по склону. Внезапно хоббиты заметили прямо перед собой широкий проход. Два громадных дерева стояли по его сторонам, как живые стойки ворот, но не было здесь иного заграждения, кроме их скрещенных и переплетающихся друг с другом сучьев. Когда старый энт подошёл, деревья подняли свои ветви, кроны их затрепетали и зашелестели. Это были вечнозелёные деревья, и их листва, тёмная и глянцевая, блестела в сумеречном свете. За ними открывался широкий ровный коридор, словно длинный зал, прорубленный в склоне горы. Его стены постепенно повышались, пока не достигали пятидесяти или более футов, и вдоль каждой стены стояли в ряд деревья, которые по мере продвижения внутрь тоже тянулись вверх.

В дальнем конце была отвесная каменная стена, но в нижней части она слегка выступала вперёд и нависала гrotтом, образуя неглубокую сводчатую нишу — единственный покрытый участок в зале, не считая ветвей деревьев, которые укрывали густой тенью всё пространство, за исключением широкого открытого прохода посередине. Маленький, но полноводный ручеёк, выбегающий из родника наверху, стекал тонкой струйкой по отвесной поверхности стены, рассыпаясь на серебряные капли, словно тонкий занавес, перед сводчатой нишей. Вода собиралась в каменный бассейн у подножья деревьев и, выплёскиваясь оттуда, текла прочь вдоль открытого участка до впадения в Энтрицу, бегущую через лес.

— Хм! Мы на месте! — сказал Древобород, прервав долгое молчание. — Я пронёс вас около семидесяти тысяч шагов энтов, но сколько это составляет по вашим меркам, я не знаю. Во всяком случае, мы вблизи корней Последней Горы. Частью имени этого места, я думаю, могут считаться слова Родниковый Зал, в переводе на ваш язык. Я люблю его. Сегодня мы переночуем здесь.

Он спустил хоббитов на траву в проходе между деревьями, и они пошли вслед за ним по направлению к большой арке. Теперь хоббиты заметили, что, колени старого энта при ходьбе едва сгибались, но ноги делали широкие шаги. Он ступал сначала на большие пальцы (и они были действительно большие и очень широкие), а затем уже на всю ступню.

На мгновение Древобород задержался перед завесой падающей воды и сделал глубокий вдох, затем он рассмеялся и вошёл внутрь. Там стоял громадный каменный стол, но не было

стульев. Задняя стена ниши тонула во мраке. Древобород поднял два громадных сосуда и поставил их на стол. Казалось, что сосуды наполнены водой, но он простёр над ними руки, и те немедленно начали пылать — один золотым, а другой зелёным светом — и лучи этих двух светильников заполнили нишу, как будто летнее солнце светило сквозь покров молодой листвы. Оглянувшись, хоббиты увидели, что деревья в зале также начали светиться, сначала слабо, но постепенно разгораясь, пока края каждого листка не вспыхнули — некоторые зелёным, некоторые золотым, некоторые красным, как медь, светом, в то время как стволы деревьев напоминали столбы, усыпанные светящимися камнями.

— Так, так, теперь мы вновь можем беседовать, — сказал Древобород. — Вы хотите пить, я полагаю. И вы, наверное, утомлены. Выпейте это!

Он направился к задней стене ниши, и хоббиты увидели, что там стоит несколько высоких каменных кувшинов с тяжёлыми крышками. Древобород поднял одну из крышек и погрузил внутрь большой ковш, с помощью которого наполнил три кубка: один очень высокий и два поменьше.

— Это дом энта, — сказал он, — и в нём, я боюсь, нет никаких сидений. Но вы можете сесть на стол.

Он поднял хоббитов и усадил их на большую каменную плиту на высоте шести футов от земли. Там они и сидели, свесив ноги и делая маленькие глотки.

Напиток был похож на воду и весьма напоминал по вкусу те глотки, которые они сделали из Энтрицы близ края леса, но в нём ощущался слабый запах или привкус, трудный для описания: едва уловимый, но похожий на аромат дальнего леса, донесённый холодным ночным ветерком. Действие напитка началось от пальцев ног и постепенно разлилось по всему телу, неся свежие силы и энергию вверх, прямо к макушке. Внезапно хоббиты почувствовали, что волосы у них на голове действительно поднялись, подрастая, свиваясь в кудри и ложась локонами. Что касается Древоборода, тот сначала погрузил ноги в бассейн за аркой и затем осушил свой кубок одним долгим, медленным глотком. Хоббиты думали, что он никогда не остановится. Наконец он отставил кубок прочь.

— А-ах, — вздохнул он. — Хм, хум, теперь мы можем спокойно беседовать. Вы можете сидеть на полу, а буду лежать, потому что это не даст напитку подняться к голове и склонить меня ко сну.

Справа в нише стояла громадная кровать на низких ножках, не более чем парой футов в высоту, покрытая толстым слоем сухой травы и веток. Древобород медленно опустился на неё (при этом он лишь слегка согнулся в поясе) и вытянулся во всю длину с руками под головой, глядя в потолок, на котором плясали блики света, похожие на игру листвы в сиянии солнца. Мерри и Пин уселись около него на охапки травы.

— Теперь расскажите мне вашу повесть, но не спешите! — сказал Древобород.

Хоббиты принялись рассказывать ему историю своих приключений с того момента, как они покинули Хоббитон. Они рассказывали не совсем по порядку, потому что постоянно перебивали друг друга, а Древобород часто останавливал рассказчиков, вынуждая их своими расспросами возвращаться к более ранним событиям или забежать вперёд, к последующим происшествиям. Они ничего не сказали про Кольцо и не сообщили ему, зачем и куда они шли, а он не спрашивал об этом.

Древоборода чрезвычайно интересовало всё: и Чёрные Всадники, и Элронд, и Раздол, и Вековечный Лес, и Том Бомбадил, и шахты Мории, и Лотлориэн, и Галадриэль. Он снова и снова просил их описывать земли Ши́ра и задал по их поводу один странный вопрос:

— Вы ни разу не видели никаких, хм, никаких энтов в тех местах? Ну, не энтов, а, лучше

сказать, энток.

— Энток? — переспросил Пин. — А они похожи на вас?

— Да, хм, точнее, нет; я теперь не знаю точно, — произнёс Древобород задумчиво. — Но им понравилась бы ваша страна, вот я на всякий случай и спросил.

Особенно интересовало Древоборода всё, что касалось Гэндальфа, а также все поступки Сарумана. Хоббиты очень жалели, что они так мало знают о них: только довольно невнятный пересказ Сэмом того, о чём поведал на Совете Гэндальф. Но, во всяком случае, им обоим было совершенно ясно, что Угрук и его банда пришли из Скальбурга и говорили о Сарумане как о своём хозяине.

— Хм, хум! — сказал Древобород, когда их сбивчивый рассказ дошёл наконец до битвы орков и всадников Ристании. — Так, так! Да тут целая охапка новостей, и немалая. Вы не сообщили мне всего, нет, конечно, далеко не всё. Но я не сомневаюсь, что вы делаете это по желанию Гэндальфа. Насколько я понял, затеяно что-то большое, и, быть может, я узнаю об этом в добрый или дурной час. Но, клянусь корнями и сучьями, творятся странные дела: появляются побегі невысокликов, даже не внесённых в старые списки, и смотрите! Девять забытых Всадников возвращаются вновь для охоты за ними, и Гэндальф берёт их в великий поход, и Галадриэль даёт им прибежище в Карас Галадоне, и орки гонятся за ними через все лиги Глухоманья, — поистине, они подхвачены великой бурей. Надеюсь, они выдержат её!

— А что вы скажете о себе? — спросил Мерри.

— Хум, хм, меня не волнуют Великие Войны, — ответил Древобород. — Они больше касаются эльфов и людей. Это дело магов: маги всегда беспокоились о будущем. Я не стремлюсь заботиться о будущем. Я не присоединяюсь окончательно ни к одной стороне, ибо никто не стоит полностью на моей стороне, если вы понимаете меня; никто не заботится о лесах так, как я забочусь о них, даже нынешние эльфы. Хотя к эльфам я отношусь более благосклонно, чем к прочим: именно эльфы излечили нас от немоты в давние времена, а это великий дар, что не забывается. Но наши пути разошлись. Тем не менее, конечно, есть вещи, на стороне коих я никоим образом не могу быть, я полностью против них: эти — бурарум (он снова издал низкий рокочущий диссонанс) — орки и их хозяева.

Я забеспокоился, когда тень легла на Лихолесье, но, когда она отползла в Мордор, на время я перестал тревожиться: Мордор далеко. Но, кажется, ветер опять дует с Востока, и, быть может, близится час завядания всех лесов. Старый энт ничего не может сделать для того, чтобы остановить этот шторм: он должен выдержать его или сломаться.

Но вот Саруман! Саруман — сосед, и я не могу смотреть на его поведение сквозь пальцы. Полагаю, я должен что-то сделать. В последнее время я часто задумывался над тем, что мне нужно предпринять насчёт Сарумана.

— Кто такой Саруман? — спросил Пин. — Вы можете рассказать что-нибудь о нём?

— Саруман — маг, — ответил Древобород. — Больше этого я не могу сказать. Я не знаю истории магов. Впервые они появились после того, как из-за Моря пришли Большие Корабли, но прибыли ли они вместе с Кораблями, я не знаю. Полагаю, Саруман считался величайшим среди них. Некоторое время назад он бросил скитаться по свету и присматривать за делами людей и эльфов, по вашему счёту, очень давно, и осел в Ангреносте, или Скальбурге, как называют его ристанийцы. Сначала он жил тихо, но слава его росла. Говорят, он был выбран главой Совета Светлых Сил, но ничего особенно хорошего из этого не получилось. Теперь я думаю, что он уже тогда мог пойти по дурной дороге. Но, во всяком случае, он не причинял беспокойства своим соседям. Я беседовал с ним. Было время, когда он постоянно бродил вокруг моих лесов. Тогда он был учтив, всегда спрашивал моего разрешения (по крайней мере, когда встречал меня) и всегда охотно слушал. Я сообщил ему немало такого, до чего он никогда бы не

дошёл самостоятельно, но он никогда не платил мне тем же. Я не могу припомнить, чтобы он вообще что-нибудь сообщал мне. И он всё больше и больше менялся: его лицо, каким я его помню — я не видел его много дней — всё больше становилось похожим на окно в каменной стене, окно, закрытое изнутри ставнями.

Думаю, теперь я понял, что он затевает. Он замыслил стать Силой. Его мысль подобна металлическим колёсам, и ему нет дела до того, что растёт, кроме тех вещей, которые служат ему в данный момент. А теперь ясно, что он — чёрный предатель. Он спутался с грязным народом, с орками. Брум, хум! И ещё хуже: он что-то делает с ними, что-то опасное. Ибо эти скальбургцы больше похожи на злобных людей. Примета всех тёмных созданий, пришедших с Великой Мглой, то, что они не выносят солнца, но орки Сарумана выдерживают его, даже если и ненавидят. Я хотел бы знать, как он этого достиг? Люди ли это, которых он погубил, или же он скрестил племена орков и людей? Это было бы весьма чёрным делом!

Древобород некоторое время громыхал, словно произносил глухие, будто идущие из-под земли, энтские проклятия.

— Некоторое время назад я начал удивляться, почему орки осмеливаются так свободно ходить через мой лес, — продолжил он. — И лишь недавно я понял, что это дело рук Сарумана, который уже давно вызнал все дороги и выведал мои тайны. Теперь он и его грязный народ несут опустошение. Внизу, у края, они срубили много деревьев — хороших деревьев, часть которых они просто обкорнали и оставили гнить, — это забавы орков, — но большинство изрубили и унесли, чтобы поддерживать огонь в Ортханке. Теперь они — дым, который вечно поднимается в эти дни над Скальбургом.

Проклятие ему, корни и ветви! Многие из этих деревьев были моими друзьями, которых я знал от зерна и проростка, многие имели голоса, теперь навек утраченные. И ныне там одни пеньки, и лишь ежевика растёт на месте поющих... Я был лентяем. Я пустил всё на самотёк. Это нужно остановить!

Древобород рывком поднялся с кровати, встал и ударил рукой по столу. Светящиеся сосуды вздрогнули и выбросили два снопа пламени.

— Я остановлю это! — прогудел он. — И вы пойдёте вместе со мной. Вы сможете помочь мне. Этим вы также поможете и своим друзьям, ибо, если не обуздать Сарумана, Ристания и Гондор будут иметь врага и впереди, и позади. Наши дороги идут вместе — на Скальбург!

— Мы пойдём с тобой, — сказал Мерри. — Мы сделаем всё, что сможем.

— Да! — подхватил Пин. — Я с удовольствием увидел бы Белую Руку поверженной. Я хотел бы быть при этом, даже если сам не принесу большой пользы. Мне никогда не забыть Углука и пути через Ристанию.

— Хорошо! Хорошо! — отозвался Древобород. — Но я говорил поспешно. Мы не должны спешить. Я погорячился. Я должен остыть и подумать. Легче крикнуть остановлю, чем сделать это.

Он шагнул под арку и некоторое время стоял под струящимся дождиком водопада, затем рассмеялся, встряхнулся, и там, где упали соскользнувшие с него капли воды, они вспыхнули красными и зелёными искорками. Древобород вернулся, снова улёгся на кровать и замолк.

Спустя некоторое время до хоббитов опять донеслось его бормотание. Казалось, что он считает на пальцах:

— Фангорн, Финглас, Фладриф, увы, увы, — вздохнул он. — Беда в том, что нас осталось так мало, — сказал он, поворачиваясь к хоббитам. — Только деревья помнят о первых энтах, которые бродили по лесам до прихода Мглы: лишь я, Фангорн, Финглас и Фладриф — дадим им их эльфийские имена. Вы можете называть их Лугопас и Кожекор, если считаете, что так

лучше. Из нас троих Лугопас и Кожекор не особенно пригодны для этого дела. Лугопас стал сонным, почти одревеснел, как вы можете сказать: он привык простаивать всё лето напролёт в полусне в глубокой луговой траве, поднимающейся до его колен. Он покрыт листьями волос. Зимой он обычно просыпается, но последнее время он слишком заспался для того, чтобы идти куда-то далеко. Кожекор жил на склонах гор западнее Скальбурга, там, где было хуже всего. Он был ранен орками, а многие из его народа и его древесной паствы были убиты и уничтожены. Он ушёл высоко в горы к самым любимым своим берёзам, и он не захочет спуститься. Однако смею заявить, что я могу повести за собой приличный отряд нашей молодёжи — если сумею объяснить им необходимость этого, если смогу воодушевить их. Мы неспешный народ. Как жаль, что нас осталось так мало!

— А почему вас так мало, если вы так долго живёте здесь? — спросил Пин. — Многие поумирали?

— О, нет! — сказал Древобород. — Никто не умер сам по себе, как вы могли бы выразиться; некоторые, конечно, за долгие годы погибли в результате пагубных случайностей, а многие заснули, уподобившись деревьям. Но нас никогда не было особенно много, и не становится больше. Уже очень, очень давно не было энтиков — или, по-вашему, детей. Понимаете, мы потеряли энток.

— Это ужасно! — сказал Пин. — Как же случилось, что все они умерли?

— Они не умерли! — отозвался Древобород. — Я никогда не говорил умерли. Я сказал: мы их потеряли. Мы потеряли и не можем найти их.

Он вздохнул.

— Я думал, большинство народов знают про это. Есть песни о поиске энтами энток, которые пелись эльфами и людьми от Лихолесья до Гондора. Они не могли окончательно забыться.

— Э-э, опасаясь, что эти песни не перебрались через Горы на запад и не попали в Шир, — сказал Мерри. — Может быть, вы расскажете нам или споёте одну из них?

— Да, я это сделаю, — ответил Древобород, который, казалось, был доволен просьбой. — Но я не смогу рассказать подробно, только вкратце. А затем мы прервём нашу беседу: завтра нам предстоит много говорить и много делать, а может быть, и начать путь.

— Это во всех отношениях странная и печальная история, — продолжил он, помолчав. — Когда мир был молод, и леса были больше и глуше, энты и энтки — и энтки-девы были тогда: ах! прелестная Фимбертил, легконогая Лозинка в дни нашей юности! — они гуляли вместе и жили вместе. Но по-разному развивались наши склонности: энты увлеклись тем, что встретили в этом мире, а энтки отдали свои думы другому. Энтам полюбились огромные деревья и густые чащи, и склоны высоких гор, и они пили из горных потоков и ели лишь те плоды, что сами падали с деревьев в их руки, и они учились у эльфов и говорили с деревьями. А энтки отдали свои думы небольшим деревьям, и лугам в солнечном свете за краем лесов, и они видели гущи тёрна, и дикие яблони и вишни в весеннем цвету, и зелёные травы на заливных лугах летом, и увядающие травы осенних полей. Они не хотели говорить с ними, но желали, чтобы их слышали и повиновались их словам. Энтки приказывали им расти так, как хотели, цвести и плодоносить для их удовольствия. Энтки любят порядок, изобилие и мир (под которым они понимают, что всё должно оставаться так, как устроено ими). Так энтки создали сады, чтобы жить в них. А энты продолжали странствовать и лишь изредка заходили в сады. Затем, когда на север пришла Тьма, энтки перебрались через Великую Реку и создали новые сады, и распахали новые поля, и мы встречались с ними всё реже. После того, как Тьма была рассеяна, страна энток пышно расцвела, а поля их были обильны зерном. Многие люди обучались искусству энток и воздавали

им великие почести, мы же были для людей лишь легендой и тайной лесных дебрей. Однако же мы всё ещё здесь, а все сады энток запустели; люди называли их потом Бурыми равнинами.

Я помню, что давным-давно, во времена войны между Сауроном и людьми с Моря, мне захотелось снова увидеть Фимбертил. Когда я последний раз видел её, она показалась мне прекрасной, хотя мало похожей на прежних дев-энток. Ибо энтки согнулись и почернели от своей работы, их волосы выгорели на солнце и приобрели оттенок спелого зерна, а щёки стали похожими на красные яблоки. Однако глаза их остались глазами нашего народа. Мы пересекли Андуин и пришли в их страну, но мы нашли лишь пустыню. Всё было выжжено и выкорчевано — война прокатилась над ней. А энток там не было. Мы долго звали и долго искали, и спрашивали всех встречаемых, куда ушли энтки. Некоторые отвечали, что нигде не видели их, а другие говорили, что видели, как они уходили к западу, а третьи — к востоку, а четвертые — к югу. Но куда бы мы ни шли, мы нигде не нашли их. Наше горе было очень велико. Но густые леса звали, и мы вернулись в них. Много-много лет мы опять и опять покидали леса и искали энток, бродя повсюду и окликая их их прекрасными именами. Но время шло, и всё реже выходили мы, и забредали не так далеко. И теперь энтки для нас — только воспоминание, и бороды наши отросли и поседели. Эльфы сложили много песен о Поиске энтов, некоторые из которых переведены на язык людей. Но мы не поём их, когда думаем об энтках, довольствуясь тем, что называем их прекрасные имена. Мы верим, что встретимся когда-нибудь снова и, быть может, найдём где-нибудь страну, в которой сможем жить вместе и быть счастливы. Но предсказано, что это исполнится не раньше, чем когда и мы, и они потеряем всё, что имеем. И возможно, что это время, наконец, близится. В древности Саурон уничтожил сады, а сейчас Враг, похоже, собрался засушить все леса.

Есть эльфийская песня, в которой говорится об этом, по крайней мере, я понимаю её именно так. Некогда её пели и вверх и вниз по Великой Реке. Заметьте, это не песня энтов: слишком долгой была бы она на энтском! Но мы знаем её наизусть и поём время от времени. На вашем языке она звучит так:

Энт: Когда весной по ветвям хлынет сок и бук развернёт листву,
Когда свежий ветер остудит лоб и заблещет ручей в лесу,
Когда шаг широк, и легко дышит грудь, и воздух гор так ясен,
Вернись ко мне! Вернись ко мне! Скажи, что мой край прекрасен.

Энтка: Когда весна в садах и полях, хлеба колосятся в цвету,
И кружевом белым, как первым снегом, покрыты деревья в саду,
Когда солнце сверкает после дождя, земли аромат так ясен.
Я здесь останусь и не приду, ибо мой край прекрасен.

Энт: Когда лето пышное сменит весну, и зажелтеет луна,
Когда под пологом спящей листвы тихо дремлют леса,
Когда чащи густы, зелены, холодны под западным ветром на кручах,
Вернись ко мне! Вернись ко мне! Скажи, что мой край самый лучший!

Энтка: Когда лето согреет своим теплом висящие фрукты в садах,
Ягоды зреют, хлеба тяжелеют, и жатва начнётся в полях.

И капает мёд из жёлтых сот, и яблоки сладки, пахучи.
Я здесь останусь и не приду, ибо мой край самый лучший.

Энт: Когда зима налетит и убьёт дыханьем леса на холме,
И рухнут деревья, и хмурый день утонет в беззвёздной мгле,
Когда мертвящий просеется дождь под ветра восточного вой,
Тебя взглядом найду, и тебя позову, и сам приду за тобой!

Энтка: Когда зимой стихнет звонкий напев и мгла окутает край,
Когда сломан будет бесплодный сук, тогда, светлый труд мой, — прощай!
Я глаза подниму и тебя подожду, пока мы не будем вдвоём,
Тогда мы вместе отправимся в путь, в долгий путь
под мертвящим дождём.
Вместе: Тогда мы вместе уйдём той тропой, что на запад уводит вдаль,
И где-нибудь найдём ту страну, где нас покинет печаль.

Древобород окончил песню.

— Вот, собственно, и всё, — сказал он. — Конечно, по-эльфийски: беззаботно, быстро и со скорым концом. Но, по-моему, она достаточно красива, хотя энты могли бы больше сказать по этому поводу, если бы у них было время! Однако теперь я собираюсь встать и поспать немного. Где вы хотите встать?

— Обычно мы ложимся, чтобы поспать, — ответил Мерри. — Нам будет хорошо везде, где бы мы ни легли.

— Лечь, чтобы поспать?! — сказал Древобород. — Ну, конечно же, вы ложитесь! Хм, хум, я забылся. Пока я пел, мне вспомнились старые времена: всё казалось, что я разговариваю с молодыми энтиками. Хорошо, вы можете лечь на кровать. Я пойду постою под дождём. Спокойной ночи!

Мерри и Пин вскарабкались на кровать и зарылись в мягкую траву и папоротник: свежие, ароматные и тёплые. Светильники угасли, деревья тоже перестали мерцать, но хоббиты могли различить за аркой стоящего неподвижно Древоборода с руками, воздетыми над головой. Яркие звёзды заглядывали в зал, освещая падающую воду, которая сбегала по его рукам и голове и сотнями серебряных капель стекала и стекала к его ногам. Вслушиваясь в шелест капель, хоббиты погрузились в сон.

Проснувшись, они увидели бледное солнце, освещавшее большой двор и пол ниши. В небе проносились клочковатые высокие облака, гонимые восточным ветром. Древоборода видно не было, но когда Мерри и Пин искупались в бассейне под аркой, они слышали его погмыкивание и пение, потому что он возвращался по тропе между деревьями.

— Ху, хо! Доброе утро, Мерри и Пин, — прогудел он, когда увидел их. — Вы долго спали. Я уже сделал много сотен шагов сегодня. Теперь попьём и пойдём на Спорище Энтов.

Он наполнил им два кубка из каменного кувшина, но теперь из другого. Вкус был не такой, как вчера: более землистый и густой, более насыщенный и, если можно так сказать, похожий на еду. Пока хоббиты пили, сидя на краю кровати и прикусывая понемногу от эльфийских галет (больше потому, что чувствовали необходимость пожевать за завтраком, чем потому, что хотели есть), Древобород стоял, хрумкая на энтском, или эльфийском, или другом незнакомом языке и посматривая на небо.

— Где находится Спорище Энтов? — отважился спросить Пин.

— Ху, эх? Спорище Энтов? — отозвался Древобород, оборачиваясь. — Это не место, а собрание энтов, которое в наши дни бывает нечасто. Но мне удалось заручиться немалым количеством обещаний прийти. Мы соберёмся там, где обычно: в Травяной Лощине, как зовут это место люди. Это к югу отсюда. Мы должны попасть туда до полудня.

Вскоре они отправились. Древобород нёс хоббитов на руках, как в предыдущий день. Выйдя из двора, он повернул направо, перешагнул ручей и зашагал к югу вдоль подножия больших обрывистых склонов, поросших редкими деревьями. Выше них хоббиты увидели рощи

берёз и рябин, а поверх них вздымались тёмные сосновые леса. Вскоре Древобород немного отошёл от горных склонов и нырнул в густые чащи, где деревья были больше, выше и толще, чем когда-либо прежде видели хоббиты. Сначала они опять ощутили было духоту, которую почувствовали, когда впервые рискнули вступить в Фангорн, но это вскоре прошло. Древобород не заговаривал с ними. Он хрумкал басовито и задумчиво себе под нос, но Мерри и Пин не улавливали отдельных слов: это звучало как бум, бум, румбум, бурар, бум, бум, дарар бум бум, дарар бум — и так далее, с постоянным изменением нот и ритма. Временами им казалось, что они слышат отклик — гудение или вибрирующий шум, который словно исходил из земли или из сучьев над их головами, а может быть, из дупел деревьев. Но Древобород не останавливался и не поворачивал головы.

Они шли долго — Пин попытался сосчитать "шаги энтов", но сбился перевалив за три тысячи, — когда Древобород замедлил шаг. Внезапно он остановился, спустил хоббитов вниз, поднёс свои узловатые руки ко рту, сложив их трубочкой, и не то издал клич, не то протрубил через них. По лесу, как из басовитого горна, прокатился громкий хум, хом, который, казалось, разбудил в деревьях эхо, поскольку издали, сразу с нескольких направлений, донёсся похожий хум, хом — не эхо, а ответ.

Древобород опять посадил Мерри и Пина на плечи и снова зашагал, временами повторяя призыв, и с каждым разом ответы звучали громче и ближе. Таким образом они, наконец, вышли к непроницаемой стене тёмных вечнозелёных деревьев, совершенно незнакомых хоббитам: они разветвлялись прямо от корней и были сплошь покрыты тёмной глянцевой листвой, как у остролиста, только без шипов, и щетинились колосовидными соцветиями с крупными бутонами оливкового цвета.

Повернув влево и обогнув по краю эту огромную живую изгородь, Древобород за несколько шагов очутился у узкого входа. Сквозь него вела тропа, резко нырявшая вниз по длинному крутому склону. Хоббиты увидели, что они спускаются в большую лощину, круглую, как чаша, очень широкую и глубокую, края которой увенчаны высокой темно-зеленой изгородью. Дно было исключительно ровным и покрытым травой, и здесь не было деревьев, кроме трёх очень высоких и красивых серебристых берёз, стоявших на дне чаши. С запада и востока в лощину спускались ещё две тропинки.

Некоторые энты уже собрались, многие только подходили по другим тропам, кое-кто спускался теперь вслед за Древобородом. Хоббиты с удивлением разглядывали их: они ожидали увидеть существ, столь же неотличимых от Древоборода, как один хоббит от другого (во всяком случае, для постороннего глаза), и были очень изумлены, не встретив ничего подобного. Энты так же отличались один от другого, как дерево от дерева: некоторые так, как одно дерево от другого дерева того же вида, но совершенно иного роста и возраста, а некоторые так, как один вид дерева отличается от другого, как берёза от бука, дуб от ели. Здесь было несколько старых энтов, бородатых и корявых, подобно крепким, но древним деревьям (хотя никто из них не выглядел таким древним, как Древобород), и здесь были энты высокие, сильные, чистотелые и гладкокожие, как лесные деревья в пору их зрелости, но не было ни молодых энтов, ни подростков. Всех вместе их было около двух десятков, собравшихся на широком травянистом дне лощины, и столько же ещё подходило.

Сначала Мерри и Пину бросилось в глаза именно разнообразие: различный вид, цвет кожи, обхват и высота, длина рук и ног и число пальцев на ногах и руках (последнее колебалось от трёх до девяти). Некоторые более или менее походили на Древоборода и напомнили им буки или дубы. Но были и другие. Многие напоминали каштаны: бурокожие энты с длинными руками и растопыренными пальцами и короткими, толстыми ногами. Некоторые походили на

ясени: высокие, стройные серые энты с многопалыми руками и длинными ногами. А некоторые имели сходство с елями (самые высокие энты), с берёзами, рябинами и липами. Но когда все энты собрались вокруг Древоборода, слегка склонив головы и неторопливо бормоча своими музыкальными голосами, и принялись долгими внимательными взорами разглядывать чужаков, тогда хоббиты увидели, что все они принадлежат к одному народу и у всех одинаковые глаза, правда, не столь древние и глубокие, как у Древоборода, но с одинаковым спокойным, ровным, глубокомысленным выражением и с теми же зелёными искорками.

Как только все собрались и встали широким кольцом вокруг Древоборода, начался странный и непонятный разговор. Энты медленно бормотали, сначала один, потом другой, пока не запели хором что-то протяжное, то ускоряющееся, то замедляющееся, сперва громкое на одной стороне кольца, затем стихающее и снова нарастающее в громкий гул на другой его стороне. Хотя Пин и не мог понять или хотя бы уловить ни слова — разговор шёл, по-видимому, на языке энтов, — сперва он с удовольствием прислушивался, но затем его внимание в значительной степени ослабело. Спустя долгое время (а пение всё не затихало) он начал удивляться, неужели, при всей "неторопливости" языка энтов, они до сих пор тянут "доброе утро", и прикидывать, сколько дней они будут петь свои имена, если Древобород начнёт перекличку. "Хотел бы я знать, как на энтском будет "да" или "нет"", — подумал он и зевнул.

Древобород сразу же это заметил.

— Хм, ха, хей, мой Пин! — сказал он, и другие энты сразу же прекратили своё пение. — Я всё забываю: ведь вы торопыги. Да и в любом случае, скучно прислушиваться к языку, которого не понимаешь. Теперь вы можете спуститься. Я сообщил ваши имена Спорищу Энтов, и они посмотрели на вас и согласились, что вы не орки и что новая строчка должна быть включена в старые списки. Дальше мы пока не продвинулись, но и это уже быстрое дело для Спорища Энтов. Вы с Мерри можете пока прогуляться по ложбине, если хотите. Если пожелаете освежиться, в северном склоне бьёт источник хорошей воды. Здесь будет сказано ещё несколько слов, прежде чем Спорище действительно начнётся. Я подойду к вам попозже и скажу, как продвигаются дела.

Он спустил хоббитов на землю. Они низко поклонились, прежде чем уйти. Эта проделка, по-видимому, очень позабавила энтов, судя по тону их бормотания и по искоркам в глазах, но скоро те вернулись к своему занятию. Мерри и Пин вскарабкались по тропе, которая шла с запада, и выглянули из отверстия в живой изгороди. По краям лощины поднимались длинные, поросшие деревьями склоны, а далеко за ними, над елями на самом дальнем хребте вздымалась острая и белая вершина высокой горы. К югу, слева от них, тянулся сплошной лес, теряющийся в серой дымке. И далеко-далеко, почти на пределах видимости проглядывало бледно-зелёное марево. Мерри предположил, что это виднеются степи Ристании.

— Интересно, где Скальбург? — спросил Пин.

— Я не вполне представляю, где мы, — ответил Мерри, — но вон тот пик, вероятно, Метедрас, а Скальбург, насколько я помню, лежит в узком и глубоком ущелье на самом краю гор. Наверное, он за тем хребтом; сдаётся, что слева от горы над ним стоит что-то вроде дымки или дыма, как считаешь?

— А на что похож Скальбург? — снова спросил Пин. — Хотел бы я знать, что энты вообще могут сделать против него.

— И я тоже, — сказал Мерри. — Скальбург — это, по-моему, что-то вроде кольца гор или скал с равниной внутри и одиночным утёсом в центре, который называется Ортханк. У Сарумана на нём башня. В окружающей равнину стене есть ворота, возможно, не одни, и, кажется, через неё бежит река. Она стекает с гор и потом течёт в Ристанийское ущелье.

Непохоже, что такое место по силам энтам. Но у меня странное чувство по отношению к ним: по-моему, они вовсе не такие безопасные, хорошие и, как бы это сказать, забавные, какими кажутся. Они выглядят медлительными, осторожными и терпеливыми, почти беззащитными, и всё же, я полагаю, что они могут воодушевиться. А уж если это произойдёт, я ни за что не хотел бы оказаться на другой стороне.

— Да! — согласился Пин. — Я понимаю, о чём ты. Здесь может быть такая же разница, как между старой коровой, которая спокойно лежит и пережёвывает жвачку, и атакующим быком, и перемена может произойти внезапно. Интересно, сумеет ли Древобород их воодушевить. Я думаю, он постарается. Пока они не выглядят особо воодушевлёнными. Однако сам он воодушевился прошлой ночью, а потом загнал своё воодушевление обратно внутрь, словно пробкой заткнул.

Хоббиты повернули назад. Голоса энтов всё ещё усиливались и стихали в бесконечном совещании. Солнце поднялось достаточно высоко, чтобы заглянуть через высокую живую изгородь: оно горело на верхушках берёз и залило северный край лощины холодным жёлтым светом. Там хоббиты увидели небольшой блестящий родничок. Они прошли по ободу большой чаши у подножья вечнозелёных деревьев — было очень приятно никуда не спешить и чувствовать под ногами прохладную траву — и спустились к источнику. Хоббиты сделали несколько глотков из чистой пронзительно-холодной струи, сели на мшистый камень и принялись следить за бликами солнца в траве и тенями проплывающих над лощиной облаков. Бормотание энтов продолжалось. Это место казалось хоббитам очень чуждым и бесконечно далёким от их мира и всего, что когда-либо случалось с ними. Им страстно захотелось увидеть лица и услышать голоса друзей, особенно Фродо и Сэма, и Бродяжника.

Наконец голоса энтов замолкли; хоббиты подняли глаза и увидели, что к ним направляется Древобород вместе с другим энтом.

— Хм, хум, вот и я, — сказал Древобород. — Вы устали, или почувствовали нетерпение, хмм, эх? Ну, я боюсь, что вам ещё рано чувствовать нетерпение. Пока мы закончили первый этап, но мне ещё предстоит объяснить положение дел тем, кто живёт далеко, вдали от Скальбурга, и тем, кого я не смог обойти до Спорища, а потом нам ещё надо будет решить, что делать. Правда, решают энты не так долго, как обсуждают все факты и события, по поводу которых должны составить собственное мнение. Однако, нельзя отрицать, что мы пробудем здесь ещё долго: вероятно, не менее пары дней. Поэтому я привёл вам товарища. У него есть поблизости дом. Его эльфийское имя Брегалад. Он говорит, что уже составил своё мнение и не нуждается в том, чтобы оставаться на Спорище. Хм, хм, из нас, энтов, он первый, кого можно назвать торопливым. Думаю, вы подойдёте друг другу. До свидания!

Древобород повернулся и покинул их.

Брегалад некоторое время стоял, неспешно изучая хоббитов, а они смотрели на него, прикидывая, когда же им удастся заметить хоть след "торопливости". Он был высок и, по-видимому, входил в число относительно молодых энтов. Кожа на его руках и ногах была гладкой и блестящей, губы красными, а волосы серовато-зелёными. Он мог сгибаться и качаться, как тонкое дерево на ветру. Наконец он заговорил; его голос, тоже резонирующий, был выше и звонче, чем у Древоборода.

— Ха, хмм, мои друзья, пойдёмте гулять! — сказал он. — Я Брегалад, на вашем языке — Быстрокив, но это, конечно, только прозвище. Меня называют так с тех пор, как я ответил старшему энту "да" ещё до того, как он окончил вопрос. А ещё я быстро пью и ухожу раньше, чем остальные успеют смочить свои бороды. Пойдёмте со мной!

Он опустил стройные руки и протянул каждому хоббиту по длиннопалой ладони. Весь этот день они бродили с ним по лесу, распевая и смеясь, потому что Быстрокив смеялся часто. Он

смеялся, когда солнце показывалось из-за облаков; он смеялся, когда они подходили к речке или ручейку — тогда он останавливался и обрызгивал голову и ноги водой. Временами он смехом отвечал на шум или шёпот деревьев. Когда им встречалась рябина, он ненадолго задерживался, вытягивал руки и пел, покачиваясь при этом.

С наступлением ночи он привёл их к своему дому энта, который был всего лишь мшистой плитой, поставленной наклонно внизу поросшего травой обрыва. Кругом росли рябины, и здесь же (как и в любом доме энта) находился источник, бывший с пузырями из земляной стенки. Они поговорили, пока над лесом не сгустилась тьма. Дом был недалеко, и до него доносились голоса со Спорища энтов, которые, казалось, стали глубже и неторопливее, и среди них опять и опять выделялся один сильный голос, выводящий высокую, быструю мелодию, пока остальные стихали. А Брегалад тихо, почти шёпотом, говорил с хоббитами на их языке; они узнали, что он принадлежит к роду Кожекора, и что страна, где он жил, была опустошена. С точки зрения хоббитов это вполне объясняло его "торопливость", по крайней мере, в отношении орков.

— В моём доме росли рябины, — рассказывал Брегалад тихо и печально, — рябины, которые укоренились много-много лет назад, когда я был ещё ребёнком, в дни мира и покоя. Самые старые были посажены энтами, чтобы угодить энткам, но те посмотрели на них, улыбнулись и сказали, что они знают края, где цветы белее, а плоды обильнее. Но нет иных деревьев из всего их племени, племени розоцветных, которые казались бы мне такими прекрасными. И эти деревья росли и росли, пока крона каждого не стала похожа на зелёный зал, и тяжёлые гроздья их красных ягод осенью дарили красоту и радость. Птицы стаями собирались на них. Мне нравятся птицы, даже когда они галдят, а рябины охотно делились с ними. Но птицы стали недружными и жадными, они дрались на деревьях, сбрасывали ягоды вниз и не ели их. Потом пришли орки с топорами и срубили мои деревья. Я пришёл и позвал их длинными именами, но они не дрогнули, они не услышали и не ответили: они лежали мертвые.

О Орофарнё, Лассемиста, Карнимириё!

О рябины, сияла цветов белизна среди ваших светлых кудрей!

О рябины, моя наслаждалась душа вашим блеском среди летних дней,

Так обширны стволы, и листва так легка, и голоса так нежны,

И золотые венцы желто-красных гроздей украшали ваши власы!

О рябины! Мертвы! На поникших главах серы и сухи ваши кудри,

И в осколках венцы, и в увядших ветвях затихли навеки звуки!

О Орофарнё, Лассемиста, Карнимириё!

Хоббиты погрузились в сон под звуки тихого пения Брегаллада, который на нескольких языках оплакивал гибель деревьев, любимых им.

Следующий день они тоже провели вместе с ним, однако не уходили далеко от его "дома". Большую часть времени они молча сидели под защитой навеса, потому что ветер был холоднее, а облака плотнее и темнее; солнце выглядывало редко, а вдали возвышались и опускались голоса энтов на Спорище, временами громкие и сильные, временами тихие и печальные, то быстрые, то медленные и торжественные, как погребальная песнь. Наступила вторая ночь, но энты продолжали собрание под несущимися тучами и дрожащими звёздами.

Холодный и ветреный родился третий день. На восходе солнца голоса энтов поднялись до мощного крика и снова зазвучали глуше. К исходу утра ветер стих, воздух наполнился тревожным ожиданием. Хоббиты видели, что Брегаллад теперь внимательно прислушивается,

хотя сами они отсюда, из дома энта в узкой лощине, едва различали звуки Спорища.

Вечер пришёл, и солнце, склоняясь к горам на западе, посылало длинные жёлтые лучи в просветы и разрывы между тучами. Внезапно они осознали, что вокруг стало очень тихо: весь лес стоял в насторожённом молчании. Ну конечно, голоса энтов замолкли! Что бы это значило? Брегалад стоял, выпрямившись и напрягшись, и неотрывно глядел на север, в направлении Травяной Лощины.

Потом прогрехотал громкий звенящий крик: ра-хум-рах! Деревья затрепетали и склонились, точно их ударил порыв ветра. Затем всё опять стихло, а потом послышалась маршевая музыка, похожая на торжественный барабанный бой, и над накатывающимися ударами и гулом взмыли голоса, поющие высоко и мощно:

Идём, идём, под гул и гром, та-рунда рунда рунда ром!
Энты подходили, их песня звучала всё громче и ближе:
Идём, идём, под звон и гром, та-рюна рюна рюна ром!

Брегалад подхватил хоббитов и устремился из дома.

Вскоре они увидели подходящую маршем колонну: энты, покачиваясь, спускались вниз по склону гигантскими шагами навстречу им. Во главе был Древобород, и около пятидесяти энтов следовало за ним по двое в ряд, в ногу, одновременно отмахивая вбок руками. Когда они приблизились, в их глазах стали заметны огонь и искры.

— Хум, хом! Пришли мы под гром, пришли мы сюда наконец! — провозгласил Древобород, увидев Брегалада и хоббитов. — Сюда, присоединяйтесь к Собранью! Мы идём. Идём на Скальбург.

— На Скальбург! — многоголосым хором подхватили энты. — На Скальбург!

Пусть Скальбург могуч средь каменных круч, кольцо его стен разомкнём!
Идём, идём, на бой мы идём, мы камни расколем и двери сорвём!
Идём, идём, под гул и гром, вперёд на Скальбург! Идём! Идём!
За ствол и сучья, что сжёт огонь, пылая гневом, идём на бой!
В страну, где пепел, под рокот и гром, под звон и грохот идём, идём!
Идём на Скальбург, идём, как гром!
Идём, как гром, идём, как гром!

Так они пели, маршируя на юг.

Брегалад с сияющими глазами занял место в шеренге рядом с Древобородом. Старый энт взял у него хоббитов и усадил их на свои плечи, и так они и ехали гордо во главе поющего отряда с колотящимися сердцами и высоко поднятыми головами. Хотя они и ожидали, что что-нибудь обязательно произойдёт, их совершенно ошарашила внезапность перемены, произошедшей с энтами. События нахлынули мгновенно и бурно, как прорвавшийся сквозь дамбу поток.

— В конце концов, энты приняли решение довольно быстро, не правда ли? — позволил себе заметить Пин, когда пение на момент замолкло, и слышны были только удары рук и ног.

— Быстро? — отозвался Древобород. — Хум! Да, действительно. Быстрее, чем я ожидал. В самом деле, я не видел их столь воодушевлёнными, как сейчас, уже много веков. Мы, энты, не кажемся способными воодушевляться, и мы никогда бы не воодушевились, если бы нам не стало

ясно, что и наши деревья, и наша жизнь в большой опасности. Такого не случалось в этом Лесу со времён войны между Сауроном и людьми с Моря. Это из-за орков, их опустошительной рубки — рарум — даже без плохой отговорки, что необходимо поддерживать огонь, это они разгневали нас, и предательство соседа, который должен был бы помочь нам. Магам следовало бы быть мудрее, ведь они мудры. Для такого предательства нет подходящих проклятий ни на энтском, ни на эльфийском, ни на языках людей. Гибель Саруману!

— Вы действительно сломаете ворота Скальбурга? — спросил Мерри.

— Хо, хм, да, мы способны на это, знаете ли! Вы, наверное, не подозреваете, как мы сильны. Может быть, вы слышали о троллях? Они весьма сильны. Но тролли лишь грубая подделка, созданная Врагом в Великой Тьме в пику энтам, как орки — эльфам. Мы сильнее троллей. Мы — плоть земной тверди, мы можем разрывать камни, как делают это корни деревьев, но быстрее, гораздо быстрее, если захотим! Если нас не срубят, или не уничтожат огнём, или не взорвут с помощью колдовства, мы сможем разнести Скальбург на осколки и сокрушить его стены в щепень.

— Но ведь Саруман постарается остановить вас?!

— Хм, ах, да, это так. Я не забыл этого. Однако я долго обдумывал этот вопрос. Но, понимаете ли, многие энты моложе меня, моложе на многие жизни деревьев. Они сейчас все воодушевлены, и их мысли направлены только на одно: разрушить Скальбург. Но скоро они начнут размышлять, они немного остынут, когда мы будем пить вечером. Как нам будет хотеться пить! А пока пусть маршируют и поют! Нам предстоит долгий путь, и времени для размышления будет достаточно. С чего-то надо начать.

Древобород маршировал, временами запевая вместе с остальными. Но немного погода его голос перешёл в бормотание и, наконец, вовсе замолк. Пин заметил, что его старый лоб нахмурен, изборождён морщинами. В конце концов Древобород поднял глаза, и Пин увидел, что они печальны, печальны, но не безнадежны. Глаза старого энта светились, словно зелёное пламя опустилось глубже в темный колодец его мыслей.

— Конечно, мои друзья, весьма похоже, — медленно проговорил он, — весьма похоже, что мы идём навстречу нашей гибели последним маршем энтов. Но если мы останемся дома и ничего не предпримем, гибель всё равно найдёт нас, раньше или позже. Эта мысль долго росла в наших сердцах, и вот почему мы сейчас маршируем. Это не поспешное решение. И, быть может, последний марш энтов окажется достоин песни. Увы, — вздохнул он, — перед тем, как уйти навеки, мы можем помочь другим народам. Однако мне хотелось бы, чтобы песни об энтках оказались правдой. Мне так хотелось бы снова встретиться с Фимбертил! Но, друзья мои, песни, подобно деревьям, приносят плоды только в надлежащее время и надлежащим образом, а иногда они безвременно увядают.

Энты шагали очень быстро. Они спустились в длинный лог, который вёл к югу, затем начали подниматься всё выше и выше по его крутому западному борту. Чащобы остались внизу; они шли через разбросанные рощицы берёз, потом добрались до голых склонов, на которых росли редкие тощие сосны. Солнце опустилось за цепь холмов впереди. Упали серые сумерки.

Пин оглянулся. Число энтов увеличилось, или случилось что-то ещё! Там, где должен был лежать тусклый пустой склон, который они миновали, ему померещились целые рощи деревьев. Но они двигались! Могло ли быть так, что деревья Фангорна пробудились, и лес двинулся на холмы, отправившись на войну? Он протер глаза, полагая, что сон и вечерние сумерки обманывают его, но громадные серые тени неуклонно двигались вперёд. Слышался шум, похожий на ветер в густых сучьях. Энты приблизились к гребню холмистой гряды, и пение прекратилось. Настала ночь, всё стихло: ни звука, за исключением слабой дрожи земли под

ногами энтов и шороха, похожего на шёпот, как от многочисленных листьев, сметённых в кучу. Наконец они остановились на вершине и взглянули вниз, в тёмную яму, громадную расщелину на краю гор: Нан Курунир, Долина Сарумана.

— Ночь спустилась на Скальбург, — сказал Древобород.

Глава V

Белый всадник

— Я промёрз до костей, — сказал Гимли, похлопывая руками и притопывая ногами.

День, наконец, наступил. Оставшиеся от Отряда позавтракали при первых лучах, как смогли, и теперь при всё усиливающемся свете готовились снова исследовать землю в поисках следов хоббитов.

— И не забывайте про старика! — напомнил Гимли. — Я был бы счастлив увидеть отпечатки его сапог.

— Интересно узнать, почему? — спросил Леголас.

— Потому что старик с ногами, которые оставляют следы, мог бы действительно оказаться не более того, кем кажется, — ответил Гимли.

— Возможно, — согласился эльф. — Но даже тяжёлый сапог не оставит здесь отпечатков: трава густая и жёсткая.

— Это не поставит в тупик следопыта, — возразил Гимли. — Даже одна смятая травинка скажет Арагорну вполне достаточно. Но я не рассчитываю, что он обнаружит какие-нибудь следы. Прошлой ночью мы видели зловещий призрак Сарумана. Я уверен в этом даже при утреннем свете. Быть может, его глаза наблюдают за нами из Фангорна прямо сейчас.

— Вполне возможно, — сказал Арагорн. — Но я не уверен. Я думаю о лошадях. Ты ночью сказал, Гимли, что их спугнули. Я так не думаю. Ты слышал их, Леголас? Ты слышал, чтобы они вели себя, как животные в панике?

— Нет, — ответил Леголас. — Я слышал их отчётливо. И если бы не темнота и наш собственный испуг, я предположил бы, что они одичали от внезапной радости. Они вели себя как лошади, которые повстречали друга после долгой разлуки.

— И я так думаю, — сказал Арагорн. — Но я не смогу разгадать эту загадку, если только они не вернутся. Идёмте! Света уже достаточно. Давайте сначала посмотрим, а строить предположения будем позже. Начнём отсюда, от нашей стоянки: тщательно обследуем окрестности и двинемся вверх по склону по направлению к лесу. Наша цель — найти хоббитов, однако при этом не будем забывать и о нашем ночном визитёре. Если нашим друзьям представилась возможность бежать, то они должны были спрятаться среди деревьев, иначе бы их заметили. Если мы ничего не найдём здесь и на краю леса, тогда ещё раз обследуем поле битвы и, напоследок, пепелище. Но на это надежды мало: Всадники Ристании сделали своё дело слишком хорошо.

Некоторое время друзья внимательно, почти ползком, осматривали окрестности. Над ними печально возвышалось дерево, его сухая листва снова поникла и шуршала на холодном восточном ветру. Арагорн медленно продвигался дальше. Он вышел к пеплу сторожевого костра у берега реки и начал обследовать землю по направлению к холму, где была битва. Внезапно он остановился и низко наклонился, почти коснувшись лицом травы, а потом позвал остальных. Те подбежали.

— Наконец-то нашёлся след! — сказал Арагорн. Он поднял и показал им сломанный лист — большой бледно-золотистый лист, уже увядший и начавший буреть. — Это лист мэллорна из

Лориэна, а вот тут на нём мелкие крошки, и ещё больше крошек в траве. И взгляните! Рядом лежат обрывки разрезанных верёвок!

— А вот нож, которым их разрезали! — сказал Гимли. Он наклонился и вытащил из травяной кочки короткое зазубренное лезвие, глубоко втоптанное в дёрн. Рукоятка, с которой оно соскочило, лежала рядом. — Это оружие орков, — добавил он, держа клинок с величайшей осторожностью и с отвращением рассматривая резную рукоять: она была выполнена в виде безобразной головы с раскосыми глазами и злобным оскалом.

— Ну, эта загадка — сложнейшая из всех, которые мы до сих пор встретили! — воскликнул Леголас. — Связанный пленник бежит и от орков, и от окруживших их всадников. Затем он останавливается, хотя всё ещё остаётся на виду, и разрезает свои узы ножом орка. Но каким образом и почему? Ведь если у него были связаны ноги, как он мог идти? А если были связаны руки, то как он смог воспользоваться ножом? А если он не был связан, то зачем он вообще резал верёвки? Потом, довольный своим искусством, он садится и спокойно перекусывает дорожным хлебом! Одного этого, даже без листа мэллорна, уже совершенно достаточно, чтобы показать, что это был хоббит. После чего, полагаю, он превратил руки в крылья и, распевая, полетел в лес. И найти его будет очень просто: стоит только самим отрастить крылья!

— Здесь не обошлось без колдовства, — сказал Гимли. — Чем занимался тот старик? Как тебе толкование Леголаса, Арагорн? Можешь ты выдумать что-нибудь получше?

— Может быть, и могу, — ответил Арагорн, улыбаясь. — Тут рядом есть другие следы, которые вы не учли. Я согласен, что пленник был хоббитом и перед тем, как попасть сюда, должен был иметь руки или ноги свободными. Я полагаю, что руки, потому что так загадка решается проще и ещё потому, что я прочитал по следам: он был принесён на это место орком. Здесь, несколькими шагами дальше, пролилась кровь, кровь орка. Вокруг всего этого места глубокие отпечатки копыт и след, как будто проволокли что-то тяжёлое. Орк был убит всадником, а позднее его тело оттащили к костру. Но хоббита не увидели: он не был "на виду", потому что была ночь, а на нём по-прежнему оставался эльфийский плащ. Он был обессилен и голоден, и нет ничего удивительного в том, что, перерезав свои путы кинжалом павшего врага, он отдохнул и немного поел, прежде чем ползти дальше. Но очень утешительно узнать, что у него в кармане оказалось немного лембас, хотя он и убежал без всего. Это очень по-хоббитски. Я говорю он, хотя надеюсь, что Мерри и Пин были вместе. Однако надежды здесь больше, чем уверенности.

— Но как, по-твоему, одному из наших друзей удалось освободить руки? — спросил Гимли.

— Понятия не имею как, — ответил Арагорн. — И не знаю, зачем орк утащил их. Несомненно, не для того, чтобы помочь им бежать. Но теперь я, кажется, начинаю понимать загадку, над которой ломал голову с самого начала: почему, убив Боромира, орки удовлетворились тем, что схватили Мерри и Пина? Они не искали оставшихся, не напали на наш лагерь, а вместо этого со всей скоростью рванули к Скальбургу. Полагали ли они, что захватили в плен Хранителя Кольца и его верного товарища? Не думаю. Их хозяева не рискнули бы отдать столь ясный приказ оркам, даже если знали об этом сами: они не стали бы говорить им в открытую про Кольцо — это неверные слуги. Но я думаю, что орки получили приказ пленить хоббитов, живыми и любой ценой. Перед битвой была сделана попытка улизнуть с ценными пленниками. Не исключено и предательство — это очень на них похоже. Какой-нибудь крупный и дерзкий орк мог попытаться спастись с добычей, чтобы получить награду в одиночку, только себе. Я всё сказал. Домысливать можно что угодно, но, в любом случае, совершенно очевидно, что по крайней мере одному из наших друзей удалось бежать. Наш долг — найти его и помочь ему, прежде чем вернуться в Рохан. И не нам трепетать перед

Фангорном, если нужда загнала его в это тёмное место.

— Не знаю, что пугает меня больше: Фангорн или мысль о долгом пешем пути через Ристанию, — пробурчал Гимли.

— Тогда идём в лес, — сказал Арагорн.

Вскоре Арагорн нашёл свежие следы. В одном месте, вблизи берега Энтрицы, он натолкнулся на отпечатки ног: безусловно, следы хоббитов, но слишком нечёткие, чтобы можно было сказать что-то определённое. Затем эти отпечатки обнаружились у корней большого дерева на самом краю леса. Но земля была голая и сухая и не поведала многого.

— По крайней мере один хоббит стоял здесь и смотрел назад, а затем направился в лес, — сказал Арагорн.

— Тогда нам тоже придётся идти туда, — отозвался Гимли. — Но что-то не нравится мне вид этого Фангорна, да нас и предостерегали против него. Хотелось бы мне, чтобы погоню можно было продолжить где-нибудь в другом месте!

— Я не думаю, что лес таит зло, что бы там ни говорили легенды, — сказал Леголас. Он стоял у края леса, подавшись вперёд, словно прислушиваясь, и вглядываясь широко раскрытыми глазами в лесные тени. — Нет, он не злой, или же то, что есть в нем недоброго, очень далеко отсюда. Я ощущаю лишь слабое эхо тёмных мест, где сердца деревьев черны. Вблизи нас нет злобных намерений, но всё очень насторожённое и гневное.

— Да, но у него нет причин сердиться на меня, — поспешно проговорил Гимли. — Я не причинял ему вреда.

— Совершенно верно, — отозвался Леголас, — Но, тем не менее, ему был нанесен вред. Здесь что-то происходит внутри, или собирается произойти. Вы не ощущаете напряжённости? Она стесняет мне дыхание.

— Я чувствую, что воздух спёртый, — ответил гном. — Этот лес светлее Лихолесья, но он ужасно глухой и замшелый.

— Он стар, очень стар, — сказал эльф. — Настолько стар, что я снова почти ощущаю себя юным, чего не чувствовал с тех пор, как путешествую с вами, дети. Он стар и полон воспоминаний. Я мог бы быть счастлив здесь, если бы пришёл сюда в дни мира.

— Ты-то, пожалуй, мог бы, — фыркнул Гимли. — Ведь ты, как-никак, лесной эльф, хотя все эльфы, к каким бы племенам они ни относились, — странный народ. Тем не менее, ты успокоил меня. Куда пойдёшь ты, пойду и я. Но держи свой лук наготове, а я ослаблю пояс, чтобы мой топор ходил посвободнее. Не для того, чтобы вредить деревьям, — добавил он поспешно, поднимая глаза на дерево, под которым они стояли. — Просто я не хочу неожиданно столкнуться с тем стариком без убедительного аргумента в руке, вот и всё. Идёмте!

Трое охотников углубились в лес Фангорна. Отыскивать следы Гимли и Леголас предоставили Арагорну. Последний мало что видел здесь — лесная почва была суха и покрыта плотным слоем листвы; но, предполагая, что беглецы должны были остановиться около воды, он часто сворачивал к берегу реки. Так они нашли место, где Мерри и Пин пили и обмывали ноги. Было очевидно, что здесь отпечатки ног двух хоббитов — одни чуть меньше других.

— Это хорошие вести, — сказал Арагорн. — Но следы двухдневной давности. И похоже, что дальше хоббиты отошли от реки.

— Так что теперь будем делать? — спросил Гимли. — Мы не можем идти за ними через весь огромный Фангорн. У нас плохо с припасами. Если мы не найдём их быстро, то ничем не сможем помочь им, разве что сядем рядом и докажем нашу дружбу тем, что умрём от голода вместе с ними.

— Если это будет единственное, что мы сможем сделать, то мы обязаны поступить именно так, — ответил Арагорн. — Идёмте дальше.

В конце концов они подошли к обрывистому крутому склону холма Древоборода и окинули взглядом каменную стену с грубыми ступеньками, ведущими на высокий уступ. Солнечные лучи пронизывали бегущие облака, и лес выглядел теперь не так серо и мрачно.

— Давайте поднимемся и осмотримся! — предложил Леголас. — Мне не хватает дыхания. Я охотно глотнул бы немного свежего воздуха.

Друзья начали подниматься. Арагорн шёл последним. Медленно продвигаясь, он внимательно изучал ступеньки и уступы между ними.

— Я почти уверен, что хоббиты поднимались сюда, — сказал он. — Но здесь есть и другие следы, очень странные, которых я не понимаю. Интересно, увидим ли мы с этого уступа хоть что-нибудь, что поможет нам определить, какой дорогой они пошли дальше?

Арагорн выпрямился и огляделся, но не увидел ничего полезного. Уступ был обращён к югу и востоку, но лишь на востоке было открытое пространство, где виднелись верхушки деревьев, спускающиеся рядами к равнине, с которой они пришли.

— Мы описали большой круг, — сказал Леголас. — Если бы мы покинули Великую Реку на второй или третий день и свернули к западу, то оказались бы здесь все вместе и невредимыми. Немногие способны предвидеть, куда заведёт их путь, пока не пройдут его до конца.

— Но мы же не собирались идти в Фангорн, — возразил Гимли.

— Однако мы здесь, и милейшим образом угодили в западню, — отозвался Леголас. — Смотрите!

— На что смотреть? — спросил Гимли.

— Там, между деревьями.

— Где? У меня нет глаз эльфа.

— Тс! Говорите тише! Смотрите! — повторил Леголас, указывая. — Там, внизу, в лесу, откуда мы только что пришли. Это он. Вы не видите, как он переходит от дерева к дереву?

— Я вижу, теперь вижу! — прошептал Гимли. — Смотри, Арагорн! Разве я не предостерегал вас? Это старик. Весь укутан в серое тряпье, поэтому я его и не заметил сначала.

Арагорн взглянул и увидел согнутую, медленно движущуюся фигуру. Человек был недалеко. Он походил на старого нищего, который устало бредёт, опираясь на корявый посох. Голова его была опущена, и он не смотрел на них. В другом краю друзья приветствовали бы его учтивыми словами, но сейчас они стояли молча, охваченные странным ожиданием: что-то приближалось к ним, какое-то скрытое могущество — или угроза.

Гимли некоторое время смотрел расширенными глазами, как фигура приближается шаг за шагом, затем, не в состоянии долее сдерживать себя, внезапно воскликнул:

— Твой лук, Леголас! Натяни его! Скорее! Это Саруман! Не позволяй ему заговорить или наложить на нас заклятие. Стреляй первым!

Леголас взял лук и натянул его, медленно, словно чья-то чужая воля препятствовала ему. Он свободно взял рукой за стрелу, но наложить её на тетиву не спешил. Арагорн стоял молча, лицо его было напряжённым и сосредоточенным.

— Чего ты ждёшь? Что с тобой? — свистящим шёпотом спросил Гимли.

— Леголас прав, — спокойно произнёс Арагорн. — Мы не можем стрелять в старого человека просто так, без повода и без предупреждения, какие бы сомнения или страхи не терзали нас. Следить и ждать!

В этот момент старик ускорил шаги и с неожиданной быстротой очутился у подножья скалы. Затем он внезапно посмотрел вверх, в то время как трое друзей, не двигаясь, смотрели вниз. Стояла полная тишина.

Лица старика видно не было: он был в колпаке, поверх которого была надета широкополая шляпа, полностью скрывавшая все черты, за исключением кончика носа и седой бороды. Но Арагорну показалось, что он улавливает блеск пронзительных глаз из-под густых, спрятанных под капюшоном бровей.

Наконец старик нарушил молчание.

— Поистине желанная встреча, друзья мои, — сказал он тихим голосом. — Я хочу говорить с вами. Вы спуститесь или мне подняться?

Не дожидаясь ответа, он начал подъём.

— Нет! — крикнул Гимли. — Останови его, Леголас!

— Разве я не сказал, что хочу говорить с вами? — спросил старик. — Оставь этот лук, мастер эльф!

Лук и стрела выпали из рук Леголаса, безвольно повисших по бокам.

— А ты, мастер гном, будь добр убрать руку с рукояти топора, пока я не поднимусь. Этот аргумент тебе не понадобится.

Гимли дёрнулся и застыл, как камень, изумлённо тараща глаза, в то время как старик проворно, подобно козе, вспрыгивал по грубым ступенькам. Казалось, что вся усталость покинула его. Когда он добрался до уступа, на какое-то мгновение, слишком мимолётное, чтобы быть уверенными в этом, блеснуло что-то белое, словно одежда, скрытая серыми отрёпьями. В тишине дыхание Гимли воспринималось, как громкий свист.

— Желанная встреча, скажу я ещё раз! — произнёс старик, подходя к ним. В нескольких шагах от друзей он остановился и опёрся на посох, выставив вперёд голову и устремив на них взгляд из-под капюшона. — Что же вы можете делать в этих местах? Эльф, человек и гном, одетые на эльфийский манер. Несомненно, за этим кроется история, которую очень стоит послушать. Подобные вещи здесь увидишь нечасто.

— Вы говорите как тот, кто хорошо знает Фангорн, — сказал Арагорн. — Это действительно так?

— Не очень хорошо, — ответил старик. — Чтобы изучить его, понадобилось бы не одна жизнь. Но я прихожу сюда время от времени.

— Нельзя ли узнать ваше имя и затем услышать то, что вы хотели сказать нам? — спросил Арагорн. — Утро проходит, а у нас есть дело, которое не может ждать.

— Относительно того, что я хотел сказать, я уже сказал это. Я спросил: что вы делаете здесь и что вы можете поведать о себе? Что же касается моего имени... — тут он рассмеялся долгим тихим смехом.

Арагорн почувствовал, как от этого звука по его телу пробежала дрожь — странный, холодный трепет. Но это не было дрожью испуга или ужаса, а скорее походило на внезапный укус ледяного воздуха или на холодный дождь, пробудивший от тревожного сна.

— Моё имя! — повторил старик. — А вы ещё не догадываетесь? Я думаю, что вы слышали его прежде. Да, вы слышали его прежде. Но вернёмся к вашей истории.

Трое друзей стояли молча и не отвечали.

— Здесь находится некто, начавший сомневаться в том, можно ли обсуждать ваше дело, — сказал старик. — К счастью, я кое-что знаю о нём. Полагаю, что вы пришли по следам двух молодых хоббитов. Да, хоббитов. Не таращите глаза, как будто вы никогда не слышали этого странного имени. Вы слышали, и я тоже. Так вот, они поднялись сюда позавчера, и они

встретили кое-кого, кого не ожидали встретить. Это успокоило вас? И теперь вы хотели бы знать, куда их забрали? Так, так, быть может, я смогу сообщить кое-что об этом. Но почему мы стоим? Как видите, ваше дело теперь уже не такое безотлагательное, как вы думали. Давайте сядем и будем вести себя более непринуждённо.

Старик отвернулся и направился к груде упавших камней и глыб у подножья утёса за их спиной. Мгновенно, словно с них спали чары, друзья перевели дух и зашевелились. Рука Гимли рванулась к рукояти топора, Арагорн обнажил меч. Леголас поднял лук.

Старик не обратил на это внимания, но склонился и уселся на низкий плоский камень. При этом его серый плащ распахнулся, и они, теперь уже вне всякого сомнения, увидели, что под ним он весь одет в белое.

— Саруман! — крикнул Гимли, подскочив к нему с топором в руке. — Говори! Где ты спрятал наших друзей? Что ты с ними сделал? Отвечай, или я проделаю в твоей шляпе такую дыру, что даже колдуну будет непросто её залатать!

Но старик оказался слишком проворен для гнома. Он вскочил на ноги и вспрыгнул на макушку большой скалы. Там он стоял, возвышаясь над ними, и словно бы внезапно вырос. Шляпа и серые лохмотья спали. Его белая одежда сияла. Он поднял посох, и топор Гимли со звоном упал на землю. Меч Арагорна, застывший в его неподвижной руке, неожиданно сверкнул огнём. Леголас издал громкий крик и пустил стрелу высоко в воздух; она исчезла в вспышке пламени.

— Митрандир! — воскликнул эльф. — Митрандир!

— Желанная встреча, повторю я тебе снова, Леголас! — сказал старик.

Они все уставились на него. Волосы его были белы, как снег под солнцем, и белизной сияла его одежда, глаза под густыми бровями были яркими и пронзительными, как лучи солнца, и от него исходила сила. Друзья стояли, раздираемые изумлением, радостью и страхом, и не находили слов.

Наконец Арагорн пошевелился.

— Гэндальф! — произнёс он. — Вопреки смерти ты вернулся к нам в час нужды! Что за мгла покрывала мой взор? Гэндальф!

Гимли не сказал ничего, лишь опустил на колени, притеняя рукой глаза.

— Гэндальф, — повторил старик, как будто припоминая забытое и долго не употреблявшееся слово. — Да, вот это имя. Я был Гэндальф.

Он спустился со скалы, поднял свой серый плащ и закутался в него: казалось, будто сиявшее солнце снова ушло в облака.

— Да, вы можете по-прежнему называть меня Гэндальфом, — сказал он, и его голос был голосом их старого друга и предводителя. — Встань, мой добрый Гимли! Я не упрекаю тебя, и ты не причинил мне никакого вреда. Ни у кого из вас, друзья, нет оружия, которое могло бы ранить меня. Радуйтесь! Мы встретились вновь на повороте течения. Приближается великая буря, но течение повернуло.

Он положил руку на голову Гимли, гном поднял взгляд и неожиданно рассмеялся.

— Гэндальф! — сказал он. — Но ты весь в белом!

— Да, теперь я белый, — сказал Гэндальф. — В самом деле, можно было бы сказать, что я и есть Саруман. Саруман, каким он должен был быть. Но теперь расскажите мне о себе! С тех пор, как мы расстались, я прошёл огонь и воду. Я забыл многое из того, что, казалось мне, знал, и узнал вновь многое из забытого. Я вижу многое из того, что ещё далеко, но не вижу того, что совсем рядом. Расскажите мне о себе!

— Но что ты хочешь узнать? — спросил Арагорн. — Было бы долго рассказывать обо всём, что случилось с тех пор, как мы расстались на мосту в Мории. Может быть, ты сначала расскажешь нам о хоббитах? Нашёл ли ты их, и что с ними?

— Нет, я не нашёл их, — ответил Гэндальф. — Над долинами Эмин Муила была мгла, и я не знал об их пленении, пока орёл не сообщил мне.

— Орёл! — воскликнул Леголас. — Я видел орла высоко и далеко в небе над Эмин Муилом, последний раз три дня тому назад.

— Да, — сказал Гэндальф. — Это был Гвайхир Ветробой, который спас меня из Ортханка. Я послал его вперёд себя следить за Рекой и собирать сведения. Его взгляд остр, но он не мог увидеть всего происходящего под холмами и деревьями. Кое-что он видел, а кое-что я видел сам. Теперь Кольцо находится за пределами моей помощи или помощи кого-либо из Отряда, который вышел из Раздола. Оно едва-едва не открылось Врагу, но спаслось, не без моей небольшой помощи, ибо я был на вершине, и я боролся с Чёрной Крепостью, и Тень миновала. Потом я устал, очень устал, и я долго бродил в бреду.

— Выходит, ты знаешь про Фродо! — воскликнул Гимли. — Что с ним?

— Я не могу сказать. Он избежал великой опасности, но многое ещё предстоит ему. Он решил идти один в Мордор, и он отправился туда. Это всё, что я знаю.

— Не один, — сказал Леголас. — Мы думаем, что Сэм пошёл с ним.

— Он пошёл?! — отозвался Гэндальф, и на его лице промелькнула улыбка, а глаза блеснули. — В самом деле пошёл? Это для меня новость, хотя она меня и не удивляет. Хорошо! Очень хорошо! Вы облегчили моё сердце. Вы должны рассказать мне подробнее. Садитесь-ка рядом со мной и поведайте мне всё о вашем путешествии.

Друзья уселись на землю у его ног, и Арагорн принялся рассказывать. Долгое время Гэндальф не говорил ничего и не задавал вопросов. Его руки лежали на коленях, а глаза были закрыты. Наконец, когда Арагорн поведал о смерти Боромира и о его последнем пути по Великой Реке, старик вздохнул.

— Ты не сказал всего, о чём знаешь или догадываешься, Арагорн, друг мой, — тихо промолвил он. — Бедный Боромир! Я не мог предвидеть, что произойдёт с ним. Это было мучительное испытание для такого человека: воина и повелителя. Галадриэль сообщила мне, что он в опасности. Но он спасся в конце концов. Я рад. И не напрасно пошли с нами молодые хоббиты, даже если бы только ради спасения Боромира. Но роль, что предстоит им сыграть, не только в этом. Их привели к Фангорну, и приход их был подобен падению маленького камушка, с которого начинается сход горной лавины. Как раз пока мы беседуем здесь, я слышу первые раскаты. Лучше бы Саруману не быть захваченным вдали от дома, когда плотина прорвётся!

— В одном ты не изменился, дорогой друг, — заметил Арагорн. — Ты всё ещё говоришь загадками.

— Как? Загадками? — переспросил Гэндальф. — Нет! Просто я беседовал сам с собой. Старая привычка: обращаться к мудрейшему из присутствующих; длинные объяснения, необходимые для молодёжи, утомительны. — Он рассмеялся, но теперь смех прозвучал тёпло и доброжелательно, как блеск солнечных лучей.

— Я уже давно не отношусь к молодёжи даже по счёту долгожителей, — сказал Арагорн. — Быть может, ты откроешь мне свои мысли более ясно?

— Что же мне тогда сказать? — проговорил Гэндальф и на время глубоко задумался. — Ну вот, если вы хотите как можно яснее понять часть моих мыслей, вкратце то, как я вижу вещи в настоящий момент. Враг, конечно, давно знал, что Кольцо двинулось в путь и что его несёт хоббит. Теперь он знает численность нашего Отряда, вышедшего из Раздола, и кто входит в его

состав. Но он ещё не понял ясно нашу цель. Он полагает, что все мы идём в Минас Тирит — это то, что он сделал бы сам на нашем месте. И в его понимании это был бы тяжёлый удар по его могуществу. Поэтому он пребывает в великом страхе, ожидая, что вот-вот появится могучий противник, владеющий Кольцом, и пойдёт на него войной, чтобы свергнуть его и занять его место. То, что мы можем хотеть свергнуть его и не занимать его место, просто не укладывается у него в голове. И даже в кошмарном сне ему не может присниться то, что мы пытаемся уничтожить Кольцо. В этом, без сомнения, вы можете увидеть добрый знак и нашу надежду. Ибо, чтобы предотвратить воображаемую угрозу, ему приходится без промедления развязывать войну, поскольку тому, кто ударит первым и достаточно сильно, дальнейших ударов может уже и не понадобится. Поэтому силы, которые он долго готовил, теперь все пришли в движение — раньше, чем он намеревался. Мудрый глупец. Надежда умрёт лишь в том случае, если он использует всю свою мощь для охраны Мордора, чтобы никто не мог войти, и всё своё умение направит на охоту за Кольцом: тогда ни Кольцо, ни Хранитель не смогут долго избегать его. Но сейчас его глаз направлен куда угодно, но только не на то, что рядом с собственным домом, и особенно часто смотрит он на Минас Тирит. И очень скоро силы его обрушатся туда, подобно буре.

Ибо он уже знает, что слуги, посланные им на перехват Отряда, опять потерпели неудачу. Они не нашли Кольца. И они не привели ни одного хоббита в качестве заложника. Если бы им удалось сделать хотя бы последнее, то и это было бы для нас тяжёлым ударом, может быть, роковым. Но не будем омрачать наши сердца, представляя себе испытания, которым была бы подвергнута их нежная верность в Чёрной Крепости. Враг потерпел поражение — пока. Благодаря Саруману.

— Так Саруман не предатель? — спросил Гимли.

— Несомненно, предатель, — ответил Гэндальф. — Двойной. Но не странно ли это? Ничто из того, что обрушилось на нас в недавнем прошлом, не кажется столь тяжёлым, как предательство Скальбурга. Даже как властелин и командующий войсками Саруман очень усилился. Он угрожает ристанийцам, отвлекая их от помощи Минас Тириту в то время, когда основной удар приближается с востока. Однако предательское оружие всегда опасно для держащей его руки. Саруману тоже захотелось захватить Кольцо для себя или, на худой конец, заполучить нескольких хоббитов для своих дурных целей. А между тем наши враги сумели лишь с поразительной скоростью, буквально в мгновение ока, доставить Мерри и Пина к Фангорну, куда они иначе вообще не попали бы!

Кроме того, они исполнились новых сомнений, которые серьёзно нарушают их планы. Никакие вести о битве не достигнут Мордора, благодаря всадникам Рохана, но Чёрный Властелин знает, что двое хоббитов были захвачены в Эмин Муиле и уведены к Скальбургу вопреки воле его собственных слуг. И теперь ему приходится опасаться Скальбурга так же, как Минас Тирита. Если Минас Тирит падёт, Саруману придётся плохо.

— Как жаль, что между ними лежит страна наших друзей, — сказал Гимли. — Если бы их земли не разделяли Скальбург и Мордор, тогда те могли бы драться между собой, а мы наблюдали бы и выжидали.

— Победитель вышел бы из этой войны сильнее, чем прежде, и свободным от сомнений, — возразил Гэндальф. — Но Скальбург не может драться с Мордором, если только Саруман не добудет сперва Кольца. Но теперь ему уже никогда не сделать этого. Он ещё не знает о грозящей ему опасности. Есть многое, чего он не знает. Он так торопился наложить руки на свою добычу, что не мог ждать и вышел навстречу своим посланцам, чтобы проследить за ними. Но он пришёл слишком поздно, и битва кончилась прежде, чем он оказался в этих местах, так что он не стал здесь задерживаться. Я гляжу в его мысли и вижу его сомнения. Он не знает леса.

Он полагает, что всадники убили и сожгли всех на поле битвы, но он не знает, несли орки пленников или нет. И он не знает о ссоре между его слугами и орками Мордора; не знает он и о Крылатом Посланнике.

— Крылатый Посланник! — воскликнул Леголас. — Я стрелял в него из лука Галадриэли над Сарн Гебиром, и я сбил его с неба. Он окатил нас всех ужасом. Что это за новое чудище?

— Тот, кого ты не можешь убить стрелой, — ответил Гэндальф. — Ты убил только его скакуна. Это было хорошо сделано, но Всадник уже снова верхом. Ибо это назгул, один из Девяти, которые пересели теперь на крылатых скакунов. Вскоре их ужасная тень накроет последнюю армию наших друзей, затмив солнце. Но они еще не получили приказа перейти Реку, и Саруман ещё не знает о новой форме, в которой предстали призраки Кольца. Он думает только о Кольце. Участвовало ли оно в битве? Нашли ли его? Что, если Теоден, Властелин Герцогства, получит его и узнает о его могуществе? Вот опасность, которую он видит, и он помчался в Скальбург, чтобы удвоить и утроить свой натиск на Ристанию. А между тем есть другая опасность, совсем рядом, которую он не видит, занятый своими горячечными думами. Он забыл про Древоборода.

— Снова ты беседуешь сам с собой, — с улыбкой сказал Арагорн. — Я не знаю Древоборода. И хоть я и догадался частично о двойном предательстве Сарумана, однако я ещё не понимаю, каким образом прибытие двух хоббитов в Фангорн послужило ещё чему-нибудь, кроме того что заставило нас предпринять долгую и бесплодную погоню.

— Подожди минутку! — воскликнул Гимли. — Есть ещё одна вещь, которую я хотел бы сперва узнать. Прошлой ночью мы видели тебя, Гэндальф, или Сарумана?

— Поскольку вы определённо видели не меня, — ответил Гэндальф, — я должен предположить, что вы видели Сарумана. Очевидно мы так похожи, что твоё желание проделать неизлечимую дыру в моей шляпе вполне простительно.

— Ладно, ладно! — смущённо пробормотал Гимли. — Я рад, что это был не ты.

Гэндальф снова рассмеялся.

— Да, мой добрый гном, — сказал он. — Приятно убедиться, что ты не во всём был неправ. Если бы я не знал этого слишком хорошо! Но, конечно, я никогда не упрекну тебя за то, как ты меня приветствовал. Как же могу я сделать это, я, который так часто советовал своим друзьям подозревать даже собственную руку, если она имеет дело с Врагом! Будь благословен, Гимли, сын Глоина! Быть может, ты однажды увидишь нас вместе и найдёшь разницу между нами!

— Но хоббиты! — перебил их Леголас. — В поисках их мы прошли долгий путь, а ты, кажется, знаешь, где они. Так где же они сейчас?

— С Древобородом и энтами, — ответил Гэндальф.

— Энты! — воскликнул Арагорн. — Так значит, есть истина в древних сказаниях о жителях глухих лесов и гигантских пастухах деревьев?! Неужели энты до сих пор живут в этом мире? Я думал, что они остались лишь в старинных преданиях, если только и были когда-либо чем-то большим, чем легендой Ристании.

— Легендой Ристании! — возмутился Леголас. — Вот ещё! Каждый эльф в Лихолесье пел песни о старых онодримах и их давнем горе. Но даже и для нас энты — только воспоминание. Если бы я встретил кого-нибудь из них, доньине бродящего по лесу, то тогда я действительно почувствовал бы себя снова юным! Но Древобород — это всего лишь перевод имени Фангорн на всеобщий язык, а ты, похоже, говоришь о нём, как о личности. Кто такой Древобород?

— А! Теперь ты спросил слишком много, — ответил Гэндальф. — Малая часть того, что я знаю о его долгой, неторопливой жизни, составит повесть, на которую у нас сейчас нет времени. Древобород — это Фангорн, хранитель Леса. Он старейший из энтов, старейший из всех живых существ Средиземья, которые до сих пор гуляют под его солнцем. Я очень надеюсь,

Леголас, что ты когда-нибудь всё же встретишься с ним. Мерри и Пину повезло: они повстречали его здесь, на том самом месте, где мы сидим. Ибо он пришёл сюда два дня тому назад и унёс их в свой дальний дом у самых корней гор. Он часто приходит сюда, особенно когда встревожен и слухи из внешнего мира беспокоят его. Я видел его четыре дня назад, шагающего между деревьями, и думаю, что он заметил меня, потому что он задержался; но я не заговорил с ним, поскольку был угнетён мыслями и устал после борьбы с Глазом Мордора, и он тоже не заговорил и не назвал моего имени.

— Возможно, он тоже подумал, что ты — Саруман, — сказал Гимли. — Но ты говоришь о нём, как о друге. А я полагал, что Фангорн опасен.

— Опасен! — воскликнул Гэндальф. — И я тоже опасен, очень опасен, гораздо опаснее, чем все, кого ты можешь встретить, если только тебя не приволокут живым к трону Чёрного Властелина. И Арагорн опасен, и Леголас опасен. Ты окружён опасностями, Гимли, сын Глоина. Ибо даже ты опасен, на свой собственный лад. Определённо, лес Фангорна — небезопасное место, и не в последнюю очередь для тех, кто слишком легко хватается за топор. И Фангорн сам по себе — он тоже опасен, но вместе с тем он мудр и доброжелателен. Однако теперь его долго назревавший гнев выплеснулся через край, и весь лес наполнен им. И вызвано это прибытием хоббитов и теми вестями, что они принесли. Гнев вскоре хлынет, подобно потоку, но этот поток повернёт против Сарумана и топоров Скальбурга. Произошло то, чего не случалось со времен Древних Дней: энты пробудились и поняли, что они сильны.

— Что же они хотят сделать? — спросил Леголас в изумлении.

— Я не знаю, — сказал Гэндальф. — Полагаю, что они и сами не знают. Интересно... — Он замолк и в раздумье опустил голову.

Остальные смотрели на Гэндальфа. Луч солнца сквозь летящие облака упал на его руки, которые теперь лежали на коленях ладонями кверху: казалось, что они наполнены светом, как чаша водой. Наконец он поднял глаза и, не прищуриваясь, посмотрел прямо на солнце.

— Утро проходит, — сказал он. — Скоро мы тоже должны будем идти.

— Мы отправимся искать наших друзей и встретиться с Древобородом? — спросил Арагорн.

— Нет, — ответил Гэндальф. — Не этот путь предстоит нам. Я говорил о надежде, но только о надежде. Надежда — это не победа. Нам и всем нашим друзьям предстоит война, война, в которой только использование Кольца могло бы дать нам уверенность в победе. Это наполняет меня великой скорбью и великим страхом: ибо многое будет уничтожено и всё может быть потеряно. Я Гэндальф, Гэндальф Белый, но Чёрный всё ещё сильнее.

Он поднялся и пристально посмотрел на восток, притеняя глаза рукой, словно видел вещи гораздо более отдалённые, чем кто-либо из них мог различить. Затем покачал головой.

— Нет, — тихо сказал он, — оно уже за пределами нашей досягаемости. Будем рады по крайней мере тому, что соблазн использовать Кольцо больше не грозит нам. Нам предстоит встретить лицом к лицу опасность, граничащую с отчаянием, но эта, смертельная, опасность устранена.

Гэндальф повернулся к друзьям.

— Успокойся, Арагорн, сын Арахорна! — сказал он. — Не сожалей о своём выборе в долине Эмин Муила, не называй погоню бесплодной. Среди сомнений ты выбрал тропу, которая кажется верной. Ты решил, как должно, и это было вознаграждено. Ибо мы встретились вовремя, тогда как иначе наша встреча могла произойти слишком поздно. Но поиски друзей окончены. Твой дальнейший путь определён данным тобой словом. Ты должен идти в Эдорас и предстать перед Теоденом в его замке. Ибо ты там нужен. Пора Андрилу снова заблестать в

открытом бою, которого он так долго ждал. Сейчас в Ристании война и худшее зло: неладно с Теоденом.

— Значит, мы никогда не увидим вновь весёлых молодых хоббитов? — спросил Леголас.

— Я так не сказал, — ответил Гэндальф. — Кто знает? Имей терпение. Иди, куда ты должен идти, и надейся! В Эдорас! Я тоже иду туда.

— Это долгий путь для пешехода, молодого или старого, — заметил Арагорн. — Я боюсь, что битва кончится гораздо раньше, чем я приду туда.

— Посмотрим, посмотрим, — отозвался Гэндальф. — Пойдёшь ли ты сейчас вместе со мной?

— Да, мы двинемся в путь вместе, — ответил Арагорн. — Но я не сомневаюсь, что ты попадёшь туда быстрее меня, если пожелаешь.

Он встал и окинул Гэндальфа долгим взглядом. Остальные молча смотрели на этих двоих, стоящих лицом друг к другу. Серая фигура человека, Арагорна, была высока и сурова, как камень, рука — на рукояти меча; он походил на неведомого короля, ступившего из морского тумана на берега простых людей. Перед ним стояла фигура старика, белая, сверкающая, словно из неё изливался свет, согбенная, обременённая годами, но обладающая могуществом, превосходящим силу короля.

— Разве я не прав, Гэндальф, — произнёс наконец Арагорн, — сказав, что ты можешь попасть туда, куда пожелаешь, быстрее, чем я? А теперь я скажу, что ты — наш предводитель и наш стяг. У Чёрного Властелина есть Девятеро, но с нами Один, могущественнее, чем те: Белый Всадник, прошедший через огонь и пропасть, — и они затрепещут перед ним. Мы пойдём туда, куда ты поведёшь.

— Да, мы все вместе последуем за тобой, — сказал Леголас. — Но сначала я жажду узнать, Гэндальф, что произошло с тобой в Мории. Не расскажешь ли ты нам? Неужели ты не задержишься хотя бы для того, чтобы объяснить своим друзьям, как тебе удалось спастись?

— Я уже задержался слишком надолго, — ответил Гэндальф. — Времени мало. Но даже если бы у нас был в распоряжении целый год, я и то не поведал бы вам всего.

— Тогда расскажи нам, что хочешь, и насколько позволяет время! — попросил Гимли. — Ну же, Гэндальф, расскажи нам, как ты разделался с Балрогом!

— Не называй его имени! — сказал Гэндальф, и на мгновение показалось, что облачко боли прошло по его лицу. Он сидел молча и выглядел древним, как смерть. — Я долго падал, — произнёс он наконец, очень медленно, как бы с трудом вспоминая. — Я долго падал, и он падал вместе со мной. Его огонь охватил меня. Я горел. Затем мы врезались в глубокую воду, и всё померкло. Было холодно, как в волне смерти, и сердце моё почти замёрзло.

— Глубока пропасть под мостом Дарина, и никто не измерил её, — сказал Гимли.

— Однако она имеет дно, невидимое и неведомое, — ответил Гэндальф. — Там я наконец и очутился, на самом дне каменного ложа. И он вместе со мной. Его огонь потух, но теперь он сдавливал меня, как липкая грязь, сильнее, чем хватка удава.

Мы бились глубоко под землёй, где время не имеет счёта. Он всё сжимал меня, а я всё рубил его, пока, наконец, он не бежал в тёмные туннели. Их сделал не народ Дарина, Гимли, сын Глоина. Много, много ниже самых глубинных ярусов гномов твердь изгрызена неведомыми тварями. Даже Саурон их не знает, ибо они древнее его. И вот мне выпало бродить по ним, но я не стану рассказывать об этом, чтобы не омрачать дневного света. В этом отчаянном положении мой враг был единственной моей надеждой, и я преследовал его попятам. Так он и вывел меня в конце концов назад по тайным путям Казад-дума: увы, они известны ему слишком хорошо. Всё выше взбирались мы, пока не подошли к Бесконечной Лестнице.

— Давно уже потеряна она, — произнёс Гимли. — Многие говорят, что она никогда не

была сделана, разве что в легендах, а другие утверждают, что она разрушена.

— Она была сделана и не была разрушена, — сказал Гэндальф. — От глубочайших подземных камер до высочайшего пика поднимается она, восходя непрерывной спиралью во много тысяч ступеней, пока не выводит, наконец, в Крепость Дарина, что высечена в массивной скале Заркзигила, вершины Сильвертина.

Там, на Келебдиле, было одинокое окно в снегах, и перед ним на головокружительной высоте лежал над туманами мира узкий уступ, как орлиное гнездо. Свирепо сверкало там солнце, но всё внизу было завёрнуто в облака. Он выскочил через окно и, как раз когда я вышел за ним, вспыхнул новым пламенем. Этого никто не видел, иначе, пожалуй, песни о Битве на Вершине пелись бы ещё и в грядущие века. — Тут Гэндальф неожиданно рассмеялся. — Но что можно было бы сказать в песне? Глядевшим снизу на дальний пик казалось, что гроза увенчала гору. Они слышали гром и говорили, что молнии бьют в Келебдил и отпрыгивают назад, разбиваясь на языки пламени. Разве этого не довольно? Вокруг нас поднялся великий дым, пар и густой туман. Лёд падал, как дождь. Я сбросил моего врага вниз, и он упал с вершины, и ударился о склон горы и расколол его там, где разбился об него насмерть. Затем тьма сомкнулась надо мной, мысли исчезли, и я потерял ощущение времени и далеко зашёл по дорогам, о которых не стану рассказывать.

Нагим я был послан назад — на краткий срок, пока не будет выполнена моя задача, и нагим лежал я на вершине горы. Крепость позади меня была разбита в пыль, окно исчезло, разрушенная лестница была завалена обожженными и расколотыми камнями. Я лежал один, забытый, без надежды на спасение, на твердом роге, вздымавшемся над миром. Там лежал я, глядя вверх, пока звёзды кружились надо мной, и каждый день был длиннее, чем век внизу, на земле. До моего слуха слабо доносился ропот, поднимавшийся со всех земель: нарождающийся и умирающий, звуки пения и плача, и тихий, вечный стон сдавленных горой камней. И таким меня в конце концов снова нашёл Гваихир Ветробой, и он подхватил меня и унёс.

"Я обречён быть твоей вечной ношей, надёжный друг", — сказал я.

"Ношей — да, — ответил он, — но не прежней. Ты легче лебединого пуха в моих когтях. Сквозь тебя просвечивает солнце, и право же, я не думаю, что ты нуждаешься во мне: даже если я выпущу тебя, то тебя подхватит ветром".

"Только не бросай меня! — выдохнул я, поскольку опять почувствовал себя живым. — Неси меня в Лотлориэн!"

"Именно таков приказ Владычицы Галадриэли, которая послала меня разыскать тебя", — ответил он.

Вот так я и попал в Карас Галадон и узнал, что вы недавно ушли. Я задержался ненадолго в неизменном времени той страны, где дни приносят не тление, но исцеление, и я обрёл исцеление и был одет в белое. Я дал совет и получил совет. Оттуда я пошёл неизведанными путями и принёс некоторым из вас послания. Арагорну меня просили передать следующее:

Где дунедainya твои, Элессар?
Долго ли будет скитаться твой клан?
Близок час, как Утрата пойдёт вперёд,
И север Серый Отряд пришлёт.
Но темна твоя доля, неясен конец пути,
И дорогу к Морю стерегут Мертвецы.

Леголасу она шлёт следующие слова:

О Леголас, Зелёный Листок, в тени деревьев без горя
Тёк твоих дней весёлый поток. Но берегись моря!
Помни, если услышишь ты крик чаек на берегу,
Сердцем тебе не отдыхать больше вовеки в лесу.

Гэндальф замолчал и закрыл глаза.

— Значит, мне она ничего не передала? — спросил Гимли и повесил голову.

— Темны её слова, — сказал Леголас. — И мало говорят они тому, кто получил их.

— Это не утешение, — буркнул Гимли.

— Что же тогда? — удивился Леголас. — А ты хотел бы, чтобы она прямо сказала тебе о твоей смерти?

— Да, если ей нечего больше сказать.

— Что такое? — вмешался Гэндальф, открыв глаза. — Да, думаю, я могу угадать, что значат её слова. Прости, Гимли! Я просто ещё раз обдумал её послания. Но она действительно велела передать тебе несколько слов, не тёмных и не грустных.

"Гимли, сыну Глоина, — сказала она, — передай привет его Дамы. Хранитель локона, куда бы ты ни пошёл, мои мысли последуют за тобой. Но, смотри, направь свой топор на нужное дерево!"

— В счастливый час вернулся ты к нам, Гэндальф! — воскликнул гном, выкидывая коленца и громко распевая на странном языке гномов. — Идём! Идём! — кричал он, размахивая топором. — Если голова Гэндальфа теперь священна, пойдём искать ту, которую стоит рассадить!

— За ней не придётся далеко ходить, — сказал Гэндальф, вставая. — Идёмте! Мы истратили всё время, отпущенное на встречу разлучавшихся друзей. Теперь нужно спешить.

Он снова завернулся в свой старый рваный плащ и пошёл впереди. Следом за ним друзья быстро спустились с высокого уступа и направились назад через лес вниз по берегу Энтрицы. Больше они не обменялись ни одним словом до тех пор, пока снова не очутились на траве у края Фангорна. Нигде не было видно ни признака лошадей.

— Они не вернулись, — сказал Арагорн. — Это будет утомительный переход!

— Я не пойду пешком. Время поджигает, — ответил Гэндальф. Затем, подняв руки, он громко свистнул. Звук был таким ясным и пронзительным, что остальные поразились, как он мог вообще слететь с таких старых губ. Он свистнул трижды, и вслед затем им почудилось, что вдалеке слышится ответное ржание лошади, принесённое с равнин восточным ветром. Друзья ждали, что будет дальше. Вскоре раздался перестук копыт, вначале едва ли более громкий, чем дрожание почвы, доступное лишь Арагорну, когда он лежал на траве, но постепенно усиливающийся и перешедший в отчётливые быстрые удары.

— Приближается не одна лошадь, — отметил Арагорн.

— Разумеется, — сказал Гэндальф. — Мы слишком большая ноша для одной.

— Там три, — добавил Леголас, вглядываясь в степь. — Смотрите, как они бегут! Это Счастьедар, и мой друг Арод рядом с ним! Но впереди там ещё один конь: очень крупный жеребец. Я не видел ничего подобного ему прежде.

— И никогда больше не увидишь, — отозвался Гэндальф. — Это Тенегон. Он вожак меарас, самых благородных коней, и вряд ли даже Теодену, герцогу Ристании, доводилось когда-либо видеть лучшего. Не правда ли, он сияет, как серебро, и бежит так же плавно, как стремительный поток? Он пришёл ради меня — конь Белого Всадника. Мы отправимся в бой вместе.

Пока старый маг говорил, громадный конь уже мчался вверх по склону к ним. Его шкура блестела, а грива летела по ветру от стремительного бега. Два остальных следовали за ним, но теперь уже далеко позади. Как только Тенегон увидел Гэндальфа, он приостановился и громко заржал, а потом, подойдя к нему мелкой рысью, склонил свою гордую голову и, пофыркивая, прикоснулся большой мордой к шее старика.

Гэндальф ласково погладил его.

— Не близок был путь из Раздола, друг мой, — сказал он. — Но ты мудр и быстр и приходишь в нужде. Нам снова предстоит долгий совместный путь, и не будет новой разлуки в этом мире!

Вскоре подскакали отставшие лошади и спокойно встали рядом, как будто ожидая приказа.

— Мы немедленно отправляемся в Медусельд, замок вашего хозяина Теодена, — серьёзно объяснил им Гэндальф. Лошади наклонили головы. — Время не ждёт, поэтому, с вашего разрешения, друзья, мы поскачем. Мы просим бежать вас так быстро, как вы только сможете. Счастьедар понесёт Арагорна, а Арод — Леголаса. Гимли я посажу перед собой и Тенегон, с его позволения, понесёт нас обоих. Мы задержимся только для того, чтобы попить немного.

— Теперь я частично понимаю загадку прошлой ночи, — сказал Леголас, легко вскакивая на спину Арода. — Неважно, убежали ли они вначале от страха или нет, но затем наши лошади встретили Тенегона, их вожака, и приветствовали его ржанием. Ты знал, что он рядом, Гэндальф?

— Да, я знал, — ответил маг. — Я мысленно звал его, прося поспешить, ибо ещё вчера он был далеко на юге этой страны. Но столь же быстро он может отнести меня туда снова!

Гэндальф дал команду Тенегону, и конь поскакал довольно быстро, но теперь не без оглядки на остальных. Чуть погодя он неожиданно свернул и, выбрав место, где берега были ниже, переправился через реку и повёл их точно на юг по ровной, плоской степи. Ветер проносился по бесконечным милям травы, как серые волны. Нигде не было ни признака дороги или тропы, но Тенегон не останавливался и не колебался.

— Он направляется прямо к замку Теодена у подножия Белых гор, — сказал Гэндальф. — Так быстрее. В Восточной Ристании, где с той стороны реки протекает главный северный тракт, почва твёрже, но Тенегон знает дорогу через все пади и топи.

Много часов скакали они через луга и речные долины. Часто трава была так высока, что достигала колен всадников, и их кони, казалось, плыли в серо-зелёном море. Они миновали множество скрытых прудов и обширных зарослей осоки, колышущихся над коварно чавкающими трясинами, но Тенегон находил путь, а другие лошади следовали у него в хвосте. Солнце медленно клонилось к западу. Глядя на бескрайнюю равнину, всадники на несколько мгновений увидели его у самого горизонта, когда оно, словно красный огонь, опускалось в траву. Там, почти на пределах видимости, подступали с обеих сторон освещённые закатными лучами плечи гор. Казалось, что оттуда поднимается дым, застилая солнечный диск и окрашивая его кровью, словно, опускаясь за край земли, солнце действительно подожгло траву.

— Там лежит Ущелье Ристании, — сказал Гэндальф. — Оно сейчас почти точно на западе от нас. В той стороне Скальбург.

— Я вижу густой дым, — сказал Леголас. — Что это может значить?

— Войну и битву! — ответил Гэндальф. — Поскакали!

Они скакали сквозь солнечный закат, и тихие сумерки, и наступающую ночь. Когда они наконец остановились и спешили, даже Арагорн одеревенел и очень устал. Однако Гэндальф позволил им отдохнуть всего несколько часов. Леголас и Гимли спали, а Арагорн лежал пластом, распростёршись на спине, но Гэндальф стоял, опершись на посох и вглядываясь в темноту на востоке и западе. Всё было тихо, и не было ни следа и не звука живых существ. Когда они снова поскакали, ночное небо загородили длинные облака, гонимые пронзительным ветром. Они скакали под холодной луной так же быстро, как и при свете дня.

Часы шли, а они так и продолжали скакать вперёд. Гимли клевал носом и чуть было не упал, если бы Гэндальф не подхватил его и не растолкал. Счастьедар и Арод, усталые, но ретивые, следовали за своим неутомимым вожаком: едва различимой серой тенью впереди. Мили мелькали мимо. Растущая луна склонялась к облачному западу.

Воздух резко похолодел. Тьма на востоке начала медленно приобретать холодный серый оттенок. Слева от них над далёкими чёрными стенами Эмин Муила ударили в небо красные лучи. Настал ясный и яркий рассвет. В уши им свистел боковой ветер, шелестящий в склонявшейся под ним траве. Внезапно Тенегон остановился и заржал. Гэндальф указал вперёд.
— Смотрите! — воскликнул он, и остальные подняли усталые глаза.

Перед ними высились горы юга с вершинами, тронутыми белым, и чёрными прожилками. Травы взбегали на холмы, столпившиеся у подножия гор, и растекались по многочисленным долинам, пробиравшихся в самое сердце великих гор, всё ещё туманным и тёмным, поскольку их пока не коснулся рассвет. Прямо перед путешественниками открывалась самая широкая из этих лощин, подобная заливу между холмами. В её глубине просматривалась плотная масса гор с одним высоким пиком, а в устье, подобно часовому, вздымался одинокий холм. У его подножья тянулась, как серебряная нить, река, вытекающая из лощины, а на вершине, все ещё очень далеко, путники уловили в лучах восходящего солнца слабое мерцание, похожее на отблеск золота.

— Говори, Леголас! — велел Гэндальф. — Скажи, что ты видишь там, перед нами?

Леголас всмотрелся вперёд, притеняя глаза от косых лучей восходящего солнца.

— Я вижу белый поток, который стекает со снегов, — сказал он. — Там, где он выходит из тени долины, с востока вздымается зелёный холм. Мощная стена, ров и колючая изгородь окружают его. За ними высятся крыши домов, а в середине, на зелёной террасе стоит на вершине большой замок людей. И сдаётся мне, что он покрыт золотом. Его блеск далеко разливается над страной. Столбы его ворот тоже золотые. Там стоят люди в сверкающих кольчугах, но и замок, и подворья ещё спят.

— Эти подворья носят имя Эдорас, — сказал Гэндальф. — А золотой замок — Медусельд. Здесь живёт Теоден, сын Тенгея, герцог Ристании. Мы прибудем туда в начале дня. Отсюда прекрасно виден весь путь. Но теперь мы должны двигаться более осторожно, ибо идёт война, и ристанийцы, властелины коней, не спят, даже если так кажется издали. Я советую вам всем не обнажать оружия и не произносить надменных речей, пока мы не предстанем перед троном Теодена.

Утро было светлым и ясным, и птицы пели, когда путники подъехали к реке. Она быстро сбегала на равнину, изгибалась у подножья холмов широкой излучиной, преграждая им путь, и текла в сжатых тростниками берегах на восток, чтобы слиться с Энтрицей. Местность была зелёной: на влажных лугах и вдоль травянистых берегов реки росли ивы. В этих южных краях они уже слегка окрасились по краям ветвей в розоватый цвет, чувствуя приближение весны. Здесь, между низкими берегами, был брод, сильно утоптаный лошадьми. Путники переехали

через него и вышли на широкую дорогу с колеями, ведущую к нагорью.

У подножья обнесённого стеною холма дорога бежала в тени высоких и зелёных могильных насыпей. На их западных склонах трава белела, словно занесённая снегом: среди дёрна проглядывали бесчисленными звёздочками небольшие цветы.

— Взгляните! — сказал Гэндальф. — Как прекрасны эти ясные глазки в траве! Симбельмюнё называют их люди в этой стране, вечнопамятки; ибо они цветут круглый год и растут там, где лежат мёртвые. Смотрите! Мы достигли великих курганов, где спят предки Теодена.

— Семь насыпей слева и девять справа, — промолвил Арагорн. — Много человеческих жизней окончилось с тех пор, как был построен Золотой замок.

— Пять сотен раз опадали красные листья в Лихолесье, на моей родине, с тех пор, — сказал Леголас. — Но для нас это кажется очень небольшим сроком.

— Однако для всадников герцогства это было столь давно, — отозвался Арагорн, — что само основание этого дома — лишь предание, сохранённое в песнях, а предшествовавшие этому годы утеряны во мгле веков. Теперь они называют эту страну их домом, их родиной, и язык их отличается от северного диалекта.

Он тихо запел на неторопливом языке, неизвестном ни эльфу, ни гному, но они слушали, поскольку строгая музыка была в нём.

— Полагаю, это и есть наречие Ристании, — сказал Леголас, — потому что оно очень похоже на эту страну: сочное и широкое, как степи, и вместе с тем твёрдое и суровое, как горы. Но я не понимаю, о чём речь, за исключением того, что песня полна печали смертных.

— Я постарался перевести её на всеобщий язык, — сказал Арагорн. — На нём она звучит примерно так:

Где же всадник и конь? Где рог, задававший ветру вопрос?
Где шлем с султаном и полёт по ветру длинных волос?
Где рука, что играла на арфе? Где ясный огонь очагов?
Где весна, плодоносная осень и колосья высоких хлебов?
Всё промчалось, как дождь по горам, как ветер степями;
Дни былые на запад ушли и проглочены тьмой за холмами.
Дым костра, что угас, кто из вас соберёт?
Кто ушедшие годы из-за моря вернёт?

Так говорил давным-давно забытый поэт Ристании, напоминая, как высок и благороден был Эорл Младший, прискакавший с севера, и какие крылья были на ногах его коня, Феларофа, отца лошадей. Люди и доныне поют так вечерами.

Когда он договорил, курганы остались позади. Следуя извилистой дорогой, карабкающейся на зелёные склоны холмов, они достигли наконец широких, обдуваемых ветром стен и ворот Эдораса.

Там сидело много людей в блестящих кольчугах, которые мгновенно вскочили и загродили дорогу копьями.

— Стойте, неизвестные здесь путники! — крикнули они на языке Ристании и потребовали от путешественников назвать имена и цель прибытия. В глазах их было удивление, но мало дружелюбия, и они бросали мрачные взгляды на Гэндальфа.

— Хорошо, что я понимаю ваш язык, — ответил маг на том же наречии. — Однако мало путников знают его. Почему вы не говорите на всеобщем языке, как это принято на западе, если

хотите, чтобы вам отвечали?

— Такова воля герцога Теодена, который не желает открывать ворот перед теми, кто не говорит на нашем языке и не является нашим другом, — ответил один из стражей. — Здесь принимают радушно в дни войны только наш народ и тех, кто приходит из Мандбурга, что в Гондоре. Кто вы, прискакавшие без оглядки через степи в столь странных одеждах и на лошадях, похожих на наших собственных коней? Мы давно уже сторожим здесь и долго наблюдаем за вами. Никогда ещё мы не видели столь странных всадников и ни одной лошади более резвой, чем конь, что несёт тебя. Он один из меарас, или наши глаза обмануты чарами. Кто ты — маг, шпион Сарумана или вы призраки, созданные им? Говори и не медли!

— Мы не призраки, — сказал Арагорн. — И твои глаза не обманули тебя. Действительно, мы приехали на ваших лошадях, о чём ты, конечно, знал прежде, чем задал вопрос, как я полагаю. Но воры редко возвращаются в конюшню. Это Счастьедар и Арод, которых Эомир, Третий маршал Герцогства, одолжил нам всего два дня тому назад. Мы привели их обратно, как и обещали ему. Разве Эомир не вернулся и не предупредил о нашем приходе?

В глазах стража отразилось волнение.

— Я ничего не могу сказать об Эомире, — ответил он. — Если то, что ты сказал мне, правда, тогда Теоден, без сомнения, слышал об этом. Быть может, ваше появление не было полностью неожиданным. Две ночи тому назад к нам пришёл Злоречив и объявил, что по воле Теодена ни один путник не должен пройти сквозь ворота.

— Злоречив? — переспросил Гэндальф, кинув острый взгляд на стража. — Не говори больше ничего! У меня дело не к Злоречиву, а к самому герцогу. Я спешу. Может быть, ты сходишь или пошлёшь известить его о нашем прибытии?

Глаза мага сверкнули под густыми бровями, когда он устремил их неотрывный взгляд на человека.

— Да, я пойду, — медленно проговорил тот. — Но чьи имена я должен сообщить? И что сказать о тебе? Сейчас ты выглядишь старым и усталым, но я догадываюсь, что под этой видимостью ты силён и страшен.

— Ты хорошо видишь и говоришь, — сказал маг. — Ибо я Гэндальф. Я вернулся. И смотри! Я тоже привёл назад лошадь. Это Тенегон Великий, с которым не может совладать ничья другая рука. А рядом со мной Арагорн, сын Арахорна, наследник Королей, и идёт он в Мандбург. Здесь также Леголас, эльф, и Гимли, гном, наши товарищи. Теперь иди и скажи своему хозяину, что мы у его ворот хотели бы поговорить с ним, если он позволит нам войти в его замок.

— Странные имена назвал ты, однако! Но я сообщу о вашей просьбе и узнаю волю моего хозяина, — пообещал страж. — Подождите здесь немного, и я принесу вам ответ, который он пожелает дать. Но особенно не надейтесь! Сейчас тёмные дни.

Он быстро ушёл, предоставив своим товарищам охранять путников.

Спустя некоторое время он вернулся.

— Следуйте за мной! — сказал он. — Теоден разрешил вам войти, но всё ваше оружие, будь то просто посох, вы должны оставить у порога. Стражи дверей сохраняют его.

Тёмные ворота распахнулись. Путники вошли и двинулись следом за своим проводником. Они увидели широкую дорогу, мощёную обтёсанными камнями, которая, петляя, вела вверх короткими пролётами удобных ступеней. Много деревянных домов и много прочных дверей миновали они. Рядом с дорогой в каменном русле бежал, пенясь и журча, ручей чистой воды. Наконец они достигли вершины холма. Здесь, на зелёной террасе, была сооружена высокая платформа, из основания которой бил прозрачный родник, который изливался из камня, вырезанного в виде конской головы, и наполнял широкий бассейн, дающий начало бегущему

вниз ручью. На вершину зелёной террасы вела каменная лестница, высокая и широкая, по обе стороны которой на самой верхней площадке были устроены каменные сидения. На них сидели другие стражи, держа на коленях обнажённые мечи. Их золотые волосы были рассыпаны по плечам, солнце отражалось в зелёных щитах, длинные кольчуги ослепительно сверкали, и когда они встали, то казались выше, чем смертные люди.

— Перед вами двери, — сказал проводник. — Я должен вернуться на свой пост у ворот. Прощайте! И да пребудет с вами благосклонность герцога!

Он повернулся и быстро зашагал вниз по дороге. Остальные поднялись по длинной лестнице под взглядами высоких стражников. Те стояли неподвижно и безмолвно, пока Гэндальф не ступил на мощёную площадку в конце лестницы. Тогда они внезапно произнесли ясными голосами изысканное приветствие на их родном языке:

— Привет вам, пришедшие издалека! — сказали они и повернули рукояти своих мечей по направлению к путникам в знак мира. В солнечном свете сверкнули зелёные камни. Затем один из стражников выступил вперёд.

— Я Страж дверей Теодена, — сказал он на всеобщем языке. — Моё имя Хама. Вы должны оставить ваше оружие здесь, прежде чем войдёте.

Тогда Леголас отдал ему свой кинжал с серебряной рукоятью, колчан и лук.

— Сохрани их бережно, — сказал он. — Они из Золотого Леса, и сама Владычица Лотлориэна подарила их мне.

Удивление отразилось в глазах стражника, и он поспешно положил оружие к стене, словно опасался держать его.

— Ни один человек не дотронется до них, обещаю тебе, — сказал он.

Арагорн некоторое время стоял в нерешительности.

— У меня нет желания, — сказал он, — снимать меч или доверять Андрил руке постороннего человека.

— Такова воля Теодена, — ответил Хама.

— Мне не ясно, почему воля Теодена, сына Тенгеля, даже если учесть, что он герцог Ристании, должна расцениваться превыше желания Арагорна, сына Арахорна, наследника Элендила из Гондора.

— Это дом Теодена, не Арагорна, будь он даже королём Гондора на троне Денетора, — сказал Хама, быстро отступив к дверям и загораживая дорогу. Его меч снова оказался в руке и был направлен теперь на следопыта.

— Не тратьте пустых слов, — вмешался Гэндальф. — Требование Теодена бессмысленно, но оно должно быть выполнено. Король волен поступать в собственном замке так, как пожелает, глупо это или мудро.

— Верно, — сказал Арагорн, — И я исполнил бы просьбу хозяина дома, будь это даже хижина дровосека, если бы при мне был любой другой меч, а не Андрил.

— Как бы он ни звался, — ответил Хама, — ты должен оставить его здесь, если не хочешь биться в одиночку со всеми людьми в Эдорасе.

— Не в одиночку! — сказал Гимли, нащупывая рукоять топора и мрачно глядя снизу вверх на стражника, как если бы тот был молодым деревом, которое Гимли намеривался свалить. — Не в одиночку!

— Тише, тише! — произнёс Гэндальф. — Мы все здесь друзья. Или должны ими быть, ибо, если мы поссоримся, единственной наградой нам послужит смех Мордора. Моё дело не ждёт. Во всяком случае, вот мой меч, добрый Хама. Храни его бережно! Его имя Яррист, потому что он сделан эльфами в древние времена. А теперь позволь мне пройти. Давай, Арагорн!

Арагорн медленно расстегнул пояс и сам прислонил меч к стене.

— Я оставляю его здесь, — сказал он. — Но я приказываю тебе не дотрагиваться до него и не позволять никому другому брать его в руки. В этих эльфийских ножнах живёт Меч, Что Был Сломан и выкован заново. Телхар первым сделал его в глубине веков. Смерть постигнет любого, кто обнажит меч Элендила, кроме наследника Элендила.

Страж отступил назад и с изумлением поглядел на Арагорна.

— Похоже, ты прилетел на крыльях песни из забытых времён, — проговорил он. — Всё будет так, как ты приказал, господин.

— Ладно, — сказал Гимли. — Если уж Андрил присоединился к этой компании, то мой топор тоже может остаться тут без стыда. — И он положил его на землю. — А теперь, если всё сделано по вашему желанию, позволь нам войти и поговорить с твоим хозяином.

Страж всё ещё колебался.

— Твой посох, — сказал он Гэндальфу. — Прости меня, но он тоже должен быть оставлен у дверей.

— Глупости! — возразил Гэндальф. — Осторожность — это одно, а неучтивость — совсем другое. Я стар. Если я не смогу опираться на свою палку при ходьбе, то тогда усядусь здесь и буду сидеть до тех пор, пока Теоден не соблаговолит приковылять сюда сам, чтобы поговорить со мной.

Арагорн рассмеялся.

— У каждого человека есть нечто ценное, которое трудно доверить другому. Но неужели ты лишишь старика его подпорки? Успокойся! И, может быть, ты всё-такипустишь нас?

— Посох в руках мага может быть большим, чем опора для старости, — возразил Хама. Он пристально посмотрел на ясеневый посох, на который опирался Гэндальф, и добавил: — Но в сомнении достойный человек предпочитает доверять своему здравому смыслу. Я полагаю, что вы друзья и люди, заслуживающие всяческого уважения, которые не имеют злых намерений. Вы можете войти.

Стражники подняли тяжёлые засовы ворот и медленно повернули их створки, заскрипевшие на громадных петлях, внутрь. Путешественники вошли. После свежего воздуха на холме им показалось, что внутри темно и жарко. Широкий и длинный зал был наполнен тенями и полусветом; высокий потолок поддерживали могучие колонны. Но здесь и там сквозь восточные окна, пробитые в толстых стенах у самой крыши, падали ясные солнечные лучи, подобные сверкающим копьям. Через отверстие в потолке между тонкими клочьями поднимающегося дыма проглядывало бледно-голубое небо. Когда глаза их привыкли к полумраку, путешественники заметили, что пол выложен разноцветными камнями: под их ногами прихотливо сплетались между собой витиеватые руны и странные символы. Они увидели также, что колонны богато украшены резьбой и тускло отсвечивают золотом и смутно различимыми красками. Стены были завешаны множеством тканых шпалер, по широким полям которых проходили маршем персонажи древних легенд, потемневшие с годами или же плохо различимые в полутьме. Но на одну шпалеру падал солнечный луч: молодой человек на белом коне. Он трубил в громадный рог, и его золотые волосы развевались на ветру. Голова лошади с широкими красными ноздрями была вскинута в горделивом ржании, словно конь уже почуял битву, а у его колен бушевала и крутилась пенная зелёная вода.

— Смотрите, это Эорл Младший! — сказал Арагорн. — В момент, когда он прискакал с севера на Битву на Поле Келебранта.

Четыре товарища двинулись вперёд мимо ярко пылавших в длинном очаге посреди зала

дров, затем остановились. В дальнем конце зала позади очага у северной стены напротив двери было возвышение в три ступеньки, и в центре этого возвышения стоял большой позолоченный трон. На нём сидел человек, настолько обременённый годами, что выглядел почти как гном, но его белые волосы были длинными и густыми и мощными прядями ниспадали с обеих сторон тонкого золотого обруча вокруг лба. В центре обруча посреди лба сиял единственный белый алмаз. Борода человека лежала, подобно снегу, на его коленях, но глаза, всё ещё горевшие ясным светом, блеснули, когда он внимательно взглянул на путников. Позади его трона стояла женщина, одетая в белое. У ног его на ступеньках сидела сгорбленная фигура человека с бледным умным лицом и прикрытыми тяжёлыми веками глазами.

Стояла тишина. Старик не шевельнулся на троне. Наконец Гэндальф заговорил:

— Привет тебе, Теоден, сын Тенгеля! Я вернулся. Ибо знай! Близится буря, и теперь все друзья должны собраться вместе, так как по отдельности каждый будет уничтожен.

Старик медленно поднялся на ноги, тяжело опершись на короткий чёрный посох с рукояткой из белой кости, и теперь путники увидели, что, хотя он и согнут, но, однако всё ещё высок и, несомненно, был прям и величав в дни своей юности.

— Я приветствую тебя, — сказал он, — и, быть может, ты ждёшь слов "добро пожаловать". Но воистину вызывает сомнение, мастер Гэндальф, что эти слова подходят тебе. Ты всегда был вестником несчастья. Беды следуют за тобой, словно вороны, и каждая следующая хуже предыдущих. Я не хочу обманывать тебя: когда я услышал, что Тенегон вернулся без всадника, я обрадовался возвращению коня, но ещё больше отсутствию седока. И когда Эомир принёс весть, что истёк последний час твоей долгой жизни, я не горевал. Но вести, приходящие издалека, редко правдивы. Ты опять объявился здесь! И с тобой, как можно ожидать, пришло зло худшее, чем прежде. Почему я должен говорить тебе "добро пожаловать", Гэндальф Каркающий Ворон? Объясни мне это.

Он опять медленно опустился на свой трон.

— Твои слова справедливы, господин, — подал голос бледный человек, сидящий на ступеньках возвышения. — Ещё и пяти дней не прошло с тех пор, как пришло горестнейшее известие, что у Западных границ убит ваш сын Теодред, ваша правая рука, Второй маршал Герцогства. Эомир не внушает доверия. Если бы ему было дозволено распоряжаться, всего несколько человек было бы оставлено для охраны ваших стен. И это в момент, когда Гондор даёт знать нам, что Чёрный Властелин опять шевелится на востоке. Таков час, который этот скиталец выбрал для возвращения. Действительно, с какой стати мы должны говорить тебе "добро пожаловать", мастер Каркающий Ворон? Латшпель, назову я тебя, Зловестник, а злые вести — дурные гости, как у нас говорят.

Он зловеще усмехнулся, приподняв на мгновение свои толстые веки и кинув на путников мрачный взгляд.

— Ты считаешься мудрым, мой друг Злоречив, и, без сомнения, ты надёжная опора твоего хозяина, — мягко ответил Гэндальф. — Тем не менее, человек может принести дурные вести двумя путями. Он может быть носителем зла, а может предоставить всему идти своим чередом и прийти только с предложением помощи в час нужды.

— Это так, — сказал Злоречив. — Но есть и третий сорт: подбиратель костей, надоеда, вмешивающийся в печали других, стервятник, нагуливающий жир на войне. Какую помощь ты когда-либо оказывал, Каркающий Ворон? И какую помощь ты предложишь теперь? Это мы оказали тебе помощь, которую ты искал, когда последний раз был здесь. Тогда мой господин приказал тебе выбрать лошадь, какую пожелаешь, и убраться прочь, и в своей наглости ты к общему удивлению остановился на Тенегоне. Мой господин был тяжко огорчён, и всё же казалось, что такая цена за то, чтобы поскорее избавиться от тебя, не слишком высока. Я

полагаю, что то же самое повторится ещё раз: ты скорее хочешь найти помощь, чем оказать её. Ты привёл людей? Ты доставил сюда лошадей, мечи, копья? Это я назвал бы помощью, это было бы достойно нашей благодарности. Но кто те, что следуют за тобой? Три оборванных бродяги в сером, и ты сам, наиболее похожий на нищего из всех четырёх!

— В последнее время твой двор несколько потерял в учтивости, Теоден, сын Тенгеля, — отозвался Гэндальф. — Разве гонец из твоей стражи не сообщил имена моих спутников? Нечасто кому-либо из владык Рохана доводилось принимать трёх таких гостей. Оружие, которое они сложили у твоих дверей, лучше, чем множество смертных воинов, пусть даже самых могучих. Серы их одеяния, ибо эльфы одели их, и в них прошли они сквозь мрак великих опасностей, чтобы появиться у тебя в замке.

— Так значит вы правда, как сообщил Эомир, в союзе с Чародейкой из Золотого Леса? — спросил Злоречив. — В этом нет ничего удивительного: вечно ткалась в Заповедье паутина обмана.

Гимли шагнул было вперёд, но внезапно почувствовал, что рука Гэндальфа схватила его за плечо, и он остановился, застыв, как камень.

В Заповедье, что эльфы зовут Лориэн,
Редко ступала нога людей.
Сиял немногим смертным глазам
Вечный ласковый свет, струящийся там.
Галадриэль! Галадриэль!
Светла вода в твоей чаше досель,
И белая держит рука звезду,
И девственный свет озаряет листву.
Заповедье, что эльфы зовут Лориэн,
Прекрасней, чем грёзы смертных людей.

Так Гэндальф тихо пропел, а затем внезапно изменился. Откинув в сторону свой рваный плащ, он выпрямился, перестал опираться на свой посох и заговорил ясным холодным голосом:

— Мудрый говорит лишь о том, что он знает, Грима, сын Галмода. Ты стал безмозглым червём. Поэтому молчи и держи свой раздвоенный язык за зубами. Я не для того прошёл через огонь и смерть, чтобы препираться с прислужником до тех пор, пока не грянет гром.

Маг поднял свой посох. Раздался удар грома. Солнечный свет исчез из восточных окон, весь зал погрузился внезапно в ночную тьму. Огонь упал к тускло тлеющим углям. Лишь Гэндальф был виден, стоящий перед почерневшим очагом, высокий и белый.

Во мраке раздалось шипение Злоречива:

— Разве я не советовал вам, господин, запретить его посох? Этот идиот Хама предал нас!

Полыхнуло, словно молния расколола крышу. Затем всё стихло. Злоречив растянулся ничком.

— А теперь, Теоден, сын Тенгеля, будешь ли ты слушать меня? — произнёс Гэндальф. — Попросишь помощи? — Он поднял свой посох и указал на высокое окно. Казалось, что мгла в этом месте рассеялась, и сквозь проём можно было увидеть вдаль и в вышине кусочек сияющего неба. — Не всё настолько темно. Сохраняй мужество, герцог Ристании, так как лучшей помощи тебе не найти. Никакого совета не могу дать я тем, кто отчаялся. Но всё же я могу дать совет, и мне есть, что сказать тебе. Выслушаешь ли ты мои слова? Они не для всех ушей. Выйди из своих

дверей и оглянись вокруг. Слишком долго сидел ты во мраке, доверяя искажённым рассказам и нечистым побуждениям.

Теоден медленно оставил свой трон. В зал снова возвратился неяркий свет. Женщина, поспешно подойдя к герцогу, поддержала его под локоть; старик неуверенными шагами спустился с возвышения и тихо пошёл через зал. Злоречив остался лежать на полу. Они приблизились к дверям, и Гэндальф постучал.

— Откройте! — крикнул он. — Герцог Ристании выходит!

Двери распахнулись, и внутрь ворвался свежий воздух. Ветер обдувал холм.

— Вели твоей страже спуститься к подножию лестницы, — сказал Гэндальф. — А вы, госпожа, оставьте его со мной ненадолго. Я позабочусь о нём.

— Ступай, Эовин, племянница, — сказал старый герцог. — Время страха прошло.

Женщина повернулась и медленно вошла в дом. В дверях она обернулась и посмотрела назад. Серьёзен и задумчив был её быстрый взгляд, когда она оглянулась на герцога с холодным сожалением в глазах. Прекрасным и благородным было её лицо, а длинные волосы походили на потоки золота. Она была стройной и высокой, в белом платье с серебряным поясом, но казалась строгой и суровой, как сталь: дочь королей. Такой Арагорн впервые увидел при ясном дневном свете Эовин, госпожу Ристании, и обратил внимание на её красоту, холодную девическую красоту, подобную утру ранней весны. И она внезапно обратила внимание на него: высокого наследника королей, умудрённого годами, одетого в серый плащ, скрывающего могущество, которое она всё же чувствовала в нём. На мгновение она застыла, как статуя, затем быстро повернулась и ушла.

— Теперь, герцог, — сказал Гэндальф, — посмотри на свою страну! Вдохни вновь свежий воздух!

С крыльца на высокой террасе перед ними открывались за рекой зелёные степи Ристании, теряющиеся вдаль в серой дымке. Завесы косого дождя струились вниз. Небо над ними и к западу ещё темнело грозowymi тучами, и вдали над невидимыми вершинами холмов ещё сверкали молнии, но ветер дул с севера, и гроза, пришедшая с востока, уже удалялась, сносила на юг, к морю. Внезапно сквозь разрыв в тучах позади них пробились солнечные лучи, блистающие, как серебро, и река вдаль замерцала, словно хрусталь.

— Здесь не так уж и темно, — произнёс Теоден.

— Да, — сказал Гэндальф. — И года не так уж и тяжело лежат на твоих плечах, как ты привык думать. Брось свою палку!

Чёрный посох выпал из герцогских рук и стукнул о камни. Он распрямился, медленно, как человек, который окостенел после того, как долго склонялся над монотонной и нудной работой. Теперь он стоял высокий и прямой, и его глаза, когда он взглянул в чистое небо, засинели.

— Темны были мои сны в последнее время, — сказал он, — но я чувствую себя вновь проснувшимся. Сейчас мне хотелось бы, чтобы ты появился раньше, Гэндальф. Ибо я боюсь, что ты пришёл уже слишком поздно, только чтобы увидеть последние дни моего дома. Недолго простоит теперь высокий замок, построенный Брего, сыном Эорла. Огонь поглотит его трон. Что надлежит делать?

— Многое, — ответил Гэндальф. — Но в первую очередь послать за Эомиром. Разве я ошибаюсь, полагая, что ты держишь его в заточении по совету Гримы, которого все, кроме тебя, называют Злоречивом?

— Это верно, — сказал Теоден. — Он ослушался моих приказаний и угрожал Гриму смертью в моём зале.

— Человек может любить тебя, и, тем не менее, не любить Злоречива или его советов, — заметил Гэндальф.

— Вполне возможно. Я сделаю так, как ты просишь. Позвать ко мне Хаму! Раз он не справился с должностью стража дверей, пусть попробует себя как гонец. Пусть виноватый приведёт виновного на суд, — сказал Теоден, и его голос был мрачен, однако он смотрел на Гэндальфа с улыбкой, и пока он улыбался, исчезли многие морщины, проложенные заботами, и уже не возвратились вновь.

Когда Хаму вызвали и он ушёл, Гэндальф подвёл Теодена к каменной скамье, а потом сел сам на верхнюю ступеньку перед герцогом. Арагорн и его товарищи встали рядом.

— Теперь не время сообщить всё, что ты должен услышать, — сказал Гэндальф. — Однако, если моя надежда не обманчива, вскоре настанет час, когда я смогу дополнить свой рассказ. Знай! Ты вступаешь в опасность более грозную, чем та, что ум Злоречива мог воткнуть в твои сны. Но помни! Ты не спишь более, ты живёшь. Гондор и Ристания не должны более сражаться в одиночку. Враг неимоверно силен, однако у нас есть надежда, о которой он и не подозревает.

Теперь Гэндальф заговорил быстро. Его голос был тих и таинственен, и никто, кроме герцога, не слышал, что он сказал. Но, пока он говорил, глаза Теодена всё более прояснялись, и наконец он встал со своего сидения в полный рост, и Гэндальф рядом с ним, и они вместе смотрели с вершины на восток.

— Воистину, — произнёс Гэндальф снова в полный голос, энергично и ясно, — что путь, в котором заключается наша надежда, проходит там, где нас подстерегает величайший страх. Судьба всё ещё висит на волоске. Но надежда пока есть, если только мы сможем продержаться краткий срок непобеждёнными.

Остальные тоже посмотрели на восток. Они вглядывались поверх всех долгих лиг в даль, за горизонт, и мысли их были полны надеждой и страхом, ибо были направлены за Чёрные горы в страну Тьмы. Где сейчас Хранитель Кольца? И как же тонок тот волосок, на котором всё ещё висит судьба! Леголасу, когда он напрягал свои дальнзоркие глаза, мерещилось, что он улавливает отблеск белого: быть может, где-то очень далеко солнце блестело на шпигеле Сторожевой Крепости. И ещё дальше, бесконечно далеко, но всё же реальной угрозой, виднелся тонкий язычок пламени.

Теоден медленно уселся снова, как если бы усталость всё ещё пыталась овладеть им вопреки воле Гэндальфа. Он обернулся и посмотрел на свой большой дом.

— Увы! — сказал он. — Мне суждены злые дни, которые должны смутить мою старость вместо заслуженного мной покоя. Увы храброму Боромиру! Юный погиб, а зажившийся старик сидит.

Он сжал колени морщинистыми руками.

— Твои пальцы вспомнят свою былую крепость лучше, если сомкнутся на рукояти меча, — сказал Гэндальф.

Теоден встал и протянул руку к боку, но никакого меча не было на его поясе.

— Куда это Грима его запрятал? — пробормотал он себе под нос.

— Возьми этот, владыка! — произнёс ясный голос. — Он всегда был к твоим услугам.

Двое мужчин неслышно взошли по лестнице и стояли теперь несколькими ступенями ниже её вершины. Говорил Эомир. На его голове не было шлема, и кольчуга не прикрывала его грудь, но в руке он держал обнажённый меч и, преклонив колено, протягивал его рукоятью вперёд своему господину.

— Кто дал его? — спросил Теоден сурово. Он повернулся к Эомиру, и воин в удивлении уставился на него. Где тот старик, которого он оставил сгорбившимся на троне или низко склонявшимся над своим посохом?

— Это дело моих рук, господин, — сказал Хама, трепеща. — Я понял, что Эомир должен

быть освобождён. И такая радость вспыхнула в моём сердце, что, может быть, я ошибся. Всё же, поскольку он снова был свободен, и он маршал Герцогства, я принёс ему его меч, когда он попросил меня.

— Чтобы положить его у твоих ног, мой господин, — добавил Эомир.

Некоторое время Теоден стоял молча, глядя на Эомира, всё ещё преклонявшего перед ним колено. Никто не двигался.

— Ты не хочешь принять меч? — произнёс Гэндальф.

Теоден медленно протянул вперёд руку. Когда его пальцы коснулись рукояти, наблюдавшим показалось, что в его худощавую руку вернулись твёрдость и сила. Неожиданно он поднял клинок и рассёк им с блеском и свистом воздух, издав громкий клич. И ясно зазвенел его голос, когда он запел на языке Ристании призыв к оружию:

Вставайте, Всадники! Теоден зовёт!

Беда встрепелулась, тёмен восток!

Взнуздайте коней, трубите в рог!

Вперёд, эорлинги, вперёд!

Стражники, думая, что их зовут, взлетели вверх по ступенькам и, поражённые, устали на своего господина, а затем, как один человек, обнажили свои мечи и склонили их к его ногам.

— Веди нас! — крикнули они хором.

— Весту Теоден хал! — воскликнул Эомир. — Мы рады видеть вас снова пришедшим в себя. Никто не скажет более, Гэндальф, что ты приносишь одни беды.

— Возьми назад свой меч, Эомир, племянник! — сказал герцог. — Ступай, Хама, и отыщи мой собственный меч! Он на попечении Гримы. Принеси его мне. Итак, Гэндальф, ты сказал, что можешь дать мне совет, если я захочу выслушать его. Каков твой совет?

— Ты уже дал его себе сам, — ответил Гэндальф. — Искать опору в Эомире, а не в человеке с лживыми мыслями. Отбросить сожаление и страх и начать действовать. Каждый человек, способный сесть на коня, должен быть немедленно послан на запад, как тебе советовал Эомир: сначала мы должны разделаться с Саруманом, пока есть время. Если это не удастся, мы погибнем, а если одержим успех — тогда обратимся к следующей задаче. Тем временем все оставшиеся — женщины, дети и старики — должны спрятаться в ваших укрытиях в горах. Разве они не были подготовлены в преддверии таких злых дней, как эти? Вели им захватить провизию, но не медлить и не обременять себя ценностями, как большими, так и малыми. На карту поставлены их жизни.

— Теперь твой совет опять кажется мне хорошим! — сказал Теоден. — Передайте всем моим подданным приказ быть наготове! Но вы — мои гости. Правду сказал ты, Гэндальф, что мой двор потерял в учтивости. Вы скакали всю ночь, но сейчас уже и утро на исходе, а вы не спали и не ели. Дом для гостей будет немедленно подготовлен: там вы сможете выспаться, после того как поедите.

— Нет, владыка, — ответил Арагорн. — Сейчас нет времени для отдыха. Воины Ристании должны выехать сегодня, и мы поскачем вместе с ними: топор, меч и лук. Мы принесли их не для того, чтобы прислонить к твоей стене, герцог. И я обещал Эомиру, что мой меч и его будут обнажены вместе.

— Теперь действительно есть надежда на победу! — сказал Эомир.

— Надежда — да, — ответил Гэндальф. — Но Скальбург силён, и всё ближе подступает другая опасность. Не медли, Теоден, после нашего ухода: веди своих подданных как можно

скорее к горному Гнезду в Сироколье!

— Нет, Гэндальф! — возразил герцог. — Ты сам не знаешь силы своего целительского искусства. Так не будет. Я сам отправлюсь на войну, чтобы пасть в первых рядах, коли суждено. Тогда я усну крепче.

— И тогда даже поражение Ристании будет прославлено в пенях, — промолвил Арагорн.

Воины, стоявшие рядом, забряцали оружием и воскликнули:

— Герцог поведёт нас! Вперёд, эорлинги!

— Но твои подданные не должны остаться без защиты и предводителя, — сказал Гэндальф. — Кто поведёт их и будет править ими за тебя?

— Я подумаю об этом, прежде чем уйду, — ответил Теоден. — А вот и мой советник.

В этот момент Хама снова вышел из замка. За ним, раболепно изгибаясь, шёл между двух людей Грима Злоречив. Его лицо было очень бледно, глаза моргали на солнечном свете. Хама преклонил колени и протянул Теодену длинный меч в ножнах, отделанных золотом и зелёными камнями.

— Вот, господин, твой старый меч Херугрим, — сказал он. — Он был найден в его сундуке. Трудно было уговорить его дать ключ. И много других вещей было там, которые считались пропавшими.

— Ты лжёшь, — отозвался Злоречив. — А этот меч вы, повелитель, сами отдали мне на хранение.

— А теперь его потребовали у тебя снова по моему приказу, — сказал Теоден. — Это вызывает твоё недовольство?

— Конечно, нет, господин, — ответил Злоречив. — Я прикладываю все усилия, чтобы оберегать вас и всё, что принадлежит вам. Но не утомляйтесь и не подвергайте свои силы слишком суровому испытанию. Предоставьте другим заниматься этими надоедливыми гостями. Ваше мясо уже готово для подачи на стол. Не угодно ли вам поесть?

— Угодно, — сказал Теоден. — И рядом со мной должна быть поставлена еда для моих гостей. Войско отправляется сегодня. Послать всех герольдов! Пусть они соберут всех, кто живёт поблизости! Всех мужчин и крепких юношей, способных носить оружие, всех, кто имеет лошадей. Пусть сядут в сёдла у ворот до второго часа пополудни!

— Дорогой господин! — воскликнул Злоречив. — Этого-то я и боялся. Этот маг заколдовал вас. Неужели никого не останется для защиты Золотого Замка ваших отцов и всех ваших сокровищ? Никого, чтобы охранять герцога Ристании?

— Если здесь и есть колдовство, — сказал Теоден, — то оно кажется мне более благотворным, чем твоё нащёптывание. Твоё знахарство заставило бы меня скоро ходить на четвереньках, подобно животному. Нет, не останется никого, даже Гримы. Грима тоже поскачет. Ступай! У тебя есть время счистить ржавчину с твоего меча.

— Милосердия, господин! — жалобно взвизгнул Злоречив, раболепно пресмыкаясь на земле. — Пожалей того, кто утратил силы в служении тебе! Не удаляй меня от себя! Пусть хотя бы я останусь рядом с тобой, когда остальные уйдут. Не отсылай своего верного Гриму!

— Ты получил мою милость, — ответил Теоден. — И я не удаляю тебя от себя. Я сам уйду на войну вместе с моими людьми и приказываю тебе следовать за мной и доказать свою верность.

Глаза Злоречива заматались от лица к лицу с загнанным выражением зверя, ищущего выход из кольца врагов. Он облизнул губы длинным бледным языком.

— Следовало ожидать такого решения от властелина из рода Эорла, даже если он стар, — произнёс он. — Но те, кто действительно любит его, могли бы и побережь остаток его лет.

Однако я вижу, что пришёл слишком поздно. Другие, кого смерть моего повелителя, возможно, огорчит мало, уже убедили его. Если уж я не могу разрушить дело их рук, послушайте меня только в одном, господин! В Эдорасе следовало бы оставить того, кто знает ваши мысли и чтит ваши приказы. Назначь верного заместителя. Вели твоему советнику Гриму хранить всё вплоть до твоего возвращения — и я молюсь, чтобы мы дождались его, хотя никто из мудрых не сочтёт это особенно вероятным.

Эомир рассмеялся.

— А если этот довод не освободит тебя от войны, многоуважаемый Злоречив? — сказал он. — Какую менее важную услугу ты возьмешь тогда на себя? Отнести мешок муки в горы, если хоть один человек доверит его тебе?

— Нет, Эомир, ты не вполне понял мысль мастера Злоречива, — проговорил Гэндальф, обращая к нему свой пронзительный взгляд. — Он дерзок и хитёр. И даже сейчас он продолжает опасную игру и отыграл ход. Он уже потратил целые часы моего драгоценного времени. На брюхо, змей! — внезапно крикнул он наводящим ужас голосом. — Будь проклята твоя ненасытность! Сколько времени прошло с тех пор, как Саруман купил тебя? За какую цену? И какова была обещанная награда? Когда все мужчины будут мертвы, ты получишь свою долю сокровищ и женщину, которую желаешь? Слишком долго наблюдал ты за ней из-под прикрытых век и караулил её шаги.

Эомир схватился за меч.

— Я давно это знал, — пробормотал он. — Из-за этого я хотел убить его ещё прежде, забыв закон замка. Но теперь есть другие причины.

Он шагнул вперёд, но Гэндальф рукой задержал его.

— Эовин теперь в безопасности, — сказал он. — А ты, Злоречив, ты сделал всё, что мог, для своего истинного хозяина. И кое-какую награду уже заслужил. Однако Саруман склонен пренебрегать заключёнными сделками. Я советовал бы тебе быстро удалиться и напомнить ему, чтобы он не забыл про своего верного слугу.

— Ты лжёшь, — повторил Злоречив.

— Это слово слишком часто и легко срывается с твоих губ, — сказал Гэндальф. — Я не лгу. Взгляни, Теоден, на эту змею! Ты не можешь без риска ни взять его с собой, ни оставить здесь. Его следовало бы убить. Но он не всегда был таким, как сейчас. Некогда он был человеком и так или иначе служил тебе. Дай ему лошадь и позволь ему идти на все четыре стороны. Его выбор послужит ему карой.

— Ты слышал это, Злоречив? — произнёс Теоден. — Выбирай: или ты поскачешь со мной на войну и докажешь нам свою верность в битве, или уходи немедленно куда захочешь. Но тогда, если мы встретимся вновь, не рассчитывай на моё милосердие.

Злоречив медленно поднялся, посмотрел на всех из-под полуприкрытых глаз, напоследок взгляделся в лицо Теодена и открыл рот, как если бы собрался говорить. Затем внезапно выпрямился в полный рост, его руки напряглись, глаза засверкали. Такая ненависть была в нём, что люди отшатнулись от него. Он оскалил зубы, со свистящим выдохом плюнул под ноги герцога и, быстро развернувшись, метнулся вниз по лестнице.

— За ним! — приказал Теоден. — Следите, чтобы он никому не навредил, но не трогайте его и не препятствуйте ему. Дать ему лошадь, если он пожелает.

— И если хоть одна согласится нести его, — добавил Эомир.

Один из стражников побежал вниз по лестнице. Другой направился к источнику у подножия террасы и набрал в шлем воды. Этой водой он ополоснул дочи́ста камень, осквернённый Злоречивом.

— А теперь, мои гости, идёте! — сказал Теоден. — Идите и подкрепите силы, насколько позволяет время.

Они вернулись в большой дом. Снизу из города до них уже доносились крики герольдов и рёв боевых рогов. Ибо герцог собирался выехать сразу, как вооружатся и соберутся все жители города и ближних селений.

За герцогским столом сидели Эомир и четыре гостя; здесь же была госпожа Эовин, которая прислуживала герцогу. Они быстро поели и попили. Теоден расспрашивал Гэндальфа про Сарумана, остальные молчали.

— Кто может угадать, давно ли он превратился в предателя? — говорил Гэндальф. — Он не всегда был порочен. Я не сомневаюсь, что некогда он был другом Ристании, и он находил вас полезными даже тогда, когда его сердце оледенело. Но он уже долго подстраивал ваше падение, нося маску дружелюбия, пока, наконец, не был готов. В те годы задача Злоречива была нетрудной, и всё, что ты делал, становилось быстро известно в Скальбурге, так как твои земли были открыты и путники свободно проходили и возвращались. А твои уши постоянно наполняло нащёптывание Злоречива, отравляющее твои думы, ледящее сердце и ослабляющее тело, тогда как остальным оставалось лишь бессильно наблюдать, ибо твоя воля была в его власти.

Но когда я бежал из тюрьмы и предупредил тебя, тогда для тех, кто хотел видеть, маска дружелюбия была сорвана. И тогда Злоречив повёл опасную игру, всё время пытаясь задержать тебя, помешать твоим силам собраться полностью. Он был ловок, притупляя осторожность людей или играя на их страхах, используя случайности. Разве ты не помнишь, как горячо он ратовал за то, что не нужно отправлять людей для сумасбродной погони на севере, тогда как непосредственная опасность грозит с запада? Он вынудил тебя запретить Эомиру преследовать вторгшихся орков. Если бы Эомир не распознал голос Злоречива, говорящий твоими устами, эти орки теперь уже достигли бы Скальбурга, принесли великий трофей. Конечно, не тот трофей, который так жаждет Саруман, но, по крайней мере, двух членов моего Отряда, знающих о той тайной надежде, о которой даже тебе, повелитель, я не могу пока говорить открыто. Осмелишься ли ты представить себе, на какие страдания их обрекли бы теперь или что Саруман мог бы уже узнать нам на погибель?

— Я в большом долгу перед Эомиром, — сказал Теоден. — Преданное сердце оправдывает дерзкий язык.

— Скажи также, — добавил Гэндальф, — что слепые глаза искажают истину.

— Действительно, мои глаза были почти слепы, — согласился Теоден. — Больше всего я в долгу перед тобой, мой гость. Ты снова появился вовремя. Прежде чем мы уйдём, мне хотелось бы вручить тебе дар, какой ты сам выберешь. Ты можешь взять всё, что принадлежит мне. Я оставляю себе только мой меч!

— Вовремя я появился или нет, мы ещё посмотрим, — отозвался Гэндальф. — А что до твоего дара, властелин, я выберу то, что мне необходимо: надёжность и скорость. Дай мне Тенегона! До этого ты лишь одолжил мне его взаймы, если это можно назвать займом. Но теперь я поскачу на нём навстречу великой опасности, послав серебристо-белого против чёрного. А я не могу рисковать ничем кроме того, что является моей собственностью. И вдобавок мы уже полюбили друг друга.

— Ты хорошо выбрал, — ответил Теоден. — И ныне я отдаю его тебе с радостью. Тем не менее, это великий дар. Нет никого, подобного Тенегону. В нём возродился один из могучих скакунов древности, и никогда не появится больше равного ему. А остальным моим гостям я подарю лучшее из того, что найдётся в моих арсеналах. В мечях вы не нуждаетесь, но там есть шлемы и кольчуги искусной работы, полученные моими предками из Гондора. Выберете из них

подходящие прежде, чем мы уйдём, и пусть они хорошо вам служат!

Тотчас пришли люди, несущие военные доспехи из герцогской кладовой, и облачили Арагорна и Леголаса в сияющие кольчуги. Они выбрали также шлемы и круглые щиты, лицевая сторона которых была вызолочена и украшена зелёными, красными и белыми драгоценными камнями. Гэндальф доспехи не одел, и Гимли не нуждался в звенящей рубахе, даже если бы и нашлась такая, что подошла бы к его фигуре, ибо в кладовых Эдораса не было кольчуги, сделанной лучше, чем его латы, скованные под Горой на севере. Но он выбрал каску из железа и кожи, которая хорошо прикрывала его круглую голову, а также маленький щит. На нём была изображена скачущая лошадь, белая на зелёном. Это была эмблема дома Эорла.

— Пусть он надёжно хранит тебя! — сказал Теоден. — Его сделали для меня во времена Тенгеля, когда я был мальчишкой.

Гимли поклонился.

— Я горжусь честью носить твой девиз, герцог Ристании, — произнёс он. — Однако лучше уж я буду носить лошадь, чем она меня. Я предпочитаю стоять на своих ногах. Но, может быть, я всё же попаду туда, где смогу стоять и сражаться.

— Вполне может статься, — ответил Теоден.

Герцог встал, и Эовин тотчас выступила вперёд, подавая вино.

— Ферту Теоден хал! — промолвила она. — Прими эту чашу и выпей в счастливый час. За твоё здоровье, за уход и возвращение!

Теоден отпил из чаши, и затем она предложила её гостям. Когда Эовин встала перед Арагорном, она внезапно запнулась и посмотрела на него сияющими глазами. А он опустил глаза на её красивое лицо и улыбнулся. Но, когда он брал чашу, его рука коснулась её руки, и он почувствовал, что она вздрогнула от прикосновения.

— Привет тебе, Арагорн, сын Арахорна, — сказала она.

— Привет тебе, госпожа Ристании! — ответил он, но лицо его теперь было взволнованным, и он не улыбался.

Когда все выпили, герцог пошёл через зал по направлению к дверям. Там его ожидали стражники и стояли герольды, и собрались вместе всё дворянство и знать, которые оставались в Эдорасе или жили поблизости.

— Знайте! — сказал Теоден. — Я отправляюсь в поход, и, кажется, это будет моя последняя скачка. У меня нет детей. Мой сын Теодред убит. Я нарекаю своим наследником Эомира, моего племянника. Если никто из нас не вернётся, тогда выберите нового властелина, кого захотите. Но одному из вас я сейчас поручу моих подданных, которых я покидаю, чтобы он правил ими вместо меня. Кто из вас хочет остаться?

Ни один человек не отозвался.

— Разве здесь нет никого, чьё имя вы хотите назвать? В ком мои подданные найдут опору?

— В доме Эорла, — ответил Хама.

— Но я не могу отпустить Эомира, да и он сам не останется, — возразил герцог. — А он последний из этого рода.

— Я не сказал Эомир, — ответил Хама. — И он не последний. Здесь есть Эовин, дочь Эомунда, его сестра. Она бесстрашна и великодушна. Все любят её. Оставь её править эорлингами, когда мы уйдём.

— Да будет так, — сказал Теоден. — Пусть герольды известят народ, что госпожа Эовин поведёт их!

Герцог опустился на сидение перед дверями, Эовин встала на колени перед ним и приняла от него меч и прекрасные латы.

— Прощай, племянница! — сказал он. — Мрачен этот час, но, может быть, мы вернёмся в Золотой Замок. Однако в Сироколье люди смогут долго обороняться, и если битва пойдёт плохо, туда придут все уцелевшие.

— Не говори так! — ответила она. — Каждый день будет казаться мне годом, пока вы не вернётесь.

Но, пока она произносила эти слова, глаза её были обращены на Арагорна, который стоял рядом.

— Герцог вернётся, — сказал тот. — Не бойся! Не запад, но восток грозит нам гибелью.

Затем герцог спустился по лестнице, рядом с ним Гэндальф. Остальные следовали за ними. Когда они двинулись к воротам, Арагорн оглянулся. Эовин одиноко стояла перед дверьми дома на вершине лестницы, положив обе руки на рукоять поставленного перед собой меча. Теперь она была одета в кольчугу, сверкавшую на солнце, как серебро.

Гимли с топором на плече шагал рядом с Леголасом.

— Прекрасно, наконец-то мы выступили! — сказал он. — Людям нужно немало слов, чтобы начать дело. Моему топору беспокойно в руках. Впрочем, я не сомневаюсь, что ристанийцы — отличные бойцы, когда доходит до битвы. Только их способ ведения войны мне мало подходит. Как я попаду на битву? Я бы предпочёл идти, а не болтаться, как мешок, за спиной Гэндальфа.

— Я полагаю, что это более надёжное сидение, чем многие другие, — заметил Леголас. — Однако, когда посыпятся удары, Гэндальф, без сомнения, с радостью спустит тебя на землю. Или это сделает сам Тенегон. Топор — не оружие для всадника.

— А гномы — не наездники. Я собираюсь рубить шеи оркам, а не брить головы людям, — сказал Гимли, похлопывая по рукояти своего топора.

У ворот их встретило большое войско людей, старых и молодых, все уже в сёдлах. Их число превышало тысячу, а копыта были подобны колеблющемуся лесу. Громко и радостно закричали люди, когда Теоден выступил вперёд. Одни держали наготове Снегогрива, лошадь герцога, другие — лошадей Арагорна и Леголаса. Гимли стоял, переминаясь с ноги на ногу и хмуря брови, но к нему подошёл Эомир, ведя свою лошадь.

— Привет тебе, Гимли, сын Глоина! — воскликнул он. — У меня нет времени учиться учтивым речам под твоей розгой, как ты обещал. Но, может быть, мы оставим нашу ссору? В конце концов, я больше никогда не скажу ничего дурного о Владычице Леса.

— Я забуду на время свой гнев, Эомир, сын Эомунда, — ответил Гимли. — Но если тебе доведётся увидеть Владычицу Галадриэль собственными глазами, тогда ты должен будешь признать её прекраснейшей из дам, или наша дружба кончится.

— Да будет так! — сказал Эомир. — Но до тех пор прости меня и в знак прощения, прошу, согласишься скакать вместе со мной. Гэндальф возглавит войско вместе с герцогом, но Огненог, мой конь, понесёт нас двоих, если ты пожелаешь.

— Буду крайне признателен, — сказал Гимли, весьма довольный предложением. — Я с радостью сяду с тобой, если мой товарищ Леголас сможет скакать рядом с нами.

— Так и будет, — заверил Эомир. — Леголас слева от меня, Арагорн — справа, и никто не осмелится встать перед нами!

— Где Тенегон? — спросил Гэндальф.

— Свободно скачет в травах, — ответили ему. — Он никому не позволил поймать себя. Вон он, у брода, словно тень между ивами.

Гэндальф свистнул и громко позвал коня, который тут же вскинул голову, заржал и быстро помчался к войску, подобно стреле.

— Если бы можно было увидеть дыхание западного ветра, оно приняло бы образ этого коня, — проговорил Эомир, глядя, как подбегает гигантский конь, чтобы остановиться перед магом.

— Дар, кажется, был уже вручён, — сказал Теоден, — но слушайте все! Здесь, сегодня, я называю моего гостя, Гэндальфа Серый Плащ, мудрейшим из советников, самым желанным из странников, владыкой Герцогства и предводителем эорлингов до тех пор, пока длится наш род, и я дарю ему Тенегона, принца всех коней.

— Благодарю тебя, герцог Теоден, — ответил Гэндальф. Затем он неожиданно отбросил прочь свой серый плащ, швырнул в сторону шляпу и вскочил на спину коня. На нём не было ни шлема, ни кольчуги. Его снежно-белые волосы свободно развевались на ветру, а белые одежды ослепительно сверкали на солнце.

— Да здравствует Белый Всадник! — воскликнул Арагорн, и все подхватили его слова:

— Наш герцог и Белый Всадник! — закричали они. — Вперёд, эорлинги!

Звучали трубы. Лошади становились на дыбы и ржали. Копья бряцали о щиты. Затем герцог поднял руку, и с грохотом, подобным внезапному порыву урагана, последнее войско Ристании грозно поскакало на запад.

Долго провожала взглядом Эовин блеск их копий на равнине, стоя неподвижно одна перед дверями безмолвного дома.

Глава VII

Теснина Хельма

Когда они ускакали из Эдораса, солнце уже клонилось к западу и светило им в глаза, золотя обширные степи Ристании. Торный тракт вёл на северо-запад вдоль подножия Белых гор, и они скакали по нему вверх и вниз по зелёным буграм, пересекая вброд небольшие быстрые речки. Далеко впереди и справа маячили Мглистые горы, поднимаясь всё темнее и выше с каждой пройденной милей. Перед ними медленно садилось солнце. Сзади нагонял вечер.

Войско скакало. Необходимость подстёгивала их. Боясь прийти слишком поздно, они мчались со всей возможной скоростью, задерживаясь лишь изредка. Резвы и выносливы были скакуны Ристании, но много лиг лежало перед ними: более сорока лиг птичьего полёта отделяли Эдорас от Бродов Скальтока, где они надеялись найти воинов герцога, удерживавших войска Сарумана.

Ночь сомкнулась над ними. Наконец они остановились, чтобы разбить лагерь. Они проскакали около пяти часов и далеко углубились в западную равнину, но более половины пути всё ещё лежало перед ними. Большим кругом под звёздным небом и растущей луной устроили они бивак. На всякий случай костров не разводили и выставили кольцо верховых стражей, а разведчики поскакали далеко вперёд, мелькая, как тени, в оврагах и балках. Долгая ночь прошла без тревоги и новостей. На рассвете затрубили рога и, спустя час, они продолжили путь.

Облаков над головой не было, но в воздухе чувствовалась тяжесть, для этого времени года было жарко. Солнце вставало в дымке, и позади них, медленно поднимаясь в небо, наступала мгла, словно сильная буря надвигалась с востока. А вдалеке на северо-западе, у подножья Мглистых гор, казалось, нависала другая мгла, тень которой медленно сползала из Чародейской Долины.

Гэндальф подскакал к Леголасу, ехавшему рядом с Эомиром.

— У тебя острые глаза твоего благородного племени, Леголас, — сказал он. — И они способны отличить воробья от зяблика на расстоянии мили. Скажи, можешь ли ты увидеть что-

нибудь вон там, в направлении Скальбурга?

— Много миль лежит между нами, — ответил Леголас, вглядываясь в указанном направлении и притеняя глаза своей узкой длинной рукой. — Я вижу мглу, в которой движутся фигуры. Громадные фигуры у далёкого берега реки. Но кто они такие, я не могу сказать. То, что мешает мне разглядеть их, не туман и не облако: это некая тенистая завеса, специально наведённая какой-то силой, и она медленно спускается по течению. Словно сумерки под бесконечным лесом потекли вниз с холмов.

— А сзади на нас надвигается настоящая буря из Мордора, — сказал Гэндальф. — Будёт чёрная ночь.

Когда начался второй день их скачки, духота усилилась. Вечером над ними начали скапливаться догнавшие их чёрные тучи; мрачную пелену с клубящимися краями испещряли блистающие вспышки. Солнце село, кроваво-красное в мгlistой дымке. Наконечники копий всадников вспыхнули огнём, когда последние лучи света подожгли бок Трихирна; войско уже очень близко подошло к последнему северному отрогу Белых гор с его тремя зазубренными вершинами, щетинившимися на фоне заката. В последних вспышках красного света люди из авангарда заметили чёрное пятнышко: всадник, скачущий им навстречу. Они остановились, дожидаясь его.

Он подъехал — усталый человек в погнутом шлеме и с расколотым щитом, медленно спешил и некоторое время стоял, тяжело дыша. Наконец он заговорил:

— Эомир здесь? — спросил он. — Вы пришли наконец, но слишком поздно и со слишком малыми силами. Дела шли всё хуже с тех пор, как пал Теодред. Вчера нас отбросили назад за Скальток с большими потерями, многие погибли при переправе. А ночью свежие силы перешли через реку и напали на наш лагерь. Весь Скальбург, должно быть, опустел, а Саруман вдобавок вооружил диких горцев и пастухов с Сирых равнин за рекой, и эти тоже напали на нас. Нас задавили численностью. Стена щитов была прорвана. Эркенбранд из Западных Лощин увёл всех, кого смог собрать, к своей крепости в Теснину Хельма. Остальных рассеяли.

Где Эомир? Скажите ему, что впереди нет надежды. Он должен вернуться в Эдорас прежде, чем туда придут волки из Скальбурга.

Теоден сидел молча, скрытый от взгляда воина спинами своих телохранителей. Теперь он послал лошадь вперёд.

— Подойди, встань передо мной, Кеорл, — сказал он. — Я сам здесь. Последнее войско эорлингов скачет вперёд. Я не вернусь без битвы.

Лицо всадника озарилось радостью и удивлением. Он выпрямился, затем преклонил колено, протягивая свой изрубленный меч герцогу.

— Приказывай, повелитель! — воскликнул он. — И прости меня! Я думал...

— Ты думал, что я остался в Медусельде, согбенный, как старое дерево под зимним снегом. Ведь было так, когда ты уходил на войну. Но западный ветер отряхнул сучья, — сказал Теоден. — Дать этому человеку свежего коня! Веди нас на помощь к Эркенбранду!

Пока Теоден говорил, Гэндальф проскакал немного вперёд и сидел там один, пристально вглядываясь то в северном направлении, к Скальбургу, то в западном, к заходящему солнцу. Теперь он вернулся.

— Скачи, Теоден! — сказал он. — Скачи к Теснине Хельма! Не иди к Бродам Скальтока и не мешкай на равнине! Я должен оставить тебя ненадолго. Тенегон понесёт меня сейчас на дело, не терпящее отлагательств.

Повернувшись к Арагорну, Эомиру и воинам герцогского дома, он крикнул:

— Берегите хорошенько герцога Ристании, пока я не вернусь. Дожидайтесь меня у Ворот Хельма! Добрый путь!

Он дал команду Тенегону, и гигантский конь, словно стрела из лука, рванулся вперёд и исчез в мгновение ока: серебряная вспышка в закатных лучах, ветер над травой, летящая тень, ускользающая от взгляда. Снегогрив захрапел и попятился, стремясь скакать вслед, но лишь быстrokрылая птица при попутном ветре могла бы догнать его.

— Что это значит? — спросил один из телохранителей у Хама.

— Что Гэндальф Серый Плащ спешит, — ответил Хама. — Он всегда уходит и приходит неожиданно.

— Злоречив, будь он здесь, не затруднился бы найти объяснение, — сказал другой.

— Весьма вероятно, — отозвался Хама. — Но что до меня, я подожду до тех пор, пока не увижу Гэндальфа снова.

— Может быть, тебе придётся долго ждать, — сказал второй.

Войско теперь свернуло с тракта, ведущего к Бродам Скальтока, и направилось к югу. Ночь упала, а они всё скакали. Холмы придвинулись ближе, но высокие пики Трихирна уже потускнели на фоне темнеющего неба. Всё ещё в нескольких милях впереди, на дальней стороне дола под названием Западные Лощины, виднелась глубокая узкая долина, большое ущелье, из которого в сердце гор вёл узкий горловидный проход. Люди этого края называли его Тесниной Хельма в честь героя древней войны, который скрывался в нём. Всё круче и уже становилась теснина по мере продвижения с севера под тень Трихирна, пока не вырастали по её сторонам часто посещаемые воронами утёсы, похожие на могучие крепости, закрывающие свет.

У Ворот Хельма, перед устьем Теснины, от северного утёса отходил скалистый отрог. На этом отроге были возведены древние каменные стены, а за ними — высокая башня. Люди говорили, что в далёкие дни славы Гондора морские короли построили эту твердыню руками великанов. Горнбург называли её за то, что звуки труб из крепости, отражаясь в Теснине, доносились назад, словно давно забытые армии струились на войну из пещер под хребтами. И ещё одна стена была протянута от Горнбурга до южного утёса, чтобы запереть вход в ущелье. Из-под неё по широкой штольне вытекала Теснинная река, описывала излучину у подножья Горнбургской скалы и сбегала по глубоко врытому руслу по центру широкого зелёного клина, полого спускавшегося от Ворот Хельма к Валю Хельма. Далее она вырывалась в узкую Теснинную долину и выбегала на просторы Западных Лощин. Здесь, в Горнбурге у Ворот Хельма, жил ныне Эркенбранд, господин Западных Лощин на границе Герцогства. Когда настали смутные дни, грозящие войной, он, будучи мудрым, восстановил стену и усилил укрепления.

Всадники были ещё в нижней долине перед устьем Теснинного ущелья, когда разведчики, высланные вперёд, слышали крики и рёв рогов. Из темноты со свистом посыпались стрелы. Один из разведчиков быстро возвратился и сообщил, что всадники на волках рыщут по всей долине и что войско орков и диких полеван поспешно движется с юга от Бродов Скальтока и, по-видимому, направляется к Теснине Хельма.

— Мы видели много наших людей, убитых при попытке прорваться сюда, — сказал разведчик. — И мы встретили рассеянные отряды, бродящие здесь и там без предводителя. Что произошло с Эркенбрандом, по-видимому, никто не знает. Похоже, что его настигнут прежде, чем он сможет добраться до Ворот Хельма, если только он уже не погиб.

— Видел ли кто-нибудь Гэндальфа? — спросил Теоден.

— Да, господин. Многие видели старика в белом на коне, носящегося туда и сюда по

равнинам, подобно ветру в траве. Кое-кто принял его за Сарумана. Говорят, что он ещё до темноты ускакал по направлению к Скальбургу. Некоторые говорят также, что ещё прежде видели Злоречива, направлявшегося к северу с отрядом орков.

— Плохо придётся Злоречиву, если Гэндальф его встретит, — сказал Теоден. — Тем не менее, сейчас мне недостаёт обоих моих советников, как старого, так и нового. Но при таких обстоятельствах у нас нет лучшего выбора, чем идти, как сказал Гэндальф, к Воротам Хельма вне зависимости от того, там Эркенбранд или нет. Известно ли, как велико войско, приближающееся с севера?

— Оно очень велико, — ответил разведчик. — Те, что бегут, считают каждого врага за двоих, однако я говорил с отважными воинами и не сомневаюсь, что главные силы врага во много раз больше, чем все, которые у нас есть здесь.

— Тогда поспешим, — сказал Эомир. — Промчимся сквозь врагов, которые уже пробрались между нами и укреплениями. В Теснине Хельма есть пещеры, в которых могут укрыться целые сотни, и тайные пути, ведущие на вершины хребтов.

— Не надейся на тайные пути, — отозвался герцог. — Саруман давно уже вызнал всё про эту местность. Однако здесь мы сможем обороняться довольно долго. Идёмте!

Арагорн и Леголас ехали теперь вместе с Эомиром в авангарде. Они скакали сквозь ночные сумерки всё медленнее, поскольку тьма углублялась, а дорога поднималась всё выше и выше к югу в тусклые складки у подножья гор. Врагов перед ними почти не было. Время от времени они натыкались на рыщущие банды орков, но те убегали прежде, чем всадники могли захватить или убить их.

— Боюсь, что весть о подходе герцогского войска, — сказал Эомир, — очень скоро станет известна предводителю врагов: либо самому Саруману, либо тому капитану, которого он послал.

Позади нарастал шум войны. Теперь до них доносились из темноты звуки хриплого пения. Они уже довольно далеко углубились в Теснинное ущелье, когда оглянулись и увидели факелы: бесчисленные огненные точки на чёрном поле под ними, рассыпанные по равнине словно красные цветы, или змеящиеся по нижним лощинам длинными мерцающими линиями. То тут, то там вспыхивали заревом пожары.

— Это большое войско, и оно гонится за нами попятам, — сказал Арагорн.

— Они несут огонь, — сказал Теоден, — и поджигают по дороге стога, постройки и деревья. Это была богатая долина со многими хуторами. Увы, мой народ!

— Если бы сейчас был день, и мы могли бы устремиться на них с гор, подобно урагану! — промолвил Арагорн. — Мне горько бежать от них.

— Нам осталось отступить немного, — отозвался Эомир. — Впереди, уже совсем рядом, насыпанный в древности Вал Хельма — траншея и насыпь, перекрывающая ущелье в двух фарлонгах от Ворот Хельма. Там мы сможем обернуться и дать бой.

— Нет, нас слишком мало для защиты Вала, — возразил Теоден. — Он длинной в милю или больше, и проход в нём широк.

— У прохода встанет наш арьергард, если нас будут теснить, — сказал Эомир.

Не было ни звёзд, ни луны, когда всадники приблизились к проходу в Валу, через который вытекала река, а рядом с руслом тянулась дорога к Горнбургу. Сам Вал возник перед ними совершенно неожиданно — высокая тень позади чёрной ямы. Когда они подскакали, их окликнул часовой.

— Герцог Ристании скачет к Воротам Хельма, — ответил Эомир. — Говорю я, Эомир, сын

Эомунда.

— Это неожиданная, но благая весть! — сказал часовой. — Торопитесь! Враг идёт за вами попятам.

Войско миновало проход и остановилось на травянистом склоне за Валом. Здесь они узнали, к их радости, что Эркенбранд оставил часть людей для защиты Ворот Хельма и что с тех пор многие подошли сюда.

— Возможно, наберётся тысяча, годных для пешей битвы, — сказал Гамлинг, старик, предводитель тех, кто охранял Вал. — Но большинство из них видело слишком много зим, как я, или слишком мало, как этот вот мой внук. Какие известия об Эркенбранде? Вчера прошёл слух о том, что он отступает сюда со всеми оставшимися от лучших всадников Западных Лощин. Но он не пришёл.

— Боюсь, что теперь он и не придёт, — сказал Эомир. — Наши разведчики ничего не узнали о нём, а враги заполнили всю долину за нами.

— Хотел бы я, чтобы он спасся, — промолвил Теоден. — Он был могучим воином. В нём ожила вновь доблесть Хельма Молоторукого. Но мы не можем дожидаться его здесь. Нам необходимо оттянуть теперь все наши силы за стены. У вас достаточно запасов? Мы привезли мало провизии, поскольку выехали для открытой битвы, а не для осады.

— За нами в пещерах Теснины треть населения Западных Лощин, старых да малых, детей и женщин, — сказал Гамлинг. — Но там большие запасы продовольствия, много животных и корма для них.

— Это хорошо, — заметил Эомир. — Они сожгли или разграбили всё, что оставалось в долине.

— Если они придут рассчитаться за наше добро к Воротам Хельма, им придётся дорого заплатить, — сказал Гамлинг.

Герцог и его всадники проехали. Перед мостками через поток они спешили, длинной вереницей перевели лошадей через скат и вошли в ворота Горнбурга. Здесь их приветствовали с радостью и обновлённой надеждой: теперь опять хватало людей для обороны и крепости, и перегораживающей Теснину стены.

Эомир быстро привёл войско в готовность. Герцог со своими телохранителями остался в Горнбурге вместе с большинством людей из Западных Лощин. Но основную часть сил, которыми располагал, Эомир послал на Теснинную Стену, её башню и пространство за нею, потому что удержание их представлялось сомнительным, если атака будет вестись упорно и большими силами. Лошади были уведены глубоко в Теснину под той охраной, какую можно было выделить.

Теснинная Стена была двадцати футов высотой и такой толстой, что по ней могли идти в ряд четыре человека, защищённые парапетом, поверх которого способен был глянуть только очень высокий воин. Повсюду были каменные бойницы, удобные для стрельбы. На Стену можно было попасть по лестнице, спускающейся от ворот внешнего двора Горнбурга; вели на неё и три пролёта ступеней из Теснины позади, но фасад Стены был гладким, и большие камни в нём были так тесно пригнаны друг к другу, что и щёлки нельзя было найти на их стыках, а верх Стены нависал над низом, как утёс, подрывтый морем.

Гимли стоял, прислонившись к зубцу. Леголас сидел на парапете, держа лук и вглядываясь во тьму.

— Здесь мне нравится больше, — сказал гном, топнув о камень. — Моё сердце всегда приободряется, когда мы приближаемся к горам. Здесь хороший утёс. У этой страны крепкие

кости. Я чувствовал их ногами, когда мы поднимались от вала. Дайте мне год и сотню из моего племени, и я превращу это ущелье в место, о которое будут разбиваться, как вода, целые армии.

— Не сомневаюсь, — сказал Леголас. — Но ты гном, а гномы — странный народ. Мне здесь не нравится и чувствую, что днём мне не понравится здесь ещё больше. Но ты поддерживаешь меня, Гимли, и я рад, что ты стоишь рядом на своих крепких ногах и с тяжёлым топором. Мне хотелось бы, чтобы рядом с нами было больше народу из твоего племени. Но ещё больше я бы дал за сотню хороших стрелков из Лихолесья. Они бы намгодились. У ристанийцев найдутся неплохие лучники, но их слишком мало здесь, слишком мало.

— Слишком темно для стрельбы, — возразил Гимли. — И вообще, самое время поспать. Спать! Мне хочется спать, как не хотелось ни одному гному ни до ни после меня. Езда верхом — утомительное занятие. Тем не менее, топор так и вертится у меня в руках. Дайте мне ряд орских шей и место для замаха, и вся усталость спадёт с меня!

Медленно тянулось время. Далеко внизу, в долине, всё ещё горели россыпью огни. Войско из Скальбурга теперь подступало в молчании. Можно было видеть, как выются вверх по ущелью многочисленные линии их факелов.

Внезапно у Вала послышались вопли, визги и неистовые боевые крики людей. Пылающие факелы появились над краем и тесно сгруппировались в проходе, а затем рассыпались и исчезли. С поля галопом прискакали люди и поднялись по мосткам к воротам Горнбурга. Арьергард воинов из Западных Лощин втянулся внутрь.

— Враг рядом! — сказали они. — Мы выпустили все стрелы, какие у нас были, и заполнили ров орками. Но мы не могли сдерживать их дольше. Они уже карабкались на вал во многих местах, густо, как наступающие муравьи. Но мы научили их не носить факелы.

Полночь осталась позади. Небо совершенно почернело, и тишина в тяжёлом воздухе предвещала бурю. Внезапно тучи распоролла сверкающая вспышка. Пылающая молния ударила в восточный хребет. На мгновение люди на стенах увидели всё пространство между ними и Валом, залитое белым светом: оно кипело и было сплошь покрыто чёрными фигурами — некоторые коренастые и широкие, некоторые высокие и суровые, в островерхих шлемах и с чёрными щитами. И ещё сотни и сотни просачивались через Вал и проход. Тёмный прилив поднялся до стен, протянувшихся от утёса к утёсу. В долине пророкотал гром. И хлынул дождь.

Стрелы густо, как дождь, свистели над зубцами и падали, звеня и взблёскивая, на камни. Некоторые нашли цель. Штурм Теснины Хельма начался, но со стены не послышалось ни шума, ни оклика, не слетело ни одной ответной стрелы.

Атакующее войско остановилось, поставленное в тупик безмолвной угрозой утёса и стены. Молнии снова и снова распарывали тьму. Затем орки завизжали, размахивая мечами и копьями, и выпустили тучу стрел в тех, кого могли разглядеть за зубцами. Воины Герцогства в изумлении смотрели на них, и им казалось, что они стоят над огромным полем с чёрными колосьями, колеблемыми бурей войны, и каждый колос мерцает остистым светом.

Загремели медные трубы. Враги кинулись вперёд: одни на Теснинную Стену, другие по мосткам и скагу, ведущему к воротам Горнбурга. Здесь собрались самые крупные орки и полеване с холмистых Сирых Равнин. Мгновение они колебались, а потом ринулись вперёд. Полыхнула молния, выставив напоказ каждый шлем и щит с мёртвенно-бледной Рукой Скальбурга. Враги достигли вершины утёса, стянулись к воротам.

И вот, наконец, раздался ответ: их встретил ураган стрел и град камней. Они заколебались, дрогнули, побежали назад, а затем атаковали снова, дрогнули и атаковали снова, и так всё время, подобно приливу, который достиг высшей точки. Снова зазвучали трубы, и натиск

рычащих воинов усилился. Они держали над собой свои большие щиты, как крышу, а в середине тащили два могучих ствола. Позади толпились стрелки-орки, осыпая градом стрел лучников на стенах. Они достигли ворот. Деревья, раскаченные сильными руками, ударились в створки с рокочущим грохотом. Если воин падал, сражённый летящим сверху камнем, выпрыгивали двое других, чтобы занять его место. Снова и снова громадные тараны раскачивались и крушили ворота.

Эомир и Арагорн стояли вместе на Теснинной Стене. Они услышали рык и глухой стук таранов и затем при внезапной вспышке света увидели опасность, грозящую воротам.

— Идём! — сказал Арагорн. — Настал час, когда мы обнажим клинки вместе!

Со скоростью огня пронеслись они вдоль Стены, вверх по ступенькам и попали во внешний двор на Скале. Пока они бежали, к ним присоединилось несколько отважных мечников. В западном углу крепостной стены, там, где она соединялась с утёсом, была небольшая калитка, от которой по узкой кромке между стеной и обрывом скалы тянулась к большим воротам тропа. Эомир и Арагорн выскочили из калитки, их люди — по пятам за ними. Два меча блеснули из ножен, как один.

— Гутвинё! — воскликнул Эомир. — Гутвинё за Герцогство!

— Андрил! — воскликнул Арагорн. — Андрил за дунедаинов!

Ударив сбоку, они атаковали полеван. Андрил вздымался и падал, полыхая белым огнём. Крик прокатился по стене и крепости:

— Андрил! Андрил вступил в бой! Клинок, Что Был Сломан, сияет вновь!

Обескураженные таранчики бросили деревья и приготовились к бою, но стена их щитов была пробита, как ударом молнии, и они были сметены, порублены или сброшены с утёса в поток, бегущий по камням. Орки бежали, беспорядочно отстреливаясь.

На мгновение Эомир и Арагорн задержались перед воротами. Гром грохотал теперь на расстоянии и молнии сверкали далеко над горами на юге. Снова подул резкий северный ветер. Тучи разорвались и были снесены, выглянули звёзды, и над утёсами, ограничивающими ущелье, взошла плывущая на запад луна, сияя жёлтым светом в уцелевших клочьях грозowych облаков.

— Мы пришли не слишком рано, — сказал Арагорн, разглядывая ворота.

Их большие петли и железные засовы были искорежены и погнуты, многие доски расколоты.

— Однако мы не можем стоять здесь вне стен и защищать их, — заметил Эомир. — Смотри! — Он указал на мостки. За рекой уже снова собралась громадная толпа орков и людей. Свистели стрелы и ударялись о камни вокруг них. — Идём! Мы должны вернуться и посмотреть, что можно сделать, чтобы забаррикадировать ворота изнутри камнями и брусьями. Идём же!

Они повернулись и побежали. В этот момент около дюжины орков, неподвижно лежавших между убитыми, вскочили на ноги и молча и стремительно набросились на них сзади. Двое метнулись на землю под ноги Эомиру, опрокинули его и моментально навалились сверху. Но маленькая тёмная фигурка, которую до сих пор никто не заметил, выпрыгнула из теней и хрипло выкрикнула:

— Барук Казад! Казад-ай-мену!

Взлетел и тяжело обрушился топор. Двое орков упали без голов. Остальные бежали.

Эомир с усилием поднялся как раз в тот момент, когда Арагорн подоспел к нему на помощь.

Калитка была снова закрыта, железные ворота укреплены и заложены изнутри камнями.

Когда все очутились внутри и в безопасности, Эомир повернулся.

— Благодарю тебя, Гимли, сын Глоина! — сказал он. — Я не знал, что ты был с нами на вылазке. Но неожиданный гость часто оказывается самым приятным. Как ты там очутился?

— Я последовал за тобой, чтобы немного взбодриться, — сказал Гимли, — но посмотрел на этих горцев, и они показались великоваты для меня, поэтому я просто присел у камня, чтобы полюбоваться на игру ваших мечей.

— Мне будет нелегко отблагодарить тебя, — произнёс Эомир.

— Тебе представится ещё не один шанс, прежде чем кончится эта ночь, — рассмеялся Гимли. — Но я доволен. Я ничего не рубил, кроме дерева, с тех пор, как покинул Морию.

— Два! — сказал Гимли, похлопывая по рукояти топора.

Он вернулся на стену на своё место.

— Два? — переспросил Леголас. — Я действовал успешнее, хотя теперь принуждён нащупывать валяющиеся стрелы. Мои все вышли. Тем не менее, я довёл счёт до двадцати. Но это всего лишь несколько листиков в лесу.

Небо теперь быстро прояснялось, а опускающаяся луна ярко сияла. Но свет принёс мало надежды всадникам Ристании. Враги перед ними, казалось, увеличивались в числе быстрее, чем убывали, и всё больше вливалось их на дно долины через проход. Вылазка на Скалу дала только короткую передышку. Атаки на ворота были удвоены. А на Теснинную Стену войска Скальбурга накатывались, подобно морю. Орки и горцы кишили у её подножья от конца к концу. Верёвки с абордажными крючьями перебрасывались через парапет быстрее, чем люди успевали перерубать их или сбрасывать назад. Сотни длинных лестниц были подняты. Многие из них были сброшены и разбиты, но ещё большее количество занимало их место, и орки взлетали по ним, как обезьяны из дремучих лесов юга. Мёртвые и раненые валялись у подножия стены кучей, словно галька в бурю. Всё выше поднимался ужасный холм, но враги только прибывали.

Воины Ристании всё больше уставали. Все их стрелы были израсходованы, все копья брошены, мечи изрублены, а щиты расколоты. Трижды Арагорн и Эомир собирали их, и трижды полыхал Андрил в безнадежных попытках отбросить врагов от стены.

Затем поднялся шум позади, в Теснине. Орки проползли, как крысы, по туннелю, в который вытекала река. Здесь они притаились в тени утёсов, пока атака снаружи не разгорелась в полную силу и почти все воины кинулись на верхушку стены. Тогда они выскочили. Некоторые уже прорвались в горло Теснины и затесались среди лошадей, сражаясь со стражниками.

Со стены прыгнул Гимли с яростным криком, который эхом отразился от скал:

— Казад! Казад!

В скорее у него оказалось достаточно работы.

— Ай-ой! — кричал он. — Орки за стеной! Ай-ой! Сюда, Леголас! Здесь хватит на двоих! Казад-ай-мену!

Гамлинг Старший взглянул вниз со стен Горнбурга, услышав громкий голос гнома, перекрывший весь шум.

— Орки в Теснине! — крикнул он. — Хельм! Хельм! Вперёд, хельмениды! — кричал он, сбегаая вниз по лестнице со Скалы, и много воинов из Западных Лощин последовало за ним.

Их натиск был яростным и внезапным, и орки дрогнули перед ним. Вскоре их загнали в самое горло ущелья, и там они были перебиты или бежали с визгами по узкому проходу, чтобы пасть перед стражами тайных пещер.

— Двадцать один! — воскликнул Гимли. Он нанёс удар обеими руками и свалил

последнего орка к своим ногам. — Теперь мой счёт снова больше, чем у мастера Леголаса!

— Мы должны заткнуть этот крысиный лаз, — сказал Гамлинг. — Гномы славятся своим искусством обращения с камнями. Помогите нам, маленький господин!

— Мы не обтёсываем камни ни боевыми топорами, ни ногтями, — сказал Гимли. — Но я помогу, как смогу.

Они собрали небольшие валуны и обломки, которые валялись под рукой, и под руководством Гимли люди Западных Лощин перекрыли внутренний конец туннеля, оставив только узкое отверстие. Теснинная река, вздувшаяся от дождя, билась и пенилась в этом отверстии, медленно разливаясь холодными лужами от утёса до утёса.

— Наверху будет посуше, — заметил Гимли. — Идём, Гамлинг, посмотрим, как дела на стене!

Он взобрался наверх и нашёл Леголаса рядом с Арагорном и Эомиром. Эльф обтирал свой длинный кинжал. В атаке был временный перерыв с тех пор, как попытка прорваться через туннель сорвалась.

— Двадцать один! — сказал Гимли.

— Хорошо! — отозвался Леголас. — Но на моём счету теперь две дюжины. Здесь была работа для кинжала.

Эомир и Арагорн устало опирались на свои мечи. Слева на Скале снова раздался грохот и крики битвы. Но Горнбург всё ещё держался крепко, подобно острову в море. Его ворота лежали в руинах, но через баррикаду из брёвен и камней до сих пор не удалось прорваться ни одному врагу.

Арагорн посмотрел на бледные звёзды и луну, уже заходящую за западные хребты, которые окаймляли долину.

— Эта ночь тянется, как многие годы, — сказал он. — Долго ли ещё будет медлить день?

— Рассвет уже близок, — отозвался Гамлинг, который тоже поднялся на стену и стоял рядом с ним. — Но боюсь, что рассвет нам не поможет.

— Однако рассвет всегда приносит надежду людям, — сказал Арагорн.

— Но эти порождения Скальбурга, эти полу-орки и гоблино-люди, выведенные всей хитростью Сарумана, не испугаются солнца, — возразил Гамлинг. — А тем более полеване с холмов. Вы разве не слышите их голосов?

— Я слышу их, — сказал Эомир. — Но для моих ушей это лишь пронзительный птичий крик и звериный вой.

— Тем не менее, многие здесь кричат на языке Сирых Равнин, — ответил Гамлинг. — Я знаю этот язык. Это древнее наречие людей, которое некогда звучало во многих западных долинах Герцогства. Слышите?! Они видят нас и рады, поскольку не сомневаются в нашей гибели. "Король! Король!" — кричат они, ибо так называют нашего герцога. — "Мы захватили их короля! Смерть захватчикам! Смерть соломоголовым! Смерть разбойникам и севера!" И за полтысячелетия не забыли они той обиды, что владыки Гондора отдали Герцогство Эорлу Младшему и заключили с ним союз. Саруман подогрел эту старую ненависть. Их племя беспощадно, когда поднимется. Теперь они не отступят ни в сумерках, ни с рассветом, пока Теоден не будет захвачен или их самих не убьют.

— И всё же день даст мне надежду, — заметил Арагорн. — Разве не сказано, что ни один враг не возьмёт Горнбурга, пока его защищают люди?

— Так говорят менестрели, — промолвил Эомир.

— Так будем защищать его и надеяться! — сказал Арагорн.

Стоило ему это произнести, как взревели трубы, а затем раздался грохот, вспышка пламени и дым. Воды Теснинной реки вырвались наружу, шипя и пенясь: их больше ничто не сдерживало, а в стене было пробито зияющее отверстие. В него полилось войско тёмных фигур.

— Колдовство Сарумана! — воскликнул Арагорн. — Они снова проползли по трубе, пока мы беседовали, и зажгли огонь Ортханка под нами. Элендил, Элендил! — крикнул он, спрыгнув вниз, в пролом, но в этот момент сотни лестниц были прислонены между зубцами. Над стеной и под стеной прокатилась последняя атака, стремительная, как чёрный вал над песчаным холмом. Защитники были сметены. Одни всадники отходили назад, всё глубже и глубже в Теснину, погибая и сражаясь, с боем шаг за шагом прокладывая себе путь к пещерам. Другие пробивались к крепости.

Широкая лестница вела из Теснины на Скалу к задним воротам Горнбурга. У её подножья стоял Арагорн. В его руке неподвижно сверкал Андрил, и ужас перед мечом на время остановил врагов, пока по ступенькам один за другим к воротам поднимались все, кто смог добраться до лестницы. Позади, на верхней ступени стоял на колене Леголас. Его лук был согнут, но лишь одна подобранная стрела — вот всё, что у него осталось, и теперь он внимательно вглядывался, готовясь застрелить первого орка, который осмелится приблизиться к лестнице.

— Все, кто мог, уже вошли невредимыми внутрь, Арагорн, — окликнул он. — Вернись!

Арагорн повернулся и заторопился вверх по лестнице, но споткнулся на бегу от усталости. И сразу же враги ринулись вперёд. Воюющие орки кинулись вверх, вытянув длинные лапы, чтобы схватить его. Передний упал с последней стрелой Леголаса в горле, однако остальные бросились на Арагорна. Но тут громадный валун, сброшенный со стены, загрохотал вниз по лестнице и смёл их назад, в Теснину. Арагорн достиг ворот, и они быстро захлопнулись за ним.

— Плохи дела, друзья мои, — сказал он, вытирая рукой пот со лба.

— Плоховаты, — отозвался Леголас, — но, тем не менее, не безнадёжны, пока ты с нами. Где Гимли?

— Не знаю, — ответил Арагорн. — В последний раз я видел его сражающимся на земле за стеной, но враги разъединили нас.

— Увы! Это дурная весть! — проговорил Леголас.

— Он стоек и силён, — сказал Арагорн. — Будем надеяться, что ему удастся прорваться к пещерам. Там на время он будет в безопасности. В большей безопасности, чем мы. Такое убежище придётся по вкусу гному.

— Надеюсь на это, — сказал Леголас. — Но мне хотелось бы, чтобы он пробился сюда. Я жажду сообщить мастеру Гимли, что теперь мой счёт тридцать девять.

— Если он пробился к пещерам, он снова догонит тебя, — рассмеялся Арагорн. — Никогда не видел, чтобы так владели топором!

— Я должен пойти поискать стрелы, — сказал Леголас. — Хорошо бы эта ночь поскорее кончилась, чтобы у меня было лучшее освещение для стрельбы.

Теперь Арагорн вошёл в крепость. Здесь к своему ужасу он узнал, что Эомир не достиг Горнбурга.

— Нет, он не поднимался на утёс, — сказал один из людей с Западных Лощин. — В последний раз я видел его, собиравшего вокруг себя людей и бьющегося в устье Теснины. С ним были Гамлинг и гном, но я не смог пробиться к ним.

Арагорн прошёл через внутренний двор и поднялся в верхнюю палату башни. Там стоял герцог, прижавшись к узкому окну и глядя на долину.

— Что нового, Арагорн? — спросил он.

— Теснинная Стена взята, господин, и все защитники сметены, но многие отступили к

Скале.

— Эомир здесь?

— Нет, господин. Но многие из твоих людей отступили в Теснину, и говорят, что Эомир был среди них. В узком горле они смогут отбросить врагов и войти в пещеры. На что они там могут надеяться, я не знаю.

— Не большее, чем мы. Хорошие запасы продовольствия, как было сказано. И воздух там здоровый, потому что он поступает сверху сквозь расщелины в скалах. Они смогут там долго продержаться.

— Но орки принесли с собой чёрное колдовство из Ортханка, — сказал Арагорн. — У них есть взрывающийся огонь, с помощью которого они захватили Стену. Если им не удастся войти в пещеры, они смогут замуровать тех, кто внутри. Но сейчас мы должны думать о нашей собственной защите.

— Меня терзает это заточение, — проговорил Теоден. — Если бы я мог вонзить копье напоследок, скача впереди моих людей по полю, быть может, я вновь ощутил бы радость битвы, и так кончил. Но здесь от меня мало пользы.

— Однако здесь вас защищает сильнейшее укрепление Герцогства, — сказал Арагорн. — Больше надежды отстоять вас в Горнбурге, чем в Эдорасе или даже в Сироколье в горах.

— Сказано, что Горнбург никогда не будет взят приступом, — промолвил Теоден. — Но теперь моё сердце полно сомнений. Мир меняется, и всё, что когда-то было сильным, теперь оказывается ненадёжным. Как может любая крепость противостоять такому воинству и такой безоглядной ненависти? Если бы я знал, что силы Скальбурга настолько выросли, быть может, я не поскакал бы столь опрометчиво им навстречу, несмотря на всё искусство Гэндальфа. Сейчас его совет кажется не таким хорошим, как под утренним солнцем.

— Не суди о совете Гэндальфа, пока всё не кончится, господин, — сказал Арагорн.

— Конец не замедлит, — ответил герцог. — Но я не хочу кончить здесь, словно старый барсук в западне. Снегогрив, Счастьедар и лошади моей охраны во внутреннем дворе. Когда настанет рассвет, я велю людям протрубить в рог Хельма и поскачу вперёд. Поедешь ли ты со мной тогда, сын Арахорна? Быть может, мы расчистим путь или кончим так, что будем достойны песни — если останется кто-нибудь, чтобы спеть о нас.

— Я поскачу с тобой, — сказал Арагорн.

Простившись с герцогом, он вернулся на стены и прошёл вокруг всего их кольца, ободряя людей и оказывая помощь там, где атака была жарче. Леголас шёл с ним. Снизу поднимались взрывы огня, сотрясая камни. Были заброшены абордажные крюки и приставлены лестницы. Снова и снова орки поднимались на внешнюю стену, и снова защитники сбрасывали их вниз.

Наконец Арагорн остановился над главными воротами, не обращая внимания на вражеские стрелы. Когда он взглянул вперёд, он увидел, что небо на востоке побледнело. Тогда он поднял пустую руку ладонью наружу в жесте переговоров.

Орки завyli и принялись зубоскалить.

— Давай вниз! Слазь! — кричали они. — Слезай, если хочешь говорить с нами! Тащи сюда своего герцога! Мы боевые урхи. Если он не придёт, мы выкурим его из норы. Тащи сюда этого запрятавшегося труса!

— Герцог остаётся или выходит по своей собственной воле, — сказал Арагорн.

— Тогда чего ты там делаешь? — заорали в ответ они. — Чего смотришь? Или ты хочешь увидеть силу нашей армии? Мы боевые урхи!

— Я смотрю на рассвет, — сказал Арагорн.

— Что тебе в рассвете? — загоготали они. — Мы урхи! Мы не оставляем битвы ни ночью,

ни днём, ни в хорошую погоду, ни в бурю. Мы пришли убивать под луной или под солнцем. Что тебе в рассвете?

— Никто не знает, что сулит ему новый день, — сказал Арагорн. — Уходите, пока он не повернул к вашему худу.

— Спускайся, или мы собьём тебя со стены! — кричали они. — Это не переговоры! Тебе нечего сказать!

— Мне осталось сказать только одно, — ответил Арагорн. — Ни один враг ещё не брал Горнбурга. Уходите, или никто из вас не получит пощады. Никого не останется в живых, чтобы отнести вести на север. Вы не знаете, что вам грозит.

Таким могущественным и царственным выглядел Арагорн, стоявший один над разрушенными воротами над войском врагов, что многие из полеван замолкли и оглянулись через плечо в долину, а некоторые в сомнении посмотрели в небо. Но орки громко загоготали, и над стеной просвистел град дротиков и стрел, когда Арагорн спрыгнул вниз.

Раздался грохот и вспышка огня. Арка над воротами, на которой он только что стоял, рассыпалась на куски и обрушилась в дыму и пыли. Баррикаду разметало, словно ударом молнии. Арагорн побежал к герцогской крепости.

Но лишь только ворота пали и орки посыпались сквозь них, готовясь к атаке, позади них поднялся ропот, подобный дальнему ветру, который затем слился в гул многочисленных голосов, выкрикивающих странную весть, пришедшую с рассветом. Орки на Скале, услышав гомон ужаса, дрогнули и оглянулись. И в этот момент неожиданно и устрашающе с вершины крепости зазвенел призыв большого рога Хельма.

Все, чьих ушей коснулся этот звук, задрожали. Многие орки бросились ничком, зажимая уши когтистыми лапами. Звук за звуком из теснины накатывалось эхо, словно бы на каждой скале и на каждом холме стояли могучие герольды. Но люди на стенах подняли, глаза, вслушиваясь с удивлением, ибо эхо не умирало. Каждый звук рога отражался от холмов и отвечал другому всё ближе и громче, гремя неистово и свободно.

— Хельм! Хельм! — кричали всадники. — Хельм воскрес и снова идёт в бой. Хельм за герцога Теодена!

И под этот крик вышел герцог. Его конь был белым, как снег, щит золотым, а копьё длинным. По правую руку от него ехал Арагорн, наследник Элендила, за ними скакали дворяне из дома Эорла Младшего. По небу разлился свет. Ночь умерла.

— Вперёд, зорлинги!

Они атаковали, с кличем и громом устремившись в ворота, затем пронеслись по мосткам и пролетели сквозь войско Скальбурга как ветер по траве. Позади них в Теснине раздались суровые кличи людей, которые потоком лились из пещер, гоня перед собой врагов. Ринулись вперёд все воины, оставшиеся на Скале. А трубный звук ревущего рога так и гремел эхом в горах.

Герцог и его спутники скакали вперёд. Капитаны и могучие бойцы гибли или бежали перед ними. Ни орк, ни человек не оказывал им сопротивления. Они стояли лицом к долине, повернувшись спиной к мечам и копьям всадников, и кричали и выли от страха перед великим чудом, обрушившимся на них с восходом.

Так герцог Теоден выехал из Ворот Хельма и расчистил себе путь к большому Валу. Здесь отряд встал, как вкопанный. Свет всё сильнее разливался над ними; солнечные лучи горели над восточными холмами и сияли на наконечниках копей, но всадники молча сидели на лошадях и смотрели вниз на лощину.

Местность изменилась. Там, где прежде лежал зелёный дол, чьи травянистые склоны охватывали предгорные холмы, теперь высился лес. Громадные деревья, голые и безмолвные, стояли за рядом ряд со сплетёнными ветвями и вершинами, словно покрытыми инеем. Их изогнутые корни прятались в высокой зелёной траве, и мгла была под ними. Между Валом и краем этого безымянного леса оставалось всего около двух фарлонгов открытого пространства, на которых толпилось теперь войско Сарумана в ужасе перед герцогом и в ужасе перед деревьями. Враги бежали от Ворот Хельма к Валу, и вскоре за Валом никого из них не осталось, но ниже они сгрудились, как пчелиный рой. Напрасно они ползли и карабкались по стенам ущелья, ища спасения: с востока склоны были слишком отвесны и скалисты, а с запада приближалась их конечная погибель.

Над гребнем внезапно показался всадник, одетый в белое, сияющий в восходящем солнце. В холмах запели рога, и за всадником вниз по пологому склону поспешно спустилась тысяча пеших воинов с мечами в руках. Среди них шагал высокий и могучий боец с красным щитом. Достигнув края долины, он прижал к губам громадный чёрный рог и протрубил громовой сигнал.

— Эркенбранд! — закричали всадники. — Эркенбранд!

— Да здравствует Белый Всадник! — воскликнул Арагорн. — Гэндальф вернулся снова!

— Митрандир! Митрандир! — крикнул Леголас и добавил: — Вот это действительно волшебство! Скорей! Я должен взглянуть на этот лес прежде, чем чары исчезнут.

Войско из Скальбурга орало, кидаясь то туда, то сюда, из страха в страх. В крепости снова пропел рог. Вниз через проход в Валу устремился отряд герцога. Вниз с холмов ринулся Эркенбранд, господин Западных Лощин. Вниз прыгнул Тенегон, подобно оленю, который свободно скачет по горам. Ужас перед Белым Всадником заставил врагов обезуметь. Полеване падали перед ним ниц, орки крутились и визжали, отбрасывая мечи и копья. Они побежали, подобно чёрному дыму, гонимому горным ветром, и, воя, бросились под выжидательно затаившуюся тень деревьев. И из этой тени ни один не вернулся.

Глава VIII

Путь на Скальбург

Вот так в свете ясного утра герцог Теоден и Гэндальф Белый Всадник снова встретились на зелёной траве у Тесниной реки. Здесь были также Арагорн, сын Арахорна, и Леголас, эльф, и Эркенбранд из Западных Лощин, и дворяне Золотого Дома. Вокруг них собрались ристанийцы, всадники Герцогства, но их удивление было сильнее радости победы, и они не сводили глаз с леса.

Внезапно послышался громкий крик, и вниз от Вала спустились те, кого оттеснили к пещерам. Там шёл Гамлинг Старший, и Эомир, сын Эомунда, и рядом с ним шагал Гимли, гном. Он был без шлема, а вокруг его лба была повязка, запятнанная кровью, но голос его был громок и звонок.

— Сорок два, мастер Леголас! — крикнул он. — Увы! Мой топор зазубрен: у сорок второго был железный ошейник на шее. А как у тебя?

— Ты превысил мой счёт на одного, — ответил Леголас, — но я не в обиде на проигрыш, настолько рад видеть тебя на ногах!

— Здравствуй, Эомир, племянник! — сказал Теоден. — Теперь, когда я увидел тебя невредимым, я действительно рад.

— Привет тебе, властелин Герцогства! — ответил Эомир. — Тёмная ночь миновала, и день

наступил снова. Однако день принёс странные вещи!

Он повернулся и в удивлении уставился сначала на лес, а затем на Гэндальфа.

— Ты снова появился неожиданно в час нужды, — сказал он.

— Неожиданно? — переспросил Гэндальф. — Я же сказал, что вернусь и встречу с вами здесь.

— Но ты не назвал часа и не сообщил того, как ты придёшь. Ты привёл странную помощь. Ты силён в колдовстве, Гэндальф Белый!

— Может быть. Но коли так, то мне ещё не представилось случая показать это. Я только дал добрый совет в опасных обстоятельствах, да воспользовался резвостью Тенегона. Гораздо большим вы обязаны вашей собственной доблести, а также крепким ногам воинов Западных Лощин, которые шли всю ночь.

Теперь все уставились на Гэндальфа с ещё большим удивлением. Некоторые мрачно посматривали на лес, проводя рукой по лбу, как если бы думали, что глаза их видят не то, что глаза мага.

Гэндальф весело расхохотался.

— Деревья? — спросил он. — Нет, я вижу лес так же отчётливо, как и вы. Но это дело не моих рук. И не то, что могло бы свершиться по совету мудрого; всё сложилось лучше, чем я замышлял, и даже лучше, чем я смел надеяться.

— Но если это не твоё волшебство, то чьё же? — спросил Теоден. — Не Сарумана, это ясно. Значит, есть более могущественный мудрец, о котором мы узнаём лишь теперь?

— Это не волшебство, но гораздо более древняя сила, — ответил Гэндальф. — Сила, бродившая по земле прежде, чем запел эльф и стукнул молот:

Прежде, чем нашли железо или дерево срубили,
В дни, когда луна ласкала новорожденные горы,
Раньше, чем Кольцо сковали, чем настали злые годы,
Начался их путь неспешный сквозь леса по древним тропам.

— И что же служит ответом на твою загадку? — спросил Теоден.

— Если вы хотите узнать это, вы должны пойти со мной в Скальбург, — сказал Гэндальф.

— В Скальбург?! — закричали они.

— Да, — подтвердил Гэндальф. — Я должен вернуться в Скальбург, и те, кто хочет, могут пойти вместе со мной. Там мы можем увидеть странные вещи.

— Но во всём Герцогстве не наберётся достаточно людей, даже если бы они уже были все собраны и оправились от ран и усталости, чтобы штурмовать крепость Сарумана, — сказал Теоден.

— Тем не менее, я иду в Скальбург, — отозвался Гэндальф. — Надолго я там не задержусь. Мой путь теперь ведёт на восток. Ждите меня в Эдорасе прежде, чем луна пойдёт на убыль!

— Нет! — сказал Теоден. — В чёрный предрассветный час я сомневался, но сейчас мы не расстанемся. Я пойду с тобой, если таков твой совет.

— Я хочу как можно скорее поговорить с Саруманом, — сказал Гэндальф. — И, поскольку он причинил вам великий вред, то вам тоже следовало бы присутствовать при этом. Но когда вы сможете выехать и насколько быстро поскочите?

— Мои люди утомлены битвой, — ответил Теоден, — и я тоже устал. Раньше я мог скакать далеко и спать мало. Но увы! Мои годы не выдуманы и не навеяны лишь нащёптыванием Злоречива. Досадно, что здесь не принесут исцеления никакие лекарства, и даже сам Гэндальф.

— Тогда позволь всем, кто поедет со мной, сейчас отдохнуть, — сказал Гэндальф. — Мы тронемся в путь в вечерних тенях, и это к лучшему, поскольку я советую, чтобы с этого момента все ваши передвижения совершались как можно более незаметно. Но не бери с собой многих, Теоден. Мы идём вести переговоры, а не сражаться.

Герцог выбрал оставшихся невредимыми людей, которые имели резвых коней, и послал их с вестью о победе во все доли Герцогства; они несли также приказ всем мужчинам, молодым и старым, спешить в Эдорас, где на второй день после полной луны Властелин Ристании объявляет сбор всех годных для военной службы. Для поездки в Скальбург герцог взял с собой Эомира и двенадцать воинов из своего дома. С Гэндальфом захотели ехать Арагорн, Леголас и Гимли. Несмотря на свою рану, гном не пожелал остаться.

— Это был слабый удар, и каска отразила его, — сказал он. — Нужно побольше, чем такая орочья царапина, чтобы удержать меня здесь.

— Я займусь ей, пока ты будешь отдыхать, — пообещал Арагорн.

Герцог снова вернулся в Горнбург и уснул; такого спокойного сна он не знал уже многие годы. Все остальные, назначенные в отряд, тоже отдыхали. Прочие же, все, кто не был тяжело ранен, принялись за большую работу, потому что многие пали в битве и лежали мёртвыми на поле или в Теснине.

Ни одного орка не оставили в живых; тела их были бессчётны. Но большая часть горцев-полеван сдалась. Они были испуганы и молили о пощаде.

Воины Герцогства разоружили их и заставили работать.

— Помогите теперь исправить то зло, которое вы причинили, — сказал Эркенбранд. — Потом вы поклянётесь, что никогда больше не перейдёте Бродов Скальтока с оружием и никогда больше не будете поддерживать врагов людей, после чего можете свободно вернуться в свои земли, ибо вы были обмануты Саруманом и многие из вас получили смерть в награду за доверие ему. Но если бы вы победили, ваша участь была бы немногим лучше.

Люди с Сирых Равнин были изумлены, потому что Саруман говорил им, что ристанийцы безжалостны и сжигают своих пленников живьём.

В центре поля перед Горнбургом были насыпаны два кургана, под которыми похоронили всех всадников Герцогства, павших при обороне: в одном тех, что с Восточных Долин, в другом тех, что с Западных Лощин. В отдельной могиле в тени Горнбурга лежал Хама, капитан телохранителей герцога. Он пал перед Воротами.

Орки были свалены в большие кучи поотдаль от курганов людей близ края леса. Что делать дальше, люди не знали, так как эти кучи были слишком велики для того, чтобы засыпать их или сжечь. У них было мало дров для костра, и никто и думать не смел поднять топор на странные деревья, даже если бы Гэндальф и не предупредил их, что смертельно опасно трогать кору или ветви.

— Оставьте орков лежать, — сказал Гэндальф. — Утро вечера мудренее.

Вечером отряд Теодена приготовился к походу. Похороны только начались, и Теоден, оплакивая потерю Хамы, бросил первую горсть земли на могилу.

— Великий урон причинил Саруман мне и всей этой стране, — и я вспомню про это, когда мы встретимся.

Солнце уже склонялось к холмам на западе Ущелья, когда Теоден, Гэндальф и их спутники поскакали от Вала вниз. Позади них собралась большая толпа всадников и жителей Западных Лощин, старых и молодых, детей и женщин, которые вышли из пещер. Песнь победы пели они ясными голосами, а затем замолкли, не сводя глаз с деревьев и гадая, что произойдёт дальше,

потому что они боялись их.

Всадники приблизились к лесу и остановились: ни лошади, ни люди не хотели входить в него. Деревья были серыми и грозными, и под ними была тень или мгла. Концы их длинных веток свисали, подобно скрюченным пальцам, их корни выпирали из земли, словно тела невиданных чудовищ, и тёмные пещеры открывались под ними. Но Гэндальф двинулся вперёд, возглавив отряд, и в том месте, где дорога из Горнбурга уходила под деревья, они заметили теперь проход, похожий на тёмную изогнутую арку под мощными сучьями. Сквозь него и двинулся Гэндальф, а они последовали за ним и, к своему изумлению, обнаружили, что тракт тянется дальше, а рядом с ним течёт Теснинная река, и небо над ними открыто и залито золотистым светом. Однако по обеим сторонам большого прохода в лесу всё уже было окутано сумраком, сгущавшимся чуть дальше в непроницаемый мрак, из которого доносились скрип и стоны сучьев, и отдалённые крики, и гневный ропот без слов. Не было видно ни орков, ни других живых существ.

Леголас и Гимли снова ехали вместе на одной лошади, держась теперь рядом с Гэндальфом, потому что Гимли боялся леса.

— Здесь жарко, — сказал Леголас Гэндальфу. — Я ощущаю вокруг себя сильный гнев. Ты чувствуешь, как пульсирует в ушах воздух?

— Да, — подтвердил Гэндальф.

— Что же случилось с несчастными орками? — спросил Леголас.

— Этого, думаю, никто никогда не узнает, — ответил Гэндальф.

Некоторое время они ехали молча, но Леголас постоянно бросал по сторонам быстрые взгляды и всё время норовил задержаться, чтобы послушать звуки леса, если бы Гимли это позволил.

— Это самый странный лес из всех, которые я когда-либо видел, — сказал эльф. — Хотя я видел много дубов, выросших из жёлудя и погибших от старости. Мне хотелось бы, чтобы сейчас было время побродить между деревьями. У них есть голоса, и со временем я бы понял их мысли.

— Нет, нет! — отозвался Гимли. — Оставим их! Я уже догадываюсь, что у них в мыслях: ненависть ко всему, что ходит на двух ногах, и речь их лишь о том, как удушить и сокрушить.

— Не ко всему, что ходит на двух ногах, — возразил Леголас. — Мне кажется, в этом ты ошибаешься. Они ненавидят орков. Ибо они не из этих мест и мало знают об эльфах и людях. Доны, откуда они родом, находятся далеко. Из Фангорна, Гимли, из его глубоких лощин пришли они, как я полагаю.

— Тогда это опаснейший лес во всём Средиземье, — сказал Гимли. — Я благодарен за роль, которую они сыграли, но они мне не нравятся. Ты можешь находить их чудесными, но я видел в этой стране большее чудо, более прекрасное, чем любая роща или поляна на всём белом свете. Моря душа всё ещё переполнена им.

Странные поступки людей, Леголас! Они обладают одним из чудес северного мира, и что же они говорят о нём? Пещеры, говорят они! Дыры, чтобы скрыться во время войны, чтобы сложить в них запасы! Мой дорогой Леголас, знаешь ли ты, что пещеры Теснины Хельма огромны и прекрасны? Если бы про них было известно, сюда началось бы бесконечное паломничество гномов, просто чтобы посмотреть на них. О да, они платили бы чистым золотом за короткий взгляд!

— А я заплатил бы, чтобы туда не ходить, — отозвался Леголас. — И вдовое больше дал бы за то, чтобы меня вывели, если бы довелось в них заблудиться!

— Ты не видел, поэтому я прощаю твою шутку, — сказал Гимли, — но ты говоришь

глупости. Ты считаешь прекрасным подгорный дворец вашего короля в Лихолесье, который в древности помогли сделать гномы? Но это же просто лачуга по сравнению с пещерами, которые я здесь видел: огромные залы, наполненные вечной музыкой воды, что струится в бассейны, прекрасные, как Келед-зарам в звёздном свете.

И, Леголас, когда зажжены факелы и люди ходят по песчаному полу под звучащими эхом сводами — ах! — тогда, Леголас, в полированных стенах блещут камни, кристаллы и прожилки драгоценных руд, и свет льётся через мраморные складки в форме раковин, полупрозрачные, как руки королевы Галадриэли. Там есть колонны, Леголас, белые, шафранные и тёмно-розовые колонны, рифлёные и самых причудливых форм, которые вздымаются с многоцветных полов навстречу искрящемуся орнаменту потолка: крылья, шнуры, шторы, тонкие, как замёрзшие облака, копья, знамёна, шпили подвешенных дворцов! Их отражают тихие озёра: мерцающий мир глядит из тёмных прудов, покрытых прозрачным стеклом, — города, подобные которым могли бы привидеться разве что Дарину в его сне, с бесконечными коридорами и многоколонными залами, в тёмные ниши между которыми не может проникнуть никакой свет. А потом — плих! — падает серебряная капля, и круги на стекле заставляют все башни дрожать и колебаться, подобно водорослям и кораллам в морских гротах. А затем наступает вечер, и они блекнут и угасают; факелы переносят в другое помещение — и другой сон. Там целые анфилады палат, Леголас: зал открывается в зал и извилистый путь, свод за сводом, лестница за лестницей, уводит в самое сердце гор. Пещеры! Пещеры Теснины Хельма! Счастлив случай, что привёл меня туда! Мне горько было покидать их.

— Тогда я хочу пожелать тебе в утешение, Гимли, — сказал эльф, — пройти войну невредимым и вернуться, чтобы снова их увидеть. Только не рассказывай всего своим родичам! Судя по всему, дела для них там почти нет. Может быть, люди этой страны поступают мудро, держа язык за зубами: одна семья прилежных гномов с молотами и долотами может напортить больше, чем они сделали.

— Нет, ты не понял, — возразил Гимли. — Ни один гном не останется равнодушным к подобной красоте. Никто из племени Дарина не станет разрабатывать в этих пещерах камни и жилы, даже если в них можно найти алмазы и золото. Станешь ли ты рубить стоящую в весеннем цвету рощу на дрова? Мы бы ухаживали за этими полянами цветущего камня, а не раскапывали их. С осторожным искусством, удар за ударом, быть может, откалывая за весь волнительный день не более кусочка скалы, так мы способны работать, и когда минуют годы, мы откроем новые пути и покажем дальние, ещё тёмные палаты, угадываемые пока лишь как пустоты за трещинами в скале. И светильники, Леголас! Мы сделали бы светильники, лампы, какие сияли некогда в Казад-думе; и тогда мы прогнали бы прочь ночь, которая лежала там с тех пор, как возникли горы, а когда захотим отдохнуть, мы позволили бы ночи вернуться.

— Ты растрогал меня, Гимли, — сказал Леголас. — Я никогда не слышал ещё, чтобы ты говорил так, как сейчас. Ты почти заставил меня пожалеть, что я не видел этих пещер. Ладно! Давай договоримся: если мы оба благополучно выберемся из ожидающих нас опасностей, мы ещё некоторое время попутствуем вместе. Ты наведишь Фангорн вместе со мной, а потом я пойду с тобой смотреть Теснину Хельма.

— Не такой обратный путь я выбрал бы, — отозвался Гимли. — Но перенесу как-нибудь Фангорн, если ты пообещаешь мне вернуться в пещеры и разделить их чудеса вместе со мной.

— Обещаю тебе, — ответил Леголас. — Но увы! Сейчас нам придётся оставить на время и пещеры, и лес. Смотри! Мы приблизились к концу деревьев. Далеко ли до Скальбурга, Гэндальф?

— Около пятнадцати лиг для ворон Сарумана, — ответил Гэндальф. — Пять от устья Теснинного ущелья до Бродов и ещё десять от Бродов до ворот Скальбурга. Но мы не проскачем

весь путь этой ночью.

— А когда мы попадём туда, что мы увидим? — спросил Гимли. — Ты, наверное, знаешь, а я даже предположить не могу.

— Я сам толком не знаю, — ответил маг. — Я был там вчера в начале ночи, а с тех пор много чего могло произойти. Но я думаю, что ты не назовёшь путешествие напрасным, несмотря на то, что позади остались Сверкающие Пещеры Агларонда.

Наконец отряд выехал из-под деревьев; они оказались в нижнем конце Ущелья, где дорога из Теснины Хельма разветвлялась — один путь вёл на восток, в Эдорас, а другой на север, к Бродам Скальтока. Когда они покинули полог леса, Леголас задержался, оглянулся с сожалением и вдруг внезапно вскрикнул.

— Там глаза! — сказал он. — И тени ветвей выглядывают глаза! Я никогда прежде не видел таких глаз.

Остальные, захваченные врасплох его криком, остановились и обернулись, а Леголас совсем повернул было назад.

— Нет, нет! — закричал Гимли. — Делай, что хочешь, в своем безумии, но сначала дай мне слезть с лошади! Я не хочу видеть никаких глаз!

— Стой, Леголас, Зелёный Листок! — остановил его Гэндальф. — Не возвращайся в лес, не сейчас. Твоё время ещё не пришло.

Пока он говорил, из-за деревьев выступили вперёд три странные фигуры. Они были ростом с троллей, двенадцати или более футов высотой, их сильные тела, прямые, как молодые деревья, казалось, были покрыты тесно прилегающей одеждой или кожей серого и бурого цвета. Их конечности были длинными, а руки имели много пальцев, волосы густы и жёстки, а бороды серо-зелёные, как мох. Глаза их были спокойны и серьёзны, но смотрели они не на всадников: их взгляд был обращён к северу. Внезапно они поднесли свои длинные руки ко ртам и послали вдаль звенящий клич, чистый, как звук рога, но более музыкальный и разнообразный. На зов ответили, и, ещё раз обернувшись, всадники увидели других таких же существ, которые приближались, широко шагая по траве. Они быстро надвигались с севера, покачиваясь, подобно идущей по болоту цапле, но не с её скоростью, так как их ноги несли их гораздо быстрее, чем крылья цапли. Всадники громко закричали от изумления, и некоторые положили руки на рукояти мечей.

— Вам не понадобится оружие, — сказал Гэндальф. — Это просто пастухи. Они не враги, и, говоря по правде, им вообще нет до нас никакого дела.

Так, по-видимому, и было, поскольку, пока он говорил, высокие существа, и не взглянув на всадников, вошли в лес и исчезли.

— Пастухи! — сказал Теоден. — А где их стада? Кто они, Гэндальф? Потому что ясно, что для тебя, во всяком случае, они не в диковинку.

— Это пастухи деревьев, — ответил Гэндальф. — Давно уж не слушал ты сказок у камина, не так ли? Однако в твоей стране есть дети, которые из спутанного клубка рассказов могут вытянуть ответ на твой вопрос. Ты видел энтов, о, герцог, энтов из Леса Фангорна, который на вашем языке называется Энтов лес, Энтвуд. Или ты думал, что это название было придумано просто так? Нет, Теоден, напротив: это вы для них лишь мимолётная повесть, а все годы от Эорла Младшего до Теодена Старшего лишь краткий промежуток для них, и очень мало значат все деяния твоего дома.

Герцог безмолвствовал.

— Энты! — произнёс он наконец. — Кажется, я начинаю с помощью древних легенд немного понимать чудо с деревьями. Мне довелось дожить до странных дней. Долго заботились

мы о наших животных и полях, строили дома, изготавливали орудия или скакали на помощь Минас Тириту, и это мы называли жизнью людей и обычным ходом мира. Нас мало заботило то, что лежит за пределами нашей страны. У нас были песни, повествующие об этом, но мы забыли их, продолжая по привычке напевать только детям. А ныне эти песни странным образом вошли в нашу жизнь, и персонажи их воочию явились под солнцем.

— Ты должен радоваться, герцог Теоден, — сказал Гэндальф. — Вы не одиноки, даже если не знаете своих союзников. Ибо ныне опасность грозит не только короткой человеческой жизни, но и жизни таких существ, которых вы считали только легендой.

— И одновременно мне следует печалиться, — отозвался Теоден. — Ведь, как бы ни повернулось военное счастье, разве не может кончиться тем, что многое дивное и прекрасное навсегда исчезнет из Средиземья?

— Может, — ответил Гэндальф. — Зло Саурана нельзя загладить полностью или сделать так, как если бы его и не было. Но такова наша судьба. Продолжим же теперь начатый нами путь!

Отряд повернулся спинами к Ущелью и лесу и взял путь на Броды. Леголас последовал за ними с неохотой. Солнце садилось. Оно уже опустилось за горизонт, но, выехав из тени холмов, они посмотрели на запад, к Ущелью Ристании, и увидели красное небо и летящие облака, низ которых был окрашен в цвет пожара. И на фоне их тёмными пятнами вилоь и кружилось много чернокрылых птиц. Некоторые с печальными криками пронеслись над их головами, возвращаясь в свои гнёзда на скалах.

— Стервятники кружат над полем битвы, — произнёс Эомир.

Теперь они ехали не торопясь, и сумерки сгустились над ними. Медленно поднялась луна, почти полная, и в её холодном серебряном свете волнистая степь поднималась и падала, подобно широкому серому морю. Они скакали около четырёх часов, считая от распутья, когда приблизились к Бродам. Длинный склон быстро сбегал туда, где в каменистом русле меж двух высоких, покрытых травой террас пенилась река. Ветер донёс до них вой волков. У всех стало тяжело на сердце при мысли о многих павших в этом месте воинах.

Дорога нырнула в покрытую травой ложину, прорезав путь сквозь террасу к реке и далее на тот берег. Поперёк реки лежали три ряда плоских с поверхности камней, между которых был брод для лошадей, ведущий с обоих берегов к пустынному островку посередине. Всадники посмотрели вниз на броды, и они показались им незнакомыми, потому что здесь меж камней всегда бурлила и плескалась вода, но теперь всё было тихо. Дно реки почти пересохло: пустое пространство с галькой и тёмным песком.

— Здесь стало очень мрачно, — сказал Эомир. — Какая болезнь поразила реку? Саруман разрушил много прекрасных вещей, не уничтожил ли он и источники Скальтока тоже?

— Похоже на то, — отозвался Гэндальф.

— Увы! — сказал Теоден. — Должны ли мы пройти там, где звери и стервятники пожирают столь много отважных всадников Герцогства?

— Наш путь лежит здесь, — ответил Гэндальф. — Прискорбна гибель твоих людей, но, по крайней мере, ты увидишь, что волки с гор не пожрали их. Это их друзья орки являются угощением на пиру, ибо такова в действительности дружба этого племени. Идём!

Они съехали к реке, и при их приближении волки прекратили вой и скрылись украдкой. Страх напал на них при виде Гэндальфа в лунном свете и Тенегона, его коня, сияющего, как серебро. Всадники достигли островка, а горящие глаза с тоской следили за ними, притаившись в прибрежных тенях.

— Смотрите! — сказал Гэндальф. — Здесь поработали друзья.

И они увидели, что посреди отмели была сооружена могильная насыпь, окружённая камнями и утыканная по бокам многими копьями.

— Здесь лежат все воины Герцогства, павшие вблизи этого места, — сказал Гэндальф.

— Вечный покой им! — промолвил Эомир. — И когда копья их сгниют и покроются ржавчиной, курган их долго ещё будет стоять, охраняя Броды Скальтока!

— И это тоже дело твоих рук, Гэндальф, мой друг? — спросил Теоден. — Ты многое совершил за вечер и ночь!

— С помощью Тенегона и других, — ответил Гэндальф. — Я скачал много и быстро. Но здесь, рядом с этой насыпью, я хочу сказать вам в утешение: многие пали в битве за Броды, но меньше, чем прошёл слух. Больше было рассеяно, чем убито. Я собрал вместе всех, кого смог найти. Часть людей я послал с Гримбольдом из Западных Лощин на соединение с Эркенбрандом. Части велел заняться похоронами. Они следуют теперь за твоим маршалом Эльфхельмом. Я отправил его со множеством всадников в Эдорас. Я знал, что Саруман бросил все свои силы против тебя, и слуги его были отозваны со всех других поручений и посланы к Теснине Хельма; страна, по-видимому, очистилась от врагов. И всё же я опасался, что всадники на волках и мародёры могут, тем не менее, ринуться к Медусельду, пока он остаётся без защиты. Но теперь, я думаю, бояться не стоит: ты найдёшь свой дом спокойно ждущим твоего возвращения.

— И я буду рад увидеть его снова, — сказал Теоден. — Хотя и не сомневаюсь, что кратким будет моё пребывание там теперь.

На этом отряд распрощался с отмелью и курганом, переехал через русло реки и поднялся на дальний берег. Затем они поскакали дальше, радуясь, что оставили позади мрачные Броды. Когда они отъехали, вой волков возобновился.

Вниз от Скальбурга к переправе вёл древний тракт. Некоторое время он бежал вдоль реки, сворачивая вместе с ней на восток, а потом на север, но затем покидал реку и вёл прямо к воротам Скальбурга, которые находились у подножья гор с западной стороны долины, примерно в шестнадцати милях. Отряд придерживался этого направления, но не скачал по тракту, так как земля по его сторонам была твёрдой и ровной, покрытой на многие мили короткой густой травой. Они двигались теперь быстро, и к середине ночи Броды остались примерно в пяти лигах позади. Тут они остановились, завершив свой ночной путь, потому что герцог устал. Они приблизились к подножию Мглистых гор, и навстречу им протянулись длинные отроги Нан Курунира, между которыми лежала долина, тёмная, ибо луна склонилась к западу и её свет загораживали холмы. Но из глубоких теней дола вздымался громадный столб дыма и пара; поднимаясь, он ловил лучи опускающейся луны и растекался мерцающими серебристо-чёрными валами по звёздному небу.

— Что ты думаешь об этом, Гэндальф? — спросил Арагорн. — Похоже, что горит весь Чародейский Дол.

— Над этим долом в последнее время всегда курится дым, — сказал Эомир. — Но ничего подобного мне ещё видеть не приходилось. Это скорее пар, чем дым. Саруман варит какое-то зелье, чтобы приветствовать нас. Быть может, он вскипятил все воды Скальтока, из-за чего река и пересохла.

— Может быть, — сказал Гэндальф. — Завтра мы узнаем, чем он занимается. А пока давайте отдохнём немного, если удастся.

Они расположились рядом с руслом Скальтока. Было очень тихо и пустынно. Некоторые поспали немного, но поздней ночью закричал часовой, и все пробудились. Луна зашла. В небе сияли звёзды, но над землёй ползла мгла чернее, чем ночь. Она накатывалась на них по обоим берегам реки, продвигаясь к северу.

— Стойте на месте! — велел Гэндальф. — Не обнажайте оружия! Ждите! И это пройдёт мимо.

Мгла сгустилась вокруг них. Над головами продолжали приветливо мерцать немногочисленные звёзды, но по сторонам выросла стена непроницаемого мрака: они оказались в узком проходе между двумя движущимися, невероятно высокими тенями. Послышались шепчущие, тяжело вздыхающие и непрерывно шелестящие и гудящие голоса, и земля вздрагивала под ними. Это продолжалось, как показалось им от страха, довольно долго, но, наконец, мгла и шорох прошли мимо и исчезли между отрогами гор.

Далеко на юге, у Горнбурга, в середине ночи люди слышали сильный шум, как гул ветра в долине, и земля задрожала. Все были испуганы, и никто не решился выглянуть наружу. Но утром люди вышли и изумились: убитые орки исчезли, и деревья тоже. В нижней части Теснинной долины трава была смята и вытоптана, как будто гигантские пастухи пасли здесь громадное стадо скота, но примерно в миле ниже Вала в земле была вырыта огромная яма, а поверх неё высилась куча камней. Люди решили, что здесь закопаны убитые ими орки, но были ли вместе с ними и те, кто бежал в лес, никто не мог сказать, потому что ни один человек не осмелился ступить ногой на эту насыпь. С тех пор её всегда называли Мертвяцкой Ямой, и никогда не росла над нею трава. И никто никогда больше не видел в Теснинном ущелье странных деревьев: ночью они отправились в обратный путь и ушли далеко в тёмные долины Фангорна. Так они отомстили оркам.

Герцог и его отряд больше не спали в эту ночь, но они не видели и не слышали больше ничего странного, за исключением одного: голос реки рядом с ними внезапно пробудился. Сначала раздался шум воды, торопливо заливающей камни, а когда он пронёсся, Скальток вновь потёк и забурлил в своём русле, как прежде.

На заре они тронулись в путь. Свет пришёл серый и бледный, и они не видели восхода солнца: воздух был тяжёл от тумана, и зловонный пар висел над окружающими их землями. Отряд продвигался медленно, теперь уже по тракту — широкому, твёрдому и отлично ухоженному. Через туман смутно проступал длинный отрог гор, возвышающийся слева от них. Они вступили в Нан Курунир, Чародейский Дол. Это была укромная долина, открывавшаяся только на юг. Некогда она была красива и зелена, и через неё тек к степям Скальток, уже глубокий и мощный, потому что вбирал в себя множество родников и ручьёв, змеящихся среди омытых дождями холмов, а вокруг его русла раскинулся приятный и изобильный край.

Теперь было не так. Рядом со стенами Скальбурга ещё сохранились пашни, обрабатываемые рабами Сарумана, но большая часть долины запустошила, покрылась сорными травами и колючим кустарником. Куманика стелилась по земле и оплетала кусты и берега, образуя лохматые пещеры, в которых находили приют маленькие зверушки. Деревьев здесь не было, но среди травы ещё можно было разглядеть обгорелые остатки и пни былых рощ. Это была печальная, безмолвная местность, наполненная лишь плеском струящейся по камням воды. Пар и дым сбивались в мрачные облака и жались к лощинам. Всадники не разговаривали. Многих в глубине души мучило сомнение, и они гадали, какой печальный конец уготован их путешествию.

Спустя несколько миль тракт превратился в широкую улицу, мощённую большими плоскими плитами, уложенными искусно и плотно: ни травинки не пробивалось между щёлками. По её сторонам тянулись канавы, наполненные журчащей водой. Внезапно перед ними возникла высокая колонна. Она была чёрной с белым камнем наверху, которому резцом и красками была придана форма длинной Белой Руки, палец которой указывал на север. Теперь

они знали, что ворота Скальбурга поблизости, и у них было тяжело на сердце, но глаза их не могли пронзить мглу впереди.

Под отрогами гор, внутри Чародейского Дола несчётное число лет стоял этот древний город, который люди называли Скальбургом. Его форма частично сложилась вместе с горами, но люди Заокраинного Запада немало потрудились над ним в древности, да и Саруман жил здесь давно и не бездельничал.

Так был устроен он, когда Саруман стоял на вершине своего могущества и признавался многими величайшим из магов. Громадная стена из камней, подобно вздымающимся утёсам, выступала из-под защиты горной стены и вновь уходила в стену. Только один вход был проделан в ней: огромная арка, пробитая в южной стене. Здесь, сквозь чёрную скалу был прорублен длинный туннель, замыкаемый с обоих концов мощными железными воротами. Они были так устроены и подвешены на громадных петлях — настоящих стальных столбах, врубленных в камень, что, когда они были открыты, их можно было привести в движение бесшумно, лёгким нажатием руки. Тот, кто проходил в них и выбирался наконец из гулкого туннеля, видел перед собой большую круглую равнину, слегка вогнутую, как огромная плоская чаша, примерно в милю диаметром. Когда-то она была зелёной, с аллеями и рощами плодовых деревьев, орошаемой потоками, стекавшими с гор в озеро. Но ни травинки не росло здесь в последние дни Сарумана. Жёсткие и тёмные дороги были вымощены булыжником, а по их бокам вместо деревьев выстроились ряды колонн, мраморных, медных и железных, соединённых тяжёлыми цепями.

С внутренней стороны стен были высечены многочисленные помещения, палаты, залы и переходы, так что весь открытый круг был окружён бесчисленными окнами и тёмными дверями и просматривался насквозь. Здесь могли жить тысячи: работники, слуги, рабы и воины вместе с большими запасами оружия; под ними в глубоких логовищах кормились и спали волки. Равнина тоже была просверлена и изрыта. Глубоко в землю уходили стволы шахт; их верхние концы были прикрыты низкими насыпями и каменными куполами, так что в лунном свете Кольцо Скальбурга походило на кладбище с беспокойными покойниками. Ибо земля дрожала. Шахты посредством множества спусков и спиральных лестниц уводили к глубоким подземным пещерам, где у Сарумана были сокровищницы, склады, оружейные мастерские, кузни и большие печи. Там непрерывно вращались железные колёса и стучали молоты. По ночам из отдушин вырывались струи испарений, освещённые снизу красным, синим или ядовито-зелёным светом.

Все окаймлённые цепями дороги сбегались к центру. И там стояла башня удивительной формы, приданной ей строителями древности, которые отделали Кольцо Скальбурга; и всё же казалось, что она не создана искусством людей, но воздвиглась из костей земли в древних родовых муках гор. Это был пик на утёсе-острове, чёрный и неприступный: четыре мощных простенка из многогранных камней сходились в один, но у вершины обрывались зияющими рогами с острыми, как наконечник копья шпилями и гранями, подобными лезвию кинжала. Между ними оставалась узкая площадка с полом из полированных камней, расписанных странными знаками, стоя на которой, человек находился в пятистах футах над равниной. Это был Ортханк, цитадель Сарумана, название которого имело (по замыслу или случайно) двойное значение, ибо по-эльфийски слово ортханк означало Горный Клык, а на древнем наречии Герцогства — Коварная Мысль.

Силён и чуден был Скальбург, и долгое время был он также и прекрасен, и здесь жили властелины — вассалы Гондора на западе, и мудрецы, наблюдавшие за звёздами. Но Саруман постепенно приспособил его для своих изменившихся целей и улучшил, как ему казалось, ибо он был обманут. Ведь все эти ремёсла и хитрые приспособления, ради которых он оставил свою

прежнюю мудрость и наивно мнил своим собственным изобретением, происходили из Мордора; так что сделанное им было лишь небольшой копией, детской моделью или рабским подражанием обширным укреплениям, арсеналам, тюрьмам и мощным горнилам Барат-дура, Чёрной Крепости, которая не страдала от соперничества, смеялась над лестью и выжидала своё время, кичась неизмеримой силой.

Такова, согласно молве, была твердыня Сарумана, потому что на живой памяти ристанийцев никто не входил в её ворота, за исключением, быть может, некоторых, подобных Злоречиву, которые посещали её тайно и никому не рассказывали о том, что видели.

Гэндальф подъехал к высокой чёрной колонне с Рукой, миновал её, и, как только он это сделал, всадники с удивлением увидели, что рука перестала быть белой. Она покрылась пятнами, подобными засохшей крови, и, взглядевшись внимательней, они обнаружили, что ногти её покраснели. Не обращая внимания на эти изменения, Гэндальф ускакал в туман, и они неохотно последовали за ним. Всё вокруг было, как после внезапного наводнения: широкие лужи воды тянулись по сторонам дороги, заполняя углубления, и тонкие струйки воды бежали между камнями.

Наконец Гэндальф остановился и поманил их к себе. Приблизившись, всадники увидели, что туман перед ними рассеялся и показался бледный солнечный свет. Миновал полдень. Они достигли ворот Скальбурга.

Но ворота валялись сброшенные и искорёженные на земле. А вокруг были растрескавшиеся или расколотые в щебень камни, сваленные в бесформенные кучи и разбросанные далеко по сторонам. Громадная арка всё ещё стояла, но теперь она открывалась в расщелину без крыши: туннель был разрушен, а в его боковых стенах, подобных утёсам, были пробиты громадные щели и бреши; башни были разбиты в пыль. Если бы океан поднялся в гневе и обрушился бурей на горы, он не смог бы причинить больших разрушений.

Круг за туннелем был залит водой, над которой поднимался пар: бурлящий котёл, в котором сбивались в кучи и плавали обломки балок и брусьев, ящики, бочонки и сломанные механизмы. Искорёженные и покосившиеся колонны возносили свои расколотые стволы над водой, но все дороги были затоплены. Далеко впереди, полускрытый клубящимися облаками, возвышался, словно остров, скалистый утёс. Башня Ортханка стола несломленная штормом, всё ещё тёмная и высокая. Бледные воды плескались у её ног.

Герцог и его отряд безмолвно сидели на лошадях, дивясь чуду и осознавая, что мощь Сарумана была сокрушена, но кем, они не могли понять. Они снова посмотрели на проход под аркой и разрушенные ворота. Сбоку валялась большая груда валунов, и теперь они вдруг заметили, что на них привольно раскинулись две маленькие фигурки, одетые в серое и почти невидимые между камней. Рядом с ними стояли бутылки, кубки и тарелки, словно они только что хорошо подкрепились и теперь отдыхали после своих трудов. Один казался спящим, другой лежал, закинув ногу на ногу, с руками под головой, прислонившись спиной к обломку скалы, и выпускал изо рта длинные струи и маленькие колечки голубого дыма.

Некоторое время Теоден, Эомир и все их люди глазели на них в полном изумлении. Среди всего крушения и всех развалин Скальбурга это казалось им самым диковеннейшим из увиденного. Но прежде чем герцог смог заговорить, маленькая выдыхающая дым фигурка внезапно заметила их, молча сидящих в сёдлах на краю тумана. Она вскочила на ноги. Это оказался молодой мужчина, или очень похожий на него, но не более чем в полчеловека ростом. Голова его с каштановыми вьющимися волосами была непокрыта, но он был одет в свидетельствовавший о долгом пути плащ той же окраски и формы, в какие были одеты

спутники Гэндальфа, когда они прискакали в Эдорас. Он очень низко поклонился, прижав руки к груди, а затем, будто бы и не замечая мага и его друзей, обратился к Эомиру и герцогу.

— Добро пожаловать в Скальбург, господа! — сказал он. — Мы охранники ворот. Меня зовут Мериардок, сын Сарадока, а моего товарища, который — увы! — побеждён усталостью, — тут он толкнул другого ногой, — зовут Перегрин, сын Паладина, из рода Кролов. Наша родина далеко на севере. Господин Саруман дома, но в настоящий момент он заперся вместе с неким Злоречивом, иначе он, без сомнения, поспешил бы сюда приветствовать таких почтенных гостей.

— Несомненно, поспешил бы! — рассмеялся Гэндальф. — Уж не Саруман ли приказал вам сторожить эти разбитые ворота и наблюдать за прибытием гостей, когда ваше внимание отвлекается от тарелки и бутылки?

— Нет, дорогой сэр, этот вопрос ускользнул от его внимания, — степенно ответил Мерри. — Он был очень занят. Приказ, данный нам, исходит от Древоборода, который взял на себя управление Скальбургом. Он велел мне надлежащим образом приветствовать герцога Ристании, что я и постарался исполнить как можно лучше.

— А как же своих товарищей? Как же Леголаса и меня? — взорвался Гимли, неспособный сдерживаться дольше. — Мошенники! Шерстолапые косматые бездельники! На прекрасную охоту вы заставили нас выйти! Две сотни лиг сквозь болота и лес, сражения и смерть за вами следом, чтобы обнаружить вас здесь бездельничающими, пирующими и... курящими! Курящими! Где вы раздобыли табак, разбойники?! Молот и клещи! Я буквально разрываюсь от гнева и радости, так что чудо будет, если я не лопну!

— Ты высказался вместо меня, Гимли, — рассмеялся Леголас. — Хотя я в первую очередь спросил бы, где они раздобыли вино.

— Одну вещь вы точно не обрели во время охоты, а именно, здравого смысла, — сказал Пин, открыв один глаз. — Вы нашли нас здесь, сидящими на поле битвы и победы, среди военных трофеев, и вы ещё удивляетесь, откуда взялись некоторые честно заработанные удобства?

— Честно заработанные? — переспросил Гимли. — Вот уж в это я никак не могу поверить! Всадники расхохотались.

— Я не сомневаюсь, что мы присутствуем при встрече дорогих друзей, — сказал Теоден. — Так значит, это их недоставало в твоём отряде, Гэндальф? Этим дням просто суждено быть наполненными чудесами. Многое я уже видел с тех пор, как оставил свой дом, а теперь здесь передо мною воочию стоит ещё один народ из легенды. Не они ли невысоклики, которых некоторые среди нас зовут холбитланами?

— Хоббиты, с вашего позволения, господин, — поправил Пин.

— Хоббиты? — переспросил Теоден. — Ваш язык странно изменился, но имя звучит вполне похоже. Хоббиты! Однако, никакая молва, достигшая моих ушей, не воздавала должное истине.

Мерри поклонился, и Пин поднялся и тоже низко склонился.

— Вы очень любезны, господин, или, я надеюсь, что именно так я могу понять ваши слова, — сказал он. — Но здесь другое чудо! С тех пор, как я покинул свой дом, я прошёл многие земли, но нигде ещё мне не довелось встретить народа, который хоть слово бы слышал о хоббитах.

— Мой народ пришёл с севера очень давно, — ответил Теоден. — Но я не хочу обманывать вас: мы не знаем никаких рассказов о хоббитах. Всё, что говорится среди нас, заключается в том, что очень далеко, за многими горами и реками живут невысоклики, и дом их — норы в песчаных холмах. Но нет легенд, повествующих об их деяниях, потому что сказано, что они

мало чем занимаются и избегают взглядов людей, очень ловко исчезая в мгновение ока, и они могут голосом подражать чириканью птиц. Но, по-видимому, о вас можно сказать больше.

— Разумеется, можно, господин, — подтвердил Мерри.

— Об одном, — продолжил Теоден, — я никогда не слышал: что они выпускают дым из ртов.

— В этом нет ничего удивительного, — ответил Мерри. — Потому что этому искусству мы научились всего несколько поколений назад. Тобольд Звонкорог из Длинной Поймы, что в Южном уделе, был первым, кто вырастил табак в своём саду, году примерно в 1070 по нашему счёту. О том, как старому Тоби досталось растение...

— Вы не представляете грозящей вам опасности, Теоден, — перебил Гэндальф. — Эти хоббиты будут сидеть на краю развалин и обсуждать вкус блюд и небольшие деяния их отцов, дедушек и прадедушек и дальних родственников до последнего колена, если вы поощрите их неуместным терпением. Выберем другое время, более подходящее, для того, чтобы слушать историю про курение. Где Древобород, Мерри?

— Я полагаю, на северной стороне. Он пошёл попить — чистой воды. Почти все остальные энты с ним, всё ещё занимаются своим делом, — вон там.

Мерри показал рукой по направлению к дымящемуся озеру, и когда остальные посмотрели туда, до них донёлся отдалённый грохот и треск, как если бы лавина сорвалась с горного склона. Издали донеслось хум-хум, подобно победному рёву рога.

— А Ортханк они оставили без охраны? — спросил Гэндальф.

— Там вода, — сказал Мерри. — Но Быстрокив и некоторые другие энты караулят его. Не все эти столбы и колонны на равнине водружены Саруманом. Мне сдаётся, что Быстрокив у утёса, у подножья лестницы.

— Да, там высокий серый энт, — подтвердил Леголас. — Но его руки свешиваются по бокам, и он стоит неподвижно, как дверной столб.

— Сейчас поздний полдень, — сказал Гэндальф. — А нам ещё с раннего утра не выпало случая поесть. Тем не менее, я хочу как можно скорее увидеть Древоборода. Оставил ли он мне какое-нибудь сообщение, или тарелки и бутылка заставили вас забыть о нём?

— Он оставил сообщение, — ответил Мерри, — и я как раз собирался его передать, но мне помешало множество других вопросов. Было сказано, что если герцог Ристании и Гэндальф поскачут к северной стене, то они найдут там Древоборода, который будет рад приветствовать их. Я могу добавить, что они найдут также лучшее, чем здесь, угощение, обнаруженное и отобранное вашими покорными слугами.

Он поклонился.

Гэндальф рассмеялся.

— Это уже лучше! — сказал он. — Итак, Теоден, поскачешь ли ты со мной на поиски Древоборода? Нам придётся обойти сбоку, но это недалеко. Когда ты увидишь Древоборода, то узнаешь многое, потому что Древобород — это Фангорн, старейший и главнейший из энтов. И когда ты заговоришь с ним, ты услышишь речь старейшего из всех живых существ.

— Я поеду с тобой, — сказал Теоден. — Прощайте, мои хоббиты! Может быть, мы встретимся снова в моём доме! Тогда вы сядете рядом со мной и расскажете всё, что хранит ваш слух: такие отдалённые деяния ваших предков, какие вы ещё помните; и мы поговорим также о Тобольде Старом и его знании трав. Прощайте!

Хоббиты низко поклонились.

— Так вот каков герцог Ристании! — пробормотал Пин себе под нос. — Очень милый старик. Очень вежливый.

Гэндальф и герцогский отряд ускакали, повернув к востоку, чтобы обойти кругом разрушенные стены Скальбурга. Но Арагорн, Гимли и Леголас с ними не поехали. Оставив Арода и Счастьедара блуждать в поисках травы, они подошли и сели рядом с хоббитами.

— Так, так! Охота окончена, и мы в конце концов вновь встретились там, куда никто из нас даже и не думал попасть, — сказал Арагорн.

— А теперь, когда великие мира сего удалились обсуждать высокие предметы, — сказал Леголас, — может быть, охотники смогут получить ответ на свои незначительные вопросы. Мы проследили ваш путь до самого леса, но осталось немало такого, о чём я охотно узнал бы истину.

— И есть многое, что мы хотели бы узнать от вас, — отозвался Мерри. — Кое-что нам рассказал Древобород, старый энт, но этого совершенно недостаточно.

— Всему своё время, — ответил Леголас. — Мы были охотниками, и за это вы первыми должны рассказать нам всё о себе, это во-первых...

— Или во-вторых, — перебил Гимли. — Рассказ пойдёт лучше после обеда. У меня болит голова, и сейчас поздний полдень. Вы, бездельники, могли бы исправиться, разыскав для нас что-нибудь из тех трофеев, о которых вы говорили. Еда и питьё могут покрыть часть моего счёта к вам.

— Тогда ты получишь их, — сказал Пин. — Хотите устроиться прямо здесь или с большими удобствами в том, что осталось от Сарумановской караульной, там, под аркой? Мы тут просто устроили пикник, так, чтоб можно было одним глазком поглядывать на дорогу.

— Меньше, чем одним глазком! — фыркнул Гимли. — Но я не войду ни в один оркский дом и не коснусь ни их мяса, ни чего-либо другого из того, что они жрали.

— Нам бы и в голову не пришло просить тебя об этом, — сказал Мерри. — Мы сами натерпелись от орков столько, что по гроб жизни хватит. Но в Скальбурге было много другого народа. У Сарумана хватало мудрости, чтобы не доверяться оркам. Его ворота сторожили люди, кто-то из его преданных слуг, полагаю. Во всяком случае, они были в милости и снабжались хорошей провизией.

— И табаком? — спросил Гимли.

— Нет, я так не думаю, — рассмеялся Мерри. — Но это другая история, которая может подождать до конца обеда.

— Ладно, тогда пойдём и пообедаем! — сказал гном.

Хоббиты показывали дорогу; друзья вошли под арку и приблизились к широкой двери слева, к которой вела лестница. Она открывалась прямо в просторный покой с другими маленькими дверцами в торце и очагом с дымоходом сбоку. Покой был высечен в скале, и когда-то он должен был быть тёмным, потому что его окна смотрели только в туннель. Но свет проникал теперь сквозь обрушенную крышу. В очаге горели дрова.

— Я развёл небольшой огонь, — сказал Пин. — Он ободрял нас в тумане. Тут было несколько вязанок хвороста, а большинство дров, которые нам удалось найти, отсырели. Но здесь хорошая тяга в трубе. Кажется, она пробита прямо в скале и, к счастью, не завалена. И огонь сейчас очень кстати. Я поджарю вам тосты. Хлеб, боюсь, трёх- или четырёхдневной давности.

Арагорн с друзьями уселись на одном конце длинного стола, а хоббиты исчезли за одной из

внутренних дверей.

— Там кладовая и, к счастью, не затопленная, — сказал Пин, когда они вернулись, нагруженные тарелками, кубками, чашами, ножами и разнообразной снедью.

— И вам не придётся воротить нос от тарелки, мастер Гимли, — добавил Мерри. — Это не жратва орков, а, как назвал её Древобород, людская еда. Вы что будете, вино или пиво? Там внутри бочонок — очень неплохой. А это первоклассная солонина. Или, если хотите, могу отрезать и пожарить несколько ломтиков бекона. Жаль, что нет зелени: подвоз продовольствия в последние несколько дней был сильно затруднён! Я не могу предложить вам к хлебу ничего, кроме масла и мёда. Вы довольны?

— Конечно, да, — отозвался Гимли. — Счёт к вам сильно уменьшился.

Все трое вскоре занялись обедом, а двое хоббитов, не смущаясь, пошли по второму разу.

— Мы же обязаны составить гостям компанию, — объяснили они.

— Этим утром вы просто исключительно учтивы, — рассмеялся Леголас. — Но если бы мы не приехали, вы, скорее всего, уже опять составили бы компанию друг другу.

— Может быть, а почему бы и нет? — отозвался Пин. — Мы скверно питались у орков, да и до этого отнюдь не роскошествовали. Давненько нам уже не доводилось наедаться в своё удовольствие.

— Не похоже, чтобы это вам повредило, — заметил Арагорн. — В самом деле, вы просто пышете здоровьем.

— Увы, это так, — подтвердил Гимли, оглядывая их поверх чаши с ног до головы. — Эй, да ваши волосы стали вдвое гуще и курчавее с тех пор, как мы расстались, и я мог бы поклясться, что вы оба немного подросли, если только это возможно для хоббитов вашего возраста. Во всяком случае, Древобород не заставил вас голодать.

— Не заставил, — согласился Мерри. — Но энты только пьют, а питьём от души не насытишься. Напитки Древоборода может быть и очень питательны, но хочется чего-нибудь посущественнее. Да и лембасы способны немного поднадоесть.

— Так вы пили воды энтов? — спросил Леголас. — А! Тогда я думаю, что глаза Гимли не обманули его. Станные песни поются о напитках Фангорна.

— Много странного рассказывают о его стране, — сказал Арагорн. — Я никогда не переступал её границ. Ну-ка, расскажите мне побольше о ней и об энтах!

— Энты, — начал Пин. — Ну, прежде всего, все энты разные. Но их глаза... их глаза очень чудные... — с трудом выдавил из себя он и погрузился в молчание. — О... ну... — продолжил он, — ты уже видел некоторых издали... Во всяком случае, они видели вас и сообщили, что вы в пути; и ты увидишь ещё других, я полагаю, прежде чем уедешь отсюда. Ты составишь своё собственное мнение.

— Ну, ну! — сказал Гимли. — Мы начали историю с середины. Я предпочёл бы рассказ по порядку, начиная с того странного дня, когда наш Отряд распался.

— Услышишь, если хватит времени, — отозвался Мерри. — Но сначала, если вы кончили есть, вы должны набить и раскурить свои трубки. И тогда на время мы сможем представить себе, что мы снова спокойно сидим в Бри, или в Раздоле.

Он достал маленький кожаный кисет, полный табака.

— У нас его куча, — сказал он. — И вы тоже перед уходом сможете набрать, сколько захотите. Сегодня утром мы с Пином занимались спасательными работами: вылавливали вещи, плавающие кругом. Пин нашёл два небольших бочонка, всплывших, надо понимать, из подвала караульни. Когда мы их вскрыли, то обнаружили, что они наполнены вот этим — таким тонким табаком, какого можно только пожелать, — и совершенно неподпорченным.

Гимли взял немного, растёр на ладони и понюхал.

— Выглядит хорошо и пахнет приятно, — сказал он.

— Отличный табак! — подтвердил Мерри. — Мой милый Гимли, это "Лист Длинной Поймы"! На бочонках ясней ясного был выжжен торговый знак Звонкорога. Как они попали сюда, я и вообразить не могу. Разве что лично для Сарумана. Никогда бы не подумал, что этот табак расходуется так широко. Но сейчас он очень даже кстати!

— Был бы кстати, — поправил его Гимли, — если бы я мог набить им трубку. Увы! Я потерял свою в Мории, или раньше. А среди ваших трофеев нет трубки?

— Боюсь, что нет, — сказал Мерри. — Мы не нашли ни одной, даже здесь, в караульной. Саруман, похоже, приберегал этот деликатес для себя. И мне кажется, что будет мало толку, если мы постучимся в двери Ортханка и попросим трубку у него! Просто пустим трубки по кругу, как полагается добрым друзьям в крайней нужде.

— Минуточку! — сказал Пин. Засунув руку под рубаху на груди, он вытащил маленький, тщательно перевязанный свёрток. — Я берёг рядом со своей шкурой одно-два сокровища, такие же ценные для меня, как Кольца. Вот она — моя старая деревянная трубка. А вот и другая — ни разу не использованная. Я долго носил их с собой, сам не зная почему, поскольку, конечно, никогда всерьёз не рассчитывал найти в пути табак, когда мой весь вышел. Но теперь-то они, наконец, пригодятся.

Он взял маленькую трубку с широкой плоской чашечкой и протянул её Гимли.

— Закроет ли это счёт между нами? — спросил он.

— Закроет! — вскричал Гимли. — Более того, благороднейший из хоббитов, я оказываюсь в глубоком долгу перед тобой!

— Ну, я пошёл обратно на свежий воздух, — сказал Леголас. — Посмотрю, что поделявают ветер и небо!

— Мы пойдём с тобой, — сказал Арагорн.

Они вышли и уселись на камни, нагромождённые перед входом в ворота. Отсюда теперь открывался хороший вид на долину: туман поднялся и был унесён свежим ветром.

— Давайте-ка отдохнём здесь немного! — предложил Арагорн. — Будем сидеть, как сказал Гэндальф, на краю развалин и беседовать, пока он занимается своими делами. Я чувствую такую усталость, какую редко ощущал раньше.

Он завернулся в свой серый плащ, закрыв им кольчугу, вытянул длинные ноги, откинулся назад и выпустил изо рта толстую струю дыма.

— Гляньте-ка! — сказал Пин. — Бродяжник-следопыт вернулся!

— А он куда и не уходил, — отозвался Арагорн. — Я Бродяжник и одновременно Дунадан, и я принадлежу как Гондору, так и Северу.

Некоторое время они молча курили, и солнце светило на них, посылая косые лучи в долину между высоких белых облаков на западе. Леголас лежал неподвижно, пристально глядя вверх на солнце и небо и тихонько напевая себе под нос. Наконец он уселся.

— Ну, давайте! — сказал он. — Время уходит, а туманы унесены ветром, точнее, были бы унесены, если бы вы, странный народ прекратили окутывать себя дымом. Как насчёт рассказа?

— Ну, моя история начинается с того, что я выплыл из тьмы и очутился скрученным среди лагеря орков, — сказал Пин. — Погодите, какой сегодня день?

— Пятое марта по счёту Ши́ра, — ответил Арагорн.

Пин посчитал на пальцах.

— Всего девять дней назад! — сказал он. — А кажется, что год миновал с тех пор, как нас схватили. Что ж, хотя половина из всего этого была похожа на кошмарный сон: по моему подсчёту он длился три ужасных дня. Мерри поправит меня, если я забуду что-нибудь

существенное. Я не буду входить в подробности: плётки, отвратительная еда, вонь и тому подобное, — нечего тут вспоминать.

С этими словами он углубился в рассказ обо всём, что касалось последней битвы Боромира и пробежки орков от Эмин Муила до Леса. Остальные кивали головами, когда некоторые события совпадали с их предположениями.

— Вот некоторые драгоценности, которых вы лишились, — сказал Арагорн. — Вы будете рады получить их обратно.

Он расстегнул под плащом пояс и снял с него два кинжала в ножнах.

— Здорово! — сказал Мерри. — Никак не предполагал, что мы увидим их снова! Я помнил своим нескольких орков, но Угрук вырвал их у нас. Как он злился! Сначала я подумал, что он собирается заколоть меня, но он отбросил их прочь, словно обжёгся.

— А вот и твоя брошь, Пин, — сказал Арагорн. — Я бережно хранил её, потому что это очень ценная вещь.

— Я знаю, — отозвался Пин. — Было очень жалко расставаться с ней, но что ещё я мог сделать?

— Ничего больше, — ответил Арагорн. — Тот, кто не может при необходимости расстаться с сокровищем, — раб. Ты поступил правильно.

— Ловко тебе удалось перерезать верёвку на запястьях! — заметил Гимли. — Тебе помог счастливый случай, но, можно сказать, ты ухватился за него обеими руками!

— И задал нам хорошенькую задачку, — добавил Леголас. — Я-то всё удивлялся, не удалось ли вам отрастить крылья!

— К несчастью, не удалось, — сказал Пин. — Но вы ещё не знаете о Гришнаке.

Он содрогнулся и ничего больше не добавил, предоставив Мерри рассказывать о последних ужасных моментах: обыскивающих лапах, горячем дыхании и страшной силе волосатых рук Гриشناка.

— Всё, что вы рассказали об этих орках из Мордора, или Лугбурза, как они его называют, тревожит меня, — сказал Арагорн. — Чёрный Властелин уже знает слишком много, и его прислужники тоже. И Гришнак, очевидно, отправил нескольких гонцов за Реку после ссоры. Красный Глаз будет смотреть в сторону Скальбурга. Но Саруман, во всяком случае, сам себя загнал в тупик.

— Да, какая бы сторона ни победила, его виды на будущее плоховаты, — согласился Мерри. — С того момента, как орки сунулись в Ристанию, для него всё пошло наперекосяк.

— Мы видели мельком старого негодяя, по крайней мере, так намекнул Гэндальф, — сказал Гимли. — На краю Леса.

— Когда это было? — спросил Пин.

— Пять ночей назад, — ответил Арагорн.

— Пойдите-ка, — сказал Мерри. — Пять ночей назад... Теперь мы подошли к той части истории, о которой вы не знаете ничего. Мы встретили Древоборода утром после битвы, и той же ночью мы были в Родниковом Зале, одном из его энтских домов. Следующим утром мы пошли на Спорище Энтов — это собрание энтов, самая странная вещь и всех, какие мне только доводилось видеть. Оно продолжалось весь тот день и следующий, а мы провели обе ночи с энтом по имени Быстрокив. И затем, уже к вечеру на третий день их собрания, энты внезапно затрубили. Это было потрясающе. Лес вёл себя так, словно в нём копилась грозная буря, и вдруг всё разом прорвало. Хотел бы я, чтобы вы слышали их песню, когда они двинулись строем.

— Если бы её слышал Саруман, он был бы теперь за сотню миль отсюда, даже если бы ему пришлось улепётывать на своих двоих, — добавил Пин:

Пусть Скальбург могуч средь каменных круч,
кольцо его стен разомкнём.
Идём, идём, на бой мы идём,
Мы камни расколем и двери сорвём!

Они сделали гораздо больше. Основная часть пения была без слов и напоминала звуки рогов и бой барабанов. Это очень будоражило. Но тогда я подумал, что это был всего-навсего марш и ничего больше, просто песня — до тех пор, пока не попал сюда. Теперь-то я знаю лучше.

— Мы спустились с последнего хребта в Нан Курунир, когда наступила ночь, — продолжил Мерри. — Именно тогда мне впервые подумалось, что сам Лес двинулся за нами. Сначала я решил, что сплю и вижу энтский сон, да Пин увидел то же самое. Мы оба тогда перепугались, но что это было, поняли только гораздо позднее.

Это шли хуорны, по крайней мере, так их называют энты на "коротком языке". Древобород не захотел распространяться о них, но я думаю, что это энты, которые стали почти совсем как деревья, во всяком случае, с виду. Они молча стоят здесь и там в лесу или на его опушках и непрерывно наблюдают за деревьями. Но я полагаю, что в глубине самых тёмных лощин их сотни и сотни.

Они обладают огромной мощью и, кажется, могут закутываться в мглу: увидеть их движущимися очень трудно. Но они движутся. Они могут двигаться очень быстро, если они рассержены. Стоишь себе спокойно, скажем, наблюдая за погодой или вслушиваясь в шорох ветра, и затем внезапно обнаруживаешь, что оказался посреди леса с громадными деревьями, которые ощупывают всё вокруг. У них сохранились голоса, и они могут разговаривать с энтами — поэтому их и называют хуорнами, сказал Древобород, — но они стали дикими и сумасбродными. Опасными. Встреча с ними перепугала бы меня насмерть, если бы рядом не было истинных энтов, которые следят за ними.

Итак, когда упала ночь, мы прокрались вниз по глубокому ущелью к внешнему краю Чародейского Дола — энты вместе со всеми их шелестящими позади хуорнами. Конечно, видеть их мы не могли, но весь воздух был полон скрипа. Это была очень тёмная, ненастная ночь. Как только они спустились с гор, то начали двигаться с громадной скоростью и шумели, как порывы ветра. Луна так ни разу и не выглянула из-за туч, и вскоре после полуночи вдоль всей северной стороны Скальбурга вырос высокий лес. Врагов было не видно и не слышно. Только высоко в башне мерцало одинокое окошко, и всё.

Древобород и ещё несколько энтов тишком обогнули стену так, чтобы видеть большие ворота. Пин и я были с ними. Мы сидели на плечах Древоборода и чувствовали, как он дрожит от возбуждения. Но, даже взбудоражившись, энты могут быть очень терпеливы и осмотрительны. Они стояли неподвижно, как высеченные из камня, дышали и слушали.

Затем внезапно поднялась ужасная суета. Ревели трубы, и рёв этот эхом отражался от стен Скальбурга. Мы думали, что нас обнаружили, и сейчас начнется битва. Но ничего подобного. Просто все люди Сарумана маршировали прочь. Я мало знаю об этой войне и о всадниках Ристании, но кажется, Саруман рассчитывал покончить с герцогом и всем его войском последним ударом. Он опустошил весь Скальбург. Я видел, как проходили враги: бесконечные ряды марширующих орков и целые их отряды верхом на крупных волках. А затем ещё и батальоны людей. Многие из них несли факелы, и в бликах я мог разглядеть их лица. Большинство было вполне обычными людьми, довольно высокими и темноволосыми, хотя и свирепыми, но выглядевшими не совсем по-злодейски. Но были и другие, совершенно

отвратительные: ростом с людей, но с лицами гоблинов, жёлтые, косоглазые, со злобным выражением. Знаете, они напомнили мне того южанина в Бри, но только тот не так явно походил на орка, как большинство из этих.

— Я тоже подумал о нём, — сказал Арагорн. — Нам пришлось иметь дело со множеством этих полу-орков в Теснине Хельма. Теперь, кажется, совершенно ясно, что тот южанин был шпионом Сарумана, но действовал ли он совместно с Чёрными Всадниками или работал только на Сарумана, я не знаю. Очень сложно понять с этими лиходеями, когда они объединяются, а когда обманывают друг друга.

— Ну вот, всех их вместе было никак не меньше десяти тысяч, — продолжил Мерри. — Им понадобился целый час, чтобы пройти сквозь ворота. Одни спустились по тракту к Бродам, другие повернули на восток. Там, примерно в миле, где река бежит по глубоко врезанному руслу, был сооружён мост. Вы можете увидеть его, если встанете. Они все пели наперебой, хохотали и вообще поднимали ужасный шум. Я думал, что для Ристании дела выглядят очень мрачно. Но Древобород не шевельнулся. Он сказал: "Этой ночью я займусь Скальбургом, скалами и камнями".

Но хотя я и не мог различить, что творилось во мраке, мне кажется, что, как только ворота закрылись, хуорны начали двигаться к югу. Я думаю, что они занялись орками. К утру они были далеко внизу долины, или, во всяком случае, там была тень, сквозь которую никто не мог бы проникнуть взглядом.

Как только Саруман отправил всю свою армию, настала наша очередь. Древобород спустил нас вниз и отправился к воротам. Затем он принялся стучать в них и звать Сарумана. Ответа не было, разве что со стены посыпались стрелы и камни. Но стрелы бессильны против энтов. Они ранят их, конечно, и приводят в бешенство, подобно жалящим насекомым, однако энт может быть так густо утыкан стрелами, как подушечка для иголок, и не понести серьёзного ущерба. Во-первых, их нельзя отравить, а кроме того, их кожа, по-видимому, очень толстая и плотная, как кора. Нужен очень сильный удар топора, чтобы ранить их серьёзно. Поэтому они не любят топоров. Но на одного энта нужно очень много воинов с топорами: человек, один раз ударивший энта, никогда не получит возможности для второго удара. Удар кулака энта сминает железо, как тонкую жёсть.

Когда в Древоборода вонзилось несколько стрел, он разгорячился и, безусловно, начал действовать, по его выражению, "поспешно". Он издал громкий хум-хом, и более дюжины энтов заторопились к нему. Энт в гневе ужасающ. Их пальцы на руках и ногах словно вмёрзли в скалу, и они разорвали её, будто хлебную корку. Это было очень похоже на столетний труд древесных корней, но всё произошло в несколько мгновений.

Они напирали, тянули, рвали, трясли и колотили, и кланг-банг, краш-крак, в пять минут они превратили в руины эти гигантские ворота, а некоторые уже принялись вгрызаться в стены, как кролики в песчаный холм. Уж не знаю, что думал Саруман о происходящем, но, во всяком случае, он не знал, что тут делать. Может быть, конечно, его колдовская сила ослабла за последнее время, однако, как бы там ни было, по-моему, у него гораздо меньше духу, самой обычной отваги в трудном положении, если он оказался в нём один, без своих рабов, механизмов и всего прочего, ну, вы понимаете, что я хочу сказать. Совсем не так, как у старины Гэндальфа. Я не удивлюсь, если окажется, что всей своей славой он обязан преимущественно тому, что когда-то ловко засел в Скальбурге.

— Нет, — возразил Арагорн. — Некогда он был велик настолько, насколько о нём шла слава. Его познания были глубоки, мысли остры, а руки обладали волшебным искусством, и он умел властвовать над мыслями других. Он мог убедить мудрых и запугать простой народ. И эту силу он определенно сохранил и поныне. Я рискну назвать лишь немногих в Средиземье, кто

мог бы безопасно поговорить с ним с глазу на глаз даже теперь, когда он потерпел поражение. Гэндальф, Элронд и Галадриэль, возможно, да и то лишь потому, что его порочность стала совершенно очевидна, но других таких очень мало.

— Включи в их число энтов, — сказал Пин. — Кажется, один раз он смог их обойти, но никогда больше ему этого не удастся. И в любом случае, он не понял их и допустил грандиозную ошибку, не приняв их в свои расчёты. У него не было плана против них и не было времени составить его, когда они взялись за дело. Вскоре после начала нашей атаки из всех дыр, проделанных энтами, посыпались оставшиеся в Скальбурге крысы. Людям энты позволили уйти, допросив их, всего двум-трём дюжинам. Но не думаю, что удалось удрать хоть одному орку, во всяком случае, не от хуорнов. Вокруг Скальбурга к тому времени вырос целый их лес, не считая тех, что спустились в долину.

Когда энты разнесли большую часть южной стены и когда все его слуги удрали, бросив хозяина, Саруман в панике бежал. Похоже, что, когда мы появились, он был у ворот. Наверное, вышел понаблюдать за маршем своего блистательного воинства. Когда энты взломали ворота, он помчался прочь. Они сначала не заметили его, но ночь прояснилась, и засияли звёзды; их света вполне достаточно для энтов. Внезапно Быстрокив издал громкий вопль: "Убийца деревьев! Убийца деревьев!" Быстрокив — спокойное, мягкое существо, но тем яростнее он ненавидит Сарумана за то, что его племя жестоко пострадало от топоров орков. Он устремился по дороге, ведущей от внутренних ворот, а двигаться он, когда взбудоражен, может со скоростью ветра. Бледная фигура, мелькавшая между тенями колонн, уже почти добралась до лестницы к воротам башни, но только почти. Быстрокив так стремительно бросился за ней, что ему не хватило всего одного или двух шагов, чтобы схватить и придушить врага, когда тот проскользнул в дверь.

Когда Саруман целым и невредимым достиг Ортханка, он очень быстро привёл в действие некоторые из своих драгоценных механизмов. К тому времени многие энты были уже внутри Скальбурга: одни последовали за Быстрокивом, другие ворвались с севера и востока. Они были повсюду и успели нанести немалый урон. Внезапно вспыхнул огонь и повалили зловонный дым: отдушины и шахты по всей равнине принялись извергать струи и столбы огня. Некоторые энты обожглись и покрылись волдырями. Один из них, кажется, его звали Букотел, очень высокий и красивый энт, попал под струю жидкого огня и вспыхнул, как факел, — ужасное зрелище!

Это привело их в бешенство. Я-то думал, что они ещё до этого были действительно взбудоражены, но я ошибался. Наконец-то я увидел, на что это похоже. Это было просто ошеломляюще. Они ревели, гудели и трубили, пока камни не начали трескаться и падать от одного производимого ими звука. Мы с Мерри лежали на земле, затыкая уши плащами. Повсюду вокруг утёса Ортханка метались энты, подобно воющему урагану, ломая колонны, обрушивая лавины валунов в скважины и взметывая вверх огромные каменные плиты, как листочки. Крепость очутилась в центре бушующего смерча. Я видел, как железные столбы и каменные блоки взлетали ввысь на сотни футов и разбивались об окна Ортханка. Но Древобород не потерял головы. Он, к счастью, не получил ни одного ожога. Ему не хотелось, чтобы его народ в своей ярости покалечил сам себя или чтобы Саруман удрал среди всего этого смятения через какую-нибудь дыру. Многие энты бросились на Ортханк, но тот победил их. Он очень гладкий и твёрдый. Быть может, в нём скрыто какое-то волшебство, более древнее и сильное, чем Сарумана. Во всяком случае, они не могли ни ухватиться за него, ни расколоть, и только наносили себя раны и синяки, пытаясь сделать это.

Так что Древобород вступил в круг и громко закричал. Его чудовищный голос перекрыл весь грохот. Внезапно наступила мёртвая тишина. Из высокого окна башни послышался пронзительный смех. Но он оказал на энтов странное действие. Прежде они кипели, теперь стали холодны, неумолимы, как лёд, и спокойны. Они покинули равнину и, неподвижные и

безмолвные, встали вокруг Древоборода. Он немного поговорил с ними на своём языке: наверное, сообщил им план, который задолго до этого сложился в его старой голове. А затем они просто молчаливо исчезли в сером свете. К тому времени начало светать.

Думаю, что они выставили часовых у башни, но те были так надёжно укрыты в тени и держались так тихо, что я не мог разглядеть их. Остальные ушли на север. Весь этот день они что-то делали, но что именно, видно не было. Большую часть времени мы провели одни. Это был унылый день. Мы побродили немного, стараясь держаться так, чтобы нас не увидели из окон Ортханка: они глазели на нас так угрожающе... Большую часть времени мы потратили на поиски чего-нибудь съедобного. Ну, и ещё сидели и беседовали, прикидывая, что происходит на юге, в Ристании, и что случилось со всеми остальными из нашего Отряда. Временами до нас доносился отдалённый грохот, стук падающих камней и глухой шум, отдающийся в горах.

Вечером мы обошли круг, чтобы посмотреть, что происходит. В верхнем конце долины стоял большой тёмный лес хуорнов, другой такой же лес окружал северную стену. Мы не осмелились войти внутрь. Но оттуда доносился шум, словно что-то рвалось и раздиралось. Энты и хуорны рыли громадные ямы и траншеи и сооружали большие дамбы и запруды, собирая в них все воды Скальтока и других речек и ручьёв, которые только смогли найти. За этим занятием мы их и оставили.

В сумерках Древобород ввергнулся к воротам. Он бормотал и гудел себе под нос и казался довольным. Он остановился, распрямил свои большие ноги и руки и глубоко вздохнул. Я спросил, не устал ли он. "Устал? — переспросил он. — Устал? Нет, не устал, но одеревенел. Мне нужен хороший глоток из Энтрицы. Мы тяжело поработали, за сегодня мы раздробили больше камней и изгрызли больше земли, чем за многие годы до этого. Но конец уже близок. Когда настанет ночь, не медлите вблизи этих ворот или в старом туннеле! Здесь хлынет вода, и сначала это будет гнилая вода, пока не смоется вся грязь Сарумана. Тогда Скальток снова побежит чистым". Он принялся разбирать стену дальше, действуя неторопливо и спокойно, словно бы развлекаясь.

Мы уже прикидывали, где лучше устроиться, чтобы спокойно улечься и поспать, как произошла самая поразительная вещь из всего, что только было. Послышался стук копыт, как будто по дороге мчится всадник. Мы с Мерри быстро легли и затаились, а Древобород укрылся в тени под аркой. Внезапно появился гигантский конь, похожий на вспышку серебра. Было уже темно, но я отчётливо видел лицо всадника: казалось, что оно светится, и все его одежды были белыми. Я уселся, открыв рот и не сводя с него глаз. Попытался окликнуть, и не смог.

Этого и не потребовалось. Он остановился как раз рядом с нами и посмотрел вниз. "Гэндальф!" — произнёс я наконец. Но мой голос был не громче шёпота. Думаете, он сказал: "Привет, Пин! Какой приятный сюрприз?". Ничего подобного! Он сказал: "Вставай, олух из породы Кролов! Где, во имя всех чудес, среди всех этих руин Древобород? Он мне нужен. Быстро!"

Древобород услышал его голос и выступил из тени, и странная же это была встреча! Я был поражён, потому что никто из них, по-видимому, совсем не удивился. Гэндальф, очевидно, рассчитывал найти здесь Древоборода, а Древобород, вероятнее всего, специально мешкал вблизи ворот с целью встретить его. Хотя мы рассказали старому энту всё про Морию. Но затем я вспомнил странный взгляд, которым он посмотрел на нас тогда. Я могу только предположить, что он видел Гэндальфа или имел какие-либо известия о нём, но ничего не хотел говорить наспех. "Не спешить" — его девиз; но никто, даже эльфы, не скажут многого о передвижениях Гэндальфа, когда его нет.

"Хум! Гэндальф! — сказал Древобород. — Я рад, что ты пришёл. Я могу распоряжаться лесом и водой, стволами и камнями, но здесь требуется управиться с колдуном".

"Древобород, — сказал Гэндальф. — Мне нужна твоя помощь. Ты сделал много, но нужно больше. Мне нужно управиться примерно с десятью тысячами орков".

Затем оба отошли и посоветовались друг с другом в уголке. Это должно было показаться Древобороду очень поспешным, потому что Гэндальф страшно торопился и уже очень быстро говорил что-то, прежде чем они вышли за пределы слышимости. Они совещались несколько минут, возможно, четверть часа. Затем Гэндальф вернулся к нам с гораздо более довольным, почти весёлым видом. Ну, и сказал, что рад видеть нас.

"Но Гэндальф! — воскликнул я. — Где ты был? И видел ли ты других?"

"Где бы я ни был, я вернулся, — ответил он в своей обычной манере. — Да, кое-кого из остальных я видел, но с новостями придётся подождать. Это опасная ночь, и я должен быстро уехать. Но рассвет может оказаться ярче, а коли так, то мы снова встретимся. Позаботьтесь о себе сами и держитесь подальше от Ортханка! Пока!"

После того, как Гэндальф исчез, Древобород был очень задумчив. Очевидно, он много узнал за короткое время и теперь переваривал это. Он посмотрел на нас и сказал: "Хм, так, я нахожу, что вы не такие торопыги, как я думал. Вы сказали много меньше, чем могли бы, и не больше, чем были должны. Хм, да уж, здесь целая охапка новостей! Ладно, сейчас Древобород снова должен заняться делом".

Прежде чем он ушёл, мы кое-что у него выпросили, и это совсем нас не утешило. Правда, в тот момент мы больше думали о вас троих, чем о Фродо и Сэме или о бедном Боромире. Потому что мы поняли, что началась или вскоре начнётся великая битва, и что вы участвуете в ней и можете никогда не вернуться.

"Хуорны помогут", — сказал Древобород. Затем он ушёл, и больше мы его не видели до нынешнего утра.

Была глубокая ночь. Мы лежали на вершине кучи из камней и не могли видеть ничего вокруг. Мгла или тени скрыли всё, подобно громадному покрывалу. Воздух казался тяжёлым и горячим, и он был полон шороха, треска и бормотания, похожего на голоса. Я думаю, что ещё целые сотни хуорнов двинулись на помощь в битве. Позднее далеко над Ристанией раздались сильные раскаты грома и засверкали молнии. Всё снова и снова за многие мили возникали внезапно вонзающиеся в небо горные пики, чёрные и белые, и тут же опять исчезали. А позади нас тоже был шум, подобный грому в горах, но другой. Временами вся долина отвечала ему эхом.

Наверное, было около полуночи, когда энты сломали дамбы и обрушили все собранные воды сквозь проход в северной стене вниз на Скальбург. Мгла хуорнов прошла, и гром укатился вдаль. Луна склонялась за западные горы.

Скальбург начал заполняться чёрными разливающимися потоками и заводами. Покрыв собой равнину, они блестели в последнем свете луны. Всё снова и снова вода находила дорогу вниз в дыры и скважины. С шипением вырывался белый пар. Дым всплывал кверху тяжёлыми подушками. Были вспышки и мощные полохи пламени. Громадное кольцо испарений клубами поднималось, извиваясь вокруг Ортханка, пока он не стал похож на высокий пик в тучах, освещаемый огнём снизу и лунным светом сверху. И всё больше воды устремлялось внутрь, пока наконец Скальбург не начал напоминать огромную плоскую кастрюлю, которая кипит и выбрасывает пар.

— Мы видели облака пара и дыма на юге прошлой ночью, когда приблизились к устью Нан Курунира, — сказал Арагорн. — Мы боялись, что Саруман заваривает какое-то новое колдовство против нас.

— Не он! — сказал Пин. — Возможно, он поперхнулся, так как больше ни разу не смеялся.

К утру, вчерашнему утру, вода проникла во все дыры и поднялся густой туман. Мы укрылись наверху в той караульной и, надо сказать, вскоре натерпелись страху. Озеро принялось стремительно подниматься, залило старый туннель, и вода стремительно захлёстывала ступеньку за ступенькой. Мы уже думали, что попались, как орки в норе, но нашли винтовую лестницу в задней части кладовой, которая вывела нас на вершину арки. Пришлось протискиваться, чтобы выбраться, потому что верхняя часть переходов осыпалась и завалена упавшими камнями. Так мы сидели высоко над потоком и наблюдали, как тонул Скальбург. Энты продолжали заливать его водой, пока все огни не погасли и все пещеры не заполнились. Туман медленно сгустился и поднялся вверх гигантским облачным зонтиком: наверное, в милую высоту. Вечером над восточными холмами встала громадная радуга, а затем закат скрылся за плотным морозящим дождём, выпавшим на склонах гор. Кругом было очень тихо. Где-то вдалеке печально выло несколько волков. Ночью энты остановили воду и вернули Скальток в его прежнее русло. Так всё и кончилось.

С тех пор воды начали постепенно убывать. Я думаю, что они уходят через какие-то подземные пещеры. Если Саруман выглядывает из окошек, он видит повсюду только грязь и кошмарный беспорядок. Мы чувствовали себя очень одинокими. Ни одного энта среди развалин, чтобы поговорить, и никаких новостей. Мы провели ночь наверху над аркой; там было холодно и сыро, и мы не спали. У нас было ощущение, что с минуты на минуту что-нибудь произойдёт. Саруман ведь так и сидит в своей башне. Потом в темноте раздался шум, подобно ветру, несущемуся из долины. Я думаю, что это вернулись энты и хуорны, которые уходили; но куда они все делись теперь, я не знаю. Было туманное сырое утро, когда мы слезли вниз и осмотрелись, и вокруг ничего не было. Вот и весь рассказ. Теперь, после всей суматохи, всё выглядело почти мирным. А с тех пор, как Гэндальф вернулся, то в какой-то степени и безопасным. Я заснул!

Некоторое время все молчали. Гимли снова набил трубку.

— Есть одна вещь, которую я хочу знать, — сказал он, разжигая её своим огнём и трутом. — Злоречив. Ты сказал Теодену, что он с Саруманом. Как он туда попал?

— Ох, да. Я забыл о нём, — сказал Пин. — Его здесь не было до сегодняшнего утра. Мы только что разожгли огонь и немного позавтракали, когда снова появился Древобород. Мы услышали его хумканье и то, что он зовёт нас снаружи.

"Я заглянул сюда, просто чтобы посмотреть, как у вас дела, пареньки, — сказал он, — и сообщить кое-что новое. Хуорны вернулись. Всё прекрасно. Да. Всё просто замечательно!" Он рассмеялся и похлопал себя по бокам: "Никаких больше орков в Скальбурге, никаких топоров! И прежде, чем день состарится, сюда придут люди с юга. Некоторых из них вы будете рады видеть".

Едва лишь он это сказал, как мы услышали стук копыт на дороге. Мы вылетели из ворот, и я стоял и смотрел, почти ожидая увидеть Бродяжника и Гэндальфа, скачущих во главе войска. Но из тумана выехал человек на старой загнанной лошади, и сам он выглядел, как законченный старый обманщик. Никого больше не было. Когда он выехал из тумана и внезапно увидел прямо перед собой развалины и обломки крушения, он застыл, раскрыв рот, и лицо его стало почти зелёным. Он был настолько сбит с толку, что сначала не заметил нас. А когда заметил, то вскрикнул, попытался повернуть лошадь и ускакать, но Древобород сделал три шага, вытянул длинную руку и поднял его с седла. Лошадь в ужасе понеслась прочь, а человек распростёрся на земле. Он сказал, что он Грима, друг и советник герцога, и был послан с важным поручением от Теодена к Саруману.

"Никто больше не осмелился скакать по открытой местности, переполненной грязными орками, — сказал он, — так что послали меня. И я проделал путь, полный опасностей, и я голоден и устал. Мне пришлось отклониться далеко к северу, потому что меня преследовали волки".

Я уловил косой взгляд, кинутый им на Древоборода, и сказал сам себе: "Лгун". Древобород рассматривал его в своей обычной неторопливой манере, а жалкий негодяй извивался тем временем на земле. Наконец старый энт произнёс: "Ха, хм, я ждал тебя, мастер Злоречив". При этом имени человек вздрогнул. "Гэндальф пришёл сюда первым; так что я знаю о тебе столько, сколько нужно, и я знаю, что делать с тобой. "Загони всех крыс в одну ловушку", — сказал Гэндальф. И я это сделаю. Теперь я хозяин Скальбурга, но Саруман заперся в своей башне, и ты можешь идти и передать ему все поручения, какие только сможешь выдумать".

"Дозвольте мне пройти! Дозвольте мне пройти! — проговорил Злоречив. — Я знаю дорогу".

"Я не сомневаюсь, что ты знал дорогу, — сказал Древобород. — Но здесь кое-что несколько изменилось. Иди и смотри!"

Он позволил Злоречиву пройти, и тот заковылял под аркой, а мы следовали за ним попятам, пока он не вошёл внутрь кольца и не увидел озера, лежащего между ним и Ортханком. Тогда он повернулся к нам.

"Отпустите меня! — заскулил он. — Отпустите меня! Моё поручение теперь не имеет смысла!"

"Действительно так, — отозвался Древобород. — Но у тебя только две возможности: стоять вместе со мной до тех пор, пока сюда не придут Гэндальф и твой господин, или перебраться через воду. Что ты выберешь?"

При упоминании о своём господине человек затрепетал и сунул было ногу в воду, но отшатнулся. "Я не умею плавать", — сказал он.

"Вода не глубока, — ответил Древобород. — Она грязная, но не причинит тебе вреда, мастер Злоречив. Ступай туда!"

И бедняга начал барахтаться в воде. Он погрузился почти по шею ещё до того, как вышел из поля моего зрения. Последнее, что я видел, как он ухватился за какое-то бревно или балку. Однако Древобород брёл за ним, следя за его успехами.

"Так, он вошёл внутрь, — сказал он, когда вернулся. — Я видел, как он вползал по ступенькам, подобно перепачканной крысе. И, между тем, в башне до сих пор кое-кто есть: высунулась рука и втянула его внутрь. Так что он там, и надеюсь, что приветствие ему понравилось. Теперь я хочу пойти и отмыться от ила. Если кто-нибудь захочет меня увидеть, то я буду на северной стороне. Здесь внизу нет чистой воды, годной энтам для питья или для омовения. Поэтому я хочу попросить вас, пареньки, подождать у ворот людей, которые приедут. Заметьте себе, что среди них будет Владыка степей Ристании! Вы должны будете приветствовать его настолько учтиво, насколько сумеете. Его люди одержали победу в большой битве с орками. Может быть, вам лучше известны людские речи, подходящие для такого господина, чем энтам. В моё время было много владык в зелёных степях, но я никогда не запоминал ни их речей, ни имён. Им понадобится людская пища, и я полагаю, что вы знаете о ней всё. Так что найдите, если сможете, то, что, по-вашему, годится для еды герцогу". Вот и вся история. Только я охотно узнал бы, кто такой этот Злоречив? Он что, действительно советник герцога?

— Он был им, — сказал Арагорн. — Как и шпионом и прислужником Сарумана в Ристании. Судьба не была благосклонна к нему более, чем он заслужил. Вид развалин всего того, что он мнил таким сильным и могущественным, уже сам по себе должен был послужить

достаточным наказанием. Но я боюсь, его ожидает кое-что похуже.

— Да, не думаю, что Древобород послал его в Ортханк исключительно по доброте душевной, — сказал Мерри. — Было похоже, что он получил от этого дела мрачное удовлетворение, и он посмеивался про себя, когда пошёл мыться и пить. Ну, мы тоже развили бурную деятельность, исследуя обломки и перерыв всё вокруг. Нашли поблизости две-три кладовых, которые остались выше уровня воды. А Древобород прислал нескольких энтов, и они унесли большую часть припасов.

"Нам нужна еда для двадцати пяти человек", — сказали энты. Так что, как видите, кто-то заботливо подсчитал размер вашего отряда ещё до того, как вы прибыли. Предполагалось, конечно, что вы трое отправитесь с остальными сильными мира сего. Но мы приняли вас даже немного лучше. Уверяю, что себе мы оставили то же самое, что и отправили, а лучше, потому что мы не отправили напитки.

"Как насчёт питья?" — спросил я энтов.

"Там есть вода Скальтока, — ответили они, — и она достаточно хороша как для энтов, так и для людей". Но я надеюсь, что у энтов нашлось время для приготовления кое-каких своих напитков из горных источников, и мы увидим бороду Гэндальфа закурчавившейся, когда он вернётся. После того как энты ушли, мы почувствовали, что устали и голодны. Но мы не жалуемся — наши труды были хорошо вознаграждены. Ведь именно благодаря поискам людской еды Пин и обнаружил этот трофей среди прочих обломков, я имею в виду бочонки Звонкорога. "Табак лучше оставить на после еды", — сказал Пин; за этим делом вы нас и застали.

— Вот теперь всё совершенно ясно, — сказал Гимли.

— За исключением одной вещи, — добавил Арагорн. — Табака из Южного удела в Скальбурге. Чем больше я размышляю над этим, тем более любопытным мне это кажется. Я никогда не был в Скальбурге, но я странствовал в этих краях и хорошо знаю пустынные земли, что лежат между Ристанией и Широм. Уже многие годы никто не провозит этим путём товары и не путешествует по нему, во всяком случае, не путешествует открыто. Полагаю, что Саруман завёл тайные сношения с кем-то в Хоббитании. Злоречивы могут найтись и в других домах, кроме дома герцога Теодена. Стояла ли дата на бочонках?

— Да, — ответил Пин. — Это урожай 1417 года, прошлого, ой, нет, конечно, уже позапрошлого: хороший был год.

— А, ладно, надо надеяться, что какое бы зло ни затевалось тогда, оно теперь миновало. В любом случае, это сейчас вне пределов нашей досягаемости, — со вздохом промолвил Арагорн. — Тем не менее, я думаю, что должен упомянуть об этом обстоятельстве Гэндальфу, хотя оно может показаться и мелочью среди его великих дел.

— Хотел бы я знать, чем он занимается, — сказал Мерри. — Дело уже к вечеру. Пойдёмте посмотримся! Теперь-то, Бродяжник, ты можешь войти в Скальбург хоть сейчас, если пожелаешь. Но это не очень приятное зрелище.

Глава X

Голос Сарумана

Они прошли сквозь разрушенный туннель и встали на куче камней, разглядывая тёмный утёс Ортханка и его многочисленные окна, всё ещё грозные, несмотря на разруху вокруг. Вода уже почти спала. Там и сям оставались тёмные лужи, покрытые пеной и обломками крушения, но большая часть широкого круга была опять открыта: грязная пустошь с разбросанными в беспорядке камнями, изрытая чёрными дырами и утыканная столбами и колоннами, пьяно

склонившимися в разных направлениях. По краям разбитой чаши виднелись глубокие канавы и огромные насыпи, словно галька, нашвырянная сильным штормом, а за ними взбегала вверх зелёная извилистая лощина, переходя в глубокое ущелье меж тёмных отрогов гор. На другой стороне разорённого круга они увидели прокладывающих себе путь всадников. Они двигались с северной стороны и уже почти приблизились к Ортханку.

— Там Гэндальф, Теоден и его люди! — сказал Леголас. — Давайте пойдём к ним навстречу!

— Идите осторожно! — предупредил Мерри. — Тут есть подвижные плиты, которые могут опрокинуться и сбросить вас в яму, если вы не побережётесь.

Они медленно пошли по остаткам дороги, ведущей от ворот к Ортханку; плиты её были разбиты и облеплены грязью. Всадники, увидев, что они приближаются, задержались в тени утёса и подождали их. Гэндальф поскакал вперёд навстречу друзьям.

— Ну вот, у меня была интересная дискуссия с Древобородом, мы вместе составили кое-какие планы, — сказал он, — и, кроме того, получили совершенно необходимый отдых. А теперь мы опять должны двинуться в путь. Надеюсь, что ваши друзья тоже отдохнули и подкрепились?

— Да, — ответил Мерри. — Но наша дискуссия началась и окончилась дымом. Надо сказать, благодаря этому мы несколько лучше расположены к Саруману, чем прежде.

— Неужели? — спросил Гэндальф. — Ну что ж. А я нет. Теперь у меня перед уходом осталась последняя задача: я должен нанести Саруману прощальный визит. Это опасно и, вероятнее всего, бесполезно, но я обязан это сделать. Те, кто захочет, могут пойти со мной. Но остерегайтесь! И без насмешек! Сейчас не время для этого.

— Я пойду, — сказал Гимли. — Я хочу увидеть его и узнать, действительно ли он так похож на тебя.

— А как ты это узнаешь, мастер гном? — спросил Гэндальф. — При желании Саруман может показаться тебе похожим на меня, если это будет соответствовать его цели. Или ты уже достаточно мудр, чтобы различать все его подлоги? Что ж, может быть. Посмотрим. Возможно, он постесняется предстать сразу перед многими разными глазами. Но я приказал всем энтам не стоять на виду, так что, быть может, мы заставим его выйти.

— А в чём опасность? — спросил Пин. — Он будет стрелять в нас или лить из окон огонь? Или он может наложить на нас чары на расстоянии?

— Последнее очень возможно, если вы легкомысленно подскочите к его дверям, — ответил Гэндальф. — Но неизвестно, что именно он может сделать или что попытается испытать. Небезопасно приближаться к загнанному в угол дикому зверю. И Саруман обладает могуществом, о котором вы и не подозреваете. Берегитесь его голоса!

Теперь они приблизились к подножью Ортханка. Он был чёрен, а утёс блестел, словно мокрый. Края многогранных камней были острыми, будто только что высеченными. Несколько царапин и мелких плоских выбоинок у подножья — вот и все следы, оставленные яростью энтов.

С восточной стороны высоко над землёй меж двух столбов были большие двери, а над ними — закрытое ставнями окно, выходящее на балкон, загороженный железными прутьями. К дверям вёл крутой пролёт из двадцати семи широких ступеней, каким-то неизвестным образом высеченных из того же чёрного камня. Это был единственный вход в башню, но в её уходящих ввысь стенах было пробито множество узких окон, прячущихся в глубоких амбразурах. Издали они выглядели как маленькие глазки на отвесных стенах из рога.

У основания лестницы Гэндальф и герцог спешились.

— Я собираюсь подняться, — сказал Гэндальф. — Я был в Ортханке и знаю грозящую мне опасность.

— И я тоже поднимусь, — сказал герцог. — Я стар и больше не боюсь опасностей. Я хочу поговорить с врагом, который причинил мне столько зла. Эомир пойдёт со мной и присмотрит, чтобы мои старые ноги не дрожали.

— Как хочешь, — отозвался Гэндальф. — Со мной пойдёт Арагорн. Остальных оставь дожидаться нас у подножья лестницы. Они увидят и услышат достаточно, если будет на что смотреть и что слушать.

— Нет, — возразил Гимли. — Мы с Леголасом хотим увидеть всё поближе. Мы с ним одни представляем здесь оба наших народа. Мы тоже хотим сопровождать вас!

— Тогда идём! — сказал Гэндальф и начал подниматься по лестнице. Рядом с ним шёл Теоден.

Всадники беспокойно сидели на лошадях по бокам лестницы и мрачно поглядывали на высокую башню, опасаясь, что с их господином может случиться недоброе. Мерри и Пин сидели на нижней ступеньке, чувствуя себя неуверенно и небезопасно.

— Верных полмили до ворот, да ещё и по грязи, — бормотал Пин. — Хотел бы я как-нибудь незаметно ускользнуть отсюда обратно в караульню! И зачем мы сюда потащились? Нас не звали.

Гэндальф встал перед дверями Ортханка и стукнул по ним своим посохом. Раздался гулкий звук.

— Саруман, Саруман! — крикнул он громко и повелительно. — Саруман, выходи!

Ответа некоторое время не было. Наконец открылось окно над дверьми, но в тёмном отверстии никто не появился.

— Кто здесь? — спросил голос. — Что вам надо?

Теоден вздрогнул.

— Мне знаком этот голос, — сказал он. — И я проклиная тот день, когда впервые прислушался к нему.

— Ступай и приведи Сарумана, раз уж ты стал его лакеем, Грима Злоречив, — сказал Гэндальф. — И не трать наше время!

Окно захлопнулось. Они ждали. Внезапно зазвучал другой голос, тихий и мелодичный, и звук его зачаровывал. Те, кому доводилось прислушиваться к этому голосу без опаски, редко могли повторить услышанные ими слова, а если и могли, то начинали удивляться, как мало они значили. Большинство же помнило только, что слушать его было наслаждением; всё, что он произносил, казалось мудрым и убедительным, и в слушателях просыпалось желание поспешно согласиться с ним, чтобы и самим выглядеть мудрыми. Другие же речи казались им по контрасту путанными и нескладными, и, если они противоречили голосу, в очарованных им сердцах просыпался гнев на говоривших. На некоторых чары действовали только пока голос обращался непосредственно к ним, а когда он заговаривал с другими, то прежние слушатели улыбались, как люди, разобравшиеся в ловком фокусе, на который остальные смотрят, разинув рот. Многим же достаточно было лишь звука этого голоса, чтобы покориться ему; но для тех, кого голос подчинил, действие чар продолжалось и тогда, когда они были далеко, и они постоянно слышали убеждающие нащёптывания этого мягкого голоса. Но никто из слушающих этот голос не оставался равнодушным, никто не мог без усилия мысли и воли отбросить его требования и приказы, пока хозяин голоса владел им.

— Да? — спросил сейчас этот голос кротко. — Зачем вы тревожите меня? Вы не хотите дать мне покоя ни днём, ни ночью?

Его тон был тоном доброжелательного сердца, огорчённого незаслуженной несправедливостью.

Они поражённо подняли глаза, ибо не слышали, как Саруман подошёл, и увидели фигуру, которая стояла у перил балкона и смотрела на них сверху вниз: старик, закутанный в большой плащ, цвет которого нельзя было определить точно, потому что он изменялся при его движениях или когда они водили глазами. Лицо его было продолговатым, лоб высоким, глаза — запавшие и тёмные с неуловимым выражением, однако взгляд, обращённый на них, был степенным, доброжелательным и немного усталым. Его волосы и борода были белыми, но у губ и ушей проглядывало несколько тёмных прядей.

— Похож и непохож, — пробормотал Гимли.

— Но к делу, — сказал мягкий голос. — По крайней мере, двух из вас я знаю по именам. Гэндальфа я знаю слишком хорошо, чтобы надеяться, что он будет искать здесь помощи или совета. Но ты, Теоден, Властелин Герцогства Ристания, славный своим благородным гербом, но ещё более благородным выражением лица, присущему роду Эорла. О, достойный сын Тенгеля Триждыславного! Почему ты не пришёл прежде и как друг? Ибо я очень хотел видеть тебя, могущественнейший владыка западных стран, и особенно в эти последние годы, чтобы уберечь тебя от глупых и дурных советов, которые тебе давали! Неужели теперь уже поздно? Несмотря на обиды, нанесённые мне, в которых воины Ристании — увы! — тоже принимали участие, я, тем не менее, мог бы спасти тебя и избавить от краха, который неотвратимо приближается, если ты и дальше поскачешь по избранному тобою пути. В действительности лишь я один могу сейчас тебе помочь.

Теоден открыл рот, словно хотел заговорить, но ничего не сказал. Он взглянул вверх в лицо Сарумана с тёмными степенными глазами, устремлёнными на него, а затем на Гэндальфа, который стоял рядом с ним, и казалось, что он колеблется. Гэндальф не шевельнулся; он стоял молча, как камень, как тот, кто терпеливо ждёт сигнала, который ещё не прозвучал. Всадники сначала было зашевелились, сопроводив слова Сарумана одобрительным бормотанием, а затем также затихли, словно зачарованные. Им казалось, что Гэндальф никогда не обращался столь учтиво и почтительно к их господину. Грубым и злонамеренным показалось им всё, что они совершили вместе с герцогом, и сердца их окутала мгла, страх перед великой опасностью: им виделся конец Герцогства в том мраке, куда вёл их Гэндальф, тогда как Саруман стоял рядом со спасительной дверью и приоткрывал её таким образом, что из неё пробивался луч света. Нависло тяжёлое молчание.

Внезапно гном Гимли прервал его.

— Слова этого колдуна поставлены с ног на голову, — прорычал он, хватаясь за рукоять топора. — На языке Ортханка "помощь" означает "разрушение", а "спасение" — "убийство", это ясно. Но мы пришли сюда не умолять о подачке.

— Тише! — произнёс Саруман, и на мгновение его голос стал менее мягок, а в глазах полыхнула молния и исчезла. — Я обращаюсь пока не к тебе, Гимли, сын Глоина. Твой дом очень далеко, и мало касаются тебя все тревоги этой страны. Но ты оказался впутан в них отнюдь не по своей воле, так что я не хочу порицать тебя за ту роль, которую ты сыграл, — доблестную роль, я не сомневаюсь. Но я умоляю тебя, позволь мне сначала поговорить с герцогом Ристании, моим соседом, а некогда и моим другом.

Что ты скажешь, герцог Теоден? Примешь ли ты мир от меня и всю ту помощь, которую могут оказать тебе мои знания, накопленные за долгие годы? Будем ли мы вместе держать совет против злых дней и загладим ли наши обиды с такой доброй волей, что наши страны расцветут так дивно, как никогда раньше?

Теоден всё ещё не отвечал. Никто не мог сказать, боролся ли он с гневом или с сомнением.

Заговорил Эомир.

— Господин, выслушай меня! — сказал он. — Сейчас мы чувствуем опасность, о которой нас предостерегали. Неужели мы прискакали с победой только затем, чтобы под конец остановиться в изумлении перед старым лжецом с медоточивым жалом? Загнанный волк говорил бы так, если бы мог, с собаками. Какую помощь может он оказать тебе на деле? Все его желания направлены на то, чтобы выкарабкаться из своего бедственного положения. И ты хочешь вести переговоры с этим предателем и убийцей? Вспомни Теодреда у Бродов и могилу Хамы в Теснине Хельма!

— Если я говорю ядовитым языком, то что сказать о тебе, молодой змеёныш? — сказал Саруман, и вновь в его глазах отчётливо промелькнула гневная вспышка. — Но тише, Эомир, сын Эомунда! — он опять вернулся к своему мягкому голосу. — Каждому своё. Ты доблестный воин, и этим ты стяжаешь себе великую славу. Убивай тех, кого твой господин называет врагами, и довольствуйся этим. Не вмешивайся в политику, в которой ты ничего не понимаешь. Но, может быть, если ты станешь герцогом, ты поймёшь, что своих друзей следует подбирать очень тщательно. Нельзя с лёгкостью отбросить прочь дружбу Сарумана и могущество Ортханка, какие бы обиды, реальные или вымышленные, не лежали позади. Вы выиграли битву, но не войну, причём с помощью, на которую не можете рассчитывать вновь. В следующий раз вы можете обнаружить лесной мрак рядом со своими дверями: лес своенравен и бесчувственен, и он не любит людей.

Но герцог Ристании, разве я заслуживаю названия убийцы потому только, что в битве пали доблестные воины? Если вы объявили войну, бессмысленную, ибо я не желал её, значит, воины могли погибнуть. Но если я убийца по этой причине, то тогда весь Дом Эорла запятнан убийствами, потому что им выиграно много войн и совершено нападение на многих, кто бросал ему вызов. И, тем не менее, с некоторыми из них был потом заключён мир, пусть даже по чисто политическим причинам. Я спрашиваю тебя, герцог Теоден: заключим ли мы с тобой мир и дружбу, ты и я? Это в нашей власти.

— Мы хотим мира, — произнёс наконец Теоден хрипло и с усилием. Некоторые всадники радостно закричали. Теоден поднял руку. — Да, мы хотим мира, — повторил он, но теперь ясным голосом. — Мы хотим такого мира, когда погибнут и ты, и все твои дела, и дело твоего чёрного господина, которому ты хотел нас предать. Ты лжец, Саруман, и растлитель людских сердец. Ты протянул мне свою руку, а я увидел лишь коготь лапы Мордора. Жестокий и равнодушный! Даже если бы твоя война со мной была справедливой, — а она не такова, ибо будь ты даже в десять раз мудрее, и тогда ты не имел бы права управлять мной и моими людьми так, как пожелаешь, ради собственной выгоды, — даже тогда: что ты скажешь о своих факелах в Западных Лощинах и детях, что лежат там мёртвыми? И о теле Хамы, изрубленном перед воротами Горнбурга уже после того, как он был мёртв? Когда ты повиснешь в петле перед твоим окном на потребу своим собственным воронам, тогда я заключу мир с тобой и с Ортханком. Для Дома Эорла и этого много. Я слабый потомок великого рода, но я не нуждаюсь в том, чтобы лизать тебе руку. Поищи кого-нибудь ещё. Но я боюсь, что твой голос утратил очарование.

Всадники уставились на Теодена, подобно людям, внезапно воспрянувшим от сна. Голос их господина по сравнению с музыкой Сарумана прозвучал в их ушах хрипло, как у старого ворона. Но Саруман какое-то время был вне себя от ярости и, перевесившись через перила, взмахнул посохом, словно хотел обрушить его на герцога. Некоторым внезапно показалось, что они видят змею, свернувшуюся перед броском.

— Петля и вороны! — прошипел он, и люди содрогнулись от ужасной перемены. — Выживший из ума старик! Что такое Дом Эорла, как не конюшня, крытая соломой, в которой в чаду пьянствуют разбойники, а их отродья катаются по полу среди собак? Слишком долго они

сами избегали виселицы! Но петля приблизится, сначала, пока затягивается, почти незаметная, но тугая и прочная в конце. Виси, если желаешь! — Его голос снова изменился, как будто он медленно овладел собой. — Ибо я не нуждаюсь ни в тебе, ни в твоей крошечной банде головорезов, скорых как на наступление, так и на бегство, Теоден Лошадник. Уже давно я предлагал тебе положение, которое превышало и твои заслуги, и твой ум. Я предложил его тебе снова, так что те, кого ты завёл в заблуждение, могут теперь ясно увидеть дороги, лежащие перед ними. Ты ответил мне хвастовством и бранью. Да будет так. Возвращайся в свою хибарку!

Но ты, Гэндальф! За тебя, по крайней мере, я огорчён и жалею тебя. Как случилось, что тебе приходится терпеть подобную компанию? Ибо ты горд, Гэндальф, и не без причины, потому что мысли твои благородны, а глаза видят глубоко и ясно. Ты даже теперь не хочешь прислушаться к моему совету?

Гэндальф пошевелился и посмотрел наверх.

— Что ты можешь сказать, кроме того, что сказал мне в нашу последнюю встречу? — спросил он. — О, может быть, ты хочешь взять кое-какие слова обратно?

Саруман помедлил.

— Взять обратно? — задумчиво произнёс он, как бы в замешательстве. — Обратно? Я пытался дать тебе совет к твоему же благу, но ты едва слушал. Ты горд и не любишь советов, ибо действительно в изобилии обладаешь запасом собственной мудрости. Но в данном случае, мне кажется, ты ошибся, неверно и предосудительно истолковав мои намерения. Боюсь, что в пылу убеждения я потерял терпение. И в этом я весьма раскаиваюсь, потому что я не желал тебе зла, и даже теперь не желаю, хотя ты вернулся ко мне в компании буянов и невежд! И с чего бы? Разве мы оба — не члены высшего и древнего ордена, наиболее чтимого в Средиземье? Наша дружба была бы одинаково полезна нам обоим. Вместе мы могли бы добиться ещё многого для исцелений болезней мира. Давай же поймём друг друга, забыв на время об этом низшем народе! Пусть дожидаются наших решений! Ибо для всеобщего блага я охотно забуду прошлое и приму тебя. Не хочешь ли ты посоветоваться со мной? Не хочешь ли подняться?

Так велико было могущество, которое Саруман вложил в эту последнюю попытку, что никто из стоявших внизу и слышавших не остался равнодушным. Но теперь чары совершенно отличались. Они слышали мягкий выговор милостивого короля своему ошибающемуся, но любимому министру. Но они не были допущены на аудиенцию, слушая непонятные им слова под дверью, словно плохо воспитанные дети или тупые слуги, которые подслушивают разговор старших, говорящих обиняками, пытаясь при этом понять, как он повлияет на их участь. Эти двое, почтенные и мудрые, не им чета. Они неминуемо заключат союз. Гэндальф поднимется в башню для обсуждения глубоких вопросов, лежащих за пределами их понимания, в высокие покои Ортханка. Дверь закроется, а они останутся снаружи ожидать назначенной работы или наказания. Даже в голове Теодена тенью сомнения промелькнула мысль: "Он хочет предать нас, он войдёт... Мы пропали".

И тут Гэндальф рассмеялся. Наваждение исчезло, как кольцо дыма.

— Саруман, Саруман! — сказал Гэндальф, всё ещё смеясь. — Саруман, ты ошибся в выборе призвания. Тебе следовало стать королевским шутом и зарабатывать свой хлеб, и колотушки тоже, передразнивая его советников. Уф! — Он помолчал, пытаясь справиться с весельем. — Понять друг друга? Боюсь, что меня ты понять не сможешь. Но тебя, Саруман, я теперь понимаю слишком хорошо. Я сохранил более ясное воспоминание о твоих доводах и поступках, чем ты предполагаешь. Когда я навещал тебя последний раз, ты был тюремщиком Мордора, и туда я должен был быть отправлен. Нет, гость, который бежал через крышу, подумает дважды, прежде чем вернуться назад через дверь. Нет, я не думаю, что захочу подняться. Но слушай, Саруман, последний раз! Не хочешь ли ты спуститься? Скальбург оказался на проверку менее

сильным, чем ты надеялся и воображал. Такими же могут оказаться и другие вещи, в которые ты до сих пор веришь. Разве не лучше было бы на время оставить их все? Возможно, заняться чем-нибудь другим? Подумай хорошенько, Саруман! Не хочешь ли ты спуститься?

По лицу Сарумана мелькнула тень, затем оно смертельно побледнело. Прежде, чем он успел снова взять себя в руки, они разглядели под этой маской мучительное смятение мысли, страшащейся остаться и ещё более страшащейся покинуть убежище. Мгновение Саруман колебался, и все затаили дыхание. Затем он заговорил, и голос его был резок и холоден. Им овладели гордость и ненависть.

— Не хочу ли я спуститься? — передразнил он. — Должен ли безоружный спуститься, чтобы поговорить с разбойниками у дверей? Мне достаточно хорошо слышно тебя и отсюда. Я не идиот, и я не верю тебе, Гэндальф. Они не стоят открыто на моей лестнице, но я знаю, где таятся по твоему приказу дикие лесные демоны.

— Предатели всегда подозрительны, — утомлённо ответил Гэндальф. — Но тебе незачем дрожать за свою шкуру. Я не хочу убить тебя или причинить тебе вред, и ты знал бы это, если бы действительно меня понял. И у меня есть сила защитить тебя. Я даю тебе последний шанс. Ты можешь покинуть Ортханк свободным — если предпочтёшь это.

— Звучит хорошо, — усмехнулся Саруман. — В истинной манере Гэндальфа Серого: так снисходительно и в высшей степени любезно. Я не сомневаюсь, что тебе хотелось бы увидеть Ортханк без хозяина, и что мой уход тебе удобен. Но почему я должен захотеть уйти? И что ты подразумеваешь под "свободным"? Есть и условия, я полагаю?

— Доводы за уход ты можешь увидеть из своих окон, — ответил Гэндальф. — Остальное само придёт тебе в голову. Твои слуги уничтожены и рассеяны, своих соседей ты превратил во врагов, и ты обманул, или пытался это сделать, своего нового хозяина. Когда его глаз посмотрит сюда, это будет красный глаз гнева. Но когда я сказал "свободным", я подразумевал именно "свободным": свободным от оков, пут или приказаний, свободным идти, куда ты захочешь, даже, даже в Мордор, Саруман, если пожелаешь. Но сперва ты должен отдать мне Ключ от Ортханка и свой посох. Они будут залогом твоего поведения и могут быть впоследствии возвращены тебе, если ты заслужишь их.

Лицо Сарумана стало мёртвенно бледным и исказилось от ярости, а в глазах вспыхнул красный свет. Он исступлённо захохотал.

— Впоследствии! — крикнул он, и его голос сорвался в визг. — Впоследствии! Да, когда ты получишь также ключи от Барат-дура, я полагаю, и короны Семи Королей, и посохи Пяти Магов, и приобретёшь пару сапог несколькими размерами больше, чем те, что ты сейчас носишь. Скромный замысел. Вряд ли такой, где требуется моя помощь! У меня есть другие заботы. Не будь дураком! Если хочешь иметь со мной дело, пока есть такая возможность, так убирайся и приходи, когда протрезвеешь! Только оставь позади этих глоткорезов и мелких оборванцев, которые болтаются за тобой, как банки, привязанные к хвосту! День добрый!

Он повернулся и покинул балкон.

— Вернись, Саруман, — сказал Гэндальф тоном приказа.

К изумлению остальных Саруман снова повернулся, медленно, будто его тащили против воли, подошёл к железным перилам и опёрся на них, тяжело дыша. Его лицо выглядело дряблым и изборождённым морщинами, рука обхватывала тяжёлый чёрный посох, как клешня.

— Я не разрешал тебе уйти, — сказал Гэндальф строго. — Я не кончил. Ты стал глупцом, Саруман, но все же ты вызываешь жалость. У тебя оставалась возможность отвернуться от безрассудства и зла и оказаться полезным. Но ты решил остаться и до конца испытать мучительные последствия своих старых козней. Так оставайся же! Но предупреждаю, что тебе нелегко будет выйти вновь. Если только не протянется чёрная рука Востока, чтобы взять тебя.

Саруман! — крикнул он, и его голос зазвучал могуче и властно. — Смотри! Я не Гэндальф Серый, которого ты предал. Я Гэндальф Белый, вернувшийся после смерти. У тебя больше нет цвета, и я изгоняю тебя из Ордена и из Совета!

Он протянул руку и медленно проговорил ясным холодным голосом:

— Саруман, твой посох сломан.

Раздался треск, и посох разлетелся в руке Сарумана на осколки, а набалдашник упал к ногам Гэндальфа.

— Иди! — сказал Гэндальф.

Саруман со вскриком упал и уполз. В этот момент сверху стремительно сорвался тяжёлый сияющий предмет. Он сверкнул над железными перилами как раз тогда, когда Саруман их оставил, и просвистел рядом с головой Гэндальфа, врезавшись в ступеньку, на которой тот стоял. Перила зазвенели и погнулись. Ступенька треснула, и во все стороны брызнули сверкающие искры. Но ядро осталось невредимым: оно покатилося вниз по лестнице — хрустальный шар, тёмный, но светящийся изнутри огнём. Пин побежал за ним, когда тот запрыгал по направлению к луже, и подхватил.

— Кровожадный негодяй! — воскликнул Эомир.

Но Гэндальф остался невозмутим.

— Нет, это было брошено не Саруманом, — сказал он. — Думаю, даже и не по его приказанию. Это свалилось из окна высоко вверху. Прощальный выстрел мастера Злоречива, как я представляю, но плохо направленный.

— Быть может, прицел был плох, потому что он не мог решить, кого ненавидит больше, тебя или Сарумана, — проронил Арагорн.

— Может быть, и так, — сказал Гэндальф. — Эти двое будут иметь мало удовольствия от взаимного общества, бесконечно терзая друг друга словами. Но наказание справедливое. Если Злоречив когда-нибудь выйдет из Ортханка живым, это будет больше, чем он заслуживает.

Сюда, паренёк! Я возьму это! Я не просил тебя хвататься за него! — крикнул он, круто обернувшись и увидев Пина, медленно поднимающегося по ступенькам, словно он нёс большую тяжесть. Гэндальф спустился к нему навстречу и поспешно взял тёмный шар у хоббита, завернув его в полу своего плаща.

— Я позабочусь об этом, — сказал он. — Полагаю, это не тот предмет, который Саруман выбрал бы, чтобы сбросить.

— Но у него есть для этого другие предметы, — заметил Гимли. — Если спор закончен, то давайте выйдем наконец из-под каменного обстрела.

— Он закончен, — сказал Гэндальф. — Идёмте!

Они повернулись к Ортханку спиной и спустились. Всадники радостно приветствовали герцога и отдали честь Гэндальфу. Чары Сарумана были разрушены: люди видели, как он вернулся по приказу и уполз обратно отвергнутым.

— Отлично, с этим покончено, — сказал Гэндальф. — А теперь я должен найти Древоборода и сообщить ему, как обернулось дело.

— Он, наверное, и сам догадался? — вставил Мерри. — Как же ещё-то оно могло кончиться? Это же было очевидно.

— Не очевидно, — возразил Гэндальф, — потому что перевесить мог и волосок. Но у меня была причина стараться: немного сострадания и кое-что менее важное. Во-первых, Саруману было показано, что могущество его голоса пошло на убыль. Он не мог быть одновременно тираном и советником. Когда заговор созрел, его нельзя долее держать в секрете. Тем не менее, он попался в ловушку и попытался справиться со своими жертвами по отдельности, в то время

как остальные слушали. После этого я дал ему последний шанс, и неплохой: отречься как от Мордора, так и от своих собственных планов и возместить вред, помогая нам, ибо он знает наши нужды лучше, чем кто-либо другой. Он мог бы оказать нам большую услугу. Но он предпочёл отказаться и сохранить могущество Ортханка. Он не хочет служить, только приказывать. Он живёт теперь в ужасе перед тенью Мордора, и всё же по-прежнему мечтает оседлать бурю. Несчастный дурак! Он будет уничтожен, если Сила, сидящая на Востоке, протянет свои руки к Скальбургу. Мы не можем разрушить Ортханк снаружи, но Саурон... кто знает, на что он способен?

— А что, если Саурон не победит? Что ты с ним сделаешь? — спросил Пин.

— Я? Ничего! — сказал Гэндальф. — Я не собираюсь ничего с ним делать. Я не стремлюсь к господству. Что с ним станется? Я не могу сказать. Меня огорчает, что многое из того, что могло бы пригодиться, теперь гниёт в башне. Однако для нас дела обернулись недурно. Странны повороты фортуны! Ненависть часто вредит самой себе. Полагаю, что даже если бы мы вошли внутрь, то мало могли бы найти сокровищ более ценных, чем та вещь, которую Злоречив метнул в нас.

Внезапно из открытого высоко вверху окна донёсся душераздирающий визг.

— Кажется, что Саруман тоже так думает, — сказал Гэндальф. — Оставим их!

Они вернулись к руинам ворот. Как только отряд выехал из-под арки, как из тени от кучи камней, в которой они стояли, выступили Древобород и дюжина других энтов. Арагон, Гимли и Леголас с удивлением их рассматривали.

— Вот ещё трое моих спутников, Древобород, — сказал Гэндальф. — Я говорил о них, но ты их ещё не видел.

Он по очереди представил их.

Старый энт глядел на них долго и изучающее, а потом поговорил с каждым. Напоследок он обратился к Леголасу:

— Так ты проделал весь путь от Лихолесья, мой добрый эльф? Это был очень большой лес!

— Он и сейчас таков, — ответил Леголас. — Но не настолько большой, чтобы мы, живущие там, когда-либо уставали от вида новых деревьев. Мне очень хотелось бы побродить по Лесу Фангорна. Я едва лишь вступил на его край, и я... я не хотел возвращаться обратно.

В глазах Древоборода промелькнуло удовольствие.

— Надеюсь, твоё желание исполнится прежде, чем горы успеют сильно состариться, — сказал он.

— Я приду, если мне повезёт, — отозвался Леголас. — Я условился со своим другом, что, если всё будет хорошо, мы навестим Фангорн вместе — с твоего позволения.

— Любой эльф, который придёт с тобой, будет желанным гостем, — промолвил Древобород.

— Друг, о котором я говорю, не эльф, — сказал Леголас. — Я имел в виду Гимли, сына Глоина.

Гимли низко поклонился, и топор выскользнул у него из-за пояса и стукнулся о землю.

— Хум, хм! Ах, так, — отозвался Древобород, и взгляд его помрачнел. — Гном, и при топоре! Хум! Я хорошо отношусь к эльфам, но ты просишь многого. Это странная дружба.

— Она может казаться странной, — сказал Леголас, — но, пока Гимли жив, я не приду в Фангорн один. Его топор не для деревьев, а для шей орков. О Фангорн, господин Леса Фангорна! Сорок двух он зарубил в битве!

— Ху! Вот как! — проговорил Древобород. — Это уже лучше! Хорошо, хорошо, дела идут, как идут, и нет необходимости торопиться к ним навстречу. Но теперь мы должны расстаться на

время. День близится к концу, а между тем Гэндальф сказал, что вы должны выйти до наступления ночи, и властелин Герцогства торопится вернуться домой.

— Да, мы должны идти, и идти немедленно, — подтвердил Гэндальф. — Боюсь, что буду вынужден забрать у тебя твоих привратников. Но ты неплохо обойдёшься и без них.

— Может быть, и так, — сказал Древобород. — Но мне будет их не хватать. Мы так быстро подружились, что, наверное, я становлюсь чересчур поспешным: может быть, начал расти назад, к юности. Но они были первой новостью под солнцем или под луной, которую я встретил за долгие, долгие дни. Я не забуду их. Я вставил их имена в Большой Список, и энты будут помнить это:

Земли плоть энты, древней валунов,
Пьют воду и бродят среди лесов.
И, прожорливей кроликов, хоббитов род,
Добродушный, весёлый, невысокий народ.

Они останутся друзьями до тех пор, пока обновляется листва. Добрый вам путь! Но если вы услышите в вашей приветливой стране, в Шире, новости, то пришлите мне весть! Вы знаете, о чём я: известие об энтках, хотя бы, как они выглядят. И приходите сами, если вы сможете!

— Обязательно! — хором ответили Мерри и Пин, а затем поспешно отвернулись.

Древобород посмотрел на них и некоторое время молчал, задумчиво покачивая головой. Затем он обратился к Гэндальфу.

— Так Саруман не захотел уйти? — спросил он. — Я не думал, что он захочет. Сердце его гнило, как у чёрных хуорнов. Однако, будь я побеждён, а все мои деревья уничтожены, я всё же не ушёл бы, пока у меня оставалась бы хоть одна тёмная пещера для укрытия.

— Да, — согласился Гэндальф. — Но ты не стремился покрыть весь мир своими деревьями и задушить ими остальную жизнь. А здесь именно так: Саруман остаётся лелеять свою ненависть и плести заново такую паутину, какую сможет. У него есть Ключ Ортханка. Но ему нельзя позволить удрать.

— Разумеется, нет! Энты позаботятся об этом, — сказал Древобород. — Саруман шагу не ступит за порог без моего разрешения. Энты будут сторожить его.

— Хорошо! — сказал Гэндальф. — На это я и надеялся. Теперь я могу уйти и заняться другими делами, избавившись от одной заботы. Но ты должен быть осторожен. Вода уходит. Опасаюсь, что будет недостаточно расставить часовых вокруг башни. Я не сомневаюсь, что под Ортханком прорыты подземные ходы и что Саруман надеется вскоре получить возможность выходить и приходить незамеченным. Если вы согласитесь поработать, то я попросил бы вас пустить воду снова до тех пор, пока Скальбург не превратится в стоячее болото или пока вы не обнаружите выходы. Когда все подземные галереи будут затоплены, а выходы заблокированы, вот тогда Саруман вынужден будет оставаться в верхних этажах и смотреть из окон.

— Предоставь это энтам! — сказал Древобород. — Мы обследуем долину от головы до подножья и заглянем под каждую гальку. Сюда опять вернутся жить деревья, старые деревья, дикие деревья. Сторожевым Лесом мы назовём их. Даже белка не выйдет отсюда без того, чтобы я этого не узнал. Предоставь это энтам! И пока семь раз не минет тот срок, в течение которого он мучил нас, мы не устанем сторожить его.

Солнце спускалось за длинный западный отрог, когда Гэндальф со своими спутниками и герцог со своими всадниками покинули Скальбург. Гэндальф посадил к себе за спину Мерри, а Арагорн — Пина. Двое людей герцога быстро поскакали вперёд и вскоре скрылись с глаз в долине внизу. Остальные ехали не торопясь.

Энты стояли в торжественном строю рядом с воротами, как статуи, с поднятыми вверх длинными руками, но не издавали ни звука. Проехав немного по извилистому тракту, Мерри и Пин оглянулись. В небе ещё сиял солнечный свет, но над Скальбургом протянулись длинные тени: серые развалины поглотила мгла. Древобород стоял там теперь один, похожий издали на ствол старого дерева; хоббиты вспомнили об их первой встрече на далеком солнечном уступе на краю Фангорна.

Отряд подъехал к колонне с Белой Рукой. Столб всё ещё стоял, но каменная рука была сброшена и разбита на мелкие кусочки. Прямо посередине дороги лежал длинный указательный палец, белея в сумерках; его красный ноготь в наступающей тьме казался чёрным.

— Энты обратили внимание на каждую мелочь! — заметил Гэндальф.

Они скакали дальше, а над долиной сгущался вечер.

— Далеко ли нам сегодня ехать, Гэндальф? — спросил Мерри немного погодя. — Я не знаю, как ты себя чувствуешь с мелким оборванцем, болтающимся у тебя за спиной, как банка, но оборванец устал и был бы рад перестать болтаться и лечь.

— Так ты слышал это? — отозвался Гэндальф. — Не бери себе в голову! Будь благодарен, что к тебе не было обращено более долгих речей. Он положил на вас глаз. Если это потешит твою гордость, то могу сказать, что в данный момент вы с Пином занимаете в его мыслях больше места, чем все остальные из нас. Кто вы, как вы очутились там и зачем, что вы знаете, были ли вы захвачены в плен, а если да, то как вы спаслись, когда все орки погибли, — вот те маленькие загадки, которые тревожат великий ум Сарумана. И его насмешка, Мериардок, — это комплимент, если ты чувствуешь себя польщённым его вниманием.

— Спасибо тебе, — сказал Мерри. — Но гораздо больше чести болтаться у тебя на хвосте, Гэндальф. Во всяком случае, в этой позиции некто имеет шанс задать вопрос во второй раз: далеко ли нам ехать сегодня ночью?

Гэндальф расхохотался.

— В высшей степени неутолимый хоббит! Всем магам следовало бы иметь под присмотром одного или двух хоббитов — обучать их значению слов и исправлять их. Прошу прощения. Но я подумал даже и об этой простой вещи. Мы неспеша проедем несколько часов, пока не достигнем конца долины. Завтра нам придётся скакать быстрее.

Когда мы приехали сюда, то собирались отправиться из Скальбурга в Эдорас, в дом герцога, напрямик через степи — это несколько дней езды. Но мы подумали и изменили план. Гонцы поскакали вперёд к Теснине Хельма предупредить там, что герцог завтра возвращается. Оттуда он намеревается выступить с большим войском к Широколью по горным тропам. Отныне, если этого можно избежать, никому не следует открыто перемещаться по степям ни днём, ни ночью в количестве большем, чем два-три человека.

— Ну, ты как всегда: либо ничего, либо вдвое больше! — заметил Мерри. — Боюсь, что я не заглядывал дальше сегодняшней постели. Что за Теснина Хельма, и где она, да и всё прочее тоже? Я ничего не знаю об этой стране.

— Тогда тебе просто необходимо узнать хоть что-то, если ты хочешь понять, что происходит. Но не сию минуту и не от меня: у меня слишком много неотложных вопросов, которые следует обдумать.

— Ладно, я пристану к Бродяжнику у лагерного костра. Он не такой раздражительный. Но

к чему подобная секретность? Я думал, что мы выиграли битву!

— Да, мы победили, но это только первая победа, которая лишь увеличила грозящую нам опасность. Между Мордором и Скальбургом существовала какая-то связь, которую я ещё не понял. Я не уверен пока, каким образом они обменивались новостями, но они обменивались. Полагаю, что Глаз Барат-дура будет с нетерпением обращён к Чародейскому Долу и к Ристании. Чем меньше он увидит, тем лучше.

Тракт неторопливо тянулся, прокладывая свой извилистый путь по долине. То ближе, то дальше тёк в своём каменистом русле Скальток. Ночь спустилась с гор. Весь туман рассеялся. Дул холодный ветер. Луна, уже почти полная, заливала небо на востоке бледным сиянием. Плечи гор справа от них постепенно перешли в голые холмы. Перед ними открывались широкие серые степи.

Наконец они остановились, потом свернули в сторону от тракта и снова поехали по свежему дёрну нагорья. Пройдя примерно милю к западу, они достигли открывающейся к югу лощины в склоне крутолобого Дол Барана, последнего холма северных хребтов, подножье которого поросло травой, а вершина была увенчана вереском. Борта лощины покрывал косматый прошлогодний бурьян, среди которого уже прокалывали ароматную землю плотные завитки первых весенних ростков. Низкие террасы густо поросли колючим кустарником, под которым они и разбили свой лагерь часа за два до полуночи. Развели костёр в ямке между корней раскидистого боярышника, высокого, как дерево, корявого от старости, но совершенно здорового. На конце каждого его сучка набухали почки.

Выставили часовых, по двое на вахту. Остальные, после того как поужинали, завернулись в плащи и одеяла и заснули. Хоббиты притулились в уголке на кучке старых папортниковых листьев. Мерри клонило в сон, но Пин вёл себя на удивление беспокойно. Листья трещали и шуршали, когда он ворочался.

— В чём дело? — спросил Мерри. — Ты что, лежишь на муравейнике?

— Нет, — ответил Пин. — Но мне неудобно. Интересно, сколько времени прошло с тех пор, как я спал в кровати?

Мерри зевнул.

— Посчитай на пальцах! — посоветовал он. — Но ты должен был бы помнить, сколько прошло с тех пор, как мы ушли из Лориэна.

— А, это! — сказал Пин. — Я подразумевал настоящую кровать в спальне.

— Хорошо, тогда Раздол, — ответил Мерри. — Но лично я мог бы уснуть сегодня где угодно.

— Тебе повезло, Мерри, — произнёс Пин тихо, немного помолчав. — Ты скачешь с Гэндальфом.

— Так что из этого?

— Ты выпросил у него что-нибудь новенькое?

— Да, много чего. Больше, чем обычно. Но ты слышал всё или почти всё, ведь ты был рядом, а мы не секретничали. А завтра сам можешь ехать с ним, если считаешь, что сумеешь вытянуть из него больше... и если он тебя возьмёт.

— Могу? Отлично! Но он скрытный, не так ли? Совершенно не изменился.

— О нет, он изменился! — возразил Мерри, немного проснувшись и начав удивляться, что беспокоит его товарища. — Он вырос, или что-то вроде того. Я думаю, что он стал как бы одновременно добрее и тревожнее, веселее и более важным, чем прежде. Он изменился, но нам ещё не представилось случая увидеть, насколько сильно. Подумай только о том, чем кончилось это дело с Саруманом! Помнишь, Саруман был некогда выше Гэндальфа — глава Совета, как ни

как, что бы там это ни значило. Он был Саруман Белый. А теперь Белый — Гэндальф. Саруман вернулся, когда ему было приказано, и посох был отобран у него, а потом ему просто велели уйти, и он ушёл!

— Да, но если Гэндальф и изменился, то он просто стал ещё более скрытным, чем прежде, вот и всё, — упорствовал Пин. — Вот хоть этот... хрустальный шар. Кажется, он очень ему обрадовался. Он что-то знает о нём, или догадывается. Но нам-то он хоть что-нибудь сказал? Нет, ни слова. А ведь я поймал его, можно сказать, спас, иначе бы он утонул в луже. "Сюда, я возьму его, паренёк", — вот и всё. Интересно, что это такое? Он казался таким тяжёлым... — Голос Пина почти стих, как будто он разговаривал сам с собой.

— Эй! — сказал Мерри. — Так значит, вот что тебя тревожит? Ну, Пин, мальчик мой, не забывай, что сказал Гилдор — Сэм это часто цитировал: "В дела мудрецов носа не суй — голову потеряешь".

— Но мы уже много месяцев, как сунули нос в дела магов, — возразил Пин. — И мне ужасно хочется узнать хоть что-нибудь, пусть даже это и опасно. Мне очень хотелось бы поглядеть на этот шар.

— Ложись спать! — сказал Мерри. — Раньше или позже, но ты узнаешь достаточно. Дорогой мой Пин, ни одному Кролу никогда ещё не удавалось превзойти в любопытстве Брендизайков. Но разве сейчас время, я тебя спрашиваю?

— Да ладно! Ну что плохого в том, что я тебе сказал, что мне хочется поглядеть на тот камень? Я знаю, что не могу этого сделать, потому что Гэндальф носит с ним, как курица с яйцом. Но твоё ты-не-можешь-это-сделать-так-что-ложись-спать тоже не очень-то помогает!

— Да, но что я ещё могу сказать? — отозвался Мерри. — Извини, Пин, но тебе действительно придётся подождать до утра. Я буду настолько любознателен, насколько ты захочешь, — после завтрака, — и я изо всех сил помогу подольститься к магу. Но я больше не в силах держать глаза открытыми. Если я зевну ещё раз, то разорвусь до ушей. Спокойной ночи!

Пин ничего больше не сказал. Теперь он лежал тихо, но сон всё не шёл, не помогло даже тихое посапывание Мерри, который заснул через несколько минут после того, как пожелал спокойной ночи. Казалось, что мысли о чёрном шаре становились всё более навязчивыми по мере того, как тишина углублялась. Пин снова ощущал в руках его тяжесть и вновь видел таинственную красную глубину, в которую заглянул на одно мгновение. Он метался, ворочался и пробовал думать о чём-нибудь ещё.

Наконец он не выдержал. Он встал и огляделся вокруг. Было зябко, и он закутался в плащ. Луна светила вниз в долину бледным холодным светом, и тени кустов были черны. Двух часовых видно не было: возможно, они поднялись на холм или прятались в сухих папоротниках. Повинуясь побуждению, которого сам не понимал, Пин тихонько приблизился к месту, где лежал Гэндальф, и взглянул на него сверху вниз. Маг казался спящим, но веки были закрыты не полностью: под длинными ресницами поблёскивали глаза. Пин поспешно отступил назад, но Гэндальф не шевельнулся, и тогда он снова двинулся вперёд, наполовину против своей воли. Хоббит подкрался к голове мага сзади. Гэндальф лежал, завернувшись в одеяло, с плащом, постеленным сверху, и совсем рядом с ним, между его правым боком и согнутой рукой, был бугорок: что-то круглое, завернутое в тёмную ткань. Было похоже, что рука мага только что соскользнула с него на землю.

Едва дыша, Пин шаг за шагом подобрался ближе. Наконец он встал на колени, украдкой протянул руку и медленно приподнял свёрток. Тот оказался совершенно не таким тяжёлым, как Пин предполагал. "Может быть, это просто узелок со всякими вещами, и только", — подумал он со странным чувством облегчения; но он не положил свёрток назад, а на мгновение застыл,

вцепившись в него. Затем ему пришла в голову идея. Пин отошёл на цыпочках, нашёл округлый камень и вернулся.

Затем хоббит быстро снял ткань, завернул в неё камень и, опустившись на колени, положил его назад под руку мага. И только после этого взглянул наконец на развёрнутую им вещь. Это был он: гладкий хрустальный шар, теперь тёмный и мёртвый, лежащий на земле прямо у его колен. Пин взял его, торопливо прикрыл своим плащом и уже совсем было повернулся, чтобы уйти на своё место. В этот момент Гэндальф пошевелился во сне и пробормотал несколько слов на каком-то странном языке. Его рука нащупала и сжала завернутый камень, затем он вздохнул и больше не шевельнулся.

— Ты круглый дурак! — пробормотал Пин сам себе. — Ты сейчас навлечёшь на свою голову кошмарные неприятности! Живо положи его на место!

Но тут он почувствовал, что его колени трясутся, и не осмелился снова приблизиться к магу, чтобы достать свёрток. "Мне никак не удастся вернуть его, чтобы не разбудить Гэндальфа, — подумал Пин, — пока я немного не успокоюсь. Так что с тем же успехом можно сначала и посмотреть. Только не прямо здесь!" Он воровски отбежал в сторонку и сел на зелёную кочку неподалёку от своего места. Через край ложбины заглядывала луна.

Пин сидел, зажав шар между коленями. Он низко склонился над ним, похожий на жадного ребёнка, который уткнулся в миску с едой в сторонке от прочих. Хоббит откинул плащ и вгляделся в шар. Казалось, будто воздух вокруг него застыл и напитался энергией. Сначала шар оставался тёмным — чёрным, как гагат, лишь лунный свет играл на его поверхности. Затем в его глубине появилось слабое свечение, которое приковало взгляд Пина, так что он не мог отвернуться. Вскоре вся внутренность шара, казалось, превратилась в огонь. Шар закрутился, или свет внутри него завращался. И внезапно весь свет погас. Пин охнул и забился, но остался склонённым, зажав шар обеими руками. Ниже и ниже наклонялся он, а потом застыл; некоторое время его губы беззвучно двигались. Затем он с придушенным криком откинулся назад и остался лежать неподвижно.

Крик был пронзителен. С бортов ложбины спрыгнули часовые. Вскоре весь лагерь оказался на ногах.

— Так вот он, вор! — сказал Гэндальф. Он поспешно накинул на шар свой плащ, не поднимая его. — Но ты, Пин! Какой прискорбный поворот событий! — Маг опустился рядом с телом Пина на колени. Хоббит лежал на спине, судорожно застыв и уставившись в небо невидящими глазами. — Вражья сила! Что он сотворил — с собой и со всеми нами?

Лицо мага было измученным и осунувшимся.

Он взял руку Пина и наклонился к его лицу, прислушиваясь к дыханию; затем положил свою руку на его лоб. Хоббит содрогнулся. Его глаза закрылись. Он вскрикнул и сел, в замешательстве тараща глаза на окружающие его лица, бледные в лунном свете.

— Это не про тебя, Саруман! — крикнул он пронзительно, но почти беззвучно, отпрянув от Гэндальфа. — Я тотчас пошлю за ним. Понял? Скажи именно так!

Затем он забился, пытаясь вскочить и убежать, но Гэндальф ласково и крепко удержал его.

— Перегрин Крол! — сказал он. — Очнись!

Хоббит расслабился и упал навзничь, цепляясь за руку мага.

— Гэндальф! — воскликнул он. — Гэндальф! Прости меня!

— Простить тебя? — промолвил маг. — Сначала скажи мне, что ты сделал!

— Я... я взял шар и смотрел на него, — запинаясь, произнёс Пин. — И я видел вещи, которые напугали меня. И я хотел удрать, но не мог. А затем появился он и расспрашивал меня, и он смотрел на меня, и это всё, что я помню.

— Так не пойдёт, — бросил Гэндальф сурово. — Что ты видел и что ты сказал?

Пин закрыл глаза и затрепетал, но не ответил. Остальные в молчаливом изумлении смотрели на него, кроме Мерри, который отвернулся. Но лицо Гэндальфа оставалось суровым.

— Говори! — велел он.

Пин начал снова тихим нерешительным голосом, и постепенно его слова становились яснее и громче.

— Я видел небо и высокие стены с зубцами, — сказал он. — И крошечные звёзды. Всё выглядело очень далёким и древним, но чётким и резким. Затем звёзды начали гаснуть и появляться: их закрывали какие-то крылатые твари. В действительности, я думаю, очень большие, но в хрустале они выглядели, как летучие мыши, кружащиеся вокруг башни. Мне кажется, их было девять. Одна начала лететь прямо ко мне, становясь всё больше и больше. У неё было ужасное... нет, нет! Я не могу сказать.

Я пытался оторваться, потому что я думал, что она вылетит, но когда она закрыла весь шар, то исчезла. Затем появился он. Он не говорил так, чтобы я слышал слова. Он только смотрел, и я понимал.

"Так ты вернулся? По какой причине ты так долго пренебрегал рапортом?"

Я не отвечал. Он спросил: "Кто ты?". Я всё ещё не отвечал, но это было ужасно больно, а он настаивал, так что я сказал: "Хоббит".

Тогда он, кажется, внезапно увидел меня, и он усмехнулся мне. Это было жестоко. Как будто, ножом ударил. Я задёргался, но он сказал: "Подожди немного" Мы вскоре опять встретимся. Скажи Саруману, что это лакомство не про него. Я тотчас пошлю за ним. Понял? Скажи именно так!"

Затем он начал пожирать меня глазами. Я чувствовал, что распадаюсь на кусочки. Нет! Нет! Я больше ничего не могу сказать! Я ничего больше не помню.

— Посмотри на меня! — приказал Гэндальф.

Пин посмотрел прямо в его глаза. Некоторое время маг молча удерживал его взгляд. Затем его лицо смягчилось и по нему промелькнуло подобие улыбки. Он мягко опустил руку на голову Пина.

— Всё в порядке! — сказал он. — Не говори больше! Ты не пострадал. В твоих глазах нет лжи, чего я боялся. Но он говорил с тобой недолго. Ты остался олухом, но честным олухом, Перегрин Крол. Мудрые в такой передряге могли бы напортачить хуже. Но учти! Ты спасся, и все твои друзья тоже, главным образом благодаря, как принято говорить, счастливой случайности. Вторично на неё не рассчитывай. Если бы он расспросил тебя прямо на месте, то ты совершенно точно выложил бы всё, что знаешь, на погибель всем нам. Но он слишком пожадничал. Он хотел не просто сведений, он хотел тебя, быстро, чтобы уже без спешки заняться тобой в Чёрной Крепости. Не трясись! Если уж ты вмешался в дела магов, так привыкай думать о подобных вещах. Но успокойся! Я прощаю тебя. Утешься! Дела приняли не такой плохой оборот, как могли бы.

Он бережно поднял Пина и отнёс его на его место. Мерри пошёл за ними и сел рядом.

— Лежи здесь, Пин, и отдыхай, если сможешь! — сказал Гэндальф. — Доверься мне. Если ты снова почувствуешь зуд в лапах, скажи мне об этом! Такие вещи вылечиваются. Но в любом случае, дорогой мой хоббит, не подкладывай мне снова под локоть булыжник! Ну, на время я оставляю вас вдвоём.

Гэндальф вернулся к остальным, всё ещё стоявшим в тревожном ожидании у Камня Ортханка.

— Опасность приходит ночью, когда её ждёшь меньше всего, — сказал маг. — Мы едва

спаслись!

— Как хоббит, Пин? — спросил Арагорн.

— Я думаю, что теперь всё будет хорошо, — ответил Гэндальф. — Его удерживали недолго, а хоббиты поразительно быстро оправляются. Воспоминания, или ужас перед ними, наверняка скоро изгладятся. Быть может, слишком скоро. Не согласишься ли ты, Арагорн, взять Камень Ортханка и хранить его? Это опасная задача.

— Действительно опасная, но не для всех, — сказал Арагорн. — Здесь есть некто, кто по праву может претендовать на него, поскольку это, несомненно, палантир Ортханка из сокровищ Элендила, помещённый там королями Гондора. Теперь мой час близок. Я возьму его.

Гэндальф посмотрел на Арагорна, а затем, к удивлению остальных, поднял завернутый Камень и с поклоном вручил его.

— Прими это, господин, — промолвил он, — как залог других вещей, которые должны быть возвращены. Но, если я могу советовать тебе, как распоряжаться твоей собственностью, не используй его — пока. Будь осторожен!

— А когда я торопился или был неосторожен, кто ждал и готовился так много долгих лет? — спросил Арагорн.

— До сих пор никогда. Так не оступись в конце пути, — сказал Гэндальф. — Но, по крайней мере, храни эту вещь в тайне. Ты, и все остальные, кто присутствует здесь! Хоббит, Перегрин, ни в коем случае не должен знать, где она спрятана. Им снова может овладеть злое влечение, потому что — увы! — он дотрагивался до камня и смотрел в него, чего никак нельзя было допускать. Он никоим образом не должен был прикасаться к нему в Скальбурге, и мне следовало бы быть там попроворнее. Но мои мысли были заняты Саруманом, и я не сразу угадал природу Камня. Потом я устал, и, пока лежал, обдумывая этот вопрос, сон одолел меня. Но теперь я знаю!

— Да, теперь никаких сомнений, — проговорил Арагорн. — Наконец-то мы знаем связь между Мордором и Скальбургом и как она действует. Многое прояснилось.

— Станным могуществом обладают наши враги, и странны их слабости! — сказал Теоден. — Впрочем, давно уже сказано, что "не было счастья, да несчастье помогло".

— Так случается довольно часто, — согласился Гэндальф. — Но на этот раз нам удивительно повезло. Быть может, этот хоббит спас меня от роковой ошибки. Я подумывал, не стоит ли самому опробовать этот Камень, чтобы понять, как его использовать. Если бы я так поступил, то сам показал бы себя ему. Я не готов к такому испытанию, если вообще хоть когда-нибудь буду к нему готов. Но даже если бы я и нашёл в себе силы отдёрнуться, то всё равно было бы катастрофой, если бы он увидел меня теперь, пока не настал час, когда тайны перестанут быть полезны.

— Я думаю, что этот час настал, — сказал Арагорн.

— Нет ещё, — возразил Гэндальф. — Осталась одна небольшая неясность, которой мы должны воспользоваться. Враг, совершенно очевидно, думает, что Камень в Ортханке. С какой стати ему быть не там? И что, следовательно, хоббит находится там в плену и Саруман заставил его поглядеть в шар в качестве пытки. Чёрная мысль полна теперь лицом и голосом хоббита и ожиданием; пройдёт некоторое время, прежде чем он узнает о своей ошибке. Мы должны использовать это время. Мы слишком медлили. Нужно двигаться. Окрестности Скальбурга — не то место, где стоит задерживаться. Я немедленно скачу дальше вместе с Перегрином Кролом. Для него это будет лучше, чем лежать в темноте, пока остальные спят.

— Я оставлю при себе Эомира и десять всадников, — сказал герцог. — Они поскачут вместе со мной рано поутру. Остальные могут последовать за Арагорном и выехать сразу, как решат.

— Как тебе угодно, — сказал Гэндальф. — Но сделай всё, чтобы как можно скорее укрыться среди холмов в Теснине Хельма!

В этот момент их накрыла мгла. Казалось, что яркий лунный свет внезапно угас. Несколько всадников вскрикнули и пригнулись, закрывая головы руками, словно пытались отразить удар сверху: на них обрушился слепой страх и мертвящий холод. Съежившись, они взглянули наверх. Над луной чёрным облаком скользнула огромная крылатая фигура, развернулась и понеслась на север, мчась в воздухе скорее, чем ветры Средиземья. Звёзды меркли перед ней. Она исчезла.

Люди замерли, окаменев. Гэндальф смотрел в небо, опустив сжатые в кулак руки.

— Назгул! — крикнул он. — Посланник Мордора. Буря приближается. Назгул пересёк Реку! Скачите, скачите! Не ждите рассвета! Пусть быстрые не ждут медленных! Скачите!

Он бросился прочь, подзывая на бегу Тенегона. Арагорн за ним. Подбежав к Пину, Гэндальф подхватил его на руки.

— На этот раз ты поедешь со мной, — сказал он. — Тенегон покажет тебе свою резвость.

Маг бегом вернулся к тому месту, где спал. Тенегон уже стоял там. Забросив на спину небольшую сумку, в которой были все его пожитки, Гэндальф вскочил на спину коня. Арагорн поднял Пина и передал его, завёрнутого в плащ и одеяло, в руки мага.

— Добрый путь! Следуй за мной, как можно быстрее! — крикнул Гэндальф. — Вперёд, Тенегон!

Громадный конь вскинул голову, махнул мягким хвостом в лунном свете, затем рванулся вперёд, презрительно отпихнув от себя землю, и исчез, как порыв северного ветра с гор.

— Прекрасная, спокойная ночь! — сказал Мерри Арагорну. — Кое-кому удивительно повезло: он не желал спать и мечтал скакать с Гэндальфом — и пожалуйста! Вместо того, чтобы превратиться в камень и стоять здесь вечно в качестве назидания.

— Если бы ты первым поднял Камень Ортханка, а не он, ещё не известно, что бы сейчас было, — отозвался Арагорн. — Ты мог натворить дел и похуже. Кто знает? Но боюсь, что сейчас тебе досталось скакать со мной. И немедленно. Собирайся, да прихвати всё, что Пин оставил. Живо!

Тенегон летел степями, не нуждаясь ни в указаниях, ни в понукании. Меньше чем за час они достигли Бродов Скальтока и перешли их. Позади серел Курган Всадников с его холодными копьями.

Пин оправился. Ему было тепло, но в лицо дул резкий, освежающий ветер. Он был с Гэндальфом. Ужас перед камнем и отвратительной тенью над луной поблек: эти события остались где-то позади в горных туманах или прошедшем сне. Он с облегчением перевёл дух и сказал:

— Я не знал, что ты скачешь без всякой сбруи, Гэндальф. У тебя нет ни седла, ни поводьев!

— Я не езжу на манер эльфов ни на ком, кроме Тенегона, — ответил Гэндальф. — Но Тенегон не терпит упряжи. Ты не можешь оседлать его: он сам либо соглашается нести тебя, либо нет. Если он согласен, этого довольно. Он сам позаботится о том, чтобы удержать тебя на спине, а иначе ты тут же окажешься в воздухе.

— А как быстро он скачет? — спросил Пин. — Судя по ветру, довольно быстро, но очень ровно. И как лёгок его ход!

— Он бежит сейчас так быстро, как может мчаться галопом резвейшая лошадь, — ответил Гэндальф, — но для него это не быстро. Местность здесь немного повышается и не такая ровная, как была за рекой. Но гляди, как быстро приближаются под звёздами Белые горы! Вон

там, как чёрные копыя, виднеются пики Трихирна. Вскоре мы доберемся до развилки и попадём в Теснинное ущелье, где две ночи назад была выиграна битва.

Пин снова на некоторое время примолк. Он слушал, как Гэндальф тихонько напевает себе под нос, бормоча на разных языках короткие обрывки стихов, пока под их ногами мелькает миля за милей. Наконец маг начал песню, слова которой хоббит разобрал; несколько строк ясно достигли его ушей сквозь свист ветра:

Велики корабли, велики короли,
Трижды три их число.
Что с собой принесли они
Из заморской земли давно?
Семь звёзд привезли, и ещё семь камней
И Белое Дерево.

— Что ты такое говоришь, Гэндальф? — спросил Пин.

— Я просто припоминал некоторые стихотворные предания, — ответил маг. — Полагаю, что хоббиты забыли их, даже те, которые когда-то знали.

— Нет, не все, — возразил Пин. — И у нас есть много своих собственных, которые, вероятно, тебя не интересуют. Но этого я никогда не слышал. О чём это в нём: какие семь звёзд и семь камней?

— О палантирах древних королей, — сказал Гэндальф.

— А что это?

— Имя означает "то, что показывает отдалённое". Один из них — Камень Ортханка.

— Значит, он не сделан... не сделан Врагом? — запинаясь, произнёс Пин.

— Нет, — ответил Гэндальф. — И не Саруманом. Это за пределами его искусства, и за пределами искусства Саурана тоже. Палантиры не принадлежат Средиземью, они пришли с Заокраинного Запада, из Эльдамара. Их сделали нолдоры, быть может, сам Феанор, так давно, что время нельзя измерить годами. Но нет ничего, что Саурон не мог бы заставить служить злу. Горе Саруману! Это было причиной его падения, как я теперь понимаю. Для всех нас опасны изобретения на порядок глубже, чем те, которыми мы владеем сами. Однако он сам виноват. Безумец! Хранить это в тайне, ради собственной выгоды... Никогда ни словом никому не обмолвился ни на одном Совете. Мы прежде не размышляли, какая судьба постигла палантиры Гондора в разрушительных войнах. Люди почти забыли о них. Даже в Гондоре они были секретом, известным лишь немногим, а в Арноре о них вспоминали только в стихотворных преданиях, ходящих среди дунедайнов.

— А как их использовали люди в древности? — спросил Пин, довольный и изумлённый тем, что получает ответы на свои многочисленные вопросы, и прикидывая, как долго это будет продолжаться.

— Они смотрели сквозь пространство и мысленно общались друг с другом, — сказал Гэндальф. — Таким образом они долго защищали и объединяли королевство Гондор. Они поместили камни в Минас Аноре, и Минас Итиле, и в Ортханке в кольце Скальбурга. А главный камень, управляющий ими, находился под Звёздным Куполом в Осгилиате до его разрушения. Остальные три камня были далеко на севере. В доме Элронда говорят, что они были в Аннуминасе, и Амон Суле, а Камень Элендила был в Башне на Холмах, что смотрит на Митлонд в Заливе Луны, где лежат у причалов серые корабли.

Каждый палантир откликался каждому, но те, что в Гондоре были всегда открыты взору из

Осгилиата. Теперь совершенно ясно, что, поскольку утёс Ортханка устоял перед бурями времени, то сохранился и палантир в его башне. Но один этот камень не может ничего, кроме как являть маленькие образы вещей, отдалённых временем и расстоянием. Без сомнения, Саруман это часто использовал с большой выгодой для себя, но этого ему было недостаточно. Всё дальше и дальше устремлял он свой взор, пока не направил взгляд на Барат-дур. И тут он был пойман!

Кто знает, где теперь лежат пропавшие Камни Арнора и Гондора, скрыты они глубокими водами или зарыты в землю? Но, по крайней мере, один из них Саурон должен был получить и овладеть им для своих целей. Полагаю, что это был Камень Итила, потому что он давно уже захватил Минас Итил и превратил его в обитель зла, Минас Моргул.

Нетрудно теперь догадаться, как быстро был пойман и удержан блуждающий взгляд Сарумана и что с тех пор он вечно слушал уговоры издалека и угрозы, когда уговоров было недостаточно. Охотник, попавший в капкан, ястреб в когтях орла, паук в стальной паутине! Интересно, сколько времени приходилось ему подходить к своему кристаллу для проверки и получения приказаний, и каким образом Камень Ортханка был так направлен на Барат-дур, что если кто-нибудь теперь посмотрит в него, то, если его воля не тверда, как алмаз, направит свои мысли и взгляд в первую очередь туда? И как он влечёт к себе любого! Разве я сам этого не чувствовал? Даже теперь в душе мне хочется испытать на нём свою волю, проверить, не смогу ли я вырваться от него и направить камень туда, куда мне хотелось бы: глянуть через безбрежные океаны вод и времени на Тирион Прекрасный и постичь невообразимое искусство и мысли Феанора за работой, когда цвели оба Деревя — Белое и Золотое!

Он вздохнул и умолк.

— Хотел бы я знать всё это раньше, — проговорил Пин. — Я понятия не имел, что делал.

— О нет, имел, — возразил Гэндальф. — Ты знал, что поступаешь неправильно и по-дурацки, и говорил себе это, хотя предпочёл не слушать. Я не рассказал тебе всего этого раньше, потому что лишь обдумав случившееся, я наконец понял, как всё было, только сейчас, пока мы скачем с тобой вместе. Но если бы я заговорил раньше, то всё равно не уменьшил бы твоего желания и не помог бы сопротивляться ему. Наоборот! Нет, лучше обжечь руки самому. После этого предостережение насчёт огня доходит до сердца.

— Это точно, — сказал Пин. — Если теперь передо мной выложат все семь камней, я закрою глаза и суну руки в карманы.

— Отлично! — сказал Гэндальф. — Именно на это я и рассчитывал.

— Но мне очень хочется узнать... — начал было Пин.

— Пощады! — воскликнул Гэндальф. — Если бы новые сведения были лекарством от твоего любопытства, мне пришлось бы посвятить весь остаток моих дней на ответы тебе. Ну, что ты ещё хочешь узнать?

— Имена всех звёзд, и всех живых существ, и полную историю Средиземья, Поднебесья и Разделяющих Морей, — рассмеялся Пин. — Конечно! Чего мелочиться? Но не обязательно этой ночью. В данный момент меня интересует только чёрная тень. Я слышал, как ты крикнул "посланец Мордора". Что это было? И что он собирался делать в Скальбурге?

— Это был крылатый Чёрный Всадник, назгул, — сказал Гэндальф. — Он мог унести тебя в Чёрную Крепость.

— Но ведь он явился не за мной, правда? — дрожащим голосом произнёс Пин. — Я имею в виду, он же не знал, что я...

— Конечно, нет, — успокоил его Гэндальф. — Барат-дур от Ортханка отделяет не менее двух сотен лиг прямого полёта, и даже назгулу нужно несколько часов, чтобы преодолеть их. Но Саруман наверняка смотрел в Камень со времени набега орков, и не сомневаюсь, что было

прочтено больше его тайных мыслей, чем он рассчитывал. Посланник был отправлен, чтобы выяснить, чем он занимается. А после того, что случилось сегодня, не сомневаюсь, что появится другой, и очень скоро. Так что Саруману предстоит до конца испытать зажим тисков, в которые он так опрометчиво сунул руку. У него нет пленника для выдачи. Нет Камня, чтобы выйти на связь, и он не может ответить на вызов. Саурону остаётся только решить, что он удерживает пленника и отказался от использования Камня. И Саруману не поможет, если он расскажет правду посланнику, потому что Скальбург может быть разрушен, однако он сам спокойно сидит целым и невредимым в Ортханке. Так что, хочет он или нет, его причислят к бунтовщикам. Хотя он отверг нас именно для того, чтобы избежать этого! Что он собирается предпринять в таких скверных обстоятельствах, я и предположить не могу. Но думаю, что у него всё ещё достаточно сил, пока он сидит в Ортханке, чтобы противостоять Девяти Всадникам. Он может попытаться сделать это. Возможно, он попробует заманить назгула в ловушку или, по крайней мере, убить ту тварь, на которой он теперь держится в воздухе. В последнем случае пусть Ристания смотрит за своими лошадьми!

Но я не могу сказать, каким боком всё это повернётся для нас: к добру или к худу. Быть может, планы Врага будут нарушены или отложены из-за его гнева на Сарумана. Может быть, он узнает, что я был там и стоял на ступенях Ортханка — нацепив себе на хвост хоббитов. Или что наследник Элендила жив и стоял рядом со мной. Если оружие Ристании не обмануло глаз Злоречива, он вспомнит Арагорна и названный им титул. Этого я боюсь. И потому мы бежим — не от опасности, но навстречу большей опасности. Каждый шаг Тенегона приближает тебя к Стране Мрака, Перегрин Крол.

Пин не ответил, но вцепился в свой плащ, словно его охватил внезапный озноб. Серая земля стелилась под ними.

— Теперь смотри! — сказал Гэндальф. — Перед нами открываются Западные Лощины. Здесь мы вернёмся на восточный тракт. Вон та тёмная тень — это устье Теснинного ущелья. Там лежит Агларонд и Сверкающие Пещеры. Не спрашивай меня о них. Спроси Гимли, если вы встретитесь снова, и впервые ты получишь более пространственный ответ, чем пожелаешь. Сам ты этих пещер не увидишь, не в этот раз. Вскоре они останутся далеко позади.

— Я думал, ты собирался остановиться в Теснине Хельма! — сказал Пин. — Куда же мы тогда направляемся?

— В Минас Тирит, прежде чем море войны обступит его.

— Ох! А это далеко?

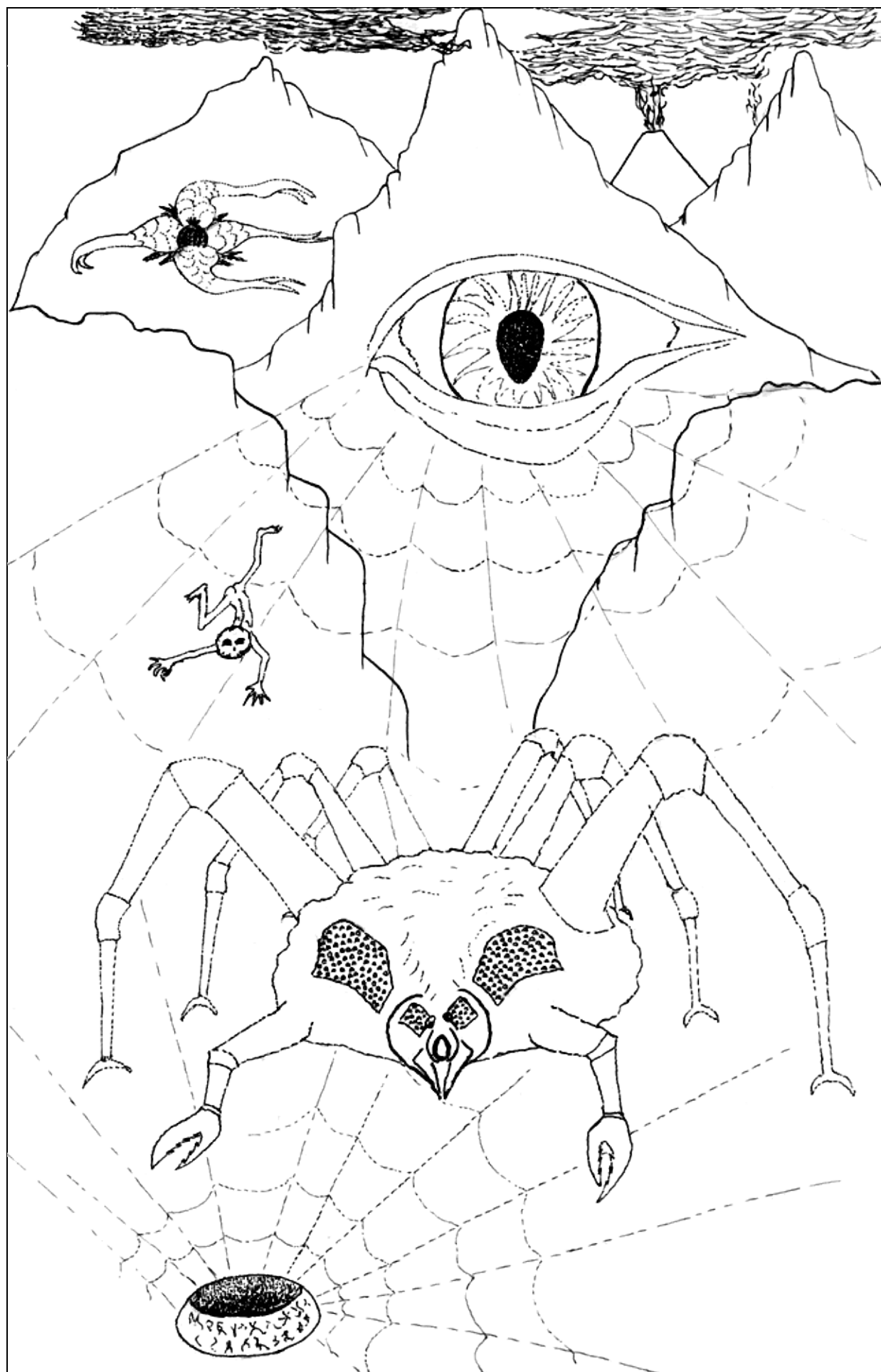
— Лиги и лиги, — ответил Гэндальф. — В три раза дальше, чем жилище герцога Теодена, а оно больше чем в сотне миль к востоку отсюда, если лететь напрямик, как посланцы Мордора. Тенегону придётся пробежать более долгий путь. Кто окажется быстрее?

Сейчас мы будем скакать до рассвета, то есть, ещё несколько часов. Затем даже Тенегон должен отдохнуть в какой-нибудь лощине между холмов, надеюсь, что в Эдорасе. Спи, если можешь! Возможно, первые лучи рассвета блеснут для тебя над золотой крышей дома Эорла. А ещё через два дня ты увидишь пурпурную тень горы Миндолуин и белые в утреннем свете стены крепости Денетора.

Вперёд, Тенегон! Беги, бесстрашный, беги так, как ты ещё никогда не бегал! Мы близ тех мест, где ты был жеребёнком и где тебе знаком каждый камень. Беги же! Надежда в скорости!

Тенегон махнул головой и громко заржал, словно труба позвала его на битву. Затем рванулся вперёд. Огонь летел у него из-под ног, и ночь мчалась за ним.

Медленно погружаясь в сон, Пин испытывал странное ощущение: они с Гэндальфом неподвижны, как каменные изваяния, усаженные на статую бегущей лошади, тогда как мир сам подкатывается им под ноги и уносится прочь в громком свисте ветра.

— Да, хозяин, мы застряли, это уж точно, — проговорил Сэм Скромби.

Он стоял рядом с Фродо, уныло понурившись, и, морщась, всматривался в темноту.

Шёл, кажется, уже третий вечер с тех пор, как они убежали из Отряда; хоббиты почти потеряли счёт часам, в течение которых они пробирались среди камней Эмин Муила и карабкались по его пустынным склонам, то возвращаясь по своим следам, потому что не могли отыскать дороги вперёд, то обнаруживая, что описали большой круг и вернулись туда, где были за несколько часов до этого. Но в целом они упорно продвигались к востоку, стараясь держаться как можно ближе к внешнему краю этого странного узла извилистых хребтов; однако их внешний край повсюду был высок, отвесен и неприступен, хмуро нависая над лежащей внизу равниной: за пределами отвесных склонов нагорья простирались гнилые синевато-серые болота, на которых ничто не двигалось и даже птиц не было видно.

Сейчас хоббиты стояли на краю высокого утёса, чёрного и голого, подножье которого окутывал туман, а за ними высилось изрезанное нагорье, увенчанное медленно плывущими облаками. С востока дул холодный ветер. Над гладкой низиной перед ними густела ночь: нездоровая зелень болот выцветала, переходя в тусклый бурый цвет. Оставшийся далеко справа Андуин, который ярко искрился весь день в солнечных лучах, теперь скрылся в вечерних тенях. Но глаза хоббитов не были направлены в сторону Реки, к Гондору, их друзьям и землям людей, они пристально смотрели на юго-восток, туда, где на краю надвигающейся ночи вздымалась тёмная полоса, издали похожая на клубы неподвижного дыма. Время от времени на самом краю неба и земли, очень далеко, проблёскивало крошечное красное свечение.

— Ну что за положение! — продолжал Сэм. — Вот единственное место из всех, о каких нам только приходилось слышать, насчёт которого у нас никогда не возникало желания увидеть его хоть чуть-чуть поближе, и это единственное место, куда мы пытаемся попасть! И именно туда-то мы и не можем попасть, никоим образом. Похоже, мы с самого начала выбрали не тот путь. Мы не можем спуститься, а если и спустимся, то обнаружим, что вся эта зелёная местность — мерзкое болото, ручаюсь! Фу! Вы чувствуете запах?

Он принюхался к воздуху.

— Да, я чувствую запах, — отозвался Фродо, не шевельнувшись. Его глаза по-прежнему оставались прикованными к тёмной полосе и вспышкам пламени. — Мордор! — пробормотал он себе под нос. — Если уж я должен идти туда, то хотел бы очутиться там как можно скорее, и покончить с этим!

Он содрогнулся. Ветер был пронизывающий и нёс тяжёлый запах холодного гниения.

— Ладно, — сказал Фродо вслух, отведя наконец глаза. — Насколько бы гадостным ни было положение, мы не можем стоять здесь всю ночь. Мы должны найти местечко поукромнее и заночевать ещё раз. Может быть, новый день укажет нам путь.

— Или ещё один, следующий, послеследующий и после-после-следующий, — пробормотал Сэм. — Или, может быть, не день. Мы пошли не тем путём.

— Не знаю, — проговорил Фродо. — Думаю, что раз уж мне суждено идти вон в ту Тень, то дорога найдётся. Но кто покажет мне её, добро или зло? Вся надежда, которая у нас оставалась, была в скорости. Задержка играет на руку Врагу, а я здесь, и медлю. Не воля ли Чёрной Крепости направляет нас? Все мои решения на проверку оказались плохи. Я должен был давно оставить Отряд и подойти к перевалам Мордора с севера по восточному берегу Реки, по

твёрдой поверхности Боевой равнины восточнее Эмин Муила. Но теперь нам с тобой одним не найти дороги назад, и по восточному берегу рыскают орки. Каждый прошедший день — потеря драгоценного времени. Я устал, Сэм. Я не знаю, что делать... Какая еда у нас осталась?

— Только та, которую вы называете лембас, мистер Фродо. Изрядный запас. Но при длительном употреблении это немногим лучше, чем ничего. Вот уж не думал, когда впервые вонзил в них зубы, что когда-нибудь захочу перемены. Но теперь ломтик хлеба и кружечка — ох, хоть полкружечки — пива пошли бы лучше. Всю дорогу от последнего нашего лагеря я тащу с собой кухонную утварь, а к чему? Для начала, здесь не из чего развести костёр, да и варить нечего, даже травку!

Они повернулись и спустились в каменистую лощину. Солнце на западе утонуло в тучах, так что стемнело быстро. Хоббиты, насколько им позволил холод, выпались по очереди в закутке среди зазубренных обломков выветрелой скалы. По крайней мере, здесь они были защищены от восточного ветра.

— А вы видели его снова, мистер Фродо? — спросил Сэм, когда они сидели, окоченевшие от холода, в холодном сером свете раннего утра, и жевали галеты.

— Нет, — ответил Фродо. — Я ничего не видел и не слышал уже две ночи.

— И я, — сказал Сэм. — Брр! От этих глаз меня просто тошнит! Но, может быть, мы наконец-то отделались от склизкого лиходейщика. Горлум! Я запихну ему его горрлум в глотку, если мне когда-либо удастся сцапать его за шею.

— Надеюсь, что тебе этого никогда не понадобится, — отозвался Фродо. — Не знаю, как ему удавалось следовать за нами, но, может быть, он, как ты и говоришь, снова потерял нас. В этих сухих голых скалах мы не можем оставить ни особых следов, ни запаха, даже для его чуткого носа.

— Надеюсь так оно и есть, — согласился Сэм. — Мне хотелось бы удрать от него по-хорошему!

— И мне, — сказал Фродо. — Но главная моя забота не в этом. Я хочу, чтобы нам наконец удалось убраться с этих холмов! Я ненавижу их. Я чувствую себя здесь, на восточном берегу, голым, застрявшим на самом виду без всякого укрытия, и ничто, кроме этих мёртвых равнин не отделяет меня от вон той Тени. В ней прячется Глаз. Идём! Мы должны попытаться сегодня как угодно, но спуститься отсюда.

Но весь этот долгий день и даже в сгущающихся вечерних сумерках они продолжали пробираться вдоль хребта и не могли найти пути вниз.

Временами среди безмолвия этой пустынной местности им чудилось, что за ними раздаётся лёгкий шум — не то падение камней, не то шлёпанье плоских ног. Но когда хоббиты замирали и прислушивались, то не слышали ничего: ничего, кроме ветра, вздыхающего среди острых камней, — однако даже это напоминало им дыхание, вырывающееся с тихим присвистом сквозь острые зубы.

По мере того, как они брели дальше, краевой хребет Эмин Муила весь этот день постепенно забирал к северу. Внешняя сторона его представляла собой широкий выветрелый утёс, то и дело прорезаемый узкими водотоками с отвесными стенками, которые оставляли глубокие пропилы на его лицевой стороне. Чтобы найти путь среди этих расщелин, которые постепенно становились глубже и встречались всё чаще, Фродо и Сэм были вынуждены забирать влево, довольно далеко от края, и потому не обратили внимания, что уже несколько миль они медленно и верно спускаются: утёс постепенно становился ниже.

Наконец им пришлось остановиться: хребет круто сворачивал к северу и был прорезан

глубоким ущельем, на другой стороне которого утёс снова резко поднимался на несколько саженей, — перед ними маячила отвесная, словно обрезанная ножом, высокая серая стена. Хоббиты не могли больше идти вперёд, им предстояло свернуть к западу или востоку. Но запад сулил только ещё больше хлопот и преград — это был путь назад, в сердце нагорья, а с востока поджидал обрывистый внешний край.

— Ничего другого не остаётся, Сэм, как только слезть в эту промоину, — сказал Фродо. — Посмотрим, куда она ведёт!

— Держу пари, что к крутому обрыву, — отозвался Сэм.

Расселина была длиннее и глубже, чем казалась. Немного спустившись, они впервые за последние дни обнаружили несколько кривых, низкорослых деревьев: в основном изогнутые берёзы, местами ели — истощённые, многие мёртвые, обглоданные восточными ветрами до самой сердцевины. Когда-то, в более спокойные дни, здесь, в ущелье, наверное, была чудесная роща, но теперь через какие-то пятьдесят ярдов деревья кончились, хотя старые, торчащие там и сям обломанные стволы доходили до самого края утёса. Дно ложбины, шедшей по самому краю разлома, было неровным, покрыто обломками камней и понижалось уступами. Когда хоббиты достигли её конца, Фродо остановился и заглянул вниз.

— Смотри! — сказал он. — Наверное, мы сильно спустились, или же сам утёс стал не так высок. Здесь гораздо ниже, чем было, и, пожалуй, спуск выглядит легче.

Сэм встал рядом с ним на колени и неохотно глянул за край, а затем посмотрел на отвесный утёс, возвышающийся слева от них.

— Легче! — буркнул он. — Ладно, я полагаю, что вниз всегда проще, чем вверх. Те, кто не умеют летать, могут прыгать!

— Однако это всё ещё весьма приличный прыжок, — отозвался Фродо. — Около, ну... — он помолчал, прикидывая на глаз расстояние, — примерно восемнадцать саженей. Не больше.

— И этого за глаза хватит! — сказал Сэм. — Ух! Как я ненавижу смотреть с высоты вниз! Но смотреть всё же лучше, чем слезать.

— И всё же, — возразил Фродо, — мне кажется, что мы смогли бы слезть здесь, и я думаю, что стоит попробовать. Видишь? Скала здесь совсем не такая, как несколькими милями прежде. Она стала покатою и с трещинами.

Действительно, внешняя сторона была здесь не так отвесна и немного отклонялась назад. Это было похоже на бастион или морскую дамбу, основание которой сместилось, так что вся она перекорёжилась и покрылась крупными разломами с протяжёнными пологими краями, которые местами были почти такие же широкие, как ступени.

— И если уж мы попытаемся спуститься, то лучше сделать это немедленно. Слишком рано темнеет. Думаю, что надвигается гроза.

Мгла над восточными горами сгустилась в глубокую черноту, которая уже тянулась длинными руками к западу. Поднимающийся ветер донёс отдалённые раскаты грома. Фродо понюхал воздух и с сомнением посмотрел на небо, одел поверх плаща пояс, затянул его, вскинул за спину свой лёгкий заплечный мешок и шагнул к краю.

— Я попробую, — сказал он.

— Очень хорошо! — мрачно сказал Сэм. — Но я иду первым.

— Ты? — удивился Фродо. — Так ты, стало быть, переменил своё мнение насчёт лазанья?

— Нет, не переменил. Это просто здравый смысл: пустить первым того, кто скорее всего сорвётся. Не хочу свалиться на вас сверху и зашибить до смерти: нет смысла гибнуть двоим за одно падение.

Прежде, чем Фродо успел остановить его, Сэм уселся, свесил ноги за край и извернулся назад, судорожно нащупывая пальцами ног точку опоры. Вряд ли ему за всю жизнь, даже в

спокойном состоянии, довелось поступить храбрее или более неблагоприятно.

— Нет, нет! Сэм, старый осёл! — воскликнул Фродо. — Ты совершенно точно убьёшься, если будешь продолжать в том же духе: даже не глянув, куда спускаться. Вернись!

Он подхватил Сэма под мышки и втянул обратно вверх. — Теперь подожди немного и потерпи!

С этими словами он лёг на землю и внимательно всмотрелся вниз, но свет быстро убывал, хотя солнце ещё не село.

— Думаю, что мы справимся, — сказал Фродо вскоре. — Я-то в любом случае смогу, да и ты тоже, если сохранишь на плечах голову и осторожно последуешь за мной.

— Не понимаю, как вы можете быть так уверены, — ответил Сэм. — Почему? В этом свете дна не разглядеть. Что, если вы доберетесь до места, где некуда будет поставить ногу и не за что уцепиться? Что тогда?

— Вскарabкаюсь назад, я полагаю, — отозвался Фродо.

— Легко сказать! — возразил Сэм. — Лучше уж подождать до утра, когда света будет побольше.

— Нет! Только не это! — воскликнул Фродо с внезапной страстной горячностью. — Мне жаль каждый час, каждую минуту. Я собираюсь предпринять эту попытку немедленно. Не лезь за мной, пока я не вернусь или не позову!

Крепко вцепившись в каменный край пропасти, он начал постепенно опускаться; руки хоббита вытянулись почти полностью, когда ногами он, наконец, нащупал уступ.

— Первая ступенька вниз! — сказал он. — И уступ расширяется вправо. Я мог бы стоять здесь без всякой поддержки. Я... — Но его слова резко оборвались.

Сгущавшаяся мгла, которая теперь надвигалась с громадной скоростью, нахлынула в этот миг с востока и закрыла небо. Прямо над головой сухо треснул гром, и в холмы ударила ослепительная молния. Затем налетел порыв ветра и, смешавшись с его рёвом, над нагорьем разнёсся высокий пронзительный крик. Хоббиты уже слышали такой же дальний крик над Маришами, когда бежали из Хоббитона, и даже там, в лесах Ши́ра, он оледенил их кровь. Здесь же, в пустынных скалах, ужас, наводимый им, был гораздо больше: он словно пронзил их ледяным клинком паники и отчаяния, заставив сердца замереть, а дыхание остановиться. Сэм рухнул ничком. Фродо непроизвольно разжал пальцы и, прикрывая руками голову, прижал ладони к ушам, покачнулся, поскользнулся и с воплем скатился вниз.

Сэм услышал его и заставил себя подползти к краю.

— Хозяин, хозяин! — позвал он. — Хозяин!

Он не услышал ответа. Сэм почувствовал, как его затрясло, но ещё раз набрал воздуха и снова крикнул:

— Хозяин!

Казалось, что ветер пытается запихнуть его крик обратно в горло, но когда он, ревя, пронёсся над расселиной и улетел дальше, в холмы, ушей Сэма достиг слабый ответный крик:

— Порядок! Порядок! Я здесь. Но я ничего не вижу.

Голос Фродо звучал неуверенно. На самом деле он упал не очень глубоко: он скользил, а не летел, и приземлился толчком на ноги всего несколькими ярдами ниже. Скала в этом месте, к счастью, довольно сильно отклонялась назад, и ветер прижал его к утёсу, так что он не сорвался глубже. Он постарался взять себя в руки, прижимая лицо к холодному камню и чувствуя, как колотится его сердце. Но то ли мгла стала совсем непроглядной, то ли его глаза перестали видеть: вокруг него было черно. Уж не ослеп ли он, спросил себя Фродо, делая глубокий вдох.

— Вернитесь! Вернитесь! — донёсся сверху, из черноты, голос Сэма.

— Я не могу, — отозвался он. — Я не вижу. Я не могу найти опоры. Я пока не могу двигаться.

— Что я могу сделать, мистер Фродо? Что? — прокричал Сэм, рискованно перевешиваясь через край. Почему его хозяин не может видеть? Темно, конечно, но не настолько же! Он-то может видеть хозяина там, внизу: серую одинокую фигурку, прижавшуюся к утёсу. Только слишком далеко, чтобы можно было дотянуться до него.

Снова громыхнуло, и хлынул дождь. Ледяной, смешанный с градом, он слепящей пеленой хлестал по утёсу.

— Я спускаюсь к вам! — крикнул Сэм, хотя чем он может помочь, действуя подобным образом, он и сам не мог бы сказать.

— Нет, нет! Подожди! — отозвался Фродо несколько громче. — Мне скоро станет лучше. Я уже чувствую себя лучше. Подожди! Ты ничего не сделаешь без верёвки.

— Верёвка! — воскликнул Сэм и принялся возбужденно, но и с облегчением себя отчитывать. — Хорошо, если я не заслужил быть повешенным на ней для урока всем тупицам! Ты просто растяпа, Сэм Скромби, как мне не раз повторял старик. И он был совершенно прав. Верёвка!

— Прекрати болтать! — крикнул Фродо, успевший настолько оправиться, чтобы одновременно почувствовать и веселье, и раздражение. — При чём тут твой старик?! Или ты хочешь сказать, что у тебя всё-таки найдётся верёвка? Если да, так доставай её!

— Да, мистер Фродо, вот именно, лежит себе спокойно в мешке. Тащить её сотни миль и совершенно забыть про неё!

— Тогда не теряй времени и спускай конец!

Сэм быстро развязал мешок и кинулся в нём копаться. На самом дне действительно лежал моток серебристо-серой верёвки, сделанной лориэнцами. Он бросил конец своему хозяину. То ли мгла спала с глаз Фродо, то ли зрение к нему возвратилось, но он смог увидеть серую полоску, которая, покачиваясь, спускалась к нему; хоббиту показалось, что она испускает слабое серебристое сияние. Теперь, когда в темноте появилось что-то, на чём он мог остановить взгляд, головокружение немного отпустило. Перенеся свой вес вперёд, Фродо обвязал конец вокруг пояса и затем ухватился за верёвку обеими руками.

Сэм отступил назад и упёрся ногами в пень в ярде или двух от края. Наполовину втянутый им, наполовину вскарабкавшийся сам, Фродо выбрался на утёс и бросился на землю.

Гром рокотал и ворчал в отдалении, ливень продолжался. Хоббиты отползли назад в расселину, но не нашли там особого укрытия: струившаяся вниз вода вскоре прекратилась в сплошной поток, который с плеском разбивался о камни и, пенясь, срывался с утеса, как по водосточному жёлобу широкой крыши.

— Уж я бы там успел нахлебаться, если бы меня вообще не смыло, — заметил Фродо. — Какое счастье, что у тебя была эта верёвка!

— Было бы лучше, если б я подумал о ней раньше, — отозвался Сэм. — Может вы помните, как нам клали верёвки в лодки, когда мы собирались отчаливать, там, у эльфов. Они мне понравились, вот я и сунул один моток к себе в мешок. Кажется, что уже годы назад. "Они вам не раз пригодятся", — сказал тот, Халдир, или кто-то ещё из них. И он был прав.

— Жаль, что я не сообразил прихватить ещё одну, — сказал Фродо. — Правда, я покинул отряд в смятении и спешке. Если бы верёвки хватило, мы могли бы спуститься. Интересно, твоя какой длины?

Сэм медленно перебирал верёвку, измеряя её руками:

— Пять, десять, двадцать, тридцать элей, около того, — ответил он.

— Кто бы мог подумать! — воскликнул Фродо.

— Эх! Действительно, кто? — вздохнул Сэм. — Эльфы — дивный народ. Выглядит тонковатой, но прочная, а уж через руку бежит мягко, как молоко. И моток небольшой, а по весу-то легче лёгкого. Дивный народ, что и говорить!

— Тридцать элей! — прикинул Фродо. — Полагаю, этого хватит. Если гроза кончится до наступления ночи, то я попытаюсь ещё раз.

— Дождь, вроде, уже стихает, — сказал Сэм. — Но неужели вы снова рискнёте спускаться в темноте, мистер Фродо! И, с вашего позволения, у меня из головы не идёт этот крик, который донёс ветер. Очень уж похоже на Чёрного Всадника, но только сверху, с воздуха, если они могут летать. Я думаю, что лучше бы нам лежать в этой расселине, пока ночь не минует.

— А я думаю, что ни на мгновение дольше, чем необходимо, не останусь торчать здесь, на краю, прямо перед глазами из Чёрной Страны, что смотрят поверх болот, — возразил Фродо.

С этими словами он встал, снова подошёл к краю расселины и осмотрелся. Небо на востоке опять прояснялось. Рваные, сырые края грозовой тучи поднимались, а основная её масса уже пронеслась, чтобы простереть свои гигантские крылья над Эмин Муилом, над которым на время сгустилась тёмная мысль Саурана. Здесь она повернула, поражая долину Андуйна молниями и градом и бросив свою тень, грозящую войной, на Минас Тирит. Затем навалилась брюхом на горы и, собрав воедино свои гигантские витки, медленно поползла над Гондором к границам Рохана, пока скакавшие по степям на запад всадники не увидели вдали её чёрные бастионы, движущиеся вслед за солнцем. Но здесь, над голыми скалами и чадящими болотами снова открылось тёмно-синее вечернее небо и несколько бледных звёзд, подобных крошечным белым дырочкам в покрывале, зажглись вокруг лунного серпа.

— Как хорошо снова видеть! — сказал Фродо, глубоко дыша. — Знаешь, я ведь некоторое время думал, что ослеп: от молнии или кое-чего похуже. Я не различал ничего, совсем ничего, пока не спустилась серая верёвка. Казалось, что она каким-то образом светится.

— В темноте она действительно похожа на серебро, — согласился Сэм. — Никогда не обращал на это внимания прежде, хотя не помню, вынимал ли я её хоть раз после того, как спрятал. Но, если вы так настаиваете на спуске, мистер Фродо, то как же вы собираетесь ею воспользоваться? Тридцать элей или около того против восемнадцати саженей... это ведь не больше, чем высота утёса, как вы её оцениваете.

Фродо немного подумал.

— Привяжи-ка её крепче к пню, Сэм! — сказал он. — Полагаю, что на этот раз придётся пойти навстречу твоему желанию и пустить тебя первым. Я буду тебя опускать, а тебе останется только отталкиваться руками и ногами от скалы. Хотя, если ты сможешь дать мне передышку, перенеся свой вес на кое-какие из этих уступов, это здорово поможет. Когда будешь внизу, я спущусь следом. Я уже полностью оправился.

— Очень хорошо, — уныло согласился Сэм. — Раз надо, значит, надо!

Он взял верёвку и крепко привязал её к ближайшему от края пню, затем обвязал другой конец вокруг своего пояса, неохотно повернулся и приготовился перелезть через край во второй раз.

Тем не менее, всё оказалось и вполтину не так плохо, как он ожидал. Верёвка словно придала ему уверенности, хотя он не раз закрывал глаза, когда взглядывал вниз, под ноги. Там было одно опасное место, где стена была отвесной, без уступов, и даже слегка выпуклой: здесь он соскользнул и закачался на серебристом тросе. Но Фродо спускал его медленно и ровно, и, наконец, это место было пройдено. Больше всего Сэм боялся, что верёвка кончится, когда он будет ещё высоко, но в руках у Фродо осталась ещё изрядная бухта, когда Сэм достиг дна и

крикнул;

— Я внизу!

Его голос доносился снизу совершенно отчётливо, но Фродо не мог его разглядеть: серый эльфийский плащ растворился в неверном сумеречном свете.

Чтобы последовать за Сэмом, Фродо понадобилось значительно больше времени. Он обвязал верёвку вокруг пояса, проверил крепление наверху и укоротил её так, чтобы она дёрнула его вверх прежде, чем он достигнет дна, если сорвётся. Тем не менее, ему очень не хотелось упасть, а такого доверия, как у Сэма, к этой тонкой серой верёвке у него не было. И всё равно дважды он был вынужден полностью положиться на неё: там, где на гладкой поверхности не нашлось опоры даже для крепких пальцев хоббита, а уступы-ступени были далеко друг от друга. Но, наконец, он тоже очутился внизу.

— Отлично! — воскликнул он. — Мы это сделали! Мы избавились от Эмин Муила! Но хотел бы я знать, что будет дальше. Быть может, скоро мы опять начнём тосковать о хорошей твёрдой скале под ногами.

Но Сэм не ответил: он уставился на вершину утёса.

— Растяпа! — сказал он. — Шляпа! Моя прекрасная верёвка! Она привязана к пню, а мы-то — на дне. Славную же лесенку мы соорудили для этого склизкого Горлума! Лучше уж было сразу поставить указатель с надписью, каким путём мы пошли! Чересчур уж просто получается, а?

— Если сумеешь придумать способ, как мы оба смогли бы воспользоваться верёвкой и притом прихватить её с собой, то можешь адресовать "растяпу" вместе со всеми остальными прозвищами, какие только надавал тебе старик, мне, — сказал Фродо. — Если хочешь, забирайся наверх, отвяжи её и попробуй слезть обратно!

Сэм поскреб в затылке.

— Нет, прошу прощения, не знаю я такого способа, — признал он. — Но очень уж не хочется оставлять её здесь, и это факт. — Он погладил конец верёвки и ласково встряхнул его. — Трудно расстаться хоть с чем-нибудь, что принесено из страны эльфов. К тому же, быть может, сделанным самой Галадриэлью. Галадриэль... — пробормотал он, печально покачивая головой, потом посмотрел вверх и последний раз дёрнул за верёвку, как бы прощаясь с ней.

К общему изумлению обоих хоббитов она подалась. Сэм упал, и длинная серая верёвка, свернувшись, бесшумно соскользнула вниз прямо на него. Фродо рассмеялся.

— Кто завязывал верёвку? — спросил он. — Хорошо, что она продержалась ровно столько, сколько надо! Подумать только, что я всей тяжестью висел на твоём узле!

Сэм не смеялся.

— Быть может, я не очень-то ловок лазать, мистер Фродо, — сказал он обиженным тоном, — но я кое-что понимаю в узлах и верёвках. Это, можно сказать, семейное, потому что мой дед, а после него дядя Энди, который приходится старшим братом моему старику, много лет держали канатную мастерскую у Тайфилда. И я так плотно зацепил петлю за пень, что лучше никто не сделал бы, ни в Шире, ни вне его.

— Значит, верёвка оборвалась: перетёрлась о край скалы, я полагаю, — сказал Фродо.

— Держу пари, что нет! — возразил Сэм ещё более обиженным тоном, наклонился и внимательно осмотрел концы. — И вовсе не перетёрлась. Ни прядочки!

— Тогда, боюсь, это всё-таки был узел, — заметил Фродо.

Сэм покачал головой и не ответил, задумчиво пропуская верёвку между пальцами.

— Считайте, как знаете, мистер Фродо, — сказал он наконец, только я думаю, что верёвка сама отвязалась и свалилась — когда я позвал.

Он свернул её и любовно уложил обратно в мешок.

— Она точно свалилась, — подтвердил Фродо, — и это главное. Но теперь мы должны подумать, куда двинуться дальше. Скоро ночь. Как прекрасны луна и звёзды!

— Они ободряют сердце, правда ведь? — сказал Сэм, глядя вверх. — Так или иначе, а есть в них что-то эльфийское. А луна-то растёт. В эту облачную погоду мы не видели её пару ночей. Она начинает светить довольно ярко.

— Да, — согласился Фродо. — Но до полнолуния еще довольно далеко. Не думаю, что мы рискнём лезть в болота при свете половинки луны.

Следующий этап своего путешествия они начали среди первых ночных теней. Немного погодя Сэм обернулся, чтобы взглянуть напоследок на проделанный путь. На тусклом утёсе прорезью чернело устье расщелины.

— Я рад, что мы достали верёвку, — сказал он. — Во всяком случае, мы задали этому разбойнику небольшую задачку. Пусть попробует свои мерзкие плоские лапы на этих уступах!

Они пробирались прочь от края утёса среди хаоса валунов и крупных обломков, мокрых и скользких после проливного дождя. Местность продолжала круто снижаться. Они отошли не очень далеко, когда наткнулись на большую расселину, которая, чернея, внезапно разверзлась прямо у их ног. Она была неширокой, но всё же слишком велика, чтобы её можно было перепрыгнуть в неверном ночном свете. Хоббитам показалось, что со дна доносится журчание воды. Слева от них расселина круто сворачивала к северу, обратно к холмам, и преграждала им путь в этом направлении, во всяком случае, сейчас, в темноте.

— Думаю, лучше будет пройти назад к югу, вдоль утёса, — сказал Сэм. — Может, найдём там какой-нибудь закуток, а то и пещеру или что-нибудь в этом роде.

— Я тоже так думаю, — отозвался Фродо. — Я устал и вряд ли смогу сегодня и дальше пробираться среди камней, хоть и недоволен подобной задержкой. Если бы только перед нами была ясная тропа! Тогда я шёл бы, пока ноги не отвалятся.

Однако оказалось, что идти вдоль изломанного подножья Эмин Муила ничуть не легче. Да и Сэму не удалось обнаружить ни закутка, ни дыры, чтобы укрыться в ней: только голые каменные склоны хмурого утёса, становившиеся всё выше и отвеснее по мере того, как они возвращались. Наконец, совершенно измучившись, хоббиты просто рухнули на землю с подветренной стороны валуна, лежавшего рядом со стеной. Некоторое время они сидели, урюмо прижавшись друг к другу, в окружении холодных ночных скал, пока к ним, как назло, подкрадывался сон, не смотря на все их старания не поддаваться ему. Луна уже поднялась высоко и светила ярко. Её лёгкий белый свет скользил по поверхности скал и разливался по промокшим насквозь холодным, хмурым стенам утёса, превращая сгустившуюся мглу в знобкий бледно-серый сумрак, перечёркнутый чёрными тенями.

— Ладно! — сказал Фродо, вставая и поплотнее закутываясь в плащ. — Ты, Сэм, возьми моё одеяло и поспи немного. А я похожу в качестве часового. — Внезапно он замер и, нагнувшись, схватил Сэма за локоть. — Что это? — прошептал он. — Взгляни туда, на утёс!

Сэм посмотрел и с присвистом выдохнул сквозь зубы:

— С-с-с-с! Вот что это такое, — сказал он. — Горлум! Вот же гадина! А я-то ещё надеялся озадачить его тем, как нам удалось спуститься! Посмотрите-ка на него! Ползёт по стене, прямо как отвратительный паук.

По поверхности крутой, казавшейся в бледном лунном свете почти отвесной стены спускалась, растопырив тонкие конечности, маленькая чёрная фигурка. Быть может, её мягкие, цепкие руки и ноги находили такие выступы и трещины, которые ни один хоббит не смог бы

даже заметить, не то что использовать, но выглядело это, словно она ползёт вниз по клейкой паутине, будто крупное насекомое, подкрадывающееся к добыче. И спускалась она головой вперёд, словно принохиваясь к следу. Временами фигурка медленно поднимала голову, выворачивая её почти назад на тощей шее, и в эти моменты хоббиты улавливали блеск двух маленьких бледных огоньков — его глаз, которые мгновение щурились на луну, и тут же снова захлопывались.

— Как, по-вашему, может он нас увидеть? — спросил Сэм.

— Не знаю, — ответил Фродо тихо, — но вряд ли. Эти эльфийские плащи непросто заметить даже глазам друзей: я не могу различить тебя в тени даже в нескольких шагах. И я слышал, что он не любит солнца или луны.

— Тогда почему он спускается именно здесь? — спросил Сэм.

— Тише, Сэм! — сказал Фродо. — Возможно, он способен нас учуять. И, наверное, слышит он так же остро, как эльфы. Думаю, он что-нибудь, да расслышал: наши голоса, возможно. Мы там, наверху, много кричали, и до последней минуты разговаривали слишком громко.

— Ладно, я сыт им по горло, — пробурчал Сэм. — По мне, с некоторых пор он уж больно часто начал попадаться нам на глаза, так что я собираюсь перемолвиться с ним словечком, если получится. В любом случае, ускользнуть от него потихоньку сейчас вряд ли удастся.

Натянув хорошенько свой серый капюшон на лицо, Сэм принялся бесшумно подкрадываться к утёсу.

— Осторожно! — шепнул Фродо, последовав за ним. — Не спугни его! Он гораздо опаснее, чем кажется.

Тем временем чёрная ползущая фигурка проделала уже три четверти пути и висела не более чем в пятидесяти футах над подножьем утёса. Хоббиты наблюдали за ней, затаившись, буквально окаменев, в тени большой скалы. Выглядело так, что Горлум достиг трудного участка или был встревожен чем-то. До них доносилось его пыхтение и временами свистящие резкие выдохи, звучащие, как брань. Он поднял голову, и им показалось, что они слышат плевков. Затем он двинулся снова. Теперь хоббиты различали его скрипящий пришепётывающий голос:

— Ах, с-с-с! Осторожней, моя прелес-с-сть! Поспешай медленнее. Мы не должны рис-с-ковать своей шеей, не должны, моя прелес-с-сть? Нет, прелесть, горрлум!

Он опять поднял голову, взглянул на луну и быстро закрыл глаза.

— Мы ненавидим её, — прошипел он. — Мерз-с-ский, мерз-с-ский дрожащий свет, он шпионит за нами, прелес-с-сть, он ранит наши глаза.

Теперь он сполз ниже, и шип стал резче и разборчивее.

— Где оно, где оно, моя прелесть, моя прелесть? Оно наш-ш-ше, наш-ш-ше, и мы хотим его. Воры, воры, презренные воришки. Где они с моей прелестью? Проклятье им! Мы ненавидим их.

— Не похоже, что ему известно, что мы здесь, правда? — прошептал Сэм. — А что это за его прелесть? Неужели он подразумевает...

— Чш-ш! — выдохнул Фродо. — Он теперь близко, достаточно близко, чтобы слышать шёпот.

Действительно, Горлум внезапно снова остановился, и его крупная голова на тонкой шее закачалась из стороны в сторону, словно он прислушивался. Бледные глаза были полуприкрыты. Сэм сдержался, хоть его пальцы и дрожали. Его глаза, исполненные гнева и отвращения, не отрываясь, глядели на жалкую тварь, которая снова начала двигаться, по-прежнему шепча и шипя себе под нос.

Наконец она оказалась не более чем в дюжине футов от земли, прямо над их головами. В этом месте утёс, слегка нависавший над собственным основанием, круто обрывался, и даже

Горлум не мог найти никакой опоры. Казалось, он сделал попытку перевернуться так, чтобы двигаться вперёд ногами, но внезапно сорвался и с пронзительным визгом упал, обхватив себя руками и ногами, словно паук, чью нить неожиданно перерезали.

Сэм в мгновение ока выскочил из своего укрытия и парой прыжков пересёк пространство между собой и подножьем утёса. Прежде, чем Горлум смог встать, он набросился на него сверху. Но оказалось, что Горлум способен на большее, чем он рассчитывал, даже несмотря на то, что был захвачен врасплох, сразу после падения. Прежде, чем Сэм смог толком ухватить его, его собственные локти оказались прижатыми к бокам мягкой, но чудовищно сильной хваткой длинных рук и ног, которые обвились вокруг его тела и сдавили, подобно медленно затягивающейся верёвке; липкие пальцы добирались до его горла, в плечо вонзились острые зубы. Всё, что он смог, это ударить своей твёрдой круглой головой вбок, в лицо твари. Горлум зашипел и плюнул, но не отпустил.

Будь Сэм один, дела его были бы плохи. Но Фродо прыгнул вперёд и вырвал из ножен Разитель. Левой рукой он завёл голову Горлума за тонкие прямые волосы назад, натянув его длинную шею и заставив смотреть бледными злобными глазами прямо в небо.

— Пусти, Горлум! — сказал он. — Это Разитель. Однажды, давным-давно, тебе уже приходилось видеть его. Пусти, или в этот раз ты его почувствуешь! Я перережу тебе глотку.

Горлум обмяк и провис, как мокрая верёвка. Сэм встал, ощупывая плечо. Его глаза пылали гневом, но отомстить он не мог: его жалкий враг валялся, пресмыкаясь на камнях и хныча:

— Не рань нас! Не позволяй ему ранить нас, прелесть! Они ведь не хотят обидеть нас, не так ли, славные маленькие хоббитс-с-сы? Мы не хотели вредить, но они прыгнули на нас, как кошки на бедных мышек, так ведь, прелесть? А мы такие одинокие, горрлум. Мы будем очень любезны к ним, очень любезны, если они будут любезны к нам, не так ли, да, да-с-с-с.

— Ладно, ну и что с ним делать? — спросил Сэм. — Я считаю, связать его, чтобы он не мог больше красться за нами.

— Но это убьёт нас, убьёт нас, — захныкал Горлум. — Безжалостные маленькие хоббитс-с-сы. Связать нас в холодной жестокой стране и бросить нас, горрлум, горрлум.

Рыдания прокатились в его гоблинской глотке.

— Нет, — сказал Фродо. — Если уж убивать его, так мы должны убить его сразу. Но мы не можем этого сделать: этого не позволяют обстоятельства. Несчастливая тварь! Он не причинил нам вреда.

— Да неужели! — буркнул Сэм, потирая плечо. — Но, в любом случае, он собирался и, ручаюсь, ещё собирается. Задушить нас во сне — вот его план.

— Полагаю, что так, — согласился Фродо. — Но что он собирается, это другой вопрос.

Он на время замолчал, размышляя. Горлум лежал тихо и перестал хныкать. Сэм стоял над ним, меряя его сердитым взглядом.

И тут Фродо почудилось, что издалека, но совершенно отчётливо, до него доносятся голоса из прошлого:

"Какая всё-таки жалость, что Бильбо не заколол этого мерзавца, когда был такой удобный случай. — Жалость, говоришь? Да ведь именно жалость удержала его руку. Жалость и милосердие: без крайней нужды убивать нельзя. — Я не могу чувствовать жалости к Горлуму. Он заслужил смерть. — Заслужил смерть? Пожалуй. А посчитай-ка таких, кому надо бы жить да жить, но они мертвы. Их ты можешь воскресить, чтобы было уж всем по заслугам? А нет — так не торопись никого осуждать на смерть во имя правосудия, опасаясь за собственную безопасность. Ибо даже мудрейшим не дано провидеть всё".

— Очень хорошо, — ответил он вслух, опуская меч. — Но я по-прежнему боюсь. И всё же, как видишь, я не трону эту тварь. Ибо теперь, когда я увидел его, я пожалел его.

Сэм усталился на своего хозяина, который словно говорил с кем-то, кого здесь не было. Горлум поднял голову.

— Да-с-с-с, мы жалкие, прелесть, — заскулил он. — Милосердия, милосердия! Хоббиты не станут убивать нас, славные хоббиты.

— Нет, не станем, — сказал Фродо. — Но и отпустить тоже не можем. Ты полон злобы и дурных намерений, Горлум. Тебе придётся пойти с нами, вот и всё, чтобы мы могли присматривать за тобой. Но ты должен помочь нам, если сумеешь. За добро платят добром.

— Да-с-с-с, да, конечно, — сказал Горлум, садясь. — Славные хоббиты! Мы пойдём с ними. Отыщем им в темноте безопасные тропы, да, отыщем. А куда они направляются в этих холодных, суровых краях, любопытно нам знать, да, любопытно?

Он посмотрел на них снизу вверх, и в его бледных фосфоресцирующих глазах на мгновение промелькнуло хитрое, алчное выражение.

Сэм мрачно усталился на него и цыкнул зубом, хотя явно чувствовал, что есть нечто необычное в настроении его хозяина, и что никакие доводы тут не помогут. И всё же ответ Фродо поразил его.

Фродо посмотрел прямо в глаза Горлума, которые, вздрогнув, тут же метнулись в сторону.

— Ты знаешь это или достаточно хорошо представляешь, Смеагорл, — произнёс он веско и серьёзно. — Разумеется, мы идём в Мордор. И я полагаю, что ты знаешь туда дорогу.

— Ах, ш-ш-ш! — пробормотал Горлум, прикрывая глаза руками, словно подобная откровенность и названное без обиняков имя причинили ему боль. — Мы догадались, да, мы догадались, — прошептал он, — и мы не хотим, чтобы они шли туда, не так ли? Нет, прелесть, только не славные хоббиты. Там пепел, пепел и пыль, и жажда, и ямы, ямы, ямы, и орки, тысячи орков. Славные хоббиты не должны-с-с-с идтис-с-с в подобное место.

— Так ты был там? — настойчиво повторил Фродо. — И тебя тянет туда обратно, так ведь?

— Да-с-с, да-с-с, нет! — взвизгнул Горлум. — Однажды, случайно, я попал туда, верно, прелесть? Да, случайно. Но мы не хотим назад, нет, нет! — Затем внезапно его голос и манера говорить изменились, в горле снова заклокотало, и он заговорил, но не с ними. — Оставьте меня в покое, горрлум! Вы делаете мне больно. О, мои бедные руки, горрлум! Я, мы, я не хочу возвращаться. Я не могу найти его. Я устал. Я, мы, мы не можем найти его, горрлум, горрлум, нет, нигде. Они всегда на чеку. Гномы, люди, и эльфы, страшные эльфы с яркими глазами. Я не могу найти его. Ах! — Он встал и, сжав свою длинную ладонь в костистый кулак, погрозил им востоку. — Мы не хотим! — крикнул он. — Не для тебя! — Потом снова осел и заскулил, прижав лицо к земле. — Горрлум, горрлум. Не смотри на нас! Уходи! Ложись спать!

— Он не уйдёт и не заснёт по твоему приказу, Смеагорл, — сказал Фродо. — Но если ты действительно хочешь ещё раз освободиться от него, тогда ты должен помочь мне. А это, я боюсь, означает, что ты должен отыскать для нас дорогу к нему. Но тебе не придётся проделать весь путь, не придётся войти в ворота его страны.

Горлум снова сел и посмотрел на него из-под век.

— Он там, с той стороны, — хихикнул он. — Всегда там. Орки протащат вас всю дорогу. На восточном берегу Реки легко найти орков. Не проси Смеагорла. Бедный, бедный Смеагорл, он давно ушёл. Его прелесть забрали, и он совсем пропал.

— Может быть, мы снова отыщем его, если ты пойдёшь с нами, — сказал Фродо.

— Нет, нет, никогда! Он потерял свою прелесть, — возразил Горлум.

— Встань! — приказал Фродо.

Горлум встал и прислонился спиной к утёсу.

— Так! — сказал Фродо. — Тебе легче отыскать тропу днём или ночью? Мы устали, но,

если ты предпочитаешь ночь, мы двинемся немедленно.

— Сильный свет ранит наши глаза, да, ранит, — заскулил Горлум. — Не под Белым Лицом, не сейчас. Оно скоро зайдёт за холмы, да-с-с. Сперва отдохните немного, славные хоббиты!

— Тогда садись, — сказал Фродо. — И не двигайся!

Хоббиты уселись по бокам от него, спинами к каменной стене, чтобы дать отдых ногам. Им не нужно было слов: они знали, что не должны заснуть и на мгновение. Луна медленно опускалась. Тени упали с холмов, и всё перед ними погрузилось во мрак. В небе густо и ярко высыпали звёзды. Никто не шевелился. Горлум сидел, подобрав к себе ноги и опустив подбородок на колени, его плоские ступни и ладони были распластаны по земле, глаза закрыты, но он казался напряжённым, словно бы обдумывал что-то или прислушивался.

Фродо покосился на Сэма. Их глаза встретились, и они поняли друг друга. Хоббиты расслабились, откинули головы назад и закрыли глаза, или сделали вид, что закрыли. Вскоре раздалось их тихое дыхание. Руки Горлума слегка дрогнули. Его голова едва заметно повернулась сначала влево, потом вправо, а затем сперва один, а потом и другой глаз приоткрылись. Хоббиты не подали и знака.

Внезапно, с изумительной ловкостью и проворством Горлум оттолкнулся от земли и прыгнул, как кузнечик или лягушка, рванувшись вперёд, в темноту. Но это было именно то, чего Фродо и Сэм ожидали. Сэм оказался на нём раньше, чем тот успел сделать два шага после своего прыжка, а Фродо схватил его сзади за ногу и опрокинул.

— Пожалуй, твоя верёвка опять пригодится, Сэм, — сказал он.

Сэм вытащил верёвку.

— А куда это ты собрался в этих холодных, суровых краях, мистер Горлум? — проворчал он. — Любопытно нам знать, да, весьма любопытно. Ручаюсь, чтобы отыскать кое-каких своих друзей-орков. Ах ты, мерзкая предательская тварь! Эту верёвку следовало бы накинуть тебе на шею, да затянуть потуже!

Горлум лежал тихо, не пытаясь выкинуть что-нибудь ещё. Он не ответил Сэму, только метнул на него быстрый злобный взгляд.

— Всё, что нам требуется, это какой-нибудь поводок, который не даст ему удрать, — сказал Фродо. — Нам нужно, чтобы он шёл, поэтому не стоит связывать ему ноги, или руки, которыми он, похоже, пользуется не меньше. Привяжи ему один конец к лодыжке, да держи другой покрепче.

Он стоял над Горлумом, пока Сэм завязывал узел. Результат ошарашил их обоих: Горлум принялся тонко, пронзительно верещать, совершенно невыносимо для ушей, корчиться, пытаясь пастью достать до лодыжки, и кусать верёвку, не переставая при этом визжать.

Наконец Фродо убедился, что ему действительно больно, но причиной служит вовсе не узел: он проверил его и нашёл, что тот не только не слишком тугой, но в действительности едва ли достаточно плотный. Сэм оказался мягче, чем его речи.

— Что это с тобой? — спросил он. — Раз уж ты пытаешься удрать, приходится тебя привязывать, но мы не хотим причинять тебе боль.

— Нам больно, нам больно, — прошипел Горлум. — Она леденит, она грызёт! Её свили эльфы, проклятье им! Злые, жестокие хоббиты! Именно поэтому мы пытались бежать, конечно поэтому, прелесть. Мы догадались, что эти хоббиты будут жестокими. Они ходят к эльфам, беспощадным эльфам с яркими глазами. Снимите её с нас! Нам больно!

— Нет, я не сниму её с тебя, — сказал Фродо. — Разве только... — Он на мгновение запнулся, размышляя. — Разве только ты сможешь дать мне такое обещание, чтобы я поверил.

— Мы поклянёмся делать то, что он хочет, да, да-с-с-с, — ответил Горлум, всё ещё

извиваясь и хватая себя за лодыжку. — Нам больно.

— Поклянёшься? — спросил Фродо.

— Смеагорл, — неожиданно проговорил Горлум совершенно отчётливо, широко открыв глаза и не сводя с Фродо странно заблестевшего взгляда, — Смеагорл поклянётся на Прелести. Фродо внутренне напрягся, и снова Сэм был изумлён его словами и суровым голосом. — На Прелести? И ты посмеешь? — сказал он. — Подумай!

Кольцо, чтоб найти их, Кольцо — чтоб свести их
И Силой Всевластия вместе сковать их.

Ты хочешь поклясться этим, Смеагорл? Оно примет твою клятву, но оно более предательское, чем ты. Оно может исказить твои слова. Берегись!

Горлум трусливо съёжился.

— На Прелести, на Прелести! — повторил он.

— И какую же клятву ты собираешься дать? — спросил Фродо.

— Быть очень, очень хорошим, — сказал Горлум. Затем он подполз к ногам Фродо и простёрся перед ним, хрипло шепча, и содрокаясь всем телом, словно произносимые слова пробирали его ужасом до самых костей. — Смеагорл поклянётся никогда, никогда не позволить Ему завладеть им. Никогда! Смеагорл сбережёт его. Но он должен поклясться на Прелести.

— Нет, не на нём, — возразил Фродо, глядя на него сверху вниз с суровым сожалением. — Всё, что ты хочешь, это увидеть его и коснуться его, если удастся, хотя ты знаешь, что это сведёт тебя с ума. Не на нём. Клянись им, если хочешь. Ибо ты знаешь, где оно. Да, ты знаешь, Смеагорл. Оно перед тобой.

На мгновение Сэму почудилось, что его хозяин вырос, а Горлум сжался: высокая, суровая тень, могучий господин, скрывающий свой блеск под серым плащом, а у его ног маленькая скулящая собака. И тем не менее эти двое были чем-то сродни и не вовсе чужды друг другу, ибо они могли читать в мыслях друг друга. Горлум приподнялся и раболепно ухватил Фродо за колени.

— Прочь! Прочь! — сказал Фродо. — Ну, давай своё обещание!

— Мы обещаем, да, я обещаю! — проговорил Горлум. — Я буду служить хозяину Прелести. Хорош хозяин — хорош Смеагорл. Горрлум, горрлум, — внезапно зарыдал он снова и опять принялся кусать себя за лодыжку.

— Сними верёвку, Сэм, — велел Фродо.

Сэм неохотно подчинился. Горлум немедленно вскочил и начал прыгать вокруг, словно легавая, спущенная хозяином с цепи. С этого мгновения в нём произошла перемена, которая исчезла далеко не сразу. При разговоре он меньше шипел и свистел, и он обращался прямо к собеседнику, а не к своей прелести. Он съёживался и вздрагивал, если они приближались к нему или делали резкое движение, и избегал прикосновения их эльфийских плащей, но вёл себя дружелюбно и вызывал самую настоящую жалость своим стремлением угодить. Он давился смехом и скакал от удовольствия, если раздавалась шутка и даже если Фродо просто ласково заговаривал с ним, и плакал, если он упрекал его. Сэм предпочитал отмалчиваться. Он испытывал к нему ещё меньше доверия, чем прежде, и новый Смеагорл, будь то вообще возможно, нравился ему гораздо меньше старого.

— Ладно, Горлум, или как там тебя ещё звать, — сказал он. — Давай к делу! Луна зашла, а ночь-то продолжается. Лучше бы нам двинуться.

— Да, да, — согласился Горлум, прыгая вокруг. — Мы идём! Между северной и южной

оконечностью есть только один путь. Я нашёл его, да, нашёл. Орки им не пользуются, орки его не знают. Орки не ходят через Болота, они обходят их кругом, мили и мили. Очень удачно, что вы пошли этой дорогой. Очень удачно, что вы нашли Смеагорла, да. Следуйте за Смеагорлом!

Он отошёл на несколько шагов и вопросительно оглянулся, словно собака, приглашающая их на прогулку.

— Погоди, Горлум! — крикнул Сэм. — Не удирай слишком далеко вперёд! Учти, я от тебя не отстану, и верёвка у меня наготове!

— Нет, нет! — сказал Горлум. — Смеагорл обещал.

Они двинулись в путь глубокой ночью, под суровыми, холодными звёздами. Некоторое время Горлум вёл их обратно к северу практически по их же следам, затем забрал вправо от отвесного края Эмин Муила и спустился по изрезанным каменистым склонам к безбрежной болотистой низине. Они быстро и тихо растворились во мгле. Над всеми лигами пустых земель перед воротами Мордора нависло чёрное безмолвие.

Глава II

Переход через Болота

Горлум двигался быстро, выставив вперёд голову на длинной шее, и частенько используя руки так же хорошо, как и ноги. Фродо и Сэм всеми силами старались не отставать от него, но тот, по-видимому, больше и не думал о побеге и если они отставали, то оборачивался и ждал. Спустя некоторое время он вывел их к краю той самой узкой расселины, на которую хоббиты уже натыкались, но теперь они были гораздо дальше от холмов.

— Это здесь! — воскликнул он. — Здесь тропа вниз, да. Теперь мы пойдём по ней — дальше, дальше, туда.

Он указал на юго-восток, на болота, чья вонь, тяжёлая и гнилостная, была в ноздри даже в холодном ночном воздухе.

Горлум порыскал по краю и, наконец, позвал хоббитов:

— Здесь! Здесь мы можем спуститься. Смеагорл шёл однажды этой тропой: я шёл этой тропой, прячась от орков.

Он полез первым, и, следуя за ним, хоббиты спустились во мрак. Это было нетрудно, так как расселина в этом месте была не более пятнадцати футов глубиной и около двенадцати шириной. На дне её бежала вода: фактически, это было русло одной из мелких речушек, которые струились с холмов, пополняя стоячие омуты и трясины за их пределами. Горлум повернул вправо, более или менее к югу, и зашлёпал лапами по мелкому ручейку с каменистым дном. Казалось, ему было очень приятно чувствовать воду, и он кудахтал себе под нос, временами даже начиная квакать нечто вроде песни:

Холодный, суровый край,
Мне руки не кусай,
И ноги не грызи.
Обломки скал и камней
Острее старых костей,
Еды и не ищи.
Но лужи и ручьи
Прохладны и свежи,
Приятно в них войти!
И мы теперь хотим...

Ха! Ха! А что мы хотим? — спросил он, искоса поглядывая на хоббитов, и проквашал. — Мы скажем вам. Давным-давно он отгадал это, Торбинс отгадал.

Его глаза сверкнули, и Сэм, уловив в темноте этот блеск, нашёл его весьма неприятным.

Жива, но не дышит,
Как смерть, холодна,
Не пьёт, хоть водою окружена.
В кольчугу одета, хоть не звенит,
Попав же на берег, о прошлом грустит.
И отмель сухая — гора для неё,
Источника струи —
Сквозняк для неё.
Так гладко и светло тело её,
И великая радость встретить её.
Как же нам не хотеть
Эту рыбку схватить,
Ароматную, сладкую рыбку!

Эти слова только ещё настоятельнее напомнили Сэму о проблеме, которая волновала его с тех пор, как он понял, что его хозяин решил взять Горлума в качестве проводника: проблема питания. Ему и в голову не приходило, что хозяин тоже мог задуматься об этом, но он допускал, что уж Горлум-то наверняка подумал. В самом деле, каким образом Горлumu удавалось поддерживать себя в течение всех своих одиноких блужданий? "Не слишком-то хорошо, — решил про себя Сэм. — Он выглядит прямо-таки умирающим с голоду. Держу пари, он не станет привередничать и если тут не найдётся рыбы, быстренько попытается проверить, каковы на вкус хоббиты... разумеется, если сумеет захватить нас спящими. Ладно, не сумеет; во всяком случае, не Сэма Скромби".

Они шли, то и дело спотыкаясь, по извилистой тёмной расселине долго, очень долго: во всяком случае, так показалось усталым ногам Фродо и Сэма. Расселина свернула к востоку, расширилась и начала постепенно мелеть. Наконец в небе над их головами забрезжил первый, ещё серый, свет утра. Горлум не выказывал признаков усталости, но тут бросил взгляд вверх и остановился.

— День близок, — прошептал он, словно день был чем-то таким, что может подслушать и наброситься на него. — Смеагорл хочет остаться здесь: я хочу остаться здесь, и Жёлтое Лицо не увидит меня.

— Мы были бы рады увидеть солнце, — ответил Фродо, — но мы останемся здесь. Мы слишком устали, чтобы идти сейчас дальше.

— Не слишком умно с вашей стороны радоваться Жёлтому Лицу, — возразил Горлум. — Оно освещает вас. Славные, благоразумные хоббиты останутся со Смеагорлом. Вокруг орки и злобные твари. Они дальноторки. Оставайтесь и укройтесь со мной!

Троица расположилась на отдых под каменистым бортиком расселины. Он был теперь не более чем в рост высокого человека, а у его основания тянулась приподнятая широкая полоска плоских сухих камней. Вода бежала по гравия ближе к другой стороне. Фродо и Сэм уселись на

каменную плиту и прислонились спинами к бортику. Горлум шлёпал в потоке и шарил в воде.

— Нам нужно немного подкрепиться, — сказал Фродо. — Ты голоден, Смеагорл? У нас мало что есть, но мы поделимся с тобой, чем можем.

При слове голоден бледные глаза Горлума разгорелись зелёным светом и чуть было не выскочили из глазниц на его тощем нездоровом лице. На мгновение он вновь вернулся к прежней манере Горлума:

— Мы из-с-голлодались, да, мы очень голодны-с-с, прелес-с-сть, — проговорил он. — А что они едят? У них есть славные рыбки-с-с?

Его язык замелькал между жёлтыми клыками, облизывая бесцветные губы.

— Нет, у нас нет рыбы, — ответил Фродо. — У нас в запасе только вот это, — он показал ему галету лембас, — и вода, если вода здесь годится для питья.

— Да-с-с, да-с-с, славная водичка, — отозвался Горлум. — Пейте её, пейте, пока можно! Но что это за запасец, прелесть? Это хрустит? Это вкусно?

Фродо отломил кусочек галеты и протянул ему на обёртке из листа. Горлум понюхал лист, и лицо его исказилось: по нему пробежала судорога отвращения и мелькнула тень прежней злобы.

— Смеагорл нюхал это! — сказал он. — Листья из страны эльфов, га! Они воняют! Он взбирался на такое дерево и не мог отмыть вонь со своих рук, моих милых ручек.

Бросив лист, он взял лембас за краешек, куснул разок, плюнул и затрясся от приступа кашля.

— Ах, нет! — прошипел он, брызгая слюной. — Вы пытались задушить бедного Смеагорла. Пыль и пепел, он не может есть это. Он должен голодать. Но Смеагорл не придаёт этому значения. Славные хоббиты! Смеагорл обещал. Он поголодает. Он не может есть пищу хоббитов. Он поголодает. Бедный, тощий Смеагорл!

— Мне очень жаль, — сказал Фродо, — но боюсь, что не смогу помочь тебе. Я думаю, эта еда пошла бы тебе на пользу, если бы ты попытался проглотить её. Но может быть, ты не в состоянии даже попытаться, во всяком случае, не сейчас.

Хоббиты молча жевали лембас. Сэм думал, что, так или иначе, а теперь на вкус они гораздо лучше, чем уже долгое время: отвращение Горлума словно возвратило для него их прежний аромат. Но ему было неудобно. Горлум караулил каждый отправляемый в рот кусочек, как собака, ждущая за ужином у стула. Только когда хоббиты закончили есть и приготовились отдыхать, он, очевидно, убедился, что у них нет припрятанных деликатесов, которые он мог бы разделить с ними. Тогда он отошёл на несколько шагов, уселся там и тихонько заскулил.

— Послушайте! — шепнул Сэм Фродо, но не слишком тихо, поскольку не очень-то заботился о том, услышит его Горлум или нет. — Нам бы поспать, но только не одновременно, учитывая этого голодного разбойника под боком. Обещал он там или нет, Смеагорл или Горлум, но, держу пари, он не бросит так сразу свои привычки. Вы ложитесь, мистер Фродо, а я разбудю вас, когда не смогу больше держать веки открытыми. Будем, пока он на свободе, как и прежде, дежурить по очереди.

— Возможно, ты прав, Сэм, — ответил Фродо, не понижая голоса. — Он действительно изменился, но в какую сторону и насколько глубоко, я ещё не знаю. Говоря серьёзно, не думаю, что есть повод для беспокойства... пока. Но, если хочешь, карауль. Дай мне пару часов, не больше, а затем разбуди меня.

Фродо был так утомлён, что голова его упала на грудь, и, едва договорив, он уже спал. Горлум, похоже, больше ничего не опасался. Он свернулся клубком и заснул — быстро и совершенно беззаботно. Только его дыхание с тихим свистом вырывалось сквозь клыки, а сам

он лежал неподвижно, как камень. Спустя немного Сэм, который боялся, что тоже провалится в сон, если будет сидеть, прислушиваясь к дыханию своих спутников, поднялся и легонько толкнул Горлума. Его ладони дрогнули и сжались, но больше он не шевельнулся. Сэм наклонился и тихонько шепнул ему на ухо "рыб-с-с", — никакой реакции, даже частота дыхания Горлума не изменилась.

Сэм почесал голову.

— Кажется, действительно спит, — пробормотал он. — И если б я был он, он бы никогда больше не проснулся.

Он отогнал от себя невольно возникшие в уме мысли о мече и верёвке, вернулся и сел рядом с хозяином.

Когда он проснулся, небо над ним было тусклым: не светлее, а темнее, чем когда они завтракали. Сэм вскочил на ноги. По ощущению бодрости и голода он внезапно понял, что проспал весь день, не меньше девяти часов. Фродо всё ещё крепко спал, теперь лёжа на боку и вытянувшись. Горлума не было видно. В голове Сэма промелькнули разные бранные клички на свой счёт, извлечённые из обильного отеческого запаса изречений его старика, но затем ему пришло на ум, что хозяин-то был прав: на данный момент караулить абсолютно незачем. Во всяком случае, оба они были живы и не задушены.

— Несчастный лиходейщик! — пробормотал он, наполовину раскаиваясь. — Хотел бы я знать, куда он сейчас-то потащился?

— Не далеко, не далеко! — отозвался голос над ним.

Сэм взглянул вверх и увидел силуэт крупной головы Горлума и его ушей на фоне вечернего неба.

— Эй, что ты там делаешь? — воскликнул Сэм, чьи подозрения вернулись сразу же, стоило ему увидеть эту фигуру.

— Смеагорл голоден, — ответил Горлум. — Скоро вернусь.

— Возвращайся немедленно! — крикнул Сэм. — Эй! Вернись!

Но Горлум исчез.

Фродо проснулся от крика, сел и протёр глаза.

— Привет! — сказал он. — Что-то случилось? Сколько времени?

— Понятия не имею, — отозвался Сэм. — Наверное, уже после заката. А он куда-то удрал. Говорит, что голоден.

— Неважно! — сказал Фродо. — Тут уж ничего не поделаешь. Но он вернётся, вот увидишь. Он пока не нарушит своего обещания. Да и в любом случае, он не покинет свою Прелесть.

Фродо весьма спокойно отнёсся к тому факту, что они проспали несколько часов бок о бок с Горлумом, причём с очень голодным Горлумом, оставленным совершенно без присмотра.

— Не стоит припоминать бранные клички, которыми награждал тебя старик, — сказал он. — Ты просто вымотался, да и обернулось всё к лучшему: мы оба отдохнули. А нам предстоит тяжёлый путь, худший из всех возможных.

— Кстати о еде, — деловито заметил Сэм. — Сколько примерно нам понадобится, чтобы сделать дело? А когда оно будет сделано, что будем делать потом? Этот дорожный хлеб, он просто удивительно поддерживает на ногах, хоть, если так можно выразиться, при всём почтении к тем, кто его сделал, не удовлетворяет толком желудка, во всяком случае, по моим ощущениям. Но ведь есть-то приходится каждый день, и больше его от этого не становится. Я так прикидываю, что у нас осталось, скажем, недели на три или около того, да и то, если затянуть пояса и не баловать зубы. До сих пор мы обходились с нашими припасами несколько

расточительно.

— Я не знаю, сколько нам понадобится до... до конца, — сказал Фродо. — Мы ужасно задержались в холмах. Но, Сэммиум Скромби, мой дорогой хоббит... в самом деле, Сэм, дражайший мой хоббит, лучший мой друг, не думаю, что нам стоит размышлять о том, что будет потом. Сделать дело, как ты говоришь... можно ли надеяться, что нам это вообще удастся? А если даже и удастся, кто знает, что из этого выйдет? Если Одно пойдёт в огонь, а мы будем рядом? Я спрашиваю тебя, Сэм, есть ли вероятность, что после этого мы снова будем испытывать нужду в хлебе? Думаю, что нет. Полагаю, всё, что мы можем сделать, это продержаться ровно столько, чтобы дойти до Роковой Горы. Боюсь, для меня и этого окажется слишком много.

Сэм молча кивнул. Он взял руку хозяина, склонился над ней, но не поцеловал, хотя его слёза капнула на руку Фродо. Затем он отвернулся, провёл рукавом по носу, встал и принялся бродить вокруг, пытаясь насвистывать и то и дело повторяя между этими попытками:

— Где эта проклятая тварь?

На самом деле Горлум вернулся довольно быстро, но он так тихо подошёл, что они не слышали его, пока он не очутился перед ними. Его лицо и пальцы были вымазаны чёрной грязью. Он всё ещё жевал и пускал слюни. Что именно он пережёвывал, они не спросили, им даже думать про это не хотелось.

"Червей, жуков или что-нибудь склизкое из дыр, — решил про себя Сэм. — Брр! Мерзкое создание, несчастный лиходейщик!"

Горлум не стал разговаривать, пока вдоволь не напился и не вымылся в ручье. Затем он подошёл к хоббитам, облизывая губы.

— Так лучше, — сказал он. — Вы отдохнули? Готовы идти? Славные хоббиты, они так замечательно спали. Верите теперь Смеагорлу? Очень, очень хорошо.

Следующая стадия их пути мало отличалась от предыдущей. По мере продвижения вперёд расселина становилась всё мельче и положе. Дно освободилось от камней, стало землистым, и постепенно её борта превратились в обыкновенные берега. Ручей принялся петлять и блуждать. Ночь близилась к концу, но теперь луна и звёзды были закрыты тучами, и они узнали о наступлении дня только по медленному распространению сумеречного серого света.

В холодный предрассветный час они добрались до конца русла. Берега перешли в мшистую дельту. Вода с журчанием переливалась через последний порожек источенных камней и, падая с него, терялась в буром болоте. Сухие камыши свистели и шелестели, хотя ветра не чувствовалось.

Впереди и со всех сторон лежали теперь обширные топи и трясины, простирающиеся в сумеречном свете к югу и востоку. Над тёмными, нездоровыми омутами крутился и клубился туман. В душном, неподвижном воздухе висело зловоние. Вдалеке, теперь почти точно на юге, неясно вырисовывались горные стены Мордора, подобные чёрной полосе рваных туч, плывущих над полным опасностей и покрытым туманом морем.

Хоббиты теперь были полностью в руках Горлума. Они не знали и не могли догадаться в этом неверном свете, что на деле достигли только северного края болот, основная масса которых лежала от них к югу. Они могли бы, если бы знали местность, пусть ценой небольшой задержки, отойти немного назад и затем, свернув к востоку, попасть окольным путём на твёрдые тропы, ведущие к голой равнине Дагорлада, поля древней битвы перед воротами Мордора. Но и этот курс не сулил много надежды. На каменистой равнине не было укрытия, и

по ней пролегали основные пути орков и солдат Врага. Даже плащи Лориэна не спасли бы их там.

— Куда мы теперь направимся, Смеагорл? — спросил Фродо. — Нам, что, придётся пересечь эти зловонные топи?

— Не обязательно, совсем не обязательно, — отозвался Горлум. — Нет, если хоббиты хотят добраться до чёрных гор и очень быстро увидеть Его. Немного назад и немного в обход, — его худая рука махнула на северо-восток, — и вы сможете выйти по жёстким холодным дорогам к самым воротам Его страны. Там много Его людей заняты высматриванием гостей и с радостью доставят их прямо к Нему. О, да. Его Глаз всегда смотрит в ту сторону. Он поймал там Смеагорла, очень давно. — Горлум содрогнулся. — Но Смеагорл с тех пор воспользовался своими глазами, да, да. С тех пор я использовал глаза, ноги и нос. Я знаю другой путь. Более сложный, не такой быстрый, но лучше, если вы не хотите увидеть Его. Следуйте за Смеагорлом! Он проведёт вас через болота, через туманы, милые плотные туманы. Следуйте за Смеагорлом очень осторожно, и вы сможете проделать длинный путь, действительно длинный путь, прежде чем Он схватит вас, да, возможно.

Был уже день, безветренное угрюмое утро; болотные испарения лежали тяжёлыми пластами. Ни один луч не пронизывал низкие плотные тучи, и Горлум горел желанием продолжать путь немедленно, так что после короткого привала они снова двинулись дальше и вскоре затерялись в тенях безмолвного мира, отрезанные от всех окрестных земель, потеряв из виду и нагорье, которое покинули, и горы, к которым направлялись. Они молча шли цепочкой: Горлум, Сэм, Фродо.

Фродо выглядел самым усталым из всех троих и, хотя продвигались они медленно, он часто отставал. Хоббиты вскоре обнаружили, что то, что выглядело подобно безбрежным топям, в действительности было бесконечной сетью омутов, мягкой грязи и извилистых руслец, среди которых искусный глаз и верная нога могли отыскать проход. Горлум, безусловно, обладал таким искусством, и оно понадобилось ему всё. Его голова на длинной шее непрестанно поворачивалась то туда, то сюда, когда он принохивался, всё время бормоча про себя что-то. Иногда он поднимал руку и останавливал их, а сам, пригнувшись, проходил немного вперёд и тщательно ощупывал почву пальцами рук или ног или просто прислушивался, прижав ухо к земле.

Идти было тоскливо и утомительно. В этом заброшенном краю всё ещё медлила холодная, навязчивая зима. Единственной зеленью была накипь бледной ряски на тёмной, маслянистой поверхности стоячих вод. В тумане маячили мёртвые травы и гнилые камыши, словно оборванные призраки давно забытых лет.

Пока день медленно тянулся дальше, слегка посветлело, и туман поднялся, сделавшись тоньше и прозрачнее. Где-то высоко над гнилью и испарениями окружавшего их мира, золотое солнце свободно скользило сейчас по безоблачной стране с полами из ослепительно сверкающей пены, но лишь мимолётную тень его могли они видеть снизу: подёрнутую туманом, бледную, не дающую ни тепла, ни цвета. Однако даже это слабое напоминание о присутствии солнца заставило Горлума скорчить гримасу и передёрнуться. Он не повёл их дальше, и они расположились на отдых, сжавшись, как маленькие загнанные зверьки на краю высоких бурых тростниковых зарослей. Стояло глубокое безмолвие, лишь слегка нарушаемое с поверхности слабым трепетом полых стеблей и сломанных узких листьев, дрожащих в слабом токе воздуха, которого они не ощущали.

— Ни птицы! — мрачно заметил Сэм.

— Нет, птиц нет, — отозвался Горлум. — Славные птички! — Он облизнул клыки. — Птиц

здесь нет. Есть змеи, черви, водяные твари. Множество тварей, много мерзких тварей. Птиц нет, — закончил он печально.

Сэм посмотрел на него с отвращением.

Так прошёл третий день их путешествия с Горлумом. Прежде чем в более счастливых землях удлинились вечерние тени, они снова двинулись в путь, всё дальше и дальше, позволяя себе лишь короткие остановки. И их-то они делали не столько для отдыха, сколько для того, чтобы помочь Горлumu, потому что теперь даже ему приходилось продвигаться с большой осторожностью, и временами он был в затруднении. Они вошли в самое сердце Гиблых Болот, и было темно.

Они брели медленно, ссутулившись, тесной вереницей, внимательно повторяя каждое движение, сделанное Горлумом. Болота стали сырее, открываясь в широкие стоячие озёра, среди которых всё труднее и труднее становилось отыскивать местечки потвёрже, где можно было бы ступить ногой, не провалившись при этом в чавкающую грязь. Путники были легки, иначе никто из них не смог бы найти тропы сквозь эти топи.

Постепенно стало совсем темно: сам воздух казался чёрным и тяжёлым для дыхания. Когда появились огоньки, Сэм протёр глаза: ему показалось, что у него с головой что-то неладно. Сначала он увидел один огонёк краешком левого глаза — зеленоватая струйка, растворившаяся вдали, — но вскоре показались другие: некоторые походили на тускло светящийся дым, некоторые на чадающее пламя, неторопливо трепещущее над невидимыми свечами, то там, то здесь они изгибались, подобно призрачным свиткам, которые разворачивают невидимые руки. Но никто из его спутников не проронил ни слова.

Наконец Сэм не смог этого больше выносить.

— Что всё это такое, Горлум? — спросил он шёпотом. — Эти огни? Они все теперь вокруг нас. Мы в ловушке? Кто они?

Горлум поднял глаза. Перед ним чернела вода, и он ползал по земле то туда, то сюда, сомневаясь в выборе дороги.

— Да, они все вокруг нас, — прошептал он. — Шаловливые огоньки. Свечи трупов, да, да. Не обращайтесь на них внимания! Не смотрите! Не следуйте за ними! Где хозяин?

Сэм оглянулся и обнаружил, что Фродо снова отстал. Он не мог видеть его. Сэм вернулся на несколько шагов назад, в темноту, не смея отходить далеко или позвать громче, чем хриплым шёпотом. Внезапно он наткнулся на Фродо, который стоял в глубоком раздумье, уставившись на бледные огни. Его руки безвольно висели по бокам, с них капали вода и ил.

— Идёмте, мистер Фродо! — позвал Сэм. — Не смотрите на них. Горлум говорит, нельзя. Давайте-ка не отставать от него и выбираться из этого проклятого места так быстро, как сможем... если сможем!

— Порядок! — сказал Фродо, словно очнувшись ото сна. — Я иду. Ступай вперёд!

Торопливо двинувшись обратно, Сэм споткнулся, зацепив ногой за старый корень или кочку, и упал всей тяжестью на руки, которые глубоко погрузились в жидкую грязь, так что его лицо тесно прижалось к поверхности тёмной жижи. Раздался слабый свист и вырвался скверный запах; огоньки замигали, заплясали и закружились вихрем. На мгновение ему показалось, что он смотрит не в воду, а в окно, застеклённое грязным стеклом. Выдернув руки из болота, Сэм с криком вскочил на ноги.

— Там мертвецы! В воде мёртвые лица! — проговорил он с ужасом. — Лица погибших!

Горлум рассмеялся.

— Гиблые Болота, да, да, так их зовут, — проквакал он. — Тебе не следовало бы заглядывать вглубь, когда зажжены свечи.

— Кто они? Что они? — с дрожью спросил Сэм, обращаясь к Фродо, который стоял теперь позади него.

— Я не знаю, — как во сне, ответил Фродо. — Но я тоже их видел. В трясине, когда зажжены свечи. Они лежат во всех омотах, бледные лица, глубоко, глубоко под тёмной водой. Я видел их: жестокие и злобные лица, и благородные лица, и печальные; много лиц величественных и прекрасных, с водорослями в серебряных волосах. Но все разлагающиеся, все гниющие, все мёртвые. В них — беспощадный свет. — Фродо закрыл глаза руками. — Я не знаю, кто они, но мне кажется, что я видел там людей, и эльфов, и орков среди них.

— Да, да, — сказал Горлум. — Все мёртвые, все гниющие. Эльфы, и люди, и орки. Гиблые Болота. В древности здесь была великая битва, да, так рассказывали ему, когда Смеагорл был молод, когда я был молод, прежде, чем появилась Прелесть. Это была великая битва. Высокие люди с длинными мечами, и ужасные эльфы, и вопящие орки. Они бились на равнине у Чёрных Ворот дни и месяцы. Но с тех пор Болота разрослись, всё напозлали да напозлали, и поглотили могилы.

— Но ведь это было больше эпохи назад, — заметил Сэм. — На деле-то мёртвых здесь быть не может! Наверное, тут какое-то колдовство, вымышленное в Чёрной Стране?

— Кто знает? Смеагорл не знает, — ответил Горлум. — Вы не можете достать их, не можете коснуться их. Мы пытались однажды, да, прелесть. Я пытался однажды, но их нельзя достать. Возможно, это лишь тени для глаз, не для рук. Нет, прелесть! Все мертвы.

Сэм мрачно посмотрел на него и снова содрогнулся, думая, что догадался, зачем Смеагорл пытался коснуться их.

— Ладно, я не хочу их видеть, — сказал он. — Никогда больше! Может, пойдём дальше и выберемся наконец отсюда?

— Да, да, — сказал Горлум. — Но медленно, очень медленно. Очень осторожно! Иначе хоббиты пойдут вниз, чтобы присоединиться к мертвецам и зажечь маленькие свечи. Следуйте за Смеагорлом! Не смотрите на огни!

Он пополз вправо, нащупывая тропу в обход трясины. Хоббиты шли за ним попятам, пригнувшись и часто пользуясь руками, как и он. "Три прелестных маленьких Горлума рядом, вот чем мы станем, если и дальше будет так продолжаться", — думал Сэм.

Наконец они достигли края чёрной топи и пересекли её, что было очень опасно, ползком или перескакивая с одной кочки на другую. Часто они, оступившись или упав на руки в вонючую, как выгребная яма, воду, барахтались в чёрной жиже, пока не перепачкались и не перемазались почти по шею так, что едва могли терпеть запах друг друга.

Была поздняя ночь, когда они, наконец, снова выбрались на более твёрдую почву. Горлум шипел и шептал себе под нос, но выглядел довольным: каким-то таинственным образом, пользуясь смесью осязания, обоняния и недюжинной памятью о формах в темноте, он, похоже, опять точно определил, где находится, и знал, куда двигаться дальше.

— Ну, теперь пойдём вперёд! — сказал он. — Славные хоббиты! Храбрые хоббиты! Конечно очень, очень устали, как и мы, моя прелесть, все мы. Но мы должны увести хозяина прочь от коварных огней, да, да, должны.

С этими словами он снова двинулся почти рысью вниз по проходу, напоминавшему длинную тропку между камышами, и они заковыляли за ним так быстро, как могли. Но вскоре он неожиданно остановился и с сомнением понюхал воздух, шипя, словно его опять что-то встревожило или раздосадовало.

— В чём дело? — недовольно буркнул Сэм, неверно истолковав его поведение. — Что тут нюхать? Эта сногшибательная вонища и без того просто в носу вязнет. Ты воняешь, и хозяин

воняет, и всё вокруг воняет.

— Да, да, и Сэм воняет! — ответил Горлум. — Бедный Смеагорл чувствует это, но хороший Смеагорл терпит это. Помогает славному хозяину. Но дело не в этом. Воздух движется, приближается какая-то перемена. Смеагорл удивлён, он не счастлив.

Горлум снова двинулся вперёд, но его беспокойство нарастало; он то и дело выпрямлялся в полный рост и вытягивал шею, поворачивая голову на юг и на восток. Некоторое время хоббиты не могли ни услышать, ни почувствовать то, что его тревожило. Затем внезапно они остановились все втроём, замерев и прислушиваясь. Фродо и Сэму показалось, что они слышат вдалеке долгий воющий крик, высокий, тонкий, мучительный. Хоббиты задрожали. В то же мгновение они ощутили движение воздуха; резко похолодало. Пока они стояли, напрягая уши, до них донёсся звук, напоминающий отдалённый порыв ветра. Расплывчатые огоньки заколебались, потускнели и погасли.

Горлум не двигался. Он стоял, сотрясаемый крупной дрожью и бормоча про себя, пока несущийся над болотами ветер не ударил в них с рёвом и свистом. Ночь стала менее тёмной, во всяком случае, достаточно светлой, чтобы различить, как свиваются и уносятся с этим порывом бесформенные клубы тумана. Взглянув вверх, они увидели, что тучи рвутся и расползаются, и высоко на юге проглядывает луна, несущаяся в летящих клочьях облаков.

При этом зрелище сердца хоббитов на мгновение приободрились, но Горлум сжался на земле, бормоча проклятия Белому Лицу. Затем Фродо и Сэм, не сводившие глаз с неба и глубоко дышавшие освежённым воздухом, заметили, как приближается нечто вроде маленького облака, летящего с проклятых холмов, чёрная тень, выпущенная Мордором, огромный силуэт, крылатый и зловещий. Он промелькнул на фоне луны и с убийственным криком помчался на запад, обгоняя ветер в своем жутком полёте.

Они упали ничком, не глядя, куда, и прижались к холодной земле. Но ужасная тень описала круг и вернулась, промчавшись теперь ниже, прямо над ними, сметая своими призрачными крыльями болотную вонь. А затем она исчезла, умчавшись обратно в Мордор со скоростью гнева Саурона, и вслед за ней унёсся ветер, оставив Гиблые Болота голыми и чёрными. Нагая пустошь, насколько хватало глаз, вплоть до грозно высящихся вдали гор, пестрела пятнами яркого лунного света.

Фродо и Сэм поднялись, протирая глаза, словно дети, которые пробудились от кошмарного сна и обнаружили, что мир всё ещё погружён в спокойную, привычную ночь. Но Горлум продолжал лежать на земле, как оглушённый. Они с трудом растолкали его, и некоторое время он не решался поднять лицо, стоя на локтях и коленях и прикрывая затылок длинными плоскими ладонями.

— Призраки! — выл он. — Крылатые Призраки! Их хозяин Прелесть. Они видят всё, всё. Ничто не может укрыться от них. Проклятье Белому Лицу! И они рассказывают обо всём Ему. Он видит, Он знает. Ах, горрлум, горрлум, горрлум!

И до тех пор, пока луна скрылась, опустившись далеко на западе за Тол Брандиром, он не соглашался ни подняться, ни начать двигаться.

С этого времени Сэму показалось, что он опять ощущает в Горлуме перемену. Он держался более угодливо и подчёркнуто дружелюбно, но Сэма удивляло странное выражение, проскальзывавшее временами в его глазах, особенно когда он смотрел на Фродо, и он всё чаще и чаще возвращался к своей прежней манере речи. Кроме того, у Сэма появился ещё один повод для растущего беспокойства. Фродо выглядел усталым, усталым до крайней степени. Он ничего не говорил, — собственно, он вообще практически не раскрывал рта — и не жаловался, но

переставлял ноги, словно тот, кто несёт груз, вес которого всё время возрастает, и тащился всё медленнее и медленнее, так что Сэму частенько приходилось просить Горлума обождать и не бросать хозяина позади.

Действительно, с каждым шагом, приближающим к воротам Мордора, Фродо чувствовал, как Кольцо на цепочке вокруг шеи наливается гнетущей тяжестью. Теперь он начал воспринимать его, как всамделишное бремя, тянущее его к земле. Но гораздо больше его смущал Глаз, как он называл его про себя. Именно он, а не гнёт Кольца, вызывал желание съжаться и заставлял сутулиться при ходьбе. Глаз: ужасное, всё усиливающееся ощущение враждебной воли, которая могучим усилием пытается пронзить все тени от туч, земли и плоти и увидеть его, пришить, нагого и неподвижного, своим убийственным взглядом. И так тонки, так слабы и тонки стали завесы, которые ещё сдерживают её. Фродо знал совершенно точно, где средоточие этой воли, её теперешнее место пребывания, как человек с закрытыми глазами может указать направление на солнце. Он был обращён лицом к ней, и её могущество билось о его лоб.

Возможно, нечто подобное чувствовал и Горлум. Но что происходит в его низком сердце под давлением Глаза, жаждой Кольца, которое было так близко, и раболепным обещанием, данным наполовину из страха перед холодным железом, хоббиты не могли сказать. Фродо вообще об этом не думал. Мысли Сэма были заняты в основном хозяином, и он едва обращал внимание на тёмное облако, окутавшее его собственное сердце. Теперь он шёл позади Фродо и внимательно следил за каждым его движением, поддерживая, когда тот спотыкался и стараясь ободрить неуклюжими словами.

Когда наконец наступил день, хоббиты удивились тому, насколько придвинулись зловещие горы. Воздух стал чище и холоднее, и стены Мордора, хотя ещё далёкие, уже не казались грозной тучей на горизонте, но возвышались как хмурые чёрные бастионы поперёк унылой пустоши. Болота кончились, уступив место мёртвым торфяникам и широким полям сухой, растрескавшейся грязи. Местность впереди полого поднималась длинными голыми склонами к пустыне, лежащей перед воротами Саурона.

Пока не угас серый свет, они сидели под чёрным камнем, забившись под него, как черви, на случай, если вновь промчится крылатый ужас и выследит их своими безжалостными глазами. От оставшейся части похода в их памяти сохранился только всё усиливающийся, неотвязный страх без всяких светлых промежутков. Ещё две долгие ночи пробирались они по унылому бездорожью. Сам воздух, как им казалось, стал едким, с горьким запахом, который делал дыхание прерывистым и иссушал рты.

Наконец, на пятое утро после того, как они отправились в путь вместе с Горлумом, они ещё раз остановились. Перед ними упирались в крышу из туч и дыма высокие горы, тёмные в рассветном сумраке. От их подножия отходили громадные уступы и отдельные холмы, до ближайшего из которых оставалось по меньшей мере около двенадцати миль. Фродо в ужасе огляделся. Страна, которую медленно подкрадывающийся день постепенно являл его блуждающему взору, была ужасней, чем Гиблые Болота и сухие вересковые пустоши Ничейных земель. Даже на болота с лицами погибших ещё может прийти измождённый призрак зелёный весны, но в этот край никогда не вернутся ни весна, ни лето. Здесь не было ничего живого, даже чешуйчатых корок, питающихся гнилью. Зиявшие омуты задыхались от пепла и грязевых потёков тошнотворного белого и серого оттенка, словно сами горы извергли на эти земли испражнения своих недр. Высокие курганы раскрошенных, превращённых в пыль скал, огромные конусы взорванной, отравленной земли тянулись бесконечными рядами, словно

какое-то непотребное кладбище, медленно проступающее в неверном свете.

Они достигли пустыни, лежащей перед Мордором, вечного памятника тёмного дела его рабов, который сохранится даже тогда, когда забудутся все его цели; осквернённая, неизлечимо больная земля, которая останется такой, пока не придёт Великое Море и не омоет её забвением.

— Меня тошнит, — сказал Сэм.

Фродо промолчал.

Некоторое время они стояли, подобно тому, как люди на грани сна, в котором затаились кошмары, отгоняют их от себя, хотя знают, что лишь погрузившись в их тень, смогут открыть глаза навстречу свету утра. Свет разливался и становился ярче. Зияющие ямы и ядовитые насыпи проявились с отвратительной ясностью. Взошло солнце, пробираясь между тучами и полосами дыма, но даже солнечный свет был осквернён. Хоббиты не могли приветствовать этот свет: он казался враждебным, выдающим всю их беспомощность — их, маленьких, писклявых призраков, блуждающих по свалке Чёрного Властелина.

Слишком усталые, чтобы идти дальше, они присмотрели местечко, где могли бы отдохнуть. Некоторое время они молча сидели в тени шлаковой насыпи, но из неё сочились вонючие удушливые испарения, от которых перехватывало горло. Горлум поднялся первым. Он подхватился, брызгая слюной и бранясь, и, не взглянув на хоббитов и ничего не сказав им, пополз на четвереньках прочь. Фродо и Сэм поползли за ним, пока не очутились в широкой, почти круглой яме с высоким западным бортом. Она была холодной и мёртвой, а её дно покрывал зловонный слой многоцветного ила. В этой скверной дыре они и укрылись, надеясь избежать в её тени внимания Глаза.

День медленно тянулся. Их мучила сильная жажда, но они выпили лишь по несколько капель из бутылок, наполненных последний раз в расщелине, которая теперь, когда они мысленно оглядывались назад, представлялась мирным прелестным местом. Хоббиты установили очерёдность дежурства. Сначала они были утомлены настолько, что никто из них не мог спать, но, когда солнце где-то вдали опустилось в медленно ползущее облако, Сэм задремал. Была очередь Фродо караулить. Он лежал на спине на склоне ямы, но это не облегчало ощущения тяготившего его бремени. Он смотрел вверх на исчерченное дымными полосами небо и видел странные призраки, тёмные фигуры всадников и лица из прошлого. Он потерял счёт времени, колеблясь между сном и явью, пока забвение не овладело им.

Внезапно Сэм проснулся: ему почудилось, что он слышал оклик хозяина. Был вечер. Фродо не мог окликнуть его, потому что он крепко спал, соскользнув почти на дно ямы. Рядом был Горлум. На мгновение Сэму показалось, что тот пытается разбудить Фродо, но потом он понял, что ошибся. Горлум разговаривал сам с собой. Смеагорл спорил с кем-то, кто пользовался тем же самым голосом, но делал его квакающим и шипящим. Пока он говорил, его глаза загорались то бледным, то зелёным светом.

— Смеагорл обещал, — сказал первый.

— Да, да, моя прелесть, — прозвучал ответ. — Мы обещали сбересть нашу Прелесть, не дать Ему получить её, никогда. Но оно идёт к Нему, да, ближе с каждым шагом. Интересно, что хоббит собирается делать с ним, да, нам интересно.

— Я не знаю. Я ничего не могу с этим поделать. Оно у хозяина. Смеагорл обещал помочь хозяину.

— Да, да, помочь хозяину, хозяину Прелести. Но, если бы мы были хозяин, тогда мы могли бы помочь себе сами, да, и всё же сдержать обещание.

— Но Смеагорл сказал, он будет очень, очень хорошим. Славный хоббит! Он снял

жестокою верёвку с ноги Смеагорла. Он добро говорит со мной.

— Очень, очень хорошим, э-э, моя прелесть? Будь хорошим, хорошим, как рыба, сладенький, но для себя-с-с. Не вредя славному хоббиту, конечно, нет, нет.

— Но обещание хранит Прелесть, — возразил голос Смеагорла.

— Тогда возьми его, — сказал другой, — и храни его сам! Тогда мы станем хозяином, горрлум! Заставить другого хоббита, мерзкого, подозрительного хоббита, заставить его ползать, да, горрлум!

— Но не славного хоббита?

— О, нет. Нет, если это будет нам неприятно. Однако он Торбинс, моя прелесть, да, Торбинс. А Торбинс украл его. Он нашёл его и не сказал ничего, ничего. Мы ненавидим Торбинсов.

— Нет, не этого Торбинса.

— Да, каждого Торбинса. Всех, кто держит у себя Прелесть. Мы должны получить его!

— Но Он увидит. Он узнает. Он отберёт его у нас!

— Он видит. Он знает. Он слышал, как мы давали глупое обещание — вопреки его приказам, да. Должен взять его. Призраки ищут. Должен взять его.

— Не для Него!

— Нет, сладенький. Смотри, моя прелесть: если оно у нас, тогда мы сможем сбежать, даже от Него, э-э? Возможно, мы станем очень сильны, сильнее Призраков. Лорд Смеагорл? Горлум Великий? Господин Горлум! Есть рыбу каждый день, трижды в день, свежую, с моря. Прелестнейший Горлум! Должны взять его. Мы хотим его, мы хотим его, мы хотим его!

— Но их двое. Они проснутся слишком быстро и убьют нас, — заскулил Смеагорл в последней попытке. — Не теперь. Не сейчас.

— Мы хотим его! Но... — тут наступила долгая пауза, словно проснулась другая мысль. — Не сейчас, э-э? Возможно, и нет. Она может помочь. Она может, да.

— Нет, нет! Не таким образом! — взвыл Смеагорл.

— Да! Мы хотим его! Мы хотим его!

Каждый раз, когда говорил второй голос, длинная рука Горлума медленно ползла, перебирая пальцами, вперёд, к Фродо, а затем внезапно отдёргивалась назад, когда слово опять брал Смеагорл. Наконец обе руки с длинными скрюченными и дрожащими пальцами потянулись к его шее.

Сэм лежал тихо, захваченный этим спором, но следя за каждым движением Горлума сквозь полуприкрытые веки. В его немудрёных суждениях главной опасностью со стороны Горлума представлялся обычный голод, желание съесть хоббита. Теперь он понял, что это не так: Горлум чувствовал ужасный зов Кольца. Он, конечно, был Чёрный Властелин, но Сэм задавался вопросом, кем может быть Она, и решил, что это наверняка кто-нибудь из отвратительных приятелей маленького негодяя, которых он завёл в своих странствиях. Но затем этот вопрос вылетел у него из головы, потому что всё явно зашло слишком далеко и становилось опасным. Все его члены сковывала огромная тяжесть, однако он сделал над собой усилие и сел. Нечто заставило его быть осторожным и не открывать, что он подслушал спор. Сэм громко вздохнул и широко зевнул.

— Сколько времени? — сонно пробормотал он.

Сквозь клыки Горлума вырвался долгий свист. Мгновение он стоял, напряженно и угрожающе, а потом рухнул на четвереньки и пополз к краю ямы.

— Славные хоббиты! Славный Сэм! — сказал он. — Засони, да, засони! Оставили хорошего Смеагорла караулить! Но уже вечер. Подкрадываются сумерки. Время идти.

"Самое время! — подумал Сэм. — И время нам расстаться тоже".

Но одновременно с этим в его уме возникло неприятное соображение, что теперь, пожалуй, отпустить Горлума едва ли не опаснее, чем держать при себе.

— Проклятье! Чтоб он подавился! — пробормотал Сэм себе под нос и заковылял вниз будить хозяина.

Как ни странно, Фродо чувствовал себя отдохнувшим. Он хорошо выспался. В этой заражённой стране его посетило прекрасное сновидение, и тёмная тень миновала. Ничто от сна не сохранилось в его памяти, кроме ощущения радости, но на сердце стало легче. Бремя уже не так тяжело лежало на нём. Горлум приветствовал его буквально с собачьим восторгом. Он кудахтал, болтал, хрустел своими длинными пальцами и хватал Фродо за колени. Фродо улыбнулся ему.

— Успокойся! — сказал он. — Ты вёл нас хорошо и добросовестно. Осталось последнее. Доведи нас до Ворот, и я не попрошу тебя идти дальше. Приведи нас к Воротам, и можешь ступать, куда пожелаешь, — только не к нашим врагам.

— К Воротам, э-э? — квакнул Горлум, явно ошарашенный и испуганный. — К Воротам, сказал хозяин?! Да, он сказал так. И хороший Смеагорл сделает, что он просит. О, да. Но когда мы подойдём поближе, тогда, может быть, мы увидим, тогда мы посмотрим. Они выглядят совсем не привлекательно. О, нет! О, нет!

— Да шевелись ты! — буркнул Сэм. — Нечего рассусоливать!

В сгущающихся сумерках они выбрались из ямы и принялись медленно пробираться по мёртвой стране. Но не успели они отойти далеко, как снова ощутили тот ужас, который обрушился на них, когда крылатая тень промчалась над болотами. Они замерли, съёжившись на зловонной земле, но не разглядели в хмуром вечернем небе ничего, и вскоре угроза прошла, пронеслась высоко над ними, отправившись, возможно, с каким-то срочным поручением из Барат-дура. Немного погодя, Горлум встал и снова пополз вперёд, бормоча что-то и дрожа всем телом.

Примерно через час после полуночи страх обрушился на них в третий раз, но теперь угроза казалась более отдалённой, словно пронеслась мимо гораздо выше облаков, умчавшись с чудовищной скоростью к западу. Тем не менее, Горлум был вне себя от ужаса и не сомневался, что охотятся именно за ними, что про их приближение известно.

— Трижды! — скулил он. — Три раза угроза. Они чувствуют нас, чувствуют Прелесть. Прелесть их хозяин. Мы не можем идти дальше этой дорогой, нет. Это бесполезно, бесполезно!

Просьбы и уговоры на него больше не действовали. Горлум согласился встать только тогда, когда Фродо сердито приказал ему, положив руку на рукоять меча. Тогда он с ворчанием поднялся и пошёл вперед, как побитая собака.

Так они брели, преодолевая усталость, весь остаток ночи и, пока не забрезжил очередной страшный день, шли молча, понутив головы и ничего не видя и не слыша, кроме ветра, свистевшего им в уши.

Глава III

Чёрные ворота закрыты

Ещё до рассвета следующего дня их путешествие к Мордору завершилось. Болота и пустошь остались позади. Перед ними, темнея на фоне бледного неба, воздвигли свои грозные головы великие горы.

С запада Мордор ограничивала угрюмая полоса Эфель Дуата, Чёрных гор, а с севера —

изломанные пики и голые хребты Эред Литуи, Изгарных гор, серых, как пепел. Но там, где эти горные гряды сближались друг с другом, будучи в действительности частыми гигантской стены вокруг мрачных равнин Литлада и Горгората и срединного горького внутреннего моря Нурнена, они выбрасывали к северу длинные отроги, и между этими отрогами оставался глубокий узкий проход. Это был Гирит Горгор, Колдовское или Призрачное Ущелье, вход в страну Врага. Высокие утёсы с обеих сторон здесь понижались и выбрасывали из своей пасти два крутых холма, чёрных и голых. На них стояли Клыки Мордора, две башни, высокие и крепкие. В далёком прошлом они были построены гондорцами в дни их гордости и могущества после низвержения Саурана и его бегства, чтобы не позволить ему вернуться в своё прежнее королевство. Но сила Гондора истощилась, и люди уснули, и долгие годы башни стояли пустыми. Затем Саурон вернулся. Теперь сторожевые башни, лежавшие в руинах, были восстановлены и заполнены оружием и неусыпной охраной. Облицованные камнем, они смотрели узкими бойницами на север, восток и запад, и каждое окно было полно недрёманных глаз.

Поперёк устья ущелья, от утёса к утёсу Чёрный Властелин воздвиг крепостную стену. В ней были единственные железные ворота, и за зубцами непрестанно ходили взад и вперёд часовые. У подножия холмов с обеих сторон скалы были просверлены сотнями пещер и червоточин, в которых таились орды орков, готовых по сигналу выплеснуться наружу, подобно устремляющимся на войну чёрным муравьям. Никто не мог пройти Клыки Мордора и не почувствовать их укуса, кроме призванных Сауроном или знающих тайный пароль, который открыл бы Мораннон, чёрные ворота его страны.

Двое хоббитов с отчаянием вглядывались в башни и стену. Даже издалека они различали в сумеречном свете движение чёрных часовых по стене и стражу перед воротами. Сейчас они лежали, выглядывая из-за края, в каменистой лощине под далеко отброшенной тенью самого северного уступа Эфель Дуата. Ворона, рассекающая крыльями тяжёлый воздух, быть может, пролетела бы напрямик не более фарлонга от места их укрытия до чёрной вершины ближайшей башни. Над ней курился слабый дымок, словно в глубине холма, на котором она стояла, тлел огонь.

День пришёл, и над безжизненными хребтами Эред Литуи блеснуло чахлое солнце. Затем внезапно раздался рёв медных труб: они гремели со сторожевых башен, и издалека, от скрытых застав и сторожевых постов в холмах, доносился ответный клич, и ещё дальше, очень далеко, но низко и зловеще, гулко пророкотали с равнин по ту сторону ворот рога и барабаны Барат-дура. В Мордор пришёл очередной страшный день ужаса и каторжного труда, и ночные стражи сзывались в их казематы и подземные залы, а дневные стражи, мрачные и со злобными глазами, маршировали на свои посты. За зубцами тускло отблёскивала сталь.

— Ладно, мы здесь! — сказал Сэм. — Вот Ворота, и сдаётся мне, что они не ближе, чем прежде. Тут я ручаюсь, хотя мой старик уж не упустил бы случая сказать пару слов, если бы увидел меня сейчас! Он частенько говаривал, что я плохо кончу, если не буду смотреть, куда иду, было дело. Да только вряд ли мне доведется ещё раз повидать его. Ну, что ж, он упустил случай повторить своё "я-ж-те-толковал-Сэм", и очень жаль. Если б я только мог опять увидеть его старое лицо, он мог бы толковать мне что угодно, пока дыхания хватит. Только сперва мне пришлось бы хорошенько вымыться, иначе он меня и не признает... Думаю, не стоит спрашивать "какой дорогой мы пойдём теперь"? Дальше нам не пройти: разве что попросим орков, чтоб они нас подбросили.

— Нет, нет! — отозвался Горлум. — Бесполезно. Мы не можем идти дальше. Смеагорл

говорил так. Он сказал: мы придём к Воротам, и тогда мы посмотрим. И мы смотрим. О да, моя прелесть, мы смотрим. Смеагорл знал, что хоббиты не смогут идти этой дорогой. О да, Смеагорл знал.

— Тогда какого рожна, спрашивается, ты нас сюда притащил? — бросил Сэм, не будучи расположенным быть справедливым или благоразумным.

— Так сказал хозяин. Хозяин сказал: приведи нас к Воротам. Хороший Смеагорл так и сделал. Так сказал хозяин, мудрый хозяин.

— Сказал, — подтвердил Фродо. Его лицо было хмурым и застывшим, но решительным. Он был грязен, измучен и очень устал, но он больше не сомневался, и глаза его были ясными. — Я сказал так, потому что собираюсь войти в Мордор и не знаю другой дороги. Поэтому я пойду здесь. Я никого не прошу следовать за мной.

— Нет, нет, хозяин! — взвыл Горлум, вцепившись в него, словно в большой муке. — Не иди этим путём! Не надо! Не носи Прелесть к Нему! Если Он получит его, Он проглотит нас всех, проглотит весь мир. Береги его, славный хозяин, и будь добр к Смеагорлу. Не дай Ему завладеть им. Или уходи, уходи в славные места, а его верни обратно маленькому Смеагорлу. Да, да, хозяин, отдай его, э-э? Смеагорл сбережёт его, он сделает много хорошего, особенно для славных хоббитов. Хоббиты отправятся домой. Не ходи к Воротам!

— Мне велено идти в Мордор, поэтому я пойду, — сказал Фродо. — Если туда только один путь, я должен воспользоваться им. И будь, что будет.

Сэм ничего не сказал. Для него было достаточно взглянуть Фродо в лицо: он знал, что слова тут не помогут. И, помимо всего прочего, он с самого начала никогда не имел какой-либо реальной надежды на успех этого предприятия, но, будучи жизнерадостным хоббитом, он и не нуждался в надежде, пока миг отчаяния ещё не наступил. Но теперь они дошли до горького конца. Только вот всю дорогу он не отходил от своего хозяина, именно ради этого он, собственно говоря, и пошёл, и он не отстанет от него. Его хозяин не пойдёт в Мордор один. Сэм пойдёт с ним, и в любом случае, им нужно будет избавиться от Горлума.

Между тем Горлум, судя по всему, пока отставать по-хорошему, не собирался. Он стоял на коленях у ног Фродо, квакая и ломая руки.

— Не этой дорогой, хозяин! — умолял он. — Есть другой путь. О да, действительно есть. Другой путь, темнее, и отыскать его труднее, более тайный. Но Смеагорл знает его. Позволь Смеагорлу показать его тебе!

— Другой путь! — с сомнением произнёс Фродо, изучающе посмотрев вниз, на Смеагорла.

— Да-с-с, да-с-с, действительно! Был другой путь. Смеагорл нашёл его. Давайте пойдём и посмотрим, там ли он ещё.

— Ты не упоминал о нём прежде.

— Нет. Хозяин не спрашивал. Хозяин не говорит, что он собирается делать. Он не сказал бедному Смеагорлу. Он сказал: Смеагорл, приведи меня к Воротам, а потом до свидания! Смеагорл может убежать и вести себя хорошо. Но теперь он говорит: я собираюсь войти в Мордор этим путём. Так Смеагорл очень испуган. Он не хочет потерять славного хозяина. И он обещал, хозяин заставил его пообещать спасти Прелесть. Но хозяин собирается отнести его к Нему, прямо в его Чёрную Руку, если хозяин пойдёт этой дорогой. Значит, Смеагорл должен спасти их обоих, и он думает о другом пути, который был здесь когда-то. Славный хозяин. Смеагорл очень хороший, всегда поможет.

Сэм нахмурился. Если бы он мог просверлить глазами в Горлуме дырки, он сделал бы это. Его мысли были полны сомнений. По всей видимости, Горлум действительно страдал и

действительно стремился помочь Фродо. Но Сэм, помня подслушанный спор, никак не мог поверить, что долго подавляемый Смеагорл одержал верх: во всяком случае, его голос не сказал последнего слова в споре. Сэм предполагал, что половинки Смеагорла и Горлума (или, как он их называл про себя, Крадучка и Вонючка) заключили перемирие и временный союз: ни один не хотел, чтобы Кольцо досталось Врагу, оба хотели уберечь Фродо от плена и держать его перед глазами как можно дольше, во всяком случае, до тех пор, пока у Вонючки ещё сохраняется шанс наложить лапу на его "прелесть". Существует ли в действительности другая дорога в Мордор, Сэм сомневался.

"И здорово, что ни одна половинка старого негодяя не знает, что собирается сделать хозяин, — думал он. — Знай он, что мистер Фродо пытается положить конец его Прелести на веки вечные, бьюсь об заклад, неприятности начались бы очень быстро. Во всяком случае, старый Вонючка так напуган Врагом — а он ведь выполняет, или выполнял, какие-то его приказы, — что он скорее выдаст нас, чем рискнёт быть пойманным на том, что оказывает нам помощь, и, может быть, скорее выдаст, чем позволит расплавить его Прелесть. В конце концов, таково моё мнение. И надеюсь, что хозяин всё это тщательно обдумает. Он не глупее прочих, но он мягкосердечен, вот в чём дело. Ни одному Скромби не догадаться, как он поступит в очередной раз".

Фродо не стал сразу отвечать Горлуму. Пока в медлительном, но пронизательном уме Сэма проносились все эти сомнения, Фродо стоял, всматриваясь в чёрный утёс Кирит Горгора. Лощина, в которой они нашли укрытие, была врезана в бок низкого холма несколько выше уровня длинной, похожей на траншею долины, протянувшейся между внешними отрогами горной стены. Посередине этой долины вздымалось чёрное основание западной сторожевой башни. Утренний свет позволял теперь ясно различить дороги, бледные и пыльные, что сходились у Ворот Мордора: одна вилась назад, на север, другая терялась на востоке в туманах, липнувших к подножию Эред Литуи, третья бежала к ним. Она круто огибала башню, попадала в долину и проходила неподалёку от ложбинки, где прятались хоббиты. К западу от неё, вправо от Фродо, она поворачивала, опоясывая горные плечи, и уводила к югу, в глубокие тени, которые окутывали западные склоны Эфель Дуата, а дальше, уже за пределами его взгляда, тянулась по узкой полосе земель между горами и Великой Рекой.

Вглядевшись, Фродо понял, что на равнине перед ним происходят какие-то серьёзные перемещения. Казалось, что на подходе целые армии, хотя и скрытые большей частью дымом и парами, которые наносило сюда с оставшихся позади болот и пустошей. Однако то здесь, то там проблескивали копья и шлемы, а по ровным участкам вдоль дорог скакали многочисленные отряды всадников. Фродо вспомнилось видение, открывшееся ему с вершины Амон Хена всего несколько дней тому назад, хотя сейчас казалось, что с тех пор прошли годы и годы. Теперь он понял, что надежда, на краткий миг окрылившая тогда его сердце, была тщетной. Трубы не бросали вызов, а приветствовали. Это не было натиском на Чёрного Властелина людей Гондора, поднявшихся, подобно мстительным духам, из могил давно минувшей доблести. Здесь были люди иной расы, из бескрайних восточных земель, собравшиеся по зову их Властелина; целые армии, которые на ночь расположились лагерем перед его Воротами, а теперь стройными рядами входили внутрь, увеличивая его и без того возросшие силы. Словно внезапно полностью осознав всю опасность их положения — одиноких, в усиливающемся дневном свете, так близко к грозным врагам, — Фродо быстро надвинул на голову свой лёгкий серый капюшон и отступил поглубже в лощину. Затем он обратился к Горлуму.

— Смеагорл, — сказал он. — Я доверюсь тебе ещё раз. Похоже, у меня нет иного выбора и такова уж моя судьба, принять помощь от тебя, от кого я меньше всего ожидал получить её. А твоя судьба — помочь мне, кого ты так долго преследовал со злым умыслом. До сих пор ты

служил мне хорошо и честно держал своё слово. Честно, говорю я и думаю тоже, — добавил он, глянув на Сэма, — потому что мы уже дважды были в твоей власти, и ты не причинил нам вреда. И не пытался взять у меня то, что некогда искал. Может быть, третий раз окажется самым лучшим! Но я предупреждаю тебя, Смеагорл, ты в опасности.

— Да, да, хозяин, — отозвался Горлум. — В страшной опасности! Тело Смеагорла трепещет при мысли о ней, но он не убежит прочь. Он должен помочь славному хозяину.

— Я не о той опасности, которая грозит всем нам, — возразил Фродо. — Я имею в виду опасность, грозящую тебе одному. Ты поклялся тем, что называешь Прелестью. Помни это! Оно не даст нарушить обещание, но будет пытаться исказить его так, чтобы оно обернулось к твоей гибели. Это уже происходит. Ты только что выдал себя мне, совершенно по-дурацки: "Верни его Смеагорлу", — сказал ты. Не повторяй этого! Не позволяй этой мысли укорениться в тебе! Ты никогда не получишь его назад, но жажда завладеть им может привести тебя к горькому концу. Ты никогда не получишь его назад. При крайней необходимости, Смеагорл, я надену Прелесть, а Прелесть давно стала твоим хозяином. Если я, надев её, дам тебе приказ, то ты подчинишься, даже если будет приказано броситься в пропасть или прыгнуть в огонь. А мой приказ будет именно таков. Так будь осторожен, Смеагорл!

Сэм глядел на своего хозяина с одобрением, но не без изумления: в его лице и голосе было нечто такое, чего он никогда не видел прежде. Он всегда считал, что доброта мистера Фродо настолько велика, что изрядно граничит со слепотой. Разумеется, при этом, вопреки всякой логике, он был не менее твердо убеждён в том, что мистер Фродо — мудрейшее существо в мире (быть может, за исключением старого мистера Бильбо и Гэндальфа). Надо полагать, что Горлум, со своей стороны, тоже мог допустить сходную ошибку, спутав доброту и слепоту, тем более что его знакомство с Фродо было гораздо короче. Во всяком случае, эта речь смутила и ужаснула его. Он корчился на земле, не в силах выговорить ни одного внятного слова, кроме "славный хозяин".

Фродо терпеливо выждал некоторое время, затем заговорил снова, менее сурово:

— А теперь, Горлум или, если хочешь, Смеагорл, расскажи мне об этом другом пути и объясни, если сумеешь, сулит ли он надежду, достаточную для того, чтобы я свернул с лежащей передо мной прямой дороги. Я спешу.

Но Горлум пребывал в жалком состоянии: угроза Фродо совершенно выбила его из колеи. Было непросто извлечь хоть сколько-нибудь ясный ответ из его бормотания, кваканья и частых отступлений, во время которых он ползал по земле, умоляя их быть милостивыми к "бедному маленькому Смеагорлу". Постепенно он немного успокоился, и Фродо мало-помалу выяснил, что если путник пойдёт по дороге, что поворачивает к западу от Эфель Дуата, он со временем попадёт на перепутье в круге чёрных деревьев. Правая дорога спускается к Осгилиату и мостам на Андуйне, средняя дорога ведёт на юг.

— Всё дальше, дальше и дальше, — сказал Горлум. — Мы никогда не ходили тем путём, но говорят, что он тянется на сотни лиг, пока не становится видна Великая Вода, которая никогда не успокаивается. Там много рыбы, и большие птицы едят рыб, славные птички, но мы никогда не были там, увы, нет! Нам не представилось случая. А дальше, говорят, там есть и другие страны, но Жёлтое Лицо очень горячо там, а хоть какие-нибудь облачка редки, а люди там свирепы и с чёрными лицами. Мы не хотим видеть те края!

— Нет! — согласился Фродо. — Но не уклоняйся в сторону. Куда ведёт третий путь?

— О да, о да, там есть третий путь, — отозвался Горлум. — Это дорога, ведущая влево. Она сразу начинает взбираться вверх, вверх, поднимаясь петлями обратно к высоким теням. Когда она завернёт за чёрную скалу, вы увидите её, она внезапно откроется перед вами, и вам захочется спрятаться.

— Увидим её? Увидим что?

— Старую крепость, очень древнюю, очень страшную теперь. Мы часто слушали легенды юга, давным-давно, когда Смеагорл был молод. О да, мы рассказывали много историй вечерами, сидя на берегах Великой Реки в ивняках, когда Река тоже была моложе, горрлум, горрлум.

Он принялся рыдать и бормотать. Хоббиты терпеливо ждали.

— Предания юга, — снова начал Горлум, — о высоких людях со сверкающими глазами и их домах, подобных холмам из камня, и о серебряной короне их короля и его Белом Дереве, дивные истории. Они строили очень высокие башни, и одна из тех, которые они воздвигли, была серебристо-белой, и в ней был камень, подобный луне, и её окружали высокие белые стены. О да, было много историй о Лунной Крепости.

— Это, должно быть, Минас Итил, построенный Исилдуром, сыном Элендила, — заметил Фродо. — Это Исилдур отрубил палец Врага.

— Да, у Него их всего четыре на Чёрной Руке, но и их достаточно, — содрогнувшись, проговорил Горлум. — И он ненавидит город Исилдура.

— Он всё ненавидит, — сказал Фродо. — Но какое отношение имеет Лунная Крепость к нам?

— В общем, хозяин, она была там, и она там есть: высокая башня, и белые дома, и стена, но теперь вовсе не славные, не прекрасные. Он завладел ею очень давно. Теперь это очень страшное место. Путники дрожат при виде его, стараются незаметно скрыться, избегают её тени. Но хозяину придётся пойти этим путём. Это единственный другой путь, потому что горы там ниже, и древний тракт взбирается всё выше и выше, пока не достигает тёмного перевала на вершине, а затем опять спускается вниз, вниз, к Горгороту.

Голос Горлума упал до шёпота, и он снова задрожал.

— Но нам-то чем это поможет? — спросил Сэм. — Враг наверняка знает всё о своих собственных горах, и тракт охраняется так же тщательно, как тут. Ведь крепость-то не пуста?

— О нет, не пуста! — прошептал Горлум. — Она выглядит пустой, но не пуста, о нет! Там живут очень страшные существа. Орки, да, всюду орки, но там живёт и кое-что похуже, да, похуже. Дорога поднимается прямо под тень стен и упирается в ворота. Ничто не может двигаться по ней, чтобы они не знали об этом. Те, что внутри, знают: Безмолвные Стражи.

— Так значит, вот что ты советуешь? — сказал Сэм. — Мы должны долго тащиться на юг, чтобы оказаться в таком же затруднительном, а может, даже худшем положении, чем здесь, если пойдём, конечно.

— Нет, вовсе нет, — ответил Горлум. — Хоббиты должны выслушать, должны попытаться понять. Он не ожидает нападения с той стороны. Его Глаз смотрит повсюду, но на одни места внимательнее, чем на другие. Он не может увидеть сразу всё, пока ещё не может. Понимаете, он подчинил все земли к западу от Чёрных Гор до самой Реки, и сейчас удерживает мосты. Он думает, что никто не сможет подойти к Лунной Крепости без большого сражения у мостов или не приготовив множество лодок, которые не спрячешь и о которых Он будет знать.

— Что-то ты больно много знаешь о том, что Он делает и думает, — сказал Сэм. — Уж не толковал ли ты с Ним недавно? Или попросту снюхался с орками?

— Нет, славный хоббит, нет, рассудительный, — сказал Горлум, метнув на Сэма гневный взгляд и поворачиваясь к Фродо. — Смеагорл разговаривал с орками, да, конечно, прежде чем он встретил хозяина, и со многими ещё: он странствовал очень долго. А то, что он говорит теперь, говорят многие. Главная опасность для Него, и для нас, здесь, на севере. Придёт день, когда Он выйдет из Чёрных Ворот, придёт скоро. Это единственный путь, по которому могут пройти большие армии. Но за дорогу на западе он не боится, и там есть Безмолвные Стражи.

— Вот именно! — подхватил Сэм, не позволяя отделаться от себя. — И нам следует

подойти к ним, постучаться в их ворота и спросить, правильно ли мы идём в Мордор? Или они слишком молчаливы, чтобы ответить? Не вижу смысла. С тем же успехом мы можем проделать всё это здесь, избавив себя от длительной прогулки.

— Не стоит так шутить, — прошипел Горлум. — Это не смешно, о нет! Не забавно. Нет смысла вообще пытаться войти в Мордор. Но если хозяин говорит "я должен идти" или "я хочу идти", тогда ему придётся попробовать какой-нибудь путь. Но ему не придётся идти в тот страшный город. О нет, конечно нет. Тут и поможет Смеагорл, славный Смеагорл, хотя никто не говорит ему, зачем всё это. Смеагорл опять поможет. Он нашёл её. Он знает её.

— Что ты нашёл? — спросил Фродо.

Смеагорл совсем сжался, и его голос снова упал до шёпота:

— Маленькую тропку, ведущую в горы, а затем лестницу, узкую лестницу. О да, очень длинную и узкую. А затем ещё ступеньки. А затем... — голос его ещё больше понизился, — туннель, тёмный туннель, и, наконец, небольшая расселина и тропа, что идёт выше основного перевала. Этим путём Смеагорл выбрался из тьмы. Но это было годы назад. Теперь тропа могла исчезнуть, но, может быть, и нет, может быть, нет.

— Что-то мне всё это совсем не нравится, — сказал Сэм. — Слишком уж здорово звучит, во всяком случае, на словах. Если эта тропа до сих пор существует, то она тоже должна охраняться. Ведь она охранялась, а, Горлум?

Когда он задал этот вопрос, то уловил, или ему показалось, что уловил, как глаза Горлума блеснули зелёным. Горлум заворчал, но не ответил.

— Она охраняется? — спросил Фродо сурово. — И бежал ли ты из тьмы, Смеагорл? А может быть, тебе просто позволили уйти, с поручением? Так, по крайней мере, считал Арагорн, который отыскал тебя у Гиблых Болот несколько лет назад.

— Это ложь! — зашипел Горлум, и глаза его вспыхнули злобным светом при упоминании Арагорна. — Он оболгал меня, да. Я бежал, несчастный я, сам бежал. Действительно, мне велели искать Прелесть, и я искал и искал, конечно, искал. Но не для Чёрного. Прелесть была наша, она была моя, я вам говорю. Я бежал.

Фродо ощутил странную уверенность, что здесь Горлум как раз не так уж далёк от истины, как можно подозревать, что он действительно нашёл каким-то образом дорогу из Мордора и, во всяком случае, уверен, что сделал это благодаря собственной ловкости. Вдобавок Фродо отметил, что Горлум использовал "я", что обычно служило знаком тех редких мгновений, когда удавалось возобладать остаткам былой правдивости и искренности. Но даже если Горлум и не лгал в этом, Фродо не забывал о воле Врага. "Бегство" могло быть допущено или подстроено и хорошо известно в Чёрной Крепости. И в любом случае, Горлум совершенно определённо о многом недоговаривал.

— Я спрашиваю тебя ещё раз, — сказал он. — Эта тайная тропа охраняется?

Но имя Арагорна привело Горлума в мрачное расположение духа. Его несправедливо подозревали во лжи, тогда как в данном случае он сказал правду, или часть правды. Он не ответил.

— Она охраняется? — повторил Фродо.

— Да, да, возможно. В этих краях нет безопасных мест, — угрюмо отозвался Горлум. — Нет безопасных мест. Но хозяин должен попытаться или уйти домой. Другого пути нет.

Они не сумели добиться от него ничего больше. Название этого опасного места и высокого перевала он не мог или не хотел сообщить.

Его называли Кирит Ангол, и имя это пользовалось недоброй славой. Арагорн, возможно, сообщил бы им это название и объяснил его смысл, Гэндальф предостерёг бы их. Но хоббиты были одни, и Арагорн был далеко, а Гэндальф стоял среди развалин Скальбурга и боролся с

Саруманом, задержанный предательством. Но даже в те мгновения, когда он произносил свои последние слова, обращённые к Саруману, и палантир высек искры из ступеней Ортханка, думы Гэндальфа были с Фродо и Сэмом; его мысль неслась к ним сквозь лиги и лиги с надеждой и жалостью.

Быть может, Фродо, сам не зная, почувствовал её, как тогда, на Амон Хене, хоть и был уверен, что Гэндальф сгинул, сгинул навеки во мраке далёкой Мории. Он долго сидел на земле, молча, склонив голову и пытаясь припомнить всё, что говорил ему Гэндальф. Но он не мог воскресить в памяти совета, который помог бы ему сделать сейчас выбор. В самом деле, они лишились руководства Гэндальфа слишком рано, слишком рано, когда Чёрная Страна была ещё далеко. Гэндальф никогда не говорил, каким образом они смогут войти в неё. Возможно, он не мог сказать. Однажды он рискнул проникнуть в оплот Врага на севере, в Дол Гулдуур. Но в Мордор, к Огненной Горе и в Барат-дур с тех пор, как Чёрный Властелин вновь усилился... заходил ли он туда когда-либо? Фродо так не думал. И вот ему, маленькому невысоклику из Ширы, простому хоббиту из мирной сельской страны, предстояло найти дорогу туда, куда великие мира сего не могли или не смели идти. Это была злая участь. Но он сам выбрал её в своей собственной гостинной далёкой весной прошлого года, столь далёкой, что теперь она казалась главой из легенды о юности мира, когда ещё цвели оба дерева, Серебряное и Золотое. Горький выбор. Какой дорогой он должен пойти? И если на обеих ждут ужас и смерть, то что толку в выборе?

Настал день. Глубокая тишина упала на маленькую серую лощинку, в которой они лежали так близко от границ ужасной страны: молчание было почти ощутимым, словно плотная завеса, отрезавшая их от остального мира. Над ними был свод бледного неба, исчерченного полосами дыма, но он казался таким высоким и далёким, словно виделся с самого дна толщи сгустившегося от вражьей мысли воздуха.

Даже орёл, парящий под солнцем, не смог бы заметить хоббитов, сидящих под гнётом тяжёлой судьбы молча, без движения, закутавшись в свои тонкие серые плащи. На миг он мог бы приостановиться, чтобы рассмотреть Горлума: тощую фигурку, простёртую на земле, возможно, истлевший скелет какого-то человеческого детёныша, на котором ещё держались лохмотья, с длинными руками и ногами, белыми, почти как кости, и тонкими, как кости, — ни кусочка плоти, стоящей клевка.

Фродо сидел, опустив голову на колени, а Сэм лежал на спине с руками под головой и бездумно смотрел из-под капюшона в пустое небо. По крайней мере, оно оставалось пустым довольно долго. Но вскоре Сэму показалось, что он видит тёмную, похожую на птицу фигуру, парящую кругами, которая то появлялась, то исчезала из поля его зрения. За ней последовали ещё две, потом четвёртая. Они выглядели совсем маленькими, однако он каким-то образом знал, что на самом деле они громадны, с огромным размахом крыл и парят на большой высоте. Он рывком сел, натянул капюшон на глаза и сжался в комочек, ощущая тот же страх, который предостерегал его о присутствии Чёрных Всадников, беспомощный ужас, возникший от принесённого ветром крика и промелькнувшей на фоне луны тени, хотя сейчас не такой сокрушительный и непреодолимый — угроза была гораздо дальше. Но угроза была. Фродо тоже её почувствовал. Его мысли смешались. Он вздрогнул и пошевелился, но не взглянул вверх. Горлум съёжился, как загнанный в угол паук. Крылатые тени описали круг и стремительно ринулись вниз, торопясь вернуться в Мордор.

Сэм глубоко перевёл дух.

— Снова Всадники, над нами, в воздухе, — хрипло прошептал он. — Я видел их. Как вы думаете, они-то способны разглядеть нас? Они были очень высоко. А если они такие же Чёрные

Всадники, как прежде, тогда они не могут толком видеть при дневном свете, верно?

— Нет, наверное, нет, — сказал Фродо. — Но их кони видели. И эти крылатые твари, на которых они сидят теперь, возможно, видят острее, чем другие существа. Они похожи на гигантских стервятников. Они выглядывают что-то; боюсь, что Враг начеку.

Чувство страха прошло, но окутывавшая их тишина нарушилась. Некоторое время они ощущали себя отрезанными от мира, словно находились на невидимом острове, но теперь снова очутились на виду, опасность возвратилась. Однако Фродо так и не заговорил с Горлумом и не сделал выбора. Глаза его были закрыты, словно он спал или заглядывал в глубины своего сердца и памяти. Наконец он шевельнулся, встал и, по-видимому, был готов объявить своё решение, но произнёс:

— Слушай! Что это?

Их снова охватил страх. Они услышали пение и хриплые крики, которые сначала доносились как будто издалека, но явственно приближались, двигались по направлению к ним. Всем сразу же пришло в голову, что Чёрнокрылые выследили их и послали вооружённых воинов схватить их: никакая скорость не казалась слишком большой для этих ужасных слуг Саурона. Хоббиты притаились, напряжённо прислушиваясь. Голоса, звон оружия и упряжи были совсем рядом. Фродо и Сэм проверили, как ходят в ножнах их маленькие мечи. Бегство было невозможным.

Горлум медленно привстал, подполз, как насекомое, к краю лощины, и начал очень осторожно приподниматься, дюйм за дюймом, пока не смог наконец глянуть в щель между двумя камнями. На некоторое время он застыл так, не двигаясь и не издавая ни звука. Постепенно голоса снова начали удаляться и медленно затихли вдали. Далеко на стенах Мораннона пропел рог. Тогда Горлум тихонько повернулся и соскользнул обратно в ложбинку.

— Ещё люди идут в Мордор, — сообщил он тихо. — Тёмные лица. Мы прежде не видели людей, похожих на этих, нет, Смеагорл не видел. Они свирепы. У них чёрные глаза и длинные чёрные волосы, и в ушах их золотые кольца, да, масса прекрасного золота. А у некоторых красная краска на щеках и красные плащи, и флаги их красные, и наконечники их копий. И у них круглые щиты, жёлтые с чёрным, с большими шипами. Совсем не славные; они выглядят, как очень жестокие, злобные люди. Почти такие же плохо, как орки, и гораздо крупнее. Смеагорл думает, что они пришли с юга, из-за устья Великой Реки: они пришли по той дороге. Они прошли в Чёрные Ворота, но за ними могут последовать многие. В Мордор всегда идёт много народа. Однажды все народы окажутся там.

— А слоны у них были? — спросил Сэм, забывший про свой страх из-за стремления услышать что-нибудь новое о чужих краях.

— Нет, никаких слонов. Что такое слоны? — спросил Горлум.

Сэм встал, заложил руки за спину (как он всегда делал, когда "читал поэзию") и начал:

Как мышь, сер мой бок,
И, как дом, я высок.
Нос — как большая змея.
И тяжко вздрагивает земля,
Когда я топчу траву.
Деревья трещат, когда я иду,
Шевеля большими ушами,
Жизнь свою я не мерю годами.

Могучая поступь окрест слышна,
На землю я не ложусь никогда,
Даже когда умру.
Слоном себя я зову.
Тварей прочих крупнее,
Больше, выше, старее.
Если увидишь меня ты,
Никогда не забудешь меня ты.
Но если не видел меня ты,
Никогда не поверишь в меня ты,
Хоть старым слоном себя я зову
И никогда не лежу.

— Это, — сказал Сэм, когда окончил декламировать, — стихотворное предание, которое есть у нас в Хоббитании. Может быть, вздор, а может, и нет. Но у нас, знаешь ли, тоже есть легенды и рассказы про юг. В прежние дни хоббиты время от времени отправлялись попутешествовать. Не то чтобы все из них вернулись, да и не всему, что они рассказывали, можно верить: как говорится, пригоряньские рассказы, это тебе не то, что проверенные ширские сплетни. Но я слышал истории о большом народе из далёких южных стран. Мы называем их темноликими, и говорят, что в бой они отправляются верхом на слонах. Они ставят на спины слонам дома, башни и всё такое, а слоны бросают друг в друга скалы и деревья. Поэтому когда ты сказал "люди с юга, все в красном и золоте", я и спросил "были ли у них слоны?", потому что если они были, я обязательно поглядел бы, рискованно это или нет. Только теперь-то я вряд ли когда-нибудь увижу слона. Может быть, таких зверей и вовсе не нет, — вздохнул он.

— Нет, никаких слонов, — снова повторил Горлум. — Смеагорл не слышал о них. Он не хочет увидеть их. Он не хочет, чтобы они были. Смеагорл хочет уйти отсюда и спрятаться где-нибудь понадежнее. Смеагорл хочет, чтобы хозяин пошёл. Славный хозяин, хочет ли он идти со Смеагорлом?

Фродо встал. Несмотря на все свои заботы, он невольно рассмеялся, когда Сэм отбарабанил старые стихи про "Слона", которые читались вечером у камина, и смех освободил его от колебаний.

— Хотел бы я, чтобы у нас была тысяча слонов с Гэндальфом на белом слоне во главе, — сказал он. — Тогда, возможно, мы и проложили бы себе путь в эту злую страну. Но у нас их нет, только собственные усталые ноги, и всё. Ладно, Смеагорл, третий раз может оказаться самым лучшим. Я пойду с тобой.

— Добрый хозяин, мудрый хозяин, славный хозяин! — в восторге кричал Горлум, обнимая колени Фродо. — Добрый хозяин! Тогда отдохните сейчас, славные хоббиты, отдохните в тени камней, поближе к камням! Лежите тихонько и отдыхайте, пока не уйдёт Жёлтое Лицо. Тогда мы сможем быстро уйти отсюда. Мы должны быть мягки и быстры, как тени!

Глава IV

О травах и тушёном кролике

Оставшиеся несколько часов дневного света они отдыхали, перемещаясь в тень по мере движения солнца, пока, наконец, от западного края долины не протянулись длинные тени, и тьма заполнила всю ложбинку. Тогда они немного поели и сделали по несколько глотков воды.

Горлум не ел ничего, но радостно принял воду.

— Теперь скоро будет ещё, — сказал он, облизывая губы. — Хорошая вода стекает ручьями к Великой Реке, славная вода в тех местах, куда мы пойдём. Может быть, Смеагорл добудет там и еду. Он очень голоден, да, горрлум!

Он прижал обе длинные плоские ладони к запавшему животу, и его глаза засветились бледным зелёным светом.

Сумерки совсем сгустились, когда они наконец тронулись в путь, прокравшись по западному краю долины и растворившись, словно призраки, среди камней вдоль обочин дороги. Луна всего три ночи как шла на убыль, но она не могла показаться над горами раньше полуночи, поэтому первые ночные часы были очень тёмными. Высоко на вершине Башен Клыкков тлел одинокий красный огонь, но не было ни видно, ни слышно других признаков неусыпной охраны Мораннона.

Многие мили этот красный глаз, казалось, наблюдает за тем, как они бегут, спотыкаясь на голой, каменистой земле. Они не отважились идти по тракту, а держались слева от него на небольшом расстоянии, стараясь не уклоняться далеко от его курса. Наконец, когда ночь успела состариться и они уже устали, потому что сделали лишь одну короткую остановку, глаз уменьшился до маленькой огненной точки и затем исчез: они обогнули тёмное северное плечо предгорья и направились к югу.

Ощувив странное облегчение на душе, они опять отдохнули, но недолго. По мнению Горлума, они двигались недостаточно быстро. По его подсчёту от Мораннона до перепутья над Оспилятом было около тридцати лиг, и он надеялся покрыть это расстояние за четыре перехода. Так что вскоре они снова пробирались вперёд, пока над обширными серыми пустошами постепенно не забрезжила заря. К этому времени путники одолели почти восемь лиг, и хоббиты не могли ступить ни шагу дальше, даже если бы и посмели.

Усиливающийся свет явил перед ними край уже не такой пустынный и разорённый. Горы по-прежнему грозно маячили слева, но совсем рядом с собой они разглядели южный тракт, который теперь постепенно склонялся к западу, отходя от подножия чёрных холмов. За ним лежали склоны с тёмными деревьями, похожими на дождевые облака, но путников окружала лохматая пустошь, поросшая вереском, раkitником, кизилом и другими кустарниками, которых они не знали. Там и здесь виднелись купы высоких сосен. Несмотря на усталость, сердца хоббитов опять немного приободрились: воздух был свеж и благоуханен и напомнил им верховые равнины далёкого Северного удела. Было очень приятно получить передышку, пройти по стране, которая оказалась под господством Чёрного Властелина всего несколько лет назад и ещё не полностью пришла в упадок. Но они не забыли ни грозящей им опасности, ни Чёрных Ворот, которые были ещё слишком близко, хоть и прятались теперь за мрачными высотами. Они осмотрелись в поисках убежища, где можно было бы укрыться от злых глаз, пока длится день.

День тянулся тревожно. Они лежали глубоко в вереске и считали медленные часы, в течение которых внешне мало что менялось, ибо они всё ещё оставались под тенью Эфель Дуата, и солнце было в дымке. Фродо временами глубоко и мирно засыпал, то ли доверяя Горлуму, то ли слишком устав, чтобы тревожиться из-за него, но Сэму с трудом удавалось хотя бы задрёмывать, даже когда Горлум вне всяких сомнений погрузился в глубокий сон, храпя и дёргаясь в своих таинственных сновидениях. Быть может, ему мешало заснуть не столько недоверие, сколько голод: он давно уже тосковал по хорошей домашней еде, так сказать, о чём-

нибудь "горячем в горшочке".

Как только местность растворилась в бесформенных сумерках надвигающейся ночи, они снова отправились в путь. Через некоторое время Горлум спустился с ними на южный тракт, после чего они пошли побыстрее, хотя и опасность возросла. Путники напряжённо прислушивались, не раздастся ли стук копыт или шагов спереди или сзади, но ночь проходила, а они не слышали ни звука всадника или пешехода.

Тракт был проложен в давно забытые времена и недавно отремонтирован миль на тридцать от Мораннона, но чем дальше к югу, тем более заброшенным и заросшим он выглядел. Дело рук древних строителей ещё прослеживалось в его прямой, уверенной и ровной линии: то там, то тут он прорезал путь сквозь склоны холмов или перепрыгивал через ручей по широкой изящной арке прочной каменной кладки; но постепенно все следы каменных работ исчезли, за исключением разбитых колонн, выглядывающих местами из зарослей кустарника по обочинам, или старых мостовых плит, всё ещё таившихся среди трав и мха. Деревья, вереск и папоротники скрывали под собой придорожные насыпи и свешивались с них или разрастались прямо на поверхности. В конце концов древний тракт превратился в едва заметную просёлочную дорогу, но без петель: он по-прежнему сохранял свой прямой курс и вёл их кратчайшим путём.

Так они достигли северных окраин земель, которые люди называли некогда Итилией: прекрасной страны карабкающихся по склонам лесов и стремительных водопадов. Ночь стала ясной, со звёздами и круглой луной, и хоббитам казалось, что чем дальше они идут вперёд, тем благоуханнее становится воздух; судя по пыхтению и бормотанию Горлума, он тоже это заметил и не получил от этого удовольствия. При первых признаках дня они снова остановились. Они дошли до конца длинной выемки, глубокой и с отвесными стенами в центральной части, по которой тракт прорезал свой путь через каменистый хребет. Теперь путники взобрались на западную придорожную насыпь и осмотрелись.

Небо посветлело, и они увидели, что горы теперь гораздо дальше: они отступили к востоку плавной дугой, теряющейся из виду на горизонте. Повернувшись на запад, путники увидели пологие склоны, уходившие в матовые туманы глубоко внизу. Их окружали рощи смолистых деревьев — пихт, кедров, кипарисов и других, неизвестных в Шире пород, перемежаемые широкими полянами, и повсюду вокруг росли в изобилии ароматные травы и кустарники. Долгое путешествие из Раздола завело хоббитов значительно южнее их родной страны, но лишь теперь, в этом укрытом от ветров краю, они ощутили перемену климата. Весна здесь уже вступила в свои права: ростки пронзали мох и рыхлую землю, лиственницы развернули зелёные пальцы, небольшие цветочки мелькали среди травы, птицы пели. Итилия, сады Гондора, ныне заброшенные, всё ещё хранила очарование растрёпанных дриад.

К юго-западу она смотрела на тёплые поймы Андуина, защищённая с востока Эфель Дуатом, но вне горной тени, а с севера загороженная Эмин Муилом, открытая лишь южному воздуху и влажным ветрам с далёкого моря. Здесь росло много больших деревьев, посаженных очень давно и теперь стареющих без призора среди буйной беспечной поросли; и здесь были заросли и непролазные чащобы тамариска и едкого терпентинного дерева, олив и лавров; и были здесь можжевельник и мирт, и тимьян, росший куртинками или прячущий под своими древеснеющими ползучими стеблями, как под плотными гобеленами, невидимые камни; шалфеи всех видов раскрывали свои голубые, и красные, и бледно-зелёные цветы; и были здесь майоран, и молодая петрушка, и множество трав, форма и запах которых выходили за пределы ботанических познаний Сэма. Гроты и поверхности скал были уже усыпаны камнеломками, или, как их ещё называют, саксифрагами. Примулы и анемоны расцветали среди барашков папоротников, а асфodelи и лилии склоняли свои полураскрывшиеся головки в траву — тёмно-

зелёную траву вокруг озёр, где в прохладных углублениях задерживали свой стремительный бег к Андуйну низвергающиеся водопадами ручьи.

Путники повернулись спинами к тракту и пошли под уклон. Когда они шевелили на ходу кусты и травы, вокруг них поднимался пряный аромат. Горлум рыгал и кашлял, но хоббиты глубоко дышали, а Сэм неожиданно рассмеялся: не от шутки, а просто от лёгкости на душе. Они шли вдоль ручья, который быстро бежал вниз. Вскоре он привёл их к небольшому прозрачному озеру в неглубокой ложбине: оно заполняло руины древнего каменного бассейна, резные края которого были почти полностью скрыты мхами и плетями ежевики; вокруг рядами вздымались, как мечи, листья ирисов, и листья водяных лилий плавали на его тёмной, покрытой лёгкой рябью поверхности, но вода была глубокой и свежей, поскольку непрерывно и беззвучно переливалась через каменную бровку на дальнем конце.

Здесь они вымылись и вдоволь напились из вливающихся в бассейн струй, а затем принялись отыскивать место для отдыха и укрытия, поскольку эти земли, всё ещё прекрасные, тем не менее, были теперь территорией Врага. Они отошли не очень далеко от тракта, но даже на этом коротком промежутке заметили рубцы давних войн и свежие раны, нанесённые орками и другими отвратительными слугами Чёрного Властелина: неприкрытые ямы, заполненные отбросами и мусором, бесцельно срубленные и оставленные умирать деревья со злыми рунами или страшным знаком Глаза, врезанными грубыми ударами в их кору.

Сэму, который пробирался ниже стока озера, нюхая и трогая незнакомые травы и деревья и полностью позабыв на время о Мордоре, неожиданно пришлось вспомнить о постоянной опасности с его стороны. Он наткнулся на следы кострища, в центре которого обнаружил кучу обгорелых, расколотых костей и черепов. Быстро разрастающиеся шиповник, дикая роза и плети клематиса уже скрыли занавесой это место резни и ужасного пиршества, но оно было не столь уж давним. Сэм поспешил назад к остальным, но не сказал им ничего: кости было лучше оставить в мире, чтобы Горлум не лапал их и не перерывал.

— Давайте поищем, где залечь, — предложил он. — Вниз не стоит. По мне, так лучше повыше.

Чуть выше озера они нашли густую тёмно-бурую куртину прошлогоднего папоротника, а дальше шли густые заросли темнолистных лавров, которые карабкались по крутому склону, увенчанному старыми кедрами. Они решили расположиться здесь на отдых и провести тут весь день, который уже обещал ясным и тёплым. Отличный день, чтобы неторопливо идти себе дальше среди рощ и полян Итили, но, хоть орки и избегают солнечного света, здесь было слишком много мест, в которых они могли затаиться и караулить, да и другие злые глаза не дремали: у Сауона много слуг. И в любом случае, Горлум и шагу бы ни сделал под Жёлтым Лицом. Вскоре оно глянет поверх тёмных хребтов Эфель Дуата, и он ослабеет и съёжится от света и жары.

По дороге Сэм всерьёз раздумывал о еде. Теперь, когда отчаяние перед непроходимыми Чёрными Воротами осталось позади, он уже не так легко соглашался с хозяином, что нет нужды заботиться о пропитании после выполнения их задачи, да и, как бы там ни было, разумнее будет побережь дорожный хлеб эльфов до худших времён, которые ждут впереди. С тех пор, как он прикинул, что всех их запасов с трудом хватит недели на три, минуло уже не менее шести дней.

"Если за это время мы успеем добраться до Огненной Горы, нам ещё повезёт! — думал он. — И ведь очень может быть, что нам придётся как-то возвращаться. Очень даже может!"

Вдобавок, после долгого ночного перехода, купания и питья он чувствовал себя ещё более голодным, чем обычно. Чего ему действительно хотелось, так это поужинать или позавтракать у очага в старой кухоньке в Исторбинке. Сэма осенила одна идея, и он повернулся к Горлumu,

который уже крался куда-то сквозь папоротники на четвереньках.

— Хей! Горлум! — окликнул Сэм. — Куда это ты направляешься? На охоту? Ладно, слушай сюда, старый нюхач: тебе не по вкусу наша еда, да и я не отказался бы от перемены. Твой новый девиз — "всегда готов помочь". Не мог бы ты найти что-нибудь, подходящее для голодного хоббита?

— Да, может быть, да, — отозвался Горлум. — Смеагорл всегда помогает, если его просят, если просят вежливо.

— Вот именно! — сказал Сэм. — Я прошу. А если это недостаточно вежливо, то я умоляю.

Горлум исчез. Некоторое время он отсутствовал, и Фродо, проглотив несколько кусков лембас, забрался поглубже в бурые папоротники и заснул. Сэм посмотрел на него. Ранний утренний свет только начал проникать под тени деревьев, но он видел лицо своего хозяина очень ясно, и кисти его рук, расслабленно лежащие на земле, тоже. Это внезапно напомнило ему, как Фродо лежал в глубоком сне в доме Элронда, оправляясь от своей смертельной раны. Тогда, дежуря у его кровати, Сэм заметил, что временами он словно начинает слабо светиться изнутри, но теперь этот свет стал даже сильнее и отчётливее. Лицо Фродо было мирным: следы страха и заботы покинули его, — но оно выглядело старым, старым и прекрасным, будто чеканка, оставленная прожитыми годами, проступила сейчас тонкими, прежде незаметными линиями, хотя само по себе лицо и не изменилось. Не то, чтобы Сэм про себя сформулировал это именно так. Он просто покачал головой, как бы признавая, что слова тут бесполезны, и пробормотал: "Я люблю его. Он вот такой вот, и иногда это каким-то образом просвечивает. Но, так или иначе, я люблю его".

Горлум бесшумно возвратился и заглянул через плечо Сэма. Увидев Фродо, он закрыл глаза и беззвучно пополз прочь. Через несколько мгновений Сэм подошёл к нему и застал его пережёвывающим что-то и бормочущим про себя. На земле рядом с ним лежали два маленьких кролика, и Горлум уже начал жадно пожирать их глазами.

— Смеагорл всегда поможет, — сказал он. — Он принёс кроликов, славных кроликов. Но хозяин уснул, и, возможно, Сэм тоже хочет спать. Теперь не хотите кроликов? Смеагорл пытается помочь, но он не может поймать кого-то за одну минуту.

Однако Сэм не имел никаких возражений против кроликов и так и сказал. По крайней мере, не против приготовленных кроликов. Все хоббиты, конечно, умеют готовить, потому что они начинают обучаться этому искусству прежде грамоты (которой многие так и не овладевают), однако Сэм считался хорошим поваром даже среди хоббитов, и на привалах готовил в основном он, когда для этого предоставлялась возможность. В надежде на неё он до сих пор таскал в своём заплечном мешке кое-что из утвари: маленькую трутницу, две плоские вложенные друг в друга кастрюли, внутри которых помещались деревянная ложка, короткая двузубая вилка и несколько шампуров, а на самом дне мешка была припрятана плоская деревянная коробочка с самым ценным, но постепенно расходуемым сокровищем: солью. Но ему был необходим огонь и некоторые другие вещи. Сэм достал, протёр, подточил свой нож и принялся свежевать кроликов, а тем временем немного поразмыслил. Он не собирался оставить Фродо одного спящим даже на несколько минут.

— А теперь, Горлум, — сказал он, — у меня найдётся для тебя другая работа. Сходи, наполни эти кастрюли водой и принеси их назад!

— Смеагорл принесёт воду, да, — отозвался Горлум. — Но зачем хоббиту понадобилась вся эта вода? Он напился, он умылся.

— Неважно, — сказал Сэм. — Если не можешь догадаться, то вскоре поймёшь. И чем скорее ты принесёшь воду, тем быстрее узнаешь. Только не вздумай повредить хоть одну

кастрюлю, не то я котлету из тебя сделаю.

Пока Горлум отсутствовал, Сэм ещё раз поглядел на Фродо. Тот продолжал спокойно спать, но на этот раз основное внимание Сэма привлекла худоба его лица и рук.

— Слишком уж он тощий и осунувшийся, — пробормотал он. — Неправильно это для хоббита. Разбужу его, когда приготовлю кроликов.

Сэм собрал кучку самых сухих папоротников, а затем полез вверх по склону, набирая в охапку ветки и прочий сушняк; подобранный в завершение обломившийся сук кедра снабдил его неплохим запасом топлива. На самой границе папоротников у подошвы склона он срезал немного дёрна, выкопал мелкую ямку и сложил в неё растопку. Ловко управившись с кремнём и трутом, он вскоре раздул небольшое яркое пламя, которое почти совсем не давало дыма, но пахло очень ароматно. Сэм как раз склонился над огнём, защищая его и обкладывая веточками покрупнее, когда возвратился Горлум, осторожно неся кастрюли и ворча про себя.

Он поставил кастрюли, а затем внезапно увидел, чем занимается Сэм, и издал резкий свистящий вопль, выглядя одновременно испуганным и рассерженным.

— Ах! С-с-с-ш-ш, нет! — воскликнул он. — Нет! Глупые хоббиты, безрассудные, да, безрассудные! Они не должны делать это!

— Не должны делать что? — изумлённо спросил Сэм.

— Ужа-с-сные крас-с-сные языки, — прошипел Горлум. — Огонь, огонь! Он опасен, да, опасен. Он жжёт, он убивает. И он приведёт сюда врагов, да, приведёт.

— Не думаю, — возразил Сэм. — Не вижу с чего бы, если, конечно, ты не кинешь в него чего-нибудь сырого и не наделаешь дыму. Но если и приведёт, так пусть приводит. Как бы то ни было, я рискну. Я собираюсь потушить этих кроликов.

— Потушить кроликов! — в ужасе завизжал Горлум. — Испортить прекрасное мясо, которое Смеагорл сберёг для вас, бедный голодный Смеагорл! Зачем?! Зачем, глупый хоббит? Они молоды, они нежны, они мягки. Съесть их, съесть их!

Он сгрёб ближайшего кролика, уже освежёванного, который лежал у костра.

— Но, но! — сказал Сэм. — Каждому своё. Ты давишься нашим хлебом, а я подавлюсь сырыми кроликами. Если уж ты даёшь мне кролика, то он мой, пойми, и я волен его приготовить, если захочу. А я хочу. Тебе не обязательно торчать рядом со мной. Поди поймай другого и съешь его так, как хочешь, только где-нибудь в одиночестве, подальше от моих глаз. Тогда тебе не придётся глядеть на огонь, а мне на тебя, и мы оба будем только счастливы. Я присмотрю, чтобы костёр не дымил, если тебя это хоть немного утешит.

Горлум с ворчанием отодвинулся и заполз в папоротники. Сэм занялся своими кастрюлями.

— Что хоббиту необходимо для кролика, — сказал он сам себе, — так это немного травок и корней, особенно картошечки, не говоря уж о хлебе. Ну, травки-то мы, похоже, можем справиться.

— Горлум! — позвал он тихонько. — Третий раз последний. Мне нужны кое-какие травы.

Голова Горлума высунулась из папоротников, но выражение его не было ни дружелюбным, ни услужливым.

— Несколько лавровых листочков, немного тмина и шалфея, принеси, пока вода не закипела, — сказал Сэм.

— Нет! — отозвался Горлум. — Смеагорл недоволен. И Смеагорл не любит пахучие листья. Он не ест ни травы, ни корней, нет, прелесть, если только совсем уж умирает от голода или очень-очень болен, бедный Смеагорл.

— Смеагорл как пить дать попадёт в совсем горячую воду, когда она закипит, если не сделает того, о чём его просят, — прорычал Сэм. — Сэм сунет его туда головой, да, прелесть. И я бы отправил его за репой, морковкой и картошечкой тоже, будь сейчас подходящее время года.

Держу пари, что в этих краях найдутся в одичавшем виде любые полезные вещи, какие только растут. Я многое дал бы за полдюжины картошек.

— Смеагорл не пойдёт, о нет, прелесть, не в этот раз, — прошипел Горлум. — Он боится, и он очень устал, и этот хоббит не славный, совсем не славный. Смеагорл не будет выкапывать корни, и морковку, и... картошки. Что такое картошки, прелесть, э? Что такое картошки?

— Кар-то-фель, — сказал Сэм. — Улада моего старика и замечательная заправка для пустого брюха. Но тебе её не найти, так что и искать не стоит. Будь хорошим Смеагорлом и раздобудь мне нужных травок, и тогда я начну думать о тебе лучше. Более того: если ты откроешь новый лист, да не перевернешь обратно, когда-нибудь я приготовлю тебе немного картошки. Я сделаю жареную рыбу в хрустящем картофеле по рецепту С. Скромби. Ты не сможешь сказать ничего против.

— Да, да, мы сможем: испортить славную рыбу, спалить её! Дай мне рыбу сейчас, и оставь при себе мерз-з-ский картоф-ф-фель!

— Ох, ты безнадёжен, — отозвался Сэм. — Ступай спать!

В конце концов ему самостоятельно пришлось искать то, что хотелось, но при этом он не отходил далеко и не выпускал из виду то место, где лежал его хозяин, который всё ещё спал. Какое-то время Сэм сидел в задумчивости и поддерживал огонь, пока вода не закипела. Дневной свет окончательно разгорелся, и воздух потеплел, роса исчезла с травы и листьев. Вскоре разрезанные кролики лежали и медленно кипели в кастрюлях вместе со связанными пучком травами. Время тянулось, и Сэм едва не заснул. Он дал им потушиться часок, время от времени проверяя мясо вилкой и пробуя бульон.

Когда, по его мнению, всё было готово, он снял кастрюли с огня и подобрался к Фродо. Фродо приоткрыл глаза, когда Сэм склонился над ним, а затем окончательно очнулся от сна: ещё одного мирного, спокойного, но не запомнившегося сна.

— Привет, Сэм! — сказал он. — Не отдыхал? Что-нибудь случилось? Сколько времени?

— Часа два после рассвета, — ответил Сэм, — а в Шире часы показывают, наверное, около половины восьмого. Только ничего такого не случилось. Вот; правда, это не совсем по правилам: ни корней, ни лука, ни картошки. Я тут приготовил для вас, мистер Фродо, немного тушёного мяса и бульона. Угощайтесь. Придётся отхлёбывать из кружки или прямо из кастрюли, когда немного остынет. Я не прихватил мисок или чего-нибудь подходящего.

Фродо зевнул и потянулся.

— Тебе следовало бы отдохнуть, Сэм, — сказал он. — Да и разводить костёр в этих местах было опасно. Но я голоден. Хмм! Чем это здесь пахнет? Что ты потушил?

— Подарок Смеагорла, — отозвался Сэм. — Пару молодых кроликов, хотя, мне сдаётся, Горлум теперь раскаивается. Но к ним ничего нет, кроме нескольких травок.

Сэм и его хозяин устроились внутри зарослей папоротника и съели тушёное мясо прямо из кастрюль, разделив между собой старую вилку и ложку. Они позволили себе также съесть по половинке эльфийских галет. Это казалось настоящим пиром.

— Фьють! Горлум! — тихонько свистнул и позвал Сэм. — Иди сюда! У тебя ещё есть шанс передумать. Если хочешь попробовать тушёного кролика, тут кое-что осталось.

Ответа не было.

— А, ладно. Наверное, отправился поискать что-нибудь для себя. Тогда прикончим это, — сказал Сэм.

— А потом ты должен немного поспать, — заметил Фродо.

— Не засните, пока я дремлю, мистер Фродо. Не очень-то я ему доверяю. В нём всё ещё

слишком много от Вонючки, — плохого Горлума, если вы меня понимаете, — и этот Вонючка опять становится сильнее. Правда теперь, как я думаю, он постарался бы придушить сначала меня. Мы не сходимся с ним во взглядах, и он недоволен Сэмом, о нет, прелесть, совсем недоволен.

Они кончили есть, и Сэм спустился к ручью ополоснуть посуду. Встав на ноги, чтобы вернуться, он окинул взглядом оставшийся позади склон. В этот момент солнце поднялось над дымом, туманом, тенью, — в общем, над тёмной пеленой, что лежала, не рассеиваясь, на востоке, и озарило своими золотыми лучами окружавшие хоббита деревья и поляны. И тут Сэм заметил тонкую спираль голубовато-серого дыма, попавшую в солнечный луч и потому видную очень отчётливо, которая поднималась из зарослей на склоне. Потрясённый, он понял, что это дым его небольшого костерка, который он не позаботился загасить.

— Этого только не доставало! Никогда бы не подумал, что оно будет так выглядеть! — пробормотал Сэм и рванулся было обратно, но внезапно замер и прислушался. Слышал он свист или нет? Или это был крик незнакомой птицы? Если это был свист, то он донёсся не с той стороны, где Фродо. И снова он, теперь из другого места! Сэм со всех ног помчался вверх по склону.

Он обнаружил, что небольшая головня, догоревшая до самого конца, подожгла листья папоротника у края костра, и папоротник тлел, испуская витки дыма. Сэм поспешно затоптал все искры, раскидал золу и прикрыл ямку дёрном. Затем он прополз назад к Фродо.

— Вы слышали свист и то, что прозвучало, как ответ? — спросил он. — Несколько минут назад. Надеюсь, это была всего лишь птица, но что-то не совсем похоже; больше похоже, что кто-то подражал птичьему крику, как мне кажется. Боюсь, что мой костерок задымил. Ну, если я своим уходом навлек неприятности, то никогда себе этого не прощу. Может быть, не получу такой возможности!

— Ш-ш! — шепнул Фродо. — По-моему, я слышу голоса.

Двое хоббитов завязали и закинули на спины свои маленькие мешки, готовясь к бегству, заползли поглубже в папоротники и затаились, прислушиваясь.

Вне всякого сомнения, до них доносились голоса. Говорили тихо, как бы украдкой, но голоса были близко и продолжали приближаться. Затем совершенно неожиданно один прозвучал совсем рядом.

— Здесь! Вот место, откуда поднимался дым! — сказал он. — Притаился поблизости. Наверняка в папоротниках. Мы возьмём его, как кролика в западне. Тогда и посмотрим, что это такое.

— Ага, и что ему известно! — отозвался второй голос.

Тут же с разных сторон по папоротникам зашагали четверо. Поскольку убежать или прятаться было невозможно, Фродо и Сэм вскочили на ноги, прижавшись спиной к спине и выхватив свои маленькие мечи.

Если они были поражены тем, что увидели, то поймавшие их были поражены ещё больше. Здесь стояли четверо высоких людей. У двоих были в руках копья с широкими блестящими наконечниками, у двоих — длинные луки, почти в их собственный рост, и большие колчаны с длинными стрелами с зелёным опереньем. У всех на боках были мечи, а одеты они были в зелёное и коричневое разных оттенков, словно для того, чтобы легче было ходить незамеченными по полянам Итили. На руках у них были зелёные перчатки, а лица закрыты капюшонами и зелёными масками: виднелись только глаза, яркие и очень пронзительные. Фродо сразу же подумал о Боромире, потому что эти люди походили на него и статью, и

осанкой, и манерой речи.

— Мы нашли не то, что искали, — сказал один. — Но что мы нашли?

— Не орков, — сказал другой, выпуская рукоять своего меча, которую схватил, увидев блеск Разителя в руке Фродо.

— Эльфов? — с сомнением произнёс третий.

— Ну, нет! Не эльфов, — сказал четвёртый, самый высокий и, по-видимому, главный из них. — Эльфы не бродят по Итилии в эти дни. И эльфы дивно прекрасны на вид, или так говорят.

— В отличие от нас, надо понимать, — подал голос Сэм. — Премного благодарен. И если вы кончили обсуждать нас, то, может быть, скажете, кто вы такие и почему вы не хотите дать отдохнуть двум усталым путникам?

Высокий человек в зелёном мрачно хохотнул.

— Я Фарамир, капитан Гондора, — ответил он. — Но в этой стране нет путников: только слуги Чёрной Крепости или Белой.

— Но мы ни те, ни другие, — возразил Фродо. — И мы путники, что бы ни утверждал капитан Фарамир.

— Тогда поспешите назвать себя и свои цели, — сказал Фарамир. — Мы заняты, и здесь не время и не место для загадок или пустой болтовни. Ну же! Где третий из вашей компании?

— Третий?

— Да, лысый тип, которого мы видели там внизу носом в озеро. Вид у него непривлекательный. Какой-то шпион из орков, я полагаю, или принадлежащая им тварь. Но он ускользнул от нас с помощью какой-то лисьей уловки.

— Я не знаю, где он, — ответил Фродо. — Он лишь случайный спутник, встреченный по дороге, и я не в ответе за него. Если вы наткнётесь на него, то пощадите. Доставьте или пришлите его к нам. Он всего лишь несчастная изъеденная изнутри тварь, но временно я забочусь о нём. Что касается нас, то мы хоббиты из Ши́ра далеко на северо-западе, за многими реками. Моё имя Фродо, сын Дрого, меня сопровождает Сэммиум, сын Хамфаста, достойный хоббит у меня на службе. Мы проделали долгий путь из Раздола, или, как его называют некоторые, Имладриса. — Тут Фарамир вздрогнул и стал слушать ещё внимательнее. — У нас было семь спутников. Одного мы потеряли в Мории, остальных оставили на лугу Парт Гален над Рэросом: двух из моего рода, там были также гном и эльф и двое людей — Арагорн и Боромир, который сказал, что он пришёл из Минас Тирита, города на юге.

— Боромир! — воскликнули все четверо.

— Боромир, сын лорда Денетора? — промолвил Фарамир, и его лицо приобрело странное, суровое выражение. — Вы пришли с ним? Это действительно новость, если она правдива. Знайте, маленькие чужестранцы, что Боромир, сын Денетора, был верховным командующим Белой Крепости и нашим генерал-капитаном, и нам мучительно недостаёт его. Кто же вы тогда и что вас связывает с ним? Поторопитесь, ибо солнце поднимается!

— Известны ли тебе загадочные слова, которые Боромир принёс в Раздол? — ответил Фродо.—

Меч, что был сломан, ступай искать,
Имладрис — его обитель.

— Слова действительно известны, — сказал Фарамир в изумлении. — И в вашу пользу говорит то, что вы тоже знаете их.

— Арагорн, которого я назвал, — Хранитель Меча, Что Был Сломан, — продолжил Фродо. — А мы невысоклики, о которых стих говорит дальше.

— Это я вижу, — проговорил Фарамир задумчиво. — Или я вижу, что это может быть так. А что такое Проклятие Исилдура?

— Это скрыто, — ответил Фродо. — Без сомнения, со временем это выяснится.

— Мы должны больше узнать об этом, — сказал Фарамир, — и о том, что завело вас так далеко на восток под тени вон того... — он указал, не произнося названия. — Но не сейчас. Мы заняты. Вы в опасности и не ушли бы сегодня далеко ни полем, ни дорогой. Раньше, чем день дойдёт до полудня, здесь будет жестокая рукопашная, а затем смерть или быстрое отступление назад к Андуну. Я оставлю двоих стеречь вас, для вашей и моей пользы. Умный человек не доверяет случайным встречам на дорогах этой страны. Если я вернусь, то поговорю с тобой поподробнее.

— Добрый путь! — сказал Фродо с низким поклоном. — Думай, что хочешь, но я друг всем врагам Одного Врага. Мы пошли бы с вами, если бы мы, невысоклики, могли надеяться оказаться полезными таким сильным и доблестными воинам, какими вы выглядите, и если бы данное мне поручение позволило это. Да озарит свет ваши мечи!

— Невысоклики, кто бы они ни были, — учтивый народ, — отозвался Фарамир. — Прощай!

Хоббиты снова сели, но ничего не сказали друг другу о своих мыслях и сомнениях. Рядом с ними в пёстрой тени тёмных лавровых деревьев остались на страже двое людей. Время от времени они снимали свои маски, чтобы охладиться, так как день становился всё жарче, и Фродо разглядел, что это красивые, бледнокожие, темноволосые люди с серыми глазами и печальными, гордыми лицами. Они тихо переговаривались между собой, сначала пользуясь всеобщим языком, а потом перешли на своё собственное наречие. Прислушавшись, Фродо к своему изумлению понял, что они говорят на языке эльфов или лишь слегка отличающемся от него, и теперь смотрел на них с любопытством, догадываясь, что это, должно быть, южные дунедайны, люди из рода владык Заокраинного Запада.

Немного погодя он заговорил с ними, но они отвечали неохотно и осмотрительно. Их звали Маблунг и Дамрод, солдаты Гондора, и они были следопытами Итилии, так как были потомками народа, жившего в Итилии до того, как она была захвачена. Из таких людей лорд Денетор набирал подвижные отряды, которые тайно пересекали Андун (каким образом и где, они не сказали), чтобы тревожить орков и прочих врагов, бродящих между Рекой и Эфель Дуатом.

— Отсюда до восточного берега Андунна добрых десять лиг, — говорил Маблунг, — и мы редко заходим так далеко. Но на этот раз у нас новое задание: мы пришли устроить засаду людям Харада. Проклятие им!

— Да, проклятье южанам! — подхватил Дамрод. — Говорится, что в древности Гондор и королевство Харад на дальнем юге вели между собой дела, хотя дружбы между ними никогда не было. В те дни наши границы проходили гораздо южнее, за дельтой Андунна, и Умбар, ближайшее из их королевств, признавал наше господство. Но это уже давно в прошлом. Много поколений людей сменилось с тех пор, как между нами прекратилось всякое сношение. Слишком поздно узнали мы, что Враг был среди них. И они перешли к Нему, или вернулись к Нему — они всегда были покорны Его воле, как и многие на востоке. Я не сомневаюсь, что дни Гондора сочтены и стены Минас Тирита обречены, так велики Его сила и злоба.

— Но мы, тем не менее, не собираемся сидеть, сложа руки, и позволять Ему делать всё, что угодно, — продолжил Маблунг. — Эти проклятые южане маршируют сейчас по древним трактам, чтобы пополнить войска Чёрной Крепости. Да, по тем самым трактам, что проложены

мастерами Гондора. И, как мы узнали, идут они всё более беспечно, полагая, что мощь их нового хозяина велика настолько, что даже простая тень Его гор защитит их. Мы пришли преподать им иной урок. Несколько дней тому назад пришло сообщение, что к северу движутся их большие силы. Один из отрядов по нашим расчётам должен перед самым полуднем пройти по верхней дороге через пробитый в холме проход. Дорога может идти, но они не пройдут! Нет, пока Фарамир — капитан. Теперь он руководит всеми опасными предприятиями. Но либо его жизнь заговорена, либо судьба предназначила ему другой конец.

Их беседа угасла в напряжённом молчании. Всё казалось тихим и насторожённым. Сэм, скорчившийся на краю папоротниковой куртины, осторожно выглянул из-за листьев и различил своими острыми глазами хоббита, что вокруг много других людей. Ему было видно, как они крадутся по склонам по одиночке или длинными вереницами, стараясь не выходить из тени кустов или зарослей, или ползут, едва заметные в своих зелёных с коричневым одеяниях, сквозь траву и папоротники. Все они были в масках, с надвинутыми капюшонами и перчатками на руках, и все были вооружены, как Фарамир и его спутники. Вскоре все они прошли и исчезли. Солнце поднималось, пока не встало на юге. Тени сжались.

"Интересно, где этот проклятый Горлум? — подумал Сэм, отползая поглубже в тень. — Он стоит перед прекрасным выбором попасть на копье, как орк, или быть поджаренным Жёлтым Лицом. Но, полагаю, он уж сумеет позаботиться о себе".

Сэм улёгся рядом с Фродо и задремал.

Проснулся он, думая, что слышит рёв рогов. Сел. Полдень был в самом разгаре. Стражники напряжённо и насторожённо стояли в тени деревьев. Внезапно рога зазвучали громче и, вне всякого сомнения, сверху, из-за макушки склона. Сэму показалось, что он различает также кличи и дикие вопли, но звуки были слабы, словно шли из далёкой пещеры. Но вскоре шум битвы грянул совсем рядом, прямо над их укрытием. Сэм ясно слышал скрежет стали о сталь, звон мечей о железные каски, глухие удары клинков по щитам; люди ревели и вопили, и один ясный громкий голос выкрикивал: "Гондор! Гондор!"

— Словно сотня кузнецов куют одновременно, — высказал свои впечатления Сэм Фродо. — И они не ближе, чем мне хотелось бы.

Но звуки сражения приближались.

— Они идут! — крикнул Дамрод. — Смотри! Часть южан вырвалась из западни и бежит прочь от дороги. Они бегут сюда! Их преследуют наши с капитаном во главе!

Сэм, стремясь разглядеть всё получше, покинул своё убежище и присоединился к стражникам. Он даже вскарабкался немного на лавр покрупнее. Несколько мгновений он наблюдал, как мелькают темнолицые люди в красном, бегущие вниз по склону чуть впереди одетых в зелёное воинов, которые прыжками настигали их и рубили на бегу. В воздухе плотно висели стрелы. Затем внезапно прямо через край скрывающей их насыпи упал человек и с треском покатился сквозь тонкие деревья чуть ли им не на головы. Он упокоился в папоротниках всего в нескольких футах, лицом вниз. Из его шеи ниже золотого ожерелья торчало зелёное оперение стрелы. Его алые одежды были изорваны, латы из находящихся друг на друга медных пластин, погнуты и изрублены, чёрные волосы, заплетённые в косы вместе с золотыми шнурами, мокры от крови. Коричневая рука всё ещё сжимала рукоять сломанного меча.

Сэм первый раз видел, как сражаются люди с людьми, и это зрелище ему не особенно понравилось. Он был рад, что не может видеть мёртвого лица. Ему захотелось узнать, как звали этого человека, и откуда он, и действительно ли у него было злое сердце, а если нет, то какая же

ложь или угроза отправили его маршем в долгий путь от дома и не предпочёл бы он мирно погостить здесь, — все эти вопросы промелькнули в его голове в одно мгновение и тут же были вытеснены из неё, потому что, стоило только Маблунгу шагнуть по направлению к телу, как раздался новый шум: громкие крики и вопли. Среди них Сэм различил пронзительный рёв или трубный звук, а затем мощные тупые удары, словно в землю били огромными таранами.

— Берегись! Берегись! — крикнул Дамрод своему товарищу. — Пусть валар направят его стороной! Мумак! Мумак!

К своему изумлению и ужасу, но и длительному наслаждению, Сэм увидел громадную фигуру, с треском продирающуюся между деревьями и быстро мчащуюся вниз по склону. Большая, как дом, гораздо больше дома, она показалась ему похожей на одетый в серое движущийся холм. Возможно, страх и удивление увеличили его в глазах хоббита, но мумак Харада был действительно огромным животным, и подобных ему не ходит ныне по Средиземью; его род, сохранившийся до поздних дней, не идёт ни в какое сравнение с былыми величием и размерами. Он нёсся прямо на стражников, а затем резко свернул в сторону, пройдя всего в нескольких ярдах, и земля колебалась под его ногами. Эти ноги походили на деревья; громадные уши, похожие на паруса, широко распростёрты; длинный хобот поднят, как огромная змея, изготавившаяся к броску; маленькие красные глаза полыхали яростью. Его загнутые вверх, похожие на рога бивни были стянуты золотыми обручами и забрызганы кровью; золотая с алым попона подпрыгивала на боках в такт дикому топоту. Жалкие остатки чего-то напоминавшего настоящую боевую башню лежали на его крутой спине, разбитые в бешеном галопе сквозь лес, и высоко на его шее всё ещё отчаянно приникала к ней тонкая фигурка — тело могучего воина, гиганта среди тёмноликих.

Громадный зверь протопал и продрался в слепой ярости дальше, через заросли и озерцо. Стрелы щёлкали и отскакивали, не причиняя ни малейшего вреда, от тройной шкуры на его боках. Что южане, что гондорцы, разбегались перед ним врассыпную, но многих он настиг и растоптал. Вскоре он скрылся из глаз, продолжая трубить и топать, пока и эти звуки не стихли вдали. Что с ним случилось, Сэму не довелось услышать: убежал ли он и бродил некоторое время в глуши, пока не погиб вдали от родины, или был пойман в глубокую яму, или же буйствовал до тех пор, пока не свалился в Великую реку и был поглощён ею.

Сэм глубоко перевёл дух.

— Это был слон! — сказал он. — Значит, слоны есть, и одного из них я видел. Что за жизнь! Но дома мне никто никогда не поверит. Ладно, если всё кончилось, я, пожалуй, сосну.

— Спи, пока можешь, — сказал Маблунг. — Но капитан вернётся, если он цел, а когда он придёт, мы быстро отступим. Нас будут преследовать, как только весть о наших делах достигнет Врага, а это произойдёт скоро.

— Ну и уходите потихоньку, когда понадобится! — ответил Сэм. — Только не мешайте спать мне. Я шёл всю ночь.

Маблунг рассмеялся.

— Не думаю, что капитан оставит тебя здесь, мастер Сэммиум, — сказал он. — Впрочем, увидишь.

Глава V

Окно на запад

Сэму показалось, что он дремал всего несколько минут, когда он проснулся и обнаружил, что дело к вечеру и Фарамир вернулся. Он привёл с собой много людей; фактически все, кто

уцелел в набеge, собрались сейчас на ближнем склоне, две или три сотни. Они расселись широким полумесяцем, между рогами которого сидел прямо на земле Фарамир, а перед ним стоял Фродо. Со стороны это удивительно походило на допрос пленника.

Сэм выбрался из папоротников, но никто не обратил на него никакого внимания, и он пристроился с краю шеренги людей, откуда мог видеть и слышать всё, что происходит. Он внимательно наблюдал и напряжённо слушал, готовый при необходимости ринуться на помощь своему хозяину. Ему было видно лицо Фарамира, теперь без маски: оно выглядело суровым и повелительным, и за его изучающим взглядом угадывался живой ум. В серых глазах, пристально смотрящих на Фродо, было сомнение.

Сэм вскоре понял, что капитан по нескольким пунктам не удовлетворён рассказом Фродо о себе: какую роль он играл в Отряде, вышедшем из Раздола, почему он оставил Боромира и куда он теперь идёт. В частности, он часто возвращался к Проклятию Исилдура. Совершенно очевидно, капитан понимал, что Фродо скрывает от него нечто очень важное.

— Но о приходе невысоклика сказано, что он возьмёт на себя Проклятие Исилдура, по крайней мере, так можно понять слова, — настаивал он. — Если ты невысоклик, о котором идёт речь, то, без сомнения, ты принёс эту вещь, чем бы она ни была, на Совет, о котором ты говоришь, и Боромир видел её там. Станешь ли ты отрицать это?

Фродо не ответил.

— Так! — сказал Фарамир. — Тогда я хочу узнать от тебя об этом подробнее, ибо то, что касается Боромира, касается и меня. Исилдура сразила стрела орка, насколько известно из старых преданий. Но стрел орков масса, и вид одной из них не мог быть принят за знак Рока Боромиром из Гондора. Ты хранишь эту вещь? Это скрыто, сказал ты, но не потому ли, что ты решил скрыть это?

— Нет, не потому, что я так решил, — ответил Фродо. — Это не принадлежит мне. Это не принадлежит ни одному смертному, великому или малому, хотя если хоть кто-то может предъявить права на это, то только Арагорн, сын Арахорна, которого я называл, предводитель нашего Отряда от Мории до Рэроса.

— Почему он, а не Боромир, принц города, основанного сыновьями Элендила?

— Потому что Арагорн сам по прямой линии, от отца к отцу, является потомком Исилдура, сына Элендила. И меч, который он носит, был мечом Элендила.

Ропот изумления пробежал по всему кругу людей. Некоторые воскликнули вслух:

— Меч Элендила! Меч Элендила идёт в Минас Тирит! Великие вести!

Но лицо Фарамира не дрогнуло.

— Может быть, — сказал он. — Но столь великие притязания нуждаются в подтверждении, и потребуются ясные доказательства, если этот Арагорн когда-либо появится в Минас Тирите. Ни он, ни кто-либо из вашего Отряда не пришёл туда, когда я выступил шесть дней назад.

— Боромир признал обоснованность этих притязаний, — ответил Фродо. — Несомненно, если бы Боромир был здесь, он ответил бы на все твои вопросы. И поскольку много дней назад он был уже у Рэроса и собирался затем идти прямо в ваш город, то по возвращении ты, наверное, вскоре получишь ответы там. Ему, как и остальным нашим спутникам, известна моя роль в Отряде, потому что она была назначена мне самим Элрондом в Имладрисе перед всем Советом. Это поручение привело меня сюда, но я не имею права открыть его никому, кто не принадлежит Отряду. Однако тем, кто говорит о сопротивлении Врагу, лучше было бы не мешать мне.

Тон Фродо был гордым, что бы он ни чувствовал, и Сэм одобрил этот ответ, но он не удовлетворил Фарамира.

— Так! — промолвил он. — Ты предлагаешь мне заняться собственными делами и

отправляться домой, а тебя оставить в покое. Боромир расскажет всё, когда придёт. Когда придёт, сказал ты! Был ли ты другом Боромиру?

В уме Фродо живо мелькнули воспоминания о том, как Боромир напал на него, и на мгновение он заколебался. Неотрывно следивший за ним взгляд Фарамира ещё более посуровел.

— Боромир был доблестным членом нашего Отряда, — проговорил наконец Фродо. — Да, что касается меня, то я ему друг.

Фарамир мрачно усмехнулся.

— Тогда тебя огорчит известие о том, что Боромир мёртв?

— Разумеется, оно огорчило бы меня, — сказал Фродо и затем запнулся, поймав взгляд Фарамира. — Мёртв? — переспросил он. — Ты хочешь сказать, что он мертв, и ты знаешь об этом? Ты хочешь запутать меня, играя словами? Или сейчас ты просто пытаешься подловить меня с помощью лжи?

— Даже орка я не стал бы поддавливать с помощью лжи, — сказал Фарамир.

— Но как же он тогда умер, и как ты узнал про это? Ведь ты сам сказал, что никто из Отряда не пришёл в город, когда ты его покинул.

— Что касается характера его смерти, то я надеялся узнать о нём от его друга и спутника.

— Но он был жив и здоров, когда мы расстались. И насколько мне известно, он жив до сих пор. Хотя мир, без сомнения, полон опасностей.

— Действительно, полон, — согласился Фарамир. — И предательство среди них — не последняя.

Сэма всё больше раздражал и выводил из себя этот разговор. Последних слов он уже не мог вынести и, ворвавшись в центр кольца, он бросился на защиту хозяина.

— Прошу вашего прощения, мистер Фродо, — выпалил он, — но всё это зашло достаточно далеко. Он не имеет права говорить с вами так. После всего, через что вы прошли, причём столько же ради него и всех этого большого народа, как и ради всех остальных.

— Послушай, капитан! — Он решительно встал прямо перед Фарамиром, уперев руки в бёдра и с таким выражением на лице, словно обращался к хоббитёнку, который в ответ на вопрос по поводу посещения чужого фруктового сада принялся, как говаривал Сэм, "вешать капусту на уши". Послышалось ворчание, но и ухмылки появились на лицах, глядевших на это людей: их капитан, сидящий на земле лицом к лицу с расставившим ноги, оцетинившимся от гнева молодым хоббитом, — такого зрелища им наблюдать ещё не приходилось. — Послушай! — сказал он. — К чему ты клонишь? Говори толком, пока все орки Мордора не обрушились на нас! Если ты думаешь, что мой хозяин убил Боромира, а затем бежал, то в тебе нет ни капли здравого смысла; но скажи так, да и дело с концом! А затем позволь нам узнать, как ты собираешься на это отреагировать. Только вот жаль, что народ, который говорит о битве с Врагом, никак не даёт другим на собственный лад внести свой скромный вклад в это дело, обязательно нужно вмешаться. Он был бы очень доволен, если бы видел тебя сейчас. Решил бы, что приобрёл нового друга, это уж точно.

— Спокойнее! — произнёс Фарамир, но без гнева. — Не говори прежде своего хозяина, который умнее тебя. И я не нуждаюсь в том, чтобы мне указывали на грозящую нам опасность. Даже если и так, я могу найти немного времени, чтобы вынести верное суждение в трудном деле. Будь я так же поспешен, как и ты, я мог бы уже давно убить вас, ибо мне дан приказ убивать всех, кого я найду в этой стране без разрешения Правителя Гондора. Но я не убиваю без нужды ни людей, ни животных, и делаю это неохотно даже когда это необходимо. И я никогда не говорю попусту. Так что успокойся! Сядь к своему хозяину и молчи.

Сэм с красным лицом тяжело плюхнулся на землю. Фарамир снова обратился к Фродо:

— Ты спросил, как я узнал, что сын Денетора мёртв. Вести о смерти многокрылы. Говорят, "ночь часто несёт весть кровным родичам". Боромир был моим братом.

Тень скорби промелькнула по его лицу.

— Ты помнишь особый знак, который лорд Боромир носил среди своих вещей?

Фродо на мгновение задумался, опасаясь другой ловушки и гадая, чем кончится этот разговор. Ему едва удалось спасти Кольцо от высокомерных притязаний Боромира; как быть среди стольких воинственных и сильных людей, он не знал. Однако в глубине души он чувствовал, что Фарамир, хоть внешне очень походил на брата, был не таким себялюбивым человеком, одновременно суровее и мудрее.

— Я помню, что Боромир носил рог, — ответил он наконец.

— Ты вспомнил верно, и как тот, кто действительно видел его, — сказал Боромир. — Тогда ты, вероятно, можешь воспроизвести его перед своим мысленным взором: большой рог дикого быка с востока, отделанный серебром и покрытый древними письменами. Этот рог в течение многих поколений носили старшие сыновья нашего рода, и сказано, что, если в него протрубить в беде где-либо в пределах Гондора, каким это королевство было в древности, то его голос не замрёт неслышанным.

За пять дней до того, как я отправился на эту вылазку, то есть одиннадцать дней назад, примерно в этот час дня я слышал голос того самого рога. Казалось, он доносился с севера, но слабо, словно мысленный отзвук. Дурное предзнаменование, подумали мы тогда, я и мой отец, ибо ничего не слыхали мы о Боромире с тех пор, как он ушёл, и ни один часовой на наших границах не видел его. А на третью ночь после того дня со мной произошла ещё более странная вещь.

Я сидел ночью у вод Андуина в серой тьме под молодой бледной луной, наблюдая за вечно бегущими струями, и печально шелестели камыши. Мы постоянно караулим так берега близ Оспилята, частично захваченного сейчас нашими врагами, которые выходят оттуда разорять наши земли. Но той ночью весь мир спал в полуночный час. Затем я увидел, или мне показалось, что я увидел лодку, плывущую по водам: небольшую мерцающую серебром лодку странной формы с высоким носом, и не было в ней ни гребца, ни рулевого.

Меня охватил благоговеенный страх, ибо её окружало бледное свечение. Но я встал, и подошёл к берегу, и вступил в воду, потому что меня влекло к ней. Тогда лодка повернула ко мне, и замедлила ход, и неторопливо проплыла мимо меня на расстоянии вытянутой руки, но я не дерзнул коснуться её. Она сидела глубоко, словно была тяжело нагружена, и почудилось мне, пока она проплывала перед моим взором, что она почти до краёв полна прозрачной водой, из которой лился свет, и, укрытый водой, лежал в ней спящий воин.

На его коленях был сломанный меч, и много ран я увидел на нём. Это был Боромир, мой брат, мёртвый. Я узнал его одежду, его меч, его дорогое лицо. Лишь одной вещи не увидел я: его рога. Лишь одной вещи не знал я: прекрасного пояса на нём, словно бы сплетённого из золотых листьев. "Боромир! — воскликнул я. — Где твой рог? Куда идёшь ты? О, Боромир!" Но он был мёртв. Лодка вернулась в поток и поплыла, мерцая, дальше в ночь. Это было похоже на сон, но не было сном, потому что не было пробуждения. И я не сомневаюсь, что он умер и ушёл вниз по Реке к Морю.

— Увы! — проговорил Фродо. — Это действительно был Боромир, каким я его знал, потому что золотой пояс был дарован ему в Лотлориэне Владычицей Галадриэлью. Это она одела нас, как вы видите, в эльфийское серое. Эта брошь тоже изготовлена там.

Фарамир внимательно рассмотрел её.

— Она прекрасна, — промолвил он. — Да, это изготовлено с тем же искусством. Так,

значит, вы прошли через страну Лориэн? Лаурелиндоренан называли её в древности, но уже давно люди ничего не знают о ней, — добавил он тихо, глядя на Фродо с уважительным удивлением. — Теперь я начинаю понимать многое из того, что странно в тебе. Ты не хочешь поведать мне больше? Ибо очень горько сознание того, что Боромир погиб на пороге своего дома.

— Я не могу сказать больше того, что сказал, — ответил Фродо. — Хотя твой рассказ и исполнил меня дурным предчувствием. Я думаю, ты видел лишь призрак, лишь тень несчастья, которое настанет или может настать. Если только это не ложное видение, вызванное коварством Врага. Я видел лица благородных воинов древности, спящих на дне омутов в Гиблых Болотах, или явленные там его губительными чарами.

— Нет, это было не то, — возразил Фарамир. — От его дел сердце наполняется отвращением, а моё почувствовало горе и жалость.

— Однако, как нечто подобное могло произойти в действительности? — спросил Фродо. — Ибо ни одну лодку невозможно пронести по скалистым холмам за Тол Брандиром, а Боромир собирался идти домой через Энтрицу и степи Ристании. И потом, может ли хоть какое-нибудь судно соскользнуть по пене гигантского водопада и не пойти ко дну в кипящем водовороте у его подножья, хоть залито водой?

— Не знаю, — сказал Фарамир. — Но откуда эта лодка?

— Из Лориэна, — ответил Фродо. — В трёх таких лодках прошли мы на вёслах вниз по Андуйну к водопаду. Они тоже эльфийской работы.

— Вы прошли через Тайную Страну, — сказал Фарамир, — но, похоже, плохо поняли её могущество. Если люди имеют дело с Госпожой Чар, что живёт в Золотом Лесу, следует ожидать, что им будут сопутствовать странные вещи. Ибо опасно смертному человеку покидать мир под этим солнцем, и сказано, что немногие в древности возвращались оттуда прежними.

Боромир, о, Боромир! — воскликнул он. — Что сказала она тебе, бессмертная Владычица? Что увидела она? Что проснулось в твоём сердце затем? Зачем же свернул ты в Лаурелиндоренан, а не пошёл своим собственным путём, чтобы прискакать однажды утром домой на коне Ристании?

Затем, опять обратившись к Фродо, он снова заговорил спокойным голосом:

— Полагаю, что ты мог бы ответить на эти вопросы, Фродо, сын Дрого. Но, быть может, не здесь или не сейчас. Однако если ты всё ещё думаешь, что рассказанное мной было лишь видением, то я скажу тебе следующее: по крайней мере рог Боромира вернулся на самом деле, не в воображении. Рог вернулся, но расколотым надвое, словно мечом или топором. Осколки попали на берег порознь: один был найден среди камышей там, где прячутся часовые Гондора, на севере, ниже места впадения Энтрицы, другой был найден кружащимся в потоке тем, кто выполнял свою задачу на реке. Странная случайность, но говорят, что убийство не скроешь.

И ныне рог старшего сына лежит в двух осколках на коленях Денетора, который сидит на своём троне и ждёт вестей. И ты не можешь сообщить мне ничего о том, как был расколот рог?

— Нет, я ничего не знаю об этом, — сказал Фродо. — Но день, когда ты слышал его, если твой подсчёт верен, был тем днём, когда мы расстались, когда я и мой слуга покинули Отряд. И теперь твой рассказ страшит меня, потому что если Боромир находился тогда в опасности и был убит, то, боюсь, все мои спутники тоже погибли. А это были мои родичи и мои друзья.

Может быть, ты оставишь свои подозрения и отпустишь меня? Я устал, глубоко огорчён, и мне страшно. Но я должен выполнить или попытаться выполнить поручение, прежде чем меня тоже убьют. И тем более надо спешить, если из всего нашего Отряда остались лишь мы, два невысоклика.

Возвращайся, Фарамир, доблестный капитан Гондора, и защищай свой город, пока можешь,

и позволь мне идти туда, куда ведёт меня рок.

— Я тоже не почерпнул утешения в нашем с тобой разговоре, — ответил Фарамир. — Но ты, без сомнения, представил себе всё хуже, чем нужно. Если не сами лориэнцы пришли к нему, то кто облачил Боромира как для похорон? Не орки или слуги Безымянного. Полагаю, некоторые из твоего Отряда ещё живы.

Но, что бы ни произошло на северной границе, относительно тебя, Фродо, я больше не сомневаюсь. Если суровые дни научили меня разбираться в словах и лицах людей, то я могу судить и о невысказанных! Хотя, — и тут он улыбнулся, — в тебе есть нечто странное, Фродо, эльфийский дух, быть может. Теперь я должен был бы забрать тебя в Минас Тирит держать там ответ перед Денетором, и жизнь моя будет заслуженной расплатой, если сейчас я выберу то, что послужит во вред моему городу. Поэтому я не хочу решать наспех, что надлежит делать. Тем не менее, отсюда нам следует уходить незамедлительно.

Он вскочил на ноги и отдал несколько приказов. Окружавшие его люди мгновенно разбились на маленькие группки и разошлись в разные стороны, быстро исчезнув в тени скал и деревьев. Вскоре остались только Маблунг и Дамрод.

— Сейчас вы, Фродо и Сэммиум, пойдёте со мной и моей охраной, — сказал Фарамир. — Вам нельзя идти по тракту к югу, если таково было ваше намерение: несколько дней он будет небезопасен и, после нашей сегодняшней вылазки, за ним будут наблюдать гораздо пристальнее, чем всегда. Да и в любом случае, не думаю, что вы сможете сегодня уйти далеко, потому что вы утомлены. И мы тоже. Сейчас мы пойдём в наше тайное убежище, которое находится меньше чем в десяти милях отсюда. Орки и шпионы Врага пока ещё его не обнаружили, а если и обнаружат, то мы смогли бы долго продержаться там даже против многих. Там мы сможем укрыться и передохнуть, и вы с нами. Утром я решу, что будет лучше сделать для меня и для вас.

Фродо ничего не оставалось, как только подчиниться его просьбе или приказу. В данный момент это казалось самым мудрым, поскольку вылазка гондорцев сделала путешествие по Итилии более опасным, чем прежде.

Они вышли немедленно: Маблунг и Дамрод немного впереди, а Фарамир с Фродо и Сэмом сзади. Обогнув ближний край озера, в котором купались хоббиты, они перешли ручей, поднялись по пологому берегу и попали в тенистый зелёный лес, который сбегал вниз по направлению к западу. Они шли так быстро, как могли хоббиты, и беседовали приглушёнными голосами.

— Я прервал наш разговор, — сказал Фарамир, — не только потому, что время поджимало, как мне напомнил мастер Сэммиум, но и потому, что мы подошли к таким вещам, которые лучше не обсуждать открыто в присутствии многих. По этой причине я предпочёл перейти на своего брата и оставить Проклятие Исилдура. Ты не был полностью откровенен со мной, Фродо.

— Я не лгал и сказал всю правду, какую мог, — отозвался Фродо.

— Я не упрекаю тебя, — сказал Фарамир. — Ты мудро и осмотрительно говорил в трудных местах, как мне показалось. Но я узнал или отгадал по тебе больше, чем сказали твои слова. Ты не дружил с Боромиром, или ваше расставание не было дружеским. Полагаю, что ты, и мастер Сэммиум тоже, были чем-то обижены. Хотя я нежно любил брата и был бы рад отомстить за его смерть, но я знал его хорошо. Проклятие Исилдура — отважусь предположить, что Проклятие Исилдура лежит между вами и было причиной раздора в вашем Отряде. Ясно, что это могущественная реликвия определённого рода, и если некий урок и может быть почерпнут из древних преданий, такие вещи не способствуют сохранению мира среди союзников. Разве я не попал в цель?

— Близко, — ответил Фродо. — Но не в яблочко. В нашем Отряде не было раздора, хотя были сомнения: сомнения в том, какой дорогой нам идти от Эмин Муила. Но, как бы там ни было, древние предания учат нас также, что опасно ронять опрометчивые слова по поводу таких вещей, как... реликвия.

— А! Тогда дело обстоит так, как я и думал: все твои беды связаны только с Боромиром. Он хотел, чтобы эта вещь была принесена в Минас Тирит. Увы! Некий ложный шаг запечатывает уста тебе, видевшему его последним, и заставляет скрывать от меня то, что мне так сильно хочется знать: что было у него на сердце и в мыслях в его последние часы. Оступился он или нет, но в одном я уверен: умер он хорошо, доведя до конца нечто правильное. Его лицо было даже более красивым, чем при жизни.

Но, Фродо, сначала я настоятельно требовал объяснений по поводу Проклятия Исилдура. Прости меня! Это было глупо в таком месте и в такой час. У меня не было времени подумать. Мы выдержали жестокую схватку, и всего, что с ней связано, было больше, чем достаточно, чтобы занять мои мысли. Но уже когда я говорил с тобой, то кое-что понял и потому намеренно выстрелил мимо цели. Ибо ты должен знать, что многое из древнего знания, не распространяемого широко, всё ещё хранится правителями Города. Наш дом происходит не от Элендила, хотя кровь Нуменора есть в нас, поскольку мы возводим свой род к Мардилу, доброму вассалу, который правил вместо короля, когда тот ушёл на войну. То был король Эарнур, последний из рода Анариона, и он был бездетен и так никогда и не вернулся. И с того дня городом правят вассалы, хотя много поколений людей сменилось с тех пор.

И вот что я помню о Боромире-мальчике, когда мы вместе учили легенды о наших предках и историю нашего города: он постоянно досадовал, что его отец — не король. "Сколько столетий нужно, чтобы сделать правителя королём, если король не вернётся?" — спросил он. "Быть может, несколько лет в других, менее величественных монархиях", — ответил мой отец. — "В Гондоре не хватит и десяти тысяч лет". Увы! Бедный Боромир! Не говорит ли это тебе кое-что о нём?

— Говорит, — отозвался Фродо. — Однако он всегда обращался к Арагорну почтительно.

— Не сомневаюсь, — сказал Фарамир. — Если, как ты говоришь, он убедился в истинности притязаний Арагорна, он должен был глубоко чтить его. Но час столкновения ещё не настал: они ещё не достигли Минас Тирита и не стали соперниками в ведомой городом войне.

Но я отклонился. Мы в доме Денетора по давней традиции знаем много древних преданий, и ещё больше вещей хранится в наших сокровищницах: книги и таблицы, записанные различными буквами на выцветших пергаментях, да, и на камнях, и на золотых и серебряных листах. Некоторые из них никто не может прочесть, что же касается остальных, то немногие когда-либо разворачивали их. Кое-что я могу разобрать, ибо учился этому. Это те записи, которые принёс нам Серый Странник. Впервые я видел его, когда был ребёнком, и с тех пор он бывал у нас дважды или трижды.

— Серый Странник? — переспросил Фродо. — А как его звали?

— Мы называли его Митрандиром на эльфийский манер, — ответил Фарамир. — И он не возражал против этого. "У меня много имён в разных странах", — говорил он. — "Митрандир среди эльфов, Таркун среди гномов, Олорином был я на западе в дни моей юности, что забылось, на юге Инканус, на севере Гэндальф; на восток я не хожу".

— Гэндальф! — вымолвил Фродо. — Я так и подумал, что это он: Гэндальф Серый, самый желанный из советников, предводитель нашего Отряда. Он погиб в Мории.

— Митрандир погиб! — воскликнул Фарамир. — Злой рок, похоже, преследует ваш Отряд. Поистине тяжело поверить, что некто столь мудрый и могущественный — ибо много удивительных вещей совершал он среди нас — мог погибнуть, и что так много знания ушло из

этого мира. Уверен ли ты в этом? Не мог ли он просто покинуть вас и отправиться, куда хотел?

— Увы, да, — сказал Фродо. — Я видел, как он падал в бездну.

— Я вижу, здесь кроется ужасная и удивительная повесть, — сказал Фарамир, — и ты, возможно, расскажешь мне её вечером. Митрандир был, как я теперь понимаю, не просто знатоком преданий, но великим инициатором дел, происходящих в наше время. Будь он среди нас, он мог бы объяснить смысл суровых слов нашего сновидения, и тогда нам не пришлось бы никого посылать. Но, быть может, он не сделал бы этого, и путешествие Боромира было предопределено. Митрандир никогда не говорил нам о том, что будет, и никогда не открывал своих намерений. Он получил позволение Денетора — каким образом, я не знаю, — взглянуть на секреты нашей сокровищницы, и я кое-чему научился от него, когда он был расположен учить (а это бывало нечасто). Он непрестанно разыскивал и расспрашивал нас обо всём, что касается Великой Битвы на Дагорладе в начале Гондора, когда Он, чьего имени мы не называем, был ниспровергнут. Особенно его интересовали предания об Исилдуре, хотя о последнем мы мало что могли сказать, ибо ничего определённого никогда не было известно среди нас о его конце.

Тут голос Фарамира понизился до шёпота:

— Но вот о чём узнал я или догадался, и с тех пор всегда хранил эту тайну в своём сердце: Исилдур взял нечто с руки Неназываемого, прежде чем он ушёл из Гондора, чтобы никогда больше не показаться среди смертных людей. В этом, думаю я, ответ на вопросы Митрандира. Но тогда это казалось делом, касающимся только исследователей древних преданий. Лишь когда мы обсуждали между собой загадочные слова нашего сна, я подумал, что Проклятие Исилдура и есть та самая вещь. Ибо Исилдур, как повествует единственная известная нам легенда, попал в засаду и был убит стрелами орков, и Митрандир никогда не говорил мне ничего иного.

Чем может быть эта вещь в действительности, я пока не могу догадаться, но она должна быть некой могущественной и опасной реликвией. Возможно, ужасным оружием, изобретённым Чёрным Властелином. Если эта вещь даёт преимущество в битве, то я охотно поверю, что гордый и бесстрашный, но часто опрометчивый Боромир, всегда страстно стремившийся к победе Минас Тирита (и своей собственной славе при этом), мог пожелать подобную вещь и был пленён ею. Увы, что именно он был отправлен с этим поручением! Я был бы избран моим отцом и старейшинами, однако он предложил себя, поскольку старше и выносливее (оба верно), и не дал себя отговорить.

Но не страшись больше! Я не взял бы эту вещь, даже если нашёл бы её на проезжей дороге. Нет, даже если Минас Тирит ляжет в развалинах и один я смогу спасти его, воспользовавшись оружием Чёрного Властелина ко благу города и моей славе. Нет, таких триумфов я не хочу, Фродо, сын Дрого.

— И Совет тоже, — отозвался Фродо. — И я. Я вообще не хотел бы иметь ничего общего с подобными вещами.

— Что касается меня, — продолжил Фарамир, — то я хотел бы увидеть Белое Дерево снова цветущим в саду королей, и Серебряную Корону возвращённой, и Минас Тирит в мире: снова, как в старину, Минас Анор, крепость, полную светом, великую и прекрасную, красивую, как королева среди других королев, но не владычицу многочисленных рабов, нет, даже и не милостивую владычицу над добровольными рабами. Война должна быть, пока мы защищаем наши жизни от разрушителя, который всё пожирает; но я не люблю ни сверкающий меч за его остроту, ни стрелы за её быстроту, ни воина за его славу. Я люблю только то, что они защищают, — город людей Нуменора, — и я предпочёл бы, чтобы его любили за его память, его древность, его красоту и его нынешнюю мудрость. Но без трепета, за исключением того

трепета, какой человек может испытывать перед достойным и мудрым старцем.

Так не бойся меня! Я не прошу тебя рассказать мне больше. Я даже не прошу тебя сказать мне, насколько близко к яблочку попали мои слова сейчас. Но, если ты доверишься мне, то, может быть, я смогу дать тебе совет в твоих теперешних поисках, в чём бы они ни заключались, — да, и даже помочь тебе.

Фродо не ответил. Он почти поддался соблазну попросить совета и помощи, рассказать этому серьёзному молодому человеку, чьи речи казались так мудры и честны, всё, что было у него в мыслях. Но что-то его удерживало. На душе у него было тяжело от страха и скорби: если, что казалось весьма вероятным, от Девяти Путников действительно остались только они с Сэмом, тогда он один в ответе за сохранение тайны их поручения. Лучше незаслуженное недоверие, чем опрометчивые слова. И память об ужасной перемене в Боромире, которую вызвал в нём соблазн Кольца, была ещё свежа и оживлялась, когда он смотрел на Фарамира и слышал его голос: они были непохожи, и, тем не менее, очень сродни.

Некоторое время они шли молча, мелькая как серые и зелёные тени под старыми деревьями; их ноги ступали бесшумно, над ними пело множество птиц и солнце играло на глянцевой крыше тёмной листвы вечнозелёных лесов Итилии.

Сэм не принимал участия в беседе, хотя и прислушивался к ней, но в то же самое время он следил чуткими ушами хоббита за всеми тихими звуками окружавшего их леса. Одну вещь он отметил: что за всё время разговора ни разу не всплыло имя Горлума. Он был рад, хотя и чувствовал, что было бы напрасно надеяться на то, что ему никогда не доведётся услышать его ещё раз. Вскоре Сэм понял также, что, хотя они шли одни, неподалёку было много людей: не только Маблунг и Дамрод, то появляющиеся на миг, то снова исчезающие в тенях впереди, но и другие со всех сторон, которые быстро и скрытно направлялись к некоему назначенному заранее месту.

Однажды, неожиданно оглянувшись, словно какое-то покалывание в коже дало ему знать, что за ним наблюдают сзади, ему показалось, что он заметил маленькую тёмную фигурку, скользящую за ствол. Он открыл было рот, чтобы заговорить, и снова закрыл.

"Я не уверен в этом, — сказал он сам себе. — И почему я должен напоминать им о старом негоднике, если они предпочли забыть про него? Хотел бы я сделать то же самое!"

Так они шли до тех пор, пока лес не поредел и местность не принялась снижаться более круто. Тогда они опять свернули вправо и вскоре очутились у небольшой речки в узком ущелье: это был тот самый ручеёк, который вытекал тонкой струйкой из оставшегося высоко вверх круглого бассейна, но разросшийся теперь до быстрого потока, который прыгал по камням в глубоко прорезанном русле под пологом ильмов и тёмного самшита. Посмотрев на запад, они увидели под собой подёрнутые светлой дымкой левады и широкие луга, далеко за которыми сверкали под закатным солнцем широкие воды Андуйна.

— Здесь, увы, мне придётся обойтись с вами неучтиво, — сказал Фарамир. — Надеюсь, вы простите это тому, кто во имя учтивости настолько пренебрёг данными ему приказами, что не велел убить или связать вас. Но существует распоряжение, что ни один чужак, даже из Ристании, из наших соратников, не должен увидеть тропы, по которой мы идём сейчас с открытыми глазами. Я должен завязать вам глаза.

— Как угодно, — отозвался Фродо. — Даже эльфы при необходимости принимают подобную предосторожность, и с завязанными глазами пересекли мы границы прекрасного Лотлориэна. Гимли, гном, принял это плохо, но хоббиты стерпели.

— Место, в которое я веду вас, не так прекрасно, — сказал Фарамир. — Но я рад, что вы

соглашаетесь на это добровольно, а не по принуждению.

Он тихо позвал, и Маблунг и Дамрод незамедлительно выступили из-за деревьев и подошли к нему.

— Завяжите глаза гостям, — распорядился Фарамир. — Надёжно, но не доставляя им беспокойства. Рук не связывайте. Они дают слово не пытаться подглядывать. Я разрешил бы им просто закрыть глаза, но когда оступается нога, глаз моргает. Проведите их так, чтобы они не спотыкались.

Двое охранников завязали хоббитам глаза зелёными шарфами и надвинули их капюшоны вниз, почти до ртов, затем быстро взяли каждого за руку и повели своей дорогой. Всё, что Фродо и Сэм знали об этой последней миле пути, построено исключительно на догадках среди тьмы. Через некоторое время они обнаружили, что идут по тропе, круто спускающейся вниз; вскоре она стала такой узкой, что пришлось идти друг за другом, задевая с обеих сторон за каменные стены; стражи направляли хоббитов сзади, крепко придерживая их за плечи. Время от времени они достигали неровных участков, через которые их переносили, а потом снова ставили на ноги. Справа от них постоянно раздавался гул бегущей воды, который становился всё ближе и громче. Наконец они остановились. Маблунг и Дамрод быстро повернули их несколько раз, и они потеряли всякое представление о направлении. Затем они немного поднялись вверх: стало как будто прохладнее, и гул потока ослабел. Потом их подняли и понесли вниз, вниз, по многим ступенькам и за угол. Внезапно они снова услышали воду, теперь громко; она плескалась и брызгалась, казалось, прямо вокруг них, и они ощутили тонкую водяную пыль на руках и щеках. Наконец их ещё раз поставили на ноги. Мгновение они так стояли, наполовину испуганные, с завязанными глазами, не знающие, где они, и никто не говорил.

Затем буквально за их спинами прозвучал голос Фарамира.

— Дайте им взглянуть! — приказал он.

Колпаки были отодвинуты, шарфы сняты, и хоббиты заморгали, разинув рты.

Они стояли на влажном полу из полированных камней, как бы в прихожей, и за ними в скале темнели грубо высеченные ворота. Но перед ними висела тонкая завеса воды: так близко, что Фродо мог бы коснуться её, протянув руку вперёд. Она была обращена к западу. Сзади в неё били косые лучи заходящего солнца, и красный свет разбивался на множество дрожащих лучиков, которые постоянно меняли цвет. Казалось, что они стоят у окна некой эльфийской башни с занавесом, сплетённым из оправленных в золото и серебро алмазов, рубинов, сапфиров и аметистов, которые горят немеркнущим огнём.

— По крайней мере, благодаря счастливой случайности, мы пришли как раз вовремя, чтобы вознаградить вас за ваше терпение, — сказал Фарамир. — Это Окно на Запад, Хеннет Аннун, прекраснейший из всех водопадов Итилии, страны многих источников. Немногие из чужеземцев видели его. Но здесь, позади, нет величественного зала, ему под стать. Войдите теперь и взгляните!

Пока он говорил, солнце село, и огонь в падающей воде угас. Они повернулись, прошли под низкой, внушающей страх аркой и сразу же очутились в каменной палате, широкой и неотделанной, с неровным наклонным потолком. Несколько зажжённых факелов бросали тусклый свет на отблёскивающие стены. Здесь уже было много людей. Остальные непрерывно подходили по двое или по трое через тёмную узкую дверь на одной стороне. Когда глаза хоббитов привыкли к темноте, они разглядели, что пещера обширнее, чем они полагали, и в ней сложено много оружия и провизии.

— Вот, это наше убежище, — сказал Фарамир. — Не слишком удобное место, но здесь вы сможете спокойно переночевать. По крайней мере, здесь сухо и есть еда, хотя нет огня. Некогда

через эту пещеру и арку бежала вода, но её русло было изменено в верхней части ущелья древними мастерами и перенаправлено так, что теперь вода низвергается водопадом с вдвое большей высоты со скал над нами. Затем все входы в этот грот, кроме одного, были заделаны, чтобы сюда не проникала ни вода, ни что-либо ещё. Теперь отсюда только два пути наружу: вон тот проход, по которому вас провели с завязанными глазами, и через занавес Окна в глубокую чашу, заполненную острыми камнями. А сейчас отдохните немного, пока не будет собрана вечерняя трапеза.

Хоббитов отвели в уголок и устроили там низкое ложе, чтобы они могли лечь, если захотят. Тем временем люди хлопотали в пещере тихо, спокойно, дисциплинированно. Лёгкие столешницы были отодвинуты от стен, поставлены на козлы и уставлены посудой, по большей части простой и без украшений, но добротной и красиво сделанной: круглые тарелки, кубки и блюда из глазированной коричневой глины или выточенные из самшита, глянцевые и чистые. Кое-где стояли чаши или тазики из полированной бронзы, и кубок из светлого серебра был поставлен перед местом капитана в центре самого дальнего стола.

Фарамир ходил среди людей, тихим голосом расспрашивая каждого входящего. Одни возвращались после преследования южан; другие были оставлены в качестве разведчиков у тракта и появились последними. Счёты были сведены со всеми южанами, за исключением только громадного мумака: что случилось с ним, никто не мог сказать. Со стороны врагов не было заметно никакого движения, в окрестностях не было даже шпионов-орков.

— Ты ничего не видел и не слышал, Анборн? — спросил Фарамир последнего из пришедших.

— Так, лорд, ничего, — ответил человек. — По крайней мере, никаких орков. Но я видел, или мне почудилось, что видел нечто не совсем понятное. Были уже глубокие сумерки, в которых вещи выглядят крупнее, чем на деле. Так что, может быть, это была всего лишь белка. — При этих словах Сэм наострил уши. — Но, даже если это и так, это была чёрная белка, и я не видел хвоста. Она походила на тень на земле, и, стоило мне приблизиться, шмыгнула за ствол и быстро вскарабкалась вверх, в точности как белка. Вы не велите нам убивать диких животных без нужды, а это создание не казалась большим, так что я не пустил стрелы. В любом случае, для уверенной стрельбы было слишком темно, а зверёк скрылся во мраке листвы в мгновение ока. Но я постоял там, потому что всё это казалось странным, а затем поспешил назад. Мне почудилось, что, когда я отвернулся, он зашипел сверху мне вслед. Может быть, большая белка. Возможно, под тенью Неназываемого кое-какие твари из Лихолесья проникли в наши леса. Говорят, что там водятся чёрные белки.

— Возможно, — сказал Фарамир. — Но, будь это так, то это было бы дурным знаком. Нам не нужны в Итилии беглецы из Лихолесья.

Сэму показалось, что, произнося это, он метнул быстрый взгляд на хоббитов, но Сэм не сказал ничего. Некоторое время они с Фродо лежали на спине и наблюдали за светом факелов, а люди всё двигались взад и вперёд и переговаривались приглушёнными голосами. Затем Фродо неожиданно заснул.

Сэм боролся с собой, прикидывая так и сяк. "Может быть, он хороший человек, — думал он. — А может быть, и нет. За прекрасными словами может прятаться дурное сердце". — Он зевнул. — "Я мог бы спать целую неделю, и лучше бы этим и заняться. Да и что я смогу сделать, даже если останусь бодрствовать, совершенно один среди всего этого Большого народа? Ничего, Сэм Скромби; но всё же придётся тебе бодрствовать и дальше". И некоторое время он с этим справлялся. Свет в дверях пещеры окончательно померк, и серая завеса падающей воды потускнела и исчезла в сгущающихся тенях. Вечный шёпот воды неумолчно звучал всё на той

же неизменной ноте и утром, и вечером, и ночью. Вода бормотала и навевала сон. Сэм держал веки костяшками пальцев.

Теперь зажгли больше факелов. Открыли бочонок с вином. Люди принесли воду из водопада. Многие мыли руки в тазиках. Фарамиру подали широкую медную чашу и белое полотенце, и он умылся.

— Разбудите наших гостей, — приказал он. — И принесите им воды. Время поесть.

Фродо сел, зевнул и потянулся. Сэм, не привыкший, чтобы ему прислуживали, с некоторым удивлением смотрел на высокого человека, который поклонился, держа перед ним тазик с водой.

— Поставь его на землю, молодой господин, будь так любезен! — сказал он. — И мне и тебе будет легче.

Затем, к изумлению и развлечению человека, он сунул голову в холодную воду и принялся плескать её на шею и уши.

— В вашей стране принято мыть голову перед ужином? — спросил человек, прислуживающий хоббитам.

— Нет, перед завтраком, — ответил Сэм. — Но, если мало спишь, то холодная вода на шею действует, как дождь на увядший латук. Ну вот! Теперь я смогу держать глаза открытыми достаточно долго, чтобы чего-нибудь съесть.

Их усадили рядом с Фарамиром на бочки, покрытые шкурами, которые достаточно возвышались над скамьями людей, чтобы хоббиты чувствовали себя удобно. Прежде чем приступить к еде, Фарамир и все его люди встали, повернувшись лицом к западу, и некоторое время молчали. Фарамир знаком показал Фродо и Сэму, что они должны поступить также.

— Мы всегда делаем так, — сказал он, когда все уселись. — Мы смотрим по направлению к Нуменору, что был, и Обители Эльфов, что есть, и к тому, что лежит за Обителью Эльфов и всегда будет. У вас нет такого обычая перед едой?

— Нет, — ответил Фродо, чувствуя себя неотёсанным деревенщиной. — Но, если мы в гостях, то кланяемся хозяину, а после еды поднимаемся и благодарим его.

— Мы тоже так поступаем, — сказал Фарамир.

После столь долгого пути, лагерных привалов и дней, проведённых в безлюдной глуши, эта вечерняя трапеза показалась хоббитам настоящим пиром: пить бледно-жёлтое вино, холодное и ароматное, есть хлеб и масло, и солёное мясо, и сухие фрукты, и хороший красный сыр чистыми руками и чистыми ножами с чистых тарелок. Ни Фродо, ни Сэм не отказывались ни от чего предложенного, причём ни во вторую, ни даже в третью раздачу. Вино разлилось по их жилам и утомлённым телам, и на сердце у них стало так легко и радостно, как не было ни разу с тех пор, как они покинули Лориэн.

Когда трапеза кончилась, Фарамир отвёл их в тихий уголок в дальнем конце пещеры, частично скрытый занавесом, куда принесли кресло и два стула. В нише горел маленький глиняный светильник.

— Вероятно, вам скоро захочется спать, — сказал он. — Особенно доброму Сэммиуму, который не сомкнул глаз перед едой, то ли опасаясь притупить превосходный аппетит, то ли из страха передо мной, — я не знаю. Но не годится слишком быстро ложиться после еды, особенно если ей предшествовало долгое воздержание. Давайте побеседуем немного. За время вашего пути от Раздола наверняка случилось много такого, о чём стоило бы рассказать. Да и вам, вероятно, хочется узнать что-нибудь о нас и о землях, в которых вы теперь находитесь. Поведайте мне о моём брате Боромире, и о старом Митрандире, и о прекрасном народе

Лотлориэна.

Фродо больше не хотелось спать, и он охотно начал рассказ. Однако, хотя еда и вино сделали его непринуждённое, он не потерял всей своей осмотрительности. Сэм сиял и бормотал что-то себе под нос, но, пока говорил Фродо, сперва довольствовался ролью слушателя, лишь изредка отваживаясь вставить одобрителное восклицание.

Фродо рассказал о многих событиях, хотя старательно избегал затрагивать вопрос о целях Отряда и Кольце, распространяясь в основном о доблестной роли Боромира, которую тот сыграл во всех их приключениях: с волками в глуши, в снежном буране на Карадрасе и в пещерах Мории, где пал Гэндальф. Фарамира больше всего взволновал рассказ о битве на мосту.

— Должно быть, Боромиру было досадно бежать от орков, — сказал он, — и даже от той ужасной твари, которую ты называл, Балрога, — даже перед ним он отступил бы последним.

— Он был последним, — подтвердил Фродо. — Но Арагорн был вынужден вести нас. Он один знал дорогу после гибели Гэндальфа. Но если бы там не было нас, ничтожного народа, о котором приходилось заботиться, не думаю, что он или Боромир бежали бы.

— Быть может, было бы лучше, если бы Боромир погиб там вместе с Митрандиром, — сказал Фарамир, — и не пошёл бы навстречу судьбе, которая ждала его у водопадов Рэроса.

— Может быть. Но расскажи мне теперь о ваших собственных судьбах, — попросил Фродо, снова уводя разговор в сторону. — Потому что я охотно узнал бы больше о Минас Итиле, и Оспиляте, и Минас Тирите, что сопротивляется так долго. На что надеется ваш город в этой длительной войне?

— На что мы надеемся? — отозвался Фарамир. — Уже давно у нас нет никакой надежды.

Меч Элендила, если он действительно вернётся, может зажечь её вновь, но не думаю, что он сумеет сделать больше, чем просто отсрочить злой день, разве только столь же неожиданно подоспеет помощь от людей или эльфов. Ибо Враг крепнет, а мы слабеем. Мы обречены на гибель, осень без весны.

Люди Нуменора широко расселились по берегам и приморским областям Большой Земли, но по большей части их сгубило зло и безрассудство. Многие подпали под очарование Тьмы и чёрных искусств, другие целиком предались безделью и лени, а третьи сражались между собой до тех пор, пока не были в своей слабости покорены дикарями.

Никто не говорит, что в Гондоре когда-либо занимались чёрными искусствами или что Безымянный был в нём когда-либо в почёте, и древняя мудрость и красота, принесённые с Запада, долго сохранялись в королевстве сыновей Элендила Светлого, и они всё ещё не полностью исчезли здесь. Но даже так, именно Гондор привёл себя к собственному упадку, впад постепенно в старческий маразм и считая, что Враг, который был лишь изгнан, но не уничтожен, спит.

Смерть присутствовала всегда, поскольку нуменорцы всё ещё, как поступали и в своём древнем королевстве, тем самым утратив его, жаждали бесконечной жизни без перемен. Короли воздвигали усыпальницы более роскошные, чем жилища живых, и охотнее перечисляли древние имена в своих родословных, чем имена сыновей. Бездетные лорды сидели в старых залах, раздумывая над геральдикой; в тайных покоях иссохшие люди составляли действенные эликсиры или вопрошали звёзды с высоких башен. И последний король из рода Анариона не имел наследника.

Но правители были мудрее и более удачливы. Мудрее, потому что они усилили наш народ крепкими людьми с морских побережий и выносливыми горцами Эред Нимраса. И они заключили перемирие с гордыми северянами, которые часто нападали на нас, людьми свирепого мужества, но нашими дальними родичами, непохожими на вастаков или жестоких харадримцев.

И случилось так, что в дни Кириона, Двенадцатого Правителя (а мой отец двадцать шестой), они прискакали к нам на помощь и на большом Поле Келебранта уничтожили наших врагов, захвативших наши северные провинции. Это были ристанийцы, как мы называем их, господа лошадей, и мы уступили им степи Каленардона, которые с тех пор называются Роханом, потому что земли эти издревле были мало населены. И они заключили с нами союз и всегда оставались верны нам, помогая в случае нужды и охраняя наши северные границы и Ристанийское ущелье.

Они переняли наши знания и понравившиеся им обычаи, и их лорды при необходимости говорят на нашем языке, однако по большей части они следуют образу жизни своих отцов и хранят собственные предания, и между собой они общаются на собственном северном языке. И мы любим их: высокие мужчины и красивые женщины, одинаково доблестные, золотоволосые, ясноглазые и сильные, — они напоминают нам юность человечества, какими были люди в Древние Дни. Действительно, наши сказители говорят, что они, как и мы, происходят из тех же Трёх Домов Людей, что и нуменорцы в их начале: не от Хадора Золотоволосого, друга эльфов, быть может, но от тех его сыновей и подданных, которые не ушли за Море на Запад, отвергнув зов.

Ибо в наших преданиях мы делим людей так: Высшие, или Люди Запада, которыми были нуменорцы; Средний народ, Люди Сумерек, каковы ристанийцы и их род, что всё ещё живёт далеко на севере; и Дикари, Люди Тьмы.

Однако сейчас, когда ристанийцы стали во многом похожи на нас, овладев дополнительными умениями и смягчившись, мы тоже стали больше похожи на них и едва ли можем долее притязать на титул Высших. Мы стали Средними людьми, Людьми Сумерек, но сохранили память о былом. Ибо, как и ристанийцы, мы теперь любим войну и доблесть саму по себе, как веселье и венец всему; и хотя мы ещё считаем, что воин должен уметь и знать больше, чем просто как убивать и владеть оружием, мы, тем не менее, ставим воинов выше других мастеров. Таково требование наших дней. Таков был даже мой брат, Боромир: удалец, который считался за это лучшим человеком в Гондоре. И он действительно был очень доблестным: ни один наследник Минас Тирита за долгие годы не был столь вынослив в трудах, столь первым в битве и не мог столь громко играть на Большом Роге.

Фарамир вздохнул и на время замолк.

— Вы почти совсем ничего не рассказали об эльфах, сэр, — внезапно набравшись смелости, подал голос Сэм.

Он отметил, что Фарамир, судя по всему, говорит об эльфах с почтением, и это даже больше, чем его вежливость, а также его угощение и вино, завоевало уважение Сэма и успокоило его подозрительность.

— Конечно, нет, мастер Сэммиум, — подтвердил Фарамир, — потому что я не знаю эльфийских преданий. Но здесь ты коснулся ещё одного момента, в котором мы изменились, спустившись от Нуменора к Средиземью. Ибо, как вы можете знать, если Митрандир был вашим спутником и вы беседовали с Элрондом, эдаины, давшие начало нуменорцам, в первых воинах сражались рядом с эльфами, и в награду им было даровано королевство посреди моря, откуда была видна Обитель Эльфов. Но в Средиземье люди и эльфы в Чёрные годы начали отдаляться друг от друга, благодаря коварству Врага и медленным переменам времени, поскольку каждый род продолжал двигаться дальше своими, всё расходившимися дорогами. Ныне люди боятся и не доверяют эльфам, хотя очень мало знают о них. И мы в Гондоре перестали отличаться в этом от прочих людей, подобно людям Рохана, поскольку даже они, враги Чёрного Властелина, остерегаются эльфов и со страхом говорят о Золотом Лесе.

Однако среди нас ещё находятся те, кто общается с эльфами, когда выпадает случай, и время от времени кто-нибудь тайно уходит в Лориэн, редко возвращаясь обратно. Не я. Ибо я считаю, что в наше время опасно для смертных людей намеренно искать встреч с Древним Народом. Тем не менее, я завидую тому, что вы разговаривали с Белой Леди.

— Владычица Лориэна! Галадриэль! — воскликнул Сэм. — Вам следовало бы увидеть её, непременно следовало бы, сэр. Я всего-навсего хоббит, ухаживаю дома за садом, сэр, если вы понимаете меня, и я не силен в поэзии, то есть, не пишу стихов, — ну, может, знаете, немного комических куплетов время от времени, но не настоящие стихи, — так что я не могу сказать вам, что имею в виду. Это нужно воспеть. Вы могли бы обратиться за этим к Бродяжнику, то есть, Арагорну, или к старому мистеру Бильбо. Но как бы я хотел сочинить песню про неё! Она прекрасна, сэр! Восхитительна! Временами подобна большому дереву в цвету, а временами — белой чашечке нарцисса, скромной и тонкой. Тверда, как алмазы, и мягка, как лунный свет. Тепла, как лучи солнца, и холодна, как мороз под звёздами. Горда и далека, как снежные горы, и весела, как любая девчонка с маргаритками в волосах, попавшаяся мне навстречу весенней порой. Только вот всё это сплошная чепуха и даже близко не попадает в то, что я хочу сказать.

— Тогда она должна быть действительно восхитительна, — сказал Фарамир. — Опасно прекрасна.

— Я не знаю, как насчёт опасно, — возразил Сэм. — Мне сдаётся, что народ приносит в Лориэн свою опасность с собой и находит её там, потому что сам принёс её. Но, вероятно, вы можете называть её опасной, потому что она очень сильна внутренне. Ты, ты можешь разбиться об неё на кусочки, как корабль о скалу, или захлебнуться, как хоббит в реке. Но ни скалу, ни реку нельзя обвинять. Вот и Боро...

Он запнулся и покраснел.

— Да? Вот и Боромир, хотел ты сказать? — спросил Фарамир. — Что ты хотел сказать? Что он принёс опасность с собой?

— Да, сэр, прошу вашего прощения, и ваш брат был прекрасным человеком, если мне позволительно так выразиться. Но вы уже давно взяли правильный след. Да, я следил за Боромиром и прислушивался к нему всю дорогу из Раздола, — присматривая за своим хозяином, как вы понимаете, и не имея в виду ничего плохого для Боромира, — и, по-моему, так в Лориэне он впервые ясно понял то, что я отгадал раньше: чего он хочет. С того момента он впервые понял, что ему хочется получить Кольцо Врага!

— Сэм! — воскликнул Фродо в ужасе.

На какое-то время он отключился от происходящего, глубоко погрузившись в собственные мысли, и внезапно пришёл в себя, но слишком поздно.

— Ох, ты ж! — ахнул Сэм, побелев, а затем резко алея. — Ну вот, опять! Стоит тебе разинуть свой большой рот, как тут же и влипнешь, как говаривал мой старик, и совершенно справедливо. Ох, ты! Ох, ты!

Послушайте, сэр! — он повернулся лицом к Фарамиру, глядя на него со всей отвагой, какую только мог собрать. — Не используйте против моего хозяина глупость его слуги. Вы всё время говорили очень порядочно, рассуждали об эльфах и всём прочем, и притупили мою осторожность. Но у нас говорят "порядочен тот, кто поступает порядочно". Вот случай показать, чего вы стоите.

— Кажется, так, — проговорил Фарамир медленно и очень тихо, со странной улыбкой. — Так вот ответ на все загадки! Одно Кольцо, о котором думали, что оно навсегда исчезло из мира. И Боромир пытался отобрать его силой? И вы бежали? И бежали всю дорогу — ко мне! И здесь, в глуши, вы в моей власти: двое невысокликков и отряд людей, ждущих моего приказа, и Кольцо Колец. Подарок судьбы! Случай Фарамиру, капитану Гондора, показать, чего он стоит! Ха!

Он встал, очень высокий и суровый, его серые глаза блестели.

Фродо и Сэм вскочили со своих стульев и прижались бок о бок спинами к стене, нащупывая рукояти мечей. Нависло молчание. Все люди в пещере прекратили разговоры и с удивлением смотрели на них. Но Фарамир опять сел в своё кресло и тихонько рассмеялся, а потом внезапно снова помрачнел.

— Увы, Боромир! Это было слишком тяжёлое испытание! — произнёс он. — Как же вы увеличили мою скорбь, вы, двое странных путников из далёкой страны, несущие опасность для людей! Но вы меньше разбираетесь в людях, чем я в невысоклицах. Мы правдивы, мы, люди Гондора. Мы редко даём хвастливые обещания, а затем выполняем обещанное или умираем, пытаясь выполнить. "Я не возьму его, даже если найду на проезжей дороге", — сказал я., И хотя я не знал точно, о какой вещи я тогда говорил, тем не менее, я рассматриваю эти слова как обет, и сдержал бы его, даже будь я таким человеком, который жаждет получить эту вещь.

Но я не такой человек. Или, я достаточно умён, чтобы понимать, что существуют опасности, от которых человек должен бежать. Успокойтесь! И утешься, Сэммиум. Если тебе кажется, что ты оступился, думай, что так было суждено. Твоё сердце столь же пронизательно, сколь предано, и видит яснее, чем твои глаза. Пусть это выглядит странным, но было совершенно безопасным открыть мне это. Это может даже помочь хозяину, которого ты любишь, и пойти на пользу ему, если это в моей власти. Так что утешься. Но только не называй ещё раз эту вещь вслух. Одного раза достаточно.

Хоббиты вернулись к стульям и очень тихо уселись. Люди снова занялись вином и беседой, решив, что их начальник как-то подшутил над маленькими гостями, и всё.

— Что ж, Фродо, теперь, по крайней мере, мы поняли друг друга, — сказал Фарамир. — Если ты несёшь на себе эту вещь против своей воли, по просьбе других, то ты достоин жалости и уважения. И я поражён тобой: хранить это в тайне и не пользоваться им! Вы новый народ и новый мир для меня. Все ли ваши сородичи похожи на вас? Ваша страна должна быть царством мира и благоденствия, и садовники должны пользоваться там изрядным почётом.

— Не всё там хорошо, — ответил Фродо, — но садовники, действительно, в чести.

— Но народ там должен уставать, даже в своих садах, как и все существа под солнцем этого мира. А вы далеко от дома и утомлены дорогой. На эту ночь довольно. Спите оба — спокойно, если можете. Не бойтесь! Я не хочу видеть это, или касаться этого, или знать об этом больше, чем я знаю (чего вполне достаточно), потому что, быть может, меня подстерегает опасность, и на проверку я окажусь ниже, чем Фродо, сын Дрого. Идите теперь отдыхать, но сначала скажите мне только, если хотите, куда вы намерены идти и что делать. Ибо я должен наблюдать, и ждать, и думать. Время истекает. Утром мы должны будем каждый последовать быстро дорогами, предназначенными нам.

Когда прошёл первый шок или страх, Фродо почувствовал, что он весь дрожит. Теперь на него, подобно облаку, опустилась великая усталость. Он не мог долее скрывать мысли и сопротивляться.

— Я иду искать дорогу в Мордор, — проговорил он слабо. — Я иду в Горгорот. Я должен найти Огненную Гору и бросить эту вещь в Роковую Щель. Так сказал Гэндальф. Не думаю, что я когда-либо доберусь туда.

Фарамир уставился на него, на мгновение окаменев от изумления. Затем он стремительно подхватил Фродо, когда тот покачнулся, и бережно подняв его, отнёс к ложу, положил на него и тепло укрыл. Фродо мгновенно впал в глубокий сон.

Рядом с ним была приготовлена другая постель для его слуги. Сэм мгновение колебался, затем очень низко поклонился.

— Спокойной ночи, милорд капитан, — сказал он. — Вы не упустили случай, сэр.

— В самом деле? — отозвался Фарамир.

— Да, сэр, и показали, чего вы стоите: качество высшей пробы.

Фарамир улыбнулся.

— Мастер Сэммиум — нахальный и дерзкий слуга. Но нет: похвала достойному выше всяких наград. Хотя в данном случае нет ничего, стоящего похвалы. У меня не было соблазна или желания поступить иначе, чем я поступил.

— Ну что ж, сэр, — ответил Сэм. — Вы сказали, что от моего хозяина веет эльфийским духом, и это было здорово и правильно. Но и я могу сказать: в вас тоже есть дух, сэр, который напоминает мне о... о... да, о Гэндальфе, о магах.

— Может быть, — сказал Фарамир. — Быть может, ты различил отдалённый дух Нуменора. Спокойной ночи!

Глава VI

Запретная заводь

Фродо проснулся и увидел Фарамира, склонившегося над ним. На секунду прежние страхи охватили его, и он, сел, отпрянув.

— Бояться нечего, — сказал Фарамир.

— Уже утро? — спросил Фродо, зевнув.

— Ещё нет, но ночь близится к концу и полная луна садится. Не хочешь ли выйти и взглянуть на неё? Есть также один предмет, по поводу которого я охотно получил бы твой совет. Мне жаль нарушать твой сон, но, может быть, ты выйдешь?

— Я выйду, — сказал Фродо, поднявшись и слегка дрожа, когда он оставил тёплое одеяло и шкуры. В неотопливаемой пещере казалось холодно. В тишине громко раздавался шум воды. Он накинул свой плащ и последовал за Фарамиром.

Сэм, внезапно пробуждённый каким-то сторожевым инстинктом, сначала увидел пустую кровать своего хозяина и вскочил на ноги, а затем рассмотрел две тёмные фигуры, Фродо и человека, на фоне входной арки, залитой теперь бледным белым светом. Он заторопился за ними мимо рядов людей, спящих вдоль стены на тюфяках. Проходя мимо устья пещеры, он увидел, что Занавес превратился теперь в ослепительную вуаль из шёлка, расшитого жемчугами и серебром, в тающие сосульки лунного света. Но он не задержался, чтобы полюбоваться им, а свернул и нырнул за своим хозяином в узкую дверь в стене пещеры.

Сначала они шли по чёрному коридору, затем долго поднимались по влажным ступенькам и вышли по ним на небольшую плоскую площадку, высеченную в камне и освещённую бледным небом, которое виднелось высоко вверху через ствол длинной, глубокой шахты. Отсюда отходили два лестничных пролёта: один прямо и вверх, по-видимому, на высокий берег потока, другой сворачивал влево. По нему они и пошли. Лестница поднималась винтом, словно была проложена внутри башни.

Наконец они вышли из каменной тьмы и огляделись. Они стояли на широкой плоской скале без парапета или иного ограждения. Справа от них, с востока, каскадом сбегал стремительный поток, который с плеском разбивался о многочисленные террасы, а затем со всей тёмной силой покрытой пятнами пены воды низвергался крутым водопадом и, наполнив ровно прорубленный канал, бурливо проносился почти у самых их ног и отвесно нырял через край, что зиял пустотой слева от них. Рядом с обрывом молчаливо стоял человек и пристально глядел вниз.

Фродо повернулся к этому обрыву, посмотрел на гладкий гребень водопада, где вода

опрокидывалась и низвергалась, затем поднял глаза и глянул вдаль. Мир был спокоен и холоден, как перед рассветом. Далеко на западе садилась полная луна, круглая и белая. Бледные туманы мерцали в громадной долине внизу: широкий разлив серебристых курящихся паров, под которыми катил свои холодные ночные воды Андуйн. За ними хмурилась тёмная мгла, в которой местами проглядывали холодные, острые, далёкие, белые, как зубы призрака, пики Эред Нимраса, Белых гор королевства Гондор, окованные вечными снегами.

Некоторое время Фродо стоял на высоком утёсе, и трепет пробегал по нему при мысли, что где-то в этих необъятных ночных просторах его старые товарищи идут или спят, или лежат мёртвыми, завернутыми в саван тумана. Зачем его привели сюда, вырвав из дарующего забвение сна?

Сэм тоже стремился получить ответ на этот вопрос и не мог удержаться от бормотания, предназначенного, как он думал, только для ушей его хозяина:

— Прекрасный вид, без сомнения, мистер Фродо, но холодящий душу, не говоря уж о теле! Что происходит?

Фарамир услышал и ответил:

— Закат луны над Гондором. Прекрасен Итил, когда он уходит из Средиземья, скользя над белыми локонами древнего Миндоллуина. За это стоит заплатить несколькими мурашками. Но я привёл вас смотреть не на него, — хотя, что касается тебя, Сэммиум, то тебя не приводили, и ты лишь расплачиваешься за собственную бдительность. Глоток вина всё исправит. А теперь подойдите и взгляните сюда!

Он подошёл к молчаливому часовому рядом с тёмным обрывом, и Фродо последовал за ним. Сэм остался сзади. Он уже и так чувствовал себя весьма неуверенно на этой высокой влажной площадке. Фарамир и Фродо посмотрели вниз. Глубоко под собой они увидели белые воды, стремительно вливающиеся в пенную чашу, а затем бурным водоворотом кружащие по глубокому овалному бассейну в скалах, пока не находили себе выхода сквозь узкий проём и не текли дальше, звонко журча и пенясь, к более спокойным и ровным плёсам. Лунный свет пока ещё бросал косые лучи на подножье водопада и мерцал на водной ряби в бассейне. Вскоре Фродо заметил на ближнем берегу маленькую чёрную фигурку, но в тот момент, когда он увидел её, она нырнула и исчезла у самой границы кипения и бурления водопада, войдя в чёрную воду без всплеска, как стрела или острый камень.

Фарамир обратился к человеку рядом с ним:

— Так что ты теперь про него скажешь, Анборн? Белка или зимородок? Водятся ли чёрные зимородки в ночных омурах Лихолесья?

— Что бы это ни было, это не птица, — ответил Анборн. — У него четыре конечности, и уж больно ловко ныряет, да ещё и как человек. Что он тут делает? Ищет дорогу за Занавесом к нашему убежищу? Кажется, нас наконец обнаружили. Мой лук при мне, и я расставил других лучников, почти таких же метких, как я, на обоих берегах. Мы ждём только твоего приказа стрелять, капитан.

— Нам стрелять? — спросил Фарамир, быстро поворачиваясь к Фродо.

Мгновение Фродо молчал. Затем сказал:

— Нет! Нет, прошу вас, не надо.

Если бы Сэм осмелился, он сказал бы "да" быстрее и громче. Ему не было видно, но он и по описанию уже догадался, кого они там обнаружили.

— Значит, тебе известно, что это за тварь? — сказал Фарамир. — Тогда, как понимаешь, ты должен объяснить мне, почему её надо пощадить. В наших беседах ты ни разу не упомянул о вашем гангренозном спутнике, и я оставил его на время. Это могло подождать, пока его не поймают и не доставят ко мне. Я отправил на его поиски моих искуснейших охотников, но он

ускользнул от них, и никто даже не видел его до сих пор, за исключением стоящего здесь Анборна, который заметил его разок вчера в сумерках. Но теперь он совершил более серьёзное нарушение, чем когда просто шнырял в поисках кроликов по верховьям: он осмелился прийти к Хеннет Анну, и заплатит жизнью за это. Я поражаюсь этой твари: он, такой скрытный и пронырливый, вздумал развлекаться прыжками в заводь прямо под нашим окном. Или он думает, что люди спят всю ночь без охраны? Почему он так поступил?

— Думаю, здесь возможны два ответа, — сказал Фродо. — Во-первых, он мало знает о людях, и, хоть он и пронырлив, ваше убежище настолько потаённое, что, может быть, он не подозревает, что люди укрылись здесь. Во-вторых, я думаю, что он привлечён сюда господствующей страстью, более сильной, чем его осторожность.

— Он привлечён сюда, сказал ты? — молвил Фарамир тихим голосом. — Может ли он, знает ли он тогда о твоём бремени?

— Разумеется. Он сам хранил его много лет.

— Он хранил его? — проговорил Фарамир, задыхаясь от изумления. — Это дело всё время оборачивается новыми загадками. Тогда, он гонится за этим?

— Может быть. Оно прельщает его. Но я говорил не об этом.

— Тогда что же ищет эта тварь?

— Рыбу, — ответил Фродо. — Смотри!

Они уставились вниз на тёмную заводь. Маленькая чёрная голова вынырнула у дальнего края бассейна, как раз за глубокой тенью от скал. Что-то серебристо блеснуло и разошлась лёгкая рябь. Голова поплыла в сторону, и затем с поразительным проворством из воды на берег выбралась похожая на жабу фигура. Она моментально уселась и принялась пережёвывать маленькое серебристое тельце, взблёскивающее, когда фигура шевелилась: последние лучи луны падали теперь из-за скал на край пруда.

Фарамир тихо рассмеялся.

— Рыба! — сказал он. — Всего-навсего не столь опасный голод. А возможно, и нет: рыба из заводи Хеннет Аннуна может стоить ему всего, что он способен отдать.

— Я держу его на прицеле, — вмешался Анборн. — Должен ли я стрелять, капитан? Ибо по нашему закону смерть тому, кто придёт сюда непрошенным.

— Подожди, Анборн, — сказал Фарамир. — Это более трудное дело, чем кажется. Что ты скажешь теперь, Фродо? Почему мы должны пощадить его?

— Это жалкое, голодное создание, — ответил Фродо, — которое не подозревает об опасности. И Гэндальф, по-вашему, Митрандир, просил бы вас не убивать его по этой причине и по другим, как раньше просил эльфов не делать этого. Я не знаю точно почему, а о том, о чём догадываюсь, не могу говорить здесь открыто. Но это создание связано каким-то образом с моим поручением. Пока ты не нашёл нас и не забрал, он был моим проводником.

— Твоим проводником! — воскликнул Фарамир. — Дело становится всё более странным. Я многое сделал бы для тебя, Фродо, но одного не могу допустить: позволить этому пронырливому бродяге свободно уйти отсюда, когда захочет, чтобы позднее присоединиться к тебе, если ему будет угодно, или быть пойманным орками и рассказать всё, что он знает, под угрозой пытки. Он должен быть убит или схвачен. Убит, если не будет схвачен очень быстро. Но как можно поймать эту увёртливую тварь без помощи оперённой стрелы?

— Позволь мне тихонько спуститься к нему, — предложил Фродо. — Вы можете держать луки наготове и пристрелить на худой конец меня, если я потерплю неудачу. Я не убегу.

— Тогда иди и торопись! — сказал Фарамир. — Если он выйдет живым из этой передраги, он должен будет преданно служить тебе до конца своих несчастных дней. Проводи Фродо к

берегу, Анборн, и двигайтесь тихо. У твари есть нос и уши. Дай мне твой лук.

Анборн недовольно фыркнул и пошёл вниз по винтовой лестнице на площадку, а затем вверх по другой лестнице, пока в конце её они не добрались до узкой щели, скрытой плотным кустарником. Молча выбравшись наружу, Фродо обнаружил, что очутился на макушке южного берега заводи. Теперь она была тёмной, а водопад серым и бледным, отражая последние остатки лунного света, медлившие в западной части неба. Горлума видно не было. Фродо прошёл немного вперёд, а Анборн тихо ступал следом за ним.

— Иди дальше! —дохнул он в ухо Фродо. — Держись правее. Если свалишься в пруд, то никто, кроме твоего рыбачащего приятеля не сможет помочь тебе. И не забывай, что рядом лучники, хоть ты их и не видишь.

Фродо пополз вперёд, используя руки на манер Горлума, чтобы нащупать дорогу и для дополнительной опоры. Скалы были большей частью гладкие и плоские, но скользкие. Он остановился, прислушиваясь. Сначала ему не удавалось расслышать ничего, кроме неумолчного гула водопада позади. Затем недалеко впереди он услышал пришепётывающее бормотание.

— Рыбка-с-с, славная рыбка-с-с. Белое Лицо исчезло, моя прелесть, наконец-то, да-с. Теперь мы можем спокойно съесть рыбку. Нет, не спокойно, прелесть. Потому что Прелесть пропала, да, пропала. Грязные хоббиты, мерзкие хоббиты. Ушли и оставили нас, горрлум; и Прелесть ушла. Только бедный Смеагорл всегда один. Нет Прелести. Мерзкие люди, они забрали его, украли мою Прелесть. Воры. Мы ненавидим их. Рыбка-с-с, славная рыбка-с-с. Сделай нас сильными, сделай глаза ясными, пальцы хваткими, да. Задушим их, прелесть. Задушим их всех, да, если представится случай. Славная рыбка-с-с! Славная рыбка-с-с!

Так это и продолжалось, почти столь же непрестанно, как водопад, прерываясь лишь слабыми звуками чавканья и глотания. Фродо содрогнулся, вслушиваясь с жалостью и отвращением. Ему хотелось, чтобы это прекратилось, чтобы ему никогда вновь не пришлось услышать этот голос. Анборн остался позади, рядом. Можно отползти назад и попросить его дать знак охотникам стрелять. Вероятно, они смогут подобраться достаточно близко, пока Горлум обжирается и потерял бдительность. Всего один верный выстрел, и Фродо навсегда будет избавлен от этого жалкого нытья. Но нет, Горлум теперь имеет на него права. Слуга имеет право требовать от хозяина вознаграждения за службу, даже за услуги, оказанные из страха. Если бы не Горлум, они утонули бы в Гиблых Болотах. И, кроме того, Фродо каким-то образом совершенно ясно понимал, что Гэндальф не хотел бы этого.

— Смеагорл! — тихо позвал он.

— Рыбка-с-с, славная рыбка-с-с, — сказал голос.

— Смеагорл! — позвал он немного громче.

Голос замолк.

— Смеагорл, хозяин пришёл, чтобы отыскать тебя. Хозяин здесь. Подойди, Смеагорл!

Ответа не было, только тихий свист, как от резкого вдоха.

— Подойди, Смеагорл! — повторил Фродо. — Мы в опасности. Люди убьют тебя, если найдут тебя здесь. Иди быстро, если хочешь избежать смерти. Иди к хозяину!

— Нет! — сказал голос. — Хозяин не славный. Оставил бедного Смеагорла и ушёл с новыми друзьями. Хозяин может подождать. Смеагорл не кончил.

— Нет времени, — возразил Фродо. — Возьми рыбу с собой. Подойди!

— Нет! Должен прикончить рыбу.

— Смеагорл! — сказал Фродо, отчаявшись. — Прелесть рассердится. Я возьму Прелесть и я скажу: пусть проглотит кость и подавится. Никогда больше не попробует рыбки. Иди, Прелесть ждёт!

Раздался пронзительный шип. Вскоре из темноты появился Горлум, ползущий на

четвереньках, как нашкодившая собака, получившая команду "к ноге". Во рту он держал съеденную наполовину рыбу, а другую — в руке. Он вплотную, почти нос к носу, приблизился к Фродо и обнюхал его. Его бледные глаза светились. Затем он вынул рыбу из рта и встал.

— Славный хозяин! — прошептал он. — Славный хоббит, вернулся к бедному Смеагорлу. Хороший Смеагорл пришёл. Теперь пойдём, пойдём быстро, да. Сквозь деревья, пока Лица темны. Да, сейчас, пойдём!

— Да, мы скоро пойдём, — сказал Фродо. — Но не сразу. Я пойду с тобой, как и обещал. Я обещаю снова. Но не сейчас. Ты сейчас в опасности. Я хочу спасти тебя, но ты должен верить мне.

— Мы должны верить хозяину? — повторил Горлум с сомнением. — Почему? Почему не пойти сразу? Где другой, сердитый, грубый хоббит? Где он?

— Там, наверху, — сказал Фродо, указывая на водопад. — Я не пойду без него. Мы должны вернуться к нему.

Его сердце упало: это было слишком похоже на обман. Он по-настоящему не боялся, что Фарамир допустит, чтобы Горлум был убит, но весьма вероятно, что он сделает его пленником и велит связать, и совершенно точно, то, что сейчас делает Фродо, будет выглядеть предательством в глазах этого жалкого вероломного существа. И, вероятно, будет невозможно когда-либо объяснить ему или доказать, что Фродо спас ему жизнь единственным доступным ему способом. Что ещё он мог сделать, чтобы, насколько это вообще возможно, сохранить верность обеим сторонам?

— Пойдём! — сказал он. — Или Прелесть рассердится. Сейчас мы вернёмся назад, вверх по течению. Идём, идём! Ты пойдёшь впереди!

Горлум некоторое время полз вдоль самого края, подозрительно пригнувшись, но вскоре остановился и поднял голову.

— Там кто-то есть! — сказал он. — Не хоббит.

Внезапно он развернулся. Его выкаченные глаза полыхнули зелёным.

— Х-х-х-хозяин! Х-х-х-хозяин! — прошипел он. — Злой! Обманул! Предал!

Он плюнул и вытянул вперёд свои длинные руки с белыми цепкими пальцами.

В это мгновение позади него возникла большая тёмная фигура Анборна и бросилась на него. Крупная сильная рука схватила Горлума за загривок и прижала. Он молниеносно извернулся, весь мокрый и скользкий, и принялся извиваться, как угорь, кусаться и царапаться, словно кошка. Но из теней выступили ещё двое людей.

— Не двигайся! — велел один. — Или мы утыкаем тебя иголками, как дикобраза. Не двигайся!

Горлум обмяк и принялся рыдать и скулить. Они связали его, не заботясь о деликатности.

— Легче! Легче! — сказал Фродо. — Он не настолько силен, чтобы соперничать с вами. Постарайтесь не делать ему больно. Он будет спокойнее, если вы так поступите. Смеагорл! Они не хотят причинить тебе вреда. Я пойду с тобой, и с тобой ничего не случится. Разве только они убьют и меня тоже. Верь хозяину!

Горлум повернулся и плюнул в него. Люди подняли его, завязали глаза и понесли.

Фродо шёл следом, чувствуя себя очень скверно. Они прошли в отверстие за кустами, спустились по лестницам и вернулись по коридору в пещеру. Были зажжены два или три факела. Люди просыпались. Сэм был в пещере и с подозрением поглядел на мягкий свёрток, который несли люди.

— Схватили его? — спросил он Фродо.

— Да. То есть, нет. Я его не хватал. Боюсь, что он подошёл ко мне, потому что сначала доверял мне. Я не хотел, чтобы его так связали. Надеюсь, что всё будет хорошо, но мне всё это

крайне не нравится.

— Мне тоже, — сказал Сэм. — Да и чего хорошего можно ждать там, где появляется этот кусок несчастья?

Подошёл человек и, поманив хоббитов, провёл их в знакомый уголок в глубине пещеры. Фарамир сидел там в своём кресле, и светильник снова был зажжён в нише над его головой. Он указал хоббитам на стулья рядом с собой.

— Принесите вина гостям, — велел он. — И доставьте мне пленника.

Вино было принесено, затем появился Анборн, нёсший Горлума. Он снял ткань с его головы и поставил на ноги, придерживая сзади. Горлум заморгал и сощурился, пряча злобный взгляд под тяжёлыми бледными веками. Он выглядел очень жалкой тварью, мокрой и скользкой, насквозь провонявшей рыбой (он всё ещё сжимал одну в руке); его жидкие волосы висели редкими прядями над костистым лбом, как сорняки, нос был в соплях.

— Развяжите нас! Развяжите нас! — проскулил он. — Нам больно от верёвок, да, больно, нам больно, а мы ничего не сделали.

— Ничего? — произнёс Фарамир, глядя на жалкое создание пронизательным взором, но без всякого выражения на лице: ни гнева, ни жалости, ни удивления. — Ничего? И ты никогда не делал ничего, стоящего оков или худшего наказания? Однако об этом, к счастью, судить не мне. Но сегодня ночью ты пришёл туда, где за приход — смерть. Рыба из этой заводи очень дорого стоит.

Горлум выронил рыбу из руки.

— Не хотим рыбу, — сказал он.

— Расплата не за рыбу, — сказал Фарамир. — Достаточно прийти сюда и увидеть заводь, чтобы навлечь на себя смертный приговор. До сих пор я щадил тебя лишь по просьбе Фродо, который сказал, что, по крайней мере от него, ты заслужил некоторую благодарность. Но ты должен также убедить и меня. Как твоё имя! Откуда ты пришёл? И куда ты идёшь? Чем занимаешься?

— Мы пропали, пропали, — взвыл Горлум. — Ни имени, ни занятия, ни Прелести, ничего. Только пустота. Только голод; да, мы голодны. Несколько рыбёшек, противных костистых рыбёшек для бедняги, и они говорят — смерть. Они такие мудрые, такие справедливые, очень справедливые.

— Не очень мудрые, — сказал Фарамир, — но справедливые, да. Возможно, настолько справедливые, насколько позволяет наша малая мудрость. Освободи его, Фродо!

Фарамир вынул из-за пояса небольшой нож и протянул его Фродо. Горлум, неверно поняв жест, взвизгнул и упал.

— Нет, Смеагорл, — сказал Фродо. — Ты должен верить мне. Я не брошу тебя. Отвечай правдиво, если можешь. Тебе же будет лучше, и это не принесёт тебе никакого вреда.

Он перерезал верёвки на запястьях и лодыжках Горлума и поставил его на ноги.

— Подойди сюда! — велел Фарамир. — Смотри на меня! Ты знаешь название этого места? Бывал ли ты здесь прежде?

Горлум медленно поднял взгляд и неохотно посмотрел в глаза Фарамиру. Весь свет исчез из его глаз, и несколько мгновений они, чёрные и тусклые, смотрели прямо в ясные неподвижные глаза гондорца. Стояла мёртвая тишина. Затем Горлум уронил голову и начал съёживаться, пока не очутился, трясась, на корточках на полу.

— Мы не знаем и мы не хотим знать, — захныкал он. — Никогда не были здесь, никогда не вернёмся.

— В твоей памяти запёртые двери и захлопнутые окна, и тёмные комнаты за ними, — сказал Фарамир. — Но в данном случае, я решил, что ты говоришь правду. Это хорошо для тебя.

Чем ты поклянёшься никогда не возвращаться сюда и никогда не направлять сюда никакое живое существо словом или жестом?

— Хозяин знает, — сказал Горлум, покосившись на Фродо. — Да, он знает. Мы поклянёмся хозяину, если он спасёт нас. Мы поклянёмся Им, да.

Он подполз к ногам Фродо.

— Спаси нас, славный хозяин! — заскулил он. — Смеагорл обещает Прелести, обещает честно. Никогда не возвращаться, никогда не говорить, нет, никогда! Нет, прелесть, нет!

— Ты доволен? — спросил Фарамир.

— Да, — сказал Фродо. — В конце концов, вам следует либо принять его обещание, либо исполнить ваш закон. Ничего другого вы не добьётесь. Но я обещал, что, если он подойдёт ко мне, ему не причинят вреда. И мне не хотелось бы оказаться вероломным.

Фарамир некоторое мгновение размышлял.

— Очень хорошо, — сказал он наконец. — Я передаю тебя твоему хозяину, Фродо, сыну Дрого. Пусть он объявит, как он хочет поступить с тобой!

— Но, господин Фарамир, — сказал Фродо, кланяясь. — Вы ещё не объявили вашу волю относительно названного Фродо, и до тех пор, пока она неизвестна, он не может строить планы ни для себя, ни для своих спутников. Ваше решение было отложено на утро, но оно теперь уже близко.

— Тогда я объявляю своё решение, — сказал Фарамир. — Что касается тебя, Фродо, то, насколько это зависит от меня, подчинённого высшей власти, я объявляю тебя свободным в пределах королевства Гондор до самой отдалённой из его древних границ, за исключением того только, что ни тебе, и никому из тех, кто идёт с тобой, не дозволяется приближаться к этому месту незванными. Это решение будет иметь силу год и день, а затем действие его прекратится, если в течение этого времени ты не придёшь в Минас Тирит и не представишься Владыке и Правителю Города. Тогда я испрошу его подтверждения всему, сделанному мною, и утверждения этого решения пожизненным. А до того момента, кого бы ты ни взял под своё покровительство, он будет также под моим покровительством и под щитом Гондора. Ты доволен?

Фродо низко поклонился.

— Я доволен, — ответил он. — И я всегда готов служить вам, если мои услуги имеют хоть какую-то цену для того, кто так высок и благороден.

— Они имеют огромную цену, — сказал Фарамир. — А теперь, берёшь ли ты это существо, этого Смеагорла, под своё покровительство?

— Я беру Смеагорла под моё покровительство, — сказал Фродо.

Сэм громко вздохнул, и вовсе не по поводу всех этих церемоний, которые, как каждый хоббит, он глубоко одобрял. Собственно говоря, в Шире подобное дело потребовало бы гораздо больше слов и поклонов.

— Тогда я скажу тебе, — обратился Фарамир к Смеагорлу. — Ты приговорён к смерти, но, пока ты идёшь с Фродо, с нашей стороны тебе ничего не грозит. Однако если хоть один гондорец встретит тебя, шатающегося без него, приговор будет исполнен. И пусть смерть быстро настигнет тебя в пределах Гондора или вне их, если ты не будешь хорошо служить Фродо. Теперь отвечай мне: куда ты собираешься идти? Фродо говорит, что ты был его проводником. Куда ты вёл его?

Горлум промолчал.

— В этом от меня не должно быть тайн, — сказал Фарамир. — Отвечай мне, или я пересмотрю своё решение!

Но Горлум по-прежнему молчал.

— Я отвечу за него, — сказал Фродо. — Он привёл меня, как я просил, к Чёрным Воротам, но они были непроходимы.

— В Безымянную Страну нет открытых ворот, — сказал Фарамир.

— Увидев это, мы свернули и пошли по Южному тракту, — продолжил Фродо, — потому что он сказал, что там есть, или может быть, тропа близ Минас Итила.

— Минас Моргула, — поправил Фарамир.

— Я точно не знаю, — сказал Фродо, — но думаю, что тропа взбирается в горы с северной стороны той долины, где стоит этот древний город. Она ведёт на высокий перевал, а затем вниз — к тому, что по ту сторону.

— Известно ли тебе название этого высокого перевала? — спросил Фарамир.

— Нет, — ответил Фродо.

— Его называют Кирит Ангол.

Горлум громко зашипел и начал бормотать себе под нос.

— Разве не таково его имя? — спросил Фарамир, обращаясь к нему.

— Нет! — сказал Горлум, а затем взвизгнул, словно что-то кольнуло его. — Да, да, мы слышали однажды это имя. Но какое нам дело до названий? Хозяин сказал, что он должен войти. Значит, мы должны испробовать какой-нибудь путь. Нет другого пути для пробы, нет.

— Нет другого пути? — произнёс Фарамир. — Откуда ты знаешь это? И кто изучил все границы этого чёрного царства?

Он долго и задумчиво смотрел на Горлума, затем опять заговорил:

— Убери это существо прочь, Анборн. Обращайся с ним мягко, но стереги его. И не вздумай нырять в водопад, Смеагорл. У скал там такие клыки, которые убьют тебя прежде времени. Покинь нас теперь и возьми свою рыбу!

Анборн удалился, гоня перед собой съевшегося Горлума. Занавес, отгораживающий уголок от остальной пещеры, был задёрнут.

— Фродо, я думаю, что в этом ты поступаешь очень безрассудно, — сказал Фарамир. — Мне кажется, что тебе не следует идти с этой тварью. Он подчинён злу.

— Нет, не до конца, — отозвался Фродо.

— Не полностью, возможно, — сказал Фарамир, — но злоба разъедает его, подобно раку, и зло усиливается. Он не приведёт тебя ни к чему хорошему. Если ты хочешь расстаться с ним, я дам ему охранника и проводника до любого места на границах Гондора, которое он захочет указать.

— Он не принял бы его, — сказал Фродо. — Он последовал бы за мной, как уже давно делает. И я много раз обещал ему взять его под свою защиту и пойти туда, куда он ведёт. Ты ведь не попросишь меня нарушить данное ему обещание?

— Нет, — ответил Фарамир. — Но моё сердце просит. Ибо кажется меньшим злом посоветовать другому нарушить данное слово, чем сделать так самому, особенно если видишь друга, связавшего себя по неведению себе во вред. Но нет — если он хочет идти с тобой, тебе придётся теперь терпеть его. Только я не думаю, что твоё слово обязывает тебя идти в Кирит Ангол, о котором он сказал тебе меньше, чем знает. Это я ясно прочёл в его мыслях. Не ходи к Кирит Анголу!

— Тогда куда же мне идти? — спросил Фродо. — Назад, к Чёрным Воротам, и добровольно сдаться там стражникам? Что плохого знаешь ты об этом месте, что делает его имя таким страшным?

— Ничего определённого, — сказал Фарамир. — Мы, гондорцы, в эти дни ни разу не

бывали восточнее тракта, и никто из нас, молодых, никогда так не делал, и никто из нас ни разу не ступал ногой в Чёрные горы. Мы знаем о них лишь по старым сообщениям, да молве былых дней. Но в коридорах над Минас Моргулом живёт некий ужас. Когда заходит речь о Кирит Анголе, старики и сказители бледнеют и умолкают.

Долина Минас Моргула затемнена уже очень давно, и из неё исходили угроза и страх даже тогда, когда изгнанный Враг жил далеко и Итилия большей частью оставалась ещё под нашей властью. Как тебе известно, этот город был некогда надёжной крепостью, гордой и прекрасной, Минас Итилом, сестрой-близнецом нашего города. Но она была захвачена свирепыми людьми, над которыми Враг во всей полноте своих первых сил господствовал с самого начала, и которые блуждали без дома и без начальника после его падения. Говорят, что их лорды были нуменорцами, которые предалились Мгле; Враг дал им кольца власти, и он поглотил их: живыми призраками стали они, злобными и ужасающими. После его ухода они захватили Минас Итил и поселились там, и они наполнили её и всю долину вокруг тлением; она казалась пустой, но не была таковой, ибо бесформенный страх жил за её разрушенными стенами. Девять Властителей их было, и после возвращения их Хозяина, которому они способствовали и в тайне готовили, они снова усилились. Тогда из ужасных ворот вышли Девять Всадников, и мы не смогли противостоять им. Не приближайся к их цитадели. Тебя увидят издалека. Это место недрёманной злобы, полное несмыкаемых глаз. Не иди этим путём!

— Но куда ты отправишь меня тогда? — спросил Фродо. — Ты говоришь, что не можешь сам провести меня ни к горам, ни через них. Но я должен перейти через горы, ибо торжественно обязался перед Советом найти дорогу или гибель в поиске. И если я поверну назад, отказавшись от своего пути в его горьком конце, то куда мне пойти среди эльфов или людей? Хочешь ли ты, чтобы я пришёл в Гондор с этой вещью, вещью, жажда обладать которой свела с ума твоего брата? Какие чары применит оно в Минас Тирите? Не станут ли здесь два Минас Моргула, ухмыляющиеся друг другу через мёртвые, гниющие земли?

— Мне бы этого не хотелось, — сказал Фарамир.

— Тогда что же ты мне посоветуешь?

— Я не знаю. Только мне не хотелось бы направлять тебя на муки и смерть. И я не думаю, что Митрандир выбрал бы этот путь.

— Но с тех пор, как он погиб, я должен идти той тропой, какую смогу найти. И нет времени для долгих поисков, — сказал Фродо.

— Тяжкая доля и безнадёжное поручение, — молвил Фарамир. — Но, по крайней мере, помни моё предостережение: берегись этого проводника, Смеагорла. Он уже убивал прежде. Я прочёл это по нему.

Фарамир вздохнул.

— Что ж, так мы встретились и расстаёмся, Фродо, сын Дрого. Ты не нуждаешься в словах утешения: я не надеюсь повстречать тебя снова под этим солнцем. Но сейчас ты уйдёшь с моим благословением тебе и всему твоему народу. Отдохни немного, пока для вас приготовят еду.

Я охотно узнал бы, как этот пресмыкающийся Смеагорл завладел вещью, о которой мы говорим, и как он утратил её, но я не хочу тревожить тебя сейчас. Если вопреки всему ты когда-нибудь вернёшься в земли живых и мы предадимся воспоминаниям, сидя у солнечной стены и смеясь над старыми горестями, ты расскажешь мне это. А до тех пор или до каких-нибудь иных времён, что за пределами видимости Смотровых камней Нуменора, прощай!

Он встал, и низко поклонился Фродо, и, отодвинув занавес, вышел в пещеру.

Фродо и Сэм вернулись к своим постелям и молча лежали там, пользуясь коротким отдыхом, пока люди хлопотали и начинались дневные заботы. Немного погодя им принесли воду и затем проводили к столу, накрытому на троих. Фарамир подкрепился вместе с ними. Он не смыкал глаз со вчерашней битвы, однако не выглядел усталым.

Окончив завтрак, они встали.

— Пусть голод не тревожит вас в пути, — сказал Фарамир. — У вас мало провизии, но я распорядился уложить в ваши сумки небольшой запас еды, подходящей для путников. В воде у вас не будет недостатка, пока вы идёте по Итилии, но не пейте ни из одного ручья, что течёт с Имлад Моргула, Долины Живых Мертвецов. И ещё одно я должен вам сообщить. Все мои разведчики и наблюдатели вернулись, даже те, кто пробирались ввиду Мораннона. Все они обнаружили странную вещь: страна пуста. На тракте нет никого, и нигде не слышно ни звука шагов, ни рога, ни пения тетивы. Выжидающее безмолвие нависло над Безымянной Страной. Я не знаю, что это предвещает, но время быстро подходит к какому-то великому перелому. Надвигается буря. Спешите, пока можете! Если вы готовы, идёте. Солнце скоро поднимется над тенью.

Хоббитам принесли их заплечные мешки (немного тяжелее, чем они были) и ещё два прочных посоха из полированного дерева, обитых железом и с резными набалдашниками, через которые были продеты сплетённые из кожи ремни.

— У меня нет подходящих даров, чтобы вручить их вам при расставании, — сказал Фарамир, — но возьмите эти посохи. Они могут пригодиться тем, кто идёт без дороги или карабкается вверх. Ими пользуются люди с Белых гор, хотя эти два я велел обрезать под ваш рост и заново оковать. Они сделаны из прекрасного дерева лебетрона, любимого резчиками Гондора, и им дана сила на обнаружение и возвращение. Да не исчезнет она полностью под Тенью, в которую вы идёте!

Хоббиты низко поклонились.

— Милостивейший хозяин, — сказал Фродо. — Мне было сказано Элрондом Полуэльфом, что в дороге я найду неведомых и неожиданных друзей. И действительно, я не мог предвидеть, что ты окажешься таким другом и что встреча с тобой обратит зло в великое благо.

Теперь они были готовы выступить. Из какого-то угла или тайной пещеры привели Горлума, и он казался более довольным, чем был, но держался поближе к Фродо и избегал взгляда Фарамира.

— Вашему проводнику необходимо завязать глаза, — сказал Фарамир, — но тебя и твоего слугу Сэммиума я освобождаю от этого, если пожелаешь.

Горлум завизжал и принялся корчиться и цепляться за Фродо, когда ему собрались завязать глаза, и Фродо сказал:

— Завяжите глаза всем троим, и мне первому, тогда, может быть, он поймёт, что это ничем не грозит.

Это было сделано, и их вывели из пещеры Хеннет Аннуна. Миновав коридор и лестницы, они почувствовали вокруг себя прохладный утренний воздух, свежий и душистый. Их недолго вели всё ещё с завязанными глазами сначала вверх, а затем под уклон. Наконец голос Фарамира приказал снять повязки.

Они снова стояли под пологом леса. Гула водопада не было слышно, так как между ними и ущельем, в котором бежал поток, лежал теперь длинный южный склон. К западу между деревьями виднелся просвет, словно мир внезапно обрывался там и за краем обрыва не было ничего, кроме неба.

— Здесь наши пути окончательно расходятся, — сказал Фарамир. — Если вы примете мой совет, то не сворачивайте пока к востоку. Идите прямо, потому что так вы будете много миль укрыты лесом. К западу от вас край, где местность опускается в великую долину то круто и резко, то пологими склонами. Держитесь ближе к этой кромке и к окраине леса. Думаю, что в начале пути вы сможете идти при дневном свете. Страна грезит обманчивой тишиной, и на время всё зло отступило. Добрый вам путь, пока это возможно!

Он обнял хоббитов, а затем по обычаю своего народа наклонился, положил им руки на плечи и поцеловал в лоб.

— Идите с добрым напутствием всех добрых людей! — сказал он.

Они поклонились до земли. Фарамир повернулся и, не оглядываясь, направился к двум своим охранникам, которые стояли немного поотдаль. Хоббиты поразились, увидев, насколько быстро двигались теперь эти одетые в зелёное люди, исчезнув почти в мгновение ока. Лес, где стоял Фарамир, казался пустым и унылым, как будто кончился сон.

Фродо вздохнул и повернулся лицом к югу. Словно желая продемонстрировать своё пренебрежение ко всем этим церемониям, Горлум скрёб лапой лесную подстилку у корней дерева. "Опять, что ли, голоден? — подумал Сэм. — Ладно, займёмся снова своим делом!"

— Ушли они наконец? — спросил Горлум. — Мерз-з-ские, злые люди! Шея Смеагорла всё ещё болит, да, болит. Идём!

— Да, идём, — проговорил Фродо. — Но если ты можешь сказать о тех, кто даровал тебе жизнь, только дурное, — храни молчание!

— Славный хозяин! — сказал Горлум. — Смеагорл просто пошутил. Он всегда прощает, да, да, даже небольшую проделку-с-с славного хозяина. О да, славный хозяин, славный Смеагорл!

Фродо и Сэм не ответили. Вскинув на плечи свои мешки и взяв в руки посохи, они пошли по лесам Итили.

За этот день они дважды останавливались и подкреплялись теми припасами, что им дал Фарамир: сухие фрукты и солёное мясо, которых хватит на много дней, и хлеб в достаточном количестве для того, чтобы его хватило, пока он ещё свежий. Горлум не ел ничего.

Солнце поднялось и проплыло невидимкой над головами, и начало опускаться, и свет между деревьями на западе стал золотым, а они всё шли в прохладной зелёной тени, окружённые безмолвием. Казалось, что все птицы улетели прочь или онемели.

В молчаливый лес пришли ранние сумерки, и прежде, чем наступила ночь, они остановились, усталые, так как отошли от Хеннет Аннуна более чем на семь лиг. Фродо лёг и крепко проспал всю ночь в глубоком слое старой листвы под древним деревом. Сэм рядом с ним спал более беспокойно: он часто просыпался, но нигде не было и следа Горлума, который ускользнул сразу же, как остальные расположились на отдых. Спал ли он в какой-нибудь дыре поблизости или шатался где-то всю ночь, он не сказал, но он вернулся с первым проблеском света и поднял своих спутников.

— Должны встать, да, они должны! — сказал он. — Впереди всё ещё длинный путь, на юг и на восток. Хоббиты должны спешить!

Этот день прошёл почти так же, как предыдущий, за исключением того, что безмолвие казалось глубже. Воздух потяжелел, и под деревьями нарастала духота. Было ощущение, что назревает гроза. Горлум часто останавливался, нюхая воздух, и затем начинал бормотать про себя и настаивать, чтобы они шли скорее.

К концу третьего этапа дневного перехода, когда день уже клонился к вечеру, лес расступился, деревья стали крупнее и раскидистее. На широких прогалинах стояли тёмные и

важные ильмы громадных обхватов, местами среди них встречались седые ясени и исполинские дубы, только-только развёртывавшие свои зеленовато-коричневые почки. Вокруг них лежали ковры зелёной травы, пестреющие цикламенами и анемонами, белыми и голубыми, уже свернувшими свои лепестки для сна, и целые поляны лесных гиацинтов: их гладкие стебли уже пробивались сквозь рыхлую лесную подстилку. Не было видно ни одного живого существа — ни зверя, ни птицы; но на этих открытых пространствах Горлум впал в страх, и они теперь двигались осторожно, перебегая от одной длинной тени к другой.

Свет быстро угасал, когда путники достигли края леса. Здесь они сели под старым узловатым дубом, чьи извивающиеся, как змеи, корни тянулись вниз по крутому, крошащемуся склону. Перед ними открывалась глубокая тусклая речная долина. На другой её стороне леса снова густели, синевато-серые в сумеречном свете, и уходили на юг. Справа, далеко на западе, рдели на фоне пылающего в закатных лучах неба горы Гондора. Слева лежала тьма: высокие, неприступные стены Мордора, и из этой тьмы тянулась падающая крутыми уступами продолговатая долина, которая постепенно расширялась к Андуну. По её дну струилась торопливая река — Фродо слышал, как поднимается сквозь тишину её холодный голос, — а рядом с ней по ближней стороне долины вилась бледной лентой дорога, уводившая вниз, в знобкие серые туманы, которых не касался ни один отблеск заката. Фродо показалось, что он различает вдали всплывающие из призрачного моря высокие тусклые вершины и обломанные шпили старых башен, тёмных и заброшенных.

Он повернулся к Горлumu.

— Знаешь ли ты, где мы? — спросил он.

— Да, хозяин. Опасные места. Это дорога из Крепости Луны, хозяин, вниз к разрушенному городу на берегах Реки. Разрушенный город, да, очень мерзкое место, полное врагов. Мы не должны были слушаться совета людей. Хоббитам пришлось сделать большой крюк. Должны теперь идти на восток, туда, вверх. — Он махнул своей исхудалой рукой по направлению к темнеющим в сумерках горам. — И мы не можем воспользоваться этой дорогой. О, нет! Жестокий народ ходит этим путём, спускается из Крепости, да.

Фродо посмотрел вниз на дорогу. Во всяком случае, в данный момент по ней ничего не двигалось. Она выглядела пустынной и заброшенной, сбегая вниз к пустым руинам в тумане. Но в воздухе чувствовалось что-то нехорошее, словно и в самом деле вверх и вниз по этой дороге сновали существа, невидимые глазу. Фродо содрогнулся, еще раз взглянув на далёкие шпили, которые теперь быстро исчезали в ночи, и шум воды казался холодным и жестоким: голос Моргулдуина, осквернённой реки, текущей из Долины Призраков.

— Как поступим? — спросил он. — Мы шли долго и много. Не поискать ли нам укромного местечка в лесу позади, где мы могли бы лечь?

— Плохо прятаться в темноте, — возразил Горлум. — Это днём теперь должны хоббиты прятаться, да, днём.

— Ой, да ладно! — сказал Сэм. — Мы должны немного отдохнуть, даже если опять встанем среди ночи. Тогда впереди ещё будет достаточно часов, чтобы сделать долгий переход в потёмках, если ты знаешь дорогу.

На это Горлум неохотно согласился, и снова свернул под деревья, уведя их вдоль разреженного края леса немного к востоку. Отдыхать на земле так близко от зловещей дороги он не пожелал, и после небольшого спора они все вскарабкались наверх, в крону большого каменного дуба, чьи толстые сучья, пучком разбегавшиеся от ствола, давали довольно удобное пристанище и одновременно хорошее укрытие. Настала ночь, и под пологом леса совсем стемнело. Фродо и Сэм выпили немного воды и поели хлеба и сухих фруктов, но Горлум моментально свернулся клубком и заснул. Хоббиты не сомкнули глаз.

Было, наверное, немного после полуночи, когда Горлум проснулся: они неожиданно заметили, что его бледные горящие глаза открыты и смотрят на них. Он прислушивался и принимался, что, по-видимому, как они уже замечали прежде, служило ему способом определения времени по ночам.

— Мы отдохнули? Мы прекрасно выспались? — сказал он. — Идёмте!

— Мы не сделали ни того, ни другого, — проворчал Сэм. — Но пойдём, если мы должны.

Горлум мгновенно свалился с сучьев дерева на четвереньки, а хоббиты последовали за ним более медленно.

Как только они очутились внизу, они снова двинулись за Горлумом к востоку, вверх по тёмным склонам. Они мало что могли различить, поскольку ночь была теперь так глубока, что они с трудом замечали стволы деревьев, если не налетали на них. Почва стала менее ровной, и идти теперь было труднее, но Горлума, по-видимому, это нисколько не заботило. Он вёл их сквозь заросли и поросшие ежевикой пустоши, то огибая по бровке глубокие расселины или тёмные ямы, то ныряя в чёрные, поросшие кустами впадины и выбираясь из них обратно; но каждый раз, когда они немного спускались, противоположный склон был длиннее и круче. Они постоянно карабкались наверх. Остановившись первый раз, хоббиты оглянулись назад и смогли смутно разглядеть оставшуюся позади крышу леса, похожую на бескрайнюю плотную тень, чернеющую, словно ещё одна ночь под тёмным, пустым небом. И казалось, что с востока медленно встаёт другая громадная чернота, пожирая по пути бледные, расплывчатые звёзды. Чуть позже закатывающаяся луна вырвалась из преследующей её тучи, но она была окружена болезненным жёлтым кольцом.

Наконец Горлум повернулся к хоббитам.

— Скоро день, — сказал он. — Хоббиты должны спешить. Небезопасно стоять открыто в этих местах. Торопитесь!

Он двинулся быстрее, и они устало пошли за ним. Вскоре они начали подниматься на крутую, как спина дикого кабана, гряду. Она была почти сплошь покрыта густыми зарослями дрока и барбариса и низкими подушками колючих кустарников, хотя то там, то здесь открывались прогалины: шрамы недавних пожаров. Когда они приблизились к гребню, дрока стало больше; здесь он был очень стар и высок, внизу голый и редкий, вверху густой и уже покрытый жёлтыми цветами, которые слабо угадывались во мраке и издавали нежный медовый аромат. Колкие заросли были так высоки, что хоббиты могли идти под ними не сгибаясь: они пробирались по длинным сухим нефам, устланным мощным слоем колючего опада.

Достигнув противоположного края вершины этой широкой гряды, они закончили свой ночной переход и заползли в поисках укрытия под сплетение колючих ветвей кустарника. Его густые сучья опустились до самой земли под весом спутанного клубка побегов старой плетистой розы. Глубоко внутри этих зарослей был пустой зал, устланный мёртвыми сучками и ежевикой и укрытый молодыми побегами и первой весенней листвой. Здесь они некоторое время лежали, слишком уставшие, чтобы есть, и наблюдали через отверстия в пологе за медленным наступлением дня.

Но день не пришёл: только мёртвенный буровато-серый сумрак. На востоке под опускающейся тучей было тусклое красноватое свечение, не похожее на зарю рассвета. На горизонте, за неровными предгорьями хмурились горы Эфель Дуат: внизу, где лежала густая, не собиравшаяся уходить ночь, чёрные и бесформенные, вверху с зазубренными пиками и хребтами, которые чётко и зловеще вырисовывались на фоне красного свечения. Справа от них выдвигалось к западу большое горное плечо, чернеющее среди теней.

— Куда мы пойдём дальше? — спросил Фродо. — Это и есть вход в... в долину Моргула,

там, за той чёрной массой?

— А стоит ли думать об этом сейчас? — подал голос Сэм. — Мы ведь наверняка не собираемся идти дальше сегодня днём? Если только это можно назвать днём.

— Возможно, нет, возможно, нет, — сказал Горлум. — Но мы должны пойти скоро, пойти к Перепутью, да, к Перепутью. Это дорога там, наверху, да, хозяин.

Красное свечение над Мордором умерло. Стало ещё темнее, когда на востоке поднялись густые пары и поползи по направлению к ним. Фродо и Сэм немного поели и улеглись, но Горлум никак не мог уговориться. Он не захотел съесть ничего из их пищи, но выпил немного воды и принялся ползать под кустами, пригнувшись и бормоча. Затем неожиданно скрылся.

— На охоту, я полагаю, — сказал Сэм и зевнул.

Была его очередь лечь первым, и вскоре он крепко заснул. Ему снилось, что он ищет что-то в саду Торбы, но на спине у него тяжёлый мешок, заставляющий сгибаться. Всё выглядело запущенным и одичавшим, и колючие кусты и папоротники вторглись на грядки рядом с нижней изгородью.

— Вижу, что делов тут куча, но я так устал, — всё повторял он, а потом вдруг вспомнил, что именно он ищет. — Моя трубка! — воскликнул он, и тут же проснулся.

— Дурак! — сказал он сам себе, открыв глаза и удивившись, чего ради он лежит под живой изгородью. — Она же всё время была у тебя в мешке!

Затем до него дошло, что, во-первых, трубка-то, может, у него и в мешке, да нет табака, а во-вторых, что он за сотни миль от Торбы. Он сел. Было почти совсем темно. Как это хозяин разрешил ему спать без просыпа прямо до самого вечера?

— Вы совсем не спали, мистер Фродо? — спросил он. — Сколько времени? Кажется, что уже очень поздно!

— Нет, — ответил Фродо. — Но день становится всё темнее, вместо того чтобы светлеть: темнее и темнее. Сколько могу судить, сейчас нет ещё и полудня, а ты спал всего около трёх часов.

— Интересно, что это находит? — сказал Сэм. — Надвигается буря? Если так, то хуже её, пожалуй, ещё и не бывало. Нам бы забиться в нору поглубже, а не торчать под этими кустами. — Он прислушался. — Что это? Гром, барабанный бой или что-то ещё?

— Я не знаю, — ответил Фродо. — Это продолжается уже довольно долго. Временами кажется, что дрожит земля, а временами — что тяжёлый воздух бьётся в ушах.

Сэм огляделся.

— Где Горлум? — спросил он. — Он, что, до сих пор не вернулся?

— Нет, — ответил Фродо. — Его не видно и не слышно.

— Ну, не выношу я его, — сказал Сэм. — Вот уж точно никогда не брал с собой в путешествие ничего такого, что было бы менее жалко потерять по дороге. Но это было бы как раз в его стиле: после всех этих миль взять и потеряться как раз тогда, когда он больше всего нам нужен, — то есть, если, конечно, он вообще собирался нам помогать, в чём я лично сомневаюсь.

— Ты забыл про Болота, — возразил Фродо. — Я надеюсь, что с ним ничего не случилось.

— А я надеюсь, что он ничего не подстроил. И, во всяком случае, я надеюсь, что он не попал, так сказать, в чужие руки. Потому что если попал, то у нас очень скоро будут неприятности.

В этот момент снова раскатисто гроыхнуло, на этот раз глубже и громче. Казалось, сама земля затрепетала у них под ногами.

— Думаю, нам в любом случае предстоят неприятности, — сказал Фродо. — Боюсь, что

наше путешествие приближается к концу.

— Может быть, — сказал Сэм. — Но, "пока живешь, надеешься", как говаривал мой старик, "и жуешь", как он обычно добавлял. Вы перекусите пока, мистер Фродо, а потом сосните.

Вторая половина дня, как, по предположению Сэма, её следовало называть, подходила к концу. Выглядывая из укрытия, Сэм мог видеть только серовато-коричневый мир без теней, медленно исчезающий в невыразительном, бесцветном мраке. Было душно, но не тепло. Фродо спал беспокойно, ворочался, метался, временами бормотал. Дважды Сэму почудилось, что он слышит произносимое хозяином имя Гэндальфа. Время, казалось, тянулось бесконечно. Внезапно Сэм услышал шипение у себя за спиной, и там оказался Горлум, на четвереньках, уставившийся на хоббитов горящими глазами.

— Просыпайтесь! Проснитесь! Проснитесь, сони! — прошептал он. — Проснитесь! Не теряйте времени. Мы должны идти, да, мы должны идти немедленно. Не теряйте времени!

Сэм подозрительно воззрился на него: Горлум казался испуганным или возбуждённым.

— Идти сейчас? Ты что, шутишь? Ещё не время. Сейчас ещё даже не время пить чай, по крайней мере, в тех порядочных местах, где принято пить чай.

— Дурак! — прошипел Горлум. — Мы не в порядочном месте. Время истекает, да, убегает быстро. Не теряйте времени. Мы должны идти. Проснись, хозяин, проснись!

Он цапнул лапой Фродо, и тот, внезапно вырванный из сна, резко сел и схватил его за локоть. Горлум вырвался и попятился.

— Они не должны вести себя глупо, — прошипел он. — Мы должны идти. Не теряйте времени.

И ничего больше они не смогли от него добиться. Где он был и что, по его мнению, надвигается, что заставляет его так спешить, он не сказал. Сэм был исполнен глубоких подозрений и не скрывал этого, но Фродо и знаком не дал понять, что творится в его мыслях. Он вздохнул, вскинул свой заплечный мешок и приготовился идти во всё сгущавшуюся мглу.

Горлум как можно более скрытно повёл их вниз по склону, держась под прикрытием везде, где это было возможно, и перебегая, склонившись почти до земли, открытые участки, но свет был теперь такой тусклый, что даже остроглазые дикие звери вряд ли могли бы увидеть хоббитов в их капюшонах и серых плащах или услышать их,двигающихся так осторожно, как умеют невысоклики. Не хрустнув ни веточкой и не зашелестев ни листочком, они прошли и исчезли.

Примерно час они шли молча, гуськом, подавленные мраком и абсолютной тишиной, которая время от времени нарушалась лишь слабыми раскатами, похожими на отдалённый гром или рокот барабанов в каких-то пещерах в холмах. Покинув своё укрытие, они спустились к подножью хребта, повернули на юг и двинулись в этом направлении настолько прямо, насколько Горлumu удавалось отыскать путь среди длинных изрезанных склонов, неуклонно карабкавшихся к горам. Вскоре на не слишком большом расстоянии впереди перед ними замаячил, как чёрная стена, пояс деревьев. Подойдя ближе, они поняли, что деревья эти были огромны: они выглядели очень древними и по-прежнему вздымались высоко, хотя их вершины были засохшими и обломанными, словно над ними пронеслась буря, поразившая их молниями, которой, однако, не удалось убить их или поколебать их неизмеримо глубокие корни.

— Перепутье, да, — прошептал Горлум: первые слова, которые были сказаны с тех пор, как они устали своё укрытие. — Мы должны идти этой дорогой.

Теперь он свернул на восток и повёл их вверх по склону, а потом перед ними внезапно открылся Южный тракт, выющийся вдоль внешнего края гор, а затем ныряющий в большой круг

деревьев.

— Это единственный путь, — прошептал Горлум. — Нет троп вне тракта. Нет троп. Мы должны идти Перепутьем. Но торопитесь! И молчите!

Скрытно, как разведчики в пределах расположения врага, они прокрались вниз к тракту и заскользили вдоль его западного края под прикрытием каменной ограды, серые, как сами камни, и ступающие мягко, как охотящиеся кошки. Наконец они добрались до деревьев и обнаружили, что очутились внутри гигантского кольца без кровли, открывавшегося прямо в угрюмое небо, а промежутки между громадными стволами походили на огромные тёмные арки какого-то разрушенного зала. В самом центре сходились четыре пути. Сзади них лежала дорога на Мораннон, перед ними она снова убегала в свой долгий путь к югу; справа от них поднимался тракт от древнего Осгилиата, пересекался с остальными и уходил на восток, во тьму: четвертая дорога, путь, которым им предстояло идти.

Задержавшись здесь на мгновение, испуганный Фродо вдруг увидел свет: он пылал на лице Сэма сбоку от него. Повернувшись к свету, он увидел за аркой из сучьев дорогу к Осгилиату, которая прямо, как натянутая лента, бежала вниз, вниз, на запад. Там, вдали, за печальным Гондором, уже залитым тенью, садилось солнце, достигшее, наконец, каймы гигантского покрова медленно катящейся тучи и падавшее в зловещем огне в пока ещё незамутнённое Море. Короткая вспышка высветила громадную сидящую фигуру, неподвижную и торжественную, как гигантские каменные короли Аргоната. Годы источили и жестокие руки изувечили её. Голова исчезла, а на её место был водружён в насмешку круглый, грубо обтёсанный камень, на котором варварская рука намалевала подобие ослабленного лица с большим красным глазом посреди лба. Колени, массивный трон и пьедестал были сплошь иссечены и исписаны грязными символами, которые в ходу у плодящегося, наподобие личинок, населения Мордора.

Внезапно Фродо увидел выхваченную лучом света голову древнего короля: она лежала, скатившись к обочине тракта.

— Смотри, Сэм! — воскликнул он, не в силах сдержаться. — Смотри! Король снова получил корону!

Глаза были выковыряны, и резная борода скелета, но высокий суровый лоб увенчан серебром и золотом. Вьющееся растение с цветами, похожими на маленькие белые звездочки, обвилося вокруг бровей, как бы воздавая почёт павшему королю, и в кудрях его каменных волос блестели жёлтые камнеломки.

— Они не могут победить навечно! — сказал Фродо.

А затем короткая вспышка внезапно погасла. Солнце коснулось воды и исчезло, словно погасили лампу. Упала чёрная ночь.

Глава VIII

Лестницы Кирит Ангола

Горлум тянул Фродо за плащ и шипел со страхом и нетерпением.

— Мы должны идти, — говорил он. — Мы не должны стоять здесь. Торопитесь!

Фродо неохотно повернулся спиной к западу и пошёл вслед за своим проводником в тьму на востоке. Они покинули кольцо деревьев и принялись красться вдоль тракта, ведущего в горы. Эта дорога тоже некоторое время бежала прямо, но вскоре начала отклоняться к югу, пока не привела к самому подножью того большого скалистого отрога, который они видели издалека. Чёрный и угрожающий, он нависал над ними, темнея на фоне почти столь же тёмного неба. Дорога проползала под его тенью и, обогнув, снова устремлялась к востоку, начав круто подниматься.

Фродо и Сэм брели по ней с тяжёлым сердцем, уже не имея сил заботиться о грозящей им опасности. Голова Фродо была опущена; его бремя снова пригибало его к земле. Сразу же, как они миновали большое Перепутье, вес Кольца, почти забытый в Итили, опять стал увеличиваться. Теперь, чувствуя, что дорога под его ногами делается круче, Фродо устало поднял глаза и увидел, именно так, как обещал ему Горлум, его: город призраков Кольца. Он скорчился у каменного парапета.

Длинная, наклонно поднимающаяся долина, глубокий залив теней, уводящий в сердце гор. На той его стороне, чуть отступя от обеих бортов, на высоком скалистом фундаменте, покоящемся на чёрных коленях Эфель Дуата, стояли стены и башня Минас Моргула. Всё вокруг них было во мгле, земля и небо, но они были освещены. Однако не тем пленённым светом луны, который в древности лился сквозь мраморные стены Минас Итила, Лунной Крепости, прекрасной и лучезарной в кольце холмов. Теперь этот свет был даже тусклее, чем от больной, поблекшей от затмения луны; он дрожал и распространялся, подобно тлетворному духу гниения, — трупное свечение, свет, который не освещал ничего. В стенах и башне виднелись окна, похожие на бессчётные чёрные дыры, ведущие внутрь, в пустоту; но самая верхняя площадка башни медленно поворачивалась, сначала в одну сторону, затем в другую: огромная призрачная голова, злобно скалящаяся в ночь. С минуту трое путников стояли здесь, сжавшись, уставившись на неё против своей воли, и не в силах опустить глаза. Горлум опомнился первым. Он снова настойчиво потянул их за плащи, но не произнёс ни слова. Он почти поволок хоббитов вперёд. Каждый шаг давался с трудом, и время, казалось, почти остановилось, так что между тем, как поднять и опустить ногу, проходили ненавистные минуты.

Так они медленно приблизились к белому мосту. Здесь тракт, слабо светясь, проходил над рекой, текущей по центру долины, и, змеясь, подбирался окольным путём к воротам крепости: чёрной пасти, развёрстой во внешнем круге северных стен. По берегам реки раскинулись широкие плоские равнины: тёмные луга, покрытые бледными белыми цветами. Они тоже светились — красивые, и в то же время ужасающей формы, подобные сумасшедшим образам кошмарного сна; и они издавали слабый, тошнотворный запах склепа: в воздухе стоял запах гнили. Арка моста перекидывалась с луга на луг. У входа на неё стояли скульптуры, искусно высеченные в виде людей и животных, но изъеденные и внушающие отвращение. Под мостом беззвучно текла вода, от которой поднимался пар, но эти испарения, клубящиеся и извивающиеся вокруг моста, были мёртвенно холодны. Фродо почувствовал, как всё завертелось перед его глазами, и мысли смешались. Затем внезапно, словно увлекаемый помимо собственной воли некой силой, он, шатаясь, рванулся вперёд, шаря перед собой вскинутыми руками, словно нащупывая дорогу, и роняя голову то на одну, то на другую сторону. Сэм и Горлум побежали за ним. Сэм подхватил хозяина на руки, когда тот споткнулся и чуть не упал прямо у входа на мост.

— Не этой дорогой! Нет, не этой дорогой! — прошептал Горлум, но выдыхаемые сквозь зубы слова, казалось, вспороли тяжёлое безмолвие, подобно свисту, и он в ужасе скорчился на земле.

— Остановитесь, мистер Фродо! — пробормотал Сэм Фродо на ухо. — Вернитесь! Не этой дорогой. Горлум говорит — нет, и на этот раз я с ним согласен.

Фродо провёл рукой по лбу и оторвал глаза от города на холме. Светящаяся башня гипнотизировала его, и он боролся с овладевшим им желанием бежать по испускающему тусклый свет тракту прямо в ворота. Наконец, собрав все силы, он отвернулся, и сразу же почувствовал, как Кольцо сопротивляется ему, тянет за цепочку на шее, и глаза его тоже, стоило ему отвести их, словно на мгновение ослепли. Темнота перед ним была непроницаема.

Гордум, ползущий по земле, как перепуганный зверёк, уже почти исчез во мраке. Сэм, ведя

и поддерживая своего спотыкающегося хозяина, последовал за ним так быстро, как только мог. Неподальёку от ближнего берега реки в каменной стенке, огораживающей тракт, была брешь. Через неё они и прошли, и Сэм увидел, что они очутились на узкой тропе, которая в начале тоже слабо светилась, как и основной тракт, а потом, поднявшись над лугами цветущих предсмертников, меркла и уже тёмной петляла своим окольным путём по северным склонам долины.

Хоббиты побрели по этой тропе бок о бок, не способные разглядеть перед собой Горлума, кроме тех моментов, когда он оборачивался и кивком манил их за собой. Его глаза светились бледно-зелёным светом, не то отражая трупное свечение Моргула, не то зажжённые каким-то вызванным им душевным откликом. Это мёртвенное свечение и чёрные глазницы окон Фродо и Сэм чувствовали постоянно: и когда в ужасе оглядывались на крепость через плечи, и когда с трудом отрывали от неё свои глаза, чтобы отыскать становившуюся всё темнее тропу. Медленно, с огромным трудом, они продвигались вперёд. Когда хоббиты поднялись над тлетворными испарениями заражённой реки, дыхание их стало легче, а в голове прояснилось, но теперь их тела сковала смертельная усталость, словно они ночь напролёт брели под тяжёлой ношей или долго плыли против сильного течения. Наконец они уже больше не могли идти дальше без остановки.

Фродо остановился и опустил на камень. К этому моменту они выбрались на покатый лоб голой скалы. Впереди борт долины рассекало ущелье, и тропа, продолжая подниматься, огибала его верхний конец по уступу размером всего лишь с широкий карниз с пропастью справа и отвесной южной стеной горы слева, пока не терялась в черноте где-то наверху.

— Я должен отдохнуть немного, Сэм, — прошептал Фродо. — Оно такое тяжёлое, Сэм, паренёк, очень тяжёлое. Интересно, далеко ли я смогу унести его? Как бы то ни было, я должен отдохнуть, прежде чем мы рискнём вот на это. — Он указал на узкую тропу впереди.

— Ш-ш-ш! Ш-ш-ш! — прошипел Горлум, спеша назад к ним. — Ш-ш-ш!

Его пальцы были прижаты к губам, и он яростно тряс головой. Потянув Фродо за рукав, он указал на тропу, но Фродо не двинулся.

— Не сейчас, — сказал он. — Не сейчас.

Усталость и нечто большее, чем усталость, сковывали его; словно тяжёлые чары были наложены на его душу и тело.

— Я должен отдохнуть, — пробормотал он.

Тут страх и смятение Горлума усилились до такой степени, что он снова заговорил, точнее, зашипел, прикрываясь рукой, словно пытался скрыть звук от невидимых существ, подслушивающих в воздухе.

— Не здесь, нет. Не отдыхать здесь. Дураки! Глаза могут увидеть нас. Когда они поднимутся на мост, они увидят нас. Уходим! Вверх, вверх! Идём!

— Идёмте, мистер Фродо, — сказал Сэм. — Он опять прав. Мы не можем здесь оставаться.

— Хорошо, — отозвался Фродо глухо, словно в полусне. — Я попробую.

Он устало поднялся на ноги.

Но было слишком поздно. В этот момент скала под ними задрожала и затряслась. Громкий рокот, сильнее, чем когда-либо прежде, прокатился по земле и гулким эхом отдался в горах. Затем их глаза внезапно обожгла мощная багровая вспышка. Сполох прыгнул в небо далеко за восточными горами и плеснул в низкие тучи, окрасив их кровью. В этой долине теней и холодного мёртвенного света он показался невыносимо резким и огненным. Каменные пики и хребты, подобные зазубренным кинжалам, прорисовались на мгновение, пронзительно-чёрные на фоне взметнувшегося из Горгорота пламени. Раздался мощный раскат грома.

И Минас Моргул ответил. Заполыхали яростные синеватые молнии: раздвоенное голубое пламя ударило вверх с башни и с окружающих холмов прямо в угрюмые тучи. Земля застонала, и из города донёлся крик. Смешанный с хриплыми высокими голосами, похожими на крики стервятников, и с пронзительным ржанием лошадей, беснующихся от ярости и страха, оттуда донёлся раздирающий, переливчатый вопль, быстро поднявшийся до режущей уши высоты уже за пределами слышимости. Хоббиты круто обернулись навстречу ему и бросились на землю, зажав уши руками.

Когда ужасный крик стих, завершившись долгим, тошнотворным воем, Фродо медленно поднял голову. С той стороны узкой долины, теперь почти на уровне его глаз, стояли стены злого города, и его напоминающие пещеру ворота, выполненные в форме разинутой пасти с белеющими зубами, были широко распахнуты. И из ворот выходила армия.

Всё войско было одето в чёрное, тёмное, как ночь. Фродо мог различить их на фоне бледных стен и фосфоресцирующих плит тракта: маленькие чёрные фигурки, ряд за рядом, быстро и безмолвно марширующие всё вперёд и вперёд, бесконечным потоком. Перед ними ехала большая кавалькада всадников, движущаяся подобно упорядоченной тени, и во главе их был один, выше, чем все прочие: Всадник, весь чёрный, за исключением шлема на его голове покрытой капюшоном, который был похож на корону и мерцал тревожным, грозным светом. Он уже приближался к оставшемуся внизу мосту, и широко распахнутые глаза Фродо следили за ним, не способные ни сморгнуть, ни отвернуться. Был ли это Предводитель Девяти Всадников, вернувшийся на землю, чтобы вести своё жуткое войско в битву? Да, несомненно, это был он, бледный король, чья холодная рука поразила хранителя Кольца смертоносным кинжалом. В старой ране запульсировала боль, и цепенящий холод устремился к сердцу Фродо.

В тот момент, когда эти мысли пронзили его ужасом и оковали, как чарами, Всадник внезапно остановился прямо перед входом на мост, и за ним замерло всё войско. Возникла пауза, мгновение мёртвой тишины. Может быть, Кольцо воззвало к Призрачному Повелителю, и он встревожился, ощутив в своей долине присутствие некой другой силы. Чёрная голова в страшной короне-шлеме, поворачивалась то в одну сторону, то в другую, озирая тени невидимыми глазами. Фродо застыл в ожидании, как птица перед змеей, не в силах пошевелиться. И тут он почувствовал более настоящий, чем когда-либо прежде, приказ надеть Кольцо. Но, хотя давление было велико, он не ощущал ни малейшего желания подчиниться ему. Он знал, что Кольцо только выдаст его, и что у него, даже если он наденет его, нет силы, чтобы смотреть в лицо короля Моргула — пока ещё нет. В его собственной воле больше не находилось отклика на этот приказ, несмотря на то что он был парализован ужасом, и он ощущал лишь могучие биение внешней силы. Вот эта сила овладела его рукой, и Фродо оставалось лишь следить со стороны, без всякого желания, но с напряжением, как будто он наблюдал издалека за старой, хорошо известной историей, как рука эта дюйм за дюймом ползёт к цепочке на его шее. Затем его собственная воля шевельнулась: медленно он принудил руку вернуться и отправиться на поиски другой вещи, скрытой на его груди. Твёрдой и холодной показалась она, когда его рука сжала её — фиал Галадриэли, так долго хранимый и до этого часа почти забытый. При прикосновении к нему все мысли о Кольце на время исчезли. Он вздохнул и опустил голову.

В то же мгновение Призрачный король отвернулся и прищипорил своего коня и поскакал через мост, и всё его тёмное воинство последовало за ним. Может быть, его невидимые глаза были обмануты эльфийскими капюшонами, и мысль его маленького врага, будучи усилена, перебила ход его мыслей. Но он спешил. Час уже пробил, и по воле его великого Хозяина, он должен был идти с войной на Запад.

Вскоре он проехал мимо, как тень во мраке, спустившись по петляющему тракту, а чёрные

ряды за ним всё тянулись молча через мост. Никогда столь великая армия не выходила из этой долины со времён могущества Исилдура, и никогда столь ужасное и столь хорошо вооружённое воинство не атаковало переправы Андуйна, и, тем не менее, это было лишь одно и не самое крупное из войск, которые Мордор сейчас слал вперёд.

Фродо шевельнулся. И внезапно сердце его обратилось к Фарамиру. "Буря, наконец, разразилась, — подумал он. — Эта громада копий и мечей движется к Осгилиату. Успеет ли Фарамир пройти наперерез? Он отгадал это, но знал ли он час? И кому теперь под силу удержать переправу, если идёт сам Король Девяти Всадников? И придут другие армии. Я опоздал. Всё пропало. Я слишком замешкался в пути. Всё пропало. Даже если моё поручение будет выполнено, об этом никто не узнает. Не останется никого, кому бы я мог рассказать. Это будет напрасным". Сломленный усталостью, он заплакал. А войско Моргула всё ещё переходило через мост.

Затем, из дальнего далека, словно из воспоминаний о Хоббитании, как ранним солнечным утром, когда начинаются дневные дела и открываются двери, он услышал голос Сэма, который говорил: "Проснитесь, мистер Фродо! Проснитесь!" Если бы голос добавил: "Ваш завтрак готов", — он вряд ли бы удивился. Сэм, конечно, не отвяжется.

— Проснитесь, мистер Фродо! Они ушли, — сказал он.

Раздался глухой лязг. Ворота Минас Моргула закрылись. Последний ряд копий исчез, спустившись по тракту. Крепость всё ещё скалилась с той стороны долины, но её свечение померкло. Весь город вновь погрузился во мглу и безмолвие, но он по-прежнему был исполнен бдительной настороженности.

— Проснитесь, мистер Фродо! Они ушли, и нам бы лучше тоже идти. Там всё ещё есть что-то живое в том месте, что-то с глазами, или с видящей мыслью, если вы меня понимаете. И чем дольше мы будем стоять на одном месте, тем скорее оно нас найдёт. Идёмте, мистер Фродо!

Фродо поднял голову, а затем встал. Отчаяние не оставило его, но слабость прошла. Он даже мрачно улыбнулся, чувствуя теперь так же ясно, как за минуту до этого он чувствовал прямо противоположное, что он должен сделать то, что должен, если это удастся; а узнает ли когда-нибудь Фарамир, или Арагорн, или Элронд, или Галадриэль, или ещё кто-нибудь про это — к делу не относится. Он взял посох в одну руку, а фиал в другую. Увидев, что чистый свет уже струится сквозь его пальцы, он сунул его поглубже за пазуху и прижал к сердцу. Затем, отвернувшись от Моргула, который теперь выглядел лишь тусклым серым пятном на той стороне тёмного ущелья, он приготовился идти вверх.

Горлум, который, по-видимому, когда ворота Минас Моргула открылись, уполз по узкому уступу в темноту, бросив хоббитов там, где они лежали, опасливо вернулся, стуча зубами и треща пальцами.

— Глупцы! Дураки! — шипел он. — Спешите! Они не должны думать, что опасность миновала. Она не миновала. Спешите!

Они не ответили, но пошли за ним вверх по уступу. Обоим хоббитам, даже после того, как они столкнулись с другими многочисленными опасностями, это совсем не нравилось, но карниз не был длинным. Вскоре тропа сделала последнюю петлю вокруг очередного бока горы и неожиданно нырнула в узкую щель в скале. Они добрались до первой лестницы, о которой говорил Горлум. Тьма была почти полной, и хоббиты еле различали хоть что-нибудь даже на расстоянии вытянутой руки, но глаза Горлума, когда он обернулся к ним, мерцали бледным светом с высоты нескольких футов.

— Осторожно! — шепнул он. — Ступеньки. Много ступенек. Нужно быть осторожными!

Осторожность была действительно необходима. Фродо и Сэм сначала почувствовали себя легче, потому что стены теперь поднялись с обеих сторон, но лестница оказалась крутой, как приставная, и пока они карабкались вверх и вверх, всё чётче становилось ощущение остающейся за спиной глубокой чёрной пропасти. И ступеньки были узкие, неравной высоты и часто предательские — истёртые, со скользкими краями, некоторые вовсе осыпавшиеся, другие же трещали под ногой. Хоббиты карабкались вверх, цепляясь потерявшими чувствительность пальцами за очередную ступеньку вверху и заставляя свои ноющие колени сгибаться и выпрямляться; и по мере того, как лестница всё глубже врезалась в отвесную гору, скалистые стены всё выше и выше вздымались над их головами.

Наконец, когда они уже чувствовали, что больше не выдержат, они увидели глаза Горлума, который опять уставился на них сверху вниз.

— Мы наверху, — прошептал он. — Первая лестница пройдена. Ловкие хоббиты, забравшиеся так высоко, очень ловкие хоббиты. Только несколько маленьких ступенек, и это всё, да.

Сэм, очень уставший, с кружащейся головой, а за ним Фродо, вползли на последнюю ступеньку и уселись, растирая ступни и колени. Они находились в глубоком тёмном коридоре, который, судя по всему, продолжал подниматься и дальше, хотя менее круто и без ступеней. Горлум не позволил им отдыхать долго.

— Осталась ещё одна лестница, — сказал он. — Гораздо длиннее. Отдохнёте, когда мы поднимемся на следующую лестницу, не сейчас.

Сэм застонал.

— Длиннее, говоришь? — переспросил он.

— Да, да-с-с, длиннее, — ответил Горлум. — Но не такая сложная. Хоббиты поднялись по Прямой Лестнице, дальше будет Витая Лестница.

— А что за ней? — спросил Сэм.

— Посмотрим, — тихо проговорил Горлум. — О да, мы посмотрим.

— Мне помнится, ты говорил, что там туннель, — сказал Сэм. — Разве там не туннель или какой-то другой проход на ту сторону?

— О да, там туннель, — отозвался Горлум. — Но хоббиты смогут передохнуть, прежде чем попытаются пройти им. Если они пройдут через туннель, они окажутся рядом с вершиной. Совсем рядом, если пройдут насквозь. О да!

Фродо дрожал. Во время подъёма он вспотел, и теперь ему было липко и холодно, а из тёмного коридора тянуло знобким сквозняком, который дул сверху, с невидимых вершин. Он встал и встряхнулся.

— Хорошо, идём! — сказал он. — Здесь не место расслаиваться.

Коридор, казалось, тянулся мили, и их постоянно обдувало холодным сквозняком, который по мере того, как они шли вперёд, усилился до резкого ветра. Чудилось, что горы своим смертоносным дыханием стараются запугать их, помешать разведать секреты высот, сдуть их прочь, в оставшуюся позади черноту. Они поняли, что дошли до конца, только когда стена справа от них внезапно оборвалась. Они почти ничего не могли различить. Гигантские чёрные, бесформенные массы и глубокие серые тени обступали их со всех сторон и маячили впереди, но время от времени под низко нависшими тучами вспыхивал тусклый красный свет, и тогда на мгновение они видели прямо перед собой и с обеих сторон высокие пики, которые, словно колонны, подпирали огромную провисшую крышу. По-видимому, они вскарабкались на много сотен футов к какому-то широкому уступу. Слева от них был утёс, справа пропасть.

Горлум вёл их впритык к утёсу. В данный момент они больше не поднимались, но грунт стал гораздо более разбитым и опасным в темноте и дорогу то и дело преграждали глыбы и каменные осыпи. Они пробирались вперёд медленно и осторожно. Сколько часов миновало с тех пор, как они вступили в долину Моргула, ни Сэм, ни Фродо не могли сказать. Ночь казалась бесконечной.

Наконец перед ними опять замаячила стена и опять открылась лестница. Снова они остановились и опять принялись подниматься. Это было долгое и утомительное восхождение, но вторая лестница уже не врезалась в отвесную стену. На этот раз поверхность высокого утёса слегка откидывалась назад, и тропа змеилась по нему серпентином. В одном месте она подползла прямо к краю тёмной пропасти, и Фродо, глянув вниз, увидел под собой гигантский провал и большое ущелье в изголовье Моргульской долины. В его глубинах тускло отсвечивала, как брюхо светлячка, нитка призрачного тракта от мёртвого города к Безымянному Перевалу. Он поспешно отвернулся.

Всё дальше и вверх вилась и карабкалась лестница, пока, наконец, её последний короткий и прямой пролёт не вывел их на очередной уровень. Тропа отвернула от основного перевала в большом ущелье и теперь следовала своим собственным опасным курсом у подошвы наиболее низкого утёса среди горных вершин Эфель Дуата. Хоббиты смутно различали с обеих сторон крутые хребты и острые каменные вершины, а между ними большие щели и трещины темнее, чем ночь, в которых забытые зимы глодали и резали лишенные солнца камни. И теперь красное свечение в небе казалось ярче, хотя хоббиты не могли сказать, то ли действительно в это жилище теней пришло ужасное утро, то ли они видели лишь пламя великого неистовства Саурана, измывающегося над Горгоротом по ту сторону гор. Поднимая глаза, Фродо различал всё ещё далеко впереди и по-прежнему высоко над ними, как он догадывался, самую верхнюю точку этой невыносимой дороги. На фоне мрачной красноты восточного неба в последнем, верхнем хребте проступал контур ущелья — узкого, глубоко врезанного между двумя чёрными плечами, и на каждом плече поднимался каменный рог.

Он задержался и всмотрелся внимательнее. Рог слева был высок и строен, и в нём горел красный свет, или же красный свет по ту сторону гор просвечивал через какую-то пещеру. И тогда он увидел: это чёрная башня, воздвигнутая над внешним краем перевала. Фродо коснулся руки Сэма и указал на неё.

— Не нравится мне вид этого! — сказал Сэм. — Так твой тайный путь всё-таки охраняется? — прорычал он, обращаясь к Горлуму. — О чём ты, полагаю, знал с самого начала?

— Все дороги охраняются, да, — сказал Горлум. — Конечно, да. Но хоббиты должны попробовать какой-нибудь путь. Этот, может быть, караулится слабее. Возможно, они все ушли прочь, на большую битву, возможно!

— Возможно, — проворчал Сэм. — Ладно, похоже, нам ещё предстоит долго идти и карабкаться, прежде чем мы доберёмся туда. А тут ещё и туннель. Я думаю, вам нужно теперь отдохнуть, мистер Фродо. Не знаю, какой сейчас час дня или ночи, но мы шли часы и часы.

— Да, мы должны отдохнуть, — сказал Фродо. — Давай найдём какой-нибудь уголок, где не дует, и соберемся с силами — для последнего рывка.

Ибо он воспринимал это именно так. Ужас страны по ту сторону гор и дело, которое предстояло сделать там, казались далёкими, слишком далёкими, чтобы заботить его. Все его помыслы были направлены на то, чтобы пройти сквозь эту непроницаемую стену и охрану: через них или над ними. Если ему удастся совершить эту невозможную вещь, тогда и его задание уж как-нибудь, да будет выполнено, — по крайней мере, так казалось ему в этот тёмный час усталости, всё ещё пробирающемуся в каменных тенях под Кирит Анголом.

Они уселись в тёмной расщелине между двумя монолитными массами скалы: Фродо и Сэм чуть глубже, а Горлум скорчился на земле у самого проёма. Здесь хоббиты поели: как они полагали, в последний раз перед тем, как спуститься в Безымянную Страну, а может быть, это вообще была их последняя совместная трапеза. Они съели немного гондорской провизии и по галете дорожного хлеба эльфов и немного попили. Но воду они сэкономили и выпили ровно столько, чтобы смочить пересохшие рты.

— Интересно, когда мы снова найдём воду? — спросил Сэм. — Но я полагаю, что даже орки, которые там, они пьют? Разве орки не пьют?

— Да, они пьют, — подтвердил Фродо. — Но давай не будем об этом. Такое питьё не для нас.

— Тогда тем более необходимо наполнить наши бутылки, — сказал Сэм. — Но здесь наверху нет воды: я ни разу не слышал ни журчания, ни капли. Да и в любом случае Фарамир сказал, что мы не должны пить никакой воды в Моргуле.

— Никакой воды, текущей из Имлад Моргула, говорил он, — поправил Фродо. — Мы уже не в этой долине, и если мы набредём на источник, то он будет течь в неё, а не из неё.

— Я бы на это не стал полагаться, — возразил Сэм. — Разве что уж совсем буду умирать от жажды. В этом месте так и тянет чем-то зловещим. — Он принялся. — И пахнет тоже, как мне сдаётся. Вы чувствуете запах? Подозрительный какой-то, душный. Он мне не нравится.

— Мне всё здесь не нравится, — сказал Фродо. — Путь и камни окрест, дух и вид этих мест. Земля, воздух и вода кажутся проклятыми. Но такова уж наша стезя.

— Да, это так, — согласился Сэм. — И мы вообще здесь не очутились бы, знай мы побольше про это перед тем, как вышли. Но я полагаю, что так часто бывает. Всякие геройские дела в старых преданиях и песнях, мистер Фродо: приключения, как я их обычно называл. Я-то думал, что диковинный народ в легендах специально отправлялся на их поиски, потому что хотел именно этого, потому что жизнь казалась немного скучной, а приключения их возбуждали... своего рода развлечение, так сказать. Но с историями, которые действительно имеют значение, или такими, которые остаются в памяти, дело обстоит совершенно иначе. Обычно народ оказывался просто втянут в них; стезя их такая, как вы говорите. Но, наверное, у них, как и у нас, была масса шансов свернуть с этой стези, только они этого не сделали. А если и сделали, то мы об этом уже не узнаем, потому что про них забыли. Мы слышим лишь о тех, кто шёл только вперёд — и не все к хорошему концу, учтите; по крайней мере, не к такому, который могли бы назвать хорошим те, кто в самой истории, а не вне её. Знаете, вернуться домой, и обнаружить, что там всё в порядке, хотя и не совсем по-прежнему, — ну, как старый мистер Бильбо. Только такие истории не всегда самые лучшие для слушателей, хотя они и могут быть лучшими для тех, кто в них очутился! Интересно, в историю какого рода угодили мы с вами?

— И мне интересно, — сказал Фродо. — Но я не знаю. И так оно и бывает в настоящих историях. Возьми хоть любую из тех, которые тебе нравятся. Ты знаешь или можешь догадаться, какого рода эта история: со счастливым она или с печальным концом, — но те, кто в ней, этого не знают. И ты не захочешь, чтобы они знали.

— Нет, сэр, конечно, нет. Вот Берен, он ведь даже и не думал, что пойдёт доставать Силмарил из Железной Короны в Тангородрим, но однако пошёл, а это было место похуже и опасность страшнее нашей. Но, конечно, это длинная история, и она переходит от счастья к горю и дальше, а Силмарил тоже переходил дальше и попал к Эрендилу. И, сэр, как же я раньше-то об этом не подумал?! Мы, то есть, вы получили частичку его света, заключённую в том стеклянном сосуде со звездой, который Владычица дала вам! Ой, подумать только: мы всё

ещё в той же истории! Она продолжается. Неужели великие истории никогда не кончаются?

— Нет, они никогда не кончаются как истории, — сказал Фродо. — Но те, кто участвуют в них, появляются и уходят, сыграв свою роль. Наша роль кончится позже... или раньше.

— И тогда мы сможем отдохнуть и поспать, — сказал Сэм и мрачно рассмеялся. — И, знаете, мистер Фродо, я имею в виду именно это: обычный отдых и сон, и чтобы проснуться утром и пойти работать в сад. Боюсь, что всё время я только об этом и мечтаю. Всякие великие и важные замыслы не для меня. И всё-таки мне интересно, включают ли нас когда-нибудь в песни или истории? Мы участвуем в одной, конечно, но я имею в виду, расскажут ли о нас, знаете, сидя у камина, или прочтут в большой толстой книге с красными и чёрными буквами когда-нибудь потом, спустя годы и годы. И тогда скажут: "Давайте послушаем про Фродо и Кольцо!". И в ответ раздастся: "Да, это одна из моих любимых историй. Фродо был очень храбрый, правда, пап?" "Да, мой мальчик, он был славнейшим из хоббитов, и этим сказано многое".

— Этим сказано много лишнего, — перебил его Фродо и рассмеялся звонким смехом от самого сердца.

Такого звука не слышали в этих местах с тех пор, как Саурон пришёл в Средиземье. Сэму внезапно показалось, что все камни прислушались и высокие скалы склонились к ним; но Фродо не обратил на них никакого внимания и рассмеялся снова.

— Ну, Сэм, — сказал он. — Послушаешь тебя, и почему-то становится так весело, словно история уже написана. Но ты упустил одного из главных героев: Сэммиума Преданное Сердце. "Я хочу побольше услышать о Сэме, пап. Почему вставлено так мало его разговоров, пап? Они мне нравятся, они смешные. И Фродо не ушёл бы далеко без Сэма, правда, пап?"

— Нет, мистер Фродо, — сказал Сэм, — зря вы сейчас подшучиваете. Я ведь говорил всерьёз.

— Как и я, — сказал Фродо. — И продолжаю говорить серьёзно. Пожалуй, мы немного поторопились. Мы с тобой, Сэм, всё ещё завязли в самом худшем месте истории, и слишком уж похоже на то, что кое-кто скажет сейчас: "Закрой книжку, пап, мы не будем читать дальше".

— Может быть, — согласился Сэм. — Но я бы так ни за что не сказал. То, что прошло и кончилось, и то, что стало частью большой истории, — это же совсем разные вещи. Ведь даже Горлум может быть очень хорош в повести, лучше, во всяком случае, чем когда он рядом. И он тоже когда-то любил истории, сам говорил. Интересно, а за кого он себя принимает — за героя или злодея?

— Горлум! — позвал он. — Ты хотел бы быть героем?.. Ну вот, куда он опять провалился?

Ни следа Горлума не было ни у входа в их убежище, ни в тенях поблизости. Он отказался от их еды, хотя, как обычно, сделал глоток воды, а затем свернулся, по-видимому, чтобы поспать. Хоббиты предполагали, что, во всяком случае одной из причин его длительного отсутствия предыдущим днём была охота за едой по его вкусу; а сейчас он, очевидно, опять ускользнул, пока они разговаривали. Только теперь-то зачем?

— Не нравятся мне его исчезновения без единого слова, — заметил Сэм. — А сейчас в особенности. Он не может высматривать здесь еду, разве что тут есть скалы, которые ему особенно нравятся. Только ведь нигде даже лишайников нет!

— Не стоит сейчас особо беспокоиться из-за него, — сказал Фродо. — Без него мы не добрались бы так далеко, даже перевала бы не увидели, и значит, нам придётся мириться с его поведением. Если уж он предаст, так предаст.

— И всё же я охотнее не спускал бы с него глаз, — возразил Сэм. — Тем более, если он собирается предать. Помните, он ведь так и не сказал, охраняется этот перевал или нет? А теперь мы видим там башню, которая может быть пуста, а может, и нет. Вы не думаете, что он пошёл привести их, орков или кого там ещё?

— Нет, я так не думаю, — ответил Фродо. — Даже если он затевает что-то скверное, что, кстати, весьма возможно. Только не думаю, что он собирается привести орков или других прислужников Врага. Зачем ждать так долго, проделывать этот тяжелейший подъём и подходить так близко к стране, которую он боится? С тех пор, как мы встретили его, он, вероятно, уже не раз имел возможность выдать нас оркам. Нет, если уж тут кроется что-нибудь, то это какая-то его собственная задумка, которую он считает совершенно секретной.

— Ладно, я полагаю, что вы правы, мистер Фродо, — сказал Сэм. — Только не очень-то меня это утешает. Уверен, что в одном-то я не ошибаюсь: меня он выдал бы оркам так же охотно, как поцеловал бы себе руку. Хотя я и позабыл... Его Прелесть. Нет, полагаю, что это всё время было Прелестью для бедного Смеагорла. Вот основная цель всех его задумок, если у него есть какие-нибудь. Но чем ему поможет то, что он привёл нас сюда, я не могу догадаться.

— Весьма возможно, что он и сам не знает, — сказал Фродо. — И не думаю, что в его одурманенной голове найдётся хоть один ясный план. Полагаю, что с одной стороны он действительно пытается уберечь Прелесть от Врага до тех пор, пока может. Потому что для него нет ничего хуже, если Враг получит её. А с другой стороны он, возможно, просто тянет время и выжидает подходящего случая.

— Да, Крадучка и Вонючка, как я уже говорил, — подтвердил Сэм. — Но чем ближе он подходит к стране Врага, тем легче Вонючка побеждает Крадучку. Вот попомните мои слова: если мы когда-нибудь доберёмся до перевала, он не даст нам перенести его Прелесть через границу, не подстроив каких-нибудь неприятностей.

— Но мы ещё не добрались туда, — сказал Фродо.

— Нет, но до тех пор нам лучше держать глаза открытыми. Если он застигнет нас спящими, Вонючка тут же вынырнет на поверхность. Но вот вам, хозяин, сейчас было бы невредно вздремнуть. Ничего плохого не случится, если вы прижмётесь ко мне. Я был бы очень рад, если бы вы поспали. Я постерегу вас: да и в любом случае, если вы ляжете рядом и я обниму вас, никто не сможет коснуться вас лапой, чтобы ваш Сэм не знал об этом.

— Спать! — вымолвил Фродо и вздохнул, словно увидел в пустыне мираж прохладного зелёного оазиса. — Да, даже здесь я мог бы заснуть.

— Тогда спите, хозяин! Положите голову ко мне на колени.

И в таком положении Горлум нашёл их спустя несколько часов, когда вернулся из мрака впереди, прокравшись ползком вниз по тропе. Сэм сидел, прислонившись к камню; свесив голову вбок и тяжело дыша. На его коленях лежала голова Фродо, погружённого в глубокий сон; его белый лоб прикрывала смуглая рука Сэма, а другая нежно обхватывала грудь. Лица хоббитов были спокойными.

Горлум посмотрел на них, и по его худому, измождённому лицу пробежало странное выражение. Блеск потух в его голодных глазах, и они стали тусклыми и тёмными, старыми и усталыми. Казалось, его лицо исказила гримаса страдания, и он отвернулся, пристально уставившись на оставшийся за его спиной перевал и покачивая головой, как будто вёл какой-то внутренний спор. Затем приблизился и, медленно протянув дрожащую руку, очень осторожно коснулся колена Фродо: прикосновение было почти заботливым. На краткое мгновение, если бы хоть один из спящих мог видеть его, он стал похож на старого, усталого хоббита, сморщившегося под действием лет, которые унесли его далеко за пределы отпущенного ему срока, из круга друзей и родни, из полей и рек юности, превратив в древнее, изголодавшееся, жалкое существо.

Но от прикосновения Фродо шевельнулся и тихо вскрикнул во сне, и Сэм мгновенно встрепенулся. Первое, что он увидел, был Горлум. "Лапал хозяина", — подумал он.

— Эй, ты! — грубо окликнул он. — Что это ты затеваешь?

— Ничего, ничего, — тихо отозвался Горлум. — Славный хозяин!

— Ещё бы, — фыркнул Сэм. — Но где это ты пропадал, куда успел сползать, старый ты пролаза?

Горлум отпрянул, и зелёный свет полыхнул под его тяжёлыми веками. Теперь он был похож на паука, скорчившегося на согнутых лапах, с выкаченными глазами. Краткое мгновение минуло безвозвратно.

— Сползал, сползал! — прошипел он. — Хоббиты всегда так вежливы, да. О, славные хоббиты! Смеагорл ведёт их тайными тропами, которых никто другой не смог бы найти. Он устал, ему хочется пить, да, пить, но он ведёт их, он ищет дорогу, а они говорят ползал, пролаза. Очень вежливые друзья, о да, моя прелесть, очень славные.

Сэм ощутил слабое раскаяние, но не стал более доверчив.

— Извини, — сказал он. — Я виноват, но ты разбудил меня внезапно, а я не должен был засыпать. Это заставило меня немного погорячиться. Но мистер Фродо, он так устал, и я попросил его прикорнуть ненадолго. Так вот всё и вышло. Сожалею. Но, всё-таки, где ты изволил быть?

— Ползал, — резко бросил Горлум, и зелёный свет не погас в его глазах.

— Ну и ладно, — сказал Сэм. — Как хочешь! Полагаю, что это не так уж далеко от правды. А теперь лучше бы нам ползти дальше всем вместе. Сколько времени? Сейчас ещё сегодня или уже завтрашнее утро?

— Уже утро, — ответил Горлум. — Было утро, когда хоббиты заснули. Очень глупо, очень опасно — если бы бедный Смеагорл не ползал рядом на страже.

— Думаю, мы вскоре устанем от этого слова, — сказал Сэм. — Впрочем, неважно. Я разбужу хозяина.

Он бережно откинул волосы со лба Фродо и, наклонившись к нему, тихонько произнёс:

— Проснитесь, мистер Фродо! Проснитесь!

Фродо шевельнулся, открыл глаза и улыбнулся, увидев склонившееся над ним лицо Сэма.

— Сегодня решил разбудить пораньше, да, Сэм? — сказал он. — Всё ещё темно!

— Да, здесь всегда темно, — ответил Сэм. — Но Горлум вернулся, мистер Фродо, и он говорит, что уже утро. Так что мы должны идти. Последний рывок.

Фродо глубоко вздохнул и сел.

— Последний рывок! — повторил он. — Привет, Смеагорл! Нашёл, что поесть? Ты отдохнул?

— Ни еды, ни отдыха, ничего для Смеагорла, — сказал Горлум. — Он пролаза.

Сэм прищёлкнул языком, но сдержался.

— Ты не должен называть себя так, Смеагорл, — сказал Фродо. — Это неумно, правда это или ложь.

— Смеагорлу приходится брать то, что дают, — ответил Горлум. — Это имя было пожаловано ему добрым мастером Сэммиумом, хоббитом, который так много знает.

Фродо взглянул на Сэма.

— Да, сэр, — подтвердил тот. — Я назвал его так, внезапно разбуженный ото сна, когда увидел его рядом. Я сказал, что сожалею, но, кажется, скоро уже перестану.

— Так, оставим это, — сказал Фродо. — Однако, Смеагорл, похоже, что мы, ты и я, дошли до обусловленного места. Скажи мне, сумеем ли мы отыскать остаток дороги самостоятельно? Мы в виду перевала, на тропе, ведущей к нему, и, если теперь мы можем добраться туда, полагаю, что наш договор подошёл к концу. Ты выполнил, что обещал, и ты свободен: волен вернуться назад, к пище и отдыху, пойти в любое место по твоему выбору, только не к слугам

Врага. И когда-нибудь я вознагражу тебя, я или те, кто меня помнят.

— Нет, нет, не сейчас, — заскулил Горлум. — О нет! Они не смогут найти дорогу сами, не правда ли? О, конечно, нет. Там будет туннель. Смеагорл должен идти дальше. Не отдых. Не еда. Не сейчас.

Глава IX

Логово Раконы

Сейчас действительно мог быть день, как утверждал Горлум, но хоббиты не видели почти никакой разницы, разве что, возможно, тяжёлое небо над головой было уже не совершенно чёрным, а походило больше на огромную дымную крышу, в то время как вместо глубокой ночной мглы, всё ещё медлившей в расселинах и пещерах, скалистый край вокруг них окутывали тени. Они двинулись дальше, Горлум впереди, хоббиты бок о бок, вверх по узкому длинному ущелью между валами и колоннами выщербленных и выветрелых скал, которые стояли с обеих сторон, как гигантские бесформенные статуи. Не было ни звука. Впереди в некотором отдалении, примерно в миле или около того, маячила высокая серая стена: последняя вздымающаяся ввысь громада каменной горы. Чем ближе они подходили, тем темнее и выше становилась она, пока не нависла над ними, закрыв собой всё, что лежало по ту сторону. Подножье её пряталось в глубокой тени. Сэм принялся к воздуху.

— Ух! Этот запах! — сказал он. — Он становится всё сильнее и сильнее!

Вскоре они вступили в тень под стеной, и в середине её увидели устье пещеры.

— Это вход внутрь, — шепнул Горлум. — Это вход в туннель.

Он не назвал его имени: Торех Ангол, Логово Раконы^[5]. Из него исходило зловоние, но не тошнотворный запах тления, как в лугах Моргула, а гнилостная вонь, словно в темноте внутри валялись кучи каких-то давно скопившихся отбросов.

— Это единственный путь, Смеагорл? — спросил Фродо.

— Да, да, — ответил тот. — Да, сейчас мы должны идти этой дорогой.

— Ты хочешь сказать, что ты пролез через эту дыру? — сказал Сэм. — Фью-ю! Но, наверное, тебе нет дела до дурных запахов.

Глаза Горлума сверкнули.

— Он не знает, до чего нам нет дела, не так ли, прелесть? Нет, он не знает. Но Смеагорл умеет терпеть. Да. Он прошёл здесь. О да, прямо насквозь. Это единственная дорога.

— Интересно, чем это так воняет? — сказал Сэм. — Это похоже... Ладно, не буду говорить, на что это похоже. Ручаюсь, что тут какая-то грязная нора орков, в которой столетиями копились их отбросы.

— Ладно, — проговорил Фродо. — Орки там или нет, если это единственная дорога, мы должны пойти по ней.

Сделав глубокий вдох, они вошли внутрь и через несколько шагов очутились в совершенно непроницаемой тьме. Фродо и Сэм не видели такого мрака с беспросветных коридоров Мории, но здесь, если только это возможно, он был глубже и гуще. Там, там было движение воздуха, и эхо, и ощущение пространства. Здесь воздух был неподвижен, спёрт и тяжёл, а звуки умирали. Они брели, словно в чёрном тумане, порождённом первозданной тьмой, её дыханием, которое поражало слепотой не только глаза, но и мысли, так что изглаживалась сама память о цвете и формах или о любом свете. Здесь была вечная ночь, бесконечная ночь и ничего, кроме ночи.

Но некоторое время у них ещё сохранялось осязание, и это чувство, доносимое ногами и

пальцами, сперва даже возросло до почти болезненной остроты. К удивлению хоббитов, стены были на ощупь гладкими, а пол ровным и уводил без всяких поворотов вперёд, полого поднимаясь, если не считать редких ступенек, с одним и тем же неизменным уклоном. Туннель оказался высоким и широким: настолько широким, что хоббитам, хотя они двигались бок о бок, чтобы коснуться вытянутой рукой боковой стены, пришлось разъединиться и очутиться в одиночестве, отрезанными тьмой.

Горлум шёл первым и, по-видимому, опережал их всего на несколько шагов. Пока они ещё были способны обращать внимание на такие вещи, его свистящее дыхание и пыхтение раздавалось прямо перед ними. Но немного погодя их чувства притупились, слух и осязание словно заоченели, и они продолжали брести ощупью дальше и дальше в основном за счёт силы воли, которая погнала их внутрь, воли пройти насквозь и страстного желания достичь наконец высокого перевала с той стороны.

Может быть, прежде, чем они успели зайти особенно далеко, хотя они очень быстро потеряли счёт времени и расстоянию, Сэм, касаясь стены справа от себя, понял, что там есть боковое отверстие: на мгновение он уловил слабое дуновение менее спёртого воздуха, — а затем они прошли мимо этого места.

— Здесь не один коридор, — шепнул он, собравшись с силами, потому что казалось трудным заставить себя издать хоть один звук. — Точь-в-точь орочье логово!

После этого сначала он справа, а потом Фродо слева миновали ещё три или четыре таких отверстия, то шире, то уже; но хоббиты, без сомнения, были на главной дороге, потому что она была прямой и непрерывно поднималась, никуда не сворачивая. Но сколько ещё идти, сколько они ещё должны будут выдержать и выдержат ли они вообще? По мере подъёма духота в воздухе всё усиливалась, и теперь им чудилось, что в слепой тьме появилось нечто более плотное, чем заражённый воздух. Пробиваясь вперёд, они ощущали, как что-то задевало их головы и руки: длинные щупальца или, возможно, какие-то свешивающиеся растения — они не могли сказать, что это было. И зловоние становилось всё сильнее. Оно росло, пока им, наконец, не показалось, что обоняние — единственное незамутнённое чувство, которое им осталось специально для мучения. Час, два, три — сколько времени провели они в этой беспросветной дыре? Часы, а скорее, дни или недели. Сэм оторвался от стены туннеля и прижался к Фродо; их руки встретились и сжались, и так, вместе, они всё продолжали идти вперёд.

Наконец Фродо, скользя пальцами вдоль левой стены, внезапно угодил в пустоту. Он едва не завалился на бок, в провал. Это отверстие в скале было гораздо шире любого из тех, мимо которых они до сих пор проходили, и из него исходило такое зловоние и такое ощущение таящейся в засаде злобы, что Фродо зашатался от головокружения. В то же мгновение Сэм также покачнулся и упал ничком.

Борясь одновременно с тошнотой и страхом, Фродо сжал руку Сэма.

— Встань! — прохрипел он без голоса. — Всё исходит отсюда: вонь и опасность. Давай! Быстро!

Собрав все свои оставшиеся силы и решимость, он с трудом поставил Сэма на ноги и принудил себя двигаться. Сэм ковылял рядом. Шаг, второй, третий... и, наконец, шесть шагов. Быть может, они миновали ужасное невидимое отверстие, но, так или иначе, внезапно им стало легче идти, словно некая враждебная воля на время выпустила их. Они брели вперёд, всё ещё крепко держась за руки.

Но почти сразу же возникло новое препятствие: туннель раздвоился, или так просто казалось, и в темноте они не могли решить, какой путь шире или какой ведёт более прямо. Какой из них выбрать: левый или правый? Они не находили никаких подсказок, но неверное решение было бы почти наверняка роковым.

— Какой дорогой пошёл Горлум? — тяжело выдохнул Сэм. — И почему он не подождал?

— Смеагорл! — попытался позвать Фродо. — Смеагорл!

Но его голос сорвался, и имя умерло, едва слетев с его губ. Ответа не было: даже эха, даже дрожания воздуха.

— Полагаю, на этот раз он и в самом деле ушёл, — пробормотал Сэм. — Догадываюсь, что именно сюда он и собирался нас затащить. Горлум! Ну, если ты когда-нибудь снова попадёшься мне в руки, ты об этом пожалеешь.

Вскоре, шаря и ощупывая в темноте, они обнаружили, что левое отверстие никуда не вело: то ли это был тупик, то ли какой-то громадный камень упал в проход.

— Это не может быть дорогой, — прошептал Фродо. — Верно или нет, но нам придётся идти по другой.

— И быстро! — выдохнул Сэм. — Здесь рядом что-то похуже Горлума. Я чувствую, как кто-то смотрит на нас.

Они успели пройти всего несколько ярдов, когда сзади раздался звук: внезапный и пугающий в тяжёлом ватном молчании. Булькающий, клопочущий звук и долгий ядовитый шип. Они резко развернулись, но ничего не было видно. Хоббиты застыли, как вкопанные, вглядываясь в темноту и ожидая неизвестно чего.

— Это ловушка! — сказал Сэм и положил руку на рукоять своего меча, вспомнив при этом о мгле над тем могильником, откуда он был взят. "Вот бы старина Том был сейчас рядом!" — подумалось ему. А затем, пока он стоял так, окружённый тьмой и с мраком отчаяния и гнева в сердце, ему показалось, что он видит свет: свет в памяти, сначала почти непереносимо яркий, как солнечный луч для глаз того, кто долго сидел в беспросветной яме. Потом свет приобрёл окраску: зелёный, золотой, серебряный, белый. Вдали, словно в миниатюре, созданной руками эльфов, он увидел Владычицу Галадриэль, стоящую на траве Лориэна, и дары были в её руках. "А для тебя, Хранитель Кольца, — услышал он её слова издали, но ясно. — Для тебя я приготовила это".

Булькающее шипение приблизилось, и в нём был какой-то треск, словно в темноте медленно ползла членистая тварь. От неё исходило зловоние.

— Хозяин! Хозяин! — вскричал Сэм, и голос его прозвучал живо и настойчиво. — Дар Владычицы! Фиал! Она сказала, что это светильник во тьме. Фиал!

— Фиал? — пробормотал Фродо, словно отвечая спросонья на плохо понятый вопрос. — Ну конечно! Как это я забыл про него? "Свет, когда все другие источники исчезнут!" И теперь только свет может нам помочь.

Медленно его рука потянулась к груди, и медленно поднял он вверх Фиал Галадриэли. Мгновение он мерцал — слабо, как восходящая звезда, пробивающаяся сквозь густые туманы земли, но затем сила его возросла, и, возрождая надежду в мыслях Фродо, он разгорелся и вспыхнул серебряным пламенем: миниатюрное сердце ослепительного света, словно сам Эрендил спустился с западных небесных путей с последним Силмарилом на своём лбу. Тьма отступала перед ним; казалось, он сияет в центре воздушного хрустального шара, и рука, держащая его, искрится белым пламенем.

Фродо в удивлении не сводил глаз с дивного дара, который он нёс так долго, не догадываясь о его истинной ценности и возможностях. Редко вспоминал он о нём в пути, пока они не достигли долины Моргула, и никогда он не пользовался им, опасаясь привлекающего внимания света.

— Айя Эрендил Эленион Анкалима! — воскликнул он, сам не зная, что произносит, ибо казалось, что его устами говорил чей-то другой голос, звонкий и не отравленный зловонным

воздухом ямы.

Но в Средиземье были другие силы, порожденья ночи, древние и могучие. И ей, блуждающей во тьме, доводилось слышать эльфийский клич, что звучал давным-давно, в неизмеримых глубинах времени, и как она не обращала на него внимания тогда, так и ныне он не мог утешить её. Ещё не договорив, Фродо ощутил сосредоточенную на нём огромную злобу и смертоносный взор, направленный на него. Чуть ниже по туннелю, между собой и отверстием, где они шатались и спотыкались, он заметил отчётливо увеличивающиеся глаза, два огромных роя многозрачковых глаз — надвигающаяся угроза была, наконец, обнаружена. Свет фиала дробился и отражался от тысяч её facets, но под этим блеском разгорался бледный смертоносный огонь, пламя, рождённое какими-то глубокими тайниками злого разума. Чудовищными, отталкивающими были эти глаза: животные, и в то же время целеустремлённые, с отвратительным наслаждением пожирающие свою добычу, загнанную в западню без всякой надежды на спасение.

Фродо и Сэм, поражённые ужасом, начали медленно пятиться назад, не в силах оторвать взгляда от смертоносного взора этих страшных глаз, но, по мере того, как они пятились, глаза надвигались. Рука Фродо дрогнула, и фиал медленно опустился. Затем, внезапно освободившись от сковывающих их чар, хоббиты повернулись и ударились в паническое бегство, тщетно пытаясь хоть на время оторваться от наслаждающихся глаз, но на бегу Фродо оглянулся и в ужасе увидел, что глаза мгновенно принялись настигать их прыжками. Смертоносное зловоние окутывало его, как облако.

— Стой, стой! — отчаянно крикнул он. — Бежать бесполезно!

Глаза медленно подползали.

— Галадриэль! — позвал он и, собрав всё своё мужество, поднял фиал ещё раз. Глаза остановились. На мгновение в их напряжённом взоре проскользнул какой-то намёк на сомнение. Тогда сердце Фродо воспламенилось, и, не думая о том, что он делает, он взял фиал в левую руку, а правой обнажил меч. Разитель полыхнул: острый эльфийский клинок искрился в серебряном свете, но края его мерцали голубым пламенем. Затем, высоко подняв над собой звезду и выставив вперёд яркий меч, Фродо, хоббит из Хоббитании, уверенно зашагал вниз, навстречу глазам.

Они дрогнули. Сомнение появилось в них, когда свет начал приближаться. Один за другим они потускнели и медленно попятись. Никогда прежде их не терзало столь смертоносное сияние. Они были надёжно укрыты под землёй от солнца, луны и звёзд, но сейчас звезда сама спустилась под землю и всё ещё приближалась, — и глаза дрогнули. Один за другим они потемнели, повернули прочь, и огромное тело, до которого свет не доставал, потянуло за ними свою громадную тень. Они исчезли.

— Хозяин! Хозяин! — крикнул Сэм. Он шёл попятам, обнажив свой меч и наготове. — Звёзды и слава! Эльфы обязательно сложат песню, если когда-нибудь услышат про это. И пусть доведётся мне дожить до того, чтобы рассказать им и послушать пение! Но не ходите дальше, хозяин! Не спускайтесь к этому логову! Сейчас у нас единственный шанс. Давайте выбираться из этой вонючей дыры!

И они повернули ещё раз, сперва пошли, а потом побежали, потому что пол туннеля круто шёл вверх и с каждым шагом они поднимались над зловонными испарениями невидимого логова, и сила возвращалась в их ноги и сердца. Но ненависть Стража всё ещё таилась где-то позади них, быть может, ослеплённая на время, но не побеждённая, по-прежнему намеревающаяся убить. Теперь навстречу им потянуло холодным, разряженным воздухом.

Перед ними наконец-то был выход, конец туннеля. Тяжело дыша, мечтая очутиться под открытым небом, они бросились вперёд, но, к их изумлению, наткнулись на какое-то препятствие и, спотыкаясь, отступили. Вход был чем-то перегорожен, но не камнем: барьер казался мягким и слегка подающимся, но в то же время прочным и непроницаемым: он пропускал сквозь себя воздух, но ни проблеска света. Они ещё раз рванулись вперёд, и опять их отбросило обратно.

Подняв вверх фиал, Фродо увидел перед собой серую мглу, которую излучение сосуда не было в состоянии ни пронзить, ни осветить: словно здесь сгустилась тень, которая возникла не под действием света, и потому не могла быть рассеяна им. Туннель по всей его ширине и высоте преграждала огромная паутина, точь-в-точь, как паутина гигантского паука, но плотнее и гораздо больше, и каждая нить была толщиной в канат.

Сэм мрачно рассмеялся.

— Паутина! — сказал он. — И всё? Паутина! Ну и паук же! Вот я сейчас с ней покончу!

Он яростно рубанул мечом, но нить, по которой пришёлся удар, не лопнула. Она подалась немножко, а затем метнулась назад, как спущенная тетива, отразив лезвие и подбросив кверху меч и руку. Трижды ударил Сэм изо всех сил, и наконец, одна-единственная верёвка из всех бесчисленных канатов щёлкнула, скрутилась, свилась и со свистом рассекла воздух. Её конец хлестнул по руке Сэма, и тот, вскрикнув от боли, отскочил назад и поднёс руку ко рту.

— Этак мне дни понадобятся, чтобы расчистить путь, — сказал он. — Что делать? Те глаза вернулись?

— Нет, не видно, — ответил Фродо. — Но я всё ещё чувствую, что они смотрят на меня или думают обо мне: возможно, составляют какой-нибудь другой план. Если этот свет опустится или угаснет, они быстро появятся снова.

— Попасться в самом конце! — с горечью произнёс Сэм, снова загораясь гневом вопреки усталости и отчаянию. — Как мошки в сети. Пусть проклятие Фарамира поразит этого Горлума и поразит его быстро!

— В данный момент нам это ничем не помогло бы, — отозвался Фродо. — Успокойся! Посмотрим, на что способен Разитель. Это эльфийский клинок. В тёмных ущельях Белерианда, где он был выкован, были ужасные паутины. Но тебе придётся караулить и отпугивать глаза. Вот, возьми сосуд. Не бойся. Держи его выше и смотри в оба!

Фродо подступил к громадной серой сети, широко размахнулся и рубанул, быстро проведя острым краем поперёк "лесенки" густо проложенных верёвок, и мгновенно отпрыгнул. Тлеющий синим клинок разрезал их, как коса траву, и они прыгнули, свившись, а затем свободно повисли. Была сделана большая прореха.

Удар за ударом наносил он, пока, наконец, вся паутина в пределах его досягаемости не была разорвана, а её остатки наверху раскачивались и колыхались на сквозняке, словно свисающая вуаль. Ловушка была сломана.

— Идём! — крикнул Фродо. — Вперёд! Вперёд!

Бурная радость от спасения из самой пасти отчаяния внезапно завладела всеми его мыслями. Голова кружилась, как от глотка крепкого вина. Он прыжком вылетел наружу, громко крича на ходу.

Глазам его, прошедшим через логово ночи, в этой тёмной стране казалось светло. Дымный полог поднялся, стал тоньше, тянулись последние часы хмурого дня, и красное свечение Мордора угасло в угрюмом мраке, но Фродо казалось, что он глядит в зарю неожиданной надежды. Он почти добрался до вершины стены. Осталось совсем немного. Расселина, Кирит Ангол, была перед ним — тусклая зарубка в чёрном хребте, и скалистые рога, темнеющие на

фоне неба по её бокам. Короткий рывок, последняя прямая — и он пройдёт!

— Перевал, Сэм! — крикнул он, не замечая пронзительности своего голоса, который, избавившись от удушливого воздуха туннеля, звучал теперь резко и звонко. — Перевал! Беги, беги, и мы пройдем — пройдем прежде, чем кто-нибудь сможет остановить нас!

Сэм побежал следом настолько быстро, насколько мог заставить двигаться свои ноги; но, радуясь освобождению, он продолжал беспокоиться и на бегу то и дело оглядывался назад, на темную арку туннеля, страшась увидеть глаза или какую-нибудь немыслимую тварь, которая выпрыгнет вдогонку. Слишком мало он и его хозяин знали о коварстве Раконы. Из её логова было много выходов.

Здесь жила она веками, злобная паукообразная тварь, точно такая, какие некогда в старину жили в Стране Эльфов на западе, которая ныне залита морем, с какими сражался Берен в Горах Ужаса в Дориате и так, давным-давно, пришёл к Лучиэнь по зелёному дёрну среди болиголовов в свете луны. Как Ракона попала сюда, избежав гибели, предания не сообщают, ибо мало преданий сохранилось от Чёрных лет. Но она по-прежнему была здесь — та, что появилась здесь прежде Саурана и прежде, чем был заложен первый камень Барат-дура, и она не служила никому, кроме себя, высасывая кровь эльфов и людей, раздуваясь и наращивая жир в бесконечной череде своих пиршеств, сплетая паутину мрака, ибо пищей ей служили все живые существа, и она извергала из себя мглу. И повсюду, вширь и вдаль, от лощины к лощине, от Эфель Дуата до восточных холмов, до Дол Гулдура и чащоб Лихолесья расползлись её более мелкие выродки, бастарды жалких самцов, её собственных отпрысков, убитых ею. Но никто не мог соперничать с ней, Раконой Великой, последней дочерью Унголианты, в причинении бедствий несчастному миру.

Горлум уже видел её, годами прежде: Смеагорл, который совал нос во все тёмные дыры, и в былые дни почитал её и поклонялся ей; и мгла её злой воли всегда сопровождала его по всем путям его томительных блужданий, отрезая его от света и раскаяния. И он обещал привести ей пищу. Но её вожеление не было его вожелением. Мало знала или беспокоилась она о крепостях, или кольцах, или о чём-либо ещё, созданном разумом и руками, желавшая лишь смерти для всех прочих, для мыслей и тел, а для себя — пресыщения жизнью: распухать в одиночестве до тех пор, пока горы не смогут долее держать её и тьма не сможет вместить её.

Но далеко ещё было до исполнения этого желания, и долго голодала она теперь, прячась в своём логове, пока могущество Саурана росло, и свет и живые существа бежали её владений, и город в долине был мёртв, и ни человек, ни эльф не подходили близко, только невезучие орки, малопитательные и осторожные. Но ей надо было есть, и как бы усердно ни прокладывали они новые извилистые ходы от перевала и от их башни, Ракона всегда изыскивала способ поймать их в силки. Но она алкала ароматного мяса, и Горлум привёл его к ней.

— Посмотрим, посмотрим, — часто повторял он себе на протяжении всей опасной дороги от Эмин Муила к долине Моргула, когда пребывал в злобном расположении духа. — Посмотрим. Очень может быть, о да, очень может быть, когда она извергнет кости и пустые одежды, что мы найдём его, мы получим его, Прелесть, вознаграждение для бедного Смеагорла, который привёл славную пищу. И мы сбережём Прелесть, как обещали. О да. И когда мы получим его в целостности и сохранности, тогда мы отплатим ей, моя прелесть. Тогда мы отплатим каждому!

Так думал он, даже когда пришёл к ней снова, пока его спутники спали, и низко склонился перед ней, вынашивая тайный коварный план в самом укромном уголке своей души, который ещё надеялся утаить от неё.

А что до Саурана, то он знал, где таится Ракона. И ему нравилось, что она должна жить там

голодная, но не притупившая злобы: более надёжный страж этой древней дороги в его страну, чем любой, какого он мог бы придумать. А орки, они были полезными рабами, но их у него было в избытке. И если Ракона время от времени ловила их, чтобы приглушить свой аппетит, Саурон лишь приветствовал это: он мог пожертвовать ими. А иногда, как человек может бросить лакомый кусок своей кошке (моя кошечка, называл он её, хотя она не признавала его), Саурон посылал ей пленников, которых не мог использовать лучше: он велел гнать их в её нору, и ему сообщали о её забавах.

Так они оба и жили, развлекаясь каждый на свой собственный лад и не опасаясь ни нападения, ни гнева, ни какого-либо конца их злобе. Никому до сих пор не удавалось ещё спастись из паутины Раконы, и велики теперь были её ярость и голод.

Но Сэм не подозревал о злобе, которую они возбудили против себя; он знал лишь, что в нём нарастает страх, ощущение незримой угрозы, и груз этого страха потяжелел настолько, что мешал ему бежать, а ноги будто свинцом налились.

Страх был вокруг него, а впереди, на перевале — враги, а его хозяин в шалом настроении легкомысленно помчался навстречу им. Оторвав глаза от тени сзади и глубокого мрака у подножья утёса слева, он взглянул вперёд и увидел две вещи, которые усилили его ужас. Он увидел, что меч, который Фродо ещё держал обнажённым, полыхает синим пламенем, и увидел также, что, хотя небо позади башни совсем почернело, окно её до сих пор светится красным.

— Орки! — пробормотал он. — Так просто нам не проскочить. Рядом орки и кое-что похуже, чем орки.

И, тут же вспомнив о необходимости прятаться, давно вошедшей у него в привычку, он спрятал в ладони драгоценный фиал, который так и продолжал нести. На миг рука его засветилась красным от собственной живой крови, а потом он засунул способный выдать их свет глубоко в нагрудный карман, натянул на него эльфийский плащ и постарался бежать быстрее. Хозяин далеко обогнал его: он был уже шагов на двадцать впереди, мелькая, словно тень. Скоро он совсем исчезнет из виду в этом сером мире.

Стило только Сэму спрятать свет фиала, как появилась Она. Внезапно он увидел, как чуть впереди, слева, из чёрной дыры в тени утёса полезла отвратительнейшая тварь из всех, какие ему когда-либо доводилось видеть: ужаснее, чем кошмар. Больше всего она напоминала паука, но была крупнее любого хищного зверя и гораздо страшнее, чем они, из-за злобного выражения в ее беспощадных глазах. Эти безжалостные фасеточные глаза, которые он считал запуганными и побеждёнными, снова горели зловещим светом на выброшенной вперёд голове. На голове были большие рога, а за короткой, похожей на стебель шеей, угадывалось гигантское разбухшее туловище, огромный надутый мешок, болтающийся, провиснув, меж её ног. Её огромное тело было чёрным с белёсыми пятнами, а нижняя часть брюха бледной: она светилась тусклым светом и распространяла густую вонь. Её ноги с большими шишковатыми суставами и покрытые жёсткими, как стальные спицы, волосами, были согнуты и поднимались высоко над спиной, и каждая нога заканчивалась когтем.

Лишь только тварь пропихнула своё мягкое хлюпающее тело и складчатые конечности в верхний выход логова, она помчалась с ужасающей быстротой то бегом на потрескивающих ногах, то делая внезапный скачок. Она была между Сэмом и его хозяином. То ли она не видела Сэма, то ли избегала его пока как носителя света, но пока она целиком сосредоточилась на одной добыче, на Фродо, лишённом своего фиала, который без оглядки мчался по дороге, не подозревая о грозящей ему опасности. Он бежал быстро, но Ракона была быстрее: в несколько прыжков она настигнет его.

Сэм раскрыл рот и из последних сил, насколько хватило дыхания, завопил:

— Оглянитесь! Хозяин, оглянитесь! Я...

Но внезапно его крик был задушен.

Длинная липкая рука зажала ему рот, другая вцепилась в шею, а что-то ещё обхватило его ноги. Захваченный врасплох, он опрокинулся навзничь прямо в руки противника.

— Схватили его! — прошипел Горлум ему в ухо. — Наконец-то, моя прелесть, мы схватили его, да, мерзс-с-ского хоббита. Мы взяли одного. Она получит другого. О да, он достанется Раконе, не Смеагорлу, — он обещал. Он не причинит хозяину никакого вреда. Но он получил тебя, тебя, мерзс-с-ского грязного пролазу!

Он плюнул Сэму на шею.

Бешенство, вызванное предательством, и отчаяние от помехи, когда его хозяин был в смертельной опасности, внезапно придали Сэму такую силу и стремительность, каких Горлум никак не ожидал от этого, как он считал, медлительного тупого хоббита. Сам Горлум не сумел бы извернуться более быстро и более яростно. Его рука соскользнула со рта Сэма, и Сэм тут же нагнул голову и рванулся вперёд, пытаясь освободиться от хватки на шее. Он всё ещё сжимал меч, а на левой руке висел на ремне посох Фарамира. Он предпринял отчаянную попытку развернуться и поразить своего врага, но Горлум был слишком быстр. Его длинная рука взметнулась и сжала запястье Сэма, как тисками; медленно и неумолимо он заводил его кисть вниз и вперёд, пока с криком боли Сэм не выронил меч, который упал на землю. И всё это время другая рука Горлума давила на глотку хоббита.

Тогда Сэм пошёл на последнюю хитрость. Он изо всех сил рванулся, упёрся в землю ступнями, а затем внезапно оттолкнулся ногами и кувыркнулся через голову.

Не ожидавший от Сэма даже такого простого приёма, Горлум перелетел через него и очутился снизу, приняв весь вес крупного хоббита на живот. Он пронзительно зашипел, и на мгновение его рука на горле Сэма ослабла, но пальцы другой успели нащупать рукоять меча. Сэм дёрнулся вверх, вскочил и крутанулся вправо, поскольку Горлум так и продолжал сжимать его запястье. Перехватив посох левой рукой, он размахнулся и со свистом обрушил его на вытянувшуюся руку Горлума прямо под локтем.

Горлум взвизгнул и отпустил. Тогда Сэм накинулся на него; не тратя времени на то, чтобы переложить посох в правую руку, он нанёс следующий свирепый удар. Горлум быстро, как змея, скользнул в сторону, и удар, направленный в голову, пришёлся по его спине. Посох треснул и сломался. Горлуму этого хватило с лихвой. Нападение сзади было его старым приёмом, и редко ему приходилось терпеть при этом неудачу. Но на этот раз он совершил ошибку: ослеплённый злобой, он подал голос и принялся злорадствовать прежде, чем сомкнул обе руки на шее своей жертвы. Весь его прекрасный план и так пошёл наперекосяк, когда в темноте так неожиданно вспыхнул этот ужасный свет, а теперь он оказался лицом к лицу с разъярённым врагом, который был только немного меньше его. Такая битва была не по нему. Сэм метнулся к своему мечу и взмахнул им. Горлум заверещал и, как лягушка, одним большим прыжком ускорился на четвереньках прочь. Прежде, чем Сэм успел достать его, он уже исчез, удрав с поразительной скоростью обратно в туннель.

Меч в руке Сэма сам рванулся за ним. На минуту Сэм забыл обо всём, кроме кровавой ярости и желания убить Горлума. Но, прежде чем он сумел догнать его, Горлум пропал. И когда перед хоббитом возникла чёрная дыра, из которой поднималось зловоние, его голову, словно ударом грома, поразила мысль о Фродо и чудовище. Он круто развернулся и помчался вверх по дороге, снова и снова окликая своего хозяина. Но он пришёл слишком поздно. В этой части козни Горлума удались.

Фродо лежал на земле лицом вверх, а чудовище нависало над ним, так занятое своей жертвой, что не обратило внимания на Сэма и его крики, пока он не очутился совсем рядом. Подбежав, Сэм увидел, что Фродо уже скручен верёвками, спелёнат ими от лодыжек до плечей, и чудовище, наполовину подняв, наполовину волоком, уже утаскивает его тело своими громадными передними лапами.

Рядом, с ближайшей к Сэму стороны, лежал, блистая на земле, эльфийский клинок, там, где он выпал, бесполезный, из руки Фродо. Сэм не стал тратить время на рассуждения о том, что тут делать, и настолько ли он храбр, предан или разъярён. Он с воплем прыгнул вперёд и схватил меч своего хозяина в левую руку. Затем атаковал. Более неистовой атаки не бывало даже среди диких зверей, когда какое-нибудь маленькое существо, вооружённое лишь мелкими зубками, бросается на защищённую толстой шкурой рогатую громадину, которая стоит над телом павшего супруга.

Потревоженная, словно вырванная его слабым воплем из приятного сновидения, Ракона медленно перевела на него свой горящий убийственной злобой взор. Но прежде чем она поняла, что за все бессчётные годы ей ещё не доводилось сталкиваться с такой яростью, сияющий меч укусил её ногу, отрубив коготь. Сэм прыгнул вперёд, прямо в проём между её ног и, быстро взметнув другую руку, вонзил клинок в фасеточный глаз на опущенной голове. Глаз померк.

Теперь жалкое создание очутилось прямо под ней, в данный момент недостижимое для её жала и когтей. Обширное, гнилостно светящееся брюхо Раконы возвышалось над Сэмом, который был почти сражён исходящей от него вонью. Однако его ярости хватило ещё на один удар, и, прежде чем она успела опуститься и расплющить дерзкого мелкого наглеца, он рубанул эльфийским клинком по её телу с силой отчаяния.

Но Ракона была не такой, как драконы, на ней не было мягких мест, за исключением глаз. Её древняя шкура была шишковатой, изрытой язвами, но постоянно утолщающейся изнутри слой за слоем зловещего роста. Лезвие оставило на ней ужасную, глубокую рану, но и человек не смог бы пронзить эти отвратительные складки, будь даже меч скован эльфами или гномами и держи его рука Берена или Турина. Ракона дёрнулась от удара и воздела огромный мешок своего брюха высоко над головой Сэма. Из раны, пенясь и пузырясь, выступил яд. И снова, сгибая колени, она опустила своё громадное тулово на хоббита. Слишком рано. Ибо Сэм всё ещё стоял между её ног и, бросив свой собственный меч, двумя руками поднял остриём вверх эльфийский клинок, чтобы отразить эту ужасную кровлю: и так Ракона по собственной злобной воле со всего маху, с силой более мощной, чем в руке любого воина, насадилась на жгучее остриё. Глубже, глубже проникало оно, пока Сэма медленно вжимало в землю.

Такой боли Ракона не чуяла, и не снилось ей, что почувет, за всю свою долгую, исполненную зла жизнь. Ни самый могучий воин древнего Гондора, ни взбешённый орк, загнанный в западню, никогда не могли так долго сопротивляться ей или вонзить клинок в её драгоценное мясо. Дрожь пробежала по ней. Снова вздёрнувшись, корчась от боли, она подобрала под себя скрюченные ноги и отскочила назад судорожным прыжком.

Сэм упал на колени рядом с головой Фродо, его чувства смешались от гнилого зловония, обе руки всё ещё стискивали рукоять меча. Сквозь туман в глазах он смутно различал лицо Фродо и, борясь за своего хозяина, упорно преодолевал своё обморочное состояние. Он медленно поднял голову и всего в нескольких шагах увидел Её, уставившуюся на него, клюв, брызжащий ядовитой слюной, и зелёную слизь, сочащуюся из её раненого глаза. Она

пригнулась там, распластав по земле дрожащее брюхо, и подрагивая крупными суставами громадных ног, словно собираясь с силами для очередного прыжка: в этот раз, чтоб раздавить и ужалить насмерть, — не впрыснуть маленькую порцию яда, чтобы прекратить трепыхание своей жертвы, нет; на этот раз убить, а затем разорвать.

И в то мгновение, когда Сэм сжался, глядя на неё и читая свою смерть в её глазах, к нему, словно подсказка далёкого голоса, пришла некая мысль; он пошарил левой рукой по груди и нашёл, что искал: холодный, твёрдый и удивительно реальный на ощупь в этом призрачном мире ужаса фиал Галадриэли.

— Галадриэль! — слабо проговорил он, и затем услышал далёкие, но удивительно ясные голоса: клики эльфов, когда они шли под звёздами в таких родных тенях Ши́ра, и музыку эльфов, которая доносилась до него сквозь сон в Каминном зале в доме Элронда:

Гилтониэль! А Элберет!

А потом язык его ожил, и голос его воскликнул на наречии, которого он не знал:

А Элберет Гилтониэль
О менель палан-дириэль,
Ле наллон си ди'нгурутос!
А тиро нин, Фануилос!

И с этими словами он, шатаясь, поднялся на ноги и снова был Сэммиумом, хоббитом, сыном Хамфа́ста.

— Ну, погоди, мразь! — крикнул он. — Ты ранила моего хозяина, скотина, и ты заплатишь за это! Мы пройдем, но сперва мы разделаемся с тобой. Ну, давай, и попробуй вот этого ещё раз!

И, словно его неукротимый дух вложил свою мощь в движение, фиал внезапно вспыхнул в его руке, как белый факел. Он пылал, как звезда, которая, сорвавшись с небесного свода, пронизывает тёмный воздух нестерпимым светом. Никогда ещё такой ужас с небес не обжигал морды Раконы. Сияние проникло в её раненую голову, опалив её непереносимой болью, и чудовищная зараза света мгновенно перенеслась от глаза к глазу. Она опрокинулась навзничь, ослеплённая этой внутренней молнией, колотя по воздуху передними лапами, с агонизирующим разумом. Затем, отвернув свою изувеченную голову, откатилась на бок и начала медленно, нога за ногой, отползать назад, к отверстию в тёмном утёсе.

Сэм наступал. Он шатался, как пьяный, но он наступал. И Ракона наконец струсила, сжалась, признав своё поражение, и, дёргаясь и трепеща, постаралась удрать от него. Она добралась до дыры и втиснулась в неё, оставив полосу желто-зелёной слизи, как раз в тот момент, когда Сэм нанёс последний удар по её волочащимся позади лапам. Затем он упал.

Ракона исчезла. Долго ли лежала она в своём логове, лелея боль и злобу, и, излечившись изнутри за долгие годы тьмы, восстанавливала фасеточные глаза, пока голод, подобный смерти, не принудил её снова раскинуть свои чудовищные сети в лощинах Чёрных гор, этого истории не сообщают.

Сэм остался один. Когда вечер Безымянной страны сгустился над местом битвы, он устало подполз обратно к своему хозяину.

— Хозяин, дорогой хозяин, — произнёс он, но Фродо не отозвался.

Когда он без оглядки нёсся вперёд, ликуя, что освободился, Ракона с ужасающей скоростью настигла его со спины и одним быстрым ударом ужалила в шею. Теперь он лежал бледный, не слыша голоса, и не двигался.

— Хозяин, дорогой хозяин, — повторил Сэм и долго молча ждал, тщетно прислушиваясь.

Затем так быстро, как только мог, он перерезал стягивающие Фродо верёвки и прижал голову к его груди и устам, но не смог уловить ни дуновения жизни, ни слабейшего трепета сердца. Он много раз растирал руки и ноги хозяина и касался его лба, но всё было холодным.

— Фродо, мистер Фродо! — позвал он. — Не бросайте меня здесь одного! Это ваш Сэм зовёт вас. Не уходите туда, куда я не смогу последовать за вами! Проснитесь, мистер Фродо! О, Фродо, проснись! Горе, горе! Проснись!

Затем гнев обуял его, и он в ярости бегал вокруг тела своего хозяина, пронзая воздух, колотя по камням и выкрикивая вызов. Вскоре он вернулся и, склонившись, взгляделся в лицо Фродо, белеющее на земле в сумраке, и внезапно понял, что находится в картинке, которая открылась ему в зеркале Галадриэли в Лориэне: Фродо с бледным лицом, лежащий в глубоком сне под большим тёмным утёсом. Или он тогда подумал, что в глубоком сне.

— Он мёртв! — сказал Сэм. — Не спит, мёртв!

И, когда он произнёс это, словно слова вновь привели в действие яд, ему показалось, что лицо приобрело бледно-зелёный оттенок.

И тут чёрное отчаяние обрушилось на него, и Сэм склонился до земли, и надвинул свой серый капюшон на голову, и ночь окутала его сердце, и больше он ничего не помнил.

Когда, наконец, тьма рассеялась, Сэм взглянул вверх, и мрак был вокруг него, но сколько бесконечных минут или часов прошло, он не мог сказать. Он был всё ещё на том самом месте, и хозяин всё ещё лежал рядом с ним, мёртвый. Горы не рухнули, и земля не погибла.

— Что же мне теперь делать, что делать? — пробормотал он. — Неужели же я проделал весь этот путь с ним напрасно?

И тут он вспомнил свой собственный голос, произносящий слова, которых он сам в то время не понимал, в самом начале их путешествия: "Мне ведь, прежде чем всё кончится, обязательно что-то сделать надо, и это впереди ждёт, сэр, если вы понимаете, про что я толкую".

— Но что я могу сделать? Не оставить же мистера Фродо мёртвым, непогребённым, на вершине горы и пойти домой? Или пойти дальше? Дальше? — повторил он, содрогнувшись от мгновенного страха и сомнения. — Дальше? Так вот то, что я должен сделать? И бросить его?

Тут он, наконец, зарыдал и, приблизившись к Фродо, он уложил тело, и скрестил на груди его холодные руки, и завернул его в плащ, и положил свой собственный меч с одной стороны, а посох, подаренный Фарамиром, с другой.

— Если я должен идти дальше, — сказал он, — тогда, с вашего позволения, мистер Фродо, мне придётся взять ваш меч, но я кладу вам вот этот, как он лежал в могиле древнего короля, и у вас остаётся прекрасная мифрильная кольчуга старого мистера Бильбо. И ваш фиал, мистер Фродо, вы одолжили мне его, и он мне понадобится, потому что я теперь всегда буду в темноте. Он слишком хорош для меня, и Владычица дала его вам, но, может быть, она поняла. Поняли ли вы, мистер Фродо? Я должен идти дальше.

Но он не мог идти, не сейчас. Он встал на колени, взял руку Фродо и не мог отпустить её. Время шло, а он так и стоял на коленях, держа руку своего хозяина, и в сердце его продолжался спор.

Теперь он пытался найти в себе силы оторваться от хозяина и продолжить одинокий путь — для мщения. Если ему только удастся оторваться, его гнев пронёс бы его в погоне по всем дорогам мира, пока бы он не нашёл наконец его, Горлума. Тогда Горлум умер бы в углу. Но не это ему было предназначено сделать. Не стоило покидать хозяина ради этого. Это не вернёт его. Ничто не вернёт. Лучше бы им было умереть вместе. И это тоже было бы одиноким путём.

Он взглянул на ясное остриё меча. Он подумал о месте, за которым чёрный обрыв и падение в небытие. И это был не выход. Так не сделать ничего, даже ради скорби. Не это было ему предназначено сделать.

— Но что я тогда должен сделать? — воскликнул он снова, и опять показалось ему, что он слышит суровый ответ: "это впереди ждёт". Другой одинокий путь, и самый худший.

— Как? Мне, одному, идти к Роковой Щели, и так далее? — Он всё ещё дрожал, но решимость крепла. — Как? Мне взять Кольцо у него? Совет доверил его ему.

Но сразу же пришёл ответ: "И Совет дал ему спутников, чтобы то, что поручено, не провалилось. А ты последний из всего Отряда. Задание не должно провалиться".

— Я не хочу быть последним! — застонал он. — Я хочу, чтобы старина Гэндальф был здесь, или кто-нибудь! Почему я остался совсем один собираться с мыслями? Я непременно ошибусь. И не по мне идти с Кольцом, самому вызвавшись на это.

"Но ты не вызвался, ты был выбран. А насчет подходящести или надёжности, то, можно сказать, ни мистер Фродо таким не был, ни мистер Бильбо".

— Ладно, я должен принять решение самостоятельно. Я сделаю это. Но я уверен, что ошибусь: я ведь Сэм Скромби, только и всего.

Теперь прикинем: если нас найдут здесь, или найдут мистера Фродо и эту вещь на нём, так, что ж, тогда она достанется Врагу. А это конец всему, и Лориэну, и Раздолу, и Хоббитании, и всему. И нельзя терять времени, иначе конец неизбежен. Война началась, и скорее всего, что события уже разворачиваются, как хочет того Враг. Нет шанса вернуться с Ним и получить совет или разрешение. Нет, либо сидеть здесь, пока они не придут и не убьют меня над телом хозяина и получают его, или взять его и идти.

Сэм глубоко вздохнул:

— Значит, взять его, вот что!

Он наклонился. Очень бережно он расстегнул застёжку на шее и сунул руку под одежду Фродо. Затем, подняв другой рукой его голову, он поцеловал холодный лоб и осторожно снял цепочку, а затем тихо опустил голову снова. Ничто не изменилось в неподвижном лице, и это более, чем все другие признаки, убедило наконец Сэма, что Фродо умер и находится по ту сторону тревог.

— До свидания, хозяин, дорогой мой! — пробормотал он. — Простите вашего Сэма. Он вернётся сюда, когда дело будет сделано, если он справится с этим. И тогда он больше вас уже не покинет. Отдыхайте спокойно, пока я приду, и пусть ни одна грязная тварь не потревожит вас! И если Владычица могла бы услышать меня и подарить мне одно желание, я пожелал бы вернуться и найти вас снова. До свидания!

И затем он нагнул шею и надел на неё цепочку, и мгновенно его голова склонилась до земли под тяжестью Кольца, словно громадный камень повис на нём. Но медленно, словно груз уменьшился или в нём появились новые силы, он поднял голову, а затем, с великим трудом поднялся на ноги и понял, что может идти и нести своё бремя. И на миг он поднял фиал и взглянул вниз, на своего хозяина, и свет горел теперь мягко, как нежное летнее сияние вечерней звезды, и в этом свете лицо Фродо снова было чистым, бледным, но красивым эльфийской красотой, как у того, кто давно вышел из мрака. И с горьким удовольствием от этого последнего

взгляда Сэм отвернулся, и спрятал свет, и пошёл, спотыкаясь в сгущающуюся тьму.

Идти было недалеко. Туннель остался немного позади, Перевал — в паре сотен ярдов впереди, или ближе. В сумраке виднелась тропа — глубокая борозда, протоптанная за века на перевале, которая теперь полого поднималась по проходу меж утёсами. Проход быстро сужался. Вскоре Сэм добрался до длинного лестничного пролёта, образованного широкими низкими ступенями. Теперь крепость орков возвышалась прямо над ним, грозно чернея в темноте, и в ней тлел красный глаз. Сейчас Сэм скрывался в тёмной тени у её подножья. Он поднялся до конца лестницы и очутился, наконец, на Перевале.

— Я принял решение, — твердил он сам себе. Но это было не так. Хотя он сделал лучшее из того, что мог придумать, то, что он делал, было совершенно против его натуры.

— Не ошибся ли я? — пробормотал он. — Что ещё я должен был сделать?

И когда вокруг него сомкнулись отвесные стены Перевала, прежде, чем он добрался до самой вершины, прежде чем увидел, наконец, дорожку, спускающуюся в Безымянную страну, он обернулся и с минуту смотрел назад, неподвижно застыв от непереносимых сомнений. Он всё ещё различал маленькое чёрное пятнышко в сгущающемся мраке — выход из туннеля, и думал, что видит или угадывает, где лежит Фродо. Ему мерещилось там, внизу, слабое мерцание, а может быть, это был просто обманчивый отблеск слёз, с которыми он смотрел на те камни, где погибла вся его жизнь.

— Если бы только исполнилось моё желание, моё единственное желание, — вздохнул он, — вернуться и найти его!

Затем он, наконец, повернулся лицом к дороге и сделал несколько шагов: самых трудных и самых вынужденных из всех, какие он когда-либо делал.

Всего несколько шагов, ещё чуть-чуть — и он начнёт спускаться и никогда больше не увидит эту вершину. И тут он внезапно услышал крики и голоса. Он замер на месте, как камень. Голоса орков. Они были за ним и перед ним. Топот ног и резкие выкрики: орки поднимались к Перевалу с той стороны, возможно, от какого-то входа в башню. Топот ног и выкрики сзади. Он круто обернулся и увидел маленькие красные огоньки — факелы, которые мигали внизу, появляясь из туннеля. Охота, наконец, началась. Красный глаз башни не был слепым. Он попался.

Теперь мерцание приближающихся факелов и лязг стали впереди были совсем близко. В минуту они доберутся до вершины и кинутся на него. Он слишком долго собирался с мыслями, и теперь это обернулось не к добру. Как тут сбежать, как спасти себя, спасти Кольцо? Кольцо. Он не был способен ни думать, ни решать. Он просто обнаружил, что потянул за цепочку и держит Кольцо в руке. Голова отряда орков показалась на Перевале прямо перед ним. Тогда он надел его.

Мир изменился, и краткий миг давал пищу для размышлений на час. Он моментально понял, что слух его обострился, а взгляд затуманился, но иначе, чем в логове Раконы. Все предметы вокруг были теперь не тёмными, а смутными, тогда как сам он очутился совершенно один в этом смутном, подёрнутом дымкой мире, подобный чёрному твёрдому валуну, и Кольцо, тяжело оттягивая его левую руку, походило на обруч из горячего золота. Он совсем не ощущал себя невидимым, а наоборот, как раз пугающе и единственно видимым, и знал, что где-то его ищет Глаз.

Он слышал треск камней и бормотание воды далеко внизу, в долине Моргула, и где-то там, под скалой, булькающие стоны Раконы, пробирающейся ощупью, потерявшейся в каком-то

глухом тупике, и голоса в подземельях башни, и крики орков, выходящих из туннеля, и оглушительный, раздирающий уши топот ног, скрежет и лязг орков перед ним. Он вжался в утёс. Но они продолжали маршировать, подобно призрачному отряду: серые, расплывчатые фигуры в тумане, кошмарные образы с бледными факелами в руках. И они проходили мимо. Он сжался, пытаясь забиться в какую-нибудь щель, спрятаться.

Затем прислушался. Орки из туннеля и те, что спускались с Перевала, заметили друг друга, и теперь оба отряда закричали и заспешили. Он слышал ясно и тех и других и понимал, что они говорят. Может быть, Кольцо давало понимание языков или просто позволяло понимать, особенно прислужников Саурона, его творца, позволяя хозяину понимать мысли тех, на кого он обращал внимание. Определенно, Кольцо стало гораздо сильнее, приблизившись к месту рождения, но одной вещи оно не могло дать, а именно, храбрости. В данный момент Сэм всё ещё думал лишь о том, как спрятаться, залечь в укромном месте и переждать, пока всё не затихнет, и тревожно прислушивался. Он не мог определить, насколько близки эти голоса. Слова отдавались почти что у него в ушах.

— Ола! Живоглот! Что это ты делаешь здесь, наверху? Уже устал от войны?

— Приказ, увалень. А ты чем занимаешься, Лохмач? Надоело уже тут торчать? Подумываешь спуститься вниз, чтобы подраться?

— Тобой команду. На этом перевале я главный. Так что говори повежливей. Что можешь сообщить?

— Ничего.

— Хей, хей, у-а-а!

Пикировка вожаков была прервана многоголосым воем. Орки снизу внезапно заметили что-то. Они пустились бегом, остальные тоже.

— Хей! Ола! Тут что-то есть! Лежит прямо на дороге. Шпион, шпион!

Заухали хриплые рога, залаяли голоса.

Ужасное потрясение разом стряхнуло с Сэма всё желание спрятаться. Они увидели его хозяина. Что они сделают? Ему доводилось слышать об орках такое, что кровь стыла в жилах. Это было просто непереносимо. Он вскочил, отбросив прочь и саму цель похода, и все свои решения, а с ними все сомнения и страхи. Он знал только, где было и осталось его место: рядом с хозяином, хотя что он мог сделать там, было неясно. Он побежал вниз по ступенькам и обратно по тропе к Фродо.

— Сколько их? — думал он. — Не меньше тридцати-сорока из башни и еще больше тех, что снизу. Скольких я смогу убить, прежде чем они схватят меня? Они увидят пламя меча сразу, как только я обнажу его, и они схватят меня раньше или позже. Интересно, упомянут ли хоть в одной песне о том, как Сэммиум пал на Высоком Перевале, воздвигнув вокруг своего хозяина стену из тел? Нет, не будет песни. Конечно, ведь Кольцо найдут, и никаких песен больше не будет. Я не могу помешать этому. Моё место рядом с Фродо. Они должны понять — Элронд, и Совет, и великие Владыки и Владычицы со всей их мудростью. В их планы вкралась ошибка. Я не могу быть для них Хранителем Кольца. Не могу без мистера Фродо.

Но орки уже были вне пределов досягаемости его расплывающегося зрения. Ему было некогда подумать о себе, но теперь он понял, что устал, устал почти до смерти: его ноги не поспевали вслед за его желанием. Он двигался слишком медленно. Тропа казалась длиной в мили. Куда они все подевались в этом тумане?

Вот они снова! Всё ещё далеко впереди. Толпа фигур вокруг чего-то лежащего на земле;

некоторые, вроде, носятся, уткнувшись носами в землю, словно собаки по следу. Он попытался сделать рывок.

— Вперёд, Сэм! — велел он себе. — Или ты опять придёшь слишком поздно.

Он проверил, как ходит меч в ножнах. Ещё минута — и он обнажит его, а тогда...

Раздался дикий гам, уханье и хохот, и одновременно что-то было подхвачено с земли.

— Йа хой! Йа хэй хой! Хоп, хоп!

Затем чей-то голос скомандовал:

— А ну, двинули! Коротким путём. Назад, к Нижним воротам! По всем приметам она не потревожит нас в эту ночь.

Вся масса орков пришла в движение. Четверо в середине несли вскинутое на плечи тело.

— Йа хой!

Они забрали тело Фродо. Они удалялись. Он не мог догнать их, но продолжал бежать. Орки добрались до туннеля и втягивались внутрь. Те, что несли тело, первыми, а за ними, толкаясь и пихаясь, остальные. Сэм почти подрос. Он обнажил меч — голубое мерцание в его дрожащей руке, — но они не заметили его. Как раз, когда он, задыхаясь, настиг их, последний орк исчез в чёрной дыре.

Мгновение он стоял, схватившись за грудь и тяжело дыша, затем провёл рукавом по лицу, стирая грязь, пот и слёзы.

— Проклятые сволочи! — сказал он и прыгнул за ними в темноту.

Но туннель уже не казался ему таким тёмным: он просто словно шагнул из относительно прозрачного тумана в более плотный. Усталость росла, но тем крепче становилась его воля. Ему мерещилось, что он по-прежнему различает впереди свет факелов, но из-за усталости ему никак не удавалось догнать их. В туннелях орки передвигаются быстро, а этот они знали очень хорошо, потому что, несмотря на Ракону, были вынуждены часто пользоваться им как кратчайшим путём из Мёртвого города на другую сторону гор. В какие отдалённые времена были сделаны основной туннель и круглая яма, где много веков назад поселилась Ракона, они не знали, но они сами проложили по обеим сторонам от них множество окольных коридоров, чтобы ходить туда и обратно по делам их хозяев, минуя её логово. Сегодня они не собирались углубляться в них, а торопились к боковому ходу, который вёл в сторожевую башню на утёсе. Большая часть орков ликовала, довольная обнаруженным и увиденным, и потому они, как принято у этого племени, визжали и гоготали на бегу. Сэм слышал их хриплые вопли, жёсткие и отчётливые в неподвижном воздухе, и среди них выделил два более громких и близких к нему голоса. По-видимому, командиры обоих отрядов замыкали тыл и продолжали разговаривать на ходу.

— Можешь ты унять свой сброд, чтобы не гомонил так, Лохмач? — буркнул один. — Не хватало нам только Раконы на голову.

— Пошёл ты, Живоглот! Твои орут гораздо громче, — ответил другой. — Но пусть парни пошालят! По мне, так пока не стоит беспокоиться насчёт Раконы. Похоже, её укоротили на коготь, и мы не будем кричать об этом. Ты, что, не видел мерзкой слизи на всей дороге к её проклятой щели? Если заткнуть их сейчас, так придётся затыкать ещё раз сто. Так что дай им поржать. И нам наконец-то повезло заполучить кое-что, что нужно Лугбурзу.

— Нужно Лугбурзу, э-э? А что это, как считаешь? Похоже на эльфа, но недомерка. Что опасного в таком, как этот?

— Не знаю, пока не посмотрим.

— Ого! Так они не сказали тебе, чего ожидать? Они не говорят нам всего, не так ли? Даже половины. Но и они могут ошибаться, даже сам Верховный.

— Ш-ш-ш, Живоглот! — Лохмач понизил голос так, что даже своим странно обострившимся слухом Сэму с большим трудом удалось разобрать его слова. — Могут, но у них повсюду глаза и уши, даже среди моих, хочешь верь, хочешь нет. Но одно-то точно: они чем-то озабочены. Назгулы внизу, по твоим же словам, и Лугбурз тоже. Что-то почти проскользнуло.

— Ты сказал почти! — проговорил Живоглот.

— Ладно, — сказал Лохмач. — Но поговорим про это позже. Подожди до Нижнего хода. Есть там местечко, где можно потолковать, пока парни пойдут дальше.

Вскоре после этого Сэм увидел, что факелы исчезли. Затем раздался рокочущий звук и, как раз, когда он рванулся вперёд, глухой удар. Насколько он мог судить, орки повернули и исчезли в том самом проходе, который они с Фродо обследовали и нашли перегороженным. Оно по-прежнему было перегороженным.

По-видимому, поперек дороги лежал большой камень, но орки каким-то образом прошли через него, потому что их голоса доносились с той стороны. Они продолжали бежать дальше, глубже и глубже в гору, назад к башне. Сэма охватило отчаяние. Они тащат тело его хозяина с какой-то мерзкой целью, а он не может преследовать их. Он толкал и пихал камень, бился об него, но тот не поддавался. Затем с той стороны, совсем рядом, как ему показалось, опять раздались голоса двух капитанов. Он замер, прислушиваясь, в надежде, что, может быть, узнает что-нибудь полезное. Быть может, Живоглот, который, судя по всему, служил в Минас Моргуле, выйдет, и тогда ему удастся проскользнуть внутрь.

— Нет, я не знаю, — сказал голос Живоглота. — Приказы, как правило, поступают быстрее, чем кто-либо может летать. Но я не доискивался, как это делается. Безопаснее всего не лезть. Грр! От этих назгулов у меня мурашки по коже. Они сдерут с тебя тело одним взглядом и оставят прохлаждаться в темноте с той стороны. Но Ему они нравятся, они его нынешние фавориты, так что роптать без толку. Говорю тебе, служить внизу, в городе, не шутка.

— Попробовал бы здесь, наверху, с Раконой за компанию, — сказал Лохмач.

— Я бы лучше попробовал где-нибудь ещё, где нет никого из них. Но война уже началась, и, когда она кончится, может, будет и прощ.

— Говорят, всё идёт хорошо.

— Ещё бы не говорить, — буркнул Живоглот. — Посмотрим. Но, в любом случае, если всё пройдёт хорошо, будет гораздо больше места. Что скажешь? Если выпадет шанс, мы с тобой могли бы улизнуть и осесть где-нибудь самостоятельно с несколькими надёжными парнями, где-нибудь, где навалом лёгкой добычи и нет больших начальников.

— А! — отозвался Лохмач. — Как в добрые старые времена.

— Да, — подтвердил Живоглот. — Но особо не рассчитывай. Мне что-то беспокоит. Говорю же, что большие начальники, ух... — его голос упал почти до шёпота, — ух, даже Наибольший, могут ошибаться. Ты сказал, кое-что почти проскользнуло. Я говорю, кое-что проскользнуло. И нам придётся выяснять, что именно. Бедных урхов всегда гоняют выправлять огрехи и мало благодарят. Но не забывай: враги любят нас не больше, чем Его, и если Его одолеют, то и нам конец. Давай так: когда вас послали?

— Около часа назад, незадолго перед тем, как ты нас увидел. Пришло сообщение: "Назгул встревожен. Опасается шпионов на Лестницах. Удвоить бдительность. Патруль на вершину Лестниц". Я вышел сразу же.

— Плохо дело, — сказал Живоглот. — Гляди: наши Безмолвные Стражи беспокоились больше двух дней назад, — это я знаю. Но на следующий день не был послан ни мой патруль и ни одного сообщения в Лугбурз, поскольку грянул Великий Сигнал, Верховный Назгул

отправился на войну и всё такое. А затем, как я слышал, они довольно долго не могли привлечь внимания Лугбурза.

— Полагаю, Глаз смотрел куда-то ещё, — сказал Лохмач. — Говорят, на западе творятся большие дела.

— Я думаю! — проворчал Живоглот. — Но тем временем наши враги поднялись по Лестницам. А где были вы, верхние? Считается, что вы тут сторожите, не так ли? Специальный приказ, или нет? Куда вы смотрели?

— Хватит! Не учи меня работать. Мы смотрели, как надо. Мы знали, что здесь творятся забавные вещи.

— Очень забавные!

— Да, очень: свет, крики и всё прочее. Но в проходе была Ракона. Мои парни видели её и её Пролазу.

— Её Пролазу? Это ещё что?

— Ты должен был видеть его: мелкий тощий чёрный парень. Сам похож на паука или, быть может, на дышащую от голода жабу. Он уже бывал здесь прежде. Сначала ушёл из Лугбурза, годы назад, и у нас был приказ от Верховного пропустить его. С тех пор он пару раз появлялся на Лестницах, но мы оставляли его в покое: похоже, он как-то договорился с Её Величеством. Полагаю, он несъедобен: она не обращает внимания на слова Верховного. Однако хорошо же вы стережёте там, в долине: он поднялся сюда за день до всего этого гама. Мы видели его в начале прошлой ночи. Как бы то ни было, мои парни сообщили, что Её Высочество изволит забавляться, и этого казалось мне вполне достаточным, пока не пришло сообщение. Я думал, её Пролаза притащил ей игрушку, или вы, нижние, послали ей подарочек: военнопленного или что-нибудь наподобие. Я не мешаю её играм. Никто не уйдёт от Ракон, когда она на охоте.

— Никто, говоришь?! Ты, что, глаза зажмурил там, сзади? Говорю же, беспокойно мне что-то. Кто бы ни поднялся по Лестницам, он прошёл. Он разрубил её паутину и спокойно вышел из дыры. Тут есть над чем подумать!

— Пусть так, но она получила его в конце, разве нет?

— Получила его? Получила кого? Этого мальчика? Но, будь он там только один, она давно утащила бы его в свою кладовку, и он был бы сейчас там. И если он нужен Лугбурзу, то тебе пришлось бы отправляться и вытаскивать его. Приятное занятие. Но их было больше, чем один.

Тут Сэм принялся слушать гораздо внимательнее и прижал ухо к камню.

— Кто разрезал верёвки, которые она накрутила на него, Лохмач? Тот же, кто рассёк паутину. Разве не ясно? И кто вонзил булавку в Её Высочество? Полагаю, что он же. И где он? Где он, Лохмач?

Лохмач не отозвался.

— Тебе есть над чем поломать черепушку, если она годится для этого. Тут нет ничего забавного. Никому, никому ещё до сих пор не удавалось всадить булавку в Ракону, что тебе должно быть хорошо известно. Беда, конечно, невелика, но подумай: поблизости бродит кто-то, причём гораздо более опасный, чем любой проклятый бунтовщик, которому доводилось появляться здесь с недобрых старых времён, с времён Великой Осады. Кто-то проскользнул.

— И кто же, по-твоему? — проворчал Лохмач.

— По всем признакам, капитан Лохмач, я сказал бы, что здесь на свободе могучий воин, скорее всего эльф, во всяком случае, с эльфийским мечом, но очень может быть, что и стопором. И он, к тому же, свободно прошёл через все ваши заставы и находится на твоей территории, а вы его так и не заметили. Действительно, очень забавно!

Живоглот сплюнул. Сэм мрачно улыбнулся на это своё описание.

— Да ладно, ты всегда видишь всё в мрачном свете, — сказал Лохмач. — Читай следы, как

тебе нравится, но их можно объяснить и по-другому. Как бы то ни было, я послал часовых на каждую точку, а с делами буду разбираться по очереди. Когда я взгляну на парня, которого мы поймали, тогда и буду волноваться на счёт всего остального.

— Полагаю, из этого мальчика ты вытрясешь немного, — сказал Живоглот. — Возможно, он вообще не имеет отношения к настоящему озорнику. Во всяком случае, для большого парня с острым мечом он особой цены не имел, раз тот оставил его валяться, — обычные эльфийские штучки.

— Увидим! А теперь пошли! Мы толковали достаточно. Пошли, взглянем на пленника!

— Что ты собираешься с ним делать? Не забудь, я заметил его первым. Если затеете игру, я и мои парни должны участвовать.

— Ну, ну, — проворчал Лохмач. — У меня приказ. И забыть про него будет стоить дороже моего или твоего брюха. Любой нарушитель границ, обнаруженный стражей, должен быть заключён в башню. Пленника раздеть. Полное описание всего найденного — одежды, оружия, писем, колец или безделушек — немедленно отправить в Лугбурз и только в Лугбурз. И пленник должен быть сохранён целым и невредимым под угрозой смерти для всей стражи, пока Он не пошлёт за ним или не придёт Сам. Это достаточно ясно, и именно это я и собираюсь сделать.

— Раздет, э-э? — переспросил Живоглот. — Что: зубы, ногти, волосы и всё прочее?

— Нет, ничего подобного. Он для Лугбурза, говорят тебе! Его желают получить в целости и сохранности.

— Тебе это будет трудно, — захохотал Живоглот. — Он и сейчас-то всего лишь падаль! Не представляю, что Лугбурз собирается делать с этой дрянью. С тем же успехом он может пойти в котёл.

— Идиот! — прорычал Лохмач. — Ты болтаешь очень умно, но многого не знаешь, хотя это известно большинству. Ты сам отправишься в котёл или к Раконе, если не поостережёшься. Падаль! И это всё, что ты знаешь о Её Величестве? Когда она обматывает верёвками, то охотится за мясом. Она не ест мёртвой плоти и не сосёт холодную кровь. Этот парень не мёртв!

Сэм пошатнулся, ухватившись за камень. Ему показалось, что весь тёмный мир опрокинулся. Шок был так силен, что он почти потерял сознание. Но, пока он боролся с обморочным состоянием, он не мог удержаться, чтобы не выругать себя в глубине души: "Дурак! Он не мёртв, и твоё сердце знало это. Не доверяй своей голове, Сэм Скромби, это не лучшая твоя часть. Все хлопоты с тобой из-за того только, что ты в действительности никогда не надеялся. А теперь-то, что делать?" В данный момент ничего: только прижаться к неподвижному камню и слушать, слушать мерзкие голоса орков.

— Точно! — сказал Лохмач. — У неё не один яд. Когда она охотится, то просто клюёт слегка в шею, и они смягчают, как рыба без костей, а затем она поступает с ними по своему обыкновению. Помнишь старого Урдока? Он не объявлялся много дней. А затем мы нашли его в уголке, подвешенным, но он был в полном сознании и тарасился весьма свирепо. Как мы хохотали! Может, она забыла про него, но мы не стали его трогать: не стоит связываться с ней. Так вот, этот гадёныш, он проснётся через несколько часов и будет в порядке, не считая небольшой тошноты от укуса. Или мог бы быть в порядке, если бы Лугбурз оставил его в покое. Конечно, не считая недоумения, где он и что с ним случилось.

— А также случится, — захохотал Живоглот. — Во всяком случае, мы можем рассказать ему пару историй, раз уж нельзя сделать ничего больше. Не думаю, что ему доводилось когда-либо бывать в прекрасном Лугбурзе, так что ему наверняка захочется узнать, что его там

ожидает. Это будет гораздо забавнее, чем я думал. Пошли!

— Говорю тебе, никаких забав! — рыкнул Лохмач. — Он должен быть сбережён целым и невредимым, иначе можешь нас всех считать трупами.

— Порядок! Но, будь я на твоём месте, то сперва поймал бы того большого, который на свободе, прежде чем отправлять какой-либо рапорт в Лугбурз. Не слишком-то приятно выслушать, что сцапал котёнка, а кошке позволил удрать.

Голоса начали удаляться. Сэм услышал затихающий топот ног. Он оправился от шока, и теперь им овладела дикая ярость.

— Я всё сделал не так! — воскликнул он. — Я знал, что так оно и будет. Теперь они захватили его, сволочи, мрази! Никогда не покидать хозяина, никогда, никогда — вот мой истинный долг! И я знал это в глубине души. Пусть же простится мне! А теперь я должен вернуться к нему. Как угодно, как угодно!

Он снова обнажил меч и принялся колотить его рукоятью по камню, но раздавался лишь глухой стук. Меч, однако, сверкал так ярко, что Сэм начал кое-что различать в этом свете. К своему удивлению он обнаружил, что большой камень выглядит, как тяжёлая дверь, и ниже, чем два его роста. Между его верхом и низкой аркой оставался тёмный проём. Очевидно, он служил лишь преградой для Раконь и крепился с той стороны каким-нибудь засовом и щеколдой, которые ей не хватало догадки открыть. Собрав оставшиеся силы, Сэм подпрыгнул и ухватился за верх камня, вскарабкался, тяжело свалился с той стороны и затем помчался, как обезумевший, с пылающим мечом в руке за поворот и вверх по петляющему туннелю.

Весть, что его хозяин всё ещё жив, заставила его сделать последнее усилие, несмотря на смертельную усталость. Он ничего не видел впереди из-за сплошных углов и поворотов этого нового туннеля, но ему казалось, что он настигает двух орков: их голоса звучали всё ближе.

— Вот что я собираюсь сделать, — раздражённо сказал Лохмач. — Помещу его напрямик в верхнюю камеру.

— Зачем? — проворчал Живоглот. — У тебя нет надежных казематов здесь, внизу?

— Говорят тебе, он должен уцелеть, — ответил Лохмач. — Понял? Он слишком ценен. Я не доверяю никому из своих парней, а твоим — тем более, и тебе тоже, потому что ты помешан на забавах. Он будет там, где хочу я, и куда ты не войдёшь, если не будешь вести себя прилично. На самый верх, я сказал. Там он будет в безопасности.

— Ой ли? — выдохнул Сэм. — Вы забыли про большого эльфийского война, который на свободе!

С этими словами он обогнул последний угол, чтобы обнаружить лишь, что, то ли из-за какого-то особого свойства туннеля, то ли из-за обострённого Кольцом слуха, он неверно оценил расстояние.

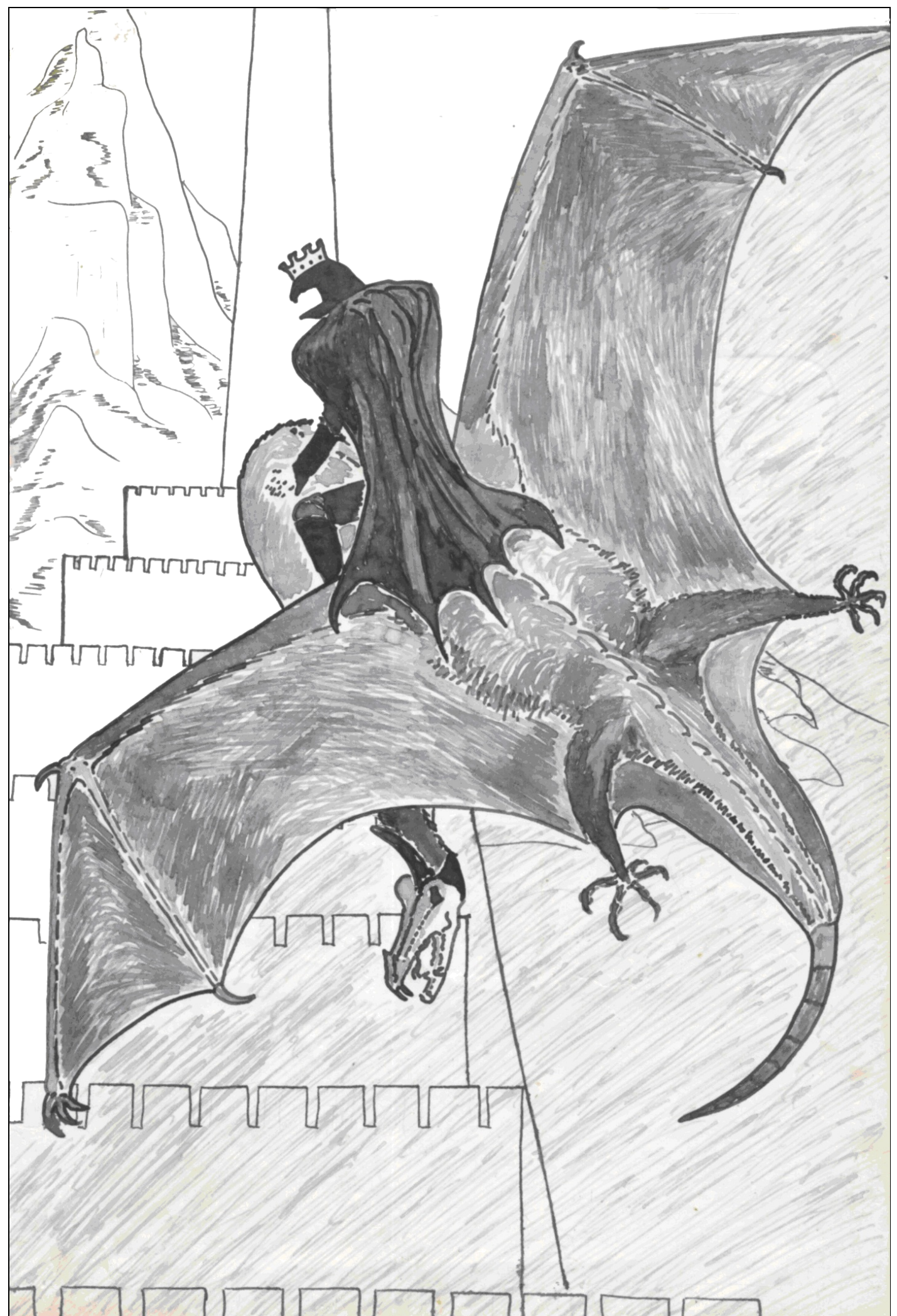
Оба орка были ещё далеко впереди. Теперь он видел их силуэты, чёрные и коренастые на фоне красного свечения. Последний отрезок туннеля шёл прямо, неуклонно поднимаясь вверх, и в конце его стояли широко распахнутые двойные двери, ведущие, вероятно, к глубоким подземельям высокой башни. Орки со своей ношей уже вошли внутрь. Живоглот и Лохмач подходили к воротам.

Сэм слышал взрыв хриплого пения, рёв рогов и грохот гонгов, — чудовищный шум. Живоглот и Лохмач были уже на пороге.

Сэм завопил и замахал Разителем, но его слабый голос потонул в поднявшейся суматохе. Никто не обратил на него внимания.

Высокие двери захлопнулись. Бум. Стальные засовы внутри упали на место. Кланг. Ворота

были заперты. Сэм с силой ударил всем телом в запертые бронзовые створки и без чувств упал на землю. Он остался снаружи во тьме. Фродо был жив, но попал в руки Врага.

Глава I

Минас Тирит

Пин выглянул из-под плаща Гэндальфа, пытаясь понять, проснулся ли он уже или ещё спит, ещё погружён в быстро меняющийся сон, который окутывал его так долго, с тех пор, как началась великая скачка. Тёмный мир проносился мимо, и ветер громко пел в его ушах. Пин не видел ничего, кроме кружащихся в вышине звёзд и огромной тени на фоне неба далеко справа, где тянулись торжественным маршем горы юга. Он сонно попытался припомнить, сколько они уже в пути и что успели проехать, но воспоминания его были смутны и неопределённые.

Сперва они просто мчались с ужасающей скоростью без остановки, а потом, на рассвете, он увидел бледное мерцание золота и они остановились в молчаливом городе, в большом пустом доме на холме. Едва они успели укрыться там, как над ними снова пронеслась крылатая тень, и люди содрогнулись от страха. Но Гэндальф сказал ему несколько ласковых слов, и он уснул в уголке, усталый, но не успокоенный, смутно отмечая появление и перемещение людей, их разговоры и распоряжения Гэндальфа. Потом снова скачка, скачка сквозь ночь. Это вторая, нет, третья ночь с тех пор, как он смотрел в Камень. И с этим ужасным воспоминанием он окончательно проснулся и задрожал, и шум ветра наполнился страшными голосами.

В небе загорелся свет: яркое жёлтое пламя позади тёмной массы. Пин испуганно нырнул обратно под плащ, гадая, в какой же ужасный край везёт его Гэндальф, затем протёр глаза и увидел, что это луна, уже почти полная, поднимается над тенями востока. Так что ночь была ещё не стара, и путь во мраке будет длиться не один час. Пин шевельнулся и заговорил.

— Где мы, Гэндальф? — спросил он.

— В королевстве Гондор, — ответил маг. — Пока ещё тянутся земли Анории.

Некоторое время они снова молчали. Затем неожиданно Пин закричал, вцепившись в плащ Гэндальфа:

— Что это?! Смотри! Огонь, красный огонь! В этой стране есть драконы? Смотри, вот ещё один!

Вместо ответа Гэндальф громко крикнул коню:

— Вперёд, Тенегон! Нужно спешить. Времени мало. Гляди! Зажжены сигнальные огни Гондора, вызывающие о помощи! Война разгорается. Видишь? Костёр на Амон Дине, и пламя на Айленакхе^[6], а дальше они стремительно движутся к западу: Нардол, Эрелас, Мин-Риммон, Белоглав и Курень на границе Ристании.

Но Тенегон приостановил свой бег, перешёл на шаг, а затем вскинул голову и заржал. И из темноты донеслось ответное конское ржание, и вскоре послышались удары копыт. И трое всадников наскakали и промчались, как летящие под луной призраки, и исчезли на западе. Тогда Тенегон напрягся и прыгнул вперёд, и ночь неслась мимо него, как ревущий ветер.

Пин снова впал в полусон и почти не слушал, как Гэндальф говорит ему об обычаях Гондора и о том, как Владыка Города установил на вершинах внешней цепи гор сигнальные огни вдоль обеих, очень протяжённых, границ и посты на этих точках, где всегда были готовы свежие лошади для гонцов на север, в Ристанию, или на юг, в Дивногорье.

— Уже давно не загорались сигнальные огни на севере, — сказал он. — И в былые дни Гондора в них не было нужды, поскольку у них имелись Семь Камней.

Пин беспокойно дёрнулся.

— Засыпай опять и не бойся! — сказал Гэндальф. — Потому что ты направляешься не в

Мордор, как Фродо, а в Минас Тирит, и там ты будешь в такой же безопасности, какая вообще возможна хоть где-либо в эти дни. Если Гондор падёт или Кольцо будет захвачено, то и Шир не станет убежищем.

— Это меня не утешает, — возразил Пин, но сон всё же завладел им. Последнее, что он запомнил перед тем, как провалиться в глубокое забытие, — замеченные мельком белые вершины, которые мерцали в свете клонящейся к западу луны, как плывущие над тучами острова. Где-то сейчас Фродо, подумалось ему, не в Мордоре ли он уже и жив ли он ещё? Он не знал, что очень далеко Фродо смотрит на ту же луну, как она садится за Гондором перед приходом дня.

Разбудил Пина звук голосов. Промелькнули мимо ещё один день в укрытии и ночь в пути. Были сумерки: снова приближался холодный рассвет, и их окружал знобкий серый туман. Тенегон стоял, покрытый испариной, но гордо держал шею и не выказывал и признака усталости. Рядом с ним стояло много высоких людей, плотно закутанных в плащи, а позади них в тумане виднелась каменная стена. Она выглядела частично разрушенной, но уже сейчас, еще до конца ночи, раздавался шум поспешных работ: стук молотков, звон лопат и скрип блоков. Там и тут в тумане тускло горели факелы и светильники. Гэндальф разговаривал с людьми, преграждавшими ему путь, и, вслушавшись, Пин понял, что речь идёт именно о нём.

— Да, верно, мы знаем тебя, Митрандир, — говорил начальник людей. — И тебе известны пароли Семи Ворот, потому ты можешь свободно следовать дальше. Но мы не знаем твоего спутника. Кто он? Гном из северных гор? В нынешнее время мы не желаем присутствия в стране чужаков, если только это не могучие воины, в чьей помощи и верности мы можем быть уверены.

— Я поручусь за него перед троном Денетора, — сказал Гэндальф. — А что до доблести, так не судите по фигуре. Он прошёл сквозь большее число битв и опасностей, чем ты, Ингольд, хоть он и вдвое ниже тебя, и сейчас он возвращается после штурма Скальбурга, о котором мы несём вести, и он очень устал, не то я разбудил бы его. Его имя Перегрин, очень доблестный человек.

— Человек? — с сомнением переспросил Ингольд, и остальные рассмеялись.

— Человек?! — воскликнул Пин, уже окончательно проснувшись. — Человек?! Конечно, нет! Я хоббит, и доблестен в той же мере, в какой могу считаться человеком; ну, разве что время от времени, при необходимости. Не давайте Гэндальфу обмануть вас!

— Редкие вершители великих дел могут сказать о себе больше, — молвил Ингольд. — Но что такое хоббит?

— Невысоклик, — ответил Гэндальф. — Нет, не тот, о котором было сказано, — добавил он, заметив удивление на лицах людей. — Не он, но один из его рода.

— Да, и тот, кто путешествовал вместе с ним, — добавил Пин. — И с нами был Боромир из вашего города, и он спас меня в снегах севера, и под конец был убит, защищая меня от многих врагов.

— Тише! — остановил его Гэндальф. — Вести об этом горе сначала должны быть сообщены отцу.

— Оно уже угадано, — сказал Ингольд, — ибо здесь недавно были странные предзнаменования. Но теперь проходите скорее! Поскольку Владыка Минас Тирита захочет увидеть любого, кто несёт последние вести о его сыне, будь то человек или...

— Хоббит, — сказал Пин. — Немногим могу я услужить вашему господину, но я сделаю всё, что смогу, в память о доблестном Боромире.

— Добрый путь! — произнёс Ингольд, и люди расступились перед Тенегоном, и тот

двинулся сквозь узкие ворота в стене.

— Да принесёшь ты добрый совет Денетору в его нужде и всем нам! — крикнул им вслед Ингольд. — Но говорят, что в твоём обычае приходить лишь с вестями о горе и опасности.

— Потому что я прихожу редко, только когда моя помощь необходима, — ответил Гэндальф. — А что до совета, тебе я могу сказать, что вы запоздали с починкой стены Пелленора. Теперь храбрость будет вашей лучшей защитой против надвигающейся бури — ибо эту и лишь такую надежду несу я, поскольку не все вести, которые я привёз, злы. Но бросьте ваши лопаты и точите мечи!

— Работы завершатся до вечера, — сказал Ингольд. — Это последний участок стены, нуждающийся в починке, и атака с этой стороны ожидается в последнюю очередь, потому что он смотрит в сторону дружественной нам Ристании. Знаешь ли ты о ней что-нибудь? Ты полагаешь, она ответит на зов?

— Да, ристанийцы придут. Но им пришлось выдержать много битв за вашей спиной. Ни эта и никакая другая дорога более не безопасны. Будьте мужественны! Если бы не Гэндальф Каркающий Ворон, вы увидели бы не всадников Ристании, а войско врагов, выходящее из Анории. И вы ещё можете увидеть его. Всего доброго, и не спи!

Теперь Гэндальф очутился на обширных землях за Раммас Эхор, Ответными Заградами. Так люди Гондора называли внешнюю стену, которую они в великих трудах построили после того, как Итилия попала под тень Врага. Более чем на десять лиг протянулась она от подножья гор и обратно, заключая в себе поля Пелленора: прекрасные и плодородные пригородные уголья на пологих склонах и террасах, обрывающихся к поймам Андуйна. В самой дальней своей точке, на северо-востоке, стена отстояла от Больших Ворот города на четыре лиги и глядела с хмурого обрыва на протяжённые приречные равнины; и на этом участке люди сделали её высокой и мощной, так как здесь через неё, сквозь ворота меж укреплёнными башнями, проходила мощёная и огороженная дорога от мостов и переправ Осгилиата. В ближней своей точке, с юго-востока, стена находилось от города чуть больше, чем в лиге. Здесь Андуйн, описывая широкую петлю вокруг холмов Эмин Арнена на юге Итилии, резко сворачивал к западу, и внешняя стена круто возносилась над его обрывистым берегом, под которым лежали пристани и причалы Харлонда для судов, которые поднимались вверх по течению из южных феодов.

Пригороды были богаты, с обширными пашнями и многочисленными фруктовыми садами, а здешние фермы были с хмелесушилками, зерновыми амбарами, овчарнями и коровниками, и множество ручейков сбегало по зеленым с нагорий к Андуйну. Однако пастухи и пахари, жившие здесь, были немногочисленны, и основная часть гондорцев оставалась в семи кругах города или в высоких долинах на краю гор в Лоссарнахе, или дальше к югу, в прекрасной Лебении с её пятью быстрыми реками. Здесь, между горами и морем, жил мужественный и выносливый народ. Они считались гондорцами, однако кровь их была смешанной, и среди них встречались смуглые и низкорослые люди, чьими предками был преимущественно тот забытый народ, который жил в тени холмов в Чёрные годы до прихода королей. Но ещё дальше, в большом лене Дивногорье, в своём замке Дол Амрот у моря жил принц Имрагил, и он был благородных кровей, и его народ тоже: высокие и гордые люди с серыми, как море, глазами.

Сейчас, после того, как Гэндальф некоторое время скакал по Пелленору, небо посветлело, и Пин сел прямо и огляделся. Слева от него было море тумана, поднимавшегося к чёрной тени на востоке, но справа вздымали свои головы высокие горы, гряда которых тянулась с запада и обрывалась круто и резко, словно река, создавая ландшафт, пробива громадный барьер, чтобы вырезать могучую долину, которой в грядущем предстояло стать полем битвы. И там, где

кончались Белые горы, Эред Нимрас, Пин увидел, как и обещал Гэндальф, тёмную массу горы Миндоллуин, глубокие пурпурные тени её верхних лощин и её высокую вершину, белеющую в разливающемся дне. И на выброшенном вперёд колене горы стояла Сторожевая Крепость с её семью каменными стенами, такая могучая и древняя, что она казалась не построенной, а высеченной великанами из земной тверди.

Как раз когда Пин в изумлении разглядывал стены, которые из угрюмо-серых постепенно становились белыми, нежно голубеющими в рассвете, над восточной тенью внезапно поднялось солнце и послало луч, ударивший в лицо городу. Тут Пин громко вскрикнул, потому что Башня Эктгелиона, возвышавшаяся за самой верхней стеной, засияла на фоне неба, как копье из жемчуга и серебра, — высокая, стройная и прекрасная, и шпиль её блеснул, словно был вырезан из хрусталя, и белые стяги развернулись и затрепетали между зубцами в утреннем бризе, и высоко и далеко разнеслось ясное пение серебряных труб.

Так Гэндальф и Пин подскакали на восходе солнца к Большим Воротам гондорцев, и их железные створки распахнулись перед ними.

— Митрандир! Митрандир! — кричали люди. — Вот теперь мы знаем, что буря действительно близка!

— Она над вами, — сказал Гэндальф. — Я примчался на её крыльях. Пустите меня! Я должен идти к вашему владыке Денетору, пока ещё не истекли часы его службы. Что бы ни принесло будущее, вы подошли к концу Гондора, который вы знали. Пустите меня!

Люди расступились, подчиняясь повелительному голосу мага, и не расспрашивали его больше, хотя с изумлением разглядывали хоббита, который сидел перед ним, и коня, который нёс его. Ведь жители города почти не пользовались лошадьми и очень редко видели их на своих улицах, кроме тех, на которых ездили гонцы, отправляемые Денетором. И люди говорили:

— Ведь это, конечно, конь из числа лучших скакунов герцога Ристании? Может быть, вскоре ристанийцы придут к нам на подмогу.

А Тенегон гордо поднимался шагом по длинной извилистой дороге.

Ибо Минас Тирит был построен на семи уровнях, каждый из которых был глубоко врыт в гору и окружён собственной стеной со своими воротами. Но эти ворота не были поставлены на одной линии: Большие Ворота в Стене Города находились в восточной части круга, следующие смотрели на юго-восток, третьи — на северо-восток и так далее, так что мощёная дорога, ведущая к Цитадели, поднималась в гору серпентином. И каждый раз, когда она пересекала линию Больших Ворот, то проходила через сводчатый туннель, пронзающий огромную скалу, чья огромная выступающая масса делила пополам все круги города, кроме первого. Потому что частью из-за исходной формы горы, частью благодаря великим трудам и искусству древних, широкий двор за Большими Воротами замыкался круто уходящим вверх бастионом из камня, чей острый, как киль корабля, край смотрел на восток. Все выше и выше шёл он вплоть до самого верхнего круга, и там был увенчан зубчатой стеной, так что стоящие в Цитадели могли, как моряки на горном корабле, взглянуть себе под ноги и увидеть в семи сотнях футов под собой Ворота Города. Вход в Цитадель был тоже обращён к востоку, но пробит в самом сердце скалы; отсюда длинный, освещённый лампами покатым коридор поднимался к седьмым воротам, через которые можно было, наконец, попасть в Верхний Двор и на площадь Фонтана у подножья Белой Башни, высокой и стройной, в пятьдесят морских саженей от подножья до вершины, где стяг Правителей плескал в тысяче футов над равниной.

Это действительно была сильная крепость, которую не взять целому войску врагов, пока в ней остаются те, кто способен держать оружие; разве что враги могли бы зайти сзади,

вскарабкаться по нижним склонам Миндоллуина и так добраться до узкого плеча, соединявшего Крепостной Холм с основной массой горы. Но это плечо, доходящее до пятой стены, было перегорожено высокими крепостными валами, которые доходили до обрыва и защищали его западный край, и в этом пространстве стояли дома и сводчатые склепы былых королей и правителей, вечно безмолвные между горою и башней.

Пин со всё растущим удивлением разглядывал большой каменный город, который оказался гораздо огромное и роскошнее всего, что он был в силах вообразить; больше и мощнее Скальбурга и несравненно прекраснее. Однако этот город действительно год за годом клонился к упадку, и в нем уже не было и половины прежнего числа жителей. На каждой улице они то и дело проезжали мимо большого дома или двора, над чьими дверями и сводчатыми воротами были вырезаны длинные красивые надписи, выполненные странным старинным шрифтом. Пин догадывался, что это имена знатных людей и родов, которые некогда жили здесь, но теперь они были безмолвны. И ничьи шаги не звучали на их широких плитах, ничей голос не раздавался в их залах, ничьё лицо не выглядывало из дверей или пустых окон.

Наконец они выехали из тени к седьмым воротам, и тёплое солнце, которое сияло за рекой, когда Фродо шёл по полянам Итили, играло здесь на ровных стенах, и мощных колоннах, и большой арке с замковым камнем, которому была придана форма королевской головы в короне. Гэндальф спешил, так как лошадей в Цитадель не допускали, и Тенегон позволил себя увести, подчинившись ласковой просьбе хозяина.

Стражи ворот были одеты в чёрное, и шлемы их были странной формы: высокие, с длинными нащёчниками, которые плотно прилегали к лицу, а над ними были прикреплены белые крылья морских птиц; но шлемы эти сверкали серебряным блеском, потому что были на самом деле изготовлены из мифрила, наследия славы древних дней. На чёрных накидках было вышито белым дерево под серебряной короной и лучистыми звёздами, усыпанное цветами, как снегом. Это была ливрея тех, кто служил наследникам Элендила, и никто во всём Гондоре не носил её, кроме Стражей Цитадели перед Двором Фонтана, где некогда росло Белое Дерево.

Оказалось, что весть об их прибытии обогнала их, и они сразу были пропущены, молча и без вопросов. Гэндальф быстро пересёк широкими шагами мощёный белыми плитами двор. Здесь в утреннем солнце посреди ярко-зелёного газона играл прозрачный, свежий фонтан, но в центре лужайки, склонившись над прудом, стояло мёртвое дерево, и падающие капли печально стекали по его голым обломанным сучьям назад в прозрачную воду.

Пин мельком взглянул на него, когда торопился за Гэндальфом. Он подумал, что это выглядит мрачно, и удивился, почему мёртвое дерево оставили здесь, где всё остальное выглядело хорошо ухоженным.

"Семь звёзд привезли, и ещё семь камней, и Белое Древо одно",—припомнились ему слова, которые пробормотал тогда Гэндальф. И тут он обнаружил, что очутился у дверей большого зала в нижнем этаже сверкающей башни. Пин миновал вслед за Гэндальфом высоких молчаливых привратников и вступил в холодные гулкие тени каменного дома.

Они шагали по выложенному каменными плитами коридору, пустому и длинному, и на ходу Гэндальф тихо сказал Пину:

— Следи за своими словами, мастер Перегрин! Сейчас не время для хоббитских дерзостей. Теоден — добродушный старик. Денетор — человек другого сорта, гордый и утончённый, и гораздо более родовитый и властный, хотя его и не называют ни герцогом, ни королём. Но он будет говорить в основном с тобой и долго расспрашивать тебя, поскольку ты можешь рассказать ему о его сыне, Боромире. Он очень любил его, слишком сильно, быть может, и тем

больше потому, что они были непохожи. Но под покровом своей любви он решит, что скорее узнает то, что желает, от тебя, а не от меня. Не говори ему больше, чем необходимо, и даже не упоминай о поручении Фродо. Когда понадобится, я займусь этим сам. И ничего не говори об Арагорне, разве только не будет другого выхода.

— А почему? Что не так с Бродяжником? — прошептал Пин. — Он же собирался сюда, разве нет? Да и в любом случае, он скоро появится здесь сам.

— Может быть, может быть, — отозвался Гэндальф. — Хотя, если он придёт, это, вероятно, произойдёт таким образом, какого никто не ожидает, даже Денетор. Так будет лучше. Во всяком случае, нам не следует возвещать о его приходе.

Гэндальф остановился перед высокой дверью из полированного металла.

— Смотри, мастер Перегрин; сейчас не время рассказывать тебе историю Гондора, хотя было бы лучше, если бы ты запомнил кое-что из неё, пока бил баклуши и гонял птиц в лесах Ши́ра. Сделай, как я прошу! Вряд ли мудро, принеся могущественному владыке весть о смерти его наследника, слишком распространяться о приходе того, кто собирается, если придёт, предъявить права на трон. Этого достаточно?

— Права на трон? — изумился Пин.

— Да, — ответил Гэндальф. — Если ты шёл всё это время, заткнув уши и отключив мозги, так проснись!

Он постучал в дверь.

Дверь открылась, но кто отворил её, не было видно. Пин заглянул в большой зал. Его освещали с обеих сторон глубокие окна в широких боковых нефах за рядами высоких колонн, которые поддерживали своды. Эти монолиты из чёрного мрамора раскрывались вверх большими капителями, покрытыми густой резьбой в виде странных животных и листьев, и высоко вверх тускло отсвечивал золотом огромный свод, украшенный многокрасочными цветочными орнаментами. Никаких занавесей, штор, ни следа шпалер, ничего тканого или деревянного не было заметно в этом длинном торжественном зале, но между колоннами стояла в нём безмолвная группа высоких скульптур, высеченных из холодного камня.

Внезапно Пину припомнились фигурные скалы Аргоната, и благоговение охватило его, смотрящего на ряды давно умерших королей. В дальнем конце на возвышении, к которому вело много ступеней, стоял высокий трон под мраморным балдахином в форме увенчанного короной шлема: на стене за ним было изображено с помощью резца и украшено самоцветами цветущее дерево. Но трон был пуст. У подножья лестницы, ведущей к трону, на нижней, широкой и глубокой ступени стояло каменное кресло, чёрное и без украшений, и в нём сидел старик, пристально глядящий на свои колени. В его руке был белый жезл с золотым набалдашником. Он не поднял взгляда. Гэндальф и Пин прошествовали по длинному центральному нефу по направлению к нему и остановились в трёх шагах от возвышения. Затем Гэндальф заговорил:

— Привет тебе, владыка и правитель Минас Тирита, Денетор, сын Эктгелиона! Я пришёл в тёмный час с советом и вестями.

Старик поднял глаза. Пин увидел его надменное, словно высеченное из камня, сухощавое лицо с кожей, подобной слоновой кости, и длинным носом с горбинкой между тёмными глубокими глазами, — оно напоминало ему не столько Боромира, сколько Арагорна.

— Час воистину тёмн, — произнёс старик, — и в такие времена ты появляешься обычно, Митрандир. Но, хотя все знамения предвещают, что гибель Гондора близка, меньше сейчас для меня этот мрак, чем мой собственный. Верно ли мне сообщили, что ты привёл с собой того, кто видел смерть моего сына? Это он?

— Да, — ответил Гэндальф. — Один из двух. Второй с Теоденом Ристанийским и, быть

может, придёт позднее. Они невысоклики, как ты видишь, однако не те, о ком говорило пророчество.

— И всё же невысоклик, — мрачно обронил Денетор. — и мало любви питаю я к этому имени с тех пор, как те проклятые слова смутили наших советников и погнали моего сына с нелепым поручением навстречу смерти. Мой Боромир! Мы так нуждаемся в тебе теперь. Фарамир должен был пойти вместо него!

— Он и пошёл бы, — сказал Гэндальф. — Не будь несправедлив в своём горе! Боромир настоял на этом поручении, и не потерпел бы, чтобы послали кого-то другого. Он был властным человеком и тем, кто привык получать то, чего добивается. Я долго шёл с ним и многое понял в его характере. Но ты говоришь о его смерти. Вести об этом достигли тебя прежде, чем мы пришли?

— Я получил вот что, — ответил Денетор и, отложив свой посох, поднял с колен вещь, которую разглядывал. В каждой руке он держал по половине большого рога, расколотого посередине: рог дикого быка, окованный серебром.

— Это рог, который всегда носил Боромир! — воскликнул Пин.

— Истинно, — сказал Денетор. — И в своё время я носил его, и так поступал каждый старший сын нашего дома с оставшихся глубоко в прошлом лет, предшествовавших гибели королей, с тех пор, как Ворондил, отец Мардила, убил дикого быка Арава в дальних степях Рхана. Тринадцать дней назад я слышал его слабый зов с северных рубежей, и Река принесла его мне, разбитым; он больше не запоёт.

Денетор прервал свою речь, и нависло тяжёлое молчание. Внезапно он перевёл свой мрачный взгляд на Пина:

— Что скажешь ты на это, невысоклик?

— Тринадцать, тринадцать дней, — прикинул Пин. — Да, я думаю, именно столько. Да, я стоял рядом с ним, когда он трубил в рог. Но помощь не пришла, только ещё больше орков.

— Так, — произнёс Денетор, не сводя пронизательного взгляда с лица Пина. — Ты был там? Расскажи мне подробнее! Почему не пришла помощь? И как спасся ты, а он, столь могучий воин, каким был, — нет, и только ли орки противостояли ему?

Пин вспыхнул и забыл свой страх.

— Даже самый могучий воин может быть убит стрелой, — сказал он. — А Боромир был пронзён многими. Когда я видел его последний раз, он прислонился к дереву и вырвал чёрнопёрое древко из бока. Потом я потерял сознание и попал в плен. Я не видел его больше и ничего больше не знаю. Но я чту его память, потому что он был очень доблестным. Он погиб, защищая нас, моего кузена Мериардока и меня, попавших в лесу в засаду слуг Чёрного Властелина, и хотя он пал и не смог спасти нас, моя благодарность от этого не меньше.

Тут Пин посмотрел старику прямо в глаза, поскольку в нём, всё ещё ощущавшем жгучую боль от пренебрежения и подозрения, прозвучавших в этом холодном голосе, шевельнулось незнакомое горделивое чувство.

— Без сомнения, столь великий владыка людей не может ждать большой пользы от хоббита, невысоклика из северного Ши́ра, но, какие ни на есть, я хочу предложить свои услуги, чтобы расплатиться за мой долг.

Откинув серый плащ, Пин извлёк из ножен свой маленький меч и положил его к ногам Денетора.

Бледная улыбка, подобная проблеску холодного солнца в зимний вечер, промелькнула по лицу старика, но он наклонил голову и протянул руку, отложив осколки рога.

— Дай мне его! — сказал он.

Пин поднял меч и подал рукоятью вперёд.

— Откуда это? — спросил Денетор. — Много, много лет лежит на нём. Безусловно, это клинок, выкованный в глубокой древности нашими родичами на севере?

— Он из могильных курганов, что находятся на границе моей страны, — ответил Пин. — Но теперь там обитают лишь злые существа, о которых мне не хочется говорить подробнее.

— Я вижу, вокруг тебя ткутся странные истории, — молвил Денетор. — И это снова доказывает, что не стоит судить по внешнему виду о человеке — или невысокликке. Я принимаю твои услуги. Ибо ты не приходишь в смущение от слов и речь твоя учтива, хоть и странным кажется её звучание для нас, южан. И нам будет нужда в любом учтивом народе, большом или малом, в грядущие дни. Теперь клянись мне!

— Возьми рукоять, — сказал Гэндальф, — и повторяй за владыкой, если ты твёрдо решил это.

— Я решил, — подтвердил Пин.

Старик положил меч на колени, и Пин протянул руку к рукояти и медленно повторил за Денетором:

— Здесь я клянусь верно служить Гондору и владыке и правителю королевства, говорить и молчать, делать и не вмешиваться, приходить и идти, в нужде или достатке, в мире или в войне, в жизни и смерти, с этого часа и впредь, пока мой господин не освободит меня, или смерть не возьмёт меня, или мир не погибнет. Так сказал я, Перегрин, сын Паладина, из Ширы невысокликов.

— И это слышал я, Денетор, сын Эктгелиона, владыка Гондора, правитель Великого Короля, и я не забуду это и не премину награждать так, как должно: верность — любовью, доблесть — честью, предательство — мезтью.

Затем Пин получил обратно свой меч и вложил его в ножны.

— А теперь, — сказал Денетор, — вот тебе мой первый приказ: говори и не молчи! Поведай мне свою историю полностью, да смотри, вспомни всё, что сможешь, о Боромире, моём сыне. Сядь и начни!

И он ударил в маленький серебряный гонг, что стоял близ скамеечки для ног, и мгновенно слуги выступили вперёд. Пин увидел теперь, что они стояли в альковах по обеим сторонам двери, невидимые, когда они с Гэндальфом вошли.

— Принесите вина, еды и кресла гостям, — велел Денетор, — и пусть никто не тревожит нас в течение часа.

Это всё, что я могу уделить, ибо есть ещё многое, что заслуживает внимания, — пояснил он Гэндальфу. — Многое, что выглядит более важным, однако для меня не столь безотлагательное. Но, быть может, нам удастся поговорить ещё раз в конце дня.

— И раньше, смею надеяться, — ответил маг. — Потому что я прискакал сюда за сто пятьдесят лиг из Скальбурга со скоростью ветра не для того только, чтобы привезти тебе одного маленького бойца. Разве ничто для тебя, что Теоден выиграл большое сражение, и что Скальбург повержен, и что я сломал жезл Сарумана?

— Это для меня значит многое. Но об этих деяниях я уже знаю достаточно от моего собственного советника против угрозы с востока.

Он перевёл свои тёмные глаза на Гэндальфа, и тут Пин заметил, насколько похожи эти двое, и ощутил напряжение между ними, словно курящуюся дымом полоску от глаза к глазу, которая могла внезапно полыхнуть пламенем.

Несомненно, Денетор казался более похожим на великого мага, чем Гэндальф: более величественным, благородным, могущественным и более старым. Но не зрение, а какое-то иное чувство сказало Пину, что Гэндальф обладает большей мощью, более глубокой мудростью и величием, которое скрыто. И он был старше, гораздо старше. Интересно, на сколько же? —

подумалось ему, и тут же в его голове промелькнула мысль: как странно, что он никогда не задумывался об этом прежде. Древобород рассказал кое-что о магах, но даже тогда он не думал о Гэндальфе, как об одном из них. Что же такое Гэндальф? В какое отдалённое время и откуда пришёл он в этот мир и когда он оставит его? Но на этом его размышления прервались, и он увидел, что Денетор и Гэндальф всё ещё смотрят в глаза друг другу, словно читая чужие мысли. Но Денетор первый отвёл свой взор.

— Да, — сказал он. — Ибо, хоть Камни, как говорят, утрачены, владыки Гондора и поныне проницательнее простых людей и к ним приходит много вестей. Но сядь же!

Потом появились люди, принесшие кресло и низкий стул, а один нёс поднос с серебряным кувшином, кубками и белыми лепёшками. Пин сел, но не мог оторвать глаз от старого владыки. Было так, или он только вообразил, что, когда тот говорил о Камнях, его внезапно сверкнувший взгляд скользнул по лицу Пина?

— Теперь поведай мне свою историю, мой вассал, — полувеличественно, полунасмешливо произнёс Денетор. — Ибо, несомненно, желанны будут слова того, кто был столь дружен с моим сыном.

До конца жизни запомнил Пин этот час в большом зале под пронзительным взглядом владыки Гондора, то и дело выстреливающего проницательными вопросами, причём постоянно ощущая рядом с собой Гэндальфа, настороженного, внимательно слушающего и (как чувствовал Пин) сдерживающего растущий гнев и раздражение. Когда час истёк и Денетор снова ударил в гонг, Пин почувствовал себя окончательно выжатым. "Вряд ли сейчас больше девяти часов утра, — подумал он. — Я мог бы сейчас проглотить три завтрака за один присест".

— Проводите господина Митрандира в приготовленные для него покои, — велел Денетор. — Его спутник, если пожелает, может пока разместиться с ним. Но да будет известно, что ныне я принял его присягу служить мне, и он должен быть известен как Перегрин, сын Паладина, и обучен низшим пароям. Известите капитанов, чтобы они ждали меня здесь сразу, как смогут, после того, как будет пробит третий час.

И ты, господин мой Митрандир, тоже приходи, как и когда только пожелаешь. Никто не воспрепятствует твоему приходу ко мне в любое время, исключая лишь короткие часы моего сна. Дай остыть своему гневу на стариковскую глупость и затем возвращайся к моему утешению!

— Глупость? — возразил Гэндальф. — Нет, господин мой, когда вы выживете из ума, вы умрёте. Вы способны использовать как плащ даже ваше горе. Или вы полагаете, что я не понял цели, с которой вы расспрашивали в течение часа того, кто знает меньше всего, хотя я сидел рядом?

— Если вы поняли её, то будьте довольны, — парировал Денетор. — Безумной была бы гордость, отказывающаяся от помощи и совета в нужде, но вы раздаёте подобные дары лишь в соответствии с собственными замыслами. Однако из владыки Гондора не сделать инструмента для чужих целей, сколь достойными они ни были бы. И в этом мире, каков он есть, нет для него цели выше, чем благо Гондора, и власть над Гондором, господин мой, принадлежит мне и никому другому, пока король не вернётся вновь.

— Пока король не вернётся вновь? — повторил Гэндальф. — Прекрасно, господин мой Правитель, ваш долг — продолжать хранить королевство до этого события, которое немногие теперь надеются увидеть. И в этом вы получите любую помощь, какую вам угодно будет попросить. Но вот что я скажу: мне не принадлежит власть ни над одним королевством, ни над Гондором, ни над любым прочим, большим или малым. Однако я забочусь обо всех ценных и достойных вещах, подвергающихся опасности в этом мире, каков он есть. И, что касается меня,

то даже в случае гибели Гондора, не вся моя работа пойдёт насмарку, если эту ночь переживёт хоть что-то, способное вновь дать в грядущем прекрасные ростки или изобильные плоды. Ибо я тоже слуга. Ты не знал этого?

И с этими словами он развернулся и широким шагом покинул зал, а Пин бежал сбоку от него.

Пока они шли, Гэндальф не смотрел на Пина и не разговаривал с ним. Проводник встретил их у дверей зала и провёл через Двор Фонтана в переулок между высокими каменными зданиями. После нескольких поворотов они подошли к дому у самой стены Цитадели с северной стороны, недалеко от плеча, которое соединяло холм с горой. Поднявшись по широкой резной лестнице на второй этаж, он показал им прекрасную комнату, светлую и просторную, с добротными портьерами, рисунок которых был трудно различим на матово-золотистом фоне. Комната была обставлена скромно: небольшой стол, два кресла и скамья, но по бокам находились занавешенные альковы с хорошо постланными кроватями, сосудами и тазами для омовения. Три высоких узких окна смотрели на север, на большую излучину Андуина, всё ещё окутанного саваном тумана, по направлению к Эмин Муилу и далёкому Рэросу. Чтобы заглянуть через глубокий каменный подоконник, Пину пришлось вскарабкаться на скамью.

— Ты сердисься на меня, Гэндальф? — спросил он, когда их проводник ушёл и закрыл за собой дверь. — Я сделал всё, что мог.

— Конечно, да! — сказал Гэндальф, неожиданно рассмеявшись; он подошёл, встал рядом с хоббитом, обхватил его рукой за плечи и тоже посмотрел в окно. Смех прозвучал так весело, что Пин с некоторым удивлением взглянул в лицо мага, которое было теперь совсем рядом, но сначала увидел лишь морщины, прочерченные заботой и скорбью. И только всмотревшись внимательнее, он понял, что под ними скрывалась великая радость: настоящий фонтан веселья, достаточный, чтобы, когда он прорвётся, заразить смехом целое королевство.

— Конечно, ты сделал всё, что мог, — повторил маг, — и надеюсь, что ещё не скоро ты вновь попадёшь в зажим между двумя столь кошмарными стариками. Тем не менее, владыка Гондора узнал от тебя больше, чем ты полагаешь, Пин. Ты не смог утаить тот факт, что от Мории отряд вёл не Боромир и что среди вас был некто весьма достойный, направлявшийся в Минас Тирит, и что у него есть знаменитый меч. Люди в Гондоре много думают о преданиях древних дней, и Денетор долго размышлял над стихом и над словами Проклятие Исилдура с тех пор, как Боромир ушёл.

Он не таков, как другие люди этого времени Пин, и как бы ни передавалось наследие от отца к сыну, случилось так, что кровь Заокраинного Запада струится в нём почти без примесей, как и в другом его сыне, Фарамире, чего, однако, не было в Боромире, которого он любил больше. Он прозорлив. Он способен понять, если направит на это свою волю, многое из того, что происходит в умах других людей, даже тех, что живут далеко. Трудно обмануть его и опасно пытаться.

Помни это! Потому что теперь ты поклялся служить ему. Я не знаю, что вложило в твою голову или твоё сердце поступить так. Но это было хорошо сделано. Я не препятствовал, ибо не следует сдерживать благородный порыв холодным советом. Это тронуло его сердце и, насколько я могу судить, улучшило настроение. И, по крайней мере, теперь ты можешь свободно ходить по Минас Тириту — когда ты не на службе. Потому что это обратная сторона медали. Ты в его распоряжении, и он не забудет об этом. Продолжай соблюдать осторожность!

Маг замолчал и вздохнул.

— Ладно, не стоит размышлять над тем, что будет завтра. Ибо завтра совершенно определённо будет хуже, чем сегодня, причём на многие дни вперёд. И тут я уже ничем не могу помочь. Доска разложена, и фигуры пришли в движение. Одна из этих фигур, которую я очень

хочу найти, Фарамир, теперь наследник Денетора. Не думаю, что он в городе, но у меня не было времени расспрашивать о новостях. Я должен идти, Пин. Я должен пойти на этот совет лордов и узнать всё, что смогу. Но ход у Врага, и он готов открыть свою решающую игру. И похоже, что пешкам доведётся увидеть в этой партии столько же, сколько всем прочим, Перегрин, сын Паладина, солдат Гондора. Точи свой меч!

Гэндальф подошёл к двери и там обернулся.

— Я спешу, Пин, — сказал он. — Когда соберёшься выходить, окажи мне услугу. Даже до того, как отдохнёшь, если только ты не слишком устал. Найди Тенегона и посмотри, как его устроили. Эти люди хорошо относятся к животным, потому что они добрый и мудрый народ, но они не столь искусны в обращении с лошадьми, чем некоторые.

Сказав это, Гэндальф ушёл, и сразу вслед за этим в башне Цитадели мелодично ударил колокол. Трижды прозвенел он в воздухе серебром и замолчал: третий час от восхода солнца.

Через минуту Пин уже выскочил за дверь, спустился по лестнице и выглянул на улицу. Солнце теперь светило тепло и ярко, башни и высокие дома отбрасывали на запад длинные, резко очерченные тени. В голубом воздухе высоко вздымала свой белый шлем и снежный плащ гора Миндолуин. По улицам города взад и вперёд проходили вооружённые люди, словно спешившие с ударом часов сменить друг друга на постах и службах.

— В Шире это называется девять часов утра, — произнёс вслух Пин, обращаясь к самому себе. — Самое время для приятного завтрака у открытого окна на весеннем солнышке. И как же мне хотелось бы позавтракать! Эти люди вообще завтракают, или завтрак у них уже кончился? И где, интересно, они обедают, и когда?

Вскоре он заметил человека, одетого в чёрное и белое, который шёл по узкой улице из центра Цитадели в его сторону. Пин чувствовал себя одиноким и уже совсем было решился заговорить с этим человеком, когда он будет проходить мимо, но этого не потребовалось. Человек сам подошёл к нему.

— Ты Перегрин Невысоклик? — спросил он. — Мне сообщили, что ты присягнул служить Городу и Владыке. Добро пожаловать!

Он протянул руку, Пин пожал её.

— Меня зовут Берегонд, сын Баранора. Я не занят этим утром, и меня послали к тебе, чтобы обучить пароям и рассказать тебе немного о том, что ты, без сомнения, захочешь узнать. Что касается меня, то мне тоже хотелось бы познакомиться с тобой, поскольку никогда прежде не видели мы невысоклика в этой стране и, хоть и слышали о них, мало что говорится про вас в любом из известных нам преданий. Кроме того, ведь ты друг Митрандира. Ты хорошо его знаешь?

— Ну, — сказал Пин, — можно сказать, о нём я знаю всю свою короткую жизнь, а недавно я проделал с ним долгий путь. Но в этой книге много чего можно прочесть, и я не могу претендовать на то, что просмотрел больше, чем одну-две страницы. И всё же я, наверное, знаю его не хуже, чем другие, за исключением немногих. Думаю, из всего нашего Отряда один лишь Арагорн действительно знает его.

— Арагорн? — переспросил Берегонд. — Кто это?

— Ох, — запнулся Пин. — Ну, это человек, который шёл с нами. Я думаю, сейчас он в Ристании.

— Я слышал, ты был в Ристании. И мне хотелось бы также подробно расспросить тебя и об этой стране, потому что мы возлагаем многое на ту маленькую надежду, которую даёт нам её народ. Но я отвлёкся от данного мне поручения, которое обязывает меня сначала ответить на твои вопросы. Что тебе хотелось бы узнать, мастер Перегрин?

— Э-э, ну, — протянул Пин, — смею сказать, что из всех жгучих вопросов больше всего меня сейчас волнует один: как насчёт завтрака и всего прочего? То есть, когда вы, так сказать, садитесь за стол, и где здесь столовая, если она есть? И харчевни? Я смотрел, пока мы ехали наверх, но не заметил ни одной, хотя, признаться, всю дорогу меня поддерживала надежда на глоток эля, когда мы попадём в жилища учтивых и мудрых людей.

Берегонд серьёзно посмотрел на него.

— Я вижу, ты старый служака, — сказал он. — Говорят, что люди, сражающиеся в поле, всегда подбадривают себя надеждой поскорей добраться до еды и питья, хотя самому мне не приходилось много путешествовать. Так, значит, ты ещё не ел сегодня?

— Ну, если говорить вежливо, то ел, — ответил Пин. — Но не больше, чем кубок вина и одну-две белых лепешки, благодаря любезности вашего господина. Но за это он целый час мучил меня вопросами, что заставляет-таки проголодаться.

Берегонд рассмеялся.

— За столом великие дела вершатся малыми людьми, как у нас говорят. Однако ты позавтракал не хуже, чем любой человек в Цитадели, и с гораздо большим почётом. Это крепость и сторожевая башня, причём в настоящий момент на военном положении. Мы встаём прежде солнца, перекусываем в сером свете и с восходом идём на службу. Но не отчаивайся! — Он снова рассмеялся при виде обескураженного лица Пина. — Те, кто несут тяжёлую службу, получают кое-что для подкрепления своих сил в середине утра. Затем полдник в середине дня или тогда, когда позволяют служебные обязанности, а в час захода солнца люди собираются для дневной трапезы и такого веселья, какое ещё возможно в эти дни.

Идём! Прогуляемся немного, а затем отдохнём, а заодно и подкрепимся на крепостной стене, чтобы полюбоваться прекрасным утром.

— Один момент! — сказал Пин, покраснев. — Прожорливость или, как ты вежливо говоришь, голод, совсем было вышибли это у меня из головы. Но Гэндальф, или, как вы его зовёте, Митрандир, просил меня навестить его коня, Тенегона, большого жеребца из Ристании и, как мне говорили, зеницу герцогского ока, хоть он и отдал его Митрандиру. Думаю, что его новый хозяин любит это животное больше, чем многих людей, и, имей его пожелания вес в этом городе, вам пришлось бы обходиться с Тенегоном со всем почтением и даже с большей добротой, чем вы обошлись с хоббитом, если только это возможно.

— Хоббитом? — переспросил Берегонд.

— Так мы называем себя сами, — пояснил Пин.

— Я рад узнать это, — сказал Берегонд, — поскольку теперь я могу сказать, что странный акцент не портит учтивой речи, а хоббиты — учтивый народ. Но идём! Ты познакомишь меня с этим добрым конём. Я люблю животных, но мы редко видим их в этом каменном городе; ведь мой народ родом из горных долин, а до этого — из Итилии. Однако, не бойся! Визит будет коротким — всего лишь дань вежливости, а оттуда направимся напрямиком в кладовые.

Пин нашёл, что Тенегона хорошо устроили и обиходили, поскольку в шестом круге, за стенами Цитадели, было несколько прекрасных стойл, где рядом с помещениями для гонцов Владыки держали резвых лошадей, чтобы посланцы были в любую минуту готовы скакать по неотложному приказу Денетора или главных капитанов. Но сейчас все лошади и всадники были в разъездах.

Тенегон тихонько заржал, когда Пин вошёл в стойло, и повернул голову.

— Доброе утро! — сказал Пин. — Гэндальф придёт сразу, как только сможет. Он занят, но просил передать тебе привет и посмотреть, всё ли с тобой в порядке; надеюсь, ты отдыхаешь от своих долгих трудов.

Тенегон махнул головой и переступил. Но он позволил Берегонду погладить его по морде и большим бокам.

— Он выглядит так, словно пробежался на скачках, а не преодолел только что долгий путь, — сказал Берегонд. — Как он горд и могуч! Где его сбруя? Она должна быть богатой и прекрасной.

— Нет сбруи достаточно богатой и прекрасной для него, — ответил Пин. — Он не хочет никакой. Если он согласен нести тебя, то понесёт, а если нет, так никакие удила, узда, хлыст или плеть не укротят его. До свидания, Тенегон! Потерпи. Битва близка.

Тенегон вскинул голову и заржал так, что стойло закачалось, и они зажали уши. Затем они распрощались и ушли, убедившись, что кормушка как следует наполнена.

— А теперь к нашей кормушке, — предложил Берегонд и повёл Пина обратно в Цитадель, а там к двери в северной стене высокой башни. Потом они спустились по длинной холодной лестнице в широкую галерею, освещённую лампами. В её боковой стене были решётки, одна из которых стояла открытой.

— Здесь кладовые и склад моего отряда Стражи, — сказал Берегонд. — Привет, Таргон! — окликнул он через решётку. — Сейчас ещё рано, но тут новичок, которого Владыка принял к себе на службу. Он долго и далеко скакал на пустой желудок и тяжело потрудился сегодня утром, и он голоден. Дай нам, что у тебя найдётся!

Тут им выдали хлеб, и масло, и сыр и яблоки: последние зимнего сорта, сморщенные, но сочные и сладкие, — и кожаную флягу со свежим элем, и деревянные тарелки и чаши. Они сложили всё это в плетёную корзину, снова выбрались на солнце, и Берегонд повёл Пина к восточной оконечности высокого, выступающего вперёд бастиона, где в зубчатой стене была глубокая амбразура, а под ней каменное сиденье. Отсюда они могли любоваться утром над миром.

Они ели, пили и говорили то о Гондоре, его нравах и обычаях, то о Шире и чужих краях, в которых побывал Пин. И с каждым разом Берегонд всё больше удивлялся и всё изумлённее глядел на хоббита, болтающего своими короткими ножками, когда он сидел на скамье, или встающего на ней на цыпочки, чтобы заглянуть в амбразуру и увидеть земли внизу.

— Не скрою от тебя, мастер Перегрин, — сказал Берегонд, — что для нас ты выглядишь почти как ребёнок, паренёк лет девяти или около того, и, тем не менее, ты пережил столько опасностей и видел такие чудеса, что немногие из наших седобородых могут похвастать тем же. Я думал, что нашему Владыке пришёл в голову каприз завести себе благородного пажа, как поступали, по слухам, в древности короли. Но теперь я вижу, что это не так, и прошу извинить мою глупость.

— Извиняю, — сказал Пин. — Хотя ты не очень ошибся. Среди своего народа я всё ещё считаюсь почти мальчишкой и "войду в возраст", как говорят у нас в Шире, только через четыре года. Впрочем, довольно обо мне. Лучше посмотри сюда и скажи, что отсюда видно.

Солнце уже вошло довольно высоко, и туманы в долине внизу поднялись. Последние их остатки проплывали над головой обрывками белых облаков, уносимые вдаль крепнущим ветром с востока, который колыхал флаги на Цитадели и плескал её белыми стягами. Далеко внизу, на дне долины, примерно в пяти лигах, если оценивать расстояние на глаз, теперь была видна серая и блестящая Великая Река, катившая свои воды с северо-запада, затем сворачивающая могучей петлёй к югу и опять к западу и теряющаяся из виду в дымке и мерцании, за которыми очень далеко, в пятидесяти лигах отсюда, было море.

Пин мог видеть весь Пелленор, лежащий перед ним, как на ладони, усеянный вдали точками ферм, невысоких оград, сараев и коровников, но нигде не было заметно ни коров, ни

других животных. Зелёные поля пересекало множество дорог и трактов, на которых царило оживлённое движение: одни повозки вереницами тянулись к Большим Воротам, другие выезжали из них. Время от времени к Воротам подъезжал всадник, соскакивал с седла и спешил в Город. Но основное движение шло прочь от города, по главному, огороженному стенками тракту, который сворачивал к югу круче, чем Река, и, огибая подножье холмов, вскоре терялся из виду. Он был широк и хорошо вымощен, к восточному краю мостовой примыкала столь же широкая дерновая полоса для всадников, а стена была уже за ней. Всадники проносились туда и обратно, но мощёная дорога вся казалась забитой большими крытыми повозками, направляющимися к югу. Однако вскоре Пин понял, что в действительности всё подчинялось строгому порядку: повозки двигались тремя рядами, одни, влекаемые лошадьми, быстрее, другие медленнее (это были тяжёлые фургоны с красивыми разноцветными кузовами, запряжённые быками). А вдоль западного края тракта — множество небольших тележек, которые тащили медленно бредущие люди.

— Это путь к долинам Сыпхольм и Лоссарнах, к горным деревням, а затем в Лебению, — сказал Берегонд. — По нему уходят последние повозки, увозящие в убежища стариков, детей и женщин, которые должны сопровождать их. Они все обязаны выйти из Ворот и очистить дорогу на лигу до полудня: таков был приказ. Это печальная необходимость. — Он вздохнул. — Быть может, немногим из тех, кто расстался сейчас, доведётся встретиться вновь. В этом городе и так было слишком мало детей, а теперь и вовсе нет никого, кроме нескольких подростков, которые не пожелали уходить и способны выполнять кое-какую работу. Один из них — мой сын.

На некоторое время разговор иссяк. Пин с тревогой смотрел на восток, словно ожидал в любой момент увидеть тысячные орды орков, разливающиеся по полям.

— А что виднеется там? — спросил он, указывая вниз на середину большой излучины Андуина. — Это другой город, или что это?

— Это был город, — ответил Берегонд, — столица Гондора, а наш город был всего лишь её крепостью. Ибо это руины Осгилиата, занимавшего оба берега Андуина, который наши враги захватили и сожгли уже очень давно. Однако в дни юности Денетора мы отвоевали его назад: не для того, чтобы жить там, а в качестве форпоста и чтобы восстановить мосты для прохода наших армий. А затем появились Ужасные Всадники из Минас Моргула.

— Чёрные Всадники? — проговорил Пин, расширив глаза, которые стали большими и тёмными от вновь проснувшегося старого страха.

— Да, они были чёрными, — подтвердил Берегонд, — и я вижу, что тебе кое-что известно на их счёт, хотя ты ни разу не упомянул о них ни в одном рассказе.

— Я знаю о них, — сказал Пин тихо, — но не хочу говорить о них теперь, так близко, так близко... — Он замолк, устремил свой взор за Реку, и ему показалось, что там нет ничего, кроме плотной, грозной тени. Возможно, это были маячащие на самом горизонте горы, чей зубчатый хребет сглаживали двадцать лиг туманного воздуха, а может, это была всего лишь стена туч, за которой угадывалась другая, более глубокая мгла. Но пока он смотрел туда, ему почудилось, что мрак растёт и сгущается, медленно, очень медленно поднимаясь в небо, чтобы поглотить область, принадлежащую солнцу.

— Так близко к Мордору? — спокойно закончил фразу Берегонд. — Да, он лежит там. Мы редко называем его, хотя вынуждены вечно жить ввиду его тени. Временами она кажется тоньше и более отдалённой, временами ближе и плотнее. Ныне она растёт и сгущается, и потому наш страх и тревога растут тоже. А Ужасные Всадники: менее года назад они отбили переправы, и многие из наших лучших воинов погибли. Но Боромиру в конце концов удалось отбросить врагов назад, с этого западного берега, и мы пока ещё удерживаем около половины Осгилиата. Ненадолго. Вскоре мы ждём там новой атаки. Быть может, главной атаки в грядущей

войне.

— Когда? — спросил Пин. — Как ты думаешь? Потому что я видел сигнальные огни прошлой ночью и гонцов, а Гэндальф сказал, что это знак того, что война началась. Сдавалось, он отчаянно спешил. Но теперь всё словно бы опять затихло.

— Только потому, что теперь всё готово, — ответил Берегонд. — Но это лишь затишье перед бурей.

— Тогда почему прошлой ночью были зажжены сигнальные огни?

— Поздно посылать за помощью, когда ты уже осаждён, — сказал Берегонд. — Но я не знаю, чем руководствуются в своих решениях Правитель и его капитаны. У них много способов узнавать новости. И владыка Денетор не похож на других людей: он провидец. Некоторые говорят, что, когда он сидит ночью один в своём верхнем покое в Башне и направляет свою мысль на то или это, он может прочесть нечто в грядущем и что временами ему даже удаётся постичь мысль Врага, вступая с ним в борьбу. Именно поэтому он так стар, потерял силы раньше времени. Но, как бы там ни было, мой господин Фарамир сейчас находится с опасным заданием за Рекой на вражеской территории, и он мог прислать вести.

Если же ты хочешь знать моё мнение, почему были зажжены сигнальные огни, то, скорее всего, из-за новостей, которые пришли вчера под вечер из Лебении. К устью Андуйна подходит большой флот корсаров из Умбара, что на юге. Они давно потеряли страх перед мощью Гондора и предали Врагу, а теперь собираются нанести по нам серьёзный удар. Потому что эта атака отвлечёт много подкреплений, которые мы ожидаем из Лебении и Дивногорья, население которых стойко и многочисленно. И тем больше наши думы обращаются на север, к Ристании, и тем большую радость доставила нам принесённая вами весть о победе.

И всё же, — он замолчал, встал и обвёл взором север, восток и юг, — события в Скальбурге предупреждают нас, что теперь мы имеем дело с общей стратегией и попали в большую сеть. Это более не стычки у переправ, набег из Итили и Анории, засады и мародёрство. Это большая, давно спланированная война, и мы лишь часть её, что бы там ни говорила гордость. Приходят сообщения о движении далеко на востоке, за Внутренним морем, и на севере, в Лихолесье и за его пределами, и на юге, в Хараде. Теперь всем королевствам придётся пройти суровую проверку: выстоять или пасть — под Тень.

Однако, мастер Перегрин, всё-таки нам выпала честь удостоиться особой ненависти Чёрного Властелина, поскольку ненависть эта исходит из глубины времён и перенесена через бездны Моря. Здесь падёт самый сильный удар молота. Именно по этой причине Митрандир примчался сюда в такой спешке. Потому что, если падём мы, то кто устоит? И, мастер Перегрин, видишь ли ты хоть малейшую надежду, что мы выстоим?

Пин не ответил. Он посмотрел на высокие стены, и башни, и храбро поднятые знамёна, и солнце высоко в небе, а потом на сгущающуюся на востоке мглу и подумал о длинных щупальцах Тени, об орках в лесах и горах, предательстве Скальбурга, зловещих птицах и Чёрных Всадниках даже на просёлках Ши́ра, и о крылатом ужасе, назгуле. Он содрогнулся, и надежда угасла. И в этот миг солнце на секунду мигнуло и потускнело, словно по нему прошло тёмное крыло. И хоббиту показалось, что почти на пределе слышимости высоко и далеко в небе прозвучал крик: слабый, но душераздирающий, холодный и жуткий. Он побледнел и вжался в стену.

— Что это было? — спросил Берегонд. — Ты тоже что-то почувствовал?

— Да, — пробормотал Пин. — Это было предвестие нашего падения и тень рока: Ужасный Всадник в воздухе.

— Да, тень рока, — сказал Берегонд. — Я боюсь, что Минас Тирит падёт. Надвигается ночь. У меня ощущение, будто вся кровь оледенела.

Некоторое время они сидели, свесив головы, и молчали. Затем Пин неожиданно посмотрел вверх и увидел, что солнце всё ещё светит и знамёна по-прежнему развеваются на ветру. Он встряхнулся.

— Это прошло, — сказал он. — Нет, моё сердце ещё не отчаялось. Гэндальф погиб, но вернулся, и он с нами. Мы можем устоять, пусть даже на одной ноге, или, на худой конец, удержаться хоть на коленях.

— Верно сказано! — воскликнул Берегонд. Он вскочил и быстро заходил взад и вперёд. — нет, хотя все вещи обречены со временем исчезнуть, Гондор ещё не умрёт. Нет, даже если опрометчивый враг взойдёт на его стены по горе из трупов. Есть ещё и другие укрепления и тайные тропы для бегства в горы. Надежда и память ещё продолжают жить в тайных долинах, где трава зелена.

— Всё равно, я хочу, чтобы всё уже кончилось к добру или к худу, — сказал Пин. — Я вовсе не воин и питаю отвращение к любой мысли о битве, но ждать начала той, которой я не могу избежать, хуже всего. Каким долгим кажется этот день! Мне было бы легче, если бы нам не приходилось стоять и дожидаться в полном бездействии, нигде даже не ударив первыми. Думаю, что в Ристании тоже не нанесли бы ни одного удара, если бы не Гэндальф.

— А! Ты бередишь болячку, которая зудит у многих, — промолвил Берегонд. — Но всё может измениться, когда вернётся Фарамир. Он отважен, гораздо отважнее, чем думают многие, так как в нынешние дни люди не очень верят, что капитан может быть мудр и искушён в летописях и песнях, как он, и при этом быть сильным и способным быстро оценивать обстановку на поле боя. Но Фарамир именно таков. Менее опрометчивый и пылкий, чем Боромир, но не менее решительный. Однако, что, собственно, он может сделать? Мы не в состоянии штурмовать горы... вон того королевства. Пределы нашей досягаемости сузились, и мы не способны ударить, пока враг не окажется в них. Но тогда наша рука должна быть тяжела! — И он стукнул по рукояти своего меча.

Пин смотрел на него — высокого, гордого и благородного, как все люди, которых он успел повидать в этой стране, и с отважным блеском в глазах при мысли о битве. "Увы! Моя-то рука легче перышка, — подумал он про себя. — Пешка, сказал Гэндальф? Возможно, только не на своей доске".

Так они беседовали, пока солнце поднималось, и тут внезапно пробил полуденный колокол и в Цитадели стало оживлённо, потому что все, кроме часовых, направились поесть.

— Ты пойдёшь со мной? — спросил Берегонд. — На сегодня ты можешь присоединиться к моему столу. Я не знаю, к какому отряду тебя причислят, или же Правитель оставит тебя в собственном распоряжении. Но тебя с радостью примут. И тебе было бы хорошо познакомиться с возможно большим числом людей, пока есть время.

— С большим удовольствием, — ответил Пин. — Сказать по правде, мне одиноко. Я оставил в Ристании своего лучшего друга, и мне не с кем поговорить или пошутить. Может быть, я действительно смогу вступить в твой отряд? Ты капитан? Если да, ты мог бы взять меня или попросить за меня?

— Нет, нет! — рассмеялся Берегонд. — Я не капитан. Я всего лишь простой солдат Третьего отряда Цитадели, так что у меня нет ни чинов, ни звания, ни титулов. Однако, мастер Перегрин, просто служить в страже Башни Гондора считается в Городе весьма почётным, и такие люди пользуются уважением в стране.

— Тогда это для меня недостижимо, — сказал Пин. — Отведи меня назад в нашу комнату, и, если Гэндальфа там нет, я пойду с тобой куда угодно как твой гость.

Гэндальфа в комнате не было, записки от него тоже, так что Пин пошёл с Берегондом и познакомился с солдатами Третьего отряда. И похоже, что, приведя его, Берегонд поднялся в глазах людей столь же высоко, как и его гость, потому что Пина горячо приветствовали. В Цитадели пошло уже немало толков о спутнике Митрандира и его продолжительной беседой наедине с Правителем, и молва объявила, что с севера прибыл принц невысокликов, чтобы предложить Гондору союз и пять тысяч мечей. А некоторые добавляли, что когда из Ристании прискачут всадники, каждый привезёт за спиной воина-невысоклика, быть может, небольшого, но доблестного.

Хотя Пину пришлось с сожалением разрушить эти обнадеживающие слухи, избавиться от своего нового, только что полученного титула ему не удалось: люди полагали, что он пристал тому, кто дружил с Боромиром и был с почётом принят владыкой Денетором, и они благодарили его за то, что он разделил их компанию, и ловили каждое его слово и рассказы о чужих странах, и дали ему столько еды и эля, сколько он и пожелать не мог. Фактически, единственной его заботой было "соблюдать осторожность" по совету Гэндальфа и не позволять своему языку болтать чересчур свободно, что, в общем-то, свойственно хоббиту, находящемуся среди друзей.

Наконец Берегонд поднялся.

— Прощай покуда! — сказал он. — Я теперь занят до захода, как, думаю, и все здесь. Но если тебе одиноко, как ты сказал, то, может быть, ты не откажешься от весёлого проводника по Городу? Мой сын охотно пройдётся с тобой. Он хороший парень. Если захочешь, спустись в нижний круг и спроси Старую гостиницу на Рат Келердаин, улице Ламповщиков. Ты найдёшь его там с другими пареньками, которые остались в Городе. Возможно, вам будет на что посмотреть у Больших Ворот до их закрытия.

Он ушёл, и вскоре за ним последовали и остальные. День был ещё ясен, хотя дымка в небе усиливалась, и для марта, даже так далеко к югу, жаркий. Пина клонило в сон, но комната казалась безрадостной, и он решил спуститься и изучить Город. Он прихватил с собой несколько кусочков, припасённых для Тенегона, и их учтиво приняли, хотя конь, похоже, ни в чём не испытывал недостатка. Затем он пошёл вниз по петляющим улицам.

Люди, мимо которых он проходил, не сводили с него глаз. Встречные приветствовали его с серьёзной учтивостью на манер Гондора, склоняя голову и прижимая руки к груди, но за спиной он слышал летящие от двери к двери многочисленные призывы выйти и посмотреть на принца невысокликов, спутника Митрандира. Многие говорили на другом, отличным от всеобщего языке, но он очень скоро сообразил, что значит эрнил и перианнат и понял, что титул этот спустится в Город перед ним.

Наконец он, пройдя множеством сводчатых туннелей, красивых галерей и мостовых, очутился в нижнем и самом широком круге и там его направили к улице Ламповщиков — широкой дороге, которая вела к Большим Воротам. На ней он отыскал Старую гостиницу: большое строение из серого выветрелого камня с двумя флигелями, выходящими на улицу, и узким газоном между ними, за которым был многооконный дом с колоннадой по всему фасаду и ведущей к ней от самой травы лестницей. Между колонн играли мальчишки: единственные дети, которых Пин видел в Минас Тирите, и он остановился посмотреть на них. Вскоре один из мальчишек заметил его и с возгласом перепрыгнул через траву и вышел на улицу; кое-кто последовал его примеру. Затем пареньёк встал перед Пином, меряя его взглядом с ног до головы.

— Привет! — сказал он. — Ты откуда взялся? Ты чужой в Городе.

— Был, — сказал Пин. — Но говорят, что теперь я стал солдатом Гондора.

— Да ну! — фыркнул парень. — Тогда мы все тут такие солдаты. Но сколько тебе лет и как тебя звать? Мне уже десять лет и скоро будет пять футов. Я выше тебя. Но ведь мой отец страж, один из самых рослых. Кто твой отец?

— На какой вопрос я должен ответить первым? — спросил Пин. — Мой отец возделывает землю вокруг Белых Колодезей близ Кролгорда в Шире. Мне почти двадцать девять, так что в этом я превосхожу тебя, хотя во мне всего четыре фута и не похоже, что я вырасту ещё, разве что в ширину.

— Двадцать девять! — присвистнул парень. — Эй, да ты совсем старый! Прямо как мой дядя Иорлас. Всё же, — добавил он с надеждой, — спорим, что я смог бы поставить тебя вверх тормашками или положить на обе лопатки.

— Может, и смог бы, если я позволю, — улыбнулся Пин. — А может, я смог бы проделать то же самое с тобой. Мы знаем кое-какие борцовские приемы в моей маленькой стране. В которой, позволь мне тебя заверить, я считаюсь необычайно крупным и сильным, и я ещё никому не позволял ставить себя вверх тормашками. Так что, если бы дошло до дела и у меня не было бы другого выхода, мне пришлось бы убить тебя. Потому что, когда ты станешь старше, ты узнаешь, что люди не всегда таковы, какими кажутся, и хоть ты, должно быть, принял меня за слабого чужого мальчишку и лёгкую жертву, позволь мне предостеречь тебя: я не таков, я невысоклик, суровый, дерзкий и злой!

Пин скорчил такую мрачную мину, что мальчик отскочил назад, но тут же вернулся, сжав кулаки и с боевым огнём в глазах.

— Нет! — рассмеялся Пин. — Верить всему, что говорят о себе чужаки, тоже не стоит! Я не боец. Но, в любом случае, вежливость требует, чтобы тот, кто бросает вызов на поединок, сначала представился.

Мальчик горделиво выпрямился.

— Я Бергил, сын Берегонда из Стражи, — сказал он.

— Так я и думал, — отозвался Пин, — потому что ты похож на отца. Я знаю его, и он послал меня к тебе.

— Тогда почему ты не сказал этого сразу? — спросил Бергил, и внезапно лицо его стало испуганным. — Только не говори мне, что он передумал и хочет отправить меня с девчонками! Но нет, последние возки ушли.

— Его послание не так плохо, если не хорошо, — ответил Пин. — Он сказал, что, если ты раздумаешь ставить меня вверх тормашками, то можешь поводить меня по Городу и развеять мое одиночество. Взамен я могу рассказать тебе кое-что о дальних странах.

Бергил облегчённо рассмеялся и хлопнул в ладоши.

— Отлично! — воскликнул он. — Тогда пошли! Мы всё равно скоро собирались отправиться к Воротам, чтобы посмотреть. Значит, пойдём прямо сейчас.

— А что там будет?

— Капитаны Внешних земель должны прибыть по Южному тракту до захода солнца. Пойдём с нами, и увидишь.

Бергил оказался хорошим товарищем: лучшим собеседником, с которым Пину довелось пообщаться с тех пор, как он расстался с Мерри. Очень скоро они смеялись и весело болтали, пока шли по улицам, не обращая внимания на глазающих на них людей. Вскоре они очутились в толпе, направляющейся к Большим Воротам. Здесь Пин сильно вырос во мнении Бергила, так как, когда он назвал своё имя и пароль, страж отдал ему честь и выпустил из города. И более того: он разрешил ему взять с собой своего спутника.

— Здорово! — сказал Бергил. — Нас, мальчишек, больше не пускают за Ворота без

старших. Теперь нам будет видно лучше.

За Воротами вдоль тракта и вокруг большой мощёной площади, куда сходились все дороги к Минас Тириту, стояла толпа людей. Все глаза были обращены к югу, и вскоре поднялся гул:

— Там пыль! Они подходят!

Пин с Бергиллом протолкались в первые ряды и ждали. В отдалении зазвучали рога, и радостный шум прокатился навстречу им, как крепнувший ветер. Затем громко пропела труба, и все люди вокруг них закричали.

— Форлонг! Форлонг! — услышал Пин. — Что они говорят? — спросил он.

— Прибыл Форлонг, — ответил Бергил. — Старый Форлонг Тучный, Владыка Лоссарнаха. Там живёт мой дед. Ура! Вот он. Добрый старина Форлонг!

Во главе колонны выступал большой крутобокий конь, на котором сидел широкоплечий гигант, старый и седобородый, но в кольчуге, чёрном шлеме и с длинным тяжёлым копьём. За ним гордо маршировали колонной запылённые люди, хорошо вооружённые, с большими боевыми топорами и суровыми лицами. Они были ниже и несколько смуглее, чем те гондорцы, которых до сих пор встречал Пин.

— Форлонг! — кричали люди. — Верное сердце, верный друг! Форлонг!

Но когда люди из Лоссарнаха прошли, они забормотали:

— Так мало! Две сотни, что это? Мы надеялись, что их будет в десять раз больше. Это всё недавние вести о чёрном флоте. Они прислали лишь десятую часть своих сил. Всё же, каждая малость — уже приобретение.

И так подходили, встречались приветственными криками и втягивались в Ворота люди с Внешних земель, пришедшие защитить Город Гондора в тёмный час, но каждый раз слишком мало, каждый раз меньше, чем предполагала надежда и просила нужда. Люди из долины Рингло за сыном своего господина, Дерворином, пешие, три сотни. С нагорий Мортонда, большой долины Чернокоренье, рослый Дуинхир со своими сыновьями Дуилином и Деруфином и пять сотен лучников. С Анфаласа, дальнего Долгобережья — длинная вереница разношёрстных людей — охотников, пастухов и крестьян из небольших деревушек, все плохо вооружённые, за исключением челядинцев их господина Голасгила. Из Ламедона немного суровых горцев без капитана. Снятые с кораблей рыбаки из Этира, около сотни или чуть больше. Хирлуин Светлый с Зелёных Холмов из Пиннат Гелина с тремя сотнями храбрецов в зелёных одеждах. И под конец самый гордый из всех Имрагил, принц Дол Амрота, родич Правителя, с позолоченными стягами, несущими символ Корабля и Серебряного Лебедя, и отряд рыцарей в полном вооружении на серых лошадях, а за ними семь сотен воинов, высоких, как владыки, сероглазых, тёмноволосых, запевших, когда они подошли.

И это было всё: всех вместе меньше, чем три тысячи. Больше никто не придёт. Их возгласы и топот ног втянулись в Город и стихли вдали. Зрители молча постояли ещё немного. В воздухе висела пыль, так как ветер стих и вечер был душен. Близился последний час дня, и красное солнце опустилось за Миндоллуин. Тень упала на город.

Пин взглянул вверх, и ему показалось, что небо стало пепельно-серым, словно в нём висела завеса пыли и дыма, едва пропускавшая сквозь себя свет. Но на западе умирающее солнце зажгло эти дымы, и Миндоллуин чернел теперь на фоне медленно тлеющей тучи в крапинах ярко пылающих угольков.

— В каком гневе кончается прекрасный день! — произнёс Пин, забыв о пареньке, который стоял рядом с ним.

— Точнее, кончится, если я не вернусь перед закатным колоколом, — сказал Бергил. — Идём! Уже звучит труба, предупреждающая о закрытии Ворот.

Рука об руку они вернулись в Город, последними пройдя через Ворота перед тем, как те были закрыты; когда они добрались до улицы Ламповщиков, все колокола в Городе торжественно зазвонили. Свет зажёгся в окнах, а из домов и казарм для воинов вдоль стен послышалось пение.

— Прощай покуда, — сказал Бергил. — Передай привет моему отцу и поблагодари за компанию, которую он прислал. Пожалуйста, возвращайся поскорее снова. Теперь мне почти хочется, чтобы сейчас не было войны, потому что тогда мы могли бы здорово повеселиться. Мы съездили бы в Лоссарнах, в дом моего деда. Там хорошо весной: леса и поля все в цвету. Но, может быть, мы с тобой там ещё побываем. Им никогда не победить нашего Владыку, а мой отец очень доблестный. Пока, и возвращайся!

Они расстались, и Пин заспешил обратно к Цитадели. Дорога показалась ему долгой, он вспотел и очень проголодался. Вокруг него быстро густела ночь. На небе не просвечивало ни звёздочки. Он опоздал сесть за стол вместе со всеми, но Берегонд радостно приветствовал его и усадил рядом с собой, чтобы поговорить о сыне. После еды Пин ненадолго задержался, а затем распрощался и ушёл, потому что им овладело странное уныние и ему очень захотелось снова увидеть Гэндальфа.

— Найдёшь дорогу? — спросил Берегонд, стоя в дверях небольшого зала с северной стороны Цитадели, в котором они сидели. — Ночь черна, тем более, что был отдан приказ прикрыть ширмами все огни в Городе и следить, чтобы ни один не светил через стены. И я могу сообщить тебе о другом приказе: ранним утром тебя вызовут к владыке Денетору. Боюсь, что ты не попадёшь в Третий отряд. Тем не менее, мы вполне ещё можем встретиться. Добрый путь и спокойного сна!

В комнате было темно, горел только маленький светильник, поставленный на стол. Гэндальфа не было. Уныние всё сильнее охватывало Пина. Он взобрался на скамью и попытался выглянуть из окна: с тем же успехом можно было смотреть в лужу чернил. Он слез, закрыл ставни и отправился в кровать. Некоторое время он лежал и прислушивался, не вернулся ли Гэндальф, а потом впал в беспокойный сон.

Ночью он проснулся от света и увидел, что Гэндальф вернулся и ходит взад-вперёд по комнате за занавесом алькова. На столе были свечи и пергаментные свитки. Пин услышал, как маг вздыхает и бормочет: "Когда же вернётся Фарамир?"

— Привет! — сказал он, высунув голову из-за занавеса. — Я думал, что ты совсем забыл про меня. Я рад, что ты вернулся. Это был длинный день.

— Но ночь будет слишком короткой, — ответил Гэндальф. — Я вернулся сюда, потому что мне необходимо немного побыть одному, в тишине. Ты спи — в кровати, пока ещё есть такая возможность. На восходе я снова отведу тебя к владыке Денетору. Нет, не на восходе, а когда придёт вызов. Тьма началась. Здесь не будет рассвета.

Глава II

Серый Отряд

Когда Мерри вернулся к Арагорну, Гэндальфа уже не было и глухой стук копыт Тенегона растворился в ночи. У хоббита был только лёгкий узелок, потому что свой мешок он потерял на Парт Гален и всё, что у него имелось при себе — это несколько полезных вещиц, найденных среди развалин Скальбурга. Счастьедар был уже осёдлан. Леголас и Гимли с их конём стояли рядом.

— Итак, из Отряда остались ещё четверо, — сказал Арагорн. — Мы поскачем вместе. Но не

одни, как я полагал. Герцог тоже решил выступить немедленно. Поскольку появилась крылатая тень, он желает вернуться в горы под покровом ночи.

— А куда потом? — спросил Леголас.

— Пока не знаю, — ответил Арагон. — Что касается герцога, он отправится на сбор, назначенный им в Эдорасе через четыре ночи, считая от этой. И там, я думаю, он услышит вести о войне, и Всадники Ристании отправятся к Минас Тириту. Но что до меня и тех, кто пойдут со мной...

— Я первый! — воскликнул Леголас.

— И Гимли с ним! — добавил гном.

— Итак, что до меня, — повторил Арагорн, — то предо мной пока темно. Я тоже должен идти к Минас Тириту, но ещё не вижу пути. Час, к которому я давно готовился, близок.

— Не бросайте меня! — вмешался тут Мерри. — Хоть от меня до сих пор было мало толку, но я не хочу оставаться в стороне, как кладь, о которой вспомнят, когда всё будет позади. Вряд ли Всадники захотят сейчас возиться со мной. Правда, герцог, конечно, говорил, что я должен сесть рядом с ним, когда он вернётся домой, и рассказать ему всё о Шире.

— Да, — сказал Арагорн. — И я думаю, Мерри, что твой путь лежит с ним. Но не рассчитывай на веселье в его конце. Боюсь, что нескоро теперь Теоден расположится на отдых в Медусельде. Многие надежды угаснут этой горькой весной.

Скоро всё было готово к выступлению: двадцать четыре лошади, Гимли за спиной Леголаса и Мерри впереди Арагорна. Сейчас они быстро скакали сквозь ночь. Едва лишь они миновали Броды Скальтока, из арьергарда галопом подскочил всадник.

— Мой господин, — сказал он герцогу, — за нами конники. Мне показалось, что я слышу их, когда мы пересекали Броды. Но теперь мы в этом уверены. Они мчатся быстро и настигают нас.

Теоден тут же отдал приказ остановиться. Всадники развернулись и схватились за копьё. Арагорн спешился, ссадил Мерри на землю и, обнажив меч, встал у стремени герцога. Эомир со своим оруженосцем поскакал к арьергарду. Мерри ещё сильнее, чем прежде, почувствовал себя бесполезной обузой, и невольно задался вопросом, что же ему делать, если здесь будет битва. Ему представилось, как небольшой отряд герцога зажат со всех сторон и перебит, а он бежит под покровом темноты один среди диких степей Рохана, не имея ни малейшего представления о том, где он среди всех её бесконечных миль. "Не здорово!" — решил он, вытащил свой меч и затянул потуже пояс.

Спускающуюся к горизонту луну закрыло большое, летящее по небу облако, но внезапно она снова появилась из него и ярко засияла. И тут все они услышали стук копыт и в тот же миг увидели тёмные фигуры, быстро приближающиеся по дороге от Бродов. В лунном свете то и дело вспыхивали наконечники копий. Число преследователей нельзя было определить, но по-видимому их было не меньше, чем свита герцога.

Когда они очутились в пятидесяти шагах, Эомир громко крикнул:

— Стой! Стой! Кто скачет по Ристании?

Преследователи резко остановились. Наступило молчание; потом в лунном свете стало видно, как один из всадников спешился и медленно пошёл вперёд. Его рука забелела, когда он поднял её раскрытой ладонью вперёд, в знак мира, но люди герцога крепко сжали оружие. В десяти шагах человек остановился. Затем раздался его ясный голос:

— Ристания? Ты сказал, Ристания? Это доброе слово. Мы в спешке примчались издалека, чтобы отыскать эту страну.

— Вы нашли её, — сказал Эомир. — Вы вступили в неё, переехав через оставшиеся вон там

броды. Но это владения герцога Теодена. Никто не скачет здесь без его позволения. Кто ты? И в чём причина вашей спешки?

— Я Халбарад Дунадан, следопыт севера, — громко ответил человек. — Мы ищем некоего Арагорна, сына Арахорна, и слышали, что он в Ристании.

— И вы уже нашли и его тоже! — воскликнул Арагорн.

Отдав повод Мерри, он выбежал вперёд и обнял вновьприбывшего.

— Халбарад! — проговорил он. — Вот уж поистине нежданная радость!

Мерри с облегчением вздохнул. Он уж решил было, что это какая-то последняя выходка Сарумана — напасть на герцога, пока вокруг него лишь несколько людей, однако по всему выходило, что умирать, защищая герцога, не придётся, во всяком случае, не сейчас. Он спрятал меч в ножны.

— Всё в порядке, — сказал Арагорн, оборачиваясь. — Это несколько моих родичей из дальней страны, где я жил. Но скажи, Халбарад, почему вы пришли и сколько вас?

— Со мной тридцать, — ответил Халбарад. — Все из нашего клана, кого удалось собрать наспех, но с нами поехали братья Элладан и Элроил, пожелавшие отправиться на войну. Мы выехали сразу, как смогли, когда пришёл твой вызов.

— Но я не призывал вас, — возразил Арагорн, — разве лишь мысленно. Мои думы не раз обращались к тебе и редко когда чаще, чем этой ночью, но я не посылал слова. Впрочем, неважно! Всё это может подождать. Ты нашёл нас спешащими и в опасности. Скачите с нами, если герцог позволит.

Теоден был искренне рад новостям.

— Прекрасно! — сказал он. — Если эти родичи хоть немного похожи на тебя, мой господин Арагорн, тридцать таких воинов окажутся силой, которую нельзя оценивать по головам.

Затем Всадники снова тронулись в путь, а Арагорн некоторое время скакал с дунаданцами, и, когда они поговорили о событиях на севере и на юге, Элроил сказал ему:

— Я принёс тебе слова моего отца: "Дни на исходе. Если тебе нужно спешить, вспомни Тропы Мёртвых".

— Сдаётся, что отпущенных мне дней не хватит, чтобы сбылись мои чаяния, — ответил Арагорн. — Но поистине сильно же мне придётся спешить, прежде чем я ступлю на этот путь.

— Вскоре увидим, — возразил Элроил. — Но не будем больше говорить о подобных вещах посреди открытой дороги!

И Арагорн спросил Халбарада:

— Что это ты несёшь, родич?

Ибо он заметил, что вместо копья тот держит в руках высокое древко наподобие стяга, но плотно завёрнутого в чёрную ткань и старательно обвязанного верёвками.

— Это дар, который я несу тебе от госпожи Раздола, — ответил Халбарад. — Она работала над ним в тайне, и труд был долог. Но она тоже шлёт тебе слова: "Дни теперь на исходе. Либо наша надежда осуществится, либо конец всем надеждам. Поэтому я посылаю тебе то, что сделала для тебя. Доброго пути, Эльфийский Камень!"

И Арагорн промолвил:

— Теперь я знаю, что у тебя в руках. Неси его за меня ещё немного!

И он повернулся и посмотрел вдаль, на север под огромными звёздами, и затем замолчал и больше не проронил ни слова за всё время их ночного пути.

Ночь была совсем стара и восток посерел, когда они доскакали наконец до Теснинного

ущелья и вернулись в Горнбург. Здесь они собирались передохнуть немного и посоветоваться.

Мерри спал, пока его не разбудили Леголас с Гимли.

— Солнце высоко, — сказал Леголас. — Все остальные уже на ногах и заняты делом. Идём, мастер Лежебока, осмотрись здесь, пока есть возможность!

— Три ночи назад тут была битва, — сказал Гимли, — в которой мы с Леголасом так состязались, что я опередил его всего лишь на одного орка. Пойдём, покажу, как это было! И здесь есть пещеры, Мерри, дивные пещеры! Как ты считаешь, Леголас, мы навестим их?

— Нет! Сейчас некогда, — сказал эльф. — Не порти чуда спешкой! Я дал слово вернуться сюда вместе с тобой, если снова настанут мирные и вольные дни. Но теперь почти полдень, и в этот час мы едим, а затем снова выступаем, как я слышал.

Мерри поднялся и зевнул. Несколько часов сна было явно недостаточно: он чувствовал себя усталым и довольно подавленным. Ему не хватало Пина, кроме того, он ощущал, что является только обузой, в то время как все вокруг уповали лишь на скорость в делах, которых он толком не понимал.

— Где Арагорн? — спросил он.

— В верхнем покое Крепости, — ответил Леголас. — Похоже, что он не отдыхал и не спал. Он поднялся туда несколько часов назад, сказав, что должен подумать, и вместе с ним пошёл только его родич, Халбард; но он чем-то озабочен или находится в тяжких сомнениях.

— Странная компания, эти вновьприбывшие, — заметил Гимли. — Это крепкие и величественные люди, по сравнению с которыми Всадники Ристании смотрятся, как мальчишки, потому что лица их суровы и почти все обветрены, словно скалы, совсем как у Арагорна. И они молчаливы.

— Но, как и Арагорн, они учтивы, когда прерывают своё молчание, — сказал Леголас. — И ты отметил братьев, Элладана и Элроила? Их одеяния не столь мрачны, как у других, и они прекрасны и любезны, как владыки эльфов, что и не удивительно в сыновьях Элронда из Раздола.

— Почему они пришли? Вы слышали? — спросил Мерри.

Он уже оделся, набросил на плечи свой серый плащ, и все трое направились к разбитым воротам Крепости.

— Они откликнулись на призыв, как ты и сам слышал, — ответил Гимли. — Они говорят, что в Раздол пришло следующее сообщение: "Арагорн нуждается в своём клане. Пусть дунаданцы скажут к нему в Рохан!" Но кто его прислал, теперь непонятно. Гэндальф, я полагаю.

— Нет, Галадриэль, — сказал Леголас. — Разве она не передала через Гэндальфа, что север пришлёт Серый Отряд?

— Да, ты прав, — согласился Гимли. — Владычица Леса! Она читает желания любых сердец. Ну почему мы не пожелали призвать наших родичей, Леголас?

Леголас стоял перед воротами, обращая свои ясные глаза то к северу, то к востоку, и лицо его было озабоченным.

— Не думаю, что кто-нибудь пришёл бы, — ответил он. — Им нет необходимости скакать на войну, война уже идёт по их собственным землям.

Некоторое время трое товарищей бродили вместе, обсуждая тот или иной поворот битвы. Они спустились от разбитых ворот, миновали курганы павших на зелёном дёрне рядом с дорогой, остановились на Валу Хельма и заглянули в Ущелье. Над Мертвяцкой Ямой уже высилась насыпь, чёрная и каменистая, и был хорошо заметно вытоптанное, оголённое от травы место, где стояли хуорны. На Валу, а также в полях и у разрушенных стен позади работало много полеван и воинов крепостного гарнизона, однако всё выглядело странно притихшим:

усталая долина, отдыхающая после сильной бури. Вскоре друзья повернули обратно и пошли в зал Горнбурга обедать.

Герцог был уже там, и как только они вошли, он подозвал Мерри и усадил его рядом с собой.

— Это не то, как мне хотелось бы, — сказал он, — поскольку мало похож этот зал на мой прекрасный дом в Эдорасе. И нет твоего друга, который тоже должен бы быть здесь. Но, может, очень скоро сядем мы, ты и я, за высокий стол в Медусельде. Когда я вернусь туда, будет некогда пировать. Впрочем, сейчас это неважно! Ешь и пей, и давай побеседуем, пока есть такая возможность. А потом ты поскачешь со мной.

— А мне можно? — проговорил Мерри, ошарашенный и польщённый. — Это было бы просто замечательно!

Он никогда ещё не ощущал большей благодарности за обращённые к нему благожелательные слова.

— Боюсь, что я только путаюсь у всех под ногами, — продолжил он, запинаясь, — но я охотно сделал бы всё, что в моих силах, знаете ли.

— Не сомневаюсь, — сказал герцог. — Я велел приготовить для тебя доброго горного пони. По дорогам, какими мы пойдём, он понесёт тебя столь же быстро, как любая лошадь. Потому что из Горнбурга я поскачу не равниной, а горными тропами, и вернусь в Эдорас через Сироколье, где меня ждёт госпожа Эовин. Ты будешь моим оруженосцем, если хочешь. Эомир, найдётся ли здесь военное облачение, годное для моего меченосца?

— Здесь нет больших арсеналов, господин, — ответил Эомир. — Быть может, для него найдётся лёгкий шлем, но нет кольчуги или меча, подходящих к его фигуре.

— У меня есть меч! — воскликнул Мерри, вскочив с места и вытащив свой небольшой яркий клинок из чёрных ножен. Внезапно проникнувшись любовью к этому старику, он опустился на колено, взял его руку и поцеловал. — Могу я положить меч Мериардока из Ши́ра на ваши колени, герцог Теоден? — громко спросил он. — Прими мою службу, если хочешь!

— Я с радостью принимаю её, — сказал герцог и, возложив свои длинные старые ладони на каштановые волосы хоббита, он благословил его. — Встань, Мериардок, оруженосец Рохана из дома Медусельд! — произнёс он. — Возьми свой меч и носи его счастливо!

— Вы будете для меня отцом, — сказал Мерри.

— Ненадолго, — молвил Теоден.

Они разговаривали друг с другом, пока ели, но вскоре Эомир сказал:

— Близок час нашего выступления, господин. Не пора ли мне приказать людям трубить в рога? Но где Арагорн? Его место пусто, и он не ел.

— Мы подготовимся к скачке, — ответил Теоден, — но пошли известить господина Арагорна, что час близок.

Герцог со своими телохранителями и Мерри рядом с ним спустился из ворот Горнбурга туда, где на траве собрались Всадники. Многие уже сидели в сёдлах. Это был значительный отряд, потому что герцог оставлял в Крепости лишь небольшой гарнизон, и все, кого можно было отпустить, скакали к раздаче оружия в Эдорас. Тысяча копий уже ушли ночью, и ещё чуть более пятисот воинов должны были отправиться вместе с герцогом. По большей части это были люди, жившие в полях и долинах Западных Лощин.

Немного в стороне молча сидели в строю следопыты, вооружённые копьями, луками и мечами. Они были в тёмно-серых плащах с надвинутыми поверх шлемов капюшонами. Их лошади были сильны и благородного сложения, но косматы, и одна стояла без седока: собственный конь Арагорна, которого они привели с севера. Его имя было Рогиррин. Их одежда

и оружие не блистали камнями и золотом, не было на них и никаких украшений, а также особых эмблем или символов, за исключением того, что плащи у всех были сколоты на левом плече брошью из серебра в форме лучистой звезды.

Герцог сел на своего коня Снегогрива, и Мерри сидел рядом с ним на пони, которого звали Стибба. Вскоре из ворот вышел Эомир, и с ним шли Арагорн и Халбарад, несший большое древко, завёрнутое в чёрное, и ещё два высоких человека, ни молодых, ни старых. Так похожи были они, сыновья Элронда, что немногие различали их: тёмноволосые, сероглазые, с прекрасными, как у эльфов, лицами, одетые в одинаковые яркие кольчуги под серебристо-серыми плащами. За ними шагали Леголас и Гимли. Но Мерри смотрел только на Арагорна: так внезапно была перемена, которую он увидел в нём, словно за одну ночь много лет обрушилось на его голову. Его лицо было мрачно, серо и устало.

— Мои мысли в смятении, господин, — сказал Арагорн, остановившись у коня герцога. — Я слышал странные слова и вижу вдали новые опасности. Я долго думал и боюсь теперь, что должен изменить свою цель. Скажи мне, Теоден, вы скачете сейчас в Сироколье, как скоро вы окажетесь там?

— Сейчас час после полудня, — ответил Эомир. — До наступления ночи третьего дня, считая с нынешнего, мы достигнем Гнезда. Это будет первая ночь после полнолуния, и сбор, который назначил герцог, начнётся на следующий день. Быстрее мы не можем собрать силы Ристании.

Арагорн мгновение молчал.

— Три дня, — пробормотал он, — и сбор Ристании только начнётся. Но я вижу, что теперь это нельзя ускорить.

Он поднял взгляд и, по-видимому, пришёл к какому-то решению: его лицо стало менее озабоченным.

— Тогда с вашего позволения, господин, я и мои родичи должны переменить свои планы. Нам придётся скакать по собственному пути и отныне не тайно. Ибо для меня время скрываться миновало. Я поскачу на восток кратчайшей дорогой и пойду Тропами Мёртвых.

— Тропами Мёртвых! — молвил Теоден и содрогнулся.

— Зачем ты говоришь о них?! — ахнул Эомир, круто обернувшись и уставившись на Арагорна, и Мерри показалось, что лица слышавших их Всадников побледнели при этих словах.

— Если такие тропы действительно существуют, — сказал Теоден, — их ворота в Сироколье, но живой человек не может войти в них.

— Увы! Арагорн, друг мой! — проговорил Эомир. — Я надеялся, что на войну мы поскачем вместе, но если ты ищешь Троп Мёртвых, тогда пришла наша разлука, и вряд ли мы когда-либо вновь встретимся под этим солнцем.

— Тем не менее, я пойду этим путём, — сказал Арагорн. — Но я говорю тебе, Эомир, что мы ещё можем вновь встретиться в битве, даже если между нами встанут все войска Мордора.

— Поступай, как хочешь, мой господин Арагорн, — сказал Теоден. — Быть может, тебе суждено испытать неведомые тропы, которыми другие не смеют идти. Эта разлука огорчает меня и уменьшает мои силы, но сейчас я должен идти горными тропами, не медля долее. Прощай!

— Прощай, господин! — ответил Арагорн. — Скачи навстречу великой славе! Прощай, Мерри! Я оставляю тебя в хороших руках: лучших, чем мы надеялись, когда охотились за орками вплоть до Фангорна. Надеюсь, что Леголас и Гимли продолжают пока охотиться со мной, но мы не забудем тебя.

— До свиданья! — сказал Мерри.

Что ещё добавить, он не знал. Он чувствовал себя очень маленьким и совершенно

растерялся и пал духом от всех этих мрачных слов. Больше, чем когда либо, ему не хватало неизменной весёлости Пина. Всадники были готовы, их кони горячились; ему хотелось, чтобы они, наконец, поехали, и всё осталось позади.

Вот Теоден обратился к Эомиру, тот поднял руку, громко крикнул, и по его приказу Всадники тронулись вперёд. Они проскакали через Вал, спустились в Ущелье, а потом, быстро свернув к востоку, поехали по дороге, которая около мили тянулась вдоль подножья холмов, а затем, отклоняясь в южном направлении, уводила в горы и терялась из виду. Арагорн въехал на Вал и, не отрываясь, смотрел, как люди герцога удаляются по Ущелью. Затем он повернулся к Халбараду.

— Там уходят трое, кого я люблю, и самый маленький среди них — не последний, — сказал он. — Он не знает, к какому концу скачет, но если бы знал, всё равно пошёл бы.

— Невелик, но дорогого стоит народ Ши́ра, — отозвался Халбарад. — Мало знают они о наших долгих трудах по охране их рубежей, но я не пеняю на это.

— А теперь судьбы наши сплелись вместе, — добавил Арагорн. — Но, увы! Здесь мы должны расстаться. Ладно, мне нужно немного поесть, а затем нам тоже следует торопиться. Идёмте, Леголас, Гимли! За едой мне надо поговорить с вами.

Они вместе вернулись в Горнбург, однако некоторое время Арагорн молча сидел за столом в зале, а остальные ждали, пока он заговорит.

— Ну же! — не выдержал наконец Леголас. — Выскажись и успокойся, и стряхни тень! Что стряслось с тех пор, как мы вернулись серым утром в это угрюмое место?

— На мою долю выпала схватка отчасти более жестокая, чем битва при Горнбурге, — ответил Арагорн. — Я смотрел в Камень Ортханка, друзья мои.

— Ты смотрел в этот проклятый колдовской камень! — в ужасе возопил ошеломлённый Гимли. — Ты сказал что-нибудь... ему? Даже Гэндальф страшился этого поединка.

— Ты забываешь, с кем говоришь, — промолвил Арагорн строго, и глаза его блеснули. — Что из того, что я мог бы сказать ему, вызывает твой страх? Разве я не провозгласил открыто свой титул перед дверьми Эдораса? Нет, Гимли, — продолжил он мягче, и суровость исчезла с его лица, хотя он выглядел как тот, кто много ночей провёл в бессонной муке. — Нет, друзья мои. Я законный хозяин Камня, и у меня есть и право и сила использовать его, или так я считал. Право несомненно. Силы хватило... едва.

Он глубоко вздохнул.

— Это была жестокая борьба, и усталость пройдёт не скоро. Я ни слова не сказал ему и в конце концов покорил Камень моей собственной воле. Одно это ему будет трудно перенести. И он узрел меня. Да, мастер Гимли, он видел меня, но в ином обличье, чем ты видишь меня здесь. Если это поможет ему, то я натворил бед. Но я так не думаю. Полагаю, тот факт, что я жив и хожу по земле, поразил его в самое сердце, ибо он не знал этого прежде. Глаза в Ортханке не проникли сквозь броню Теодена, но Саурон не забыл Исилдура и меча Элендила. Теперь, в самый час свершения его великих замыслов обнаружили наследник Исилдура и Меч, ибо я показал ему обновлённый клинок. Он пока ещё не настолько могуч, чтобы стать выше всех страхов, нет, сомнение вечно гложет его.

— Тем не менее, владения его велики, — возразил Гимли, — и теперь он ударит быстрее.

— Поспешный удар часто падает мимо, — сказал Арагорн. — Мы должны торопить нашего Врага и не дожидаться больше его шагов. Понимаете, друзья, когда я подчинил себе Камень, я узнал многое. Я видел, что к Гондору с юга приближается серьёзная опасность, которая отвлечёт значительные силы от защиты Минас Тирита. Если быстро не парировать этот удар, то полагаю, что не пройдёт и десяти дней, как Город падёт.

— Тогда он обречён пасть, — проговорил Гимли, — потому что какая помощь может быть

отправлена отсюда и как она попадёт туда вовремя?

— Мне некого послать на помощь, поэтому я должен идти сам, — сказал Арагорн. — Но есть лишь одна дорога через горы, которая приведёт меня к побережью прежде, чем всё будет потеряно. Это Тропы Мёртвых.

— Тропы Мёртвых! — проворчал Гимли. — Ужасное название, и ристанийцам оно что-то тоже совсем не нравится, как я понял. Могут ли живые воспользоваться подобной дорогой и не погибнуть? И даже если ты пройдёшь этим путём, что пользы от столь немногих для отражения удара Мордора?

— Живые никогда не пользовались этой дорогой с тех пор, как сюда пришли ристанийцы, — ответил Арагорн, — ибо она закрыта для них. Но в этот тёмный час потомок Исилдура может воспользоваться ею, если посмеет. Слушайте! Вот слова, что сыновья Элронда принесли мне из Раздола от своего отца, глубочайшего знатока преданий: "Пусть Арагорн вспомнит слова пророка и Тропы Мёртвых".

— И что же это за слова пророка? — спросил Леголас.

— Те, что сказал Малбет Пророк в дни Арведуя, последнего короля Форноста, — ответил Арагорн.

Длинная тень лежит над страной,
Крылья мрака на запад тянет.
Крепость дрожит, у могил королей
Скоро рок грянет. Мёртвые встанут,
Ибо же час нарушивших клятву настанет.
Снова будут у Камня Присяги стоять
И звуку рога в холмах внимать.
Кто дуть будет в рог? Кто их призовет
Из сумерков серых, забытый народ?
Наследник того, кому клялись они,
Северянин. Нужда позовет — и он в те двери
Где Тропы Мёртвых скрыты, войти дерзнёт.

— Темён путь, без сомнения, — проговорил Гимли, — но не темнее, чем эти строки для меня.

— Если хочешь понять их смысл, тогда пойдём со мной, — сказал Арагорн, — потому что я сейчас пойду именно этой дорогой. Но я делаю это неохотно, лишь необходимость подгоняет меня. Поэтому я хотел бы, чтобы вы шли со мной только по собственной доброй воле, так как вас ждут тяжкие труды и великий страх, а может быть, и хуже.

— Я пойду с тобой даже по Тропам Мёртвых, к какому бы концу они ни вели! — воскликнул Гимли.

— И я тоже пойду, — сказал Леголас, — потому что я не боюсь мёртвых.

— Я надеюсь, забытый народ не забыл, как сражаются, — добавил Гимли. — Иначе не понимаю, зачем нам нужно тревожить их.

— Это мы узнаем, если нам удастся добраться до Эреха, — сказал Арагорн. — Но клятва, которую они нарушили, была клятвой сражаться с Сауроном, поэтому им придётся сражаться, если они готовы исполнить её. Ибо на Эрехе стоит ещё чёрный камень, который, как говорят, был привезён Исилдуром из Нуменора и водружён на холм, и на этом камне в начале королевства Гондор король гор скрепил клятвой союз с ним. Однако, когда Саурон вернулся и

мощь его вновь усилилась, Исилдур призвал людей с гор исполнить их клятву, а они не захотели, так как поклонялись Саурону в Чёрные годы.

Тогда Исилдур сказал их королю: "Ты будешь последним королем. И если Запад окажется сильнее, чем твой Чёрный Хозяин, такое проклятие налагаю я на тебя и твой народ — не знать отдыха и покоя до тех пор, пока ваша клятва не будет исполнена. Ибо война эта продлится бессчётные годы, и вас призовут ещё раз перед концом". И они бежали от гнева Исилдура и не осмелились выступить в войне на стороне Саурона, и они укрылись в горных тайниках и прервали общение с другими людьми, но медленно вымирали на голых холмах. И ужас Бессонной Смерти опустился на Холм Эреха^[7] и все места, где влачил жалкое существование этот народ. Однако я должен пойти этой дорогой, поскольку никто из живых мне не поможет.

Арагон поднялся.

— Идём! — воскликнул он, обнажив меч, и тот полыхнул в сумеречном зале Крепости. — К Камню Присяги! Я пойду Тропами Мёртвых. Кто хочет, следуйте за мной!

Леголас и Гимли не ответили, но тоже встали и вышли вслед за Арагорном из зала. На траве тихо и молча ждали Следопыты в надвинутых капюшонах. Леголас и Гимли сели верхом. Арагорн вскочил на Рогиррина. Затем Халбарад поднял большой рог, и рёв его раскатился в Теснине Хельма, и вслед за этим они ринулись вперёд и промчались по Ущелью, подобно грому, провожаемые изумлёнными взглядами людей, оставшихся на Валу и в Горнбурге.

И пока Теоден шёл окольными тропами в горах, Серый Отряд быстро пронёсся по равнине и вечером следующего дня очутился в Эдорасе; здесь они сделали короткую передышку и поднялись вверх по долине, добравшись в вечерней мгле до Сироколья.

Госпожа Эовин приветствовала их и была рада их приходу, потому что не видела она более могучих людей, чем дунедайны и прекрасные сыновья Элронда, но глаза её чаще всего задерживались на Арагорне. И за ужином они беседовали друг с другом, и Эовин слышала обо всём, что произошло с тех пор, как ускакал Теоден, ибо до сих пор её ушей достигали лишь краткие известия. И когда она слушала о битве в Теснине Хельма, и о великом избиении врагов, и об атаке Теодена и его рыцарей, глаза её сияли.

Но под конец она сказала:

— Господа, вы устали, и сейчас вас ждут кровати и те удобства, какие могли быть придуманы наспех. Но завтра для вас будет найдено лучшее жилище.

Однако Арагорн ответил:

— Нет, госпожа, не заботьтесь о нас! Будет достаточно, если мы сможем провести здесь ночь и позавтракать утром, поскольку я еду по делу, не терпящему отлагательств, и с первым светом утра мы должны идти.

Она улыбнулась ему и сказала:

— Тогда с вашей стороны, господин, было очень любезно проскакать столько миль в сторону от вашей дороги, чтобы принести Эовин вести и поговорить с ней в её изгнании.

— И воистину никто не мог бы счесть такое путешествие напрасным, — произнёс Арагорн. — Однако, госпожа, я не пришёл бы сюда, если бы дорога, по которой я должен идти, не привела меня в Сироколье.

И она ответила ему как тот, кому не понравилось сказанное:

— Тогда, господин, вы сбились с пути, так как из Колодола нет дорог к востоку или югу, и вам лучше вернуться, как пришли.

— Нет, госпожа, — возразил он. — Я не сбился с пути, потому что я ходил по этой стране прежде, чем вы родились украшать её. Из этой долины есть дорога, и я пойду ею. Завтра я поскачу Тропами Мёртвых.

Эовин потрясённо уставилась на него, словно поражённая ударом грома, и лицо её побелело, и долго она не произносила ни слова, и все сидели молча.

— Но Арагорн, — проговорила она наконец, — разве дело ваше в том, чтобы искать смерти? Ибо это всё, что вы найдёте на этой дороге. По ней недозволенно идти живым.

— Быть может, мне будет дозволено пройти там, — ответил Арагорн. — По крайней мере, я рискну. Никакой другой путь не годится.

— Но это безумие, — возразила она. — Ведь здесь доблестные и могучие люди, которых вам следовало бы не уводить в тени, а повести на войну, где нужны воины. Я умоляю вас остаться и скакать с моим братом, поскольку тогда все наши сердца будут легче, а надежда яснее.

— Это не безумие, госпожа, — ответил он. — Потому что я иду предначертанной тропой. Но те, кто следует за мной, делают это по доброй воле, и если они теперь пожелают остаться и скакать с ристанийцами, они могут поступить так. Я же пойду Тропами Мёртвых, один, если придётся.

Эовин больше ничего не сказала, и ужин продолжался в молчании, но она не сводила глаз с Арагорна, и остальные видели, что она погружена в мучительные раздумья. После еды все встали, распрощались с госпожой, поблагодарили её за заботу и отправились отдыхать.

Но когда Арагорн подошёл к палатке, где его поместили вместе с Леголасом и Гимли, и его спутники вошли, за ним показалась госпожа Эовин и окликнула его. Он обернулся и увидел её, словно сияние в ночи, ибо она была одета в белое, но глаза её горели.

— Арагорн, — сказала она. — Почему вы хотите идти этим гибельным путём?

— Потому что я должен, — ответил он. — Лишь таким образом могу я надеяться внести свой вклад в войну с Сауроном. Я не ищу опасных троп, Эовин. Если бы мне дано было следовать зову сердца, я гулял бы теперь далеко на севере в прекрасной долине Раздол.

Она помолчала немного, словно разгадывая скрытый смысл его слов, потом внезапно положила свою ладонь на его локоть.

— Вы непреклонны, господин, и решительны, — сказала она, — и этим люди завоёвывают себе славу. — Тут она умолкла, затем продолжила: — Господин, если вы должны идти, позвольте мне следовать за вами. Потому что я устала прятаться в холмах и хочу глянуть в лицо опасности и битве.

— Ваш долг — быть с вашим народом, — ответил он.

— Слишком часто слышу я о долге, — воскликнула она. — Но разве я не из Дома Эорла, дева-воительница, а не безмолочная нянька? Достаточно долго служила я опорой дрожащим ногам. Поскольку они, по всей видимости, не дрожат больше, не могу я разве распоряжаться своей жизнью, как хочу?

— Немногие могут делать это с честью, — ответил он. — Но что до вас, госпожа: разве вы не приняли на себя обязанность руководить народом, пока их господа не вернутся? Если бы не выбрали вас, тогда какой-нибудь маршал или капитан был бы поставлен на то же место, и он не мог бы ускакать прочь от своих обязанностей, устал он или нет.

— Неужели всегда будут выбирать меня? — молвила она горько. — Всегда ли буду я, когда всадники уезжают, оставаться править домом, пока они завоёвывают славу, и готовить пищу и постель, когда они возвращаются?

— Скоро может наступить время, — сказал он, — когда никто не вернётся. Тогда понадобится мужество, не несущее славы, ибо никто не вспомнит о деяниях, совершённых в последней защите ваших домов. Но деяния эти не станут менее доблестными от того, что им не воздадут по заслугам.

И она ответила:

— Вы могли бы сказать проще: ты — женщина, и твоя доля — дом. Но когда мужчины падут в битве и славе, тебя оставят гореть в доме, ибо мужчинам он больше не нужен. Однако я из Дома Эорла, а не женщина из обслуги. Я умею скакать верхом и владеть клинком, и я не боюсь ни боли, ни смерти.

— Чего же вы боитесь, госпожа? — спросил он.

— Клетки, — ответила она. — Оставаться за решёткой, пока привычка и старость не смиряют с нею, а все шансы на свершение великих дел будут безвозвратно утрачены вместе с возможностями и желанием.

— И, несмотря на это, вы советуете мне не дерзать идти избранным мною путём потому, что он опасен?

— Как один человек другому, — отозвалась она. — Однако, я ведь не советую вам бежать от опасности, а лишь скакать на битву, где ваш меч может завоевать славу и победу. Я не понимаю, почему высокие и превосходные вещи отбрасываются, как ненужные.

— Как и я, — ответил он. — Поэтому я говорю вам, госпожа: оставайтесь! Ибо вам нет дела на юге.

— Как и другим, кто идёт с тобой. Они идут только потому, что не хотят разлучаться с тобой... потому что любят тебя.

С этими словами она повернулась и исчезла в ночи.

Когда на небе уже рассвело, но солнце ещё не поднялось над высокими хребтами на востоке, Арагорн приготовился к отъезду. Его отряд был уже верхом, и он уже собирался вскочить в седло, когда пришла госпожа Эовин пожелать им счастливого пути. Она была одета, как Всадник, и вооружена мечом. В руке она держала чашу, и она поднесла её к губам и отпила немного, желая им быстрой езды, и затем протянула чашу Арагорну, и он выпил её со словами:

— Прощайте, госпожа Ристании! Я пью за счастье вашего Дома, и ваше, и всего вашего народа. Передайте вашему брату: по ту сторону теней мы можем встретиться вновь!

Тут Гимли и Леголасу, которые были рядом, почудилось, что она плачет, что выглядело особенно мучительным в столь строгой и гордой. Но она сказала:

— Арагорн, ты идёшь?

— Иду, — ответил он.

— И ты не позволишь мне скакать с этим отрядом, как я просила?

— Нет, госпожа, — сказал он, — потому что я не могу ответить согласием без разрешения герцога и вашего брата, а они вернутся лишь завтра. Мне же теперь дорог каждый час, поистине каждая минута. Прощай!

Тогда она упала на колени, говоря:

— Умоляю тебя!

— Нет, госпожа, — сказал он и, взяв её за руку, поднял. Потом он поцеловал её руку, и вспрыгнул в седло, и поскакал прочь, и не оглянулся; и только те, кто хорошо знали его и скакали рядом, видели, что он страдает.

А Эовин стояла неподвижно, как каменная статуя, уронив руки, и смотрела им вслед, пока отряд не вошёл в тени чёрной Заповедной горы, Горы Призраков, в который были Двери Мёртвых. Когда они исчезли из виду, Эовин повернулась и, спотыкаясь, как слепая, вернулась в своё жильё. Но никто из её народа не видел этой разлуки, потому что люди спрятались в страхе и не хотели выходить, пока не настанет день и безрассудные чужаки уйдут.

А некоторые говорили:

— Это эльфийские существа. Пусть уходят во тьму, где им и место, и никогда больше не возвращаются. Времена и так достаточно злы.

Свет был ещё сер, когда они поскакали, так как солнце не успело пока вскарабкаться поверх чёрных хребтов Горы Призраков перед ними. Трепет охватил их уже тогда, когда они проехали между рядами древних камней и очутились в Мрачнодебрье. Здесь, во мраке чёрных деревьев, который был бы не в силах долго выносить даже Леголас, они нашли лощину, открывающуюся у корней горы, вход в которую преграждал одинокий стоячий камень, похожий на перст рока.

— Меня мороз продирает по жилам, — сказал Гимли, но остальные промолчали, и его голос умер в сырой опавшей хвое под ногами.

Лошади не хотели идти мимо грозного камня, пока всадники не спешили и не провели их стороной. И так отряд очутился в узкой лощине, которая замыкалась отвесной скалой, и в ней, как пасть ночи, зияла Чёрная Дверь. Вырезанные над её широкой аркой знаки и фигуры нельзя было разобрать из-за темноты, но страх струился из неё, подобно липкому серому туману.

Отряд остановился, и не было в нём сердца, которое не сжалось бы, за исключением лишь сердца эльфа Леголаса, которого призраки людей не пугали.

— Это злая дверь, — молвил Халбарад, — и моя смерть лежит за нею. И всё же я дерзну пройти через неё, но лошади туда не пойдут.

— Однако мы должны войти, значит, лошадям придётся идти тоже, — сказал Арагорн. — Потому что, если мы всё-таки пройдем через эту тьму, многие лиги лежат за нею, и каждый час, потерянный здесь, приближает триумф Саурана. Следуйте за мной!

И он двинулся вперёд, и так велика была сила его воли в этот час, что все дунедайны и их лошади последовали за ним. И поистине любовь, которую лошади следопытов питали к своим седокам, была так велика, что они готовы были пойти даже в ужасную Дверь, если сердца их хозяев, шагавших рядом, были тверды. Но Арод, конь Рохана, отказался двинуться с места и стоял, дрожа и потев от страха так, что жалко было смотреть. Тогда Леголас закрыл ему руками глаза и пропел несколько слов, которые мягко разнеслись во мраке, и тогда конь позволил вести себя, и Леголас вошёл. А Гимли, покинутый всеми, остался.

Его колени тряслись, и он ужасно сердился на себя.

— Неслыханное дело! — бормотал он. — Эльф пошёл под землю, а гном не решается!

С этими словами он нырнул во мрак. Но ему показалось, что его ноги налились свинцом, пока он перетаскивал их через порог, и в ту же секунду слепой мрак обрушился на него, даже на Гимли, сына Глоина, который бесстрашно ходил по многим тёмным местам этого мира.

Арагорн прихватил из Сироколья факелы и теперь, высоко подняв один, шёл во главе, а Элладан с другим шёл последним, и Гимли, ковыляя следом, старался догнать его. Он ничего не видел, кроме тусклого пламени факелов, но если отряд приостанавливался, вокруг него слышался неумолчный шёпот голосов, ропот на языке, которого он никогда прежде не слышал.

Никто не нападал на отряд и не препятствовал его движению, и всё же в гноме, пока он шёл дальше, непрестанно нарастал страх: в основном из-за того, что, как он понимал теперь, повернуть назад было уже невозможно — все пути отступления были запружены невидимым войском, которое следовало за ними в темноте.

Так проходили бессчётные часы, а может, минуты, пока Гимли не увидел то, о чём даже потом вспоминал крайне неохотно. Дорога, насколько он мог судить, была широкой, но теперь отряд внезапно очутился в большой пещере: стены по бокам исчезли. Страх так придавил гнома, что он с трудом переставлял ноги. Слева во мраке что-то блеснуло в свете факела, который нёс Арагорн. Арагорн остановился и пошёл посмотреть, что это.

— Он, что, не чувствует страха? — пробормотал гном. — В любой другой пещере Гимли,

сын Глоина, первым бы побежал на блеск золота. Но не здесь! Пусть лежит!

Всё же он подошёл поближе и увидел, что Арагорн стоит на коленях, а Элладан высоко держит оба факела. Перед ними был скелет могучего человека. Он был одет в кольчугу, и до сих пор доспехи его лежали здесь неповреждёнными, потому что воздух пещеры был сух, как пыль. Кольчуга-безрукавка была позолочена, пояс тоже был золотым с гранатами, и золотом был украшен шлем на его черепе, повёрнутом лицом в пол. Он пал, как теперь было видно, близ дальней стены пещеры, и перед ним были плотно закрытые каменные двери: фаланги его пальцев всё ещё цеплялись за щель. Рядом валялся зазубренный и сломанный меч, словно он рубил скалу в последнем отчаянии.

Арагорн не коснулся его, но молча разглядывал некоторое время, затем поднялся и вздохнул.

— Никогда, вплоть до конца мира не придут сюда цветы симбельмюнэ, — пробормотал он. — Девять курганов и семь зеленеют ныне травой, и все эти долгие годы лежал он у двери, которой не мог открыть. Куда ведёт она? Почему он хотел пройти? Никто никогда не узнает!

Ибо это не моё дело! — воскликнул он, отворачиваясь и обращаясь к шепчущей тьме позади. — Храните ваши тайна и ваши клады, спрятанные в Проклятые Годы! Лишь скорости мы просим. Пропустите нас, а затем приходите! Я призываю вас к Камню Присяги!

Ответа не было, разве что воцарилось совершенное безмолвие, более пугающее, чем прежний шёпот, а затем пронеслось холодное дуновение, в котором факелы дрогнули и погасли, и их не удалось зажечь снова. Из того, что было дальше, длилось это час или много часов, Гимли запомнил мало. Остальные торопились вперёд, но он вечно плёлся последним, преследуемый щупальцами ужаса, которые, казалось, в любой момент были готовы схватить его, и за ним двигался шорох, словно призрачный топот множества ног. Он ковылял вперёд, постоянно спотыкаясь, пока, наконец, не пополз по земле, как животное, чувствуя, что не может выдержать больше: он должен либо добраться до конца и спасения, либо в безумии помчаться назад, навстречу преследующему страху.

Внезапно он услышал журчание воды, звук чёткий и резкий, словно камень, брошенный в кошмарную паутину теней. Свет усилился — и смотри! — отряд вышел через другую арку, высокую и широкую, и рядом с ними из темноты выбежал ручеек, а дальше спускалась круто вниз дорога между отвесными утёсами, острые края которых вырисовывались на фоне неба высоко наверху. Так глубока и узка была эта расщелина, что небо казалось тёмным и на нём поблёскивали мелкие звёздочки. И тем не менее, как Гимли узнал позже, оставалось ещё два часа до захода солнца того дня, когда они выступили из Сироколья, хотя по всему, что он был в состоянии сказать тогда, это мог быть сумрак каких-то позднейших лет или вообще иного мира.

Отряд снова сел верхом, и Гимли вернулся к Леголасу. Они скакали вереницей, и настал вечер, и спустились глубокие синие сумерки, но страх всё ещё преследовал их. Леголас обернулся, чтобы сказать что-то Гимли, и гном увидел блеск в ясных глазах эльфа. За ними скакал Элладан, последний из отряда, но не последний из тех, кто спускался этой дорогой.

— Мёртвые следуют за нами, — сказал Леголас. — Я вижу фигуры людей и лошадей, и бледные стяги, словно клочки облаков, и копья, похожие на зимнюю рощу туманной ночью. Мёртвые следуют за нами.

— Да, мёртвые скачут позади. Они были призваны, — отозвался Элладан.

Наконец отряд вышел из расщелины так внезапно, словно их выбросило из трещины в стене, и перед ними открылся гористый край и большая долина, и поток рядом с ними стекал

вниз с холодной песней на многочисленных порогах.

— В каком месте Средиземья мы очутились? — спросил Гимли, и Элладан ответил:

— Мы спустились от истоков Мортонда, длинной холодной реки, что впадает под конец в море, омывающее стены Дол Амрота. Тебе вряд ли надо спрашивать, откуда взялось это название: Чернокоренье зовут его люди.

Долина Мортонда образовала широкую лагуну, врезанную в отвесные южные склоны гор. Её крутые склоны поросли травой, но всё было серым в этот час, так как солнце зашло, и далеко внизу в домах людей мерцали огоньки. Долина была богата, и в ней жило много народу.

Тут Арагорн, не оборачиваясь, крикнул так громко, что все услышали:

— Друзья! Забудьте усталость! Скачите теперь, скачите! Мы должны добраться до Камня Присяги прежде, чем кончится этот день, а путь всё ещё долог.

Так, не оглядываясь, они скакали по горным полям, пока не очутились у моста через расширившийся поток и не увидели дорогу, ведущую дальше.

Огни гасли в домах и хижинах при их приближении, двери захлопывались, а люди, бывшие в поле, в ужасе кричали и разбегались, как испугнутая дичь. В сгущающейся ночи поднялся вопль:

— Король Мертвецов! Король Мертвецов идёт на нас!

Далеко внизу зазвонили колокола, и все люди бежали перед Арагорном; но Серый Отряд мчался, как призрачные охотники, пока их лошади не начали спотыкаться от усталости. И так, чуть прежде полуночи и в темноте чёрной, как пещеры в горах, они добрались наконец до холма Эреха.

Издавна страх перед Мёртвыми лежал на этом холме и пустых полях вокруг него. Потому что на вершине холма стоял чёрный камень, круглый, как огромный шар, в высоту человека, хотя до половины он был погружён в землю. Неземным выглядел он, словно упал с неба, как считали некоторые; но те, кто ещё помнил предания Запада, говорили, что он был привезён из руин Нуменора Исилдуром и установлен им здесь после того, как был брошен якорь. Никто из людей долины не смел приблизиться к нему, никто не осмелился бы поселиться рядом, поскольку говорили, что это место сбора призраков, и тут они сойдутся в страшный час, столпившись вокруг Камня и перешёптываясь.

К этому Камню и пришёл Отряд и остановился среди мёртвой ночи. Тогда Элроил дал Арагорну серебряный рог, и тот затрубил, и стоявшим рядом почудилось, что они слышат отзвук ответных рогов, словно эхо из глубоких пещер вдали. Других звуков не было, и всё же чувствовалось присутствие громадного войска, полностью окружившего холм, на котором они стояли, и с гор дул знобкий, как дыхание призраков, ветер. Но Арагорн спешил и, встав у Камня, громко прокричал:

— Клятвопреступники, зачем вы пришли?

И в ночи раздался голос, ответивший ему, словно с большого расстояния:

— Исполнить нашу клятву и обрести покой.

Тогда Арагорн сказал:

— Этот час пришёл наконец. Сейчас я иду к Пеларгиру над Андуином, и вы последуете за мной. И когда весь этот край будет очищен от слуг Саурана, я сочту клятву исполненной, и вы обретёте покой и исчезнете навеки. Ибо я Элессар, потомок Исилдура из Гондора.

И тут он приказал Халбараду развернуть большой стяг, который тот нёс, и — подумать только! — он оказался чёрным, и если и был какой-либо девиз на нём, то он был скрыт тьмой. После этого наступило молчание, и ни шёпота, ни шороха не было слышно всю долгую ночь. Отряд расположился у Камня, но спали они мало, так как страшились окружавших их теней.

Но когда пришёл холодный и бледный рассвет, Арагорн сразу поднялся и повёл отряд вперёд в величайшей спешке и усталости, какой никто среди них не знал доньше, кроме него одного, и лишь его воля заставляла их идти вперёд. Никакие другие смертные не могли бы выдержать этого, кроме дунедайнов севера и с ними Гимли, гнома, и Леголаса, эльфа.

Они миновали Горловину Тарланга и очутились в Ламедоне, и призрачное войско следовало за ними по пятам, и страх мчался перед ними, пока они не пришли к Калембелу, что над Кирилом^[8], и солнце село, словно в крови, на западе за оставшимся позади Пиннат Гелином^[9]. Городок и броды Кирила оказались покинутыми, так как много людей ушло на войну, а все оставшиеся бежали в горы при слухе о приближении Короля Мертвецов. Но на следующий день здесь не было рассвета, и Серый Отряд вступил во мрак бури из Мордора и скрылся от смертного взора, но Мёртвые следовали за ним.

Глава III

Сбор Ристании

Отныне все пути вели на восток, навстречу приближающейся войне и надвигающейся Тени. И как раз, когда Пин стоял у Больших ворот Города и смотрел, как стяги принца Дол Амрота входят в него, герцог Ристании спустился с гор.

День угасал. В последних лучах солнца Всадники отбрасывали длинные острые тени, бежавшие перед ними. Темнота уже забралась под шепчущие что-то хвойные леса, которые одевали крутые горные склоны. Теперь, в конце дня, герцог ехал медленно. Вскоре тропа обогнула высокое голое плечо скалы и нырнула во мрак тихо вздыхающих деревьев. Вниз, вниз спускались они длинной извилистой шеренгой. Когда наконец они добрались до дна ущелья, вечер уже сгустился в глубоких лощинах. Солнце исчезло, и сумрак лежал над водопадами.

Весь день глубоко под ними прыгал горный поток, сбегавший с высокого перевала позади и пробивший себе узкую дорогу в одетых соснами стенах; теперь он вырвался из каменных ворот в долину пошире. Всадники последовали за ним, и внезапно перед ними открылся Колодол, наполненный по-вечернему громким плеском воды. Здесь, соединяясь с меньшим потоком, шумно бежал, вскипая пеной на камнях, к Эдорасу, зелёным холмам и степям, белый Снеготал. Далеко справа, в голове большой долины, вздымался над своим обширным основанием, окутанном облаками, мощный Ледорог: его зазубренная вершина, одетая вечными снегами, сверкала в вышине, синевя тенями на востоке и подкрашенная красным лучами заходящего солнца на западе.

Мерри изумлённо смотрел на эту удивительную страну, о которой не раз слышал за проделанный ими долгий путь. Это был мир без неба, в котором глаза его различали сквозь тусклую пустоту подёрнутого тенями воздуха лишь вечно громоздящиеся друг на друга склоны, громадные каменные стены за такими же стенами и хмурые пропасти в клубах тумана. Несколько мгновений он сидел, как в полусне, вслушиваясь в шум воды, шёпот тёмных деревьев, треск камней и безбрежную насторожённую тишину, которая нависла за всеми этими звуками. Он любил горы, точнее, любил думать о них, проплывающих торжественным строем где-то на краю историй, принесённых издалека. Но теперь невыносимая тяжесть Средиземья угнетала его. Он жаждал укрыться от безмерных пространств у камина в тихой комнатке.

Мерри очень устал, потому что хотя ехали они медленно, но зато почти без остановок. Почти три томительных дня он час за часом трясся рысью то вверх, то вниз, через перевалы и по длинным лощинам, и через множество горных ручьёв. Временами, когда дорога была пошире, он скакал рядом с герцогом, не обращая внимания на то, что многие всадники улыбались, видя

эту пару: хоббита на маленьком лохматом сером пони и Владыку Ристании на его большом белом коне. В такие минуты он беседовал с Теоденом, рассказывал ему о своём доме и занятиях хоббитов или наоборот, слушал истории Маркгерцогства^[10] и предания о могучих воинах древности. Но большую часть времени, особенно в этот последний день, Мерри ехал позади герцога, молчал и пытался понять мерный, звучный говор Рохана, на котором переговаривались люди, скакавшие позади него. Время от времени несколько Всадников запевали своими чистыми голосами какие-то волнующие песни, и Мерри чувствовал, как колотится его сердце, хотя и не понимал, о чём речь.

И всё же ему было одиноко, особенно теперь, под конец дня. Он спрашивал себя, куда же в этом чуждом мире довелось попасть Пину, и что случилось с Арагорном, Леголасом и Гимли. Потом внезапно, словно холодная рука сжала сердце, пришла мысль о Фродо и Сэме. "Я начинаю забывать про них! — упрекнул он сам себя. — А ведь они гораздо важнее, чем все мы вместе взятые. И я ведь шёл, чтобы помочь им; но теперь они должны быть в сотнях милях отсюда, если... если ещё живы". Он содрогнулся.

— Колодол, наконец-то! — сказал Эомир. — Наше путешествие почти окончено.

Они остановились. Все тропы, выводившие из узкого горла, круто спускались вниз. Сам дол, в сгустившихся внизу сумерках, был виден лишь мельком, как сквозь узкое окно.

— Это путешествие кончено, быть может, — ответил Теоден, — но мне предстоит ехать ещё далеко. Пройлой ночью было полнолуние, и утром я поскачу в Эдорас на сбор Герцогства.

— Но, если вы последуете моему совету, — молвил Эомир тихо, — потом вам следовало бы вернуться сюда до тех пор, пока война не кончится победой или поражением.

Теоден улыбнулся.

— Нет, сынок, ибо так я буду называть тебя, не вливай в мои старые уши сладких слов Злоречива! — Он выпрямился и оглянулся на длинную вереницу людей, теряющуюся в вечерних тенях. — Словно годы прошли за те дни, когда я поскакал на запад, но я не стану больше склоняться над посохом. Если война будет проиграна, что хорошего выйдет из прятков в горах? А если она кончится победой, что за горе, если я и паду, истратив свои последние силы? Довольно об этом. Сегодняшнюю ночь я проведу в Гнезде в Сироколье. По крайней мере, нам остался еще один вечер мира. Едем!

В сгущающихся сумерках они спустились в долину. Здесь Снеготал тёк ближе к западной стене дола, и вскоре тропа привела их к броду, где мелкие воды громко журчали, переливаясь через камни. Брод охранялся. При приближении герцога из тени скал выскочило много людей, радостно закричавших при виде его:

— Герцог Теоден! Герцог Теоден! Герцог Ристании вернулся!

Затем один из них проиграл долгий роговой сигнал, эхом раскатившийся в долине. Ему ответили другие рога, за рекой засияли огни.

И внезапно откуда-то сверху, словно из гулко-го амфитеатра, загремел грандиозный хор труб, сливших свои ноты в один голос, который раскатисто ударил в каменные стены и отразился от них.

Так герцог Ристании вернулся с победой с запада в Сироколье у подножья Белых гор. Здесь он узнал, что оставшиеся силы его народа уже собраны, потому что как только стало известно о его прибытии, к броду навстречу ему поскакали капитаны с вестью от Гэндальфа. Во главе их был Дунхер, верховный тан населения Колодола.

— Три дня назад, на рассвете, господин, — сказал он, — в Эдорас, как ветер с запада, влетел Тенегон, и к нашей сердечной радости Гэндальф принёс весть о вашей победе. Но он

просил также передать вам просьбу ускорить сбор Всадников. А потом появилась крылатая Тень.

— Крылатая Тень? — переспросил Теоден. — Мы тоже видели её, но это было в самые глухие часы ночи перед тем, как Гэндальф покинул нас.

— Возможно, господин, — сказал Дунхер. — Однако та же, или другая, похожая на неё, летучая мгла в форме чудовищной птицы прошла над Эдорасом в то утро, и все люди содрогнулись от страха, потому что она описала дугу над Медусельдом, снизившись почти до конька крыши, и затем прозвучал крик, остановивший на мгновение наши сердца. После чего Гэндальф посоветовал нам не собираться в полях, а встретить вас здесь, в долине у подножья гор. И он велел нам не зажигать огней или костров больше, чем требует крайняя необходимость. Что и было исполнено. Гэндальф говорил так, словно имел право распоряжаться, и мы сочли, что таково было бы и ваше желание. В Колодоле пока всё спокойно.

— Это хорошо, — сказал Теоден. — Сейчас я поскачу в Гнездо и там, прежде чем отправиться на отдых, встречу с маршалами и капитанами. Пусть они как можно быстрее придут ко мне!

Теперь дорога вела на восток, поперёк долины, ширина которой в этом месте была немногим меньше полумили. Всадников окружали ровные поля и луга, заросшие бурьяном, серые в надвигающейся ночи, но впереди, на противоположной стороне дола, Мерри видел хмурую стену, последний останец великих корней Ледорога, прорезанный в глубокой древности рекой.

Повсюду толпился народ. Некоторые, сгрудившись по обочинам дороги, радостными криками приветствовали герцога и всадников с запада, но за их спинами на некотором расстоянии от дороги тянулись стройные ряды навесов, палаток, вереницы привязанных к кольшкам лошадей и большие запасы оружия, и кипы копий, щетинящиеся, словно рожи молодых саженцев. Сейчас весь громадный лагерь быстро погружался в тень, но, тем не менее, хотя с высот дул холодный ночной ветер, не светились фонари и не был зажжён ни один костёр. Плотно закутанные в плащи часовые расхаживали взад и вперёд.

Мерри пытался понять, сколько же здесь всадников. В сгущающемся мраке он не мог судить об их числе, но всё это выглядело как многотысячная армия. Пока он глазел по сторонам, отряд герцога добрался до возвышавшегося на восточной стороне долины утёса, и тут путь неожиданно пошёл вверх. Мерри с изумлением поднял глаза. Он находился на дороге, подобной которой прежде не видывал: великое творение человеческих рук в годы, о которых не сохранилось песен. Вверх и вверх тянулась она, свёртываясь, подобно змее, и прорезая свой путь в почти отвесной поверхности скалы. Крутая, как лестница, по мере подъёма она шла то вперёд, то назад. По ней можно было провести шагом лошадей и поднять повозки, но никакому врагу не под силу было пройти здесь, разве что по воздуху, если её обороняли сверху. На каждом повороте стояли камни, обтёсанные в подобии людей: огромных, нескладных, сидевших, скрестив ноги и сложив на толстых животах короткие руки. Некоторые, истёртые годами, утратили все черты, кроме тёмных глазных дыр, которые всё ещё мрачно таращились на проходящих мимо. Всадники едва достаивали их взглядом. Они называли эти фигуры пугальцами и практически не обращали на них внимания: ни силы, ни ужаса в них не осталось, — но Мерри, по мере того, как они печально возникали в темноте, рассматривал их с удивлением и почти что с жалостью.

Немного погодя он посмотрел назад и увидел, что поднялся уже на несколько сот футов над долиной, но далеко внизу он всё ещё мог различить длинную вереницу всадников, пересекавших брод и едущих по дороге к приготовленному для них лагерю. В Гнездо

поднимались только герцог и его телохранители.

Наконец герцогский отряд достиг острого уступа, и продолжающая подниматься дорога через расщелину в скале вывела их на короткий склон, а потом на широкое плато. Люди называли его Сухополье — зелёный горный луг, поросший травой и вереском, высоко над глубоко врезанным руслом Снеготала, лежащего на колене высоких гор позади: Ледорога на юге и похожей на пилу массы Скальзубья на севере, а между ними, прямо перед всадниками, угрюмой чёрной стены Заповедной горы, Горы Призраков, которая поднималась над крутыми склонами, поросшими тёмными соснами. По плато, разделяя его на две половины, тянулась двойная линия стоячих камней, которая растворялась в полумраке и исчезала между деревьями. Те, кто осмеливался следовать этим путём, скоро попадали в чёрное Мрачнодебрьё под Заповедной горой, к грозному каменному столбу и к зияющей тени запретной двери.

Таково было тёмное Сироколье, творение давно забытых людей. Имя их исчезло, и ни одна песня или легенда не упоминала его. Для каких целей создали они это место — как город, или тайное святилище, или могильник королей — никто в Рохане не мог бы сказать. Они работали здесь в Чёрные годы, ещё до того, как пристал к западным берегам первый корабль или был основан народом дунедаян Гондор, а ныне они исчезли, и только их древние пугальца остались сидеть на поворотах дороги.

Мерри неотрывно смотрел на линии стоячих камней: они были чёрными, выветрелыми, некоторые наклонились, другие упали, третьи треснули или обломились, а всё в целом походило на два ряда старых оскаленных от голода зубов. Он невольно задавался вопросом, что же это может быть, и надеялся только, что герцог не собирается следовать за ними в ждущую впереди темноту. Но тут он заметил, что по обе стороны обозначенный камнями дороги теснятся палатки и навесы, только они были разбиты не рядом с деревьями, а, казалось, жались подальше от них и поближе к краю утёса. Основная их часть была справа, где плато расширялось, а слева стоял лагерь поменьше, в середине которого возвышался большой шатер. Оттуда навстречу им поскакал всадник, и они свернули с дороги.

Когда они подъехали поближе, Мерри понял, что всадник был женщиной с длинными заплетёнными в косы волосами, которые блестели в сумраке, однако она была в шлеме и до пояса одета, как воин, и вооружена мечом.

— Здравствуй, Властелин Герцогства! — воскликнула она. — Моё сердце радо твоему возвращению!

— И ты здравствуй, Эовин, — сказал Теоден. — У тебя всё хорошо?

— Всё хорошо, — ответила она, однако Мерри показалось, что её голос противоречит ей, и он даже подумал бы, что она плакала, если бы это было вероятно при таком строгом, спокойном лице. — Всё хорошо. Это был утомительный путь для людей, внезапно вырванных из своих домов. Были резкие слова, потому что давно уже не прогоняла нас война с зелёных степей, но не было дурных поступков. Сейчас всё в порядке, как видите. И ваши шатры ждут вас, потому что я получила подробные известия о вас и знала час вашего прибытия.

— Так значит, Арагорн был тут, — сказал Эомир. — Он ещё здесь?

— Нет, он ушёл, — произнесла Эовин, отворачиваясь и глядя на темневшие на востоке и юге горы.

— Куда он пошёл? — спросил Эомир.

— Я не знаю, — ответила она. — Он пришёл ночью и ускакал на следующее утро прежде, чем солнце поднялось над вершинами гор. Он ушёл.

— Ты огорчена, дочка, — сказал Теоден. — Что случилось? Скажи мне, он говорил об этой дороге? — Он указал на тёмные ряды камней, ведущие к Заповедной горе. — О Тропах Мёртвых?

— Да, господин, — ответила Эовин. — И он вошёл в тень, из которой никто ещё не возвращался. Я не могла отговорить его. Он ушёл.

— Тогда пути наши разошлись, — произнёс Эомир. — Он пропал. Нам придётся скакать без него и с меньшей надеждой.

Медленно ехали они по низкому вереску и траве плато, не разговаривая больше, пока не добрались до герцогского шатра. Тут Мерри обнаружил, что всё уже готово, и что не забыли даже про него. Рядом с палаткой герцога для него был натянут на кольшках маленький навес, где он и сидел в одиночестве, пока сновавшие туда и сюда люди входили к герцогу и получали от него приказы. Пришла ночь, и смутно видневшиеся на западе головы гор увенчали звёзды, но восток был тёмн и пуст. Ряды камней медленно терялись из виду, но за ними всё ещё чернее, чем мрак, нависала огромная, припавшая к земле тень Заповедной горы.

— Тропы Мёртвых, — бормотал он себе под нос. — Тропы Мёртвых? Что же всё это значит? Теперь все меня бросили. Все они пошли навстречу своей судьбе: Гэндальф и Пин на войну на востоке, а Сэм и Фродо в Мордор, а Бродяжник, Леголас и Гимли — на Тропы Мёртвых. Но полагаю, что мой черёд тоже придёт достаточно скоро. Интересно, о чём они все говорят и что собирается делать герцог? Потому что отныне я должен идти туда, куда идёт он.

Среди всех этих мрачных раздумий он внезапно припомнил, что очень голоден, и собрался пойти и посмотреть, чувствует ли ещё кто-нибудь в этом чужом лагере то же самое. Но в этот момент запела труба, и появился человек, вызывая его, оруженосца герцога, прислуживать за герцогским столом.

Внутри шатра было небольшое пространство, отгороженное вышитыми портьерами и устланное шкурами, и тут за небольшим столом сидел Теоден с Эомиром, Эовин и Дунхер, владыка Колодола. Мерри стоял рядом со стулом герцога и прислуживал ему, пока через некоторое время старик, выйдя из глубоких раздумий, с улыбкой не повернулся к нему.

— Иди сюда, мастер Мериардок! — сказал он. — Ты не будешь стоять. Пока я остаюсь в своих землях, ты будешь сидеть рядом со мной и облегчать мне сердце рассказами.

Для хоббита освободили место по левую руку герцога, но никто не попросил о чём-нибудь рассказать. За столом вообще говорили мало, и ели и пили большей частью молча, пока, наконец, собравшись с духом, Мерри не задал вопрос, который мучил его.

— Уже дважды, господин, я слышал о Тропах Мёртвых, — сказал он. — Что это такое? И где Бродяжник, то есть, господин Арагорн? Куда он пошёл?

Герцог вздохнул, но никто не ответил, пока наконец Эомир не сказал:

— Мы не знаем, и сердца наши тяжелы. А что до Троп Мёртвых, ты сам прошёл по их первым ступеням. Нет, я не произношу дурного пророчества! Дорога, по которой мы поднялись, ведет к Двери там, в Мрачнодербьи. Но что лежит за ней, никто из людей не знает.

— Люди не знают, — промолвил Теоден. — Однако древняя легенда, теперь редко рассказываемая, кое-что говорит об этом. Если те старые предания, которые передавались от отца к сыну в Доме Эорла, правдивы, тогда за Дверью у подножья Заповедной горы начинается тайная дорога, ведущая под горой к какому-то забытому месту на другом конце. Но никто не осмеливался исследовать её секреты с тех пор, как Балдор, сын Брего, вошёл в эту Дверь и больше уже не появился среди людей. Он дал опрометчивую клятву, осушив рог на пиру, который устроил Брего в честь окончания постройки Медусельда, и так и не вернулся на трон, наследником которого был.

В народе говорят, что Мёртвые люди Чёрных лет стерегут путь и не позволяют никому из живых пройти в их тайные залы, но сами они время от времени выходят, словно тени, из этой

двери и спускаются по обозначенной камнями дороге. Тогда жители Колодола в страхе крепко запирают двери и захлопывают ставни окон. Но Мёртвые выходят редко, только в дни великих смут и надвигающейся смерти.

— Однако в Колодоле говорят, — тихо молвила Эовин, — что в одну безлунную ночь, но совсем недавно, здесь прошло большое войско в странном облачении. Откуда они появились, никто не знает, но они поднялись по отмеченной камнями дороге и исчезли в горе, словно шли на условленную встречу.

— Но почему тогда Арагорн пошёл этой дорогой? — спросил Мерри. — Вы не знаете ничего, что могло бы объяснить это?

— Если только он не сказал что-нибудь тебе, как другу, чего мы не слышали, — ответил Эомир. — то никто среди живых сейчас не может объяснить его цель.

— Мне показалось, что он сильно изменился с тех пор, как я увидела его впервые в доме герцога, — сказала Эовин. — Мрачнее, старше. Обречён, подумала я о нём, и похож на того, кого зовёт Смерть.

— Может быть, он был призван, — проговорил Теоден. — И сердце моё говорит мне, что я не увижу его больше. Однако он царственный человек высоких достоинств. И утешься вот чем, дочка, поскольку ты, похоже, нуждаешься в утешении в своём горе по этому гостю. Говорят, что, когда эорлинги пришли с севера и в конце концов поднялись по Снеготалу, ища надёжного места для убежища в час нужды, Брего и его сын Балдор поднялись по Лестнице, ведущей в Гнездо, и дошли до Двери. На пороге сидел старик, такой древний, что даже его возраста нельзя было назвать. Он был высок и выглядел по-королевски, но истёрт, словно старый камень. Они и приняли его за камень, потому что он не двигался и не произнёс ни слова, пока они не попытались миновать его и войти. И тогда изнутри него раздался голос, словно из-под земли, и, к их удивлению, слова были на языке запада: "Дорога закрыта".

Тогда они остановились, поглядели на него и поняли, что старик пока ещё жив, но он не смотрел на них. "Дорога закрыта, — повторил его голос. — Она сделана теми, кто мертвы, и Мёртвые хранят её, пока не придёт время. Дорога закрыта".

"А когда придёт это время?" — спросил Балдор, но он не дождался ответа. Ибо в этот миг старик умер и упал ничком, и никаких других сведений о древних жителях гор наш народ так никогда и не узнал. Однако возможно, что предсказанное время пришло и Арагорну позволено пройти.

— Но как человек узнает, пришло это время или нет, не дерзнув войти в Дверь? — сказал Эомир. — Лично я не пошёл бы этим путём, даже если все войска Мордора встанут передо мной, а я буду один, и у меня не будет другого убежища. Как жаль, что гибельное настроение нашло на такого благородного человека в этот час нужды! Разве мало зла вокруг, чтобы искать его ещё и под землёй?! Война на пороге.

Он прервался, так как в эту минуту снаружи раздался шум: какой-то человек выкрикивал имя Теодена и звал стражу.

Вскоре капитан стражников откинул край занавеса.

— Здесь человек, господин, — сказал он. — Гонец из Гондора. Он хочет немедленно предстать перед вами.

— Впустите! — приказал Теоден.

Вошёл высокий человек, и Мерри едва удержал крик: на мгновение ему показалось, что Боромир снова жив и вернулся. Потом он увидел, что это не так, человек был ему незнаком, хотя походил на Боромира, как родич, — высокий, сероглазый и гордый. Он был одет, как всадник, в тёмно-зелёный плащ поверх тонкой кольчуги; на лицевой части шлема была

вычеканена маленькая серебряная звезда. В руке он держал стрелу с чёрными перьями и стальным наконечником, но остриё было окрашено красным.

Человек опустил на колено и протянул стрелу Теодену.

— Привет тебе, Владыка ристанийцев, друг Гондора, — сказал он. — Я Хиргон, гонец Денетора, принёсший тебе этот знак войны. Гондор в великой нужде. Ристания часто помогала нам, но сейчас владыка Денетор просит всех ваших сил и всей вашей скорости, иначе Гондор, наконец, падёт.

— Красная стрела! — произнёс Теоден, держа её как тот, кто получил вызов давно ожидаемый, но всё же страшный, когда он пришёл. Рука его дрожала. — Красную стрелу не видели в Герцогстве за все мои годы! Неужели действительно дошло до этого? И на что рассчитывает владыка Денетор, говоря о всех моих силах и всей скорости?

— Тебе это известно лучше, господин, — ответил Хиргон. — Но очень может быть, что скоро Минас Тирит будет осаждён, и если у тебя нет сил, способных прорвать осаду могучих полчищ, то владыка Денетор велел мне сказать, что, по его мнению, сильные руки ристанийцев будут полезнее внутри его стен, чем снаружи.

— Но ему известно, что мы привыкли биться верхом и в поле, и что мы широко рассеяны по степям, и нужно время, чтобы собрать наших всадников. Разве не верно, Хиргон, что Владыка Минас Тирита знает больше, чем вложил в свое послание? Потому что мы, как ты мог видеть, уже воюем, и ты не застал нас неподготовленными. Гэндальф Серый был среди нас, и как раз теперь мы собрались для битвы на востоке.

— Я не могу сказать, что знает или о чём догадывается владыка Денетор, — ответил Хиргон. — Но дела наши действительно безнадёжны. Мой господин не присылает тебе никакого приказа, он просит только помнить старую дружбу и давние клятвы и сделать всё, что ты можешь, для твоего собственного блага. Нам сообщают, что с востока для службы Мордору скачут многие короли. От Дагорлада до севера стычки и слухи о войне. На юге шевелится Харадрим, и страх упал на все наши побережья, так что оттуда придёт мало помощи. Поспеш! Поскольку судьба нашего времени будет решена под стенами Минас Тирита, и если прилив не остановить там, тогда он прокатится по всем прекрасным степям Ристании и даже здесь, в Гнезде среди холмов, не будет убежища.

— Тёмные вести, — сказал Теоден, — но не вовсе неожиданные. Однако передай Денетору, что мы пришли бы ему на помощь даже в том случае, если бы самому Рохану не грозила опасность. Но мы понесли много потерь в боях с предателем Саруманом, и, кроме того, нам приходится также думать о границах на севере и востоке, что явствует из его собственных сведений. Мощь Чёрного Властелина сейчас такова, что он вполне способен втянуть нас в битву перед Городом и одновременно перебросить большие силы через Реку гораздо выше Ворот Королей.

Но мы не будем более руководствоваться осторожностью. Мы придём. Раздача оружия назначена на завтра. Когда она состоится, мы выступим. Десять тысяч копий могу я послать в скачку по степям на страх нашим врагам. Боюсь, что сейчас будет меньше, поскольку я не хочу оставлять мои крепости вовсе без охраны. Однако не менее шести тысяч поскачут за мной. Ибо скажи Денетору, что в этот час сам герцог Ристании отправится в земли Гондора, хоть, может быть, он и не вернётся назад. Но это долгий путь, а люди и лошади должны сохранить силы для битвы. Пройдёт неделя, считая с завтрашнего утра, прежде чем вы услышите с севера клич сыновей Эорла.

— Неделя! — повторил Хиргон. — Коли иначе нельзя, пусть будет так. Но через семь дней, считая с этого, вы можете найти только разрушенные стены, разве что подоспеет иная, непредвиденная помощь. Всё же вы, по крайней мере, помешаете оркам и смуглолицым

пировать в Белой Крепости.

— По крайней мере, мы сделаем это, — сказал Теоден. — Но я сам только что вернулся после сражения и долгого пути и хочу теперь отдохнуть. Задержись здесь на эту ночь. Тогда ты увидишь сбор Ристании и поскачешь с более лёгким сердцем от этого зрелища и быстрее после отдыха. Недаром говорят, что утро вечера мудренее.

С этими словами герцог поднялся, и все встали.

— Пусть каждый пойдёт сейчас отдыхать, — сказал он, — и выспится хорошенько. В вас, мастер Мериардок, я тоже больше не нуждаюсь сегодня. Но будь готов явиться по моему зову сразу, как встанет солнце.

— Я буду готов, — ответил Мерри, — даже если вы прикажете мне скакать с вами Тропами Мёртвых.

— Не поминай лиха! — сказал герцог. — Ведь помимо этой могут быть и другие дороги, вполне достойные такого имени. Но я не говорил, что прикажу тебе следовать за мной по любой из дорог. Доброй ночи!

— Я не хочу оставаться позади, чтобы про меня вспомнили потом, когда вернутся! — говорил Мерри. — Не хочу оставаться, не хочу.

И, повторяя это снова и снова, он уснул, наконец, под своим тентом.

Его разбудил, трясая за плечо, какой-то человек.

— Проснитесь, проснитесь, мастер холбитла! — окликал он его, и Мерри, в конце концов, вынырнул из глубокого сна и мгновенно уселся. Ему показалось, что всё ещё очень темно.

— В чём дело? — спросил он.

— Герцог зовёт вас.

— Но солнце ведь ещё не взошло, — сказал Мерри.

— Нет, и не взойдёт сегодня, мастер холбитла. И вообще никогда больше, как сдаётся под этой тучей. Но, хотя солнца нет, время не стоит на месте. Поспешите!

Торопливо накинув на себя кое-какую одежду, Мерри выглянул наружу. Мир потемнел. Даже воздух казался бурым, а все предметы вокруг были чёрными и серыми, без теней, и повсюду царило глубокое безмолвие. Туч видно не было, только очень далеко, на западе, всё ещё продолжали ползти вперёд скрюченные пальцы великой мглы, и слабый свет просачивался сквозь них. Над головой висел мрачный, бесформенный полог, и свет, казалось, скорее убывал, чем разгорался.

Мерри увидел, что многие стоят и смотрят вверх, бормоча что-то, и лица их были серы и угрюмы, а некоторые даже испуганы. С упавшим сердцем он пошёл к герцогу. Перед герцогом стоял Хиргон, гонец Гондора, а рядом с ним был другой человек, в такой же одежде и вообще похожий, но ниже и коренастее. Когда Мерри вошёл, он говорил, обращаясь к герцогу:

— Это идёт из Мордора, господин. Всё началось прошлым вечером на закате. Я видел, как мгла поднимается из-за холмов Восточных Лощин твоего герцогства и наползает на небо, и всю ночь, пока я скакал, она шла позади, пожирая звёзды. Теперь огромная туча висит над всеми землями отсюда до Чёрных гор, и всё густеет. Война уже началась.

Некоторое время герцог сидел молча. Наконец он произнёс:

— Итак, свершилось. Пришла, наконец, великая битва нашего времени, в которой должно погибнуть многое. Но, по крайней мере, отпала необходимость скрываться. Мы поскачем коротким путём по открытой дороге и со всей скоростью. Сбор начнётся немедленно, замешкавшихся ждать не будем. В Минас Тирите достаточные запасы? Потому что, раз теперь

мы должны скакать как можно быстрее, то придётся двигаться налегке, взяв еды и воды не больше, чем нужно, чтобы продержаться до битвы.

— Мы давно заготовили очень большие запасы, — ответил Хиргон. — Скачите, не обременяя себя ничем, так быстро, как сможете!

— Тогда зови герольдов, Эомир, — велел Теоден. — Командуй построение!

Эомир вышел, и вскоре в Гнезде запели трубы, и снизу им ответило множество других; но теперь голоса их больше не звучали светло и гордо, как показалось Мерри прошлой ночью. Глухими и хрипыми были они в тяжёлом воздухе, и крик их был зловещим.

Герцог обратился к Мерри.

— Я ухажу на войну, мастер Мериардок, — сказал он. — Очень скоро я выступлю. Я освобождаю тебя от службы мне, но не лишаю дружбы. Ты будешь жить здесь и, если захочешь, служить госпоже Эовин, которое будет править народом вместо меня.

— Но... но, господин, — заикнулся было Мерри. — Я предложил вам свой меч. Я не хочу расстаться вот так с вами, герцог Теоден. И мне стыдно оставаться, когда все мои друзья ушли в бой.

— Но мы скачем на высоких и резвых лошадях, — сказал Теоден. — А ты, хоть сердце твоё доблестно, не сможешь усидеть на таком животном.

— Тогда привяжи меня к его спине или позволь уцепиться за стремя, или ещё за что-нибудь, — возразил Мерри. — Бежать далеко, но, если я не смогу ехать, то побегу, даже если собою ноги до костей и опоздаю на недели.

Теоден улыбнулся.

— Уж скорее я посадил бы тебя к себе на Снегогрива, — сказал он. — Но, по крайней мере, ты поедешь вместе со мной в Эдорас и взглянешь на Медусельд, потому что я двинусь этим путём. Стибба отнесёт тебя туда; пока мы не достигнем равнин, большой скачки не будет.

После этого поднялась Эовин.

— Пойдём, Мериардок! — сказала она. — Я покажу доспех, который приготовила для тебя. Они вышли вместе.

— Только об одном просил меня Арагорн, — продолжила Эовин, пока они пробирались между навесами. — Вооружить тебя для битвы. Я исполнила это, как могла. Ибо моё сердце говорит мне, что тебе понадобится такое оружие перед концом.

Она подвела Мерри к палатке среди лагеря телохранителей герцога, и оружейный мастер вынес ей маленький шлем, круглый щит и прочие вещи.

— У нас нет подходящей тебе кольчуги, — сказала Эовин, — и нет времени изготовить её, но вот прочная кожаная куртка, пояс и нож. Меч у тебя есть.

Мерри поклонился, и госпожа показала ему щит, похожий на тот, который дали Гимли, тоже с эмблемой в виде белой лошади.

— Возьми всё это, — сказала она, — и носи на счастье! Прощай пока, мастер Мериардок! Но, может быть, мы встретимся снова, ты и я.

Вот так среди сгущающейся мглы Владыка Герцогства приготовился вести всех своих Всадников по дороге на восток. Сердца были тяжелы, и многие упали духом под надвинувшейся тенью. Но это был суровый народ, преданный господину, и даже в Гнезде, в лагере, где поселились изгнанники из Эдораса — женщины, дети и старики, — почти не раздавались плач или ропот. Рок висел над их головами, но они встречали его молча.

Минули два быстрых часа, и вот герцог сидел уже на своём белом коне, отсвечивающем в окружающем сумраке. Он казался гордым и высоким, хотя волосы его, струившиеся из-под

шлема, были подобны снегу, и многие любовались им и воодушевлялись, видя его нестигаемым и бесстрашным.

На широких лугах рядом с бурной рекой выстроились отрядами добрых пятьдесят и пять сотен Всадников в полном вооружении и многие сотни других людей с легко нагруженными запасными лошадьми. Запела одинокая труба. Герцог поднял руку, и войско Ристании молча пришло в движение. Сначала выступили двенадцать телохранителей герцога, прославленные рыцари. За ними последовал сам герцог с Эомиром по правую руку. Он распрощался с Эовин наверху, в Гнезде, и воспоминание было горьким, но сейчас он обратил свои мысли к предстоящему пути. За ним ехал с гонцами Гондора Мерри на Стиббе, а позади ещё двенадцать телохранителей. Они двигались вдоль длинных рядов ждущих людей с суровыми, застывшими лицами. Но один из них, почти в самом конце ряда, поднял глаза и пристально поглядел на хоббита. "Молодой человек, — подумал Мерри, возвращая взгляд, — пониже и тоньше, чем большинство других". Он уловил блеск ясных серых глаз и содрогнулся, потому что внезапно сообразил, что это лицо того, кто без надежды идёт искать смерти.

Они ехали вниз по серой дороге, которая шла вдоль Снеготала, бурлящего на камнях, через деревушки Нижнедол и Надречье, где из тёмных дверей выглядывали печальные лица женщин, и так, без музыки рогов или лютен, без звука людских голосов, началась великая скачка на восток, о которой потом пели в Ристании на протяжении многих поколений людей:

Из тёмных лощин Широколья бессветной зарёй
Капитанов и танов Теоден повёл за собой,
В древний град Эдорас поскакал.
Мраком были покрыты дома окрест,
Тусклый туман скрыл золота блеск;
"Прощайтесь!" — герцог сказал.
Трон свой оставив высокий и зал,
Где в светлое время он пировал,
Тенгеля сын вперёд поскакал
Отринув прочь страх, навстречу судьбе.
Верность хранил он в страшной беде,
Клятвы былые исполнил все.
Сквозь Лощины, Плавни и Сухостой
К востоку эорлингов вёл за собой
Дней пять и пять ночей.
Шесть тысяч копий скакало за ним
К светлomu Мандбургу под Миндоллуин.
Враг окружил, огонь охватил
Твердыню морских королей.
Рок гнал их вперёд, и скрыла их тьма,
Коней и бойцов, их умолкли дома.
Так говорит нам песня.^[11]

И действительно, Эдораса герцог достиг в сгущающемся мраке, хотя было около полудня. Задержался он здесь очень ненадолго и пополнил войско примерно тремя десятками всадников, опоздавших к раздаче оружия. Поев, они были готовы двинуться дальше, и тут герцог мягко распрощался со своим оруженосцем. Но Мерри в последний раз слёзно попросил разрешения не

разлучаться с ним.

— Я же говорил, что эта скачка не для таких коней, как Стибба, — возразил Теоден. — И что будешь делать ты, мастер Мериардок, в битве, которую мы собираемся дать на полях Гондора, хоть ты мой меченосец и выше сердцем, чем ростом?

— Кто знает? — ответил Мерри. — Но почему, господин, вы назначили меня своим меченосцем, если не позволяете быть рядом с вами? И разве песни не скажут обо мне лишь то, что я всегда оставался позади?

— Я назначил тебя им, чтобы обезопасить, — ответил Теоден, — и для того, чтобы ты делал, как я прошу. Никто из моих всадников не может нести тебя, как груз. Будь битва перед моими воротами, быть может, деяния твои и воспели бы менестрели, но она будет за сто две лиги под Мандбургом, господин которого Денетор. Хватит об этом.

Мерри поклонился и пошёл прочь, совершенно несчастный, неотрывно глядя на ряды всадников. Отряды уже готовились к выступлению: люди затягивали подпруги, проверяли сёдла, ласкали коней; некоторые с беспокойством поглядывали на опускающееся небо. Один из Всадников незаметно приблизился к хоббиту и тихо сказал ему на ухо:

— "Было бы хотение, а способ найдётся", говорят у нас. И я сам в этом убедился.

Мерри поднял глаза и увидел, что это тот самый молодой всадник, которого он приметил утром.

— Я вижу по твоему лицу, что ты хочешь следовать за владыкой Герцогства.

— Да, — сказал Мерри.

— Тогда идём со мной, — предложил Всадник. — Я повезу тебя перед собой под плащом, пока мы не очутимся далеко в поле, да и тьма эта всё сгущается. Такой благой порыв не должен пропасть даром. Не говори больше ни с кем и идём!

— Огромное спасибо! — сказал Мерри. — Спасибо вам, сэр, хотя я и не знаю вашего имени.

— Не знаешь? — тихо проговорил всадник. — Тогда зови меня Дернхельм.

Вот так и вышло, что когда герцог выступил, хоббит Мериардок сидел перед Дернхельмом, и мало обременён был этим крупный жеребец Ветрогон, потому что Дернхельм весил меньше большинства людей, хотя был гибок и хорошо сложен.

Они поскакали в тень. На ночь войско расположилось в ивовых зарослях, где Снеготал впадал в Энтрицу, двенадцатью лигами восточнее Эдораса. И затем опять скачка через Лощины, и через Плавни, где справа от них большие дубовые леса взбирались на подножья холмов в тени тёмного Куреня у границ Гондора, а слева лежали туманы на болотах, подпитываемых дельтой Энтрицы. И пока они скакали, пронёсся слух о войне на севере. Бешено мчащиеся одинокие всадники принесли весть о врагах, атаковавших их восточные границы, и об ордах орков, марширующих в Нагорьях Рохана.

— Скачите вперёд! Вперёд! — воскликнул Эомир. — Сейчас уже поздно сворачивать в сторону. Топи Энтрицы защитят наш фланг. Теперь нам поможет лишь скорость. Вперёд!

И так герцог Теоден расстался со своими землями, и миля за милей разворачивалась перед ним длинная дорога, и оставались позади сигнальные холмы: Белоглав, Мин-Риммон, Эрелас, Нардол. Но огни на них потухли. Тих и сер был край, и только бесконечная тень всё густела перед ними, и надежда таяла в сердцах.

Глава IV

Осада Гондора

Пина разбудил Гэндальф. В комнате горели свечи, потому что сквозь окна пробивался лишь тусклый сумрак; воздух был тяжёл, как при приближении грозы.

— Сколько времени? — спросил Пин, зевнув.

— Начало третьего часа, — ответил Гэндальф. — Пора вставать и привести себя в приличный вид. Тебя вызывают к Правителю Города узнать твои новые обязанности.

— А он даст позавтракать?

— Нет, я дам. Всё, что ты получишь до полудня. Еда распределяется теперь по приказу.

Пин уныло взглянул на небольшой ломоть хлеба и на совершенно недостаточный (как ему подумалось) кусочек масла поверх него, и стоящую рядом чашку со снятым молоком.

— Зачем ты притащил меня сюда? — проворчал он.

— Сам прекрасно знаешь, — сказал Гэндальф. — Чтобы уберечь тебя от неприятностей. А если здешняя жизнь тебе не по вкусу, припомни, пожалуйста, что ты сам её выбрал.

Пин ничего не ответил.

Вскоре он снова шёл с Гэндальфом по холодному коридору к дверям Зала Башни. Здесь в сером мраке сидел Денетор, похожий, как подумал Пин, на старого терпеливого паука: казалось, что он не двинулся с места со вчерашнего вечера. Правитель кивком предложил Гэндальфу сесть, а не удостоенный внимания Пин остался стоять. Но через некоторое время старик обратился к нему:

— Итак, мастер Перегрин, надеюсь, что вчерашний день ты провёл с пользой и в своё удовольствие? Хотя опасаюсь, что стол в этом городе скуднее, чем тебе хотелось бы.

У Пина возникло неудобное ощущение, что большая часть сказанного и сделанного им каким-то образом известна Правителю Города столь же точно, как и угадано многое из его мыслей. Он не ответил.

— Что ты собираешься делать на моей службе?

— Я думал, сэр, что свои обязанности я узнаю от вас.

— Я сообщу их, когда выясню, на что ты способен, — сказал Денетор. — Но, может быть, я узнаю это скорее, если оставлю тебя при себе. Мой камергер попросил отпустить его во внешний гарнизон, так что временно ты займёшь его место. Ты будешь прислуживать мне, относить поручения и разговаривать со мной, если война и совет оставят мне небольшую передышку. Ты умеешь петь?

— Да, — ответил Пин. — Неплохо. В смысле, неплохо для моего народа. Но у нас нет песен, подходящих для больших залов и злых времён, господин. Мы редко поём о чём-нибудь более грозном, чем ветер или дождь. И большинство моих песен о вещах, которые смешат нас, и, конечно, о еде и питье.

— А почему такие песни не подходят для моих залов или для таких времён, как эти? Ведь можем же мы, издревле живущие под Тенью, услышать эхо из нетронутой ею страны? Возможно, мы почувствуем тогда, что бдение наше не было бесплодным, хотя, быть может, и оставленным без благодарности.

Сердце Пина упало. Его не привлекала мысль петь хоббитанские песни Правителю Минас Тирита, и уж во всяком случае, не комические куплеты, которые он знал лучше всего. Они были слишком... нескладными, что ли, для подобной okazji. Однако в данный момент он был избавлен от тяжёлого испытания. Петь ему не приказали. Денетор обратился к Гэндальфу с расспросами о Ристании, её политике и позиции Эомира, племянника герцога. Пин поразился тому, сколько всего известно Правителю о народе, который живёт так далеко, хотя, как полагал Пин, прошло немало лет с тех пор, как Денетор сам выезжал за границу.

Через некоторое время Денетор знаком подозвал Пина и опять ненадолго отпустил его.

— Ступай в арсеналы Цитадели, — велел он, — и получи там ливрею и доспех Башни. Они должны быть готовы. Приказ был отдан вчера. Вернись, когда оденешься!

Всё было, как он сказал, и Пин вскоре оказался облачённым в странные чёрные с серебром одежды. На нём была маленькая кольчуга, вероятно, стальная, но чёрная, как гагат, и высокий шлем с маленькими вороньими крыльями по бокам и с серебряной звездой в центре. Поверх кольчуги шла короткая накидка, тоже чёрная, но с вышитой на груди серебряной нитью эмблемой Древа. Его старую одежду свернули и спрятали, но серый плащ Лориэна позволили оставить себе, хоть и не разрешили носить на службе. Теперь, если бы Пин только знал это, он действительно выглядел, как Эрнил и Перианнат, Принц Невысоклик, как прозвал его народ, но ему было не по себе. Да и мрак начал угнетать его.

Весь день было темно и тускло. От бессолнечного рассвета до позднего вечера тяжёлая тень всё густела, и сердца горожан тоже становились всё тяжелее. Высоко вверх медленно ползла к западу, пожирая свет, огромная туча из Чёрной страны, гонимая ветром войны; но внизу воздух был тих и недвижим, словно вся долина Андуйна ожидала натиска разрушительной бури.

Около одиннадцати часов Пин, на время освободившийся, наконец, от своих обязанностей, вышел и отправился на поиски еды и питья, чтобы облегчить тяжесть на сердце и сделать свою обязанность прислуживать менее несносной. В столовых он снова повстречался с Берегондом, который только что вернулся с Пеленнора, отнес приказ в Сторожевые башни у главного Тракта. Они вместе отправились снова на стены, потому что Пин чувствовал себя в помещении, как в тюрьме, и задыхался даже в высоких залах Башни. Теперь они снова сидели рядышком у амбразуры, глядящей на восток, перекусывали и обсуждали вчерашний день.

Был час заката, но громадная пелена уже протянулась далеко к западу, и только погружаясь наконец в море, солнце смогло прорваться сквозь неё, чтобы послать перед ночью короткий прощальный луч — тот самый, который перед глазами Фродо на Перепутье коснулся головы павшего короля. Но ни отблеска его не упало на поля Пеленнора под сенью Миндоллуина: они остались бурыми и унылыми.

Пину казалось, что уже годы прошли с тех пор, как он сидел здесь в прошлый раз, в какое-то полузабытое время, когда он всё ещё оставался хоббитом, легкомысленным путником, которого мало трогали опасности, через которые он шёл. Теперь он был маленьким солдатом в городе, готовящемся к большому штурму, и был одет в гордый, но мрачный доспех Сторожевой Крепости.

В другое время и другом месте Пин наслаждался бы своим новым одеянием, но сейчас-то он знал, что принимает участие не в игре: он на полном серьёзе является слугой сурового хозяина в часы величайшей опасности. Кольчуга тяжело лежала на плечах, шлем сдавливал голову. Свой плащ Пин бросил рядом с собой на сиденье. Он утомлённо скользнул взглядом по темнеющим внизу полям, зевнул, а потом вздохнул.

— Устал сегодня? — спросил Берегонд.

— Да, — ответил Пин. — Очень. Устал от безделья и ожидания. Я оттопал пятки у двери покоя моего господина за те долгие часы, пока он обсуждал дела с Гэндальфом, принцем и прочими важными особами. И я не привык, мастер Берегонд, прислуживать на голодный желудок другим, пока они едят. Это суровое испытание для хоббита. Ты, без сомнения, сочтёшь, что мне следовало бы более глубоко чувствовать оказанную честь. Но что хорошего в такой чести? Ну, в самом деле, что хорошего даже в еде и питье под этой ползущей тенью? Что это значит? Сам воздух кажется густым и бурым! У вас часто такой мрак, когда ветер дует с востока?

— Нет, — сказал Берегонд. — Это не природное явление. Это нечто, порождённое его

злостью: какая-то гарь с Огненной горы, которую он послал, чтобы затемнить сердце и разум. Что и случилось. Хорошо бы господин Фарамир вернулся. Он не поддастся испугу. Но кто знает, вернётся ли он теперь из этой Тьмы с другого берега Реки?

— Да, — отозвался Пин. — Гэндальф тоже тревожится. Мне кажется, он был разочарован, не найдя здесь Фарамира. И куда, интересно, он отправился сам? Он покинул совет Правителя перед полдником и, по-моему, в дурном расположении духа. Может быть, у него какое-то предчувствие или плохие вести.

Но внезапно, прямо посреди разговора, их поразила немота, они застыли на месте, превратившись в обладающие слухом камни. Пин сжался, изо всей силы прижимая руки к ушам, но Берегонд, который, говоря о Фарамире, выглянул из амбразуры, так и замер, продолжая глядеть на поля широко раскрытыми, остекленевшими глазами. Пину был знаком этот повергающий в трепет крик, который он сейчас слышал: точно такой же крик раздавался — так давно — в Маришах, в лесах Ши́ра, но теперь он налился силой и ненавистью, пронзая сердца ядовитым отчаянием.

Наконец Берегонд сделал над собой усилие и заговорил.

— Они появились! — сказал он. — Наберись храбрости и взгляни! Внизу что-то ужасное.

Пин неохотно вскарабкался на скамью и посмотрел за стену. Под ним лежал тусклый Пеленнор, исчезающий вдаль у едва угадывающейся линии Великой Реки. Но теперь над полем быстро кружились в воздухе, словно тени чересчур рано пришедшей ночи, пять птицеобразных фигур, ужасных, как стервятники, но громаднее орлов и безжалостных, как смерть. Они то подлетали ближе, почти на расстояние выстрела со стен, то отдалялись, продолжая выписывать круги.

— Чёрные Всадники! — пробормотал Пин. — Чёрные Всадники в воздухе! Но смотри, Берегонд! — закричал он. — Они ведь высматривают что-то, правда? Смотри, как они кружат и всё снижаются вон над тем местом! И, видишь, там по земле что-то движется?! Маленькие тёмные фигурки. Да, люди на лошадях, четверо или пятеро. Ах! Я не могу этого вынести! Гэндальф! Гэндальф, спаси нас!

Взметнулся и упал ещё один протяжный вопль, и он опять соскочил со стены, тяжело дыша, как загнанный зверёк. Но сквозь этот бросающий в дрожь крик до его ушей донёсся слабый и далёкий зов трубы, закончившийся на долгой высокой ноте.

— Фарамир! Господин Фарамир! Это его зов! — воскликнул Берегонд. — Храброе сердце! Только как он доберётся до Ворот, если у этих адских стервятников есть другое оружие, кроме страха?! Но смотри! Они держатся. Они пробьются к Воротам. Нет! Лошади понесли. Смотри! Люди сброшены, они бегут пешком. Нет, один всё ещё в седле, но он возвращается к остальным. Это, должно быть, капитан: он умеет управлять и животными, и людьми. А! Одна из этих мерзких тварей снижается над ним! Помогите! Помогите! Неужели никто не выйдет к нему?! Фарамир!

С этими словами Берегонд рванулся прочь и побежал во мрак. Стыдясь своего ужаса, тогда как Берегонд из Стражи думал в первую очередь о любимом командире, Пин поднялся, снова выглянул наружу и в тот же миг увидел серебристо-белую вспышку, идущую с севера, будто на тёмных полях зажглась маленькая звёздочка. Она надвигалась, всё увеличиваясь, со скоростью стрелы и стремительно сближалась с четырьмя людьми, бегущими к Воротам. Пину показалось, что она распространяет вокруг себя бледный свет, и тяжёлые тени расступаются перед ней, а потом, когда она приблизилась, ему почудилось, что он слышит громкий оклик, гулко отразившийся от стен.

— Гэндальф! — закричал он. — Гэндальф! Он всегда появляется, когда дела хуже всего.

Вперёд! Вперёд, Белый Всадник! Гэндальф, Гэндальф! — орал он, словно болельщик на скачках, подстрекающий жокея, который не может услышать поощрений.

Но теперь тёмные, описывающие круги тени заметили вновьприбывшего. Одна повернула к нему, но Пину померещилось, что он вскинул руку, и из неё ударил вверх луч белого света. Назгул издал протяжный вой и повернул прочь, четверо остальных заколебались было, а потом взмыли стремительной спиралью, повернули на восток и исчезли в низко висящей туче, а внизу, на Пеленноре, на время стало как будто бы не так темно.

Продолжавший наблюдать за происходящим Пин увидел, как человек в седле и Белый Всадник встретились и остановились, поджидая тех, кто был пешком. Теперь из Города к ним бежали люди; вскоре все они скрылись от взгляда под внешними стенами, и Пин понял, что они вошли в Ворота. Сообразив, что они сразу направятся в Башню к Правителю, он поспешил к входу в Цитадель. Здесь он смешался с другими людьми, наблюдавшими за погоней и спасением с высоких стен.

Вскоре на улицах, поднимавшихся из внешних кругов, послышался гомон многочисленных приветствий: люди ликовали и выкрикивали имена Фарамира и Митрандира. Немного погодя Пин увидел факелы и двух медленно едущих всадников, которых сопровождала густая толпа людей: один был в белом, но больше уже не сиял, а бледно отсвечивал в сумраке, словно огонь его был израсходован или укрыт, другой тёмный, со склонённой головой. Они спешили, и, когда слуги приняли Тенегона и другого коня, зашагали к часовым у ворот — Гэндальф твёрдо, его серый плащ развевался позади, и огонь всё ещё тлел в его глазах; второй, весь одетый в зелёное, медленно и слегка пошатываясь, как уставший или раненный человек.

Когда они проходили под лампой в арке ворот, Пин протолкался вперёд и, увидев бледное лицо Фарамира, задержал дыхание. Это было лицо того, кто пережил внезапный и мучительный приступ сильного страха или боли, но справился с ним и теперь спокоен. Вот он гордо и с полным достоинством остановился на мгновение, сказав что-то стражнику, и пристально глядящий на него Пин увидел, как сильно походит он на своего брата Боромира, который с самого начала нравился Пину, восхищенному величественными, но мягкими манерами этого большого человека. Однако по отношению к Фарамиру его сердце внезапно прониклось каким-то странным чувством, которого он не ведал прежде. Перед ним стоял человек, проникнутый духом высокого благородства, такого, как у Арагорна, когда тот позволял увидеть это: быть может, менее высокого, но вместе с тем менее недостижимого и неизмеримого. Он тоже был из числа людских королей, рожденный в более позднее время, но отмеченный печалью и мудростью Древней расы. Пин теперь знал, почему Берегонд приносил его имя с такой любовью. Это был капитан, за которым люди, за которым Пин пошёл бы даже под тень чёрных крыл.

— Фарамир! — громко закричал он вместе со всеми. — Фарамир!

И Фарамир, уловив его незнакомый голос среди криков людей Города, обернулся, и посмотрел на него, и крайне изумился.

— Откуда ты взялся? — произнёс он. — Невысоклик, и в ливрее Башни! Как...?

Но тут к нему подошёл Гэндальф и сказал:

— Он пришёл со мной из страны невысокликов. Он пришёл со мной. Но давай не будем задерживаться здесь. Следует еще многое сказать и многое сделать, а ты устал. Он пойдёт с нами. Что, кстати, он и обязан сделать, поскольку, если он не забыл про свои новые обязанности легче, чем я, то в этот час он должен снова прислуживать своему господину. Пойдём, Пин! Следуй за нами.

Таким образом, они, наконец, пришли в личный покой Правителя Города. Здесь вокруг

жаровни с древесным углём были поставлены глубокие кресла и принесено вино, и Пин, на которого едва обратили внимание, стоял позади кресла Денетора и практически не замечал собственной усталости, так напряжённо прислушивался он ко всему, о чём шла речь.

Съев немного белого хлеба и сделав глоток вина, Фарамир опустился в низкое кресло по левую руку отца. С другой стороны, чуть поотдаль, уселся в кресло из резного дерева Гэндальф и, казалось, сразу заснул. Потому что сначала Фарамир говорил только о задании, с которым был послан десять дней назад, и он принёс новости об Итилии, о действиях Врага и его союзников, рассказал о сражении на тракте, в котором были разбиты люди Харада с их огромным зверем, — обычный отчёт капитана перед своим господином о событиях, часто случавшихся и прежде: мелкие приграничные стычки, казавшиеся теперь ненужными и незначительными, лишившимися своей славы.

Потом Фарамир неожиданно посмотрел на Пина.

— Но теперь мы приблизились к необычным вещам, — сказал он, — Поскольку это не первый невысоклик, которого я вижу пришедшим из северных легенд в страны юга.

Тут Гэндальф выпрямился, стиснув ручки кресла, но не сказал ничего и взглядом остановил возглас, готовый сорваться с губ Пина. Денетор взглянул на их лица и кивнул головой, словно в знак того, что прочёл на них многое ещё до того, как прозвучали слова. Пока остальные сидели молча и неподвижно, Фарамир неспешно, почти не сводя глаз с Гэндальфа, поведал обо всём, временами поглядывая при этом на Пина, словно чтобы оживить воспоминания о других, которых он видел.

Когда его рассказ перешёл от встречи с Фродо и его слугой к событиям на Хеннет Аннуне, Пин заметил, что руки Гэндальфа, сжимающие резное дерево, дрожат. Сейчас они выглядели белыми и очень старыми, и, пока Пин разглядывал их, он внезапно, с трепетом страха, понял, что Гэндальф, сам Гэндальф, был встревожен, даже испуган. Воздух в комнате был спёрт и недвижим. Под конец, когда Фарамир рассказывал о прощании с путниками и их решении идти к Кирит Анголу, его голос упал, он покачал головой и вздохнул. Тут Гэндальф вскочил.

— Кирит Ангол?! Долина Моргула?! — воскликнул он. — Время, Фарамир, время? Когда ты расстался с ними? Когда они могли достичь этой проклятой долины?

— Я расстался с ними утром два дня назад, — ответил Фарамир. — Если они пошли прямо на юг, до долины Моргулдуина пятнадцать лиг, и потом им предстоит ещё пять лиг к востоку, к проклятой Крепости. Вряд ли они могли попасть туда раньше, чем сегодня, и, быть может, они всё ещё не дошли. Несомненно, я понимаю, чего ты боишься. Но эта тьма никак не связана с их рискованной затеей. Она началась вчера под вечер, и прошлой ночью вся Итилия была под тенью. Для меня очевидно, что Враг давно планировал нападение на нас, и час его был определён прежде, чем те путники вышли из под моей охраны.

Гэндальф мерил шагами пол.

— Утром, два дня назад, около трёх дней пути! Далеко ли то место, где вы расстались?

— Для птицы около двадцати пяти лиг, — ответил Фарамир. — Но я не мог вернуться быстрее. Вчера вечером я был у Каир Андроса, длинного острова в Реке к северу отсюда, который мы обороняем, а лошади держатся на этом берегу. Когда тьма поползла вперёд, я понял, что нужно спешить, и поскакал сюда с тремя людьми, которых тоже можно было посадить верхом. Всех остальных из своего отряда я послал к югу, чтобы усилить гарнизон у переправ Осгилиата. Надеюсь, что я не ошибся?

Он взглянул на отца.

— Ошибся? — воскликнул Денетор, и глаза его внезапно вспыхнули. — Зачем ты спрашиваешь? Люди были под твоей командой. Или ты интересуешься, как я оцениваю все твои поступки? В моём присутствии ты держишься скромно, но немало уже времени минуло с тех

пор, как ты, отойдя от моих суждений, свернул на собственную дорогу. Пойми, ты говорил, как всегда, искусно, но я... разве не видел я твоих глаз, устремлённых на Митрандира, чтобы понять, говоришь ты правильно или слишком много? Он уже давно владеет твоим сердцем.

Мой сын, твой отец стар, но ещё не выжил из ума. Я могу видеть и слышать, как делал это всегда, и немногое из того, что ты недоговорил или оставил без упоминания, скрыто сейчас от меня. Я знаю ответ на множество загадок. Увы, увy, Боромир!

— Если то, что я сделал, вызывает ваше неудовольствие, отец, — произнёс Фарамир спокойно, — мне жаль, что я не мог узнать вашего мнения прежде, чем мне выпало принимать столь тягостное решение.

— И оно оказалось бы достаточным, чтобы ты изменил своё решение? — спросил Денетор. — Я полагаю, ты всё равно поступил бы именно так. Я хорошо знаю тебя. Ты вечно стремишься выглядеть величественным и благородным, как древний король, учтивым, мягким. Это вполне приличествует человеку высшей расы, пребывающему в мире и могуществе. Но в часы отчаяния бывает, что наградой за мягкость служит смерть.

— Да будет так, — сказал Фарамир.

— Да, будет так! — воскликнул Денетор. — Но не только твоя смерть, господин Фарамир, но и смерть твоего отца, и гибель всего нашего народа, обязанность защищать который легла на твои плечи с тех пор, как погиб Боромир.

— Так ты хочешь, — промолвил Фарамир, — чтобы мы поменялись местами?

— Да, я действительно хочу этого, — сказал Денетор. — Ибо Боромир был предан мне, а не служил марионеткой в руках мага. Он помнил бы о нужде своего отца и не упустил бы то, что дала фортуна. Он принёс бы мне великий дар.

На мгновение сдержанность изменила Фарамиру.

— Я прошу вас, мой отец, вспомнить, почему случилось, что я, а не он, оказался в Итилии. По крайней мере в одном случае, не так давно, ваше мнение перевесило. Именно Владыка Города дал поручение ему!

— Не размещивай горечь в чаше, которую я приготовил себе, — отозвался Денетор. — Разве не чувствовал я её вкуса много ночей, предвидя то худшее, что лежало тогда ещё на дне? И что ныне я и обрёл в действительности. Если бы это было не так! Если бы эта вещь попала ко мне!

— Утешься! — сказал Гэндальф. — Боромир не принёс бы тебе это ни в коем случае. Он умер, и умер хорошо, пусть покоится в мире! Но ты обманываешь себя. Он протянул руку к этой вещи и, получив её, пал бы. Он сохранил бы её для себя, и, когда бы он вернулся, ты бы не узнал своего сына.

Лицо Денетора стало суровым и холодным.

— Ты нашёл, что Боромир хуже поддается твоему влиянию, не так ли? — проговорил он тихо. — Но я, кто был его отцом, говорю, что он принёс бы это мне. Быть может, ты мудр, Митрандир, но при всём твоём искусстве, ты не всеведущ. Могут быть найдены иные решения, отличные от паутины магов или поспешности глупцов. В подобном вопросе я более мудр и сведущ, чем ты полагаешь.

— И какова же тогда ваша мудрость? — спросил Гэндальф.

— Достаточно, чтобы понять, что здесь следует избегать двух глупостей. Использовать эту вещь опасно. Но послать её в такой час в руках безмозглого невысоклика в страну самого Врага, как сделали ты и этот вот мой сын, — это безумие.

— А господин Денетор, что сделал бы он?

— Ни то, и ни другое. Но совершенно точно, никакие доводы не заставили бы его отправить эту вещь в дурацкой надежде навстречу наибольшей опасности, рискуя нашим полным

уничтожением в случае, если Враг вновь обретёт утраченное им. Нет, это хранилось бы скрытым, скрытым тьмой и глубиной. Без использования, говорю я, исключая лишь случай крайней нужды, но за пределами его досягаемости, если только он не одержит победу столь полную, что последующие события не встревожат нас, мёртвых.

— Как обычно, ты, господин мой, думаешь лишь о Гондоре, — сказал Гэндальф. — Однако есть ведь другие люди и другие жизни, и время так и будет продолжаться. Что до меня, то мне жаль даже его рабов.

— И где эти другие люди обретут помощь, если Гондор падёт? — ответил Денетор. — Если бы сейчас эта вещь была у меня в глубоких подвалах Цитадели, мы не тряслись бы тогда от страха под этим мраком, боясь худшего, и мысли наши не были бы в смятении. Если ты не веришь, что я выдержал бы это испытание, тогда ты меня ещё не знаешь.

— И всё же я не верю тебе, — возразил Гэндальф. — Иначе я мог бы послать эту вещь сюда, тебе на хранение, и избавить себя и других от многих мучений. А теперь, слушая твои речи, я доверяю тебе ещё меньше, не больше, чем Боромиру. Нет, сдержи свой гнев! В этом я не доверяю и себе, и я отверг эту вещь даже как добровольный дар. Ты силён и в некоторых вещах всё ещё можешь владеть собой, Денетор, но, если бы ты получил эту вещь, она уничтожила бы тебя. Даже будь она похоронена у корней Миндоллуина, она всё же сжигала бы твою мысль по мере роста тьмы, и последовали бы ещё более худшие события, чем те, что скоро обрушатся на нас.

На минуту глаза Денетора, смотревшего в лицо Гэндальфу, снова вспыхнули, и Пин опять ощутил борьбу между их волями; но сейчас казалось, что их взгляды скрестились, словно звенящие клинки. Пин задрожал, опасаясь какого-то ужасного удара. Но неожиданно Денетор расслабился, снова стал холоден и пожал плечами.

— Если бы я! Если бы ты! — произнёс он. — Все эти слова и "если" тщетны. Оно ушло в Тень, и лишь время покажет, какая судьба ожидает его и нас. И время это не будет долгим. В оставшееся же пусть все, кто борется с Врагом на свой лад, будут заодно и хранят надежду, пока ещё могут; а когда надежды нет, остаётся ещё смелость умереть свободными.

Он обратился к Фарамиру:

— Что ты думаешь о гарнизоне в Осгилиате?

— Он не силён, — сказал Фарамир. — Как я уже говорил, я послал отряд из Итилии, чтобы усилить его.

— Этого мало, я полагаю, — сказал Денетор. — Туда падёт первый удар. Им понадобится там стойкий капитан.

— Там и во многих других местах, — ответил Фарамир и вздохнул. — Увы, мой брат, которого я тоже любил! — Он поднялся. — Могу я оставить вас, отец?

Тут он покачнулся и опёрся на кресло отца.

— Ты устал, я вижу, — сказал Денетор. — Ты долго и быстро скакал и, как мне сообщили, под зловещими тенями в воздухе.

— Позволь не говорить об этом! — попросил Фарамир.

— Тогда не будем, — согласился Денетор. — Ступай сейчас и отдохни, пока можешь. Завтра нужда станет суровее.

Теперь все простились с Владыкой Города и пошли отдыхать, пока еще было можно. Снаружи была беззвёздная чернота, когда Гэндальф с Пином, который шёл рядом и нёс маленький факел, направились в свою комнату. Они не разговаривали, пока не очутились за закрытой дверью. Тогда Пин наконец взял Гэндальфа за руку.

— Скажи мне, — произнёс он, — есть ли хоть какая-то надежда? Я имею в виду Фродо,

или, по крайней мере, в основном Фродо.

Гэндальф положил руку на голову Пина.

— Особой надежды никогда не было, — ответил он. — Только дурацкая надежда, как мне и было сказано. А когда я услышал про Кирит Ангол... — Он замолчал и быстро подошёл к окну, словно его глаза могли пронзить ночь на востоке. — Кирит Ангол, — пробормотал он. — Интересно, почему этот путь? — Он повернулся. — Именно теперь, Пин, моё сердце почти отрёклось от неё, когда прозвучало это имя. И всё же, по правде говоря, мне думается, что вести, доставленные Фарамиром, содержат в себе кое-какую надежду. Поскольку кажется ясным, что наш Враг развязал, наконец, войну и сделал первый ход, когда Фродо был ещё на свободе. Так что теперь в течение многих дней его глаз будет направлен куда угодно, только не на собственную страну. И ещё, Пин, я чувствую издалека его спешку и страх. Он начал раньше, чем намеревался. Произошло что-то такое, что подтолкнуло его.

Некоторое время Гэндальф стоял, напряжённо размышляя.

— Может быть, — пробормотал он. — Может быть, даже твоя глупость помогла, мой мальчик. Дай прикинуть: около пяти дней назад он должен был узнать, что мы ниспровергли Сарумана и завладели Камнем. И что из этого? Мы не могли бы использовать его в полную силу или без того, чтобы он знал об этом... А! Интересно... Арагорн? Его час близится. И в душе, Пин, он силен и отважен, смел, решителен, способен поступать по-своему и при необходимости пойти на великий риск. Да, это возможно. Именно для этого он мог воспользоваться Камнем и показать себя Врагу, бросив ему вызов. Интересно... Ладно, мы не узнаем ответа, пока не придут всадники Ристании, если только они не придут слишком поздно. Впереди тяжёлые дни. Спать, пока мы можем!

— Но, — заикнулся было Пин.

— Что "но"? — сказал Гэндальф. — Только одно "но" разрешаю я этой ночью.

— Горлум, — сказал Пин. — Как их угораздило идти с ним, даже следовать за ним? И я понял, что место, куда он повёл их, нравится Фарамиру не больше, чем тебе. В чём дело?

— Сейчас я не могу ответить на это, — сказал Гэндальф. — Однако моё сердце догадывалось, что Фродо и Горлум должны были встретиться перед концом. К добру или к худу. Но о Кирит Анголе я не желаю говорить этой ночью. Предательства, предательства боюсь я, предательства этого жалкого существа. А к этому идёт. Всё же, будем помнить, что предатель может перехитрить себя и сделать добро там, где не намеривался. Бывает и так, иногда. Спокойной ночи!

Следующий день начался с утра, похожего на бурые сумерки, и сердца людей, прибодрённые на время возвращением Фарамира, снова упали. Крылатые Тени в этот день больше не показывались, но снова и снова в вышине над городом слабо звучал крик, и многие из тех, кто слышал его, замирали, охваченные внезапным ужасом, тогда как менее мужественные дрожали и плакали.

И Фарамир теперь снова ушёл.

— Ему не дают отдыха, — ворчали некоторые. — Владыка слишком уж гоняет своего сына, а теперь ему приходится отдуваться за двоих: за себя и за того, кто не вернётся.

И люди то и дело поглядывали на север и спрашивали:

— Где же всадники Ристании?

На самом деле, Фарамир не пошёл бы по своей воле, но Владыка Города был хозяином своего Совета и сегодня был не расположен склоняться к чужому мнению. Совет был созван рано утром. Все капитаны сошлись на том, что из-за угрозы на юге их силы слишком малы, чтобы первыми открыть военные действия, если только случайно не успеют подойти всадники

Ристании. Тем временем следует укомплектовать стены людьми и ждать.

— Однако, — сказал Денетор, — не стоит с подобной лёгкостью бросать наши внешние укрепления, Заграды, на которые потрачено столько трудов. И Враг должен дорого заплатить за переход через Реку. А этого он не сможет сделать с силами, достаточными для атаки на Город, ни на севере, у Каир Андроса, из-за болот, ни на юге, через Лебению, из-за ширины Реки, что потребует множества лодок. Главный удар будет направлен на Осгилиат, как и прежде, когда Боромир заступил ему путь.

— То была лишь проба сил, — сказал Фарамир. — Сегодня мы можем заставить Врага заплатить за переправу потерями в десять раз большими, чем у нас, и всё же сожалеть об обмене. Поскольку ему легче позволить себе потерять войско, чем нам — отряд. И если переправа будет взята, то отступление тех, кого мы пошлём держать оборону так далеко от города, окажется опасным.

— А как насчёт Каир Андроса? — спросил принц. — Если оборонять Осгилиат, то остров тоже необходимо удерживать. Не будем забывать об опасности слева. Ристанийцы могут прийти, а могут и нет. Но Фарамир сообщил нам о больших силах, постоянно стягивающихся к Чёрным Воротам. Из них может устремиться не одно войско и нанести удар не по одной переправе.

— В войне должно рисковать многим, — возразил Денетор. — Каир Андрос с людьми, и больше послать так далеко нельзя. Но я не хочу уступить реку и Пеленнор без битвы... если здесь есть капитан, который сохранил достаточно храбрости, чтобы исполнить волю своего повелителя.

Все молчали. Но наконец Фарамир произнёс:

— Я не противлюсь вашей воле, сир. Поскольку вы потеряли Боромира, я пойду и сделаю, что смогу, вместо него, — если таков будет ваш приказ.

— Я приказываю, — ответил Денетор.

— Тогда прощайте! — сказал Фарамир. — Но если я вернусь, думайте обо мне лучше!

— Это зависит от манеры твоего возвращения, — сказал Денетор.

Последним, кто говорил с Фарамиром, прежде чем тот ускорил на восток, был Гэндальф.

— Не кидайся опрометчиво или с горя своей жизнью, — сказал он. — Ты будешь нужен здесь, и для других вещей, чем война. Твой отец любит тебя, Фарамир, и он вспомнит об этом перед концом. Прощай!

Итак, господин Фарамир снова ушёл, взяв с собой столько людей, сколько готовы были пойти с ним или могли быть отпущены. Многие смотрели со стен в направлении разрушенного города и гадали, что там происходит, так как ничего не было видно. А другие не сводили глаз с севера и считали лиги до Теодена в Ристании. "Придёт ли он? Вспомнит ли наш древний союз?" — говорили они.

— Да, он придёт, — сказал Гэндальф, — даже если придёт слишком поздно. Но подумайте! В лучшем случае Красная Стрела могла попасть к нему не раньше, чем два дня назад, а от Эдораса много долгих миль.

Прежде, чем пришли вести, опять настала ночь. С переправы поспешно прискакал человек, говоря, что из Минас Моргула вышло войско, которое уже приближается к Осгилиату, и оно соединилось с полками южан, свирепыми и высокими харадримцами.

— И мы узнали, — добавил гонец, — что их снова ведёт Чёрный Капитан, и страх перед ним перешёл Реку прежде него.

Этими зловещими словами закончился третий день с тех пор, как Пин прибыл в Минас Тирит. Отдыхать пошли немногие, потому что мало осталось надежды у кого бы то ни было, что

даже Фарамир сможет надолго удержать переправу.

На следующий день, хотя тьма достигла полноты и больше не усиливалась, сердца людей стали ещё тяжелее и прониклись сильным страхом. Дурные вести не заставили себя ждать. Переправа через Андуин была захвачена Врагом. Фарамир отступает к стене Пеленнора, направляя людей к Башням главного тракта, но его превосходят в численности в десять раз.

— Если ему вообще удастся пробиться через Пеленнор, враги будут преследовать его попятам, — сказал гонец. — Они дорого заплатили за переправу, но менее дорого, чем мы надеялись. План был составлен хорошо. Теперь понятно, что они давно строили в тайне множество плотов и лодок в восточном Оспиляте. Они лезли отовсюду, как тараканы. Но разбил нас Чёрный Капитан. Немногие соглашались стоять и ждать даже при слухе о его приближении. Его собственные люди трепещут перед ним и способны покончить с собой по его приказу.

— Тогда там я нужен больше, чем здесь, — сказал Гэндальф и сразу ускакал, и светлое пятнышко, оставленное им, вскоре скрылось из виду. И всю эту ночь Пин стоял на стене в одиночестве и без сна и пристально смотрел на восток.

Едва только, насмешкой в беспросветной тьме, опять зазвучали утренние колокола, как вдалеке он увидел взметнувшиеся поперёк тусклого пространства огни, там, где стояли стены Пеленнора. Громко закричали часовые, и все люди в Городе схватились за оружие. Теперь там опять и опять поднимались красные сполохи, и сквозь тяжёлый воздух смутно доносился неясный грохот.

— Они взяли стену! — кричали люди. — Они проделывают в ней взрывами бреши! Они приближаются!

— Где Фарамир? — в смятении воскликнул Берегонд. — Не говорите, что он пал!

Первые вести привёз Гэндальф. Он появился в середине утра с горсткой всадников, сопровождавших вереницу повозок. Это были раненые: все, кого можно было спасти из разгрома у Башен при тракте. Маг сразу отправился к Денетору. Владыка Города сидел теперь в верхнем покое над залом Белой Башни с Пином при нём и смотрел своими тёмными глазами в тусклые окна на север, юг и восток, словно силясь пронзить взором окружавшие его роковые тени. Чаще всего он обращал его к северу и временами замирал, прислушиваясь, будто уши его благодаря какому-то древнему искусству могли слышать гром копыт на дальних равнинах.

— Фарамир пришёл? — спросил он.

— Нет, — сказал Гэндальф. — Но он всё же был жив, когда я покинул его. Однако он решил остаться с арьергардом, чтобы отступление через Пеленнор не превратилось в бегство. Быть может, он сможет удержать своих людей в строю достаточно долго, но я сомневаюсь. Ему пришлось выступить против слишком могучего противника. Ибо появился тот, кого я страшился.

— Не... не Чёрный Властелин? — воскликнул Пин, от ужаса забыв про своё место.

Денетор горько рассмеялся.

— Нет, ещё нет, мастер Перегрин! Он не появится, разве только ради триумфа надо мной, когда всё будет завоевано. Он использует в качестве своего орудия других. Так поступают все великие владыки, если они мудры, мастер невысоклик. Иначе, почему бы я сидел здесь, в моей башне, и думал, и наблюдал, и ждал, растрачивая даже своих сыновей? Ибо я всё ещё могу владеть мечом.

Он поднялся и распахнул свой длинный чёрный плащ — и смотри-ка! — под ним он был одет в кольчугу и пояс с длинным мечом в чёрных с серебром ножнах и большим эфесом.

— В таком виде я ходил и теперь уже много лет сплю так, — сказал он, — чтобы с годами тело не ослабло и не стало дряблым.

— Однако теперь под командой Владыки Барат-дура самый жуткий из всех его капитанов уже хозяйничает на ваших внешних стенах, — сказал Гэндальф. — В прошлом король Ангмара, чародей, призрачный кольценосец, повелитель назгулов, копьё ужаса в руке Саурона, тень отчаяния.

— Тогда, Митрандир, у тебя противник тебе под пару, — ответил Денетор. — Что до меня, я давно знал, кто главный командующий войсками Чёрной Крепости. И ты вернулся только для того, чтобы сказать это? Или, быть может, ты ретировался потому, что тебя превзошли?

Пин затрясся, испугавшись, что насмешка эта вызовет ярость Гэндальфа, но страх его был напрасен.

— Это может произойти, — тихо ответил Гэндальф, — но нам ещё не довелось померяться силой. И если правдивы слова, сказанные в старину, он падёт не от руки человека, и судьба, что ждёт его, скрыта от Мудрых. Но может случиться и так, что Полководец Отчаяния пока не выйдет вперёд. Он командует, скорее, в соответствии с той мудростью, о которой ты говорил, из тыла, гоня вперёд своих обезумевших слуг.

Нет, я пришёл скорее для того, чтобы сопроводить раненых, которых ещё можно излечить, ибо Заграды прорваны повсюду, и вскоре войско Моргула войдёт внутрь во многих местах. И я пришёл, чтобы сказать главным образом вот что: скоро на полях будет битва. Следует подготовить вылазку. Пусть будут верховые. В этом кроется наша небольшая надежда, потому что только в одном наши враги имеют пока недостаток — у них мало всадников.

— Как и у нас. Вот сейчас приход Ристании был бы как раз кстати, — сказал Денетор.

— Но похоже, что сначала мы увидим других вновьприбывших, — заметил Гэндальф. — Нас уже достигли беглецы с Каир Андроса. Остров пал. Из Чёрных Ворот вышла другая армия и переправилась с северо-востока.

— Некоторые обвиняют тебя, Митрандир, в том, что тебе доставляет удовольствие приносить дурные вести, — отозвался Денетор. — Но для меня это уже давно не новости: я знал об этом ещё до наступления вчерашней ночи. А что касается вылазки, то я уже думал о ней. Сойдём вниз.

Время шло. Наконец часовые на стенах смогли разглядеть отступление внешних отрядов. Сначала подтягивались небольшие беспорядочные группки усталых и зачастую израненных людей, некоторые неслись, сломя голову, словно их преследовали. Далеко на востоке дрожали огни, и теперь, казалось, они тут и там ползут по равнине. Дома и сараи горели. Потом сразу из многих точек быстро потекли змеящиеся сквозь мрак ручейки красного пламени, которые подбирались к линии широкого тракта, ведущего от ворот Города к Осгилиату.

— Враги, — бормотали люди. — Вал взят. Они подходят, просачиваясь сквозь бреши. И похоже, они несут факелы. Где же наши?

По времени дело шло к вечеру, и свет был так тускл, что даже дальнзоркие люди в Цитадели не могли толком различить то, что делается на полях, кроме пожаров, что всё множились, и цепочек огней, что всё удлинялись и убыстряли движение. Наконец, меньше, чем в миле от Города, в поле зрения появилась довольно стройная масса людей, которые подходили, а не бежали, продолжая держаться вместе.

Часовые затаили дыхание.

— Должно быть, это Фарамир, — сказали они. — Он способен командовать и людьми, и лошадьми. Он ещё пробьётся.

Теперь основные отступающие силы были едва в двух фарлонгах. Из мрака позади них галопом выскочил небольшой отряд всадников: все, кто был оставлен в арьергарде. И снова они обернулись для последней обороны лицом к надвигающимся огненным линиям. Затем внезапно раздался грохот копыт и крики ярости. Налетела вражеская конница. Линии огня превратились в текущие потоки: шеренги за шеренгами орков с факелами и свирепых южан с красными знамёнами, выкрикивающих что-то на режущем ухо языке, которые поднялись, как большая волна, готовая захлестнуть отступавших. И с пронзительным криком с тусклого неба упала крылатая тень: назгул, устремившийся на свою жертву.

Отступление превратилось в бегство. Рассеянные люди уже метались в безумии, бросая оружие, крича от страха и падая наземь.

И тут в Цитадели запела труба, и Денетор, наконец, сделал вылазку. Внизу, в тени Ворот и под грозно нахмурившимися наружными стенами стояли и ждали его сигнала все всадники, которые оставались в Городе. Теперь они строем ринулись вперед, тут же перейдя в галоп, и атаковали с громким криком. И со стен взметнулся ответный крик, потому что впереди всех скакали по полю рыцари Лебеда из Дол Амрота во главе с их принцем и голубым стягом.

— Амрот за Гондор! — кричали они. — Амрот к Фарамиру!

Подобно грозе обрушились они на врага с обоих флангов отступавшего отряда, но один всадник вырвался вперед, быстрый, как ветер в траве: Тенегон нёс его, сиявшего, вновь представшего в истинном свете, и свет бил из его воздетой руки.

Назгул испустил зловещий крик и взмыл вверх, потому что их капитан ещё не явился, дабы бросить вызов белому огню своего врага. Войска Мордора, нацелившиеся на добычу, захваченные врасплох в своём диком галопе, смешались и рассыпались, как искры в бурю. Отряд с внешних укреплений с радостными криками повернул и ударил на своих преследователей. Охотники стали дичью. Отступление превратилось в атаку. Поле было усеяно сражающимися орками и людьми, и чад от отброшенных прочь факелов поднимался вверх плевками клубящегося дыма. Конница поскакала вперед.

Но Денетор не позволил им уйти далеко. Хотя враг был остановлен и на минуту повернул назад, с востока текли громадные силы. Снова запела труба, командуя отступление. Конница Гондора остановилась. Отряд с внешних укреплений перестроился под её прикрытием. Теперь они спокойно отходили назад. Гордо шагая, они достигли Ворот Города и вошли, и с гордостью смотрели на них люди Города и воздавали им хвалу, но в сердцах их была тревога, ибо отряды горестно уменьшились. Фарамир потерял треть своих людей. Но где был он сам?

Он вернулся последним из всех. Его люди вошли. За ними последовали конные рыцари, и в их арьергарде стяг Дол Амрота и принц. И на коне перед собой он держал в руках тело своего родича Фарамира, сына Денетора, найденное на поле битвы.

— Фарамир! Фарамир! — восклицали со слезами люди на улицах.

Но он не отзывался, и его понесли вверх по извилистой дороге в Цитадель и к его отцу. В тот момент, когда назгул умчался прочь перед натиском Белого Всадника, прилетела смертоносная стрела, и Фарамир, бывший с могучим наездником из Харада, упал на землю. Только атака Дол Амрота спасла его от кровавых мечей южан, которые изрубили бы его, лежащего.

Принц Имрагил принёс Фарамира в Белую Башню и сказал:

— Ваш сын вернулся, господин, совершив великие дела.

И он рассказал обо всём, что видел. Но Денетор, поднявшись, глядел в лицо сына и молчал. Затем он велел приготовить в покое, где они находились, постель, положить на неё Фарамира и удалиться. А сам он поднялся в одиночестве в секретную комнату на вершине Башни, и многие, кто смотрел тогда в её направлении, видели бледный свет, который некоторое время мерцал и

колыхался в узких окнах, а затем вспыхнул и погас. И когда Денетор опять спустился, он подошёл к Фарамиру и сел рядом с ним, но лицо Правителя было серым, даже более мёртвенным, чем лицо его сына.

Итак, теперь Город был, наконец, осаждён, охвачен кольцом врагов. Заграды были разбиты, и весь Пеленнор оставлен Врагу. Последние вести с наружных стен были принесены людьми, которые прибежали по северной дороге прежде, чем Ворота были закрыты. Это были остатки стражи, стоявшей там, где тракт из Анории и Роухана входил в пригороды. Их вёл Ингольд, тот самый, кто пропустил Гэндальфа и Пина менее, чем пять дней назад, когда солнце ещё вставало и утро несло надежду.

— Известий о ристанийцах нет, — сказал он. — Роухан теперь не придёт. Или, если они придут, это нам не поможет. Новое войско, о котором мы слышали, пришло первым. Говорят, они пришли из-за Реки по дороге от Андроса. Они сильны: батальоны орков Глаза и бессчётные отряды каких-то новых людей, которых мы не встречали прежде. Невысокие, но суровые и широкоплечие, бородатые, словно гномы, и вооружены большими топорами. Мы полагаем, что они пришли из какой-то варварской страны на просторах Востока. Они заняли северный тракт, и многие пошли дальше, в Анорию. Ристанийцы не смогут прийти.

Ворота были закрыты. Всю ночь часовые на стенах слышали гомон врагов, которые рыскали снаружи, сжигая поля и деревья и рубя любого обнаруженного ими человека, живого или мёртвого. Число тех, кто уже переправился через реку, в темноте нельзя было определить, но когда утро, или его бледная тень, незаметно прокралось на равнину, стало видно, что едва ли ночные страхи преувеличили их количество. Равнина чернела от отрядов на марше, и на ней на всём расстоянии, на котором ещё не отказывали глаза в сумраке, выросли вокруг осаждённого города, словно гнилая плесень, огромные лагеря чёрных или тёмно-красных палаток.

Орки, деятельные, как муравьи, торопливо рыли, рыли линии глубоких траншей, тесное кольцо которых возникало почти в пределах полёта стрелы со стен; и как только очередная траншея была готова, она заполнялась огнём, хотя каким образом, искусством или колдовством, он зажигался и поддерживался, никто не мог разобрать. Работы продолжались весь день, пока люди Минас Тирита лишь наблюдали за ними, неспособные помешать. И когда все траншеи были закончены, они увидели, как приближаются огромные повозки, и вскоре очередные отряды врагов, каждый под прикрытием траншеи, принялись быстро собирать большие орудия для метания снарядов. На стенах Города не было оружия достаточно мощного, чтобы достать так далеко и остановить эту работу.

Сначала люди смеялись и не очень опасались этих приспособлений, поскольку основная стена Города была высокой и поразительно толстой, возведённой ещё до того, как могущество и искусство Нуменора угасли в изгнании. Её наружная сторона была подобна Башне Ортханка: твёрдая, тёмная и гладкая, недоступная стали или огню и не поддающаяся разрушению ничем, кроме судорог, которые разорвали бы саму землю, на которой она стояла.

— Нет, — говорили люди, — нет; даже если сюда явится сам Безымянный, и ему не удастся войти сюда, пока мы ещё живы.

Но некоторые отвечали:

— Пока мы ещё живы? Как долго? У него есть оружие, которое сломило не одну твердыню с тех пор, как начался мир. Голод. Дороги отрезаны. Ристания не придёт.

Но орудия не стреляли впустую по несокрушимой стене. Не разбойник и не главарь орков распорядился атакой на величайшего врага Властелина Мордора. Мощь и умная злоба направляли её. Как только большие катапульты под громкие вопли и скрип веревок и воротов

были установлены, они принялись метать снаряды на страшную высоту, так что те перелетали прямо над зубцами и падали с глухим стуком внутрь первого круга Города, и многие из них каким-то таинственным образом загорались, ударившись о землю.

Вскоре за стеной возникла серьёзная опасность пожара, и все, кого можно было выделить, занялись тушением пламени, которое взметнулось во многих местах. Тогда среди крупных снарядов посыпался другой град, менее разрушительный, но гораздо ужаснее. Все улицы и переулки позади Ворот были завалены маленькими круглыми снарядами, которые не горели. Когда люди подбежали узнать, что это такое, они громко закричали или зарыдали. Ибо враги метнули в Город головы всех тех, кто пал, сражаясь при Осгилиате, или на Заградах, или в полях. Страшно выглядели они, поскольку, хотя многие головы расплющились от удара и потеряли форму, а другие были жестоко изрублены, множество голов всё же уцелело, и казалось, что они хранят следы предсмертных мук, и все без исключения были клеймены мерзким знаком Безвекого Глаза. И то и дело кто-нибудь видел среди них, поруганных и обесчещенных, знакомое лицо того, кто гордо ходил когда-то в доспехах, или пахал поле, или приезжал на праздники из зелёных долин в холмах.

Тщетно люди потрясали кулаками в сторону безжалостных врагов, роившихся перед Воротами. На проклятия те не обращали внимания, поскольку не понимали языка людей запада и лишь пронзительно кричали резкими голосами, словно звери или стервятники. Но вскоре немного осталось в Минас Тирите тех, кто имел мужество стоять прямо и бросать вызов войскам Мордора. Ибо ещё другое оружие, более быстрое, чем голод, имел Властелин Чёрной Крепости: страх и отчаяние.

Снова появились назгулы, и поскольку их Чёрный Властелин ныне усилился и послал вперёд свои войска, так и их голоса, выражавшие лишь его волю и его злобу, были исполнены зла и ужаса. Они кружили и кружили над Городом, будто стервятники, рассчитывающие насытиться обречённым смерти человеческим мясом. Выше взлядов и выстрелов летали они, однако присутствие их было постоянным, и их смертоносные голоса, к которым невозможно было привыкнуть, вспарывали воздух. Все непереносимее становились они с каждым новым криком. Наконец даже самые стойкие начали бросаться на землю, когда крылатая угроза проходила над ними, или же замирали, выронив оружие из ослабевших рук, и в мысли их пробиралась чернота, и они думали уже не о битве, но только о том, чтобы уползти и спрятаться, и о смерти.

В течение всего этого чёрного дня Фарамир лежал на кровати в покое Белой Башни, блуждая в безнадёжном лихорадочном бреду; "умирает", сказал о нём кто-то, и вскоре "умирает" говорили все люди на стенах и улицах. И при нём сидел его отец и не говорил ничего, только пристально наблюдая за ним и не уделяя более никакого внимания защите.

Таких чёрных часов Пин не переживал даже в когтях урхов. Его долг был ждать приказаний Владыки, и он ждал, забытый, по-видимому, стоя у двери неосвещенного покоя и изо всех сил стараясь справиться с собственным страхом. И пока он наблюдал, ему казалось, что Денетор стареет у него на глазах, будто что-то треснуло в его гордой воле, и его суровый ум был уничтожен. Быть может, это сделало горе и раскаяние. Пин видел слёзы на это некогда бесстрастном лице, более непереносимые, чем гнев.

— Не плачьте, господин, — проговорил он, запинаясь от волнения. — Возможно, он поправится. Вы спрашивали Гэндальфа?

— Не утешай меня магами! — сказал Денетор. — Надежда этого дурака рухнула. Враг нашёл его, и теперь его мощь растёт; он видит все наши мысли, и всё, что мы делаем, губительно.

Я послал моего сына без благодарности, без благословения, навстречу бессмысленной опасности, и вот он лежит здесь с ядом в жилах. Нет, нет, что бы теперь ни произошло в войне, мой род тоже подходит к своему концу: угас даже Дом Правителей. Средние люди будут править последними остатками племени королей, прячущимися в холмах, пока всех их не перебьют, как загнанных зверей.

К двери подошли люди, вызывая Владыку Города.

— Нет, я не спущусь, — сказал он. — Я должен оставаться рядом с сыном. Он ещё может заговорить перед концом. И конец близок. Следуйте, за кем хотите, даже за Серым Дураком, хоть его надежда рухнула. Я останусь здесь.

Вот так Гэндалф принял командование последней защитой Города Гондора. Где бы он ни появлялся, сердца людей снова приободрялись и крылатые тени исчезали из памяти. Без устали ходил он от Цитадели к Воротам и с севера на юг по стене, и с ним шёл принц Дол Амрота в сияющей кольчуге. Ибо он и его рыцари продолжали держаться как владыки, в которых воистину текла кровь Нуменора. Люди, видевшие их, шёпотом говорили: "Похоже, старые повести правдивы — в жилах этого народа есть кровь эльфов, потому что в том краю некогда жил народ Нимродели". И потом среди мрака кто-нибудь пропевал несколько строк из лэ о Нимродели или другие песни Долины Андуина, сохранившиеся от минувших лет.

И всё же... когда они уходили, тени снова смыкались над людьми, и сердца их остывали, и доблесть Гондора рассыпалась пеплом. И так постепенно они перешли из тусклого страшного дня в темноту безнадёжной ночи. В первом круге Города теперь беспрепятственно бушевал огонь, и во многих местах пути отступления гарнизону внешней стены были отрезаны. Но мало было стойких, оставшихся здесь на своих постах; большинство бежало за вторые ворота.

Далеко в тылу битвы через Реку быстро наводились мосты, и в течение всего дня через неё переправлялось всё больше сил и оружия. И вот, наконец, в полночь началась атака. Авангард двинулся мимо траншей с огнём по множеству обходных троп, оставленных между ними. Они шли вперёд, невзирая на потери, плотными группами и толпами прямо под стрелы, летевшие со стен. Однако слишком мало осталось лучников на них, чтобы нанести атакующим большой урон, хотя огонь высвечивал множество целей для искусных стрелков, какими некогда гордился Гондор. Тогда, поняв, что доблесть Гондора уже сломлена, скрытый полководец двинул свои основные силы. Сквозь тьму медленно покатались вперёд большие осадные башни, сделанные в Осгилиате.

К покою в Белой Башне снова пришли гонцы, и Пин впустил их, потому что они настаивали. Денетор медленно отвёл глаза от лица Фарамира и молча посмотрел на них.

— Первый круг Города горит, господин, — сказали они. — Каков ваш приказ? Вы всё ещё Владыка и Правитель. Не все хотят следовать за Митрандиром. Люди бегут со стен и оставляют их без защиты.

— Зачем? Зачем дураки бегут? — произнёс Денетор. — Лучше сгореть раньше, чем позже, ибо мы должны сгореть. Ступайте назад к вашему праздничному костру! А я? А я сейчас отправлюсь к моему погребальному костру. К погребальному костру! Не могила назначена для Денетора и Фарамира. Не могила! Не долгий медленный сон забальзамированной смерти. Мы сгорим, подобно языческим королям до того, как первый корабль приплыл сюда с Запада. Запад погиб. Ступайте обратно и горите!

Гонцы, не поклонившись и не ответив, повернулись и бежали.

Тогда Денетор встал и выпустил горящую жаром руку Фарамира, которую он держал.

— Он горит, уже горит, — проговорил он печально. — Дом его души рушится.

Затем, тихо приблизившись к Пину, он посмотрел на него сверху вниз.

— Прощай! — сказал он. — Прощай, Перегрин, сын Паладина! Твоя служба была короткой, и сейчас она близится к концу. Я отпускаю тебя на тот краткий срок, что остался. Ступай теперь и умри таким образом, который кажется тебе наилучшим. И с тем, с кем захочешь, даже с тем другом, чья глупость привела тебя к подобной смерти. Пришли моих слуг и затем ступай. Прощай!

— Я не хочу прощаться, мой господин, — сказал Пин, преклонив колено. А потом, неожиданно опять став похожим на хоббита, он поднялся и посмотрел старику прямо в глаза. — Я воспользуюсь вашим разрешением, сэр, — сказал он, — потому что мне и вправду очень нужно повидать Гэндальфа. Но он не дурак, и я не стану думать о смерти, пока он не потерял надежду на жизнь. Только я не хочу получить назад моё слово и оставить вашу службу, пока вы живы. И если они войдут под конец в Цитадель, я надеюсь быть здесь и стоять рядом с вами, и, быть может, заслужить те доспехи, которые вы мне дали.

— Делай, как хочешь, мастер невысоклик, — ответил Денетор. — Но моя жизнь разбита. Пришли моих слуг!

Он вернулся к Фарамиру.

Пин оставил его и позвал слуг, и они пришли — шестеро челядинцев, сильных и красивых, но, тем не менее, трепетавших из-за вызова. Однако Денетор спокойным голосом велел им положить на кровать Фарамира тёплые покрывала и поднять её. Они так и сделали и, подняв кровать, вынесли её из покоя. Медленно шли они, стараясь как можно меньше тревожить горящего в жару человека, и Денетор, теперь опираясь на посох, следовал за ними, и последним шёл Пин.

Они вышли из Белой Башни, двигаясь, словно на похоронах, наружу, во тьму, где туча, нависшая над головой, была освещена снизу тускло-красными сполохами. Тихо пересекли они большой внутренний двор и по слову Денетора остановились рядом с Засохшим Деревом.

Стояла полная тишина, если не считать доносившийся снизу, из Города, шум битвы, и они слышали, как вода печально капает с мёртвых сучьев в тёмный пруд. Затем они вышли из ворот Цитадели, где часовые уставились на них в изумлении и ужасе, пока они проходили мимо. Свернув на запад, они подошли наконец к дверям в тыльной стене шестого круга. Их называли Фен Холлен, потому что они всегда стояли закрытыми и открывались только для похорон, и лишь Владыка Города мог пользоваться этим путём да те, кто носили знаки могил и ухаживали за домами мёртвых. За дверями шла петляющая дорога, которая, часто поворачивая, спускалась в узкую лощину под тенью отвесной стены Миндоллуина, где стояли особняки мёртвых королей и их правителей.

В маленьком домике рядом с дорогой сидел привратник, который со страхом в глазах вышел им навстречу, неся в руке лампу. По приказу Правителя он отпер двери, которые беззвучно распахнулись назад, и они вошли, взяв у него лампу. На дороге, спускающейся между древними стенами и многоколонными балюстрадами, чьи очертания неясно вырисовывались в колеблющемся луче лампы, было темно. Их неспешные шаги разносились гулким эхом, пока они шли вниз, вниз, и, наконец, очутились на Безмолвной улице, Рат Динен, среди тускло белеющих мавзолеев и пустых залов, и скульптурных изображений давно умерших людей; и они вступили в Дом Правителей и опустили свою ношу.

Пин, беспокойно озираясь вокруг, разглядел, что он в просторном сводчатом покое, задрапированном глубокими тенями, которые отбрасывала на остающиеся скрытыми стены маленькая лампа. И смутно виднелись ряды столов, высеченных из мрамора, и на каждом столе

лежала спящая фигура со скрещенными руками и с каменной подушкой под головой. Но один стол, совсем рядом, стоял широкий и пустой. На него по знаку Денетора положили Фарамира и рядом с ним его отца, и укрыли их обоих одним покрывалом, после чего встали рядом, склонив головы, как плакальщики у смертного ложа. Затем Денетор тихо сказал:

— Мы будем ждать здесь. Но не посылайте за бальзамировщиками. Принесите нам легко воспламеняющиеся дрова и сложите их вокруг нас и под нами, полив маслом. И когда я прикажу, бросьте факел. Сделайте так, и не говорите со мной больше. Прощайте!

— С вашего позволения, господин! — проговорил Пин, развернулся и в ужасе выбежал из дома смерти. "Бедный Фарамир! — думал он. — Я должен найти Гэндальфа! Бедный Фарамир! Сдаётся, что лечение ему нужнее слёз. Ох, ну где же мне найти Гэндальфа? В гуще событий, я полагаю, и у него не будет времени для умирающих и безумцев".

У двери он обратился к одному из слуг, который остался стоять на страже.

— Ваш хозяин не в себе, — сказал он. — Не спешите! Не приносите сюда огня, пока Фарамир жив! Не делайте ничего до прихода Гэндальфа!

— Кто хозяин Минас Тирита? — возразил человек. — Владыка Денетор или Серый Странник?

— Судя по всему, Серый Странник или никто, — ответил Пин и помчался обратно по улице и затем вверх по петляющей дороге со всей быстротой, на которую были способны его ноги, миновал поражённого привратника, выскочил за двери и бежал до самых ворот Цитадели. Когда он проносился мимо, часовой окликнул его, и Пин узнал голос Берегонда.

— Куда ты бежишь, мастер Перегрин? — крикнул он.

— Искать Митрандира, — ответил Пин.

— Поручения Владыки безотлагательны и не могут задерживаться из-за меня, — сказал Берегонд, — но скажи мне быстро, если можешь: что происходит? Куда пошёл мой господин? Я только что заступил на пост, но слышал, что он прошёл к Закрытой Двери, а перед ним люди несли Фарамира.

— Да, — сказал Пин, — к Безмолвной улице.

Берегонд склонил голову, чтобы скрыть слёзы.

— Говорили, что он умирает, — вздохнул он. — И вот он мёртв.

— Нет, — сказал Пин. — Ещё нет. И я думаю, что даже теперь его смерть можно предотвратить. Но Правитель Города пал раньше своего города, Берегонд. Он не в себе и опасен. — Пин быстро рассказал о странных словах и поступках Денетора. — Я должен немедленно отыскать Гэндальфа.

— Тогда тебе надо спуститься вниз, в битву.

— Я знаю. Правитель отпустил меня. Но, Берегонд, если сможешь, сделай что-нибудь, чтобы остановить происходящий ужас.

— Правитель не позволяет тем, кто носит чёрное с серебром, оставлять свой пост ни в коем случае, разве что по его личному приказанию.

— Что ж, тогда тебе придётся выбирать между уставом и жизнью Фарамира, — сказал Пин. — И что касается устава, то я думаю, что ты имеешь дело с безумцем, а не с господином. Я должен бежать. Я вернусь, если смогу.

И он помчался дальше, вниз, вниз, к внешнему кругу города. Мимо пробежали спасающиеся из пожара люди; некоторые, видя его ливрею, поворачивались и что-то кричали, но он не обращал внимания. Наконец Пин миновал Вторые Ворота, за которыми между стен металось большое пламя. Однако всё казалось странно тихим. Не было слышно ни боевых криков, ни звона оружия. Затем внезапно раздался наводящий ужас крик и тяжёлый удар, сопровождавшийся глубоким гулом. Заставив себя идти дальше вопреки новой вспышке страха

и ужаса, которая пробрала его дрожью почти до колен, Пин обогнул угол, скрывавший от него площадь за Ворота́ми Горо́да. И замер. Он нашёл Гэндальфа, но отпрянул назад, прячась в тени.

Большой штурм шёл с полночи без перерыва. Рокотали барабаны. Враги, отряд за отрядом, наседали на стены с севера и юга. Появились огромные животные, похожие в красном зареве на движущиеся дома, — мумакили Харада, которые тянули сквозь проходы между огней высокие башни и орудия. Однако их капитана особо не заботило, чем они занимаются и скольких могут убить: цель его была только проверить силу обороны и удержать гондорцев занятыми сразу во многих местах. Свой тяжелейший удар он собирался обрушить на Ворота. Сделанные из стали и железа и охраняемые башнями и бастионами из несокрушимого камня, они могли быть очень крепкими, и всё же это был ключ — слабейшее место во всей высокой и непробиваемой стене.

Барабаны зарокотали громче. Огни взметнулись вверх. Через поле ползли большие орудия, и в середине был огромный таран, большой, как лесное дерево сотню футов длиной, подвешенный на толстых цепях. Долго делали его в тёмных кузнях Мордора, и его ужасной голове, окованной чёрной сталью, была придана форма оскаленной волчьей морды; чары разрушения лежали на ней. Гронд называли его в память Молота Подземного Мира древности. Его волокли огромные животные, окружали орки, а позади шагали способные раскатать его горные тролли.

Но сопротивление у Ворот ещё не было сломлено, их защищали рыцари Дол Амрота и самые стойкие воины из гарнизона. Густо сыпались снаряды и стрелы, осадные башни с грохотом рушились или внезапно вспыхивали, как факелы. Вся земля перед стенами с обеих сторон Ворот была покрыта обломками и телами убитых, однако всё больше и больше врагов лезло вверх, будто гонимые безумием.

Гронд полз вперёд. Огонь был бессилен против его кожуха, и, хотя огромные животные, которые тянули его, время от времени начинали беситься, топча бессчётных орков, охранявших его, тела их отбрасывались прочь с дороги и другие занимали их место.

Гронд полз вперёд. Барабаны дико грохотали. Над грудями убитых появилась ужасная фигура: всадник, высокий, в капюшоне, одетый в чёрное. Медленно ехал он вперёд, топча павших, не обращая внимания на стрелы. Он остановился и поднял вверх длинный бледный меч. И тут же великий страх обуял всех — защитников и врагов одинаково, и руки людей бессильно опустились, и пение луков умолкло. На минуту всё стихло.

Барабаны рокотали и грохотали. Мощные руки раскатали и послали Гронд вперёд. Он достиг Ворот. Он ударил. Низкий гулкий рокот прокатился по Городу, как гром, рассыпающийся в грозových облаках. Но двери из железа и засовы из стали выдержали удар.

Тогда Чёрный Капитан поднялся на стремянах и громко крикнул наводящим ужас голосом, произнося на каком-то забытом языке могучее и страшное заклинание, чтобы расколоть одновременно сердца и камни.

Трижды крикнул он. Трижды гроыхнул огромный таран. И внезапно при последнем ударе Ворота Гондора сломались. Словно пробитые какими-то взрывными чарами, они разлетелись на куски; сверкнула ослепительная молния, и обломки дверей рухнули на землю.

Предводитель назгулов въехал внутрь. Большая чёрная фигура, маячащая на фоне огней позади, выросшая до безграничной угрозы отчаяния. Предводитель назгулов въехал внутрь, под аркой, где до сих пор не проходил ни один враг, — и все бежали перед ним.

Все, кроме одного. Здесь, на площади перед Ворота́ми, застыв в молчаливом ожидании, сидел на Тенегоне Гэндальф. Тенегон, который единственный из всех вольных коней на земле вынес этот ужас, стоял твёрдо и неподвижно, как высеченное из камня изваяние на Рат Динен.

— Ты не пройдёшь здесь, — произнёс Гэндальф, и огромная тень остановилась. — Возвращайся в бездну, уготованную для тебя! Прочь! Пади в небытие, ожидающее тебя и твоего хозяина. Прочь!

Чёрный Всадник откинул капюшон — и вот чудо! — он был в королевской короне, которая, однако, венчала невидимую голову. Красный огонь сверкал между короной и покрытыми плащом широкими тёмными плечами. Из невидимого рта раздался мёртвенный хохот.

— Старый дурак! — отозвался он. — Старый дурак! Это мой час. Ты не узнаёшь Смерти, видя её? Так умри же в тщетных проклятиях!

И он высоко поднял свой меч, и огонь сбежал по клинку.

Гэндальф не двинулся. И в этот самый момент далеко позади, в каком-то внутреннем дворе Города запел петух. Резко и звонко кричал он, не обращая внимания на колдовство или войну, и лишь приветствуя утро, пришедшее с рассветом в небо высоко над тенями смерти.

И, словно в ответ, издалека прозвучала другая нота. Рога, рога, рога. Слабым эхом отразился их звук от тёмных склонов Миндоллуина. Дикий рёв больших рогов Севера. Ристания пришла наконец.

Глава V

Скачка ристанийцев

Было темно, и Мерри, который лежал на земле, завернутый в шерстяное одеяло, ничего не мог разглядеть; однако, хотя ночь была душной и безветренной, невидимые деревья вокруг него тихо вздыхали. Он поднял голову и снова услышал этот звук: шум, подобный слабому рокоту в покрытых лесом холмах и горных склонах. Пульсирующий рокот неожиданно обрывался, а потом начинался снова, но в другой точке, то ближе, то дальше. "Интересно, слышат ли его часовые?" — подумал он.

Мерри не видел их, но знал, что со всех сторон его окружают отряды ристанийцев. Он чувствовал в темноте запах лошадей и слышал, как они переступают ногами, тихо топая по покрытой хвоей земле. Войско разбило бивак в сосновых лесах, которые жались к Маяку на Айленахе — высокому холму, стоящему чуть впереди длинных хребтов леса Друадан, которые тянулись вдоль главного тракта в Восточной Анории.

Мерри так устал, что не мог спать. Он скакал уже четыре полных дня, и всё густеющий мрак постепенно углублял тяжесть на его сердце. Теперь Мерри сам не понимал, чего это он так рвался в поход, тогда как получил полное дозволение и даже приказ своего господина оставаться на месте. Его интересовал также вопрос: а что, если герцог знает о его послушании и гневается? Может быть, и нет. По-видимому, между Дернхельмом и Эльфхельмом — маршалом, который командовал эредом, в составе которого они скакали, — существовало некое взаимопонимание. Он и все его люди не обращали внимания на Мерри и делали вид, что не слышат, если он открывал рот. С тем же успехом он мог быть просто дополнительной поклажей, которую вёз Дернхельм. Дернхельм тоже не служил утешением: он никогда ни с кем не заговаривал. Мерри чувствовал себя маленьким, совершенно ненужным и одиноким. Время сейчас было тревожное, войску угрожала опасность. Они были менее чем в дне скачки от внешних стен Минас Тирита, окружавших пригороды. Вперёд были высланы разведчики. Некоторые не вернулись. Другие, торопливо примчавшиеся назад, сообщили, что дорога впереди захвачена. На тракте тремя милями западнее Амон Дина расположилось вражеское войско, и кое-какие отряды людей уже движутся по нему дальше и находятся не более чем в трёх лигах. В холмах и лесах по обеим сторонам тракта бродят орки. Герцог и Эомир держали в

этой тревожной ночи совет.

Мерри хотелось поболтать хоть с кем-нибудь, и он подумал о Пине. Но это лишь увеличило его беспокойство. Бедняга Пин: заперт в большом каменном городе, одинокий и испуганный. Мерри захотелось, стать высоким всадником, как Эомир, чтобы он мог трубить в рог или что-нибудь ещё такое и примчаться галопом к Пину на выручку. Он уселся, прислушиваясь к барабанам, которые снова зарокотали, теперь ближе. Вскоре он услышал тихо переговаривающиеся голоса и увидел тусклые полуприкрытые фонари, которые мелькали между деревьев. Люди поблизости принялись неуверенно перемещаться в темноте.

Возникла смутная высокая фигура и споткнулась об него, кляня древесные корни. Мерри узнал голос маршала Эльфхельма.

— Я не корень, сэр, — сказал он, — и не мешок, а ушибленный хоббит. И самое меньшее, что вы можете сделать в качестве извинения, это сообщить мне, что происходит.

— Только то, что способно ходить в этом проклятом мраке, — ответил Эльфхельм. — Но мой господин велел быть готовыми. Приказ выступить может прийти в любую минуту.

— Значит, враги приближаются? — тревожно спросил Мерри. — И это их барабаны? Я уж начал думать, что мне это мерещится, раз никто больше, по-видимому, не обращает на них внимания.

— Нет, нет, — сказал Эльфхельм, — враги на дороге, не в холмах. Ты слышишь щуров, диких лесных людей: так они переговариваются друг с другом на расстоянии. Говорят, что они всё ещё населяют лес Друадан. Они — остатки старых времён, немногочисленны, скрываются ото всех, дики и осторожны, словно звери. Они не воюют с Гондором или Герцогством, но сейчас они встревожены тьмой и приходом орков: боятся, что могут вернуться Чёрные годы, на что достаточно похоже. Спасибо ещё, что они не охотятся на нас: говорят, что они пользуются отравленными стрелами, а уж лес знают выше всяких сравнений. Однако они предложили свои услуги Теодену. Как раз сейчас одного из их вождей ведут к герцогу. Вон там, где движутся фонари. Вот всё, что я слышал. А теперь я должен заняться приказами моего господина. Сложите себя сами, мастер Мешок!

Он растворился в тенях.

Мерри не понравился этот рассказ о диких людях и отравленных стрелах: ему и без того было томно и страшно. Ждать было просто непереносимо. Ему смертельно хотелось узнать, что происходит. Он встал и вскоре уже осторожно пробирался через лес вдогонку за последним фонарём, прежде чем тот затерялся между деревьями.

Вскоре он вышел к открытому месту, где под большим деревом был натянут маленький навес для герцога. На суку висел укрытый сверху большой фонарь, который отбрасывал вниз бледный круг света. Здесь сидели Теоден, Эомир, а перед ними присела на землю странная коренастая человеческая фигура, грубая, как старый камень, с жидкой бородёнкой, которая топорщилась на округлом подбородке, словно сухой мох. Человек был коротконог и толсторука, грузен и приземист, и лишь пояс из травы прикрывал его бёдра. Мерри почувствовал, что где-то видел его прежде, и внезапно припомнил пугалец в Сироколье. Тут была одна из этих скульптур, только ожившая, или, быть может, существо, бывшее прямым потомком тех, кто давным-давно, бессчётные годы назад, служил моделями забытым мастерам.

Когда Мерри подкрался поближе, все молчали, потом дикий человек заговорил, отвечая, по-видимому, на какой-то вопрос. Голос его был низким и гортанным, однако, к удивлению Мерри, он говорил на всеобщем языке, хотя запинаясь и подмешивая к нему непонятные слова.

— Нет, отец коне-людей, — сказал он. — Мы не сражаемся. Только охотимся. Убиваем горган в лесах, ненавидим орков. Ты ненавидишь горган тоже. Мы помогать, как можем. Дикие

люди имеют длинные уши и длинные глаза, знают все тропы. Дикие люди живут здесь до Каменных домов, до того, как высокие люди пришли из Воды.

— Но нам нужна помощь в битве, — сказал Эомир. — Чем же ты и твой народ поможете нам?

— Нести вести, — ответил дикарь. — Мы смотрим с холмов. Мы взбираться большие холмы и смотрим вниз. Каменный город закрыт. Там снаружи горит огонь, теперь и внутри тоже. Ты хочешь идти туда? Тогда ты должен быть быстр. Но горган и люди оттуда, издалека, — он махнул короткой узловатой рукой в восточном направлении, — сидят на конной дороге. Очень много, больше, чем коне-людей.

— Как ты можешь знать это? — спросил Эомир.

Ничего не отразилось на плоском лице старика и в его тёмных глазах, но голос помрачнел от неудовольствия.

— Дикие люди дики, свободны, но не дети, — ответил он. — Я великий вождь, Гхан-бури-Гхан. Я считаю многие вещи: звёзды в небе, листья в лесу, людей во тьме. У тебя двадцать раз по двадцать, сосчитанное десять раз и пять. Их больше. Большая битва, и кто выиграет? И много больше ходят вокруг стен Каменных домов.

— Увы! Твои слова совершенно справедливы, — отозвался Теоден. — И наши разведчики говорят, что дорога перегорожена канавами и кольями. Мы не сможем смести их внезапной атакой.

— И всё же нам некогда медлить, — сказал Эомир. — Мандбург в огне!

— Дай Гхан-бури-Гхану кончить, — перебил дикарь. — Он знает больше, чем одну дорогу. Он поведёт тебя дорогой, где нет ям, не ходят горган, только дикие люди и звери. Много троп было сделано, когда народ Каменных домов был сильнее. Они резали холмы, как охотники режут мясо зверей. Дикие люди думать, они едят камень. Они ходили через Друадан к Риммон с большими повозками. Они не ходят больше. Дорога забыта, но не дикими людьми. Через холм и за холмом она так и лежит под травой и деревьями, там, за Риммон и вниз к Дин, и назад к концу дороги коне-людей. Дикие люди покажут тебе эту дорогу. Тогда ты убьёшь горган и прогонишь плохую тьму ярким железом, и дикие люди смогут вернуться спать в диких лесах.

Эомир и герцог посовещались на родном языке. Потом герцог повернулся к дикарю.

— Мы принимаем твоё предложение, — сказал он. — Ведь даже если мы оставляем позади вражеское войско, что из того? Если Каменный город падёт, то нам не вернуться. Если он будет спасён, тогда войско врагов само окажется отрезанным. Если ты верен, Гхан-бури-Гхан, тогда мы щедро вознаградим тебя и ты навечно получишь дружбу Рохана.

— Мёртвые люди — не друзья живым и не дают им даров, — возразил дикарь. — Но если ты переживёшь Тьму, тогда оставь в покое диких людей в лесах и больше не охоться на них, словно на зверей. Гхан-бури-Гхан не поведёт тебя в западню. Он сам пойдёт с отцом коне-людей, и если он будет вести тебя неверно, ты убьёшь его.

— Да будет так! — сказал герцог.

— Сколько понадобится времени, чтобы миновать врагов и вернуться на тракт? — спросил Эомир. — Если ты поведёшь нас, нам придётся двигаться со скоростью пешего, и я не сомневаюсь, что дорога узка.

— Дикие люди быстры на ногу, — сказал Гхан. — Дорога широка для четырёх коней в Долине Каменных повозок, там, — он махнул рукой к югу, — но узка в начале и в конце. Дикие люди могут ходить отсюда к Дину между восходом солнца и полднем.

— Значит, для передовых понадобится не меньше семи часов, — прикинул Эомир. — Но вернее будет рассчитывать на десять часов на всё про всё. Нас могут задержать непредвиденные обстоятельства, и если всё наше войско растянется, то пройдёт немало времени, прежде чем оно

будет собрано, когда мы спустимся с холмов. Который сейчас час?

— Кто знает? — сказал Теоден. — Теперь всегда ночь.

— Всегда темно, но не всегда ночь, — возразил Гхан. — Когда Солнце приходит, мы чувствуем её, даже когда она скрыта. Она уже поднимается над восточными горами. В небесных полях начало дня.

— Тогда мы должны выступить как можно скорее, — сказал Эомир. — Даже так нет надежды прийти на помощь Гондору сегодня.

Мерри не стал слушать дальше, а скользнул прочь, чтобы быть готовым к приказу выступить. Это был последний переход перед битвой, и, как ему сдавалось, не похоже было, что в ней уцелеет много народу. Но он подумал о Пине и пламени в Минас Тирите и отбросил собственный страх.

Сегодня всё шло хорошо, врагов, ждущих их в засаде, не было ни видно, ни слышно. Дикие люди выставили щит из осторожных охотников, чтобы ни один орк или другой бродящий поблизости шпион не узнал о том, что происходит в холмах. Когда они приблизились к осаждённому городу, свет окончательно потускнел, и всадники проходили длинными вереницами, словно тени людей и лошадей. Каждый отряд вёл дикарь, но старый Гхан шагал рядом с герцогом. Сначала они двигались медленнее, чем надеялись, потому что всадникам понадобилось немало времени, чтобы, ведя лошадей под уздцы, пробраться через густо поросшие лесом хребты за их лагерем и спуститься в потайную Камневозную долину. Время шло к вечеру, когда передовые отряды добрались до дальних серых зарослей, простиравшихся с восточной стороны Амон Дина и скрывавших большую брешь в цепи холмов, которая тянулась с востока на запад от Нардола к Дину. Через этот проход и вела в древности забытая теперь проезжая дорога, которая вливалась затем в главный тракт через Анорию, ведущий из Города. Но сейчас деревья в течение многих поколений людей обходились с ней по-своему, и она почти исчезла, разбитая и похороненная под листвой несчётных лет. Однако эти заросли давали всадникам их последнюю надежду на тайное продвижение, прежде чем они вступят в открытое сражение, потому что за ними лежала дорога и равнины Андуина, тогда как склоны на юге и востоке были каменисты и голы. Там сгрудившиеся холмы, всё более смыкаясь и сливаясь, громоздили бастион за бастионом, пока не переходили в тяжёлую массу тела и плечей Миндоллуина.

Передовой отряд остановился, и пока остальные подтягивались длинными вереницами по Камневозной долине, воины разошлись и расположились лагерем под серыми деревьями. Герцог созвал капитанов на совет. Эомир отправил разведчиков наблюдать за трактом, но старый Гхан покачал головой.

— Ни к чему посылать коне-людей, — сказал он. — Дикие люди уже видели всё, что видно в этом плохом воздухе. Они скоро придут и скажут мне здесь.

Капитаны явились; затем из-за деревьев осторожно выступили другие напоминающие пугалец фигуры, столь похожие на старого Гхана, что Мерри с трудом различал их. Они заговорили с Гханом на странном гортанном наречии.

Вскоре Гхан повернулся к герцогу.

— Дикие люди говорят многое, — сказал он. — Первое, будь осторожен! Всё ещё много людей в лагере за Дином, в часе ходьбы, там, — он указал рукой к западу от чёрного маяка. — Но никого не видно отсюда до новых стен народа камней. Многие заняты там. Стены больше не стоят: горган валят их земляным громом и дубинками из чёрного железа. Они неосторожны и не смотрят вокруг. Они думают, их друзья стерегут все дороги! — При этом старый Гхан издал забавный, похожий на смешок горловой звук.

— Добрые вести! — воскликнул Эомир. — даже в этом мраке опять замерцала надежда. Затеи нашего Врага часто служат нам назло ему. Сама эта проклятая тьма была плащом для нас. И теперь, в его жажде уничтожить Гондор и не оставить от него камня на камне, его же орки устранили мои величайшие опасения. Внешняя стена могла долго держаться против нас. А теперь мы промчимся через неё — если только доберёмся.

— Ещё раз благодарю тебя, Гхан-бури-Гхан из леса, — сказал Теоден. — Да пребудет с тобой удача во всём за доставленные тобой вести и за то, что ты провёл нас!

— Убей горган! Убей орков! Никакие другие слова не радовать диких людей, — ответил Гхан. — Прогони прочь плохой воздух и тьму ярким железом!

— Мы долго скакали, чтобы сделать это, — сказал герцог, — и мы попытаемся. Но чего мы добьёмся, покажет только завтра.

Гхан-бури-Гхан сел на корточки и коснулся земли своим загрубевшим лбом в знак прощания, затем поднялся, чтобы уйти. Но внезапно застыл, глядя вверх, словно испугнутый лесной зверь, принимающий к странному запаху. Его глаза загорелись.

— Ветер меняется! — воскликнул он, и с этим, как почудилось, в мгновение ока, он и его спутники исчезли во мраке и никогда больше не показались на глаза ни одному всаднику Ристании.

Вскоре после этого немного к востоку снова зазвучали барабаны, однако никто во всём войске не опасался, что дикие люди могут оказаться вероломными, несмотря на весь их непривычный, уродливый облик.

— Нам больше не нужно проводников, — сказал Эльфхельм, — потому что в войске есть те, кто ездил в Мандбург в дни мира. Я, например. Когда мы выйдем на тракт, он свернёт к югу, и нам останется верных семь лиг, прежде чем мы доберёмся до пригородных стен. Почти везде вдоль тракта тянутся полосы густой короткой травы. Этот участок гонцы Гондора предполагали преодолеть быстрее всего. Мы сможем скакать быстро и без особого шума.

— Но поскольку нам предстоят тяжёлые труды, требующие всех наших сил, — вставил Эомир, — я советую сейчас отдохнуть и выступить отсюда ночью с тем расчётом, чтобы появиться на полях завтра утром с тем светом, какой будет, или когда наш герцог подаст сигнал.

На это герцог согласился, и капитаны разошлись. Но вскоре Эльфхельм вернулся.

— Господин, разведчики не обнаружили за Серыми Зарослями ничего, стоящего упоминания, — сказал он, — за исключением двух людей: двух мёртвых людей и двух мёртвых лошадей.

— Ну и? — сказал Эомир. — Что дальше?

— Вот что, господин: это были гонцы Гондора, один из них, вероятно, Хиргон. Во всяком случае, его рука всё ещё сжимала Красную Стрелу, но голова была отрублена. И вот ещё что: всё указывает на то, что они, когда пали, бежали на запад. Получается, что они обнаружили врага уже на внешней стене или атакующим её, когда возвращались, а это должно было быть две ночи назад, если они, как обычно, брали свежих лошадей на заставах. Они не могли попасть в Город и повернули назад.

— Увы! — произнёс Теоден. — Тогда Денетор не узнал о нашей скачке и не ждёт нашего прихода.

"Нужда не терпит отлагательств, но лучше поздно, чем никогда", — сказал Эомир. — И, может быть, на сей раз старая поговорка окажется вернее, чем всё, что было произнесено с тех пор, как человек открыл рот.

Была ночь. Войско Ристании молчаливо двигалось по обеим сторонам дороги. Теперь дорога проходила у отрогов Миндоллуина, повернутых у югу. Вдали, почти прямо перед ними

под чёрным небом виднелось красное зарево, на фоне которого темнели склоны большой горы. Они приближались к Раммас, Ответным Заградам Пеленнора, однако день не пришёл.

Герцог скакал с головным отрядом в окружении своих телохранителей. Эоред Эльфхельма следовал за ним, и Мерри заметил, что Дернхельм оставил своё место и в темноте неуклонно продвигается вперёд, пока не очутился, наконец, скачущим в арьергарде телохранителей герцога. Потом произошла небольшая остановка. Мерри слышал, как впереди тихо заговорили. Высланные вперёд всадники, которые рискнули проскакать почти под стену, вернулись и явились к герцогу.

— Там большой пожар, господин, — сказал один. — Город полностью окружён пламенем, а поля полны врагов. Но похоже, что все силы стянуты на атаку. Насколько мы могли судить, на внешней стене оставлены лишь немногие, и они беспечны, заняты лишь разрушением.

— Вы помните слова дикого человека, господин? — добавил другой. — В дни мира я жил на Нагорье под открытым небом; моё имя Видфара, и мне воздух тоже приносит вести. Ветер уже изменился. Он дует с юга: в нём привкус морской соли, хотя и слабый. Утро принесёт с собой перемену. Когда ты минувешь стену, над чадом встанет рассвет.

— Если твои слова правдивы, Видфара, да переживёшь ты этот день, дабы наслаждаться счастьем долгие годы! — сказал Теоден.

Затем он повернулся к своим рыцарям, которые стояли поблизости, и воскликнул ясным голосом так, что его слышали даже многие всадники первого эоред.

— Час настал, всадники Рохана, сыновья Эорла! Перед вами враги и огонь, далеко позади — ваши дома. Но, хотя вы сражаетесь на чужих полях, слава, которую вы пожнёте здесь, будет вашей навеки. Вы дали клятву, так исполните же её до конца, за господина, страну и старую дружбу!

Люди ударили копьями о щиты.

— Эомир, сын мой! Ты поведёшь первый эоред, — продолжил Теоден, — и он пойдёт за герцогским стягом в центре. Эльфхельм, веди свой отряд направо, когда мы минувем стену. А Гримбольд поведёт свой налево. Остальные отряды пусть следуют за тремя передовыми, как смогут. Разите всех встречных врагов. Других планов мы составить не можем, потому что не знаем пока, что творится на поле. Теперь вперёд, и не бойтесь тьмы!

Передовой отряд поскакал так быстро, как только мог, потому что, какую бы перемену не предвещал Видфара, вокруг всё ещё был глубокий мрак. Мерри ехал за спиной Дернхельма, вцепившись в него левой рукой, а правой пытался освободить меч в ножнах. Теперь он сполна чувствовал горькую правду слов герцога: "Что будешь в такой битве делать ты, Мериардок?" "Именно это, — думал он. — Мешать всаднику и надеяться хотя бы усидеть на месте, а не быть растоптанным насмерть галопирующими копытами!"

До внешних стен оставалось не более лиги. Они скоро достигли их; для Мерри, так слишком скоро. Раздались дикие крики, послышался лязг оружия, но это продолжалось недолго. Орки, занятые на стенах, были застигнуты врасплох, и их было мало, поэтому всех быстро перебили или смели прочь. Перед руинами северных ворот в Заградах герцог снова задержался. Первый эоред выстроился за ним и по обе руки от него. Дернхельм держался рядом с герцогом, хотя отряд Эльфхельма уже отправился на правый фланг. Люди Гримбольда обошли их с востока, направившись к большому пролому в стене.

Мерри выглянул из-за спины Дернхельма. Вдалеке, милях в десяти или больше, был большой пожар, но между ним и всадниками огромным полумесяцем протянулись линии огня, до которых в ближайшей точке не набралось бы и лиги. Кроме этого Мерри почти ничего не мог

различить на тёмной равнине, как не видел ни малейшего намёка на утро и не чувствовал даже ветерка, изменившегося или нет.

Теперь войско Ристании молча двинулось вперёд на поля Гондора, вливаясь в них медленно, но неуклонно, словно поток, поднимающийся сквозь брешь в дамбе, которую люди считали надёжной. Но мысль и воля Чёрного Капитана была полностью сосредоточена на гибнущем городе, и пока ни одно известие не достигло его, чтобы предупредить о возможной прорехе в его планах.

Спустя немного, герцог повёл своих людей чуть к востоку, чтобы пройти между осадными огнями и внешними полями. Их всё ещё не замечали, и Теоден всё ещё не подавал сигнала. Наконец он опять остановился. Город теперь был ближе. В воздухе стоял чад пожара и висела тень самой смерти. Лошади беспокоились. Но герцог неподвижно сидел на Снегогриве и глядел остановившимся взглядом на агонию Минас Тирита, будто пронзённый внезапной мукой или трепетом. Он казался поникшим, согбенным годами. Мерри самому казалось, что он сейчас свалится под гнётом сомнения и великого ужаса. Сердце его билось медленно. Минута проходила за минутой, отравляя его неуверенностью. Они пришли слишком поздно! Слишком поздно было хуже, чем никогда! Быть может, Теоден дрогнет, уронит свою старую голову, повернёт, ускользнёт обратно, чтобы спрятаться в холмах.

И тут внезапно Мерри почувствовал, наконец, без всякого сомнения: перемена. Ветер дунул в лицо! Замерцал свет. Далеко, очень далеко, на юге стали смутно различимы в виде серых силуэтов поднимающиеся и сносимые тучи, а за ними лежало утро.

Но в тот же момент полыхнуло, словно молния ударила из земли под Городом. На миг он возник в ослепительном блеске, далёкий, бело-чёрный, увенчанный башней, похожей на сверкающую иглу; а потом, когда тьма сомкнулась снова, по полям раскатился оглушительный рокочущий гул: бум.

И с этим звуком согбенная фигура герцога внезапно резко выпрямилась. Он снова выглядел высоким и гордым и, поднявшись на стременах, прокричал громче и звонче, чем удавалось когда-либо прежде смертному человеку:

Вставайте! Встать, Теодена рать!
Огонь и резня, здесь некогда спать!
Щитам колоться и копьям трещать
В день сечи, день крови, и солнцу не встать.
Вперёд! Немедля к Гондору скакать!

С этими словами он выхватил у Готлафа, своего знаменосца, большой рог и так протрубил в него, что рог лопнул на части. И немедленно все рога в войске были подняты и слились в одной ноте, и рёв рогов Ристании этот час был подобен буре над равниной и грому в горах.

Вперёд! Немедля к Гондору скакать!

Внезапно герцог крикнул Снегогриву, и конь рванулся вперёд. За ним реяло по ветру его знамя — белая лошадь на зелёном поле, — но он обогнал его. Позади с грохотом неслись рыцари его дома, но он всё время был впереди. Там скакал Эомир, и белый лошадиный хвост на его шлеме летел в воздухе от скорости, и фронт первого эорета гремел, как бурун,

обрушившийся на берег, но Теодена невозможно было догнать. Он казался не от мира сего, или же по жилам его разливалась, словно молодой огонь, боевая ярость его отцов, и он нёсся на Снегогриве, подобный древнему богу, как сам Оромё Великий в битве валар, когда мир был ещё юным. Его золотой щит был без чехла — и смотрите! — он сверкал, словно образ Солнца, и трава полыхала зелёным под белыми копытами его скакуна. Потому что пришло утро, утро и ветер с моря, и тьма отступила, и войска Мордора завывали, и ужас охватил их, и они бежали и умирали, и яростные копыта топтали их. И затем всё войско Ристании запело, и они пели, убивая, ибо радость битвы кипела в них, и звук их пения, прекрасного и гордого, достиг даже Города.

Глава VI

Битва на полях Пеленнора

Но не вожак орков и не разбойник возглавлял атаку против Гондора. Тьма была прорвана слишком рано, прежде срока, установленного для этого его Хозяином: удача на минуту отвернулась от него, и мир повернул против него; победа намерилась ускользнуть из его горсти в тот самый миг, когда он протянул руку, чтобы схватить её. Но рука его была длинной. Он всё ещё был командиром, владеющим великими силами. Король, Призрачный Кольценосец, Предводитель Назгулов, у него было много оружия. Он оставил Ворота и исчез.

Герцог Теоден из Рохана добрался до тракта от Ворот к Реке и повернул к Городу, до которого оставалось меньше мили. Он немного придержал коня, ища новых врагов, и его рыцари собрались вокруг него, и Дернхельм был вместе с ними. Впереди, ближе к стенам, люди Эльфхельма были среди осадных машин, рубя, круша, сметая врагов в огненные ямы. Почти вся северная половина Пеленнора была очищена, и там горели лагеря и орки бежали к Реке, словно стада перед охотниками, и ристанийцы беспрепятственно поворачивали в любую сторону. Но они ещё не прорвали осады, не освободили Ворот. Множество врагов стояло перед ними, и на дальней половине равнин были другие войска, ещё не вступавшие в битву. К югу от тракта стояли основные силы харадримцев, и там вокруг штандарта их полководца были собраны их всадники. И полководец харадримцев взглянул вперёд и в усиливающемся свете увидел стяг герцога и то, что он был далеко впереди основного сражения, окружённый всего несколькими людьми. Тогда он исполнился кровавой ярости, и громко крикнул, и, развернув свой штандарт — чёрная змея на алом, — двинулся целым фронтом против белой лошади на зеленом, и обнажаемые ятаганы южан замерцали, подобно звёздам.

Тогда Теоден заметил его и не стал дожидаться его атаки, но, крикнув Снегогриву, устремился навстречу ему. С громким лязгом сшиблись они. Но белая ярость северян пылала жарче, и искуснее обращались они с длинными копьями, и злее. Немного было их, но они раскололи ряды южан, как молния лес. Прямо сквозь фронт промчался Теоден, сын Тенгеля, и копье его задрожало, когда он сразил полководца харадримцев. Затем он выхватил меч, прищипорил коня, пробиваясь к штандарту, и перерубил одним ударом древко вместе со знаменосцем, и чёрная змея утонула. Тогда все, кто остался в живых из кавалерии Харада, повернули и бежали.

Но смотрите! Внезапно, в разгар славы герцога, его золотой щит померк. Молодое утро было стёрто с неба. Тьма упала вокруг него. Лошади становились на дыбы и ржали. Люди, выброшенные из седел, лежали ничком на земле.

— Ко мне! Ко мне! — воскликнул Теоден. — Вставайте, эорлинги! Не бойтесь тьмы!

Но одичавший от ужаса Снегогрив застыл на дыбах, молотя воздух копытами, а затем с громким ржанием рухнул на бок: чёрная стрела пронзила его. Герцог очутился под ним.

Огромная тень снизилась, словно опускающееся облако. И смотрите! Это была крылатая тварь: если птица, тогда больше любых других птиц, и она была голой, и не было на ней ни пуха, ни птичьих перьев, и её огромные крыла были подобны кожистым перепонкам меж когтистых пальцев, и она смердела. Быть может, то было создание древнего мира, чей род, уцелев в забытых горах, которые зябли под луной, пережил своё время и высиживал в безобразных гнёздах последний, родившийся не в срок, выводок, склонный ко злу. И Чёрный Властелин взял её, и выкармливал падалью, пока она не выросла крупнее всех прочих летающих созданий, и он дал её своему слуге в качестве скакуна, Вниз, вниз падала она, а затем, сложив свои пальчатые перепонки, издала каркающий крик и уселась на труп Снегогрива, погрузив в него когти и вытянув длинную голую шею.

На твари сидела облачённая в чёрный плащ фигура, огромная и грозная. Стальная корона была на ней, но между её ободом и плащом не было видно ничего, кроме смертоносного блеска глаз Предводителя Назгулов. Ему пришлось вернуться в воздух, призвав своего скакуна прежде, чем тьма рассеялась, и теперь он появился вновь, неся гибель, обращая надежду в отчаяние и победу в смерть. Громадная чёрная булава была в его руках.

Но Теоден не был покинут всеми. Рыцари его дома лежали убитыми вокруг него или, не справившись с бешенством своих коней, унесены далеко прочь. Но один всё ещё стоял здесь: молодой Дернхельм, чья верность была выше страха, и он плакал, потому что любил своего господина, как отца. Во время атаки Мерри сидел за ним в целости и сохранности, пока не появилась Тень, и тогда Ветрогон в ужасе сбросил их и теперь дико носился по равнине. Мерри полз на четвереньках, как ошалевший зверёк, и такой страх владел им, что он не мог открыть глаз и его мутило.

"Слуга герцога! Слуга герцога! — кричало ему его сердце. — Ты должен стоять рядом с ним. Ты сказал, что он будет для тебя отцом". Но его воля не откликалась, и тело тряслось. Он не осмеливался открыть или поднять глаза.

Потом среди черноты ему почудилось, что он слышит голос Дернхельма, но теперь этот голос казался странным, напоминающим другой, который он знал.

— Вон! Проваливай, грязный стервятник, владыка падали! Оставь мёртвых в покое!

Холодный голос ответил:

— Не становись между назгулом и его жертвой! Или он не окажет тебе милости, убив тебя. Он унесёт тебя в обитель плача, по ту сторону всякой тьмы, где мясо твоё будет пожрано, а сжавшийся нагой дух брошен перед Безвекиим Глазом.

Зазвенел обнажаемый меч.

— Делай, что хочешь, но я помешаю этому, если смогу.

— Помешаешь мне? Ты глупец. Ни один живой человек не может помешать мне!

Тут Мерри услышал самый странный из всех звуков в этот час. Казалось, что Дернхельм смеётся, и ясный голос его был подобен звону стали:

— Но я не живой человек! Ты смотришь на женщину. Я Эовин, дочь Эомунда. Ты стоишь между мной и моим господином и родичем. Прочь, если ты не бессмертен! Ибо живого или чёрного бесплотного призрака, я прикончу тебя, если ты прикоснёшься к нему!

Крылатая тварь заверещала на неё, но Призрачный Кольценосец не ответил и молчал, словно охваченный внезапным сомнением. Громадное изумление на миг пересилило страх Мерри. Он открыл глаза, и чернота рассеялась перед ними. В нескольких шагах от него сидела гигантская тварь, и всё казалось тёмным вокруг неё, а над нею, как тень отчаяния, поднималась фигура Повелителя Назгулов. Немного левее, лицом к ним стояла та, кого он называл

Дернхельмом. Но скрывавший её шлем упал, и светлые волосы, освобождённые от уз, мерцали бледным золотом на её плечах. Её серые, как море, глаза были суровы и беспощадны, и всё же следы слёз виднелись на щеках. В руке её был меч, и она загораживалась поднятым щитом от ужасного взгляда своего врага.

Это была Эовин, и Дернхельм тоже. Потому что в голове Мерри вспыхнуло воспоминание о лице, которое он видел, уезжая из Сироколья: лицо того, кто, не имея надежды, идёт искать себе смерти. Его сердце затопила жалость и великое удивление, и неожиданно в нём проснулась медленно разгорающаяся храбрость его народа. Он сжал кулак. Она не должна умереть, такая прекрасная, такая отчаявшаяся! По крайней мере, она не должна умереть одна, без всякой помощи.

Лицо их врага было обращено не к нему, но Мерри всё равно едва смел шевелиться, боясь, что смертоносные глаза могут посмотреть на него. Медленно, медленно принялся он отползать вбок, но Чёрный Полководец с сомнением и злобой разглядывающий женщину перед собой, обращал на него внимания не больше, чем на червя в грязи.

Внезапно гигантская тварь забила своими безобразными крыльями, и поднятый ими ветер был смрадным. Опять взмыла она в воздух, а затем стремительно, с пронзительным воплем, упала на Эовин, ударив клювом и когтями.

Однако она не отступила, дева Ристании, дитя королей, тонкая, но подобная стальному клинку, прекрасная, но грозная. Она нанесла быстрый удар, искусный и смертоносный, и перерубила вытянутую вперёд шею, и отрубленная голова упала, как камень. Назад отскочила девушка, когда гигантская туша рухнула вниз и с гулом ударилась о землю, раскинув громадные крылья, и с её гибелью тень исчезла. Свет озарил Эовин, и её волосы засияли в восходящем солнце.

Из крушения поднялся Чёрный Всадник, высокий и грозный, воздвигшийся перед ней, подобно башне. С криком ненависти, обжегшим уши, словно яд, обрушил он на неё свою булаву. Щит Эовин разлетелся в мелкие осколки, и рука сломалась; она упала на колени. Назгул навис над ней, словно туча, и глаза его сверкали; он поднял булаву, чтобы убить.

Но внезапно он тоже рухнул вперёд с криком жгучей боли, и удар его пал мимо, уйдя в землю. Меч Мерри вонзился в него сзади: разрезав чёрный плащ и проникнув под кольчугу, он проткнул сухожилие под его могучим коленом.

— Эовин! Эовин! — воскликнул Мерри.

Тогда, шатаясь, пытаясь подняться, собрав последние силы, она вогнала меч между короной и плащом в тот момент, когда гигантские плечи склонились перед ней. Меч с искрами рассыпался осколками. Корона с ляганием покатилась прочь. Эовин упала ничком на её павшего врага. Но — смотрите! — плащ и кольчуга были пусты. Бесформенные лежали теперь они на земле, разодранные и брошенные; и крик взвился вверх, в содрогающийся воздух, и угас в пронзительном вое, умчавшись с ветром — голос бесплотный и слабый, который умер, и был поглощён вышиной и никогда более не раздавался в ту эпоху этого мира.

И тут, среди убитых, стоял хоббит Мериардок, моргая, как сова при дневном свете, ибо слёзы слепили его, и он видел, как в тумане, светлую голову Эовин, лежащую неподвижно, и смотрел на лицо герцога, павшего в разгар своей славы. Потому что Снегогрив в агонии опять скатился с него, однако он стал гибелью своего хозяина.

Потом Мерри нагнулся, поднял руку герцога, чтобы поцеловать, — и смотрите! — Теоден открыл глаза, и они были ясными, и он заговорил спокойно, хотя и с трудом.

— Прощай, мастер холбитла! — сказал он. — Мои кости сломаны. Я ухожу к своим отцам. И даже в их могучих рядах теперь я не испытаю стыда. Я сразил чёрную змею. Хмурое утро, и

радостный день, и золотой закат!

Мерри не мог говорить, но снова зарыдал.

— Прости меня, господин, — проговорил он наконец, — если я нарушил твой приказ, и, несмотря на это, совершил на твоей службе лишь то, что заплакал при расставании.

Старый герцог улыбнулся.

— Не горюй! Это прощено. Твоя храбрость несомненна. Живи отныне в счастье, и, когда будешь мирно сидеть со своей трубкой, вспоминай обо мне! Потому что теперь я уже никогда не сяду с тобой в Медусельде, как обещал, и не услышу того, что ты знаешь о травах.

Он закрыл глаза, и Мерри склонился над ним. Вскоре герцог заговорил снова:

— Где Эомир? Ибо взор мой темнеет, а я хочу повидать его прежде, чем уйду. Он должен стать герцогом после меня. И я хотел бы послать весточку Эовин. Она, она не хотела, чтобы я оставил её, и теперь мне уже не увидеть её вновь, ту, которая дороже дочери.

— Господин, господин, — начал было Мерри срывающимся голосом. — Она...

Но в этот миг вокруг раздались лязг и крики, со всех сторон ревели рога и трубы. Мерри осмотрелся: он забыл про войну и весь окружающий мир; казалось, что много часов миновало с тех пор, как герцог поскакал к своей гибели, хотя в действительности прошло совсем немного времени. Но теперь Мерри видел, что они сейчас очутятся в самом центре большого сражения, и столкновение вот-вот произойдёт.

От реки к тракту спешили новые силы врагов, а из-под стен надвигались легионы Моргула, а с южных полей — пешие воины Харада с конницей впереди, и за ними возвышались громадные спины мумакилей с боевыми башнями. Но с севера белый султан Эомира реял впереди большого фронта ристанийцев, которых он собрал и возглавил, а из Города выходили все силы людей, бывшие в нём, и впереди был серебряный лебедь Дол Амрота, который гнал врагов от Ворот.

В этот миг в голове Мерри невольно мелькнула мысль: "Где же Гэндальф? Его нет здесь? Разве не мог бы он спасти герцога и Эовин?" Но тем временем подскочил Эомир и с ним уцелевшие рыцари Дома, которые теперь справились с лошадьми. Они в изумлении смотрели на лежавшую здесь тушу павшей твари, и их кони не желали приблизиться к ней. Но Эомир соскочил с седла, и горе и ужас овладели им, когда он подошёл к герцогу и остановился в молчании.

Потом один из рыцарей взял стяг герцога из руки его знаменосца Готлафа, который лежал тут мёртвый, и поднял его вверх. Теоден медленно открыл глаза. Увидев стяг, он показал знаком, что его нужно передать Эомиру.

— Славься, герцог Ристании! — сказал он. — Скачи ныне к победе! Передай Эовин прощальный привет!

И так он умер и не узнал, что Эовин лежит рядом с ним. И те, кто стояли рядом, заплакали, восклицая: "Герцог Теоден! Герцог Теоден!"

Но Эомир сказал им:

Умерьте горе! Пусть сильный пал, конец свой встретив,
Дело женщин оплакивать мёртвых. Нас зовёт сеча!^[12]

Однако он сам плакал, произнося это.

— Пусть его рыцари останутся здесь, — распорядился он, — и с честью вынесут его тело с поля, чтобы битва не промчалась по нему. Да, и по всем прочим людям герцога, которые лежат здесь.

И он посмотрел на убитых, вспоминая их имена, и вдруг неожиданно заметил свою сестру, Эовин, лежавшую тут, и узнал её. На мгновение он застыл, словно человек, сердце которого пронзила стрела во время крика, а потом лицо его смертельно побелело, и холодная ярость поднялась в нём, так что на время исчез дар речи. Как обреченный стал он.

— Эовин, Эовин! — воскликнул он наконец. — Эовин, как ты очутилась здесь?! Безумие это, или колдовство? Смерть, смерть, смерть! Смерть, возьми нас всех!

Потом, не раздумывая и не дожидаясь подхода воинов Города, он погнал коня назад к фронту большого войска, и затрубил в рог, и громко скомандовал атаку. Его чистый голос прозвенел над полем, взывая: "Смерть! Скачите! Скачите к гибели и к концу мира!"

И с этим войско двинулось вперёд. Но ристанийцы больше не пели. "Смерть!" — вскричали они в один голос, громко и устрашающе, и, набрав скорость, словно огромная волна, их фронт пронёсся мимо павшего герцога и с рёвом помчался к югу.

А хоббит Мериардок так и стоял здесь, ослеплённый слезами, и никто не говорил с ним, никто, казалось, даже не замечал его. Он смахнул слёзы прочь, нагнулся, чтобы подобрать зелёный щит, который дала ему Эовин, и повесил его за спину. Затем он отыскал взглядом оброненный меч, потому что в момент удара рука его онемела, и теперь он мог пользоваться только левой рукой. И смотрите! — его оружие лежало тут, но клинок курился, словно сухой сук, брошенный в огонь, и, пока хоббит рассматривал его, он съёживался, съёживался и истаял.

Так исчез меч из Могильника, изделие мастеров с Заокраинного Запада. Но тот, кто неторопливо выковывал его давным-давно в Северном королевстве, когда народ дунедаян был молод и основным их врагом было страшное королевство Ангмар с его королём-чародеем, рад был бы узнать о его судьбе. Никакой другой клинок, даже в более мощных руках, не мог бы нанести этому врагу столь жгучей раны и рассечь бесплотное тело, разбив чары, что связывали невидимые сухожилия с его волей.

Теперь люди подняли герцога и, положив плащи на древки копий, сделали носилки, чтобы отнести его в город; другие подняли Эовин и понесли её следом. Но рыцарей герцогского дома пока нельзя было вынести с поля, потому что семеро пало их здесь, и среди них их предводитель Деорвин. Так что павших положили поотдаль от их врагов и убитой твари, воткнув вокруг них копья. А потом, когда всё кончилось, люди вернулись, и устроили здесь костёр, и сожгли тушу твари; однако для Снегогрива они выкопали могилу и поставили сверху камень с надписью на языках Гондора и Герцогства:

Верный слуга, но смерть господина,
Снегогрив быстроногий, конь властелина.

Зелёной и высокой росла трава на могильном холме Снегогрива, но там, где была сожжена тварь, земля навсегда осталась чёрной и голой.

Сейчас Мерри медленно и печально брёл рядом с носильщиками и не обращал более внимания на битву. Он устал, и ему было больно, и он дрожал, как от холода. С Моря пришёл сильный дождь, и казалось, что всё оплакивает Теодена и Эовин, гася серыми слезами пожары в Городе. Словно сквозь туман Мерри увидел приближающийся авангард гондорцев. Подскакал Имрагил, принц Дол Амрота, и остановил перед ними коня.

— Какую ношу несёте вы, ристанийцы? — воскликнул он.

— Герцога Теодена, — ответили они. — Он мёртв. Но в битве сейчас мчится герцог Эомир: он с белым султаном, развевающимся по ветру.

Тогда принц сошёл с коня и преклонил у носилок колени в честь герцога и его великого натиска, и он плакал. Потом, поднявшись, он взглянул на Эовин и поразился.

— Ведь тут, без сомнения, женщина? — произнёс он. — Неужели даже женщины Ристании пошли на войну, чтобы помочь в нашей нужде?

— Нет, только одна! — ответили ему. — Это госпожа Эовин, сестра Эомира, и до этого часа мы не знали, что она поехала с нами, и сильно сожалеем об этом.

Тогда принц, увидев её красоту, хоть лицо Эовин было бледным и застывшим, наклонился ближе, чтобы лучше разглядеть его, и коснулся её руки.

— Ристанийцы! — воскликнул он. — Разве среди вас нет врачей? Она ранена, быть может, смертельно, но мне кажется, что она пока ещё жива.

И принц поднёс отполированный до блеска доспех, покрывавший его руку, к холодным губам Эовин — и смотрите! — металл слабо, еле заметно, запотел.

— Теперь нельзя медлить, — сказал Ибрагил и послал в Город человека за помощью.

А сам он низко поклонился павшим, простился с ними и, вскочив в седло, поскакал в битву.

И опять яростное сражение бушевало на полях Пеленнора, и грохот битвы усиливали крики людей и конское ржание. Ревели рога, и гремели трубы, и бешено трубили гонимые в бой мумакили. Под южными стенами города пехотинцы Гондора теснили теперь моргульские легионы, которые всё ещё были собраны здесь. Но всадники поскакали к востоку, на подмогу Эомиру: Хурин Высокий, Хранитель Ключей, и Владыка Лоссарнаха, и Хирлуин с зелёных Холмов, и принц Ибрагил Светлый в окружении всех своих рыцарей.

Не слишком рано подросла помощь ристанийцам, потому что счастье отвернулось от Эомира, и его ярость чуть не погубила его. Он совершенно смял неистовым натиском передние ряды врагов, и его Всадники промчались сквозь ряды южан, рассеяв верховых и топча пеших. Но лошади отказывались идти туда, где появлялись мумакили и кидались в сторону, и громадные чудовища стояли, словно защитные башни, не подвергаясь нападению, и харадримцы вновь собрались вокруг них. И если сначала атакующие ристанийцы в три раза уступали по численности одним только харадримцам, то вскоре их дела пошли ещё хуже, ибо новые силы устремились теперь на поле из Осгилиата. Они собрались там, ожидая призыва полководца, чтобы разграбить Город и распять Гондор. Теперь полководец был убит, но Готмог, лейтенант Моргула, бросил их в схватку: вастаков с топорами, варягов из Кханда, южан в алых одеждах и чёрных людей из Дальнего Харада, похожих на троллей, с белыми глазами и красными языками. Одни сейчас быстро заходили в тыл к ристанийцам, другие двигались западнее, чтобы отрезать силы Гондора и помешать им соединиться с Роханом.

И в тот момент, когда день начал поворачиваться против Гондора и надежда поколебалась, новый крик поднялся в Городе. Была середина утра, и дул сильный ветер, и дождь унесло к северу, и засияло солнце, и в чистом воздухе часовые увидели со стен новую опасность, и последняя надежда оставила их.

Потому что, благодаря излучине у Харлонда, течение Андуина просматривалось со стен города на несколько лиг, и дальнорюкие люди разглядели, что приближаются какие-то корабли. И при виде их они закричали от ужаса, ибо ветер гнал вверх по блещущей реке целый флот — многовёсельные галеры и глубоко сидящие барки под надутыми бризом чёрными парусами.

— Корсары Умбара! — орали люди. — Корсары Умбара! Смотрите! Приближаются корсары Умбара! Значит, Дивногорье захвачено, и Этир и Лебения пали. На нас идут корсары! Это последний, роковой удар!

И некоторые без приказа, так как некому было командовать ими в Городе, кинулись к колоколам и подняли тревогу, а другие трубили отступление.

— Назад на стены! — кричали они. — Назад на стены! Вернитесь в Город, пока вас всех не перебили!

Но ветер, который стремительно гнал корабли, сносил весь поднятый ими шум прочь.

Да ристанийцы и не нуждались в сигналах или вестях. Все они слишком хорошо видели чёрные паруса сами. Потому что Эомир теперь находился едва ли в миле от Харлонда, от которой его отделяла целая армия прежних врагов, тогда как сзади стремительно надвигались новые враги, отрезая его от принца. Сейчас Эомир взглянул на Реку, и надежда умерла в его сердце, и он проклял ветер, который благословлял прежде. Но войска Мордора воодушевились и, исполняясь новым неистовством и яростью, с воем пошли в атаку.

Непреклонная стойкость овладела теперь Эомиром, и мысли его прояснились. Он приказал протрубить сигнал сбора, чтобы объединить под своим стягом всех людей, которые могли пробиться сюда, так как решил создать напоследок прочную стену из щитов, и стоять, и биться здесь, пока все не падут, и свершить на полях Пеленнора деяния, достойные песни, хоть не останется на западе человека, чтобы воспеть последнего герцога Ристании. Поэтому он поскакал к зелёному бугру и водрузил там своё знамя, и Белая Лошадь мчалась, развеваемая ветром.

Из тьмы, из сомнений, к дневной заре
Пришёл я с песней, с клинком в руке.
Но надежда погасла, и в сердце горят
Лишь ярость, крах рода, кровавый закат!

Такие строки произнёс Эомир, однако он смеялся, произнося их. Ибо ещё раз почувствовал он жажду битвы, и он всё ещё был невредим, и он был молод, и он был герцог: властитель сурового народа. И смотрите! — смеясь от отчаяния, Эомир опять взглянул на чёрные корабли, и он поднял меч, бросая им вызов.

И тут удивление и великая радость охватили его, и он подбросил свой меч в солнечных лучах, и запел, поймав его. И все глаза последовали за взором Эомира — и смотрите! — на переднем корабле взвился большой стяг, и ветер развернул его, когда корабль повернул к Харлонду. Там цвело белое Дерево, символ Гондора, но Семь Звёзд было вокруг него и высокая Корона была над ним, символ Элэндила, который уже бессчётное число лет не носил ни один владыка. И звёзды полыхали на солнце, ибо они были сделаны из драгоценных камней Арвен, дочерью Элронда, и корона ярко горела в утреннем свете, потому что была вышита золотом и мифрилом.

Так пришёл Арагорн, сын Арахорна, Элессар, потомок Исилдура, с Троп Мёртвых, принесённый в королевство Гондор морским ветром, и ликование ристанийцев выплеснулось бурным смехом и блеском мечей, а радость и удивление гондорцев — пением труб и звоном колоколов. Но войска Мордора пришли в замешательство, и великим колдовством казалось им то, что их собственные корабли заполнены врагами, и чёрный ужас обрушился на них, понявших, что судьба повернула против них и гибель близка.

С востока скакали, гоня перед собой врагов — троллеобразных людей, и варягов, и орков, ненавидящих солнечный свет, — рыцари Дол Амрота. С юга шагал Эомир, и враги бежали перед его лицом, и они оказались между молотом и наковальней, потому что теперь с кораблей на причалы Харлонда прыгали люди и устремлялись с севера, словно буря. Там шёл Леголас, и

Гимли с топором, и Халбарад со знаменем, и Элладан и Элроил со звёздами на лбу, и крепкорукие дунедаяны, следопыты Севера, возглавляющие множество народа Лебении, и Ламедона, и южных ленов. Но впереди всех шёл Арагорн с Пламенем Запада, Андрилом, похожим на вновь зажжённый огонь, заново откованным Нарсилом, столь же смертоносным, как встарь, и на лбу его была Звезда Элендила.

И так Эомир и Арагорн встретились, наконец, в центре битвы, и они оперлись на свои мечи и радостно взглянули друг на друга.

— Ну вот, мы встретились снова, хотя все войска Мордора лежали между нами, — сказал Арагорн. — Разве я не говорил так в Горнбурге?

— Говорил, — отозвался Эомир. — Но надежда часто обманывает, и я не знал тогда, что ты ясновидящий. Однако вдвойне благословенная помощь, которой не ждёшь, и никогда встреча двух друзей не приносила большей радости.

И они сжали руки друг друга.

— И не была более своевременной, — продолжил Эомир. — Ты пришёл не слишком рано, мой друг. Много потерь и горя обрушилось на нас.

— Тогда отомстим, прежде чем говорить о них! — сказал Арагорн, и они вместе вернулись в битву.

Их всё ещё ждала жестокая сеча и долгие труды, потому что южане были дерзки и суровы, и свирепы в отчаянии; и вастаки были сильны и упорны в сражении, и не просили пощады. И потому то тут, то там, у сгоревших ферм или сараев, на буграх или курганах, под стеной или на поле, они продолжали собираться, выстраиваться вновь и сражаться, пока день не ушёл и не пали вечерние сумерки.

Тут солнце спряталось, наконец, за Миндоллуин, залив всё небо великим пожаром, так что холмы и горы окрасились, словно кровью: огонь тлел в Реке, и красными лежали травы Пеленнора в надвигающейся ночи. И в этот час окончилась Великая битва на полях Гондора, и в пределах Заград не осталось в живых ни одного врага. Все были убиты, кроме тех, кто бежал, чтобы умереть, или захлебнулся в красной речной пене. Очень немногие вернулись когда-либо на восток, в Моргул или Мордор, а земель Харада достигли лишь слухи: молва о неистовых и ужасных гондорцах.

Арагорн, Эомир и Имрагил скакали назад к Воротам Города, слишком уставшие сейчас, чтобы горевать или радоваться. Эти трое были невредимы, благодаря своему счастью, и боевому искусству, и мощи рук; и в самом деле, немногие дерзали дожидаться их или смотреть им в лицо в часы их гнева. Но очень многие были ранены, изувечены или лежали мёртвыми на поле. Топоры зарубили Форлонга, когда тот бился один, пешим; и насмерть были растоптаны Дуилин из Мортнода и его брат, когда они вели своих лучников в атаку на мумакилей стрелять с близкого расстояния в глаза чудовищам. Не вернулись ни Хирлуин Прекрасный в Пиннат Гелин, ни Гримбольд в Гримслейд, ни Халбарад, крепкорукий следопыт, в земли Севера. Много их пало, прославленных и безымянных, командиров и воинов, ибо это была великая битва, и полное число павших не доносит ни одна повесть. Спустя много времени так говорил поэт Ристании в своей песне о Могилах Мандбурга:

Мы слышали пенье рогов в горах,
Мечи сверкали на южных полях,
И кони бойцов примчали с зарёй,
Как утренний ветер. И вспыхнул бой.

Там пал Теоден, могучий Тенглинг,
Никогда не вернуться ему
В севера степи с зелёной травой
И на трон свой в зал золотой.
Хардинг и Готлаф, Херефара, Дунхер,
Доблестный Гримбольд и Хорн,
Деорвин, Херубранд и ещё Фастеред
Пали в той сече злой.
В Могилах Мандбурга лежат они,
Смешав свой прах с Гондора людьми.
Ни Хирлуин Светлый к приморским холмам,
Ни Форлонг Старый к цветущим лугам
Не вернулся с победой в Арнах.
И пали стрелки Деруфин, Делуин,
Не вернуться к водам Мортонда им,
Тёмным заводям в хмурых горах.
Великих и малых смерть унесла,
Долго им спать: их скрыла трава
Побережий Великой Реки.
Навеки уснули в Гондоре они.
Прозрачная, словно слёзы, цвета серебра,
Красной тогда катилась грозная вода,
И алая пена горела в закатных лучах.
Когда потемнели багровые склоны в горах,
Кровавая пала роса в Пеленнора полях.

Глава VII

Погребальный костёр Денетора

Когда чёрная тень покинула Ворота, Гэндальф всё ещё сидел неподвижно, но Пин, словно с него был снят тяжёлый груз, поднялся на ноги и стоял, прислушиваясь к рогам, и ему казалось, что его сердце разорвётся от радости. И никогда потом не мог он слышать звуков рога вдали без того, чтобы слёзы не наворачивались ему на глаза. Но сейчас он внезапно вспомнил о своём деле и побежал вперёд. В эту минуту Гэндальф шевельнулся, сказал что-то Тенегону и приготовился проскакать сквозь Ворота.

— Гэндальф, Гэндальф! — закричал Пин, и Тенегон остановился.

— Что ты тут делаешь? — спросил Гэндальф. — Разве нет закона в Городе, что те, кто носит чёрное с серебром, должны оставаться в Цитадели, если только их господин не позволит им уйти?

— Он позволил, — выдохнул Пин. — Он отослал меня. Но я боюсь. Там наверху того и гляди произойдёт что-то ужасное. По-моему, Владыка сошёл с ума. Я боюсь, что он убьёт себя, и Фарамира тоже. Ты можешь сделать что-нибудь?

Гэндальф посмотрел сквозь зияющие Ворота, а на поле тем временем уже нарастал шум битвы. Маг стиснул руку.

— Я должен идти, — сказал он. — Чёрный Всадник за стенами, и он всё ещё может погубить нас. У меня нет времени.

— Но Фарамир! — крикнул Пин. — Он не мёртв, а они сожгут его заживо, если кто-нибудь их не остановит!

— Сожгут заживо? — переспросил Гэндальф. — Что ещё за новости? Живей!

— Денетор пошёл в Могильники, — затараторил Пин, — и он взял Фарамира, и он сказал, что мы все сгорим, и он не хочет ждать, и велел им сложить погребальный костёр и сжечь на нём его и Фарамира тоже. И он послал людей за дровами и маслом. И я рассказал про это Берегонду, но боюсь, что он не осмелится покинуть свой пост: он на страже. Да и в любом случае, что он может сделать-то?! — Пин выпаливал свои сведения, схватившись трясущимися руками за колено Гэндальфа. — Ты сможешь спасти Фарамира?

— Быть может, смогу, — ответил Гэндальф. — Но боюсь, что, если займусь этим, умрут другие. Что ж, раз больше некому ему помочь, придётся идти мне. Но это приведёт к злу и горю. Враг властен разить нас даже в самом сердце нашей твердыни, поскольку то, что происходит, вызвано его волей.

Решившись, Гэндальф действовал быстро: подхватив Пина и усадив его перед собой, он одним словом повернул Тенегона. И, пока позади них усиливался шум сражения, они, звонко цокая, неслись вверх по улицам Минас Тирита. Повсюду люди, воспрянув от ужаса и отчаяния, хватались за оружие, передавая из уст в уста весть: "Ристания пришла!" Громко командовали капитаны, отряды строились, многие уже маршировали вниз, к Воротам.

Они повстречали принца Имрагила, который окликнул их:

— Куда теперь, Митрандир? Ристанийцы сражаются на полях Гондора! Нам нужно собрать все силы, какие сможем найти.

— Вам потребуется каждый человек и даже больше, — ответил Гэндальф. — Не медлите! Я приду, когда смогу. Но у меня дело к Владыке Денетору, не терпящее отлагательств. Пока Правитель отсутствует, прими командование!

Гэндальф с Пином помчались дальше. Поднявшись в верхние круги и приблизившись к Цитадели, они почувствовали дуновение ветра на лицах и уловили вдали слабый проблеск утра: небо на юге светлело. Но мало надежды принесло это им, не знающим, какое зло ожидает их, боящимся прийти слишком поздно.

— Тьма проходит, — сказал Гэндальф. — Но она всё ещё тяжело лежит над этим Городом. У ворот Цитадели не было часового.

— Значит, Берегонд ушёл, — обнадежено заметил Пин.

Они свернули и заторопились по дороге к Закрытой Двери. Она стояла широко распахнутой, и перед нею лежал привратник. Он был убит, а ключи взяты.

— Работа Врага! — сказал Гэндальф. — Такие вещи он любит: друг ополчается на друга, а долг сеет рознь в смятённых сердцах.

Теперь маг спешил и попросил Тенегона вернуться в стойло.

— Мы с тобой давно уже должны были бы скакать по полю, мой друг, — объяснил он, — но другие дела задержали меня. Однако, если я позову, явись тотчас же!

Гэндальф и Пин прошли через дверь и зашагали вниз по ступеням извилистой дороги. Свет усиливался, и высокие колонны и скульптуры, стоящие по бокам, медленно проплывали мимо них, словно серые призраки.

Внезапно безмолвие было нарушено, и они услышали снизу крики и звон мечей: звуки, подобных которым не раздавались в этом священном месте с момента закладки Города. Наконец, они добрались до Рат Динен и поспешили к Дому Правителей, смутно возвышавшемуся в сумраке под своим большим куполом.

— Стоп! Стоп! — крикнул Гэндальф, бросившись к каменной лестнице перед дверью. —

Прекратите это безумие!

Потому что тут были слуги Денетора с мечами и факелами в руках, но на самой верхней ступеньке в портике перед дверью стоял в одиночестве Берегонд, одетый в чёрное и серебряное Стражей, и оборонял от них вход. Двое уже пали от его меча, запятнав священное место своей кровью, а остальные проклинали его, называя бандитом и предателем своего господина.

И пока Гэндальф с Пином бежали к ним, они услышали изнутри дома мёртвых голос Денетора, крикнувший:

— Скорей! Скорей! Делайте, как я приказал! Убейте мне этого изменника! Или я должен сам сделать это?

Вслед за этим дверь, которую Берегонд удерживал закрытой левой рукой, рывком распахнулась, и позади него появился Владыка Города, высокий и рассвирепевший, и глаза его полыхали, как огонь, и он держал обнажённый меч.

Но Гэндальф вспрыгнул вверх по ступенькам, и люди отпрянули перед ним, загораживая глаза, ибо его появление было похоже на вспышку белого света в темноте, и маг явился в сильном гневе. Он поднял вверх руку, и прямо посреди удара меч Денетора взлетел вверх, выдернулся из его руки и упал позади него в тени дома, и Денетор в изумлении отступил на шаг перед Гэндальфом.

— Что это, мой господин? — сказал маг. — Дома мёртвых — не место для живых. И почему люди сражаются здесь, в Святынях, когда достаточно битвы перед Воротами? Или наш Враг проник даже на Рат Динен?

— С каких это пор Владыка Города обязан отчитываться перед тобой? — ответил Денетор. — Или я не могу распоряжаться моими собственными слугами?

— Можете, — сказал Гэндальф. — Но другие могут оспорить вашу волю, если она обратилась к безумию и злу. Где ваш сын, Фарамир?

— Он лежит внутри, — сказал Денетор, — сгорая, уже сгорая. В его тело влит огонь. Но вскоре всё сгорит. Запад пал. Всё вознесётся вверх в великом пожаре, и всё будет кончено. Пепел! Дым и пепел развеет ветер!

Тут Гэндальф, увидев владеющее правителем безумие, испугался, что он уже совершил некое злое дело, и бросился вперёд в сопровождении Пина и Берегонда, а Денетор попятился и пятился до тех пор, пока не очутился рядом со столом внутри. На столе они нашли Фарамира, всё ещё в лихорадочном забытии. Под столом было навалено много дров, и вязанки хвороста громоздились вокруг него на столе, и всё было обильно полито маслом, даже одежды и покрывала Фарамира, но огонь пока ещё не был поднесён к топливу. Тогда Гэндальф показал силу, скрытую в его теле даже тогда, когда свет присущей ему мощи был спрятан под серым плащом. Он вспрыгнул на вязанки и, легко подняв больного, соскочил обратно и понёс его к двери. Но при этом Фарамир застонал и позвал отца в забытие.

Денетор вздрогнул, словно очнувшись от транса, и пламя угасло в его глазах; по щекам его покатались слёзы, и он произнёс:

— Не забирай у меня сына! Он зовёт меня.

— Зовёт, — ответил Гэндальф, — но вы пока не можете прийти к нему. Ибо он должен искать исцеления на пороге смерти и, быть может, не найдёт его, тогда как вам выпало идти в бой за ваш Город, где, возможно, смерть ждёт вас. И вы знаете это в глубине сердца.

— Ему больше не проснуться, — сказал Денетор. — Борьба тщетна. Зачем нам жить дальше? Почему бы нам бок о бок не пойти навстречу смерти?

— Вы не властны, Правитель Гондора, распоряжаться часом вашей смерти, — ответил Гэндальф. — Так поступали лишь короли варваров, поклоняющиеся Чёрному Властелину, которые в гордости и отчаянии убивали себя и убивали свой род, чтобы облегчить собственную

смерть.

Затем, выйдя из дверей, он вынес Фарамира из обители смерти и положил его на носилки, на которых его принесли и которые сейчас стояли на крыльце. Денетор последовал за ним и остановился, дрожа и жадно всматриваясь в лицо сына. И на мгновение, пока остальные стояли безмолвно и неподвижно, неотрывно глядя на страдающего Правителя, он заколебался.

— Идём! — сказал Гэндальф. — Мы нужны. Есть многое, что вы можете ещё сделать.

Тут Денетор неожиданно захохотал. Он распрямился, снова высокий и гордый, и, быстро отступив к столу, поднял подушку, на которой покоилась его голова. Затем, вернувшись к порогу, он сдёрнул покров — и смотрите! — в руках у него был палантир. И когда Денетор поднял его, тем, кто смотрели на камень, показалось, что шар озарился изнутри пламенем, так что худощавое лицо Владыки осветилось, словно красным огнём, и казалось высеченным из твёрдого камня: резко очерченное тенями, благородное, гордое и ужасающее. Его глаза сверкали.

— Гордость и отчаяние! — воскликнул он. — Ты думал, что глаза Белой Башни слепы? Нет, я видел больше, чем было известно тебе, Серый Дурак, ибо твоя надежда от неведения. Так ступай и пробуй исцелить! Выходи и сражайся! Тщетно. Ибо на поле вы сможете победить ненадолго, на день. Но против Силы, что ныне появилась здесь, нет победы. К этому Городу протянут пока лишь первый палец её руки. Весь восток пришёл в движение. И даже в эту минуту ветер надежды обманывает тебя и гонит вверх по течению Андуина флот с чёрными парусами. Запад пал. Всем, кто не желает быть рабом, время погибнуть.

— Подобные советы действительно сделают победу Врага несомненной, — сказал Гэндальф.

— Так надейся! — засмеялся Денетор. — Разве я не знаю тебя, Митрандир? Ты надеялся править вместо меня, стоять за каждым тронem севера, юга или запада. Я прочёл твои мысли и интриги. Разве я не ведал, что ты приказал этому вот невысоклицу хранить молчание? Что ты притащил его сюда шпионить в самом моём покое? И всё же в беседе с ним я узнал имена и цели всех твоих спутников. Так! Левой рукой ты собирался некоторое время использовать меня в качестве щита против Мордора, а правой — поднять этого Бродягу с севера, чтобы сместить меня.

Но я говорю тебе, Гэндальф Митрандир, что не желаю быть твоей игрушкой! Я Правитель Дома Анариона. И я не хочу опускаться до мразматика в пажеской должности при каком-то выскочке. Даже в том случае, если он докажет мне истинность своих притязаний, он происходит всего лишь из линии Исилдура. Я не поклонюсь такому, как он: последнему из рода оборванцев, давно лишённых власти и сана.

— Но чего же вы добились бы, действуя таким образом? — спросил Гэндальф.

— Того, что имел на протяжении всей своей жизни, — ответил Денетор, — и что было в дни моих предков до меня: спокойно править этим Городом и оставить по себе кресло своему сыну, который был бы своим собственным господином, а не марионеткой мага. Но раз рок отказал мне в этом, я не хочу ничего: ни жизни в унижении, ни любви, разделённой пополам, ни умаленной чести.

— Мне не кажется, что Правитель, который честно возвращает вверенные ему обязанности, теряет в любви или чести, — возразил Гэндальф. — И, по крайней мере, вам не следует лишать права выбора вашего сына, пока смерть его всё ещё не неизбежна.

В ответ на эти слова глаза Денетора вспыхнули снова, и, взяв камень под мышку, он обнажил кинжал и шагнул к носилкам. Но Берегонд прыгнул вперёд и заслонил собой Фарамира.

— Вот как! — воскликнул Денетор. — Ты уже похитил половину любви моего сына.

Теперь ты похищаешь ещё и сердца моих слуг, так что они, в конце концов, отнимают у меня сына целиком. Но, по крайней мере, в одном ты не сможешь пренебречь моей волей: распорядиться моим собственным концом. Сюда! — крикнул он слугам. — Сюда, если не все вы изменники!

Тогда двое из слуг взбежали к нему по ступенькам. Денетор быстро выхватил из руки одного из них факел и метнулся назад в дом. Прежде чем Гэндальф успел помешать ему, он швырнул в дрова огонь, и они мгновенно затрещали и загудели в пламени.

Затем Денетор вскочил на стол и, стоя там, обвитый огнём и дымом, он поднял жезл своей власти, который лежал у его ног, и сломал его о колено. Швырнув обломки в огонь, он наклонился и улёгся на стол, прижав палантир обеими руками к груди. И говорили, что потом любой, кто смотрел в этот камень, если только он не обладал огромной силой воли, чтобы обратить его к другим целям, видел лишь две старческие руки, сморщивающиеся в пламени.

Гэндальф в горе и ужасе отвратил лицо и закрыл дверь. Некоторое время он молча стоял на пороге в раздумье, пока те, кто были снаружи, прислушивались к доносящемуся изнутри жадному рёву пламени. И затем Денетор громко вскрикнул, и после этого не издал ни звука, и никто из смертных его больше не видел.

— Так кончил Денетор, сын Эктгелиона, — произнёс Гэндальф и затем обратился к Берегонду и слугам Правителя, которые стояли здесь, поражённые ужасом. — И так кончились дни Гондора, который вы знали, ибо, к добру или к худу, они миновали. Здесь совершилось злое дело, но сейчас пусть вся вражда, что лежит между вами, исчезнет, потому что она вызвана Врагом и служит его воле. Вы попались в сеть непримиримых обязанностей, сплетённую не вами. Но подумайте, вы, слуги Владыки, слепые в своём послушании, что лишь благодаря измене Берегонда Фарамир, Капитан Белой Крепости, не сгорел сейчас тоже.

Унесите теперь из этого злосчастного места ваших павших товарищей. А мы отнесём Фарамира, Правителя Гондора, туда, где он сможет спать спокойно или умереть, если такова его судьба.

Затем Гэндальф и Берегонд подняли носилки и понесли их прочь, в Лечебницы, а за ними с опущенной головой брёл Пин. Но слуги Владыки стояли, словно оглушённые, уставившись на усыпальницу, и в тот момент, когда Гэндальф дошёл до конца Рат Динен, оттуда послышался сильный грохот. Оглянувшись, они увидели, что свод дома треснул и дым устремился наружу, и потом лавина камней рухнула в шквал огня, но среди руин всё ещё плясало, то вспыхивая, то притухая, буйное пламя. Тогда слуги в ужасе бежали и последовали за Гэндальфом.

Наконец они возвратились к Двери Правителей, и Берегонд горестно взглянул на привратника.

— В этом поступке я буду раскаиваться всю жизнь, — сказал он. — Но мной владело безумие спешки, а он не слушал и поднял меч на меня.

Потом, взяв ключи, вырванные им у убитого, Берегонд закрыл дверь и запер её.

— Ключи теперь должны быть отданы владыке Фарамиру, — сказал он.

— В отсутствие владыки командование принял принц Дол Амрота, — сказал Гэндальф, — но, поскольку его здесь нет, придётся мне взять это на себя. Приказываю тебе взять их и хранить, пока в Городе снова не будет восстановлен порядок.

Теперь они, наконец, перешли в верхние круги Города и направились в утреннем свете к Лечебницам. Это были стоящие особняком прекрасные дома, отведённые для ухода за тяжелобольными, но сейчас они были подготовлены для заботы о раненых в сражении и умирающих. Они находились недалеко от ворот Цитадели, в шестом круге близ её южной

стены, и их окружал сад и газон с деревьями — единственное подобное место в городе. Здесь жили несколько женщин, которым разрешили остаться в Минас Тирите, поскольку они были искусны в лечении или прислуживали лекарям.

Но в тот момент, когда Гэндальф и его спутники подошли с носилками к главному входу в Лечебницы, они услышали громкий крик, который раздался в поле перед Воротами и, поднявшись в небо пронзительным воплем, растаял и был унесён ветром. Так ужасен был этот крик, что на мгновение все застыли, и однако, когда он замер, сердца их неожиданно взлетели с такой надеждой, какой они не знали с тех пор, как тьма пришла с востока, и показалось им, что свет стал яснее и солнце прорвалось сквозь тучи.

Но лицо Гэндальфа было суровым и печальным, и, попросив Берегонда и Пина занести Фарамира в Лечебницы, он поднялся на ближайшую стену и стоял там в свете молодого солнца, словно скульптура, высеченная из белого камня, и глядел в поле. И взором, который был дан ему, он увидел всё, что произошло; и когда Эомир прискакал из первых рядов своего войска и встал рядом с теми, кто лежал на поле, Гэндальф вздохнул, снова завернулся в свой плащ и сошёл со стены. Когда Берегонд и Пин вышли из Лечебниц, они нашли его стоящим в раздумье перед дверью.

Они смотрели на мага, а тот некоторое время молчал. Наконец Гэндальф заговорил.

— Друзья мои, — сказал он, — и вы, люди этого города и западных стран! Произошли события славные, но прискорбные. Будем ли мы рыдать или радоваться? Сверх самых смелых надежд полководец наших врагов уничтожен, и вы слышали отзвук его последнего отчаяния. Но он не ушёл, не причинив скорби и горькой потери, которую я мог бы предотвратить, если бы не безумие Денетора. Ибо и это оказалось в досягаемости Врага! Увы! Но теперь я понимаю, каким образом его воле удалось проникнуть в самое сердце Города.

Хотя Правители и полагали, что это тайна, хранимая только ими, я уже давно догадывался, что здесь, в Белой Башне, хранился по крайней мере один из Семи Смотровых Камней. В дни своей мудрости Денетор не отваживался использовать его, чтобы бросить вызов Саурону, зная пределы собственной силы. Но мудрость его пошла на убыль, и я боюсь, что, когда возросла опасность, грозившая его королевству, он посмотрел в Камень и был обманут: полагаю, слишком часто с тех пор, как ушёл Боромир. Он был слишком силен, чтобы подчиниться воле Чёрного Властелина, но, тем не менее, видел лишь то, что Чёрный Властелин разрешал ему увидеть. Без сомнения, полученные им сведения часто оказывались весьма полезны, однако лицемерие явленной ему великой мощи Мордора питало отчаяние в сердце Денетора, пока, наконец, не побороло его разум.

— Теперь я понял, что казалось мне таким странным! — сказал Пин, содрогаясь при воспоминании. — Владыка вышел из комнаты, где лежал Фарамир, а когда он ввергнулся, я впервые подумал, что он изменился: он выглядел старым и сломленным.

— В тот самый час, когда Фарамира принесли в Башню, многие из нас видели странный свет в самой верхней комнате, — добавил Берегонд. — Но мы видели этот свет и прежде, и в Городе давно ходил слух, что Владыка иногда вступает в мысленную борьбу с Врагом.

— Увы! Значит, моя догадка верна, — сказал Гэндальф. — Вот так воля Саурона и проникла в Минас Тирит, и так я был задержан здесь. И я всё ещё вынужден здесь оставаться, потому что вскоре у меня появятся другие заботы, не только о Фарамире.

Сейчас я должен спуститься навстречу тем, кто идёт. Я видел на поле то, что сильно огорчило моё сердце, но может произойти ещё большее горе. Идём со мной, Пин! А ты, Берегонд, обязан вернуться в Цитадель и сообщить начальнику Стражи обо всём, что произошло. Боюсь, что его долг — отчислить тебя из Стражи, но скажи ему, что, если я могу

советовать в этом вопросе, тебя следует послать в Лечебницы охранять твоего капитана, ухаживать за ним и находиться при нём, когда он проснётся... если это произойдёт. Потому что он избежал костра благодаря тебе. Ступай! Я скоро вернусь.

С этими словами Гэндальф повернулся и пошёл с Пином по направлению к Нижнему Городу. И пока они торопились туда, ветер принёс серый дождь, и огни пожаров приникли, и густой дым поднялся перед ними.

Глава VIII

Лечебницы

Когда Мерри приблизился к разрушенным воротам Минас Тирита, туман стоял в его глазах от слёз и усталости. Он мало обращал внимания на обломки и резню, творившуюся вокруг. Огонь, гарь и дым висели в воздухе, потому что много орудий горело или было сброшено в огненные ямы, как и многие убитые тоже; тут и там валялись трупы громадных южных чудовищ, полу-обгорелые, забитые камнями или застреленные через глаза доблестными лучниками Мортонда. Ливень к этому времени прекратился, и наверху сияло солнце, но весь Нижний Город был ещё окутан чадом.

Люди с трудом пробирались через обломки войны, и теперь навстречу им из Ворот показалось несколько покойных носилок. Эовин бережно положили на мягкие подушки, а тело герцога закрыли большим покрывалом из золотой парчи и понесли вокруг него факелы, пламя которых, бледное в утреннем свете, трепетало на ветру.

Так Теоден и Эовин вступили в Город Гондора, и все видевшие их склоняли головы и кланялись; и они прошли сквозь дым и пепел сожжённого круга и двинулись дальше вверх вдоль каменных улиц. Мерри этот подъём казался длиною в век, бессмысленный путь в отвратительном сне, который всё тянется и тянется к какому-то смутному концу, который никак не удавалось припомнить.

Постепенно факелы перед ним замигали и исчезли, и дальше он брёл в темноте с единственной мыслью: "Это туннель в могилу, где мы и останемся навеки". Но внезапно в его сон ворвался живой голос:

— Мерри, наконец-то! Слава богу, я нашёл тебя!

Он поднял взгляд, и туман перед его глазами немного рассеялся. Тут был Пин! Они стояли лицом к лицу в узком переулке, который был пуст. Мерри протёр глаза.

— Где герцог? — спросил он. — И Эовин?

Тут он пошатнулся, сел на ступеньку перед какой-то дверью и по его щекам опять покатились слёзы.

— Они поднялись в Цитадель, — сказал Пин. — Наверное, ты заснул прямо на ходу и свернул не туда. Когда мы увидели, что тебя нет с ними, Гэндальф отправил меня на розыски. Бедный старина Мерри! Как я рад видеть тебя снова! Но ты вымотался, и я не хочу надоедать тебе болтовнёй. Только скажи мне, ты ранен или, может, ушиблен?

— Нет, — ответил Мерри. — То есть, я думаю, что нет. Но я не могу владеть правой рукой, Пин, с тех самых пор, как ткнул в него. А мой меч весь сгорел, как деревянная щепка.

Лицо Пина стало встревоженным.

— Ладно, ты уж лучше иди со мной так быстро, как сможешь, — сказал он. — Жаль, что мне не под силу нести тебя. Ты уж и на ногах еле стоишь. Они совсем не должны были бы заставлять тебя идти, но ты уж прости их. В Городе стряслось столько ужасных вещей, Мерри, что несчастного хоббита, возвращающегося из битвы, легко и не заметить.

— Ну, когда тебя не замечают, это не всегда плохо, — отозвался Мерри. — Только что меня

вот не заметил... нет, нет, я не могу говорить об этом. Помоги мне, Пин! Всё снова темнеет, и моя рука так холодна...

— Обопрись на меня, Мерри, паренёк! — сказал Пин. — А теперь пошли! Потихоньку, помаленьку. Это недалеко.

— Ты собираешься похоронить меня? — пробормотал Мерри.

— Нет, конечно! — сказал Пин, стараясь говорить весело, хотя его сердце разрывалось от страха и жалости. — Нет, мы идём в Лечебницы.

Они выбрались из переулка, который тянулся между высокими домами и внешней стеной четвёртого круга, и снова пошли главной улицей, поднимавшейся к Цитадели. Так они и брели, шаг за шагом; Мерри качался и бормотал, как в бреду.

"Мне никогда не довести его туда, — думал Пин. — Неужели тут никого нет, чтобы помочь мне? Я не могу оставить его здесь".

И в этот момент, к его удивлению, сзади их нагнал бегущий вверх мальчик. Когда тот пробежал мимо, Пин узнал Бергила, сына Берегонда.

— Привет, Бергил! — окликнул он. — Ты куда? Рад видеть тебя снова, и при том живым!

— Я бегаю по поручениям врачей, — отозвался Бергил. — Я не могу задержаться.

— И не надо! — сказал Пин. — Только сообщи там, наверху, что со мной тут больной хоббит, периан, понимаешь ли, который возвращается с поля битвы. Я не думаю, что он дойдёт так далеко. Если Митрандир там, он обрадуется известию.

Бергил побежал дальше.

"Я лучше подожду здесь", — подумал Пин, и поэтому он осторожно помог Мерри опуститься на мостовую в пятне солнечного света, и потом сел рядом с ним, положив голову Мерри к себе на колени. Он осторожно ощупал его тело и конечности и взял руки друга в свои. Правая рука была холодна, как лёд.

Вскоре появился, разыскивая их, Гэндальф собственной персоной. Он наклонился над Мерри, ласково погладил его по лбу, затем заботливо поднял на руки.

— Он должен был бы с почётом внесён в этот город, — сказал маг. — Он с лихвой отплатил за моё доверие, потому что, не уступи мне тогда Элронд, никто из вас не пошёл бы с Отрядом, и тогда день этот обернулся бы ещё более тягостной скорбью. — Он вздохнул. — И, тем не менее, теперь на моих руках ещё одна забота, хотя судьба сражения до сих пор не решена.

Таким образом, Фарамир, Эовин и Мериардок были, наконец, уложены в кровати в Лечебницах, и там за ними ухаживали хорошо, поскольку, хотя в эти поздние дни все знания по сравнению с их полнотой в древности пришли в упадок, искусство врачевания в Гондоре сохранило былую мудрость и успешно исцеляло от ран, ушибов и всех прочих болезней, которым подвержены смертные люди к востоку от Моря. Кроме лишь старости. Ибо от неё гондорцы не знали лекарства, да и жили они теперь немногим дольше обычных людей, и мало было среди них тех, кто сумел с бодростью перешагнуть рубеж в десять десятков, за исключением некоторых фамилий с более чистой кровью. Но ныне их искусства и знаний явно не хватало, так как появилось множество больных, не поддающихся лечению. Болезнь эту называли Чёрная Тень, потому что она шла от назгулов. И те, кто были поражены ею, медленно впадали во всё углубляющийся бредовый сон, а потом замолкали, смертельно холодели и так умирали. И тем, кто заботился о больных, казалось, что невысоклик и госпожа Ристании страдали этой болезнью в особенно тяжёлой форме. На исходе утра они ещё говорили, бормоча во сне, и сиделки прислушивались ко всем их словам, надеясь узнать что-нибудь такое, что

поможет понять причину их страданий. Но вскоре они начали погружаться во тьму, и когда солнце повернуло к западу, серая тень напозла на их лица. А Фарамир горел в жару, который не снижался.

Озабоченный Гэндальф переходил от одного к другому, и ему сообщали всё, что могли разобрать сиделки. И так прошёл день, пока снаружи великое сражение продолжалось с переменной надеждой и странными вестями, а Гэндальф всё ждал, наблюдал и никуда не уходил, пока, наконец, небо не залил красный закат и свет его упал сквозь окна на серые лица больных. Тогда стоящим рядом показалось, что в зареве лица слегка порозовели, будто здоровье возвращалось, но то была лишь издевательская ухмылка ложной надежды.

Потом одна старая женщина, Иорет, старейшая из женщин, которые служили в этом доме, заплакала, глядя в прекрасное лицо Фарамира, потому что все люди любили его, и она сказала:

— Какое горе, если он умрёт! Если бы тут, в Гондоре, были короли, как когда-то в древности, как говорят! Потому что в старом предании сказано: "Руки короля — руки целителя". И по этому признаку всегда может быть узнан истинный король.

И Гэндальф, который стоял рядом, сказал:

— Люди будут долго помнить твои слова, Иорет! Ибо в них есть надежда. Быть может, король в самом деле вернулся в Гондор, или ты не слыхала о странных вестях, что пришли в Город?

— Я слишком занята всякой всячиной, чтобы прислушиваться к крикам и воплям снаружи, — ответила она. — Остаётся только надеяться, что вся эта губительная суматоха не проникнет в Лечебницы и не встревожит больных.

Тогда Гэндальф поспешно вышел; огонь в небе уже отгорал, и тлеющие холмы исчезали в пепельно-сером вечере, стелившемся над полями.

Теперь, когда солнце ушло, Арагорн, Эомир и Имрагил с их капитанами и рыцарями приблизились к Городу, и, когда они очутились перед Воротами, Арагорн сказал:

— Смотрите! Солнце садится в великом пожаре! Это знамение конца и гибели многих вещей и перемен в течениях мира. Однако этот Город и королевство много долгих лет оставались под опёкой Правителей, и я боюсь, что, если я войду в город непрошенным, могут возникнуть сомнения и споры, чего не должно быть, пока длится эта война. Я не хочу ни входить в город, ни предъявлять какие-либо претензии, пока не станет ясно, кто кого одолеет: мы Мордор или Мордор нас. Мои люди раскинут палатки в поле, и там я буду ждать приглашения Владыки Города.

Но Эомир возразил:

— Ты уже поднял стяг Королей и открыто принял знаки Дома Элендила. И ты потерпишь, чтобы право носить их взяли под сомнение?

— Нет, — сказал Арагорн. — Но я полагаю, что время всё развяжет, и я не собираюсь сражаться ни с кем, кроме Врага и его слуг.

Тут заговорил принц Имрагил.

— Твои слова мудры, господин, если только мнение родича Денетора может учитываться в этом вопросе. Он горд и властен, но стар и находится в странном настроении с тех пор, как его сын сражён. Однако мне не хотелось бы оставлять тебя у двери, словно нищего.

— Не как нищего, — возразил Арагорн. — Скажи, как вождя следопытов, которые не привыкли к городам и домам из камня.

И он приказал свернуть свой стяг, и снял Звезду Северного королевства, и отдал её на хранение сыновьям Элронда.

Затем принц Имрагил и Эомир оставили его, и прошли через Город и толпу людей, и поднялись к Цитадели, и в поисках Правителя вошли в Зал Башни. Но кресло Правителя было пустым, а перед возвышением лежал на пышном ложе герцог Теоден. Двенадцать факелов стояло вокруг него и двенадцать стражей — рыцари Гондора и Рохана. Зелёными и белыми были занавесы ложа, но герцог был укрыт до груди золотым покрывалом, и на покрывале лежал обнажённый меч, а в ногах — его щит. Свет факелов мерцал в его белых волосах, как солнце в струях фонтана, но лицо его было прекрасным и юным, если не считать того, что выражение его было более мирным и спокойным, чем возможно в молодости, и казалось, что он спит.

Постояв некоторое время в молчании рядом с герцогом, Имрагил спросил:

— Где Правитель? И где Митрандир?

— Правитель Гондора в Лечебницах, — ответил один из стражей.

А Эомир спросил:

— Где моя сестра, госпожа Эовин? Ведь она должна бы лежать вместе с герцогом и, конечно, не с меньшим почётом. Где поместили её?

— Но госпожа Эовин была ещё жива, когда её несли сюда, — ответил Имрагил. — Ты не знал?

Тогда в сердце Эомира с такой силой вспыхнула внезапная надежда, а вместе с ней забота и грызущий страх, что он, не сказав ничего больше, повернулся и покинул зал; принц последовал за ним. Пока они шли, свечерело, и звёзды высыпали в небе. И тут появился Гэндальф и с ним ещё кто-то, одетый в серое, и они встретились с Эомиром и Имрагилом перед дверями Лечебниц. Те приветствовали Гэндальфа и сказали:

— Мы ищем Правителя, и люди говорят, что он в этом доме. Неужели, он ранен? И госпожа Эовин, где она?

Гэндальф ответил:

— Она лежит здесь и не мертва, хотя близка к смерти. А господин Фарамир, как вы слышали, был ранен пагубной стрелой, и в настоящее время Правитель он, потому что Денетор скончался и дом его в пепле.

И он рассказал им, что знал. Горе и удивление охватили принца и Эомира при этих вестях. Но Имрагил сказал:

— Итак, победа лишена сопутствующей ей радости, и тем дороже куплена она, что и Ристания и Гондор в один день потеряли своих владык. Ристанийцы подчиняются Эомиру. Но кто тем временем будет править Городом? Не послать ли нам немедленно за господином Арагорном?

Тут заговорил человек в плаще:

— Он пришёл.

И когда он вступил в свет от фонаря у двери, они увидели, что это был Арагорн, закрывший кольчугу серым плащом Лориэна и не имеющий других знаков, кроме зелёного камня Галадриэли.

— Я пришёл по просьбе Гэндальфа, — сказал он. — Но пока я не более, чем капитан дунедайнов Арнора, и до тех пор, пока не проснётся Фарамир, Городом будет править Владыка Дол Амрота. Однако мой совет — пусть Гэндальф руководит всеми нами в грядущие дни в том, что касается нашей борьбы с Врагом.

На этом и порешили.

Затем Гэндальф сказал:

— Не будем стоять перед дверью, ибо время не ждёт. Войдёмте! Потому что только в появлении Арагорна осталась надежда для больных, лежащих в этом доме. Мудрая гондорка Иорет сказала: "Руки короля — руки целителя, и так может быть узнан истинный король".

Тогда Арагорн вошёл первым, остальные последовали за ним. У дверей были два стража в одеждах Цитадели: один высокий, другой ростом с мальчика, который, увидев входящих, удивлённо и радостно закричал:

— Бродяжник! Вот здорово! Знаешь, я ведь догадался, что это ты на чёрных кораблях. Но они все орали "Корсары!" и не слушали меня. Как тебе это удалось?

Арагорн рассмеялся и взял хоббита за руку.

— Превосходная встреча! — сказал он. — Но сейчас совсем не время для дорожных рассказов.

А Имрагил тихонько спросил у Эомира:

— Мы что же, должны так обращаться к нашему королю? Но, может быть, он примет корону под каким-нибудь другим именем?!

Арагорн, услышавший его, повернулся и сказал:

— Истинно так, потому что на высоком языке древности я Элессар, Эльфийский Камень, и Энвиниатар, Обновитель. — И он приподнял лежащий на его груди зелёный камень. — Но Бродяжник будет именем моего дома, если он когда-либо будет основан. На высоком языке это будет звучать не так плохо, и Телконтаром буду зваться я и все мои потомки.

С этими словами он вошёл в Лечебницы, и, пока они шли к комнатам, в которых ухаживали за больными, Гэндальф поведал о деяниях Эовин и Мериардока.

— Ибо, — пояснил он, — я долго стоял рядом с ними, и сначала они много говорили в своём сне, прежде чем погрузились в губительную тьму. Кроме того, мне дано видеть многое, что совершается вдали.

Сначала Арагорн пошёл к Фарамиру, затем к госпоже Эовин и, наконец, к Мерри. Взглянув на лица больных и увидев их раны, он вздохнул.

— Тут понадобится вся сила, данная мне, и всё мое искусство, — сказал он. — Если бы здесь был Элронд! Поскольку нет в нашем роду никого старше и могущественнее его.

Эомир, видя его усталость и огорчение, заметил:

— Быть может, ты отдохнёшь сперва или, по крайней мере, поешь немного?

Но Арагорн ответил:

— Нет, так как для этих троих время истекает, и особенно быстро для Фарамира. Откладывать нельзя.

Потом он позвал Иорет и спросил:

— Есть ли у вас в этом доме запасы целебных трав?

— Да, господин, — ответила она, — но недостаточные, по моему мнению, для всех, кому они могут понадобиться. И между тем я определённо не знаю, где мы достанем ещё, потому что всё идёт не так, как следует, в эти страшные дни с огнями и пожарами, и так мало пареньков, которые бегают по поручениям, и все пути перекрыты. И ни один воз не приходил на рынок из Лоссарнаха бог знает сколько времени! Но с тем, что у нас есть, мы делаем в этом доме всё, что можем, о чём, я уверена, ваше величество охотно узнает.

— Об этом я буду судить, когда увижу, — сказал Арагорн. — Но тут недостаёт ещё одной вещи, а именно, времени для разговоров. У вас есть ацелас?

— Определённо я не знаю, господин, — ответила она. — По крайней мере, не под этим именем. Я схожу спросить знатока трав: он знает все старые названия.

— Её зовут также королевским листом, — сказал Арагорн, — и, может быть, вы знаете её под этим именем, потому что в эти поздние дни селяне называют её именно так.

— Ах, это! — отозвалась Иорет. — Что ж, если ваша светлость назвали бы её так сразу, я могла бы ответить вам. Нет, определённо, её у нас нет. Как же так, я никогда не слышала, что

она обладает большой силой, и я так часто говорила моим сёстрам, когда мы проходили сквозь заросли этой травы в лесах. "Королевский лист! — говорила я. — Вот непонятное имя, и меня удивляет, почему её зовут так, потому что, если б я была королём, в моих садах были бы растения поярче". Однако когда её растираешь, она ароматно пахнет, правда? Если "ароматно" подходящее слово; быть может, "целебно" ближе.

— Именно целебно, — сказал Арагорн. — И сейчас, дама, если вы любите господина Фарамира, бегите так же быстро, как ваш язык, и принесите мне королевский лист, если в Городе найдётся хоть один листочек.

— А если нет, — сказал Гэндальф, — я поскачу с Иорет за спиной в Лоссарнах, и она отведёт меня там в леса, а не к своим сёстрам. И Тенегон покажет ей, что значит спешить.

Когда Иорет ушла, Арагорн приказал остальным женщинам вскипятить воду. Потом он взял руку Фарамира в свою, а другую положил на лоб больного. Лоб был покрыт испариной, но Фарамир не шевелился и не подавал ни знака, и казалось, едва дышал.

— Он почти на пределе, — сказал Арагорн, обращаясь к Гэндальфу, — но это не от раны. Смотри! Она заживает. Будь он пронзён стрелой назгула, как ты считал, он умер бы той же ночью. По-моему, эта рана нанесена стрелой южанина. Кто извлёк её? Её сохранили?

— Я вытащил её, — отозвался Имрагил, — и остановил кровь. Но стрелы я не сохранил, потому что у нас было много других дел. Насколько я помню, это была именно такая стрела, какими пользуются южане. Тем не менее, я полагаю, что она слетела из Тени наверху, иначе его жар и болезнь непонятны: рана неглубока и несерьёзна. Как иначе вы можете объяснить это?

— Усталость, горе, вызванное настроением отца, рана и сверх того Чёрное Дыхание, — ответил Арагорн. — Он человек нестигаемой воли, потому что он уже ехал под самой Тенью ещё до того, как поскакал в битву на внешние стены. И тьма должна была медленно наползать на него уже тогда, когда он сражался, пытаясь удержать свои внешние позиции. Если бы я мог быть здесь раньше!

Тем временем вошёл знаток трав.

— Ваша светлость спрашивали про королевский лист, как его называют селяне, — сказал он, — или ацелас на благородном языке, или для тех, кто знает кое-что о валенорских...

— Спрашивал, — перебил Арагорн. — И меня не заботит, скажете ли вы сейчас азёа аранион или королевский лист, в том случае, если он у вас есть.

— Прошу прощения, господин! — сказал человек. — Я вижу, вы не просто полководец, но и учёный муж. Однако, увы, сир! Мы не держим этой травы в Лечебницах, где заботятся только о тяжелобольных или раненых. Ибо, насколько мы знаем, она не обладает никакой силой, исключая, возможно, способности освежать заражённый воздух или прогонять небольшое проходящее уныние. Если только, конечно, вы не захотите уделить внимания старым строкам, которые до сих пор повторяют, не понимая, такие женщины, как наша добрая Иорет:

Когда дохнёт смертоносная тень
Чёрным дыханьем своим,
Когда исчезнут все лучи,
Приди, ацелас, приди!
Ты гибнущим жизнь бы дала,
Лёжа в руках короля!

Но это просто плохие стихи, искажённые, боюсь, памятью старых женщин. Смысл их я оставляю на ваше суждение, если только в них действительно есть хоть какой-нибудь. Но старики всё ещё пользуются настоем этой травы от головной боли.

— Тогда, именем короля, ступай и найди какого-нибудь старика, менее знающего, но более мудрого, который хранит немного листа в своём доме! — воскликнул Гэндальф.

Теперь Арагорн стоял на коленях рядом с Фарамиром и держал руку на его лбу. И наблюдавшие чувствовали, что происходит какая-то великая борьба, потому что лицо Арагорна посерело от усталости, и он снова и снова звал Фарамира по имени, но каждый раз всё менее слышно для них, словно сам Арагорн удалялся и всё дальше заходил вглубь некой тёмной долины, зовя потерявшегося.

И вот, наконец, вбежал Бергил, неся в полотняном свёртке шесть листьев.

— Вот королевский лист, сир, — сказал он. — Но боюсь, что не свежий. Его собрали по меньшей мере две недели назад. Надеюсь, он сгодится, сир?

И тут, взглянув на Фарамира, он разразился слезами.

Но Арагорн улыбнулся.

— Сгодится, — сказал он. — Худшее уже позади. Остайся, и успокойся!

Затем, взяв два листа, он положил их на ладони, подышал на них, а потом раскрошил, и сразу же комнату наполнила живящая свежесть, будто сам воздух пробудился и зазвенел, сбрызнутый весельем. Потом Арагорн бросил листья в принесённый ему котелок с кипящей водой, и сразу же все сердца стали более лёгкими, ибо исходящее от них благоухание было подобно воспоминанию о росистом утре с незамутнённым солнечным светом в некой стране, для которой сам прекрасный весенний мир — лишь мимолётное воспоминание. А Арагорн встал, словно исполнившись новых сил, и глаза его улыбались, когда он поднёс котелок к лицу спящего Фарамира.

— Ну и чудеса! Кто мог предположить это? — сказала Иорет стоящим рядом с ней женщинам. — Аромат лучше, чем я думала. Он напоминает мне о розах в Имлот Мелуи, когда я была девушкой, и никакой король не мог бы пожелать лучших.

Неожиданно Фарамир вздрогнул, открыл глаза и посмотрел на склонившегося над ним Арагорна, и в глазах его зажёгся свет узнавания и любви, и он тихо проговорил:

— Вы звали меня, мой господин. Я пришёл. Что прикажет король?

— Не блуждай больше в тенях и проснись! — сказал Арагорн. — Ты устал. Отдохни немного, и поешь, и будь готов к моему возвращению.

— Буду, господин, — ответил Фарамир. — Ибо кто стал бы лежать празднично, когда король возвратился?

— В таком случае, прощай пока! — сказал Арагорн. — Я должен идти к другим нуждающимся во мне.

И он вместе с Гэндальфом и Имрагилом покинул комнату, но Берегонд и его сын, неспособные сдержать свою радость, остались. Пин, который выходил вслед за Гэндальфом, услышал, закрывая дверь, возглас Иорет:

— Король! Вы слышали это? Что я говорила? Я сказала — руки целителя!

И вскоре слова о том, что среди них действительно появился король и после войны он принёс исцеление, вышли за пределы дома, и новость эта побежала по Городу.

А Арагорн пришёл к Эовин и сказал:

— Тут и тяжёлый удар, и тягостная рана. Сломанную руку лечат правильно, и в должное время она срастётся, если Эовин имеет силы жить. Сломана рука со щитом, но основное зло

идёт через руку с мечом. Именно она выглядит сейчас безжизненной, хотя и не сломана.

Увы! Ибо Эовин достался противник, непосильный для её духа и тела. Крепче стали должны быть те, кто поднимает оружие на подобного врага, чтобы самый их удар не уничтожил их. Зла судьба, направившая её этой тропой. Потому что она — прекрасная дева, красивейшая госпожа из всех урождённых королев. И всё же я не знаю, как мне следовало бы говорить о ней. Когда я впервые взглянул на Эовин и понял, как она несчастна, мне показалось, что я вижу белый цветок, стоящий прямо и гордо, изящный, как лилия, но при этом я знал, что он твёрд, словно выкованный кузнецами-эльфами из стали. Но, может быть, то был мороз, который превратил его жизненные соки в лёд, и он стоял так, горько пахнувший, всё ещё прекрасный на вид, но обречённый вскоре пасть и умереть? Ведь её болезнь началась задолго до этого дня, не так ли, Эомир?

— Меня поражает, что ты спрашиваешь меня, господин, — ответил он. — Поскольку я считаю тебя безупречным в подобных вещах, как и во всём прочим; но я не знал, что сестра моя Эовин была тронута каким-либо морозом, пока она впервые не посмотрела на тебя. В дни Злоречива и чар над герцогом забота и страх висели над ней, как и надо мной, и она ухаживала за герцогом со всё возрастающей боязнью. Но это не могло привести её к подобному кризису!

— Друг мой, — сказал Гэндальф. — У тебя были кони, и армейские дела, и вольные степи; однако она, рождённая в теле девы, обладала духом и храбростью по меньшей мере под пару твоим и при этом была обречена бдеть над стариком, которого любила, словно отца, и наблюдать, как он впадает в старческое слабоумие. И доля её казалась ей более неблагодарной, чем доля посоха, на который он опирался.

Ты думаешь, что у Злоречива был яд только для ушей Теодена? "Выживший из ума старик! Что такое Дом Эорла, как не конюшня, крытая соломой, в которой в чаду пьянствуют разбойники, а их отродья катаются по полу среди собак?" Ты не слыхал этих слов прежде? Их сказал Саруман, наставник Злоречива. Хотя я не сомневаюсь, что дома Злоречив обрекал их смысл в выражения более ловкие. Господин мой, если бы сестринская любовь к вам и долг, всё ещё привязывавшие её к дому, не замыкали её уст, вы могли бы услышать, как с них срываются даже такие вещи, как эти. Но кто знает, что говорила она во тьме, в одиночестве, в горьком ночном бдении, когда вся жизнь казалась проходящей мимо, а стены её комнаты теснились вокруг, словно клетка для дикого зверя?

Тогда Эомир замолчал и посмотрел на сестру, будто заново перебирая в памяти все дни их прошлой жизни вместе. Но Арагорн сказал:

— Я видел то же, что и ты, Эомир. Среди злых забот этого мира мало более горьких и позорных для мужского сердца несчастий, чем увидеть безответную любовь столь прекрасной и превосходной госпожи. С тех пор, как я покинул её в отчаянии в Сироколье и поскакал к Тропам Мёртвых, горе и жалость не оставляли меня, и сильнее, чем страх перед той дорогой, была боязнь того, что может случиться с ней. И всё же я говорю тебе, Эомир, что тебя она любит более искренне, чем меня, потому что тебя она любит и знает, а во мне любит лишь тень и мечту — надежду на подвиги, и славу, и страны, далёкие от степей Ристании.

Быть может, мне хватит силы исцелить её тело и отозвать её из тёмной долины. Но к чему проснётся она — к надежде, забвению или отчаянию — я не знаю. И, если к отчаянию, то он умрёт, разве только не придёт иное исцеление, которого я не могу дать. Увы! Потому что деяния её поставили Эовин среди самых прославленных королев.

Тут Арагорн замолчал и всмотрелся в её лицо, которое действительно было белым, как лилия, холодным, как лёд, и твёрдым, словно высеченное из камня. Затем он наклонился, поцеловал её в лоб и тихо позвал:

— Эовин, дочь Эомунда, проснись! Ибо враг твой скончался!

Она не дрогнула, но дыхание её теперь снова стало глубже, так что грудь под белым холстом простыни поднималась и опускалась. Ещё раз растёр Арагорн два листа ацелас и кинул их в кипящую воду, затем смочил этой водой её лоб и правую руку, которая лежала на покрывале, холодная и неподвижная.

И тут показалось, стоявшим рядом — то ли потому, что Арагорн действительно обладал некой забытой силой Заокраинного Запада, то ли причиной были его слова о госпоже Эовин — что, когда благоухание травы заполнило комнату, в окно дунул свежий ветер, несущий не аромат, но воздух, полный свежести, чистоты и молодости, словно он ещё не вдыхался живыми существами, но, только что созданный, слетел с высоких снежных вершин под звёздным куполом или донёлся с дальних серебряных побережий, омываемых морской пеной.

— Проснись, Эовин, госпожа Ристании! — повторил Арагорн. Затем он взял её правую руку в свою и почувствовал, что в неё возвращается тепло вместе с жизнью. — Проснись! Тень сгинула, и вся тьма рассеялась!

Потом он вложил её руку в руку Эомира и отступил.

— Позови её! — сказал он и молча покинул комнату.

— Эовин! Эовин! — воскликнул Эомир сквозь слёзы.

А она открыла глаза и сказала:

— Эомир! Какая радость! Ведь говорили, что ты убит. Но нет, то были лишь мрачные голоса в моём сне. Долго ли я спала?

— Недолго, сестра, — ответил Эомир. — Но не думай больше об этом!

— Я странно устала, — проговорила она. — Мне нужно отдохнуть немного. Но скажи, что с Владыкой Герцогства? Увы! Не говори мне, что это был сон, потому что я знаю, что это не так. Он умер, как и предвидел.

— Он мёртв, — подтвердил Эомир. — Но он просил меня передать прощальный привет Эовин, которая была ему дороже дочери. Он лежит сейчас с великим почётом в Цитадели Гондора.

— Это прискорбно, — отозвалась Эомир, — и всё же это лучше всего, на что я осмеливалась надеяться в тёмные дни, когда казалось, что Дом Эорла стал менее славен, чем какая-нибудь пастушья овчарня. А что с оруженосцем герцога, невысокликом? Эомир, ты должен сделать его рыцарем Ристании, ибо он доблестен!

— Он лежит поблизости, в этом доме, и я пойду к нему, — ответил Гэндальф. — Эомир пока останется здесь. Однако не говори о войне и горе, пока ты опять не поправишься. Великая радость видеть тебя, столь доблестную госпожу, пробудившуюся вновь к здоровью и надежде!

— К здоровью? — произнесла Эовин. — Может быть, так. По крайней мере, пока здесь есть пустые сёдла павших всадников, одно из которых я могу занять, и есть то, что надо совершить. Но к надежде? Я не знаю.

Гэндальф с Пином прошли в комнату Мерри, и здесь они нашли Арагорна, стоящего у кровати.

— Бедный старина Мерри! — воскликнул Пин и бегом бросился к нему, потому что ему показалось, что друг выглядит хуже и лицо его посерело, словно на нём лежат многие годы горя; и Пина охватил внезапный страх, что Мерри умрёт.

— Не пугайся, — сказал Арагорн. — Я пришёл вовремя, и я вызвал его назад. Сейчас он устал и охвачен горем, и, осмелившись ударить то смертоносное создание, понёс такой же урон, что и госпожа Эовин. Но это зло может быть исправлено, настолько весел и силен его дух. Горе своё он не забудет, но оно не затемнит его сердца, а лишь умудрит его.

Потом Арагорн опустил руку на голову Мерри и, ласково проведя по его каштановым

кудрям, коснулся век и позвал его по имени. И, когда благоухание ацелас незаметно разлилось по комнате, словно аромат фруктового сада и медового вереска в солнечном свете, над которым жужжат пчёлы, Мерри внезапно проснулся и сказал:

— Я голоден. Сколько времени?

— Ужин уже кончился, — ответил Пин, — хотя, ручаюсь, я смог бы принести для тебя чего-нибудь, если мне разрешат.

— Непременно разрешат, — сказал Гэндальф, — как и любую вещь, какую только пожелает этот Всадник Ристании, если только она найдётся в Минас Тирите, где его имя в почёте.

— Отлично! — сказал Мерри. — Тогда я сперва охотно получил бы ужин, а затем трубку. — Тут лицо его омрачилось. — Нет, не трубку. Не думаю, что я буду курить снова.

— Почему? — спросил Пин.

— Так, — медленно проговорил Мерри. — Он умер. Мне всё вспомнилось. Он сказал, что ему жаль, что ему никогда уже не представится возможности потолковать со мной об истории табака. Почти последнее, что он сказал. Я никогда не смогу курить снова без того, чтобы не думать о нём и о том дне, Пин, когда он прискакал в Скальбург и был так любезен.

— Тогда кури и думай о нём! — сказал Арагорн. — Потому что он был добросердечен, и был великим герцогом, и исполнил свои клятвы, и поднялся из теней к последнему прекрасному утру. Хотя твоя служба ему была коротка, она будет для тебя радостным и почётным воспоминанием до конца твоих дней.

Мерри улыбнулся.

— Тогда ладно, — сказал он. — Я буду курить и думать, если Бродяжник обеспечит всё необходимое. У меня в сумке оставалось кое-что от Сарумановского лучшего, но я понятия не имею, что случилось с ней в битве.

— Мастер Мериардок, — возразил Арагорн. — Если вы полагаете, что я прошёл через горы и королевство Гондора с огнём и мечом для того, чтобы принести табачка беззаботному солдату, который бросает свой скарб, вы ошибаетесь. Если твоя сумка не найдётся, тогда пошли за знатоком трав этих Лечебниц. И он сообщит тебе, что он не знает, чтобы трава, которую ты просишь, обладала каким-нибудь достоинством, но что её называют западный бурьян по-простому и галенас по-благородному и ещё массой имён на других, более учёных языках, и, добавив несколько полузабытых строк, которых он не понимает, он, полный сожаления, сообщит тебе, что ничего подобного нет в доме, и оставит тебя размышлять над историей языков. Как придётся поступить и мне. Потому что я не спал в такой, как эта, кровати с тех пор, как ускакал из Сироколья, и не ел с тех пор, как тьма пришла перед рассветом.

Мерри схватил его руку и поцеловал.

— Мне ужасно жаль, — сказал он. — Иди сейчас же! С той ночи в Бри мы вечно доставляем тебе одни неприятности. Но в подобных случаях мы всегда болтаем всякую чепуху и говорим даже меньше, чем значит этот пустой трёп. Мы боимся сказать лишнее. И это мешает нам подобрать подходящие слова даже там, где шутка неуместна.

— Я хорошо знаю это, иначе не обращался бы с тобой тем же образом, — ответил Арагорн. — Да процветает Шир вечно!

И, поцеловав Мерри, он вышел, и Гэндальф вышел вместе с ним.

Пин остался.

— Ну есть ли ещё кто-нибудь, подобный ему? — сказал он. — Не считая Гэндальфа, конечно. По-моему, они должны быть в родстве. Мой дорогой осёл! Твоя сумка лежит рядом с твоей кроватью, и она была у тебя на спине, когда я встретил тебя. Конечно, он всё время видел

её. Да в любом случае, у меня у самого найдётся немного зелья. А ну, налетай! Это лист из Длинной Поймы. Набивай, пока я сбегаю за чем-нибудь съедобным. А потом давай-ка спокойно поужинаем. Ужасно! Мы, Кролы и Брендизайки не в состоянии долго жить одним высоким.

— Нет, — подтвердил Мерри, — я точно не могу. Во всяком случае, не сейчас. Но, по крайней мере, мы теперь научились видеть это высокое, Пин, и уважать его. Наверное, лучше всего начинать с любви к тому, что тебе подходит: в смысле, надо же иметь какую-то исходную точку и какие-то корни, а почва Хоббитании глубока. Но есть вещи и глубже, и выше, и никакой старик не смог бы возделывать свой садик в том, что он называет покоем и миром, если бы не они, неважно, знает он о них или нет. Я счастлив, что теперь знаю о них хоть немного. Однако не понимаю, что это я разболтался подобным образом? Где твой лист-то? И достань из сумки мою трубку, если она не сломалась.

Тем временем Арагорн и Гэндальф пошли к Смотрителю Лечебниц и посоветовали оставить Фарамира и Эовин здесь и окружить их заботой ещё на много дней.

— Госпожа Эовин, — сказал Арагорн, — захочет вскоре встать и уйти, но не позволяйте ей этого, если сможете как-нибудь удержать её, пока не пройдёт по меньшей мере десять дней.

— А что касается Фарамира, — сказал Гэндальф, — он должен вскоре узнать, что его отец мёртв. Но не рассказывайте ему подробно о безумии Денетора, пока он вполне не поправится и не приступит к своим обязанностям. Следите, чтобы Берегонд и периан, которые присутствовали при этом, не говорили с ним сейчас о подобных вещах!

— А как другой периан, Мериардок, состоящий под моей опекой, что о нём? — спросил Смотритель.

— Похоже, что завтра он сможет ненадолго встать, — ответил Арагорн. — Позволь ему сделать это, если захочет. Пусть немного погуляет под присмотром своих друзей.

— Поразительный народ, — сказал Смотритель, покачивая головой. — По-моему, с исключительно крепкими нервами.

У дверей Лечебниц уже собралась толпа, чтобы посмотреть на Арагорна, которая последовала за ним; и когда он наконец поужинал, пришли люди, умоляя его исцелить их родичей или друзей, чьи жизни находились в опасности от ушибов и ран, или тех, кто лежит под Чёрной Тенью. И Арагорн поднялся, и вышел, и послал за сыновьями Элронда, и они работали вместе далеко за полночь. И молва прокатилась по Городу: "Король действительно возвратился". И его называли Эльфийским Камнем по зелёному камню, который был у Арагорна, и так имя, о котором было предсказано при рождении сына Арахорна, что он будет носить его, было избрано для него его народом.

Когда Арагорн не смог работать дальше, он закутался в плащ, выскользнул из Города, добрался до своей палатки уже перед самым рассветом и поспал немного. А утром на Башне затрепетал стяг Дол Амрота: белый, похожий на лебедя, корабль на синей воде. И люди глядели вверх, спрашивая себя, не было ли возвращение Короля просто сном.

Глава IX

Последний совет

После дня битвы настало утро, и оно было прекрасно: с лёгкими облаками и западным ветром. Леголас и Гимли вышли рано и попросили разрешения подняться в Город, потому что им не терпелось повидать Мерри и Пина.

— Приятно узнать, что они ещё живы, — заметил Гимли, — потому что они стоили нам

великих трудов, потраченных на бросок через Ристанию, и мне не хотелось бы, чтобы такие усилия пропали даром.

Эльф и гном вместе вошли в Минас Тирит, и встречный народ дивился при виде этой пары, ибо лицо Леголаса было прекраснее, чем могли представить себе люди, и он шёл в свете утра танцующей походкой, распевая чистым голосом эльфийские песни, а Гимли важно шествовал рядом с ним, поглаживая бороду и глаза по сторонам.

— Тут неплохая каменная кладка, — сказал он, посмотрев на стены. — Но есть и похуже, да и улицы можно было бы проложить поудачнее. Когда Арагорн вступит во владение, я предложу ему услуги горных каменотёсов, и мы сделаем это городом, которым можно гордиться.

— Им нужно больше садов, — заметил Леголас. — Дома мертвы, и здесь слишком мало того, что растёт и радуется. Если Арагорн вступит во владение, лесной народ принесёт ему певчих птиц и деревья, которые не умрут.

Наконец они явились к принцу Имрагилу, и Леголас взглянул на него и низко поклонился, так как понял, что перед ним действительно тот, в чьих жилах течёт кровь эльфов.

— Привет тебе, господин! — сказал он. — Много времени прошло с тех пор, как народ Нимродели покинул леса Лориэна, и всё же, как видно, не все ещё уплыли к западу из гавани Амрота.

— Так говорят предания моей земли, — ответил принц, — однако никто не встречал в ней никого из прекрасного народа уже бессчётные годы. И я поражён тем, что вижу одного из них здесь, среди войны и горя. Что привело тебя сюда?

— Я один из Девяти Путников, вышедших с Митрандиром из Имладриса, — сказал Леголас, — и вместе с этим гномом, моим другом, мы пришли с господином Арагорном. Но сейчас мы хотели бы повидать наших друзей, Мериардока и Перегрина, которые, как говорят, находятся на вашем попечении.

— Вы найдёте их в Лечебницах, и я отведу вас туда, — сказал Имрагил.

— Достаточно, если ты пошлешь кого-нибудь проводить нас, господин, — возразил Леголас, — потому что Арагорн просил передать тебе следующее: он не хочет снова входить в Город сейчас, однако капитанам необходимо срочно держать совет, и он просит, чтобы ты и Эомир из Ристании пожаловали как можно скорее в его шатёр. Митрандир уже там.

— Мы придём, — ответил Имрагил, и они учтиво распрощались.

— Это благородный господин и великий полководец людей, — заметил Леголас. — Если такие люди всё ещё встречаются в Гондоре в дни упадка, велика должна была быть его слава в дни подъёма.

— И вне всякого сомнения, что хорошие кладки — древние, и сделаны при первом строительстве, — отозвался Гимли. — С начинаниями людей всегда так: либо заморозки весной, либо засуха летом, — и вот ожидания обмануты.

— Однако редко начинания эти не приносят семян, — сказал Леголас. — И семена эти будут лежать в пыли и гнить, пока не дадут новых всходов... где и когда — непредсказуемо. Деяния людей переживут нас, Гимли.

— И всё же, в конце концов, сойдут на нет, оставив лишь пустые сожаления, я полагаю, — сказал Гимли.

— Этого эльфы не знают, — проговорил Леголас.

Тут появился слуга принца и отвёл их в Лечебницы, где они нашли своих друзей в саду, и встреча их была радостной. Некоторое время они гуляли и разговаривали, наслаждаясь короткой

мирной передышкой и утром в высоких, обдуваемых ветром кругах Города. Потом, когда Мерри устал, они пошли и сели на стене спиной к зелёной лужайке лечебниц, глядя на юг, на Андуин, который тёк перед ними, мерцая на солнце, и терялся даже от взгляда Леголаса в зелёной дымке широких равнин Лебении и Южной Итили.

И теперь, пока остальные продолжали разговаривать, Леголас замолк, неотрывно всматриваясь в солнечные дали, и вдруг увидел белых морских птиц, выующихся над Рекой.

— Смотрите! — воскликнул он. — Чайки! Они залетели далеко вглубь страны. Чудом кажутся мне они и тревожат моё сердце. За всю мою жизнь мне не доводилось встречать их, пока мы не попали в Пеларгир, и там, когда мы скакали в битву на кораблях, я услышал их крики в воздухе и застыл, забыв про войну в Средиземье, потому что их причитающие голоса говорили мне о Море. Море! Увы! Я ещё не видел его. Но глубоко в сердцах всего моего рода скрывается томление по морю, которое опасно шевелить. Увы! Эти чайки! Никогда вновь не обрести мне покоя под буком или ильмом.

— Не говори так! — взволнованно произнёс Гимли. — Ведь в Средиземье есть ещё бессчётное множество вещей, на которые стоит посмотреть, и многое, что предстоит сделать! Но если весь прекрасный народ уйдёт к Гаваням, тусклым станет мир для тех, кто обречён остаться.

— Тусклым и совершенно унылым! — подтвердил Мерри. — Ты не должен уходить к Гаваням, Леголас. Здесь всегда будет какой-нибудь народ, большой или малый, и даже некоторые мудрые гномы, вроде Гимли, которым вы нужны. По крайней мере, я надеюсь на это. Хотя каким-то образом чувствую, что худшее в этой войне ещё впереди. Как бы я хотел, чтобы всё кончилось, и кончилось хорошо!

— Не надо так мрачно! — воскликнул Пин. — Солнце светит, и, в конце концов, мы здесь все вместе на день или на два. Я хочу побольше услышать про вас всех. Ну же, Гимли! Вы с Леголасом уже дюжину раз за это утро помянули про ваше странное путешествие с Бродяжником, но так ничего мне толком и не рассказали.

— Солнце-то, может, тут и светит, — пробурчал Гимли, но воспоминания об этом пути таковы, что я не хочу вызывать их из тьмы. Знай я, что мне предстоит, думаю, что никакая дружба не завела бы меня на Тропы Мёртвых.

— Тропы Мёртвых? — переспросил Пин. — Я слышал, что Арагорн говорил про них, но совершенно не понял, что он имел в виду. Ты не расскажешь нам чуточку подробнее?

— Не хотелось бы, — сказал Гимли. — Потому что на том пути я сгорел со стыда, я, Гимли, сын Глоина, который считал себя более выносливым, чем люди, и более бесстрашным под землёй, чем любой эльф. Но оказалось, что то и другое — пустое хвастовство, и выдержал я только благодаря воле Арагорна.

— И любви к нему тоже, — добавил Леголас. — Ибо каждый, кто знакомится с ним, начинает любить его на свой лад, даже холодные девы Ристании. Ранним утром, за день до того, как ты попал туда, Мерри, мы оставили Сироколье, и такой страх владел всем народом, что никто не пришёл взглянуть на наш отъезд, кроме госпожи Эовин, которая лежит теперь раненая в доме позади. Горьким было это прощание, и я горевал, глядя на него.

— Увы! Я думал только о себе, — произнёс Гимли. — Нет! Я не желаю говорить об этом путешествии.

Он замолк, но Пин и Мерри так настаивали на подробностях, что Леголас, наконец, не выдержал.

— Я расскажу вам достаточно, чтобы успокоить вас, потому что я не испытывал ужаса и не страшился призраков людей, бесплотных и бессильных по моему суждению.

Затем он вкратце рассказал об охраняемой призраками дороге под горами и о встрече во

тьме у Эреха и великой скачке оттуда за девяносто три лиги к Пеларгиру на Андуйне.

— Четыре ночи и четыре дня, и ещё пятую ночь скакали мы от Чёрного Камня, — сказал он. — И странно! Во тьме из Мордора моя надежда разгоралась, ибо казалось, что Призрачное войско крепло в этом мраке и становилось на вид более грозным. Я видел, что одни тени скакали верхом, другие шагали, однако все двигались одинаково стремительно. Безмолвны были они, но глаза их горели. В нагорьях Ламедона они нагнали наших лошадей и помчались вокруг нас и пронеслись бы мимо, если бы Арагорн не запретил им.

По его приказу они отошли назад. "Даже тени людей повинуются его воле, — подумал я. — Теперь они, пожалуй, способны помочь нам!"

Один день мы скакали при свете, а потом пришёл день без рассвета, но мы продолжали скакать вперёд, пересекли Кирил и Рингло, и на третий день добрались до Лингира у устья Гилрейна. Там люди Ламедона обороняли броды от свирепого народа Умбара и Харада, которые поднялись на кораблях вверх по реке. Но и враги, и защитники бросили сражаться и бежали при нашем появлении, крича, что на них идёт Король Мёртвых. Только Ангбору, Владыке Ламедона, хватило храбрости дожждаться нас, и Арагорн велел ему собрать людей и последовать, если осмелятся, за нами, когда пройдёт Серое Войско.

"Вы понадобятся потомку Исилдура под Пеларгиром", — сказал он.

Вот так мы перешли Гилрейн, считая бегущих перед нами союзников Мордора, а потом немного передохнули. Но вскоре Арагорн поднялся, сказав: "Слушайте! Минас Тирит уже осаждён. Боюсь, он падёт прежде, чем мы придём ему на помощь". Поэтому мы снова, ещё до исхода ночи, оседлали коней и помчались вперёд по равнинам Лебении со всей скоростью, какую только могли выдержать наши лошади.

Леголас замолк, вздохнул и, обратив глаза к югу, тихонько пропел:

Рек серебро струится светло из Келоса в Эруи,
Высокие травы поля покрывают зелёной Лебении!
И ветер с моря волнует, качает
Белые лилии,
И золотистые мальвы кивают
В зелёной Лебении,
В морском дуновении!

— Зелены те поля в песнях моего народа, но темны были они тогда: серые пустоши в черноте перед нами. И по этим широким равнинам, пуская под копыта цветы и траву, гнали мы наших врагов день и ночь, пока, в конце концов, не достигли на горе Великой реки.

В глубине сердца я подумал тогда, что мы приближаемся к Морю, ибо безбрежной казалась вода в темноте и бесчисленные морские птицы кричали на её берегах. Увы! Причитания чаек! Не говорила ли Владычица, что мне следует остерегаться их? И теперь я не в силах забыть их!

— А я вот не обратил на них внимания, — вмешался Гимли, — потому что тут-то мы и попали, наконец, в серьёзное сражение. Там, у Пеларгира, стоял основной флот Умбара: пятьдесят больших кораблей и масса более мелких судов. Многие из тех, кого мы преследовали, добрались до гаваней прежде нас, принеся с собой страх, и некоторые корабли уже отчалили, чтобы уйти вниз по реке или на тот берег, а малые суда по большей части просто подожгли. Но харадримцы, прижатые теперь к обрывистому берегу, повернулись к нам лицом — а в отчаянии они свирепы — и, посмотрев на нас, захохотали, потому что всё ещё составляли великую армию.

Но Арагорн остановился и громко крикнул: "Теперь вперёд! Во имя Чёрного Камня я зову вас!" И внезапно Призрачное Войско, державшееся позади, хлынуло, как серый прилив, сметая перед собой всё. Я слышал слабые крики и отзвук рогов, и ропот, как от бессчётных голосов: это было похоже на эхо какой-то забытой битвы в давно минувшие Чёрные годы. Вылетели из ножен бледные мечи, но я не знаю, могли ли их клинки ещё разить, поскольку мёртвым не нужно иного оружия, кроме страха. Никто не пытался сопротивляться им.

Они появились на каждом корабле, вытащенном на берег, и прошли по воде к стоящим на якоре судам, и все моряки обезумели от ужаса и попрыгали за борт, за исключением прикованных к вёслам рабов. Беспрепятственно мчались мы среди наших бегущих врагов, сметая их, словно листья, пока не очутились на берегу. И тогда Арагорн послал на каждый оставшийся корабль по одному из дунедайнов, чтобы они успокоили бывших на борту пленников и велели им оставить страх, так как теперь они свободны.

Прежде чем кончился тот тёмный день, не осталось ни одного сопротивляющегося нам врага: все утонули или бежали к югу, надеясь добраться до своих земель посуху. Странно и дивно, подумалось мне, что планы Мордора были разрушены призраками страха и тьмы. Они были сокрушены его собственным оружием!

— Действительно странно! — сказал Леголас. — В тот час я смотрел на Арагорна и думал, каким великим и грозным Властелином мог он стать со своей силой воли, возьми он Кольцо себе. Не напрасно Мордор боится его. Но дух его благороднее, чем в состоянии постичь Саурон, ибо разве он не из детей Лучиэнь? Никогда, даже в бессчётной череде лет, не придёт этот род к упадку.

— Подобные предсказания не под силу гномам, — заметил Гимли. — Но воистину велик был Арагорн в тот день. Смотрите! Весь чёрный флот очутился в его руках; он выбрал для себя самый большой корабль и взошёл на него, а затем приказал играть на трубах, захваченных у врага, великий сбор, и Призрачное Войско стянулось к берегу. Они стояли там молча, еле видимые, исключая красное мерцание в глазах, которые отражали яркое пламя горящих кораблей. И Арагорн громко прокричал мёртвым:

"Слушайте слова потомка Исилдура! Ваша клятва исполнена. Возвращайтесь назад и не тревожьте более долин вовеки! Ступайте и отдыхайте!"

И тогда Король Мёртвых вышел вперёд, встал перед войском, сломал своё копье и бросил его. Затем он низко поклонился и повернул прочь, и мгновенно всё серое войско рассыпалось и исчезло, словно туман, унесённый внезапным порывом ветра, и мне показалось, что я очнулся от сна.

Это ночью мы отдыхали, пока другие работали, потому что там было много освобождённых пленников и выпущенных на волю рабов — гондорцев, захваченных при набегах; и ещё изрядное количество людей из Лебении и Этира, а вскоре пришёл Ангбор из Ламедона со всеми всадниками, каких он смог собрать. Теперь, когда страх перед мёртвыми исчез, все они явились помочь нам и посмотреть на потомка Исилдура, ибо молва об этом имени бежала, как огонь во тьме.

На этом наша история почти и кончается. Потому что за тот вечер и ночь было подготовлено и заполнено людьми множество кораблей, и на утро флот отчалил. Сейчас оно кажется давно прошедшим, однако то было утро позавчерашнего дня, шестого с тех пор, как мы усаkali из Сироколя. Но Арагорн по-прежнему боялся, что времени слишком мало.

"От Пеларгира до причалов Харлонда сорок две лиги, — сказал он. — Но в Харлонд мы должны попасть завтра, иначе всё будет потеряно".

Весла были теперь в руках свободных людей, и мужественно трудились они, но медленно, очень медленно поднимались мы вверх по Великой Реке, так как боролись с её течением, и хотя

там, на юге, оно не быстро, нам не помогал ветер. На сердце у меня было очень тяжело, несмотря на нашу победу в гаванях, пока Леголас неожиданно не рассмеялся.

"Выше бороду, сын Дарина!" — сказал он. — "Ибо недаром говорят: бывает, надежда приходит именно тогда, когда надеяться больше совершенно не на что". Но какую такую надежду он углядел, не пояснил. С приходом ночи тьма только сгустилась, и сердца наши обливались кровью, потому что далеко на севере мы увидели красное зарево под тучей, и Арагорн сказал: "Минас Тирит в огне".

Однако в полночь надежда действительно возродилась. Искусные мореходы Этира, глядя на юг, заговорили о перемене, приближающейся со свежим ветром с моря. Задолго до рассвета на мачты кораблей были подняты паруса, и наша скорость всё росла, пока утренний свет не побелил пену у носов кораблей. И вот так, как тебе известно, мы и появились в третий час утра с прекрасным ветром и вышедшим из-за туч солнцем, и развернули в сражении большой стяг. Это был великий день и великий час, что бы там ни произошло после.

— Что бы ни случилось потом, великие деяния не обесцениваются, — добавил Леголас. — Пройти по Тропам Мёртвых было великим подвигом, и таким он и останется, даже если в грядущие дни в Гондоре не останется никого, чтобы спеть об этом.

— Что очень может стать, — проворчал Гимли. — Потому что лица Арагорна и Гэндальфа мрачны. Мне очень интересно, о чём это они совещаются в шатрах, там, внизу? И мне, как и Мерри, хочется, чтобы с нашей победой эта война была бы уже позади. И всё же, что бы там ещё ни оставалось сделать, я надеюсь принять в этом участие за народ Одинокой горы.

— А я за народ Великого Леса, — сказал Леголас. — И во имя любви к Владыке Белого Древа.

Затем друзья замолчали, но некоторое время так и сидели на стене, занятые каждый своими собственными думами, пока полководцы совещались.

Расставшись с Леголасом и Гимли, принц Имрагил сразу послал за Эомиром, и они спустились с ним из Города и явились к палаткам Арагорна, которые были разбиты в поле близ того места, где пал герцог Теоден. И здесь они вместе с Гэндальфом, Арагорном и сыновьями Элронда держали совет.

— Господа, — сказал Гэндальф. — Выслушайте слова Правителя Гондора, сказанные им перед смертью: "Вы можете победить на полях Пеленнора на день, но против Силы, что поднялась ныне, нет победы". Я не советую вам отчаяться, как он, однако прошу тщательно взвесить истинность этих слов.

Смотровые Камни не лгут, и даже Властелин Барат-дура не может заставить их лгать. Возможно, он способен выбрать, что именно дозволено будет увидеть тем, кто слабее его мыслью, или заставить их ошибочно осознать увиденное. Но, тем не менее, не подлежит сомнению, что когда Денетор видел великие силы, собранные против него в Мордоре и непрерывно подходящие к ним пополнения, он видел то, что действительно происходит.

Наших сил едва хватило на то, чтобы отбить первый крупный штурм. Следующий будет сильнее. Следовательно, как совершенно справедливо понял Денетор, эта война безнадежна. Победа не может быть достигнута оружием, будете ли вы сидеть здесь, выдерживая осаду за осадой, или выступите, чтобы вражеские войска поглотили вас за Рекой. У вас есть только выбор между одним злом и другим, и благоразумие советовало бы вам укрепить имеющиеся у вас крепости и ждать атаки в них, ибо это позволило бы ненадолго отсрочить ваш конец.

— Так ты хочешь, чтобы мы отступили к Минас Тириту, или к Дол Амроту, или к Сироколью, и сидели там, словно дети в песчаных замках, когда поднимается прилив? — спросил Имрагил.

— Такой совет не нов, — сказал Гэндальф. — Не так ли, или чуть больше, делали вы во всё время правления Денетора? Но нет! Я сказал, что это было бы благоразумно. Я не советую руководствоваться благоразумием. Я сказал, что победа не может быть достигнута оружием. Я всё ещё надеюсь на победу, но не оружием. Ибо в центре всех этих замыслов — Кольцо Всевластия, фундамент Барат-дура и надежда Саурана.

Относительно этой вещи, господа, вы все теперь знаете достаточно, чтобы понять тяжесть нашего положения, и положения Саурана тоже. Если он вернёт его себе, наше мужество тщетно, и его победа будет быстрой и полной: настолько полной, что никто не может предвидеть конца её, пока длится этот мир. Если оно будет уничтожено, тогда он падёт, и падение его будет так низко, что никто не может предвидеть его очередного подъёма когда-нибудь в будущем. Ибо он утратит лучшую часть силы, присущей ему в его начале, и всё, что было сделано или начато с её помощью, рухнет, и он останется навеки калеккой, превратившись в обычного духа злобы, который вечно гложет себя во мраке, но не в состоянии вырасти вновь или оформиться. Так исчезнет великое зло этого мира.

Конечно, может явиться и иное зло, ибо Саурон сам лишь слуга или эмиссар. Однако наша задача — не управлять всеми течениями мира, а делать то, что в наших силах, употребив время, назначенное нам, для искоренения зла в полях, которые мы знаем, чтобы те, кто будут жить после, получили для вспашки чистую землю. Какая погода будет у них, решать не нам.

Итак, Саурон знает всё это, и он знает, что утраченное им сокровище снова нашлось, но он до сих пор не знает, где оно. По крайней мере, мы надеемся, что не знает. И потому сейчас он в великом сомнении. Поскольку, если мы нашли эту вещь, среди нас есть те, у кого достаточно сил, чтобы владеть ею. Это ему также известно. Ибо, разве не верна моя догадка, Арагорн, что ты показал ему себя в Камне Ортханка?

— Я поступил так до того, как ускакал из Горнбурга, — ответил Арагорн. — Мне казалось, что время пришло и что Камень попал ко мне именно с этой целью. Тогда минуло десять дней с тех пор, как Хранитель Кольца отправился с Рэроса на восток, и я подумал, что следовало бы отвлечь Глаз Саурана от его собственной страны. Слишком редко кидали ему вызов с тех пор, как он вернулся в свою Башню. Хотя, если бы я мог предвидеть, насколько быстр будет его ответный удар, возможно, я и не осмелился бы показать себя. Мало времени было оставлено мне, чтобы прийти вам на помощь.

— Но как же так? — спросил Эомир. — Ты сказал: всё тщетно, если он получит Кольцо. Почему же он тогда не считает напрасным наступление на нас, если мы владеем им?

— Он ещё не уверен, — ответил Гэндальф. — И он не склонен ждать, пока его враг придёт в себя и усилится, как поступали в своё время мы. Кроме того, мы не смогли бы понять за один день, как обрести полноту власти. Ведь владеть Кольцом может лишь один, не многие, и он предвидит время борьбы, прежде чем один из великих среди нас не подавит остальных, чтобы самому стать хозяином. В это время Кольцо может помочь ему, если он не станет медлить.

Он наблюдает. Он многое видит и многое слышит. Его назгулы всё ещё здесь. Перед рассветом они пронеслись над этим полем, хотя мало кто из усталых и спящих заметил их. Он изучает знаменья: заново откованный Меч, который некогда лишил его сокровища, ветер, удачно повернувший в нашу пользу, непредвиденная неудача его первого натиска и падение его великого Полководца.

Даже пока мы беседуем здесь, его сомнение растёт. Его Глаз теперь уставился на нас, слепой почти ко всему другому движению. И мы должны удержать его. В этом вся наша надежда. И потому мой совет таков. У нас нет Кольца. Мудро, или по великой глупости, оно было послано к уничтожению, чтобы оно не уничтожило нас. Без Кольца мы не можем силой сокрушить его силу. Но мы должны любой ценой отвлечь его Глаз от грозящей ему истинной

опасности. Мы не можем достичь победы оружием, но оружием мы можем дать Хранителю Кольца его единственный, пусть эфемерный, шанс.

Мы должны продолжить так, как начал Арагорн. Мы должны подтолкнуть Саурона к последнему броску. Мы должны вызвать его скрытые силы на себя, чтобы он опустошил собственную страну. Мы должны немедленно выступить навстречу ему. Мы должны стать наживкой, хоть его челюсти сомкнутся на нас. В алчности и надежде он схватит эту наживку, поскольку решит, что такая опрометчивость выдаёт гордость нового Властелина Кольца, и он скажет: "Так! Он вытянул свою шею слишком рано и слишком высоко. Пусть приходит, а там посмотрим. Я поймаю его в капкан, из которого он не сможет вырваться. Тут-то я и сокрошу его, и то, что он нагло присвоил, опять будет моим навеки".

Мы должны с открытыми глазами пойти в этот капкан, отважно, но почти без надежды для себя. Ибо, господа, очень может быть, что все мы погибнем чёрной битве далеко от живых стран, так что, даже если Барат-дур падёт, мы не доживём до того, чтобы увидеть новую эпоху. Но, по-моему, это наш долг. И лучше так, чем всё равно погибнуть — как мы неизбежно погибнем, если будем сидеть здесь, — и знать, умирая, что новой эпохи не будет.

Некоторое время все молчали. Наконец Арагорн заговорил:

— Как я начал, так я и продолжу. Мы подошли теперь к самому краю пропасти, где надежда и отчаяние — сродни. Дрогнуть — значит, пасть. Пусть же сейчас никто не отвергает советов Гэндальфа, чья долгая и трудная борьба против Саурона подвергнута теперь последней проверке, потому что без него всё было бы потеряно давным-давно. Но я не претендую сейчас на то, чтобы отдавать приказы кому-либо. Пусть каждый решает за себя.

Затем заговорил Элроил:

— Мы пришли с севера именно с этой целью и принесли от нашего отца Элронда точно такой же совет. Мы не повернём назад.

— Что касается меня, — сказал Эомир, — то мало известно мне обо всех этих глубоких предметах, но я не нуждаюсь в особых знаниях. Я знаю одно, и этого достаточно: как мой друг Арагорн пришёл на помощь мне и моему народу, так и я помогу, когда он позовет. Я пойду.

— Что касается меня, — произнёс Имрагил, — я признаю господина Арагорна моим сеньором, претендует он на это или нет. Его воля для меня закон. Я тоже пойду. Но временно я занимаю место Правителя Гондора, и мне надлежит в первую очередь думать о его народе. Благоразумию всё ещё следует уделить некоторое внимание, поскольку нам нужно подготовиться к любому повороту событий, как доброму, так и злому. Пока ещё не исключено, что мы можем победить, и раз уж есть некая надежда на это, Гондор должен быть защищён. Я не хочу, чтобы мы вернулись с победой в разрушенный Город и разорённый край. А между тем мы знаем от ристанийцев, что в нашем тылу, на северном фланге, до сих пор есть армия, ещё не вступавшая в бой.

— Это верно, — отозвался Гэндальф. — Я не советую вам увести из Города всех бойцов. Напротив: нет нужды, чтобы силы, которые мы поведём к востоку, были бы достаточны для серьёзного штурма Мордора, — лишь бы они были достаточно велики, чтобы вызвать битву. И они должны быть двинуты скоро. Поэтому я спрашиваю полководцев: какие силы мы можем собрать и возглавить самое позднее в два дня? И состоять они должны из стойких добровольцев, которые знают, на что идут.

— Все устали и очень многие ранены, легко или мучительно, — сказал Эомир. — И мы потеряли большую часть наших коней, что весьма прискорбно. Если мы должны выступить скоро, то я не могу надеяться возглавить даже две тысячи, оставив столько же для обороны Города.

— Мы можем рассчитывать не только на тех, кто бился на этом поле, — сказал Арагорн. — На подходе свежие силы из южных ленов, так как побережья теперь очищены. Я послал четыре тысячи из Пеларгира через Лоссарнах два дня назад, и бесстрашный Ангбор скачет перед ними. Если мы выступим через два дня, они подойдут прежде нашего отправления. Кроме того, многим было приказано следовать за мной вверх по Реке на всех судах, какие они смогут собрать, и при этом ветре они скоро будут здесь. Собственно говоря, некоторые корабли уже вошли в Харлонд. По-моему, мы сможем повести семь тысяч конных и пеших и при этом оставить Город лучше защищённым, чем он был, когда начался штурм.

— Ворота разбиты, — заметил Имрагил. — А где ныне мастера, чтобы восстановить их и поставить заново?

— Такие мастера есть в Эреборе, Подгорном царстве Даина, — сказал Арагорн. — И, если все наши надежды не погибнут, тогда со временем я пошлю Гимли, сына Глоина, за кузнецами Одинокой Горы. Но люди лучше ворот, и никакие ворота не устоят против нашего Врага, если люди покинут их.

На совете было решено, что полководцы выступят на второе утро, считая от нынешнего дня, с семью тысячами, если смогут набрать их, и большая часть будет пешей, так как пойдут они в гиблые земли. Арагорн выберет около двух тысяч из тех, кто примкнул к нему на юге; Имрагил — три с половиной тысячи, а Эомир — пять сотен ристанийцев, оставшихся без лошадей, но годных для битвы, и сам он поведёт пять сотен своих лучших всадников на лошадях; и будет ещё один отряд из пяти сотен лошадей, в котором поскачут сыновья Элронда с дунедainaми и рыцари Дол Амрота, — всего шесть тысяч пеших и тысяча лошадей. Но основные силы Ристании, которые сохранили коней и годны для битвы — около трёх тысяч под командой Эльфхельма — должны занять Западный тракт против врагов в Анории. И немедленно будут высланы быстрые всадники для разведки к северу, востоку от Осгилиата и вдоль дороги к Минас Моргулу.

И когда они подсчитали все свои силы и начали думать о предстоящем пути и дорогах, по которым пойдут, Имрагил неожиданно расхохотался.

— Без сомнения, — воскликнул он, — это самая большая шутка во всей истории Гондора, что мы поскачем с семью тысячами — едва столько же, сколько авангард гондорской армии в дни славы — штурмовать горы и неприступные ворота Чёрной Страны! Так дети могут угрожать одетому в броню рыцарю луком из бечёвки и зелёной ивы! Если Чёрный Властелин знает так много, как ты говоришь, Митрандир, разве он не улыбнётся скорее, чем испугается, и раздавит нас своим мизинцем, словно муху, которая попыталась укусить его?

— Нет, он постарается поймать муху и отобрать жало, — сказал Гэндальф. — И среди нас есть имена, которые стоят больше, чем тысяча одетых в броню рыцарей, каждое. Нет, он не улыбнётся.

— Как и мы, — добавил Арагорн. — Если это шутка, то слишком горькая, чтобы смеяться. Нет, это последний, самый рискованный шаг, и, так или иначе, он принесёт конец игре.

Потом он обнажил Андрил, поднял его, и меч заблистал на солнце.

— Ты не будешь вложен в ножны, пока не окончится последняя битва, — произнёс он.

Глава X

Чёрные Ворота открылись

Через два дня вся армия Запада собралась на Пеленноре. Повернувшее из Анории войско орков и вастаков было перехвачено ристанийцами и рассеяно: дав небольшое сражение, остатки

его бежали к Каир Андросу. Таким образом, эта опасность была устранена, а новые силы, прибывшие с юга, пополнили гарнизон Города, так что недостатка в людях он не испытывал. Разведчики сообщили, что на западных трактах вплоть до Перепутья Павшего Короля не осталось ни одного врага. И теперь всё было готово для последнего броска.

Леголас и Гимли снова ехали вместе в отряде Арагорна и Гэндальфа, который шёл в авангарде вместе с дунедainaми и сыновьями Элронда. Но Мерри, к своему стыду, не пошёл с ними.

— Ты не готов к такому пути, — сказал Арагорн. — Но не стыдись. Ты уже стяжал великую славу, даже если ничего больше и не совершишь в эту войну. Народ Ши́ра будет представлять Перегрин, и не завидуй, что ему выпало разделить эту опасность, потому что, хоть он до сих пор с честью выходил из всех испытаний, которые выпадали на его долю, ему ещё предстоит сравняться с тобой в подвигах. И, говоря по правде, вы сейчас в одинаковой опасности. Если нам суждено найти горький конец перед Воротами Мордора, тогда и тебе доведётся встретить свой конец в последнем бою, потому что здесь или в ином месте, но чёрный прилив неизбежно настигнет тебя. Прощай!

И теперь Мерри уныло стоял и наблюдал за построением войск. С ним был Бергил, тоже подавленный, потому что его отец уходил во главе отряда гондорцев: он не мог вернуться в Стражу до разбора дела. С тем же отрядом шёл и Перегрин как солдат Гондора. Мерри мог видеть его невдалеке: маленькую, но прямую фигурку среди высоких людей Минас Тирита.

Наконец запели трубы, и армия двинулась. Полк за полком, отряд за отрядом поворачивали и уходили к востоку. И долго ещё после того, как они скрылись от взглядов, спустившись по главному тракту к Оскилиату, Мерри стоял там и смотрел им вслед. В последний раз вспыхнуло и погасло утреннее солнце на копьях и шлемах, а он стоял неподвижно со склонённой головой и тяжёлым сердцем, чувствуя себя одиноким и покинутым. Все, кого он любил, ушли во мрак, нависший вдали над восточным небом, и мало, совсем мало оставалось надежды на то, что ему когда-либо доведётся увидеть кого-нибудь из них снова.

Словно бы вызванная его отчаянием, боль в руке возобновилась, и Мерри почувствовал себя слабым и старым, и солнечный свет словно поблек. Прикосновение руки Бергила вывело его из оцепенения.

— Идёмте, мастер Периан! — сказал мальчик. — Я вижу, вы всё ещё страдаете. Я помогу вам вернуться к лекарям. Но не бойтесь! Они вернутся. Люди из Минас Тирита никогда не потерпят поражения. А теперь с ними ещё господин Эльфийский Камень, и Берегонд из Стражи тоже.

Ещё до полудня армия достигла Оскилиата. Здесь трудились все мастеровые и простые работники, которых только можно было выделить. Одни укрепляли переправы и лодочные мосты, сделанные и частично уничтоженные при отступлении врагами. Другие собирали трофеи и припасы; остальные спешно возводили на восточном берегу Реки временные защитные сооружения.

Авангард прошёл через руины Древнего Гондора, пересёк широкую реку и двинулся по длинному прямому тракту, который был проложен в дни славы от прекрасной Крепости Солнца к высокой Крепости Луны, ныне Минас Моргулу в его проклятой долине. В пяти милях за Оскилиатом они остановились, закончив свой первый дневной переход.

Но всадники продолжали двигаться дальше и ещё до вечера вышли на Перепутье к большому кольцу деревьев. Всё было безмолвно. Ни следа каких-либо врагов, никаких криков или кличей, ни единой стрелы не слетело со скал или зарослей при дороге, однако чем дальше они ехали вперёд, тем сильнее ощущали, как нарастает напряжение. Деревья и камни, трава и

листья насторожённо прислушивались. Тьма рассеялась, и далеко на западе над долиной Андуйна садилось солнце, и снежные пики гор алели в голубом воздухе, но над Эфель Дуатом нависли мрак и тень.

Тогда Арагорн послал трубачей на все четыре дороги, которые сходились в круге деревьев, и те протрубили громкий сигнал, и герольды громко прокричали: "Владыки Гондора вернулись, и весь этот край, принадлежащий им, они берут назад". Поставленная на скульптуру безобразная голова орка была сброшена и разбита на осколки, и голова древнего короля, всё ещё увенчанная белыми и золотыми цветами, была поднята и снова установлена на место, и люди постарались смыть и сбить все грязные каракули, которыми орки испоганили камень.

Теперь на совете некоторые высказали мнение, что сперва следует идти на штурм Минас Моргула и, если удастся, взять его и полностью разрушить.

— И, быть может, — сказал Имрагил, — путь, который ведёт оттуда к верхнему перевалу, окажется более лёгкой дорогой для наступления на Чёрного Властелина, чем его северные ворота.

Но против этого настойчиво возражал Гэндальф, поскольку зло, обитающее в этой долине, ввергло бы живых людей в панический ужас, а также из-за вестей, принесённых Фарамиром. Потому что, если Хранитель Кольца действительно сделал попытку пройти там, тогда превыше всех прочих соображений нельзя привлекать к этому пути Глаз Мордора. Так что на следующий день, когда подошли основные силы, они поставили на Перепутье сильную охрану, чтобы оказать некоторое сопротивление, если Мордор двинет свои силы через Моргульский перевал или поднимет больше людей с юга. Для охраны отобрали главным образом лучников, которые знали дороги Итили и которые должны были скрываться в лесах и скалах вокруг встречи дорог. Но Гэндальф и Арагорн поскакали с авангардом к устью долины Моргула и взглянули на злой город.

Тёмен и безжизнен был он, потому что обитавшие в нём орки и прочие твари Мордора были перебиты в сражении, а назгулы отсутствовали. Но спёртый воздух долины был тяжёл от страха и враждебности. Тогда они сломали злой мост, пустили пламя в зловонные поля и удалились.

На следующий день, третий с тех пор, как они выступили из Минас Тирита, армия начала двигаться по тракту на север. По этой дороге от Перепутья до Мораннона было несколько сотен миль, и что может случиться с ними, прежде чем они доберутся так далеко, никто не знал. Они шли открыто, но осмотрительно, с конными разведчиками на тракте впереди себя и другими, пешими, по бокам, особенно на восточном фланге, потому что там лежали тёмные чащи и изрезанная местность со скалистыми обрывами и утёсами, позади которых вздымались длинные мрачные склоны Эфель Дуата. Погода оставалась прекрасной, и ветер продолжал дуть с запада, но ничто не могло унести мрак и тёмный туман, липнувший к Чёрным горам, за которыми время от времени поднимался густой дым и зависал высоко в небе.

Время от времени Гэндальф велел трубить, и герольды кричали: "Идут Владыки Гондора! Пусть все оставят эту страну или сдадутся им!" Однако Имрагил сказал:

— Не говорите "Владыки Гондора", говорите "Король Элессар", ибо это правда, пусть он ещё и не сидит на троне. Если герольды будут выкрикивать так, это заставит Врага задуматься сильнее.

И после этого трижды в день герольды возвещали приход короля Элессара. Но никто не ответил на вызов.

Тем не менее, хотя шли они в кажущемся спокойствии, сердца всех в войске — от высших до низших — были удручены, и с каждой минутой продвижения к северу дурные предчувствия

усиливались. К вечеру второго дня их марша от Перепутья они впервые встретили попытку вооружённого сопротивления, поскольку крупные силы орков и вастаков попытались устроить засаду их передовым отрядам, и это было именно там, где Фарамир подстерег людей Харада, где дорога врезалась в далеко выброшенный отрог восточных холмов. Но полководцы Запада были вовремя предупреждены своими разведчиками — искусными людьми из Хеннет Аннуна под командой Маблунга, — и засада сама угодила в западню, так как всадники зашли с запада и обрушились на фланг и тыл врагов, которые были перебиты или отброшены в восточные холмы.

Но победа мало воодушевила полководцев.

— Это ложная атака, — сказал Арагорн. — Их основной целью было скорее уверить нас в мнимой слабости Врага, чем причинить нам большой урон сейчас.

И, начиная с этого вечера, в небе появились назгулы, следившие за каждым шагом армии. Однако они летали высоко, вне поля зрения всех, кроме Леголаса; тем не менее их присутствие ощущалось как потускнение солнечного света и углубление тени, и хотя призраки Кольца ещё не зависали низко над своими врагами и молчали, не издавая ни крика, от трепета, вызываемого ими, нельзя было избавиться.

Так медленно тянулись время и безнадёжный путь. На четвёртый день от Перепутья и шестой от Минас Тирита они достигли, наконец, границы живых земель и начали двигаться по разорённой стране, которая лежала перед воротами перевала Гирит Горгора, и могли различить болота и пустошь, которые простирались к северу и западу до Эмин Муила. Так безысходны были эти места и так глубок лежащий на них ужас, что некоторые воины утратили мужество и не могли ни идти, ни скакать дальше к северу.

Арагорн посмотрел на них, и в глазах его была скорее жалость, чем гнев, потому что это была молодёжь из Ристании, из далёких западных Лощин, или фермеры из Лоссарнаха, для которых Мордор с детства был символом зла, и всё же чем-то нереальным, легендой, которая не имела отношения к их простой, обыденной жизни, и теперь они шли, как люди в кошмарном сне, ставшем правдой, и не понимали ни этой войны, ни того, какой рок гонит их к подобному исходу.

— Ступайте! — сказал Арагорн. — Но, насколько сможете, сохраняйте гордость и не бегите! И вот вам задание, чтобы не возвращаться со стыдом, которое вы можете попробовать выполнить: держите путь к юго-западу, пока не достигнете Каир Андроса, и если он, как я полагаю, всё ещё удерживается врагами, попытайтесь отбить его и защищайте до конца ради Гондора и Ристании!

Тогда некоторые, устыдившись выказанного им снисхождения, побороли свой страх и пошли вперёд, а остальные обрели новую надежду, услышав о требующем мужества поручении, которое им по силам, и удалились. Таким образом, поскольку многие уже были оставлены на Перепутье, полководцы Запада в итоге привели с собой менее шести тысяч, чтобы бросить вызов Чёрным Воротам и мощи Мордора.

Теперь они продвигались вперёд медленно, ожидая каждый час какого-нибудь ответа на их вызов, и держались вместе, поскольку высылать перед основным войском разведчиков или небольшие отряды было бы пустой тратой людей. В конце пятого дня марша от долины Моргула они разбили свой последний лагерь и зажгли вокруг него костры из того сушняка и вереска, который смогли собрать. Ночные часы они провели в бдительности и заметили много существ, которые, едва различимые, украдкой кружили вокруг их стоянки, и слышали вой волков. Ветер умер, и весь воздух казался неподвижным. Было плохо видно, потому что, несмотря на отсутствие облаков и на то, что растущая луна насчитывала уже четыре ночи, из земли

поднимались дымы и испарения, а белый лунный серп был скрыт туманами Мордора.

Холодало. К утру ветер снова зашевелился, но теперь он дул с севера и вскоре посвежел до крепнущего бриза. Все ночные бродяги исчезли, и страна казалась пустой. К северу среди её зловонных ям высились первые из больших куч и груд шлака, раздробленных скал и взорванной земли — отрывка личинок Мордора, а на юге, теперь уже ближе, хмурилась высокая крепостная стена Кирит Горгора с Чёрными Воротами посередине и с двумя Башнями-Клыками по бокам, высокими и тёмными. Потому что во время последнего перехода полководцы оставили древний тракт, когда он свернул к востоку, чтобы избежать опасности изрытых потайными ходами холмов, и теперь подходили к Мораннону с северо-запада, как это сделал Фродо.

Две огромные железные створки Чёрных Ворот под угрюмой аркой были крепко заперты. За зубцами не было видно ни души. Всё было безмолвным, но насторожённым. Они дошли до последнего предела своего безрассудства и стояли, потерянные и удручённые, в сером свете раннего утра перед башнями и стенами, которые их армия не могла надеяться взять штурмом, даже если бы они принесли сюда мощные осадные машины, а у Врага едва хватало бы сил на оборону стены и ворот. Однако они знали, что все холмы и утёсы вокруг Мораннона кишат притаившимися врагами, а тенистые ущелья за ними изрыты туннелями, забитыми злыми ордами. И пока они стояли, назгулы собрались вместе и парили теперь над башнями Клыков, словно стервятники; и полководцы знали, что они следят за ними. Тем не менее, Враг всё ещё не подавал признаков жизни.

Им не осталось иного выбора, как играть свою роль до конца. Поэтому Арагорн, не медля, построил войско самым лучшим образом, какой мог придумать, расположив его на двух больших насыпях из взорванных камней и земли, которые орки наваливали годами. Перед ними, отделяя их от Мордора, лежала, как ров, громадная трясина с чадящей грязью и вонючими омутами. Когда всё было устроено, полководцы поскакали к Чёрным Воротам с большим отрядом всадников и со знаменем, герольдами и трубачами. Здесь был Гэндальф как главный герольд, и Арагорн с сыновьями Элронда, и Эомир из Ристании, и Имрагил; Леголасу, Гимли и Перегрину приказали идти тоже, чтобы все враги Мордора имели своего свидетеля.

Они приблизились к Мораннону на расстояние оклика, развернули стяг и затрубили в трубы, и герольды выступили вперёд и послали свои голоса за зубчатые стены Мордора.

— Выходи! — кричали они. — Пусть Властелин Чёрной Страны выйдет! Над ним будет суд. Ибо он несправедливо начал войну против Гондора и захватил его земли. Потому король Гондора требует, чтобы он исправил причинённое им зло, а затем ушёл навсегда. Выходи!

Потом наступило продолжительное молчание, и ни звука, ни крика не донеслось в ответ со стен и ворот. Но Саурон уже составил свои планы, и сначала он намеривался жестоко поиграть с этими мышами, прежде чем нанести смертельный удар. Поэтому, как раз когда полководцы собирались повернуть прочь, молчание было внезапно прервано. Словно гром в горах, раскатилась долгая дробь больших барабанов, а затем раздался рык рогов, который потряс даже камни и оглушил людей. А потом дверная створка Чёрных Ворот с громким лязгом распахнулась, и из неё вышло посольство Чёрной Крепости.

Во главе их скакала высокая зловещая фигура на чёрном коне, если только то был конь, ибо он был огромен и безобразен, с ужасной мордой-маской, более похожей на череп, чем на живую голову, и во впадинах его глаз и ноздрей пылал огонь. Всадник был весь одет в чёрное, и чёрным был его высокий шлем, однако это был не призрак Кольца, а живой человек. Он был лейтенантом Башни Барат-дура, и имя его не упоминает ни одна повесть, так как он сам забыл его, и он говорил: "Я — Уста Саурона". Тем не менее, сказано, что он был изменником,

происходящим из расы тех, кого называли чёрными нуменорцами, потому что они основали свои поселения в Средиземье в годы господства Саурана и поклонялись ему, будучи влюблены в чёрные знания. Этот человек поступил на службу Чёрной Крепости, лишь только та снова поднялась, и, благодаря своей ловкости, всё больше входил в милость Властелина, и он стал великим чародеем, знал многие мысли Саурана и был более жесток, чем любой орк.

Это он выехал сейчас из ворот, и с ним вышел только небольшой отряд солдат в чёрных доспехах и один стяг, чёрный, но с красным знаком Глаза Зла. Остановившись в нескольких шагах от полководцев Запада, он оглядел их с головы до пят и рассмеялся.

— Есть ли среди этого сброда кто-нибудь, способный вести переговоры со мной? — спросил он. — Или хотя бы имеющий достаточно мозгов, чтобы понять меня? Во всяком случае, не ты! — продолжил он издевательски, обращаясь к Арагорну. — Чтобы стать королём нужно больше, чем обломок эльфийской стекляшки или шайка, подобная этой. Как! Да любой разбойник с гор может похвастаться свитой ничуть не хуже!

Арагорн промолчал, но поймал взгляд посла и удержал его. Минуту они боролись так, но вскоре, хотя Арагорн не шелохнулся и не протянул руки к оружию, другой дрогнул и подался назад, словно бы ему грозил удар.

— Я герольд и посол, и на меня нельзя нападать! — воскликнул он.

— Где придерживаются таких законов, — сказал Гэндальф, — существует также обычай, что послы стараются поменьше дерзить. Тем не менее, вам никто не угрожал. У вас нет причин для страха, пока вы не передадите своё поручение. Но, если только ваш хозяин не обрёл новой мудрости, по окончании посольства вы со всеми его прислужниками будете в великой опасности.

— Так! — отозвался Посланник. — Значит, говорить будешь ты, старый бородач? Не о тебе ли мы слышали время от времени и не о твоих ли странствиях, в которых ты вынашивал заговоры и плёл интриги с безопасного расстояния? Но на сей раз ты слишком далеко сунул свой нос, мастер Гэндальф, и ты увидишь, что происходит с теми, кто расставляет свою дурацкую паутину под ногами Саурана Великого. У меня есть памятные предметы, которые велено показать тебе: именно тебе, если ты дерзнёшь прийти.

Он подал знак одному из охраны, и тот выступил вперёд со свёртком в чёрной тряпке.

Посланник сорвал ткань и затем, к изумлению и ужасу всех полководцев, предъявил сперва короткий меч, который носил Сэм, потом серый плащ с эльфийской брошью и, наконец, мифрильную кольчугу, которую Фродо скрывал под своей истрёпанной одеждой. В глазах их почернело, и показалось им в миг молчания, что мир всё ещё стоит, но сердца их мертвы, и их последняя надежда сгинула. Пин, стоявший позади принца Имрагила, с горестным возгласом выпрыгнул вперёд.

— Молчи! — сурово произнёс Гэндальф, отталкивая его назад, но Посланник громко расхохотался.

— Так при тебе ещё один из этих крысят! — воскликнул он. — Не могу понять, что полезного ты в них находишь, однако посылать их в качестве шпионов в Мордор — это выходит даже за рамки твоей обычной глупости. Тем не менее, я благодарен ему, поскольку теперь ясно, что по крайней мере это отродье знакомо с предметами, и напрасно ты станешь сейчас отрицать это.

— Я не собираюсь отрицать это, — сказал Гэндальф. — Действительно, я знаю их все и всю их историю, чего ты, Зловонная Пасть Саурана, не сможешь сказать, сколько бы ни насмеялся. Но для чего ты принёс их сюда?

— Кольчуга гномов, эльфийский плащ, клинок павшего Запада и шпик из маленькой крысиной страны под названием Шир, — нет, не перебивай! — мы отлично знаем: здесь следы

заговора. Но продолжим. Быть может, он, носивший эти вещи, был тварью, которую вам не жаль потерять, а может быть, и наоборот: кем-то из тех, кто дорог вам, возможно? Коли так, то побыстрее раскиньте тем небольшим умишком, который у вас остался, потому что Саурон не любит шпиков, и какова будет его судьба, зависит теперь от вашего выбора.

Никто не ответил Посланнику, но он видел их лица, серые от страха, и ужас в глазах, и опять расхохотался, ибо казалось ему, что забава получилась отменной.

— Ладно, ладно! — произнёс он. — Я вижу, что он был дорог вам. Или, вернее, задание его было таково, что ты не желал бы провалить его? Так вот: оно провалилось. И теперь он годами будет терпеть медленные мучения, такие долгие и медленные, какие только сможет изобрести наше искусство в Великой Башне, и не освободится никогда, разве что, быть может, когда он полностью сломается и станет ни на что не годным, — вот тогда он сможет прийти к вам, и вы поймёте, что натворили. И так непременно будет, — если вы не согласитесь на условия моего Властелина.

— Назови условия, — сказал Гэндальф ровно, но находившиеся поблизости видели муку на его лице, и теперь маг казался ссохшимся старичком, уничтоженным, потерпевшим окончательное поражение. Они не сомневались, что он примет.

— Вот условия, — сказал Посланник и улыбнулся, оглядывая их одного за другим. — Гондорский сброд и их обманутые союзники должны немедленно отойти за Андуйн, поклявшись сперва никогда вновь не поднимать на Саурона Великого оружия, открыто или тайно. Все страны восточнее Андуйна должны навсегда отойти Саурону и только ему. Запад от Андуйна вплоть до Мглистых гор и Ристанийского ущелья будет данником Мордора, и люди там не должны носить оружия, а жить, заботясь о собственных делах. Однако они помогут отстроить Скальбург, который бессмысленно разрушили, и он будет принадлежать Саурону, и там поселится его лейтенант: не Саруман, но некто, более стоящий доверия.

Глядя в глаза Посланника, они прочитали его мысль: он будет этим лейтенантом и соберёт всё, что останется от Запада, под свою власть. Он будет их тиран, а они — его рабы.

Но Гэндальф произнёс:

— Такие требования слишком велики. В обмен на выдачу одного слуги твой Хозяин хочет получить то, чего он ещё должен достичь, проведя много войн! Или поле Гондора настолько разрушило его военные надежды, что он опустил до торговли? И если мы действительно ценим этого пленника так высоко, какие у нас гарантии, что Саурон, Главный Мастер Предательства, выполнит свою часть? Где этот пленник? Вели вывести его и передать нам, и тогда мы обдумаем эти требования.

Тут Гэндальфу, который пристально следил за Посланником, как человек, фехтующий со смертельным врагом, показалось, что на миг тот замешкался; однако он быстро расхохотался опять.

— Не дерзайте играть словами с Устами Саурона! — воскликнул он. — Вы просите гарантий?! Саурон не даёт никаких. Если вы хотите его милосердия, вы должны сначала исполнить его приказ. Это его условия. Примите их или отвергните!

— Вот что мы примем! — неожиданно воскликнул Гэндальф.

Он распахнул свой плащ, и белый свет сверкнул в темноте, словно меч. Поднятая рука гнусного Посланника дрогнула перед ним, и Гэндальф, приблизившись, схватил и вырвал у него предъявленные предметы: кольчугу, плащ и меч.

— Вот что мы примем в память о нашем друге! — воскликнул он. — А что до ваших условий, мы полностью отвергаем их. Убирайся, ибо твоё посольство окончено и смерть рядом с тобой! Мы пришли сюда не за тем, чтобы впустую тратить слова на переговорах с вероломным и проклятым Сауроном, тем более, с одним из его рабов. Вон отсюда!

Посланник Мордора больше не смеялся. Его лицо, исказившееся от гнева и изумления, приобрело сходство с мордой дикого зверя, нагнувшегося над своей жертвой, но получившего хлёсткий удар палкой по носу. Он исполнился бешенства, изо рта его потекли слюни, и нечленораздельные звуки ярости вырвались из его горла. Однако он взглянул на суровые лица полководцев, их беспощадные глаза, и страх поборол его гнев. Он громко вскрикнул, повернулся, вспрыгнул на своего скакуна и помчался с отрядом назад к Кирит Горгору. Но, отступая, его солдаты протрубили давно ожидаемый роговой сигнал, и прежде чем отряд достиг ворот, Саурон захлопнул свой капкан.

Грянули барабаны, вверх взметнулись огни. Большие створки Чёрных Ворот во всю ширь распахнулись, и из них со скоростью водоворота при открытом шлюзе хлынуло великое войско.

Полководцы снова вскочили верхом и поскакали назад. Войска Мордора испустили глумливый вой. Поднялась, заражая воздух, пыль, взметённая марширующими полками вастаков, что прятались неподалёку в ожидании сигнала у дальней Башни в тених Эред Литуи. С холмов по бокам Мораннона сыпались вниз бесчисленные орки. Люди Запада попались в западню, и вскоре всё пространство вокруг серых насыпей, где они стояли, было затоплено морем врагов: силами, более чем в десять раз превосходившими их собственные. Саурон схватил предложенную наживку в челюсти из стали.

Мало времени было оставлено Арагорну, чтобы распорядиться ходом этой битвы. На одном холме стоял он с Гэндальфом, и здесь, прекрасно и отчаянно, был поднят стяг Древа и Звёзд. На другом холме, совсем близко друг к другу, стояли знамёна Ристании и Дол Амрота: Белый Конь и Серебряный Лебедь. И вокруг каждого холма было сделано кольцо, ошетилившееся копьями и мечами. Но лицом к Мордору, где ожидалась первая, злейшая атака, на левом фланге стояли сыновья Элронда с дунедainaми, а на правом — принц Имрагил с высокими светловолосыми людьми Дол Амрота и отборными воинами Сторожевой Крепости.

Ветер дул, и трубы пели, и стрелы теснились в воздухе, но солнце, поднимающееся сейчас к югу, было затянуто дымами Мордора и просвечивало сквозь грозную пелену далёкое и багровое, словно в конце дня или, быть может, в конце всего светлого мира. И из сгущающейся мглы появились назгулы с их холодными голосами, выкрикивая слова смерти, и вся надежда угасла.

Пин склонился, раздавленный ужасом, когда услышал отказ Гэндальфа от условий и осуждение Фродо на муки Башни, но справился с собой и теперь стоял рядом с Берегондом в переднем ряду Гондора с людьми Имрагила, поскольку ему казалось, что лучше всего будет умереть поскорее и оставить горькую повесть своей жизни, раз уж всё окончилось крахом.

— Хорошо, если б здесь был Мерри, — услышал он собственный голос, и, пока он следил за приближением ринувшихся в атаку врагов, в его голове быстро пронеслась целая вереница мыслей: "Ну, ну, во всяком случае, теперь я немного лучше понимаю беднягу Денетора. Мы с Мерри вполне могли бы умереть вместе, раз уж всё равно должны умереть. Почему бы и нет? Ладно, поскольку Мерри здесь нет, надеюсь, что он найдёт более лёгкий конец. А я сейчас должен сделать всё, что смогу".

Он обнажил свой меч и посмотрел на него, на переплетение красных и золотых узоров, и текущая вязь Нуменора вспыхнула на клинке, словно огонь.

"Он был сделан именно для такого часа, — подумал Пин. — Если бы только я мог сразить им того гнусного Посланника! Тогда я почти сравнялся бы со стариной Мерри. Что ж, убью перед концом кого-нибудь из этой отвратительной стаи. А как хотелось бы повидать снова ясный солнечный свет и зелёную траву!"

Но, пока он думал обо всём об этом, первая атака обрушилась на них. Орки, задержанные трясинной перед холмами, остановились и осыпали ряды оборонявшихся тучей стрел. Но сквозь них быстро прошагал большой отряд горных троллей из Горгорота, рычавших, будто звери. Они были выше и крепче людей и одеты только в тесно облегающую броню из роговых чешуй, а может быть, то была их мерзкая шкура, но в узловатых руках они держали круглые щиты, огромные и чёрные, и тяжёлые молоты. Не обращая внимания на лужи, они перебрались через них, взревев при подходе. Слово буря прорвали они ряд гондорцев и колотили по шлемам и головам, рукам и щитам, как кузнецы, кующие горячее, мнущееся железо. Берегонда, стоявшего рядом с Пином, оглушили, и он упал. Сразивший его огромный вожак троллей склонился над телом, вытянув когтистую лапу, потому что эти грязные твари прокусывали горло тех, кого сбили с ног.

Тогда Пин ударил остриём вверх, и покрытый письменами клинок Запада пронзил шкуру и глубоко ушёл в сердце тролля; потоком хлынула чёрная кровь. Троль начал валиться ничком и рухнул с треском, словно падающая скала, похоронив тех, кто под ним. Чернота, вонь и сокрушительная боль обрушились на Пина, и его мысль провалилась в великую тьму.

"Всё кончится, как я и предполагал", — сказала она, отлетая, и слегка рассмеялась в нём прежде, чем упорхнула: почти весёлой казалась она, отбросившая, наконец, все сомнения, заботы и страх. А затем, как раз, когда эта мысль улетучивалась в забытье, до неё донеслись голоса, словно бы кричавшие откуда-то сверху, из оставшегося там мира, какие-то старые слова: — Орлы приближаются! Орлы приближаются!

На мгновение мысль Пина заколебалась. "Бильбо! — сказала она. — Но, нет! Это было в его истории, давным-давно. А это моя история, и она теперь кончилась. До свидания!"

И его мысль улетела далеко, и глаза Пина не видели больше.

Возвращение короля. Летопись третья из эпопеи «Властелин Колец»

Глава I Крепость Кирит Ангола

Сэм с трудом заставил себя подняться с земли. На какое-то мгновение он задался вопросом, где это он, а потом к нему вернулись все страдания и отчаяние. Он был в глубокой тьме с наружной стороны нижних ворот твердыни орков; её медные двери были заперты. Должно быть, он упал, оглушённый, когда с силой бросился на них, но как долго он лежал здесь, Сэм не знал. Тогда он был в огне, отчаянии и ярости, теперь замёрз и дрожал. Сэм подполз к дверям и прижал к ним ухо.

Далеко внутри он слабо различил голоса галдевших орков, но вскоре они замолчали или вышли из пределов слышимости, и всё стихло. Его голова болела, а перед глазами мельтешили в темноте призрачные огни, но Сэм постарался взять себя в руки, успокоиться и подумать. Было ясно, что, во всяком случае, нечего и надеяться попасть в крепость орков через эти ворота: он может прождать здесь дни, прежде чем их откроют, а он не должен ждать. Время было отчаянно драгоценно. Сэм больше не испытывал никаких сомнений относительно своего долга: он должен спасти своего хозяина или погибнуть, пытаясь сделать это.

— На гибель-то больше похоже, да и, как ни посмотри, сделать это гораздо легче, — мрачно пробормотал он себе под нос, спрятал Разитель в ножны и повернулся к медным дверям спиной.

Медленно нащупывал он обратный путь в темноте туннеля, не смея воспользоваться эльфийским светильником, и на ходу пытался свести воедино события, происшедшие с тех пор, как они с Фродо покинули Перепутье, а заодно прикидывал, сколько сейчас времени. По его предположению, где-то между одним днём и следующим, но даже дням он совершенно потерял счёт. Он был в краю тьмы, где дни, существующие там, в мире, казалось, были забыты, и все, попавшие сюда, были забыты тоже.

— Интересно, вспоминают ли они о нас вообще, — пробормотал он, — и что приключилось с ними со всеми там? — Он неопределённо взмахнул рукой в воздухе перед собой, но на самом деле Сэм был сейчас лицом к югу, поскольку возвращался в туннель Раконы, а не к западу.

Далеко на западе, в мире, дело шло к полдню четырнадцатого марта по счёту Ши́ра, и именно сейчас Арагорн вёл чёрный флот от Пеларгира, а Мерри скакал с ристанийцами вниз по Камневозной долине, пока в Минас Тирите разгорались пожары и Пин наблюдал, как в глазах Денетора растёт безумие. Однако среди всех забот и страхов мысли их друзей постоянно обращались к Фродо и Сэму. Их не забыли. Но они были далеко за пределами помощи, и ничья мысль ничем не могла сейчас помочь Сэммиуму, сыну Хамфаста; он был совершенно один.

Наконец Сэм вернулся к каменной двери используемого орками коридора и, всё ещё не в состоянии обнаружить щеколду или засов, держащие её, вскарабкался, как и прежде, наверх, и мягко плюхнулся на землю. Затем он с опаской двинулся к выходу из туннеля Раконы, где обрывки большой паутины до сих пор развевались и колыхались в холодных струях воздуха. Потому что холодными показались они Сэму после душной, зловонной тьмы позади, но воздух, принесённый ими, оживил его. Он осторожно выбрался наружу.

Всё было угрожающе тихо. Света падало не больше, чем в сумерки под конец пасмурного

дня. Густые испарения, поднимавшиеся в Мордоре и медленно плывшие к западу, тянулись чуть ли не над головой: огромная, колышущаяся пелена дыма и туч, сейчас опять подсвеченная снизу багровым заревом.

Сэм посмотрел вверх, на крепость орков, и внезапно её узкие окна загорелись огнями, сделавшись похожими на маленькие красные глаза. Вдруг это какой-то сигнал? Его страх перед орками, забытый на время в ярости и отчаянии, вернулся опять. Насколько Сэм мог судить, для него был единственный возможный путь: он должен идти вперёд и постараться отыскать главный вход в эту ужасную крепость, — но его колени ослабли и он почувствовал, что трясётся. С усилием оторвав глаза от башни и рогов Ущелья перед собой, Сэм заставил повиноваться непослушные ноги и медленно, вслушиваясь во все уши, вглядываясь в плотные тени скал вдоль дороги, вернулся по своим следам, миновал место, где пал Фродо и всё ещё висела вонь Раконы, а затем зашагал вперёд и вверх, пока не очутился снова в той самой расщелине, где надел Кольцо и увидел отряд Лохмача, проходящий мимо.

Здесь он остановился и сел. Сейчас он не мог заставить себя двинуться дальше. Сэм чувствовал, что, как только он минует вершину перевала и спустится на один шаг в самый Мордор, шаг этот будет бесповоротным. Ему никогда не вернуться. Без какой-либо ясной цели, он вытащил Кольцо и надел его снова. И тут же он ощутил великое бремя его тяжести и вновь почувствовал, но сильнее и гораздо определённое, чем когда-либо, злобу Глаза Мордора, ищущего, пытающегося пронзить тени, которые он создал для своей собственной защиты, но которые теперь мешали ему в его беспокойстве и сомнении.

Как и прежде, Сэм ощутил, что слух его обострился, но что до зрения, то все предметы этого мира выглядят разрезанными и смутными. Скалистые стены тропы стали бледными, словно проглядывающими сквозь туман, но вдаль он всё ещё слышал бульканье страдающей Раконы, зато резко и отчётливо и, как ему показалось, совсем рядом, раздались крики и лязг металла. Сэм вскочил на ноги и прижался к стене рядом с дорогой, радуясь Кольцу, потому что тут явно был на подходе ещё один отряд орков. Или так он подумал сначала. Потом до него внезапно дошло, что это не так: его слух обманул его, крики орков доносились из крепости, чья верхняя башня-рог была теперь справа над ним, по левую сторону Расщелины.

Сэм содрогнулся и попробовал заставить себя двигаться. Здесь явно творилось что-то ужасное. Возможно, вопреки всем приказам, жестокость орков возобладала, и они мучают Фродо или даже свирепо кромсают его на куски. Сэм прислушался, и тут в его душе появился проблеск надежды. Сомнений быть не могло: в крепости драка. Должно быть, орки сцепились друг с другом, Лохмач и Живоглот перешли к ударам. Хотя и слаба была надежда, которую давало это предположение, её хватило, чтобы подбодрить Сэма. Может быть, это и есть шанс. Любовь к Фродо возобладала над всеми прочими мыслями, и, забыв про грозящую ему самому опасность, он громко крикнул:

— Я иду, мистер Фродо!

А затем побежал вперёд, к перевалу, и через него. Тропа тут же свернула влево и круто ринулась вниз. Сэм пересёк границу Мордора.

Он снял Кольцо. Быть может, им двигало некое внутреннее предчувствие опасности, хотя про себя он подумал только, что хотелось бы видеть всё более отчётливо. "Лучше уж сразу разглядеть самое худшее, — пробормотал он. — а не бродить вокруг да около, спотыкаясь в тумане!"

Сурова и жестока, и горька была страна, которую встретил его взгляд. Под ногами Сэма высочайший хребет Эфель Дуата круто падал огромными утёсами вниз, в чёрный прогал, на дальней сторонке которого вздымался другой хребет, много ниже. Его выщербленный,

скалящийся утёсами, похожими на клыки, край, чернел на фоне красного свечения за ним: это был мрачный Моргай, внутренне кольцо оград этой земли. Далеко позади него, но почти прямо впереди, за широким озером тьмы, испещрённой крошечными огоньками, полыхало яркое зарево, из которого гигантскими столбами поднимался крутящийся дым — сумрачно-красный у корней, чёрный вверху, там, где он сливался с клубящимся плотным покровом, который крышей висел над всей проклятой страной.

Сэм смотрел на Ородруин, Огненную Гору. Время от времени горнила у подножья её пепельного конуса раскалялись и судорожно выплёскивали из глубоких расселин в склонах реки расплавленных скал, одни из которых стекали, пылая, вниз по большим каналам к Барат-дуру, другие змеились по каменной равнине, пока не остывали и не ложились, словно изогнутые тела драконов, извергнутые измученной землёй. В час такой работы Сэм и увидел Роковую Гору, и её свет, отрезанный высокой ширмой Эфель Дуата от тех, кто взбирался по тропе с запада, теперь ослепительно бил в жёсткую поверхность скал, так что они казались пропитанными кровью.

В этом страшном освещении Сэм стоял, поражённый ужасом, потому что теперь, глядя влево, он мог видеть крепость Кирит Ангола во всей её мощи. Рог, который он заметил с другой стороны перевала, был только её верхней башенкой. Восточный фасад твердыни поднимался тремя большими ярусами с широкого уступа на горной стене далеко внизу; её тыл представлял собой огромный утёс, из которого крепость выступала остроконечными бастионами, один над другим, каждый последующий меньше предыдущего, с отвесными стенами искусной каменной кладки, которые смотрели на северо- и юго-восток. Вокруг нижнего яруса, двумя сотнями футов вниз от того места, где стоял Сэм, шла зубчатая стена, окружавшая узкий двор. Её ворота на ближней, юго-восточной, стороне открывались на широкую дорогу, внешний парапет которой бежал по краю пропасти, пока не сворачивал к югу и уходил, извиваясь, вниз, в темноту, навстречу тракту, который шёл через перевал Моргула. Затем он выводил по зазубренной расщелине в хребте Моргай в долину Горгорот и дальше, к Барат-дуру. Узкая верхняя тропа, на которой стоял Сэм, круто спускалась по склонам и лестницам к основной дороге под грозно хмурыми стенами близ ворот крепости.

Пристально разглядывая её, Сэм внезапно понял, почти с шоком, что твердыня эта была построена не для того, чтобы не подпускать врагов к Мордору, а для того, чтобы удерживать их в нём. Это действительно было одно из древних творений Гондора, восточный форпост защитных сооружений Итилии, сделанный, когда — после Последнего Союза — люди Запада продолжали пристально следить за злой землёй Саурана, где по-прежнему скрывались его создания. Но, как было и в Башнях Клыков, Нархосте и Кархосте, здесь бдительность тоже угасла, и предательство сдало крепость предводителю призраков Кольца, и ныне уже долгие годы была она во власти зла. Возвратившись в Мордор, Саурон нашёл её полезной, так как у него было мало слуг, но много рабов из страха, и её основной целью, как и встарь, было препятствовать бегству из Мордора. Хотя если бы нашёлся опрометчивый враг, который рискнул бы тайно пробраться в эту страну, тогда крепость послужила бы заодно последним, неусыпным стражем против любого, кто смог обмануть бдительность Моргула и Раконы.

Слишком ясно Сэм понимал, как безнадёжно было бы для него красться под этими многоглазыми стенами и мимо охраняемых ворот. Впрочем, удайся ему это, он не ушёл бы далеко по просматриваемому с крепости тракту. Даже глубокие чёрные тени там, куда не проникало багровое зарево, не защитили бы его надолго от орков с их ночным зрением. Но, каким бы безнадёжным ни был этот путь, его теперешняя задача была много хуже: не пробраться мимо ворот и бежать, а войти в них. Одному.

Сэму пришло на ум Кольцо, но мысль эта не поддержала, а лишь принесла страх и ощущение опасности. Только когда Сэм завидел Роковую Гору, пылающую вдаль, он заметил, наконец, перемену в своей ноше. По мере приближения Кольца к великому горнилу, где в пучине времён оно было оформлено и выковано, мощь его возросла, и оно стало гораздо сильнее, не подчиняясь уже никому, кроме некой могучей воли. Пока Сэм стоял здесь, даже при том, что Кольцо было не на пальце, а висело на цепочке на шее, он чувствовал себя укрупнившимся, словно бы облачённым в громадную искажённую тень самого себя: безбрежная и зловещая угроза, задержавшаяся на стенах Мордора. Он чувствовал, что отныне у него есть только два выбора: отказаться от использования Кольца, хотя оно будет мучить его, или посягнуть на него и кинуть вызов Силе, которая сидит в своём тёмном замке по ту сторону долины теней. Кольцо уже искушало его, подтачивая волю и рассудок. Дикие фантазии возникали в его уме, и он видел Сэммиума Сильного, Героя Эпохи, стремительно шагающего с пламенным мечом сквозь затемнённую страну, и армии, стекающие на его зов, пока он идёт так, чтобы низвергнуть Барат-дур. И затем все тучи уносятся прочь, и сияет белое солнце, и по его приказу долина Горгорота становится садом с цветами и плодоносными деревьями. Ему надо только надеть Кольцо и назвать его своим, и всё это сбудется.

В этот час испытания любовь к хозяину в основном и помогла Сэму остаться непоколебимым, но, кроме того, глубоко в душе, в нём, всё ещё не побеждённый, по-прежнему сохранился простой здравый смысл хоббита: в глубине своего сердца он знал, что недостаточно велик, чтобы нести такое бремя, даже если бы подобные мечты и не были явным обманом, чтобы предать его. Всё, о чём он мечтал, это один маленький сад в полном его распоряжении, но не сад, распухший до королевства; ему хотелось работать своими руками, а не командовать руками других.

— И в любом случае, все эти видения — только трюк, — сказал он себе. — Он заметит меня и окоротит прежде, чем я успею крикнуть. И Он заметит меня весьма быстро, если я надену Кольцо сейчас, в Мордоре. Ладно, что уж тут говорить: всё это выглядит столь же безнадёжным, как весенние заморозки. Даже когда невидимость была бы действительно полезной, я не могу воспользоваться Кольцом! И даже если мне удастся пройти дальше, кроме как ноши, тормозящей каждый шаг, ждать он него нечего. Так что же делать?

На самом деле Сэм не сомневался. Он знал, что должен перестать мешкать и спуститься к воротам. Пожав плечами, словно бы стряхивая тень и гоня от себя призраки, он принялся медленно спускаться. И ему казалось, что с каждым шагом он уменьшается. Сэм ушёл недалеко, прежде чем снова превратился в очень маленького и испуганного хоббита. Теперь он был под самыми стенами крепости и слышал крики и звуки драки и без помощи Кольца. В данный момент шум, как будто, доносился из двора за внешней стеной.

Сэм успел преодолеть только половину спуска, когда из чёрного проёма ворот выбежали на красное зарево два орка. Они направились не к нему, а ринулись к главному тракту, но прямо на бегу споткнулись и упали на землю, застыв без движения. Сэм не видел стрел, но догадался, что орков застрелили другие, прячущиеся за зубцами на стене или в тени ворот. Он продолжал идти, как можно теснее прижимаясь к стене слева от него и цепляясь за неё руками. Один взгляд вверх показал ему, что вскарабкаться по ней нечего и думать. Каменная кладка без единой щели или выступа вздымалась на тридцать футов, а затем выступала вперёд и нависала над тропой, как перевёрнутая ступенька. Ворота были единственным путём.

Он крался вперёд и на ходу прикидывал, сколько орков живёт в крепости с Лохмачом, сколько было у Живоглота и из-за чего они сцепились, если это именно то, что сейчас происходит. Отряд Лохмача, похоже, насчитывал около сорока, а Живоглота по меньшей мере

раза в два больше, но, конечно, патруль Лохмача был только частью всего гарнизона. Почти наверняка они поссорились из-за Фродо и трофеев. Тут Сэм вторично остановился, потому что внезапно происходящее показалось ему очевидным, как если бы он видел это своими глазами. Мифрильная кольчуга! Конечно, она же была на Фродо, и её нашли. И, судя по услышанному Сэмом прежде, Живоглот наверняка возмечтал получить её. Но сейчас единственной защитой Фродо был приказ из Чёрной Крепости и, если он будет нарушен, Фродо могут убить в любую минуту.

— Живей, жалкий увалень! — крикнул Сэм самому себе. — Теперь за это!

Он обнажил Разитель и побежал к открытым воротам. Но, когда он уже собирался пройти под их большой аркой, то ощутил удар, словно бы вбежал в паутину, похожую на паутину Раконы, только невидимую. Он не мог различить никакого препятствия, но нечто слишком сильное, чтобы быть побеждённым его волей, преграждало дорогу. Он огляделся и увидел в тени ворот Двух Стражей.

Они были похожи на громадные статуи, сидящие каждая на своём троне, и каждая имела три сросшихся тела и три головы, обращённые вперёд, назад и поперёк прохода. Головы эти были головами каких-то хищных птиц, наподобие грифов, а на больших коленях лежали руки, похожие на когтистые лапы. Они казались высеченными из громадных каменных блоков, неподвижные, и в то же время обладающие сознанием, словно в них пребывал некий ужасный дух злой бдительности. Они узнали врага. Видимый или невидимый, никто не мог бы пройти мимо незамеченным. Они запретили бы ему войти или спастись бегством.

Собрав свою волю, Сэм ещё раз рванулся вперёд и, судорожно дёрнувшись, остановился, зашатавшись от удара в голову и грудь. Тогда с дерзкой решительностью, поскольку он не мог придумать, что ещё делать, отвечая на внезапно пришедшую к нему мысль, Сэм медленно вытащил фиал Галадриэли и поднял его. Белый свет быстро усилился, и тени под тёмной аркой бежали. Чудовищные Стражи сидели здесь, холодные и неподвижные, обнажившиеся во всей своей отвратительной форме. На мгновение Сэм уловил блеск в их чёрных каменных глазах, злоба которых заставила его дрогнуть, но постепенно он почувствовал, что их воля поколебалась и в страхе осыпалась осколками.

Он прыжком пролетел мимо Стражей, запихивая фиал обратно за пазуху, но в тот же момент ощутил так ясно, словно позади него клацнул металлический засов, что их бдительность восстановилась. А из зловещих голов раздался высокий, пронзительный крик, который эхом отразился от крепостных стен перед ним. И, словно в ответ, высоко вверху хрипло тренькнул колокол.

— Это сделано! — сказал Сэм. — Я сейчас позвонил в дверной колокольчик! Ладно. Эй, кто-нибудь там! — крикнул он. — Скажите капитану Лохмачу, что тут большой эльфийский воин! С эльфийским мечом!

Ответа не было. Сэм зашагал вперёд. Разитель в его руке полыхал синим светом. Внутренний двор лежал в глубокой тени, но Сэм мог видеть, что всё мощёное пространство усеяно телами. Прямо под его ногами лежали два стрелка-орка с ножами в спинах. За ними валялось гораздо больше тел: некоторые поодиночке, словно их зарубили или застрелили, другие парами, так и вцепившись друг в друга в смертельной агонии, заколотые, задушенные, загрызенные. Камни были скользкими от тёмной крови.

Сэм отметил, что тут две формы обмундирования: одна помечена Красным Глазом, другая Луной, обезображенной призрачным изображением черепа, — но он не стал задерживаться, чтобы рассмотреть поподробнее. На дальнем конце двора большая дверь в Башню стояла полуоткрытой, и из неё пробивался красный свет; на пороге лежал мёртвым крупный орк. Сэм

перепрыгнул через тело и вошёл, а потом растерянно оглянулся.

Широкий и гулкий коридор вёл от двери вглубь, к боку горы. Он был тускло освещён факелами, горящими в держателях на стенах, но его дальний конец терялся во мраке. По обеим сторонам виднелось много дверей и проёмов, но коридор был пуст, если не считать двух или трёх тел, распростёртых на полу. Из того, что прозвучало в разговоре капитанов, Сэм знал, что, мёртвый или живой, Фродо, скорее всего, находится в верхней камере, в башенке на самом верху, но Сэм мог искать целый день, прежде чем найдёт туда дорогу.

— Полагаю, она будет ближе к тылу, — пробормотал он. — Вся крепость так построена: чем дальше назад, тем выше. И в любом случае, я лучше последую за этими огнями.

Он двинулся по коридору, но теперь медленно, всё с большим трудом заставляя себя переставлять ноги. Ужас снова начал овладевать им. Здесь не было ни звука, кроме лёгкой поступи его ног, которая, казалось, звучала, как гулкое эхо от шлепков по камням больших ладоней. Мёртвые тела, пустота, тёмные стены, которые в свете факелов казались обрызганными кровью, страх перед внезапной смертью, подстерегающей в тенях или в дверях, и всё это на фоне мыслей о поджидающей его бдительной злобе у ворот, — это было едва ли не больше того, что он мог принудить себя выдержать. Он приветствовал бы битву — желательно не со слишком большим количеством врагов за раз, — охотнее, чем эту кошмарную, зловещую неопределённость. Он заставил себя думать о Фродо, который лежит связанный, или в муках, или мёртвый где-то в этом страшном месте. Сэм шёл вперёд.

Он прошёл освещённый факелами коридор и почти добрался до большой сводчатой двери в его конце — внутренней стороны нижних ворот, как он правильно догадался, — когда где-то высоко вверху раздался страшный, резко оборвавшийся визг. Сэм застыл на месте. Затем он услышал приближающиеся шаги. Кто-то поспешно сбегал сверху по гулкой лестнице.

Воля Сэма была слишком слаба и медлительна, чтобы удержать его руку. Он потянул за цепочку и сжал Кольцо. Но не надел, потому что как раз в тот момент, когда он прижимал его к груди, в коридор с грохотом влетел какой-то орк. Он выпрыгнул из тёмного проёма справа и побежал по направлению к Сэму. До хоббита оставалось не более шести шагов, когда орк, подняв голову, заметил его, и Сэм мог слышать его затруднённое дыхание и видеть свирепый взгляд его налитых кровью глаз. Орк застыл от ужаса. Потому что он увидел не маленького испуганного хоббита, пытающегося твердо поднять меч, он видел большую безмолвную фигуру, закутанную в серую тень, которая смутно вырисовывалась на фоне дрожащего света: в одной руке она держала меч, самый блеск которого был горькой мукой, а в другой, прижатой к груди, скрывала некую безымянную угрозу, могучую и роковую.

На мгновение орк припал к земле, а потом, безобразно заверещав от страха, повернулся и помчался назад, откуда пришёл. Никогда ещё ни одна собака не воодушевлялась, когда её враг поворачивал хвост, сильнее, чем Сэм при этом неожиданном бегстве. Он завопил и рванулся в погоню.

— Да! Эльфийский воин на свободе! — кричал он. — Я иду! Немедленно покажи мне путь наверх, или я спущу с тебя шкуру!

Но орк был в своём собственном притоне, шустрый и сытый, Сэм же был чужаком, голодным и усталым, а лестницы — винтовые, высокие и крутые. Сэм начал задыхаться. Орк вскоре скрылся из виду, и теперь только слабое шлёпанье его ног указывало, что он продолжал мчаться дальше и вверх. Время от времени он взвизгивал, и эхо бежало вдоль стен. Но вскоре весь производимый им шум стих где-то вдали.

Сэм, тяжело ступая, плёлся вперёд. Он чувствовал, что находится на правильном пути, и это его изрядно подбадривало. Он выпустил Кольцо и подтянул пояс.

— Так, так! — пробормотал он. — Если только они все чувствуют такое отвращение ко мне

и моему Разителю, всё может обернуться гораздо лучше, чем я надеялся. Во всяком случае, похоже, что Лохмач, Живоглот и их отряды проделали почти всю мою работу за меня. Если не считать этой мелкой перепуганной крысы, сдаётся, что в живых здесь не осталось никого!

И тут он резко остановился, словно стукнувшись головой о каменную стену. Полный смысл сказанного обрушился на него, как удар. В живых не осталось никого! Чьим был тот ужасный, предсмертный вопль?!

— Фродо! Фродо! Хозяин! — воскликнул он прерывающимся голосом. — Если они убили вас, то, что же мне делать? Ладно, в конце концов я приду на самую вершину, а там посмотрим.

Вверх, вверх шёл он. Было темно; лишь изредка на поворотах или у входов, ведущих в верхние яруса башни, торчали горящие факелы. Сэм попытался считать ступени, но после двух сотен сбился. Теперь он двигался тихо, потому что ему казалось, что всё ещё немного сверху до него доносятся какие-то голоса. По-видимому, в живых осталась не одна крыса.

Наконец, когда он почувствовал, что больше не сможет ни вздохнуть, ни заставить свои колени снова согнуться, лестница кончилась. Сэм замер. Голоса звучали теперь громче и ближе. Сэм внимательно огляделся вокруг. Он выбрался прямо на плоскую крышу третьего, самого высокого, яруса крепости: открытое пространство около двадцати ярдов в диаметре с низким парапетом. Лестница выводила в маленькую сводчатую беседку в центре крыши с низкими дверями, обращёнными к востоку и к западу. На востоке Сэм мог видеть внизу равнину Мордора, безбрежную и тёмную, и пылающую гору вдали. Новое волнение поднималось, кипя, в её глубоких расщелинах, и огненные реки сверкали так яростно, что даже на таком расстоянии, за много миль, свет их заставлял вершину крепости отливать ярким красным заревом. На западе взгляд упирался в основание большой верхней башни, которая замыкала собой верхний двор и вздымала свой рог высоко над гребнем окружающих холмов. В оконной щели горел свет. Дверь была меньше чем в десяти ярдах от того места, где стоял Сэм. Она была открытой, но тёмной, и именно из её теней доносились голоса.

Сначала Сэм не слушал; он шагнул из восточной двери и огляделся. Ему сразу стало ясно, что здесь, наверху, драка была самой свирепой. Весь двор был завален мёртвыми орками и их отсечёнными и разбросанными головами и конечностями. Воняло смертью. Рык, последовавший за ударом, и крик заставили его метнуться обратно в укрытие. Голос орка стал гораздо громче от гнева, и Сэм сразу узнал его: резкий, грубый, холодный. Это говорил Лохмач, капитан крепости.

— Так ты не пойдёшь снова, говоришь? Будь ты проклят, Снага, жалкий ублюдок! Если, по-твоему, я настолько изранен, что надо мной можно безнаказанно насмеяться, то ты ошибаешься. А ну, поди сюда, и я выдавлю тебе глаза, как только что Клопчику. А когда появится немного свежих парней, я расправлюсь с тобой: я пошлю тебя к Раконе!

— Они не придут; во всяком случае, не раньше, чем ты сдохнешь, — угрюмо отозвался Снага. — Я дважды сказал тебе, что свиньи Живоглота добрались до ворот первыми, и никто из наших не вышел. Лагдуф и Музгаш выскочили было, но их застрелили. Я видел это из окна, говорю тебе. А они были последними.

— Тогда придётся идти тебе. Мне по любому надо торчать тут. Но я ранен. Чтоб этому грязному бунтовщику Живоглоту пропасть в Чёрных Ямах! — Голос Лохмача принялся сыпать грязными именами и проклятиями. — Я отделал его лучше, чем он меня, да он, мразь, достал меня ножом раньше, чем я придушил его. Тебе придётся идти, или я съем тебя! Вести должны быть доставлены в Лугбурз, или нас обоих ждут Чёрные Ямы. Да, да, и тебя тоже. Тебе не спастись от них, если будешь торчать здесь.

— Я не пойду опять по этим лестницам! — прорычал Снага. — Капитан ты там, или нет.

Ша! Держи лапы подальше от ножа, или я пропору твои кишки стрелой. Тебе недолго быть капитанам после того, как Они услышат обо всем, что тут было. Я дрался за Крепость против этих вонючих крыс из Моргула, однако хорошенькое варево замутили тут вы, два прелестных капитана, сцепившись из-за шмоток.

— Хватит! — огрызнулся Лохмач. — Я исполнил, что приказали. Это всё Живоглот начал, попытавшись подцепить ту красивую сорочку.

— Ладно, ты уложил его на лопатки, потому как высок и могуч. Только вот соображал-то он получше тебя. Он не раз повторил тебе, что самый опасный из шпионов всё ещё на свободе, только ты не пожелал слушать. И не желаешь слушать теперь. Живоглот был прав, говорю тебе! Тут ошивается великий воин, один из этих кровожадных эльфов или из грязных тарков [\[13\]](#). Он идёт сюда, говорю тебе. Ты слышал колокол. Он прошёл мимо Стражей, а они сделаны тарками. Он на лестницах. И пока он там, я вниз не пойду. Не пошёл бы, будь ты хоть назгулом.

— Так вот как, вот как?! — взвыл Лохмач. — Ты будешь делать то, и не будешь делать это? А когда он появится, ты удерёшь и бросишь меня?! Нет, не выйдет! Сначала я сделаю в твоём брюхе красную дырку для червей!

Из дверей башни выскочил, удирая, относительно мелкий орк. За ним появился Лохмач: крупный орк с длинными руками, которые, когда он бежал скрючившись, достигали земли. Однако одна рука безвольно болталась и, по-видимому, кровоточила, другая сжимала большой чёрный узел. В красном зареве Сэм, съжившийся за дверью лестницы, мельком увидел злое лицо орка, когда тот промчался мимо: оно было раскорябано, будто разодрано когтями, и перемазано кровью, с торчащих наружу клыков капали слюни, пасть скалилась, как у рычащего зверя.

Насколько Сэму было видно, Лохмач гонялся за Снагой по всей крыше, пока, подныривая и уворачиваясь, орк помельче не метнулся обратно в башню и не исчез. Лохмач остановился. Через восточную дверь Сэм наблюдал, как тот, отдуваясь, стоит у парапета, его левая лапа слабо сжималась и разжималась. Орк положил узел на пол, вытащил правой лапой длинный красный нож, плюнул на него, затем, подойдя к парапету вплотную, перевесился через него и глянул на лежащий далеко внизу внешний двор. Он дважды крикнул, но ответа не было.

Внезапно, пока Лохмач перевешивался через парапет, повернувшись спиной к крыше, Сэм к своему изумлению увидел, что одно из распростёртых тел шевелится. Оно поползло. Оно вытянуло лапу и схватило свёрток. Оно встало, шатаясь и сжимая в другой руке копьё с широким наконечником и коротким сломанным древком. Оно приготовилось нанести колющий удар. Но в этот миг с его клыков сорвался шип: вздох боли или ненависти. Лохмач быстро, как змея, скользнул в сторону, извернулся и погрузил свой нож в глотку врага.

— Получай, Живоглот! — крикнул он. — Не вполне мёртв, э? Ладно, я доделаю мою работу теперь.

Орк вспрыгнул на упавшее тело и принялся яростно давить и топтать его, время от времени наклоняясь, чтобы полоснуть или проколоть ножом. Наконец, удовлетворившись, он откинул назад голову и издал отвратительный, булькающий победный вой. Затем облизал свой нож и, зажав его зубами и подхватив свёрток, направился, хромя, к ближней двери лестницы.

У Сэма не оставалось времени на раздумье. Он мог бы выскользнуть из другой двери, но едва ли остался бы незамеченным, а он не мог долго играть в прятки с этим ужасным орком. Сэм сделал, вероятно, лучшее из того, что мог сделать. Он с криком прыгнул навстречу Лохмачу. Он больше не держался за Кольцо, но оно было здесь — тайное могущество, угроза, внушающая непреодолимый страх рабам Мордора; и в руке хоббита был Разитель, свет которого поразил глаза орка, словно блеск безжалостных звёзд в страшных землях эльфов: кошмар, вызывающий леденящий ужас у всего его рода. И Лохмач не мог одновременно держать своё

сокровище и сражаться. Он замер на месте, рыча и скаля клыки, затем ещё раз прыгнул вбок на манер орков и, когда Сэм бросился на него, с силой пихнул свёрток в лицо врага, используя его одновременно как щит и оружие. Сэм пошатнулся, и, прежде чем успел оправиться, Лохмач метнулся мимо, вниз по лестницам.

Сэм, ругаясь, побежал было за ним, но ушёл недалеко. Вскоре мысль о Фродо вернулась к нему, и он вспомнил, что другой орк скрылся в башне. Ещё один страшный выбор, а времени, чтобы всё взвесить, не было. Если Лохмач удерёт, он вскоре вернётся с подмогой. Но если Сэм погонится за ним, другой орк тут, наверху, может сделать что-нибудь ужасное. И в любом случае, Сэм может упустить Лохмача или быть убитым им. Он быстро повернулся и побежал вверх по лестнице.

— Небось, опять неверно, — вздохнул он. — Но прежде всего я должен подняться на самый верх, а там будь что будет.

Далеко внизу Лохмач проскакал до конца лестниц и через двор, за ворота, унося свой драгоценный груз. Если бы Сэм мог увидеть его и знать, какое горе принесёт бегство орка, он бы перетрусил. Но сейчас его мысли были заняты последним этапом поисков. Он осторожно подошёл к двери башни и вступил внутрь. Дверь открывалась в темноту. Но вскоре широко раскрытые глаза хоббита уловили свет по правую руку. Он шёл из проёма, который вёл к другой лестнице, тёмной и узкой: по-видимому, она вилась изнутри вдоль круглых внешних стен. Где-то наверху тускло светил факел.

Сэм начал беззвучно подниматься. Он дошёл до оплывающего факела, который был укреплен над дверью слева от него. Дверь эта открывалась к щели окна, глядящего на запад: тот самый красный глаз, который они с Фродо видели снизу, у выхода из туннеля. Сэм быстро прошёл в дверь и заспешил на второй этаж, в любой момент ожидая нападения сзади и опасаясь почувствовать удушающую хватку пальцев на шее. Потом он вышел к окну, глядящему на восток, и к другому факелу над дверью, что вела в коридор в центре башни. Дверь была открыта, коридор тёмный, если не считать тусклого свечения факела и красного зарева, просачивающегося снаружи через оконную щель. Лестница здесь кончалась. Сэм прокрался в коридор. С обеих сторон тут было по низкой двери, та и другая закрытые и запертые. Ни одного звука.

— Тупик, — пробормотал Сэм, — и после всех моих восхождений! Это не может быть вершиной башни. Но что же мне теперь делать?

Он побежал назад, на нижний этаж, и потолкал дверь. Она не поддавалась. Он опять побежал вверх; по его лицу струйками потёк пот. Сэм чувствовал, что каждая минута драгоценна, но они убегают одна за другой, а он не в силах сделать ничего. Его больше не заботил ни Лохмач, ни Снага, ни любой другой когда-либо появившийся на свет орк. Сэму нужен был только его хозяин, он мечтал хотя бы ещё раз взглянуть на его лицо, ещё раз коснуться его руки.

Наконец, устав и окончательно сдавшись, он сел на первую ступеньку, ведущую вниз из коридора, и опустил голову на руки. Было тихо, устрашающе тихо. Факел, который уже догорал, когда появился Сэм, зашипел и погас, и хоббиту показалось, что тьма заливают его, словно прилив. И тут, к собственному изумлению, в конце своего долгого, но тщетного пути, в последнем отчаянии, в ответ на какой-то порыв своего сердца, который он сам не мог назвать, Сэм тихонько запел.

В холодной тьме башни зазвучал его тонкий, дрожащий голос: голос потерявшегося и усталого хоббита, который ни один прислушивающийся орк не принял бы за чистый голос эльфийского воина. Он мурлыкал старые детские песенки Ши́ра и отрывки стихов мистера Бильбо, которые всплывали в его памяти, словно мимолётные видения родной страны. А затем в нём внезапно поднялась новая сила, и его голос зазвенел, когда собственные строки сложились,

непрощенные, чтобы лечь на простодушный мотив:

Быть может, в западном милом краю
Реки струятся весной,
Луга расцветают и звонко поют
Птицы в листве молодой.
А может, там ясной ночью горят
Среди шелестящих ветвей
Эльфийские звёзды — роскошный наряд
Меж буковых пышных кудрей.
Хоть здесь в глубокой могильной тьме
Лежу я в конце пути,
Над горными кручами в вышине
Любым крепостям вопреки,
Выше теней всех солнце плывёт
И вечные звёзды сияют.
Я не скажу, что день не придёт,
И с небом не распрощаюсь.

— Выше всех твердынь крепостных, — начал было он следующий куплет и тут примолк. Ему почудилось, что в ответ доносится чей-то слабый голос. Но теперь не было слышно ничего. Да нет, он слышит что-то, но не голос. Приближались шаги. Затем в коридоре наверху тихо открылась дверь: скрипнули петли. Сэм скорчился на ступеньке, вслушиваясь. Дверь закрылась с глухим хлопком, а потом раздражённо загремел голос орка:

— Хо ла! Эй ты, там, наверху, крыса навозная! Прекрати свой писк, не то я приду и займусь тобой. Слышишь?

Ответа не было.

— Порядок, — прорычал Снага. — Но я всё-таки приду и посмотрю, чем ты там занимаешься.

Петли опять скрипнули, и Сэм, осторожно приподняв голову над порогом коридора, увидел в открытом дверном проёме колеблющийся свет и смутную фигуру выходящего орка. Он, похоже, нёс лестницу. Неожиданно Сэма осенила догадка: в верхнюю камеру вёл люк в потолке коридора. Снага поставил лестницу вертикально, закрепил её и затем, поднявшись, скрылся из виду. Сэм услышал звук отодвигаемого засова, а потом снова заговорил мерзкий голос:

— Лежи смирно, иначе поплатишься! Не думаю, что тебя надолго оставят в покое, но если не хочешь, чтобы забава началась прямо сейчас, держи свою пасть закрытой, понял? Вот тебе, чтоб не забыл!

Раздался звук, похожий на свист кнута.

В сердце Сэма внезапно полыхнула неистовая ярость. Он вскочил, подбежал к лестнице и вскарабкался по ней, словно кошка. Его голова высунулась из люка в центре пола большой круглой камеры. С потолка свисал красный фонарь, с западной стороны, очень высоко, темнела узкая оконная щель. У стены под окном на полу что-то лежало, но сверху нависала чёрная фигура расставившего ноги орка. Он поднял плетёную палку во второй раз, но удара так и не последовало.

С криком ярости Сэм выскочил из люка с Разителем в руке. Орк круто обернулся, но прежде, чем успел шевельнуться, Сэм отрубил его кисть с плетью от руки. Взыв от боли и страха, орк в отчаянии бросился на Сэма головой вперёд. Следующий удар хоббита прошёл

мимо, и, потеряв равновесие, Сэм упал навзничь, цепляясь за споткнувшегося об него орка. Прежде, чем он успел подняться на ноги, он услышал крик и глухой удар. Вырвавшийся от него орк в панике зацепил за вершину лестницы и рухнул в открытый люк. Сэм больше не думал о нём. Он подбежал к скорчившейся на полу фигуре. Это был Фродо.

Он был гол и лежал, словно в обмороке, на куче грязных тряпок, вскинутая рука заслоняла голову, а на боку вздулся безобразный рубец от удара плетью.

— Фродо! Мистер Фродо, дорогой мой! — крикнул Сэм, почти ослеплённый слезами. — Это Сэм, я пришёл!

Он полуприподнял хозяина и прижал его к груди. Фродо открыл глаза.

— Я всё ещё сплю? — пробормотал он. — Но предыдущий сон был ужасен.

— Вы совсем не спите, хозяин, — сказал Сэм. — Это всё правда. Это я. Я пришёл.

— Я едва могу в это поверить, — отозвался Фродо, сжав его. — Тут был орк с плетью, а теперь он превратился в Сэма! Значит, я всё-таки не спал, когда услышал то пение внизу, и попытался ответить? Это был ты?

— Да, мистер Фродо, я. Я потерял надежду. Почти. Я не мог найти вас.

— Что ж, теперь ты нашёл меня, Сэм, дорогой Сэм, — проговорил Фродо и, откинувшись в ласковые руки Сэма, закрыл глаза, словно дремлющий ребёнок, когда ночные страхи прогнаны прочь любящим голосом или рукой.

Сэм почувствовал, что может сидеть так бесконечно, наслаждаясь счастьем, но это было непозволительно. Найти хозяина мало: он ещё должен попытаться спасти его. Сэм поцеловал Фродо в лоб.

— Ну же! Просыпайтесь, мистер Фродо! — сказал он, постаравшись, чтобы его голос звучал так же жизнерадостно, как в Торбе, когда он летним утром отдёргивал полог.

Фродо вздохнул и сел.

— Где мы? Как я попал сюда? — спросил он.

— Некогда рассказывать, пока мы не попадём куда-нибудь ещё, мистер Фродо, — ответил Сэм. — Но вы на вершине той башни, которую мы с вами видели снизу из туннеля ещё до того, как орки захватили вас. Насколько давно, я не знаю. По-моему, больше, чем день назад.

— Всего лишь? — проговорил Фродо. — А кажется, что прошли недели. Ты должен будешь рассказать мне обо всём, когда представится случай. Что-то ударило меня, не так ли? И я провалился во тьму и кошмары и, проснувшись, обнаружил, что явь хуже. Меня со всех сторон окружали орки. По-моему, они только что влили мне в горло какое-то отвратительное, жгучее питьё. Голова у меня прояснилась, но мне было больно, и я устал. Они содрали с меня абсолютно всё, а потом появились два громадных зверя и допрашивали, допрашивали меня до тех пор, пока мне не почудилось, что я схожу с ума. А они всё стояли надо мной, пожирая глазами и поигрывая кинжалами. Я никогда не забуду их поганных лап и глаз.

— Вы не забудете, если будете говорить об этом, мистер Фродо, — сказал Сэм. — И, если мы не хотим увидеть их снова, чем скорее мы пойдём, тем лучше. Вы можете идти?

— Да, могу, — ответил Фродо, медленно поднимаясь на ноги. — Я не ранен, Сэм. Но я очень устал, и мне больно вот тут. — Фродо коснулся шеи над левым плечом, выпрямился, и Сэму показалось, что его хозяин одет в пламя: его голая кожа алела в свете потолочного фонаря. Фродо сделал шаг, потом другой.

— Так лучше! — сказал он, немного приободрившись. — Я не осмеливался шевелиться, даже когда оставался один, иначе тут же появлялся кто-нибудь из охранников. Пока не началась свара и потасовка. Эти два зверя: по-моему, они повздорили. Из-за меня и моих вещей. Я лежал здесь в жутком страхе. А потом наступила смертельная тишина, и это было ещё хуже.

— Да, судя по всему, они повздорили, — подтвердил Сэм. — Тут, должно быть, было с пару сотен этих грязных тварей: слишком много для Сэма Скромби, как вы могли бы сказать. Однако они поубивали себя сами. Удачно получилось, но складывать об этом песню рановато, пока мы не выбрались отсюда. А теперь, что будем делать? Вы же не можете ходить по Чёрной Стране без ничего, кроме вашей собственной кожи, мистер Фродо.

— Они взяли абсолютно всё, Сэм, — сказал Фродо. — Абсолютно всё, что у меня было. Ты понял? Абсолютно всё!

Он снова скорчился на полу, свесив голову, будто его собственные слова открыли ему всю полноту катастрофы, и отчаяние захлестнуло его.

— Поручение провалено, Сэм. Даже если мы выйдем отсюда, мы не сможем спастись. Только эльфы спасутся. Далеко-далеко от Средиземья, очень далеко, за Морем. Если только оно достаточно широко, чтобы не пропустить Тень.

— Нет, не абсолютно всё, мистер Фродо. И поручение не провалено, пока нет. Я взял Его, мистер Фродо, прошу вашего прощения. И я сберёг Его. Оно сейчас на цепочке у меня на шее, и, надо сказать, здорово тяготит её. — Сэм нащупал цепочку с Кольцом. — Но, наверное, вы должны взять его назад.

Теперь, когда дошло до этого, Сэм почувствовал, что не желает отдавать Кольцо, а вместе с ним и бремя, своему хозяину.

— Оно у тебя? — проговорил Фродо, задыхаясь. — Оно у тебя, здесь? Сэм, ты — чудо!

Затем его тон мгновенно и резко изменился.

— Дай мне его! — крикнул он, вскочив и протягивая дрожащую руку. — Сейчас же отдай его мне! Ты не можешь носить его!

— Пожалуйста, мистер Фродо, — отозвался Сэм, несколько ошарашено. — Вот оно!

Сэм медленно вытащил Кольцо и стянул через голову цепочку.

— Но вы теперь в Мордоре, сударь, и когда выйдете наружу, то увидите Огненную Гору и всё такое прочее. Вы поймёте, что Кольцо теперь очень опасно и что носить его тяжело. Если это окажется слишком сложным делом, может быть, я смогу разделить этот труд с вами?

— Нет, нет! — крикнул Фродо, вырывая из рук Сэма кольцо и цепочку. — И не мечтай, вор!

Он тяжело дышал, уставившись на Сэма расширившимися от злобы и страха глазами. Затем внезапно застыл в ужасе, стиснув Кольцо в сжатом кулаке. Туман, застилавший его взор, рассеялся, и он провёл рукой по раскальвающемуся от боли лбу. Ему, всё ещё не оправившемуся от раны и страха, отвратительное видение, представившееся его глазам, показалось исключительно реальным: Сэм опять превратился в скалящего зубы орка, который жадно тянет лапу к его сокровищу, — грязная мелкая тварь с алчными глазами и слюнявой пастью. Но теперь видение прошло. Тут, на коленях перед ним, был Сэм с лицом, перекошенным от боли, словно его ранили в самое сердце, и слёзы катились из его глаз.

— О, Сэм! — воскликнул Фродо. — Что я сказал? Что я наделал? Прости меня! После всего, что ты совершил... Это ужасное могущество Кольца. Я хотел бы, чтобы оно никогда, никогда не было найдено. Но, Сэм, не обижайся. Я должен нести это бремя до конца. Это невозможно изменить. Ты не можешь встать между мной и этой судьбой.

— Да всё в порядке, мистер Фродо, — сказал Сэм, размазывая рукавом слёзы. — Я понял. Но я всё-таки могу помочь, правда? Я должен вывести вас отсюда. Немедленно, понимаете? Но сперва вам нужно что-нибудь из одежды и снаряжения, а потом немного еды. Легче всего будет с одеждой. Раз уж мы в Мордоре, нам лучше всего одеться по здешней моде; и в любом случае, у нас нет выбора. Боюсь, мне придётся позаимствовать для вас что-нибудь из тряпья орков, мистер Фродо. Да и для себя тоже. Если мы идём вместе, то лучше не отличаться друг от друга.

А пока закутайтесь в это!

Сэм расстегнул свой серый плащ и набросил его на плечи Фродо. Затем, сняв с плеч мешок, опустил его на пол и вытащил из ножен Разитель. На клинке не было даже синеватой искры.

— Я совсем забыл, мистер Фродо, — сказал Сэм. — Нет, они забрали не абсолютно всё! Если помните, вы одолжили мне на время Разитель, и фиал Владычицы. Они всё ещё у меня. Но оставьте мне их ещё ненадолго, мистер Фродо. Я должен пойти и посмотреть, что удастся найти. Вы оставайтесь тут. Походите немного, разомните ноги. Я быстро. Мне не нужно ходить далеко.

— Будь осторожен, Сэм! — сказал Фродо. — И поторопись! Здесь могут оставаться живые орки, притаившиеся в засаде.

— Придётся рискнуть, — ответил Сэм.

Он подошёл к люку и соскользнул по лестнице. Через минуту опять показалась его голова. Сэм бросил на пол длинный кинжал.

— Вот штучка, которая может пригодиться, — сказал он. — Он мёртв: тот, который хлестнул вас. Похоже, сломал шею впопыхах. Теперь, мистер Фродо, если сможете, втяните лестницу и не спускайте, пока не услышите от меня пароль. Я позову "Элберет". Так говорят эльфы. Ни один орк этого не скажет.

Некоторое время Фродо сидел и дрожал, в его мыслях мелькали одна за другой всякие напасти. Потом он поднялся, закутался в серый эльфийский плащ и, чтобы занять голову, начал расхаживать взад и вперёд, пристально и пытливо разглядывая все углы своей камеры.

Прошло не очень много времени, хотя страх сделал его похожим по меньшей мере на час, когда Фродо услышал снизу тихий оклик Сэма: "Элберет, Элберет". Он спустил вниз лёгкую лестницу. Появился пыхтящий Сэм с огромным узлом на голове. Он уронил его на пол с громким стуком.

— Теперь быстрее, мистер Фродо! — сказал он. — Мне пришлось поискать, чтобы подобрать что-нибудь не слишком большое, впору таким, как мы. Можем приодеться. Но мы должны спешить. Я не встретил никого живого и ничего не видел, но мне что-то беспокоит. По-моему, это место под наблюдением. Толком объяснить не могу, да ладно: мне всё чудится, будто сверху, высоко в черноте, где его не видно, болтается кто-то из этих мерзких летучих Всадников.

Он развернул узел. Фродо с отвращением взглянул на содержимое, но делать было нечего: он должен был надеть это или идти голым. Здесь были длинные косматые брюки из шкуры какого-то неведомого животного и грязная кожаная рубаха. Он надел их. Поверх рубахи шла кольчуга из прочных колец, короткая для обычного орка, но для Фродо слишком длинная и тяжёлая. Поверх неё он затянул пояс, на котором висели короткие ножны с широким не то мечом, не то кинжалом. Сэм принёс несколько оркских шлемов. Один из них пришёлся Фродо вполне по мерке — чёрная каска с железным ободом и железной макушкой, обтянутая кожей, на которой над похожей на клюв пластиной, прикрывающей нос, был намалёван красной краской Злой Глаз.

— Тряпки и оружие из Моргула, у отряда Живоглота, подходили больше, да и сделаны лучше, — сказал Сэм, — но, полагаю, не стоит разгуливать с его знаками по Мордору, особенно после того, что произошло здесь. Ну вот, мистер Фродо. Теперь вы настоящий маленький орк, если я осмелюсь сказать такую дерзость. По крайней мере, были бы, если бы могли прикрыть лицо маской, удлинить руки и стать кривоногим. Вот, это немного спрячет недостатки. — Сэм накинул на плечи Фродо длинный чёрный плащ. — Теперь вы готовы! А по дороге прихватите себе щит.

— А как насчёт тебя, Сэм? — спросил Фродо. — Разве мы не должны выглядеть одинаково?

— Да я, мистер Фродо, всё думаю, — отозвался Сэм, — что лучше бы мне не оставлять тут ничего своего; уничтожить-то мы эти вещи не можем. И я ведь не могу нацепить поверх своей одежды оркскую кольчугу, правда? Стало быть, мне придётся просто прикрыть её.

Он опустился на колени и бережно свернул свой эльфийский плащ, который превратился в поразительно маленький свёрток. Затем уложил его в лежащий на полу походный мешок. Встав, Сэм закинул свой мешок за спину, надел на голову шлем и набросил на плечи чёрный плащ.

— Ну вот! — сказал он. — Теперь мы вполне под пару. А сейчас — самое время смыться. Бежим!

— Я не смогу бежать всю дорогу, Сэм, — сказал Фродо, криво улыбаясь. — Надеюсь, ты навёл справки о придорожных гостиницах? Или ты забыл о еде и питье?

— Ох ты, а ведь и правда забыл! — отозвался Сэм, смущённо присвистнув. — Знаете, мистер Фродо, вы мне только сейчас вот взяли — и напомнили, насколько мне пить и есть хочется! Уж и не знаю, когда моих губ коснулась хоть крошка или капля. Я совсем забыл про это, пытаясь найти вас. Но дайте подумать! Последний раз, когда я смотрел, у меня оставалось достаточно дорожного хлеба и того, что нам дал капитан Фарамир, чтобы худо-бедно продержаться на ногах пару недель. Но вот в бутылке, если что и осталось, то не больше капли. На двоих этого не хватит, никоим образом. Орки, что, не едят и не пьют? Или они просто живут гнилым воздухом и ядом?

— Нет, Сэм, они и едят, и пьют. Плодящая их тень способна лишь имитировать, а не творить: она не может создавать самостоятельно никаких по-настоящему новых вещей. Я не думаю, что она породила орков: она только совратила их и привела к гибели. И если уж они живут, то им приходится поддерживать свою жизнь, как и всем другим существам. Они довольствуются тухлой водой и гнилым мясом, если не могут получить ничего лучшего, но не ядом. Меня они покормили, так что я в лучшем положении, чем ты. Где-то здесь должны быть и пища, и вода.

— Но нет времени искать их, — возразил Сэм.

— Что ж, дела обстоят всё-таки малость лучше, чем ты думаешь, — сказал Фродо. — Мне посчастливилось найти кое-что, пока тебя не было. Они действительно забрали не абсолютно всё. Среди лохмотьев на полу я нашёл свою сумку с едой. Конечно, её перерыли, но, по-моему, вид и запах лембас понравились им ещё меньше, чем Горлуму. Они расшвыряли галеты, кое-что растоптали и разломали, однако я собрал их. Получилось чуть меньше, чем у тебя. Но они взяли еду Фарамира и разрубили мою бутылку с водой.

— Ладно, говорить больше не о чем, — сказал Сэм. — Для начала у нас достаточно. Однако с водой дела плохи. Но идёмте, мистер Фродо! Бежим, или нам не поможет целое озеро воды!

— Нет, пока ты не проглотишь что-нибудь, Сэм, — возразил Фродо. — До тех пор я с места не двинусь. Вот, съешь эту эльфийскую галету и выпей ту последнюю каплю из твоей бутылки! Всё выглядит достаточно безнадежно, так что нет смысла беспокоиться о завтрашнем дне. Возможно, он не придёт.

Наконец, они тронулись. Хоббиты спустились по лестнице, а затем Сэм снял её и положил в коридоре рядом со скрюченным телом погибшего орка. На винтовой лестнице в башне было темно, но площадку на крыше всё ещё освещало зарево Горы, хотя теперь оно потускнело, став тёмно-красным. Сэм и Фродо выбрали два щита, чтобы дополнить свой маскарад, а затем двинулись вперёд.

Они медленно спускались по длинным лестницам. Оставшаяся позади верхняя камера в

башне, в которой они встретились снова, казалась теперь почти уютной: сейчас хоббиты опять были на виду, и от стен на них веяло ужасом. Крепость Кирит Ангола вымерла, но в ней всё ещё обитали страх и зло.

В конце концов, они добрались до двери, ведущей во внешний двор, и остановились. Даже отсюда они чувствовали бьющую в них злобу Стражей: чёрных безмолвных фигур с обеих сторон ворот, сквозь которые тускло виднелось зарево Мордора. Пока они пробирались среди безобразных тел орков, каждый шаг давался всё с большим трудом. Ещё не доходя до портала, им пришлось остановиться. Продвинуться дальше хоть на дюйм было мучительно и невыносимо трудно для воли и тела.

У Фродо не было сил для подобной борьбы. Он опустился на землю.

— Я не могу идти дальше, Сэм, — пробормотал он. — Я теряю сознание. Я не знаю, что овладело мной.

— Я знаю, мистер Фродо. Крепитесь! Это ворота. Тут какое-то чёрное колдовство. Но я прошёл в них и собираюсь выйти. Вряд ли это опаснее, чем прежде. Теперь вот так!

Сэм снова вытащил фиал Галадриэли. И, словно делая честь его смелости и озаряя славой верную смуглую руку хоббита, свершившую такие деяния, фиал внезапно полыхнул так, что весь тенистый двор залил слепящий свет, подобный блеску молнии, но только он был ровным и не мерк.

— Гилтониэль, а Элберет! — воскликнул Сэм, ибо, он сам не знал, почему, в мыслях его внезапно мелькнуло воспоминание об эльфах в Шире и песне, которая прогнала прочь Чёрного Всадника в деревьях.

— Айя эленион анкалима! — ещё раз воскликнул Фродо позади него.

Воля Стражей была сломлена столь же внезапно, как ломается струна, и Фродо с Сэмом заковыляли вперёд. Затем они побежали. Сквозь ворота, мимо огромных сидящих фигур с их блестящими глазами. Послышался треск. Замковый камень арки с грохотом рухнул почти им на пятки, стена над головой начала осыпаться и обрушилась. Лишь волосок отделял хоббитов от гибели. Звякнул колокол, и от Стражей поднялся высокий, устрашающий вой. Далеко сверху, из темноты, пришёл ответ. С чёрного неба упала, как стрела, крылатая фигура, разорвав тучи ужасным, пронзительным криком.

Глава II

Страна Тени

Сэму как раз хватило ума затолкать фиал обратно на грудь.

— Бегите, мистер Фродо! — крикнул он. — Нет, не туда! Там за стеной отвесная пропасть. Следуйте за мной!

Они помчались по дороге вниз от ворот. Шагов через пятьдесят, нырнув за острый угол бастиона на утёсе, они скрылись за ним от взгляда из крепости. На данный момент они были спасены. Вжавшись в скалу, хоббиты перевели дух, а затем схватились за сердца: назгул, который успел опуститься на стену рядом с разрушенными воротами, испустил свой смертоносный крик. Утёсы ответили эхом.

В ужасе хоббиты заковыляли вперёд. Вскоре дорога опять резко свернула к востоку, и на страшный миг они оказались в виду крепости. Перемахнув опасное место, хоббиты на мгновение обернулись и увидели над зубцами огромную чёрную фигуру; затем они нырнули в расселину между высокими скалистыми стенами, которая круто спускалась навстречу Моргульскому тракту. Они достигли перекрёстка. До сих пор не было ни следа орков, ни ответа на крик назгула, но они понимали, что безмолвие продлится недолго. Сейчас, в любой момент,

начнётся охота.

— Так не пойдёт, Сэм, — сказал Фродо. — Будь мы настоящими орками, мы должны были бы со всех ног бежать назад, к крепости, а не удирать прочь. Нас опознает первый же встречный враг. Нам необходимо как-нибудь убраться с этого тракта.

— Но мы не можем, — возразил Сэм. — Без крыльев, просто никак.

Восточная сторона Эфель Дуата была отвесной, срывающееся утёсами и обрывами в чёрный проход, что лежал между горной цепью и внутренним хребтом. На небольшом расстоянии от перекрёстка, после очередного крутого спуска дорога взбегала на повисший над пропастью каменный мост и вводила к изломанным склонам и узким долинам Моргая. Фродо и Сэм отчаянно рванулись через мост, но еще не успели добраться до его противоположного конца, как услышали поднявшуюся тревогу и крики. Позади них, теперь уже высоко наверху, на горном склоне, маячила крепость Кирит Ангола, её камни тускло рдели в зареве. Внезапно её хриплый колокол ударил снова, а затем рассыпался дребезжащим трезвоном. Заревели рога. И тут с другой стороны моста донеслись ответные крики. Фродо и Сэм не могли видеть, что творится впереди, на дне тёмной расселины, отрезанной от угасающего зарева Ородруина, но они уже слышали топот обутых в железо ног, и на дороге загремел быстрый перестук копыт.

— Живей, Сэм! Перелезаем! — крикнул Фродо.

Они вскарабкались на низкий парапет моста. К счастью, здесь не было уже того страшного обрыва в пропасть, потому что склоны Моргая успели подняться почти до уровня дороги; но для хоббитов было слишком темно, чтобы угадать высоту.

— Ладно, пошли, мистер Фродо, — сказал Сэм. — До свиданья!

Он разжал пальцы. Фродо последовал за ним. И уже падая, они слышали грохот от промчавшихся по мосту всадников и тяжёлый топот орков, бегущих позади. Однако Сэм рассмеялся бы, если б посмел. Опасавшиеся, что сейчас разобьются о невидимые скалы, хоббиты упали в овраг не более чем в дюжину футов глубиной и приземлились с глухим стуком и хрустом в последнюю вещь, которую они здесь ожидали встретить: густой колючий кустарник. В нём Сэм и лежал, не двигаясь, посасывая расцарапанную руку.

Когда звуки копыт и ног стихли, он рискнул присвистнуть.

— Увольте меня, мистер Фродо, но я и понятия не имел, что в Мордоре может что-то расти! Правда, знай я о здешних растениях, то как раз ожидал бы чего-то подобного. Судя по ощущениям, эти шипы длиной в фут, не меньше; они прокололи всё, что на мне надето. Надо было ту кольчугу нацепить!

— Оркская кольчуга от них не спасает, — сказал Фродо. — Даже от кожаной куртки никакого толку.

Им пришлось попотеть, чтобы выбраться из зарослей. Шипы и колючки были толсты, как проволока, и цепки, как когти. Прежде, чем хоббиты, наконец, выбрались на свободу, их плащи были изодраны в лохмотья.

— Теперь спускаемся, Сэм, — прошептал Фродо. — Скорей вниз, в долину, а потом сразу, как только сможем, свернём к северу.

В мир по ту сторону гор снова пришёл день, и далеко за пределами мрака Мордора над восточным краем Средиземья всходило солнце, но здесь повсюду было ещё темно, как ночью. Гора дымила, её огни угасли. Зарево на утёсах померкло. Восточный ветер, непрерывно дувший с тех пор, как хоббиты покинули Итилию, теперь словно умер. Медленно и мучительно пробирались они ощупью, спотыкаясь и царапаясь, среди скал, колючек и валежника, в непроглядных тенях, всё вниз и вниз, пока уже не достало сил идти дальше.

В конце концов, они остановились и уселись рядышком, прислонившись спинами к валуну. Оба были в поту.

— Если бы Лохмач предложил мне стакан воды, я пожал бы ему руку, — сказал Сэм.

— Не говори таких вещей! — отозвался Фродо. — От этого только хуже.

Затем он лёг плашмя, поддавшись головокружению и усталости, и некоторое время молчал. Потом сделал над собой усилие и снова поднялся. К своему изумлению он обнаружил, что Сэм спит.

— Проснись, Сэм! — позвал он. — Поднимайся! Пора предпринять очередную попытку.

Сэм с трудом взгромоздился на ноги.

— Ну и ну! — сказал он. — Должно быть, меня вырубило. Уже давно, мистер Фродо, я не спал по-настоящему, и мои глаза просто закрылись сами собой.

Теперь Фродо шёл впереди, стараясь, насколько он мог судить, как можно точнее двигаться к северу среди нагромождения скал и камней, густо усыпавших дно большой расселины. Но вскоре он опять остановился.

— Так не годится, Сэм, — сказал он. — Я не могу с ней справиться. Я имею в виду кольчугу. Не в моём теперешнем состоянии. Когда я уставал, даже мифрильская рубашка казалась мне тяжёлой. Эта гораздо тяжелее. И какой от неё толк? Мы не сможем пробиться с боем.

— Но нам всё-таки может понадобиться драться, — возразил Сэм. — И есть такая вещь, как кинжалы и шальные стрелы. А главное, Горлум не мёртв. Мне не нравится думать, что на вас нет ничего, кроме тонкой кожи между вами и предательским ударом из темноты.

— Но пойми, Сэм, паренёк, — сказал Фродо. — Я устал, измотан, у меня не осталось надежды. Но мне надо идти вперёд, к Горе, до тех пор, пока могу двигаться. Хватит и Кольца. Его чрезмерный вес убивает меня. Я должен идти. Но не считай меня неблагодарным. Мне претит даже думать, какую грязную работу пришлось тебе проделать, чтобы найти среди тел для меня эту кольчугу.

— Не говорите об этом, мистер Фродо! Да что вы! Да я на спине бы вас понёс, если бы мог. Снимите её, коли так!

Фродо отложил в сторону плащ, стянул оркскую кольчугу и отшвырнул её прочь. Он слегка дрожал.

— Что мне действительно необходимо, так это немного тепла, — сказал он. — Стало холодно, или я подхватил простуду.

— Вы можете взять мой плащ, мистер Фродо, — предложил Сэм.

Он развязал свой мешок и достал эльфийский плащ.

— Как насчёт этого, мистер Фродо? — сказал он. — Вы закутайтесь поплотнее в эти оркские тряпки и наденьте поверх них пояс, а поверх всего прикроетесь этим плащом. Он, конечно, не слишком-то похож на оркский, но в нём вам будет теплей и, осмелюсь сказать, он защитит вас лучше любых доспехов. Ведь он сделан Владычицей.

Фродо надел плащ и заколол брошь.

— Так лучше! — сказал он. — Мне гораздо легче. Теперь я смогу идти дальше. Но эта слепая тьма проникает, кажется, в самое сердце. Когда я лежал в плену, Сэм, я пытался вспомнить Брендидуин, и Лесной Предел, и Речку, текущую через мельницу в Хоббитоне. Но я не могу представить их сейчас.

— Вот теперь вы, мистер Фродо, на этот раз вы завели разговор о воде! — упрекнул Сэм. — Если бы только Владычица могла видеть или слышать нас, я бы сказал ей: "Ваша светлость, всё, чего мы хотим, это свет и вода, — просто чистая вода и ясный дневной свет, которые, прошу

вашего прощения, лучше любых алмазов". Но до Лориэна далеко.

Сэм вздохнул и махнул рукой по направлению к высотам Эфель Дуата, которые сейчас едва угадывались как более глубокая тьма на фоне чёрного неба.

Они снова двинулись, но ушли недалеко, когда Фродо замер.

— Над нами Чёрный Всадник, — сказал он. — Я чувствую это. Лучше ненадолго притаиться.

Они сидели, скорчившись под большим валуном, лицами к западу, и некоторое время не разговаривали. Потом Фродо облегчённо вздохнул.

— Он промчался мимо, — сказал он.

Хоббиты поднялись и вытаращили глаза от удивления. Далеко влево от них, на юге, небо становилось серым и на его фоне начали проявляться, постепенно обретая форму, чёрные вершины и тёмные высокие хребты великой гряды. За ними разгорался свет и медленно пробирался на север. Там, в высоких воздушных сферах, происходила битва. Клубящиеся тучи Мордора гнало назад, и края их рвал пришедший из живого мира ветер, который сметал все дымы и испарения обратно в породившую их тёмную страну. Под редующим подолом мрачного покрова в Мордор просачивался тусклый свет, словно бледное утро сквозь угрюмое окно тюрьмы.

— Вы только посмотрите на это, мистер Фродо! — проговорил Сэм. — Посмотрите! Ветер переменился. Что-то происходит. Ему не удалось поставить всё по-своему. Там, в мире, его тьма прорвана. Хотел бы я узнать, что там творится!

Это было утро пятнадцатого марта, и над долиной Андуина над восточной тенью поднималось солнце, и дул юго-западный ветер. Теоден лежал, умирая, на полях Пеленнора.

Пока Фродо с Сэмом стояли и смотрели, светлый край протянулся вдоль всей линии Эфель Дуата, а потом они увидели какую-то форму, стремительно мчащуюся с запада: сначала лишь чёрное пятнышко на фоне сияющей над макушками гор узкой полосы, но увеличивающуюся, пока она не вонзилась, как стрела, в тёмный покров и не пронеслась высоко над ними. Пролетая, она издала пронзительный крик: голос назгула; но крик этот более не вызвал в них ужаса, это был стон боли и отчаяния, злая весть для Чёрной Крепости. Предводитель призраков Кольца встретил свою судьбу.

— Что я говорил вам? Что-то происходит! — воскликнул Сэм. — "Война идёт хорошо", — сказал Лохмач, но Живоглот, он не был так уверен. И в этом он тоже был прав. Дела-то налаживаются, мистер Фродо. Ну, как, у вас не появилось теперь немножко надежды?

— Да нет, Сэм, не особо, — вздохнул Фродо. — Это далеко, за горами. Мы идём не на запад, а на восток. И я так устал. И Кольцо такое тяжёлое, Сэм. И я начинаю видеть его мысленно всё время, словно большое огненное колесо.

Живой дух Сэма снова поник. Сэм встревоженно посмотрел на своего хозяина и взял его за руку.

— Пойдёмте, мистер Фродо! — сказал он. — Одну вещь, которую я хотел, я уже получил: немного света. Достаточно, чтобы помочь нам, но всё же, полагаю, он также и опасен. Попробуем пройти ещё немного, а потом ляжем рядышком и отдохнём. Но сперва поешьте чуть-чуть, кусочек эльфийской пищи, она подбодрит вас.

Поделив галету лембас и прожевав её, насколько смогли, своими запекшимися ртами, Фродо и Сэм побрели вперёд. Света, хоть это был только серый сумрак, было теперь для них достаточно, чтобы понять, что они находятся в глубокой долине между горами. Она постепенно поднималась к северу, и по её дну шло русло потока, сейчас пересохшего. За его каменным

ложем хоббиты увидели утопанную тропу, которая вилась вдоль подножья западных утёсов. Знай они прежде, то могли бы попасть на неё скорее, потому что это была дорога, ответвлявшаяся от Моргульского тракта у западного конца моста и спускавшаяся на дно долины по длинной лестнице, высеченной в скале. Ею пользовались патрули или гонцы, торопящиеся к малым заставам и укреплениям на севере, между Кирит Анголом и теснинами Скальзубья, стальными челюстями Карах Ангрена.

Хоббитам было опасно пользоваться этой тропой, но им было нужно спешить, а Фродо чувствовал, что он не сможет осилить тяжкий труд карабканья среди валунов и бездорожных лощин Моргая. И он полагал, что, может быть, те, кто охотятся за ними, будут искать их в северном направлении в последнюю очередь. Сначала они тщательно обшарят дорогу на восток, к равнине, или перевал, ведущий назад, к западу. Он собирался повернуть только когда окажется значительно севернее крепости, и уж тогда только поискать какую-нибудь дорогу, которая поведёт его на восток: на восток, к последнему, безнадёжному этапу его путешествия. Поэтому теперь они перебрались через каменистое русло, вышли на дорогу орков и некоторое время шагали по ней. Утёсы слева нависали над тропой, так что сверху хоббитов заметить было нельзя, но дорога делала много изгибов, и на каждом повороте они хватались за рукояти мечей и продвигались вперёд с опаской.

Свет не усиливался, поскольку Ородруин продолжал извергать клубы дыма, который, гонимый вверх сопротивлением воздуха, вздымался всё выше и выше, пока не достигал региона над ветром и растекался там неизмеримой крышей, чей центральный столб поднимался из теней за пределами горизонта, открытого хоббитам. Они тащились через силу больше часа, когда услышали звук, заставивший их остановиться. Невероятно, но вне всяких сомнений! Журчание воды. Из расщелины слева, такой отвесной и узкой, что казалось, будто чёрный утёс был расколот каким-то громадным топором, сочилась вода, быть может, последние остатки какого-то живительного дождя, собравшегося над солнечным морем, но обречённого злой судьбой пролиться под конец на стены Чёрной Страны и бесплодно сгинуть в пыли. Он сбегал тут со скалы маленьким отвесным ручейком, тёк поперёк тропы, затем поворачивал к югу и устремлялся дальше, быстро исчезая среди мёртвых камней.

Сэм подскочил к нему.

— Если я когда-нибудь опять увижу Владычицу, я расскажу ей! — воскликнул он. — Свет, а теперь вода!

Затем он остановился и сказал:

— Позвольте мне попить первому, мистер Фродо.

— Пожалуйста, но здесь хватит места для двоих.

— Я не это имел в виду, — сказал Сэм. — Я в том смысле, что, если она ядовитая или вроде того, что скажется быстро, так лучше я, чем вы, хозяин, если вы понимаете меня.

— Я понял. Но думаю, Сэм, что мы вместе попытаем счастья или, точнее, воспользуемся вымоленным даром. И всё же будь осторожней: вдруг он очень холодный!

Вода была холодной, но не ледяной, и имела неприятный вкус, одновременно горький и маслянистый, по крайней мере, так они сказали бы дома. Здесь она казалась выше всяких похвал, и их не могли остановить ни страх, ни осторожность. Хоббиты напились вволю, и Сэм наполнил свою бутылку. После этого Фродо почувствовал себя легче, и они прошли ещё несколько миль, пока расширение тропы и появление вдоль её края грубой стенки не предупредило их о том, что они приближаются к другому притону орков.

— Тут мы свернём, Сэм, — сказал Фродо. — И нам придётся повернуть на восток. — Он вздохнул, глянув на угрюмые хребты на той стороне долины. — Мне едва-едва хватит сил, чтобы отыскать там, наверху, какую-нибудь дыру. А потом я должен немного отдохнуть.

Пересохшее русло было сейчас немного ниже тропы. Хоббиты спустились к нему и начали переходить на другой берег. К их удивлению, они набрали на тёмные лужи, подпитываемые ручейками, которые сочились из какого-то источника в верховьях долины. Близ своих внешних границ у подножья обращённых на запад гор Мордор был умирающей страной, но ещё не окончательно мёртв. И здесь всё ещё сохранилась кое-какая растительность: жёсткая, искривлённая, жгучая, борющаяся за жизнь. В лощинах Моргая по другую сторону долины прятались вцепившиеся в землю малорослые деревца, грубые кочки серой травы сражались с камнями, на которые вползали тощие мхи, и повсюду расползлись спутанными клубками извилистые плети куманики. Некоторые растения имели длинные острые шипы, другие — загнутые колючки, которые вспарывали кожу, словно ножи. На ветвях, шурша и потрескивая в тусклом воздухе, висела унылая, иссохшая прошлогодняя листва, но побитые червяками почки уже слегка приоткрылись. Гудели и больно жалили бурые, серые и чёрные, помеченные, словно орки, красной кляксой в форме глаза мухи, и над колючими зарослями танцевало и кружилось облако голодной мошкары.

— Оркское-то снаряжение плоховато, — заметил Сэм, отмахиваясь от неё руками. — Хотел бы я занять оркскую шкуру!

Наконец Фродо не смог идти дальше. Они поднялись по узкой отлогой расщелине, но им предстоял ещё долгий путь, прежде чем им открылся бы вид на последний, скалистый хребет.

— Я сейчас должен отдохнуть немного, Сэм, и поспать, если удастся, — сказал Фродо.

Он огляделся, но в этом мрачном краю, казалось, негде было укрыться даже зверьку. В конце концов, совершенно измотанные, они заползли под занавес из куманики, который свисал ковриком с невысокой скалы.

Тут хоббиты уселись и, как смогли, перекусили. Отложив драгоценные лембас на грядущие злые дни, они съели половину того, что оставалось в сумке Сэма от провизии Фарамира, — немного сухих фруктов и маленькую полоску вяленого мяса, и сделали по нескольку глотков воды. Они пили ещё раз из луж в долине, но опять страдали от жажды. В воздухе Мордора был горький привкус, который сушил горло. Когда Сэм думал о воде, то даже его полный надежды дух трепетал. После Моргая предстояло пересечь страшную равнину Горгорота.

— Теперь ваша очередь спать первому, мистер Фродо, — сказал он. — Опять темнеет. По-моему, этот день на исходе.

Фродо вздохнул и заснул чуть ли не прежде, чем Сэм договорил. Сэм из всех сил боролся с собственной усталостью. Он взял Фродо за руку и сидел так, пока не упала глубокая ночь. Тогда, наконец, чтобы не заснуть, Сэм выполз из укрытия и огляделся. Местность, казалось, была наполнена треском, скрежетом и таинственными звуками, но не было ни голосов, ни шума шагов. Далеко на западе, над Эфель Дуатом, ночное небо всё ещё было тусклым и бледным. Там, в разрыве клубящихся туч над тёмной вершиной скалистого хребта Сэм увидел блеснувшую ненадолго белую звезду. Красота её поразила хоббита, глядящего вверх из пустынной страны, до глубины души, и надежда вернулась к нему. Потому что его, словно стрела, пронзила ясная и холодная мысль о том, что, в конце концов, Тень — это всего лишь незначительная, преходящая вещь, поскольку далеко за пределами её досягаемости есть вечный свет и возвышенная красота. Его песенка в крепости была скорее вызовом, чем надеждой, потому что тогда он думал о себе. Теперь же собственная судьба и даже судьба его хозяина, на время перестали заботить Сэма. Он заполз назад в куманику, улёгся рядом с Фродо и, отбросив весь страх, погрузился в глубокий бестревожный сон.

Они проснулись вместе, рука в руке. Сэм был почти свеж, готов к другому дню, но Фродо

вздыхнул. Сон его был беспокойным, полным огненных кошмаров, и пробуждение не принесло облегчения. Всё же, сон этот не был совсем уж лишён целительного действия: Фродо чувствовал себя слегка окрепшим и более способным на то, чтобы снова нести своё бремя дальше. Хоббиты не имели понятия ни о том, сколько сейчас времени, ни как долго они спали, тем не менее, слегка подкрепившись и пригубив воды, они двинулись вверх по расщелине, пока она не кончилась обрывистым склоном каменной осыпи. Здесь последние живые растения прекратили тщетную борьбу: вершины Моргая не покрывала трава, они были голы, зазубрены и пусты, как грифельная доска.

После долгих блужданий и поисков хоббиты нашли место, где могли подняться, и, вскарабкавшись ещё на добрую сотню футов, очутились наверху. Они подошли к проёму между двумя тёмными скалами и, пройдя по нему, очутились на самом краю последней ограды Мордора. У их ног, на дне стопятидесятифутового обрыва лежала внутренняя равнина, которая простиралась вдаль, в бесформенный мрак, за пределы их взора. Ветер дул сейчас с запада, и огромные тучи, уплывая на восток, поднялись высоко, однако лишь серые сумерки упали на унылые поля Горгорота. Дымы стлались по земле и таились в провалах, а сквозь трещины в земле сочились едкие испарения.

Всё ещё очень далеко, не меньше, чем в сорока милях, хоббиты увидели Роковую Гору, подножье которой покоилось в пепельных руинах, а громадный конус возносился на огромную высоту, туда, где её чадаящая голова была окутана тучами. Огни её сейчас приугасли, и гора стояла в курящейся дрёме, предательская и опасная, словно спящий зверь. Позади неё висела безбрежная тень, зловещая, как грозовая туча, — занавес Барат-дура, воздвигнутого ещё дальше, на длинной, выброшенной с севера шпоре Изгарных гор. Тёмная Сила пребывала в глубоких раздумьях, и Глаз был обращён внутрь, изучая известия, несущие сомнения и опасность: он видел яркий меч, и звезду, и королевское лицо; и на некоторое время эта Сила перестала уделять внимание прочим вещам, и вся её великая твердыня — ворота над воротами и башня над башней — была окутана в густой мрак.

Фродо и Сэм разглядывали эту ненавистную страну со смешанным чувством отвращения и удивления. Всё пространство между ними и дымящейся горой, а также к северу и югу казалось разрушенным и мёртвым: выжженная, удушливая пустыня. Они задавались вопросом, каким образом Властелину этого королевства удаётся содержать и кормить своих рабов и свои армии. Ибо армии у него были. Повсюду, куда только достигал их взор, вдоль края Моргая и дальше к югу стояли лагеря: одни палаточные, другие устроенные наподобие небольших городов. Один из таких военных городков, причем самых крупных, располагался прямо под ними. Он стоял на равнине всего в миле от хребта, похожий на огромное гнездо каких-то насекомых своими унылыми регулярными улицами из хижин и длинных, низких, однообразных бараков. Вокруг лагеря сновало множество народу: с юго-востока к нему подходил широкий тракт, который соединялся с дорогой из Моргула, и по нему торопливо двигались многочисленные колонны маленьких чёрных фигурок.

— Что-то мне это совсем не нравится, — сказал Сэм. — Выглядит достаточно безнадёжно, если не считать того, что где есть такая толпа народа, обязательно должны быть колодцы или вода, не говоря уж о еде. И там люди, а не орки, или мои глаза совсем никуда не годятся.

Ни он, ни Фродо ничего не знали о больших, возделываемых рабами полях далеко на юге этого обширного королевства, у тёмных, мрачных вод озера Нурнен, куда не достигают испарения Горы, ни о больших трактах, тянущихся к востоку и югу к странам-данникам, из которых солдаты Крепости издавна пригоняли вереницы повозок с добычей и данью и свежих рабов. Здесь, в северной области, были размещены рудники и кузницы, и армии, собранные для давно подготавливаемой войны, и сюда Тёмная Сила стягивала свои войска, передвигая их, как

шашки по доске. Её первые ходы, первая проба сил, были парированы на западном фронте и к югу, и к северу. На данный момент она отвела их и двинула свежие войска, скапливая их у Кирит Горгора для ответного удара. И если ей нужно было обезопасить Гору от всякой попытки приблизиться к ней, вряд ли бы она могла сделать большее.

— Ладно! — проложил Сэм. — Что бы они там ни ели или пили, нам-то этого не получить. Насколько я понимаю, здесь нет пути вниз. И даже если мы спустимся, нам не пересечь всю эту открытую местность, усыпанную врагами.

— И всё же нам придётся попытаться, — отозвался Фродо. — Это не хуже, чем я ожидал. Я никогда не надеялся пересечь эту равнину. Сейчас я не вижу и тени надежды на это. Но всё же я должен сделать всё, что смогу. В данный момент это значит постараться как можно дольше остаться на свободе. Так что, я думаю, нам нужно продолжать идти к северу и посмотреть, на что это будет похоже там, где открытое пространство уже.

— Я догадываюсь, на что это будет похоже, — проворчал Сэм. — Где уже, там люди и орки будут упакованы теснее. Вот увидите, мистер Фродо.

— Надо полагать, что увижу, если мы когда-нибудь доберёмся так далеко, — сказал Фродо и повернул прочь.

Они вскоре обнаружили, что идти по изрезанному глубокими трещинами, без признаков любых троп хребту Моргая и близ его вершины совершенно невозможно. В конце концов, хоббитам пришлось спуститься обратно по той расщелине, по которой поднялись, и поискать пути вдоль долины. Это было тяжело, потому что они не рискнули снова пересечь её и выйти к тропе на западной стороне. Примерно через милю или больше они увидели лепящийся к впадине у подножья скал тот притон орков, о близости которого догадались: стена и скопление каменных бараков вокруг тёмного устья пещеры. Никакого движения там не наблюдалось, но хоббиты прокрались мимо него как можно осторожней, держась поближе к густому колючему кустарнику, который густо сплетался тут по обоим берегам старого русла.

Они прошли ещё две или три мили, и притон орков скрылся из виду позади, но едва Фродо с Сэмом перевели дух, как отчётливо слышали громкие голоса орков. Хоббиты быстро нырнули под чахлый бурый куст. Голоса приближались. Вскоре в поле зрения появились два орка. Один был одет в бурые лохмотья и вооружён луком из рога. Он относился к мелкой породе с чёрной шкурой и широкими, сопатыми ноздрями: очевидно, что-то вроде сыщика. Другой был крупный боевым орком и носил знак Глаза, как и те, что состояли в отряде Лохмача. У него за спиной тоже был лук, и он нёс короткое копье с широким наконечником. Как обычно, они пререкались и, будучи разных пород, пользовались по своему обыкновению всеобщим языком.

Не дойдя двадцати шагов до места, где прятались хоббиты, мелкий орк остановился.

— Хватит! — проворчал он. — Я иду домой. — Он махнул рукой в сторону оставшегося той стороне долины притона орков. — Хватит уже тереться носом о камни. Я говорю, здесь не осталось ни малейшего следа. Я потерял чутьё из-за того, что поступил по-твоему. Говорю тебе, что след вёл вверх, в холмы, а не вдоль долины, бестолочь.

— От вас не слишком-то много проку, мелкие ищейки, — огрызнулся большой орк. — По-моему, глаза лучше, чем твой сопливый нос.

— Тогда скажи, что ты ими видел, — оскалился другой. — Ха! Ты даже не знаешь, что высматривать.

— А кто виноват? — возразил солдат. — Не я. Так спущено от Верховных. Сперва они говорят: высокий эльф в ярких доспехах, затем — род мелкого гнома, затем — что это может быть шайка мятежных урхов или, возможно, всё это вместе.

— Гр! — отозвался сыщик. — Они потеряли головы, вот что. А кое-кто из боссов, надо

понимать, скоро потеряют и шкуры тоже, если то, что я слышал, правда: налёт на Крепость и всё такое, и сотня ваших парней перебита, и пленник удрал. Если ваши вояки действуют тем же образом, то плохие вести с полей сражений не удивляют.

— Кто сказал, что есть плохие вести? — крикнул солдат.

— Гр! Кто говорит, что их нет?

— Это проклятые мятежные разговорчики, и я заколю тебя, если ты не заткнёшься, понял?

— Ладно, ладно! — ответил сыщик. — Я больше ничего не скажу, но продолжу думать.

Только вот как во всё это замешался чёрный пролаза? Тот огрызок с болтающимися руками?

— Не знаю. Может, никак. Но держу пари, он не затевает ничего хорошего, вынюхивая тут вокруг. Будь он проклят! Стоило ему только ускользнуть от нас и смотаться, как пришёл приказ, что он нужен живым, нужен быстро.

— Ладно, надеюсь, они получают его и поработают с ним, — прорычал сыщик. — Он там все запахи перепутал, подцепив ту брошенную кольчугу, которую нашёл, и истоптав всё вокруг, прежде чем я смог попасть туда.

— Во всяком случае, это спасло ему жизнь, — сказал солдат. — Я же ещё до того, как узнал, что он нужен, выстрелил ему точно в спину, тютельница в тютельку, с пятидесяти шагов, но он продолжал бежать.

— Ха! Да ты промазал, — отозвался сыщик. — Сначала ты стреляешь наугад, потом бежишь слишком медленно, а потом посылаешь за бедными следопытами. Ты мне обрыд.

С этими словами он рванулся было прочь.

— А ну, вернись! — крикнул солдат. — Или я донесу на тебя!

— Кому? Не твоему драгоценному Лохмачу. Ему больше не быть капитаном.

— Я сообщу твоё имя номер назгулам, — прошипел солдат. — Один из них сейчас командует Крепостью.

Другой остановился, и его голос был полон страха и ярости.

— Проклятый наушник! — взвыл он. — Ты не способен делать своё дело и не можешь даже держаться своих. Отправляйся к твоим мерзким Визгунам, и пусть они оледенят твоё мясо, чтоб оно отвалилось! Если только враг не доберётся до них первым. Они покончили с Номером Один, как я слышал, и надеюсь, это правда!

Большой орк с копьём в руке прыгнул к нему, но сыщик, отскочив за камень, пустил подбегавшему стрелу в глаз, и тот с шумом рухнул. Другой перебежал на ту сторону долины и исчез.

Некоторое время хоббиты сидели молча. Наконец Сэм шевельнулся.

— Что ж, я бы сказал, чисто сработано, — проговорил он. — Если только эта нежная дружба распространится в Мордоре, считайте, половина наших забот исчезнет.

— Тише, Сэм, — шепнул Фродо. — Поблизости могут быть и другие. Похоже, мы едва спаслись, и погоня гораздо ближе, чем мы предполагали. Но это и есть дух Мордора, Сэм, и он проник здесь до каждого уголка. Орки всегда вели себя так, даже когда никому не подчинялись, по крайней мере, так говорят все предания. Но тебе не стоит возлагать на это особых надежд. Нас они ненавидят гораздо сильнее, причём все и всегда. Если бы те двое заметили нас, они бросили бы свою свару до тех пор, пока мы не были бы мертвы.

Они опять надолго замолчали. Тишину снова нарушил Сэм, но на этот раз шёпотом:

— Вы слышали, что они сказали об "огрызке", мистер Фродо? Я говорил вам, что Горлум ещё не мёртв, верно?

— Да, я помню. И я тогда удивился, откуда ты это знаешь, — отозвался Фродо. — Ладно, давай-ка приступим! Думаю, нам лучше не вылезать отсюда, пока совсем не стемнеет. Так что

ты можешь рассказать мне и об этом, и обо всём, что произошло. Если только ты сможешь сделать это тихо.

— Я попытаюсь, — сказал Сэм. — Но когда я думаю об этом Вонючке, я так горячусь, что могу крикнуть.

Хоббиты сидели под покровом колючего кустарника, пока унылый свет Мордора постепенно угас в глубокой, беззвёздной ночи, и Сэм говорил в ухо Фродо все слова, которые он мог найти, о предательском нападении Горлума, ужасной Раконе и его собственных приключениях с орками. Когда он кончил, Фродо не ответил ничего, но взял Сэма за руку и крепко сжал её. В конце концов, он шевельнулся.

— Что ж, по-моему, мы опять должны идти, — сказал он. — Интересно, долго ли нам удастся продержаться, прежде чем нас действительно схватят и все тяжкие труды и попытки проскользнуть на том и окончатся, и притом впустую. — Он встал. — Темно, а фиалом Владычицы мы воспользоваться не можем. Сохрани его для меня, Сэм. Мне негде держать его сейчас, разве что в собственной руке, а в этой слепой ночи мне понадобятся обе. А Разитель я отдаю тебе насовсем. У меня есть оркский клинок, но не думаю, что на мою долю выпадет нанести ещё хоть один удар.

Трудно и опасно было двигаться ночью по бездорожью, но, медленно и часто спотыкаясь, двое хоббитов час за часом пробирались к северу вдоль восточного края каменистой долины. Когда над западными высотами опять несмело забрезжили серые сумерки — спустя много времени после того, как в странах по ту сторону начался день, — хоббиты забрались в укрытие и поспали немного, сначала один, потом другой. Во время своего дежурства Сэм был занят мыслями о еде. Когда Фродо проснулся и предложил поесть и приготовиться к очередной попытке, он задал, наконец, вопрос, который особенно беспокоил его.

— Прошу прощения, мистер Фродо, — сказал он, — но вы имеете какое-нибудь представление, сколько ещё осталось идти?

— Нет, никакого ясного представления, Сэм, — ответил Фродо. — В Раздоле, перед выходом, мне показывали карту Мордора, которая была составлена до того, как Враг вернулся сюда, но я помню её довольно смутно. Яснее всего я вспоминаю, что на севере есть место, где западный хребет и северный выбрасывают навстречу друг другу почти смыкающиеся отроги. Это должно быть примерно в двадцати лигах от моста у крепости. Возможно, там будет удобно перебраться на ту сторону. Но, конечно, если мы доберемся туда, мы окажемся дальше от Горы, чем сейчас. Милях в шестидесяти, я думаю. По-моему, мы прошли к северу от моста уже около двенадцати лиг. Даже если всё пойдёт хорошо, едва ли мне удастся добраться до Горы меньше, чем за неделю. Боюсь, Сэм, что ноша станет очень тяжела, и по мере приближения к Горе я буду идти всё медленнее.

Сэм вздохнул.

— Это именно то, чего я боялся, — сказал он. — Ну, не говоря уж о воде, нам придётся есть поменьше, мистер Фродо, или двигаться чуть-чуть скорее, во всяком случае, пока мы ещё в этой долине. Ещё разок, и вся еда кончится, кроме эльфийских галет.

— Я попытаюсь двигаться чуть-чуть скорее, Сэм, — пообещал Фродо и глубоко вздохнул. — Идём! Начнём следующий переход!

Стемнело, но пока ещё не совсем. Хоббиты брели всё вперёд, в ночь. Часы проходили в томительном, трудном, изнурительном движении с немногими короткими остановками. При первом же намёке на серый свет под краем завесы теней они снова спрятались в тёмном углублении под нависающим камнем.

Свет медленно разгорался, пока не стал даже ярче, чем прежде. Сильный западный ветер сметал мордорские испарения из верхних сфер. Немного спустя хоббиты смогли разглядеть окрестную местность на несколько миль. Ложбина между горами и Моргаем неуклонно суживалась по мере подъёма вверх, и внутренний хребет был теперь не более, чем уступом на отвесной стене Эфель Дуата, но с востока он по-прежнему обрывался к Горгороту столь же круто, как и раньше. Русло впереди кончалось, уперевшись в растрескавшуюся ступенями скалу, потому что там от основного хребта отходил высокий голый отрог, протянувшийся к востоку, словно стена. Навстречу ему от серых, туманных гряд Эред Литуи на севере был выброшен длинный скалистый кряж, и между концами отрога и кряжа оставался узкий горловидный проход: Карах Ангрэн, Скальзубье, позади которого лежала глубокая долина Удана. В этой долине позади Мораннона были туннели и подземные арсеналы, сделанные слугами Мордора для защиты Чёрных Ворот этой страны, и сюда их Властелин спешно стягивал теперь великие силы, чтобы встретить атаку полководцев Запада. На выступающих вперёд отрогах были воздвигнуты башни и зажжены сторожевые костры, поперёк прохода воздвигнут земляной вал и вырыт глубокий ров, перейти который можно было лишь по единственному мосту.

В нескольких милях к северу, высоко в горах, там, где западный отрог отходил от основного хребта, стоял древний замок Дуртанг, ныне — один из многочисленных оркских притонов, кучкующихся вокруг долины Удан. От его подножья змеилась вниз уже заметная в усиливающемся свете дорога, которая примерно в паре миль от того места, где лежали хоббиты, круто сворачивала на восток и бежала по уступу, пробитому в стене отрога, вперёд, к равнине, и дальше, к Скальзубью.

При взгляде на всё это хоббитам показалось, что всё их путешествие к северу было напрасным. Равнина справа от них была тусклой и задымлённой, и на ней не было видно ни лагерей, ни движущихся отрядов, но вся эта местность была под неусыпным наблюдением укреплений Карах Ангрена.

— Мы зашли в тупик, Сэм, — сказал Фродо. — Если мы продолжим идти вперёд, то всего-навсего поднимемся вон к той оркской крепости. Единственное, что остаётся, это пойти по спускающейся от неё дороге, или вернуться обратно. Карабкаться по скалам вверх на западе или вниз на востоке мы не можем.

— Тогда нам придётся идти по дороге, мистер Фродо, — сказал Сэм. — Мы должны выйти на неё и попытать нашу удачу, если только в Мордоре можно говорить о какой бы то ни было удаче. Что кружить тут дальше, что вернуться, что сдаться — для нас всё едино. Не хватит еды. Придётся рвануть прямо по тракту!

— Хорошо, Сэм, — согласился Фродо. — Веди меня! Веди до тех пор, пока у тебя сохранится хоть тень надежды. Моя вся кончилась. Но я не в силах рвануть за тобой, Сэм. Я могу только плестись следом.

— Прежде, чем вы поплетётесь дальше, мистер Фродо, вам надо поспать и поесть. Давайте, займитесь тем и другим, пока можно.

Он дал Фродо воды и добавочную порцию лембас, а потом сделал из своего плаща подушку для головы хозяина. Фродо слишком устал, чтобы спорить, а Сэм не сказал ему, что он выпил последнюю каплю их воды и съел не только свою, но и Сэмову долю. Когда Фродо уснул, Сэм склонился над ним, прислушался к его дыханию и внимательно взгляделся в лицо. Оно было морщинистым и исхудавшим, но во сне всё же выглядело довольным и спокойным.

— Ладно, годится, хозяин! — пробормотал Сэм себе под нос. — Я оставлю вас ненадолго и попытаю счастья. Мы должны найти воду, или нам не уйти далеко.

Сэм выполз наружу и, перебегая от камня к камню с осторожностью даже большей, чем хоббитской, спустился к руслу и затем прошёл немного вдоль него вверх, к северу, пока не

достиг уступчатой скалы, из которой, без сомнения, когда-то бил источник, стекая вниз небольшим водопадом. Всё сейчас выглядело сухим и безмолвным, но Сэм, отказываясь отчаиваться, стоял и слушал и, к своему облегчению, уловил слабое журчание. Поднявшись на несколько уступов, он обнаружил тоненький тёмный ручеёк, выбегавший из склона горы и наполнявший небольшое углубление в скале, из которого он потом снова выплёскивался и затем исчезал под голыми камнями.

Сэм попробовал воду, и она показалась ему достаточно хороша. Затем он напился, наполнил бутылку и повернул было назад, но тут заметил, как среди скал вдали, близко к месту, где укрывался Фродо, мелькнуло чёрное тело или тень. Сдержав крик, он рванулся вниз, перескакивая с камня на камень. Это была осторожная тварь, которую было трудно разглядеть, но Сэм мало сомневался на её счёт: он жаждал схватить её за горло. Но она услышала, что он приближается, и быстро скользнула прочь. Сэму показалось, что в последний раз он на мгновение видел, как она заглядывает через край восточной пропасти, затем фигура нырнула и исчезла.

— Что ж, удача не изменила мне, — пробормотал Сэм. — Однако чуть было не отвернулась. Мало нам тысяч орков, так теперь вокруг ещё этот вонючий негодяй шныряет! Жаль, что его не застрелили!

Он уселся рядом с Фродо, будить его не стал, но сам заснуть не рискнул. Наконец, чувствуя, что глаза закрываются, и понимая, что все его старания не заснуть, скоро перестанут помогать, он осторожно разбудил Фродо.

— Боюсь, что этот Горлум опять поблизости, мистер Фродо, — сказал он. — По крайней мере, если это был не он, то его двойник. Я отошёл, чтобы поискать воду, и заметил, как он шныряет вокруг, как раз в тот момент, когда возвращался. По-моему, нам небезопасно спать вместе, и, прошу вашего прощения, но я не могу больше держать веки открытыми.

— Что ты, Сэм! — воскликнул Фродо. — Ложись и выспись в свой черёд, как полагается! Но по мне уж лучше Горлум, чем орки. Во всяком случае, он нас им не выдаст — если только не попадётся сам.

— Но он может попытаться ограбить и убить нас самостоятельно, — проворчал Сэм. — Держите глаза открытыми, мистер Фродо! Вот бутылка, полная воды. Напейтесь. Мы сможем опять наполнить её, когда пойдём дальше.

С этими словами Сэм погрузился в сон.

Когда он проснулся, опять смеркалось. Фродо сидел, опершись спиной о скалу, но спал. Бутылка была пуста. Горлума было не видно и не слышно.

Тьма Мордора вернулась, и сторожевые костры на высотах пылали яростно и красно, когда хоббиты приступили к самой опасной стадии своего путешествия. Сначала они направились к маленькому источнику, а потом, опасливо поднявшись выше, выбрали на дорогу там, где она сворачивала на восток к Скальзубью, до которого было около двадцати миль. Она оказалась неширокой, и край её, идущий вдоль обрыва, который по мере спуска становился всё глубже и отвеснее, не огораживала стена или парапет. Хоббиты не слышали никаких признаков движения и, послушав ещё чуть-чуть, двинулись по этой дороге с приличной скоростью.

Сделав около двенадцати миль, они остановились. Совсем недавно дорога сделала небольшой поворот на север, и отрезок, который они прошли, оказался загорожен от взгляда. Это оказалось катастрофическим. Хоббиты отдохнули несколько минут, затем двинулись дальше, но успели сделать не так уж много шагов, как внезапно тишину ночи нарушил звук, которого они всё время в тайне боялись: топот марширующих ног. Он был ещё далеко, но, обернувшись, они увидели мерцание факелов, выходящих из-за поворота, оставшегося всего в

миле позади, и факелы приближались быстро: слишком быстро для Фродо, чтобы спастись, убегая вперёд по дороге.

— Я боялся этого, Сэм, — сказал Фродо. — Мы попытались счастья, и оно отвернулось от нас. Мы попались.

Он окинул диким взглядом хмурую отвесную стену, которую древние строители дорог прорезали в скале и которая возвышалась над головой на много фатомов. Потом подбежал к другой стороне и глянул через край в тёмную беспросветную яму.

— Мы, наконец, попались! — повторил он.

Он опустилсся наземь близ скалистой стены и склонил голову.

— Похоже, что так, — отозвался Сэм. — Что ж, подождём и посмотрим.

И с этими словами он уселся рядом с Фродо в тени утёса.

Им не пришлось долго ждать. Орки приближались быстро. Те, что в передних рядах, несли факелы. Они надвигались: красные огни в темноте, быстро увеличивающиеся в размерах. Теперь Сэм тоже наклонил голову, надеясь, что это скроет его лицо от факельного света, и он поставил их щиты перед коленями, чтобы спрятать ноги.

"Если бы только они торопились и оставили пару усталых солдат в покое, и прошли себе мимо!" — думал он.

И казалось, что так они и сделают. Передовые орки неуклюже протопали мимо, тяжело дыша и опустив головы. Они принадлежали к более мелкой породе, и их гнали на войну по приказу Чёрного Властелина против их воли: всё, о чём они мечтали, это окончить переход и избежать кнута. Сбоку отряда сновали взад и вперёд два огромных ярких урха, которые хлопали хлыстами и кричали. Ряд за рядом проходили мимо, и сигнальные факелы были уже довольно далеко впереди. Сэм затаил дыхание. Прошло уже больше половины колонны. Затем один из погонщиков внезапно заметил две фигурки у обочины дороги. Он щёлкнул кнутом в их направлении и взвыл:

— Эй, вы! Встать!

Они не ответили, и погонщик криком остановил весь отряд.

— Живей, слизни! — крикнул он. — Не время провисать!

Он шагнул к ним и даже в темноте разобрал девизы на их щитах.

— Дезертиры, э? — прорычал он. — Или подумываете об этом? Все ваши должны были быть в Удане ещё до вчерашнего вечера. Подымайтесь — и в строй, или я узнаю ваши номера и сообщу их.

Они с трудом встали и, не распрямляясь и хромая, будто стёршие ноги солдаты, прошли, пытаясь, назад, к хвосту колонны.

— Нет, не в хвосте! — крикнул погонщик. — Три ряда вперёд. И оставаться там, а то узнаете, когда я пройду мимо!

Он с затяжкой хлопнул плёткой над их головами, затем другим щелчком и воем снова двинул отряд бодрой рысью.

Это было достаточно тяжело даже для бедняги Сэма, учитывая всю его усталость, но для Фродо это оказалось мукой, а вскоре стало кошмаром. Он стиснул зубы, попытался ни о чём не думать и продолжал ковылять вперёд. Вонь потных орков, окружавших его, была удушающей, и он хватал воздух пересохшим ртом. Они бежали всё вперёд и вперёд, и Фродо направлял всю свою волю на то, чтобы сохранить дыхание и заставить ноги идти, и при этом даже не осмеливался думать, к какому горькому концу приведут его тяжкие труды и терпение. Не было никакой надежды выйти из строя незамеченными. Орк-погонщик то и дело возвращался, чтобы поглумиться над ними.

— Вот так! — ржал он, стегая их по ногам. — Где кнут, там и охота, мои слизни. Держись!

Я вас сейчас славно освежу, да ещё вы получите столько плетей, сколько выдержит ваша шкура, когда придёте в лагерь с опозданием. И поделом. Вы не знали, что мы воюем?

Они прошли несколько миль, и дорога, наконец, побежала по пологому склону вниз, к равнине, когда силы Фродо начали сдавать и воля его дрогнула. Он шатался и спотыкался. Сэм отчаянно старался помочь ему и поддержать, хотя чувствовал, что он сам едва ли сможет долго выдерживать эту скорость. Теперь он понимал, что конец приближается с каждой минутой: его хозяин потеряет сознание или просто упадёт, и всё будет открыто, и их горькие усилия пропадут впустую. "По крайней мере, я хоть доберусь до этого гада погонщика", — подумал он.

Но только Сэм протянул руку к рукояти меча, как пришло неожиданное избавление. Они уже вышли на равнину и приближались ко входу в Удан. Немного впереди, перед воротами у моста, дорога с запада пересекалась с другими, шедшими с юга и из Барат-дура. И по всем дорогам двигались отряды, так как полководцы Запада наступали, и Чёрный Властелин спешно стягивал свои силы к северу. Случилось так, что к месту слияния дорог в темноте, за пределами света сторожевых костров на стене, одновременно подошло несколько отрядов. Моментально поднялась жестокая толкотня и ругань, так как каждый отряд пытался первым войти в ворота и окончить переход. Несмотря на вопли погонщиков и щелчки кнутов, началась потасовка и кое-где засверкали клинки. Отряд тяжеловооружённых урхов из Барат-дура врезался в колонну Дуртанга и смешал её.

Ошалевший от боли и усталости Сэм встряхнулся, быстро ухватился за представившийся шанс и бросился на землю, потянув за собой Фродо. Орки попадали на них, рыча и ругаясь. Медленно, бок о бок, хоббиты поползли подальше от свалки, пока, наконец, не перевалились незамеченными через противоположную обочину дороги. Она была огорожена высоким бордюром, по которому вожаки отрядов могли ориентироваться в чёрной ночи или тумане, и поднималась на несколько футов над окружающей равниной.

Некоторое время хоббиты лежали неподвижно. Было слишком темно, чтобы искать укрытие, если только его вообще здесь возможно было найти хоть что-то похожее на него, но Сэм чувствовал, что они обязаны хотя бы уйти подальше от дорожной насыпи и факельных рядов.

— Давайте, мистер Фродо! — прошептал он. — Ещё немного ползком, а потом вы сможете лежать, не двигаясь.

В последнем отчаянном усилии Фродо поднялся на руки и прополз, быть может, ещё ярдов двадцать. Затем он сорвался в какую-то неглубокую яму, которая неожиданно открылась перед ним, и лёг там, как мёртвый.

Глава III

Роковая Гора

Сэм подsunул под голову хозяина свой рваный оркский плащ, а потом укрыл себя и его серой одеждой Лориэна; при этом мысли его унеслись к той прекрасной стране, к эльфам, он надеялся, что сотканное их руками полотно имеет, быть может, силу спрятать их в этой страшной пустыне вопреки любым ожиданиям. Он слышал, как драка прекратилась, и шум, когда отряды прошли через Скальзубье, утих. Сдавалось, что в возникшей суматохе и смешении различных отрядов их исчезновение осталось незамеченным, по крайней мере, пока.

Сэм глотнул воды и принудил Фродо попить. Когда его хозяин немного оправился, он дал ему целую галету из их драгоценного дорожного хлеба и заставил съесть её. Затем они растянулись на земле, слишком измотанные для того, чтобы бояться, и поспали немного

тревожными урывками, потому что покрывавший их пот остыл, и жёсткие камни впивались в них, и они дрожали. С севера, от Чёрных Ворот, через Кирит Горгор тянул, шурша по земле, холодный ветерок.

Утром серый свет пришёл снова, потому что высоко в небе всё ещё дул Западный Ветер, но внизу, на камнях за оградами Чёрной Страны, воздух казался почти мёртвым, холодным и в то же время душным. Сэм выглянул из ямы. Местность вокруг была мрачной, плоской и тускло-серой. Сейчас дороги вблизи были пусты, но Сэм боялся бдительных глаз на стене Скальзубья, которая была всего в фарлонге к северу. Далеко на юго-востоке, словно тёмная стоячая тень, маячила Гора. Из неё сочились дымы: одни вздымались вверх и тянулись вдаль, к востоку, другие стекали клубящимися тучами по её склонам и расстилались над землёй. В нескольких милях к северо-востоку неподвижно темнели, словно серые привидения, подножья Изгарных гор, за которыми поднимались туманные серые высоты, будто пелена дальних туч, едва ли более тёмных, чем нависавшее над ними небо.

Сэм попытался прикинуть на глазок расстояния и решить, куда им следует идти.

— Выглядит миль на пятьдесят, не меньше, — мрачно пробормотал он, разглядывая грозную гору. — И это займёт неделю, если только это займёт хоть день с мистером Фродо, как он есть.

Сэм покачал головой, и тут, среди прочих размышлений, в его голове постепенно утвердилась новая мрачная мысль. Надежда никогда не умирала надолго в его верном сердце, и вплоть до настоящего момента он всё же подумывал об обратном пути. Но ему пришлось, наконец, принять горькую правду: их провизии в лучшем случае хватит, чтобы продержаться до цели, и, когда она будет достигнута, здесь они и встретят свой конец, одни, без крова, без пищи, посреди ужасной пустыни. Отсюда не было возвращения.

— Так вот что было предназначено мне с самого начала, — думал Сэм. — Помогать мистеру Фродо до последнего шага, а затем умереть вместе с ним? Ладно, коли так, я это сделаю. Но мне так хотелось бы снова увидеть Приречье, и Розы Хлопкинс, и её братьев, и старика, и Мэригольд, и всех! Вот уж не думал, что Гэндальф послал бы мистера Фродо с таким поручением, если бы совсем не было никакой надежды на его возвращение. Всё пошло наперекосяк с тех пор, как он сгинул в Мории. Если бы он не погиб тогда! Он сделал бы что-нибудь.

Но в тот миг, когда надежда умерла в Сэме, или казалась умирающей, она вернулась с новой силой. Простое лицо хоббита стало суровым, почти мрачным, когда воля его окрепла, и Сэм почувствовал, как по нему пробежал трепет, словно он превращался в существо из камня и стали, которое ни отчаяние, ни усталость, ни бесконечность пустынных миль не могут подчинить.

С новым чувством ответственности он перевёл глаза на окрестности, обдумывая следующий шаг. Когда немного рассвело, он к своему удивлению увидел, что земля, которая издали казалась обширной и невыразительно плоской, на деле вся изрыта и изломана. Действительно, вся поверхность равнин Горгорота была покрыта оспинами больших ям, будто, когда она была ещё пустыней мягкой грязи, её осыпал ливень стрел и град огромных метательных камней. Крупнейшие из этих дыр были окружены вздыбленной кромкой разбитых скал, и от них разбегались по всем направлениям широкие расщелины. Это была местность, позволявшая красться от укрытия к укрытию незаметно для любых, разве что самых бдительных глаз, во всяком случае, тем, у кого есть силы и кто не торопится. Но для голодных и усталых, для тех, кому предстоит ещё много пройти прежде, чем жизнь угаснет, это был зловещий вид.

Размышляя над всем этим, Сэм вернулся к своему хозяину. Ему не понадобилось будить его. Фродо лежал на спине с открытыми глазами, уставившись в покрытое тучами небо.

— Ну вот, мистер Фродо, — сказал Сэм. — Я огляделся и подумал немного. На дорогах никого, и лучше бы нам убраться подальше, пока есть такой случай. Вы можете справиться с этим?

— Я могу справиться с этим, — ответил Фродо. — Я должен.

Они опять двинулись, переползая от дыры к дыре, пробегая за обнаруженными укрытиями, но постоянно продвигаясь по косой к подножью северного хребта. Но именно тем же курсом шла и самая восточная из дорог, пока не прижималась к краям гор и не убегала в стену густой чёрной тени далеко впереди. Сейчас на её плоской серой ленте не было ни человека, ни орка, потому что Чёрный Властелин почти окончил передвижение своих сил, и даже в твердыне своего собственного королевства он искал тайны ночи, боясь ветров мира, которые повернули против него, разрывая его завесы, и озабоченный вестями о дерзких шпионах, которые пробрались за его ограды.

Хоббиты прошли несколько томительных миль, прежде чем остановились. Фродо, казалось, был на пределе сил. Сэм понимал, что его хозяину не уйти далеко вот так, то ползком, то пригнувшись, то медленно нащупывая сомнительную тропку, то бегом, спотыкаясь впопыхах.

— Я собираюсь вернуться на дорогу, пока ещё светло, мистер Фродо, — сказал он. — Попытаем счастья ещё раз! В прошлый раз оно чуть не изменило нам, но не совсем. Ещё несколько миль с постоянной скоростью, а затем отдых.

Он шёл на гораздо больший риск, чем предполагал, но Фродо был слишком занят своей ношей и мысленной борьбой, чтобы спорить, и практически потерял надежду, чтобы сохранять осторожность. Они поднялись на насыпь и побрели по жёсткой, жестокой дороге, которая вела к самой Чёрной Крепости. Но им продолжало везти, и до исхода этого дня хоббиты не встретили ничего живого или движущегося, а когда упала ночь, они растворились во тьме Мордора. Вся страна теперь замерла в тревожном ожидании, как перед приближением великой бури, потому что полководцы Запада миновали Перепутье и пустили пламя в тлетворные поля Имлад Моргула.

Так продолжался безнадёжный путь: Кольцо двигалось к югу, а знамёна королей стремились к северу. Для хоббитов каждый день, каждая миля давались горше, чем предыдущие, потому что их силы таяли, а земли становились все более злыми. Они не встречали врагов днём. Ночами, когда они сидели, съёжившись, или беспокойно задрёмывали в каком-нибудь укрытии при дороге, они иногда слышали крики и топот многочисленных ног или быстро проносящийся мимо стук копыт нещадно погоняемого скакуна. Но гораздо хуже, чем все эти опасности, была постоянно приближающаяся угроза, которая, пока они шли, была в них волнами: страшный вызов Силы, что ждала, клубясь в глубоких думах и неусыпной злобе позади тёмной завесы вокруг её Трона. Ближе и ближе подступала она, маяча чернее и чернее, будто надвигающаяся стена ночи, что стоит на самом краю мира.

Наконец пришла страшная ночь; и как раз тогда, когда полководцы Запада приблизились к концу живых стран, два путника дошли до часа абсолютного отчаяния. Четыре дня миновало с тех пор, как они спаслись от орков, но время это лежало позади них как постоянно сгущающийся кошмар. Весь этот последний день Фродо молчал, и шёл полусогнувшись, часто спотыкаясь, будто глаза его больше не видели дороги под ногами. Сэм догадывался, что из них двоих Фродо страдает больше, неся всё тяжелеющее Кольцо, бремя для тела и мучение для мыслей. Сэм с тревогой подметил, как часто левая рука хозяина поднимается, словно чтобы отвести удар или прикрыть прищуренные глаза от страшного Глаза, который пытается заглянуть в них. А иногда его правая рука хваталась за грудь, сжималась, а затем медленно, по мере того, как воля снова вступала в свои права, оттягивалась назад.

Сейчас, когда вернулась ночная тьма, Фродо сидел, опустив голову на колени и устало свесив руки к земле, его ладони слабо дрожали. Сэм не сводил с него глаз, пока ночь не укрыла их обоих и не спрятала друг от друга. Сэму нечего было больше сказать хозяину, и он обратился к своим собственным мрачным раздумьям. Что до себя, то он, пусть усталый и окутанный страхом, всё ещё сохранил кое-какие силы. Лембасы обладали свойством, без которого хоббиты давно бы уже улеглись умирать. Они не давали желаемого, и временами голова Сэма наполнялась воспоминаниями о еде и жаждой простого хлеба и мяса. И всё же галеты эльфов имели силу, которая возрастала, когда путники полагались только на них и не мешали их с другой пищей. Они питали волю и давали выносливость и способность распоряжаться своими мышцами и сухожилиями в гораздо большей степени, чем доступно смертным. Но сейчас следовало принять очередное решение. Хоббиты не могли больше идти по этой дороге, потому что она вела к востоку, в великую тень, тогда как Гора теперь маячила справа от них, почти на юге, и они должны были свернуть к ней. Однако перед нею простиралась обширная равнина, дымящаяся, голая, покрытая пеплом.

— Вода, вода! — бормотал Сэм.

Он урезывал собственную порцию, и язык в его пересохшем рту казался толстым и разбухшим, но, как он ни старался, воды у них оставалось совсем мало, наверное, не больше, чем полбутылки, а идти предстояло, должно быть, еще дни и дни. Вода давно кончилась бы, если б они не осмелились идти по оркской дороге, потому что вдоль неё на больших интервалах были сооружены для нужд отрядов, спешно посланных через безводные области, цистерны. В одной из них Сэм нашёл немного воды: вонючей, загрязнённой орками, но всё ещё годной в их отчаянном положении. Но это было уже день назад. Больше надеяться было не на что.

Наконец, устав от своих забот, Сэм задремал, оставив завтра до того момента, пока оно не придёт. Он больше не мог ничего сделать. Сон и явь беспокойно смешались. Он видел огоньки, похожие на алчные глаза, и чёрные крадущиеся фигуры, и слышал звуки, напоминающие рёв диких зверей или страшные крики пытаемых, но, когда он рывком просыпался, то мир вокруг него был тёмным и он видел вокруг себя лишь пустую черноту. Только однажды, когда Сэм вскочил, дико озираясь, ему почудилось, что он, хоть больше и не спит, всё ещё видит бледные огоньки, похожие на глаза, но вскоре они мигнули и исчезли.

Полная ненависти ночь медленно и неохотно прошла. Сменивший её свет дня был тусклым, так как здесь, вблизи Горы, воздух всегда был мглистым, а из Чёрной Крепости ползли завесы тьмы, которые Саурон ткал вокруг себя. Фродо лежал на спине, не двигаясь. Рядом стоял Сэм, не желая говорить, и в то же время понимая, что слово теперь за ним: он должен подвигнуть волю хозяина на очередное усилие. Наконец, нагнувшись и глядя Фродо по лбу, он сказал ему на уху:

— Проснитесь, хозяин! Пора идти дальше.

Словно разбуженный неожиданным звоном, Фродо мигом встрепенулся, поднялся и посмотрел на юг, но когда перед его глазами открылись пустыня и Гора, он снова дрогнул.

— Я не могу справиться с этим, Сэм, — проговорил он. — Такой груз тащить, такой груз.

Ещё не успев открыть рот, Сэм знал, что это напрасно и что такие слова принесут скорее вред, чем пользу, но, охваченный жалостью, он не мог смолчать.

— Так позвольте мне понести его немного за вас, хозяин, — сказал он. — Вы знаете, я сделал бы это, и с радостью, до тех пор, пока у меня остались хоть какие-то силы.

Глаза Фродо дико вспыхнули.

— Отойди! Не прикасайся ко мне! — крикнул он. — Оно моё, говорю я. Прочь!

Его рука рванулась к рукояти меча, но затем голос Фродо быстро изменился.

— Нет, нет, Сэм, — произнёс он печально. — Но ты должен понять. Это моё бремя, и никто другой не может нести его. Теперь уже слишком поздно, Сэм, дорогой. Ты не можешь помочь мне опять таким способом. Теперь я почти в его власти. Я не смог бы отдать его и сойду с ума, если попытаюсь сделать это.

Сэм кивнул.

— Я понимаю, — сказал он. — Но я думаю, мистер Фродо, что тут есть вещи, без которых мы вполне можем обойтись. Почему бы немного не облегчить груз? Теперь мы пойдём вон туда, так прямо, как только сможем. — Он указал на Горю. — Не стоит тащить то, что нам вряд ли понадобится.

Фродо снова провёл глазами по направлению к Горе.

— Нет, — сказал он. — Нам не понадобится много на этом пути. А в его конце — ничего.

Подняв с земли свой оркский щит, он швырнул его прочь, а вслед за ним полетел и шлем. Затем, скинув серый плащ, он расстегнул тяжёлый пояс и уронил его на землю вместе с мечом в ножнах. Сорвал и раскидал лохмотья от чёрного плаща.

— Ну вот, я больше не орк! — воскликнул он. — И я не несу оружия, чистого или грязного. Пусть хватают меня, если хотят!

Сэм поступил так же: он снял свое оркское снаряжение и вынул все вещи из своего мешка. Каждая из них стала в некотором роде дорога ему хотя бы уже потому, что он нёс их так далеко и с такими великими трудами. Тяжелее всего было расстаться с кухонной утварью. Глаза его наполнились слезами при мысли, что придётся её бросить.

— Вы помните того кролика, мистер Фродо? — спросил он. — И наш привал под тёплым склоном в краю капитана Фарамира, в день, когда я видел слона?

— Нет. Боюсь, что нет, Сэм, — сказал Фродо. — По крайней мере, я знаю, что всё это было, но я не могу представить это. Ни вкуса пищи, ни ощущения воды, ни звука ветра, ни воспоминаний о деревьях, или траве, или цветах, ни того, как выглядит луна или звёзды, не оставлено мне. Я гол во тьме, Сэм, и никаких завес нет между мной и колесом огня. Я начинаю видеть его даже с открытыми глазами, и всё остальное меркнет.

Сэм подошёл к нему и поцеловал его руку.

— Тогда, чем скорее мы избавимся от него, тем скорее отдохнём, — произнёс он, запинаясь и не находя лучших слов. — Разговорами тут не поможешь, — пробормотал он себе под нос, собирая все вещи, которые они решили оставить. Ему не хотелось оставлять их валяться посреди пустыни кому-нибудь напогляд. — Похоже, Вонючка подобрал ту оркскую кольчугу, и он не должен добавить к ней меч. Его руки достаточно плохи и когда пустые. Да и кастрюли свои я ему пачкать не дам!

С этим Сэм отнёс всё к одной из зияющих расселин, которыми была перечерчена вся местность, и швырнул вниз. Грохот его драгоценных кастрюль, падающих в темноту, был для его сердца подобен похоронному звону.

Затем Сэм вернулся к Фродо, отрезал от своей эльфийской верёвки короткий конец для пояса своему хозяину и плотно обвязал серый плащ вокруг его талии. Остаток верёвки он заботливо свернул и положил обратно в мешок. Кроме этого он сохранил лишь остатки галет и бутылку с водой, а также Разитель, всё ещё висевший на его поясе, а также глубоко засунутый в нагрудный карман на рубаше фиал Галадриэли и маленькую коробочку, которую она подарила ему.

Теперь они наконец повернулись лицом к Горе и отправились в путь, уже не заботясь о том, чтобы прятаться, и направляя слабеющую волю лишь на одно: идти вперёд, вопреки

усталости. В сумеречном свете этих мрачных дней мало кто сумел бы обнаружить их даже в этой стране неусыпной бдительности, разве что оказавшись совсем рядом. Из всех рабов Чёрного Властелина только назгулы могли бы предупредить его об опасности, которая ползёт, маленькая, но упорная, в самом сердце его охраняемого королевства. Но назгулы с их чёрными крыльями были заняты другим: они собрались далеко за его пределами, отбрасывая тень на движущиеся войска Полководцев Запада, и в ту же сторону была обращена мысль Чёрной Крепости.

В этот день Сэму казалось, что его хозяин обрёл новые силы, гораздо более значительные, чем можно было бы объяснить небольшим облегчением бремени, которое ему приходилось нести. За первые переходы они ушли дальше и быстрее. Чем надеялся Сэм. Местность была пересечённой, враждебной, и всё же они сильно продвинулись, и Гора постепенно приближалась. Но под конец дня, когда тусклый свет начал быстро и чересчур рано меркнуть, Фродо опять сник и начал пошатываться, словно сделанный ими рывок растратил его последние силы.

Наконец он опустился на землю и сказал:

— Я хочу пить, Сэм.

И замолчал. Сэм дал ему глоток воды; осталось только ещё на один глоток. Сам он обошёлся без этого, и теперь, когда ночь Мордора в очередной раз сомкнулась над ними, все его мысли заполнили воспоминания о воде, о каждом ручейке, речке или роднике, которые он когда-либо видел под зелёными тенями ив или искрящимися на солнце, рябящими и играющими к его вящему мучению перед ничего не видящими глазами. Он чувствовал холодный ил под пальцами ног, когда бултыхался в пруду Приречья с Йолли Хлопкинсом, Томом, Нибсом и их сестрой Рози.

— Но это было годы назад, — вздохнул он. — И очень далеко. Обратный путь, если только он существует, идёт через Гору.

Ему не удавалось заснуть, и он принялся спорить сам с собой.

— Что ж, ладно, у нас вышло лучше, чем ты надеялся, — решительно заявил он. — Во всяком случае, начало хорошее. По-моему, мы, прежде чем остановились, прошли половину дороги. Ещё один день — и дело сделано.

Тут он перебил сам себя.

— Не будь дураком, Сэм Скромби, — возразил ему его собственный голос. — Он не сможет идти ещё один день так же, как этот, если только сможет идти вообще. Да и ты долго не протянешь, отдавая ему всю воду и большую часть пищи.

— Я смогу продержаться ещё добрый отрезок пути, и я дойду.

— Докуда?

— До Горы, конечно.

— Но что потом, Сэм Скромби, что потом? Когда ты дойдёшь до неё, что ты собираешься делать? Он будет не в состоянии сделать что-нибудь сам.

К своему смущению и ужасу Сэм понял, что у него нет ответа на это. У него не было никаких ясных идей. Фродо не слишком-то много рассказывал ему о своем поручении, и Сэм только смутно представлял, что Кольцо следует каким-то образом отправить в огонь.

— Роковые Щели, — пробормотал он, припомнив слышанное когда-то название. — Ладно, если хозяин и знает, как их найти, я точно нет.

— Вот именно! — прозвучал ответ. — Всё это совершенно бесполезно. Он сам так сказал. Ты дурак, что продолжаешь с таким трудом плестись вперёд и надеяться. Вы давно уже могли улечься рядышком и почить много дней назад, если бы ты не был так упрям. Но вы всё равно умрете именно так, если не хуже. С тем же успехом ты можешь лечь прямо сейчас и бросить всё

это. В любом случае, вам никогда не добраться до вершины.

— Я доберусь, даже если брошу всё, кроме собственных костей, — сказал Сэм. — И я сам отнесу туда мистера Фродо, даже если сердце лопнет или спина сломается. Хватит спорить!

И тут Сэм почувствовал, как земля под ним содрогнулась, и услышал, или ощутил, глубокий, отдалённый рокот, похожий на гром, который ворочается в недрах земли. Под тучами коротко полыхнула красная вспышка и угасла вдали. Гора тоже спала беспокойно.

Настал последний этап их путешествия к Ородруину, и он был гораздо мучительнее того, что Сэм вообще полагал себя способным вынести. Он страдал, а рот его так запёкся, что он не мог больше проглотить ни кусочка пищи. Оставалось темно, но не только из-за дыма Горы: похоже было, что надвигается гроза, и вдали, на юго-востоке, под чёрными небесами сверкали молнии. Хуже всего, что воздух был полон испарений: дышать было больно и трудно, их охватило головокружение, так что они шли, шатаясь, и часто падали. И всё же воля их не сдавалась, и они пробивались вперёд.

Гора подползала всё ближе, пока не заполнила весь горизонт, маяча, если они поднимали тяжёлые головы, прямо перед ними: огромная масса пепла, шлака и обожжённых камней, из которой поднимался в тучи крутой конус. Прежде чем дневные сумерки кончились и снова пришла настоящая ночь, они дотащились и дохромали до самого её подножья.

Фродо, ловя воздух ртом, бросился на землю. Сэм сел рядом с ним. К своему удивлению, он, несмотря на всю усталость, чувствовал облегчение, и голова его, казалось, опять прояснилась. Сомнения больше не смущали его. Он знал все доводы отчаяния и не прислушивался к ним. Его воля укрепилась, и лишь смерть могла сломить её. Он не ощущал больше желания или необходимости спать, скорее необходимость бодрствовать. Он понимал, что все шансы и риски сошлись теперь вместе, в одну точку: следующий день будет роковым, день последней попытки или окончательной катастрофы, последнее усилие.

Но когда он придёт? Ночь казалась бесконечной, выпавшей из времени; минута за минутой умирали и добавлялись к тянущемуся без конца часу, не принося перемен. Сэм начал уже было подумывать, не началась ли опять тьма, так что день теперь никогда не вернётся. Наконец он ощупью нашёл руку Фродо. Она была холодной и трепещущей. Его хозяин дрожал.

— Я не должен был бросать своё одеяло, — пробормотал Сэм и лёг рядом с Фродо, стараясь поудобнее прикрыть его своими руками и телом. Потом его одолел сон, и тусклый свет последнего дня их пути застал их лежащими бок о бок. Ветер, дувший прежде с запада, стих ещё вчера, а теперь он пришёл с севера и начал постепенно усиливаться, и свет невидимого солнца просочился в тени, где лежали хоббиты.

— Ну, пора! Последнее усилие! — сказал Сэм, с трудом поднимаясь на ноги. Он склонился над Фродо и осторожно потряс его. Фродо застонал, но, напрягши всю свою волю, встал, шатаясь, и затем снова упал на колени. Он с трудом поднял глаза на тёмные склоны Роковой Горы, вздымающиеся над ним, а потом пополз вперёд на руках, вызывая жалость.

Сэм увидел это и зарыдал в глубине своего сердца, но слёзы не выступили на его сухих, жгучих глазах.

— Я сказал, что понесу его, даже если сломаю спину, — пробормотал он, — и понесу!

— Давайте, мистер Фродо! — Я не могу нести его за вас, но я могу нести вас и его заодно. Так что залезайте! Садитесь, мистер Фродо, дорогой! Сэм повезёт вас. Только скажите ему, куда идти, и он пойдёт.

Когда Фродо уцепился за его спину, плотно обхватив руками за шею, Сэм надёжно прижал его ноги локтями, поднялся, пошатываясь, и тут к своему удивлению обнаружил, что ноша

легка. Он боялся, что у него едва достанет сил, чтобы поднять одного хозяина, а сверх этого он ожидал разделить страшную, гнетущую тяжесть проклятого Кольца. Но это оказалось не так. То ли из-за того, что Фродо был так изнурён своими долгими муками, кинжальной раной, ядовитым жалом и горем, страхом и бесприютными скитаниями, то ли благодаря некоему дару последних сил, приданных ему, но Сэм поднял Фродо так же легко, как поднял бы хоббитёнка, которого решил прокатить по лугам и полям Ши́ра. Он поглубже вдохнул и двинулся дальше.

К подножью Горы они подошли с севера, немного к западу; здесь ее длинные серые склоны, хоть и разбитые, не были чересчур крутыми. Фродо молчал, поэтому Сэм пробивался вперёд на свой страх и риск, стараясь только забраться как можно выше прежде, чем его силы иссякнут и воля сломается. Он с трудом карабкался вверх и вверх, то и дело сворачивая на менее крутые склоны, часто спотыкаясь и падая на руки, и, наконец, ползком, словно улитка с тяжёлой ношей на спине. Когда воля уже не могла гнать его дальше, а руки и ноги окончательно отказали, он остановился и бережно спустил хозяина.

Фродо открыл глаза и глубоко вздохнул. Тут, наверху, над испарениями, которые свивались кольцами и тянулись над землёй далеко вниз, дышать было легче.

— Спасибо, Сэм, — хрипло прошептал он. — Далеко ли ещё идти?

— Я не знаю, — ответил Сэм, — потому что я не знаю, куда мы идём.

Он посмотрел назад, а затем глянул вверх и поразился, увидев, как далеко привело его последнее усилие. Гора, вздымавшаяся одиноко и зловеще, казалась выше, чем была. Теперь Сэм видел, что она ниже, чем высокий перевал на Эфель Дуате, на который они с Фродо карабкались по лестницам. Беспорядочные и разбитые плечи её гигантского подножья поднимались над равниной, возможно, тысячи на три футов, а над ними ещё на половину этой высоты воздвигался центральный конус, похожий на огромную печь для сушки табака или дымоход и увенчанный зазубренным кратером. Но Сэм уже преодолел добрую половину подъёма, и долина Горгорота тускнела под ним, окутанная тенями и испарениями. Когда он посмотрел наверх, то непременно вскрикнул бы, если бы его запёкшееся горло было способно издать крик, так как среди истерзанных бугров и уступов над собой Сэм ясно разглядел тропу или дорогу. Она поднималась, опоясывая Гору, с запада и змеилась по её склонам, пока не достигала, прежде чем заворачивала за Гору и терялась от взгляда, восточного подножья конуса.

Сэм не мог видеть этой дороги прямо над собой, там, где она была ближе всего, потому что его отделял от неё крутой склон, но он полагал, что, если только ему удастся пробиться ещё немножечко вперёд, они попадут как раз на эту тропу. К нему вернулся проблеск надежды. Они всё-таки покорят Гору!

— Ну, её, видно, недаром проложили! — сказал он сам себе. — Не окажись её здесь, мне пришлось бы признать, что меня таки побили под конец.

Тропа была проложена, разумеется, не для Сэма. Он глядел, не зная этого, на дорогу Саурана из Барат-дура к Саммат Наур, Палате Огня. Она выходила из огромных западных ворот Чёрной Крепости, перекидываясь через глубокий провал по бесконечному железному мосту и затем, спускаясь в долину, на протяжении лиги бежала между двумя дымящимися пропастями и так достигала длинной наклонной насыпи, которая вела вверх по восточному склону Горы. Там она, опоясывая Гору с юга на север, поднималась, наконец, к верхнему конусу, но всё ещё гораздо ниже его курящейся вершины, подводя к тёмному входу, который смотрел вспять, на восток, прямо в Окно Глаза в окутанной тенью твердыне Саурана. Часто заваливаемая и разрушаемая возмущениями в горнилах Горы, она постоянно восстанавливалась и снова расчищалась трудами бесчисленных орков.

Сэм глубоко втянул в себя воздух. Тропа была, но как ему добраться до неё по этому

склону, он не знал. Сначала он должен дать отдохнуть своей ноющей спине. Некоторое время он лежал плашмя рядом с Фродо. Оба они молчали. Свет постепенно усиливался. Внезапно Сэма, непонятно почему, охватило ощущение необходимости спешить. Это было почти так, словно его окликнули: "Сейчас, сейчас, или будет слишком поздно!". Он взял себя в руки и поднялся. Фродо, похоже, тоже почувствовал этот зов. Он, шатаясь, встал на колени и выдохнул:

— Я поползу, Сэм.

Так, шаг за шагом, словно маленькие серые насекомые, они ползли вверх по склону. Они добрались до тропы и обнаружили, что она широка и утрамбована пеплом и мелким щебнем. Фродо вскарабкался на неё, затем медленно, словно по некоему принуждению, повернул лицо к востоку. Вдали висела теневая завеса Саурона, но — не то разорванные порывом ветра из внешнего мира, не то двинутые изнутри каким-то сильным беспокойством — густые тучи всклубились и на мгновение разошлись, и тогда Фродо увидел вздымающиеся вверх чёрные — гораздо чернее и темнее безбрежной тени, посреди которой они стоят, — беспощадные шпили и железную корону самой верхней башни Барат-дура. Всего на миг проглянула она, но оттуда, словно из какого-то громадного окна на неизмеримой высоте, ударила в северном направлении красная вспышка, пронзающий блеск Глаза, а затем тени сдвинулись снова и ужасное видение пропало. Глаз был обращён не к ним: он уставился на север, туда, где были загнаны в западную полководцы Запада, и туда сейчас была направлена вся его злоба, поскольку Сила готовилась нанести свой смертельный удар; но Фродо при виде этой страшной вспышки упал, как заколотый насмерть. Его рука нащупывала цепочку на шее.

Сэм опустился рядом с ним на колени. Он услышал как Фродо слабо, почти беззвучно шепчет:

— Помоги мне, Сэм! Помоги мне, Сэм! Удержи мою руку. Я не могу остановить её.

Сэм взял руки хозяина, сложил их вместе, ладонь к ладони, и поцеловал их, а потом бережно зажал в своих. Внезапно к нему пришла мысль: "Он заметил нас! Всё кончено, или будет кончено очень скоро. Вот теперь, Сэм Скрамби, это окончательный конец".

Он снова поднял Фродо на спину и потянул его руки вниз, к своей груди, оставив ноги хозяина болтаться. Потом он склонил голову и пошёл вверх по дороге. Путь был не таким уж и лёгким, как показалось сначала. Но по счастью огненные реки, выплеснувшиеся в полном беспорядке, когда Сэм стоял на Кирит Анголе, хлынули в основном по южным и западным склонам, а с этой стороны дорогу не завалило. Однако во многих местах она осыпалась или была пересечена зияющими трещинами. Некоторое время она поднималась к востоку, потом круто повернула под острым углом к самой себе и потянулась к западу. Здесь, на повороте, тропа была глубоко врезана в древнюю выветренную скалу, когда-то, очень давно, извергнутую из горнилов Горы. Отдуваясь под своей ношей, Сэм свернул, и в тот же миг краем глаза заметил, как со скалы падает что-то похожее на небольшой обломок чёрного камня, который сорвался, когда он проходил мимо.

Неожиданная тяжесть обрушилась на него, и он рухнул ничком, ободрав тыльную сторону ладоней, которые всё ещё сжимали руки хозяина. Потом он понял, что произошло, так как, ещё лёжа, услышал над собой ненавистный голос.

— Лживый х-хозяин! — прошипел он. — Лживый х-хозяин обманул нас, обманул Смеагорла, горрлум. Он не долж-ж-жен идти этой дорогой. Он не долж-ж-жен вредить Прелес-с-сти. Отдай её Смеагорлу, да-с-с, отдай ей нам-с-с!

Яростно поднатужившись, Сэм вскочил, мгновенно обнажил меч, но — не мог сделать ничего Горлум и Фродо сцепились друг с другом. Горлум рвал одежду на хозяине, пытаясь схватить цепь и Кольцо. Возможно, это была единственная вещь, способная раздуть угасающие угольки сердца и воли Фродо: нападение, попытка вырвать у него его сокровище силой. Он

отбивался с неожиданной яростью, которая поразила Сэма и Горлума тоже. Но даже так дело могло обернуться совсем по-другому, если бы сам Горлум не изменился; однако те страшные, одинокие, голодные и безводные тропы, которые он прошёл, гонимый всепожирающей страстью и невероятным ужасом, оставили на нём тягостные следы. Он превратился в высохшую, умирающую от голода, измождённую тварь: лишь кости да туго натянутая землистая, желтоватая кожа. Глаза его горели неистовым огнём, но прежней хватки под пару его злобе у него уже не было. Фродо отшвырнул Горлума и поднялся, сотрясаемый крупной дрожью.

— На колени, на колени! — выдохнул он, прижав руку к груди так, что нащупал и схватил Кольцо через кожу прикрывавшей её рубахи. — На колени, ползучая тварь, и прочь с моей дороги! Твоё время кончено. Теперь ты не можешь предать меня или убить.

И тут внезапно, как тогда, у подножья Эмин Муила, Сэм увидел этих двух соперников в ином облике. Припавший к земле силуэт, чуть больше, чем тень живого существа, тварь полностью изничтоженная и потерпевшая окончательное поражение, однако исполненная отвратительного вожделения и неистовства, а перед ней стоит суровая, теперь уже недоступная для жалости фигура, одетая в белое, но держащая на груди огненное колесо. И оттуда, из огня, донёсся приказ:

— Прочь отсюда, и не тревожь меня больше! Если ты когда-либо коснёшься меня снова, ты сам кинешься в Роковой Огонь!

Съёжившаяся на земле тварь попятилась с ужасом, но одновременно и с неуголимой жадой в моргающих глазах.

Потом это видение исчезло, и Сэм увидел стоящего с рукой на груди, тяжело дышащего Фродо и Горлума у его ног, на коленях, с широко раскинутыми по земле руками.

— Берегись! — крикнул Сэм. — Он прыгнет!

Он шагнул вперёд, потрясая мечом.

— Живей, хозяин! — выдохнул он. — Вперёд! Вперёд! Не теряйте времени. Я разделаюсь с ним. Вперёд!

Фродо взглянул на него, словно бы издалека.

— Да, я должен идти вперёд, — проговорил он. — Прощай, Сэм! Вот и конец. На Роковой Горе свершится судьба. Прощай!

Он повернулся и двинулся вверх по продолжающей подниматься дороге, шагая медленно, но прямо.

— Ну! — сказал Сэм. — Наконец-то я смогу покончить с тобой!

Он рванулся вперёд с обнажённым мечом, готовый к битве. Но Горлум не прыгнул. Он упал плашмя на землю и захныкал.

— Не убивай нас, — скулил он. — Не рань нас мерз-с-ской жестокой сталью! Оставь нас жить, да-с-с, пожить ещё немного. Пропажа пропала! Мы пропали. И когда Прелесть уйдёт, мы умрём, да, умрём в пыли. — Он скрёб длинными костистыми пальцами пепел на дороге и шипел: — Прах-х-х!

Рука Сэма дрогнула. Голова его пылала от гнева при воспоминании о причинённом зле. По правде говоря, следовало убить эту предательскую, душегубную тварь, такой приговор был справедлив и неоднократно ею заслужен; кроме того, это был единственный правильный поступок с точки зрения безопасности. Но в глубине сердца Сэма было нечто, мешавшее ему: он не мог ударить это лежащее в пыли существо, потерянное, уничтоженное, совершенно жалкое. Он сам, пусть совсем недолго, носил Кольцо, и теперь смутно догадывался об агонии, которая терзала ум и тело Горлума, порабощённого этим Кольцом, не способного больше найти в этой жизни мир или облегчение. Но Сэм не мог подобрать слов, чтобы выразить то, что он

чувствовал.

— Ох, будь ты проклят, вонючка! — сказал он. — Убирайся! Вон! Я не верю тебе, и это так же верно, как то, что я с удовольствием отвесил бы тебе пинка, но проваливай. Или я раню тебя, да-с-с, мерзкой жестокой сталью!

Горлум поднялся на четвереньки, попятился на несколько шагов, потом повернулся и, только Сэм нацелился дать ему пинка, метнулся вниз по тропе. Сэм больше не обращал на него внимания. Он внезапно вспомнил про хозяина. Он провёл глазами вверх по дороге, но не увидел его. Тогда он быстро, насколько мог, заковылял следом. Если бы он обернулся, то увидел бы, что не успевший отбежать далеко Горлум опять повернул, а потом с неистовым светом безумия в горящих глазах, проворно, но осторожно, пополз следом, как скользкая среди камней тень.

Дорога шла вверх. Вскоре она снова и в последний раз повернула на восток и по уступу, пробитому в крутом боку конуса, достигла тёмного проёма в склоне Горы, двери Саммат Наур. Вдалеке, пронзая дымы и испарения, поднималось сейчас к югу солнце — тусклый, затуманенный, зловещий красный диск, но весь Мордор лежал вокруг Горы, как мёртвая, безмолвная, окутанная тенью страна, ожидающая какого-то страшного удара.

Сэм подошёл к зияющей пасти и заглянул в неё. Было темно и жарко, и воздух сотряслся от низкого рокота.

— Фродо! Хозяин! — позвал он.

Ответа не было. Мгновение он стоял так с гулко колотящимся от дикого страха сердцем, потом нырнул внутрь. Тень последовала за ним.

Сначала он не различал ничего и потому вновь достал фиал Галадриэли, но тот остался бледен и холоден в его трясущейся руке и не осветил эту душную тьму. Сэм вступил в сердце королевства Саурана, кузницу его древней мощи, сильнее которой не было в Средиземье, и все прочие силы здесь подавлялись. Боязливо он сделал во тьме несколько неуверенных шагов, и тут внезапно взметнулась вверх красная вспышка и ударила в высокий чёрный потолок. Сэм увидел, что он находится в длинной пещере или туннеле, который вгрызается вглубь дымящегося конуса Горы, но на небольшом расстоянии впереди пол и стены расколоты огромной щелью, из которой вырывается красное зарево, то устремляющееся вверх, то умирающее в тёмной глубине, а из её недр доносится непрерывный рокот и вибрация, будто там работает на холостом ходу огромный мотор.

Свет снова взметнулся вверх, и тут, на краю пропасти, у той самой Роковой Щели, стоял Фродо, чёрный на фоне зарева, напряжённый, прямой, но неподвижный, словно он обратился в камень.

— Хозяин! — крикнул Сэм.

Затем Фродо шевельнулся и заговорил звонким голосом, на самом деле более звонким и более властным, чем Сэму доводилось когда-либо слышать от него, и голос этот перекрыл гул и рокот Роковой Горы.

— Я пришёл, — сказал Фродо. — Но теперь я не стану делать то, ради чего пришёл. Я не желаю совершить это. Кольцо моё!

И, надев Кольцо на палец, он внезапно исчез с глаз Сэма. Сэм раскрыл рот, но так и не успел крикнуть, потому что в этот момент произошло многое.

Что-то яростно ударило Сэма в спину, он был сбит с ног и отлетел в сторону, ударившись головой о каменный пол как раз тогда, когда через него перескочила чёрная фигура. В глазах у него потемнело, и какое-то мгновение он лежал неподвижно.

А вдалеке, в миг, когда Фродо надел Кольцо на палец и объявил его своим прямо в Саммат Науре, в самом сердце Чёрного королевства, Сила в Барат-дуре содрогнулась, и Башня её

сотряслась от фундамента до гордого и острого венца. Чёрный Властелин внезапно обнаружил его, и его Глаз, пронзая тени, взглянул поверх равнины на дверь, которую он сам создал, и в ослепительной вспышке открылась ему вся величина его собственной глупости и, наконец, понятны стали все планы его врагов. Тогда ярость его вспыхнула всепожирающим огнём, но и страх поднялся огромным облаком удушливого чёрного дыма, ибо он видел грозившую ему смертельную опасность и нить, на которой висела теперь его судьба.

Все его замыслы, вся паутина страха и предательства, все хитрости и военные уловки слетели с его мысли, как пустая шелуха, и всё его королевство содрогнулось, его рабы затрепетали, и армии его остановились, и его полководцы, неожиданно оставшиеся без руководства, лишившиеся воли, заколебались и отчаялись. Потому что они были забыты. Вся мысль и стремление Силы, владевшей ими, были теперь с сокрушительным могуществом направлены на Гору. И, повинуясь Его призыву, с раздирающим воем развернулись и в последнем, отчаянном порыве, быстрее ветра, помчались назгулы, призраки Кольца, и в буре крыльев устремились к югу, к Роковой Горе.

Сэм поднялся. Голова его кружилась, и кровь струилась по ней, заливая глаза. Он ощупью двинулся вперёд, а потом увидел страшную и ужасную вещь. На краю бездны Горлум, как безумный, боролся с невидимым врагом. Он качался то туда, то сюда, то так близко к краю, что почти опрокидываясь, то оттягиваясь назад, падая наземь, поднимаясь и падая снова. И при этом он непрерывно шипел, но ничего не говорил.

Огни внизу пробудились в гневе, полыхнуло красным, и вся пещера наполнилась заревом и жаром. Внезапно Сэм увидел, как длинные руки Горлума тянутся вверх, к его пасти; сверкнули белые клыки и щёлкнули, сомкнувшись в укусе. Фродо вскрикнул, и очутился тут, упав на колени у края пропасти. Но Горлум, танцуя, как сумасшедший, поднял кверху Кольцо, в ободе которого всё ещё торчал воткнутый палец. Теперь оно сияло, словно воистину было сделано из живого огня.

— Прелесть, прелесть, прелесть! — кричал Горлум. — Моя Прелесть! О, моя Прелесть!

И с этим, пока он пожирал поднятыми глазами свой трофей, он шагнул слишком далеко, опрокинулся, мгновение качался на краю, а затем с пронзительным криком упал. Из бездны в последний раз донёсся его вопль: "Прелесть!", — и замолк.

Раздался грохот, и в недрах заклокотало. Огни взметнулись вверх и лизнули крышу. Вибрация перешла в громкий рёв, и Гора задрожала. Сэм подбежал к Фродо, подхватил его на руки и понёс к двери. И тут, на тёмном пороге Саммат Наур, высоко над равнинами Мордора, его охватило такое удивление и ужас, что он застыл, забыв обо всём, и смотрел, будто окаменев.

На краткий миг он увидел водоворот туч и в центре его воронки башни и увенчанные зубцами стены, высокие, как холмы, воздвигнутые на могучем горном троне над неизмеримыми безднами, огромные дворы и башни, безглазые темницы, отвесные, словно утёсы, и зияющие ворота из стали и адаманта, а потом всё исчезло. Башни пали, а горы сползли; осыпались и расплавились стены, и рухнули в бездну; ввысь взметнулись широкие спирали дыма и пара, затем опрокинулись, будто побеждённые валы, и их дикий гребень загнулся и, пенясь, обрушился на страну. И лишь потом, сквозь мили и мили, донёсся грохот, усилившийся до оглушительного треска и рёва; земля закачалась; волна прошла в недрах равнины, и она треснула, и Ородруин пошатнулся. Огонь извергся из его расколотой вершины. Загромыхавшую небесную грудь опалили молнии. Поток черного дождя хлынул вниз, подобно сыпящимся ударам хлыстов. И в сердце бури с криком, пронзившим все другие звуки, разорвав на куски тучи, появились назгулы и промчались, словно огненные стрелы, ибо, настигнутые пламенем небес и огнём агонизирующей горы, они затрещали, рассыпались пеплом и исчезли.

— Ну, вот и всё, Сэм Скромби, — произнёс рядом с ним голос.

И тут был Фродо: бледный, измождённый, но снова ставший самим собой, и взгляд его теперь был спокоен — ни напряжения воли, ни безумия, ни следа страха. Бремя его было снято. Здесь был любимый хозяин милых дней в Хоббитании.

— Хозяин! — воскликнул Сэм и упал на колени.

В этот миг, посреди рушащегося мира, он чувствовал только радость, великую радость. Бремя пропало. Его хозяин был спасён, был снова самим собой, он был свободен. А потом Сэм увидел его кровоточащую руку и нанесённое ему увечье.

— Ваша бедная рука! — проговорил он. — И у меня нет ничего, чтобы перевязать или уложить её. Я бы охотнее отдал ему всю свою кисть. Но он теперь ушёл безвозвратно, ушёл навсегда.

— Да, — сказал Фродо. — Но ты помнишь слова Гэндальфа: "Даже Горлум может на что-нибудь пригодиться"? Если бы не он, Сэм, я не смог бы уничтожить Кольцо. Путь оказался бы тщетен, даже в его горьком конце. Так что простим ему! Потому что Поручение выполнено, и всё теперь позади. Я рад, что ты здесь, со мной. Здесь, в конце всего, Сэм.

Глава IV

Поле Кормаллен

Повсюду вокруг холмов бушевали войска Мордора. Полководцев Запада заливало, как морским приливом. Тускло рдело солнце, и под крыльями назгулов тёмные тени смерти упали на землю. Арагорн стоял под своим стягом молчаливо и сурово, словно потерявшись в думах о давно прошедшем или очень далёком, но глаза его мерцали, будто звёзды, что сияют тем ярче, чем глубже ночь. На вершине холма застыл Гэндальф, и он был бел и холоден, и тень не падала на него. Атака Мордора обрушилась на осаждённые холмы, как бурун; голоса среди стука и лязга оружия ревели, подобно бушующим волнам.

Гэндальф шевельнулся, словно глазам его открылось неожиданное видение, и он обернулся назад, к северу, где небеса были бледны и ясны. Затем он воздел руки и громко крикнул голосом, который прозвенел над всем гулом:

— Орлы приближаются!

И многочисленные голоса подхватили этот крик:

— Орлы приближаются! Орлы приближаются!

Войска Мордора взглянули вверх, пытаясь понять, что может означать это знамение.

И тут появился Гваихир Ветробой и Землегон, его брат, величайшие из всех орлов Севера, самые могучие из потомков старого Торондора, что строил свои гнёзда на недостижимых пиках Окраинных Гор, когда Средиземье было молодо. Позади них летели длинными стремительными вереницами все их вассалы северных гор, подгоняемые крепнущим ветром. Внезапно, оставив верхние воздушные струи, они устремились вниз, прямо на назгулов, и шум их широких крыльев, когда они проносились над головой, был подобен буре.

Но назгулы развернулись и бежали, и исчезли в тенях Мордора, услышав внезапный отчаянный призыв из Чёрной Крепости, и в тот же момент все войска Мордора дрогнули, сомнение сжало их сердца, их хохот стих, руки затряслись и ноги ослабели. Сила, которая гнала их вперёд и наполняла ненавистью и неистовством, была поколеблена, её воля оставила их, и, глядя теперь в глаза своих врагов, они видели смертоносный свет и трепетали.

Тогда все Полководцы запада громко крикнули, ибо сердца их исполнились среди тьмы новой надеждой. Рыцари Гондора, всадники Ристании, дунедаяны Севера, тесно сомкнув ряды,

бросились с осаждённых холмов на своих колеблющихся врагов, пронзая толпу жгучими ударами копий. Но Гэндальф поднял руки и опять воззвал ясным голосом:

— Стойте, люди Запада! Стойте и ждите! Это час рока.

И, едва он договорил, земля под их ногами качнулась. Затем, поднимаясь стремительно выше Башен Чёрных Ворот, выше гор, взметнулась в небо безбрежная тьма в сполохах пламени. Земля стонала и тряслась. Башни Клыкков дрогнули, зашатались и рухнули, мощный крепостной вал осыпался, Чёрные Ворота легли в руинах и издалека, смутно, затем нарастая и поднявшись к облакам, донёсся рокочущий грохот, рёв и гулкое эхо крушения.

— Кончилось царство Саурана! — вымолвил Гэндальф. — Хранитель Кольца исполнил свой долг.

И когда Полководцы посмотрели на юг, к Мордору, почудилось им, что там, чернее, чем пелена туч, встала огромная тень, непроницаемая, увенчанная молниями, заполнившая всё небо. Чудовищная, воздвиглась она над миром и с угрозой протянула к ним огромную руку, ужасную, но бессильную, ибо в тот миг, когда она склонилась над ними, сильный порыв ветра подхватил её и сдул прочь, и тень исчезла, и затем упала тишина.

Полководцы склонили головы, а когда они снова подняли глаза — смотрите! — враги их бежали, и могущество Мордора было развеяно, словно пыль по ветру. Как муравьи мечутся бессмысленно и бесцельно, когда смерть сражает огромную разбухшую матку, что живёт в глубине их холма и держит их в повиновении, так и творения Саурана — орки, тролли, зачарованные звери — тоже заматались в безумии, и некоторые покончили с собой, или бросились в ямы, или с воем помчались назад, чтобы укрыться в норах и тёмных беспросветных пещерах без всякой надежды. Но люди Рхана и Харада, вастаки и южане увидели, что война их проиграна и постигли величие и славу Полководцев Запада. И тогда те из них, что дольше и вернее всего служили злу, ненавидя Запад, но вместе с тем были людьми гордыми и храбрыми, в свою очередь сомкнули ряды для последней, отчаянной битвы. Но большая часть со всех ног бежала к востоку, а некоторые бросали оружие и молили о пощаде.

Гэндальф, оставив все эти военные дела и командование Арагорну и другим владыкам, поднялся на вершину холма и позвал, и вниз к нему спустился громадный орёл, Гваихир Ветробой, и встал перед ним.

— Дважды нёс ты меня, Гваихир, друг мой, — сказал Гэндальф. — Третий раз, если ты согласишься, будет последним. Ты почувствуешь, что я ненамного отяжелел с тех пор, как ты унёс меня с Заркзигила, где сгорела моя прежняя жизнь.

— Я отнёс бы тебя, куда ты пожелаешь, даже будь ты сделан из камня, — ответил Гваихир.

— Тогда вперёд, и пусть твой брат и самые быстрые из твоего племени сопровождают нас! Ибо мы должны мчаться быстрее любого ветра, быстрее крыл назгулов.

— Дует северный ветер, но мы обгоним его, — сказал Гваихир.

И он поднял Гэндальфа и устремился к югу, и с ним помчались Землегон и Менелдор, молодые и быстрые. И они пронесли над Уданом и Горгоротом, и увидели под собой всю страну в смятении и крахе, и Роковая Гора пылала перед ними, извергая огонь.

— Я рад, что ты здесь, со мной, — сказал Фродо. — Здесь, в конце всего, Сэм.

— Да, хозяин, я с вами, — отозвался Сэм, бережно прижимая раненную руку Фродо к своей груди. — И вы со мной. И путешествие окончено. Но, после такого пути, я пока ещё не хочу сдаваться. Это как-то совсем не в моём духе, если вы меня понимаете.

— Может быть, и нет, Сэм, — ответил Фродо. — Но так уж устроен этот мир. Надежды

гаснут. Приходит конец. Нам теперь осталось недолго ждать. Мы затеряны среди всеобщего краха и падения, и отсюда нет спасения.

— Ладно, хозяин, но, по крайней мере, мы можем уйти подальше от этого опасного места, этих Роковых Щелей, или как их там. Ну, почему бы нет? Идёмте, мистер Фродо! Давайте хотя бы спустимся по тропе!

— Отлично, Сэм. Если тебе этого хочется, я пойду, — сказал Фродо.

И они встали и медленно пошли вниз по петляющей дороге. И как раз когда они подходили к содрогающемуся подножью Горы, мощный дым и пар изверглись из Саммат Наур, и бок конуса разверзся и выплеснул из себя гигантский огненный поток, который грохочущим каскадом медленно потёк вниз по восточному склону горы.

Фродо и Сэм не могли идти дальше. Их последние телесные и духовные силы быстро угасали. Они добрались до невысокого холма из пепла, наваленного у подножья Горы, но отсюда не было больше спасения. Теперь это был остров, который не мог сохраниться надолго среди мук Ородруина. Земная твердь вокруг него зевала, и из недр открывающихся расселин и ям вырывались дым и пар. Гора позади них тряслась в конвульсиях. Огромные трещины разверзлись в её склонах. Медлительные реки огня подбирались к ним по пологим спускам. Вскоре они будут поглощены ими. Дождём сыпался горячий пепел.

Теперь они просто стояли, и Сэм всё ещё заботливо лелеял руку своего хозяина.

— В какой же истории мы с вами побывали, мистер Фродо, правда? — со вздохом проговорил он. — Вот бы услышать, как её рассказывают! Как вы думаете, они скажут: "Сейчас начнётся история о Девятипалом Фродо и Роковом Кольце"? И тут все замолчат, как мы когда-то, когда в Раздоле рассказывали историю о Берене Одноруком и Великом Алмазе. Хотел бы я послушать это! И ещё интересно, как всё продолжится после нашей части.

Но, даже говоря так, чтобы до самого последнего момента отогнать от себя страх, он неотрывно глядел на север, на север, в самое око ветра, туда, где высокое небо было чистым, поскольку холодный порыв, поднявшись до бури, смёл тьму и обрывки туч.

И случилось, что Гваихир, примчавшийся с диким ветром и круживший в воздухе, невзирая на опасное небо, заметил своим острым взглядом две маленькие затерянные фигурки, стоявшие рука об руку на невысоком холме, тогда как мир качался под ними и зевал, и огненные реки подступали. И в тот миг, когда он заметил их и скользнул вниз, он увидел, что они падают без сил, захлебнувшись испарениями и жаром или сражённые, наконец, отчаянием, закрыв глаза перед смертью.

Бок о бок лежали они, и вниз падал Гваихир, и вниз спускались Землегон и быстрый Менелдор, и во сне, не зная, какой жребий постиг их, путники были подняты и унесены далеко от тьмы и огня.

Когда Сэм очнулся, он обнаружил, что лежит на каком-то мягком ложе, но над ним слегка колеблются широкие буковые сучья, и сквозь их молодую листву мерцает зелёный и золотой солнечный свет. Воздух был напоён свежим благоуханием.

Он вспомнил этот запах: аромат Итили. "Ничего себе! — подумал он. — Как же долго я спал?" Потому что аромат этот перенёс его назад, в день, когда он развёл маленький костёр под залитой солнцем насыпью, и на миг всё остальное исчезло из его просыпающейся памяти.

— Ух, ну и кошмар я видел! — пробормотал он. — Я рад, что проснулся!

Он сел и тут увидел, что рядом с ним лежит Фродо и мирно спит: одна рука под головой, а другая поверх покрывала. Это была правая рука, и третий палец отсутствовал.

Нахлынули воспоминания обо всём, и Сэм громко вскрикнул:

— Это был не сон! Но где же мы тогда?

И голос позади него тихо ответил:

— В землях Итили и под защитой Короля, и он ждёт вас.

С этими словами перед ним появился Гэндальф, одетый в белое; борода его теперь мерцала, как чистый снег в рябющем в листве солнечном свете.

— Ну, мистер Сэммиум, как ты себя чувствуешь? — спросил он.

Но Сэм упал навзничь и уставился на него, открыв рот, и какую-то минуту не мог ответить, раздираемый замешательством и великой радостью. Наконец он выдохнул:

— Гэндальф! Я думал, что ты мёртв! А потом я подумал, что сам умер. Неужели всё печальное стало неправдой? Что случилось с миром?

— Великая Тень исчезла, — ответил Гэндальф, а затем рассмеялся, и звук этот был подобен музыке или воде посреди пустыни, и Сэму вдруг подумалось, что он не слышал смеха, этого чистого звука веселья, бессчётные дни, целую вечность. Он ударил ему в уши, словно отзвук всех радостей, какие он когда-либо знал. Но сам он разразился слезами. Затем, будто лёгкий дождик, который был унесён весенним ветром, и после которого солнце сияет яснее, его слёзы прекратились, и выплеснулся смех, и, смеясь, он вскочил со своего ложа.

— Как я себя чувствую? — воскликнул он. — Да я даже не знаю, как выразить это. Я чувствую, чувствую, — он замахал руками в воздухе, — чувствую, словно весну после зимы, и солнце на листьях, и словно трубы и арфы, и все песни, какие только доводилось мне слышать!

Тут он замолк и обернулся к хозяину.

— А как мистер Фродо? — спросил он. — Какая беда с его рукой-то. Но, надеюсь, в остальном он в порядке? Он пережил тяжёлое время.

— Да, в остальном я в порядке, — отозвался Фродо, сев и рассмеявшись в свой черёд. — Я просто заснул снова, пока дожидался тебя, Сэм, соня ты этакый. Я проснулся сегодня ранним утром, а сейчас уже должно быть близко к полудню.

— К полудню? — переспросил Сэм. — Полудню какого дня?

— Четырнадцатого дня Нового года, — ответил Гэндальф. — Или, если угодно, восьмого апреля по счёту Ши́ра. Но в Гондоре Новый год отныне всегда будет начинаться двадцать пятого марта, когда пал Саурон и когда вы были принесены из огня к королю. Он выходил вас и сейчас он ждёт вас. Вы поедите и попьёте с ним. Когда вы будете готовы, я отведу вас к нему.

— Король? — спросил Сэм. — Какой король, и кто он?

— Король Гондора и Владыка Западных Стран, — ответил Гэндальф. — Он вернул себе всё древнее королевство. Скоро он отправится на свою коронацию, но он ждал вас.

— А что нам одеть? — спросил Сэм, так как всё, что он мог увидеть, были старые изодранные плащи, в которых они путешествовали и которые лежали свёрнутыми на земле рядом с их постелями.

— Одежду, которую вы носили на вашем пути в Мордор, — сказал Гэндальф. — Должны быть представлены даже оркские лохмотья, которые были на тебе в Чёрной стране, Фродо. Ни шелка, ни лён, никакие гербы или доспехи не могут быть более почётными. Но позднее, возможно, я найду какие-нибудь другие одежды.

Затем он протянул к ним руки, и они увидели, что в одной из них что-то сияет.

— Что ты там держишь? — воскликнул Фродо. — Может ли это быть...

— Да, я принёс вам два сокровища. Их нашли на Сэме, когда вас спасли. Дары Владычицы Галадриэли: твой фиал, Фродо, и твоя коробочка, Сэм. Вы будете рады получить их опять в целости и сохранности.

Вымывшись, одевшись и слегка перекусив, хоббиты пошли за Гэндальфом. Они вышли из

буковой рощи, в которой их уложили, на длинную зелёную лужайку, яркую в сиянии солнца, окаймленную стройными деревьями с тёмной листвой и усыпанными алыми цветами. За спиной они слышали шум падающей воды, а перед ними меж цветущих берегов бежал ручей, который спускался по лужайке к лесу в зелёном наряде и исчезал в арке между деревьями, сквозь которую они видели блеск воды вдалеке.

Приблизившись к лесной прогалине, они поразились, увидев стоящих здесь рыцарей в ярких кольчугах и высоких стражей в серебряном и чёрном, которые с почётом приветствовали их и склонялись перед ними. И потом запела одинокая труба, и они пошли вперёд по проходу между деревьями сбоку от поющего потока. Так они вышли на широкое зелёное поле, за которым в серебристой дымке раскинулась могучая река, а из реки поднимался длинный лесистый остров, и много кораблей лежало у его берегов. А на поле, на котором они сейчас стояли, было выстроено рядами и отрядами большое войско, и доспехи сверкали на солнце. И когда хоббиты приблизились, мечи были обнажены, и копья склонились, и трубы и рога запели, и люди вскричали на многих языках, слив голоса в едином хоре:

Долгая жизнь Невысокликам! Воздайте им великую славу!

Куио и Периаин ананн! Аглар'ни Перианнат!

Воздайте им хвалу, Фродо и Сэммиуму!

Даур а бергаэль, Кинин ен Аннун! Эглерио!

Слава им!

Эглерио!

А лаита те, лаита те! Андаве лаитувальмет!

Слава им!

Кормаколиндор, а лаита тариенна!

Слава им! Хранителям Кольца, великая слава и хвала!

И так, с вспыхнувшими от бросившейся в них крови лицами и сияющими от удивления глазами, Фродо и Сэм двинулись вперёд и увидели, что среди славящего их войска были поставлены три высоких трона, сложенные из зелёного дёрна. За троном справа летела в свободном беге большая лошадь, белая на зелёном; за левым было голубое с серебром знамя, — корабль-лебедь, бегущий по морю; но позади самого высокого трона в центре развернулся на свежем ветру громадный стяг, и там, под сияющей короной и семью сверкающими звёздами на чёрном фоне цвело белое дерево. На троне сидел одетый в кольчугу человек, большой меч лежал на его коленях, но шлема на нём не было. Когда хоббиты приблизились, он поднялся. И тут они узнали его, такого изменившегося, такого высокого и радостного, величавого, владыку людей, темноволосого, с серыми глазами.

Фродо бегом бросился навстречу ему, Сэм попятая за ним.

— Ну, это просто венец всего! — воскликнул он. — Бродяжник, или я всё ещё сплю!

— Да, Сэм, Бродяжник, — сказал Арагорн. — Не правда ль, это был долгий путь от Пригорья, где мой вид так тебе не понравился? Долгий путь для всех нас, но ваш путь был самым тёмным.

И потом, к удивлению и полнейшему замешательству Сэма, он преклонил перед ними колено и, взяв их за руки — Фродо правой, а Сэма левой, — повел их к трону и, усадив на него, повернулся к людям и стоявшим рядом полководцам и воскликнул так, что голос его прозвенел над всем войском:

— Воздайте им великую славу!

И тут, когда радостный крик взметнулся и опять умер вдали, к окончательному и полному удовольствию и чистой радости Сэма выступил вперёд менестрель Гондора и встал на колени, и попросил дозволения петь. И — подумать только! — он сказал:

— Внимайте! Лорды и рыцари, и люди незамутнённой доблести, короли и принцы, и прекрасный народ Гондора, и всадники Ристании, и вы, сыны Элронда, и дунедайны Севера, и эльф, и гном, и храбрецы Ши́ра, и весь свободный народ Запада, слушайте теперь моё лэ. Ибо я спою для вас о Фродо Девятипалом и Роковом Кольце.

И, услышав это, Сэм громко рассмеялся от полнейшего восхищения, и вскочил, и воскликнул:

— О, великий блеск и великая слава! И все мои желания сбылись!

А потом он заплакал.

И всё войско смеялось и плакало, и среди их веселья и слёз зазвучал чистый, как золото и серебро, голос менестреля, и все люди замолкли. И он пел им, то на эльфийском языке, то на наречии Запада, пока сердца их, раненные мелодичными словами, не переполнились, и радость их не стала подобна мечам, и они унеслись мыслями в края, где страдание и наслаждение текут вместе и слёзы — истинное вино блаженства.

И наконец, когда солнце покати́лось с полудня и тени деревьев удлинились, он кончил.

— Воздайте им великую славу! — сказал он и преклонил колени.

И затем Арагорн поднялся, и всё войско встало, и они пошли к поставленным шатрам, чтобы есть, пить и веселиться, пока длится этот день.

Фродо и Сэма отвели в сторону под навес, и здесь их старые одежды были сняты, однако свёрнуты и с почётом отложены, и им дали одеяния из чистого льна. Затем появился Гэндальф, и в руках, к удивлению Фродо, он держал меч, и эльфийский плащ, и мифрильную кольчугу, которые были отобраны у него в Мордоре. Для Сэма он принёс позолоченную кольчугу и его эльфийский плащ, очищенный от пятен и заштопанный; а потом он положил перед ними два меча.

— Я не хочу никакого меча, — сказал Фродо.

— По крайней мере, нынешним вечером тебе следует надеть один, — возразил Гэндальф.

Тогда Фродо взял маленький меч, который принадлежал Сэму и был положен рядом с Фродо на Кирит Анголе.

— Разитель я отдал тебе, Сэм, — сказал он.

— Нет, хозяин! Мистер Бильбо дал его вам, и он шёл вместе с его серебряной кольчугой; он не захотел бы, чтобы теперь его носил кто-нибудь другой.

Фродо уступил, и Гэндальф, словно он был их оруженосцем, встал на колени и опоясал их, а потом, поднявшись, он надел им на головы тонкие серебряные венцы. Наряженные так, пошли они на великий пир, и сидели за королевским столом вместе с Гэндальфом и герцогом Эомиром из Ристании, и принцем Имрагилом, и прочими главными полководцами, и здесь были также Гимли и Леголас.

Но когда, после Молчания Стоя, было внесено вино, появились два оруженосца, чтобы прислуживать королям, или, по крайней мере, они выглядели, как оруженосцы: один был одет в серебряное и чёрное Стражи Минас Тирита, а другой в белое и зелёное. Но Сэм удивился, что делают такие молодые парнишки в армии могучих воинов. Затем внезапно, когда они подошли поближе и он смог их отчётливо разглядеть, он возопил:

— Ой, гляньте-ка, мистер Фродо! Гляньте сюда! Да это же Пин! Мистер Перегрин Крол, хотел я сказать, и мистер Мерри! Как они выросли! С ума сойти! Надо понимать, они могли бы порассказать побольше, чем мы.

— Разумеется, — сказал Пин, поворачиваясь к нему. — И мы начнём рассказывать сразу же, как кончится пир. А пока ты можешь попытаться Гэндальфа. Он теперь не такой скрытный, как раньше, хотя смеётся больше, чем разговаривает. Потому что в настоящий момент мы с Мерри заняты. Мы рыцари Гондора и Рохана, что, я надеюсь, ты заметил.

Наконец радостный день кончился, и, когда солнце ушло и круглая луна медленно заскользила над туманами Андуйна, пронизывая трепещущую листву, Фродо и Сэм усадились под шелестящими деревьями, окружённые ароматами прекрасной Итили, и заговорились глубоко за полночь с Мерри, Пином и Гэндальфом, а чуть погодя к ним присоединились Леголас и Гимли. Тут Фродо и Сэм узнали многое из того, что произошло с Отрядом с тех пор, как в злой день товарищество их распалось на Парт Гален у водопада Рэрос, и, тем не менее, рассказов и вопросов не убывало.

Орки и говорящие деревья, и лиги травы, и мчащиеся галопом всадники, и сверкающие пещеры, и белые башни, и золотые залы, и битвы, и высокие корабли под парусами — всё это промелькнуло перед мысленным взором Сэма, пока он не ощутил себя окончательно запутавшимся. Но среди всех этих чудес он не переставал всё время изумляться размерам Мерри и Пина и в конце концов поставил их спина к спине с собой и Фродо. Потом почесал голову.

— Не могу этого понять в вашем возрасте! — сказал он. — Но это так: вы на три дюйма выше, чем должны были быть, или я гном.

— Вот уж это ни в коем случае, — вмешался Гимли. — Но, что я могу сказать? Смертным не дано пить напитки энтов с тем, чтобы они подействовали на них не больше, чем кружка пива.

— Напитки энтов? — спросил Сэм. — Снова ты об этих энтах; но что они такое, превосходит моё понимание. Да целые недели пройдут, прежде чем мы разберёмся во всём этом!

— Вот именно, что недели, — подтвердил Пин. — А потом Фродо запрётся в башне в Минас Тирите и запишет всё это. Иначе он половину забудет, и бедный старина Бильбо будет ужасно огорчён.

В конце концов Гэндальф поднялся.

— Руки Короля — руки целителя, дорогие друзья, — сказал он. — Но вы подошли к самому обрыву смерти, прежде чем он отозвал вас, приложив все свои силы, и отправил в светлое забытьё сна. И, хоть вы действительно спали долго и блаженно, всё же теперь время поспать снова.

— И не только Сэму и Фродо, — добавил Гимли, — но и тебе тоже, Пин. Я люблю тебя хотя бы уже за все те страдания, которых ты мне стоил и которых я никогда не забуду. Как не забуду я и того, как искал тебя на холме последней битвы. Если бы не гном Гимли, тебя бы так и не нашли. Но, по крайней мере, я теперь знаю, как выглядит подошва хоббита, хотя это было всё, что было видно под грудой тел. И когда я стащил с тебя ту огромную тушу, я был уверен, что ты мёртв. Я чуть было не вырвал тогда всю свою бороду. И всего сутки пока прошли с тех пор, как ты впервые поднялся и снова вышел. Иди немедленно в кровать. Да и я пойду тоже.

— А я, — сказал Леголас, — погуляю в лесах этой прекрасной страны, ибо это достаточный отдых. В грядущие дни, если позволит мой Владыка эльфов, кое-кто из нашего народа переселится сюда, и, когда мы придём, благословенна будет эта земля на время. На время: на месяц, поколение, сотню лет жизни людей. Но Андуйн близок, и Андуйн течёт к Морю. К Морю!

К морю, к морю! Слышны ли вам чаек крики?

Белоснежные чайки, выются и стонут они.
Ветер, ветер, пену несёт он клочками;
Запад, запад, там солнце садится вдали.
Парусник светло-серый... Слышите зов печальный
Эльфов звонкоголосых, которые прежде ушли?
Я навеки оставлю пущи, что нас растили,
Кончились древние годы, угасли былые дни.
Под парусами тугими умчусь за широкие воды,
Уйду на Берег Последний, где вечно шепчут валы.
Там, в Эресее, призывно звучит, не смолкая, пенье,
Там, в Краю Позабытом, листья всегда зелены.
Там, неведома смертным, эльфов родная обитель,
Там, средь бессмертных деревьев, жить будем вечно мы!

И так, напевая, Леголас спустился с холма.

Прочие также разошлись. Фродо и Сэм отправились в свои постели и уснули. А утром они встали снова в надежде и мире, и они провели в Итилии много дней. Поскольку поле Кормаллен, где сейчас расположилось войско, было недалеко от Хеннет Аннуна, и речка, что брала начало от его водопадов, пела в ночи, стремительно проносясь сквозь его скалистые ворота и сбегая по цветущим лугам, чтобы влиться в струи Андуйна близ острова Каир Андрос. Хоббиты гуляли здесь и там, навещая опять места, где они проходили прежде, и Сэм всё надеялся хоть на миг увидеть где-нибудь в лесной тени или на тайной прогалине великого Слона. А когда он узнал, что в осаде Гондора участвовала масса таких животных, но все они были уничтожены, то счёл это прискорбной утратой.

— Что ж, нельзя ведь успеть сразу повсюду, — сказал он. — Но, кажется, я пропустил многое.

Тем временем войско приготовилось к возвращению в Минас Тирит. Усталые отдохнули, а раненные исцелились. Ибо части войска пришлось потрудиться и долго сражаться с остатками вастаков и южан, пока все они не покорились. И, последними из всех, вернулись те, кто ходил в Мордор и разрушил крепости на севере страны.

Но наконец, когда май был уже близок, Полководцы Запада выступили опять; и они взошли со всеми людьми на корабль и поплыли под парусами вниз по Андуйну от Каир Андроса к Осгилиату, и там они задержались на день, а на следующий день дошли до зелёных полей Пеленнора и снова увидели белые башни под высоким Миндоллуином: Город гондорцев, последнюю память о Заокраинном Западе, который прошёл сквозь тьму и огонь к новым дням.

И тут, средь полей, они разбили шатры и стали ждать утра, ибо это был Канун Мая, и Король собирался вступить в свои ворота на восходе солнца.

Глава V

Правитель и Король

Над городом Гондора висели сомнение и великий страх. Прекрасная погода и ясное солнце казались насмешкой людям, чьи дни содержали мало надежды и которые каждое утро ожидали роковых известий. Их владыка был мёртв и сожжён, мёртвым лежал в их цитадели герцог Ристании, и новый король, который пришёл к ним ночью, снова ушёл воевать с силой слишком

тёмной и ужасной для того, чтобы её можно было одолеть мощью или доблестью. А вестей всё не было. После того, как войско оставило долину Моргула и ушло по северному тракту под тень гор, ни один гонец не вернулся и не было никаких слухов о том, что происходит на грозно нахмурившемся востоке.

Когда мигнуло всего два дня с ухода полководцев, госпожа Эовин велела ухаживающим за ней женщинам принести её одежду и поднялась, не слушая никаких уговоров, и, когда её одели и подвесили её руку на льняную перевязь, она пошла к Смотрителю Лечебниц.

— Сэр, — сказала она, — я в великой тревоге и не могу лежать дольше в праздности.

— Госпожа, — ответил он, — вы ещё не поправились, а мне приказано окружить вас особым уходом. Вам не следует подниматься с кровати ещё семь дней, во всяком случае, мне так велели. Я умоляю вас вернуться обратно.

— Я здорова, — возразила она. — Здорова, по крайней мере, телом, исключая только мою левую руку, а она не беспокоит. Однако я заболела опять, если не найдётся ничего, что я могу сделать. Нет ли известий с войны? Женщины ничего не могли сообщить мне.

— Известий нет, — сказал Смотритель, — кроме того, что Владыки поскакали к долине Моргула, и люди говорят, что их ведёт новый капитан с Севера. Он знатный лорд и целитель, и странным кажется мне то, что рука, способная исцелять, в равной степени владеет и мечом. Так не бывает теперь в Гондоре, хотя когда-то так было, если старые легенды правдивы. Но уже многие годы мы, целители, лишь стараемся залатать дыры, проделанные людьми мечей. Хотя у нас и без того было бы достаточно дел: мир полон опасностей и болезней и без войн, чтоб множить их.

— Для войны достаточно даже одного врага, а не двух, мастер Смотритель, — ответила Эовин. — И не имеющие мечей всё же могут умереть от них. Вы предпочли бы, чтобы народ Гондора собирал только ваши травы, когда Чёрный Властелин собирает армии? И телесное исцеление не всегда является благом, как не всегда является злом гибель в сражении, пусть даже в жестоких муках. Имей я возможность, то в этот чёрный час я избрала бы второе.

Смотритель внимательно посмотрел на неё. Она стояла здесь высокая, с горящими глазами на бледном лице, и рука её сжалась, когда она отвернулась и поглядела в окно, выходящее на восток. Он вздохнул и покачал головой. Помолчав немного, она повернулась к нему снова.

— Разве здесь нечего совершить? — спросила она. — Кто командует в этом городе?

— Я точно не знаю, — ответил Смотритель. — Такие вещи не заботят меня. Здесь есть маршал над всадниками Ристании, а людьми Гондора, как мне говорили, командует господин Хурин. Но Правителем Города по праву является господин Фарамир.

— Где я могу найти его?

— В этом доме, госпожа. Он был тяжело ранен, однако теперь снова вернулся на путь выздоровления. Но я не знаю...

— Вы не проводите меня к нему? Тогда вы узнаете.

Господин Фарамир гулял в одиночестве по саду Лечебниц, и солнечные лучи согревали его, и он чувствовал, как жизнь снова бежит по его жилам, но на душе у него было тяжело, и он смотрел через стены на восток. Приблизившись, Смотритель произнёс вслух его имя, и он обернулся и увидел госпожу Эовин из Ристании, и в нём шевельнулась жалость, ибо видел, что она ранена, и постиг своим ясным взором её скорбь и тревогу.

— Мой господин, — сказал Смотритель. — Вот госпожа Эовин из Ристании. Она прискакала вместе с герцогом и была тяжело ранена, и находится сейчас на моём попечении. Но она недовольна и желает поговорить с Правителем Города.

— Не поймите его неправильно, господин, — произнесла Эовин. — Не недостаток заботы

огорчает меня. Нет более прекрасных домов для тех, кто мечтает поправиться. Но я не могу лежать праздну, в бездействии, в клетке. Я искала смерти в сражении. Но я не умерла, а сражение всё ещё продолжается.

По знаку Фарамира Смотритель поклонился и удалился.

— Что же вы хотите от меня, госпожа? — спросил Фарамир. — Я тоже пленник целителей.

Он посмотрел на неё и, поскольку он был человеком, способным испытывать глубокую жалость, показалось ему, что горестная её красота пронзает его сердце. И она взглянула на него и прочла в его глазах спокойную доброту и однако поняла, ибо росла среди воинов, что перед нею тот, кого не превзойдёт в битве ни один всадник Ристании.

— Что вы хотите? — повторил он. — Если это в моей власти, я сделаю это.

— Я хочу, чтобы вы призвали Смотрителя и велели ему отпустить меня, — сказала она, но, хоть слова её всё ещё оставались гордыми, сердце её дрогнуло, и впервые она усомнилась в себе самой. Она догадывалась, что этот высокий человек, одновременно сильный и мягкий, должен счесть её просто капризной, словно ребенка, у которого не достаёт терпения и сосредоточенности, чтобы довести скучное дело до конца.

— Я сам нахожусь на попечении Смотрителя, — ответил Фарамир, — и не принял ещё своих полномочий в Городе. Но и прими я их, всё равно я прислушался бы к его совету и не стал бы перечить его воле в делах его мастерства, не будь на то крайней необходимости.

— Но я не желаю исцеления, — возразила она. — Я хочу скакать в бой, как мой брат Эомир или лучше как герцог Теоден, ибо он мёртв и обрёл одновременно славу и покой.

— Слишком поздно, госпожа, следовать за полководцами, даже если у вас есть силы, — ответил Фарамир. — Но, тем не менее, смерть в бою может постигнуть нас всех, хотим мы того или нет. Вы лучше подготовьтесь встретить её на ваш собственный лад, если, пока ещё есть время, будете делать всё, как велит целитель. Вы и я, мы должны терпеливо выносить часы ожидания.

Она не ответила, но, когда Фарамир взглянул на неё, ему показалось, что в ней что-то смягчилось, словно злая стужа уступила первому, слабому предвестию весны. Слезы брызнули из её глаз и побежали по щекам, как искрящиеся капельки дождя. Её гордая голова слегка склонилась. Затем тихо, будто обращаясь скорее к себе, чем к нему, она сказала:

— Но целители хотят, чтобы я лежала в постели ещё семь дней. А моё окно не смотрит на восток.

Теперь её голос был по-девичьи молод и печален.

Фарамир улыбнулся, хоть сердце его было полно жалости.

— Ваше окно не смотрит на восток? — сказал он. — Это можно поправить. В этом я прикажу Смотрителю. Если вы останетесь здесь, в доме, под нашей заботой, госпожа, и отдохнёте, тогда вы сможете, когда захотите, гулять в этом саду на солнце, и вы будете смотреть на восток, куда ушли все наши надежды. И здесь вы найдёте меня, прогуливающегося, ждущего и тоже смотрящего на восток. Моя тревога станет легче, если время от времени вы будете гулять или беседовать со мной.

Тогда она подняла голову и снова посмотрела ему в глаза, и краска появилась на её бледном лице.

— Чем же я облегчу вашу тревогу, мой господин? — спросила она. — И я не хочу бесед с живыми людьми.

— Вы извините меня за откровенность? — сказал он.

— Да.

— Тогда, Эовин из Ристании, я скажу вам, что вы прекрасны. В долинах наших гор есть цветы, светлые и красивые, и ещё более красивые девушки, но доньше я не видел в Гондоре ни

цветка, ни госпожи столь прекрасной и столь печальной. Быть может, осталось лишь несколько дней, прежде чем на наш мир падёт Тьма, и, когда она придёт, я надеюсь встретить её стойко. Но моё сердце стало бы легче, если бы сейчас, пока солнце ещё светит, я мог видеть вас. Потому что мы с вами оба попали под крылья Тени, и одна рука вытащила нас назад.

— Увы, не меня, господин! — сказала она. — Тень всё ещё лежит на мне. Не ждите от меня исцеления! Я дева-воительница, и моя рука не нежна. Но, по крайней мере, я благодарю вас за то, что мне не придётся безвылазно сидеть в комнате. Я буду гулять на воле, благодаря любезности Правителя Города.

И она сделала ему реверанс и вернулась в дом. Но Фарамир долго ещё гулял в одиночестве по саду, и взгляд его теперь чаще устремлялся к дому, чем к восточным стенам.

Вернувшись в свою комнату, он вызвал Смотрителя и выслушал всё, что тот мог сообщить о Госпоже Ристании.

— Но я не сомневаюсь, господин, — сказал Смотритель, — что вы узнаете больше от невысоклика, который у нас, потому что он участвовал в скачке герцога и, как говорят, находился при госпоже до конца.

И так Мерри был послан к Фарамиру, и в течение всего этого дня они долго беседовали друг с другом, и Фарамир узнал много, даже больше, чем Мерри вложил в слова; и ему сдавалось, что теперь он кое-что понимает в горе и тревоге Эовин из Ристании. И тихим и светлым вечером Фарамир с Мерри вышли в сад, но она не пришла.

Однако утром, когда Фарамир вышел из Лечебниц, он увидел её, стоящую на стене, и она была вся в белом и блистала на солнце. И он окликнул её, и она спустилась, и они гуляли по траве или сидели вместе под зелёным деревом то молча, то беседуя. И все следующие дни они поступали так же. И Смотритель, глядя из своего окна, сердечно радовался, потому что он был целителем, и забота его теперь облегчалась, поскольку, хотя тяжело давили на сердца людей страх и дурные предчувствия этих дней, очевидно было, что эти двое на его попечении идут по пути выздоровления и с каждым днём крепнут.

И так пришёл пятый по счёту день с тех пор, как госпожа Эовин впервые пришла к Фарамиру, и сейчас они снова стояли вместе на стенах Города и смотрели вдаль. Известий всё ещё не было, и на душе у всех было черно. Погода тоже не была более ясной. Было холодно. Ветер, поднявшийся ночью, теперь был резок и дул с севера, и он усиливался, однако окрестные земли казались серыми и мрачными.

Они были одеты в тёплые одеяния и тяжёлые плащи, и поверх них на госпоже Эовин была большая синяя мантия цвета глубокой летней ночи, усеянная по подолу и вороту серебряными звёздами. Фарамир послал за этой одеждой и закутал в неё Эовин; и он думал, насколько же благородно и действительно по-королевски выглядит она, стоящая здесь, рядом с ним. Мантия эта была сделана для его безвременно умершей матери, Финдуилас из Амрота, и была для него памятью о её красоте в те далёкие дни и его первом горе; и её одежда казалась ему подходящим облачением для красоты и печали Эовин.

Но сейчас она дрожала под усеянной звёздами мантией и смотрела на север, поверх высоких серых нагорий прямо в око холодного ветра, где, очень далеко, небо было суровым и ясным.

— Что вы ищите, Эовин? — спросил Фарамир.

— Не там ли лежат Чёрные Ворота? — отозвалась она. — И не сейчас ли он должен был прийти туда? Семь дней прошло с тех пор, как он уехал.

— Семь дней, — подтвердил Фарамир. — Но не думайте обо мне плохо, если я скажу вам: они принесли мне одновременно радость и боль, каких я и не думал узнать. Радость видеть вас,

но и боль, потому что теперь страх и сомнение этих злых времён действительно стали темны. Эовин, я не хочу, чтобы этот мир сейчас кончился, не хочу так скоро потерять то, что я нашёл.

— Потерять то, что вы нашли, господин? — молвила она, однако серьёзно взглянула на него внимательными глазами. — Не знаю, что нашли вы в эти дни такого, что могли бы потерять. Но тише, мой друг, не будем говорить об этом! Не будем говорить совсем! Я стою у какого-то страшного края, и в бездне под моими ногами совершенно черно, но я не могу сказать, есть ли какой-нибудь свет позади меня. Потому что я пока не могу обернуться. Я жду какого-то удара рока.

— Да, мы ждём удара рока, — сказал Фарамир.

И они замолчали, и показалось им, стоявшим на стене, что ветер умер, и свет померк, и солнце затмилось, и все звуки в Городе и окрестных землях смолкли: ни ветра, ни голоса, ни птичьего свиста, ни шороха листвы, ни собственного дыхания не было слышно, само биение их сердец стихло. Время остановилось.

И пока они стояли так, руки их встретились и сжались, хотя они не заметили этого. И они всё ещё ждали, не зная чего. Затем им внезапно почудилось, что над хребтами отдалённых гор поднялась другая, безбрежная, гора тьмы, которая воздвиглась, словно волна, готовая поглотить мир, и молнии сверкали вокруг неё, а затем земля дрогнула, и они почувствовали, как затрепетали стены Города. Звук, похожий на вздох, поднялся со всех окрестных земель, и сердца их внезапно забились снова.

— Это напоминает мне Нуменор, — произнёс Фарамир и удивился, услышав свой голос.

— Нуменор? — переспросила Эовин.

— Да, — сказал Фарамир. — Страну Запада, что погрузилась в пучины, и огромную чёрную волну, поднимающуюся над зелёными землями и выше гор и надвигающуюся, как необоримая тьма.

— Так ты думаешь, что приближается Тьма? — спросила Эовин? — Необоримая Тьма?

И неожиданно она тесно прижалась к нему.

— Нет, — ответил Фарамир, глядя в её лицо. — Это была мысленная картина. Я не знаю, что происходит. Здравый смысл говорит мне сейчас, наяву, что великое зло случилось и мы стоим у конца дней. Но моё сердце говорит "нет", и все мои члены легки, и надежда и радость вернулись ко мне, чего никакой здравый смысл не в силах отрицать. Эовин, Эовин, Белая госпожа Ристании, в этот час мне не верится, что осталась хоть какая-то тьма!

И он умолк и поцеловал её в лоб.

И так они стояли на стенах Города Гондора, и поднялся и задул сильный ветер, и их волосы, воронье и золотые, смешавшись, развевались в воздухе. И Тень исчезла, и солнце прояснилось, и свет вспыхнул, и воды Андуйна сверкали, как серебро, и во всех домах Города люди запели от радости, что хлынула в их сердца, но источника которой они не могли назвать.

И прежде, чем солнце успело скатиться далеко за полдень, с востока прилетел большой орёл, и он принёс от Владык Запада вести, превосходящие любые надежды, прокричав:

Пойте, вы, люди Башни Анора,
Навеки кончена власть Саурана,
И пала Чёрная Крепость.
Ликуйте и пойте, вы, люди Сторожевой Крепости,
Ибо стража ваша не была тщетной,
И разбиты Чёрные Ворота,
И Король ваш вошёл в них,
И он — победитель.

Пойте и ликуйте, вы, дети Запада,
Ибо Король ваш вернётся опять,
И он будет жить среди вас
До конца ваших дней.
И на смену засохшему вырастет новое Дерево,
И Король посадит его в высоком дворе,
И благословен будет этот Город.
Пойте все, вы, люди!

И люди пели на всех улицах Города.

Последующие дни были золотыми, весна и лето соединились и соперничали в полях Гондора. И теперь с быстрыми гонцами пришли с Каир Андроса вести обо всём, что было сделано, и Город готовился к приходу Короля. Мерри был вызван и уехал с повозками, которые везли запасы добра к Осгилиату, а оттуда кораблями к Каир Андросу, но Фарамир не ушёл, потому что теперь, после выздоровления, он принял на себя свои полномочия и правление, хотя лишь на краткий срок, и его долг был приготовить всё для того, кто займёт его место.

И Эовин не пошла, хотя её брат прислал слово, приглашающее её прийти на поле Кормаллен. И Фарамир удивился этому, но он видел её редко, будучи занят многочисленными делами; и она так и жила в Лечебницах и гуляла одна по саду, и лицо её снова побледнело, и казалось, что во всём Городе она одна была больна и печальна. И Смотритель Лечебниц был встревожен, и сообщил Фарамиру.

Тогда Фарамир пришёл и отыскал её, и опять они стояли на стенах вместе; и он спросил её:

— Эовин, почему вы медлите здесь и не идёте на празднование в Кормаллен за Каир Андросом, где ваш брат ожидает вас?

И она ответила:

— Вы не знаете?

Однако он сказал:

— Этому могут быть две причины, но какая истинна, я не знаю.

Она ответила:

— Я не хочу играть в загадки. Скажи яснее!

— Тогда, если вам угодно, госпожа, — сказал он, — вы не идёте потому, что вас позвал только ваш брат, и вид господина Арагорна, наследника Элендила, в его триумфе не принесёт вам сейчас радости. Или потому, что я не пошёл, а вам всё же хочется быть близ меня. И, может быть, по этим двум причинам вместе, и вы сами не можете выбрать между ними. Эовин, вы не любите меня или не хотите любить?

— Я хотела быть любимой другим, — ответила она. — Но я не хочу мужской жалости.

— Это я знаю, — сказал он. — Вы хотели получить любовь господина Арагорна, потому что он высок и могущественен, а вы хотели известности и славы, и быть поднятой высоко над толпой, что ползает по земле. И, как великий полководец молодому солдату, он показался вам несравненным. Поскольку он именно таков: владыка среди людей, величайший из живущих ныне. Но, когда он подарил вам лишь понимание и жалость, тогда вы не пожелали ничего, кроме доблестной смерти в сражении. Посмотри на меня, Эовин!

И Эовин посмотрела на Фарамира долгим и ровным взглядом, и Фарамир сказал:

— Не пренебрегай жалостью, что есть дар доброго сердца, Эовин! Но я не предлагаю тебе своей жалости. Ибо ты высокородная и доблестная госпожа и сама завоевала славу, которая не померкнет. И я считаю тебя госпожой прекрасной настолько, что даже на языке эльфов нет

подходящих слов, чтобы выразить это. И я люблю тебя. Некогда я сострадал твоему горю, но сейчас, будь ты беспечальна, без страха, обладай всем, будь ты блаженной королевой Гондора, я всё равно любил бы тебя. Эовин, ты не любишь меня?

Тогда сердце Эовин изменилось, а может, она наконец поняла его. И внезапно зима её миновала, и солнце засияло над ней.

— Я стою в Минас Аноре, Крепости Солнца, — сказал она. — И смотри! Тень исчезла! Я больше не хочу быть девой-воительницей, не хочу соперничать с великими всадниками или находить радость только в песнях об убийствах. Я хочу быть целительницей и любить всё, что растёт и не бесплодно.

И опять она взглянула на Фарамира.

— Я больше не хочу быть королевой, — сказала она.

Тогда Фарамир весело рассмеялся.

— Это хорошо, — ответил он, — потому что я не король. Но я хочу обвенчаться с Белой госпожой Ристании, если такова будет её воля. И, если она согласна, тогда давай пересечём Реку и в грядущие счастливые дни будем жить в прекрасной Итилии и превратим её в сад. Всё с радостью будет расти там, если придёт Белая госпожа.

— Так я должна оставить свой народ, гондорец? — спросила она. — И ты захочешь, чтобы твои гордые люди сказали о тебе: "Вот идёт владыка, который приручил дикую воительницу Севера? Не было здесь, что ли, женщин из расы Нуменора для выбора?"

— Захочу, — ответил Фарамир.

И он подхватил её на руки и поцеловал под солнечным небом, не заботясь о том, что они стоят высоко на стенах и на виду у многих. И действительно, многие видели их и свет, что струился вокруг них, когда они спустились со стен и пошли рука об руку к Лечебницам.

И Фарамир сказал Смотрителю Лечебниц:

— Вот госпожа Эовин из Ристании, и теперь она исцелилась.

И Смотритель сказал:

— Тогда я выпускаю её из-под своей опеки и прошу позволения проститься с ней, и пусть никогда вновь не страдает она от раны или болезни. Пока не вернётся её брат, я поручаю её заботе Правителя Города.

Но Эовин ответила:

— Вот теперь, когда я получила позволение уйти, я предпочла бы остаться. Потому что этот дом стал для меня самой благословенной из обителей.

И она осталась там, пока не прибыл герцог Эомир.

Всё в Городе было теперь готово, и здесь было великое стечение народа, так как вести достигли всех частей Гондора, от Мин-Риммона вплоть до Пиннат Гелин и дальних морских побережий, и все, кто мог прийти в Город, поспешили прийти. И Город вновь наполнился женщинами и красивыми детьми, которые вернулись в свои дома, нагруженные цветами; и из Дол Амрота пришли арфисты, искуснее которых не было в стране; и были здесь скрипачи и флейтисты, и играющие на серебряных рогах, и звонкоголосые певцы из долин Лебении.

Наконец настал вечер, когда со стен можно было увидеть шатры на полях, и всю ночь горели огни, ибо люди караулили рассвет. И, когда ясным утром солнце поднялось над восточными горами, на которых больше не лежала тень, зазвонили все колокола и взметнулись и поплыли по ветру все знамёна, и в последний раз на Белой Башне поднялся над Гондором стяг Правителей: чистое, словно снег на солнце, серебро, не несущее ни надписи, ни девиза.

Теперь Полководцы Запада повели войска к Городу, и народ смотрел, как они приближаются шеренга за шеренгой, вспыхивающие в лучах восходящего солнца и мерцающие,

как серебро. И так они приблизились к Воротам и остановились в фарлонге от стен. Ворота пока ещё не были восстановлены, но вход в Город преграждал барьер, и там стояли воины в чёрном и серебряном с обнажёнными мечами. Перед барьером стоял правитель Фарамир, и Хурин, Хранитель Ключей, и другие капитаны Гондора, и госпожа Эовин из Ристании с маршалом Эльфхельмом, и множеством рыцарей Герцогства, а по сторонам Ворот толпился красивый народ в разноцветных одеждах и цветочных гирляндах.

Таким образом перед стенами Минас Тирита образовалась широкая площадь, окружённая со всех сторон рыцарями и солдатами Гондора и Ристании и гондорцами из Города и всех частей страны. Молчание упало на собравшихся, когда из войска выступили дунедайны в сером и серебряном, и перед ними медленно шёл господин Арагорн. Он был одет в чёрную кольчугу с серебряным поясом и облачён в длинную снежно-белую мантию, сколотую у горла большим зелёным камнем, сиявшим издалека, но голова его была обнажённой: лишь звезда на узкой серебряной перевязи горела на его лбу. С ним были Эомир из Ристании, и принц Имрагил, и Гэндальф в белых одеждах, и четыре маленькие фигурки, при виде которых многие люди дивились.

— Нет, кузина! Это не мальчики, — сказала Иорет своей родственнице из Имлот Мелуи, которая стояла рядом с ней. — Они периаины из далёкой страны невысокликков, где все они прославленные принцы, как говорят. Уж я-то должна знать, потому что ухаживала за одним из них в Лечебницах. Они невелики ростом, но доблестны. Подумать только, кузина, один из них отправился лишь со своим оруженосцем в Чёрную страну, и бился один на один с самим Чёрным Властелином, и пустил огонь в его Крепость, если ты можешь поверить в это. По крайней мере, так говорят в Городе. Это должно быть тот, что идёт рядом с нашим Эльфийским Камнем. Я слышала, что они ближайшие друзья. Сейчас он просто чудо, господин Эльфийский Камень: учти, что он не слишком-то мягок в своих речах, но сердце у него, как говорится, золотое; и его руки исцеляют. Я сказала: "Руки Короля — руки целителя", — и именно таким образом всё и открылось. А Митрандир, он сказал мне: "Иорет, люди долго будут помнить твои слова", и...

Но Иорет не получила возможности продолжить просвещение своей деревенской кузины, потому что запела одинокая труба, и вслед за этим повисло мёртвое молчание. Тогда от Ворот выступил вперёд Фарамир вместе с Хурином, Хранителем Ключей, и никто больше, если не считать, что за ними шли четверо мужчин в высоких шлемах и доспехах Цитадели, которые несли большой ларец из чёрного лебетрона, окованный серебром.

Фарамир встретил Арагорна в центре площади, образованной собравшимися, опустился на колени и сказал:

— Последний Правитель Города просит позволения сложить свои полномочия.

И он подал на вытянутых руках белый жезл. Но Арагорн принял жезл и вручил его обратно со словами:

— Эта служба не кончена, и она будет твоя и твоих потомков до тех пор, пока будет продолжаться мой род. Исполни теперь свой долг!

Тогда Фарамир поднялся и сказал ясным голосом:

— Люди Гондора, послушайте сейчас Правителя этого королевства! Смотрите! Наконец вновь появился человек, предъявляющий права на престол. Вот Арагорн, сын Арахорна, вождь дунедайнов Анора, предводитель войска Запада, хранитель Звезды Севера, владелец Возрождённого Меча, победоносный в сражении, чьи руки приносят исцеление, Эльфийский Камень, Элессар из колена Валандила, сына Исилдура, сына Элендила из Нуменора. Будет ли он королём, и вступит ли в Город, и поселится ли здесь?

И всё войско и все люди крикнули в один голос "Да".

А Иорет сказала кузине:

— Это просто такая церемония, принятая у нас в Городе, кузина, потому что он уже входил, как я тебе рассказывала, и он сказал мне...

Но тут ей снова пришлось замолчать, потому что опять заговорил Фарамир:

— Люди Гондора! Сказители говорят, в древности был обычай, что король должен принять корону от своего отца, прежде чем тот умрёт, или, если это невозможно, тогда он должен пойти один и взять корону из рук своего отца в склепе, где тот положен. Но, поскольку теперь всё должно быть сделано иначе, я, пользуясь властью Правителя, принёс сюда с Рат Динен корону Эарнура, последнего короля, чьи дни кончились в глубокой древности во времена наших предков.

Затем стражники выступили вперёд, и Фарамир открыл ларец и поднял вверх древнюю корону. По форме она была похожа на шлемы стражников Цитадели, но выше и была целиком белая, и крылья по её бокам были выполнены из жемчуга и серебра в подобие крыльев морских птиц, ибо это было эмблемой королей, пришедших из-за Моря, и семь драгоценных адамантов были вставлены в обод, а самую маковку украшал единственный алмаз, свет от которого взметнулся, словно пламя.

Тогда Арагорн взял корону, поднял её и сказал:

— Эт Эарелло Эндоренна утулиен, Синоме маруван ар Хилдтнийар тенн' Амбар-метта!

И то были слова, произнесённые Элендилом, когда он пришёл с Моря на крыльях ветра: "Из-за Великого Моря пришёл я в Средиземье. Здесь буду жить я и мои потомки, пока не кончится мир!"

Но потом, к удивлению многих, Арагорн не надел корону на голову, а вернул её Фарамиру со словами:

— Я получил моё наследство благодаря трудам и доблести многих. В знак этого я приму корону от Хранителя Кольца, и пусть Митрандир наденет её на мою голову, если он хочет, ибо он был инициатором всего, что свершилось, и это его победа.

Тогда вперёд выступил Фродо, и взял корону у Фарамира, и подал её Гэндальфу, и Арагорн преклонил колени, и Гэндальф надел ему на голову Белую Корону и сказал:

— Теперь пришли дни Короля, и да будут благословенны они, пока высятся троны Валар!

Но когда Арагорн поднялся, все, видевшие его, взирали в молчании, ибо казалось, что лишь теперь он вполне открылся им. Высокий, как морские короли древности, стоял он, выше всех окружающих, древний годами, и в то же время в расцвете лет, и мудрость светилась на его лбу, и сила и исцеление были в его руках, и свет был вокруг него. И тогда Фарамир воскликнул:

— Да здравствует король!

И в тот же момент запели все трубы, и король Элессар выступил вперёд и подошёл к барьеру, и Хурин, Хранитель Ключей, отодвинул его, и под музыку арф, скрипок, флейт и звонкоголосое пение Король прошёл по усыпанным цветами улицам и поднялся к Цитадели, и вступил в неё, и знамя Деревя и Звёзд было развёрнуто на верхней башне, и началось правление короля Элессара, о котором говорит много песен.

При его жизни Город сделался прекраснее, чем был когда-либо прежде, даже в дни его первой славы; и он наполнился деревьями и фонтанами, и ворота его были сделаны из мифрила и стали, а улицы вымощены белым мрамором; и Горный народ трудился в нём, и Лесной народ с радостью приходил сюда, и всё было исправлено и налажено; и дома заполнились мужчинами и женщинами, и смехом детей, и не стало слепых окон или пустых дворов; и когда третья эпоха окончилась, он и в новой эпохе продолжал хранить память и славу тех лет, что ушли.

В дни, которые последовали за коронаванием, Король сидел на троне в Зале Королей и

правил суд. И приходили посольства от многих стран и народов, с востока и юга, и с границ Лихолесья, и с Сирых равнин на западе, и Король помиловал тех вастаков, которые сдались, и отпустил их свободными, и заключил мир с харадримцами, а рабов Саурана он освободил и дал им во владение все земли вокруг озера Нурнен. И к нему приводили многих, достойных хвалы и награды за их доблесть, и последним капитан Стражи привёл к нему Берегонда, чтобы судить.

И Король сказал Берегонду:

— Берегонд, твой меч пролил кровь в священном месте, где это запрещено. Ты также покинул свой пост без разрешения Владыки или капитана. За такие дела в древности карали смертью, и потому я должен теперь определить твою судьбу.

Тяжесть наказания смягчается, ибо ты проявил доблесть в битве, и ещё более потому, что всё сделанное тобой было сделано из любви к владыке Фарамиру. Тем не менее, ты должен покинуть ряды Стражи Цитадели и должен уйти из города Минас Тирита.

Кровь отхлынула от лица Берегонда, и он склонил голову, поражённый в самое сердце. Но Король продолжил:

— Так должно быть, потому что ты причислен к Белому Отряду, Страже Фарамира, принца Итилии, и ты будешь его капитаном и будешь жить в почёте и мире в Эмин Арнене, служа тому, ради кого ты рискнул всем, чтобы спасти его от смерти.

И тогда Берегонд, осознав, наконец, смысл сказанного и милость и справедливость Короля, исполнился радости и, склонив колени, поцеловал его руку и удалился довольный и весёлый. И Арагорн дал Фарамиру в удел Итилию и велел ему поселиться в холмах Эмин Арнена в виду Города.

— Ибо, — сказал он, Минас Итил в долине Моргула будет полностью разрушен, и, хотя со временем он, быть может, и очистится, ни один человек не сможет жить там ещё множество долгих лет.

И последним из всех Арагорн приветствовал Эомира из Ристании, и они обнялись, и Арагорн сказал:

— Между нами не может быть речи о дарах или наградах, ибо мы побратимы. В счастливый час прискакал Эорл с Севера, и никогда ни один союз между народами не был более благословенным, ибо как никто не подводил друг друга прежде, так не подведёт и впредь. Сейчас, как ты знаешь, мы положили Теодена Славного в склеп в Святынях, и там он будет лежать вечно среди королей Гондора, если ты хочешь. Или, если пожелаешь, мы поедем в Рохан и принесём его назад, чтобы он покоился с собственным народом.

И Эомир ответил:

— С того дня, как ты поднялся передо мной из зелёной травы низины, я полюбил тебя, и эта любовь не угаснет. Но сейчас я должен удалиться на время в своё герцогство, где многое надлежит восстановить и привести в порядок. Что до Павшего, то, когда всё будет готово, мы вернёмся за ним, а пока оставь его спать здесь на некоторое время.

И Эовин сказала Фарамиру:

— Теперь я должна вернуться в свою родную страну, чтобы увидеть её снова и помочь брату в его трудах; но, когда тот, кого я долго любила, как отца, будет, наконец, положен на отдых, я вернусь.

Так проходили радостные дни, и на восьмой день мая Всадники Ристании окончили сборы и ускакали по северному тракту, и с ними ушли сыновья Элронда. Вдоль всего тракта, от Ворот Города до стен Пеленнора толпились люди, чтобы воздать им честь и восславить их. Затем все, кто жил далеко, отправились по домам, чтобы продолжить праздновать там; но в Городе множество добровольных рук трудились над восстановлением, обновлением и над тем, чтобы

удалить все шрамы войны и напоминания о тьме.

Хоббиты всё ещё оставались в Минас Тирите вместе с Леголасом и Гимли, так как Арагорн не хотел, чтобы товарищество сейчас распалось.

— Со временем все подобные вещи должны кончаться, — сказал он, — но я прошу вас ещё немного подождать, потому что не пришёл ещё конец делам, которые вы разделяли. Близится день, о котором я мечтал все свои зрелые годы, и, когда он придёт, мне хотелось бы, чтобы мои друзья были со мной.

Но больше он об этом дне ничего не сказал.

В те дни Хранители Кольца жили вместе с Гэндальфом в прекрасном доме и прогуливались по окрестностям, когда им хотелось. И Фродо спросил Гэндальфа:

— Ты не знаешь, что это за день, о котором говорил Арагорн? Потому что, хоть нам хорошо здесь и мне не хочется уходить, дни бегут, и Бильбо ждёт, и мой дом — Шир.

— Что до Бильбо, — ответил Гэндальф, — то он ждёт того же самого дня, и он знает, что удерживает тебя. А что до убегающих дней, то сейчас только май, и лето ещё не в разгаре, и, хоть всё кажется изменившимся настолько, словно в мире прошла целая эпоха, тем не менее, для травы и деревьев не минуло и года с тех пор, как ты отправился в путь.

— Пин, — сказал Фродо. — Не ты ли говорил, что Гэндальф стал не таким скрытным, как раньше? Я думаю, что тогда он просто устал от своих трудов. Теперь он оправился.

И Гэндальф ответил:

— Многие норовят узнать заранее, что будет подано на стол, но те, кто трудились, чтобы приготовить пир, предпочитают держать это в тайне, потому что удивление делает слова хвалы громче. И Арагорн сам ждёт знака.

Настал день, когда Гэндальф куда-то исчез, и Хранители изнывали от любопытства, пытаясь угадать, что готовится. Гэндальф же ночью увёл из Города Арагорна и пришёл с ним к южному подножью горы Миндоллуин, и здесь они отыскиали тропу, проложенную в глубокой древности, по которой мало кто ныне отваживался ходить. Ибо она вела вверх, на гору, к священному месту в вышине, куда поднимались некогда одни лишь короли. И они пошли вверх по крутой дороге, пока не дошли до высокого луга под самыми снегами, одевавшими величественные вершины, который смотрел на пропасть, что была позади Города. И, стоя там, они обозревали земли, ибо пришло утро; и они видели глубоко под собой похожие на белые карандаши башни Города, тронутые солнечным светом, и вся долина Андуина была подобна саду, и Чёрные горы окутывала золотистая дымка. С одной стороны горизонта их взгляд достигал серого Эмин Муила, и блеск Рэроса был похож на звезду, мерцающую вдалеке, а с другой стороны они видели Реку, лежащую внизу, подобно ленте, до самого Пеларгира, а за ним, на самом краю неба был свет, который говорил о море.

И Гэндальф сказал:

Вот твои владения и сердце более обширного королевства, которое будет. Третья эпоха кончилась, и начался новый век, и на твою долю выпало упорядочить его начала и сохранить всё, что может быть сохранено. Ибо, хоть спасено многое, но многое должно теперь уйти, и сила Трёх Колец тоже иссякла. И все земли, которые ты видишь, и те, что окружают их, будут обителью людей. Потому что наступило время Владычества Людей, и роду эльдер придётся угаснуть или удалиться.

— Я хорошо знаю это, дорогой друг, — отозвался Арагорн. — Но мне всё ещё нужны твои советы.

— Теперь уже ненадолго, — сказал Гэндальф. — Третья эпоха была моей эпохой. Я был врагом Саурана, и моя работа окончена. Я скоро уйду. Бремя теперь должно лечь на тебя и твой

род.

— Но я умру, — возразил Арагорн. — Ибо я смертен, и хотя будучи тем, кто я есть, из чистого рода Запада, я проживу жизнь гораздо более долгую, чем остальные люди, всё же это будет скоро, и когда те, кто сейчас во чреве женщин, родятся и начнут стареть, я тоже состарюсь. И кто тогда будет править Гондором и теми, кто смотрят на этот город, как на их исток, если мои чаяния не сбудутся? Дерево во Дворе Фонтана остаётся засохшим и голым. Когда увижу я знак, что когда-нибудь будет иначе?

— Отвернись от зеленеющего мира и посмотри туда, где всё кажется голым и холодным! — сказал Гэндальф.

Тогда Арагорн повернулся, и за ним был каменистый склон, избегающий к кромке снегов, и, посмотрев на него, он заметил в этой пустыне одинокий росток. И он взобрался к нему и увидел, что у самого края снегов пробивается деревце высотой не более, чем в три фута. Оно уже выбросило молодую листву, длинную и изящную, тёмную сверху и серебряную снизу, и в своей жидкой кроне оно несло единственное небольшое соцветие, и белые лепестки его цветов сияли, как освещённый солнцем снег.

Тут Арагорн воскликнул:

— Ио! Утавиениос! Я нашёл его! Смотри! Это росток Старейшего из Деревьев! Но как он попал сюда? Потому что ему не более чем семь лет.

И Гэндальф, приблизившись, взглянул на него и сказал:

— Воистину это росток из рода Нимлота Прекрасного, который был сеянцем Галатилиона, а тот плодом Тельперииона многоимённого, Старейшего из Деревьев. Кто скажет, как он появился здесь в назначенный час? Но это древнее святилище, и, прежде чем угас род королей или засохло во дворе Дерево, плод должен был быть посажен здесь. Ибо сказано, что хотя редко созревает плод этого Дерева, однако жизнь внутри него может спать множество долгих лет, и никто не в силах предсказать время, когда она проснётся. Помни это. Ибо, если когда-нибудь плод созреет, он должен быть посажен, чтобы род этот не ушёл из мира. Он лежал здесь, на горе, тайно, точно так же, как род Элендила скрывался в северных пустошах. Но род Нимлота древнее твоего, король Элессар.

Потом Арагорн бережно дотронулся до ростка, — и, гляди-ка! — оказалось, что он лишь слегка цеплялся за землю и вынулся без всякого вреда, и Арагорн вернулся с ним в Цитадель. Тогда засохшее дерево было бережно выкорчевано, и его не сожгли, но положили отдыхать в тишине Рат Динен. И Арагорн посадил во дворе у фонтана новое дерево, и оно начало расти быстро и радостно, и, когда наступил июнь, сплошь покрылось белыми цветами.

— Знак дан, — сказал Арагорн, — и день уже недалёк.

И он послал часовых на стены.

В день перед Серединой Лета в Город примчались гонцы с Амон Дина и сказали, что с севера скачет прекрасный народ и теперь они уже должны были приблизиться к стенам Пеленнора. И король воскликнул:

— Они пришли, наконец! Пусть весь Город приготовится к встрече!

В самый Канун Середины Лета, когда небо синело, как сапфир, и на востоке загорались белые звёзды, но запад ещё золотился, и воздух был свеж и благоуханен, к воротам Минас Тирита подъехали по северному тракту всадники. Впереди скакали Элроил и Элладан с серебряным стягом, а за ними следовали Глорфиндель и Эрестор и все домочадцы Раздола, а за ними ехали владычица Галадриэль и Келеборн, Владыка Лотлориэна, верхом на белых скакунах и с ними множество прекрасного народа их страны, одетых в серое, с белыми камнями в волосах, и последним ехал господин Элронд, владыка эльфов и людей, держа скипетр

Аннуминоса, и рядом с ним на серой лошади ехала боком его дочь Арвен, Вечерняя Звезда её народа.

И Фродо поразился, увидев её, блистающую в вечернем свете, со звёздами на её лбу и свежим благоуханием, струящимся вокруг неё, и он сказал Гэндальфу:

— Наконец-то я понял, чего мы ждали! Это окончание. Теперь не только день будет желанен, но и ночь тоже станет прекрасной и благословенной, и все ночные страхи уйдут!

И король приветствовал своих гостей, и они спешили, и Элронд передал скипетр и вложил руку дочери в руку Короля, и вместе они поднялись в Высокий Город, и небо расцвело всеми звёздами. И Арагорн, король Элессар, обвенчался с Арвен Андомиэль в Городе Королей в день Середины Лета, и повесть их долгого ожидания и трудов пришла к полному завершению.

Глава VI

Разлуки

Когда дни празднования миновали, Хранители начали, наконец, подумывать о возвращении в родные дома. И Фродо пришёл к Королю, когда тот сидел с королевой Арвен у фонтана, и она пела песнь о Валиноре, а Дерево росло и цвело. Они приветствовали Фродо и поднялись навстречу ему, и Арагорн сказал:

— Я знаю, что ты собираешься сказать, Фродо: ты хочешь вернуться в свой дом. Хорошо, дражайший друг: дерево растёт лучше всего в стране своих отцов, но тебе всегда будут рады во всех странах Запада. И хоть немного сказано о твоём народе в легендах о великом, отныне он обладает большей славой, чем многие обширные королевства, которых больше нет.

— Это верно, что я хочу вернуться в Шир, — сказал Фродо. — Но сначала я должен идти в Раздол, потому что, если и можно желать чего-нибудь ещё в такое блаженное время, мне не хватает Бильбо, и я очень огорчился, когда увидел, что он не пришёл со всеми домочадцами Элронда.

— Ты удивлён этим, Хранитель Кольца? — спросила Арвен. — Ты ведь знаешь силу вещи, которая ныне уничтожена, и всё, что было сделано этой силой, теперь уходит. Но твой родич владел этой вещью дольше тебя. Он сейчас очень стар по счёту своего рода, и он ждёт тебя, потому что он не хочет отправляться вновь ни в какое долгое путешествие, за исключением одного.

— Тогда я прошу позволения удалиться поскорее, — сказал Фродо.

— Мы выедем через семь дней, — сказал Арагорн. — Потому что мы будем долго скакать с тобой одним путём, до самой Ристании. Уже через три дня Эомир вернётся сюда, чтобы перенести Теодена на отдых в Герцогство, и мы поедем с ним, чтобы почтить павшего. А сейчас, прежде чем ты уйдёшь, я хочу подтвердить слова Фарамира, сказанные тебе: ты до конца жизни волен свободно ходить по всему королевству Гондор, и все твои спутники тоже. И, если бы я был в силах вручить тебе дары, сравнимые с твоим подвигом, ты получил бы их. Но ты возьмёшь с собой всё, что пожелаешь, и ты поедешь с почётом и в наряде принцев страны.

А королева Арвен сказала:

— Я дам тебе один дар, ибо я дочь Элронда. И я не пойду теперь с ним, когда он отправится к Гаваням, ибо мой выбор — выбор Лучиэнь, и как она, так и я выбрала свою судьбу, и на радость, и на горе. Но вместо меня пойдёшь ты, Хранитель Кольца, когда придёт твоё время и если ты тогда захочешь уйти. Если твои раны всё ещё тяготят тебя и память о твоём бремени тяжела, тогда ты сможешь уйти на Запад, пока все раны не залечатся и усталость не пройдёт. А до тех пор носи это в память об Эльфийском Камне и Вечерней Звезде, с судьбой которых переплелась твоя жизнь!

И она сняла белый камень, подобный звезде, который лежал на её груди, подвешенный на серебряной цепочке, и она надела эту цепочку на шею Фродо.

— Когда воспоминания о страхе и тьме встревожат тебя, — сказала она, — он поможет тебе.

Через три дня, как и сказал Король, в Город прибыл Эомир из Ристании, и с ним пришёл эоред благороднейших рыцарей Герцогства. Его радушно встретили, и, когда все сели за стол в Меретронде, Большом Пиршественном Зале, он увидел владычиц и их красоту и был сильно поражен ею. И, прежде чем отправиться отдыхать, он послал за гномом Гимли и сказал ему:

— Гимли, сын Глоина, наготове ли твой топор?

— Нет, господин, — ответил Гимли, — но я могу сбегать за ним, если нужно.

— Ты сам решишь это, — сказал Эомир. — Поскольку имеются некие определённо поспешные слова, касающиеся Владычицы Золотого Леса, которые до сих пор лежат между нами. И теперь я видел её собственными глазами.

— Так, господин, — подтвердил Гимли. — И что вы скажете теперь?

— Увы! — ответил Эомир. — Я не скажу, что она — прекраснейшая госпожа из всех живущих.

— Тогда мне придётся сходить за топором, — произнёс Гимли.

— Но сначала я хочу привести оправдание, — сказал Эомир. — Увидь я её в другом обществе, я сказал бы всё, что ты мог бы пожелать. Но сейчас я поставлю выше королеву Арвен, Вечернюю Звезду, и сам готов биться с любым, кто поспорит со мной. Должен ли я послать за своим мечом?

Тогда Гимли низко поклонился.

— Нет, лично я прощаю вас, господин, — ответил он. — Вы выбрали вечер, тогда как моя любовь отдана утру. И сердце моё предвещает, что вскоре оно уйдёт навеки.

Наконец, настал день отъезда, и большой и прекрасный отряд приготовился скакать из Города на север. Тогда король Гондора и герцог Ристании отправились в Святилище, и они спустились к склепам на Рат Динен и вынесли на золотых носилках герцога Теодена, и в молчании прошли через Город. Затем они положили носилки на большую повозку, окружённую со всех сторон Всадниками Ристании, впереди которой несли его стяг, а Мерри, будучи оруженосцем Теодена, сидел на повозке и держал оружие герцога.

Прочим членам Отряда подобрали коней в соответствии с их ростом, и Фродо и Сэммиум ехали верхом рядом с Арагорном, и Гэндальф ехал на Тенегоне, и Пин ехал вместе с рыцарями Гондора, и Леголас и Гимли, как всегда, ехали вместе верхом на Ароде.

В этой скачке участвовали также королева Арвен, и Келеборн, и Галадриэль, и весь их народ, и Элронд с сыновьями, и принцы Дол Амрота и Итили, и много капитанов и рыцарей. Никогда ни один герцог Марки не имел в пути такой свиты, какая шла с Теоденом, сыном Тенгеля, в его родную страну.

Спокойно и без спешки въехали они в Анорию и приблизились к Серым Зарослям под Амон Дином, и тут услышали звук, похожий на рокот барабанов в горах, хотя не было видно ни одного живого существа. Тогда Арагорн приказал трубить в трубы, и герольды прокричали:

— Смотрите! Идёт король Элессар! Лес Друадан он отдаёт Гхан-бури-Гхану и его народу в вечную собственность, и отныне ни один человек не войдёт в него без их позволения!

И вслед за этим барабаны раскатились громкой дробью и умолкли.

В конце концов, на пятнадцатый день путешествия, повозка герцога Теодена миновала

зелёные степи Ристании и вошла в Эдорас, и здесь все они отдохнули. Золотой Зал был украшен прекрасными шпалерами и залит светом, и в нём был дан самый роскошный пир из всех, какие он только знал со времени своей постройки. Ибо, спустя три дня, люди Герцогства приготовили погребение Теодена, и он был уложен в каменном доме с оружием и множеством других прекрасных вещей, которыми он владел, и над ним был насыпан большой курган, укрытый зелёным дёрном с белыми вечнопамятками. И теперь там восемь курганов на восточной стороне Могильного Поля.

Потом всадники Герцогского Дома на белых конях проскакали вокруг кургана и спели хором песнь о Теодене, сыне Тенгеля, сложенную его менестрелем Глеорвином, и с тех пор он больше не складывал других песен. Торжественные голоса всадников тронули даже сердца тех, кто не знал наречия этого народа, но слова песни заставили зажечься глаза ристанийцев, словно они вновь слышали далёкий грохот копыт с Севера, и голос Эорла, разносящийся над битвой на поле Келебранта, и повесть о королях разворачивалась дальше, и рог Хельма громко разносился в горах, и под конец пришла Тьма, и герцог Теоден поднялся и поскакал под Тенью в огонь, и умер в славе в миг, когда вернувшееся сверх всяких надежд солнце заблестало над Миндоллуином в то утро.

Из тьмы, из сомнений, к дневной заре
Мчался он с песней, с мечом в руке.
Надежду зажёл, и с надеждой в конце
Над страхом, смертью и над судьбой
Поднялся от жизни к славе живой.

А Мерри стоял у подножья зелёного кургана и плакал, и, когда песня окончилась, он выпрямился и воскликнул:

— Герцог Теоден! Герцог Теоден! Прощай! Ненадолго, но ты был для меня, как отец. Прощай!

Когда окончились похороны и стих плач женщин, и Теоден был, наконец, оставлен один в своей могиле, тогда люди собрались в Золотом Зале на великий пир и оставили скорбь, потому что Теоден прожил долгую жизнь и закончил не в меньшей чести, чем величайшие из его предков. И когда пришло время выпить по обычаю герцогства за память его королей, Эовин, госпожа Ристании, выступила вперёд, золотая, как солнце, и белая, как снег, и поднесла полную чашу Эомиру.

Тогда поднялись менестрели и сказители и назвали по порядку имена всех владык Герцогства: Эорл Младший, и Брего Строитель Зала, и Алдор, брат Балдора Злосчастливого, и Фреа, и Фреавин, и Голдвин, и Деор, и Грам, и Хельм, который скрывался в Теснине Хельма, когда Герцогство было опустошено, и с тем кончились девять курганов на западной стороне, ибо в это время род прервался; и затем пошли курганы на восточной стороне: Фреалаф, племянник Хельма, и Леофа, и Валда, и Фолка, и Фолквин, и Фенгель, и Тенгель, и Теоден, самый последний. И когда был назван Теоден, Эомир осушил чашу. Тогда Эовин приказала тем, кто прислуживал на пиру, наполнить чаши вновь, и все собравшиеся встали и выпили за нового владыку, воскликнув:

— Да здравствует Эомир, герцог Рохана!

Под конец, когда пир завершился, Эомир поднялся и сказал:

— Сейчас погребальный пир герцога Теодена, но, прежде чем мы разойдёмся, я хочу

объявить радостную весть, потому что он, который всегда был для Эовин, моей сестры, как отец, не рассердился бы на меня за это. Так слушайте все мои гости, прекрасный народ из множества королевств, подобных которым никогда прежде не собиралось в этом зале! Фарамир, правитель Гондора и принц Итили, попросил руки Эовин, госпожи Ристании, и она охотно согласилась. Поэтому они будут обручены перед всеми вами.

И Фарамир с Эовин выступили вперёд и взялись за руки, и все с радостью выпили за них.

— Теперь, — сказал Эомир, — дружба Гондора и Герцогства скреплена новыми узами, и тем сильнее моя радость.

— Тебя не назовёшь скрягой, Эомир, — промолвил Арагорн, — раз ты так охотно отдаёшь в Гондор прекраснейшую драгоценность в твоём королевстве!

И Эовин посмотрела в глаза Арагорну и сказала:

— Пожелай мне счастья, мой сеньор и целитель!

И он ответил:

— Я желал тебе счастья ещё тогда, когда впервые встретил тебя. И вид твоего сегодняшнего блаженства исцеляет мое сердце.

Когда пир кончился, те, кто собирались уйти, распрощались с герцогом Эомиром. Арагорн со своими рыцарями и народ Лориэна и Раздола готовились к отъезду, но Фарамир и Имрагил остались в Эдорасе, и Арвен Вечерняя Звезда осталась тоже, и она простилась со своими братьями. Никто не видел её последней встречи с Элрондом, её отцом, ибо они ушли далеко в холмы и долго говорили друг с другом, и горькой была их разлука, которой предстояло длиться и после конца этого мира.

Наконец, прежде чем гости тронулись в дорогу, Эомир и Эовин пришли к Мерри и сказали:

— Прощай пока, Мериардок в Шире и Холдвин в Герцогстве! Да будет счастлив твой путь и возвращайся поскорей к нам на радость!

И Эомир сказал:

— Короли древности нагрозили бы тебя за твои деяния на полях Мандбурга дарами так, что повозка не могла бы свезти их. Но ты сказал, что не хочешь взять ничего, кроме данного тебе оружия. Мне приходится смириться с этим, потому что у меня действительно нет достойного дара, но моя сестра просит тебя принять эту небольшую вещь на память о Дернхельме и рогах Герцогства, запевших утром на подходе.

Тут Эовин подала Мерри старинный рог, маленький, но искусно выкованный из светлого серебра, с зелёной перевязью; и мастера выгравировали на нём вереницу быстрых всадников, которая обвивала рог от мундштука к раструбу, и на нём были нанесены руны великой силы.

— Он из наследия нашего дома, — сказала Эовин. — Он сделан гномами и происходит из сокровищницы Ската Червя. Его привёз с севера Эорл Младший. Тот, кто протрубит на нём в нужде, вселит страх в сердца врагов и радость в сердца друзей, и друзья услышат его и придут к нему.

Тогда Мерри взял рог, потому что отказываться было нельзя, и поцеловал руку Эовин, и они обняли его, и так расстались на время.

Теперь гости были готовы, и они выпили напутственную чашу и расстались с хозяевами, провожаемые с великим почётом и дружбой, и, в конце концов, прибыли в Теснину Хельма, где отдохнули два дня. Тогда Леголас исполнил своё обещание, данное Гимли, и пошёл с ним в Блистающие Пещеры, и, когда они вернулись, он был молчалив и сказал только, что один Гимли может найти подходящие слова, чтобы говорить о них.

— И никогда прежде гном не претендовал на победу над эльфом в словесном поединке, —

добавил он. — Поэтому давай теперь отправимся в Фангорн и сравняем счёт!

Из Теснинного ущелья они поехали к Скальбургу посмотреть, чем занимаются энты. Весь каменный круг был разрушен и убран, и земля внутри была превращена в сад, полный фруктовых и иных деревьев, и быстрая речка пересекала его, но в самом центре было озеро чистой воды, из которого всё ещё поднималась башня Ортханка, высокая и неприступная, и её чёрный утёс отражался в пруду.

Некоторое время путники сидели там, где некогда были старые ворота Скальбурга и где теперь в начале окаймлённой зеленью дороги, которая вела к Ортханку, стояли, как часовые, два высоких дерева, и с удивлением смотрели на проделанную работу, но ни вблизи, ни вдали не могли различить никаких живых существ. Однако вскоре они услышали голос, гудящий хум-хум, хум-хум, и тут показался широко шагающий по дороге, чтобы приветствовать их, Древобород, и рядом с ним Быстрокив.

— Добро пожаловать в Древесный Сад Ортханка, — сказал он. — Я знал, что вы приближаетесь, однако я был занят наверху долины, там всё ещё остается много дел. Но я слышал, что вы тоже не бездельничали там, на юге и на востоке, и всё, что я слышал, хорошо, очень хорошо.

Затем Древобород воздал хвалу всем их деяниям, о которых он, по-видимому, знал всё; наконец он остановился и окинул Гэндальфа долгим взглядом.

— Итак, твоя очередь! — сказал он. — Ты оказался сильнейшим, и все твои труды завершились успешно. Куда теперь собираешься ты идти? И почему ты пришёл сюда?

— Взглянуть, как идут твои дела, друг мой, — ответил Гэндальф, — и поблагодарить тебя за помощь во всём, что было достигнуто.

— Хум, что ж, это вполне справедливо, — сказал Древобород, — поскольку, несомненно, энты сыграли свою роль. И не только в том, что управились с этим, хум, проклятым убийцей деревьев, который жил здесь. Потому что было ещё внезапное и большое вторжение этих, бурарум, этих дурноглазых-черноруких-кривоногих-кремнесердых-когтистопалых-грязнобрюхих-кровожадных-моримаите-синкахонда, хум, ладно, поскольку вы торопливый народ, а их полное имя длинно, как годы мучений, этих вредителей орков; они появились из-за Реки и спустились с севера, и окружили лес Лаурелиндоренан, в который они не могли войти, благодаря Великим, что были там. — Он поклонился Владыке и Владычице Лориэна. — И эти самые грязные твари были более чем удивлены, встретив нас на Нагорье, поскольку они не слыхали о нас прежде, хотя то же самое может быть сказано и о лучшем народе. И немногие будут вспоминать нас, потому что мало кто спасся от нас живым, и Река поглотила большую часть их. Но для вас это было хорошо, поскольку, не повстречай они нас, герцог травяных равнин не ускакал бы далеко, а если бы ускакал, здесь могло бы не быть дома, куда вернуться.

— Мы хорошо знаем это, — сказал Арагорн, — и об этом никогда не забудут ни в Эдорасе, ни в Минас Тирите.

— Никогда — это слишком долгое слово даже для меня, — возразил Древобород. — Ты хочешь сказать, не забудут, пока стоят ваши королевства; однако, они будут стоять долго, действительно, настолько долго, чтобы это показалось долгим даже для энтов.

— Начинается новая эпоха, — сказал Гэндальф, — и в эту эпоху очень может стать, что королевства людей переживут тебя, Фангорн, друг мой. Но сейчас лучше скажи мне, как обстоят дела с моим поручением? Как поживает Саруман? Он всё ещё не устал от Ортханка? Поскольку вряд ли он думает, что вы улучшили вид из его окон.

Древобород кинул на Гэндальфа долгий, почти хитрый, как подумалось Мерри, взгляд.

— А! — сказал он. — Я так и думал, что ты перейдёшь к этому. Устал от Ортханка? В конце концов очень устал, но не так от своей башни, как от моего голоса. Хум! Я поведал ему

несколько долгих историй, по крайней мере, они могут считаться долгими на нашем языке.

— Тогда почему он не перестал их слушать? Ты вошёл в Ортханк? — спросил Гэндальф.

— Хум, нет, не в Ортханк! — Но он подходил к окнам и слушал, потому что не мог получить новости никаким другим образом; и хотя новости были ему ненавистны, он с жадностью ловил их, и я видел, что он выслушал всё. Но к новостям я добавил массу вещей, которые ему неплохо было бы обдумать. Он очень устал. Он всегда был торопыгой. Это и погубило его.

— Я замечаю, мой добрый Фангорн, — перебил Гэндальф, — что ты весьма старательно говоришь жил, был, устал. Но как насчет настоящего? Он умер?

— Нет, не умер, насколько мне известно, — ответил Древобород. — Но он ушёл. Да, он ушёл семь дней назад. Я отпустил его. От него мало что осталось, когда он выполз наружу, а что касается той пресмыкающейся твари, которая с ним, он был похож на бледную тень. Нет, не говори мне, Гэндальф, что я обещал стеречь его, потому что я помню это. Но с тех пор вещи изменились. Я стерег его, пока его нужно было обезопасить, обезопасить от причинения ещё большего вреда. Ты должен знать, что больше всего я ненавижу держать живые существа в клетке, и я не хочу держать в ней даже таких тварей, как они, если на то нет крайней необходимости. Змея, лишённая ядовитых клыков, может ползать, где ей хочется.

— Может быть, ты и прав, — сказал Гэндальф. — Но, по-моему, у этой змеи всё ещё сохранился один клык. Он несёт яд в своём голосе, и я полагаю, что он убедил тебя, даже тебя, Фангорн, зная мягкие места в твоём сердце. Ладно, он ушёл, и здесь не о чем больше говорить. Однако теперь Башня Ортханка возвращается Королю, которому она принадлежит. Хотя, быть может, она ему и не понадобится.

— Увидим со временем, — сказал Арагорн. — А пока я отдаю энтам всю эту долину в их полное распоряжение до тех пор, пока они будут стеречь Ортханк и смотреть, чтобы никто не вошёл туда без моего позволения.

— Башня заперта, — сказал Древобород. — Я заставил Сарумана запереть её и отдать мне ключи. Они у Быстрокива.

Быстрокив согнулся, будто дерево, клонимое ветром, и протянул Арагорну два больших чёрных ключа сложной формы, соединённых стальным кольцом.

— Я ещё раз благодарю тебя, — сказал Арагорн, — и прощаюсь с тобой. Пусть лес ваш снова растёт спокойно! Когда эта долина заполнится деревьями, здесь достаточно места к западу от гор, где ты бродил некогда в седой древности.

Лицо Древоборода стало печальным.

— Леса могут расти, — ответил он. — Чащи могут распространяться. Но не энты. Здесь нет энтят.

— Но, быть может, теперь больше надежды для ваших поисков, — сказал Арагорн. — Страны, лежащие к востоку, открыты для вас. А они были долго закрыты.

Однако Древобород покачал головой и ответил:

— Туда слишком далеко идти. И там слишком много людей в эти дни. Но я становлюсь невежлив! Не хотите ли остаться здесь и отдохнуть немного? И, может быть, среди вас найдутся те, кому будет приятно пройти через лес Фангорна и сократить, таким образом, дорогу домой?

Он посмотрел на Келеборна и Галадриэль.

Но все, кроме Леголаса, сказали, что они должны сейчас распрощаться с ним и уйти на юг или на запад.

— Идём, Гимли! — сказал Леголас. — Теперь, с разрешения Фангорна, я навещу глубины Энтова леса и увижу такие деревья, каких в эти дни не найти нигде больше во всём Средиземье. Ты должен сдержать своё слово и пойти со мной, и так мы и вернёмся вместе в родные края, в

Лихолесье и за ним.

Гимли согласился на это, хотя, как казалось, без особого удовольствия.

— Вот и пришёл конец товариществу Хранителей, — сказал Арагорн. — Однако я надеюсь, что вскоре вы вернётесь в мою страну с помощью, которую обещали.

— Мы придём, если наши владыки разрешат это, — сказал Гимли. — Что ж, прощайте, мои хоббиты! Теперь вы должны в целости и сохранности дойти до ваших родных домов, и я не буду больше мучиться бессонницей от страха за вас. Будем посылать друг другу весточки, когда представится возможность, а некоторые из нас со временем могут ещё и встретиться, но я боюсь, что никогда уже больше не соберётся нам всем вместе.

Затем Древобород по очереди распрощался с каждым и медленно склонился трижды с великим почтением перед Келеборном и Галадриэлью.

— Много, много времени прошло с тех пор, как мы встречались у ствола или у камня. А ванимар, ванималион ностари! — проговорил он. — Сказано, что мы должны встретиться только так, перед концом. Ибо мир меняется: я чувствую это в воде, я чувствую это в земле и я чувствую это в воздухе. Не думаю, что мы встретимся вновь.

И Келеборн сказал:

— Я не знаю, старейший!

Но Галадриэль ответила:

— Не в Средиземье, не раньше, чем будут подняты вновь страны, что лежат под волнами. Тогда в тени ивовых зарослей Тазаринана мы повстречаемся весной. Прощай!

Последними из всех сказали "до свидания" старому энту Пин и Мерри, и он стал веселее, когда посмотрел на них.

— Ну, мой беспечный народ, предложил он, — хотите выпить со мной ещё глоточек, прежде чем уйдёте?

— Разумеется, хотим, — ответили они.

Он отвёл их в сторонку, в тень одного из деревьев, и там они увидели большой каменный кувшин. Древобород наполнил три кубка, и они выпили и заметили, что он смотрит на них поверх обода своего кубка своими странными глазами.

— Осторожно, осторожно! — сказал он. — Потому что вы уже выросли с тех пор, как я видел вас в последний раз.

И он рассмеялся и осушил свой кубок.

— Итак, до свидания! — сказал он. — И не забудьте, что если вы услышите в вашей стране какие-нибудь новости об энтках, вы должны прислать мне весть.

Затем Древобород помахал своими большими руками всему отряду и скрылся в деревьях.

Теперь путешественники ехали быстрее, и они направили свой путь к Ущелью Рохана, и Арагорн расстался с ними, наконец, близ того самого места, где Пин смотрел в Камень Ортханка. Хоббиты были опечалены этой разлукой, потому что Арагорн никогда не бросал их и провёл их через много опасностей.

— Мне бы хотелось, чтобы у нас был Камень, в котором мы могли бы видеть всех наших друзей, — сказал Пин, — и чтобы мы могли говорить с ними из дальнего далека!

— Теперь остался только один Камень, которым ты мог бы воспользоваться, — ответил Арагорн, — потому что ты не захочешь видеть того, что покажет тебе Камень Минас Тирита. Но палантир Ортханка король оставит у себя, чтобы видеть, что происходит в его королевстве и чем занимаются его слуги. Потому что не забывай, Перегрин Крол, что ты рыцарь Гондора, и я не освобождаю тебя от службы. Сейчас ты отправляешься в отпуск, но я могу призвать тебя. И

помните, дорогие друзья из Ши́ра, что моё королевство находится также и на севере, и однажды я приеду туда.

Затем Арагорн простился с Келеборном и Галадриэлью, и Владычица сказала ему:

— Эльфийский Камень, пройдя сквозь тьму, ты обрёл свою надежду, и теперь все твои мечты исполнились. Так не трать дни!

Но Келеборн сказал:

— Прощай, родич! Пусть твоя судьба будет иной, чем моя, и твоё сокровище останется с тобой до конца!

С этим они расстались, и это было время заката, и, когда немного спустя они обернулись и взглянули назад, они увидели Короля Запада, сидящего на своём коне в окружении рыцарей, и закатное солнце сияло над ними, заставляя их доспехи сверкать, подобно красному золоту, и белая мантия Арагорна превратилась в пламя. Затем Арагорн взял зелёный камень и поднял его, и зелёный свет взметнулся из его руки.

Вскоре уменьшившийся отряд, следуя вдоль Скальтока, свернул к западу и проехал через Ущелье в лежащие за ним пустоши, а затем они повернули на север и пересекли границу Сирых равнин. Полеване бежали и спрятались, потому что боялись эльфов, хотя поистине немногие из них приходили когда-либо в их страну, но путники не обратили на них внимания, потому что все ещё оставались большим отрядом и были полностью обеспечены всем необходимым; и они неторопливо продолжали свой путь, раскидывая шатры тогда, когда им хотелось.

На шестой день после разлуки с Королём они ехали через лес, который спускался с холмов у подножья Мглистых гор, что тянулись сейчас по их правую руку. Когда на закате они снова вышли на открытое пространство, они нагнали старика, опиравшегося на посох и одетого в серые или грязно-белые лохмотья, по пятам за которым, ссутулившись и скуля, брёл другой нищий.

— Привет, Саруман! — сказал Гэндальф. — Куда ты идёшь?

— Что тебе до того? — ответил он. — Ты всё ещё хочешь распоряжаться моими делами и не довольствуешься моим падением?

— Ты знаешь ответы, — сказал Гэндальф. — Нет и нет. Но, в любом случае, время моих трудов теперь близится к концу. Бремя принял Король. Если бы ты подождал в Ортханке, ты бы увидел его, и он явил бы тебе мудрость и милосердие.

— Тогда тем больше причина поскорее уйти, — возразил Саруман, — поскольку я не желаю от него ни того, ни другого. Собственно говоря, если ты хочешь получить ответ на свой первый вопрос, я ищу дорогу, ведущую прочь из его королевства.

— Тогда ты опять пошёл ложным путём, — сказал Гэндальф, — и я не вижу никакой надежды в твоём странствии. Но отвергнешь ли ты помощь от нас? Ибо мы предлагаем её тебе.

— Мне? — проговорил Саруман. — Нет уж, пожалуйста, не улыбайся мне! Я предпочитаю твои нахмуренные брови. А что касается Владычицы, присутствующей здесь, я не верю ей: она всегда ненавидела меня и интриговала в твою пользу. Я не сомневаюсь, что она повела тебя этой дорогой, чтобы насладиться зрелищем моей нищеты. Знай я заранее о вашей погоне, я испортил бы вам развлечение.

— Саруман, — сказала Галадриэль, — у нас есть другие дела и другие заботы, которые кажутся нам более важными, чем охота за тобой. Скажи лучше, что ты был достигнут счастливой судьбой, потому что теперь ты получил последний шанс.

— Если он воистину последний, я рад, — ответил Саруман, — потому что тогда я избавлюсь от заботы отказываться от него снова. Все мои надежды рухнули, но я не разделяю ваших. Если они у вас вообще есть.

На миг его глаза вспыхнули.

— Ступайте! — сказал он. — Я недаром потратил долгое время на изучение этих вопросов. Вы обрекли сами себя, и вы знаете это. И мне доставляет некоторое удовлетворение думать, скитаясь без приюта, что, разрушив мой дом, вы снесли и свой собственный. А теперь, "какой корабль чрез Море всех вас навеки назад унесёт"? — насмешливо передразнил он. — Это будет серый корабль, полный призраков.

Он расхохотался, но голос его был хрипл и отвратителен.

— Поднимайся, идиот! — крикнул он другому нищему, который тем временем уселся на землю, и ударил его посохом. — Поглядывай назад! Если этот прекрасный народ пойдёт нашей дорогой, тогда мы выберем другую. Пошли, или ты не получишь от меня на ужин и корки!

Нищий повернулся и заковылял следом, скуля:

— Бедный старый Грима! Бедный старый Грима! Вечно битый и проклинаемый. Как я ненавижу его! Хотел бы я оставить его!

— Так оставь его! — сказал Гэндальф.

Но Злоречив лишь коротко зыркнул своими мутными, полными ужаса глазами на Гэндальфа и затем живо зашаркал вслед за Саруманом. Проходя мимо отряда, жалкая пара добралась до хоббитов, и Саруман остановился и пристально уставился на них, но они смотрели на него с жалостью.

— Так вы тоже пришли полюбоваться, не так ли, мои ёжики? — сказал он. — Вас нет дела до того, в чём нуждается нищий, правда? Потому что у вас есть всё, что вам нужно: еда, и нарядная одежда, и лучший табак для ваших трубок. О да. Я знаю! Я знаю, откуда он. Но вы не дадите на трубочку нищему, верно ведь?

— Я бы дал, если бы было что, — сказал Фродо.

— Можешь взять то, что у меня осталось, — сказал Мерри, — если подождёшь минутку.

Он спешил, порывшись в своей сумке при седле, затем протянул Саруману кожаный кисет.

— Возьми, что здесь есть, — сказал он. — Тебе это будет приятно: он из того, что уцелело при крушении Скальбурга.

— Мой, мой, да, и дорого купленный! — воскликнул Саруман, вцепившись в кисет. — Это только символическое возмещение, потому что вы взяли больше, чтоб мне пропасть. Впрочем, нищий должен быть благодарен, если вор вернёт ему хоть крошку его собственности. Что ж, поделом вам будет, когда вы, вернувшись домой, обнаружите, что дела в Южном уделе идут не так хорошо, как вам хотелось бы. И чтоб вам всем не хватало табачку как можно дольше!

— Спасибо! — сказал Мерри. — В таком случае я хочу получить обратно свой кисет, потому что он не твой и проделал вместе со мной долгий путь. Заверни табак в собственный лоскут.

— Один вор заслуживает другого, — ответил Саруман, повернулся к Мерри спиной, пнул Злоречива и пошёл прочь к лесу.

— Ладно, вот это мне нравится! — сказал Пин. — Действительно, вор! А как насчёт наших претензий по поводу подкарауливания, ранения и волочения нас орками через Ристанию?

— А! — отозвался Сэм. — И он сказал куплен. Интересно, каким образом? И мне не понравился тон, которым он говорил о Южном уделе. Нам явно пора вернуться.

— Я уверен, что это так, — сказал Фродо. — Но мы не можем идти скорее, если хотим увидеть Бильбо. Что бы ни произошло, я сперва иду в Раздол.

— Да, я думаю, тебе лучше поступить именно так, — сказал Гэндальф. — Но увы Саруману! Боюсь, что для него больше нельзя сделать ничего. Он полностью выродился. И всё-таки я не уверен, что Древобород прав. Полагаю, что он ещё может убого напакостить по мелочи.

На следующий день они углубились в северную часть Сирых равнин, где сейчас никто не жил, хотя это был зелёный и милый край. Пришёл сентябрь с золотыми днями и серебряными ночами, и они ехали не торопясь, пока не достигли реки Лебедянки и не нашли старый брод восточнее водопадов, там, где она внезапно срывалась в низины. Далеко на западе лежали плавни и островки, сквозь которые Лебедянка прокладывала свой путь к Сивочу; здесь, в краю тростников, обитали бесчисленные лебеди.

Так они очутились в Остранне, и, наконец, над мерцающими туманами заблестело прекрасное утро, и, взглянув из своего лагеря на невысоком холме, путники увидели, как вдали на востоке солнце коснулось трёх пиков, которые стремились в небо сквозь плывущие облака: Карадрас, Келебдил и Фануидхол. Они приблизились к Воротам Мории.

И здесь они задержались на семь дней, потому что пришло время для другой разлуки, которую они медлили совершить. Вскоре Келеборн, Галадриэль и их народ повернут к востоку и пойдут через Багровые Ворота и вниз по Тёмнореченскому каскаду к Серебрянке и к своей собственной стране. Они зашли так далеко по западным дорогам потому, что им нужно было о многом поговорить с Элрондом и Гэндальфом, и они не спешили расстаться с друзьями и сейчас. Часто сидели они под звёздами, когда хоббиты давно уже спали, и вспоминали ушедшие эпохи и все свои радости и труды в мире, или обсуждали грядущие дни. Если бы какому-нибудь страннику случилось проходить мимо, мало что смог бы увидеть он и услышать, и показалось бы ему только, что он видит серые каменные скульптуры, забытые памятники, затерянные в глуши. Ибо они не двигались и не пользовались речью, но глядели из мысли в мысль, и только их мерцающие глаза меняли выражение и зажигались вслед их думам.

Однако, наконец, всё было сказано, и они опять расстались на время, пока не придёт срок Трёх Кольцам уйти. Быстро исчезая среди камней и теней, одетый в серое народ Лориэна поскакал к горам, а те, кто направлялись в Раздол, сидели на холме и смотрели им вслед, пока из густеющего тумана не донеслась до них вспышка, и потом они не видели ничего больше. Фродо знал, что Галадриэль подняла в воздух своё кольцо в знак прощания.

Сэм отвернулся и вздохнул:

— Хотел бы я возвращаться сейчас в Лориэн!

Наконец, однажды вечером они, едучи по вересковым пустошам, внезапно, как всегда казалось путникам, очутились на краю глубокой долины Раздола и увидели далеко внизу огоньки ламп в доме Элронда. И они съехали вниз, и перешли через мост, и вошли в двери, и весь дом наполнился светом и пением, радуясь тому, что Элронд вернулся.

Первым делом, даже прежде, чем поели, умылись или просто сбросили с себя плащи, хоббиты ринулись на поиски Бильбо. Они нашли его совсем одного в его маленькой комнатке, которая была завалена бумагами, ручками и карандашами, но сам Бильбо сидел в кресле перед небольшим ярким огнём. Он выглядел очень старым, однако умиротворённым и спящими.

Когда хоббиты вошли, он открыл глаза и посмотрел на них.

— Привет, привет! — сказал он. — Так вы вернулись? И к тому же завтра мой день рождения. Как вы кстати! Вы знаете, ведь мне будет сто двадцать девять! И если я протяну ещё одним годом больше, то сравняюсь со Старым Кролом. Я бы с удовольствием побил его, но там видно будет.

После празднования дня рождения Бильбо четвёрка хоббитов на несколько дней задержались в Раздоле, и они много сидели со своим старым другом, который теперь проводил большую часть времени в своей комнате, исключая лишь трапезы. Потому что в этом он по-прежнему был крайне пунктуален и редко забывал проснуться к ним вовремя. Сидя вокруг огня, друзья поведали Бильбо всё, что могли припомнить из своих странствий и приключений.

Сначала он делал вид, что записывает, но часто задрёмывал, а когда просыпался, то восклицал:

— Как великолепно! Как удивительно! Но на чём мы остановились?

Тогда они продолжали историю с того места, где он начал клевать носом.

Единственное, что, казалось, действительно взволновало его и захватило внимание, был подробный рассказ о коронации и женитьбе Арагорна.

— Конечно, я был приглашён на свадьбу, — сказал он. — И мне пришлось дожидаться её достаточно долго. Но как-то, когда дошло до дела, оказалось, что у меня тут так много работы, да и сборы ужасно хлопотны.

Прошло уже почти две недели, когда Фродо выглянул из своего окна и увидел, что ночью были заморозки, и паутинки тянутся, словно белые сети. И тут он внезапно понял, что должен уйти, и проститься с Бильбо. Погода, после одного из чудеснейших лет, какое только можно было припомнить, по-прежнему оставалась мягкой и ясной, но пришёл октябрь, и вскоре она должна была испортиться, и снова начнутся ветер и дождь. А им всё ещё предстоял очень долгий путь. Однако в действительности не мысль о погоде подтолкнула его. Фродо чувствовал, что настала пора вернуться в Хоббитанию. Сэм разделял это ощущение. Всего прошлым вечером он сказал:

— Ладно, мистер Фродо, мы были далеко и видели всякое, но, по-моему, не встречали места лучше, чем это. Здесь есть что-то от всего сразу, если вы понимаете меня: и от Шира, и от Золотого Леса, и Гондора, и королевских покоев, и харчевен, и лугов, и гор, всё вместе. Но всё же мне почему-то кажется, что мы должны поскорее уходить. Сказать по правде, я беспокоюсь за своего старика.

— Да, что-то от всего сразу, Сэм, кроме моря, — ответил тогда Фродо, и сейчас он повторил это себе: — Кроме моря...

В тот день Фродо поговорил с Элрондом, и было решено, что они уйдут на следующее утро. К их великой радости Гэндальф сказал:

— Думаю, я пойду тоже. По крайней мере, до Бри. Я хочу повидать Буттербура.

Вечером они пошли попрощаться с Бильбо.

— Что ж, если вы должны идти, так должны, — огорчённо сказал он. — Жаль. Мне будет не хватать вас. Так приятно просто знать, что вы где-то здесь, рядом. Правда, я стал таким соней.

Потом он подарил Фродо свою мифрильную кольчугу и Разитель, забыв, что уже сделал это, и кроме того отдал ему три книги преданий, которые собрал в различное время, написанные его мелким, паучьим почерком и с наклейками на тыльной стороне их красных обложек: "Переведено с эльфийского Б.Т."

Сэму он вручил небольшой мешочек с золотом.

— Почти последняя капля Смоговых сокровищ, — пояснил он. — Может пригодиться, если ты подумываешь о женитьбе, Сэм.

Сэм вспыхнул от смущения.

— У меня почти ничего не осталось, чтобы подарить вам, ребята, — сказал он Мерри и Пину. — Разве что добрый совет.

И он преподнёс им прекрасный образчик этого, завершив его в чисто хоббитанской манере:

— Не давайте своим головам становиться больше ваших шляп! Если вы не прекратите расти, то, пожалуй, разоритесь на одежде и шапках!

— Но если ты мечтаешь побить Старого Крола, — возразил Пин, — я не понимаю, почему бы нам не попытаться побить Бычьего Рыка?

Бильбо рассмеялся и вытащил из кармана две прекрасные трубки с жемчужными мундштуками и изящно окованные серебром.

— Вспоминайте обо мне, когда будете курить их! — сказал он. — Эльфы сделали их для меня, но я теперь не курю.

А затем он внезапно клюнул носом и ненадолго задремал, а когда опять пробудился, то сказал:

— Так, на чём же мы остановились? Ах да, конечно, на раздаче подарков. Это, кстати, напомнило мне: что случилось с моим кольцом, Фродо, которое ты унёс?

— Я лишился его, дорогой Бильбо, — сказал Фродо. — Ты же знаешь, я отделался от него.

— Какая жалость! — вздохнул Бильбо. — Я охотно взглянул бы на него ещё разок. Но нет, что за глупость! Ведь именно для этого ты и уходил, отделаться от него, не так ли? Но всё это так запутанно, потому что сюда приплелось множество других вещей: и приключения Арагорна, и Совет Светлых Сил, и Гондор, и всадники, и южане, и слоны... ты действительно видел одного, Сэм?.. и пещеры, и башни, и золотые деревья, и небеса знают, что ещё. Очевидно, я вернулся из моего путешествия слишком прямым путём. Думаю, Гэндальфу следовало немного показать мне окрестности... Но тогда распродажа кончилась бы прежде, чем я вернулся, и на меня свалилось бы ещё больше хлопот, чем в тот раз. Да и в любом случае, теперь слишком поздно; и на самом-то деле я считаю, что гораздо уютнее сидеть здесь и слушать обо всём об этом. Камин здесь такой приятный, и еда очень хороша, и эльфы тоже тут, если захочешь их видеть. Чего ещё можно желать?

Дорога вдаль и вдаль ведёт
С порога, где начало ей.
Но впереди конец мелькнёт,
Другие пусть идут по ней!
Пусть новый путь они начнут,
А я уже устал шагать.
Хочу туда, где мирно ждут
Вечерний отдых и кровать.

И, пробормотав последние строки, Бильбо уронил голову на грудь и захрапел.

Вечер сгущался в комнате, и огонь разгорался яснее; друзья смотрели на Бильбо, пока он спал, и видели улыбку на его лице. Некоторое время они сидели молча, потом Сэм, оглядывая комнату и пляшущие на стене тени, тихонько произнёс:

— Не думаю, мистер Фродо, что он много написал, пока мы отсутствовали. Он теперь даже не захотел записать нашу историю.

Тут Бильбо, словно расслышал это, открыл глаза и выпрямился.

— Понимаете ли, я стал таким соней, — сказал он. — И когда у меня есть время писать, мне по-настоящему нравится писать только стихи. Я всё хотел спросить, Фродо, мой дорогой, не согласишься ли ты немного прибраться здесь всё, прежде чем уйдёшь? Собери все мои заметки и бумаги, и дневник тоже возьми, и захвати их с собой, если хочешь. Понимаешь, мне не хватает времени, чтобы разобрать всё это и расположить, как надо. Возьми на помощь Сэма, а когда подколете всё по порядку, возвращайтесь, а я прогляжу. Я не стану особенно придирааться.

— Конечно, я сделаю это! — сказал Фродо. — И разумеется, я скоро вернусь. Теперь это совершенно безопасно. Сейчас есть настоящий король, и скоро он приведёт дороги в порядок.

— Спасибо, мой дорогой преемник! — растроганно сказал Бильбо. — Это снимет такой груз с моих мыслей.

И с этими словами он опять заснул.

На следующий день Гэндальф и хоббиты простились с Бильбо в его комнате, потому что на дворе было холодно, а затем они распрощались с Элрондом и всеми его домочадцами. Когда Фродо стоял на пороге, Элронд пожелал ему счастливого пути, благословил и сказал: — Я думаю, Фродо, что, может быть, тебе не понадобится возвращаться, если только ты не придёшь очень скоро. Потому что примерно в это время года, когда листья пожелтеют перед тем, как опать, встречай Бильбо в лесах Ши́ра. Я буду с ним. Этих слов больше никто не слышал, и Фродо сохранил их для себя.

Глава VII

Возвращение домой

Наконец хоббиты повернулись лицами к дому. Они стремились поскорее снова увидеть Шир, но сначала ехали довольно медленно, потому что Фродо было не по себе. Когда они добрались до Брода через Бруинен, он задержался и, казалось, медлил въехать в поток, и друзья заметили, что на какое-то время глаза его, по-видимому, перестали замечать их и окружающее. Весь этот день Фродо молчал. Это было шестое октября. — Тебе больно, Фродо? — тихо спросил Гэндальф, ехавший рядом с ним. — Есть немного, — отозвался тот. — Это моё плечо. Рана ноет, и память о тьме так тяжела. Сегодня минул год с тех пор. — Увы! Некоторые раны нельзя залечить полностью, — сказал Гэндальф. — Боюсь, что так обстоит дело с моей, — ответил Фродо. — Тут нет настоящего возвращения. Хоть я и приду в Шир, он не покажется мне прежним, потому что я уже не тот. Я ранен кинжалом, жалом и клыком, и долго нёс бремя. Где найду я покой? Гэндальф не ответил.

К вечеру следующего дня боль и беспокойство прошли, и Фродо снова повеселел, повеселел так, словно он не помнил черноты прошлого дня. После этого их путешествие продолжалось хорошо, и дни быстро проходили, потому что они ехали неспеша и часто медлили в прекрасных лесах, где листва алела и желтела в осеннем солнце. Наконец, они добрались до Заверти; дело шло уже к вечеру, и тень горы чернела на тракте. Тогда Фродо попросил их ехать быстрее, и он не взглянул в сторону горы, а проехал сквозь её тень с опущенной головой и тесно запахнувшись в плащ. Этой ночью погода переменилась. С запада пришёл ветер и принёс дождь, и жёлтые листья порхали в воздухе, словно птицы, и ветер дул громко и резко. Когда они добрались до Старолесья, сучья уже почти оголились и плотная завеса дождя скрыла холм Бри от их взора. Так и вышло, что под конец бурного и мокрого вечера в последний день октября пятеро путников поднялись по тракту к Южным воротам Пригорья. Ворота были крепко заперты, и дождь бил в лица друзей, и по быстро темнеющему небу неслись низкие тучи, и хоббиты несколько приуныли, потому что ожидали более радушного приёма. Они долго звали, наконец вышел привратник, и они разглядели, что тот держит большую дубину. Привратник смотрел на них со страхом и подозрением, но когда увидел, что это Гэндальф и что его спутники — хоббиты, несмотря на их странную одежду, он просветлел лицом и приветствовал их. — Входите! — пригласил он, отпирая ворота. — Не станем обмениваться новостями здесь, в холоде и сырости. Разбойничий вечерок. Но старина Барли, без сомнения, радушно примет вас в "Пони", и там вы узнаете обо всём, что здесь слышно.

— И там же ты попозже ты услышишь всё, что мы скажем, и даже больше, — рассмеялся Гэндальф. — Как поживает Гарри?

Привратник нахмурился.

— Ушёл, — коротко бросил он. — Но лучше спросите Барлимана. Вечер добрый!

— И вам вечер добрый! — ответили они и въехали в ворота, а потом заметили, что позади живой изгороди сбоку от тракта был выстроен длинный низкий барак, из которого высыпало довольно много людей, изумлённо уставившихся на них поверх ограды.

Проходя мимо дома Билла Осинника, путники увидели, что живая изгородь здесь потоптана и запущена, а все окна заколочены досками.

— Думаешь, ты убил его тем яблоком, Сэм? — спросил Пин.

— Я не настолько полон надежд, мистер Пин, — ответил Сэм. — Но я охотно узнал бы, что случилось с тем бедным пони. Он не раз приходил мне на ум, и волчий вой, и всё прочее.

Наконец, они дошли до "Гарцующего пони", который, по крайней мере внешне, не изменился, и свет горел за красными занавесками в окнах нижнего этажа. Они позвонили в колокольчик, и к двери подошёл Ноб, приоткрыл её и выглянул через щёлку наружу. Когда он увидел их, стоящих под фонарём, то завопил от удивления.

— Мистер Буттербур! Хозяин! — закричал он. — Они вернулись!

— Ах, вернулись? Вот я им покажу! — раздался голос Буттербура, и тут с грохотом выскочил сам хозяин гостиницы, держа в руке дубинку.

Но когда он увидел, о ком шла речь, он резко остановился, и свирепая выражение на его лице сменилось удивлением и облегчением.

— Ноб, дурень ты шерстолапый! — воскликнул он. — Ты что, не мог назвать старых друзей по именам? Больше не пугай меня так, как сейчас, в такие-то времена! Так, так! И откуда же вы явились? Вот уж никак не ожидал увидеть кого-либо из вас снова, и это факт: уйти в глушь с этим Бродяжником, да ещё со всеми теми Чёрными вокруг... Но я и вправду рад вас видеть, особенно Гэндальфа. Заходите, заходите! Те же комнаты, что и прежде? Они свободны. Большинство комнат в эти дни пустует, не буду от вас скрывать, потому что вы и сами обнаружите это достаточно скоро. И я погляжу, что там можно сделать по поводу ужина, как можно скорее, разумеется, да только руки у меня теперь коротковаты. Эй, телепень Ноб, скажи Бобу... Ах да, я и забыл. Боб ушёл, он теперь ходит ночевать домой, к своим. Ладно, отведи пони гостей в конюшню, Ноб! А вы, Гэндальф, без сомнения, предпочтёте отвести вашего коня в стойло сами. Отличное животное, как я сказал, ещё когда впервые увидел его. Ну же, заходите! Будьте, как дома!

Во всяком случае, своей прежней манеры трещать без умолку мистер Буттербур не изменил, как, по-видимому, и привычки суетиться без продыху, хотя не похоже было, чтоб в доме были другие постояльцы. Всё было тихо; из общей комнаты едва доносился говор двух или трёх голосов, и, рассмотрев поближе лицо хозяина в свете двух свечей, которые он зажёл и нёс перед ними, друзья увидели, что он выглядит постаревшим и озабоченным.

Барлиман провёл их по коридору к гостиной, которую они занимали в ту странную ночь больше, чем год назад, и они следовали за ним немного обеспокоенные, потому что им сдавалось, что старый Буттербур делает хорошую мину при плохой игре. Дела шли не так, как прежде. Но они не сказали ничего и ждали.

Как и ожидалось, после ужина Барлиман пришёл в гостиную проверить, всё ли сделано к их удовольствию. И всё действительно было прекрасно: во всяком случае, с пивом и провизией в "Пони" никаких перемен к худшему пока ещё не произошло.

— Теперь я не дерзну предложить вам зайти в Общий Зал сегодня вечером, — сказал

Барлиман. — Вы устали, да и, как бы то ни было, там сегодня мало народу. Но если бы вы уделили мне полчаса прежде, чем отправитесь по кроватям, я охотно потолковал бы с вами, спокойно так, чисто между нами.

— Нам бы тоже хотелось именно этого, — ответил Гэндальф. — Мы не устали. Мы принимаем вещи легко: мы промокли, устали и проголодались, но ты всё это поправил. Так что давай, присаживайся! А если у тебя найдётся табачок, мы просто благословим тебя.

— Эх, если б вы попросили чего другого, мне было б куда приятнее, — сказал Барлиман. — Это именно та вещь, которая у нас в недостатке, потому что мы припасли только то, что вырастили сами, а этого явно мало. Из Хоббитании теперь ничего не поступает. Но я постараюсь что-нибудь сделать.

Вернувшись, он принёс им пачку пресованного листа, которой им должно было хватить на пару дней.

— Южный, — сказал он. — И лучший из того, что у нас есть, но с Южноудельским, конечно, не сравнить, как я всегда говорил, хотя, прошу прощения, но в большинстве случаев я всегда стою за Пригорье.

Они усадили его в большое кресло у камина, Гэндальф уселся с другой стороны очага, а хоббиты разместились в низких креслах между ними, а потом они поговорили много полчасиков подряд, и обменялись всеми новостями, которые мистер Буттербур пожелал сообщить или услышать. Большинство вещей, о которых они рассказывали, повергало хозяина гостиницы в смущение и изумление и находилось далеко за пределами его кругозора. Практически единственным комментарием, который они смогли извлечь, было "Не скажите!", часто повторяемое в защиту от показаний собственных ушей мистера Буттербура:

— Не скажите, мистер Торбинс, или мистер Накручинс? Я что-то совсем запутался. Не скажите, господин Гэндальф! Ну и ну! Кто бы мог подумать в наше-то время!

Но он много поведал на свой собственный счёт. Дела, можно смело сказать, были далеки от хорошего. Они были неблестящи. Да что там, шли просто из рук вон плохо.

— Теперь никто и близко не подходит к Пригорью со стороны, — сказал Барлиман. — А весь местный народ в основном сидит дома и держит двери на запоре. Всё это из-за тех приезжих и бродяг, которые в прошлый год начали подтягиваться по Зелёному, то бишь, Неторному тракту, если припоминаете, но потом их объявилось ещё больше. Некоторые были просто бедолагами, которые убегали от всяких неприятностей, но большинство оказались плохими людьми, вороватыми и шальными. Да и в самом Пригорье стало беспокойно, ужасно беспокойно. Да, у нас ведь была тут настоящая драка, и даже кое-кого убили, убили до смерти! Если вы только можете мне поверить.

— Разумеется, верю, — сказал Гэндальф. — Скольких?

— Трёх и двух, — ответил Буттербур, подразумевая большой народ и маленький. — Беднягу Мэта Верескора, и Роули Яблокса, и мальчика Тома Рожка с Захолмья, и Вилли Норкинса с верхнего конца, и одного из Накручинсов из Столбов, — все хорошие парни, и их сильно не хватает. А Гарри Козолист, который обычно стоял на Западных воротах, и Билл Осинник, они перешли на сторону чужаков, и ушли вместе с ними. И по-моему, они-то и впустили их тогда. В ночь драки, я имею в виду. А она как раз была после того, как мы указали им на ворота и вытолкали их взащей, перед самым концом года; а драка была уже в самом начале нового года, после обильного снегопада, который у нас тут был.

И теперь они подались в разбойники и живут снаружи: прячутся в лесах за Лучниками и в пустых землях к северу. Это немного напоминает недобрые старые времена из легенд, вот что я скажу. На дорогах небезопасно, так что никто не ездит далеко, и народ запирает двери рано. Нам приходится держать часовых вокруг всей огады, а по ночам ставить кучу людей на ворота.

— Да? А нас никто не потревожил, — сказал Пин, — хотя мы ехали медленно и часовых не ставили. Мы думали, что оставили все тревоги позади.

— А! Вот это нет, господин, и тем больше жалость, — отозвался Буттербур. — Но неудивительно, что они оставили вас в покое. Они не станут вязаться с вооружённым народом, при мечах, шлемах, щитах и всем прочим. Подумают дважды, прежде чем станут. И я должен признаться, что это и меня немного застигло врасплох, когда я увидел вас.

Тут хоббиты неожиданно поняли, что люди изумлённо глазели на них не столько поражённые их возвращением, сколько тем, как они одеты. Сами они настолько привыкли к войне и путешествию в хорошо вооружённых отрядах, что совершенно забыли, что сверкающие кольчуги, выглядывающие из-под плащей, шлемы Гондора и Герцогства и красивые эмблемы на их щитах будут казаться чужеземными в их собственной стране. Да и Гэндальф, ехавший теперь на своём высоком серебристом коне, был весь одет в белое с наброшенной поверх всего великолепной синей с серебром мантией и длинным мечом Яррист на поясе.

Гэндальф рассмеялся.

— Ладно, ладно, — сказал он. — Если они испугались лишь нас пятерых, то тогда во всех наших путешествиях нам приходилось встречать врагов и похуже. Но во всяком случае, пока мы здесь, они оставят вас по ночам в покое.

— Надолго ли? — спросил Буттербур. — Не буду отрицать, мы были бы рады, если б вы задержались здесь ненадолго. Видите ли, мы не привыкли к таким волнениям, а следопыты все ушли, как мне рассказывали. Раньше мы просто не понимали, чем мы им обязаны. Потому что тут есть кое-что и похуже разбойников. Волки были прошлой зимой вокруг ограды. А в лесах есть какие-то тёмные фигуры, что-то совсем страшное, при мысли о котором кровь стынет в жилах. Всё это весьма беспокоит, если вы понимаете меня.

— Весьма беспокоит, как и ожидалось, — подтвердил Гэндальф. — В эти дни почти все страны пережили большие волнения, если не сказать больше. Но не унывай, Барлиман! Вас задело самым краешком очень больших бед, и меня только радует то, что вас не захлестнуло поглубже. Однако теперь наступают лучшие времена. Может быть, лучше тех, чем кто-либо из вас помнит. Следопыты вернулись. Мы пришли вместе с ними. И теперь здесь снова есть король, Барлиман. Он скоро подумает о вас.

Тогда Неторный тракт опять оживёт, и королевские посланцы поскачут по нему на север, и появятся прохожие и проезжие, и всё зло будет изгнано из пустошей. Да и сами пустоши со временем перестанут быть ими, и там, где царила глушь, будут люди и поля.

Мистер Буттербур покачал головой.

— Если б только на дорогах появилось немного порядочного, респектабельного народа, который не собирается вредить, — сказал он. — Но нам не нужно ещё разбойников и всякого сброда. И уж совершенно ни к чему чужаки ни в Пригорье, ни в окрестностях Бри. Мы хотим только, чтобы нас оставили в покое. Я не хочу, чтобы целые толпы бродяг становились лагерем здесь, да селились там, и драли на части дикий край.

— Вас оставят в покое, Барлиман, — успокоил его Гэндальф. — Между Скальтоком и Сивочем и вдоль морских побережий к югу от Брендидуина вполне достаточно места для целых королевств и без того, чтобы кто-либо селился ближе, чем во многих днях пути от Бри. А многие привыкли жить далеко на севере, за сотни миль отсюда, на дальнем конце Зелёного тракта: на Северном Взгорье или у Сумеречного озера.

— Это там, у Мертвяцких Стен? — переспросил Буттербур ещё более недоверчиво. — Говорят, что там земли призраков. Туда не пойдёт никто, кроме разбойников.

— Туда пойдут Следопыты, — возразил Гэндальф. — Мертвяцкие Стены, говоришь? Так называли их долгие годы, но их истинное имя, Барлиман, Форност Эраин, Некрополь Королей.

И однажды Король опять вернётся туда, и тогда мимо тебя поедет немало порядочного народа.

— Что ж, допускаю, что это звучит более обнадеживающе, — согласился Буттербур. — И, без сомнения, это будет неплохо для дела. До тех пор, пока он оставит Пригорье в покое.

— Оставит, — сказал Гэндальф. — Он знает и любит его.

— Как это? — спросил Буттербур, выглядя окончательно поставленным в тупик. — Определённо не могу понять, откуда бы он мог узнать про него, сидя на своём большом троне в огромном замке за сотни миль отсюда. И попивая вино из золотого кубка, что меня не удивило бы. Что ему за дело до "Пони" или пивных кружек? Хотя у меня прекрасное пиво, Гэндальф. Оно необыкновенно хорошо с тех пор, как ты появился прошлой осенью и помянул его добрым словом. И я должен сказать, что это было кое-каким утешением в неприятностях.

— А! — вмешался Сэм. — Но он говорит, что твоё пиво всегда было хорошим.

— Он так говорит?

— Ну да. Он же Бродяжник, вождь следопытов. До тебя, что, это так пока и не дошло?

Сказанное, наконец, дошло, и физиономия Барлимана могла послужить образцом крайнего удивления. Глаза на его полном лице округлились, рот широко открылся, а сам он аж задохнулся.

— Бродяжник! — возопил он, когда смог наконец справиться с дыханием. — Он — и при короне, и при всём прочем, и с золотым кубком?! Да что ж это будет-то?!

— Лучшие времена, во всяком случае, для Бри, — сказал Гэндальф.

— Надеюсь, что так, просто уверен, — отозвался Буттербур. — Ну, это была милейшая беседа за последний месяц, состоящий сплошь из понедельников. И не стану отрицать, что этой ночью я усну спокойно и с более лёгким сердцем. Вы дали мне массу всего, над чем надо будет подумать, но я отложу это до завтра. Я в постель, и, без сомнения, вы тоже будете рады вашим кроватям. Эй, Ноб! — позвал он, подойдя к двери. — Ноб! Телепень!..

— Ноб! — повторил он сам себе, хлопнув себя по лбу. — О чём это мне напоминает?

— Надеюсь, не о другом забытом письме, мистер Буттербур? — спросил Мерри.

— Ну, ну, мистер Брендизайк, и не напоминайте мне об этом! Ну вот, вы перебили мою мысль. О чём это я? Ноб, стойла... А! Вот что. У меня есть кое-что, принадлежащее вам. Если припоминаете Билла Осинника и угон лошадей, тот пони, которого вы купили, он здесь. Вернулся самостоятельно, сам по себе, да, да. Но вот откуда, вам знать лучше, чем мне. Он был космат, как старый пёс, и тощ, как вешалка для одежды, однако живой. Ноб приглядывает за ним.

— Что? Мой Билл?! — воскликнул Сэм. — Ну, чтобы там ни говорил мой старик, а я уродился счастливчиком. Вот и ещё одно желание сбылось! Где он?

Сэм отказался ложиться, пока не навестил Билла в его стойле.

Весь следующий день путешественники оставались в Пригорье, и мистер Буттербур уж никак не мог бы пожаловаться на свои дела, во всяком случае, этим вечером. Любопытство победило все страхи, и его дом был переполнен. Из вежливости хоббиты на этот раз посетили ненадолго Общий Зал и ответили на массу вопросов. Поскольку пригоряне на память не жаловались, Фродо часто спрашивали, написал ли он свою книгу.

— Нет ещё, — отвечал он. — Я теперь возвращаюсь домой, чтобы привести свои записи в порядок.

Он обещал заняться поразительными событиями в Бри, чтобы придать этим хоть немного интереса книге, которая, судя по всему, касалась в основном далёких и менее важных событий "там, на юге".

Затем кто-то из молодёжи предложил спеть, однако тут же воцарилась мёртвая тишина и на

него посмотрели так косо, что призыв не повторился. Похоже, никто не хотел, чтобы в Общем Зале снова произошло что-нибудь необъяснимое.

Пока путешественники оставались в Пригорье, ни беспорядки днём, ни какой-либо шум ночью не нарушали его мира, но на следующее утро они поднялись рано, поскольку, хотя погода так и оставалась дождливой, они собирались добраться до Ши́ра до наступления ночи, а это был долгий путь. Посмотреть на их отъезд высыпало всё Пригорье, причём в более весёлом расположении духа, чем год назад; и те, кто до сих пор не видел странников, теперь в изумлении глазели на них — на Гэндальфа с его белой бородой и светом, который, казалось, лучился от него, словно его синяя мантия была только облаком на солнечном сиянии; и на четырёх хоббитов, похожих на странствующих рыцарей из почти забытых преданий. Даже те, кто смеялся на все рассказы про Короля, начали подумывать, что в них, пожалуй, может быть кое-что от правды.

— Ну, удачи вам в пути и доброго возвращения домой! — напутствовал их мистер Буттербур. — Наверное, мне следовало бы раньше предупредить вас, что в Хоббитании не всё ладно, если то, что мы слышали, верно. Но одно гонит из головы другое, а я совсем замотался от собственных забот. Однако, смею сказать, вы вернулись из своего путешествия сильно изменившимися, и похоже, что способны сейчас самостоятельно справиться с любой бедой. Не сомневаюсь, что вы скоро приведёте всё в порядок. Удачи вам! И чем чаще вы будете возвращаться, тем мне приятнее.

Они распрощались с хозяином гостиницы, и ускакали, миновали Западные ворота и двинулись по направлению к Ши́ру. Пони Билл был с ними и, как и прежде, вёз порядочно поклажи, но он трусил рядом с Сэмом и выглядел вполне довольным.

— Интересно, на что намекал старина Барлиман? — сказал Фродо.

— Кое о чём я догадываюсь, — отозвался Сэм мрачно. — Я видел это в Зеркале: срубленные деревья и всё такое прочее, и своего старика, вышвырнутого из Исторбинки. Наверное, мне следовало поспешить с возвращением.

— И совершенно очевидно, что-то неладно в Южном уделе, — добавил Мерри. — Налицо явная нехватка табака.

— Что бы ни было, — вставил Пин, — можешь быть уверен: в основе всего Лотто.

— Глубоко, но не в основе, — возразил Гэндальф. — Ты забыл про Сарумана. А он начал проявлять интерес к Хоббитании раньше Мордора.

— Ладно, ты же с нами, — сказал Мерри, — так что вскоре всё прояснится и наладится.

— Я пока с вами, — поправил его Гэндальф, — но скоро меня не будет. Я не собираюсь в Хоббитанию. Вам придётся устраивать ваши дела самостоятельно: к этому вы и готовились. Вы ещё не поняли? Моё время прошло. Приводить вещи порядок или помогать другим делать это — больше не моя забота. А что касается вас, мои дорогие друзья, то вам и не понадобится никакая помощь. Вы теперь выросли. Действительно, вы очень сильно выросли. Вы сравнялись с великими, и я больше нисколько не боюсь ни за одного из вас.

А я, если вы хотите знать, скоро сверну в сторону. Я направляюсь к Бомбадилу, чтобы подольше побеседовать с ним, так побеседовать, как мне не удавалось сделать это за всё моё время. Он — собиратель мха, а я был камнем, обречённым катиться. Но дни моих странствий миновали, и теперь мы многое скажем друг другу.

Немного погодя они достигли того места на Восточном тракте, где расстались с Бомбадиллом. Проезжая мимо, хоббиты надеялись и наполовину ожидали увидеть его, стоящего там и весело машущего им рукой. Но не было и следа Тома: лишь серый туман стлался над

Могильниками, да глубокая вуаль висела над Вековечным Лесом вдаль.

Они остановились, и Фродо задумчиво и слегка печально посмотрел на юг.

— Я охотно опять повидал бы старину Тома, — проговорил он. — Интересно, как он поживает?

— Так же хорошо, как и всегда, можешь быть уверен, — ответил Гэндальф. — Совершенно беззаботно и, как я полагаю, не особенно интересуюсь тем, что мы сделали или видели, за исключением, возможно, нашего визита к энтам. Быть может, позднее у тебя найдётся время прийти и повидаться с ним. Но на твоём месте я сейчас спешил бы домой, а то вы не успеете добраться до Брендидуинского Моста до закрытия ворот.

— Но там нет никаких ворот, — вмешался Мерри. — Ты же прекрасно знаешь, что на Тракте их нет. Конечно, есть ворота Забрендии, но меня-то через них пропустят в любое время.

— Ты хочешь сказать, что там не было никаких ворот, — возразил Гэндальф. — Думаю, что теперь ты наткнёшься на кое-какие. И даже у ворот Забрендии тебя ждёт больше хлопот, чем ты рассчитываешь. Но вы справитесь. До свидания, дорогие друзья! Не прощайте, пока ещё нет. До свидания!

Он повернул Тенегона с Тракта, и громадный конь перескочил через поросший травой ров сбоку от дороги, а затем, повинувшись команде Гэндальфа, исчез, помчавшись к Волглому Логу, словно северный ветер.

— Ну вот, нас опять четверо, как в самом начале пути, — сказал Мерри. — Всех остальных мы оставили позади, одного за другим. Это почти похоже на сон, который медленно исчезает.

— Не для меня, — возразил Фродо. — Напротив, мне чудится, что я снова засыпаю.

Глава VIII

Очищение Хоббитании

Уже сгустились ночные сумерки, когда мокрые и усталые путешественники достигли, наконец, Брендидуина и обнаружили, что путь перегорожен. По обеим конца моста были сооружены большие ворота из металлических прутьев, а на другой стороне реки виднелось несколько новых построек: двухэтажные дома с узкими прямоугольными окнами, пустыми и тускло освещёнными, — всё очень мрачно и совершенно не по-хоббитански.

Они постучали молотком во внешние ворота и покричали, но сначала никакого ответа не было, а потом к их изумлению кто-то протрубил в рог, и огни в окнах погасли. Из темноты раздался чей-то голос:

— Кто это там? Проваливайте! Вы не войдёте. Вы, что, не можете прочесть табличку: "Между закатом и восходом вход воспрещён"?

— Разумеется, мы не можем прочесть табличку в темноте, — крикнул в ответ Сэм. — И если хоббиты из Хоббитании будут оставлены мокнуть снаружи в такую ночь, как эта, я сорву вашу табличку, когда найду её.

Тут хлопнуло окно, и из левого дома толпой высыпали хоббиты с фонарями. Они открыли дальние ворота, а некоторые прошли дальше по мосту. Увидев путешественников, они, похоже, перепугались.

— Пойди-ка сюда! — велел Мерри, узнав одного из хоббитов. — Если ты до сих пор не признал меня, Хоб Сенохранкинс, так давай, признавай. Я Мерри Брендизайк, и я охотно узнал бы, что всё это значит и что тут делает такой забрендиец, как ты. Ты же обычно сидел на Сенных воротах.

— Чтоб меня! Это же господин Мерри, точно, и одетый, словно для сражения! —

воскликнул старый Хоб. — Да ведь говорили, что ты умер! Сгинул в Вековечном Лесу по общему мнению. Рад видеть, что ты всё-таки жив!

— Тогда перестань глазеть на меня сквозь решётку и открой ворота! — сказал Мерри.

— Извините, господин Мерри, но у нас приказ.

— Чей приказ?

— Шефа из Торбы.

— Шефа? Шефа? Ты имеешь в виду мистера Лотто? — спросил Фродо.

— Я полагаю, так, мистер Торбинс, но нам теперь следует говорить просто шеф.

— Неужели! — сказал Фродо. — Что ж. меня радует, что он, по крайней мере, перестал зваться Торбинсом. Однако ясно, что семье самое время заняться им и поставить его на место.

Молчание упало на хоббитов за воротами.

— Такая болтовня не принесёт ничего хорошего, — проговорил один. — Он услышит про это. А если вы будете так шуметь, то разбудите Большого человека Шефа.

— Мы разбудим его так, что он удивится, — отозвался Мерри. — Если вы имеете в виду, что ваш драгоценный Шеф нанял головорезов из Глухоманья, то мы вернулись не слишком рано.

Он спрыгнул со своего пони и, увидев в свете фонарей табличку, сорвал её и кинул за ворота. Хоббиты попятились и не сделали и движения, чтобы открыть их.

— Пойдём, Пин! — позвал Мерри. — Двоих достаточно.

Мерри и Пин взобрались на ворота, и хоббиты бежали. Ещё раз прозвучал рог. Из большого дома справа на фоне освещённого дверного проёма показалась крупная тяжёлая фигура.

— Это что ещё тут? — прорычал человек, выступая вперёд. — Взлом ворот? Убирайтесь, или я посворачиваю ваши грязные шейки!

И тут он резко остановился, потому что заметил блеск мечей.

— Билл Осинник, — сказал Мерри. — Если ты через десять секунд не откроешь эти ворота, то пожалеешь об этом. Если ты не подчинишься, я всажу в тебя этот клинок. А когда ты откроешь ворота, ты выйдешь в них и никогда больше не вернёшься. Ты негодяй и разбойник с большой дороги.

Билл Осинник вздрогнул, заспешил к воротам и отпер их.

— Дай мне ключ! — велел Мерри.

Но негодяй швырнул ключ ему в голову и метнулся в темноту. Когда он проносился мимо пони, один из них взбрыкнул и точно достал его на бегу копытами. Билл с воплем скрылся в ночи, и больше про него никто никогда не слышал.

— Отлично сработано, Билл, — сказал Сэм, имея в виду пони.

— Ну вот и всё с вашим Большим человеком, — сказал Мерри. — С Шефом мы увидимся попозже. А пока нам нужна комната на ночь, и поскольку вы, как видно, снесли харчевню при мосте, а вместо неё соорудили вон тот ужас, вам придётся нас приютить.

— Мне жаль, мистер Мерри, — сказал Хоб, — но это не позволено.

— Что не позволено?

— Радужно принимать гостей, и угощать, и всё такое прочее, — ответил Хоб.

— Что случилось? — спросил Мерри. — Плохой год, или что? Я-то думал, что лето было прекрасное и плодоносное.

— Да нет, год был неплох, — сказал Хоб. — Мы вырастили отличный урожай, но, признаться, понятия не имеем, что нам от него останется. По-моему, это всё "сборщики" и "дольщики". Ходят тут вокруг, подсчитывают, измеряют и забирают на склады. Они собирают больше, чем делят, и основной части запасов мы так уже никогда и не видим.

— Ну, вот что, — перебил Пин, зевая. — Для меня всё это слишком утомительно, чтобы

слушать сейчас дальше. У нас в сумках есть еда. Дайте нам просто комнату, чтобы улечься в ней. Это будет лучше многих мест, которые я видел.

Хоббитам у ворот всё ещё было явно не по себе: очевидно, то или иное правило тут тоже нарушалось, но никто осмелился противоречить четырём столь уверенным в себе путникам, к тому же в полном вооружении, да вдобавок двое из них были необычайно крупными и выглядели весьма сильными. Фродо распорядился опять запереть ворота. В любом случае, в сохранении бдительности имелся некий смысл, поскольку вокруг пока ещё бродили разбойники. Затем четверо друзей пошли в хоббитскую караульню и расположились в ней настолько уютно, насколько смогли. Это было пустое, безобразное помещение со скверной и маленькой каминной решёткой, не позволявшей развести хороший огонь. В верхних комнатах имелись короткие ряды жёстких кроватей, а по всем стенам были развешаны доски со списком Правил. Пин сорвал их. Пива не было, да и еды было очень мало, но с тем, что привезли с собой и разделили на всех путешественники, вышла прекрасная трапеза, а Пин нарушил Правило 4, подкинув в огонь большую часть дровяного пайка на следующий день.

— Ну а теперь, как насчёт подымить, пока вы будете нам рассказывать, что творится в Шире? — спросил он.

— Теперь тут нет табака, — вздохнул Хоб. — Он только для людей Шефа. Похоже, все запасы были вывезены. Мы слыхали, что из Южного удела целые повозки, гружёные табаком, ушли по старой дороге к Сарн Форду. Это было, кажись, в конце прошлого года, после вашего исчезновения. Но они уходили и раньше, потихоньку да помаленьку. Этот Лотто...

— Заткнись, Хоб Сенохранкинс! — предостерегающе закричали некоторые хоббиты. — Знаешь ведь: подобная болтовня не дозволена. Шеф узнает об этом, и мы все схлопочем неприятности на свою голову.

— Он ничего не узнал бы, если б тут кое-кто не наушничал, — раздражённо бросил Хоб.

— Тише, тише! — сказал Сэм. — Этого совершенно достаточно. Я не хочу слышать ничего больше. Ни приветов, ни пива, ни табака, а вместо этого — масса правил и оркские разговорчики. Я надеялся отдохнуть, да уж вижу, что впереди сплошные хлопоты да работа. Давайте спать и забудем про всё до завтра!

У нового "Шефа" явно имелись свои способы узнавать новости. От Моста до Торбы было добрых сорок миль, но кто-то живо проделал этот путь, как вскоре обнаружили Фродо и его друзья.

У них не было никаких определённых планов; кроме смутного намерения отправиться вместе в Кроличью Балку и отдохнуть там немного. Но теперь, увидев, что творится, они решили пойти напрямик в Хоббитон. Так что на следующий день они выехали пораньше и трусили по Тракту всё вперёд да вперёд. Ветер стих, но небо было серым. Местность выглядела довольно унылой и заброшенной, однако, в конце концов, было уже первое ноября, самый конец осени. Тем не менее, было похоже, что тут все ещё продолжали жечь необычайно много костров: дымы поднимались буквально отовсюду. Особенно большой столб вставал вдали, в направлении Лесного Предела.

Под вечер они приблизилось к Лягватону, деревушке прямо на Тракте, примерно в двадцати двух милях от Моста. Здесь они думали остановиться на ночь: "Золотой шесток" в Лягватоне считался хорошим постоялым двором. Но когда они добрались до восточной окраины деревни, то наткнулись на барьер с крупной табличкой, гласящей "ПРОХОДА НЕТ", за которым стоял большой отряд шерифов с посохами в руках и перьями на шляпах. Выглядели они одновременно важно и довольно испуганно.

— Это ещё что такое? — спросил Фродо, чуть не рассмеявшись.

— Это вот что, мистер Торбинс, — сказал предводитель шерифов, хоббит с двумя перьями. — Вы арестованы за Взлом Ворот, и за Срывание со стен Правил, и Нападение на Стражу Ворот, и Нарушение Границ, и Ночлег в строениях Ши́ра без Позволения, и Подкуп Стражи Едой.

— И ещё за что? — спросил Фродо.

— Для начала этого вполне достаточно, — ответил предводитель шерифов.

— Могу кое-что добавить, если угодно, — вмешался Сэм. — Обзывание вашего Шефа всякими Именами, Желание треснуть кулаком в его Прыщавую Морду и Мнение, что вы, Шерифы, похожи на толпу Придурков.

— Хватит, мистер, довольно уже. Приказ шефа гласит, что вас следует для начала просто препроводить. Мы собираемся доставить в Приречье и передать людям Шефа. Вот когда он займётся вашим делом, там вам и дадут слово. Но, если вы не хотите оставаться в Подземельях дольше, чем вам положено, так, будь я на вашем месте, я бы попридержал язык.

К замешательству шерифов Фродо и его спутники покатались со смеху.

— Не глумитесь! — сказал Фродо, отсмеявшись. — Я иду, куда хочу и когда хочу. И так уж получилось, что в данный момент я направляюсь в Торбу заняться делами, но, если вы настаиваете на том, чтобы сопровождать меня, пожалуйста, это ваше личное дело.

— Очень хорошо, мистер Торбинс, — ответил предводитель, сдвигая барьер в сторону. — Но не забудьте, я арестовал вас.

— Не забуду, — сказал Фродо. — Никогда. Но я могу простить вас. Сегодня я и шагу дальше не сделаю, так что буду вам весьма признателен, если вы окажете мне любезность и сопроводите меня в "Золотой шесток".

— Этого я не могу сделать, мистер Торбинс. Постоялый двор закрыт. На том конце деревни есть шерифская. Я доставлю вас туда.

— Пожалуйста, — согласился Фродо. — Идите впереди, а мы за вами.

Сэм, оглядывавший шерифов с головы до ног, заметил одного, которого он знал.

— Эй, поди сюда, Робин Мелкокоп! — позвал он. — Я хочу перекинуться с тобой парой слов.

Робко глянув на своего предводителя, который казался рассерженным, но не осмелился вмешаться, шериф Мелкокоп приотстал от остальных и пошёл рядом с Сэмом, который слез со своего пони.

— Слушай сюда, петушок Роб, — начал Сэм. — Ты же уроженец Хоббитона и должен бы соображать получше, чем устраивать засаду на мистера Фродо и всё такое прочее. И с чего это у вас вдруг харчевня закрылась?

— Они все закрыты, — ответил Робин. — Шеф не выносит пива. По крайней мере, так это началось. Но теперь я считаю, что всё получают его люди. И он терпеть не может, когда народ шатается по окрестностям, так что теперь те, кто хочет или должен куда-нибудь пойти, должен явиться в шерифскую и объяснить, зачем ему это понадобилось.

— Тебе должно быть стыдно участвовать в подобной чепухе, — заметил Сэм. — Ты же всегда охотнее торчал внутри харчевни, чем снаружи, и постоянно заскакивал туда, по делу или без.

— И сейчас поступал бы так же, Сэм, если б мог. Но не ругай меня. Что я могу сделать? Ты знаешь, почему я пошёл в шерифы семь лет назад, когда ничего подобного и в помине не было. Служба давала мне возможность бродить по стране, видеть людей, слушать новости и знать, где имеется хорошее пиво. А теперь это совсем другое.

— Но ты же можешь бросить всё, прекратить шерифствовать, раз уж это перестало быть респектабельным делом, — возразил Сэм.

— Нам не позволено, — ответил Робин.

— Если я буду так часто слышать "не позволено", — сказал Сэм, — то начну сердиться.

— Не скажу, чтоб меня это огорчило бы, — отозвался Робин, понизив голос. — Если мы все вместе как следует рассердимся, кое-что может и выйдет. Но тут эти люди, Сэм, люди Шефа. Он рассылает их повсюду, и если кто-нибудь из нас, невысокликков, встаёт за свои права, они волокут его в Подземелья. Первым они схватили старого Обсыпного Пудинга, в смысле, старину Вилли Белолопа, старосту, и ещё очень многих. А недавно пошло ещё хуже. Теперь они их частенько ещё и бьют.

— Тогда почему вы хватаетесь за их работу? — гневно воскликнул Сэм. — Кто послал вас в Лягватон?

— Никто. Мы постоянно сидим тут, в Большой Шерифской. Теперь мы Первый отряд Восточного удела. Теперь здесь сотни шерифов, а хотят ещё больше, со всеми этими новыми правилами. Большинство служат против своей воли, но не все. Даже в Шире есть такие, которые охотно лезут в чужие дела и разыгрывают из себя начальство. И ещё того хуже: некоторые шпионят для Шефа и его людей.

— Ага! Так вот как вы узнали про нас, да?

— Верно. Нам не позволено теперь отправлять письма прежней Быстрой Почтой, но они используют её и держат специальных бегунов в разных точках. Один из них явился прошлой ночью с Белополя с "секретным посланием", а другой унёс его отсюда. А этим вечером гонец вернулся с приказом, что вы должны быть арестованы и доставлены в Приречье, а не напрямую в Подземелья. Очевидно, Шеф хочет видеть вас немедленно.

— Он не будет так настойчив, когда мистер Фродо покончит с ним, — сказал Сэм.

Шерифская в Лягватоне оказалась не лучше караульной у моста. В ней был только один этаж, но окна такие же узкие, и выстроена она была из безобразных бледных кирпичей, вдобавок плохо уложенных. Внутри было сыро и уныло, а ужин собрали на длинном голом столе, который не скоблили неделями. Правда, еда лучшего и не заслуживала. Путешественники были рады оставить это место. До Приречья оставалось миль восемнадцать, и в десять часов утра они двинулись в путь. Вышли б и раньше, кабы проволочка эта не вызывала столь явной досады у предводителя шерифов. Западный ветер сменился северным и стало холодать, но дождь кончился.

Покидающая деревню кавалькада выглядела весьма забавно, хотя мало кто из жителей вышел поглазеть на "препровождение" путешественников, поскольку были не вполне уверены, насколько позволено смеяться. Для эскорта "арестантов" была выделена дюжина шерифов, но Мерри заставил их маршировать впереди, тогда как Фродо и его друзья ехали следом. Мерри, Пин и Сэм держались совершенно беззаботно, они смеялись, болтали и напевали, тогда как шерифы вышагивали впереди, пытаясь выглядеть сурово и важно. Но Фродо был молчалив и казался печальным и задумчивым.

Последним, кого они миновали, был крепкий старик, подстригавший живую изгородь.

— Так, так! — расхохотался он. — Это кто ж кого арестовал?

Двое из шерифов немедленно оставили отряд и двинулись по направлению к нему.

— Предводитель! — окликнул Мерри. — Немедленно отзови своих парней на место, а то я сам ими займусь!

По резкому приказу предводителя оба хоббита угрюмо вернулись с надутым видом.

— Теперь вперёд! — скомандовал Мерри, после чего путешественники не забывали

следить, чтобы их пони двигались достаточно резво и гнали шерифов со всей доступной им скоростью. Показалось солнце, и, несмотря на резкий ветер, те очень скоро запыхались и вспотели.

У Трёхудельного Камня они, наконец, сдались. Бедняги проделали четырнадцать миль всего с одной коротенькой остановкой в полдень. Сейчас было три часа. Они проголодались, сильно стёрли ноги и больше не могли нестись так быстро.

— Ладно уж, подтягивайтесь, когда получится! — милостиво разрешил Мерри. — Мы идём дальше.

— Пока, петушок Робин! — сказал Сэм. — Буду ждать тебя у "Зелёного дракона", если только ты не забыл, где это. Не замешкайся по дороге!

— Вы уходите из-под ареста, вот что вы делаете, — уныло сказал предводитель. — И я не могу за это отвечать.

— Мы нарушим ещё массу всяких правил и не потребуем от тебя ответа, — рассмеялся Пин. — Счастливо!

Путешественники трусили вперёд и, когда солнце начало клониться к Белым Взорьям далеко на западе, они достигли Приречья с его широким прудом; и тут они впервые получили действительно мучительное потрясение. Это был родной край Фродо и Сэма, и теперь они вдруг почувствовали, что он заботит их больше, чем любое другое место в мире. Многих домов, которые они помнили, не хватало. Некоторые были сожжены дотла. Весёлый ряд старых хоббитских нор в крутом берегу с северной стороны Пруда был заброшен, а их маленькие яркие садики, которые обычно сбегали к самой воде, заросли бурьяном. Ещё того хуже: вдоль Пологой Стороны, там, где Хоббитонский Тракт примыкал к берегу, протянулась целая линия безобразных новых домов. Раньше там была аллея деревьев. Они все исчезли. И, в ужасе глянув вдоль тракта по направлению к Торбе, они увидели вдали высокую кирпичную трубу, которая извергала в вечерний воздух чёрный дым.

Сэм был вне себя.

— Я немедленно скачу дальше, мистер Фродо! — воскликнул он. — Я хочу посмотреть, что происходит. Мне нужно отыскать моего старика.

— Сначала нам нужно выяснить, к чему готовиться, Сэм, — сказал Мерри. — Полагаю, что "шеф" держит под рукой банду головорезов. Лучше поискать кого-нибудь, кто сможет сообщить нам, что творится в округе.

Однако в деревне Приречье все дома и двери были закрыты, и никто не приветствовал их. Друзья удивились этому, но вскоре обнаружили причину: добравшись до "Зелёного дракона", последнего дома со стороны Хоббитона, теперь безжизненного и с разбитыми окнами, они обеспокоились, увидев полдюжины крупных неприветливых людей, развалившихся у стенки. Люди были желтолицыми, с раскосыми глазами.

— Как тот дружок Билла Осинника в Пригорье, — заметил Сэм.

— Как многие из тех, кого я видел в Скальбурге, — пробормотал Мерри.

Головорезы были вооружены дубинками, на поясах у них висели рога, но другого оружия видно не было. Когда путешественники подъехали, они оторвались от стены и вышли на дорогу, загоротив путь.

— И куда это вы, по-вашему, направляетесь? — сказал один из шайки, самый крупный и выглядевший особенно противно. — Для вас пути дальше нет. И где эти драгоценные шерифы?

— Идут себе потихоньку следом, — ответил Мерри. — Немного стёрли ноги, возможно. Мы обещали подождать их здесь.

— Во! Что я говорил? — проворчал негодяй, обращаясь к своим напарникам. — Я говорил Шаркуну, что не стоит доверять этим мелким придуркам; нужно было послать кого-нибудь из наших.

— А что бы это изменило, скажите, пожалуйста? — отозвался Мерри. — Мы не привыкли к нахлебникам в этой стране. Но мы знаем, как обходиться с ними.

— Нахлебники, э? — сказал человек. — Так вот как вы заговорили? Смените тон, или мы сменим его по отношению к вам. Вы, недоростки, слишком уж задаётесь. Не слишком-то рассчитывайте на мягкое сердце Шефа. Теперь пришёл Шаркун, и он будет делать всё, что скажет Шаркун.

— И что же он такое скажет? — спокойно поинтересовался Фродо.

— Этот край следует встряхнуть и привести в порядок, — ответил головорез. — И Шаркун собирается сделать это, и сделает жёстко, если вы принудите его к этому. Вам необходим Шеф покрупнее. И вы его получите ещё до конца года, если добавите хлопот. Тогда вам преподнесут пару уроков, крысы вы мелкие.

— Неужели! Я рад, что слышал про ваши планы, — сказал Фродо. — Я как раз собираюсь навестить мистера Лотто, и, возможно, ему тоже будет интересно их послушать.

Разбойник захохотал.

— Лотто! Он и так в курсе. Не беспокойся. Он сделает всё, что скажет Шаркун. Потому что, если шеф доставляет хлопоты, мы можем сменить его. Понял? А если недоростки пытаются лезть, куда не надо, мы можем упрятать их подальше, чтоб не баловали. Понял?

— Да, я понял, — сказал Фродо. — Понял одну вещь: вы тут отстали от времени и событий. С тех пор, как вы ушли с юга, многое изменилось. Ваше время кончилось, и всех других головорезов тоже. Чёрная Крепость пала, и в Гондоре есть Король. И Скальбург разрушен, а ваш драгоценный хозяин стал оборванцем в Глухоманье. Я встретил его по дороге. Теперь по Зелёному тракту поскачут гонцы Короля, а не забияки из Скальбурга.

Человек с уставился на него, а потом усмехнулся.

— Оборванец в Глухоманье! — передразнил он. — Да неужели же? Кукарекай, кукарекай, нахальный петушок. Но это не мешает нам жить в этой тучной маленькой стране, где вы бездельничали достаточно долго. А что до посланцев короля, — тут он щёлкнул пальцами под носом Фродо. — Вот им! Если я увижу хоть одного, возможно, я и приму это к сведению.

Для Пина это оказалось уж чересчур. Его мысли вернулись к полю Кормаллен; а тут косоглазый мошенник смеет обзывать Хранителя Кольца "нахальным петушком"! Он отбросил за спину свой плащ, блеснул мечом и, когда он выехал вперёд, на нём засверкало серебро и чернь Гондора.

— Я посланец Короля! — заявил он. — Ты говоришь с другом Короля и тем, кого почитают и прославляют во всех странах Запада. Ты дурак и негодяй. На колени, в пыль, и проси прощенья! Или я всажу в тебя вот эту Гибель Тролля!

Меч вспыхнул в клонящемся к западу солнце. Мерри и Сэм тоже обнажили мечи и выехали вперёд поддержать Пина, но Фродо не двинулся. Головорезы попятились. Наводить ужас на пригорянских фермеров или третировать растерявшихся хоббитов — это они привыкли. Но бесстрашные хоббиты с яркими мечами и суровыми лицами были огромным сюрпризом. И в голосе этих вновьприбывших были нотки, которых они не слышали прежде и которые повергли их в озноб от страха.

— Прочь! — велел Мерри. — Если вы опять потревожите эту деревню, вы сильно пожалеете.

Трое хоббитов начали надвигаться, и негодяи, повернувшись, бежали вверх по дороге на Хоббитон. Но на бегу они трубили в рога.

— Да уж, мы вернулись совсем не рано, — сказал Мерри.

— Ни на день раньше, чем следовало. Возможно даже, что слишком поздно, во всяком случае, чтобы спасти Лотто, — ответил Фродо. — Он несчастный дурак, но мне жаль его.

— Спасти Лотто? Ты о чём? — изумлённо спросил Пин. — Прихлопнуть его, я бы сказал.

— По-моему, ты не вполне разобрался в происходящем, Пин, — возразил Фродо. — Лотто никогда бы не подумал, что всё так обернётся. Он просто злобный дурак, однако сейчас здорово попался. Всем заправляют головорезы: обирают, третируют и творят, что хотят, от его имени. А теперь даже уже и не от его имени. Думаю, что в настоящий момент он пленник в Торбе, и очень напуган. Мы должны попытаться выручить его.

— Ну, у меня просто слов нет! — сказал Пин. — Самое последнее, что я мог ожидать под конец нашего путешествия, так это ввязаться в битву с разбойниками и полу-орками в самом Шире, чтобы... спасти Лотто Прыща!

— В битву? — переспросил Фродо. — Что ж, по-моему, может дойти и до этого. Но помни: здесь не будет убийства хоббитов! Нет, даже если они перешли на другую сторону. Я имею в виду, действительно перешли, а не подчиняются из-за страха приказам разбойников. В Хоббитании никогда ни один хоббит не убивал другого умышленно, и это не должно начаться сейчас. И, если этого можно избежать, лучше вообще никого не убивать. Умерьте свой пыл и придержите руки до последней возможности!

— Но если этих головорезов тут много, — возразил Мерри, — то непременно придётся драться. Ты не спасёшь ни Лотто, ни Хоббитанию, если просто потрясёшься или опечалишься, мой дорогой Фродо.

— Да, — согласился Пин. — Второй раз их так легко не запугать. Они были ошарашены. Вы слышите звуки рогов? Очевидно, тут поблизости есть другие головорезы. Они станут гораздо нахальнее, когда соберутся толпой. Мы должны подумать о каком-нибудь укрытии на ночь. Помимо всего прочего, нас тут только четверо, хоть мы и вооружены.

— Есть идея, — сказал Сэм. — Айда к старому Тому Хлопкинсу, что внизу Южного Проулка! Он всегда был крепким мужиком. И у него много сыновей, которые все были моими друзьями.

— Нет! — возразил Мерри. — Укрываться не стоит. Это именно то, чем все здесь занимаются, и именно то, что на руку этим головорезам. Они просто-напросто задавят нас силой, загонят в угол, а потом выкурят или сожгут. Нет, надо немедленно заняться делом.

— Каким? — спросил Пин.

— Поднимать Хоббитанию! — ответил Мерри. — Прямо сейчас! Будить весь наш народ! Вы же видели: они ненавидят всё это, все, за исключением пары мошенников да нескольких дураков, которым хочется поважничать, но которые совершенно не понимают, что происходит в действительности. Нужна лишь спичка, и всё мгновенно полыхнёт. Люди Шефа должны понимать это. Они попытаются затоптать высеченную нами искру, причём быстро. У нас в запасе совсем немного времени.

Сэм, ты можешь сгонять к ферме Хлопкинса, если хочешь. Он главная персона во всей округе и самый крепкий. Давай! А я собираюсь протрубить в рог Ристании и сыграть им напев, которого они прежде не слышали.

Друзья поскакали назад к центру деревни. Тут Сэм свернул и помчался вниз по южному проулку, который вёл к Хлопкинсам. Он ушёл недалеко, когда услышал внезапный, звонкий призыв рога, взлетевший в небо. Он раскатился эхом далеко над полями и холмами, и так притягателен был этот зов, что Сэм чуть было не повернул и не рванул назад. Его пони встал на дыбы и заржал.

— Вперёд, паренёк, вперёд! — крикнул Сэм. — Мы скоро вернёмся.

Затем он услышал, как Мерри изменил ноту, и вверх взвился, сотрясая воздух, боевой сигнал Брендизайков:

Вставай! Напасть! Пожар! Враги!

Беда! Пожар! Враги! Вставай!

Позади Сэм услышал гам голосов, грохот и хлопанье дверей. Впереди внезапно вспыхнули в вечерних сумерках фонари, залаяли собаки, раздался топот ног. Прежде чем он добрался до конца улочки, появился фермер Хлопкинс с тремя сыновьями — молодым Томом, Йолли и Ником, которые спешили навстречу ему. С топорами в руках они преградили дорогу.

— Нет, это не один из тех разбойников, — услышал Сэм голос фермера. — По размеру это хоббит, но одет больно чудно. Эй! — окликнул он. — Ты кто такой, и что тут творится?

— Это Сэм Скромби! Я вернулся!

Фермер Хлопкинс подошёл вплотную и уставился на него в полумраке.

— Ну и ну! — возопил он. — Голос тот же, и лицо твоё не хуже, чем было, Сэм. Но из-за твоего наряда я прошёл бы на улице мимо. Похоже, что ты побывал в чужих краях. Мы уж боялись, что ты умер.

— Только не я! — сказал Сэм. — И не мистер Фродо. Он здесь, и его друзья тоже. И это самое и творится. Они поднимают Хоббитанию. Мы пришли, чтобы выгнать этих головорезов, и их Шефа тоже. Мы начинаем немедленно!

— Прекрасно, замечательно! — воскликнул фермер Хлопкинс. — так это началось наконец! У меня руки чесались от беспокойства весь этот год, да никто не помог бы. Да и о жене и о Розе приходилось думать. Головорезы всё ж таки не привязывались без повода. Но теперь вперёд, пареньки! Приречье поднялось! Мы должны участвовать в этом!

— А как же миссис Хлопкинс и Роза? — спросил Сэм. Это всё-таки небезопасно оставлять их совсем одних.

— С ними мой Нибс. Но ты можешь пойти и помочь ему, если имеешь такую задумку, — ухмыльнулся фермер Хлопкинс.

Затем он и его сыновья побежали в деревню.

Сэм заторопился к дому. У большой круглой двери, к которой вела лестница, стояли миссис Хлопкинс и Роза, а перед ними — Нибс, сжимающий вилы.

— Это я! — закричал Сэм, подлетая быстрой рысью. — Сэм Скромби! Так что не пытайся проткнуть меня, Нибс. В любом случае, на мне кольчуга.

Он соскочил с пони и поднялся по ступенькам. Хозяева уставились на него в молчании.

— Добрый вечер, миссис Хлопкинс, — сказал Сэм. — Привет, Роза!

— Привет, Сэм! — отозвалась Роза. — Где ты был? Говорили, что ты умер. Но я ждала тебя с самой весны. Ты не торопился, верно ведь?

— Возможно, нет, — сказал Сэм в замешательстве, — но я тороплюсь сейчас. Мы выступаем против разбойников, и я должен вернуться к мистеру Фродо. Но я подумал, что должен посмотреть, как охраняют миссис Хлопкинс и тебя, Роза.

— Спасибо, мы под хорошей охраной, — ответила миссис Хлопкинс. — Или будем, когда не станет этого ворья.

— Ладно, прочь отсюда! — сказала Роза. — Если ты присматривал за мистером Фродо всё это время, так что ж решил бросить его, как только запахло опасностью?

Для Сэма это было уже чересчур. Ему нужно было отвечать неделю или не отвечать совсем.

Он повернулся и сел на пони. Но, когда он тронул поводья, Роза сбежала по ступенькам.

— По-моему, ты прекрасно выглядишь, Сэм, — сказала она. — Сейчас вперёд! Но береги себя и возвращайся прямо сюда, когда покончишь с этими головорезами!

Вернувшись, Сэм обнаружил, что вся деревня поднялась. В стороне от многочисленных мальчишек уже собралось побольше сотни крепких хоббитов с топорами, тяжёлыми молотами, длинными ножами и толстыми дубинками, у некоторых были охотничьи луки. И постоянно подтягивался ещё народ с окрестных ферм.

Кто-то из селян разжёг большой костёр, чтобы вещи выглядели повеселее, а также потому, что это было запрещено Шефом. Костёр ярко пылал в сгустившейся ночи. Другие под руководством Мерри сооружали поперёк дороги на обоих концах деревни барьеры. Когда к нижней околице подошли шерифы, они онемели от изумления, но поняв, какие дела творятся, почти все побросали свои перья и примкнули к восстанию. Остальные потихоньку улизнули прочь.

Сэм нашёл Фродо и его друзей у костра, беседующими со старым Томом Хлопкинсом; их окружала толпа восхищённо глазающих приречан.

— Ладно, какой следующий ход? — спросил Хлопкинс.

— Пока не знаю, — ответил Фродо. — Мне нужно побольше сведений. Сколько здесь этих головорезов?

— Трудно сказать наверняка, — отозвался фермер Хлопкинс. — Они бродят по округе, приходят и уходят. Иногда их собирается до пятидесяти в сараях вверх по дороге на Хоббитон, но они выходят оттуда грабить окрестности, воровать или, по-ихнему, "собирать". Всё же при Шефе, как они его называют, их редко остаётся меньше двух десятков. Шеф в Торбе, или был там, но сейчас он не показывается. Собственно говоря, никто вообще не видел его неделю или две, но люди никого не подпускают поближе.

— Но ведь они не только в Хоббитоне? — спросил Пин.

— К сожалению, нет, — сказал Хлопкинс. — Я слышал, что их порядочно на юге, в Длинной пойме, и у Сарн Форда, и ещё больше засело в Лесном Пределе, и у них есть сараи у Перекрёстка. И, кроме того, ещё Подземелья, как они их называют: старые подземные склады у Михелевых Норок, которые они превратили в тюрьму для тех, кто противился им. Однако я думаю, что во всей Хоббитании их не больше трёх сотен, а может быть, и поменьше. Мы вполне можем справиться с ними, если ударим вместе.

— У них имеется какое-нибудь оружие? — спросил Мерри.

— Кнуты, ножи и дубинки, которых им хватало для их грязных дел; больше они пока ничего не показывали, — ответил Хлопкинс. — Но, если дойдёт до битвы, ручаюсь, что у них найдётся и другое оружие. Во всяком случае, у некоторых есть луки. Они застрелили одного или двух из нашего народа.

— Вот, Фродо! — сказал Мерри. — Я знал, что нам придётся сражаться. Ладно, они начали убивать первыми.

— Не совсем так, — возразил Хлопкинс. — По крайней мере, не стрелять. Это начали Кролы. Понимаешь, твой отец, мистер Перегрин, он с самого начала не имел дел с этим Лотто: говорил, что если уж кто и решил разыгрывать шефа в эти дни, то он должен быть из танов Шира, а не выскочкой. И когда Лотто послал своих людей, они не добились от него ничего другого. Кролам повезло, у них есть те глубокие норы в Зелёных Холмах, Большие Смиалсы и всё такое, и головорезы не смогли добраться до них, а они не дали им шататься по своим землям. Если те появлялись, Кролы охотились на них. Кролы застрелили троих, которые пробрались и грабили. После этого разбойники обозлились. Они плотно обложили Кролтанию,

так что теперь никто не может ни попасть туда, ни выбраться оттуда.

— Молодцы Кролы! — воскликнул Пин. — Но теперь кое-кто туда попадёт. Я в Смиалсы. Кто-нибудь пойдёт со мной к Кролгорду?

Пин ускакал в сгущающуюся ночь с дюжиной крепкий парней на пони.

— Скоро вернусь! — крикнул он. — Полями тут не больше четырнадцати миль. Утром я приведу армию Кролов.

Мерри протрубил им вдогонку роговой сигнал. Собравшиеся возликовали.

— Всё равно, — сказал Фродо всем, кто находился поблизости, — я не хочу никого убивать, даже разбойников, разве что придётся сделать это, чтобы не дать им калечить хоббитов.

— Пожалуйста! — сказал Мерри. — Но я думаю, что банда из Хоббитона может теперь появиться в любую минуту. И они придут не вести переговоры. Мы постараемся обойтись с ними бережно, но надо подготовиться к худшему. У меня есть план.

— Вот и отлично, — сказал Фродо. — Ты и командуй.

Сразу вслед за этим примчались несколько хоббитов, которые были высланы в направлении Хоббитона.

— Они приближаются! — сказали они. — Двадцать или больше. Но двое отправились к западу прямо по полям.

— Должно быть, к Перекрёстку, — заметил Хлопкинс. — За подмогой. Ладно, это пятнадцать миль в один конец. Об этом пока можно не беспокоиться.

Мерри поспешно отдавал приказы. Фермер Хлопкинс очистил улицу, отправив всех за двери, кроме хоббитов постарше, которые были вооружены. Им не пришлось долго ждать. Вскоре послышался гам и топот тяжёлых ног. Вслед за тем по дороге спустился целый отряд головорезов. Они увидели барьер и расхохотались, поскольку просто не представляли себе, что в этой маленькой стране могут найтись силы, способные противостоять двум десяткам людей, собравшимся вместе.

Хоббиты отодвинули барьер и встали по бокам.

— Спасибо! — загоготали люди. — А теперь бегите домой в постельки, пока вас не выпороли!

Затем они двинулись вдоль улицы, крича:

— Погасить огни! По домам, и сидеть там! Не то пятьдесят из вас отправятся в Подземелья на год! По домам! Шеф теряет терпение.

Никто им не противоречил. Но по мере продвижения головорезов хоббиты тихонько пристраивались за ними и шли следом. Когда люди приблизились к костру, там был только фермер Хлопкинс, который стоял совсем один и грел руки у огня.

— Кто ты такой и чем, по-твоему, ты занимаешься? — сказал главарь разбойников.

Фермер Хлопкинс неторопливо посмотрел на него.

— Именно об этом я собирался спросить тебя, — ответил он. — Это не ваша страна, и вы тут не нужны.

— Ладно, как бы там ни было, ты-то нужен, — сказал главарь. — Ты-то нам и нужен. Хватай его, парни! В Подземелья его, да всыпьте ему хорошенько, чтоб заткнулся!

Люди шагнули вперёд и замерли. Вокруг них раздался гвалт голосов, и внезапно они поняли, что фермер Хлопкинс был не один. Их окружили. В темноте, по краю светового круга от костра, стояло кольцо хоббитов, которые выступили из теней. Их было около двух сотен, все с каким-нибудь оружием.

Вперёд вышел Мерри.

— Мы уже встречались, — сказал он главарю. — Я предупреждал тебя, чтоб ты не смел

возвращаться. Я предупреждаю тебя снова: вы стоите на свету и окружены лучниками. Если вы хоть пальцем тронете этого фермера или кого-нибудь ещё, вас тут же перестреляют. Сложите оружие!

Главарь огляделся. Они попались в капкан. Но он не испугался, не в этот раз, когда за ним стояло два десятка парней. Он слишком мало знал о хоббитах, чтобы понять грозящую опасность, и самонадеянно решил драться. Прорваться будет несложно.

— На них, парни! — крикнул он. — Зададим им!

Он ринулся на кольцо хоббитов с длинным кинжалом в левой руке и палицей в правой, пытаясь прорваться обратно к Хоббиттону. Он намерился было нанести Мерри, стоявшему у него на пути, жестокий удар и упал мёртвым, пронзённый четырьмя стрелами.

Для остальных этого было достаточно. Они сдались. У них отобрали оружие, связали всех вместе одной верёвкой и отвели к пустой хижине, выстроенной ими же, где связали уже по рукам и ногам и заперли под стражей. Мёртвого главаря отволокли прочь и закопали.

— В итоге получилось даже как-то уж слишком просто, а? — заметил Хлопкинс. — Я говорил, что мы могли бы справиться с ними. Но нам нужен был сигнал. Вы вернулись как раз во время, мистер Мерри.

— Но большая часть работы ещё впереди, — ответил Мерри. — Если ты не ошибся в подсчётах, мы пока не разделились и с десятой их частью. Правда, сейчас темно, и я думаю, что следующий удар нужно отложить до утра. Тогда-то мы и вызовем их Шефа.

— А почему не сейчас? — спросил Сэм. — Ведь всего-то не многим больше шести часов. И я хочу увидеть моего старика. Не знаете ли, что с ним случилось, мистер Хлопкинс?

— Ему не очень хорошо, но и не очень плохо, Сэм, — ответил фермер. — Они срыли Исторбинку, а это был для него очень тяжёлый удар. Он в одном из новых домов, которые люди Шефа обычно строили, когда ещё занимались хоть чем-то, кроме поджогов и воровства, — меньше мили от околицы Приречья. Однако он заходит ко мне, когда улучшает такую возможность, и я присматриваю за тем, чтобы он питался получше, чем другие бедняги. Конечно, всё в обход Правил. Я вообще оставил бы его у себя, кабы это не было запрещено.

— Спасибо вам большое, мистер Хлопкинс, я никогда этого не забуду, — сказал Сэм. — Но я хочу увидеть его. Этот Шеф с Шаркуном, о котором они говорили, они до утра могут там натворить бед.

— Хорошо, Сэм, — ответил Хлопкинс. — Прихвати одного-двух парней и веди его ко мне. Тебе не понадобится подходить близко к старому Хоббитону над Прудом. Мой Йолли покажет тебе.

Сэм ушёл. Мерри расставил часовых вокруг деревни и распорядился охранять барьеры в течение ночи. Затем они с Фродо отправились к фермеру Хлопкинсу. Они сидели вместе с его семьёй в тёплой кухне, и Хлопкины задали несколько вежливых вопросов по поводу их странствий, но ответы выслушали с трудом: гораздо больше их заботили события в Шире.

— Всё это началось с Прыща, как мы его прозвали, — рассказывал фермер Хлопкинс. — И началось сразу после вашего ухода, мистер Фродо. У Прыща были забавные идеи. Похоже, он хотел захватить себе всё, а потом командовать вволю. Вскоре вышло наружу, что он уже нахватал значительно больше, чем стоило бы, и он всеми способами урывал ещё и ещё, хотя где он брал деньги, было загадкой: мельницы и солодоварни, харчевни и фермы, и табачные плантации. По всему выходит, что мельницу Пескунса он купил ещё до того, как попал в Торбу.

Конечно, он начал с изрядного наследства в Южном уделе, которое получил от отца, и кажется, что он год или два втихаря приторговывал табачком, отправляя куда-то массу лучшего листа. Но в конце прошлого года он услал туда же не только лист, но и целые возы прочего

добра. Возникла нехватка того-сего, а тут ещё зима на носу. Народ начал сердиться, но у него был свой ответ. С большими повозками пришло множество людей, в основном негодяи, некоторые — чтобы увезти добро на юг, другие — чтоб остаться. И подошло ещё больше. И, прежде чем мы поняли, что к чему, они окопались здесь и там по всей Хоббитании, и валили деревья, и рыли, и строили для себя сараи и дома по своему вкусу. Сперва за ущерб и припасы расплачивался Прыщ, но вскоре они начали хозяйничать повсюду и забирать, что хотели.

Тут-то и начались волнения, но слишком уж слабые. Старина Вилл Белолоп, Староста, отправился в Торбу протестовать, но так и не дошёл туда. Разбойники схватили его и заперли в дыру в Михелевых Норках, он и теперь там. А затем, это было вскоре после Нового года, поскольку Старосты больше не было, Прыщ провозгласил себя Главным Шерифом, или попросту Шефом, и начал творить, что хотел, а если кто слишком "заносился", как это они называли, то такие следовали за Виллом. Так дела и тянулись от плохого да к худшему. Курево вышло, осталось только для людей, и Шеф не варил больше пива, кроме как, опять-таки, только для людей, и закрыл все харчевни, и всего остального, за исключением Правил, становилось всё меньше и меньше, разве только кто успевал припрятать немного своего же добра, когда разбойники собирали его для "справедливого распределения", что означало, что они получают его, а мы нет, разве что отбросы, которые можно получить в шерифских, если сумеешь переварить их. Короче, всё очень плохо. Но с тех пор, как появился Шаркун, тут-то и началось полное разорение.

— Кто такой этот Шаркун? — спросил Мерри. — Я слышал, как один из головорезов упоминал о нём.

— Надо понимать, самый большой разбойник из всех, — ответил Хлопкинс. — Это было в пору последней жатвы, стало быть, в конце сентября, когда мы впервые слышали о нём. Мы его никогда не видели, но он наверху, в Торбе, и по-моему, он-то теперь и есть настоящий Шеф. Все разбойники делают то, что он говорит, а говорит он в основном руби, жги, круши, а теперь дошло и до убивай. И во всём этом не осталось вообще никакого смысла: они рубят деревья и оставляют их лежать, жгут дома и не строят новых.

Взять к примеру мельницу Пескунса. Прыщ снёс её почти сразу, как появился в Торбе. Затем он привёз толпу каких-то чумазных людей, чтобы построить мельницу побольше и наполнить её всяческими колёсами и всякими зарубежными штуковинами. Только этот дурень Тед был доволен, и теперь работает, протирая колёса для людей, там, где его отец был мельником и хозяином самому себе. Замыслом Прыща было молоть больше и быстрее, по крайней мере, он так говорил. У него есть и другие мельницы, подобные этой. Но, прежде чем молоть, следовало бы припасти зерно, а дел для новой мельницы тут было не больше, чем для старой. Но с тех пор, как появился Шаркун, они и вовсе прекратили молоть зерно. Они постоянно грохочут, дымят и воняют, и в Хоббитоне нет покоя даже ночью. И они специально разливают грязь: нижнее течение Реки уже изгадили, а теперь всё это пошло дальше, в Брендидуин. Если они собрались превратить Хоббитанию в пустыню, то взялись за дело правильно. Не думаю, что за всем этим стоит дурак Прыщ. Это Шаркун, говорю я.

— Верно! — вмешался молодой Том. — Да что! Они ведь забрали даже старую мамашу Прыща, Лобелию, а уж он-то любил её, если даже никто больше и не любил. Кое-кто из Хоббитона видел это. Она шла вниз по улице со своим старым зонтиком, а несколько разбойников поднимались вверх с большой повозкой.

"Куда это вы направляетесь?" — спросила она.

"В Торбу", — сказали они.

"Зачем это?" — спросила она.

"Построить сараи для Шаркуна", — сказали они.

"А кто вам разрешил?" — спросила она.

"Шаркун", — сказали они. — "Так что прочь с дороги, старая карга!"

"Я вам покажу Шаркуна, грязные ворюги!" — закричала она, подняла зонт и накинулась на их главаря, который был раза в два выше её. Так вот они её и взяли. Оттащили в Подземелья, это в её-то возрасте. Они забрали и других, которых не хватает больше, но, спору нет, она выказала больше отваги, чем большинство прочих.

В разгар этой беседы ввалился Сэм со своим стариком. Старый Скромби выглядел не намного старше, чем прежде, разве что оглох ещё больше.

— Добрый вечер, мистер Торбинс! — сказал он. — Я очень рад видеть, что вы вернулись целым и невредимым. Но, если вы позволите мне такую дерзость, я хотел бы вам, так сказать, попенять. Вы никак не должны были продавать Торбу, как я всегда говорил. С этого-то и начались все беды. А пока вы блуждали по чужим краям и гонялись по горам за этими Чёрными Всадниками, как говорит мой Сэм, хотя зачем, он так толком и не объяснил, они пришли и срыли Исторбинку, и погубили мою картошку!

— Мне очень жаль, мистер Скромби, — ответил Фродо. — Но теперь я вернулся, и я сделаю всё, что в моих силах, чтобы поправить это.

— Что ж, вы не могли бы сказать честнее, — отозвался старик. — Я всегда говорил, что мистер Фродо Торбинс действительно почтенный хоббит, что бы там ни думали насчёт некоторых других, носящих это имя, прошу вашего прощения. И я надеюсь, что мой Сэм вёл себя хорошо и делал всё, как полагается?

— Он вёл себя просто замечательно, мистер Скромби, — ответил Фродо. — Более того: если вы поверите в это, он теперь один из самых знаменитых героев во всех странах, и о его подвигах слагают песни отсюда и до Моря, и за Великой Рекой.

Сэм вспыхнул, но посмотрел на Фродо с благодарностью, потому что глаза Розы засияли, и она улыбнулась ему.

— Трудновато поверить, — проворчал старик, — хотя, как я вижу, он затесался в странную компанию. Ну, что это, спрашивается, за жилетка? Я не стал бы цеплять на себя жестяной одежды, какой бы ноской она не была.

На следующее утро домашние фермера Хлопкинса и все его гости поднялись рано. Ночь прошла спокойно, но было очевидно, что им предстоит гораздо больше хлопот ещё до того, как день успеет состариться.

— Похоже, что в Торбе никого из головорезов не осталось, — сказал Хлопкинс. — Но банда с Перекрёстка может теперь подойти в любую минуту.

После завтрака прискакал гонец из Кролтании. Он был в самом приподнятом настроении.

— Тан поднял весь наш край, — сообщил он. — И новости распространились повсюду, словно огонь. Разбойники, которые стерегли нас, бежали на юг: те, что ушли живыми. Тан погнался за ними и занял дорогу, чтобы не подпустить большую банду, а мистера Перегрину послал назад со всеми остальными, кого смог выделить.

Следующие новости были менее добрыми. Около десяти часов прискакал Мерри, который отсутствовал всю ночь.

— Примерно в четырёх милях отсюда большая банда, — сказал он. — Они идут по дороге от Перекрёстка. Но к ним присоединилось порядочно встречных головорезов. Их около сотни, и они поджигают всё по пути. Проклятье им!

— А! Эта толпа не станет разговаривать, они будут убивать, если смогут, — сказал фермер Хлопкинс. — Если Кролы не появятся раньше, нам лучше бы укрыться, да пострелять без всяких

доводов. Придётся-таки подражаться, прежде чем всё устроится, мистер Фродо.

Кролы пришли раньше. Вскоре они появились — сотня крепких хоббитов из Кролгорда и Зелёных Холмов с Пином во главе. У Мерри было теперь довольно бойцов, чтобы заняться головорезами. Разведчики сообщили, что они держатся вместе. Они знали, что весь край поднялся против них, и, очевидно, думали безжалостно покончить с восстанием прямо в его центре, в Приречье. Но, как бы серьёзно они ни были настроены, похоже, что среди них не нашлось вожака, смыслящего в войне. Они подходили без всяких предосторожностей. Мерри быстро составил план.

Головорезы появились, притопав по Восточному Тракту, и без задержки свернули на дорогу в Приречье, которая спускалась меж высокими склонами с живыми изгородями наверху. За поворотом, примерно в фарлонге от основного тракта, они наткнулись на прочную баррикаду из перевёрнутых старых фермерских телег. Это остановило их. В тот же миг они поняли, что за живыми изгородями с обеих сторон дороги прямо над их головами стоят шеренги хоббитов. Позади них другие хоббиты уже выкатывали дополнительные телеги, которые были спрятаны в поле, перегораживая путь к отступлению. Сверху раздался голос.

— Итак, вы забрели в ловушку, — сказал Мерри. — Ваши из Хоббитона попались так же, и один из них мёртв, остальные — пленники. Сложите оружие! Затем отступите на двадцать шагов и садитесь. Любой, кто попытается прорваться, будет застрелен.

Но теперь головорезов было не так-то легко запугать. Некоторые подчинились, но были тут же подняты своими. Десятка два бросились назад и напали на телеги. Шестерых застрелили, но оставшиеся прорвались, убив двух хоббитов, и врассыпную кинулись бежать по полям в направлении Лесного Предела. Ещё двое пали на бегу. Мерри громко протрубил в рог, и издали послышались ответные сигналы.

— Им не уйти далеко, — сказал Пин. — Весь край теперь кишит нашими охотниками.

Тем временем запертые на дороге люди, которых всё ещё было около восьмидесяти, пытались перелезть через баррикаду и вскарабкаться по склонам, и хоббитам пришлось застрелить или зарубить топорами многих из них. Однако целая группа самых сильных и наиболее отчаянных поднялась по западной стороне и яростно атаковала своих врагов, теперь склонная скорее убивать, чем спасаться бегством. Несколько хоббитов пало, остальные дрогнули, но тут Мерри и Пин, бывшие на восточной стороне, перешли к ним и напали на разбойников. Мерри собственноручно убил главаря — большого узкоглазого громилу, похожего на крупного орка. Затем он оттянул свои силы, забрав последние остатки людей в широкое кольцо лучников.

Наконец, всё было кончено. Около семидесяти головорезов лежали мёртвыми на поле, дюжина была взята в плен. Девятнадцать хоббитов было убито и около тридцати ранено. Мёртвых разбойников погрузили на возки, оттащили к старому песчаному карьере поблизости и там закопали — в Боевой Яме, как её звали потом. Павших хоббитов положили всех вместе в одну могилу на склоне холма, где позже был водружён большой камень с садом вокруг него. Так окончилась Битва в Приречье, 1419, последняя битва в Хоббитании и единственная со времен битвы на Зелёных Полях, 1147, далеко в Северном уделе. Впоследствии, хотя, к счастью, она стоила немногих жизней, эта битва составила отдельную главу в Красной Книге и имена всех, кто участвовал в ней, были внесены в Список и легко перечислялись наизусть всеми историками Ши́ра. С этого же времени неимоверно возросли слава и статус семейства Хлопкинсов, но во главе Списка, бесспорно, стояли имена капитанов Мериардока и Перегрина.

Фродо участвовал в битве, но не обнажил меча, и главным его вкладом было не дать

хоббитам впасть в ярость от своих потерь и убить тех врагов, которые побросали оружие. Когда битва кончилась и были отданы все распоряжения по поводу дальнейших работ, Мерри, Пин и Сэм присоединились к нему и поскакали назад вместе с Хлопкинсами. Они съели поздний обед, а затем Фродо сказал со вздохом:

— Ну, что ж, по-моему, самое время заняться "Шефом".

— Разумеется. Чем скорее, тем лучше, — отозвался Мерри. — И не очень деликатничай!

Он в ответе за то, что привёл сюда этих головорезов, и за всё зло, которое они причинили.

Фермер Хлопкинс собрал эскорт из двух дюжин крепких хоббитов.

— Потому что это лишь предположение, что в Торбе не осталось разбойников, — пояснил он. — Наверняка мы не знаем.

Затем они отправились в путь пешком. Впереди шли Фродо, Сэм, Мерри и Пин.

Это был один из горестнейших часов в их жизни. Перед ними поднималась большая труба, и, приблизившись к старой деревне за рекой между новыми рядами людских домов по бокам тракта, они увидели новую мельницу во всём её угрюмом и грязном безобразии: большое кирпичное строение раскорячилось над руслом и загрязняло его вонючими чадящими стоками. Абсолютно все деревья вдоль Приречного тракта были повалены.

Когда они перешли мост и посмотрели верх на Кручу, у них перехватило дыхание. Даже видение Сэма в Зеркале не подготовило его к открывшемуся перед ними зрелищу. Старая Усадьба на западной стороне холма была снесена, и на её месте стояли ряды временных сараев. Все каштаны исчезли. Оградки и живые изгороди были уничтожены. На поле в беспорядке теснились большие возы, а само поле было вытоптано наголо. Место Исторбинки занял зиявший песком и гравием карьер. Саму Торбу видно не было из-за тесно прижатых друг к другу длинных барачков.

— Они срубили его! — крикнул Сэм. — Они срубили Гостевое Дерево!

Он указал туда, где прежде стояло дерево, под которым Бильбо произнёс свою Прощальную Речь. Теперь оно лежало на поле, обкорнанное и мёртвое. Словно это стало последней соломинкой, Сэм разразился слезами.

Смех остановил их. Через низкую стенку мельничного двора перевесился чумазый хоббит с чёрными руками и перепачканным сажей лицом.

— Что, Сэм, не нравится? — ехидно осведомился он. — Впрочем, ты всегда был неженкой. Я думал, ты ушёл с одним из тех кораблей, про которые привык болтать, что они мол, уплывают, уплывают... Чего ради ты вернулся-то? Мы тут в Шире теперь делом заняты.

— Так я и понял, — сказал Сэм. — Некогда помыться, но есть время подпирать стенку. Только слушай сюда, мастер Пескунс: в этой деревне у меня кое к кому изрядный счёт, так что не делай его длиннее своими насмешками, а то, пожалуй, он окажется чересчур велик для твоего кошелька.

Тед Пескунс смачно плюнул ему под ноги.

— Иди ты! — сказал он. — Ты не посмеешь тронуть меня. Я приятель Шефа, а уж он-то тебя тронет, будь уверен, если я услышу из твоей пасти ещё хоть словечко.

— Хватит препираться впустую с этим дураком, Сэм! — вмешался Фродо. — Надеюсь, что очень немногие хоббиты стали такими, как этот. Это было бы гораздо худшим бедствием, чем весь ущерб, причинённый людьми.

— Ты грязен и нагл, Пескунс, — сказал Мерри. — И, вдобавок, весьма сильно просчитался. Мы как раз поднимаемся на Кручу, чтобы избавиться от твоего драгоценного Шефа. С его людьми мы разделались.

Тед аж задохнулся, так как в этот момент впервые заметил эскорт, который по знаку Мерри теперь маршировал через мост. Стремительно метнувшись в мельницу, он выбежал оттуда с

рогом и громко затрубил.

— Побереги дыхание! — рассмеялся Мерри. — У меня лучше.

Затем, подняв свой серебряный рог, он дунул в него, и его чистый зов прозвенел над Кручей, и из нор, барачков и убогих домишек Хоббитона ответили хоббиты, которые высыпали наружу и с ликующими восклицаниями и громкими криками устремились вслед за отрядом вверх по дороге, к Торбе.

На вершине отряд задержался, а Фродо и его друзья пошли дальше и, наконец, попали в некогда дорогое им место. Сад был заставлен хижинами и бараками, некоторые так близко к прежним западным окнам, что полностью закрывали весь свет. Повсюду кучи мусора. Дверь ободрана, цепочка от колокольчика оборвана, так что колокольчик уже не звенел. На стук ответа не было. В конце концов, они толкнули дверь, и та поддалась. Друзья вошли внутрь. Там воняло, было очень грязно и царил полный беспорядок. Не похоже было, чтобы жильём в последнее время пользовались.

— Где же прячется этот жалкий Лотто? — спросил Мерри. Они обследовали каждую комнату и не нашли ни единой живой души, кроме крыс и мышей. — Не кликнуть ли нам на помощь остальных, чтобы осмотреть сарай?

— Это хуже, чем Мордор, — сказал Сэм. — В некотором роде гораздо хуже. Он, так сказать, пришёл прямо домой, потому что это дом, и ты помнишь его таким, каким он был, прежде чем всё разрушили.

— Да, это Мордор, — отозвался Фродо. — Как раз одно из его дел. Саруман всегда работал на него, даже когда думал, что старается для себя. И все остальные, кого Саруман обманул, как Лотто, тоже.

Мерри огляделся вокруг с ужасом и отвращением.

— Давайте выйдем! — предложил он. — Знай я обо всём том зле, которое он причинил, я впихнул бы Саруману свой кисет прямо в глотку.

— Без сомнения, без сомнения! Но ты этого не сделал, так что у меня есть возможность приветствовать тебя дома.

В дверях стоял Саруман собственной персоной, выглядевший сытым и довольным, его глаза блестели от злобного удовольствия.

Внезапно Фродо осенило.

— Шаркун! — воскликнул он.

Саруман расхохотался.

— Так вы уже слышали это имя, верно? Полагаю, так звали меня в Скальбурге все мои люди. Знак привязанности, возможно [\[14\]](#). Но вы явно не ожидали увидеть меня здесь.

— Не ожидал, — сказал Фродо. — Хотя я должен был догадаться. "Убого напакостить по мелочи", — Гэндальф предупреждал меня, что ты всё ещё способен на это.

— Вполне способен, — подтвердил Саруман. — И не только по мелочи. Вы насмешили меня, этикие важные хоббитишки, скачущие вместе со всеми теми великими и знатными, такие уверенные в собственной безопасности и такие самодовольные. Вы думали, что прекрасно выпутались из всего и теперь можете с приятностью вернуться к себе и мило и спокойно пожить в этой стране. Пусть дом Сарумана разрушен до основания, а сам он вышвырнут прочь, но никто не посмеет тронуть ваши дома. О, нет! Гэндальф, разумеется, присмотрит за всеми вашими делишками.

Саруман снова расхохотался.

— Только не он! Когда его инструменты сделали своё дело, он их бросает. Но, тем не менее, вам пришлось-таки волочиться за ним, даром теряя время, болтая попусту и сделав крюк

вдвое больший, чем требовалось. "Ладно, — подумал я. — Если они такие дураки, я обгоню их и преподам им урок и воздам злом за зло". И урок был бы более жестоким, если бы только вы дали мне чуть больше времени и больше людей. Однако я уже успел натворить много такого, что вам и за всю жизнь толком не поправить и не загладить. И мне будет приятно думать об этом, противопоставляя обидам, которые были причинены мне.

— Что ж, если это то, в чём ты можешь найти удовольствие, — сказал Фродо, — мне жаль тебя. Боюсь, что это удовольствие будет лишь мысленным. Немедленно уходи и никогда больше не возвращайся!

Местные хоббиты видели, как Саруман вышел из одной из хижин, и тут же столпились у дверей Торбы. Услышав приказ Фродо, они гневно зароптали.

— Не давайте ему идти! Убейте его! Он убийца и негодяй. Убейте его!

Саруман оглянулся на их враждебные лица и улыбнулся.

— Убейте его! — передразнил он. — Убейте его, если считаете, что вас тут достаточно, мои brave хоббиты! — Он выпрямился и мрачно уставился на них своими чёрными глазами. — Но не думайте, что, если я лишился всего моего добра, я утратил и всю свою силу! Тот, кто ударит меня, будет проклят. И если моя кровь запятнает Шир, он придёт в полный упадок и никогда уже не оправится.

Хоббиты попятились. Но Фродо сказал:

— Не верьте ему! Он утратил всю силу, кроме своего голоса, который всё ещё способен запугать и обмануть вас, если вы поддадитесь. Но я не хочу, чтобы его убили. Бесполезно отвечать мстью на мсть, это ничего не исправит. Ступай, Саруман, и как можно скорее!

— Злыдь! А, Злыдь! — позвал Саруман, и из ближайшей хижины выполз Злоречив, похожий на прибитого пса.

— Снова в путь, Злыдень! — сказал Саруман. — Эти славные ребята и господинчики снова гонят нас прочь. Пойдём!

Саруман повернулся, чтобы уйти, и Злоречив зашаркал следом за ним. Но в тот миг, когда Саруман проходил мимо Фродо, в его руке блеснул кинжал, и он молниеносно ударил. Лезвие со звоном отскочило от скрытой кольчуги. Дюжина хоббитов с Сэмом во главе с криком прыгнули вперёд и опрокинули негодяя на землю. Сэм обнажил свой меч.

— Нет, Сэм! — сказал Фродо. — Даже сейчас, не убивай его. Потому что он не ранил меня. Да и в любом случае, я не хочу, чтобы он был убит в таком злобном настроении. Некогда он был великим и из благородного рода, на который мы не осмелились бы поднять наши руки. Он пал, и излечить его не в нашей власти, но я всё же пощажу его в надежде, что он может обрести её.

Саруман поднялся на ноги и уставился на Фродо. В его глазах было странное выражение: смесь удивления, уважения и ненависти.

— Ты вырос, невысоклик, — сказал он. — Да, ты очень вырос. Ты мудр и жесток. Ты отнял сладость у моей мести, и теперь мне придётся уйти отсюда в горечи, в долгу перед твоим милосердием. Я ненавижу его и тебя! Что ж, я уйду и не потревожу тебя больше. Но не рассчитывай, что я пожелаю тебе здоровья и долгой жизни. У тебя не будет ни того, ни другого. Но я тут ни при чём. Я просто предрекаю.

Он зашагал прочь, и хоббиты расступились, освобождая ему дорогу, но костяшки их пальцев, сжатых на оружии, побелели. Злоречив заколебался, но затем последовал за своим хозяином.

— Злоречив! — окликнул его Фродо. — Тебе не обязательно следовать за ним. Я не знаю ни о каком зле, которое ты причинил мне. Ты можешь остаться и некоторое время кормиться здесь, пока не окрепнешь и не сможешь пойти собственной дорогой.

Злоречив остановился и оглянулся на него, почти готовый остаться. Саруман обернулся.

— Ни о каком зле? — хихикнул он. — О, нет! Даже когда он ночью выскользнул наружу, это лишь для того, чтобы взглянуть на звёзды. Но я слышал, кто-то спросил, где прячется бедняга Лотто? Ты знаешь, не так ли, Злыдень? Ты скажешь им?

Злоречив скорчился на земле, закрыл голову руками и заскулил:

— Нет, нет!

— Тогда я скажу, — продолжил Саруман. — Злыдень убил вашего Главного Шерифа, этого бедного малыша, вашего замечательного крошечного Шефа. Не так ли, Злыдь? Заколол его во сне, я полагаю. Надеюсь, похоронил его, хотя последнее время Злыдень был очень голоден. Нет, по-настоящему этот Злыдь не особенно приятен. Лучше оставьте его мне.

Налитых кровью глаза Злоречива полыхнули дикой ненавистью.

— Ты сказал мне, ты заставил меня сделать это, — прошипел он.

Саруман расхохотался.

— Ты всегда делал то, что говорит Шаркун, не так ли, Злыдь? Ладно, сейчас он говорит: следуй за мной!

Он пнул корчившегося Злоречива в лицо, повернулся и пошёл прочь. Но тут что-то щёлкнуло. Злоречив неожиданно вскочил. Вытащил спрятанный нож и с рычанием, словно пёс, прыгнул Саруману на спину, запрокинул его голову назад, перерезал горло и с воем помчался вниз по дороге. Прежде чем Фродо успел прийти в себя или вмешаться, пропели три хоббичьих лука, и Злоречив упал мёртвым.

К ужасу тех, кто стоял рядом, вокруг тела Сарумана сгустился серый туман и, медленно всплыв на громадную высоту, словно дым от костра, навис над Кручей как бледная, завёрнутая в саван фигура. Мгновение она колыхалась, глядя на запад, но с запада дунул холодный ветер, и она повернула прочь и со вздохом растаяла в ничто.

Фродо посмотрел вниз, на тело, с жалостью и страхом, потому что прямо под его взглядом в нём, казалось, внезапно проявились долгие годы, протёкшие с момента смерти: оно словно усохло, а покрытое морщинами лицо превратилось в лохмотья кожи на безобразном черепе. Подняв край грязного плаща, который валялся рядом, он прикрыл его и отвернулся.

— Вот и конец всего этого, — сказал Сэм. — Мерзкий конец, и хотел бы я, чтоб мне не пришлось видеть его, но это и счастливое избавление.

— И, надеюсь, самый-самый конец Войны, — добавил Мерри.

— Я тоже надеюсь, — сказал Фродо и вздохнул. — Самый последний удар. Но, подумать только, что он должен был пасть здесь, у самых дверей Торбы! Вот уж чего я никак не мог ожидать среди всех моих страхов и надежд.

— Я не назвал бы это концом, пока мы не приберём весь этот хлам, — мрачно сказал Сэм. — И это потребует массу времени и труда.

Глава IX

Серые гавани

Приборка действительно потребовала массу труда, но заняла меньше времени, чем боялся Сэм. На следующий день после битвы Фродо поскакал в Михелевы Норки и освободил из Подземелий пленников. Одним из первых, кого они нашли, был бедняга Фредегар Боббер, больше не Толстик. Его забрали, когда разбойники выкурили группу восставших, которых он вёл из верхних укрытий в Мелконорьях у Заячьих холмов.

— После всего этого лучше б ты уж пошёл с нами, бедный старина Фредегар! — сказал

Пин, когда выносил его, слишком ослабевшего, чтобы идти.

Фредегар открыл глаза и попытался храбро улыбнуться.

— Кто этот молодой гигант с громким голосом, — прошептал он. — Только не малыш Пин! Какой у тебя теперь размер в шляпах?

Потом была Лобелия. Бедняжка! Она выглядела очень старой и тощей, когда её освободили из тёмной и узкой камеры. Она настояла на том, чтобы проковылять наружу на своих собственных ногах, и её ждало такое приветствие и раздались такие аплодисменты и радостные крики, когда она появилась, опираясь на руку Фродо и всё ещё сжимая свой зонтик, что она была совершенно растроганна и разрыдалась. Прежде она никогда в жизни не пользовалась популярностью. Но её сразило известие об убийстве Лотто, и она не захотела вернуться в Торбу. Лобелия отдала её назад Фродо и отправилась к своей родне, Толстобрюхам из Куражки.

Когда следующей весной бедная старушка умерла — ведь, помимо всего остального, ей было больше ста лет, — Фродо был поражён и очень тронут: все остатки своих сбережений и денег Лотто она завещала ему для помощи хоббитам, которые потеряли свои дома в результате беспорядков. Так окончилась эта родовая распря.

Старый Вилл Белолоп пробыл в Подземельях дольше всех остальных и, хотя, возможно, с ним обращались не так жестоко, как с некоторыми, ему пришлось долго отъедаться, прежде чем он стал хоть частично похож на прежнего Старосту. Так что Фродо принял дела в качестве его Представителя, пока мастер Белолоп опять не будет в форме. Единственная вещь, которую он сделал в качестве Представителя Старосты, было уменьшение количества шерифов до их надлежащего числа и возвращение их прежних функций. Охота за последними остатками головорезов была предоставлена Мерри и Пину, и вскоре она завершилась. Южные банды, прослышав о Битве в Приречье, бежали из страны, почти не оказав сопротивления Тану. Ещё до конца года немногие уцелевшие разбойники были окружены в лесах и тем из них, кто сдался, указали на границы.

Тем временем работа по восстановлению шла полным ходом, и Сэм был очень занят. Хоббиты могут работать, как пчёлы, когда их подгоняет желание или необходимость. Сейчас тут были тысячи добровольных рук всех возрастов, от маленьких, но ловких ручек пареньков и девочек, до морщинистых и покрытых мозолями рук стариков и старух. Уже к йюлю ни кирпичика не осталось от новых шерифских или каких-либо других строений, сложенных "людьми Шаркуна", однако эти кирпичи пошли на починку многих старых нор, сделав их уютнее и суше. В сараях, амбарах и пустых норах, и в особенности в туннелях Михелевых Норок и старых карьерах в Заячьих Холмах, были найдены огромные запасы добра, пищи и пива, спрятанные там разбойниками, так что йоль вышел гораздо веселее, чем кто-либо надеялся.

Одной из первых вещей, которую сделали в Хоббитоне, раньше даже, чем разобрали новую мельницу, было приведение в порядок Кручи и Торбы и восстановление Исторбинки. Передняя сторона новой песчаной ямы была выровнена и превращена в большой укромный сад, а в южном склоне Кручи были прорыты новые норы, вход в которые был облицован кирпичом. Старика Скрамби вернули в № 3, и он частенько повторял, не заботясь о том, кто его слышит:

— Плох тот ветер, который никому не приносит добра, как я всегда говорил. И Всё хорошо, что хорошо Кончается!

Немного поспорили о том, как назвать новый ряд. Предлагали Боевые Сады, или Обновлённые Смиалсы, но потом так и прижилось по-хоббитски практичное наименование Новый Ряд, и лишь шутники Приречья говорили о нём, как о Конце Шаркуна.

Деревья были несравнимо более тягостной потерей, потому что по приказу Шаркуна их

безрассудно вырубали по всей Хоббитании, и Сэм горевал об этом больше, чем обо всём прочем, поскольку лишь эту рану невозможно исцелить быстро, и лишь его пра-пра-правнуки, как он думал, увидят Шир таким, каким он должен быть.

Но однажды — неожиданно, потому что был слишком занят целые недели, чтобы вспоминать о своих приключениях, — он подумал о даре Галадриэли. Он достал коробочку, показал её остальным Странникам (ибо так их теперь все называли) и попросил их совета.

— А я всё задавался вопросом, когда ты вспомнишь о ней, — сказал Фродо. — Открывай!

Внутри оказался серый порошок, лёгкий и тонкий, а в центре лежало семя, похожее на небольшой орех в серебряной скорлупе.

— И что мне делать с этим? — спросил Сэм.

— Брось его в воздух в ветреный день и дай ему сделать своё дело! — сказал Пин.

— Какое? — спросил Сэм.

— Найди местечко для питомника и посмотри, что там произойдёт с растениями — предложил Мерри.

— Но я уверен, что Владычице не понравилось бы, если бы я всё сберёг для собственного сада, когда столько народу пострадало, — возразил Сэм.

— Используй весь свой ум и знания, которыми ты обладаешь, Сэм, — сказал Фродо, — и затем употреби этот дар в помощь своим трудам, чтобы улучшить их. И расходуй его экономно. Порошка здесь немного, и я полагаю, что каждая пылинка обладает силой.

Вот так Сэм и посадил саженцы везде, где были уничтожены особенно красивые или любимые деревья, и в почву под корни каждого он поместил по пылинке драгоценного порошка. В этих трудах он прошёл по всему Ширу, но если он и уделил при этом особое внимание Хоббитону и Приречью, никто его не порицал. И под конец он увидел, что у него всё ещё остаётся немного порошка. Тогда он пошёл к Трёхудельному Камню, который был ближе всего к центру Хоббитании, и с добрым напутствием бросил порошок в воздух. Маленький серебряный орешек он посадил на Гостевом Поле, где некогда было дерево, и изнывал от любопытства, что же из него вырастет. Всю зиму он терпел, как мог, и пытался удержаться от того, чтобы не бродить постоянно вокруг, выглядывая, не происходит ли что-нибудь.

Весна превзошла самые дикие его надежды. Его деревья принялись давать побеги и расти, словно само время торопилось и хотело превратить один год в двадцать. На Гостевом Поле взметнулся прекрасный молодой росток: у него была серебряная кора и длинные листья, а в апреле он расцвёл золотыми цветами. Это был, разумеется, мэллорн, и он стал чудом для всей округи. В позднейшие годы, когда он вырос изящный и красивый, слава о нём пошла вширь и вдаль, и многие проделывали дальний путь, чтобы взглянуть на него — единственный мэллорн западнее Гор и восточнее Моря, и один из прекраснейших в мире.

В целом 1420 стал в Хоббитании удивительным годом. Тут было не только дивно сияющее солнце и восхитительные дожди в должное время и в идеальном количестве, но и, как казалось, нечто большее: само дуновение изобилия и роста и мерцание красоты, превышающей обычные, смертные лета, блеснули и пронёслись над этим местом Средиземья. Все дети, рождённые или зачатые в этот год, а их было много, были красивы и крепки, и у большинства были густые золотые волосы, что прежде было исключительной редкостью среди хоббитов. Плоды были так обильны, что хоббитята просто купались в клубнике со сливками, а позднее сидели на лужайках под сливовыми деревьями и ели, пока не воздвигли из косточек кучи, похожие на маленькие пирамиды или груды черепов побеждённых, а затем продолжали в том же духе. И ни один не заболел, и все были довольны, кроме тех, кому надо было косить траву.

Виноградные лозы в Южном уделе были усыпаны гроздьями, и урожай "листа" просто

поразительным: и повсюду уродилось столько зерна, что в жатву каждый амбар был заполнен под завязку. Ячмень в Северном уделе был так хорош, что пиво урожая 1420 года вспоминалось долго и вошло в пословицу. Собственно говоря, даже поколение спустя можно было услышать от какого-нибудь старика в харчевне, который со вздохом удовлетворения ставил свою кружку после хорошей пинты отличного эля:

— А-а! Это прямо как четырнадцать-двадцать, вот что!

Сперва Сэм с Фродо оставался у Хлопкинсов, но когда Новый Ряд был готов, он ушёл жить со стариком. Вдобавок ко всем своим прочим трудам, он распорядился очисткой и восстановлением Торбы, но часто уходил в отдалённые районы Хоббитании на лесопосадки. Так что он не был дома в начале марта и не знал, что Фродо был болен. Тринадцатого числа этого месяца фермер Хлопкинс нашёл Фродо лежащим на его постели: он сжимал белый камень, который висел на цепочке у него на шее, и, казалось, был в полубреду.

— Оно ушло навсегда, — произнёс он, — и теперь всё темно и пусто.

Но приступ прошёл, и, когда двадцать пятого марта Сэм вернулся, Фродо оправился, и он ничего не сказал о себе самом. Тем временем Торба была приведена в порядок, и Мерри с Пином явились из Кроличьей Балки, привезя назад всю прежнюю мебель и утварь, так что вскоре старая нора стала выглядеть практически так же, как и раньше.

Когда, наконец, всё было готово, Фродо сказал:

— Сэм, когда ты собираешься вселиться сюда и присоединиться ко мне?

Сэм явно смутился.

— Да нет, если не хочешь, не обязательно делать это прямо сейчас, — сказал Фродо. — Но, понимаешь, старик же будет под боком, да и вдовушка Ворчь отлично за ним присматривает.

— Да не в этом дело, мастер Фродо, — промямлил Сэм, отчаянно покраснев.

— Так в чём же?

— В Рози, в Рози Хлопкинс, — ответил Сэм. — Конечно, ей, бедной девочке, совсем не по душе мои хождения туда-сюда, но, раз я не говорил, она тоже не могла сказать. А я не говорил, потому что сначала должен был сделать, что полагается. Но теперь я сказал, а она и говорит: "Что ж, ты потерял даром год, так зачем ждать дольше?" "Потерял даром? — говорю я. — Я бы так не сказал". Но я понял, что она имела в виду. Я, можно сказать, буквально разрываюсь пополам.

— Я понимаю, — сказал Фродо. — Ты хочешь жениться, и в то же время хочешь жить со мной, в Торбе? Но, мой дорогой Сэм, это же так просто! Женись как можно скорее, а затем въезжай вместе с Рози. В Торбе хватит места для такого большого семейства, какого ты только пожелаешь.

Так всё и решилось. Весной 1420 года (на который, помимо всего прочего, пришлось множество свадеб) Сэм Скрамби женился на Розе Хлопкинс, и они переселились в Торбу. И если Сэм считал себя счастливым, то Фродо знал, что самый большой счастливчик он сам, потому что во всей Хоббитании не было хоббита, за которым бы так заботливо ухаживали. Когда все работы по восстановлению были спланированы и запущены полным ходом, он обратился к спокойной жизни, много писал и проглядывал все свои заметки. На Свободной Ярмарке в день середины лета он отказался от должности Представителя Старосты, и милый старина Вилл Белолоп ещё семь лет председательствовал на застольях.

Мерри и Пин некоторое время жили вместе в Кроличьей Балке, и между Забрэндией и Торбой было оживлённое хождение взад-вперёд. Два молодых Странника вызвали в Шире настоящее смятение своими песнями, и историями, и изысканностью, и своими чудесными

угощениями. Их прозвали "властными", не имея в виду ничего, кроме хорошего, потому что все сердца согревались при виде того, как они едут мимо в таких сверкающих кольчугах и с такими ослепительными щитами, смеясь и распевая песни дальних-предальных стран, и хоть теперь они были крупными и величественными, в других отношениях они не изменились, если не считать того, что стали гораздо обходительнее, общительнее и веселее, чем когда-либо прежде.

Однако Фродо и Сэм вернулись к обычной одежде за исключением того, что, когда было нужно, они надевали длинные серые плащи, отлично сотканые и заколотые у горла прекрасными брошами, а мастер Фродо всегда носил на цепочке белый камень, который он часто трогал.

Всё теперь шло просто замечательно, обещая пойти ещё лучше, и Сэм был так занят и так счастлив, как только может пожелать хоббит. И весь этот год ничто не портило ему настроения, кроме смутной тревоги за своего хозяина. Фродо полностью отошёл от всех дел в Шире, и Сэму было больно замечать, насколько малым почётом он пользовался в своей собственной стране. О его подвигах и приключениях знали или хотели знать немногие; общее восхищение и уважение было отдано большей частью мистеру Мериардоку, и мистеру Перегрину, и (если Сэм знал об этом) ему самому. Кроме того, осенью появилась тень старых тревог.

Однажды вечером Сэм зашёл в кабинет и обнаружил, что его хозяин выглядит очень странно. Фродо был исключительно бледен, и казалось, что глаза его смотрят на что-то очень далёкое.

— Что случилось, мистер Фродо? — спросил Сэм.

— Я ранен, — проговорил Фродо, — ранен; это никогда по-настоящему не излечится.

Однако потом он встал, и припадок, по-видимому, прошёл, а на следующий день он снова был совсем как всегда. И всё бы ничего, да потом Сэм припомнил, что было это шестого октября. Два года спустя с того чёрного дня в ложбине под Завертью.

Время шло вперёд, и настал 1421 год. В марте Фродо снова был болен, но весьма успешно скрыл это, потому что у Сэма и без того забот хватало. Первенец Сэма и Розы родился двадцать пятого марта: дата, записана Сэмом.

— Ну, мистер Фродо, — сказал он, — я в небольшом затруднении. Мы с Розы решили назвать его Фродо, с вашего позволения, но это не он, а она. Хотя такая милая девочка, о которой только можно мечтать; к счастью, больше похожа на Розы, чем на меня. Так что мы не знаем, что делать.

— Что ж, Сэм, — сказал Фродо. — Что плохого в старом обычае? Выбери имя цветка, поподобие Розы. Половина девочек в Хоббитании носит такие имена, и что может быть лучше?

— По-моему, вы правы, мистер Фродо, — согласился Сэм. — В своих странствиях я слышал немало прекрасных имён, но мне кажется, что все они чересчур роскошны для повседневной носки, если можно так сказать. Старик, он что говорит: "Сделай его коротким, и тогда тебе не придётся его укорачивать, прежде чем пользоваться". Но если это будет имя цветка, то длина меня не заботит: это должен быть прекрасный цветок, потому что, понимаете, я думаю, что она очень красива и будет постоянно хорошеть.

Фродо с минуту подумал.

— Хорошо, Сэм, как насчёт эланор, солнечной звёздочки? Помнишь маленькие золотые цветы в траве Лотлориэна?

— Вы опять правы, мистер Фродо! — воскликнул Сэм в восхищении. — Это то, что я хотел!

Маленькой Эланор было около шести месяцев, и 1421 г. клонился к осени, когда Фродо

позвал Сэма в кабинет.

— В четверг будет день рождения Бильбо, Сэм, — сказал он. — И он побьёт Старого Крола. Ему исполнится сто тридцать один!

— Так ему и хотелось! — ответил Сэм. — Он просто чудо!

— Ладно, Сэм, — сказал Фродо. — Я хочу, чтобы ты пошёл к Розии и узнал, не согласится ли она отпустить тебя, чтобы мы могли выехать вместе. Конечно, теперь ты не можешь отправиться далеко или надолго, — добавил он немного печально.

— Ладно, да не очень, мистер Фродо.

— Конечно, нет. Но не беда. Ты сможешь проводить меня в путь. Скажи Розии, что тебя не будет не так уж долго, не больше, чем две недели, и ты вернёшься в совершенной целости и сохранности.

— Мне хотелось бы, чтобы я смог проделать с вами весь путь до самого Раздола, мистер Фродо, и повидать мистера Бильбо, — сказал Сэм. — И всё же, единственное место, где мне по-настоящему хочется быть, оно здесь. Я будто разрываюсь напополам.

— Бедный Сэм! Боюсь, это будет ощущаться именно так, — вздохнул Фродо. — Но ты поправишься. Ты просто создан быть солидным и целым, и ты будешь.

За следующий день или два Фродо проглядел свои бумаги и записи вместе с Сэмом, и он передал ему свои ключи. Тут была большая книга в ярко-красной кожаной обложке; её длинные страницы были теперь почти заполнены. В начале шло много листов, покрытых мелким, несколько паучьим почерком Бильбо, но большая их часть были исписаны твёрдым плавным почерком Фродо. Книга делилась на главы, но восьмидесятая глава была незакончена, и после неё шло несколько чистых листов. На титульной странице было много заглавий, вычеркнутых одно за другим, а именно:

Мой дневник. Моё Неожиданное путешествие. Туда и Обратно. И Что Случилось Потом.

Приключения пяти хоббитов. Повесть о Великом Кольце, составленная Бильбо Торбинсом по его собственным наблюдениям и сообщениям его друзей. Что мы делали в Войне за Кольцо.

На этом рука Бильбо кончалась, и Фродо написал:

ПАДЕНИЕ ВЛАСТЕЛИНА КОЛЕЦ И ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЯ

(с точки зрения невысокликков, по воспоминаниям Бильбо и Фродо из Шири, дополненное сообщениями их друзей и поучениями Мудреца).

Вместе с выдержками из Книг Знаний, переведённых Бильбо в Раздоле.

— Как, да вы почти закончили, мистер Фродо! — воскликнул Сэм. — Ну, я должен сказать, вы сдержали своё обещание.

— Я совсем закончил, Сэм, — возразил Фродо. — Последние страницы для тебя.

Двадцать первого сентября они вышли вместе. Фродо на пони, который нёс его всю дорогу из Минас Тирита и звался теперь Бродяжник, а Сэм на своём любимом Билле. Это было прекрасное золотое утро, и Сэм не спросил, куда они направляются: он думал, что догадывается.

Они поехали по дороге на Сток через холмы к Лесному Пределу, позволив своим пони идти так, как тем хотелось. В Зелёных Холмах они остановились, а двадцать второго сентября, уже после полудня начали неспеша спускаться к лесу.

— Это чуть ли не то самое дерево, за которым вы прятались, когда в первый раз показался Чёрный Всадник, мистер Фродо! — сказал Сэм, указывая влево. — Теперь всё это кажется похожим на сон.

Был вечер, и на восточном небосклоне мерцали звёзды, когда они миновали упавший дуб,

свернули и поехали вниз по склону сквозь заросли орешника. Сэм молчал, погрузившись в свои воспоминания. Но вскоре он заметил, что Фродо тихонько напевает про себя, напевает старую песню странствий, только слова были немножко другими:

За каждым углом ждать могут пока
Неведомый путь, потайные врата.
Хоть мимо идти заставлял меня рок,
Однажды, наверно, настанет мой срок
Уйти укромной тропой, что ведёт
От лунных краёв до солнца ворот.

И, словно в ответ, из долины внизу зазвенела другая песня:

А! Элберет Гилтониэль!
Силиврен пенна мириэль
О менель аглар эленат,
Гилтониэль, а! Элберет!
Мы жили средь лесной тени,
Но в памяти хранили мы
В течение всех бессчётных лет
Над морем дальним звёздный свет.

Фродо и Сэм остановились и молча сидели в мягких тенях, пока не увидели мерцание, когда путники направились к ним.

Здесь был Гилдор и много прекрасных эльфов, и здесь, к удивлению Сэма, ехали Элронд и Галадриэль. Элронд был облачён в серую мантию, и звезда была на его лбу, а в руке он держал серебряную арфу, и на его пальце было золотое кольцо с большим синим камнем: Вилия, могущественнейшее из Трёх. А Галадриэль сидела боком на белой лошади и на ней были искристо-белые одежды, словно облако вокруг луны, ибо, казалось, она сама сияет мягким светом. На её пальце была Нения, кольцо из мифрила, с единственным белым камнем, вспыхивающим, будто холодная звезда. За ними медленно трусил на маленьком сером пони и, по-видимому, клевал носом в дрёме Бильбо собственной персоной.

Элронд приветствовал их степенно и учтиво, а Галадриэль улыбнулась им.

— Итак, мастер Сэммиум, — сказала она, — я слышала и вижу, что ты хорошо использовал мой дар. Теперь Шир будет милее и красивее, чем когда-либо прежде.

Сэм поклонился, но не нашёл, что ответить. Он забыл, как прекрасна Владычица.

Затем Бильбо проснулся и открыл глаза:

— Привет, Фродо! — сказал он. — Ну вот, сегодня я обогнал Старого Крола! Так что с этим покончено. И теперь я, кажется, вполне готов отправиться в другое путешествие. Ты идёшь?

— Да, я иду, — ответил Фродо. — Хранители Кольца должны идти вместе.

— Куда вы идёте, хозяин? — воскликнул Сэм, хотя наконец он понял, что происходит.

— К Гаваням, Сэм, — сказал Фродо.

— Но я не могу идти!

— Нет, Сэм. Во всяком случае, не сейчас, не дальше, чем к Гаваням. Хотя ты тоже был Хранителем Кольца, пусть лишь на краткий срок. Может прийти и твоё время. Не огорчайся

слишком уж сильно, Сэм. Ведь нельзя же тебе вечно разрываться пополам. Ты будешь один и целый на много-много лет. У тебя столько радостей, дел и будущего.

— Но, — сказал Сэм, и слёзы навернулись ему на глаза, — я думал, что вы тоже собираетесь наслаждаться жизнью в Хоббитании ещё годы и годы, после всего, что вы сделали.

— И я так думал одно время. Но я слишком тяжело ранен, Сэм. Я пытался спасти Хоббитанию, и она спасена, но не мной. Это часто так бывает, Сэм: когда вещи в опасности, кто-то отказывается от них, теряет их, чтобы другие могли хранить. Но ты — мой наследник: всё, что у меня было и могло быть, я оставляю тебе. И ещё у тебя есть Роза, и Эланор, и появится Фродо-мальчик, и Роза-девочка, и Мерри, и Златовласка, и Пин, и, может быть, другие, которых я не могу увидеть. Твои руки и твой ум будут нужны повсюду. Ты, конечно, станешь Старостой и будешь им так долго, как пожелаешь, и самым известным в истории садовником; и ты будешь читать отрывки из Красной Книги и сохранишь живой память об ушедшей эпохе, чтобы народ помнил о Великой Опасности и тем больше любил свою прекрасную страну. И это доставит тебе столько занятий и счастья, сколько можно пожелать, до тех пор, пока продолжается твоя часть Истории.

А сейчас, поедem со мной!

Элронд и Галадриэль поскакали вперёд, потому что третья эпоха кончилась, и дни Колец миновали, и завершились истории и песни тех времён. С ними уходили многие высшие эльфы, которые не хотели больше оставаться в Средиземье, и среди них, исполненные печали, но печали благой, без горечи, ехали Сэм, Фродо и Бильбо, и эльфы с радостью оказывали им знаки уважения.

Хотя они ехали весь вечер и всю ночь по самому центру Хоббитании, никто, кроме диких зверей, не видел, как они проходили, разве что редкие путники в темноте могли заметить беглый отблеск под деревьями, или свет и тень, скользящие по траве, когда луна повернула к западу. Миновав Хоббитанию и пройдя по южным окраинам Белых Вzgорий, они добрались до Дальних Вxхолмий и до Башен, и увидели вдали Море, и спустились наконец к Митлонду, к Серым гаваням в длинном заливе Луны.

И когда они подошли к воротам, Кирдан Корабел вышел приветствовать их. Очень рослым был он, и борода его была длинной, и он был сед и стар, только глаза его были яркие и пронзительны, как звёзды. И он посмотрел на них, поклонился и сказал:

— Теперь всё готово.

Потом Кирдан провёл их к Гавани, и там был белый корабль, и на причале рядом с большим серебристым конём стояла фигура, вся одетая в белое, и поджидала их. Когда Гэндальф обернулся и пошёл к ним навстречу, Фродо увидел, что теперь он открыто носит на руке третье Кольцо, Нария Великое, и камень его был красен, как огонь. Тогда те, кто уходил, обрадовались, потому что поняли, что Гэндальф тоже взойдёт на корабль вместе с ними.

Но Сэм был теперь огорчён до глубины души, и казалось ему, что, какой бы горькой ни была разлука, ещё более горестным станет долгий путь домой в одиночестве. Однако как раз, когда они стояли там, а эльфы поднимались на борт, и всё было готово к отправлению, примчались в великой спешке Мерри и Пин. И Пин рассмеялся сквозь слёзы.

— Ты уже пытался однажды ускользнуть от нас, Фродо, и потерпел провал! — сказал он. — Сейчас ты почти преуспел в этом, но снова провалился. Хотя теперь тебя выдал не Сэм, а сам Гэндальф!

— Да, — сказал Гэндальф, — потому что назад лучше возвращаться втроем, чем одному. Что ж, тут, на берегах Моря, пришёл, дорогие друзья, конец вашему товариществу в Средиземье! Идите с миром! Я не скажу "не плачьте", потому что не все слёзы — зло.

Потом Фродо поцеловал Мерри, Пина и последним из всех Сэма, и взошёл на борт, и паруса были подняты, и ветер дунул, и корабль медленно заскользил вдаль по длинному серому заливу, и свет фиала Галадриэли, который взял с собой Фродо, вспыхнул и исчез. И корабль поднялся в Верхнее Море и пошёл на Запад, пока, наконец, однажды дождливой ночью Фродо ощутил в воздухе свежее благоухание и услышал пение, донёсшееся по водам. И затем показалось ему, что, как тогда, в его сне в доме Бомбадила, серый занавес дождя превратился в серебристое стекло, и откатился назад, и он увидел белые берега, а за ними далёкий зелёный край в быстром восходе солнца.

Но для Сэма вечерние сумерки сгустились в черноту, когда он стоял в Гавани и глядел в серое море, но видел только тень на воде, которая вскоре исчезла на Западе. И долго ещё он неподвижно стоял в ночи, слыша лишь вздохи и ропот волн на берегах Средиземья, и звуки эти глубоко запали в его сердце. Рядом с ним стояли Мерри и Пин, и они молчали.

В конце концов трое товарищей повернули прочь и, ни разу не оглянувшись, медленно поехали по направлению к дому; и они не говорили ни слова друг другу, пока не вернулись в Хоббитанию, но каждого из них сильно утешало присутствие друзей на длинной серой дороге.

Наконец они переехали Вσχолмья и вышли на Восточный Тракт, и тогда Мерри и Пин поскакали в Забрению, и они уже опять пели, пока ехали. Но Сэм повернул к Приречью, и поднялся этой дорогой на Кручу, снова уже под вечер. И он пошёл вперёд, и тут был жёлтый свет, и огонь в очаге, и ужин был готов, и его ждали. И Роза втащила его внутрь, и усадила в его кресло, и положила к нему на колени малыша Эланор.

Он глубоко перевёл дух и сказал:

— Ладно, я вернулся.

notes

Примечания

Weathertop, что буквально означает "вершина, с которой смотрят погоду" (т.е. преобладающее направление ветра).

Chetwood, что может означать и "старый лес" и "широколиственный лес преимущественно из каштанов".

В исходном переводе Кистяковского и Муравьева Норгорд.

Shadowfax; смысл этого имени, как представляется переводчику, двойной (что и неудивительно для Ристании), поскольку корень "shadow" означает не только тень, но и покров, а "fax" можно интерпретировать не только как быстрый или передача, но и как грива. Получается Тенегон (разгоняющий тени, но и уподобляющийся им), и Пышногрив.

Shelob — составное слово (she + lob); поскольку первая часть "она", а вторая — местное деревенское название паука, то правильный перевод Паучиха; однако когда делался этот перевод, корень "lob" был воспринят переводчиком как нечто членистоногое, типа лобстера или рака, отсюда и получилось "рак" + "она", Ракона, что по-русски, на слух переводчика, звучит значительно лучше Шелоб, Пауконы и даже Паучихи, поскольку не выбивается из общего звукового ряда имен, сохраняя намек на какой-то смысл.

Eilenach; сначала переводчику очень хотелось передать это название как Поспех (поскольку нем. eile nach имеет прямое значение "догонять", "бежать вслед"), однако по здравом размышлении и аналогии с Лоссарнахом, который встречается дальше, название оставлено без изменения. На самом деле, если судить по названиям, получается разветвление цепи огней: сначала Амон Дин, далее Айленах (и, очевидно, от него на юг к Лоссарнаху), и продолжение основной — прямо на северо-запад, в Рохан (Нардол, Эрелас и Мин-Риммон — гондорские названия, а Каленхэд и Халифириен — уже явно ристанийские, и потому условно "переводимые").

Hill of Erech, он же Холм Присяги.

Ciril, Мутноречье.

Pinnath Gelin, Студёные Вершины.

Mark, местами переведено также как Герцогство или Рохан.

Попытка перевести эти строки ближе к замыслу автора аллитерационным (или хотя бы приближенным к нему) стихом была сделана гораздо позже основного перевода. Вот она:

Из серых лощин Сироколя бессветной зарёй
Капитанов и танов Теоден повёл за собой
В Эдорас древний, под тьмою скрытый,
Столбы золотые туман окутал.
Простился тут с огнём и людьми он,
И трон славным, и славным залом,
Где пир он правил, пока свет длился.
Вперёд скакал он, страх сзади оставив,
Судьбе навстречу. Верность хранил он,
Клятвы былые все он исполнил.
Вперёд скакал он. Пять дней, ночей пять
Вперёд и к востоку Всадников вёл он
Через лощины, леса и степи
Шесть тысяч копий к городу юга,
Мандбурга стенам у Миндоллуина,
В осаде врагов, в дыму пожарищ.
Рок гнал вперёд их, и тьма сокрыла
Бойцов и коней, копыт удары
Смолкли в молчанье. Так сказано в песне.

Более поздний перевод с попыткой соблюдения аллитерации:

Не надо плача! Пусть сильный пал,
Конец свой встретив. Курган высокий
Ждёт слёзы женщин. Нас зовёт сеча!

Гондорцев (прим. автора).

Вероятно, с оркского "шарку", что значит "старик" (прим. автора).